

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ:
НОЛЕНШИЯ

Сыщик для феи

Когда наступит
вчера

СЫЩИК
ДЛЯ ФЕИ
ВЛАДИМИР

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН
Сыщик для феи. Когда наступит вчера

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ:
КОЛЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

СВЕРЖИН

Сыщик для фей

Когда наступит вчера

издательство

ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА

2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С24

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

*Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн А.С. Сергеева*

Подписано в печать 19.10.05. Формат 84×108¹/₃. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2728.

Свержин, В.

С24 Сыщик для феи. Когда наступит вчера : [фантаст. романы] /
Владимир Свержин. — М.: ACT: АСТ МОСКВА: Транзиткнига,
2006. — 765, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-029744-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-1027-5 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2982-X (ООО «Транзиткнига»)

Частный детектив из маленького провинциального городка Виктор готов
КО ВСЕМУ уже по роду профессии. Однако расследовать преступления,
совершенные в КОРОЛЕВСТВЕ ФЕЙ, — это, пожалуй, слишком, даже для него!

Впрочем... на первый взгляд, дело о драконе, похитившем принцессу фей
в день свадьбы, кажется довольно примитивным — и к тому же хорошо опла-
чиваемым! Почему бы и не попробовать?...

Новое дело «сыщика для феи»!

Судьба — в образе очаровательной феи из Волшебной Службы Охраны —
настигла Виктора и его «доктора Ватсона» Вадима ВНОВЬ.

В мирной «младшей сестре Великой Груси» Субурбании произошло
ТАКОЕ, чему и названия-то нет: в единую ночь ИСЧЕЗЛИ король Барсиад и
весь его двор!

А на вакантный престол уже претендуют ставленник мздоимцев Злой Бодун
Ратников и — ставленник Великой Груси ВАДИМ!..

Поклонники Владимира Свержина!

Перед вами — озорной полет воображения, увлекательный сюжет — и
веселый, добрый юмор!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Свержин, 2003, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Сыщик для феи

Пролог

*Сказ о том, как Виктор Клинский дошел до жизни такой,
что ему начали являться феи*

Пауза затягивалась, как удавка на шее приговоренного. Сравнение противное, но верное. Мой собеседник глядел со смешанным чувством удивления и жалости, силясь найти слова, чтобы образумить великовозрастное дитя.

— Клин, ты рехнулся! — наконец произнес он.

Должно быть, это была историческая фраза, но в тот момент я еще об этом не подозревал.

— Я тебя слушал, теперь ты меня послушай, — не давая вставить слово, продолжил визави, делая отметающий жест рукой, чтобы заранее пресечь попытки дополнительной аргументации моей бредовой затеи. — Витец, ты у нас сказочный персонаж, в природе не встречающийся, — честный мент из столицы. Если хочешь, я посажу тебя в офисе и буду водить экскурсии посмотреть на эдакое чудо. Немалые бабки заколотим, между прочим!

— Бывший мент, — поправил я.

Что и говорить, мне, пусть и отставному офицеру угрозыска, не к лицу было соглашаться со столь легковесным обвинением в массовой продажности родной милиции, но моему старому другу Олегу Ратникову на это было наплевать. Это был его, предпринимателя, личный взгляд по ту сторону стола. Не бизнесмена, а именно предпринимателя.

Когда-то, на старте всеобщей погони за быстрыми деньгами, он сколотил первую трудовую тысячу «рэ», введя в тихом Кроменце моду на экзотических животных. Полгорода сбежалось посмотреть, как ко-

ренастый крепыш, бывший борец-вольник, выгуливает по бульвару на изящном поводке пятнистую крыску. Отбоя от покупателей в его зоомагазине не было.

Сейчас Олег торговал автомобилями. И основными достопримечательностями нашего древнего города теперь являлись: старая крепость, хранившая в памяти десятки штурмов, и вход в его фирму, над которым в качестве козырька элегантно красовалась передняя половина самого настоящего «мерседеса». К кому же, как не к нему идти за помощью в обуявшей меня страсти к частному сыску? Тем более что выросли мы в одной коммуналке и знали друг друга с горшечного возраста.

— Скажи, кого ты собираешься ловить в нашем богоспасаемом городе? Твои коллеги здесь изнывают от безделья и в конце квартала заставляют местных алкашей таскать у торговцев на базаре всякую мелочь, чтобы, тут же поймав их, оправдать собственное наличие. Я что же, для тебя буду мафиози из столицы экспортировать, или как?

— Ты не прав, — stoически оборонялся я. — Здесь тоже живут люди, и они несовершены. И для многих из них важен результат дела, а не его законодательная база. Многие из них доверят частному детективу то, что никогда не расскажут сотруднику милиции. Я на практике неоднократно сталкивался с этим.

— Ну-ну, — хмыкнул Олег недоверчиво. — Короче, так, сумма, о которой ты просишь, это фуфло. Но тут уж, как говорится, на спор. Я утверждаю, что дело прогорит. Поверь моему коммерческому чутью.

— Не прогорит, — упрямо набычился я.

— Ну, вот и славно. Значит, так: завтра у тебя на руках будут готовые документы на детективное агентство. Мы с тобой являемся соучредителями и совладельцами. Три месяца я вкладываюсь в твой проект. Если по истечении срока мы видим, что дело идет, — твоя взяла. Ты ничего не должен, работай, как знаешь. Если же я прав, твое агентство преобразуется в службу безопасности моей фирмы.

— Зачем тебе служба безопасности? — профессионально насторожился я.

— О! Я вижу, ощущение реальности все еще где-то рядом с твоими мозгами.

— Не надо передергивать! — возмутился я. — Тебе что-то угрожает?

— Конечно! Немощная старость лет через пятьдесят. Ладно, одно дополнительное условие: офис сделаешь в нашей квартире, моя ком-

ната в твоем распоряжении. А заодно и Ксюшу к делу пристроишь, а то она своего красавца выгнала, теперь сидит дома, какие-то авторучки собирает. Будет у тебя по телефону от клиентов отбиваться, кофе приносить в перерыве между перестрелками, на компьютере в приемной играть, видимость работы создавать, чтоб было за что ей деньги платить. А то ведь она девушка гордая, просто так бабки не берет, а пристроить мне ее некуда. Ну что, по рукам?

— По рукам, — обреченно кивнул я, понимая, что иных вариантов мне не найти.

Увы, с момента этого рукобития прошло три месяца. Точнее, три месяца без одного дня. И пока что деловое чутье не обманывало Олега. Сначала, правда, в «офис» заходили любопытствующие, привлеченные развесанными по городу рекламными листовками: «У вас проблемы? Решайте их с Клинским!» Однако, выяснив, что однотипного пива в агентстве не наливают, любопытствующие быстро оставили бывшую коммуналку на третьем этаже в покое, давая моей секретарше возможность беспрепятственно расставлять шарики на компьютере. А ее малолетней дочери Дашке разъезжать по длинному коридору на новеньком трехколесном велосипеде. Скрепя сердце приходилось признать, что прибыли от нашего предприятия хватило лишь на то, чтобы оплатить счета за электричество и телефон. Я уж было собрался звонить Олегу с сообщением, что выкидываю белый флаг и с завтрашнего дня готов приступить к новым должностным обязанностям, когда в дверь, постучав, вошла явно чем-то удивленная Ксюша.

— Прости, шеф, — обескураженно произнесла она, — ты не слишком занят? Тут к тебе клиентка.

— Клиентка?! — переспросил я со смешанным чувством радости и недоумения. — Зови, я через секунду освобожусь!

Секретарша исчезла за дверью, а я отпер несгораемый шкаф, чтобы убрать в него квитанции об оплате за электричество. Больше хранить в нем было нечего. В таком виде и застала меня нежданная, вернее, долгожданная, посетительница, приятная дама лет от шестидесяти.

— Добрый день. — Я почтительно склонил голову, демонстративно запирая металлический ящик четырьмя оборотами ключа. — Я Виктор Клинский, частный детектив. Чем могу быть полезен?

— Ах! — печально вздохнула клиентка, вынимая из сумочки кружевной платочек и прикладывая его к глазам. — Такое несчастье!

— Да вы присаживайтесь. — Я поспешил к посетительнице, чтобы проводить ее к кожаному креслу, стоявшему около стола. — Я весь внимание, сударыня. Что вас привело сюда?

— Это... Это такой кошмар... не знаю, с чего начать? Видите ли, Виктор, — комкая платочек в длинных тонких пальцах, произнесла дама, — у меня внучка пропала.

— Пропала внучка? — недоверчиво переспросил я. — Ваша внучка? У нас, в Кроменце?

— Да, — кивнула безутешная бабушка, всхлипывая.

— Сколько же ей лет?

— М-м... примерно двадцать два года, — чуть замешкавшись, проговорила собеседница.

— Может быть, она просто куда-нибудь уехала? Скажем, с приятелем.

— Нет. — Дама отрешенно покачала головой. — Девочка здесь никого не знала. Да и вообще, приехала в Кроменец лишь за тем, чтобы купить для меня тихий домик.

— Откуда приехала? — словно невзначай уточнил я.

— Из столицы.

— Угу. Хорошо, продолжайте.

— Она приехала сюда неделю назад, — со слезой в голосе заговорила клиентка. — Нашла подходящий домик, оформила документы и дала телеграмму, что ждет меня. А на вокзале... — Дама еще раз всхлипнула и не в силах больше сдерживаться зарыдала в голос.

Впрочем, дело прорисовывалось более или менее четко. Молодая девушка приехала в город, не имея в нем ни родных, ни знакомых, с крупной суммой денег. И исчезла. Одна странность: по логике преступления она должна была пропасть до того, как оплатила покупку дома. А из показаний заявительницы выходит, что документы уже оформлены и деньги уплачены. Стало быть, этот мотив преступления весьма под вопросом. Кто там знает, какая сумма была у нее изначально? Я нажал кнопку на пульте, вызывая секретаршу. Должно быть, она подслушивала за дверью, заинтригованная нашим первым серьезным клиентом, поскольку появилась, едва лишь прозвучал сигнал.

— Ксюшенька, пожалуйста, стакан воды, — скомандовал я.

— Сию секунду, шеф!

Вода пришлась весьма кстати. Посетительница пила большими глотками, стараясь заглушить клокотавшие в груди судорожные рывдания.

— Спа... спасибо, — благодарно произнесла она, справляясь с захлестнувшими ее эмоциями. — Сейчас-сейчас, я возьму себя в руки.

— У вас есть фотография внучки? — задал я традиционный при ведении подобных дел вопрос.

— Да, — кивнула моя собеседница, чуть успокаиваясь. — Совсем недавняя. Она фотографировалась уже здесь. — Пожилая леди покрылась в ридикюле и положила на стол обычный в наших краях снимок миловидной русоволосой девушки, наружности более чем три-виальной, как говорится, одна из многих.

За спиной улыбающейся девицы высились стены Кроменецкого замка, так, словно внучка моей нынешней клиентки присмотрела для любимой бабушки именно этот, утопающий в садах, домик. Такие фото на память о посещении исторической достопримечательности делал наш местный фотохудожник Володя. Я еще раз посмотрел на простодушное лицо на глянцевой бумаге и перевел взгляд на безутешную родственницу пропавшей.

«Странно, — мелькнула у меня в голове мысль, — бабушка выглядит куда как аристократичнее внучки. Одежда на ней дорогая, подобрана со вкусом, и украшения цены немалой. Интересно, камешки настоящие или высококачественные стразы? И прическа волосок к волоску.

Странно! Что же это выходит, столичный экспресс прибывает в Кроменец без четверти шесть утра. Внучка бабушку не встретила, но та, возможно, из телеграммы зная адрес, на такси благополучно добиралась до места. Каким-то загадочным образом попала в дом. Ну, предположим, у них с внучкой оговорен способ резервного хранения ключей, хотя этот вопрос надо уточнить. Но дальше, не обнаружив родимой кровиночки, мадам шуряет в салон красоты, наводит парадный блеск, точно собирается на прием к английской королеве, и является не к ней, а ко мне. А логичнее было бы в милицию. Что-то здесь не так, что-то не сходится!»

Я посмотрел на часы. Езды от вокзала в любой конец города не больше пятнадцати минут. Со всеми ожиданиями и причитаниями, к семи утра моя клиентка должна была быть в доме. Сейчас полдень. Интересно, где ее носило четыре часа? Может, сознание потеряла? Но валерьянкой от нее не пахнет, а пахнет дорогими духами, кажется, со смешным названием «Трезор». Действительно, что ли, в салон красоты ходила? Внучку там надеялась найти? Странно. Весьма странно. Ладно, по ходу дела выясним.

Заказчица продолжала утирает глаза платком, но, похоже, уже держала себя в руках.

— Пожалуй, агентство возьмется за это дело, — обнадежил я посетительницу, пододвигая к себе чистый лист бумаги. — Будьте любезны, паспортные данные вашей родственницы.

— Что? — словно выходя из оцепенения, переспросила она.

— Ну, имя, фамилия, отчество вашей внучки. Дата и место рождения.

Она начала диктовать, а я усердно записывать показания с ее слов.

— Кстати, прошу прощения, — перебила она сама себя, — кажется, я забыла представиться. Сами понимаете, — дама передернула идеальными даже для более юной особы плечиками, — такое горе! Меня зовут Аделаида Иларьевна.

«Да уж точно не Глафира», — усмехнулся про себя я, но лишь молча кивнул, завершая свою писанину. Затем проговорил, поставив точку:

— Аделаида Иларьевна, вы не будете возражать, если я заеду к вам осмотреть дом?

— Конечно, о чем речь! — немедля согласилась она.

— И последнее. Мои расценки...

— Ерунда. — Мадам достала из сумочки запечатанную пачку сотенных купюр. — Это на текущие расходы. Если потребуется еще, только скажите.

Я растерянно кивнул.

— Я буду ждать вас у себя дома, Виктор. Улица Маршала Черняховского, дом семь. Удачи вам, юноша. Очень на вас надеюсь.

Я сидел, недоуменно глядя то на пачку банкнот, то на удаляющуюся Аделаиду Иларьевну. Из ступора меня вывел звук защелкивающегося замка входной двери.

— Господи! — Я хлопнул себя по лбу. — А договор! Договор же она не подписала!

Я быстро открыл ящик и, выхватив девственно чистый бланк, хлопнул по нему печатью. Вперед, сыщик! Клиент уходит!

Три этажа, шесть пролетов. Дверь подъезда уже маячила передо мной, когда на улице взревел двигатель, потревоженный ключом в замке зажигания. Вылетев во двор, я замахал руками, желая остановить убитую горем заявительницу, и обмер. Черный, воронова крыла «феррари», стартовав с места, скрылся за углом быстрее, чем уда-

лось бы прокричать «А...» в заготовленной фразе: «Аделаида Иларьевна, вы забыли...»

Пожилая леди в «феррари» само по себе дело необычное, а уж «феррари» на направлениях, заменяющих нам дороги, — и вовсе не-бывалое. Не зная, что и подумать, я поднялся в «офис» и, открыв дверь, столкнулся с четырехлетней Дашкой, ясноглазой дочерью Ксюши. Руки ее были заняты охапкой Барби, Кенов и прочих пластмассовых дистрофиков, облаченных в шитые мамой наряды.

— А что, тетя фея уже ушла? — глядя на меня с укором, спросила пигалица.

— Дашка, не отвлекай дядю Витю своими глупостями! Иди лучше доедать кашу! — раздалось из кухни.

«Что-то здесь не так», — в который раз за последний час повторил я, входя в кабинет.

Глава 1

Сказ о том, что, ища истину, не след забывать о стакане

Лист с паспортными данными пропавшей без вести внучки сменился новым, авторучка с тихим щелчком явила почерневшее острье в ожидании стремительного проникновения мысли хозяина в самую глубь мрачной тайны. Первое самостоятельное дело в роли частного детектива было не просто запутано, а запутано намеренно. И что самое интересное, похоже, именно той, кому так настоятельно требовалась моя помощь. Впрочем, может быть, из-за полного отсутствия подозреваемых я попросту возвожу напраслину на несчастную родственницу пропавшей. Но бабуля на «феррари»?.. Нетипично, конечно, но, с другой стороны, машина явно внучкина, а внучка, как мы помним, из столицы. Причем наверняка вращается в серьезных кругах. Не в лотерею же она такую машину выиграла!

Первая строчка черных букв легла на заждавшийся лист. Уточнить круг общения, отработать записную книжку (если есть), пройти через столичных друзей установочные данные. Дальше: выяснить, с кем общалась пропавшая здесь, в Кроменце, за неделю пребывания.

Я посмотрел на фотографию, оставленную Аделаидой Иларьевной. У объекта поисков лицо овальное, волосы русые до плеч, впереди челка, нос прямой, чуть вздернутый, щеки полноваты, глаза серые или голубые, на снимке непонятно, губы в улыбке... губы обычные. Судя по характерной складке, скорее всего девушка часто улыбается. Подбородок, пожалуй, безвольный, хотя, может, это только кажется. Вряд ли такая девушка склонна к отрешенному уединению

в четырех стенах. Лето на дворе, туристический сезон в разгаре, в крепости статные добры молодцы из местного военно-исторического клуба в доспехах да при мечах фотографируются в элегантных по-зах за умеренную плату. По вечерам танцы-мансы, летние кафе источают ароматы жарящихся шашлыков и экзотической шаурмы. Наверняка желающие поближе познакомиться с хозяйкой этакой железной колесницы должны были отыскаться. Надо проверить, глядишь, какая ниточка и потянемся.

С чего начать? Ну, это даже не вопрос! Где может остановиться человек, приехавший в наш тихий городок на собственном «феррари», тем более если этот человек молодая девушка, а не браток со стволом под мышкой. Конечно же, в гостинице! Родных-знакомых, как утверждает ближайшая родственница, у девицы здесь нет, а оставлять эдакую роскошную тачку на стоянке у ворот одного из местных пансионатов — дело более чем рискованное. Да и вряд ли станет девушка на «феррари» жить в четырехкоечной конкурске с туалетом в конце коридора. Значит, в первую очередь надо отработать по гостиницам. Их у нас три. «Дом колхозника», что возле рынка, отпадает. От него даже непривычные к роскоши селяне нос воротят — барак бараком.

Гостиницу, носящую гордое имя «Сокол», проверить, конечно же, можно, но, насколько я знаю, номера в ней расхватали под офицы. Остается «Старая башня» — бывший «Интурист». К очередной годовщине города ее привели в божеский вид и осыпалась она еще не начала. Так что если мадемуазель действительно останавливалась в гостинице, то вероятнее всего, именно в ней. С этим более или менее ясно. Что еще?

Нотариус. Если документы оформлялись, значит, где-то они зарегистрированы. Придется отвлечь Ксюшу от домашних забот и компьютерных игр, пусть сядет на телефон — обзвонит оба местные агентства недвижимости и выяснит, кто зарегистрировал сделку. Остальная моя забота.

Что ж, для начала работы хватит. Побегать, конечно, придется. Но... Я посмотрел на запечатанную банковскую упаковку сотенных. Тут хоть знаешь, за что ноги топчешь. Впрочем... Я заговорщицки улыбнулся своему отражению в висевшем на двери зеркале, позволяющему обозревать не сходя с места и спину посетителя, и, отчасти, происходящее за окном. Чего, собственно говоря, стирать подметки, когда можно звякнуть компаньону и попросить оперативные колеса, благо у него их немерено. А заодно и ненавязчиво намекнуть,

что моя переквалификация в сторожа откладывается на неопределенное время.

Через пять секунд в трубке уже слышался знакомый баритон Олега.

— Алло, как дела? — радостно осведомился он. — На работе не бось не прдохнуть? Нива частного сыска обильно плодоносит? — с нескрываемой ехидцей поинтересовался он.

— Да тут дельце одно нарисовалось, — лениво начал я, — нужна кое-какая помощь.

— Давай попробую угадать, — все на той же ноте продолжил Ратников. — Пропала собака по кличке Дружок. Щенок белоснежный. Лишь рыжие пятна и какой-то там хвост. Нет проблем, иди в мой зоомагазин, я распоряжусь, тебе выдадут мешок «Педигри». На запах к тебе сбегутся собаки со всей округи. Нужный экземпляр вернешь счастливой хозяйке.

— Не совсем в точку, но, как говаривал Глеб Жеглов, поиск ведешь в верном направлении. Пропала девушка.

— Да-а! И кто же у нас безутешный Ромео? Я его знаю? — продолжал куражиться компаньон.

— Насчет Ромео как раз проблемы. Я бы и сам хотел узнать, есть он в наших краях или нет.

— Холмс, вы говорите загадками!

— Девушка приезжая. Может, ты видел ее транспортное средство — черный «феррари»?

— Хозяйка «феррари»? Ну ни хрена себе! — Тон моего собеседника изменился на потрясенно-изумленный.

— Ты ее видел? — не замедлил спросить я.

— Конечно! Такая тачка в нашей провинции! Конечно, видел, — возмутился главный автовладелец Кроменца.

— Я не о машине. Я о хозяйке, — перебил я.

— И ее пару раз мельком наблюдал. Машина-то на парковке у «Старой башни» стояла. Подруга, я тебе скажу, под стать машине, все при ней! — Олег даже причмокнул от избытка чувств.

— Да? А по фотографии не скажешь, — разочарованно протянул я.

— Ну, на вас, столичных светских тигров, не угодишь! А как по мне, так самое то. Ладно, а от меня тебе чего надо-то, компаньон? — перешел к делу Ратников.

— Пристойные колеса. По городу надо помотаться, а потом заехать в гости к ближайшей родственнице пропавшей. А это, я тебе

скажу, столичная штучка, не надо баловаться! Слово «порода» у нее золотыми церковнославянскими буквами через весь лоб написано. Сам понимаешь, иди к такой пешком как-то не солидно.

— Фигня делов! Не упадем мордой в грязь родных тротуаров! Рули в «Башню», я туда «ниссан-патруль» подгоню. Да, кстати, стрем предполагается?

— Вряд ли, но тут уж как карта ляжет, — пожал плечами я. Впрочем, мой собеседник не имел возможности наблюдать этот незамысловатый жест.

— Ну, если «вряд ли», — Олег сделал паузу, — значит, я тебе, пожалуй, Вадюню в качестве личного шо夫ера отряжу. Он все равно без дела мается.

Вадим Ратников, квадратный, как и все мужчины в этой большой семье, недавно вернулся из вооруженных изо всех сил рядов и теперь перегонял подержанные иномарки для фирмы брата. Не так давно, посреди Польши, его «фольксваген» тормознула шайка гоноровых шляхтичей с явными «дружелюбными» намерениями освободить Вадима от изнурительной работы перегонщика. Воспитанный в духе братской любви и дружбы, царивших в соцлагере, Вадюня позвонил в полицию из ближайшего населенного пункта и в меру сил объяснил, где оставил изувеченные тела самозваных регулировщиков дорожного движения. С тех пор на автобанах бывшей Речи Посполитой ему встречались исключительно гостеприимные улыбчивые аборигены.

Сейчас осложнений не предвиделось, но буде таковые появятся, Вадим был неоценимым подспорьем.

Лицо за окошком с надписью «Администратор» было аккуратно вписано в интерьер гостиничного холла и не вызывало желания обращаться с вопросами, как не вызывает его традиционный фикус в кадке.

— Я не уполномочена давать вам какую бы то ни было информацию, — произнесло лицо, и в глазах, как в окошечке кассы, загорелась сумма, увидав которую, я очень пожалел, что не поменял сотню по дороге в гостиницу.

— Да, конечно, — согласился я, не вступая в пререкания. — Но у меня для вас есть записка от одного очень хорошего человека. Думаю, вы его помните. — Я протянул строгой администраторше любовно сварганенное удостоверение частного детектива с вложенной купюрой.

— Так бы сразу и сказали, — заметно смягчилось лицо, открывая книжечку в кожаном переплете. — А-а... От него! — Стольник плавно спланировал в чуть приоткрытый ящик стола. На лице лица отразилось явное уважение, граничащее с гордостью. — Что ж вы молчали? Одну минуту. — Процесс просмотра книги регистрации жильцов прошел удивительно быстро. — Нет, — закончив водить пальцем по строчкам, подытожила суровая работница постоянного двора. — Такая здесь не останавливалась.

— Подождите-подождите, — затряс головой я, доставая фотографию, оставленную безутешной клиенткой. — Вот эта девушка, посмотрите внимательно, разве здесь не жила?

— Эта-а? — протянуло лицо, выдерживая паузу, точно спрашивая, не найдется ли у меня еще одной «записки». Но, так и не дождавшись, завершила фразу: — Останавливалась. Снимала трехместный номер вместе с двумя подругами.

Администратор вновь потянулась к заветной книге и, найдя нужную запись, назвала мне имена и фамилии трех девушек, ни одно из которых даже отдаленно не напоминало искомое.

— Странно. Очень странно. Вы не могли бы записать мне адреса и имена ваших постоялиц?

Моя собеседница потянулась за авторучкой.

— Вообще-то не положено...

— Ну, мадам, неужели мы не найдем с вами общий язык? — проникновенно заворковал я, врубая мужское обаяние на полную катушку.

— Ах, ладно! — Лицо улыбнулось, преображаясь в пусть не слишком симпатичную, но женщину.

Пока ручка скользила по бумаге, у меня было время хоть как-то осознать услышанное. «Вот так-так! У бабули приступ острого склероза и она забыла, как зовут родную внучку? Или же бедная девочка в спешке перепутала паспорт, а он возьми и окажись с удивительно похожей фотографией?!»

— Скажите, — как бы невзначай поинтересовался я, — может быть, кто-то из ваших сотрудников заметил, которая из этих девушек была хозяйкой черного «феррари», что стоял на прошлой неделе на парковке возле гостиницы?

От неожиданности дежурная распорядительница этажей и хозяйка коридоров чуть не выронила ручку.

— Да вы что?! Я же вам говорю, эти девушки снимали трехместный номер. А хозяйка «феррари», — в голосе моей собеседницы за-

шелестел китайский шелк раболепной почтительности, — занимала президентский люкс! Ее звали... — не заглядывая в книгу, с гордостью произнесла работница гостиничного сервиса.

Прозвучавшее имя говорило мне не более, чем три предыдущих. А главное, оно точно так же не напоминало имени бедной Красной Шапочки, похищенной, по словам любящей бабушки, таинственным Серым Волком. Или волками. Час от часу не легче!

— Скажите, вы своими глазами видели документы этой дамы?

— Да, конечно, — закивала администраторша, — и даже в номер ее проводила. Такая, знаете ли... красавица! Глазищи! Я подумала, наверно, фотомодель! Жгучая брюнетка...

Насколько я знаю, женщины редко признают внешнее превосходство вероятных соперниц, тем более если конкурентка лет на двадцать моложе. А уж такой восторг, присущий юному воздыхателю... Да-а! Выходит, наша-то бабуля не только в склерозе пребывает, но и с глазками у нее не все в порядке. Не ту фотографию от волнения прихватила! Очки ей надо носить толщиной с иллюминатор подводной лодки, а то, может статься, внучка вообще из дома не выходила, дрыхнет, не замеченная орлиным взором встревоженной родственницы. Очень занятное дельце вырисовывается!

Получив всю необходимую информацию и нежно распрошавшись с ответственной хранительницей «Старой башни», я вышел из гостиницы. Синий «ниссан-патруль» ждал меня у самого входа, а возле водительской дверцы, небрежно крутя на пальце ключ навороченного внедорожника, горделиво возвышался Вадюня, невзирая на свои метр восемьдесят восемь, казавшийся среднего роста из-за ширины плеч. Центнер хорошо прокачанных мускулов, отнюдь не лишенный интеллекта.

— Куда едем, Клин? — почтительно осведомился младший из братьев Ратниковых.

Я задумчиво посмотрел на него, невольно прикидывая, что эту машину еще не так давно я, для разминки, поднимал вверх одной рукой. Что и говорить, растут дети!

— Сейчас в крепость. Надо там кое с кем пообщаться.

— Ну, типа, как скажешь, босс! — Вадюня втиснулся в салон, и мотор «ниссана» угрожающе зарычал, пугая не спрятавшихся пешеходов.

Заняв свое место, я кинул печальный взгляд на огороженную ажурным забором стоянку, где еще не так давно обитал племенной жеребец итальянских автомобильных конюшен.

— Говорят, подруга с «феррари» пропала? — мигая фарами, спросил мой сегодняшний водила.

— Возможно, — неопределенно ответил я.

— Жаль, — со вздохом произнес Вадюня, аккуратно выруливая на трассу. — Бикса — закачаешься! Улет башке!

Я поморщился. Невольный перевод с молодежного сленга на привычный русский язык отвлекал от мыслей о бредовости происходящего. Неизвестная бабуля, которую по виду и бабулей-то не назовешь, приходит ко мне, обливаясь слезами, сорит деньгами и просит отыскать ненаглядную малышку, ни имя, ни внешний вид которой и близко не напоминают представленный ею же образец. Кажется, кто-то настоятельно хочет втянуть меня в аферу, вот только, убей бог, не могу понять в какую. Ладно, поиграем! Делать из меня идиота — занятие хлопотное.

— Жаль, номера «феррари» не знаем! — выходя из задумчивости, произнес я в пространство. — Я бы его вмиг через столичную управу пробил.

— Почему не знаем? — удивленно пожал плечами Вадим. — Я его прекрасно помню. Я типа когда тачку от фрицев гоню, автоматом десятки номеров запоминаю, чтоб, чисто, хвоста себе не отрастить. А тут такое навороченное точило!

— Вот и славно. Будем возвращаться из крепости, остановившись возле почты, я в столицу позовню.

— Ты че?! — От удивления Вадюня даже отвлекся от созерцания трассы. — А это что, в натуре, калькулятор? Какая почта! — Он ткнул толстым пальцем в закрепленный на специальной стойке мобильник. — Хоть в Австралию звони, все бесплатно. У нас эта труба по бартеру.

Я невольно вздохнул. В столице в прежние оперские времена о таком бартере можно было только мечтать.

Фотохудожник Володя, как всегда в ясные солнечные дни, охотился на расслабленных туристов в засаде у крепостных ворот. И поскольку в данный момент этих монетоносных муравьев в обозримой окруже не наблюдалось, был весьма рад меня видеть.

— Ого, я вижу, ты машиной обзавелся, — почтительно покачал головой он. — Серьезная вещь! Не желаешь сфотографироваться рядом? За полцены по старой дружбе.

Это была откровенная, ничем не прикрытая лесть, призванная раздуть тщеславие потенциального клиента. Конечно же, Володя

узнал, из чьей гавани эта железная джонка, тем более что Вадюю Ратникова на водительском сиденье не заметить было проблематично.

— Володя, я к тебе по делу, — обрывая дальнейшие поползновения запечатлеть мой светлый образ на «кодаке», заявил я. — Посмотри, — из кармашка моей рабочей папки появился давешний снимок, — ты эту девушку, случайно, не помнишь?

— Неужто сыскалась! — Володя выхватил карточку из моих рук.

— Кто сыскался? — настороженно начал я.

— Не кто, а что. Пачка с фотографиями! — выругавшись себе под нос, без промедления ответил фотограф. — На той неделе сфотографировал мамзельку, и как обычно: приходите завтра, все уже будет готово. Проявил, напечатал, все путем. Мамзелька приходит — снимков нет, как растворились! Пришлось за свои бабки печатать их заново и отсылать почтой в древний город Курск, где соловьи и дуга.

— Почему в Курск?

— Очевидно, потому, что она там живет, Ларин ты наш доморощенный! Она уезжала в тот день, когда пришла получать фотографии. Ну, ты же знаешь, я человек честный. Куда снимки делись, одному богу известно, но то, что их нет, — моя вина. Напечатал заново и отоспал. Кстати, где этот-то нашелся?

— Володя, я разберусь, потом все тебе расскажу, — чуть запинаясь, пообещал я, на ходу присоединяя новые колоритные детали к и без того бредовой картине преступления. Склеротичная близорукая бабуля, оказывается, еще и клептоманией страдает. И должно быть, каким-то психическим расстройством, толкающим ее на подобные дорогостоящие шутки. Хотя, впрочем, и клептомания тоже не заболевание рук.

— Слушай, Володь, а адрес девушки у тебя, случайно, не остался?

— Случайно, остался, — гордо заверил фотограф. — Сейчас найду.

Он развернулся и зашагал к стоящему поодаль треножнику с образцами творений мастера. Я с интересом посмотрел ему вслед.

Планшет стоит у ворот. Он всегда здесь стоит, это я точно помню. А девушку фотографировали правее — возле башни. Оттуда он не виден. У башни обычное место съемок. В тот момент, когда Володя запечатлевал очередного посетителя крепостных стен, у похитителя было вполне достаточно времени, чтобы вытащить пакет с фотографиями. Черт возьми, в какую же игру здесь играют!

— На. — Вернувшийся творец протянул мне исписанный клочок бумаги. — Пользуйся, общайся. Будешь жениться, позови на

свадьбу. Я тебе замечательные снимки сделаю — память на всю жизнь!

— О-бя-за-тель-но! — абсолютно искренне пообещал я. — Спасибо, ты очень помог. Вадим, заводись, поехали!

В старом фильме о гражданской войне некий буржуинский сатрап говорил: «Как банальны бывают люди, стремясь действовать оригинально». Вот и мой случай под стать этому утверждению. Понятное дело, почтеннейшая Аделаида Иларьевна затеяла какую-то хитроумную аферу то ли вместе со своей сообщницей, то ли, наоборот, против нее. И сама себя перемудрила. Неужели она надеялась, что я куплюсь на ее доморощенные хитрости? Или это у нее, так сказать, первая проба и мадам попросту не представляет себе направление следствия?

В любом случае самое время позвонить в столицу и, как говорится у нынешних «знатоков», попросить помочи клуба. Пусть проверят машину, да и саму новоявленную жительницу Кроменца. Не плохо бы уточнить в архиве, не проходила ли эта элегантная особа по криминальным делам в прежние годы. Правда, сообщить о ней можно пока немного: имя-отчество скорее всего липовые; словесный портрет — вещь, конечно, хорошая, но не в случае, когда необходимо найти одну из тысяч подобных. Кто знает, может, это она здесь элегантна, как рояль, а вчера в поезд садилась согбенная старушка с клюкой и в белом платочке. Вот были бы отпечатки пальцев... Стоп! Почему были бы?

Я быстро распахнул папку с материалами, так, словно надеялся, что заветное решение уже лежит в ней, дожидаясь просветления в уме сыщика. Вот она, фотография псевдовнучки, на глянцевой поверхности которой наверняка есть вожделенные пальчики!

Увы, я был прав. Отпечатки на снимке имелись. Их было более чем достаточно: мои, администратора гостиницы, Володи... Точно глумясь надо мной, они накладывались друг на друга, создавая полнейшую мешанину затертых следов. Да-а, тут я, пожалуй, погорячился. Но кто мог подумать, что рыдающая как белуга страдалица начнет выкидывать такие фортели?!

В моей голове очень явственно высветилась картина, где Аделаида Иларьевна испивала водицу из стакана, заботливо принесенного Ксюшей. Жалостливые всхлипы, зубы, стучавшие о край стекла, — все актерство, сплошное актерство! Стоп! Господи, как же я сразу не подумал — стакан! Когда я выходил из кабинета, он стоял на столе.

На нем должны были остаться весьма четкие следы. Я захлопнул папку и выхватил из гнезда телефонную трубку. Пять цифр номера, и знакомый голос секретарши в динамике вежливо произнес:

— Алло, добрый день. Детективное агентство Виктора Клинского всегда готово прийти вам на помощь.

— Ксюша, это я...

— Шеф, я все сделала, нотариуса нашла. Он сперва отпирался, говорил, мол, служебная этика запрещает и все такое прочее, но я намекнула, что это нужно Олегу, а он у Ратникова запчасти для «форда» берет. Сознался, что акт покупки дома регистрировал и ближе к вечеру тебя, шеф, ждет в гости.

— Умница! — похвалил я расторопную сотрудницу. — Другое мне скажи, ты посуду вымыла?

— Конечно, — гордо созналась аккуратистка. — После обеда ее не так уж много...

— Я не об этом! Ты стакан, который у меня на столе стоит, забрала?

— Н-нет, — удивленно отозвалась Ксюша. — Ты же сам велел к столу без тебя не приближаться. Но если надо, сейчас помою.

— Ни в коем случае! — заорал я, точно намеревался докричаться до офиса, минуя телефонную сеть.

Вадюня покосился на меня с недоумением.

— Клин, ты че, в натуре?

Я лишь отмахнулся.

— Ксюша, пусть все стоит, где стоит. Сейчас приеду.

— А что, в бокале яд? — пискнула ошарашенная натиском соседка.

— Ксения, что ты морозишь?! Ты же сама в него воду наливала. Жди и ничего не трогай!

Я мчался в офис, точно он мог с минуты на минуту отбыть в неизвестном направлении, но, слава богу, к моему приезду здание все еще находилось на месте, кабинет был в целости и сохранности, и прозрачная стеклянная емкость гордо возвышалась посреди столешницы памятником человеколюбия. В следующую минуту, достав из под стола заветный чемоданчик со всем необходимым для экспресс-экспертизы, я уже подобно трудовой пчеле опылял «вещественное доказательство» спецсоставом, проявляющим следы папиллярных линий.

— Та-ак! — проговорил я, когда на поверхности стакана не осталось ни одного квадратного миллиметра, не подвергнутого присталь-

ному осмотру. Потом вновь повторил, не находя слов для выражения обуревавших меня чувств: — Та-ак! — Потом завопил, пугая подглядывавшую в щелку Дашку: — Ксюша, немедленно сюда!

Переполошенная секретарша примчалась на крик, вытирая руки об изношенный фартушек.

— Вить, ты чего разорался!

— Ксения, дай-ка пальчики. — Я ухватил соседку за руку и, бесцеремонно повернув ее ладонью вверх, впился в витые пальцевые узоры.

— Ты чего, шеф, на солнце перегрелся? — возмутилась девушка, выдергивая руку.

— Та-ак! — в который раз повторил я.

— Вить, что случилось? — В ее тоне возмущение уступило место озабоченности. — Что-то произошло?

— Произошло, — сквозь зубы прошел я. — Смотри, — я указал на четкие следы на стекле, — это твои.

— Ну и что? — озадаченно спросила Ксюша.

— Ничего, — пожал плечами я. — А где отпечатки пальцев Аделаиды Иларьевны?

— М-м... Не знаю. Может, ты плохо смотрел? — удивилась подруга детства.

— Я хорошо смотрел. Иных следов здесь нет. Вообще. Даже намека на след. Так, словно, когда наша утренняя посетительница воду пила, стакан висел в воздухе. Ты его точно потом не трогала? — на всякий случай переспросил я.

— Шеф, я же тебе говорила, после твоего ухода я вообще сюда не заходила, — обиделась Ксюша.

— Волшебство какое-то! — пробормотал я. И откидываясь в кресле, добавил трагическим шепотом: — Ступай, мне надо подумать.

Невзирая на позу для раздумий, толковых мыслей в голове не прибавилось. С одной стороны, отсутствие искомых отпечатков было лишь очередной из обнаруженных нынче странностей. С другой стороны, черт возьми, не могли же пальчики сами по себе уйти в неизвестную даль с того места, где должны были находиться! Весьма странное дело! Самое время подключить «центр» и попробовать выяснить, не было ли там засветок моей недавней клиентки?

Я спустился во двор, где ждал Вадюня, и, воспользовавшись его любезным предложением, не замедлил обременить бывших коллег излишком скопившихся у меня вопросов. Можно подумать, у них своих проблем не было!

Остаток дня продолжал преподносить сюрпризы один страннее другого, точно фокусник, достающий голубей из рукава. Никто из служащих вокзала сегодня не видел элегантной пожилой дамы, ожидающей приезда опоздавшей внучки. Никто из таксистов не подвозил обозначенную клиентку по адресу улица Маршала Черняховского, 7. И по другим адресам тоже не отвозил. Никто из поездной бригады Кроменецкого экспресса не мог припомнить, чтобы женщина, подходящая под данное мной описание, выходила из вагонов в Кроменце. И это было еще не все!

Найденный Ксюшой нотариус, оформлявший сделку, к моему, да, похоже, и к своему собственному удивлению, никак не мог припомнить, как выглядела клиентка, покупавшая дом. Можно подумать, что за день через его руки проходили тысячи подобных покупательниц. Но самое забавное, что в толстой нотариальной книге, в которой он регистрировал все оформляемые бумаги, черным по белому было записано, что дом приобретает непосредственно сама Аделаида Иларьевна и что сделка скреплена ее собственноручной подписью. Конечно, внучка вполне могла оформлять бумаги по доверенности, но в книге никаких отметок на эту тему не было. Собственноручная подпись!

В общем, непонятных фактов становилось все больше, а здравого смысла в деле «о пропавшей родственнице» все меньше. Самое время было отправиться к месту вероятного исчезновения, в гости к любезной Аделаиде Иларьевне.

Мы с Вадюней уже подъезжали к застроенной аккуратными коттеджами улице Маршала Черняховского, когда трубка, внезапно пробудившись, огласила салон бравурными аккордами «Оды к радости».

— На трубе! — нажал кнопку Вадюня.

— Капитана Клинского, — донеслось из мобильника. — Он там рядом? В смысле... Виктора Клинского.

Мой соратник по неравной борьбе с преступностью Михаил Потапов, по прозвищу Михал Потапыч, никак не мог смыкнуться с отставкой старого друга.

— Слушаю, — отозвался я.

— Алло, Витя, слушай сюда! — загрохотал знакомый голос. — Кое-что я для тебя нарыл. Короче, «феррари» с такими номерами в столице не значится. Да и вообще, в городе всего три «феррари» и все сейчас в наличии. А вот с номерком сложнее. Номерок действи-

тельно наш. Принадлежит он двадцатилетнему «жигуленку», который на той неделе продали на дрова. Соображаешь?

— Конечно, — отозвался я. — А что по людям?

— Никакая Аделаида Иларьевна со времен царя Панька в наших пенатах не проживала. Вторая фигурантка: или да, или нет, или может быть. По справке АСБ¹ есть женщины с такими данными, но даты рождения не совпадают. Я на всякий случай прозвонился участковым, чтобы они мне установочные данные подогнали, но, по-моему, это пустышка. Там одной семнадцать лет, другой тридцать шесть, а третья вообще пенсионерка и проживает сейчас в доме престарелых.

— Понятно, — процедил я. — Дай отбой участковым, это не мои.

— Ну, как скажешь, — добродушно согласился Михал Потапыч.

— В любом случае спасибо за помощь. Отбой связи.

Вот так-то. Вот вам и Аделаида Иларьевна. Вот вам и внучка. Впрочем, а чего, собственно говоря, я ждал?

Уютный двухэтажный домик, стоящий на улице любвеобильного маршала, утопал в зелени, и, судя по всему, с широкой террасы второго этажа, предназначеннной для неспешных чаепитий, открывался прелестный вид на Старый город и перечеркнутую золотыми крестами соборов вечернюю зарю. Гостеприимная хозяйка коттеджа, уже несколько оправившаяся от «утреннего потрясения», любезно пригласила следственную бригаду в дом. Однако, сославшись на необходимость уточнить еще кое-что, я временно откланялся, оставив Вадюню за старшего. Как бы то ни было, ночи летом короткие, светает рано, а стало быть, имело смысл поспрашивать у соседей, не заметили ли они случайно утром чего-нибудь необычного.

И снова выстрел в «молоко». Сегодня, как и вчера, и позавчера, и далее в глубь веков, все тихо-чинно, никаких странностей. Свет в доме номер семь горел за полночь, но никто не выезжал из него и, кажется, не выходил. Утром в округе тоже ничего подозрительного не видели и не слышали. Уличка тихая, автомобили ездят редко и в основном свои. Нет, определенно, утром никто не приезжал.

Возвращаясь к Аделаиде Иларьевне, я остановился у киоска купить минералки. Наверняка сейчас хозяйка предложит что-нибудь выпить. Отказываться неудобно, а соглашаться при открывшихся обстоятельствах, пожалуй, не стоит. Лучше уж, сославшись, скажем, на разыгравшийся гастрит, заявить, что пьешь только минералку и, совершенно случайно, вот она с собой. Пока киоскерша отсчитывала

¹ АСБ — адресно-справочное бюро.

ла сдачу, я стоял, созерцая ворота, в которые должен был войти, стараясь продумать дальнейшую линию поведения.

Не прошло и суток с момента появления моей клиентки в агентстве, а я уже достоверно знаю, что девушка на фотографиях не стоит в родстве с заказчицей расследования. Что сама Аделаида Илларионовна и ее вероятная внучка никогда не проживали в столице, во всяком случае, под этими именами. Что с документами у них происходят диковинные трансформации. Что вызывающий обильное слюноотделение у местной публики «феррари» ездит с чужими номерами. Что сегодня спозаранку отсюда никто не выезжал и сюда никто не въезжал. И что совсем несуразно — почтенная леди не оставляет после себя отпечатков пальцев. Не уничтожает, а именно не оставляет! Право, неплохо для первого дня поисков. Вопрос только, стоит ли продолжать наше плодотворное сотрудничество при столь пикантных обстоятельствах.

Рассчитавшись, я отправился к дому номер семь. Во дворе, пританцовывая от нетерпения, дождался младший Ратников.

— Слушай, Клин, — начал он взволнованно, хватая меня за руку и наклоняясь к уху. — Твоя эта самая, она того... часом, не инопланетянка?

— С чего ты взял? — уставился на него я.

— Клин, — быстрым шепотом заговорил детинушка, — ты не думай, я типа не с дуба рухнул. Я конкретно говорю. На площадке возле гаража ее точило стоит, я его руками помацал — это полный ататуй!

— Яснее говори! — потребовал я.

— В натуре, это не автомобиль, это чисто летающая тарелка! «Челленджер», мать его ети! Он сплошной!.. Капот, бензобак, все сплошняком — ничего не открывается, типа нарисованное! Да ты сам глянь! — Он потащил меня к открытому гаражу, где рядом с Олеговым видавшим виды «ниссаном» красовался умопомрачительный кабриолет.

Я подошел поближе. Мне показалось, что вздыбленный вороной скакун на золотистом щитке под полосами цветов итальянского флага недобро скосил на меня глаза. Но должно быть, только показалось.

Вадюня был прав. Даже в наступивших сумерках в полутьме гаража было видно, что автомобиль, неделю преследовано разъезжавший по бездорожью Кроменца, автомобиль, который нынче утром буквально улетел у меня из-под носа, — НЕВОЗМОЖЕН!!! Подобно

дешевой китайской модельке, он имел лишь едва обозначенные контуры подвижных частей. Слава богу, хоть колеса на месте! Но я лично был свидетелем — он ездил!

— Вадим, оставайся здесь. Будь наготове. Если что, я дам тебе сигнал.

— Клин! — Ратников прижал к груди пудовый кулак. — Только свистни! Заровняем ее под ноль!

— Надеюсь, этого не потребуется. — Я с сомнением почесал бровь и, обреченно вздохнув, направился к дому.

Как я и ожидал, мои заверения, что следствие продвигается и уже располагает кое-какими фактами касательно исчезновения бедной девушки, произвело на Аделаиду Иларьевну благоприятное впечатление.

— Если не возражаете, — любезно продолжил я, — мне надо осмотреть дом, проверить комнату вашей внучки. А потом, если вы сейчас в состоянии отвечать, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Конечно-конечно, — закивала хозяйка. — Пойдемте, я вам все покажу.

Прихватив драгоценный чемоданчик со всем необходимым для экспертизы, я последовал за Аделаидой Иларьевной на второй этаж, в спальню «канувшей без вести» девушки.

— Вы пока смотрите, — напутствовала любезная клиентка, — а я, пожалуй, на скорую руку что-нибудь приготовлю. Наверняка вы толком не обедали.

Оставшись один, я немедля приступил к делу, изображая из себя небольшую пылевую бурю в районах возможного соприкосновения пальцев с поверхностью предметов: выключатель, дверные ручки, прикроватная тумбочка... Через пять минут я нашел, что искал. Вернее, не нашел то, что искал. Вернее, обнаружил то, чего не было... Отпечатки пальцев отсутствовали во-об-ще. Абсолютно. Может быть, Вадим был прав, и Аделаида Иларьевна, готовящая внизу скромный ужин, вовсе не человек, а гуманоид из какой-нибудь Альфа Центавра? И разыскивает она не внучку, а, скажем, враждебного гуманоида из Тау Кита. Но в любом случае следствия это не касается, и если Аделаида Иларьевна не желает аннулировать заказ, а, судя по всему, она этого делать не желает, ей придется внятно ответить на скопившиеся вопросы.

Хозяйка дома уже поджидала меня за столиком, уставленным тарелками с бутербродами и наскоро нарезанным салатиком.

— Присаживайтесь, Виктор. — Она указала на место напротив себя. — Что предпочитаете к вечерней трапезе? Вино, эль или что-нибудь покрепче?

— Минералку. — Я вытащил из чемоданчика принесенную бутыль и немилосердно свернул голову крышке. — Гастрит, знаете ли.

— Прискорбно в столь молодом возрасте, — покачала головой мадам.

Нет, положительно, на гуманоида она не походила.

— Вы хотели задать мне какие-то вопросы? — поинтересовалась она. — Я вас слушаю.

Слушать моей клиентке пришлось довольно долго. Понятное дело, на первый случай я не стал выкладывать имевшуюся у меня информацию целиком. Всему свое время. Сейчас главное было заставить мою более чем странную заказчицу отвечать на поставленные вопросы.

— ...И заклинаю вас, почтеннейшая Аделаида Иларьевна, потрудитесь объяснить, каким волшебным образом отпечатки пальцев отсутствуют на всем том, к чему вы прикасаетесь? — завершил я свой пылкий монолог.

— Каким волшебством? — переспросила загадочная леди, улыбаясь неизвестно чему. — Да вот каким! — Она хлопнула в ладоши.

Из-за кухонной двери возникли два угрюмого вида мордоворота, с до безобразия бугристыми мышцами в странного вида доспехах с массой шипов. Буквально топ-модели клуба «Эге гей!». В руках качки сжимали кривые разделочные ножи с похабными отростками и зубчиками, точно выкованными по заказу иллюстратора фэнтезийных боевиков. Размахивая своими тесаками, монстроидные уроды двинулись на меня.

— Какого черта! — вскричал я, переворачивая столик.

Годы тренировок учат быстро оценивать противника. Такие горы мяса, пусть даже с железяками в руках, не соперники для опытного борца: дыхание отсутствует, движения медленные, координация, как у контуженного осьминога. Оружие психического воздействия, не более того. Перехват запястья, поворот, удар наотмашь по глазам и бросок туловища под ноги второго наступающего собрата. Теперь осталось только помочь им не подняться...

— Всем на пол! Положу к едрене фене!

В комнату, срываю с петель двери, ворвался Вадюня, хищно подводя из стороны в сторону стволом помпового ружья.

— Ой! — испуганно взвизгнула Аделаида Иларьевна и щелкнула пальцами в направлении Ратникова.

Вороненый «мосберг», вырванный неведомой силой из могучих рук моего помощника, взмыл под потолок, точно воздушный шарик, наполненный гелием. Но это еще что! Сам Вадюня, пытавшийся, видимо, угнаться за дробовиком, так же парил в воздухе, не касаясь ступнями пола.

— Браво, Виктор! Браво! — захлопала в ладоши моя клиентка, и я с недоумением заметил, что там, куда попала пролившаяся минералка, строгий английский костюм преображается в тончайшее шелковое одеяние. — Вы прошли экзамен! Но только я не волшебница. Я — фея.

Глава 2

Сказ о том, что есть там, где нас нет

Должно быть, мой взгляд являлся лучшим доказательством того, что слова загадочной клиентки были правильно рассыпаны. Вдосталь налюбовавшись произведенным эффектом, мадам взмахнула рукой, отменяя все только что произошедшее, и поверженные мордовороты исчезли, растаяли в воздухе, словно никогда и не существовали. Оружие само собой вернулось в руки Вадима, подошвы его кроссовок коснулись пола, но сам он так и остался стоять в нелепой улетающей позе.

— На всякий случай, — пояснила Аделаида Иларьевна, вернее...

Я молча затряс головой, пытаясь отогнать наваждение. Вернее, ее внучка! Ибо в тонком шелковом одеянии, посверкивающем при движении золотистыми искрами, передо мной стояла черноволосая красавица с огромными голубыми глазами, точь-в-точь такая, как описывали ее свидетели.

— Да-да, я фея, — продолжила очаровательная хозяйка. — И умоляю вас, прекратите смотреть на меня так удивленно! Иначе мы никогда не перейдем к делу.

За годы работы в уголовном розыске я навидался всякого. И преступников, выглядевших, как британские лорды, и отцов народа, смотревшихся изысканным украшением скамьи подсудимых. Но фея — это уж чересчур!

— Вы успешно завершили порученное вам дело, — продолжала красавица мягко, точно успокаивая. — Если хотите, можете немедленно получить свой гонорар. Но мне действительно нужна ваша помощь, ради чего я и устроила это испытание.

— Да, я слушаю вас, — через силу выдавил я, и звук собственно го голоса показался мне чужим, словно говорил кто-то в соседней комнате.

— Вот и славно. Видите ли, Виктор, — фея поудобнее устроилась на выдавшем виды диване, должно быть, оставшемся от прежних хозяев, и навела указательный палец на валяющийся журнальный столик, — все дело в том, — столик сам собой перевернулся и уверенно встал на четыре ноги, — что в тех краях, откуда я родом, мы, феи, являемся одной из коренных народностей. И хотя даже там нас немного, сама по себе принадлежность к этому древнему роду ни у кого не вызывает удивления. Я непременно расскажу вам историю моего народа, но как-нибудь в другой раз. А сейчас вернемся к делу.

Пятнадцать лет тому назад я была приглашена ко двору короля Базилея IV, чтобы воспитывать и оберегать его единственную дочь, полное имя которой... вам не запомнить. Да и не выговорить. Дома все ласково зовут ее просто Маша. Когда меня пригласили к королевскому двору, крошке был всего лишь год. Ее несчастная мать умерла незадолго до того, и я, как могла, заменила ее маленькой принцессе. Пятнадцать лет я не отходила от своей юной воспитанницы, оберегая от злых чар и дурного глаза и обучая всему, чему фея может обучить человека. И вот как только Маше исполнилось шестнадцать лет, к ней посватался принц Элизей из соседней державы. Славный такой витязь и просто хороший мальчик. Они с малышкой часто встречались в прежние годы, — фея невольно всхлипнула, — ну и, как водится, полюбили друг друга. Король-отец не стал идти против воли обожаемой дочери и дал согласие на их брак. По обычаяу, после помолвки принцесса уединилась в Невестиной башне, стоящей поодаль от королевского дворца, ибо никому не позволено видеть нареченную за месяц до церемонии скрепления любовных уз.

— Интересно, — проговорил я, нащупывая в создавшейся невероятной обстановке ниточку хоть чего-то близкого и понятного, пусть даже очередного преступления.

— Когда влюбленные желают навечно связать две жизни в одну, их души открыты всему свету, они хотят осчастливить весь мир, всех и каждого. Но среди людей всегда найдутся тайные завистники или

же попросту гнусные душонки, желающие заронить каплю черного яда в открытое сердце. Живя в Невестиной башне, невеста надежно защищена от злого морока и темной нави. К тому же у нее вполне достаточно времени, чтобы сшить наряд, в котором она предстанет перед суженым, изучить рецепты изысканных яств, которыми надлежит потчевать избранника для разжигания в душе и теле его великой страсти... Ну и всякое такое. — Фея чуть отвела глаза, не желая пояснять какое «такое».

— Угу. — Я вытащил из кармана джинсов потрепанный блокнот с пристегнутой ручкой и, найдя свободный лист, начал делать для себя пометки. — Сколько она находилась в башне?

— Месяц, — без запинки ответила Аделаида Иларьевна.

— Ме-есяц, — задумчиво повторил за ней я. — А когда вышла оттуда, с ней было все в порядке?

— Да, — подтвердила опрашиваемая.

— Вы видели это собственными глазами?

— Н-нет. Я ждала Машу в церемониальной зале...

— Понятно. Так и запишем: прямого свидетельства нет. Скажите, будьте любезны, — продолжил я, уже вполне обретая привычную почву под ногами, — в ваших краях есть обычай надевать на невесту такое, знаете ли, полупрозрачное покрывало?

— Да, конечно, — закивала фея, — до самого алтаря никто не имеет права видеть лицо, а особенно глаза новобрачной.

— О-очень предусмотрительно, — согласился я, акцентируя внимание на том, что никто на самом деле не может поручиться, что из одиночно стоящей башни, расположенной поодаль от королевского дворца, вышла именно та самая девушка, которая вошла в нее месяц назад.

— Но, Виктор, — попыталась прервать мой опрос волшебствующая клиентка, — я ведь еще не рассказала вам, что произошло!

— Давайте так, — я закрыл блокнот и начал постукивать по его переплету авторучкой, — я попробую сам рассказать вам, как обстояло дело. А вы, если я допущу какие-либо важные детали, меня поправите.

Фея взорвалась на меня удивленно. Я невольно улыбнулся, как ни крути, а удивить фею... В этом что-то есть!

— После того как ваша подопечная вышла из башни, — начал повествование я, — она в сопровождении множества слуг и стражи направилась в замок. В ту самую залу, о которой вы уже упоминали. — Фея молча кивнула, подтверждая мое предположение. — От-

лично. Но как только девушка переступила порог, произошло что-то со светом, раздался звон разбитого стекла, среди придворных началась паника, а когда прибежала стража с факелами, принцессы в помещении не обнаружилось.

— Верно, — почти шепотом завороженно произнесла Аделаида. — А откуда вы знаете?

— Опыт, видите ли, — чуть надменно усмехнулся я. Не рассказывать же фее, что в детские годы волшебные смотрел фильм «Руслан и Людмила»! — Надеюсь, вне дворцовых стен вы искали?

— Да, — околованная моей неслыханной проницательностью, подтвердила чародейка.

— Берусь утверждать, что в небе в это время пролетал неопознанный объект? — продолжал я пересказывать сюжет известной сказки.

— Дракон, — удивленно кивнула красавица.

«Осечка», — про себя подумал я, подсознательно настроившись услышать сообщение о длиннобородом карлике, промышлявшем, по словам великого русского поэта, национальным спортом темпераментных горцев — похищением из-под венца хорошеных невест. Но вслух произнес лишь:

— Ну конечно! Как же иначе? С тех пор, полагаю, никаких писем с требованием выкупа не поступало?

— Нет. — Фея отрицательно покачала головой.

— Угу. Ну, в общем, как обычно, — заверил я подопечную.

— Великолепно! Великолепно! — Моя собеседница захлопала в ладоши. — Я вижу, что не ошиблась в вас. Вы именно тот, кто мне нужен.

— Вас послал безутешный отец-король? — делая строгое лицо, точь-в-точь на плакате «Тише — враг подслушивает!», поинтересовался я.

— Нет, — огорченно вздохнула магическая воспитательница. — Я сбежала.

— Сбежали?! — не на шутку удивился я.

— Увы! Его величество Базилий IV устроил такой скандал и дым коромыслом, что я попросту испугалась. Он потребовал, чтобы я отыскала его дочь, мою воспитанницу. Ведь я поставлена отвечать за ее безопасность и непременно отвечу по всей строгости закона, если Маша не вернется во дворец целой и невредимой.

— А это, насколько я понимаю, не в ваших силах, — высказал я догадку.

— К сожалению, вы правы, — невесело согласилась моя собеседница. — Я даже не представляю, с чего начать! Я испробовала все, что в моих силах, но ничего не помогло. Вот и дала стрекача — кому охота с головой проститься. Можно было, конечно, идти, куда глаза глядят, да высматривать у встречных-поперечных, не видал ли, не слыхал ли кто о пропавшей принцессе? Да вот только в какую сторону идти? Может, идешь вперед, а пропажа-то как раз у тебя за спиной, так что с каждым шагом от нее все дальше отходишь. И вот, — фея печально вздохнула, — я здесь. Отдышалась, осмотрелась, совершенно стало. Я в тепле и уюте, а Маша, быть может, в сырой пещере у дракона томится. Вот и подумала, надо сыскать ряного одиんだ-следовавца, дабы он, используя сноровку свою, вернул кровинушку в отчий дом.

— А счастливый король, — в тон ей продолжил я, — отвалит мне за это полцарства. И руку дочери в придачу.

— У нас королевство, — озадаченно проговорила фея. — Царство поблизости только одно. Царство Вечных Льдов. Но на него никто не претендует, так что можете забирать все. А вот насчет руки... Настоятельно вам не рекомендую об этом упоминать. Жених Маши, принц Элизей, один из первейших воинов нашего времени. И от невесты своей он ни почем не откажется.

— Понятно, — усмехнулся я. — Да на самом деле я в общем-то не претендую. Это так, к слову пришлось.

— Вот и прекрасно, — приободрилась фея. — А то уж я было подумала... Вы не сомневайтесь, Виктор, наш король человек щедрый, в обиде не останетесь. — Она пытливо заглянула мне в глаза, надеясь увидеть в них ответ. — Так что, согласны отправиться на поиски малышки?

— Сударыня, утром я обещал отыскать вашу внучку, и, если на поверку она оказалась не внучкой, а воспитанницей, это отнюдь не отменяет моего обещания. Только будьте любезны, — я вытащил из рабочей папки отпечатанный текст договора, — скрепить наше соглашение подписью. И еще, если вас не затруднит, пожалуйста, верните моего помощника в исходное состояние.

— Пожалуйста, — улыбнулась фея, делая изящный росчерк под документом. — Зовите меня просто Делли. — И, отодвинув от себя договор, щелкнула пальцами.

Мой широкоплечий соратник резко выдохнул:

— А! — И, чуть подпружинив на полусогнутых коленях, с явным недоумением обвел глазами гостиную и спросил: — А эти где?

— На холодильнике, — немедленно призналась Делли.

Вадюня недоверчиво покосился на улыбающуюся девушку, очевидно, пытаясь сообразить, куда девалась Аделаида Иларьевна.

— Клин, ты ее, чисто, контролируешь? — недоверчиво поглядывая на мою собеседницу, прощедил он.

— Контролирую, — заверил я, не желая расстраивать младшего Ратникова, явно намеревающегося поиграть в крутого оперативника.

— Я проверю кухню, — перекатывая желваки на скулах, заявил он и, не дожидаясь моего согласия, пнул ногой дверь. — Всем конкретно оставаться на своих местах, руки за голову! — завопил он.

— Пожалуйста, поаккуратнее с дверьми, юноша! — вслед ему крикнула Делли, но тщетно. Вадюня уже скрылся в маленькой кухоньке. Вернулся он минут через пять, ошарашенно волоча за собой «мосберг», точно кораблик на веревочке.

— Они там, — обалдело промолвил он. — В натуре!

— Где? — недоуменно помотав головой, спросил я.

— На холодильнике...

— Понимаете, Виктор, — пустилась в объяснения фея, — как вы сами видите, я купила этот дом вместе с кое-какой мебелью и утварью. Среди этого и большой шкаф-ледник, именуемый у вас холодильником. Так вот, на нем было два крошечных портрета тех самых воинов, которых вы столь доблестно одолели полчаса тому назад.

— Приколись, наклейки от жевательных резинок, — пояснил Вадюня.

— Быть может, — согласно кивнула Делли. — Должна же я была испытать вашу силу и доблесть! Вот и вывела их образы. Навредить вам они не могли, а вот напугать — это да!

Я улыбнулся, невольно слгатывая комок. Пару дней назад Дашка из детской тяги к прекрасному налепила на дверь моего кабинета подобные картинки, только с динозаврами. Оставалось тихо радоваться, что в ближайшем киоске таких, должно быть, не продавали. Впрочем, насколько можно было понять, в том мире, куда мы намеревались отправиться, подобные монстры не были редкостью.

И все же, все же... Хотя глаза мои без искажений транслировали в мозг диковинную картину произошедшего, свыкнуться с мыслью, что я, взрослый образованный мужчина, в недавнем прошлом офицер МВД, буду запросто беседовать с без сомнения сказочным персонажем и как ни в чем не бывало обсуждать с ней, с ним, с персона-

жем... черт возьми! ...возможность совместной работы, — нет, это было уму непостижимо! И похоже, не только моему.

— Может, вы инопланетянка? — с затаенной надеждой спросил младший Ратников, ища хоть какое-то разумное объяснение пережитому.

— Нет, — покачала головой Делли, с нескрываемым сочувствием глядя на Вадюню, пытающегося втиснуть происходящее в рамки обыденного жизненного уклада. — Впрочем, считайте, как хотите.

После этого милостивого дозволения у Вадима, да и у меня, отлегло от сердца. В конце концов, в последнее время и по телевидению, и в газетах столько твердилось о встречах с представителями внеземных цивилизаций, что они уже начинали казаться чем-то привычным, вроде инспекторов ГИБДД.

— Ладно, — махнул рукой я, — как там у вас говорят: утро вечера мудренее. Надо кое-какие дела завершить, а утром, если не возражаете, в путь.

— А я? Типа можно я с вами? — как-то совсем по-детски попросил мой помощник. Не хватало только заявления: «Я буду хорошо себя вести!»

— А брат отпустит? — по-отечески строго поглядел на него я.

— Да ну, — отмахнулся Ратников, — понты делов. С тобой Олег отпустит без базара. Все равно в натуре мне тут заняться пока нечем.

— Хорошо, — согласно кивнул я, прикидывая, что такая живая сила в подобном деле не помешает. — Если Олег возражать не будет, возьму тебя с собой. Вы не против, сударыня?

Фея придирчиво посмотрела на мощный торс Вадима, затянутый белой футболкой с английской надписью: «Ангел 90%».

— Отчего же, столь могучий витязь наверняка пригодится.

Вадим, польщенный произведением в витязи, еще шире расправил плечи.

— Да я! Да я гадом буду! Да я...

— Все! Завтра с утра отправляемся, — прервал его излияния я. — А сейчас, сударыня, позвольте откланяться.

Как пелось в дедовской песне: «Были сборы недолги». Краткое наставление Ксюше на тему того, что отвечать по телефону, укладывание походной сумки, визит к Олегу с предложением вернуть ему часть долга, вот, собственно говоря, и все. Деньги Олег отверг с возмущением:

— Я же сказал, увижу, что идея работает, ты мне ничего не должен! — заявил он, хлопая ладонью по столу, чтобы продемонстрировать, что разговор на эту тему закончен. — Действуй! Кстати, там мой младшенький с тобой просится. Так его отпустить или сказать, чтоб не путался под ногами?

— Мне-то Вадюня, конечно, пригодится, — начал я, памятую слова феи о могучем витязе, — но командировка может затянуться, а у него работа.

— Угу, болтов у него сейчас тачка, а не работа! Помнишь уродов, которых мой красавец в Поляндии на дороге в кучку сложил?

— Помню! Но когда это было! Он после этого уже спокойно ездил к тевтонам за колесами.

— То-то и оно, что случилось это не так давно, как хотелось бы. Намедни выписались пострадавшие из лазарета, и тут как раз очередной месячник борьбы с когтистой лапой русской мафии. На Вадькину беду, один из тех «невинных граждан» оказался студентом Академии искусств. И нарисовал он портрет моего братца в весьма реалистичной манере, заодно обвинив в ракете и разбое. Так что теперь он живое воплощение русской мафии и в Европу ему лучше не созваться. Спасибо, добрые люди вовремя весточку прислали. Так что, если желаешь, бери его с собой. Нечего ему тут без дела шляться.

С этим вопросом было улажено. Вадим ожидал решения своей судьбы, опираясь на станковый рюкзак, более напоминавший колонну, вроде тех, рядом с которыми художники любили изображать вельмож екатерининской эпохи.

— Ты что, переселяться надумал? — спросил я, удивленно указывая на собранные младшим Ратниковым вещи.

— Да так, типа взял по мелочи, — уклончиво ответил мой помощник, отводя глаза, — зубная щетка, паста, смена белья...

Я посмотрел на него с невольным уважением: должно быть, запас зубной пасты могло хватить, чтобы привить правила гигиены полости рта всем встречным драконам.

— Ну че, поехали? — с надеждой спросил свеженазначенный витязь, облаченный по поводу дальнего странствия в оставшийся с армейских времен камуфляж.

— Конечно, — кивнул я.

Синий «ниссан» стремительно вырулил на центральную улицу Кроменца и, покатив мимо рынка, служившего, кроме своего основного назначения, местом встреч и демонстраций мод сезона, устремился к дому номер 7 по улице Маршала Черняховского.

— Вот и вы! А я уж начала волноваться, — радостно приветствовала нас фея, выпархивая из домика. — Добрый витязь, заприте, пожалуйста, ворота.

«Добрый витязь» Вадим Ратников, восхищенно глядя на красавицу, кивнул и опрометью бросился закрывать тяжелые железные ворота.

— Очень славно, — убедившись, что двор не просматривается с улицы, мягко произнесла Делли. — Все готово, можно начинать! — Она отворила дверь гаража, в котором по-прежнему красовался невероятный «феррари».

— Я... Я сейчас! — Ратников бросился к своему автомобилю и скрылся за тонированными стеклами салона.

Вновь он появился через несколько минут, уже полностью готовый к отправке. Голову его украшал кевларовый шлем-сфера с пластиковым забралом, поверх камуфляжа красовался тяжелый бронежилет с полостью, на боку висело длинное колумбийское мачете, а на плече Вадим держал уже знакомый «мосберг». Вид воистину ска зочный!

— Я готов! — гордо заявил наш соратник.

— Хорош. — В отличие от меня у феи такой свирепый облик не вызвал и тени улыбки. — Итак, — Делли обернулась к дальней стенке гаража и, полуприкрыв глаза, стала совершать загадочные пассы руками, — в путь!

Стена, на которую был обращен ее взор, исчезла, точно растворилась в воздухе, и перед нами более чем явственно возникла широкая грунтовая дорога со следами колеи, поросшей по обе стороны лопухами и мелким кустарником.

— Солнце над нами! В седло! — скомандовала кудесница.

Я хотел спросить, какое такое седло она имеет в виду, когда за спиной раздалось радостное ржание. Рядом со мной, там, где только что стоял «феррари», бил копытом тонконогий вороной жеребец с серебряной уздечкой и дорогим, инкрустированным золотом седлом. Но это еще что! У входа в гараж экипированный «а-ля штурмовая группа» Вадим сам собой преобразился едва ли не в былинного богатыря в пластинчатой броне и шишаке с личиной. А рядом с ним как ни в чем не бывало пощипывал травку широкогрудый цвета турмалин-индиго скакун, отливающий перламутром. Из утробы невиданного зверя неслась разудалая песня: «Ты скажи, ты скажи, че те надо? Че те надо?...» Видимо, выходя, Вадюня забыл выключить радио. Что и говорить, было чему удивляться. Но, имея дело с феей, приходится

смириться с чудесами, иначе ни на что, кроме удивления, времени не хватит.

— Я на коне-то не умею, — покосился на обновленное транспортное средство техновитязь.

— Ерунда, — махнула рукой фея. — За рулем мог им управлять и здесь не сложнее будет. Двоих-то мой волшебный конь враз куда хочешь домчит, но втроем мы никак на нем не поместимся.

— Да что вы! Я в натуре своего Ниссана ни почем не оставлю! — Вадим поднатужился, взвалил рюкзак на конский круп. — Да че там, он тоже конь не слабый! Конкретно, силы, как у целого табуна, и скорости безо всякого волшебства под две ста км.

Закончив погрузку, он неловко вставил ногу в стремя и, пробурчав:

— Интересно, как типа им теперь управлять? — взмыл в седло.

— Очень просто, — ответила ему фея, занимая свое место на спина Феррари, — правое стремя — газ, левое — тормоз. Рули уздечкой.

— А коробка передач чисто автомат?

— Коробка у него теперь черепная. Но поверь, работает ничуть не хуже. — Делли сделала мне знак присоединяться. — Но! Пошел!

Наши кони ступили через невидимую черту — границу, отделяющую тривиальный гараж от загадочного мира, в котором феи обычное явление, в котором летают драконы, а принцесс преследуют не толпы папарацци, а некие таинственные злоумышленники. Я крутил головой во все стороны, пытаясь первым делом разглядеть что-либо необычайное, отличающее мир, только что покинутый нами, от этого, незнакомого и таинственного.

Ничегошеньки! Дорога как дорога. Должно быть, такими были все без разбору дороги близ Кроменца, когда турки в великой силе стояли под его стенами. Оставалось радоваться, что погода держалась сухая и, судя по синему небу с уныло бредущей отарой облаков, дождя в ближайшее время не предвиделось.

— Это мы уже здесь или еще там? — заговорщицким тоном поинтересовался славный витязь с многозарядным копьем на изготовку, явно снедаемый теми же сомнениями, что и я.

Его синебокий жеребец плелся с непривычной для него скоростью километров в пятьдесят, что со стороны казалось невероятным галопом, но для моего помощника, искренне полагавшего, что скорости начинаются с числа, вдвое большего, а все остальное попросту торможение, такое положение дел было невыносимым.

— Здесь, — негромко подтвердила Делли, вглядываясь вдаль. — Но что-то вокруг не так.

— Что именно? — напрягся я, невольно напоминая себе, что прибыл в эти края вовсе не на экскурсию. — Пожалуйста, подробнее.

— Во-он тот указатель.

Я посмотрел туда, куда указывала фея. Вдали виднелся аккуратный столбик. Не прошло и трех минут, как мы поравнялись с ним. «32-й проезжий тракт» — гласила надпись на остроконечной табличке. И ниже выразительно, но загадочно: «Вперед — 200» и «Назад — 8800».

— Конкретно не понял! — выпучив глаза, сознался добрый молодец Вадим, по третьему разу перечитывая надпись.

— Что тут непонятного? — недовольно отозвалась фея. — Двести верст, то бишь миль, до Великого Железного Тына. Восемь тыщ восемьсот — до столицы мурлюков, будь они неладны! — Она смачно сплюнула на столбик и у его основания появилась небольшая обугленная скважина, над которой вился дымок. — Вот так всегда, не успеешь оглянуться, опять Тын передвинули.

— Что еще за чудовища такие — мурлюки? — настороженно спросил я, мучительно пытаясь вспомнить, слышал ли я когда-нибудь в прежние времена об этих диковинных существах.

— К сожалению, мурлюки — это люди, — вздохнула Делли.

— Люди? — уточнил я, намереваясь срочно пополнить свои знания информацией о необычайных тварях этого мира.

— Люди, — вновь подтвердила прелестная чародейка. — В прежние времена, в темные века реформации Возрождения, великое множество людей искало пустые земли за Срединным Хребтом. Тянулись в те края кто ни попадя: тати, скрывающиеся от приговора, беглые катаржники, хитрованы-многоженцы, мошенники и всякий прочий люд, желавший что-либо делать не так, как все прочие. Сначала их захребетниками прозвывали, поскольку они за Хребтом жили. А уж потом, в честь торговца, который ученому, что карту тамошних земель рисовал, еду и питье поставлял, назвали эту землю Терра Мурлюкия. — Фея грустно вздохнула.

— Ну, чисто назвали и назвали, — вклинился нетерпеливый витязь. — Хрен типа они оградкудвигают?

— Эх, — спутница печально махнула рукой, — тут вот какая история вышла. Когда мурлюки на своей земле обжились, себя единственным народом почувствовали, тут-то и вспомнили, что, почитай, каждого из них на прежней родине кто-то, да поджидает: кто с дублем,

кто с кнутом, а кто и с мечом, чтобы голову с плеч снести. Боязно им стало! Стук зубовный стоял, аж у нас слышно было. Вдруг все эти преследователи объединятся да придут в мурлюкскую землю выяснить, кто в доме хозяин. Тогда-то они и порешили воздвигнуть Великий Железный Тын от земли до неба, чтобы обезопасить себя. Сначала ровнехонько по Хребту поставили. Ничего, очень хорошо стоял, издали даже красиво было. Чистенький такой, надраенный до зеркального блеска, а поверху кованые драконы головы огонь изрыгают. Для острастки, понятно. Так они и жили себе лет двадцать. А потом одному из их главных майоров, у них всеми делами главный майор заправляет, пришла в голову страшная мысль: «А вдруг как Орда напрянет?»

— Какая Орда? — не понял я.

— Известно какая. Косматая. Верхом на медведях. Были у нас когда-то такие в незапамятные времена. Так это же когда было! — добавила она.

— А откуда им теперь взяться? — усомнился я.

— То-то и оно, что неоткуда. А вдруг как они готовятся? Ордынцы, в смысле. Вдруг они в Царстве Вечных Льдов медведей приручают да обходные пути ищут? Поди за ними уследи, когда их со временем царя Берендея никто не видел! Вот и пошли мурлюки свой Железный Тын во все стороны двигать, чтоб не встречать Орду на ближних подступах к столице. Вон, — она показала на валяющийся чуть поодаль обочины тесаный камень, — видите, в траве? Этот камешек то с давних давин тут стоял. Даже надпись еще видна: «Прямо пойдешь — в град Елдин тебе скатертью дорога. Направо-налево пойдешь — поля потопчешь! Штраф 10 плетей». Эх, — вновь вздохнула Делли, — вот ведь незадача! Попробовать, что ли, десятой дорогой объехать? Там болота зыбкие да чаши буреломные, может, еще не успели Железный Тын поставить. — Она с сомнением поглядела по сторонам. — Поехали, други мои верные. Тут недалеко развилочка должна быть.

Как и обещала фея, развилка появилась совсем скоро, минут через пятнадцать пути. Возле нее нас понуро встречал очередной поваленный камень и новый указатель с четкой, весьма лаконичной надписью: «Здесь — нельзя! А там можно!» Для тех, кто не верил, что «здесь — нельзя», поперек дороги был вырыт глубокий ров, позади которого высился частокол с наблюдательными остроконечными башенками.

— Ну конечно же! — хлопнула себя по лбу фея. — Болота мурлюки в первую очередь к рукам прибирают!

— Зачем? — с нескрываемым недоумением поинтересовался я.

— Жаб разводить! — отмахнулась Делли. — Потом расскажу, сейчас недосуг!

— А может, этих мурлюков типа колдануть всех к чертовой матери? — предложил Вадюня, недовольно глядя на невесть откуда взявшийся укрепрайон.

— Не выйдет, — прикусила полную губку фея. — У них на волшебство реакция неадекватная. Никогда не знаешь, что получится. Возьмешься, скажем, ров заравнивать, а он только глубже делается, или, того хуже, в новый каменный кряж обворачивается. У них волшебство свое, нам чуждо. Ладно, — она с тоской посмотрела на перегороженную дорогу, — толку на месте стоять нет никакого. Стой не стой — ничего не выстоишь. Поедем в сторону «там можни». Повезет, субурбанский караван встретим, с этими всегда легко договориться. Ну а не получится, придется думать, как Кербера перехитрить. Иначе нам из-за Тына не выбраться.

Мы вновь пришпорили коней. Железный Тын уже темнел вдали, являя собой ту саму линию горизонта, до которой, вопреки расхожему мнению, вполне можно было добраться. Уже издалека на железном переплетении красовались белые стрелки, указывающие на зарешеченные ворота с приоткрытой калиткой. «Там можно» — гласила надпись на табличке над воротами.

— Здесь остановимся, — мрачно скомандовала фея, указывая на лесок, каким-то чудом устоявший при возведении Тына. — Подождем, пока субурбанцы появятся. Они тут все время шастают.

— А может, попробуем прорваться? — чтобы немедленно оправдать высокое звание витязя, предложил Вадюня.

— Прорваться? — Пунцовые губы феи сложились в печальной усмешке. — Хорошая затея. Ну-ка. — Она подняла взглядом валявшийся на земле камешек и пулей запустила его в вожделенную дверь.

— У-у-а-у-я! — раздалось из-за калитки, и перед нашими взорами явилось нечто, должно быть, состоящее в отдаленном родстве с собакой Баскервилей. Только раза в полтора крупнее, с тремя головами и истерично шипящей гадюкой вместо хвоста.

— Прошу любить и жаловать, — грустно отрекомендовала фея. — Кербер. Ни оружие, ни чары его не берут. Никогда не спит, и задобрить его можно лишь ярлыком с печатью главного майора. Как прорваться будем?

Глава 3

*Сказ о том, что сколько волка ни корми,
а своя рубашка ближе к телу*

Что и говорить, если у кого-то и была охота связываться с громогласным выродком собачьего племени, то этот загадочный некто не входил в состав нашей следственной группы. Самое время было остановиться, осмотреться и измыслить способ проникнуть на ту сторону.

Пристальный осмотр местности не дал сколь-нибудь утешающих результатов: дрожащие осины, плакучие ивы, мрачные безжизненные дубы, короче, безрадостный слабоизрезанный ландшафт, без каких-либо намеков на существование обходных путей этой невесть откуда взявшейся преграды. Оставалась сама непреодолимая стена, вернее, ряды палаток, лавок и лабазов, наскоро сооруженных у ее основания. Как бы то ни было, но существование противоестественной железной границы весьма способствовало торговле в ее окрестностях. На продажу шло все, что попало, и, похоже, никого не интересовало, как именно это «все» попало в руки торговцев. Редкие зеваки бродили между лавками, больше разглядывая предложенный товар и точа лясы со скучающими приказчиками, чем примеряясь что-нибудь купить. Между праздной публикой, лениво поглядывая за порядком, прохаживались стражники в зеленых шлемах и при первачах.

— Погранцы, — понижая голос, произнес Ратников, глядя на патруль, остановившийся у объемистой бочки, хозяин которой время от времени выходил из задумчивости и орал во все горло, точно ужаленный: «Медовуха-сбитень-квас! А кому медовуху-сбитень-квас!»

— Вероятно, — подтвердил я, созерцая, как хранители государственного покоя, между делом беседуя со сбитенщиком, отхлебывают кто из чары, кто из ковша рекламируемые напитки, явно забывая при этом осчастливить радушного поильца чем-то вроде оплаты.

— Видать, стражников из местных набрали, — тоже тихо проговорила Делли, ловя мой взгляд. — Мурлюки обычно платят.

— Я вот че думаю. — Вадим потер пальцами переносицу. Жест, означающий у него высокую степень мыслительного процесса. — Те, кто у границы живет, конкретно всегда с зелеными вась-вась. Ежели им отлистать, они типа все по понятиям перетрут, ну и чисто вот.

— Это верно, — вздохнула фея, — да только как же пройти и сказать, что нам на ту сторону нужно? Лично я так не могу.

— Да ну, делов на полпирожка! — приободрился славный витязь, радуясь возможности покрасоваться перед прелестной чародейкой. — Подождем, пока патруль отвалит, и обо всем добазаримся.

— В каком смысле? — не совсем понимая, о чем говорит мой помощник, переспросила фея.

— В смысле, все путем, я конкретно отвечаю за базар! Все будет тип-топ! — разводя плечи, пояснил Вадюня.

— А-а, — кивнула Делли, уловившая из речи могучего всадника лишь то, что решение вопроса с базаром берет на себя он лично.

Ждать пришлось недолго. Утолив жажду, стражники по очереди дружески хлопнули сбитенщика по плечу и, продемонстрировав нам спины, затянутые в кожаные с нашитыми пластинами куртки, отправились блюсти порядок в противоположный конец торговых рядов.

— Ну че, Клин, пора? — вопросительно глядя на меня, прошептал Вадюня, должно быть, ожидавший моего приказа.

— Работаем, — кивнул я, давая соратнику возможность действовать по своему усмотрению. Что и говорить, проведя последнюю пару лет в странствиях, он чувствовал себя во всем, что касалось пересечения границ, как рыба в воде.

— В общем, так, — скомандовал Вадюня, перехватывая руководство группой, — я вхожу в лавку. Клин, ты чисто прикрываешь меня в дверях, а м-м... вам... вы, если несложно, — Ратников, вполне имевший возможность оценить магические способности нашей спутницы, явно робел перед ней и никак не мог решить для себя, как же ее величать, — ну, короче, побудьте пока на улице: Если зеленые нарисуются, промаякуйте.

— Хорошо, — любезно кивнула фея, соглашаясь с просьбой Вадима.

Я явственно себе представил, как, завидев вдали приближающихся стражников, урожденная чародейка делает очередной жест рукой, и откуда ни возьмись в тесном проходе между лавками возникает маяк и начинает, мигая, разрастаться, круша каменными боками хлипкие лабазы и истерично завывая на всю округу. Дай бог, все же обойдется! Памятя о неадекватной реакции мурлюков на волшебство, еще неизвестно, что может из этого получиться!

Крайняя лавка, к которой мы направили свои стопы, вернее, наших необычных скакунов, гордо именовалась: «Святая Земля».

Под вывеской, носящей это высокое имя, висела вторая — то ли лозунг, то ли вообще девиз хозяина торгового заведения: «Ни пяди земли даром!» Завершал надпись восклицательный знак, почему-то в виде поднятого меча с сильно загнутой к острию ветвистой крестовиной.

— Это что за эмблемка? — тихо шепнул я Делли, по-прежнему восседавшей в седле передо мной.

— Кажется, нам повезло, — столь же тихо отозвалась она. — Это символ бога Нычки. Он означает, что здешний лавочник выходец из Субурбании.

Честно говоря, не знаю, что же это нам давало. С момента нашего появления в волшебных краях фея уже не раз упоминала субурбанцев, так и не удосужившись пояснить, чем же они лучше других. Однако хорошо ли, плохо ли, но отступать было некуда. Хозяин лавки, невысокий чернявый живчик с безразмерной улыбкой и хитрыми темными глазами продувной бестии, уже воздвигся на пороге с воркующе-нежным:

— Заходите-заходите! Давно ждем! Чем могу служить?

Могутный витязь Вадим Ратников без суматохи спешился и, оставив мне свое многозарядное копье, вошел в лавку. Я замер на пороге, удерживая дверь открытой. Да и то сказать, помещение давно требовалось проветрить. На вид оно было сравнительно чистым и ухоженным, однако то там, то здесь на выметенном полу виднелись кучки земли, должно быть, просыпавшиеся при заключении сделок, и запах стоял ну разве что самую малость свежее, чем в погребе.

— Выбирайте, гости дорогие, — приплясывая вокруг единственного покупателя, повторял хозяин. — Выбирайте, товар на любой вкус! Хотите, есть горсть отчей землицы. — Он внимательнее пригляделся к гостю, пытаясь по доспеху и мечу-кладенцу определить, откуда родом добрый молодец. — Вот есть Грусь Золотая, вот Зеленая, вот супесь из Красного Пояса. Вот наш субурбанский черноземчик, очень рекомендую. Если есть особые пожелания, могу и редкие виды предложить: и из Империи Майна кое-что имеется, и недавно партию из-за Хребта доставили. На любой вкус, чего пожелаете!

— А что-нибудь покрупнее? — склоняясь над торговцем, пробарабанил Вадюня.

— Желаете самозавоеванием? Есть чудные Забрежные земли...

— Ну, это ты слишком хватил! — Шишак моего напарника задвигался из стороны в сторону.

— Горшок с цветами? Клумба? Может, хотите курган насыпать?

— Вот это по теме, — согласно кивнул Ратников.

— Какой землей? — засуетился бойкий купец, за годы работы по интонации научившийся понимать смысл самых запутанных иноzemных речей, особенно когда дело обещало хороший куш.

— Короче, мужик, — Вадим положил увесистую длань на плечо барыги, — земля мне нужна субурбанская. Но только так, чтобы типа не мне ее сюда притаранили, а меня с моими корешками типа туда.

— Ах-ха-а! — заговорщицки подмигнув хитрым глазом, закивал догадливый торговец. — Оно, конечно, ежели корешки тут, а надо там — это да! Тут вам не то, что там, тут корешки могут не прижиться. Да только как же их мимо Кербера без ярлыка провезешь?

— Да вот и я в натуре думаю, — глядя в пространство, как ни в чем не бывало заявил потенциальный покупатель.

— Да-а, Кербер пес серьезный, — обреченно протянул землеторговец, так, точно в ближайшие часы ему предстояло схлестнуться в рукопашной схватке со свирепой зверюгой. — Но и то сказать, жизнь у него собачья. — Он вздохнул и покачал головой. — А вот не жалеете глины? Хорошая глина, можно горшки делать, а можно для безвестной могилки... Помните, как в песне: «Никто не узнает, где могилка моя!» — завыл субурбанец.

Услышав знакомый мотив, я удивленно посмотрел на фею, восседающую на вороном Феррари. Талишь кивнула, произнеся очень тихо:

— Субурбанцы ведают многими тайными знаниями, и никто не ведает, откуда они их получают.

Между тем птичья беседа Вадюни с обладателем тайных знаний продолжалась при полном взаимопонимании сторон.

— Ну типа глина веешь хорошая. Особенно ежели на горшки. Я у тебя чуток, пожалуй, прикуплю. Давай так, забашляю сейчас, а за товаром как-нибудь того, потом заеду.

Честно говоря, я с удивлением слушал проистекавшие на моих глазах торги. Сколько я ни старался, в голову мне не приходил ответ на вопрос: для чего в сложившейся ситуации нам может понадобиться глина? Разве что залеплять ею пасти Кербера. Но это, как говорится, затея утомительная и малоперспективная. Однако Вадим наверняка знал, что делает.

— Извольте, — вновь широко улыбнулся субурбанец. — Чем же лаете башлять? Жабсами? Убитыми енотами¹? Или майнасскими мостиками?

¹ Убитый енот — аналог древнерусских куньих мордок. Номинальная цена равна стоимости одной шкурки.

— А по барабану! — памятуя о манере Делли расплачиваться, развел пальцы наш переговорщик.

— По барабану это звонко. — Улыбка торгаша стала еще шире, и кончики губ грозились сойтись в области затылка. — Сегодняшний курс: один жабс это майнасский мостик без пролета, либо пять с половиной субурбанских хвостней, или же тридцать один целый убитый енот, да еще хвост.

— Угу, — кивнул Вадим, несколько озадаченный местным курсом валют. — Во как! А тебе чем удобней?

— В жабсах, конечно. Или, на худой конец, в мостиках.

— Заметано! Почем просишь?

— Ну, думаю, десять жабсов будет почти даром. Глина-то первоклассная! — начал было торг купец.

— Я типа усек. Не гоняй ветер.

Вадюня протянул руку, и я, не задумываясь, запустил пальцы в кошель, появившийся на поясе вместо привычного кармана джинсовой куртки. К моему великому удивлению, там находилось множество аккуратно выделанных жабьих шкурок с естественным рисунком с одной стороны и тонко выписанным портретом какого-то мужика, предположительно одного из главных майоров, — с другой. Шкурки дважды перекочевали из рук в руки, торговец как бы неизначай посмотрел их на просвет, нежно провел пальцем по майорскому горлу и, сбросив выручку в объемистую мошну, продолжил, как бы между прочим:

— За глиной, значит, вы потом заедете...

— Н-ну?! — Вадюня навис над словоохотливым торгашом.

— А я ничего, потом так потом. Я вот о Кербере как раз вам рассказывал, — безо всякого перехода продолжил он. — Ведь до чего же жалко скотину, ведь тварь подневольная! Доброго слова ей никто не скажет. Зубья-то у него в пасти во-о, — землеторговец приставил ладонь одной руки к запястью другой, показывая ужасающую длину клыков монстра, — опять же лапы львиные с когтищами. Опять же аспид кусачий заместо хвоста аж ядом брызжет...

— Роднуля, — медленно начал Вадюня, прикидывая в уме, не использовать ли купленную землицу для затейливой могилки пустобреха, — мы типа видели.

— Ну да, конечно, — умиротворяющее развел руками говорун, отступая на шаг. — Я только хочу сказать, что держат-то его впроголодь. Я вот тут присматриваю, почитай уже неделю тварюга бедолажная ни одной пастью не жрамши. Сам желал подкормить, да к

воротам идти боязно. Дай, думаю, у Тына косточку с мяском припасу, авось он примчится, хоть чуток пожует. Ну кто там через таможню пролезет, пока он с тушкой-то разделяется? — Он искоса посмотрел на клиента, чтобы убедиться, что тот понял, о чем, собственно говоря, речь. — Да вот дел много накопилось. Если желаете, можете взяться. Косточка с мясцом приготовлена. Без малого целая корова! Хотите — Кербера кормите, хотите — сами ешьте. А я недорого возьму.

— Нет, — повернулся на каблуках сафьяновых сапог витязь.

— От себя ж отрываю! — заволновался купчина. — По-нычковски отдам!

— Нет, — вновь повторил Вадюня. — За глину, того, спасибо. А косточку оставь себе, ни к чему она нам. — Он в полтора шага пересек лавку, оказался у порога, и синебокий с перламутром конь, точно приветствуя своего хозяина, разразился истерическим бормотанием и выкриками какого-то избитого жизнью рэпера.

— О-о-у! — Хозяин лавки, бросившийся преследовать ускользающую добычу, замер на пороге. — Какой скакун!!! Он у вас говорящий?

— Говорящий, — подтвердил я, загораживая путь не в меру активному торгашу.

— А на каком языке он умеет говорить? — напирал он.

— Любезный, ну ты думай, что спрашиваешь! Конечно же, на конском, — оттирал его я.

— Может, уступите? — вцепился, словно репей, барышник, поглядывая то на меня, то на Вадима, то на Делли и пытаясь сообразить, кто же в нашей троице отдает приказы.

— Конь не продается, — покачал головой я.

— Зря, очень зря! — выглядывал из-за моего плеча хозяин лавки. — Останетесь с хорошим наваром. Опять же кость бесплатно. У меня там, за Тыном, дядя думный радник самого государя. Ему словечко шепнете, он для вас все что угодно сделает.

— Нет, — вновь отрезал Ратников, вскакивая в седло. — У нас самих есть такие дядья, что ваши дядья им даже в племянники не годятся!

— Постойте-постойте! — начал было торгаш, но осекся, глядя вдаль уставленной лабазами дороги.

В нашу сторону двигался кортеж, сопровождаемый отрядом стражи. Впереди большой черной повозки, вероятно, заключавшей нечто весьма ценное, гарцевали люди в строгих черных одеяниях. У

одного из них, должно быть, старшего, поверх плаща красовалась пелерина золотой парчи, у остальных всадников такое же украшение было крахмально белого цвета.

— Простите, — зачастил пройдоха-хозяин, — это ко мне. Я не могу с вами больше разговаривать. Если надумаете с конем и костомахой... заезжайте ближе к ночи, — не закончив фразу, он, едва не отбросив меня, выскочил из лавки и стал поясно кланяться подъезжающей кавалькаде. — Ми-илости просим! Ждем-с, ждем-с! Уже все глаза проглядели!

— Пора уносить ноги, — бросил я, цепляясь за луку седла. — Только стычки со стражей нам здесь и не хватало.

Прошел почти час с окончания нашего кульпхода в лавку тороватого субурбаница. Мы вновь стояли в леске, неподалеку от ворот, прислушиваясь к голодному урчанию саблезубого монстра.

— Вадим, — начал я, опасливо косясь в сторону керберовского логова, — хочу спросить: почему ты вдруг отказался покупать кости для бедного песика?

— Ну на хрена они нам сдались? — пожал плечами соратник. — У меня в натуре собачий корм есть.

— Что?! — Я удивленно заморгал, глядя на горделивую улыбку предусмотрительного витязя.

— Собачий корм. Чисто пять сортов мяса, обжаренных до хрустя, с ароматизаторами, витаминами, минералами и рекомендациями лучших собаководов. — Он небрежно расстегнул станковую переметную суму, по-прежнему находившуюся на спине Ниссана, и, запустив в нее лапищу, извлек два ярких шуршащих пакета с изображением блаженствующих друзей человека, пышущих энергией и здоровьем. — Вот. А вообще-то, как реально говорит Олег, кошки, откормленные «вискасом», лучшая пища для вашей собаки.

Тезис был спорный. Я лично знал одну кошку, которая довольно успешно пыталась съесть всех собак, на беду свою приведенных в квартиру ее хозяев. Но речь была совсем о другом.

— Господи, — я вопросительно посмотрел на Делли, точно интересуясь, каким волшебством в вещах человека, собирающегося в неведомое тридевятое царство, могли оказаться увесистые пакеты с собачьим кормом, — но откуда?..

— Из рюкзака, — не моргнув глазом, ответствовал Вадим. — Я же конкретно помню, у нас в учебнике литературы картинка была: телка с фраером на сером волке.

— Ну и что?

— Как это что?! А еще собаки, которые типа на сундуках сидели?

Ну эти, с глазами, как прожекторы.

— В смысле «Огниво»?

— В смысле оно, — охотно согласился Ратников. — Когда едешь в края, где таких тварей до фига и больше, типа лучше запастись кормом, чем стать кормом самому.

— Логично, — невольно согласился я, обеими руками поддерживаю доктрину предстоящего путешествия. — Но только ты эту, с позволения сказать, собачку видел? У нее такие пакеты между зубами затеряются!

— Ни хрена! Перетопчется! Пусть в натуре радуется, что вообще жрать дали! Ну а на крайняк, че делать, пойдем купца трусить.

Я с сомнением посмотрел в сторону торгового заведения. Плотное оцепление мрачноликой стражи наводило на мысль, что в ближайшее время коммерческая деятельность предпримчивого субурбанца будет направлена только в одно, вероятно, весьма выгодное русло. За спинами оцепления было видно, как давешние всадники в черных плащах с белыми пелеринами, сгибаясь от натуги, перетаскивают тяжеленные железные ящики из повозки внутрь лавки.

— Не похоже, чтобы это была свежая партия импортного грунта, — пробормотал я, созерцая странную картину. — Разве что в ящиках что-нибудь очень редкоземельное.

— Да ну, — отмахнулся Вадюня, — нам типа какое до них дело? Привезли и привезли. Давай чисто животиной займемся. — Он протянул мне один из шелестящих пакетов. — Маловато, конечно, две порции на три башки, но кто ж в натуре знал? Авось не передерутся!

— Что?! — Я едва не подпрыгнул от пронзившей мой мозг мысли.

— А че я такого сказал? — с удивлением уставился на меня младший Ратников.

— Сейчас объясню. — Уж не знаю, как это выглядело со стороны, но мне казалось, что глаза мои засияли злорадным шаркным блеском. — Открывай пакеты!

— Что ты задумал, Виктор? — очевидно, уловив в моем тоне не совсем обычные нотки, поспешила осведомиться Делли.

— Ты на рынке собак видела? — заговорщицки спросил я, улыбаясь сам не знаю чёму.

— Конечно, — удивленно подтвердила фея.

Как и на всяком базаре во все времена и во всех известных мне теперь мирах, в импровизированных торговых рядах возле Железно-

то Тына водилось множество разнообразных беспородных шавок всех мыслимых цветов и размеров. Судя по увиденному, они беззлобно бродили от лавки к лавке, сторонясь покупателей и выпрашивая у хозяев лакомый кусочек. Правда, если кому-нибудь таковой перепадал, вся стая устремлялась к добытчику за своей долей и тут уж начиналась невообразимая возня с рычанием, лаем и визгом. В эти минуты тесниться поближе к лабазам с их крепкими дверями приходилось уже прохожим.

— Готово! — воскликнул Вадим, протягивая мне открытый пакет с «ароматным, калорийным и очень вкусным кормом для вашей собаки».

— Вот и славно, — кивнул я. — Делли, ты не могла бы, м-м... как бы это поточнее выразиться, силой мысли извлечь из упаковки корм и разбросать его дорожкой от ворот до черной повозки?

— Легко! — самодовольно улыбнулась вдохновенная кудесница, и «обжаренные до хруста» подушечки выпорхнули из упаковки и стремительно полетели в указанном направлении.

— Великолепно! — заверил я нашу очаровательную нанимательницу, удовлетворенно наблюдая, как носившаяся без дела стая остановилась, насторожилась, озабоченно втянула десятками чутких носов обещанный фирмой-изготовителем аромат и начала безостановочное движение в сторону ворот. — А теперь, — я по-мефистофельски скривил губы, — высыпь, пожалуйста, все содержимое второго пакета, ну, скажем, на во-он тот ящик. А последнюю жменю, — моя ладонь зачерпнула кучку коричневых кусочков, — кинь в калитку. Чтоб уж наверняка.

Еще мгновение — и второе мое поручение было выполнено с не меньшим блеском, чем первое. Легкий кормовой град застучал по дверям местного КПП в то же самое время, когда остальные без малого четыре килограмма, словно манна небесная, плюхнулись на крышку очередного ящика, перетаскиваемого пелеринистами носильщиками.

...Кто видел пролет команды рокеров на свирепо ревущих «харлеях» по ночной трассе, тот может представить себе пусть и слабое, но все же подобие произошедшего в следующую минуту. Окованная железными полосами дверь караульного помещения распахнулась и, изрыгая угробный вой тремя клыкастыми пастями, из него вырвался Кербер, одним движением глотая высыпанный на дороге корм. Однако жестокий закон конкуренции, как ни крути, как ни выходи из себя, — высшее право в царстве хищников. Высшее и непрелож-

ное, даже если три оскаленные пасти, истекающие обильной слюной в предвкушении долгожданного лакомства, имеют единый желудок. Кербер, пружиня мощными лапами, несся вперед, немилосердно хлеща себя по бокам злобно шипящим хвостом, с каждым шагом приближаясь к замершей в ужасе шеренге стражников, ощетинившихся остриями пик.

С другой стороны к «Святой Земле» с оглушительным разноголосым лаем неслось в полном составе все собачье население базара, в единой надежде выхватить заветный кусочек из-под носа у чудовища. Но тут левая голова монстра, дернувшись в стремительном броске, подхватила с земли очередную порцию сухого пайка, причем как раз в тот момент, когда центральная голова пыталась сделать тот же нехитрый маневр. «Щелк!» Клыки Кербера, как верно подметил землеторговец, длиной с мужскую ладонь, немилосердно впились в ухо одной из его собственных голов. Та яростно взвизгнула и, должно быть, горя желанием отомстить обидчице, немилосердно вцепилась в ближайшую ногу. Озадаченный хвост, вероятно, содержащий в маленькой змеиной головке все имеющиеся в наличии мозги страхи-делища, остервенело шипя, бросился жалить обе передравшиеся головы, надеясь восстановить нарушенный порядок движения. При этом визжащее, урчащее и ревущее от боли и ярости чудовище продолжало двигаться вперед, правда, теперь более вращаясь волчком, но все еще не теряя надежды добраться до лакомого приза. Раздалось сдавленное шипение, и тотчас же затихло. Третья морда, до сих пор не принимавшая участия в сваре, должно быть, также чувствуя боль от змеиных укусов, изловчилась вцепиться в шею аспида и на мертвое сжать челюсти. Наверное, этот ловкий захват также доставлял существу весьма малоприятные ощущения, поскольку, не разжимая клыков, оно взвизгнуло всеми тремя головами одновременно и, по инерции продолжая поступательное вращение, ломая выставленные пики, врезалось в цепь стражников, точно футбольный мяч в фалангу оловянных солдатиков.

Псы покрупнее мчались к Кербера, горя желанием поучаствовать в славной потасовке. Мелкие собачки, ныряя у них между лапами, проползая под брюхом, пытались схватить валявшийся корм, прибавляя паники, суматохи и надсадного визга в общую неразбериху. Стража, как могла, пыталась навести порядок, но, честно говоря, могла она слабо. Да что там, попросту не имела никаких шансов! Однако, как ни интересно было досмотреть, чем же закончится

устроенный нами дебош и столпотворение, настало самое время воспользоваться сладкими плодами победы.

— Вперед! — скомандовал я, указывая на открытую настежь калитку. — Дорога свободна!

Для вороного жеребца Феррари преодолеть расстояние, отделявшее лесок, служивший нам убежищем, от злополучных ворот, было сущей безделицей. Да и перламутрово-синий Ниссан, перенесвшись в этот мир, тоже не утратил способности развивать скорость в 100 км/ч за семь секунд. Не успел бы сторонний наблюдатель прокричать: «Они убегают!», как хвосты необычайных скакунов скрылись в темном проеме калитки. Еще миг — и, надеюсь, более гостеприимная Субурбания встречала нас разноголосым криком собравшейся по ту сторону Тына пестрой толпы.

— А что, уже пропускают? — неслось с одной стороны.

— Кербер нынче как, не лютует? — кричали с другой.

— Да тише вы! — орали во все горло третья, стараясь перекричать обе стороны. — Как там, ставки мзды не повысились?

— Требуй, чтобы они дали дорогу, — прошептала мне Делли. — И ни за что не отвечай на вопросы. Просто не обращай на них внимания.

— А ну расступись! — безапелляционно закричал я, сдвигая брови на переносице. — Кому сказано — расступись! Прижмитесь к обочине! — приказывал я заученно милицейским тоном. Субурбанцы, вероятно, считая такое поведение в порядке вещей, послушно расступались, прижимались к обочине, глядя на неизвестного крикнувшего явно незаслуженным почтением.

— Гаплык вашему Керберу! — услышал я за спиной горделивый выкрик Вадюни. — Хрен он очухается!

— О-ой! — протянула фея. — Что сейчас будет!

Делли знала, о чем говорила. Знала, как и тогда, когда рекомендовала не отвечать на вопросы. Тысячная толпа, услышав неожиданное сообщение, ополоумев, взывала и, теряя к нам интерес, ринулась на штурм, сметая кучку представителей верховной власти, даже с земли требующих заплатить положенную мзду на кормление Стража Ворот.

Наверняка, если перед учеником младших классов поставить задачу выяснить, сколько человек сможет пройти за пять минут в не слишком широкие ворота, вроде тех, через которые мы прорвались, он без труда вычислит ответ. Однако можно с уверенностью сказать,

что с реальностью полученный результат не будет иметь ничего общего. Вся клубившаяся у заветной лазейки на ту сторону народная масса растаяла в считанные мгновения, оставив на память о себе лишь несколько шляп, оторванных подметок и прохудившихся лаптей, не-пригодных даже для хлебания щей. Да еще нескольких отъявленных неудачников, схваченных за шкирку подоспевшими стражниками.

Один из этих несчастных, с берестяным коробом на плечах, пытался вывернуться и дать деру, но рука солдата, соскользнув, вцепилась в плетеную крышку... рывок — и горе-беглец, все еще перебирая ногами в воздухе, рухнул наземь, усеивая землю вокруг себя зеленоватыми выделанными шкурками с уже знакомым мне портретом мурлюкского главного майора.

— Поехали! — решительно скомандовала Делли, сворачивая с дороги. — Не останавливайтесь!

Между тем стражники схватили жабсовладельца под белы руки и, подобрав с земли все до единого разбросанные купюры, без лишних церемоний поволокли его в им лишь известном направлении, не обращая ни малейшего внимания на громкоголосые уверения бедолаги о том, что за все уплачено.

— Давайте-давайте! — торопила нас фея. — Нет времени засматриваться. Вон видите — траншея? По ее берегу и пойдем.

— Траншея? — удивился я словечку столь привычному для уха любого служившего в армии, но, пожалуй, несколько необычного в устах, так сказать, фольклорного элемента.

— Ну да, — не отрываясь от созерцания выбранного пути, подтвердила Делли. — Траншея. Вы что, слова такого никогда не слышали?

— Да че там, — пожал плечами Ратников. — Траншея — это типа вроде окопа. Канава такая.

— Какая же это канава? — не на шутку удивилась фея. — Траншея — это финансовый канал под Великим Железным Тыном, через который поступают транши.

— Что?! — переспросил я, едва удерживаясь в седле от такого сообщения. — Что куда поступает?

— Все объяснять надо, что детям несмысленным, — горестно вздохнула кудесница. — Транш — это такой железный ящик, наполненный жабсами. Транш опускают в траншею и по вальцам катят в столицу. Вот смотрите. — Она указала на длинный и довольно глубокий ров, начинающийся от самого Тына и прямой, как стрела, линией, уходящий за горизонт.

Там, где траншея упиралась в Тын, возле нее сутились несколько десятков работников, похоже, не обращавших ни малейшего внимания на царившую неподалеку смуту. Часть из них что-то копала, кто-то отдавал распоряжения, еще кто-то укладывал на дно круглые бревна-вальцы, по которым надлежало волочить транши, оставшиеся, не поддаваясь на провокации обезумевшей толпы, несли карательную службу. Я невольно прикинул расстояние от калитки до траншеи, продлил прямую по ту сторону возвышающейся под небеса преграды и с удовлетворением отметил, что заканчиваться этот «финансовый канал» должен был как раз в подполе «Святой Земли». То-то в лавке так погребом воняло!

— А что, в натуре, — Вадюня подъехал к самому краю траншеи и, оценив ее глубину и ширину, не замедлил поинтересоваться: — По дороге на колесах не проще было бы?

— Не проще, — покачала головой фея. — Во-первых, мой славный витязь, вся земля в Субурбании чья-то. Конечно, много чего принадлежит государю, но далеко не все. А на своей земле каждый волен вести дорогу, как ему заблагорассудится. А благорассудится им дороги прокладывать вкривь и вкось, потому что если что с воза упало, то это уже достояние хозяина земель. А кроме того, на каждом извиве дороги можно особливого служивого человека поставить, который за извив будет отвечать и за малую мзду всякому страннику разъяснять, как до следующего такого же служивого доехать без препон. Так что прямоеездных дорог в Субурбании отродясь не водилось, и если по бережку траншеи до столицы день пути, то дорогой, пожалуй, все пять будет.

— И че, в натуре по-другому нельзя? — обескураженно выдавил прирожденный лихач.

— Отчего же нельзя? — пожала плечами Делли. — Можно. Надо только в столице прийти к верховному уряднику Путей и Перепутий и тот за соответствующую мзду выдаст прирученную сову, которую следует посадить либо промеж ушей коня, либо на крыше кареты, и она, ухая да вращая глазами, будет всех оповещать, что едет особливо важное лицо, которое мзду кому надо аж на самом верху платит. Но такая сова дорогого стоит! — Она невольно тяжело вздохнула, что, пожалуй, было лишним подтверждением ее слов о дороговизне ручных сов. — Не наши птички. У мурлюков закупают.

— Ну хорошо, — меняя тему, начал я, — с дорогами более или менее разобрались. Но это первая причина. А еще какие есть?

— Еще, — Делли чуть повернулась ко мне и охотно продолжила легкий дорожный треп, с удовольствием исполняя роль гида в столь странных государствах, — как я уже говорила, земля в Субурбании вся поделена между хозяевами. Но только на сажень в глубину. Все, что ниже, государево владение. Здесь, — фея указала в глубь траншеи, — не менее двух саженей. Транш идет по государевым владениям, а стало быть, никакой мздой не облагается.

— А если кто из хозяев не захочет, чтоб по его земле проходила траншея? — живо поинтересовался я.

— Пожалуйста, это сколько угодно, — усмехнулась наша спутница. — Имеет полное право. Копать-то по государевой земле все равно будут, да только без крепей, так что все, что было наверху, очень быстро окажется на пару саженей внизу. А это уже, — она подняла большой палец, — земля государева.

Она хотела еще что-то добавить, но не успела.

— Стойте! Стойте! Приказываю немедленно остановиться!

Наперерез нам, на белом коне с диковинной, постоянно ухающей совой между ушами, мчался тучный всадник с копьем, обвшанным конскими хвостами. Еще около сотни кавалеристов, правда, уже без сов, вылетев из маячившего неподалеку леса, широкой дугой охватывали нас, прижимая к краю траншеи.

— Приказываю остановиться! Вы арестованы!

Глава 4

Сказ о мудрых заповедях бога Нычки

Летевшие галопом верховые все приближались, и я уже мог разглядеть меч с ажурной изогнутой к острию крестовиной, вышитый на их васильковых плащах.

— Ну че, Клин, — Вадюня поудобнее перехватил копье, носившее подобно древнему рыцарскому оружию гордое имя Мосберг, — пробьемся?

— Не выйдет, — разворачивая коня к траншее, резко бросил я. — Их слишком много. К тому же, судя по плащам, это местная полиция.

Уж не знаю, воспитанное ли в Университете Внутренних Дел почтение к закону или же внутренняя солидарность с его хранителями, но что-то настоятельно мешало поднять руку на «своих». Тем более что никакого оружия у меня с собой и не было.

— Попробуем оторваться, — скомандовал я, и наши кони, сделав для разгона небольшой крюк по лужайке, без особых усилий перемахнули через ров.

Всадники за спиной приостановились, понимая, что повторить подобный маневр — значит рисковать свернуть себе шею. Я поднял большой палец, радуясь превосходству передовых технологий над живой лошадиной силой.

— Теперь не достанут!

Вадюня согласно кивнул головой и замер, вытаращив на меня глаза, точно шагнув через ров, я превратился в неведомую зверушку.

— Клин, а фея типа где? — часто моргая, проговорил он.

Я дернулся, ощупывая седло позади себя, только сейчас почувствовав, что место, занимаемое Делли, внезапно опустело.

— Проклятие! Только что была!

— Может, свалилась, когда мы прыгали? — сдавленным голосом предположил Ратников.

— Немедленно сдавайтесь! — вновь заорал настырный преследователь, потрясая диковинным оружием, словно шаман магическим посохом. — Я могущественный властитель правого берега реки Непрухи Юшка-каан, думный радник короля Субурбания Барсиада Растрепы, глава Союза кланов Соборная Субурбания. Именем законов королевства и благих заповедей всемудрейшего бога Нычки повелеваю вам спешиться и, сложив оружие, покорно ждать своей участи.

— Не крутовато ли забираешь, фраер жеваный?! — наводя острое копье на крикуну, презрительно бросил Вадюня.

— Погоди палить, — остановил его я. — Надо узнать, где Делли. Если она сорвалась в ров, то могла сильно ушибиться, возможно, ей нужна помощь.

Я шагом повел коня обратно к краю траншеи, не столько намереваясь вступать в переговоры с громогласным сотрясателем воздуха, сколько желая взглянуть, не лежит ли на дне наша очаровательная спутница.

— Мы иноземцы. Направляемся в Золотую Грусь ко двору короля Базиля по его приглашению, — гордо изрек я, приближаясь ко рву и опуская глаза вниз в поисках Делли. Волшебство волшебством, но вылететь из седла на полном ходу и приложиться спиной о бревна-вальцы — дело не из приятных и навсегда может отбить охоту к жизни. Взглянул вниз, влево, вправо — пустая затея! Фея отсутствовала.

— Если вы иноземцы, потрудитесь предъявить ваш проездной ярлык, — не задумываясь, выпалил мой оппонент, вновь поднимая копье и делая им замысловатые па в воздухе. — К тому же в любом случае это не дает вам право нарушать законы Соборной Субурбании!

Признаться, сейчас никакие законы Соборной Субурбании, впрочем, как и она вся, меня не интересовали. Ситуация складывалась наиглупейшая: два человека совсем из другого мира оказываются бог весть где и выглядят, как две белые вороны в стае канареек. А наша, с позволения сказать, работодательница растворяется, не оставив на память о себе ничего, кроме вороного красавца Феррари. Впрочем, и на том спасибо, не хватало, чтобы и он исчез в тот момент, когда я перепрыгивал на нем «финансовый» канал.

— Клин! — раздался за моей спиной негромкий оклик Ратникова.

— Погоди, — отмахнулся я, — сейчас попробую все уладить.

— Клин! — Голос собрата по оружию на этот раз прозвучал требовательнее.

Я обернулся:

— Ну что еще?!

Полсотни «еще» стояли за моей спиной, держа стрелы на тетивах и ожидая приказа от беседующего со мной Юшки-каана.

— Ну, вот и приплыли, — пробормотал я себе под нос. — Кажется, следствие зашло в тупик.

Сопротивляться дальше не имело смысла. Не думаю, чтобы стрелы этого мира были менее губительны, чем те, которыми пользовались когда-то у нас.

— Ладно, ваша взяла, — крикнул я, спрыгивая с коня.

Вадюня неохотно последовал моему примеру, хотя по всему было видно, что сдаваться без драки ему вовсе не по нраву.

— Блин горелый, какая падла Ниссан обидит, морду на портнянки располосую, — выразительным взглядом обводя лучников, произнес он, вероятно, втайне надеясь, что кто-нибудь из злобных вражин попытается искусить судьбу. Желающих не нашлось. — И со шмотками типа поаккуратнее! — уже без особого энтузиазма добавил он. Лучники согласно закивали. — Ну е-мое, — мрачно скривился Ратников, — ну что за страна?! Что за люди?!

Черный Феррари и перламутрово-синий Ниссан неспешно трусили за повозкой, на которой возвышалась деревянная клетка. Впро-

чем, довольно комфортабельная, с парой грубо сколоченных топчанов и линялым дерюжным занавесом, превращающим наше безраздостное обиталище в отдаленное подобие цыганской кибитки. Уж не знаю, настоятельная ли просьба Вадима или же какие иные причины побудили тюремщиков вести себя корректно, если не сказать дружелюбно, но факт оставался фактом. С извинением изъяв «на хранение» оружие и проверив содержимое переметных сум, аборигены без лишнего шума вернули нам вещи. Убедившись же в кредитоспособности арестантов, и вовсе приветливо заулыбались и, весьма тактично прося не держать зла за временные неудобства, проводили в загород приготовленный экипаж.

Вообще предусмотрительность местных властей вызывала восхищение, граничащее с изумлением. Стоило лихой троице пересечь границу Субурбании, как на тебе: ловко подстроенная засада ссыкалась во главе с целым думным радником. И тюремная карета припрятанная, как рояль в кустах. Мысль, конечно, бредовая, но очень похоже, что нас тут ждали. Хорошо бы выяснить, с чего вдруг?

— Эй, приятель! — тихо окликнул я добродушного на вид седоусого стражника, трясшегося рядом с нашей клеткой на специальном сиденье. — Можно у тебя кое-что спросить?

Не моргнув глазом, нёдрemanный страж вытащил из-за пояса, вероятно, заранее заготовленную табличку с надписью: «Я всего лишь охранник и не имею права с вами разговаривать».

— А если?.. — Вадюня воспроизвел выразительный и всем понятный жест, потирая пальцем о палец.

Молчальник без лишних слов протянул к решетке руку ладонью вверх.

— Интересно, — произнес я тихо, чтобы слышал только Вадим, — сколько стоит развязать ему языки?

— Клин, не скучись, — так же тихо ответил Ратников. — Отлистай хрустов в натуре! Будет мало, попросит еще.

Я засунул руку в кошель и протянул алчному караульному шерховатую на ощупь шкурку. Глаза бдительного аргуса округлились, он на ходу спрыгнул с повозки и стремглав умчался в неизвестном направлении.

— Кажется, он типа того, дезертировать решил, — глядя вслед беглецу, сказал Ратников, сплевывая сквозь прутья решетки. — Нет, ну что за люди?!

Вопреки очевидности, подозрения моего приятеля оказались безосновательными. Примерно через полчаса стражник вернулся, но

уже не один, а с товарищем. Правда, теперь он был почти без оружия, остался лишь длинный кинжал у пояса, зато вместо боевого топора и круглого щита в руках у него красовался раскладной деревянный стульчик с цветастой подушкой. Повозка притормозила, и стража вновь разместилась у дверей. Только сейчас на караульной сидушке располагался его собрат, а наш старый знакомый торжественно восседал на принесенном стуле.

— Премного благодарен, — устраиваясь поудобнее, произнес он. — Вы весьма мне помогли.

— В каком смысле? — Я удивленно уставился на охранника, явно решившего расстаться с вынужденным обетом молчания.

— Как это в каком? — заулыбался седоусый ветеран. — Ведь кто я был?

— Распоследний домовой! — цитатой из любимого мультика озорно отозвался Вадим.

— Нет, ну какой же я домовой. Вы посмотрите лучше, — отчего-то расстроился он. — Я был стражником. А стражник не имеет права разговаривать с заключенными. Вы мне мзду дали, я ее куда след доставил и получил почетную грамоту, где черным по белому сказано, что отныне я считаюсь в почете, как ретивый толмач Посольского уряда. Вот вы родом откудова?

— Из Кроменца, — честно сознался я.

— Из Кроменца-а? — озадаченно повторил свежеиспеченный толмач. — Никогда ранее не слыхивал. Ну, это и к лучшему. Стало быть, на весь Посольский уряд будет единый, как перст, толмач с кроменецкого. Тут и в укладники кроменецкой управы выйти можно. А там — о-о!..

— Погоди, приятель, — оборвал я полет чиновничьей мысли будущего главного спела по кроменецким вопросам в МИДе Субурбании, — мы еще с тобой о грядущих делах потолкуем. Расскажи-ка лучше, чего это вдруг вам вздумалось нас арестовывать?

— Ну, так ясное дело, — отозвался толмач. — Сам пальцы загибай: без ярлыка в Субурбанию въехали — это раз; смуту у ворот подняли — это два. А в результате той смуты трех государевых мэдиомцев потоптали и вельмосановных отцов-кормильцев кербровых в тычки прогнали. Прихвостневому уряду опять же великий урон нанесен.

Толмач говорил вполне искренне, но как я ни силился, суть его слов оставалась для меня темной. Была бы Делли... Мысль о ее исчезновении не давала ни мне, ни Вадиму покоя. Но, оставаясь вза-

перти, мы, увы, ничего не могли сделать, чтобы разыскать пропавшую фею. Одно было ясно: не исчезни она столь загадочно, возможно, ни с ярлыками, ни с иными обвинениями у нас бы проблем не возникло.

— Затем, гни третий палец, когда сам господин думный радник велел вам остановиться, что вы сделали? — Он пытливо посмотрел на меня, словно желая узнать нечто особо тайное. — То-то же, в бега пустились. А следовало стоять и дожидаться, коли вы честные путники. Это, я вам скажу, недешево обойдется! Кроме того, — толмач понизил голос, — сигнал на вас поступил, мол, вы препятствовали доставке траншей в Субурбанию. Тут уж... — Он покачал головой и махнул рукой. — В общем, плохо ваше дело.

— Постой-постой! — прервал я бывшего охранника, явно желавшего еще что-то добавить к сказанному. — Мы, как ты понял, издалека приехали. Законов и обычаяев ваших не знаем. Не мог бы ты, пока суд да дело, растолковать, что тут к чему?

— Отчего же, — пожал плечами субурбанец, — это, можно сказать, моя обязанность — растолковать вам, что да к чему. Оно, конечно, болтают: у нас, мол, отсутствие закона не освобождает от вины да расправы, но на деле-то законы у нас божеские. А как говорил всемудрейший бог Нычка в своей первой заповеди: «Живи сам и дай жить другим. Да воздастся тебе!»

Мы с Вадимом озадаченно переглянулись. Ни ему, ни мне прежде никогда не доводилось слышать о таком всемудрейшем демиурге и его, впрочем, отнюдь не лишенных смысла заповедях.

— Слыши, братела, — первым прервал затянувшуюся паузу Ратников, — а чего этот крендель...

— Мой друг хотел бы побольше узнать о вашем всемудрейшем боге, — оборвал я тираду сотоварища.

— В натуре, — согласно кивнул он.

— Вообще-то, — с сомнением в голосе заговорил приставленный к нам чиновник, — сеять в души страждущих истинный свет всемудрейшего учения — дело Храмового уряда. Но ежели... — Он замялся, вновь протягивая руку. — В жабсах совсем недорого.

Очередная шкурка, сопровождаемая выразительным взглядом, перекочевала в ладонь кровопийцы, и он вновь на какое-то время исчез. Вернулся беглец опять через полчаса, уже без мебели, но теперь с тонкой цепью поверх одеяния, на которой красовался золотистый ажурный знак, похожий на те, что были вышиты на плащах местной полиции.

— Вот, теперь я еще и младший брат-словоносец. — Он продемонстрировал трехрогую эмблему своего сана. — Тоже, скажу вам, должность неплохая. Доберемся до Елдин-града, обменяю на чин завзятого подстольника в Посольском уряде. — Он удовлетворенно огладил усы. — В общем, слушайте, сейчас я скоренько наставлю вас на путь истинный. В незапамятные времена, когда и памятовать было некому, во всем мире царил полный Хаос. Что только вокруг не творилось! Ничего не творилось! Бывало, только попробует сотвориться, а оно уже вдруг — бац, и что-то другое. Но был бог Нычка! — Младший брат-словоносец воздвиг указательный палец перед нашими носами воплощением единичности всемогущего творца. — И он разъял, — палец начал колебаться из стороны в сторону, — небо над головой и солнце. И собрав все, что только было в Хаосе полезного, создал Субурбанию и разместил над ней солнце в голубом небе. Землю он заселил любимым своим народом, именуемым субурбами, что в древности означало «боровшиеся вместе». Ну да, — вдохновенный проповедник кивнул, заметив недоумение слушателей, — наши давние предки дельным советом помогали всемудрейшему богу Нычке отделить дурное от полезного и ложное от истинного. С тех пор субурбанцы так мудры и миролюбивы. Ну а потом из того, что оставалось от Хаоса, вокруг Субурбании налипло всего понемногу... На севере вон Грусь прилепилась, на западе Гуралия с ее драконами, Стрессильвания, на юге за морем Тюрбания, да вы вот еще где-то умостились. Мурлюки откуда-то взялись, так что и из Хаоса кое-какая польза проистекла. Во-от, — протянул он. — А когда субурбанцы набрались мудрости от каждодневного почтительного вкушения крупиц знания Его, — указательный палец брата-словоносца снова взмыл вверх, — они стали вопрошать Творца, как им жить дальше? Каким путем ступать, чтобы идти от свершения к свершению, от победы к победе? И тогда в помощь своим возлюбленным чадам Нычка родил из себя сына и дочь — Заначку и Подначку.

— То есть как — родил?! — возмутился Вадюня, вполне реалистично представляющий картину божественных родов.

— Тс-с! — зашептал толмач. — Это великое таинство, о котором непосвященным даже и помышлять не след. Помните лишь, что Заначка олицетворяет твердость движения внутрь. Подначка же, дочь Нычки, сама мягкость и движение вовне. И связь между детьми и отцом нерасторжима. Таким образом, он един в трех лицах и триедин, о чем свидетельствует символ нашей веры. — Наставник иноzemцев почтительно дотронулся до ажурного украшения на груди. —

Тогда, родив из себя Заначку и Подначку, всемудрейший даровал нам и вторую из своих заповедей: «Давай добро вся кому, кто в нем нуждается, и всякий воздаст тебе!» Вот, скажем, вы дали мне добро, — недавний страж указал на кошель, все еще туго набитый жабсами, — и я, пожалуйста, все, что могу. Все, что в моих силах!

— Мудро, — прокомментировал я.

— А как же, — отозвался наш гид. — Дело-то божье. Если захотите нашу истинную веру принять, только скажите. Я вам тут кое-что еще о таинствах растолкую, в Храмовый уряд прошения со мздой отошлем и все, считайте, душа ваша уже спасена.

— Мы, пожалуй, пока повременим, — ответил я, стараясь говорить как можно мягче. — Сам понимаешь, такое дело с кондакча решать нельзя.

— Ну, как знаете, — с нескрываемым огорчением пожал плечами проповедник. — А то и сами бы открыли души истинному свету, и мне заодно польза была б. Оно, конечно, два человека паства невеликая, но я бы еще свою семью приписал и стал бы уже не младший брат-словоносец, а отец-душеблюститель. А это в стольном граде Елдине при хорошем торге и на застольника потянет.

— Прости, на кого? — теряясь в системе субурбанских должностей и званий, переспросил я.

— Ну да, конечно, — покачал головой охотник за чинами, — вы же чужестранцы, ничего не разумеете. Субурбания — справедливая страна, где всякий добрый подданный имеет все права и вольности, о которых только может помышлять. Ежели, конечно, такие вольности не противоречат воле государя и правам иных субурбанцев. Если же право одного противоречит праву другого, всякий имеет возможность обратиться к справедливому суду великого правителя, да и тот, за соответствующую мзду мудро решит, чьи права правее. Но зато в Субурбании всякий имеет полную возможность стать тем, кем захочет, если, конечно, заплатит кому надо и сколько след. Вот, к примеру, я с утра еще был заурядный стражник думного радника Юшки-каана, вы мне дали мзду, я соответственно отсчитал десятину его особливому прихвостню...

— Кому? — опять переспросил я.

— Прихвостню. Деньги наши, субурбанские, хвостнями называются. Стало быть, те, кто денежными сборами в казну заведует, именуются прихвостни. А у такого именитого мужа, как Юшка-каан, прихвостень особливый, то есть личный. Потому как от него одного мзды в казну государеву поболе, чем с иного городища собирается. А

уж Союз кланов Соборная Субурбания, так тот и вовсе... ого-го! Ну да ладно, я вот с вашей помощью получил именную почетную грамоту, по которой мне теперь не как последнему служивому человеку, а уже как мздоимцу честь положена. — Он вздохнул. — Хоть чин и маловат. Теперь, вишь, я в младшие братья-словоносцы выбился. Тоже негусто, но в сумме-то один плюс один — два будет! — Свежеиспеченный мздоимец поглядел на нас так, словно только что совершил переворот в высшей математике. — Я по Храмовому уряду не пойду, не лежит у меня к нему душа, — искренне сознался служака. — Но ведь есть же те, кто намерен в Храмовую бурсы поступать, а это, ежели дерзать с саном каким-никаким, то мзда поменьше получается.

— Так ведь и ты типа свою цацку не за спасибо отдашь? — хмыкнул Вадюня, указывая на нагрудное украшение субурбанца.

— Конечно, — согласно кивнул тот. — Ибо сказано в третьей заповеди: «Что дадено без воздаяния, потеряно для всех! За то тебе не воздастся!»

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — прокомментировал я.

— В натуре, — поддакнул Ратников. — Для второй мыши.

— А? Это вы о чем?

— Да так, к слову пришлось, — отмахнулся я. — Продолжай, пожалуйста.

— Ну так вот...

«Так вот» оказался престранный. Судя по рассказу недавнего конвоира, а ныне нашего преподобного переводчика, государство, в которое волею судеб нас угораздило попасть, напоминало огромный сетевой маркетинг по продаже услуг населению. Каждый желающий, внеся в казну определенную сумму, мог с полным основанием причислить себя к гордому сословию мздоимцев, которые, в свою очередь, делились на государевых, урядных и заурядных. Последние, не имеющие возможности втиснуться в штаты государёвой или же министерской (урядной) службы, попросту придумывали себе должность и занятие и, заплатив мзду, равную предполагаемому годовому доходу, вполне могли поднимать с нуля свое детище, будь то предсказание судьбы по коровьим лепешкам или же сбор пошлин на озеленение Великого Железного Тына. Если дело не шло, через год ведомство упразднялось, если же в течение трех лет приносило солидный доход в казну в виде десятины снимаемой с населения мзды,

то вполне могло получить урядный статус, что, в свою очередь, изрядно повышало ставки побора.

— ...Так вот, на правом берегу Непрухи основную силу держит Союз кланов Соборная Субурбания, — продолжал разливаться словьем наш гид, — а с другой стороны, значит, другой Союз — За Соборную Субурбанию.

— Это что, выходит, типа вторые за первых? — уточнил заинтересованный раскладом сил Вадим.

— Нет, против, — не замедлил с ответом толмач.

— А че, типа название такое?

— А они говорят, что эта Соборная Субурбания совсем не та, какой должна быть Соборная Субурбания. И что настоящая Соборная Субурбания это совсем что-то другое.

— Во как! — восхитился Вадюня. — А в чем в натуре разница?

— А Нычка их знает! Как по мне, так никакой. А есть еще, — разоткровенничавшись, стражник приблизил лицо к решетке и перешел на полуслепот, — есть еще тайный клан. Их называют Красные Демонята. Они поклоняются древним богам Хаоса.

— Тише, господин толмач, — оборвал его молчавший дотоле стражник. — Не ровен час кто услышит. Сами знаете, Призорный уряд не дремлет...

— Да что ты, приятель, — покровительственно похлопал собрата по плечу младший брат-словоносец, — я тебе как храмовый служитель говорю: не было никогда древних богов Хаоса. Все это дедовские байки.. Запомни накрепко и всем расскажи — дедовские байки!

Как и обещала исчезнувшая в неизвестном направлении Делли, дорога до стольного града Елдина заняла, без малого, пять дней. Сотня почетной стражи думного радника, до блеска начистив кольчуги, гордо вступала в ворота столицы, которая, знаменуя единство страны, располагалась по обе стороны реки Непрухи. Трубачи, надувая щеки, извлекали из своих инструментов торжественные звуки марша: «Ты жива еще моя держава? Жив и я, ура тебе, ура!» Как мы имели возможность убедиться, марш этот весьма почитался субурбанс-кими мздоимцами, начинавшими выпевать его, стоило лишь собраться компанией больше трех. Дерюжный полог нашей клетки на въезде в город был предусмотрительно задернут, и ориентироваться на местности мы могли только по отдельным репликам говорливого толмача:

— Ты ба! По правому берегу поехали. Стало быть, в темницу. Видно, сам многосильный Юшка-каан с вами беседовать желает. Глядишь, и обойдется. Вы уж, парни, не скупитесь, понимать надо, провинности-то великие. А уж если за ваше дело думный радник взялся, да еще и в прошлом головной урядник, выходит, малой мздорой не отделаешься. Но коли вам понадобится в Кроменец гонца за жабсами, или что там у вас, снарядить, так я завсегда готов, оно мне и к лучшему...

Диагноз многоопытного субурбанца оказался стопроцентно верным. Через какое-то время повозку прекратило трясти на разбитых мостовых и, проехав немного по ровной ухоженной дороге, экипаж остановился, вероятно, посреди сада, поскольку благоухание цветов проникало даже через наш грубый, засаленный от частого использования занавес. Послышался звук отпираемого замка, рогожа отдернулась, и мы увидели дворец — не дворец, терем — не терем, нечто среднее. Громадное и, на мой взгляд, довольно безвкусное здание.

— Идемте! — выпуская нас из клетки, гордо объявил мелкотравчатый мздиомец Посольского уряда. — Каан ждет вас.

Каан мог и подождать. Мы с Вадюней не спешили с визитом, желая размять затекшие от долгого сидения ноги. Повозка позволяла делать нам пару шагов вперед и пару шагов из стороны в сторону, но ходить по телеге, которая трясется, как в лихорадке, и раскачивается на каждом ухабе — то еще удовольствие. Впрочем, сидеть в таких условиях тоже не сахар.

— Вы чего, парни, подурели? — не слишком вежливо поинтересовался провожатый, глядя, как мы, охая, приседаем, бьем чечетку и размахиваем ногами в воздухе, точно марионетки в ярмарочном ба-лагане. — Каан ждет!

— Дождется! Это я тебе конкретно обещаю.

— Ладно, пошли, — скомандовал я, и мы направились к резному крыльцу с каменными львами и раскрашенными петухами на двускатной крыше.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы переступили порог дворца бывшего головного урядника, были диковинные зверьки, пузатые, коротконогие, с тонкими крысиными хвостами невероятной длины, с маленькими головками, заканчивающимися вытянутыми рыльцами-хоботками. Зверьки, понукаемые почтенной матроной, ползали по огромному пушистому ковру, что-то выискивая в его высоком густом ворсе.

— Мурлюкские пылееды, — видя наше удивление, пояснил толмач, низко кланяясь и делая нам знак следовать его примеру.

— Онучи скидайте, вахлаки заморские! — поворачиваясь к нам спиной, гордо изрекла дама, демонстрируя глубину и ширину пропасти, разделяющую нас.

— Идемте! — вновь заторопил мздиомец и, высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на расплывшихся пылеедов, направился к лестнице. — Эх, до чего полезных зверьков вывели! Мы поначалу решили, что они пылью пытаются, оттого и название им такое дали. А они, виши ли, выискивают буках разных, блох там, клещей, и все прочее. Вот только на ночь их к янтарной сети привязывать надо да грушеским соком поить, а то они от тоски чахнут. А где сеть-то такую взять? У нас никто их делать не умеет. Юшке-каану вон женка привезла, она у него сама из мурлюков.

Однако, как ни интересно было наблюдать за охотой длиннохвостых пылеедов, сейчас предстояла иная забава. И дичью в ней, похоже, должны были стать мы сами.

— Ну-у?! — начал грозный каан, внимательно осмотрев своих пленников. — Что вы можете представить мне в свое оправдание?

— Речь идет о мзде, — пояснил замерший рядом с нами навытряжку толмач, не смевший оставить боевой пост без приказа высшего командования.

— Да я уж чисто понял, — хмыкнул Вадюня. — Слыши,уважаемый, — без обиняков начал он, упреждая мою попытку развести многоходовую дипломатию, — в натуре, что за елы-палы?! Мы, между прочим, не понты сюда колотить приехали. У нас чисто госзаказ, этот самый, бармалейский. Давай разберемся по понятиям! Лаве так лаве, но не надо нам мозги лечить, не держи нас за бакланов!

Толмач ошарашенно поглядел на меня, явно прося поддержки. Уж не знаю, благодаря какому волшебству мы могли общаться с местными жителями на их языке, но повлиять на речь моего соратника никакие чары были не способны. А между тем в обязанности толмача входило не только разъяснять местные нравы, но и переводить речь пленников на доступный начальственному уху язык.

— Мой друг говорит, — тихо пояснил я, — что он с почтением готов выслушать требования вельможного мздиомца и решить дело по справедливости.

Переводчик с облегчением озвучил мою версию Вадькиной тирады, делая паузы между фразами, чтобы дать сановному Юшке досконально уяснить смысл услышанного. Каан вальяжно прошелся по

«кабинету», плотно уставленному ларями, резными столами и обычными бархатом табуретами.

— Толмач уже довел до вас, в чем вы обвиняетесь, — не столько спрашивая, сколько утверждая, произнес он.

— Ну, типа да, — кивнул Ратников, и я молча последовал его примеру. — И че?

— К этому списку я добавлю еще одно обвинение. Обвинение в недаче мэды должностному лицу при исполнении обязанностей.

— Так ведь нет такого уложения, — едва слышно, должно быть, для самого себя, проговорил оторопевший мелкий мздоимец. Однако, как он ни тщился, слова его были услышаны грозным начальством.

— Нет?! Стало быть, будет! Сегодня же внесу новое уложение государю. Пускай порадуется! На то мы, думные радники, и посажены, чтобы государя-надежу думой своей радовать. А ты вообще никши? Нашел, перед кем рот-то разевать!

— Но так сегодня-то уложения нет! — подхватил я слабенький козырь, подброшенный мне младшим братом-словоносцем.

— А вас сегодня судить и не будут, — успокоил меня сатрап. — Ежели мэду на месте не дали, стало быть: неуважение к власти — раз; преступная волокита — два; а все вместе опять-таки выходит прямой убыток Прихвостневому уряду. — Он посмотрел на каждого из нас в упор. — Тут, глядишь, и до цареубийственного заговора недалеко. Вы не к Красным ли Демонятам тайно прокрадывались, а?

Я едва скрыл улыбку. Сколько раз на допросе подозреваемого мне самому приходилось пускать в ход подобную уловку, выдвигая грозные обвинения подследственному едва ли не в пособничестве Иоанну Грозному при убийстве оным собственного сына.

— Понятно-понятно, — закивал я. — А так, чтоб без суда?

— Ну-у, — заулыбался каан, — если по отдельности считать за каждое преступление, то, ясное дело, много набегает. Но поскольку вы, как утверждаете, гости нашей страны, в знак дружбы и добрососедских отношений, возьмем, пожалуй, по-малому, единим разом. Синий конь ваш, кстати, мурлюкской породы? — небрежно поинтересовался глава Союза кланов.

— Джапанской, — мрачно отозвался Вадим, предчувствуя недоброе.

— Надо же, — удивленно покачал головой сановник, — я о такой державе и не слыхивал никогда. Какие только страны в мире бывают! Ну да ладно, полагаю, ваши кони вполне достойная плата в

возмещение того убытка, который вы своим непочтением к нашим законам, надеюсь, не злоказненным, посмели высказать.

— А болтов тачку не хо-хо? — Насупившийся Ратников сжал кулаки и грозно сделал шаг вперед.

— В темницу!!! — гаркнул вельможа, не дожидаясь перевода, и притаившаяся за дверями стража ринулась на нас, подобно горной лавине.

Темница потому и называется темницей, что в ней ни черта не видно. Небольшой квадратик решетки высоко над головой, едва озаряется далеким факелом, вот и все освещение. Честно говоря, перед тем как попасть сюда, мы отвели душу на страже. Полагаю, столь непочтительное отношение тоже должно было обойтись недешево, но зато как ласкает слух, как жизнеутверждающе звучит в такой обстановке хруст ломаемой руки противника и хлюпанье свернутого носа! Правда, нам все-таки досталось больше всех. Но держались мы, черт возьми, долго!

— Ядреный корень! — отрывая голову от пола и с трудом ворочая языком, пробормотал я. — Интересно, где это мы находимся? Кто бы рассказал?

— Мы-м-м... — раздалось из дальнего угла нашего нового обиталища. — М... м-м... м-м-м!..

Вадим, валявшийся ближе к источнику звука, пристально вглядывался в темноту, стараясь рассмотреть собрата по несчастью. Вглядывался... Еще внимательнее вглядывался... И попытался шарахнуться в сторону:

— А-а-а!.. Клин, ты только посмотри, что эти мурлюки с собачкой сделали!!!

Глава 5

Сказ о том, что пёс его знает

Со временем глаза привыкли к царившему в подземелье мраку, но свыкнуться с тем, что довелось увидеть, наши мозги отказывались наотрез. В углу на ржавой железной цепи, вмурованной в стену, сидел, вернее, сидело некто, в котором, как мы ни силились, не могли опознать что-либо знакомое, хотя бы по детским сказкам. Внешнее существо напоминало собаку, тут Вадим не ошибся. Однако со-

баку довольно нескладную. Длинные тонкие ноги, поджарое, непонятной окраски туловище, да плюс к этому мохнатый хвост калачом. И все бы ничего, да вот только вместо пёсъей морды у этого, уж не знаю кого, находилась человеческая голова с длинными, острыми, покрытыми шерстью ушами. Пасть, вернее рот, нашего сокамерника был плотно заткнут деревянным кляпом, крепившимся с помощью железного обруча с замком на затылке.

— Да уж! — Раньше меня обретя способность двигаться, Вадюня обошел кругом цепного товарища по несчастью, внимательно оглядывая его со всех сторон. — Эт-то они по-доброму.

— М-м-м! — вновь загудел заключенный, вертя головой, торчавшей из строгого ошейника.

— Ну-тка! — Ратников взялся за замок, пощупал половинки железного обруча, приклепанного к набухшей от сырости затычке, прокрутил пальцы в узкую щель между лицом несчастного пленника и металлом и, проговорив с натугой: «Потерпи малеха!», с силой потянул половинки обода в разные стороны. С мерзким звуком заклепки вылетели из своих мест, точно потревоженные мухи со старого огрызка.

— Все, свободен. — Он подкинул оставшиеся в руках железяки, скрепленные замком, видимо, примеряясь использовать данный трофеи в качестве оружия.

— Темницы темен свод, — подвигав челюстями из стороны в сторону, наконец изрек пленник, обретший, благодаря стараниям моего друга, дар речи.

— Очень ценное замечание, — хмыкнул я.

— Но мрак еще не мрак. — Голос неведомого существа был удивительно чист и, я бы сказал, бархатист. В тоне чувствовалась жесткая уверенность человека, ведающего, о чем глаголет: — Всё не случайно. Камень капля точит. Измены нить пронзила светлый храм, но ей препоном сумрак небосклона. Всё заговор! Измена. Суeta... Вот ось, вот «аз» и «ять»! Вот тень и камень!

Я напрягся, пытаясь уразуметь смысл услышанного. Освобожденный Вадимом от кляпа говорилка представлял собой существо необычайное, но вместе с тем отнюдь не производил впечатление безумца.

— Свернулся путь змею. Вы в норе! Случайность ли? Ответ не-предсказуем. Скажите — да. Я вам отвечу — нет! Но истина лежит, тая дыханье...

Ах вот он о чём! Кажется, я начал понимать. Вадим же, судя по усиленному киванию в такт каждой произнесенной незнакомцем фразе, вообще воспринял все от первого до последнего слова.

— Благословению Нычки скрепов нет. Вы — меч свободы, вы же длань защиты! Пришедши, чтобы быть, вы будьте им! Ничтожество пребудет постоянством!

— Как верно сказано! — с нескрываемым восхищением прошептал Вадим.

— Дрожит лабаз раздора и задора, подземный гул разносит стук копыт...

— Прямо поэма, — прошептал я.

Да, он, несомненно, был мудрецом. Мудрецом и великим вождем. И пусть он не называл свое имя, я, как никто другой, почтённый им своим доверием, понимал, сколь важна тайна для победы нашего дела.

— Пройди сознанья темные провалы, задумчивые полосы земли. Храм Нычки черный камень на земле, огонь и смерть, и голод, и расплата.

О, как я понимал его! Как понимал! Наш великий предводитель! Наш вождь, поднявший на восстание грозных подземных кобольдов, строителей храма бога Нычки, возмущенных вопиющей несправедливостью злых и жестоких людей, обирающих истинных служителей всемудрейшего творца.

— Им камень — хлеб, им кровь — жестокий зуб. Скрежещет полночное светило. И стук копыт лесной тропою смят, один, не два, не три. Один. И снова, снова...

Конечно, люди, если желают жить в мире с кобольдами, должны менять еду на «черный камень», горы которого исконные жители подземелий извлекают из глубинных недр. Но они же такие коварные! Они преследовали и схватили нашего вождя!

— Сдвиг молний бесновавшихся предел, принц Элизей иллюзий сеет свору. Согнись, собор! Твой путь один. Один иди в Гуралью, драконий воевода!

Принц Элизей! Да конечно, он старинный и верный соратник Шествующего впереди. Он спас провидца, в неравной схватке поразил его врагов. Теперь он в Гуральи, собирает войско драконов, чтобы положить конец деспотии... Стоп! Усилием, шедшим из рефлексов, намертво записанных в подсознании, я приказал плавно текущей мысли остановить свое движение и замереть. Принц Элизей и дракон. Принц Элизей и дракон. Принц Элизей и дракон! В этом

словосочетании что-то есть, оно означает что-то очень важное. Ища ответа, я поглядел на широкоплечего силача, сидевшего подле нас. Должно быть, он тоже был сторонником Великого вождя. Я явно его где-то видел.

— Принц Элизей послан вами собирать армию драконов? Он в Гуралии? — через силу проговорил я.

Не помню почему, но принц Элизей не должен был становиться во главе драконов. Кажется, между ними вражда, впрочем, ему, Познавшему Путь, виднее.

— Бдит паруса крыло меж волн крутых. Прибоя бой не кончен — он не начат. Элизею лежит стрела пути в Тюрбанию, где птица Рух, надменно перо роняя, ломит спину льву. Их мрачен глаз и остр зрачок коралла. Замри под разворотом темных крыл! Вернувшийся прочтет слова на стенах, построенных судьбой и безрассудством.

Ну конечно же! Он в Тюрбании! Как я сразу не понял? Но расплата близка! Я гордо улыбнулся, поворачивая голову вверх к решетке, которая сейчас уже не казалась такой безнадежно далекой и недоступной. Сверху, в подтверждение моих слов, блеснул луч света.

— Олухи древних богов! — донеслось оттуда недобroe. — Это что ж вы такое вытворяете! Да как же вы посмели?!

— Оставь ключи, ведущие во мрак. Во свете дверь открай, наполни грудь! Царевич я! Царевич Элизей! Отверсты очи истова чела.

— Так вот оно что!!!

— О-о! — заорали мы со вторым адептом.

— Ты жива еще, моя держава? Жив и я, ура тебе, ура! — грубым басом завопил кто-то наверху, заглушая слова царевича.

Конечно же, темные чары на время скрыли от нас светлый образ королевича Элизея, но теперь мы видели его воочию. Теперь-то нам было ничего не страшно. А вот тюремщику... Даже здесь, в мрачном застенке наш вождь был страшен им. Не оттого ли трусливый страж, пришедший выведать наши секреты, позорно бежал со всех ног, едва услышав голос истины?

Решетка со скрежетом поднялась, и в освещенном проеме замаячили фигуры вооруженной охраны.

— Мы спасем вас, принц! — вскочил я, радуясь последнему бою. — Спасем, даже если суждено погибнуть!

Нам не суждено было сложить головы, защищая вождя. Крепкие сети и путы не позволили сделать этого. И вот теперь, поверженный, но не сломленный, он сидел на цепи с деревянным кляпом в рту, и мы с собратом по несчастью, скрученные по рукам и ногам,

лежали у его стоп, подобно каменным львам, желающим защитить венценосного повелителя, но не имея сил преодолеть мраморного плена. Немилосердный надзиратель сидел напротив на колченогом табурете, вздыхая в общем-то вполне беззлобно.

— Древние боги Хаоса! Ну что же вы такое устроили-то! — Он очередной раз огорченно вздохнул и укоризненно покачал головой. — Почтенные ж люди, соглядатаи заморские, толмача своего имеете! А вот на тебе, туда же. Эх вы, головушки колодные! Что ж теперь поделать-то с вами? Сам укладник темничный велел вас неотлучно и до самого суда в путах держать. А оно, как говорится, пока суд да дело, моль корову съела.

Я озадаченно посмотрел на Вадима. Да-да, моего сотоварища звали Вадим, теперь я вспомнил это. Мы — заморские соглядатаи? Ну надо же!

— Жаль мне вас, добры молодцы. Да что уж я, стражник урядный, могу сделать?

— Короче, — поводя челюстью справа налево, тихо проговорил Вадюня. — Сколько надо-то?

— Ну, так смотря на что, — быстро затараторил страж, радуясь понятливости чужеземцев. — Ежели я обрету себе почетную грамоту подстольника, то, скажем, путы вот эти на вас повешу только для виду. Снять, сами понимаете, права не имею, но ведь можно их и не затягивать вовсе. Ежели, скажем, стать завзятым подстольником, то еду сюда велю с базара носить. И гулять по двору дозволю выводить. А уж если застольником стать, — тюремщик мечтательно вздохнул, — здесь лишь места за вами числиться будут, а сами в тюремном тереме жить будете. Покойно, как в нычке.

Он хотел еще что-то добавить, но сверху донеслось подобострастное:

— Осторожнее, каана, не загрязните ножку. Здесь, простите, не прибрано. Сейчас-сейчас, распоряжусь, не извольте беспокоиться.

— Это ж сам стольник тюремный! — озадаченно охнул урядный страж. — С кем это он?

— Эй! — не давая ему развить мысль, донеслось сверху. — Ну-ка немедленно развязи почтенных господ!

— Так ведь, почтеннейший господин стольник, по велению укладника...

— Ты соображаешь, что несешь, голота?! Развяжи сейчас же, я тебе приказываю! У тебя в путах сам подурядник левой руки уряда

Коневодства и Телегостроения заодно с укладником крепкой страхи разведения синих коней на полу валяются. Ведомое ли дело!

— Ой, как нехорошо-то вышло! Ой, как нехорошо! — обреченно прощаясь с витавшими в голове мечтами о быстрой карьере, запричитал стражник. — Помилосердствуйте, отцы родные! Не губите! Кто ж знал?! Видать, морок попутал!

— Держи лестницу! — вновь раздалось сверху. — Да помоги господам к нам подняться.

— Уж расстараюсь, господин стольник, не извольте сомневаться. Осторожнее, препочтеннейший господин подурядник, здесь ступенечка кривовата...

Наше освобождение не заняло много времени. Тюремный стольник, столь же внимательный, как и оставшийся внизу служака, предупредительно подал нам руку, помогая вылезти, и мы очутились в сдва освещенном факелами коридоре перед двумя очаровательными дамами. Правда, одной из них была потерявшаяся фея, а вторая, уже вошедшая в солидный возраст, скорее сохраняла воспоминания о былой красоте, чем на самом деле была прекрасна. Но нам в тот момент обе казались верхом совершенства.

— Делли! — радостно прошептали мы, поскольку закричать от восторга не было сил, да и комок, застрявший в горле, не способствовал внятной речи.

— Это они? — Видная дама, сопровождавшая нашу вновь обретенную соратницу, оценивающе смерила арестантов взглядом и добавила разочарованно: — В облике величия маловато. Ну, пустое. Я рада приветствовать новых граждан нашей страны лично и по поручению Союза кланов За Соборную Субурбанию. Я рада также видеть в вас честных мэдоимцев, чей вдохновенный труд будет служить неуклонному росту могущества основоположной державы. Всегда помните, что Союз кланов За Соборную Субурбанию нерушимо стоит на позициях неуклонного движения вперед при прочной тенденции к стабильности, произрастающей из вершин самых глубинных корней нашей культуры. Искренне надеюсь, что тучные табуны синих коней промчат гордое имя субурбанца по всем дорогам и бездорожью соседних, а также отдаленных стран. Поздравляю, примите сердечные пожелания успехов в вашей многотрудной деятельности. Слово для дальнейшего поздравления имеет Делли, дочь Иларьева.

Не дожидаясь продолжения, фея порывисто обняла каждого из нас, поясняя между радостными поцелуями:

— Это Вихорька-каан, глава Союза кланов За Соборную Субурбанию, думская радница. Я купила у нее свободу для вас.

— После всего, что мы здесь устроили? — чуть отстраняясь, спросил я.

— Эка невидаль! — Фея сстроила хитрую гримаску. — Дела-то заведены на неведомых чужаков, а вы теперь субурбанцы и весьма-а высокопоставленные мздоимцы. А раз так, вам не след задерживать-ся в этой гнусной берлоге.

— Постой! — вдруг вспоминая нечто важное, воскликнул я. — У нас тут есть еще одно дельце!

— Какое? — настороженно поинтересовалась спасительница, исcosa поглядывая на наши сбитые кулаки. — Надеюсь, не... В общем, без расправы?

— Погоди, сейчас все объясню. — Я обернулся к тюремному стольнику, до сих пор маячившему в позе вопросительного знака возле вельможной Вихорьки-каан. — Послушай, любезнейший, мы можем выкупить своего... м-м... сокамерника?

Каталажный чин удивленно пожал плечами:

— Этого-то? Пожалуйста. Коль он вам нужен, на здоровье.

— Дорого ли будет стоить? — продолжал напирать я.

— Да чего там. Пару жабсов дадите, да и то Заначка вас благослови!

— Хорошо. — Я вытянул из висевшего на поясе кошеля кожаные банкноты. — Освободите его и оставьте нас. — Уж разыгрывать из себя чинушу, так на полную катушку: командный голос в общении с нижестоящими — правило хорошего тона.

— Как скажете, почтеннейший господин, как скажете. — Он поспешил покинуть узкое пространство коридора, и Вихорька-каан, понимая, что ее миссия приветствия новых сокланцев завершена, милостиво пожелала соизволить взять его в провожатые.

— Вот, — я указал Делли на появившееся в отверстии каменного мешка уже лишенное кляпа лицо венценосного пленника, — королевич Элизей, превращенный злыми чарами в...

— М-да... Про королевича, это он вам сказал? — хмыкнула фея, укоризненно глядя на выкупленного арестанта. — Ну, здравствуй, принц!

— О красный лик, чертога рваный скол...

— Заткнись немедля! — скомандовала фея с жестокостью, которую я в ней и не подозревал. — Знакомьтесь, мальчики, это — Пере-плутень!

Пес с человеческим лицом подошел к нам и уселся на задние лапы, подкладывая под себя мохнатый хвост.

— А типа где же королевич Элизей? — Вадим недоуменно посмотрел на утратившее былое величие существа, потряс головой и, точно перепроверяя сам себя, заглянул в каменный мешок, словно надеясь увидеть там кого-то еще, кроме замешкавшегося сторожа.

— Ничего, это пройдет, — поспешила утешить нас Делли. — Это всегда так бывает.

— Иссиний век сигнального свистка, — вновь открыл рот Пере-путень.

— Я превращу тебя в статую. И ты останешься здесь стоять на веки вечные, — нелюбезно глядя на старого знакомца, пообещала фея. — Идемте. — Она схватила нас под руки и, не обращая больше внимания на загадочного говоруна, едва ли не силком потащила к выходу.

— Может, хоть из тюрьмы этого трепача вывести? — тихо спросил я. — Все же деньги плачены. А то ведь не ровен час мы уйдем, а его обратно запихнут.

— Нет, здесь так не принято, — покачала головой Делли. — Если уж заплачено, то выйдет он отсюда абсолютно спокойно. Будет себе гулять, пока опять не найдется недотепа, который, очнувшись после его бредней, решит жалобу подать в государеву сторожу. Тогда пустобреха в который раз отловят и опять сюда же кинут. Впрочем, не надолго, недели на две, не более. До суда все равно не дойдет.

— Чего вдруг? — хмуро удивился Вадим, окончательно протрезвевший после замысловатых речей сокамерника и чувствовавший себя теперь последним идиотом. — Он тут типа бульдозером по ушам ездит, а его по-взрослому замести не могут?

— Не могут, — выводя нас из застенков, согласилась фея. — Впервых, он Пере-путень, и говорить иначе просто не умеет. Ведь он же не со зла всякому встречному и поперечному голову морочит, без всякого умысла и корысти. Порода у него такая. Вот я, скажем, от рождения чары наводить могу, а он несет разную околосицу, и кто не послушает, всяк верит. Да что там верит! Сердцем понимает, готов за ним на край света идти.

— Это точно, — вспоминая ощущения последнего часа, печально констатировал я. — Я на полном серьезе поверил, что он заколдованный принц.

— И не ты один, — утишила фея. — Бывало, собирает вокруг себя десяток человек и идет по дороге, байки травит. И они вслед, уши

развесив, бредут, обо всем позабыв. До двух дней так идти могут. Потом люди от усталости с ног падают, тем и спасаются. Переплутень знай себе дальше бредет, потери не замечает, ну а кто отстал, поваляются без чувств, да и хватятся: «Где я? Что тут делаю?» Натура у Переплутня такая, ничего тут не попишешь. А раз уж он изначально так устроен, то, выходит, и судить его не за что. Да и как прикажете судить, ежели ему на толковище слово придется давать? Нескладушка тут получается: не дали слово, где ж тогда справедливость? А уж если говорить дозволить, то пиши пропало, всю судебную палату олухами выставит. Кроме того, — продолжала Делли, пересекая тюремный двор, — Переплутень языком-то мелет, да в словах его всегда зерно истины сыщется.

— Это как? — насторожился я, вспоминая странные ощущения при упоминании зверолюдом принца Элизея и драконов.

— Ну, вот ты помнишь, о чем, как тебе казалось, он говорил?

— М-м... По-моему, он поднял восстание, — неуверенно начал я, — среди кобольдов, строителей подземных храмов бога Нычки. Его вроде бы пытались схватить, но вмешался принц Элизей.

— Заметь, — прервала меня спутница, — наверняка до беседы с Переплутнем ты и понятия не имел, что на востоке Субурбании живет племя кобольдов, строителей подземных храмов.

— Верно, — несколько смущенно подтвердил я. — Даже не догадывался.

— Восстание он, конечно, не поднимал, да и не мог поднять. Кобольды в основном живут под землей и редко появляются на поверхности. Переплутень же по своей воле под землю не полезет. Но вместе с тем кое-что в его словах верно. Подземные жители, строя храмы, выбрасывают огромное количество горючего камня, который субурбанцы увозят на телегах и сжигают в печах. Если бы кобольды не добывали этот камень, местным жителям практически нечем было бы обогревать дома в зимнюю пору, не на чем готовить еду, ковать железо. Но если бы субурбанцы не разгребали рукотворные горы вокруг входов в глубинные святилища, их бы могло просто завалить в подземельях.

Правда, кобольды начали поговаривать, что раз местные жители так нуждаются в том, что выбрасывается из подземных коридоров и залов, пусть меняют хотя бы часть этого каменного мусора на еду. Однако Переплутень здесь абсолютно ни при чем. Разговоры о том уже который год идут. Должно быть, действительно встретил он кого-то из кобольдов, а вероятнее, из кобольдих, они чаще на поверхнос-

ти охотятся, наплел ей — или им — с три короба и увел от родных лесов к Елдин-граду. Вот и вся незадача.

— А как же Элизей? Освобождение от рук врага? — стараясь восстановить истину по разбросанным в Переплутневой болтовне крохам правды, спросил я.

— Не знаю, — пожала плечами фея. — Придумать эту встречу старый болтун скорее всего не мог. Он всегда говорит о том, что в самом деле видел или слышал, но только по-своему.

— Стало быть, — пытаясь рассортировать полученные фактиki, подытожил я, — Переплутень встретил Элизея либо в землях кобольдов, либо по пути к столице. Так?

— Так, — чуть подумав, согласилась фея.

— Угу. Земли кобольдов соседствуют с Грусью?

— Да, — подтвердила мою догадку прирожденная чародейка. — С землями Груси Аloy.

— Очень хорошо, — кивнул я. — Сначала наш, с позволения сказать, свидетель утверждал, что отправил принца в Гуралию собирать войска драконов, и это меня насторожило. — Я потер виски, стараясь как можно точнее вспомнить недавнюю беседу. — Потом, когда я задал наводящий вопрос, Переплутень изменил свои показания и заявил, что Элизей направился в Тюрбанию.

— Да-да, еще что-то про Рух рассказывал, — вклинился Вадюня.

— Проруха, она и на старуху бывает, — согласилась Делли.

— Не-а, это другая, — замотал головой помощник. — Это на львов. Она им чисто спины ломала.

— Погоди, — прервал его я. — Делли, земли кобольдов в какую сторону от вашей столицы лежат?

— В сторону Тюрбании, — поразмыслив, ответила Делли. — Гуралия, та к закату, а это к югу.

— А драконы где живут?

— Ну, живут-то они где ни попадя, — хмыкнула очаровательница. — Где уgnездятся, там и живут. Но, пожалуй, в Гуралии их побольше будет.

— Та-ак! То есть, иными словами, драконы живут и в Гуралии, и в Тюрбании. Однако принц, который ищет твою воспитанницу, доехав до земель кобольдов, вдруг резко поворачивает именно в Гуралию.

— А чего ты в натуре решил, что именно туда, а не в это, в Чурбанию? — усомнился Вадим.

— Потому что о Гуралии Переплутень заговорил сам, а Тюрбания появилась после моего вопроса. Стало быть, это направление в восприятии нашего свидетеля отложилось как второстепенное. Резонно?

— В общем-то да, — согласилась фея, внимательно выслушав мой довод. — Но сам понимаешь, с Переплутнем никогда не знаешь, чему верить, чему нет.

— И все же я полагаю, что принц получил от кобольдов какую-то информацию, вынудившую его изменить первоначальное направление поисков.

— Так че теперь, Клин? Ломиться, вытаскивать всех этих земле-роек из норы, чтобы узнать, чего они напели типа твоему феодалу?

— Вероятно, они сообщили ему нечто очень важное, — не сдавался я, доходя наконец до ворот внешней тюремной ограды и пропуская вперед Делли. — Мы должны узнать — что.

— Не надо соваться к кобольдам, — почти просительным тоном произнесла фея. — Это плохая мысль. Давай-ка лучше доедем до столицы, а я тебе оттуда принца найду в два счета.

— Это возможно? — не совсем веря услышанному посулу, переспросил я, намереваясь выяснить, отчего в таком случае нельзя так же просто отыскать и пропавшую принцессу.

— Элизея отыскать несложно, — вздохнула фея, легким кивком головы отвечая салютующему стражнику. — А вот с Машей не выходит, — добавила она, отвечая на мой незаданный вопрос. — В любом случае в первую очередь необходимо добраться до столицы.

Наше превращение из безвестных узников в высокопоставленных мэдиумцев произошло практически безболезненно и стремительно, как в сказке. Первым делом Делли позаботилась о внешнем виде бывших арестантов, и было просто любо-дорого поглядеть, как под ее руками исчезают ссадины, царапины, пропадают кровоподтеки и синяки и вообще улучшается наше подорванное казематной сыростью самочувствие. Затем, сменив рваную одежду на парадную, мы вместе с Вадимом направились к достопочтенному господину уряднику Коневодства и Телегостроения, одним из помощников которого отныне на год вперед значился славный витязь Вадим Ратников. Моя же собственная должность была еще забавнее. Как ни крути, выходило, что я все же возглавил службу безопасности, так сказать, дочернего предприятия Олеговой фирмы. Своих новых сотрудников главный коневод страны принимал

весьма любезно и, пожелав подуряднику левой руки успехов в разведении джапанской патрульной породы, охотно выписал Вадюне грамоту, позволяющую обследовать все пределы Субурбания на предмет поиска и выделения земель под пастбища многоценного, перспективного вида лошадей.

— Как же я их разводить-то типа буду? — просительно глядя на меня, произнес Ратников, когда мы вышли из урядных палат. — Он же в натуре того, не этого?

— А ты вспомни, как кони размножаются, — на голубом глазу предложил я, представляя картинку, где на месте племенного жеребца выступает могучий «ниссан». Вадим, видимо, тоже представил себе это более чем явственно и минут пять не мог прийти в себя, приговаривая сквозь слезы:

— Он ее того, ка-ак... Бу-га-га!

Со стороны эта сцена выглядела, должно быть, по-идиотски, но с напряжением сегодняшнего дня было покончено.

У входа в арендованные Делли покой нас встречал давешний толмач, принесший официальные поздравления от Юшки-каана с приглашением войти в Союз кланов Соборная Субурбания и с немалой мздой лично от себя, если господину подуряднику Коневодства левой руки вдруг понадобится верный человек в ранге подстольника. К сожалению, мы вынуждены были ответить ему отказом, хотя из всех субурбанских «лиц» это, несомненно, было самым приятным.

— Сейчас у нас командировочка образовалась, — объяснил я огорченному канцеляристу причину отказа, — нужно срочно по делам уехать. А как вернемся, так приходи непременно.

— Это слово мздоимца? — заглядывая нам в глаза, не замедлил уточнить чинуша.

— А то! — гордо пробасил Вадюня. — Чисто мытаря, гадом буду!

Мы ехали ускоренной рысью, давая возможность встречным зевакам подивиться чудесным свойствам наших коней.

— Слушай, Делли, — кинул я через плечо фее, сидевшей у меня за спиной, для верности обхватив руками торс спутника, — а куда ты пропала там, у траншеи?

Признаться, этот вопрос мучил меня давно. С того самого момента, как я не обнаружил тела разбившейся красавицы во рву. Но теперь, когда улеглись первые восторги от встречи, настало самое время расставить точки над «и».

— Исчезла, — самым беззаботным тоном ответила кудесница, так, словно я спросил у нее, который час. — Можно сказать, растворилась в воздухе.

— Хм, интересная манера, — озадаченно выдавил я. — Мы чуть на стену не полезли, когда увидели, что тебя нет, а ты просто... исчезла, даже ручкой не помахала.

— Извини, — с ноткой раскаяния проговорила Делли. — В следующий раз обязательно помашу.

— И на том спасибо, — мрачно изрек я, теряя остатки до того вполне доброго расположения духа.

— Виктор, сам посуди, — немного помолчав, вновь заговорила фея, для особой проникновенности глядя мне спину. — Я ведь не просто сама по себе фея, я еще и сотрудница Волшебной Службы Охраны. Состою при особе наследной принцессы Груси Золотой, Зеленой и Алой. Если бы взяли меня вместе с вами, обнаружилось бы, что сотрудник Волшебной Службы Охраны из соседней державы без соответствующего ярлыка по Субурбании разъезжает. Да еще нападает на людей, что и вовсе нам запрещено. Всадников я бы, положим, остановила, а вдруг они там не одни были. Не хватало еще стрелу схлопотать.

— Не одни. А отчего по дороге нас не вытащила? Тут-то воевать не надо было, — не унимался я, внутри все же соглашаясь, что в чужой монастырь, в который нас занесла нелегкая, со своим уставом лезть не следует.

— Не успела. Надо было в Грусь слетать, договориться, все оформить. Потом в Елдине кому надо мзду дать. Так что просто не успела, уж извините. Кстати, из тюрьмы я вас тоже не имела возможности вытащить иным способом, кроме как мздой. Вы без сознания были, потому не помните, но когда вас в темницу-то доставили, местный маг, он же лекарь, непременно поливал новых заключенных особым раствором, отгоняющим блох, комаров, крыс и дурную магию. Если бы я попыталась каким-то образом воздействовать на вас чарами, — она печально вздохнула, — вы бы могли просто сгореть. — Делли снова покрепче ухватилась за меня и ласково, совсем, как обыкновенная женщина, зашептала в самое ухо: — Ну я правда, честно, не хотела вас бросать.

— О чём секретничаете? — подъезжая к нам, крикнул Вадюня, после пут и каменного пола упивающийся свободой и быстрой ездой.

— О секретах! — мрачно огрызнулся я. — Мал иш-шо!

— Ну и ладно, — добродушно отозвался Ратников. — Делли, я это, у меня чисто вопрос образовался. Я, короче, ни фига тут не врубаюсь, что это здесь за хрусты такие диковинные? Жабсы, хвостни, мостики, убитые еноты... Конкретно по жизни, дубом рехнуться можно!

— Ваши-то чем лучше! — хмыкнула Делли. — Рубли небось от слова «рубить» происходят, ни дать ни взять гуральские спилы. Там, видишь ли, из особого сорта дерева деньги делали: пилили ствол на кругляши, клейма раскаленные прикладывали, вот тебе и монета. Правда, стоимость спилов вне Гуралии никакая, но тамошние жители за границей почти ничего и не покупают, потому как туда не ездят. С иными деньгами тоже все просто. Вот, скажем, жабсы. Когда первые мурлюки за Хребет пришли, у них своих денег не было. Но один ушлый менял, который сбежал из Империи Майна, прихватив чужое золото, отловил на болоте несколько десятков жаб редчайшей породы, скормил им самородки, а потом прилюдно вскрыл, демонстрируя, что в брюхе каждой из них находится высочайшей пробы драгоценный металл. А еще ранее того он заплатил первому главному майору за право владения всеми болотами по ту сторону Хребта, а буде возможность и по эту.

У главного майора за Хребтом болот было много, а денег не было совсем, и он охотно согласился. Получив желаемое, ловкач заявил, что в желудке у каждой жабы этой породы хранится мерный самородок, а стало быть, шкурка такой драгоценной животинки вполне может являться платежным средством, ибо обеспечена чистым золотом. С тех пор дети и внуки того менялы, его племянники да прочие родственники и свойственники такую силу взяли, что сами главного майора выискивают и нанимают для того, чтобы он, с благословения Светоносной Девы, берег их золото, Тын двигал и новые болота им выделял. Жаб-то все больше требуется! Сами видели, как они головастиков своих стерегут. Остороги вокруг каждой трясины!

— И что, никто в натуре не дергается? — нахмутившись, поинтересовался обескураженный мздоимец-недоучка.

— Ну почему? Скажем, субурбанцы очень даже хорошо у себя таких жаб разводят. Головастиков за богатую мзду где-то раздобывают, а топей и здесь видимо-невидимо. Они и транши-то затем берут, чтобы объяснить, откуда, собственно говоря, у них жабсы появились.

— Ну хорошо, это шкурки, а остальные деньги?

— Мостики пошли от мостового налога, который прежде в Империи Майна платили за переход с одного берега на другой. Хвостни

здешние от того, что древние субурбанцы были скотоводами и считали своих коров по хвостам. Один хвостень — стоимость одной коровы. Наши же убитые еноты от прежней дани, которую государю шкурками платили. Особо самодержцы предпочитали енотов. Деньгут же, которую за одну шкурку давали, и стали звать убитым енотом, чтобы с живым зверьком не путать. Ну и так далее. — Она выглянула из-за моего плеча, всматриваясь куда-то вдаль. — Ну что, господин подурядник левой руки, доволен?

— Натурально, — кивнул Вадюня.

— А уж я-то как довольна! Вон, впереди красные кусты видите? Это и есть граница Груси Алой.

Глава 6

*Сказ о том, что у птицы видно по полету,
а у витязя по понятиям*

Там, куда указывала Делли, буйно росли высокие кусты, усыпанные красными ягодами.

— Это чего, малинник? — присмотревшись, с удивлением спросил Вадим.

— Ага, — гордо отозвалась фея. — Только малина не простая, волшебная.

— Это типа кто ее съест, у того рога вырастут? — Господин подурядник с явной опаской поглядел на маячашую впереди естественную преграду. — Я помню, чего-то такое читал.

— Да нет, — Делли удивленно пожала плечами, — почему же рога? Ничего такого у него не вырастет. Просто ягоды здесь такие вкусные, что проехать мимо и не попробовать никто не в силах. Одну ягодку съест, другую, пятую, десятую, а оно же все треск да шорох. Бывало, на полверсты в глубь малинника некоторые едоки уходили, все никак остановиться не могли. Ну а пока, значит, нарушитель за обе щеки малинку наворачивает, на шум уже ближняя к месту богатырская сторожа прискакет. Так что либо иди на конный перелаз, либо носи оберег волшебный, либо уж как мы, — фея сделала неопределенный жест в сторону живой изгороди, — чарами.

Малиновая пограничная линия расступилась саженей на пять, давая всадникам дорогу.

— Ну вот, — обнадежила нас очаровательная спутница, когда заросли, полные соблазнительно спелых сладких ягод, сомкнулись за нашими спинами, — добро пожаловать в Грусь Алую.

Я огляделся, надеясь немедля найти, как принято писать в детских журналах, десять отличий от предыдущего пейзажа. Впереди виднелась гряда холмов, поросших немало прореженным дубняком, откуда-то очень издалека доносился едва слышный колокольный перезвон, чуть в стороне, должно быть, подпевая далекому благовесту, пробовало голоса коровье стадо. В общем, идиллическая картина, настраивающая на дачный лад.

— Что же здесь такого алого? — поинтересовался я, больше из желания скрасить дорогу беседой, чем действительно вытягивая из Делли очередные бытописания местных стран и народов.

Конечно, для нас, пришельцев, в этом странном мире все, что мы видели и о чем слышали, было в диковинку. Но все же лично моя нынешняя задача весьма отличалась от задач дедушки Миклухо-Маклайя. А от раскрытия тайны похищения ее высочества я, увы, был так же далек, как и неделю тому назад. Однако, как ни выходи из себя, ни одного нового факта, фактика, хотя бы даже намека на факт у следствия не было. Если, конечно, не считать за таковые утверждения Переплутня об изменении королевичем Элизеем своего маршрута. Само по себе странно, но вместе с тем было — не было, неизвестно. Он или другой — непонятно. Туда или в иное место — одному богу ведомо. Основывать расследование на столь шатком фундаменте — дело глупое.

— Алой эта земля величается вовсе не оттого, что огорожена от иных владений малинниками. И не потому, что окрест в лесах полно рябины, а по весне на полях буйным цветом полыхает мак. Прозвание такое пошло с тех самых пор, как на Грусь зарились вороги лютые, аки волки голодные. То Орда откуда ни возьмись нахлынет, то из Империи Майна, которая в те годы, правда, империей еще не была, злой недруг пожалует. Тут их всех встречали и лили кровь в жестокой сечи. С этого времени так оно и повелось: ближние к границе земли — Красный Пояс. Чуть далее, нормальной конской скоростью полтора дня пути, Грусь Зеленая начинается. Прозвали ее так оттого, что куда ни кинешь взгляд, где только не приведись, везде тамошние земли засажены огурцами, луком и капустой. Ибо и в нашей стране эти дары земли в большом почете, и в других концах света наши соленые огурчики и квашеная капуста едва ли не на вес золота. Со всего мира торговые гости едут. — Делли мечтательно

причмокнула. — А уж Золотая, — фея даже зажмурила глаза от нака-
тившего чувства, — от дворцов да теремов, храмов да колоколен свое
прозвание имеет.

— А в кого веруют-то? — заинтересованно спросил славный ви-
тязь Вадим Ратников. — Тоже в Нычкино семейство?

— И в Нычку веруют, и в Сына вдовы, и в Изгнанника с Восто-
ка, и в одноглазого бога с копьем, и в Деву Светоносную, и в других
каких... Хотя ежели послушать, то считается, будто бы более всего
славят Солнечный лик, в восьмилучевом кресте воплощенный. —
Фея усмехнулась. — А так, если ты приедешь и скажешь, что за три-
девять земель очень сильный джапанский бог спасает от болезней,
дарует богатство и хранит от черного глаза, то и в него истово верить
будут, лишь бы ничего делать для этого не надо было. А уж если за
свои деньги храм возведешь да бирюльки разные раздавать начнешь,
тогда и вообще в святые подвижники запишут. Главное тут растол-
ковать, что хотя люди и грешны, и грешить будут до последнего вздо-
ха, но все это не беда, все это по-людски. И ежели загодя с богом
договориться, все равно сладок кус на той стороне получишь.

Говорила она с жаром, пожалуй, даже с запальчивостью. Долж-
но быть, тема местных верований чем-то болезненно затрагивала
интересы нашей милой заказчицы.

— Клин! — предупреждающе шикнул Вадюня, не слушая ответ
на свой вопрос. Он напряженно вглядывался в сторону гряды хол-
мов. На гребне одного из самых высоких виднелась почти монумен-
тальная группа — два всадника, напряженно глядевшие явно в нашу
сторону, и пустая лошадь рядом с ними.

— Витязи местные, — пояснила Делли, заметив по направлению
наших взглядов предмет столь пристального внимания. — Границу
сторегут.

— Что, опять?! — Вадим выразительно поглядел на меня. Очевидно, мысль о том, что в очередной раз предстоит встреча со стра-
жами кордона, явно не грела моего соратника. — Может, проскочим
от греха подальше? Прорвемся на скорости?

— К чему? — удивилась фея. — У нас ярлыки в полном порядке.

— То-то и оно, — покачал головой Вадим. — Не найдут за что с
нас бабки снять — огорчатся. А дальше поди докажи, кто на кого
напал. Ну что, топим газу?

— Эге-ге-гей, люди добрые! — разнесся над лесами и долами
мощный глас, заглушивший дальний звон колоколов и заставивший

сокрущенно замолкнуть коровье стадо. — Стойте где стоите! Ужо к вам спускаемся.

— Уходим, — прошептал знатный коневод-мэдоимец.

— Не стоит, — остановила ретивого подурядника Делли. — Я их знаю. Все будет нормально.

— Разве что знаешь. — Ратников еще раз смерил взглядом богатырей в конических шлемах, начавших неспешный спуск в долину. — Но лично я бы притопил. На всякий случай.

Между тем всадники приближались, и то, что прежде скрадывалось перспективой, теперь начало вырисовываться в полный рост. Оба витязя были отнюдь не хрупкого телосложения, но один из них, вероятно, старший, с бородой лопатой, и вовсе казался роста неимоверного для человеческой породы. Стоит лишь сказать, что спутник его, не вышедший, как он, росточком, был, пожалуй, поболее Вадима и ввысь, да и в плечах пошире. Лопатобородый же возвышался над ним на полторы головы. Заслоняясь от лучей дневного светила, могутный богатырь держал руку козырьком под кромкой шлема, и шипастая булава, по виду отлитая из бронзы, свисала с его запястья столь же легко и непринужденно, как полосатый жезл с руки инспектора ГАИ.

— Ба! — вновь рявкнул отпрыск явно великаньего племени, действительно узнавая нашу спутницу. — Да никак то чаровница-кудесница Делли, дочь Иларьева, из монаршего приказа Волшебной Службы Охраны! — Он неспешно склонил голову в поклоне. — По здраву ли будете, матушка-чудесница? Легка ли вам дороженька? Давно нам свидеться не доводилось! А с вами-то кто? — Он прищурил глаза, вглядываясь в наши лица, словно силясь припомнить, не встречались ли мы ранее.

— Знакомьтесь, — Делли приветливо улыбнулась, — и будьте други верные. Сей неодолимый витязь Светозар Святогорович, по прозванию Буйтур. Рядом друг его и соратник Неждан Незванович, по прозванию же Ломонос. Весьма нарочитый муж, известный тем, что во всех концах Груси где бы какого витязя ни встретил, всякого зовет силой помериться.

— Это верно. — Неждан Незваныч расплылся в улыбке, искоса поглядывая на Вадюнью. — Как встречу, так непременно. — Он тряхнул копьем. — Негоже, чтобы нашему государю-надеже хлипаки всякие служили!

— А это, — продолжала Делли, — витязь Вадим Ратников, сын из града Кроменца Загорского, и одинец-следознавец Виктор Клинский.

После упоминания моего имени рядом с титулом и должностью одинца-следознавца меньшой витязь, кажется, потерял ко мне большую долю интереса и сосредоточил внимание на Вадиме.

— А вы чего, богатырская застава? — пожав руки обоим встреченным всадникам, поинтересовался Вадим.

— То-то же и оно, что застава, — вздохнул могучий детинушка Светозар Святогорович, и колечки его брони напряглись, чтобы не лопнуть на широченной груди силача. — Покуражились малехо в Торце Белокаменном, вот нас и заставили сюда переться, отслеживать, не идет ли Орда походом на мурлюкскую землю.

— Отчего же здесь? — удивилась Делли. — Ведь Орда-то, коли същется, совсем с иного рубежа появится. От этих мест, почитай, верст тыща, не меньше.

— Десятки тысяч, — согласился Буйтур. — Да только у государя-то свой резон. С одной стороны поглядеть, до мурлюкских земель тута поближе, чем оттель, а с другой — ежели, скажем, Орда в обход двинет, здесь мы ее и переймем. Так что тут сурьезный подход, а не так чтобы абы что. А вот, кстати, вы, добры молодцы, по пути Орды не встречали?

— Нет, — честно сознался я. — Никаких следов. А должны были?

— Да откудова ж ей тут взяться?! Чай, не птица, чтоб по воздуху перелетать. А спросить я вас о том обязан. Тут виши какое дело, мурлюкский главный майор шибко стережется, что Орда на него пойдет. Что ни день, в своих землях переметчиков и соглядатаев ордынских изыскивает. Вот он и прислал государю нашему богатые дары, с тем чтобы батюшка повелел войску своему сторожить в порубежье, не крадется ли злой ворог тайною тропою.

— И как чисто успехи? — полюбопытствовал Вадюня.

— Не крадется, — покачал головой Святогорыч. — А вот вершина Железного Тына в ясную погоду во-он с той горки малехо просматривается. В последнее время мурлюки его ажно за батыльские земли придинули, того и гляди — Субурбанию перегородят. — Буйтур махнул рукой, то ли указывая в сторону пройденных нами земель, то ли попросту на Железный Тын, Орду и главного мурлюкского майора, вместе взятых. — Я вас о другом спросить хочу. — Он сдвинул шлем и поскреб огромной лапищей густую шевелюру русых кудрей. — Вы, часом, пока ехали, младшака нашего не видали?

— Это которого?

— Да Лазаря Раввиновича, — пробасил молчавший до того богатырь Неждан.

— Как-как? Рабинович? — полагая, что ослышался, переспросил Вадим.

— Какой еще Рабинович, — насупился и без того не слишком приветливый Ломонос. — Батька у него раввин, стало быть, Раввинович. Намедни в Торце Белокаменном вместе с нами чудил, вот его сюда в заставу и послали.

— Охренеть! — констатировал Ратников. — Батька — раввин! А что, здесь есть синагоги?

— А как же без них. А ты что, добрый молодец, имеешь что-то против? — Ломонос смерил собеседника недвусмысленно изучающим взглядом. — Так, может, того — отойдем, схлестнемся?

— Да чего там, я просто так, — пожал плечами Вадюня. — Интересуюсь для общего развития.

— Нет уж, — радуясь неизвестно чему, перебил его меньшой витязь. — Тебе побратим наш не по нраву. И на отца его ты небось хулу хотел взвести. Поехали-ка, пожалуй, схлестнемся!

Я умоляюще посмотрел на Делли, обещавшую спокойный проезд.

— Ну-тка, зацыкнись, Незваныч! — рыкнул на товарища великан Буйтур. — Не зришь, что ли, люди по государевому делу едут.

Ломонос смолк, по-прежнему хмуро глядя на Вадюня.

— Дык вот, — продолжил Светозар Святогорович, — младшака нашего поутру еще на ту сторону за медовухой в селище отправили, а его нет как нет.

— А на коне не быстрее было бы? — спросил я, кивая на пасшуюся рядом кобылу с притороченной к луке седла бандурой.

— Ха! — криво усмехнулся Буйтур. — До селища доехать, знамо дело, проще. Да только в кружало-то верхом не въедешь, а коли лошаденку на улице оставить, то сопрут беспременно. Оно и лошадь жалко, и за кружало разгромленное потом плати. — Он грустно вздохнул. — Вон, в столице уже покуролесили с горя, посад порушили, теперь вот на заставе, как чиры пониже спины. Ни себе не любо, ни иным не потребно. Так это еще спасибо сказать надо, могли ведь и к Царству Вечных Льдов отправить, следить, не крадется ли оттуда тайный ворог.

— А чего горевали-то? — живо поинтересовался неуемный Вадим, точно намереваясь утешать новых знакомцев.

— Так ведь как же, — неспешно выговорил благодушный исполин. — Как принцесса наша пропала, так всех жильцов¹, всю особ-

¹ Жильцы — отборная стража, жившая непосредственно при государевом дворе.

ливую стражу, всех, кто в тот вечер в карауле стоял, от двора взашей прогнали. Будто мы что поделать могли супротив чародейства! Тут уж, прости, вельможная Делли, дочь Иларьева, не особливой страхи работа, а Волшебной Службы Охраны.

— Ну да! — тут же выпалила наша спутница. — А дракон, значит, в счет не идет? С ним тоже должна была волшебная служба охраны биться?

— Нет, конечно, отчего ж так, негоже светлой фее с мечом на дракона идти. Это, знамо, наш удел. А вот завесу вокруг Торца Белокаменного не мы, а феи держать должны были.

— Стоп-стоп-стоп! — перебил я спорщиков, похоже, решивших сцепиться не на шутку. — Повремените ссориться. Светозар Свято-городович, будьте любезны ответить — вы, выходит, стояли в оцеплении, когда исчезла принцесса?

— Было дело, — сокрущенно кивнул богатырь. — Я, и вот Неждан, и Лазарь, все самые наипервейшие, чином не ниже ряного витязя.

— Угу, понятно. Если не возражаете, я с вами поговорю отдельно. Делли, а ты, получается, отвечала за магическую безопасность столицы?

— Не совсем так, — со вздохом потупилась фея, кажется, начиня краснеть. — Я несла ответственность за магическую безопасность того зала, из которого пропала Маша. За стены и купол отвечали другие феи.

— О-очень интересно. — Я потер переносицу, стараясь собраться с мыслью. — Насколько я понимаю, дракон не мог появиться над дворцом, не пройдя предварительно сквозь защитную линию.

— Именно так, — наклонил голову Буйтур.

— Верно, — подтвердила Делли.

— Но, насколько я опять же понимаю, дракон преспокойно этот рубеж преодолел, и ваша магия его не то что не убила, но даже не ранила? — Я включил соображаловку, пытаясь просчитать варианты подобного казуса.

— Видишь ли, — вздохнула фея, — с очень давних времен уж так повелось, что волшебники, маги, а уж тем более феи не имеют права умерщвлять что бы то ни было живое. Такова была суть договора между чудотворцами и всеми остальными людьми и тварями. Среди волшебников и особенно магов порою встречаются те, кто пытается нарушить этот запрет, однако тот, кто рискнет пойти на этот шаг, непременно навлекает на свою голову отмщение как со стороны од-

ной половины договорившихся, так и со стороны другой. Залог почтения к нам — непреложный запрет на умерщвление живого. Преводолевая защитный рубеж, дракон должен был испытать непереносимую головную боль, тошноту и слезоизделение, а все племя лапокрылых ящеров весьма трепетно относится к своему здоровью, особенно к голове. Обычная мигрень для дракона опаснее, чем иное войско. Так что предположить, что кто-либо из этих тварей сунется сквозь купол... — Делли развела руками. — Мы такого даже представить не могли.

— Угу. — Я кивнул и еще раз повторил: — Угу.

Мне виделось как минимум три варианта, каждый из которых требовал дополнительной информации и уточнения ряда деталей. Вариант первый: среди волшебствующей братии внутри периметра у дракона был союзник, так сказать, отключивший на время один из защищенных магией секторов. Вариант второй: подобный союзник существовал вне стен Торца Белокаменного, и он снабдил похитителя, ну, скажем, волшебным амулетом, который дает возможность либо безболезненно пролетать сквозь завесу, либо делать в ней окно. Третий же вариант, и его тоже нельзя сбрасывать со счетов, — дракон был спрятан где-то в пределах столицы, скажем, в ночь перед празднеством, а потом он по команде взмыл ввысь и спикировал на дворец. Ну и последствия известны. Однако в любом из трех вариантов налицо был четко спланированный заговор, исключавший действия дракона, как говорится, в состоянии аффекта, и практически непременное наличие мощного союзника, вероятно, при королевском дворе. Ведь кто-то же должен был обезопасить защитные чары Делли. А она отнюдь не новичок в своем ремесле! Очень занятная ситуация.

— О! Вон Лазарь возвращается. — Неждан Незваныч ткнул пальцем в сторону дубравы. — Два жбана тащит. Чой-то его шатает... Как бы не пролил!

Я мельком взглянул в сторону третьего витязя. Он действительно шел странными зигзагами, умудряясь, однако, не расплескать драгоценного содержимого висевших на коромысле жбанов. Но сейчас медовуха меня интересовала менее всего.

— Светозар Святогорович, мы не могли бы поговорить без свидетелей? — произнес я, спрыгивая с коня на землю.

Буйтур с сомнением поглядел на Делли, мямя со странной в его устах робостью:

— Дык ведь все, что в тот день в хоромах королевских случилось, все ж в сугубом секрете. Даже палата церемониальная волшебной печатью опечатана. И то место, где дракон земли касался, забором огорожено. Вы же, Делли, дочь Иларьева, сами велели, чтоб цыц и ни гу-гу.

— Ему можно, — дозволяюще произнесла сановная работодательница. — На то он из дальних стран и призван, чтоб сыскать Машеньку.

— Как скажете, кудесница, — склонил голову неодолимый витязь, неспешно слезая с огромного сивого мерина, а впрочем, вероятно, жеребца той же расцветки. — Вопрошайте, досточтимый господин одинец.

— Пожалуйста, попытайтесь припомнить в мельчайших подробностях все, что могло бы иметь касательство к событиям того дня.

— Ну, значит, че. — Светозар сдвинул шлем, пытаясь достать закрытый кольчужной бармицей затылок. — Это, значит, м-м... Стояли мы на страже в сенях при чelобитном крыльце, откуда, стало быть, люди всякого звания должны были прийти — молодых поздравлять да одаривать. Служба там сурьезная, а не абы как! Мало ли какой гад ползучий али татъя бессовестный пожелает в хоромы государевы пробраться, чтоб под шумок злодейство учинить. Дык вот, стоим. И того, следим, чтоб ни одна зараза мимо нас не прошмыгнула. А тут вдруг с улицы ка-ак завопят: «Спасите-помогите, люди добрые! Дракон! Змей летучий! Пожар! Убивают!» Мы поначалу решили, что то — хитрость татева. Уловка, чтоб под шумок проскочить. И, как в укладе положено, враз из сеней в тычки всех выпихали и ворота на засов — хлоп! Токмо закончили, пот с лица утерли, как тут крик из палаты, где молодые должны были друг другу клятвы приносить. И то ж: «Дракон! Спасайте!» Ну, тут кто в залу побежал, кто запор из дверей долой — и во двор. Да только крыльцо-то людьми забито. Пока протолкались, пока прибежали, так только хвост того змия увидали.

— А вы? Где в этот момент были вы? — спросил я, понимая, что информация о форме драконьего хвоста, может, и будет являться хорошим подспорьем в расследовании, но не на этом этапе.

— Я-то? — Светозар Святогорович сгреб бороду в кулак. — Я на крик в палату побег. И побратимы мои со мной.

— О-очень хорошо, — кивнул я. — И что вы там увидели?

— Да что ж тут увидишь-то? — криво усмехнулся богатырь. — Свечи все дракон небось крылом потушил. Тьма, хоть глаз выколи!

Барышни визжат, мужи вельможные орут, будто их лесной бодун на рог поднял. А еще мы с факелами прибёгли. Тык-мык. Где? Что? Кто? Да тут же на полу, точно дурни стоеросовые, и растянулись, чуть сами все не попалили.

— Отчего вдруг? — поспешил я задать вопрос, прикидывая, какая сила могла сбить с ног подобного детинушку.

— Дык ведь как дело-то было, — махнул рукой пострадавший, поднимая ветер. — Мы ж как вскочили с факелами да мечами — все наверх смотрели да на окна, где там дракон притаился? Оно-то зорницы, чай, не для того в стене делают, чтоб всякое чудище в них могло голову казать. Так вот мы, значит, на них глядеть, а на полу, стало быть, скатный жемчуг густо так накидан. На нем мы и оскользнулись. — Он еще раз тяжко вздохнул. — Ну а как свечи зажгли, тут оно и вскрылось, что исчезла Машенька, как то облачко в ясную погоду. Такие вот дела. — Могутный витязь опять начал теребить бороду, подобно обеспамятившему старику Хоттабычу, помнящему, что что-то он с этими волосьями должен сделать, но бьющемуся в догадках, что именно.

— Понятно, — кивнул я. — Хотите еще что-нибудь добавить?

— Чего добавлять, почтеннейший одинец? Все, как есть, рассказал, — огорченно вздохнул Буйтур. — Кабы успели, непременно б отстояли принцессушку. А так вот теперь Орду, как дурни, караулим. За каким лешим ей сюда переться — ума не приложу!

С первичным вопросом свидетеля было покончено. Конечно, хорошо было бы запротоколировать его показания, но на мое робкое предложение изложить все вышесказанное в письменной форме он лишь развел руками, словно демонстрируя длину местных осетров:

— Так оно ведь что, грамоте мы не обучены. К чьему витязям грамота?

Попытка же записать показания свидетеля самолично и вовсе наткнулась на жесткий отпор.

— Вы того, батюшка, — сдвигая брови к переносице, недовольно пробасил богатырь, — вы эти значки один к другому не лепите. Я смысла в них не ведаю, а тут не ровен час, глядишь, какая напрасли на сышется. На кой оно ляд мне нужно? Значки-то, поди, дело колдовское.

Как я ни бился, все мои попытки убедить сурового нарочитого мужа в обратном не дали сколь-нибудь заметного результата.

— Не след! — насупившись, молвил могутный витязь.

Во время опроса свидетеля остальные участники «встречи» не теряли времени даром. Два жбана медовухи, раздобытые Лазарем Раввиновичем, мелели на глазах, точь-в-точь Аральское море. Не спасли положение и три бутылки перцовки, извлеченной Вадимом из недр рюкзака. Младшак наших новых знакомцев оказался разбитным парнем с длинными черными локонами у висков и столь же длинными смоляными висячими усами. Найдя благодарную аудиторию, удалец, положив ладони с длинными тонкими пальцами на крестовины двух мечей, висевших с обеих сторон у его пояса, вовсю травил байки о лихой привольной жизни вдали от чопорного двора и о богатырских подвигах участников импровизированной пьянки. Однако в момент, когда я подходил к пирующим, сидевший ко мне спиной Неждан Неванович, за хмельною чарой напрочь позабывший слова старшего собрата о государевом деле, весьма чувствительно ткнул в бок Вадюню с неизменным за последний час предложением:

— Ну, чего, витязь, это, с дороги отдохнул? Пошли — схлестнемся!

— Ну, ты достал в натуре! — Вадим Ратников, и на трезвую голову не отличавшийся ангельским терпением, вспылил не на шутку. — Тебе что, в бубен прислать? Ты меня за фраера держишь?

Уж не знаю, насколько речь моего соратника была понята грозному Ломоносу, но, видимо, все задиры Вселенной владеют своеобразным тайным языком, понятным недруг недругу в любом конце света. Или, если быть точным, в любом конце миров. Тем более что если у Неждана Невановича и оставались какие-то сомнения на счет смысла услышанного, ответный пинок, отвешенный Вадимом, был призван положить конец всем возможным кривотолкам.

— Ну дык пошли! — плотоядно улыбаясь, резво вскочил на ноги страж границы.

— Все ж таки решили схлестнуться? — подходя вплотную к забиякам, прогудел Святогорыч. — Ну-ну, доля вас храни. Это, того, как драться будете? До смерти аль до первой крови?

— Да это уж как получится, — не мудрствуя, пожал плечами вопрошаемый.

— Уж зело крут ты, Нежданушка, ни к чему это. Мягче с людьми надо быть, учтивее. — Светозар положил левую руку на плечи Вадима, отчего тот слегка осел и пригнулся к земле. — Ты вот что, добрый молодец, послушай меня да на ус намотай. На копьях али на мечах с Нежданом биться — дело нешуточное. Он тут кого хошь с коня сбьет да об колено поломает. А еще нагрудник у него из самой Тюрба-

нии привезенный, его Богдемагнус для царя Салтана ковал. Эту сталь ничегошеньки пробить не может! Разве что на булавах с Незванычем можешь потягаться. Э-э, — он оглядел Вадюнино снаряжение, — да у тебя-то и палицы нет! Негоже так, витязь, негоже! Вот хошь — свою могу одолжить? — Он снял с запястья шипастую булаву, подкинул ее в воздух и поймал с непринужденностью, с какой ловят одноименный предмет высокохудожественные гимнастки. — Это у меня легкая, для пужания. Всего-то полтора пуда.

Вадюня мрачно посмотрел на заботливого доброхота. После такой рекомендации, пожалуй, у изрядной части поединщиков затряслись бы поджилки. Но Вадим Ратников был не робкого десятка, к тому же вряд ли он осознавал уровень защиты нагрудника работы Богдемагнуса, но зато очень явственно представлял возможности как синебокого Ниссана, так и немилосердного Мосберга.

Всадники разъехались, давая место своим скакунам для разгона и сокрушительного таранного удара.

— Ну что, витязи, вы готовы? — рявкнул Светозар Святогорович, взявший на себя обязанности судьи поединка.

— Вестимо! — отозвался Неждан.

— В натуре! — в лад ему вторил Вадим.

— Н-но! Пошли, родимые! — скомандовал Буйтур, и всадники помчались навстречу друг другу.

Впрочем, вернее было бы сказать, не спеша потащились. Поскольку, невзирая на бешеный галоп богатырского коня отчаянного Ломоноса, двигались они медленнее джапанского иноходца, а гуманный Вадим, сын Ратников, вопреки своим воззрениям, сейчас двигался со скоростью, не нарушающей установленный в черте города предел, то есть раза в три быстрее, чем его соперник. Кони вихрем неслись навстречу друг другу... Сшибка... Удар! Внимательное ухо могло определить, что грохот удара получился какой-то сдвоенный, но ссылым витязям было не до того. Их товарищ, потеряв стремя, взмахнув руками, замертво рухнул наземь, а перепуганный неожиданным грохотом у самого уха конь встал на дыбы и понесся по полю уже без всадника, оглашая воздух гневным ржанием.

— Лови его, Лазарь! Не дай уйти! — гаркнул исполин, устремляясь к поверженному другу. — Экий знатный удар, отродясь такого не видывал!

Еще бы! По моим прикидкам, если после выстрела картечью в упор любитель схлестываться почем зря остался жив и хотя бы отчасти невредим, ему бы следовало совершить смиренное паломни-

чество в Тюрбанию и устилать там лепестками цветов каждый шаг неведомого мне Богдемагнуса или же его прямых потомков. Однако, не произнося этого вслух, я вслед за могучим хранителем традиций рванулся к поверженному телу. Впрочем, вмиг пропретевшая Делли была уже возле распластанного по земле витязя, спеша оказать волшебными средствами первую помощь пострадавшему. К счастью, повреждения Вадюниного противника были не так фатальны, как предполагалось. Удовлетворенно кряхтя, он приподнялся на локте, затряс головой и попытался растереть грудь под мягким зерцалом.

— Ох и силен, чертяка! Ох и силен-ен! — Витязь скривился. Очевидно, каждое движение причиняло ему ощутимую боль. Немудрено! Невзирая на стальной нагрудник, кольчугу и стеганый войлочный подкольчужник, пару-тройку ребер выстрел с такого расстояния наверняка сломал. Однако рьяного витязя Неждана Незвановича такие мелочи, похоже, не интересовали. — Помогите мне подняться, други верные! — с пафосом изрек он, протягивая руки мне и Буйтру. — Где там мой победитель?

Вадим Ратников стоял чуть в стороне, насупившись и словно говоря всем видом: «А че я, че я?! Он сам нарвался!»

— Ай да умелец, ай да могута! — с уважением промолвил Ломонос, делая неловкую попытку поклониться моему соратнику.

— Ну так я типа не хотел. — Вадюня развел руками.

— Коли одолел меня в честном бою, — не обращая внимания на неуклюжую попытку Вадима оправдаться, продолжил Неждан Незванович, — хошь — в полон бери; под выкуп, аль за службу, а хошь — будь мне братом названным.

— Да ты че, братан, я тебе че, немецко-фашистский оккупант, чтоб тебя в плен брать? Побазарили и разошлись, все пучком!

— Ну, коли братом меня зовешь, — обрадовался Ломонос, — и я тебя буду братом звать. Токмо имя тебе надо придумать громкое да знатное, чтоб по всему честному миру слышали. А то — Вадим. Что Вадим, какой Вадим?

— Пусть зовется Злой Бодун! — раскатисто пробасил Буйтур, опуская руку на плечо свежеобретенного побратима. — Эк он тебя в грудину-то боднул!

И начались объятия, распитие очередного жбана медовухи, неизменное «Ты меня уважаешь?», «Да я тобой просто горжусь!». И разговоры о действиях и походах, которые я пытался превратить в опрос свидетелей, но с довольно малым успехом.

* * *

Уезжали мы поутру, в час, когда из табуна коней, представлявшихся нашему взору вечером, остались только наиболее яркие представители быстроногого племени. Утешив себя мыслью, что в любой момент смогу вызвать витязей для более тщательного допроса, я отпустил их дальше нести службу, предварительно взяв подпиську о невыезде, которую они долго крутили в руках, пытаясь понять, в чем суть этой затеи. Потом, поверив словам нового побратима, смирились и поставили под распиской два отпечатка больших, весьма больших пальцев и аккуратную шестилучевую сквозную звездочку — личный значок Лазаря Раввиновича.

В пределах Груси мы могли не сдерживать бойкий шаг коней и теперь мчались во весь опор, спеша наверстать упущенное. Немилосердно припекавшее светило заставляло то и дело задирать голову вверх, точно умоляя уменьшить пыл и выискивая, нет ли в небесной лазури хоть небольшой тучки или, скажем, облачка.

— Делли, — тоскливо глядя на фею, взывал Вадим, утирая лицо краем плаща. — А нельзя чисто с погодой что-нибудь сделать? А то я в этом скафандре, пока до вашей столицы доеду, буду ну типа та снегурка после мартеновской печи.

— Погоди, — оборвала его жалобные излияния наша спутница. Она вперила взор чуть в сторону от солнца. — Меня во-он та птичка интересует.

— Да что в ней интересного? — муторно поглядев на объект наблюдения феи, спросил витязь по прозванию Злой Бодун. — Голубь как голубь. Хочешь, — Ратников потянулся за своим, уже знаменитым копьем, — сейчас гриль из него забабахаем. На всех, конечно, маловато, но тут уж — конкретно чё есть...

— Погоди ты с едой! — рассердилась фея. — Эта птица летит вровень с нами с самого утра. Причем в том же направлении, прямехонько к столице. И мне почему-то очень кажется, что этот голубок почтовый.

Глава 7

Сказ о том, что написано пером

Мелкая белая птаха деловито махала крыльями, сокращая расстояние из неведомой нам точки А в неведомую точку Б. Мы, задрав головы, глядели на этот усердный комок перьев, сосредоточенно

пытаясь сообразить, является ли он заурядным рейсовым письмочесем, скажем, между Елдин-градом и Торцом Белокаменным, летит ли сия птичка божия по своим орнитологическим делам, или же это спецкурьер, имеющий непосредственное отношение к визиту иномирных гостей.

— Может, ее того, хлопнуть? — хищно вымеряя, какое упреждение дать Мосбергу, поинтересовался новоявленный витязь.

— Ни в коем случае, — не спуская глаз с голубя, покачал головой я. — Может, она сама по себе летит. Вдруг там любовное послание, терзание сердца молодого.

— А если она вражья? — хмуро пробасил Вадюня.

— Тогда уж тем более нельзя эту птичку трогать. Следует узнать, куда она направляется и, желательно, кто ее послал.

— Как же это в натуре узнаешь, — поигрывая копьем, хмыкнул мой верный соратник, — если она по небу рассекает?

— Очень просто, — вмешалась в нашу перепалку Делли, прикладывая пальцы к вискам и тщательно выщеливая взглядом своих вальково-голубых глаз подозрительную пичугу. — Только, ради бога, помолчите, не мешайте сосредоточиться.

Мы послушно притихли, лишь в траве шуршал запутавшийся ветер, да из брюха синебокого жеребца доносилось утробно-угрожающее: «Я убью тебя, лодочник!» Внезапно голубь, дотоле преспокойно хлопавший крыльями, застыл в воздухе, мучительно пытаясь осуществить привычную с желторотых времен последовательность движений: взмах и... и... Если на клюве птицы могло отразиться недоведение, оно обязательно должно было там отразиться, поскольку как ни силья голубь опустить крылья, как ни тужься, они по-прежнему оставались в поднятом состоянии. Более того, сам того не желая, бедолажный начал экстренное снижение, причем, к переполнявшему его возмущению, — хвостом вперед.

— Ну вот, — облегченно произнесла Делли, когда посланец наконец очутился у нее в ладонях, — и не надо никакой пальбы.

В том, что пойманный феей голубь почтовый, больше не оставалось ни малейшего сомнения.

— Нехорошо, конечно, читать чужие письма, — вздохнул я, отвязывая от лап негодующей птицы тугу скрученный клочок пергамента. — Но с другой стороны, в интересах следствия...

Я развернул записку: «Они направляются в столицу, — гласил текст послания. — Делли, с ней одинец-следознавец и могучий витязь. У витязя синий конь, вероятно, мурлюкской породы». «Мур-

люкская порода» была тщательно подчеркнута, должно быть, сей знаменательный факт означал что-то весьма важное. Больше в записке не было ничего. Как ни крутил я ее, пытаясь найти какую-то тайную метку, как ни просвечивала наш трофеей могущественная фея, тщась отыскать под маской очевидного тайные письмена, все впустую.

— Ты ба! — присвистнул Вадим, принимая из моих рук исписанный клочок выделанной кожи. — Кто-то тут нами круто интересуется. Я вот чисто думаю, как бы нам на засаду не нарваться. Может, кругом пойдем? Клин, в натуре это «ж-ж» неспроста!

— Погоди, — отмахнулся я. — Дай прикинуть что к чему.

В одном Вадим был, несомненно, прав. Нас действительно кто-то поджидал. Кто и с какой целью — неясно, но сам по себе факт не вызывал сомнений.

— Делли, — задумчиво обратился я к нашей клиентке, — ты кому-нибудь в столице говорила о нашем скором прибытии?

— Вестимо, — кивнула фея. — Королю-батюшке. Иначе как бы он ярлык проездной велел на вас выписать? А более никому.

— Угу, понятно. Стало быть, и писцы, которые нашу подорожную оформляли, тоже в курсе.

— Нет, — отрицательно покачала головой наша спутница. — В ярлыке прописано, что пооберуч меня следуют два нарочитых мужа, дабы мне одной в дороге не сторожко было и в путевом кружале средь иных не срамно.

— Это чё, чтоб в кабаке мужики не приставали? — мучительно напрягшись, перевел Ратников.

— Ну да, — кивнула кудесница. — Непристойно даме путешествовать в одиночку.

Я искренне посочувствовал экстремалам, которым пришла бы в голову мысль неучтиво обойтись с могущественной дочерью неведомого мне Илария, но сейчас речь шла о другом. Кто-то в столице весьма настоятельно интересовался нашими передвижениями и столь же неизвестный кто-то от самой границы посыпал ему сводку со свежедобытой информацией о следственной группе. Кто и почему? Я сразу отбрасывал из числа возможных подозреваемых знакомых нам витязей. Их презрение к книжечеству и грамоте было искренним и неподдельным. И хотя краткий текст записи также пестрел орографическими ошибками, в сравнении с письменами Лазаря, самого образованного из троицы, мучительно пытавшегося вывести под распиской свое имя, попавшая в наши руки депеша была просто шедевром грусской письменности...

Но, как ни крути, она была! Я в задумчивости потер переносицу. С одной стороны, мне очень хотелось знать, из-под чьего пера вышло перехваченное экстренное сообщение. И в других условиях нам бы, пожалуй, следовало вернуться и со всей возможной тщательностью прояснить этот вопрос, но, с другой стороны, у нас в руках имелась ниточка пускай и очень тоненькая, но все же, возможно, ведущая к разгадке тайны. Ведь наверняка не сам король повелел столь экзотичным образом сообщить ему о нашем приближении. И уж конечно, не в утренний выпуск газет предназначались известия голубиной почты. А стало быть... А стало быть, голубя надо выпустить и проследить, куда летит целеустремленная птица.

— Делли, — переводя взгляд с воркующего в руках фея символа мира на опустевшее небо, произнес я, — сколько примерно отсюда до столицы?

— Пожалуй, верст сто, не больше.

— Угу, понятно. Скажи, мы сможем эти сто верст держаться аккуратно за птицей?

— Отчего нет? — пожала плечами фея. — Конечно, сможем.

— Вот и славно. — Я растянул губы в ухмылку охотника, почувствовавшего дичь. — Стало быть, сейчас вернем пергамент на прежнее место, и вперед за белой птицей, как аргонавты между скал.

Спустя минуту Делли подбросила крылатого почтarya в воздух, а Вадюня, засунув два пальца в рот, оглушительно свистнул, точно, кроме звания субурбанско-мздоимца, планировал еще обзавестись патентом на должность местного соловья-разбойника.

— Вперед! — скомандовал я. — Делли, ты уж подстрахуй птичку, чтобы с ней, не дай бог, в полете ничего не случилось.

Мои подозрения были небезосновательны. Как и предполагалось, крылатый вестник мчал прямехонько к столице, презрительно игнорируя остальные встреченные на пути населенные пункты и укрупненные местечки. Вот наконец высокие стены Горца Белокаменного замаячили далеко впереди, вздымаясь над бескрайними полями золотой пшеницы и ржи. Над стенами в облачной дымке высились золотые купола храмов и колоколен, также вовсю расточавших вокруг дармовой золотой блеск. Казалось, еще несколько минут и мы наконец-то доберемся до столицы, откуда, собственно говоря, и предполагалось начать расследование.

— Все, блин! Гаплык! — Конь славного витязя Вадима, сына Ратникова, застыл как вкопанный, едва успев поставить ноги в пред-

мотренное при остановке положение: — Кранты, ядрена корень. Бобик сдох.

Делли вновь принялась гипнотизировать оторвавшегося было от преследования голубя, боясь упустить его из виду, я же удивленно уставился на собрата по оружию.

— Вадим, что случилось?

— Что-что! — Вадюня с негодованием хлопнул Ниссана между ушами. — Статуй из моего скакуна сделался, вот что!

— Колдовство? — насторожился я.

— Какое, к бениной бабушке, колдовство?! Клин, ты здесь со- всем офигел. Бензин кончился!

— Это поправимо, — процедила фея, не спуская глаз с птицы.

— Что поправимо? Что поправимо?! — не унимался Злой Бодун, не ведая, на кого излить чашу бессильного гнева.

— Твоего коня следует напоить соком из минеральных дров, — по-прежнему не удостаивая взглядом психющую ударную силу, без тени сомнения промолвила Делли.

— Что за фуфло, Делли?! Какие дрова? Какой сок? — не унимался разошедшийся во всю прыть витязь.

— Дрова — минеральные, а про сок — это особая история. — Она взмахнула рукой, вновь притягивая к себе птицу, и, усадив ее на ладонь, заговорила поспешно: — Все очень просто. Далеко на востоке Груси, за Орел-камнем, растут огромные древние деревья. Впрочем, они уже давным-давно и не растут, а просто так, стоят себе, не умирают, поскольку в своем роде окаменели. Но это только сверху. Древесина же этих деревьев точь-в-точь как губка, а корни уходят так глубоко, что из самых сокровенных недр земных живительную силу высасывают. В результате и получается этот самый сок, который, ежели знать, как применять, много чего может. И тебе стекло такое, что хоть руку отбей — не разобьешь, и специальные ящики, чтоб в янтарной сети сила не переводилась. И твоего коня этот сок враз оживит. Мурлюки завсегда так делают.

— Ладно, поверим на слово, — с тяжелым вздохом отозвался на ее слова Вадим. — Ну и где эти чертовы дрова?

— Как это — где? — Делли расплылась в улыбке. — Да Грусь же, почитай, со всем миром этими дровами торгует. Дровами и соком из них. Особенно, конечно, мурлюки берут, но с тех пор как минеральные лампады пришли на смену лучине царя Гороха...

— Делли, да мне по барабану, кто у вас что берет и кто откуда пришел, — недовольно прервал ее Ратников, очень легко теряший

терпение, когда речь шла о той или иной неисправности в машине. — Где?

— Где-где, в столице, конечно, — несколько обиженно отозвалась кудесница, не привыкшая, чтобы ее рассказы прерывали на полуслове, да еще столь непочтительным образом. — Ты здесь постой, чуток охолонься. А я из столицы велю тебе бочку минерального сока приватить.

Ратников вопросительно посмотрел на меня, спрашивая разрешения остаться: долг и любопытство боролись в нем с категорическим нежеланием оставлять красавца скакуна без присмотра. И хотя вряд ли кому-нибудь могла прийти в голову мысль утащить на себе преображеный внедорожник, но мало ли энтузиастов найдется! Того и гляди, глазки светящиеся выколупают, а то и копыта на резиновых подковах отвернут.

— Клин, ну ты же там сам это, того, ну это, разберешься? — застинаясь, проговорил он, окончательно делая выбор.

— Не волнуйся, — обнадежил я боевого товарища. — Все будет нормально.

— Ну тогда я это, здесь постою. Пока.

— Да все путем, ты не переживай. — Я тронул шпорами бока Феррари.

— Только ж вы там без меня ничего такого, — Вадим покрутил в воздухе рукой, — не начинайте.

— Хорошо, — кивнул я, пуская коня в стремительный галоп.

— Побожись! — вслед нам прокричал Ратников, но ответные слова вряд ли донеслись до него.

Столица встречала нас торговым гулом, великим множеством стражи и разноцветьем бесчисленных вывесок, прозрачно намекавших, что все самое лучшее продаётся исключительно по указанному стрелкой адресу. Чтобы не потерять из виду заветную птичку, фее пришлось достать из седельной сумы небольшого лупоглазого мурлюкс-кого совенка с непривычно синими очами и посадить его между ушами жеребца, чтобы расчистить нам дорогу уханьем и миганием. Горожане, увидев коня с опознавательным знаком Волшебной Службы Охраны, шарахались в стороны и жались к обочине, чтобы не попасть под горячее копыто.

— Куда же он летит? — чуть слышно прошептала Делли, хватая меня за плечи и пытаясь приподняться в седле, чтобы лучше следить за полетом голубя. — Неужели ко дворцу?

Однако, не обращая внимания на вызолоченные крыши королевских хором, почтарь забрал круто вправо, заставляя нас свернуть с наезженных торговых улиц в глухоманные проулки. Покрутив немного, он начал снижаться над обширным садом, кроны которого маячили за высокой каменной оградой с множеством сторожевых башенок, в последнее время выполнивших декоративную роль, но вполне еще помнящих свое истинное предназначение. В глубине сада виднелся дом, вернее, даже не дом, а небольшой замок, выстроенный в стиле, резко контрастирующем с местной архитектурой. Именно к этому дому-замку и устремился вестовой голубь.

— Что это за здание? — спросил я у феи, направляя Феррари к каменной ограде.

— Бывшая резиденция графа Инненталя, посланника одной из стран, вошедших ныне в Империю Майна, — от возбуждения переходя на шепот, проговорила фея. — Лет тридцать назад граф, уезжая, продал свое владение одному бойкому субурбанцу. А тот открыл здесь гостиницу. Так она и называется «Граф Инненталь».

Вороной скакун остановился у самой стены, и я, прикинув расстояние от конского крूпа до верха ограды, кляня на чем свет стоит злую судьбу и строителей, возводящих такие высокие заборы, начал подниматься на седло. Протянутые вверх руки нащупали край стены. Я попытался подтянуться и попросту взлетел, едва удержавшись на ограде, чтоб не рухнуть на землю с противоположной стороны.

— Так лучше? — глядя, как я балансирую на выщербленной каменной кладке, простодушно спросила Делли.

— Несомненно, — заверил я.

— Голубь виден?

— Да. Вьется около ближней башни.

— Это хорошо, — глубокомысленно заметила Делли. — Значит, он уже достиг цели.

— Почти достиг, — поправил я. — Сейчас спущусь, попытаюсь подойти поближе, рассмотреть, так сказать, адресата.

Я кинул взгляд направо, налево, высматривая, по какой из стрельниц удобнее спускаться.

— Вот и славно, — напутствовала меня Делли. — А я тогда съезжу распоряжусь насчет минерального сока для Ниссана.

Последние слова феи были заглушены стуком копыт. Я тщательно присмотрелся, выискивая удобный маршрут для спуска, и враскорячку, цепляясь пальцами за щели в каменной кладке, начал движение вниз. Конечно, можно было попросту сигануть со стены в сад,

но перспектива что-нибудь сломать меня отчего-то не грела. Наконец твердая почва оказалась у меня под ногами, и я, найдя взглядом объект слежки, крадучись начал пробираться в высокой некошеной траве к башне, около которой все еще кружил голубь. Быть может, мне показалось, что из-за стрельчатого окошка на третьем этаже до неслось знакомое с детства «гули-гули-гули», а может, и нет. Но, прекратив кружение, белокрылый гонец устремился вниз именно к нему. Судя по тому, что и все остальные окна в доме были открыты из-за летней жары, он явно знал, куда лететь. Я оглянулся, примериваясь, нет ли где поблизости дерева, с которого открывался бы достойный вид на «конечную почтовую станцию». Однако, увы, этот день не сулил благополучного исхода начинаний ни моих, ни голубя. Да, подходящее дерево нашлось без труда, но в тот момент, когда я уже подкрадывался к стволу, что-то темное с клекотом рухнуло сверху, хватая невезучего голубка и разметывая во все стороны легкие белые перья.

— Проклятие! — выругался я. — Сокол! Только этого не хватало!

Между тем небесный охотник взмыл ввысь, сжимая в когтях за конную добычу, игнорируя мои попытки разглядеть наличие бубенчика на лапке, отличающее благородную охотничью птицу от тривиального воздушного пирата. Если где-то существует голубиная книга судеб, то наверняка этот день был фатальным для несчастной пичуги. Стоило Делли снять магическую защиту, как несчастный стал поживой кривоклювого бандита.

— Ладно, — процедил я, смиряясь с невозвратимой потерей, — ничего не попишешь. Попробуем уточнить, к кому это наша птичка направлялась.

Я сделал шаг в сторону, намереваясь обойти отель и... Пожалуй, мне стоило благословить безвременно почившую птичку, своею гибелью избавившую меня от необходимости лезть на дерево, росшее неподалеку от таинственной башни. Едва лишь я повернулся к нему спиной, как сверху послышался хлопок, какой бывает при открытии автоматического зонта, и спустя миг на землю предо мной спланировало нечто, вернее, некто, вернее, хрен его знает кто, абсолютно мерзкого вида.

Вряд ли бы нашелся поэт, способный описать представшее моему взору страшилище, особенно глядя ему в глаза. Но попробуйте вообразить себе тварь с мордой землистого, серо-зеленого цвета, нечто среднее между жабьей и человечьей, лупоглазое, рогатое, на двух коротких, должно быть, очень сильных ногах с длиннющими когтя-

ми, с кожистыми крыльями-дельтапланом на верхних лапах и мощным хвостом, напоминающим гарпун... Вот что-то в этом роде, только еще более гадостное. И хотя существо было ростом едва лишь с крупную собаку, связываться с ним не хотелось аж ну никак.

Тварюка оглушительно заверещала и, расправляя, должно быть, для острастки, крылья, вразвалочку направилась ко мне, щелкая зубами широченного, от уха до уха, рта и тарахтя по земле тяжелым шипастым хвостом. Честно сказать, не знаю, как следует обращаться с подобными ошибками эволюции, но лично я бросился наукам. Возможно, это была не самая удачная мысль, однако времени на обдумывание не было. Это самое «некто», судя по напряженным нижним конечностям, явно готовилось прыгнуть на возможную жертву. Новый хлопок, точь-в-точь повторяющий первый, — и зубастый реликт, пронесясь чуть в стороне, рухнул в нескольких шагах от меня, возобновляя атакующий танец. Я бросился в сторону, моля неизвестно кого добавить силы ногам, а еще лучше приделать к плечам крылья, чтобы дать возможность сигануть через чертов пятиметровый забор, рано или поздно грозивший стать у меня на пути непреодолимой преградой. Существо вновь прыгнуло, отрезая мне путь, я снова отпрянул, неумолимо сознавая, что еще один-два таких прыжка, и быть мне прижатым к каменной ограде, будто приговоренному к расстрелу. Мы снова остановились, вглядываясь друг другу в глаза. Два холодных светлых блина с черными точками зрачков смотрели на меня не мигая с тем равнодушием, с каким изучает меню любитель ростбифов в вегетарианском ресторане.

Я попытался было изменить направление, чтобы, обойдя хищника, опрометью устремиться к спасительному замку, но, предугадав мое движение, тварь, клекоча, прыгнула, вновь преграждая путь и тесня к стене. Я скосил глаза, ища убежища. Справа щербатая каменная стена, кое-где поросшая выонком, в гуще которого смогла бы укрыться разве что бабочка, слева... Слева, шагах в пятнадцати, темнел провал входа в стрельницу, одну из многочисленных башенок, превращавших ограду сада в подобие крепостной стены.

Насколько я помню, такие сооружения в нашей Кроменецкой крепости строились по типу домика улитки, чтобы дать возможность защитникам удерживать боевой пост при нападении изнутри. Глядевшая во двор бойница подтверждала мои предположения. Вход в стрельницу был довольно узок. Часть пути между двумя стенами всякий желающий войти должен был проделать, передвигаясь боком. Но на что не пойдешь ради повышения обороноспособности, а уж

ради спасения собственной шкуры и подавно. Там, где я вынужден был бы проридаться в столь неудобной позе, у моего широкоплечего преследователя не было ни малейших шансов. И слава богу, короткая шея не позволяла ему просунуть голову за угол. Правда, у данного спасительного убежища был один минус: стоило плотоядному прыгуну остаться в засаде у выхода, и из свежей дичи я превращался в тривиальную консерву с довольно коротким сроком хранения. Но, черт возьми, должны же были в конце концов Делли и Вадим заинтересоваться загадочным исчезновением боевого товарища! Хотя с Делли станется броситься в очередную Тмутаракань нанимать очередного сыщика, чтобы найти свою дорогую воспитанницу и своего без вести канувшего предшественника. Но в любом случае иных вариантов спасения не наблюдалось.

Жуткая нечисть, урча и скаля клыки, медленно приближалась, всем видом недвусмысленно требуя последнего броска к стене, превращавшего быстроногую дичь в удобную мишень. Ну, это уж дудки! Чтобы выиграть время и расстояние, я расправил руки, словно крылья, пошире растопырил пальцы и, лихорадочно размахивая ладонями, заорал, завыл, заухал, шаг за шагом отступая по направлению к стрельнице, пригибаясь и пружиня в коленях, точно набирая разбег для прыжка.

Вероятно, это был правильный ход. Гарпunoхвостый урод озабоченно смолк и наклонил рогатую голову в сторону, видимо, сообщая, съедобна ли взбесившаяся добыча. Это было как раз то, что доктор прописал. Сбив с толку преследователя, я рванулся туда, куда старательно прижимала меня злобная тварь, заставляя ее выйти из ступора и немедленно, без прицеливания атаковать. Прыжок! За спиной послышался звук натягивающейся мембранных крыльев, и я, резко сменив траекторию движения, свернулся к стрельнице. Сбоку раздался скрежет когтей по камню. Там, где чудовище рассчитывало застигнуть убегающий обед, по-прежнему находились заросли ни в чем не повинного выюнка. В несколько гигантских прыжков я достиг застенного входа в стрельницу и, втиснувшись внутрь, обессиленно рухнул на пол, стараясь унять нервную дрожь.

Снаружи донесся омерзительный вопль разочарования, и вслед за этим щелканье острозубых челюстей — так близко, что вполне явственно ощущалось смрадное дыхание монстра. Я отодвинулся как можно глубже внутрь башенки и огляделся, инстинктивно ища хоть какое-то средство защиты. В помещении царил полумрак, сквозь узкие щели бойниц и чуть более широкую входа внутрь пробивался

скупой дневной свет. Изрядно проржавевшие кольца, в которые некогда вставляли факелы, недвусмысленно говорили о том, что в последние годы, а может, и десятки лет, никто не пользовался ставшим бесполезным укреплением. Я вновь попятился и уперся спиной в нечто длинное и твердое. «О черт!» — вскрикнул я, резко вскакивая, поворачиваясь и едва успевая уклониться от падающей вязанки дротиков, скрепленных нынче уже сгнившей веревкой. «Ну, вот и оружие!» — злорадно оскалился я, мысленно благодаря рачительного коменданта графского замка за высокую боеготовность вверенного объекта. Теперь-то мы поиграем! Как я уже упоминал, одна из бойниц выходила во двор, расширяясь наружу для создания лучшего сектора обстрела. Сквозь эту узкую щель мне открывался прекрасный вид на злобствующего когтистого уродца, обиженно пытающегося прокрести дыру в гранитной кладке.

— Получи, фашист, гранату! — что есть силы завопил я, с остервенением тыкая в животину полутораметровым дротиком. Пожалуй, прицелься я чуть лучше, не пори горячку, мое оружие могло войти в толстую шкуру гадины. Ржавчина, покрывавшая наконечник, в конце концов довершила бы дело. Но рука моя дрогнула, и дротик, скользнув по зубчатому гребню, шедшему вдоль спины, ушел в сторону, не причинив злокозненной твари ни малейшего вреда. Возмущенная атакой, она отскочила в сторону и, увидев оружие, вновь заносимое для удара, ринулась прямо на него, распахивая пасть.

Щелчок! И в моей руке лишь обломок древка величиной с шумовку. «Дьявольщина!» — Я отбросил прочь обломок, хватаясь за следующий дротик. «Ну-ка!» — Я попробовал его на прочность и вновь опустошенно сел на пол. Оружие, минуту назад казавшееся таким спасительным, на поверку было абсолютно бесполезным. Стойкие древки ломались, как спички, не оставляя ни малейшей надежды на счастливый исход. Мои дальнейшие атаки были бесмысленны. Приходилось уповать лишь на помощь друзей.

Не могу точно сказать, сколько продлилась эта странная осада. Я сидел, прикрыв глаза, прижавшись спиной к прохладной стене, за которой урчала, рычала и обиженно подывала голодная тварюка, и флегматично прикидывал, как долго это исчадие ада может охотиться на столь неудобную добычу и не пора ли ей поискать жертву подступнее. Однако, не желая прислушиваться к логическим доводам, неведомая зверушка продолжала царапать когтями камень и пытаться всунуть морду внутрь стрельницы. Не знаю, надолго ли ее еще хватило бы, но тут откуда-то из глубины сада послышался до боли знакомый голос:

— Эй, Клин! Ты где? Ау! Кли-ин!

Примерно так зовут хозяева потерявшуюся собаку. Не хватало еще услышать: «Клин, к ноге!» Впрочем, при всем желании я бы не смог выполнить эту команду. А вот хищная морда, лязгавшая зубами у входа в башенку, вполне могла, и не просто могла... Позабыв обо мне, она развернулась на месте и, резким хлопком разведя когтистые крылья, прыгнула в сторону, откуда доносился крик. Я прильнул к бойнице, выходившей во двор, пытаясь разглядеть продолжение «банкета». Что и говорить, Вадим Ратников, насколько я его знал, является десертом, вызывающим у едоков острое несварение желудка, как правило, еще до приема внутрь. Звук, раздавшийся несколько секунд спустя, вряд ли когда-нибудь слышали в стенах Торца Белокаменного, но уж я-то его знал прекрасно. Раскатисто громыхнул грозный Мосберг, потом еще раз, и я, подобно сказочной принцессе, возвращающейся из плена злого волшебника, высокочил из «темницы» на белый свет, казавшийся в первые секунды ослепительно, умопомрачительно белым и дорогим.

— Кли-ин! — Вадюня, стоявший чуть поодаль над поверженной тварью, радостно помахал в воздухе копьем, приветствуя нашедшегося собрата. — Ты посмотри, какую я каклю завалил!

— Я ее уже видел, — недобро глядя на распластанное чудовище, прошел я, отчего-то с трудом двигая челюстью. — Мы близко познакомились.

— Ух ты! — невесть чему обрадовался славный витязь. — Слушай, ты тут тогда это, пока покарауль тушу, чтобы никто не спер, а я за фотоаппаратом сбегаю. Сфоткаешь меня на память с этим чертом? Брatanам покажу — закачаются!

Идея Вадима сфотографироваться с законной добычей не суждено было сбыться, во всяком случае, прямо сейчас. Привлеченная громом выстрелов к месту охоты, мчалась небольшая, но весьма живописная группа. Впереди всех, едва касаясь земли, а возможно, и не касаясь ее вовсе — поди разбери в высокой траве, — летела Делли, побледневшая от волнения и, судя по всему, готовая разнести здесь все до последнего кирпичика. За ней торопились, но и близко не поспевали три стражника с алебардами. Замыкал процессию долгусый пузан с вышивкой на рубахе в виде символа веры бога Нычки.

— Все живы? Все нормально? — ощупывая нас, точно не веря собственным глазам, торопливо выпалила фея, едва добежав.

— Ой, да что же это деется, люди добрые! — Субурбанец горестно наклонился над поверженной тварью и запричитал, точно по безвременно погившему другу. — Убили мою горгульеньку, горгулюш-

ку мою убили-и! Лиходеи, смертоубийцы-ы! И кто ж мне теперь все это оплатит?

Услышав эти вопли, городские стражники попытались было взять нас в кольцо, к немалому удивлению и возмущению грозного богатыря Вадима по прозванию Злой Бодун.

— Разберемся, — отрезала Делли, демонстрируя ярлык с золотой печатью, свидетельствующий о высоком положении нашей спутницы в Волшебной Службе Охраны.

— А-а! — почтительно поклонился плакальщик. — В этом смысле... Ну, ежели оно так, оно конечно. Потому как шо ж? А вот только за горгулью-то кто мне заплатит? Тварь, поди, редкая. Из Империи Майна еще прежним хозяином привезенная. Да их и там уже не часто встретишь...

— Видите ли... — начал я.

— А она того, ордынский шпион, — не давая мне закончить фразу, ни с того ни с сего выдал Ратников и, уловив растерянность на лице хозяина поверженной «горгульеньки», усилил нажим, развивая успех: — Может, и вы с нею чисто заодно? А ну-ка, пройдем в помещение, поговорим.

— Что вы! Что вы, — начал отмахиваться толстяк. — Я ни сном ни духом! Нычкой клянусь, ни о чем таком не ведал! Какая гадина! Прокралась, можно сказать! Пригрелась на груди, змеюка подколоводная. Можно я, добренькие господа, за чучельником пошлю? Ну, вы сами понимаете, не пропадать же добру. У-у, морда шпиёнская!

— Пошли-пошли, — не сбавляя тона, гаркнул Злой Бодун.

— Так я пошлю?

— В дом пошли! И чтоб все как на духу, а не то тебе самому чучельник понадобится.

— Да-да, — поддакнула фея, с нескрываемым интересом наблюдая работу оперативной группы.

— Ну зачем вы так, Вадим, — включаясь в до боли знакомую игру «злой и добрый следователь», начал я. — Гражданин и не думает запираться. Гражданин и так нам все расскажет. Чистосердечное признание и глубокое осознание вины смягчит неминуемую кару. Вы ведь и сами понимаете, нам все известно. — Я повернулся к уже ни живому ни мертвому от страха субурбанцу. — Так что запираться смысла не имеет. Конвой, проводите, пожалуйста, подследственного в дом. И проверьте на предмет колючего-режущего... Ну, сами понимаете.

Стража, впечатленная ярлыком Делли, безропотно повиновалась, не задаваясь вопросом, на каком, собственно говоря, основа-

ции мы здесь раскомандовались. Обысканный субурбанец засеменил к дому, а мы наконец получили возможность спокойно поведать друг другу о своих приключениях, начиная с того момента, как судьбе было угодно разлучить нас.

Однако застаиваться у места убийства злосчастной горгульи времени не было, да к тому же ее безутешный хозяин сейчас, должно быть, дождался допроса, лихорадочно перебирая в уме список своих провинностей за последние годы. Мы брели по саду, и я, закончив рассказ о тяжкой участи голубка, похищенного буквально у меня из-под носа, и дальнейшем беге наперегонки с Вадюниным трофеем, теперь с удовольствием внимал жизнерадостному трепу боевого товарища. Впрочем, не слишком вслушиваясь в его слова.

— ...Ну, значит, подъезжаем. У ворот табличка с этой мордой: «Осторожно, окрестности отеля охраняются злой горгульей». Я типа в непонятке. Что за хрень такая? Спасибо, Делли раскумекала. Ладно. Стучу, открывает какой-то рыжик. Я его чисто спрашиваю: «Брателла, не появлялся тут такой-то такой-то?» Он головой вертит. «Нет. Ни фига не видел». Тут меня в натуре конкретно проняло. Я чисто прозрел. У тебя ж с собой ни ствала, ни пики. Буквально голый, а тут такая срань с зубами! Я типа кидаю Делли, чтоб догоняла, ну и ломлюсь сюда, а тут она! Хлобысь! Ну, ни хрена. Картечь, она и в Африке — картечь...

Мы остановились перед роскошной резной дверью, ведущей в бывшие графские апартаменты. Я ухватился за бронзовое кольцо, торчавшее из драконьей пасти весьма тонкой работы, и собрался уж было потянуть ручку на себя, когда отважный витязь Вадюня робко положил мне руку на плечо:

— Клин, может, погодим сейчас этого терпилу допрашивать? Сфоткай меня рядом с горгульей, пожалуйста. На всю жизнь ведь память!

Глава 8

Сказ о том, что свято место пусто не бывает

Обстановка холла гостиницы явственно свидетельствовала о временах шумных пиров и посольских приемов. Вызолоченная деревянная стойка, с неизменным флагжком Субурбаний, наверняка была пристроена позднее и выглядела аляповатой заплатой на горностае-

вой мантии. Хозяин отеля, теребя обвисший ус, понуро сидел на резном стуле за стойкой под бдительным присмотром стражников, все остальное время, вероятно, следивших за порядком в его владениях.

— Ну что, влип, таракан усатый? — посверкавая на бедолагу деланно гневным взором, пробасил Ратников, размахивая перед носом жертвы полароидным снимком с дохлой горгульей. — Всё-о к делу подошьем!

— Погодите, Вадим. По-моему, вы чересчур горячитесь. Хозяин производит впечатление порядочного человека, — продолжая игру, вмешался я.

— Порядочного мошенника! — хмыкнул «злой следователь».

Во время сеанса фотографии мы с Вадимом и Делли четко распределили роли. И пусть допрос без вины виноватого субурбанца к нашим поискам имел весьма условное отношение, но уж будь добр, впрягшись в ярмо матерых контрразведчиков, блюсти если не закон, так хоть канон.

— Надеюсь, у вас есть комната, в которой мы могли бы поговорить без посторонних глаз и ушей, — приятельски улыбаясь, поинтересовался я у содержателя отеля.

— Да, конечно. — Хозяин порывисто вскочил, делая приглашающий жест.

— И чтоб без глупостей! — для остротки рыкнул витязь.

Впрочем, предупреждение было излишним. Насколько мой опыт позволял судить о людях, оказавшихся в подобной ситуации, представители этой категории подследственных быстро скисали и начинали фонтантировать информацией без какого-либо серьезного напряжения.

— Пройдемте ко мне. — Он шагнул вперед.

Стражники было направились за ним, но, остановленные моим окриком, замерли. И наша троица проследовала за хозяином в его «кабинет».

Личные покои владельца «Графа Инненталя» были невелики, вернее, казались таковыми из-за множества разнородной мебели, теснившейся здесь безо всякого вкуса и порядка. Единственное не загруженное шкафами и сундуками место на стене покрывали огромные шпалеры, изображавшие картины совместной охоты двух монархов, вероятно, короля Барсиада II и здешнего сюзерена Базиля IV. Стоя над кучей набитой дичи, государственные мужи жали руки в такой позе, что невольно казалось, будто, пытаясь передавить друг друга, они ставят на кон всю дневную добычу.

— Вы ведь субурбанец? — мягко спросил я, делая допрашиваемому знак присесть.

— Точно так, — кивнул тот. — Родом из Елдин-града. Имя мое Щек Небрит. Щек Небрит я. Имя мое.

— Конкретно! — мрачно глядя на жертву, через губу бросил Вадим. — Так вот ты какой, Щек Небрит. Давно-о я в натуре по твоему следу иду!

Да уж, по всему видать, что между чтением сказок Олеговой дочки у младшего Ратникова оставалось достаточно времени для пристального изучения детективов.

— Это плохо, что вы субурбанец, — вздохнула Делли. — Теперь вас наверняка вышлют. Это все, — она обвела комнату рукой, — конфискуют в казну...

— Куда вышлют?! Как вышлют?! — расширяя глаза от ужаса, взвыл хозяин отеля.

— Все, попался! Туши свет, бросай гранату! — рявкнул Вадюня, заглушая истеричный вопль «подследственного».

— Погодите, друзья мои, у нас еще нет прямых доказательств. Давайте по порядку, — урезонила «специальных агентов» фея.

— Давайте по порядку! — взмолился без пяти минут арестант. — Нычкой клянусь, невиновен!

— Я вам пока обвинения не предъявлял. — Мои слова, кажется, вдохнули чуть-чуть жизни в донельзя расстроенного владельца гостиницы. — Но положение ваше безрадостное. Не стану скрывать, факты против вас. В отеле свила себе гнездо змеиная поросль тайной Орды.

— Кто?! — ужаснулся субурбанец.

— Поросль. Они порой невидимы, но они везде. Они маскируются и таятся. Эта горгулья, или как вы ее называли при множестве свидетелей «гор-гу-лень-ка», тщательно замаскированный главарь целой шпионской сети.

— Да я ж ни сном ни духом! Она ж тут еще при прежнем хозяине... таилась!

— За ней уже давно присматривали, — обнадежил я толстяка. — Да и за хозяином тоже. У него у самого рыльце в пушку!

— Как скажете, — закивал субурбанец. — Как скажете!

— Сегодня в ваш отель была доставлена шифрованная записка...

— Я об этом ничего не ведаю! — перебил меня подследственный.

— Запираться бесполезно! — грохнул кулаком об стол Ратников, нависая над жертвой. — Тебя и так скоро запрут!

— Вадим прав. Нам все известно о доставленной шифровке. Я лично следил за гонцом, когда на меня напала ваша горгулья.

— Помилосердствуйте, я ни сном ни духом! Я ж по хозяйству!

— А ну быстро, к какому номеру относится окно, выходящее в сад на третьем этаже башни, ближней к тому месту, где был повержен враг?

— А это... это... — замялся Щек. — Так жилец-то оттуда сегодня съехал.

— Как? Когда? — Наши голоса слились в единое трио.

— Так ведь аккурат перед тем, как большой господин эту шпионскую морду изничтожил.

— Проклятие! Упустили. Рассказывайте как можно подробнее, что там был за жилец, когда поселился, кто к нему приходил, что запазывал. Все, что только вспомните.

— Так, а что рассказывать? Мальчонка лет пятнадцати, рыженький такой, тихий. Все больше молчал да в номере сидел. Изредка в саду прогуливался.

— Рыжий? — наморщив лоб, перебил его Вадим. — А рыжий слуга типа в гостинице есть?

— Нет, — замотал головой хозяин. — Рыжих нет.

— Ядреный корень! — Лапиша Ратникова рассекла воздух, не находя подходящую жертву. — Я же с этим мальцом в воротах столкнулся! Он все кланялся, морда, чтобы я его лица не разглядел. Может, того, попробуем догнать?

— Где ж ты его сейчас догонишь? — отмахнулся я. — Делли, надо бы городскую стражу предупредить, чтобы всех рыжих мальчиков лет пятнадцати проверяли. Более подробное описание дать можете?

— Да ну как? Ну, рыжий такой, и малец мальцом. Надо же, от горшка два вершка, а уже ордынский шпион.

— В Орде взрослеют рано, — мрачно бросил Вадим.

— Очень верно подмечено, — согласно закивал добровольный помощник следствия, вряд ли что-нибудь достоверно знавший о нравах и обычаях этого древнего образования.

Не дождавшись особых примет, сотрудница Волшебной Службы Охраны тихо вышла, не желая мешать дальнейшему допросу. Можно было не сомневаться, что ближайшие часы у всех рыжих Торца Белокаменного и его окрестностей возникнут изрядные затруднения в свободном передвижении.

— Я вот что думаю, — между тем продолжал активно сотрудничать со следствием Щек, — малец этот здесь объявился аккурат за

несколько дней до того, как наша принцесса пропала. А номер ему загодя один человек снимал. Сказал, мол, приедет племяш, ну и всякое такое. Представительный человек был, с усами, бородой... А глаза молодые. И вот сдается мне, что я очень похожего молодца на королевском выезде видел. Только без усов и бороды. А потом, как свадьба была, я с ним в дворцовых сенях, когда подарки приносил, нос к носу столкнулся. Поклонился ему, а тот сделал вид, что не узнал меня. Да только сам-то признал, потому как быстро с того места убег. Ох, неужто ордынский след аж до самого дворца тянется?! А ну, как и принцессу ордынцы-то похитили? О! — всплеснул он руками. — Никак и драконы с ними в сговоре?!

— Тихо. Очень тихо, — резко перебил его стенания я. — Никому ни слова. Ярлык Волшебной Службы Охраны вы уже видели?

— Да, — кивнул Щек Небрит.

— Вадим, засвети свой мандат.

— Так ведь... — начал Ратников.

— Засвети.

— Ну, как скажешь. — Злой Бодун полез в кошель и извлек оттуда свежее еще удостоверение подурядника левой руки с гордым гербом Субурбании на печати.

— Уровень представляет?

— Да-да-да, — лихорадочно зашептал елдинградец.

— Про коневодство можете не читать, это все для маскировки.

На самом деле...

— Понимаю-понимаю-понимаю. Головной Призорный Уряд.

— Точно, — кивнул я. — Приятно иметь дело с умным человеком. Запомните, совершенно секретное расследование. Одно лишнее слово — и оно станет для вас последним. Полагаю, вы патриот?

— Ты жива еще, моя держава? Жив и я, ура тебе, ура! — взвыл субурбанец, поднимаясь из-за стола.

— Ладно, не продолжайте, я верю. С этой минуты вы мобилизованы на королевскую службу. Вадим оформит вам ярлык. Будете тайным и полномочным мэдиумцем, вы сами знаете чего.

— Понял! — гордо кивнул новоиспеченный агент.

— И запомните, официальная версия нашего пребывания в Груси: поиск наилучших пастбищ для разведения синих жеребцов джапанской породы. Можно даже объявление дать. Но это все для туману, а вы между тем присматривайте, что в городе странного, что так да не так, и про этого рыжего вызнайте все, что только возможно.

— А о подельнике его? — бойко поинтересовался воспрявший духом Щек.

— И о нем, разумеется, тоже. А сейчас дайте-ка мне ключ от того номера, который снимал пацан. Там мы, пожалуй, и остановимся.

— Конечно, сию минуту. — Хозяин гостиницы вытащил из висевшей на поясе кожаной сумки небольшой ключик с изящным серебряным свистком в качестве брелка. — Эх! — сокрущенно вздохнул он, поднося свистульку к губам. — Ведь до чего ж полезная вещь была! Хочешь выйти в сад, дверь открыл, дунул, горгулья сидит себе на дереве и только глазищами блымаёт. А сейчас свисти не свисти... Кто теперь сад охранять будет? А впрочем, — глаза нашего собеседника приняли хитроватое выражение, вообще, насколько я мог заметить, свойственное субурбанцам, — ежели чучело сделать, да на дерево посадить, да перед поселением в номер, как и прежде, в окошко показывать... Пущай себе свистят! И им спокойнее, и мне не в убыток. Пожалуйста, гости дорогие. — Он протянул ключик. — Заселяйтесь, господа любезные! Все устрою по высшему разряду.

К моему глубокому разочарованию, тщательный обыск, проведенный в только что покинутом номере, не дал практически никаких результатов. Если, конечно, не считать таковыми перевернутый вверх дном люкс и невольное почтение к аккуратности бывшего жильца.

— Вызвать покоёвку¹? — с ужасом оглядев устроенный следственной группой бедлам, робко поинтересовался хозяин почтенного заведения.

— Пожалуй, да, — мрачно кивнул я, подходя к окну в надежде утешиться открывающимся оттуда пейзажем и осмыслить события последних часов.

Ажурная витая решетка, прикрываемая снаружи витражным окном, придавала запущенному саду недоступный вид, но вместе с тем не слишком стесняла действия человека, желающего воспользоваться услугами голубиной почты. Разбросанные на каменной плите подоконника семена подсолнуха свидетельствовали о том, что конечный пункт Б, к которому направлялась птица, находился именно здесь.

Совсем недавно таинственный рыжеволосый подросток стоял у этого самого окна, подманивая крылатого почтarya. Но не мог же наш беглец все время торчать здесь, выисматривая, а не появится ли вдруг в небе белый голубь с известием? Это была бы весьма странная манера времяпрепровождения! Если так, значит, воздушные депешисюда до-

¹ Покоёвка — горничная, поддерживающая порядок в покоях.

ставляются регулярно, и уж конечно, не все на подлете перехватывает сокол. Что из этого следует? Ну, как минимум то, что, вполне возможно, импровизированная почтовая станция еще продолжит свою работу, и в наши руки попадет какая-нибудь ценная информация.

А кроме того, будет совсем интересно, если выяснится, что послание приходит не из одного источника. Тогда, выходит, мы действительно имеем дело с неким преступным сообществом. Если, конечно, человек, снявший номер для «племяша», и неведомый соглядатай на границе не одно и то же лицо. Впрочем, это как раз можно уточнить после представления его величеству. Ежели наш свежеспеченный осведомитель опознал царедворца один раз, значит, сможет узнать его вновь. Вот уж действительно, контра засела в штабах. Буквально Тайная Орда в действии.

— А по жизни, прикинь. — Вадим поднял один из находившихся в номере табуретов, на всякий случай проверил, не отворачиваются ли у него ножки, и, убедившись в первозданной нерушимости мебели, уселся верхом. — С чего бы это вдруг шкет решил с нами типа в зайчики поиграть. Мы вроде афиши о гастролях не расклеивали.

Я поморщился.

— Малый явно не дурак. Посуди сам, он стоит здесь и ждет сеанса связи. Должно быть, в это время он здесь стоял каждый день. На его глазах голубя перехватывает сокол.

— Ну, перехватывает, ну и хрен ли с того! Соколу в натуре без разницы, почтаря жрать или какую другую пичугу.

— Так-то оно, конечно, так. Но меня вот что настораживает. — Я потрогал рукой витражное стекло, желая убедиться, что оно отнюдь не затрудняет обзора. — Сокол атаковал свою жертву как раз в тот момент, когда Делли сняла с нее магическую защиту.

— Да ну, совпадение! — отмахнулся Ратников.

— Все может быть, — согласился я. — А если нет? Я здесь ничему не удивлюсь. Давай предположим, что сокол атаковал именно в этот момент неспроста. Тогда, выходит, он, или, вернее, его хозяин, мог чувствовать, когда защита была и когда ее не стало. То есть, выходит, голубя пасли все то время, пока он летел под нашим присмотром. А вместе с ним, естественно, пасли и нас. Соображаешь, о чем я говорю?

— Клин, не усложняй! Скажи еще, что злой колдун обратился в этого самого сокола. Как там в сказке, что я на днях Олеговой дочке читал: «Ты не коршуна убил, чародея завалил!»

— Погубил, — машинально уточнил я. — Кто знает, может быть, и ты прав.

— М-да, как все запущено, — покачал головой храбрый витязь. — А эту хату типа джинн ночью сварганил. Так что, когда ее будут переносить в очередную Тмутаракань, покрепче держись за решетку. На всякий случай, конкретно, чтоб не выпасть.

— Да ну тебя, — обиделся я. — Сам подумай. Парень видит голубя, но голубя у него перед носом хватает сокол. После этого он наблюдает мои попрыгушки с горгульей. Не надо много ума, чтобы составить два и два и предположить, что я следил за почтarem, а стало быть, за тем, к кому он летел. Но можно считать это совпадением. А вот если при всем происходящем наш, как ты выразился, зайчик, обладает способностью чувствовать магические сущности, тогда все становится на места. Делли у самого забора снимает с голубя защиту. Тут же появляется магически заряженный сокол. Затем неизвестный; в смысле я, проникает в сад явно несанкционированно, иначе бы горгулья на меня не бросилась... Самое время делать ноги. Конечно, если ему есть что скрывать. Впрочем, пока все это лишь предположения. Может быть, у него просто закончились деньги, чтобы платить за номер.

Развить эту мысль мне не удалось. В дверь настойчиво постучали.

— О, а вот и покоёвка, — обрадовался Вадим. — Заходи, не зашерто!

По ту сторону не заставили себя упрашивать, и в номер впорхнула Делли, а вслед ей, согбаясь под тяжестью груза, втиснулись два крупных, наверняка не хилых, мужика. Предмет, который они волокли, был покрыт кожаным чехлом, но даже с ним было видно, что это нечто плоское и имеющее размеры примерно с половину дверной створки.

— Ставьте сюда, — скомандовала Делли, указывая на место напротив окна. — Все, молодцы! Свободны.

Грузчики, кланяясь, покинули номер, даже не заикнувшись о чаевых. Вероятно, здесь было не принято просить о вознаграждении за труды у сотрудников Волшебной Охраны.

— Это что? — с недоумением взирая на новый предмет интерьера, поинтересовался я.

— Волшебное зеркало, — гордо объявила фея.

— Надеюсь, ты не собираешься вопрошать: ты ль на свете всех милее, всех румяней и белее? — Мои губы сами собой сложились в

невольную улыбку. — Я и без всякого зеркала скажу, что ты хороша нескованно.

— При чем тут моя внешность? — вспыхнула фея.

— Но... Ты же сама сказала, что это — волшебное зеркало.

— Разумеется! Последняя модель, в городе больше ни у кого такой нет. Позволяет вызывать образ желаемого человека, где бы он ни находился. А если у того, кого ты вызываешь, есть свое, пусть даже небольшое, волшебное зеркальце, то и общаться, как будто ты рядом стоишь, можно.

— Так что, нам прямо сейчас с Машей поговорить удастся? — Я вцепился в чехол, готовясь немедленно начать сеанс связи, нисколько не сомневаясь, что уж у принцессы-то свое зеркальце есть обязательно.

— С Машей не выходит, — вздохнула фея. — Должно быть, чары наложены. Не то к чему вас было бы нанимать? А вот с принцем Элизеем побеседовать можно. Помнится, вы в Елдине-то заинтересовались, чего это вдруг он из края подземных кобольдов в Гуранию повернул. Вот, как я вам и обещала. — Она неспешно, чтобы растянуть наши терзания, расстегнула чехол, и восхищенному взору присутствующих явилась блестящая зеркальная поверхность в бронзовой золоченой раме, практически ничем не отличающаяся от привычных зеркал, разве что, пожалуй, особенной глубиной и объемностью отражений.

— Мурлюкская работа? — поинтересовался Вадим, уже привыкший, что все подобные артефакты, исключая разве что синебокого жеребца, проникают в здешние земли из-за Хребта.

— Нет, — гордо покачала головой Делли. — Нашиими мастерами сработано. Мурлюкские — тыфу! Волшебное барахло, дальше ста верст не берут. Да и сто верст только по ясной погоде. А это в любой уголок, в любое ненастье, да хоть за край света заглянуть может. — Она сделала пасс рукой, точно протирая стекло, и оно замигало голубоватыми вспышками. — Все в порядке, свободно.

На зеркальной глади вырисовалось изображение богатыря, восседающего на крупном гнедом коне. Всадник появился словно из тумана, становясь все зримее и почти что осязаемее.

Должно быть, в этот момент он тоже почувствовал магический зов столь экстравагантного средства связи, поскольку, натянув удиля, остановился и, засунув руку в седельную сумку, вытащил оттуда свою «мобилу».

— Ни хрена себе! — восхитился Вадим. — А как он понял, что ты его вызываешь?

— Все очень просто, — пояснила кудесница, радуясь возможностям продемонстрировать чужестранцам дивное диво работы отечественных мастеров. — Когда я посылаю нужному мне человеку мысленный сигнал, его зеркальце начинает подрагивать и переливаться приятным мелодичным звоном.

— А, ну типа виброзвонок... — начал было Ратников, но его излияния были прерваны взмахом руки феи.

— Не мешай! Связь пошла, — одернула витязя кудесница. — Поздраву ли преславнейший королевич Элизей?

— Поздраву, матушка Делли, дочь Иларьева, — склонил осанистую голову витязь в зеркале, едва-едва не выезжая из рамы. — А добро ли в вашем дому?

— Вашими хвалениями, королевич.

Элизей чуть отклонил свой экран в сторону, должно быть, замечая в нем кого-то из нас.

— Кто там с вами поблизости, матушка Делли?

— Вот, рекомендовать хочу. Преславный одинец-следознавец Виктор Клинский, да подручный его хороший витязь Вадим, по прозванию Злой Бодун. Ищут нашу Машеньку, с ног сбиваются.

— Уж так ли хороши они, фея-матушка?

— Да ты мне поверь, королевич. Лучших не сыскать. Таких, как они, мертвый рукой не обведешь.

— Ну будь по-твоему, а то ведь иной раз рыба и хороша, да навар невелик.

— Прошу простить, — вмешался я, несколько досадуя на неспешную манеру беседы коренных жителей Груси. — Я бы хотел задать принцу Элизею пару вопросов.

Венценосец уставился на меня недоуменно.

— Искарь ты, может, и добрый, да белоуст совсем, в вежестве не больно дюж. К королевичу с расспросами лезешь,ной чести ему не оказавши. Негоже так, одинец! Именитый муж без вежества, что птица без хвоста.

— Прошу прощения, был не прав. Однако вернемся к следствию, — резко отчеканил я.

Не то чтобы я был не согласен со словами свидетеля, но уж обзывать меня молокососом, это уж как-то чересчур. Тем более при исполнении служебных обязанностей.

— Скажите, пожалуйста, ваше высочество, насколько я понимаю, вы преследовали дракона от самого дворца и по сей день?

— Вестимо так, — кивнул принц.

— За это время вы видели свою пропавшую невесту?

— Ох, горе мне! Не токмо что не видел, но и хвост драконий узреть не довелось. Летит, нежить его подери, а куда летит, поди, и сам не знает.

— Угу, понятно. Почему вам кажется, что дракон не знает, куда летит? — поинтересовался я, откладывая вопрос о пребывании королевича в землях кобольдов.

— Так ведь как чудит-то, злыдень! — грозно наступился Элизей. — Летел он, летел в Тюрбанию, а то вдруг переночевал в Юзовой пещере, да и отправился в Гуранию.

— Юзова пещера в краю кобольдов? — уточнил я.

— Там, — подтвердил мои предположения опрашиваемый. — Я ее потом вдоль и поперек облазил, все искал, что ж такое змей летучий в ней сыскал, коль вместо востока на запад полетел? Лихоманка его разбей, ничего нет! А где ж это видано-то, чтоб драконы крюками летали?! Он на то и дракон, что прямо идет, а все перед ним стережется.

— Это точно? — заинтересованно переспросил я.

— Мне, королевичу, не веришь? — грозно нахмурился Элизей, нащупывая рукоять палицы. — Да я, может, этих тварей уже с полдюжины одолел!

— С полдюжины? — подымая брови вверх, уточнила Делли.

— Ну, двоих, — примирительно уточнил королевич. — Все равно я их повадки знаю.

Впрочем, количество убиенных драконов уже к делу не относилось. А вот нетипичное поведение того самого чудовища, которого ныне преследовал Элизей, пожалуй, нужно было внести в список необъяснимых странностей, уже вырисовавшийся в моей голове.

— Ничего! Я его скоро точно настигну. По свежим следам иду.

— Откуда известно, что по свежим? — вклинился я в речь монаршего сына.

— Свежие-свежие! Еще паруют, — заверил августейший преследователь. — Несвежие местные крестьяне себе на поля разбирают. На удобрения.

— А-а, в этом смысле.

— Это самое, того, — вмешался в разговор Вадюня, — ну, чисто высочество, я типа кланяюсь, но у меня тут вопросец имеется. Вы, часом, шавку с гнусной мордой не встречали?

— Переплутня, что ли? — нахмурился королевич. — От чего ж, бегал у Юзовой пещеры. Да я его шуганул, чтоб не варяжал.

— Господа! Господа! — В номер без стука, белый как мел, ворвался хозяин «Графа Инненталя». — Там этого рыжего шпиёна винзу какая-то дама спрашивает.

— Делли, заканчивай связь, мы сейчас! — крикнул я, бросаясь к выходу и едва не сбивая с ног Щека Небрита. — Бегом, почтеннейший, показывай, где она!

Мы едва ли не кубарем скатились вниз по винтовой лестнице, за считанные секунды преодолев расстояние от третьего этажа угловой башни до уже знакомого нам роскошного холла.

— Стоп! — Я сделал знак остановиться перед дверью, отделяющей лестницу от выхода к стойке портье. — Переводим дух и идем, как будто попросту выходим из гостиницы. Когда оказываемся рядом с объектом, зажимаем с двух сторон. Все ясно?

— А то! — кивнул Вадим. — А если тетка ни сном ни духом?

— Извинимся.

Я толкнул дверь и очутился в просторном зале со сводчатым потолком, поддерживаемым рядом пузатых колонн.

— Ну? — Мой взгляд начал обшаривать помещение, отыскивая цель захвата. — И где?

Никакой дамы ни около стойки, ни за колоннами, ни у двери не наблюдалось. Зато уже знакомые нам стражники стояли в паре шагов от недавнего «места содержания» хозяина навытяжку, не мигая, вытаращив глаза. Алебарды валялись тут же на полу, явно не вызывая интереса у остолбеневших вояк.

— Вот тут только что была! — Отставший толстяк-хозяин появился за нашими спинами и ткнул пальцем в место около стойки. — Здесь стояла.

— М-да, — я подошел к одеревеневшим солдатам, — ты что же, милейший, велел им взять посетительницу под конвой? — Мои пальцы прошлись вправо-влево перед глазами у одного из караульных, не произведя на того ни малейшего эффекта.

— Ну конечно! — кивнул субурбанец. — Чтоб ненароком не скрылась. А то мало ли чего.

— Оно и верно, — хмыкнул я, обводя зал рукой. — Тут тебе что, карманного воришку ловят? Никакой самодеятельности! Тыфу ты,

черт! Вадим, сходи за феей, может, ей удастся этих кукол обратно в людей превратить.

— Я мигом, — кивнул оглушенный увиденным Ратников и опрометью бросился в номер за Делли.

— Ладно, усердный ты наш, давай рассказывай, как дело обстоит? Только подробно: что за дама, как выглядела?

— Какая дама? — оторопело уставился на меня тайный осведомитель.

— Которая о жильце из нашего номера спрашивала, — почти по слогам произнес я, словно разговаривая с умственно отсталым.

— Нешто его какая-то дама спрашивала?! — удивился Щек так натурально, что у меня возникли весьма дурные предчувствия.

— Ты что же, рачья твоя душа, шутки с нами шутить вздумал?! — накинулся я на обеспамятевшего хозяина, за неимением рядом злого следователя вынужденно меняя амплуа.

— Помилосердствуйте, господин хороший! — Насмерть перепуганный владелец гостиницы рухнул на колени, пытаясь обхватить руками мои ноги. — Не губите, ни в чем не повинен! Никого не видал, ничего не слыхал!

— А чего ж ты, хрен моржовый, за нами-то прибежал?

— Я? За вами?! — Усач задумался. — А ведь точно бегал, до сих пор спина вся мокрая. Зачем бегал — не упомню. Вот ведь дело-то какое!

— Ладно, поднимайся, — махнул рукой я. — Видать, и ты околовован. Толку от тебя сейчас чуть.

— Должно быть, и впрямь околдовали, — ошарашенно покачал головой Щек, испуганно прижимая руки к груди. — Что ж теперь будет-то? Ой, что ж теперь будет?!

Возвращение к жизни гостиничного гарнизона не заняло много времени. Делли, сморщив носик, сделала несколько пассов руками в воздухе, и стражники, минуту назад стоявшие безмолвными монументами собственной боевой славы, удивленно начали ощупывать себя, безнадежно тужась вспомнить, что же с ними стряслось.

— Волшебница работала, — прокомментировала увиденное фея, когда мы вышли из отеля и вновь в обычном ордере направлялись в королевский дворец. — Грязный трюк. Туман забвения. Кто вдохнет, памяти лишится. Наши в таких случаях по-иному действуют.

— В чем разница-то? — не удержался я от вопроса.

— Между волшебницами и феями? — Делли посмотрела на меня удивленно. — Да я уж сказывала! Мы от рождения обладаем магической силой и со временем лишь развиваем ее. Они же рождаются обычными людьми с весьма скромными порою способностями. Для того чтобы добиться результатов, им нужно постигать тайные знания, зачастую весьма злокозненного свойства. Мы иногда наделяем разные предметы волшебными качествами. Скажем, любое из своих колец я могу зарядить так, что всякий, кто его наденет, будет становиться невидимым. При этом природа кольца, его сущность, остается неизменной, на следующий день я могу придать ему иные свойства. Волшебница же такое не под силу. Созданный ею агрегат пригоден лишь для того, чтобы делать невидимым хозяина, и только для этого.

Волшебники искренне полагают, что все в мире сотворено исключительно для удобства человека, и в первую очередь их самих. А если что-то, на их взгляд, не соответствует данной высокой цели, значит, может и должно быть изменено соответствующим образом. Вот как этот совенок. — Она указала на мигающую выпущенными глазами птицу между ушами Феррари. — Он больше ни на что не годится, поскольку выведен лишь для того, чтобы подавать сигналы.

Я задумался над услышанным. От разницы между феями и волшебницами мысли мои плавно перетекли к исчезновению странной посетительницы, загадочному поведению дракона и далее, к сбежавшему второпях жильцу нашего гостиничного люкса. Как ни крути, многовато странностей для одного дня, а ведь, как говорится, еще не вечер.

В дворцовых воротах Делли пропустили без вопросов. Должно быть, стража прекрасно знала в лицо воспитательницу и защитницу пропавшей королевишины. Наши с Вадимом ярлыки также оказали должное впечатление, и спустя полчаса, миновав замерших с топорами на плечах рындов¹ у высокой двери, мы попали в покрытую изразцами светлицу, вероятно, личные покои его величества. Сам король, если только это был он, сидел на подоконнике, тоскливо поглядывая сквозь цветные стекла оконца на шумевший у дворцовых стен торговый люд. Горностаевая мантия, висевшая на спинке высокого, покрытого затейливой резьбой, вызолоченного стула с подлокотниками, да корона, бесхозно валявшаяся на сиденье, — вот

¹ Рынды — почетная стража государя во время официальных приемов, неизменно стоявшая у трона.

все, что свидетельствовало о присутствии в комнате августейшей особы.

Честно говоря, я ожидал несколько иной картины, и неведомый король рисовался мне отчего-то похожим на убиенного российского императора Николая II. На поверку государь Груси всех трех степеней оказался моложавым красавцем с длинным удальским чубом, изрядно, впрочем, поседевшим, и холеными, слегка подвтыми усами.

— Ваше величество, — я поклонился, выбрасывая вперед руку, как в одном из детских фильмов кланялись заморскому царю новгородские гости, — разрешите представиться.

— Да чего там, — отмахнулся монарх, не слезая с подоконника. — Делли уж все, поди, доложила. Попросту кличте меня Василий Иваныч. Базилеем зовусь я для послов затынных и для торжественных парадов. Сказывайте, как дело-то деется?

Глава 9

Сказ о следах вокруг того пустого места

Что было сказывать о деле? Начальные версии вроде похищения с целью выкупа, сведения политических счетов или же о таинственном воздыхателе, пожелавшем столь экстравагантным способом расстроить свадьбу предмета обожания с удачливым соперником, не находили пока ни подтверждений, ни убедительных доводов против. Гипотезу о гастрономических пристрастиях драконов, предполагающих на обед именно принцесс, именно в день свадьбы и уж совсем обязательно похищенных при большом стечении народа из хорошо охраняемого дворца, я не то что полностью сбрасывал со счета, но держал про запас. Уж слишком разнородны были в читанных мною в детские годы первоисточниках сведения о разумности и повадках гигантских крылатых рептилий. Как ни крути, здесь без спца не обойтись. Наверняка в стране, постоянно имеющей дело с подобными чудовищами, должны найтись как практики драконоборцы, так и теоретики монстроведы.

Вкратце поведав безутешному отцу-государю о странных происшествиях последних дней и моих соображениях по этому поводу, я резонно попросил дать нам возможность ознакомиться с местом происшествия и немедленно получил соответствующее разрешение. А в

придачу к нему камергера с ключом¹ для оказания следственной группе всемерной помощи и поддержки именем короля.

Камергер в шитом золотом колпаке был прям спиной, длиннонос и, судя по круглым, ничего не выражающим глазам, глупым смешкам и шуткам невпопад, — чурбан чурбаном. На груди его красовалась золотая цепь, способная удерживать якорь небольшой шхуны, увешанная массивными блестящими ключами. Сделав нам знак следовать за ним, камергер направился вдаль по коридору, чеканя шаги.

— Пино, сын Карлов, — большой любитель искусств. Когда-то был директором театра, а несколько лет назад запросил у его величества убежища. Потом выяснилось, что он иностранный граф де Бур. Поговаривают, что граф — внебрачный сын тарабарского короля, уж не помню какого именно, — таинственно прошептала Делли.

Я слушал фею вполуха. Признаться, характеристика здешних царедворцев, если только они не имели прямого отношения к нашему делу, интересовала меня не более чем, скажем, бушменов судьба героев мексиканского сериала. Дойдя наконец до нужной нам залы, камергер остановился и, дав фее возможность снять волшебную печать, церемонно вставил нужный ключ в замочную скважину.

— Крэкс, пэкс, фэкс, — гордо провозгласил он, отворяя дверь. — Добро пожаловать, господа.

Оставив сопровождающее нас официальное лицо стоять в дверях, мы осторожно вошли внутрь, стараясь не нарушить порядок вешней в зале. Впрочем, то, что царило в зале, назвать порядком можно было очень условно. Это был полный бедлам, и, судя по разбросанным рукавам, головным уборам и дамским туфелькам, картина безудержной паники вырисовывалась весьма отчетливо.

— Та-ак-с. — Я кинул взгляд на одно из высоких дворцовых окон, в ясную погоду впускавших в помещение целые снопы яркого солнечного света.

Неширокие, но длинные, от пола почти до потолка, стрельчатые окна красовались по обе стороны церемониальной залы, освещая ее как утром, так и вечером. Позолота и зеркала в промежутках между ними довершали картину величия места. Однако так же уродливо, как выглядит дырка в ряду белоснежных зубов, мрачно смотрелся среди оконных проемов один, закрытый снаружи досками вместо валившейся на полу зарешеченной рамы.

¹ Камергер с ключом — изначально придворный чин, отвечающий за дворцовое хозяйство.

— Угу. — Я направился к выбитому окну. Чтобы вырвать из креплений витую решетку толщиной в два пальца, несомненно, сила требуется драконья или же хороший заряд взрывчатки. Однако следов взрыва не видно. Значит, все-таки дракон. — Угу, — еще раз повторил я, разглядывая погнутую решетку с выкорчеванными из каменной толщи штырями креплений. — Занятно. Делли, покажите, пожалуйста, где находилась ваша воспитанница, когда погасли свечи?

— Здесь. — Фея прошла от двери к все еще стоящему на своем месте свадебному алтарю.

— Раз, два, три. — Я, отмеряя расстояние, направился туда, где сейчас располагалась наша спутница. — Примерно семь — семь с половиной метров. Скажите, пожалуйста, какой длины достигает драконья шея? — поинтересовался я, прикидывая в уме траекторию движения зубастой пасти в затемненной зале, забитой людьми.

— Сматывая какой дракон, — пожала плечами сотрудница Волшебной Службы Охраны.

— А здесь какой куролесил? — вновь поинтересовался я.

— Толком его никто разглядеть не успел, — смущенно созналась Делли. — Летел в Тюрбанию, стало быть, предположили, что тюрбанский. А сейчас вот в Гурвалию повернул.

— Обалдеть! А если он еще куда вираж заложит?

— Видишь ли, — потупилась фея, — дело в том, что Элизей прав. Не в привычках драконов летать зигзагами.

— Но этот же летает! — перебил ее я. — Заметь, у нас вообще очень странный дракон. Мало того, что он носится над вашим миром очертя голову, сам не зная куда, на него еще и не действуют ваши чары. Хотел бы я понять, как это ему удалось в потемках опознать принцессу среди остальных приглашенных и схватить ее, не задавив никого из присутствующих на церемонии? Судя по вмятине на решетке, удар был очень сильным. Стало быть, голова влетела в помещение как таран и неминуемо должна была покалечить тех, кто очутился у нее на пути. Кроме принцессы еще какие-нибудь жертвы были?

— Н-нет, — задумчиво покачала головой кудесница. — Так, по мелочи в давке кое-кто пострадал, но больше жертв не было.

— Очень странно. Так. Это безнадега! Без экспертов не обойтись. У вас есть спецы по драконам, не знаю уж, как их величают?

— Есть, конечно, — согласно кивнула магическая сотрудница следственной группы. — Граф, пригласите сюда, будьте добры, королевских драконологов.

— В залу, кроме вас, никому входить не велено, — напомнил Пино.

— Не суетись, браток! Подождут в коридоре. — Вадим положил ладонь ему на плечо. — Иди-иди, шевели поршнями!

Камергер, недобро поглядев на неучтивого витязя, удалился, гордо неся на прямой шее свою носатую голову.

— Ладно, с драконами пока повременим, — вынужденно констатировал я. — Что у нас еще на повестке дня?

— Клин, слыши, — отозвался на мой риторический вопрос Вадюня, — у меня чисто мысль образовалась. А может, тут ниндзя работали?

— Кто?! — Я удивленно уставился на Злого Бодуна. — Какие ниндзя? Что ты выдумал?

— Ниндзя — это воины тени. Они подкрадываются незаметно, как сам знаешь кто, — глубокомысленно изрек младший Ратников. — Помнишь, погранцы, с которыми мы медовуху глушили, рассказывали, что когда сюда вломились, все с ног попадали?

— Было дело, — согласился я.

— Ну, так вот же разгадка в натуре у тебя под сапогами. — Вадим ткнул пальцем в жемчужную россыпь, покрывавшую пол почти в том самом месте, где стояли мы с Делли. — Прям тут они и навернулись! Видишь, как жемчуг разбросан. Я по видаку смотрел, ниндзя, когда хотели оторваться от погони, то под ноги самураям точно такие шарики кидали.

— Жемчужины? — изумился я, поднимая с пола коварное оружие воинов тени.

— Не, ну это вряд ли, — пожал плечами Ратников. — Наверное, костяшки. Но тут же типа принцесса на кону! Прикинь, какой клад. Просачивается сюда такой вот ниндзюк, ну, чисто суперкрутой навороченный мен, и приносит в подарок ящик с жемчугом...

— Шкатулку, — автоматически поправил я, разглядывая перламутровую горошину.

— Ну, пусть шкатулку. А потом, когда свечи погасли, — хлопс! — жемчуг под ноги, принцессу под мышку и...

— Угу. Дракону на шею вскочил и прям на нем дал деру.

— А что, круто! — согласился витязь. — Почем ты знаешь, может, у местных ниндзей ручные драконы имеются.

— Ага, с ручными пулеметами и ножным приводом, — хмыкнул я. — Все хорошо, но не выходит.

— Почему? — разочарованно протянул начинающий Пинкертон.

— В жемчужине просверлено аккуратное отверстие. А в нем что-то вроде нитки, только очень тонкое.

— Да ну, это паутина! Вон ее сколько, — не унимался Ратников, желая до конца отстаивать свою версию.

— Это верно, — кивнул я, еще раз внимательно осматривая помещение. — Паутины много. Одно напрягает. Она либо висит под потолком и по углам, но это понятно — зала стояла закрытая, и в ней не убирали, либо разбросана ключьями по полу. Причем, заметь, только на этом участке пола и нигде больше. Твои ниндзя что, пытались ее высочество поймать сетью из паутины?

— Это вряд ли, — почесал голову Злой Бодун. — Что они, чокнутые, что ли? Такой сетью хрен кого поймаешь.

— То-то и оно, что вряд ли. Делли, ты не могла бы объяснить, откуда это непотребство?

— Ума не приложу, — печально вздохнула фея.

— А жаль, — честно признался я. — Уж лучше бы ты знала. Ладно, тогда другой вопрос. Как ты думаешь, отчего вдруг разом погасли все свечи?

— Они потухли не сразу, но почти одновременно, — уточнила свидетельница.

— Тогда тем более неясно. Если бы погасли единовременно, можно было бы предположить, что задействована магия...

— Никакой магии здесь быть не могло! — возмутилась Делли. — Я сама отвечала за волшебную безопасность церемонии.

— Извини, не подумал. Но свечи все-таки потухли, и поскольку вразнобой, это уж точно не магия.

— Может, их чисто дракон задул?

— Сомневаюсь, — покачал головой я. — Есть три «но». Такое дуновение почувствовали бы все и уж, конечно, не преминули нам об этом сообщить. Ведь так, Делли?

— Так, — согласилась фея.

— Второе «но». Всунув голову в оконный проем, удобно задувать свечи на противоположной стороне. Свечи, находящиеся слева и справа на стенах, таким образом не потушишь. И третье. Тут, правда, надо посоветоваться с драконоведами. Насколько я помню, основной подозреваемый выдыхает либо пламя, либо смрадное дыхание, предполагающее высокую концентрацию в этом, с позволения сказать, выхлопе сероводорода. И если бы наш монстр, не дай бог, дыхнул этим химическим реагентом на открытое пламя, сегодня мы бы разговаривали на пепелище.

— Но свечи-то погасли! — моим вопросом ответил мне же самозванный мздоимец Головного Призорного Уряда.

— Свечи погасли, — согласился я. — И мне бы очень хотелось знать, с чего бы вдруг.

Наша троица стояла, глядя друг на друга, не зная, что и предположить. Я подошел к золоченому бронзовому кусту, выполняющему роль одного из канделябров, и снял с острого граненого стержня оплавившую свечу. Огарок как огарок. Ничего особенного. Обугленный кончик фитиля, понуро склонившийся набок, и причудливые восковые наплывы. Все как обычно.

— Их зажигали после исчезновения королевишины?

— Да. Один раз, следующим вечером.

— Зачем? — сам не зная для чего, уточнил я.

— Видишь ли, — фея поморщилась, — его величеству показалось, что пропала большая королевская печать...

— Что?! — расширив глаза от удивления, переспросил я.

— Ему показалось! Даже с королями такое случается. Хранитель должен был внести на специальном золотом подносе печать для скрепления брачного договора, но не успел. Королю же почудилось, что печать была на месте, то есть на во-он том перевернутом столике у алтаря. Он решил, что в суматохе она упала и куда-то закатилась. И поскольку целый день ее не могли найти, повелел осмотреть и залу. Но ни я, ни хранитель печати ничего не трогали!

— А печать нашлась?

— Да, — махнула рукой Делли. — Позже хранитель вспомнил, что велел отнести ее в сокровищницу. У него, видишь ли, была временная потеря памяти. От испуга.

— Клин, по-моему, это мутылово, — с подобающей честному витязю прямотой поспешил высказать свое мнение Злой Бодун. — Этот самый предохранитель конкретно кого-то хочет развести, как лоха.

Довести свою мысль до логического конца Вадим не успел. Тарахтящей пехотной походкой в залу королевского дворца гордо вступил знатный театрал граф де Бур.

— Дракона заказывали? Подано!

— Не понял?! — Вадюня схватился за меч, висевший на поясе.

— Это он так шутит, — тихо пояснила Делли.

— Брателло, шутки у тебя деревянные! — раздосадованно кинул Ратников.

— Но благородной породы, — не моргнув круглым глазом, парировал сиятельный Пино. — К науке изволите прошествовать или велите ей ждать в коридоре?

— Прошествуем, — хмыкнул я изысканному камергерскому обороту. — Заприте здесь все и никого не пускайте!

— Только тот, у кого есть золотой ключ, может отпереть заветную дверь, — приосанился тощий вельможа, пропуская нас мимо себя. И уж совсем еле слышно добавил себе под нос: — Эх, видел бы меня сейчас отец!

Ученый в черной мантии, подбитой белкой, в высоком колпаке с кисточкой, ждал нас у самого порога, вальяжно прогуливаясь по широкому сводчатому коридору.

— Я Видалскal, — поглядывая на нас с высоты академического насеста, отрекомендовался ученый.

— Эка невидал! — хмыкнул шедший впереди Вадим. — Я когда в Крым ездил, тоже видел. Даже лазил.

— О чем вы, юноша?! — напыщенно возмутился ходячий кладезь премудрости. — Я архитектон софологии и вардейн истинного знания, почетный гость мурлюкского Собора Просвещенных и тюрганского Стройного Минарета Ближнего Света. Мои труды по каллиграфии батыльских источников и этимологии понятия «дракон» снискали первую премию на ареопаге посвященных Империи Майна. Мой фундаментальный труд...

— Все-все-все, убедили! Вы лучший! — в ужасе замахал я руками. — Делли, можно как-нибудь прикрутить этот светильник чистого разума?

— Легко. — Фея щелкнула пальцами, и достопочтенный Видалскal застыл с открытым ртом.

— Угу, неплохо, — оценивая результат, прокомментировал я. — А так, чтобы он мог при этом отвечать на вопросы?

— Сложно, но попробуем, — кивнула наша соратница, вырисовывая указательным пальчиком загадочный иероглиф перед остекленевшими глазами драконоведа. — Задавай вопрос.

— Будьте любезны, уважаемый архитектон, подскажите, по каким параметрам мы могли бы установить породу прилетавшего во дворец дракона?

Фея еще раз щелкнула пальцами, видимо, возвращая подвижность языку ученого.

— Все зависит от того, какой смысл вы, молодой человек, вкладываете в аристоматическое понятие такого глобального ценза, как

порода. Если следовать основополагающим трудам таких ученых, как Рерьядри и Кано, вряд ли будет вполне корректным вообще оперировать таким архаичным понятием, как порода, ибо территориальный спексус...

— А если не следовать этим трудам? — перебил я его.

— Молодой человек, что за манеры?! Будьте любезны, если вы задали вопрос, выслушать на него ответ.

— Да-да, конечно, — невольно согласился я, пытаясь вернуть многомудрого мужа на стезю прикладного драконоведения. — Но ведь наверняка есть другие, не менее основополагающие труды?

— ...Ага, стало быть, вы последовательный сторонник Рубелиуса, этого шарлатана от высокой науки! Ну так, я думаю, вам небезынтересно будет узнать, что глава ареопага просветленных, достопочтенный мэтр Саффари категорически опроверг псевдонаучный постулат вашего хваленого отца учености «О когнитивности рефракции драконьего вида»!

Не дожидаясь моей мольбы, фея вновь щелкнула пальцами, прерывая вдохновенный монолог премудрого Видалскала. Как ни крути, из нашей пропасти невежества при всем желании было невозможно постигнуть стремительный полет высокой академической мысли.

— Слыши, Делли, а этот фраер вообще чисто конкретно что-нибудь в драконах волочет? — Вадим, оглушенный высоконаучной трескотней, без всякой магии, но с большим трудом вновь вернул себе дар речи.

— Сие остается загадкой, — грустно вздохнула фея. — Но на любой вопрос у него всегда есть ответ. Вот только польза от него вряд ли будет. Если что нужно, у драконьего ловчего лучше разузнать.

Путь к вышеупомянутому придворному чину оказался неожиданно долгим. За это время я успел потребовать у Делли и камергера список всех приглашенных на свадьбу, портрет объекта розыска и хотя бы ориентировочные прикидки на тему того, кому могло быть выгодно исчезновение наследницы здешнего престола. Как внутри государства, так и вне его. Наконец поход наш завершился на глухих задворках дворцово-паркового ансамбля, у помещения, которое я по назначению вполне бы счел складом садового инвентаря.

— Это что, типа здесь ловчий живет? — с сомнением оглядев хибару, задал мучивший меня вопрос Вадим.

— Да, и живет, и работает, — пояснила фея. — С тех пор как полвека тому назад его предшественник заключил с драконами мир, у драконьего ловчего работы поубавилось. Так, ездит по стране, проверяет, где кому дракон пригрезился. Совсем выгнать его не могут — вдруг как пригодится, а на полном довольствии держать...

— Дармоедов плодить! — выпалил граф де Бур.

Делли метнула на него гневный взгляд, но тут дверь пакгауза распахнулась, и в проеме показался сухощавый человек лет шестидесяти, подтянутый и энергичный, в куртке явно из шкуры дракона с кинжалом у пояса.

— На себя посмотри, чурка негруссская, тиун смердящий! Привет, Делли! Кто это с тобой?

Выслушав наши рекомендации, поджарый ловчий с неожиданным изяществом поклонился, явно пародируя придворный обычай.

— Глянь-ка, привелось дожить, и обо мне вспомнили. Уж и не чаял! Ну заходите, коли пришли. У меня, правда, не убрано, но уж не мое это дело — полы мести. — Он чуть посторонился, пропуская нас внутрь своей халабуды, и тут же встал поперек двери, заслоняя путь графу. — А ты куда намерился? Под крышей почтенные люди беседы вести будут. Стой здесь — следи за небом. Если что-то пролетит, свищи в ключ — в нем дырка есть. — Хлипкая дверь немилосердно захлопнулась перед носом царедворца. — Понаехали тут! Тарабарцы.

Пока звучала страстная отповедь дубоватому интервенту, у меня было время окинуть взглядом действительно весьма неубранное помещение службы драконьих ловчих. Грубый дубовый стол, покрытый изрядным куском драконьей шкуры, глиняные чарки в виде драконьих лап, топчан, покрытый скомканной рядниной, да висящий напротив входа алый ростовой щит с серебряным витязем, устраивающим поверженному крылатому змею острое поражение дыхательных путей. Вот, собственно говоря, и вся обстановка. Ну и плюс к этому небольшой арсенал в стойке у стены.

— Батька мой, — уловив взгляд гостя, рассматривающего конного драконобойца, пояснил любезный хозяин. — Егорий. Знатный был мастер по этому делу.

— Громобой Егорьевич, — начала Делли, прерывая готовящиеся хлынуть бурным потоком воспоминания ловчего о подвигах отца и собственной нелегкой доле. — У почтеннейшего одинца есть к вам несколько вопросов.

— Да уж чего там, я, поди, сообразил, что вы не просто так прорвездать старика приволоклись. Что? — с явным превосходством в голосе протянул он. — С драконом дело не клеится?

— Почему вы так решили? — немедленно спросил я, чувствуя подвох.

— Да по кочану.

— А подробнее?

— А что подробнее? Ты следознавец, тебе и кости в руки. Небось уже сам все посмотрел, прежде чем ко мне идти.

— Не все, — честно признался я. — Поэтому и пришел с вами посоветоваться.

— Хе! — Ловчий издал саркастический смешок и крутанул головой из стороны в сторону. — Да неужто! Ну, тады давай советуйся.

— Видите ли, Громобой Егорьевич...

— Ишь ты, на «ич» величаешь! Давай-давай, говори без утайки, чего высмотрел.

— Я не могу понять, каким образом дракон вставил голову в окно, в потемках нашел принцессу и вытащил ее из залы, никого при этом не травмировав.

— Умно, — согласился знаток монстровых повадок. — Еще чего?

— Мне не ясно, чего вдруг дракон начал водить королевича Элизея из стороны в сторону, точно красноперку на крючке, вместо того чтобы лететь, как положено уважающему себя крылатому змею.

— Вот оно даже как! Впрочем, можно было догадаться. Еще что-нибудь вызнал?

— И я хотел бы понять, какой, собственно говоря, породы иско-мое чудовище. Тюрбанской или гуральской? Ну и, ясное дело, мне нужно все, что известно о повадках похитителя.

— Разумно, — согласился потомственный охотник на древних монстров.

— И еще, — я кинул взгляд в сторону молчавшей Делли, — хоте-лось бы знать, каким образом этот загадочный разбойник проник сквозь магические заслоны. Конечно, если тут вы сможете мне по-мочь.

— Что ж, — обветренное лицо опального стража небесных гра-ниц Груси неожиданно расплылось в широкой улыбке, — разумная речь нарочитого мужа. Так вот что я тебе на это скажу, почтенней-ший одинец. Дело это куда как заковыристей, чем сразу кажется. Дра-кон возле дворца действительно был, не пригрезился. Я сам его сле-ды изучил.

— Так ведь запрещено же! — возмущенно перебила его фея.

— Да ну, чихать я хотел на все эти запреты! И на заборы, которые вокруг понаставили, — он упрямо наклонил голову, — мне тоже начхать. Мое дело от державы этих жутких тварей отваживать, а я торчу, как пришёл кобыле хвост! А случилось, что Машу похитили, хоть одна живая душа ко мне пришла? У меня поинтересовалась, что да как? Дудки! Небось Видалскаловы турусы на колесах выслушивали. Вы, почитай, первые. Вот и сочтите, сколько дней впустую-то прошло!

— Громобой Егорьевич, вы начали рассказывать о следах дракона, — напомнил я, опасаясь, что волна праведного гнева начисто смоет крупицы драгоценной информации, носителем которой, безусловно, являлся возмущенный собеседник.

— Да, так вот. Следы. — Драконоборец кивнул. — Дракон, видишь ли, не деръмо, чтоб из задницы выпасть да по земле размазаться. Чтоб такую тушу остановить, когда она на посадку заходит, не одну сажень пахоты надо проделать.

— В каком смысле? — с недоумением спросил я.

— Вот смотри. — Егорыч подхватил со столешницы пустую глиняную чашу. — Точно так выглядит драконья лапа, ну, разумеется, побольше. Видите, три пальца впереди, один сзади. Первыми тремя дракон отталкивается, когда взлетает, а задний же выпускает для того, чтоб на земле спешно останавливаться, точно твой плуг или якорь. Вонзает дракон когти в дерн, так и стопорится. Ну, это, конечно, при спешной посадке. Так вот что я вам скажу: двор-то перед хоромами не особо велик, там абы как не сесть. Здесь точно надо знать, где да как, иначе с разгону можно в стену врезаться. А дракон хоть и силен без меры, крепостную стену лбом не прошибет.

— А решетку он выбить может? — поинтересовался я, прикидывая резонность замечания насчет точного знания зубастым похитителем принцесс единственного возможного места посадки.

— Железную решетку? — переспросил Егорьевич. — Отчего ж, конечно, может. Ежели, скажем, головой в нее треснуться. Да только по уму не стал бы он этого делать. И не делал вовсе. Ты, Делли, небось видела под окном следок, точь-в-точь по траве бревно волокли?

— Был такой следок, — согласилась фея.

— Так это тварюка хвостом своим размахивала, чтоб по окну ба- бахнуть.

— Понятно, — проговорил я. — А потом он вставил башку в церемониальную залу...

— А вот шиш тебе! Не мог он ее туда вставить.

— Это почему же? — Все вместе мы уставились на драконьего ловчего, переживающего звездный час.

— А вы сами судите. — Он внезапно вытащил из ножен длинный кинжал, оказавшийся с одной стороны остро заточенным, с другой — поделенным на вершковые риски. — Во как коготь в землю вошел! Вершков, почитай, на шесть. А земля твердая, утоптанная. И прорытило его при этом аж семь саженей! Сам борозды измерял. Стало быть, весу в нем берковцев¹ под сто будет. По отвалу видно, что коготь при том загнут вполовину, а не полумесяцем. И изнутри угловатый. А это значит — дракон явно не тюрбанский. У того когти полу-месяцем, и не как у этого, а внутри плоские. А полетел он, говоришь, в Тюрбанию? Хм. Экий хитрован! Так вот, думал я, думал, какой же злой ящер здесь подебоширил. Чайнаусский вроде бы и подходит, и шея у него длинноющая, и рогатой диадемы на башке нет, да только тамошние драконы к нам не летают. А кроме того, у этого дракона ноги враскоряку, а у чайнаусского ровнехонько. Когда по земле шествуют, так и кажется, что семенят.

— Да не томи ты! — возмутилась Делли. — Ежели знаешь породу, что ж байками-то потчуешь?

— А ты, милая, не торопи, — насупился высокий специалист, получивший наконец возможность блеснуть знаниями перед заинтересованной аудиторией. — Одинец-то небось мужик дотошный. Ему все досконально знать надо, что да почему, а не просто так — нате вам с кисточкой. Я так себе разумею, — он повертел глиняную драконью лапу и со стуком поставил ее обратно на столешницу, — это был либо молодой гуральский дракон, либо уже зрелый стрессильванец. Скорее первое.

— А это по чему видно? — уточнил я.

— Диадему на драконьей голове небось зрел? — усмехнулся Егорьевич.

— М-м... доводилось, — почти не соврал я, вспоминая картинки в детских сказках.

— Так вот, — удовлетворенно кивнул прожженный эксперт по драконам, — у стрессильванцев она из двух разъятых частей состоит. В полете уши закрывает, а расправляетя только на земле. А у гуральца, стало быть, диадема, как воротник.

¹ Берковец — мера веса, равная десяти пудам, или 163,8 килограмма.

— Ну и что с того? — не понимая, к чему клонит собеседник, спросил я.

— Коли ты на окно снаружи поглядел бы, то не спрашивал. Там на камнях царапины — в аккурат рога на драконьей короне. Стало быть, монстр сложить их не мог. А раз сложить не мог, то башку втиснуть вовнутрь тоже никакой возможности не имел. Уразумел, следознавец? — Громобой Егорьевич торжествующе поглядел на гостей, любуясь произведенным эффектом. — То-то же!

Что и говорить, «то-то же» было весьма основательное. Единственная мало-мальски понятная вещь во всей этой, черт побери, сказочной истории превращалась в абсурдную загадку. Пролетающий мимо дракон, наглотавшись обезболивающего, притормаживает, чтобы посмотреть на церемонию бракосочетания их высочеств. В момент его посадки случается перебой в подаче, как бы это выразиться, света местными осветительными приборами, и принцесса исчезает, точно изображение в выключенном телевизоре. Кто-нибудь что-нибудь понимает?! Лично я — нет. Судя по взглядам, брошенным на меня Вадимом и нашей очаровательной соратницей, они явно ждали от руководителя следственной группы хоть каких-то внятных комментариев. Сей-час! Как же, разбежался!

Уж не знаю, сколько могла бы длиться пауза, когда бы пребывающий в прекрасном расположении духа Громобой не пожелал извлечь из воображаемого рукава вполне осозаемый туз, вероятно, заранее подготовленный для финального аккорда.

— И вот еще что я скажу, — растягивая слова, а вместе с ними, несомненно, и удовольствие, промолвил он. — Ты, Делли, дочь Иларьяева, коли что, на чары свои не греши. Они дракона остановить не могли.

— Это почему же? — попробовала возмутиться фея.

— Да потому, что ночевала эта тварюка в здешнем лесу, или как его по-нонешнему называют... па-арке. На полянке у Русалочьего грота.

— Это же всего в полверсте от Невестиной башни! — запинаясь, промолвила Делли.

— А?! Кацово! — неведомо чему усмехнулся драконоборец. — Если желаете, сию минуту можем на ту полянку сходить. Там небось по сей день следы различимы. А тогда и вовсе отметок было, что на снегу после вороньей стаи.

— Идем! — скомандовал я, открывая дверь хибary.

— Господин одинец, — тощий камергер, не допущенный Его-рычем в «ареопаг просветленных», завидев меня, приосанился и объявил заученно: — Вас спрашивает гонец от начальника городской стражи.

— Что ему надо? — несколько раздраженно бросил я.

— Мне ничего не удалось понять из его речей, — честно сознался граф Пино. — Он твердит о каком-то рыжем мальчишке.

Глава 10

*Сказ о том, что игра стоит свеч.
Особенно когда за них платит корона*

Посланец начальника гарнизона смиленно ждал часа, когда высокие господа соизволят выслушать принесенные новости. Судя по унылому выражению лица, он был готов ждать долго и отнюдь не горел желанием приблизить миг встречи. Однако деваться было некуда, а потому, вздыхая и кланяясь поясно, подбирая слова для известия, ординарец промолвил, запинаясь:

— Ваше-сь... Воевода наш, нарочитый муж Влас Симеоныч, кланяться вам повелел.

— Угу. Это я уже заметил. Дальше-то что?

— И свое почтение велел вам свидетельствовать. — Гонец явно не хотел переходить к сути дела.

— Че, в натуре рыжий сбежал? — не вдаваясь в светские экивоки, выпалил стоящий чуть позади меня Вадим.

— Так вы уже знаете? — непонятно чему обрадовался посыльный. — Утёк стервец! Как уж из руки вывернулся!..

— Та-ак-с, — недовольно протянул я. — Значит, утёк. А поподробнее?

— Мы как указ о рыжих отроках получили, зараз всю городскую стражу на ноги подняли. На каждой улочке, в каждом закоулочке подзирающих расставили. На всех площадях да в каждом воротах сторожа.

— Уважаемый, — перебил я вдохновенного оратора, — меня не интересуют предпринятые вами меры. Мне важен окончательный результат.

— Так ведь утёк же! — досадуя на мою дремучую непонятливость, вновь заявил ординарец.

— Еще раз говорю, по-дробне-е, — медленно, по слогам повторил я. — Где это было? Куда побежал?

— А может, ему по жбану навернуть? — участливо спросил Злой Бодун, сострадая моим мучениям. Видимо, этот довод, сопровождаемый выразительной мимикой славного витязя, оказал надлежащее воздействие на речевые способности нашего собеседника.

— Аккурат часов в шесть пополудни юнец, подобный образу, который был описан в розыскном сказе, объявился у ворот, из коих начинается тракт в Саврасов Засад...

— На хрена ты юлиши! — опять возмутился Вадим. — Какой такой засад?

— Саврасов Засад, — насупился стражник, вероятно, уроженец вышеупомянутого населенного пункта. — Город такой. Между прочим, вольный. Именуется в честь Савраса Многославного, кой тамошние пустоши садами засадил да ярмарку устроил.

— Мой друг не силен в вашей географии, — оборвал я пояснения воспрянувшего духом гонца. — Однако не увлекайтесь. Вернемся к рыжему подростку, пытавшемуся выйти через вышеупомянутые ворота.

— Отчего пытавшемуся? — Стражник развел руками. — Прошел ведь. Совсем уж было его за руку схватили, да малец извернулся както, да в ров и сиганул. — Он сокрушенно замолчал.

— Ну а дальше?

— А что дальше-то, — пожал плечами представитель начальника гарнизона. — Может статься, что и утоп.

— С чего бы это вдруг? — хмыкнул Вадим. — Если бы плавать не умел, за каким хреном в воду прыгал?

— Так-то оно, конечно, так, — без каких-либо размышлений согласился посыльный. — Да только из наших его опосля никто не видел.

— А в воде проверяли? — задал вопрос я.

— Не-а! Это ж в ров лезть, а народ-то в бронях да кольчугах. Еще неровен час сами потонут.

Мы переглянулись с Ратниковым и вместе, с немым укором, взирались на Делли.

— Уж чем богаты, — читая по глазам наше негодование, печально вздохнула фея.

— В натуре расслабон нереальный, — презрительно цыкнул Вадим. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Клин, я вот что себе кумекаю — рубль за сто, пацан выплыл. А раз так, значит, либо где-

то склонился, либо намылился в этот самый Засад. Так что если грамотно облаву на него устроить, может, сквозь частый гребень блоха и не проскочит.

— Может быть, — скептически пожал плечами я. — Хотя я в этом не уверен. Впрочем, насколько я понял, Саврасов Засад — город ярмарочный. Там в толпе затеряться несложно. Сколько до того города ходу?

— Пешим-то, почитай, день пути будет, — не задумываясь, ответил абориген.

— На Ниссане — от силы час, — высокомерно усмехнулся господин подурядник левой руки. — Если сейчас туда ломануться, мы его в Засаде у ворот с музыкой встретим.

— Н-нет, — покачал головой я. — Сейчас ехать бессмысленно. Скорее всего после заката парень где-нибудь устроится на ночлег, но наверняка поблизости от дороги. Если он, не дай боже, твоего конька срисует, то ждать его в конечном пункте будет бесполезно. Не забывай, рыжий тебя уже в гостинице видел. Поедешь завтра ближе к полудню, а Делли пока оформит все бумаги на розыск и облаву. Ну и, понятно, прокорм и минеральные дрова. Все,уважаемый, вы свободны! — Я кивнул ординарцу. — О наложенных взысканиях вашему начальству сообщают отдельно. Ступайте!

— К Русалочьему гроту идем или как? — наконец дождавшись окончания беседы с гонцом, вмешался Громобой Егорьевич. — А то ведь скоро совсем стемнеет, и драконы следы придется с фонарем отыскивать.

— Да-да, идем, конечно, — согласился я. — Граф, а вы сделайте любезность, проводите гонца к воротам.

— Ступай-ступай! — напутствовал длинноносое сопровождающее лицо нелюбезный ловчий. — Не все тебе без дела околачиваться.

— Вы вот следы драконы собираетесь смотреть, — мстительно насупился камергер, — а никаких драконов и не бывает вовсе!

— Ты что ж такое несешь, оглоед сторосовый! — не на шутку возмутился яростный Громобой. — Кто ж тебя такому-то надоумил?! Я ж их как вот сейчас тебя видел! Хотя тьфу! На них и смотреть-то приятней.

— Современная наука утверждает, что драконов нет, а есть не-пойманные летающие объекты. Их мурлюкские ученые подробнейшим образом изучают да к делу приставляют. Мне сие доподлинно известно! — Он поднес ладони к своему и без того не короткому носу, демонстрируя презрение к погрязшему во тьме мракобесия ловчему.

— Проваливай отсюда, опудало мурлюкское! Знамо ли дело, живого дракона с мурлюкским похмелком сравнивать! — гаркнул на него Егорьевич. — Идемте, господа, я вам следы покажу. Сами воочию узрите.

Следы оказались там, где обещал неистовый драконоборец. Вполне отчетливые и довольно многочисленные. Если верить словам знатока породы, по форме и размеру они в точности повторяли следы во дворе королевской резиденции. Не верить же словам Громобоя Егорьевича не было ни резона, ни, строго говоря, возможности.

Ночью на новом месте мне никак не удавалось заснуть. То чудилась драконья морда, заглядывающая в гостиничное окошко, то вдруг где-то в коридоре на лестнице слышались зловещие шаги. Мне представлялось, что рыжий подросток, который вовсе и не подросток, а перевоплощенная горгулья, подкрадывается к двери, чтобы растерзать недоеденных днем жертв... Как ни крути, для одного дня впечатлений было многовато. Отчаявшись заснуть, я вновь и вновь перебирал в уме увиденное и услышанное, пытаясь из множества имеющихся у следствия разрозненных фактов составить если не ясную картину, то хоть мало-мальски лубок по мотивам совершенного преступления. Знакомая с детства история о похищенной злым драконом красавице принцессе растаяла как дым.

От ночной стоянки крылатого ящера до башни, в которой, ожидая заветного часа, томилась влюбленная невеста, действительно было не более полверсты. Причем по весьма глухоманному парку. Если где-то поблизости и находилась стража, то она тщательно маскировалась от чужих глаз. Я не поленился дойти от Русалочьего гро-та до Невестиной башни и к немалому удивлению вынужден был констатировать, что из этого строения похитить жертву гораздо проще, чем из церемониальной залы. Во всяком случае, если не слишком шуметь, можно возиться с этим делом всю ночь без опаски, что кто-либо прибежит на помошь несчастной жертве.

Все это так, но дракон перед дворцом был. И принцесса исчезла при большом стечении народа. Налицо какой-то тайный сговор! Предположим, наша дневная гостья, как мы имели возможность убедиться, практикующая всякие волшебные штучки, похитила Машу загодя и подсунула вместо нее колдовскую куклу. А дракон был нужен ей для создания паники, чтобы в нужный момент ликвидировать следы дела рук своих. Тогда вписываются раскативши-

еся по полу церемониальной залы жемчужины и лохмотья паутины. Вероятно, это остатки «подвенечного платья» ее высочества. Но к чему неведомой волшебнице приходить сюда в отель? И какое отношение к делу имеет рыжий подросток с его голубиной почтой? Поди разберись!

Я вылез из-под стеганого одеяла и, ступая неслышно босыми ногами по мохнатому тюрянскому ковру, устилавшему пол, добрел до стола, на котором подобно мусульманским минаретам в тяжелом канделябре возвышались три белоснежные витые свечи. Вадюнина зажигалка из красной прозрачной пластмассы, предмет вожделенной зависти хозяина гостиницы, щелкнула, выплевывая язычок пламени, позволяющий разглядеть в темноте обугленные нити фитилей. Огоньки озорно заплясали на свечах, радуясь неурочному ночному пробуждению, освещая принесенный уже после ужина небольшой портрет совсем юной златовласой девушки с распахнутыми синими глазищами и счастливой улыбкой на чуть пухлых губах. Так вот ты какая, Маша, дочь Базиля, наследная принцесса Груси Золотой, Зеленои и Алои! Хороша, нечего сказать. А если художник в придворном угаре не изольстился, то и вовсе загляденье. Глядишь — душой отыхаешь. Кто ж на тебя такую покусился?

Точно подслушав мои мысли, таинственная мрачная сила взмахнула черным крылом, слизывая пламя со свеч. Три короткие вспышки — и как не бывало пляшущих веселых огоньков, с юношеской страстью разгоняющих ночную тьму.

— Проклятие! — через силу прошептал я, чувствуя, как холдеет в животе и тоскливо ноет в том самом месте, где у предков Чарльза Дарвина находился хвост. — Опять колдовство! — Мысль, острая как цыганская игла, пронзила мозг.

Ну конечно, как же я раньше не подумал! С чего бы это вдруг нашей вчерашней гостье с ее-то возможностями, отключив стражу, спасаться от нас бегством? Что мы можем ей сделать? Из нас только Делли представляет для нее опасность, да и то, насколько я помню, не смертельную. Дамочка могла преспокойно напялить себе на голову какую-нибудь шапку-невидимку и отсидеться в отеле, хихикая над чужестранными олухами. А сейчас, когда мы остались одни... Я вновь схватил зажигалку и нервно защелкал ею, пытаясь зажечь свечи. Какое там! Сердце мое колотилось, как спятивший дятел в замурованном дупле. Вот это, кажется, попали! Где там Вадюнин меч? Ни фига, дешево я не дамся! Я нащупал рукоять кладенца, лежащего на табурете возле кровати моего друга. Стоило клинку начать выхо-

дить из ножен, как Вадим вскинулся на лежанке, еще не окончательно проснувшись, но уже готовый ринуться в бой.

— А?! Че такое?! Кто здесь?!

— Тише, это я — Клинский, — зашептал я.

— Вить, ты чего? — Ратников попытался оглядеть нашу спальню в поисках опасности, побудившей друга взяться за оружие.

— Кажется, где-то здесь та самая вёдьма, которая вчера...

— Че, правда? — Вадим покрутил головой, пытаясь отогнать остатки сна.

— По-моему, я слышал ее шаги. Но пока все тихо. Будем дежурить по очереди. Я тебя разбужу попозже — сменишь меня. А сейчас спи.

Проснулся я от негромкого, настойчивого стука в дверь. Судя по отметинам солнечных лучей, сверху бивших в витражные стекла, дело уже шло к полудню. Меча, который, помнится, лежал на столе, не было, как не наблюдалось и его хозяина, так и не разбуженного мной вторично для несения ночной вахты. Стук в дверь повторился.

— Кто там? — крикнул я, пытаясь подняться и едва не падая на пол. Затекшие от долгого сидения ноги отказывались повиноваться.

— Это я! Делли! — донесся из соседней комнаты звонкий голосок нашей верной соратницы.

— Одну минутку! — выкрикнул в ответ я, прикидывая в уме, смогу ли одним рывком добраться до одежды, аккуратно сложенной в изголовье кровати. По предварительным расчетам выходило, что смогу. Раз, два, три — поехали!

Спустя несколько минут я, уже минимально готовый к приему дам в своем, с позволения сказать, алькове, сподобился впустить до жидающуюся за дверью фею.

— Привет! — лучезарно улыбаясь, должно быть, моему нелепому виду, кивнула она. — Вот, принесла список приглашенных на свадьбу гостей, как ты и просил. Крестиками помечены те, кого сейчас нет в столице, птичками — чужестранцы. Большинства из них сейчас нет на территории Груси. Но, — Делли развернула принесенный свиток, толщиной едва ли не с полено, которое вождь мирового пролетариата таскал на субботнике, — осталось, как видишь, немало. За день не управиться.

— За день?! — Я мрачно уставился на долгую вереницу герцогов, графов, баронов, послов, их супруг и прочей сановной знати, переживших налет любопытствующего дракона. От множества титулов и

отсутствия утреннего кофе мутилось в голове и пестрело в глазах. — Тут и за неделю не управишься!

В прежние времена мне и самому приходилось заниматься рутинной обязанностью скрупулезного опроса свидетелей, а чуть позже требовать выполнения этого действия от подчиненных. Но никогда их количество не было столь обширно, и никогда результаты данного мероприятия не представлялись столь иллюзорными. Однако, как говорят немецкие тренеры, метод бьет класс. Свидетелей следует опросить и, как бы мне ни было это противно, запротоколировать их показания отточенным гусиным пером на высокобленном пергаменте. Впрочем, у Вадима в рюкзаке лежит моя авторучка.

— Вадим просил передать, — начала фея, вероятно, читая мои мысли, — что он поехал в Саврасов Зasad.

Я поморщился от осознания того, что протоколы все-таки придется писать пером.

— Но если что, — увидев мою недовольную гримасу, всполошилась Делли, — я ему зеркальце волшебное дала для экстренной связи.

— И на том спасибо, — кивнул я, понимая, что в решении моей проблемы волшебное зеркальце имеет не большее значение, чем пляски якутских шаманов к цикличности лунных затмений.

— Вадим сказал, что ночью где-то поблизости ты видел или слышал давешнюю волшебницу.

«Надо же, запомнил!» — про себя подосадовал я. А я, честно говоря, надеялся, что забудет. В утреннем свете ночной кошмар казался мне наивным и беспочвенным. Сон разума рождает чудовищ!

— Да ничего, пустое, почудилось! — отмахнулся я.

— Вот и славно, — обрадовалась посерезневшая было фея. — Однако на всякий случай я поставила вокруг номера магическую защиту. Мало ли чего!

— Ну, теперь осталось лишь проверить, нет ли дракона под кроватью, и дело в шляпе!

Фея вспыхнула от моей неуместной шутки, и мне бы наверняка пришлось извиняться за дерзость, если бы с улицы, вернее, из сада по ту сторону окна, не раздалось грудное воркование голубя. Мы переглянулись и, не сговариваясь, бросились к «почтовому ящику». Птица, довольная жизнью, ходила по подоконнику, склевывая рассыпанное угощение и не обращая ни малейшего внимания на открывшееся окно и появившихся за ним людей, вернее, человека

и фею. Впрочем, до таких тонкостей голубиное сознание вряд ли поднималось.

— Благодарю за службу! — Я цепко ухватил птицу поперек спины и, невзирая на ее попытки вернуться к продолжению трапезы, втянул в комнату.

— Вон записка на лапке! — возбужденно зашептала Делли, точно опасаясь, что нас может кто-то подслушать.

— Конечно, на лапке, — согласился я, отвязывая примотанный сурою нитью кусочек пергамента. — Где же ему еще быть?

Освобожденный от груза летун был возвращен к кормушке, я же с неуловимым трепетом начал разворачивать записку, лихорадочно стараясь предугадать, что же в ней сказано.

«Сыщик был во дворце, — гласила записка. — Обследовал залу, затем вместе с Громобоем ходил к Русалочьему гроту». Русалочий грот был подчеркнут дважды. Больше на пергаменте не было ничего. Ни имени адресата, ни подписи человека, пославшего сюда голубя.

— Угу, — кивнул я, вторично пробегая взглядом по лаконичным строчкам послания. — Уже что-то. Делли, посмотри, как тебе это нравится?

— За нами следили? — с явной тревогой в голосе проговорила фея, возвращая мне драгоценный «вещдок». — Но кто?

— Следили вне всякого сомнения, — выкладывая записку на стол, процедил я. — Кто? Уж во всяком случае, не тот, кто писал первое донесение. Обрати внимание — совершенно разный почерк. А ошибки? В первом их было полным-полно. Текст же второго послания, насколько я могу судить, безукоризненно грамотен. Как я и предполагал, мы имеем дело с разветвленной организацией. Посуди сама, наблюдатель у границы, наблюдатель во дворце, колдуны, дракон...

— Ты думаешь, и дракон с ними заодно?! — ошарашенно произнесла Делли.

— Радость моя, здесь черным по желтоватому написано: «Они были у Русалочьего грота». Видишь, даже специально подчеркнуто. О том, что там ночевал дракон, мы узнали только вчера вечером. Громобой знал и раньше, но, как утверждает, и, по-моему, вполне искренне, до нас его об этом деле никто не спрашивал. А тот, кто писал записку, и без нас, и без Громобоя знает, что именно в этом самом месте есть следы пребывания гостившего дракона. Так что, выходит, наш юнец в этой организации вроде диспетчера. К нему стекается информация, а он передает ее «наверх».

— Куда наверх? — встревоженно поинтересовалась фея.

— Если б знать! — нахмурился я. — Ничего, распутаем! Мне вот эта колдунья покоя не дает...

— Это я уже заметила, — съязвила Делли, дождавшись возможности отомстить за мою недавнюю колкость по поводу дракона под кроватью.

Но я лишь пропустил шпильку мимо ушей и продолжил как ни в чем не бывало:

— Она не пользовалась голубиной почтой, а пришла сюда лично. Возможно, случилось что-то экстренное, и это нельзя было доверить пергаменту. Вопрос — что?

Ответа пока не было. Вероятно, вести поиск в данном деле необходимо было, отталкиваясь от той роли, которую колдунья могла играть в противостоящем нам преступном сообществе. Как ни крути, даму с такими выдающимися способностями на «атас» не поставят. И если мои соображения по поводу остатков подвенечного платья в зале верны, значит, именно наша вчерашняя гостья позабочилась и о дубле ее высочества, и о фокусе с освещением. Магия не магия, а свечи потухли! Что и говорить, операция рассчитана до секунды.

Должно быть, весь этот маскарад затеян для того, чтобы дать похитителю возможность спокойно исчезнуть вместе со своей жертвой. Если это так, то не исключено, что у истинного заказчика похищения есть магическая связь с колдуньей. Вроде Деллинного зеркала. Впрочем, это только домыслы, а факты говорят о следующем: принцесса похищена, но организация продолжает действовать на территории столицы, вовсе, похоже, не намереваясь сворачивать свои гастроли. Значит, конечная цель еще не достигнута. Тогда что же это за цель? Узнаем ее, раскрутим все остальное. Ладно, делать выводы без достаточного набора данных смысла нет. Как ни крутись, без рутинной работы со свидетелями не обойтись.

Впрочем, начинать можно было, не сходя с места.

— Делли, скажи, пожалуйста, ты могла бы на расстоянии... Как бы это сказать... почувствовать присутствие другой феи или, например, волшебницы?

— Конечно, — с толикой удивления в голосе ответила соратница.

— Фея всегда чувствует присутствие своей родственницы.

— Родственницы?

— Да, — подтвердила кудесница. — Все феи в родстве друг с другом.

— Понятно. Не знал, — кивнул я. — Но я другое хотел уточнить. С какой дистанции ты могла бы запеленговать свою родственницу?

— Никогда не измеряла, — пожала плечами первая свидетельница. — Но примерно саженей с двадцати — двадцати пяти.

— Понятно. — Я сделал пометку в своей записной книжке. — А волшебницу?

Делли скривилась, точно раскусила зернышко черного перца.

— Если у волшебницы при себе нет всяких штучек для фокусов, разных палочек, колечек или амулетов, — магии в ней немногим больше, чем в заячьем хвосте. Хоть верхом на ней сиди — ничего не почувствуешь.

Картина восседания на закорках у какой-нибудь Бабы Яги, усмехнувшись нарисованная воображением, изрядно повеселила меня, но не сбила с толку.

— Хорошо, уточним вопрос. Если волшебница с соответствующим артефактом начала колдовать, на какой дистанции ты способна ее засечь?

— Ну-у, саженей с пяти-шести, — задумчиво проговорила фея.

— Пять саженей — это уверенная засветка? — уточнил я.

— Да, — согласилась с моим утверждением Делли.

— Угу, отлично. — Я вновь обмакнул перо в стоящую на столе чернильницу и, придинув к себе стопку чистых листов пергамента, начал тщательно вычерчивать план церемониальной залы. — Посмотри, вот здесь находится алтарь. Здесь — входная дверь. Насколько я понимаю, придворные и гости стояли плотными рядами слева и справа от прохода. Так?

— Конечно. Все, как положено, — подтвердила мои предположения Делли.

— Примерно здесь, — благодарно кивнув помощнице, продолжил я, — место, где исчезла Маша. — Я обвел кружком точку между двумя параллельными прямоугольниками, символизирующими собравшийся в зале люд. — Покажи, пожалуйста, на схеме, где в момент наступления темноты стояла ты, — неожиданно для себя стихами заговорил я.

— Примерно здесь. — Фея взяла из моих рук перо и нарисовала хитроумный значок вблизи алтаря. — Неподалеку от короля.

— М-м... Это приблизительно саженей семь от места происшествия, — предположил я, вспоминая размеры залы.

— Скорее восемь, — уточнила кудесница.

— Поправка принимается, — кивнул я, очерчивая на плане круг, долженствующий означать пять саженей уверенного приема Делли. — Стало быть, в первую очередь нас интересуют люди, находившиеся в дальней от тебя части залы. Если возможно, отметь их, пожалуйста, в списке.

— Остальных сегодня не приглашать? — задала вопрос сотрудница следственной группы, восстанавливая в памяти расположение придворных в момент празднества.

— Увы, приглашать. Во-первых, ты можешь кого-то забыть, не заметить или перепутать. А во-вторых, как утверждает хозяин отеля, номер для нашего беглеца снимал человек, как минимум приближенный ко двору. Сегодняшняя записка также написана кем-то, недурно ориентирующимся в том, что происходит во дворце и его окрестностях. Возможно, этот некто был и среди присутствующих в зале. Во всяком случае, Щек видел его в тот день во дворцовых сенях.

— Ладно, — кивнула фея, соглашаясь с моими доводами. — Значит, будем приглашать всех, кого можно найти.

— Что остается делать? — развел руками я. — Только у меня к тебе большая просьба. Не оставляй меня одного. А то все эти сэры и пэры дырку у меня в ушах протрут.

— Хорошо, — немного подумав, согласилась Делли. — В конце концов, ты ценный сотрудник и нуждаешься в волшебной защите.

После четвертого часа работы со свидетелями я уже нуждался в смирительной рубашке, а больше всего в гильотине. Нескончаемый поток придворной знати потянулся к «Графу Инненталю», едва лишь колокол на ближайшей звоннице пробил полдень. Очередь опрашиваемых выстраивалась от дверей моих покоев вниз по винтовой лестнице до самых ворот гостиницы. Наш тайный агент — почтеннейший Щек Небрит сиял, как одна из тех золотых монет, которых он за сегодняшний день положил в сундук великое множество. Еще бы! С полудня цены на холодные закуски и прохладительные напитки для посетителей гостиницы взлетели в поднебесье, точно жаворонок из-под косы. Конечно, можно было отправиться в какой-нибудь лабаз неподалеку, но придворные с номерками на ладонях упорно продолжали стоять на лестнице и в холле, боясь потерять свое место.

— Следующий! — сквозь зубы цедил я, выслушав исповедь очередного царедворца о нелегких дворцовых буднях и всеобщем заговоре коварных злопыхателей против лично его особы и государя-батюшки. Казалось, весь этот сановный люд только и ждал часа, чтобы

поведать кому-нибудь о притаившемся под сенью трона лихоимстве и злой измене. — Укажите место, где вы стояли! — прерывал я поток откровений каждого вновь вошедшего. — Кто был справа? Кто слева? Впереди?.. Позади?.. Что вы видели? Были ли у вас волшебные предметы? Были ли они у ваших соседей?..

Последняя пара вопросов оказалась особо забавной. Судя по чистосердечным признаниям невольных свидетелей произошедшего во дворце, никто из них не имел при себе ничегошеньки маломальски волшебного. Но вот соседи!.. Если верить всему прозвучавшему нынче в угловой башне «Графа Инненталя», шабаш ведьм на Лысой горе в сравнении с торжественным сборищем добропорядочных придворных казался унылой лекцией общества «Знание» о вреде суеверий.

— Следующий! — вновь цедил я, и ловкий субурбанец Щек Небрит, добровольно взявший на себя роль дворецкого, впускал очередного барона, качая головой: «Не он». Каждую новую именитую «жертву следствия» предваряло полное собрание кривотолков и слухов, гуляющих по столице. — Следующий!!!

Перерыв на обед немного разрядил обстановку и снял напряжение, порадовав хотя бы уж тем, что от полноты чувств проникшийся щедростью хозяин, уставив вином и яствами стол, изрек с торжественностью: «За счет заведения!» Но трапеза закончилась, и вновь началось: «Следующий! Следующий!! Следующий!!!»

— Не бережете вы себя, — в краткий миг, когда мы остались втроем, участливо вздохнул Щек. — Вон как с лица спали!

В дверь комнаты робко постучали.

— Погодьте, почтеннейший! — Мой доброжелатель высунул голову на лестницу, урезонивая жаждущих общения придворных. — Господин одинец думу думает! Как додумает — вызовет.

Он опять закрыл дверь и, приперев ее для надежности собственным задом, заговорил, обращаясь к нам:

— Не мое, конечно, дело вашей вельможности советы давать, но что ж вы так частите-то? Здоровье, поди, дороже! Куда торопиться? С одним потолковали, дали себе роздых. Другому вопросики позадавали. А то ж так и до лихорадки недолго. — Он осуждающе покачал головой. — А вот хотите, я вам померанцевой воды принесу?

— Следующего зови! — обреченно бросил я.

— Эх-эх-эх! — вздохнул субурбанец, вновь осуждающе качая головой.

О том, что солнце катится к закату, я догадался лишь потому, что заботливый хозяин гостиницы наконец-то зажег свечи. Ни я, ни Делли, увлеченные расстановкой фигурок придворных в тут же созданном феей макете злополучной залы, не замечали подступивших сумерек, а хозяин не слишком торопился обращать в дым и пламень свое кровное добро. Придворные, освещаемые колеблющимися на вечернем ветерке огоньками, выглядели даже более величественно, чем при дневном свете. Но признаться, спина каждого из них радовала куда больше, чем лицо.

— Барон Закумар Закумарский, — докладывал временный исполняющий обязанности дворецкого с завидной ловкостью. — Кравчий его величества. Редкий пропо...

Одна свеча вспыхнула и погасла. За ней одновременно — еще две. Спустя секунд пять вся комната погрузилась во мрак.

— Та-ак! — рыкнул я голосом, не предвещающим ничего хорошего.

— Не виновен! Ваша вельможность, помилосердствуйте, не виновен! — От двери послышался звук тела, падающего на колени. — Не велите казнить!

— Это не магия, — обескураженно произнесла сидящая рядом Делли.

— А что?! — возмутился я. — Комары задули? Великая проблема свечи лить?! Они у вас тут все бракованные! Что за дела?

— Помилосердствуйте! — вновь взвыл хозяин гостиницы. — Не чайнаусские свечи! Наши! Лучшего качества. У комория¹ дворцового за большие деньги покупал, для высоких гостей берег!

— Что?! — Я на ощупь схватил фею за руку, чтобы как-то сдержать дрожь волнения. — Что ты сказал?

— Для высоких гостей берег, — почти прорыдал перепуганный Щек.

— Повтори — где взял? — не имея больше сил сдерживаться, взревел я.

— У комория дворцового, — чуть слышно сознался рачительный хозяин. — На свадьбу-то многие тыщи свечей вылили, а оно вон как все обернулось. Ну так и вот... А оно — вот...

— Так, помолчи, — оборвал я путаные покаянные речи субурбанца. — Объяви свидетелям, что на сегодня прием закончен, и волоки сюда все оставшиеся свечи. Да острый нож.

— Все?! — ужаснулся Щек. — Да их же у меня три пуда!

¹ Коморий — придворный, ведающий дворцовыми поставками.

— Десять штук хватит. Давай бегом!

Раздался скрип открываемой двери, и хозяин опрометью бросился вниз по лестнице, вопя на ходу:

— Все, господа, все! Возвращайтесь во дворец! По домам! Нынче господин одинец принимать не будет. Завтра с самого утра милости просим, занимайте очередь.

Дверь вновь скрипнула. В образовавшуюся щель потянуло сквозняком, и чей-то нерешительный баритон тоскливо поинтересовался:

— Вельмо ряный господин одинец, может, меня-то примете? Я ж целый день тут стою, почитай, с самого утра.

— Кто тут еще? — не удержался я.

— Если позволите, барон Закумар Закумарский, кравчий государев.

— Вы что же, любезнейший, не видите — света нет!

— Ну так я того, подожду, — отозвался придворный. — Меня же уже объявляли.

— Так! Завтра! Все завтра! — настраиваясь на официальный тон, отчеканил я. — Вы будете в очереди первым.

— Суров! — послышалось под аккомпанемент скрипа закрываемой двери. — Суров, но справедлив:

Попытки вновь зажечь погасшие свечи так и не увенчались успехом. Когда б не Делли, подвесившая под потолком искрящийся точно шаровая молния магический светильник, так бы и пришлось сидеть в потемках до возвращения хозяина. Наконец он примчался, неся с собой заказанные восковые изделия.

— Вот, пожалуйте! Отменной работы. Ума не приложу, что с ними стало?

— Сейчас посмотрим, — успокоил я расстроенного толстяка, укладывая витую колонку на столешницу и начиная препарировать ее вдоль. — Угу. Фитиль по всей длине. Забавно! Я думал, они из фитилька таймер сработали. Что ж тут такое? — Я поднес рассеченную свечу поближе к глазам. — Делли, посмотри, это мне кажется, или здесь кусочек фитиля темнее? — Я ткнул кончиком ножа на третью от начала крученой белой нити.

— Несомненно, темнее, — посмотрев, согласилась фея.

— Вот, похоже, и разгадка таинственно гаснущих свеч. — Я обвел победным взглядом немногочисленных свидетелей моего успеха. — Наверняка здесь фитиль обработан негорючим составом. Ну-

ка, приятель, — скомандовал я Щеку, — неси сюда те свечи, что в спальне в канделябре стоят!

— Так... — вновь запнулся хозяин. — Их же днем покоёвка на новые сменила.

— Что значит сменила? Где-то же они есть?! Она же их не съела? Вели нести их сюда.

— Помилосердствуйте, ясновельможный господин одинец! Что ж там нести, их же слуги тутошние весь вечер палят.

— То есть как палят? — чуть не подавился я.

— Ну так ведь у нас так заведено. Что господа не дожги — слуги дожигают, — пустился в объяснения субурбанец.

— И они горят?!

— Прекраснейшим образом! Я же говорю, первостатейные свечи.

— Все, — отрезал я. — Чертовщина какая-то. Давай, Щек, ступай к себе, я тут... Ну, в общем, утро вечера мудренее.

Глава 11

*Сказ о том, что каждый имеет право налево,
и лишь король имеет право, как хочет*

Невзирая на очевидную истинность древнего изречения о соотношении утра и вечера, заснуть мне так и не удалось. Перевозбужденный за день мозг отказывался выключаться, заставляя вновь и вновь прокручивать в уме все разрозненные факты и фактики, относящиеся к делу о похищении груссской принцессы. Мысли шли по кругу, точно слоны на арене цирка, медленно и тяжеловесно. Однако никаких новых озарений не снизошло на усталую голову. Внутренне смирившись с непреодолимостью бессонницы, я снова вылез из-под стеганого одеяла и, затеплив свет в ложнице¹, вернулся к рабочему столу.

Чемоданчик экспресс-экспертизы, подаренный когда-то коллегами при увольнении из органов, услужливо распахнул объемистое чрево, радуя глаз набором инструментов, реактивов и спецсоставов. Переполовиненные свечи действительно исправно горели, давая возможность работать с материалами исследования. Несколько коварных фитилей лежали на огнеупорном фарфоровом блюдце, входившем в малый пинкertonовский набор, наглядно демонстрируя аб-

¹ Ложница — спальня, место, где находится ложе.

солютную идентичность длины фитиля до места обработки и ширины обработанной нити. Вероятно, неизвестные мне пока злоумышленники, изготавливая такое вот хитроумное приспособление, накатывали валиком раствор (еще предстоит узнать чего) на сотни, а то и тысячи фитилей.

Десятки лакеев при помощи специального поджига запаливали эти свечи во дворце практически одновременно. Стало быть, и гасли они с интервалом в несколько секунд. Как вытекало из результатов экспертизы, в том месте, которое было обработано неведомым мне раствором, льняная нить приобретала свойства асбеста. Неслабо шагает алхимия в здешних краях. Судя по всему, после того, как свечи гасли, процесс окисления продолжался, через какое-то время делая их опять вполне пригодными для употребления. Ход довольно ловкий, но уж чересчур заковыристый. Для профессиональных преступников, так и подавно — те сложностей не любят. Так что, вероятно, фокус со свечами придумал человек с богатой фантазией и изрядными средствами. И, понятное дело, вхожий во дворец. Иначе каким образом этот набор юного чародея оказался в нужное время в нужном месте?

Ничего, глядишь, от нити этого фитиля, прошу прощения за каламбур, ниточка-то и потянемся. Еще бы! Свечи для королевской свадьбы в ближайшей лавке не покупают. Рубль за сто, есть некая солидная фирма, которая выпускает престижные свечи, и уж конечно, ей и был спущен заказ на изготовление всего этого воскового великолепия. Раз так, значит, среди тех, кто руководил, или производил, или доставлял искомые предметы во дворец, есть соучастник неведомых злодеев. Круг лиц, имеющих отношение к свечным поставкам, невелик, стало быть, необходимо давить на слабое место. А дальше по связям дойдем и до остальных.

Обрадованный таким умозаключением, я поспешил вернуться на удобную гостиничную лежанку, приказывая себе не забыть утром выяснить все возможное касательно свечного заводика — мечты отца Федора. А также отдать соответствующее распоряжение по поводу людей, связанных с производством и транспортировкой партии бракованной продукции в Горец Белокаменный. Если еще Вадиму удастся поймать диспетчера злоказненной преступной группировки, то карты у нас на руках будут уже пригодны для игры. Я кинул взгляд на зачехленное зеркало, оставленное Делли в наших с Вадимом личных апартаментах, и у меня появилась мысль вызвать молчавшего целый день Ратникова. «Зачем? Время, пожалуй, уже за полночь. К чему

беспокоить спящего витязя. Ничего спешного нет», — мелькнула в голове успокоительная мысль. «Просто не хочешь второй раз вылезать из-под одеяла», — ни с того ни с сего встрепенулась пребывавшая в летаргии совесть. «Ну уж нет, — вступил я сам за себя, — всякие волшебные трюки не по моей части. Вот поутру придет Делли, пусть она с зеркалом и колдует». Поставив точку в затянувшемся споре, я гордо возложил умную голову на подушку и с чувством выполненного долга смешил очи. «А если он сейчас торчит под воротами, в город попасть не может?» — попыталась дослышаться негромонная совесть. «Позвонил бы», — на первом всхрапе мысленно отозвался я.

Утро выдалось свежее и ясное. На этот раз колдуны и мальчики-оборотни не тревожили мой сон, я бы еще с удовольствием понежился в постели, однако едва-едва забрезжил рассвет, сознания начали достигать чуть слышные звуки. То бормотание, то смех, а то и вовсе куски чьих-то разговоров.

— Что происходит?! — пробормотал я, нащупывая стоящий у изголовья колокольчик.

Спустя минуту вместо ожидаемой покоёвки на пороге спальни возник сам хозяин заведения, горя желанием продолжить вчерашний отъём денег у аристократии.

— Ваша ясновельможность, — закрывая за собой дверь, выпалил он. — Придворные уже построились и ждут. Еще до рассвета очередь занимали.

М-да, ничего не попишешь. Придется подниматься, умываться и приступать к дальнейшему опросу свидетелей. Я вздохнул и приказал, отbrasывая одеяло:

— Выясни, есть ли среди собравшихся лакеи, зажигавшие свечи в церемониальной зале в тот вечер.

— А, да-да-да, — затараторил тайный агент субурбанско-Головного Призорного Уряда. — Сейчас все устроим. Прикажете немедля привести или...

— Давай, — кивнул я, окончательно пробуждаясь и изготавливаясь к долгому муторному общению с вероятными носителями крупниц драгоценной информации.

— Одно мгновение! — Щек поспешил скрыться за дверью.

Пожалуй, идея немедля выслушать слуг, имевших непосредственное отношение к свечам, была опрометчивой. Не прошло и пяти минут, как на лестнице разгорелся нешуточный скандал между пред-

ставителями придворной знати, ждущими своей очереди, и тиунами, которые норовят пролезть на халаву.

— Господин одинец, вы же вчера ввечеру меня обещали вызвать первым! — сквозь приоткрывшуюся дверь кричал барон Закумар Закумарский.

— Да, я помню, — поморщился я. — Входите.

Как я и предполагал, опрос закумарского энтузиаста не дал сколько-нибудь внятных результатов. Барон долго и с упоением рассказывал о тонких винах, приготовленных для свадьбы, об огромных бочках пива, которые предполагалось выкатить для увеселения гуляющего люда, а между тем шум за дверями грозил перейти в потасовку. Принимая во внимание строение винтовой лестницы, последствия могли быть фатальными. Внезапно все стихло, я бы сказал, как по мановению волшебной палочки, но поскольку спустя мгновение в «кабинет» вошла Делли, не приходилось сомневаться, что все обошлось простым щелчком пальцев.

— Барон, — с тоской глядя на велеречивого собеседника, промолвил я, — надеюсь, вам больше нечего прибавить к вышесказанному. Ознакомьтесь со своими показаниями и подпишите на каждой странице.

— Ну что вы! — замахал на меня руками вельможный свидетель. — К чему эти глупости! Я вам вполне доверяю. Читать — дело не баронское! — Начертав косой крест и приложив для верности перстень с печаткой, Закумар Закумарский с чувством выполненного долга отправился во дворец, спеша приступить к своим прямым обязанностям.

— Привет! — подходя ко мне, улыбнулась Делли. — Есть что-нибудь интересное?

— Здесь, — я щелкнул пальцами по исписанному пергаменту, — полный отстой. Карта вин несостоявшегося праздника. А вот по свечам есть ряд вопросов.

— Понятно, — кивнула Делли. — Славный витязь Вадим Ратников свой светлый лик в зеркальце не казал?

— Нет, — отрицательно покачал головой я.

— Странно. — Очаровательная соратница подошла к волшебному агрегату и начала стягивать с него чехол.

— Может, он не смог его завести, — предположил я.

— Да уж что тут сложного, — хмыкнула красавица, устраиваясь поудобнее перед зеркальной гладью. — Вот сам погляди. Представляешь себе образ того человека, с коим хочешь связаться, и начина-

ешь мыслить о нем неотступно. И вот, коли рядом с ним зеркальце заветное есть, наше враз голубоватыми волнами пойдет. Вот... Ой! Красное!

— Где красное? — удивился я.

— Зеркало покраснело.

— Это оно здесь наслушалось, — съязвил я, пожалуй, неуместно, поскольку Делли только досадливо отмахнулась и заговорила возбужденно.

— Ты пойми, если бы Вадим был поблизости от зеркала, он бы его наверняка услышал. А оно бы, в свою очередь, почувствовало бы это и заголубело. А коли красным стало, выходит, нет рядом хозяина.

— М-может быть, он потерял свое зеркальце, — не слишком уверенно предположил я.

— Вряд ли, — покачала головой фея, — оно в рюкзаке лежало. Разве что он драгоценный рюкзак утерял.

— Может, он на постоялом дворе его оставил, а сам по делам отправился.

— Ну, может быть, конечно, — не слишком веря собственным словам, проговорила кудесница. — Но время-то еще раннее, куда б ему по утренней росе-то идти?

— Да ну, ты скажешь! — попытался я переубедить не на шутку встревоженную сотрудницу Волшебной Службы Охраны. — У меня чуть свет вон какая толпища под дверью собралась.

— Да, кстати, люди! — Фея хлопнула себя ладошкой по лбу и, закончив внезапный приступ самобичевания, щелкнула пальцами. Со стороны двери вновь донесся гомон спорящих голосов и истеричные увещевания попавшего, как кур в оцип, субурбанца, уговаривающего вельможный люд не чинить препон государевой службе. — Голоса им забыла вернуть, — пояснила Делли.

— Давай так, — предложил я. — Сейчас еще действительно ранновато. Думаю, если все в порядке, к полудню Вадим должен вернуться. Тогда и разберемся.

— Ладно, — нехотя вздохнула Делли, явно не слишком доверяя моим доводам.

— Может быть, зеркало вообще разбилось, — уже вдогон своему предложению бросил я.

— Волшебное зеркало разбить невозможно, — покачала головой кудесница. — Ну да будь по-твоему, подождем.

Время шло, и с каждым ударом колокола на звоннице наше все-возрастающее нетерпение делало новый виток, рисуя в усердном воображении картины бедствия одну страшнее другой.

— С ним что-то случилось, — нервно сжимая пальцы, бормотала Делли, время от времени пытаясь разглядеть Злого Бодуна в глубоком стекле волшебного зеркала.

Теперь я и сам с трудом скрывал волнение. Одного за другим отпуская свидетелей, я невольно поймал себя на мысли, что слушаю всех лакеев, баронов и постельничих в четверть уха, выводя на пергаменте вместо текста показаний витиеватые арабески.

— Полдень! — наконец выдохнула Делли. И это слово прозвучало для меня громче, чем сопутствующий ему колокольный звон. — Он давным-давно был должен вернуться.

— Ты права. — Я скомкал пергамент и бросил его в корзину под столом — скоблить. — Щек, мы уезжаем в командировку. Номер оставляешь за нами. Людей пока распусти.

— Как прикажете, ваша вельможность! Как прикажете! — подобострастно начал кланяться «дворецкий». — А дозволите вопросик? Командировка — это далеко будет-с? А то я в картах несилен. Грешен, каюсь, а о таком месте не слыхивал.

— Это военная тайна, — заверил его я. — Говори только, что мы скоро будем. На днях и раньше.

Черный скакун моей боевой подруги был покрыт златотканой попоной с вышитой на ней двуглавой червонной птицей, что обозначало наш статус особлиных государевых слуг и неукоснительно требовало у каждого встречного и попутного уступать дорогу.

...Помнится, первый раз, когда я увидел изображение на попоне, я иронично спросил у Делли:

— Это еще что за редкостный попугай?

— Что ты такое говоришь? — возмутилась фея. — Это древний символ Груси! Двуглавый петушок, отважная, но мирная птица, призывающая солнце.

— А, в этом смысле, — стушевался я, собираясь перевести ход беседы в иное русло.

— Да-да! — не унималась разгоряченная кудесница. — Невелика заслуга у ястребов да орлов бить мелкую пичугу да воровать овец у зазевавшихся пастухов. Поди, не зря такую птицу именуют хищной, то бишь вороватой. Сей гордый знак не таков! Прошлое его восходит корнями к самым высотам глубин истории. По сути, он — зна-

менитый на весь мир Золотой петушок, извещавший наших праотцев о враждебном нашествии.

— Так то же был золотой, а этот — красный! — уловив знакомый сюжет, вмешался тогда в разговор младший Ратников.

— И этот Золотой! — Делли отвергла довод Вадима как провокационный и несостоятельный. — Просто он из червонного золота.

— Тогда головы почему две? — не унимался Злой Бодун.

— Ну, во-первых, одна голова — хорошо, а две — лучше, — резонно ответила ему фея. — А во-вторых, каждый истинный патриот нашего отечества носит у сердца под рубахой этот священный для грусянина талисман.

— Ну и че? — хмыкнул витязь.

— По бытующему у нас поверью, в час, когда наступает пора действовать, петушок клюет хозяина в сердце и в темечко.

— И что, часто такое случается? — заинтересованно спросил я.

— По правде говоря, — вздохнула Делли, — не то чтобы очень. А если еще точнее, очень даже не то чтобы. Но так ведь и народ по большей мере бездействует. Стало быть, пора не пришла. И все равно, — не унималась девушка, — эта гордая солнечная птица одним только присутствием в гербе защищает рубежи Груси. И ежели кто с этим не согласен, то мы всегда готовы подпустить к нему поближе нашего красного петуха!

— Ага! — расплылся в улыбке Вадюня, указывая на раскрытые в предутреннем крике петушиные клювы. — А ежели что, в такой компании всегда есть возможность сообразить на троих.

Тогда шутка имела успех, но сейчас нам было вовсе не до шуток...

— Садись позади меня! — приказала Делли. — Сейчас пойдем на скорости.

Не желая спорить с феей, я повиновался, и седло, стоило мне прикоснуться к нему, обхватило меня мягко, но весьма надежно, точно кресло истребителя.

— Чтобы ветром не сдуло, — пояснила верная соратница, занимая свое место. — Готов? Ну, понеслась!

Уж не знаю, с чего бы это вдруг Делли помниала Феррари в женском роде, но волшебный скакун, получив столь недвусмысленную команду, молнией вылетел с гостиничного двора, заставляя меня признать полную обоснованность принятых феей мер безопасности. Синеокий совенок надсадно ухал, доходя до хрипоты, вращая глазами и щелкая клювом. Горожане, услышав знакомые сигналы, жались к обочине, пропуская оперативного скакуна. Ворота были пре-

дупредительно распахнуты, путь расчищен. Не повезло лишь мальчику, выводившему на стене лозунг: «Торец Белокаменный — Вторая Троя! А третьей не бывать». Ударной волной у него сдуло ведро краски, заставляя заново переделывать работу.

— А почему «Торец — вторая Троя»? — крикнул я Делли, стараясь одолеть свист ветра в ушах.

— Потому что первая Троя была первой, — вполне резонно ответила мне лихая гонщица.

— Логично, — оценил ее ответ я. — А с третьей тогда что же?

— А третьей не будет.

— Почему же? — не унимался я, продолжая дорожную беседу.

— Ну, во-первых, потому что мы так думаем. А во-вторых, зачем еще одна нужна, когда этой вполне хватает.

Крыть было нечем. Да, впрочем, и вообще разговаривать на такой скорости было довольно неудобно. Ветер заносил в открытый рот пыль и мошкуру, заставляя то и дело сплевывать через плечо на дорогу. Хотя в Груси это считалось вполне пристойным жестом.

По большей мере дорога шла по лесу, вообще покрывавшему, насколько я мог заметить, преизрядную часть страны. Однако, когда до Саврасова Засада оставалось расстояние не более пяти полетов стрелы, в смысле, одного эффективного выстрела из «калаша», утоптанный проселок вывернулся на расчищенные места, откуда уже вполне просматривались городские стены. Впрочем, стены — стенами, они как ни в чем не бывало стояли на своем месте. Но вот что действительно привлекло наше внимание, так это толпа человек в пятьдесят, бредущая по тракту без видимой организации и в то же время явно целенаправленно.

— Не беженцы ли? Может, не ровен час Орда где объявились? — останавливая коня, переполошилась фея, вглядываясь в бредущих по всей ширине дороги мужчин, женщин и детей разного возраста и звания. — Хотя, пожалуй, на беженцев не похоже — вещей нет. — Она приподнялась в стременах, пытаясь разглядеть получше преграждающий дорогу люд, не реагирующий ни на служебную попону, ни на совиное уханье, ни на громкое ржание официального вороного жеребца. — Что же это они удумали-то? — настороженно шептала фея, не зная, то ли предпринимать меры к разгону несанкционированной демонстрации, то ли, не связываясь, пропустить землебродов в лишь им известную далью.

Уж и не знаю, к какому решению она готова была склониться, но тут от толпы отделился немолодой уже мужчина и, свернув на обочи-

ну, зашагал по высокой траве, не глядя, куда несут его ноги. Маршрут отщепенца был короток. Одно из немногих деревьев, оставленных, должно быть, для создания тени во время запашки, коварным образом оказалось как раз на пути у задумчивого прохожего, и ствол его, даже не качнувшись, принял удар лбом. Оглушенный пешеход рухнул как подкошенный на землю и забылся в глубоком беспомощии.

— Затыкай уши! — оценив увиденную картину, скомандовала фея.

— Что случилось? — встревожился я.

— Это Переплутень!

— Может, ты просто заставишь его замолчать? — внес я свое предложение в способы борьбы с надвигающимся стихийным бедствием.

— Ни в коем случае. Посмотри, Переплутень идет из города. Все его послушники, судя по одежде, — явно горожане. Если вчера и сегодня в Засаде происходило что-то из ряда вон выходящее, Переплутень наверняка об этом расскажет. Правда, его пойди пойми, — поморщилась Делли.

— Тогда мне тоже не мешало бы его послушать, — предположил я.

— Никогда! Ты что, забыл Елдинские застенки?

— Может, на этот раз обойдется?

— Держи карман шире! — хмыкнула фея. — С Переплутнем стоит однажды согласиться и защиты от чар его голоса не будет.

— А как же тогда? Ты сможешь запомнить всю галиматью, которую эта тварь несет?

— Не проблема, — с превосходством улыбнулась кудесница, используя одно из любимых выражений Вадюни.

— Магия? — почтительно осведомился я.

— Диктофон. — Она достала из седельной сумки пластиковую коробочку и откинула крышку, проверяя наличие кассеты. — Славный витязь подарил.

— Очень удачно, — кивнул я уважительно. — Тогда самое время затыкать уши.

Пожалуй, лучше было бы на момент встречи с Переплутнем залепить их воском, поскольку даже сквозь созданную преграду до моего сознания доносились вдохновенные звуки строф хвостатого вешуна.

— Она пришла, чей лик подобен солнцу, внезапно воссиявшему в ночи. Преславные границы сокрушив, она заводит духов хоровод. И камень стен падет к ее ногам, рассыпавшись в растоптанную пыль.

Почему-то ответные слова феи были мне не слышны. Лишь по движению ее спины я понял, что фея обращается к Переплутню с вопросом, а внезапная сила, с какой вцепилось в меня чародейное седло, свидетельствовало о том, что даже в ослабленном виде вирши говоруна не окончательно утратили колдовскую силу.

— Где воин мой, прославленный копьем, сражающий сто витязей подряд, посаженный мной править над людьми и средь камней открыть к спасению путь? Двенадцать раз ударит барабан, и солнце заколотится в стене. Распахнут мир, идущий наповал, идущий синизошел на красный шелк...

Я как можно крепче зажал уши, стараясь отключиться от едва различимых слов Переплутня. На мое счастье, увлеченный содержательной беседой с феей, он сосредоточил все свое обаяние именно на ней. Остальные же его адепты начинали разбредаться, кто устало ковыляя обратно в город, кто без сил падая в придорожную канаву, а кто и вовсе шагая вперед, так и не заметив отсутствия языковатого предводителя. Видимо, лишь это дало мне силы противостоять жгучему желанию следовать за четырехлапым трепачом.

Но вот содержательная беседа была окончена, и Переплутень зашагал своим путем, заученно декламируя очередные несуразные строки, похоже, не обращая при этом ни малейшего внимания на отсутствие последователей.

— Все! — крикнула Делли. — Можешь открывать уши!

Я облегченно последовал ее приказу.

— На вот, слушай. — Фея перемотала пленку на кассете и нажала кнопку «Play». Голос, доносившийся из динамика, был тускл и уже не звучал так бархатисто-завораживающе. Да, похоже, и батарейки уже садились, и потому Переплутень начал басить и растягивать слова.

— Двуличие повержено во тьму, — утверждала тайваньская говорилка, — и красен лик, что серым был рожден. Порвите сети, цепи все долой, победной дланью поражая тучи!

— Стоп. — Я выключил диктофон.

— Ты что-нибудь понял? — оборачиваясь и с надеждой глядя на меня, поинтересовалась Делли. — По мне, так полная бессмыслица.

— Угу. Угу. Не скажи. — Я покачал указательным пальцем перед носом. — Насколько я понимаю, Переплутень не способен обманывать. Он просто не умеет этого делать. Стало быть, все, о чем он говорит, имеет реальную подоплеку. Попробуем поставить себя на место этой твари.

— Давай попробуем, — со вздохом согласилась фея.

— Значит, так, — продолжал я. — Переплутень явно шел из Саврасова Засада.

— Ну, это и так ясно, — пожала плечами Делли.

— Насколько я мог понять, эта тварь города по своей воле не посещает. Там по нему тюрьма плачет. Причем каждый раз очень недолго.

— Ты хочешь сказать, что Переплутень был в заключении в Саврасовом Засаде? — переспросила кудесница.

— Наверняка, — задумчиво проговорил я. — Впрочем, это не я, это он хотел сказать. Сколько раз встречается в его болтовне «камень стен»? Потом этот «распахнутый мир», где явно речь идет о пребывании под стражей и освобождении.

— Пожалуй, верно, — согласилась Делли.

— Мне тоже так кажется. Но дальше Переплутень достаточно точно характеризует Вадима: «Витязь с прославленным копьем». Правда ведь похоже?

— Но Вадим сражался только один раз, — покачала головой наша соратница. — И Переплутня рядом не было.

— Ну, во-первых, я не исключаю, что об этом бое уже слагаются былины, но это в лучшем случае.

— А в худшем?

— Вот почему-то не нравится мне выражение о том, что лики, рожденные серыми, вдруг стали красными. И утверждение, что тот, кого он поставил «править людьми», пришел дать ему свободу, тоже как-то напрягает. Это что же выходит, что Ратников приперся в тюрьму и устроил там кровавую бойню? Понять бы еще, что там этот говорун нес насчет барабана и красного шелка...

Лицо Делли побледнело. Вероятно, до этой минуты вынужденная беседовать с Переплутнем фея старательно отгоняла от себя резонное в общем-то желание выслушивать речь болтливой твари. Теперь же, когда она вслушалась...

— Виктор, у Переплутня с арифметикой плохо. Ему что пять, что двенадцать — все равно. В данном случае выражение «Двенадцать раз ударит барабан» означает дробь, которую выбивает перед началом казни барабанщик городского магистрата. А в алый шелк обряжены городские судьи. Но это же значит...

— Что барабан еще не ударил! — Я сорвался на крик. — Делли, погоняй!!!

* * *

Когда мы влетели под арку городских ворот, Феррари оглушительно ржал, совенок ухал, златотканая попона разевалась и хлопала на ветру. В общем, все в едином порыве твердило громогласно: «Прочь! Прочь с дороги!» Не разбирая особенно пути, Делли по кратчайшей прямой мчалась к городскому магистрату, распугивая многочисленных торговцев и их еще более многочисленных покупателей.

Как рассказывал не так давно ординарец начальника столичной городской стражи, Саврасов Засад был славен своей ярмаркой. Вначале сюда приходил торговец с коробом, потом на месте, где он промышлял, ставилась палатка. Затем лавка, лабаз, склады при лабазе, и только потом жилой дом, служивший одновременно конторой, модельней, а иногда и постоянным двором. Все это выстраивалось как бог на душу положит, от стены к стене, от забора к забору.

Здание городского магистрата, облепленное торговыми учреждениями, точно карниз ласточкиными гнездами, невзирая на глубоко партикулярный вид, все еще сохраняло первоначальный образ крепостной цитадели с четырьмя зубчатыми башнями по углам. У распахнутых кованых ворот суетился невзрачного вида служка, предлагающий за пару убитых енотов провести весьма познавательную экскурсию по древнему кремлю Саврасова Засада. Полагаю, после нашего посещения мест, достойных красного словца экскурсовода, в цитадели могло стать на порядок больше. Пара стражников, попытавшихся было затребовать наши с Делли ярлыки, влипли в стену на уровне второго этажа, едва имея возможность пошевелить пальцами. Не то чтобы у нас с собой не было спрашиваемых документов, но после встречи с Переплутнем на фею нашло весьма дурное расположение духа.

— Лучше молчи, — предупредил я очередного недотепу, попытавшегося на свою беду преградить путь неведомым посетителям.

Однако было уже поздно. Одного взгляда Делли было достаточно, чтобы, открыв спиной три двери, бедолага рухнул прямо на стол в кабинете бургомистра.

— Волшебная Служба Охраны, — прокомментировала случившийся беспорядок моя спутница, входя в апартаменты несколько ошалевшего городничего. — А это одинец-следознавец, начальник специальной следственной группы, учрежденной его величеством для выявления злоказненного ордынского присутствия. Вот наши ярлыки. Желаете — удостоверьтесь.

Мэр вольного города Саврасов Засад был человеком не храброго десятка. Впрочем, ни к чему такие доблести избраннику торгового люда. Но сейчас весь этот люд, ничего, правда, о том не подозревая, глядел на господина бургомистра, на своего избранника, и ждал от него достойной поддержки прав и вольностей купеческого звания.

— Ну... Это... — с достоинством проговорил городской голова, быстро пробегая глазами содержание верительных грамот. — Красиво нынче писцы столичные буквицы выводят. И печати вроде как настоящие. — Он замолк, просматривая пергаменты на свет, пробуя на зуб и на ощупь. — А вот только боянить-то у нас не на-адо. Ни к чему это. Мы, знаете ли, вольный город. И живем по старочестным укладам, которые еще пращуры нашего государя-батюшки торговому люду завещали. Мы люди благолепные, законопослушные. — Он вернул незваным посетителям документы, и мне почудилось, что я через пергамент ощущаю, как дрожат его пальцы. — Однако разору здесь устраивать не позволим. А то вот намедни приезжал к нам один такой. Тоже все грозился, кулаками махал. Насилу уняли буяна! На поверку лазутчиком оказался.

— Чым лазутчиком? — Мы с Делли переглянулись.

— А леший его разберет? — пожал плечами бургомистр. — Может, что и ордынский. При нем такой же вот ярлык был. Да еще один субурбанская, что он, мол, не абы кто, а подурядник левой руки. А что, почтеннейшие, — без всякого перехода поинтересовался хозяин кабинета, подаваясь вперед, очевидно, для острастки, — коли вас потрясти, может, тоже что подозрительное сышется?

— Только пошевелись, — тихо заверила его Делли. — Я размажу тебя по всему потолку.

— О, и тот витязь поначалу все грозился! — невесть чему обрадовался городничий. — Потом уж совсем вразнос пошел. Ветродую казенному зачем-то глаз подбил, прислугу отколошматил, стулья покрушил. Даже со стражей на копьях бился. Насилу сетью изловили! Все ему, болезному, не терпелось покуролесить. Сначала какуюто облаву устраивать звал, затем мальца рыженького требовал из тюрьмы ему выдать...

Я оглянулся, ища поддержки. Сквозь щель в приоткрытой двери проглядывало несколько пар глаз; рядом стояла Делли, раздумывая, то ли воплотить в жизнь свою угрозу, то ли подождать, пока говорливый мэр расскажет еще что-то полезное для следствия; в оконной раме на цепях в железном обруче ошейника с шипами вовнутрь висела громадная щекастая морда, вроде тех, которые в эпоху Возрожде-

ния рисовали по углам морских карт. Глаз на этой физиономии действительно был подбит.

— Между прочим, — перехватив мой взгляд, вновь заговорил бургомистр, — ветродуй мурлюкской породы. Ценная вещь.

— Послушайте, — собравшись с мыслями, начал я как можно мягче. — Мы приносим вам официальное извинение и за наше вторжение, и за те неудобства и разрушения, которые были причинены визитом нашего коллеги.

— Так, стало быть, вы тоже... того? — напрягся вольный городничий.

— Нет-нет. И мы, и арестованный вами вчера витязь действительно те, за кого себя выдаем. И я настоятельно не рекомендую вам и далее коснеть в своем заблуждении. В противном случае вас могут запросто обвинить в пособничестве ордынским шпионам. Если не верите, сейчас мы вас покинем и завтра же королевское войско будет стоять под стенами вашего города.

— Ну... предположим, — вынужденно согласился негостеприимный хозяин, прикидывая в уме, что в любом случае попытка силой удержать фею, да плюс к ней еще и одинца, при любом раскладе может дорого обойтись магистрату. — Ну предположим, — с тяжелым вздохом повторил он. — И чего же вы с нас взыскиваете?

— Во-первых, освободите витязя Вадима, сына Ратникова. Надеюсь, мы найдем возможность урегулировать тот досадный инцидент, виной которому послужило непонимание сторон. Во-вторых, передайте нам того самого рыжего подростка, о котором просил вас вышеупомянутый витязь. Собственно говоря, именно по его душу он в Засад и прибыл.

— Ага, вот оно, значит, какое дело, — выслушав мои слова, кивнул городской голова. — Так вот что я вам скажу. Витязь ваш в городской черте разор учинял, а стало быть, за железные-то двери не просто так посажен. И малец этот, уж не знаю, чем перед вами пронинился, а в городе он нарушил закон старинного уложения о волшебстве и чарах, пытаясь из-под полы продать вот это самое волшебное зеркальце. — Бургомистр полез в стоящий рядом комод и вытащил оттуда волшебное стекло в серебряной оправе.

— Предвечный дух! — еле слышно выдохнула Делли. — Это же то самое! Я же его год назад в день рождения Маше подарила!

— Не ошибаешься? — тихо проговорил я.

— Точно! Мне ли не узнать?!

— ...А стало быть, — продолжал голова торгового люда, — оба они не безгрешные агнцы и должны быть перво-наперво судимы у нас, коли уж тут изловлены. А потом и вам их можно выдать.

— Когда же суд? — поинтересовался я, больше стараясь выиграть время для оценки ситуации, чем действительно интересуясь датой этого знаменательного события.

— Так а чего тянуть, сегодня, поди, и осудят, — пожал плечами мэр. — Витязя вашего, чтоб неповадно было, казнят. Ну а малый-то по первой легко отделяется — полсотни плетей всыпят и отпустят.

— А адвокаты? — Я ухватился за спасительную мысль, как утопающий за соломинку. — Адвокаты у них будут?

— А это что за птицы али рыбы такие? — искренне удивился городской голова.

— Ну защитники! — пустился в объяснения я.

— А! Кампионы! — расплылся в широкой улыбке городской голова. — Коли вы желаете, отчего нет?

Глава 12

Сказ о том, что только лошади летают вдохновенно

Бургомистр засуетился, разгребая ворох свитков, покрывавших стол перед ним.

— Сейчас, одну минутку! Где-то у меня тут кое-что было, — шаря по столешнице, приговаривал градоначальник. — Одну минуточку! А, вот! — Он торжественно вытащил из-под свитка нечто, весьма напоминающее рака с крошечным горном в клешнях. — Вот! Сувенир из Мурлюкии. Очень, знаете ли, полезная вещь, чтобы подчиненных к себе вызывать. Вот, глядите-ка!

Мэрский палец уперся в рачье брюхо, и несчастное членистоное издало оглушительный свист, недвусмысленно выражая начальственную волю хозяина. Дверь кабинета распахнулась, и обладатель одной из тех самых пар глаз, что мгновение назад подсматривали за нами в щелочку, предстал на пороге, изгинаясь в подобострастном поклоне.

— Что прикажете-с?

— А, каково?! — любуясь произведенным эффектом, обратился к нам городничий, уже значительно приветливее, чем в начале встречи.

— Впечатляет, — кивнул я.

— Ты вот что, — вновь принимая горделивую позу, обратился к слуге бургомистр вольного города. — Ступай, значит, к судьям да скажи, чтоб наряжались да собирались у Лобной плеши. Будем справедливые разборы чинить.

— Слушаюсь, — еще ниже склонился секретарь.

— Да скажи им, что за вчерашнего буяна этот самый... адовый кат нашелся. Из самой столицы.

— Простите, кто-с? — переспросил служащий.

— Ну, кампион по-нашему.

— А, понятно-понятно!

— Так вот, вели им, чтоб все надлежащим образом подготовили. И так, без оттяжек, как народ соберется, пожалуй, и начнем.

— Не забудьте привести к месту судилища арестантов, — почтому-то очень тихо, но четко проговорила фея.

— Ну, так ясное дело! — пожал плечами городской голова. — Как же без этого? Иди, любезный, — отпустил он секретаря. — А как судей оповестишь, ступай на балчуг¹, да там огласи, что всякий желающий может нынешнее ристание узреть воочию с хорошего места, цена тому один лишь убитый енот.

— Все сделаю-с, не извольте сомневаться-с! — заверил кабинетный хлыщ, поворачиваясь на каблуках.

— И с вами я вынужден проститься, — обратился к нам бургомистр. — Сами понимаете — дела. Стало быть, на Лобной плеши и встретимся.

— Непременно, — все так же тихо ответила ему Делли и добавила, обернувшись ко мне: — Ну что ж, идем готовиться.

— Ты понимаешь, что натворил? — накинулась на меня грозная сотрудница Волшебной Службы Охраны, едва только мы покинули цитадель городского магистрата.

— Да чего ты волнуешься? — с недоумением пожал плечами я. — Мне, конечно, далеко до модных столичных адвокатов, но в принципе юриспруденцию в Университете Внутренних Дел изучал. Язык подведен неплохо...

— Язык, может, и неплохо, — перебила меня Делли. — А вот голова не очень.

— Ну, знаешь ли!.. — попытался было возмутиться я.

¹ Балчуг — торг, базар.

— Я-то знаю, — не унималась фея. — А вот тебе ведомо, кто такие кампионы?

— Адвокаты, — обескураженно ответил я. — А разве нет?

— Не совсем. — Делли покрутила рукой в воздухе. — Когда дело слушается в магистратном суде, подсудимого всегда спрашивают, по закону ли его судить или же по чести и совести. Если тот выбирает второе, выходит, людской закон он не принимает и верит лишь суду божьему. А если так, то обязан выставить он своего защитника, который смертным боем будет драться с кампионом истца. В данном случае городского магистрата.

— То есть как — драться? — удивился я.

— Пешим, — пояснила чародейка. — Оружие тебе на выбор предоставляют: мечи, секиры, булавы, кистени разные.

— О господи! — охнул я. — И как же со всем этим управляться?

— Тебе виднее, ты же кампион!

Я обиженно расправил плечи. В конце концов, мне не впервой было сходиться с противником «кор-а-кор»¹ и одерживать победу.

— И добро б ты с купцом каким повздорил, а то ведь вольный город, да еще такой богатый, как этот, наверняка себе лихого рубаку в кампионы нанял. Оплата у них высокая, стало быть, и выбор не мал. Что ж делать-то? — твердила она. — Что ж тут предпринять?

— Прорвемся! — Я упрямо наклонил голову и сжал кулаки. — Пошли искать эту чертову лысину.

Поиски не заняли много времени. Хозяин первой же лавки быстро и доходчиво растолковал потенциальным покупателям кратчайший путь к искомому объекту и тут же предложил пару билетов на предстоящее шоу по весьма сходной цене.

— Дальше дороже будет, — клятвенно прижимая ладони к груди, завёрял он. — Смотрите, пожалеете!

Уж не знаю, как там насчет смотреть, но жалеть уже было самое время. Когда наконец мы добрались до Лобной пласти, я понял это со всей очевидностью.

Место божественной разборки не слишком радовало глаз. Притулившаяся у городской стены трибуна почетных гостей с судейской ложей посредине гордо возвышалась над дощатым забором, поддерживающим еще три ряда скамеек. Остальным «безместным» зрителям приходилось жаться в промежутках между скамьями и внешним ограждением решетки восьмиугольника поля судебных баталий. Ког-

¹ Кор-а-кор — вплотную, букв. рука к руке.

да мы с Делли приблизились к калитке в заборе, народ уже вовсю стекался поглазеть на кровавое представление.

— А вы куда без билета? — попытался было остановить нас один из возбужденных общей суетой привратников.

— Я кампион, а эта дама со мной, — гордо заявил я, придавая лицу высокомерное выражение.

— Тогда извиняйте, почтеннейший господин кампион. — «Вахтер» посторонился, освобождая путь. — Надеюсь, вы будете знатно биться!

Ну, это уж вне всяких сомнений! Насколько можно было понять правила судебного поединка, ничейный вариант даже не рассматривался. А проигрыш означал гибель сначала мою, потом, раз уж так все обернулось, и славного витязя Вадима Ратникова. Уж не знаю, случается ли у фей инфаркт, но, похоже, мою очаровательную спутницу перспектива нашей безвременной кончины также не радовала.

— Как думаешь, — услышал я за спиной разговор перекрывающихся привратников, успевавших не только проверять билеты, но и обмениваться соображениями об исходе предстоящей схватки, — вытянет бой?

— Не-а, — лениво отвечал ему другой. — Куда ему! Хлипковат.

Но это уж было совсем неслыханное оскорбление! Быть может, я и не был мистером Вселенная, чемпионом мира по бодибилдингу, но все же в атлетичности моего сложения прежде ни у кого не было повода сомневаться. Опять же, как-никак мастер спорта по самбо. Я сделал еще несколько шагов в сторону ристалища и понял, о чем толковали привратники.

Внутри клетки, где через считанные минуты мне предстояло проявлять чудеса мужества и боевой выучки, на брусьях внутренней ограды в попечном шпагате сидел детинушка, мягко говоря, не моей весовой категории. Оценив косым взглядом, что публика уже достаточно многочисленна, он соскочил на посыпанную опилками землю и с легкостью заправского акробата сделал двойное сальто, срывая аплодисменты ликующей толпы.

«Ничего!» — успокоил я себя, внимательно разглядывая верзилу в кожаных плавках с заклепками-шипами, подобном же боевом поясе, предохраняющем от обхватов и ударов в живот, и широких ремнях крест-накрест, сплошь усеянных стальными пластинами. Пара шипастых наручей от запястья до локтя, пара таких же поножей — вот, собственно, и весь наряд моего соперника. «Ничего, — повторил я, оценивая весьма рельефную мускулатуру противника. — Му-

жик, конечно, крупный, но представим себе, что это просто циркач. Силовые трюки и акробатика».

Словно подслушав мои мысли, кампион магистрата с легкостью подхватил прислоненную к столбу двулезвенную секиру с граненым острием-навершием и, подкинув ее высоко вверх, ловко поймал, развернувшись предварительно на триста шестьдесят градусов. «Очень недурно! — невольно про себя отметил я. — Что же мне с ним делать-то? При такой прыти он, пожалуй, изрубит меня, точно японский повар загадочную ядовитую рыбу фуго. Нет, с оружием тягаться против местного защитника, похоже, дело гиблое!» Между тем на судебное поле вылез юноша, вероятно, ассистент наемного защитника городских прав, с довольно толстым шестом в руках.

— Что это он собирается делать? — обеспокоенно спросил я у Делли.

— Сейчас все увидишь, — обнадежила меня фея.

Не заставляя долго ждать, юнец перехватил шест двумя руками и, широко расставив для упора ноги, замер перед вражеским кампионом, держа перед собой палку точно флаг. Вжик! Свистнула секира, и на песок ристалища упал обрубок длиной сантиметров десять. Вжик! Еще один. Потом еще и еще...

— М-да, хорошо это у него получается! Такого бы да на лесоповал, — пробормотал я, радуясь, что одобрительный гул толпы не позволяет слышать этих слов ближайшим соседям.

Воодушевление публики между тем нарастало с каждой минутой. Между рядами бегали ловкие букмекеры, принимая ставки на результат боя. Судя по недвусмысленным знакам ставящих, можно было вполне обоснованно предположить, что рискнувший поверить в мою победу при удачном раскладе мог войти в число богатейших людей Саврасова Засада.

— Делли, скажи, мне эту мечту «садо-мазо» обязательно на себя напяливать? — прошептал я, указывая на доспех противника.

— Нет, — заверила меня фея. — Только если пожелаешь. Но ни панциря, ни кольчуги тебе не дадут. К чему? Солнечный лик правого видит да завсегда от неправого обороняет.

— Утешительная новость, — хмыкнул я. — Постараюсь атаковать со стороны солнца.

Впрочем, слова мои были чистым блефом. На сердце было мутно, и в желудке урчало как-то уж очень противно. «К черту оружие! — разглядывая очередные трюки предполагаемого соперника, все более убеждался я. — Надо попробовать уйти в ноги...»

В этот момент левая пятка грозного кампиона взмыла по дуге вверх, и громила застыл в аккуратном вертикальном шлагате. Публика взывала от восторга! «Интересно, и что я там у него в ногах делать-то буду? А, черт с ним! Вцеплюсь зубами в ахиллесово сухожилие, а потом буду прыгать от него по изгороди, пока он, гоняясь, не сдохнет от заражения крови».

— Господин кампион, — ко мне подошел некто в красной шелковой мантии, — вас уже ждут. Пожалуйте на судебное поле.

— Сейчас иду, — кивнул я, ища взглядом Делли. — Мне чего, раздеваться?

— Конечно, — кивнула фея. — Ты должен всем продемонстрировать, что на тебе нет каких-нибудь волшебных амулетов и талисманов.

— А он?

— А он уже показывал.

Пока шла эта содержательная беседа, мой противник приблизился к ограждению и... стальные браслеты немедленно захлопнулись у него на запястьях. «Ух! Кажется, пронесло», — облегченно пробормотал я так, чтобы меня могла слышать лишь одна Делли.

— Еще нет, — покачала головой фея, разрушая забрезжившую было надежду. — Его посадили на цель, чтобы он не ринулся убивать тебя без команды. Сам погляди!

Я немедленно последовал совету боевой подруги. От каждого наручника за пределы ристалища тянулась железная цепь, удерживаемая шестью стражниками. Кампион, оказавшись в столь плачевой позиции, рычал, скрежетал зубами, скрещивал руки на груди, сдвигая с места всю дюжину вцепившихся в кованое железо молодчиков. Трибуны ревели и рукоплескали. Красные мантии судейских заполнили отведенную ложу, знаменуя начало поединка.

— Ну что ж... Хух! — Я громко выдохнул и потянул через голову рубаху. — Блин, ну ты, падло, нарвался! Я тя щас научу родину любить!

Пожалуй, мои спортивные трусы и тельник смотрелись менее эффектно, чем кожаный гарнитур центрального городского руко машца. Но тут уж, прошу прощения, никто не предупредил.

— Ты че тут столпился, борзый карлик! — с наездом выкрикнул я, высекавая на ристалище с увесистым шестопером, выбранным из предложенного ассистентами вооружения. Конечно, не резиновая дубинка, но хоть что-то более или менее знакомое.

Толпа радостно взывала, увидев на поле второго поединщика.

— Ну что, — обернулся я к Делли, — бить уже можно или подождать, пока его с цепи спустят?

— Погоди... — едва успела ответить Делли.

В этот миг бургомистр, восседавший в центре судейской ложи, поднялся со своего места и огласил торжественно:

— Почтеннейшие жители и гости вольного города Саврасов Засад. Сегодня мы собрались здесь, чтобы узреть воочию судебный поединок, в котором кампион нашего славного города грозный мономах¹... — в этом месте слова его были заглушены овацией, — сойдется в смертной схватке... — вновь бурные аплодисменты, — с кампионом витязя Вадима, сына Ратника, по прозванию Злой Бодун, и мальчишкой неизвестного прозвания. Вот они! Встречайте!

Трубачи поднесли к губам медные горны, барабанщики подняли отполированные палочки... В наступившей тишине заскрипели ворота, и на Лобную плещь въехала зарешеченная повозка, в которой, хмуро озираясь на присутствующих, восседал вышеупомянутый витязь, прикованный цепями к железной клетке, и огненно-рыжий подросток лет пятнадцати-шестнадцати. Свист, шиканье и улюлюканье взорвали трибуны. В сторону влекомого парой вороных коней тюремного возка устремился град подгнивших овощей, знаменующий всенародное негодование. Мрачный экипаж замер у почетной трибуны, и удовлетворенный достигнутым эффектом мэр воздел руки, останавливая самосуд.

— Напоминаю правила поединка! Бойцы могут драться оружием или без оного, как пожелают. В ходе схватки они три раза могут сменить вооружение, не останавливая при этом боя. Поединок останавливается лишь тогда, когда один из кампионов более не способен вести бой.

— Что ж, кратко и доходчиво, — хмыкнул я, высматривая, с какой стороны подобраться к «обвинителю».

— Ита-а-ак...

Должно быть, за «итак» по веками установленной традиции следовало «начали». Однако в этот раз заветное словцо так и не сорвалось с уст городского головы. Не сорвалось ни слово, ни пол слова, поскольку говорить с отвисшей челюстью крайне проблематично. А как же челюсти, вернее, всем имеющимся в окрестности челюстям не отвиснуть, когда стоявший между трибуной и ристалищем возок вдруг сам собой оторвался от земли и неспешно, точно наверняка не решив, лететь ему или нет, начал подниматься в воздух. Сначала над

¹ Мономах — дословный перевод: единоборец.

внутренним ограждением, потом над ристалищем, затем над трибуной почетных гостей и в конце концов над городской стеной.

Первыми опомнились тюремные стражники и кучер, сиганувшие со своих мест, едва лишь колеса мрачного экипажа оторвались от земли. Затем наступившую тишину нарушило истеричное ржание вороных, испуганно перебиравших ногами в воздухе, ища опоры. Но вот магическая благодать коснулась и несчастных животных, поднимая их на один уровень с парящим в небе возком, и, словно почувствовав привычную конную тягу, тот двинулся вперед, пересекая линию городских куртин.

Слитный вопль негодования потряс Лобную плешь. Орал даже могучий кампион магистрата, потрясая в воздухе порванными цепями. Казалось, рев негодования достиг своего апогея, когда в засыпанный опилками восьмиугольник юркой змейкой проскользнула Делли. В тот же миг ор усилился. Щелчок в направлении каждой из трибун, и единственное, что теперь нарушало тишину, — безмолвное хлопанье отверстых ртов.

— Прошу прощения за временное неудобство, — звонко произнесла фея, — но я требую тишины. Господин бургомистр, вынужден сообщить вам, что поединок не состоится. Подсудимые находятся на королевской земле, а стало быть, подлежат королевскому правосудию. Представление окончено!

Произнеся эту сакримальную фразу, фея хлопнула в ладоши, и зрители, выложившие свои кровные за билет и на ставки, взвыли раздосадованно, вскакивая с мест и начиная двигаться в сторону ристалища.

— Приготовься! — чуть слышно скомандовала фея.

— К чему? — не совсем понимая, переспросил я, завороженно глядя на приближающуюся толпу.

Людская масса, бурля, надвигалась приливной волной, желая разорвать на части виновников разорительного кидалова. И ежу, окажись он здесь, было бы понятно, что у нас на глазах назревал бунт, о котором классик утверждал, что лучше б его не видеть. А вот, экая ж досада, довелось!

Едва успел я попрощаться с жизнью, едва поудобнее перехватил шестопер, готовясь продать ее подороже, как трах-бабах! Дымовая завеса окутала поле судебных поединков, красные огненные змейки выплеснулись из клубов черного дыма, выдыхая из пастей снопы искр.

— Бегом! — Голос Делли звучал непререкаемо жестко.

Она схватила меня за руку и с неожиданной силой потянула прочь из рокового восьмиугольника. Испуганная дымом и яркой вспышкой толпа отхлынула от брусьев ограждения, и этого мгновения было достаточно, чтобы среди отступивших появилось два новых, никем не узнанных персонажа: почтенного вида матрона Аделаида Иларьевна и мальчик-подросток, должно быть, ее внуκ — ваш покорный слуга. Могучий кампион Виктор Клинский остался стоять на посыпанном опилками ристалище, только почему-то с обрывками цепей на руках.

Когда дым рассеялся, никого в толпе не смущила ни эта деталь, ни то, что в ладонях поединщика зажата секира, принадлежащая еще совсем недавно его противнику, ни исчезновение магистратского кампиона. К чему такие тонкости? Народу необходимо было свернуть кому-нибудь шею, чтобы обрести душевный покой.

Бабушка исчезнувшей в Кроменце внучки с причитаниями пробивалась к выходу, умоляя выпустить ее с дитем из толчеи. И обуянные жаждой крови торгаши с досадой проталкивали нас все дальше от места схватки. Между тем мой несостоявшийся противник трудился вовсю, отрабатывая каждого заплаченного ему убитого енота. Горожане разлетались в стороны, точно попкорн при жарке. «Нет, не здравая это была идея — лезть с ним в драку, — с тоской подумал я, прошмыгивая мимо давешних билетеров. — Очень не здравая!»

— Куда сейчас? — спросил я, когда нам наконец удалось отойти подальше от злополучной Лобной плеши.

— В магистрат. Разбираться с имуществом, — резко отчеканила сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Только, — она протянула мне узел с одеждой, — переоденься. Не хватало еще тебе в таком виде беседовать с господином бургомистром.

Мы втиснулись в темную щель между двумя заборами и, оглядевшись по сторонам, приняли обычный вид.

— Прости, что сразу не рассказала тебе о своем плане, — отвернувшись от меня, вещала Делли, пока я прыгал на одной ноге, другой пытаясь попасть в штанину. — Понимаешь, все должно было выглядеть натурально. Если бы ты знал, что я задумала, наверняка бы расслабился. А местный волшебник, он ведь тоже не дурак. Сразу заметил бы, что мы ему подвох готовим.

— Там был волшебник? — заправляя рубаху в штаны, удивленно поинтересовался я.

— А как же! Вдруг бы я стала помогать тебе чарами добиться победы? Потому, когда ты на ристалище выскочил, он все свое внима-

ние на тебе сосредоточил. А мне много времени не надо было, лишь взглядом возок захватить да силу свою на нем сосредоточить. Дальше волшебнику, хоть он весь кольцами обвешается и возьмет по палочке в каждую руку, со мной тягаться смысла нет. Ну что, готов? Пошли, господин одинец, из главного лабазника душу вынимать.

Городская стража, застигнутая врасплох нежданной смутой, спешно снаряжалась и ускоренным маршем двигалась к Лобной пласти. В суете построений никто в магистрате не обратил внимания на вошедших во двор цитадели посетителей. Удовлетворенно отфиксировав, что покрытый золотой попоной Феррари по-прежнему преспокойно ждет у коновязи, мы спешно продолжили свой неофициальный и не слишком дружеский визит к господину мэру.

Увидев нас, несчастный опешил и молча уселся в свое кресло, разводя руками и не находя слов.

— Ну что? — подходя вплотную к столу, начал беседу я. — Ка-
яться будем или как? Напоминаю, чистосердечное признание смяг-
чит вашу вину, а суд, приняв во внимание искреннее раскаяние, гля-
дишь, и скинет вам...

— Да в чем каяться-то?!, — попытался возмутиться бургомистр, поднимаясь со своего места.

— А ну сел!!! Сел и рот закрыл! Откроешь, когда я скажу! — ряв-
кнул я, давая понять, что беседы вокруг да около закончились еще в
первый наш визит. — Ты не знаешь, в чем твоя вина? Я тебе охотно
растолкую. Но запомни, каждое мое очередное слово — для тебя ме-
сяц работы на каменоломнях. Итак, загибай пальцы, пока тебе не
заломали руки!

— Это как? — побледнел допрашиваемый, явно не привыкший к подобному обхождению.

— Каком қверху! Не знаешь, как на дыбе руки заламывают?! Уз-
наешь! На сегодняшний день имеем: злостное препятствование особ-
ливой следственной группе — раз; покушение на убийство сотруд-
ника этой следственной группы — два!

— Дык ведь!

— Молчать! Я же сказал, говорить будешь только тогда, когда я
позволю! Не согласен — выставишь своего кампиона. Только не это-
го. Этот будет проходить по твоему делу в качестве соучастника. Так,
палец загнул? — Мэр молча кивнул в ответ. — Вот и отлично. Счи-
тай дальше! Укрытие от следствия вещественных доказательств. По-
сягательство на государево имущество — это еще две статьи. И на
мизинчик, роднуля ты мой дорогой, ты что же это, подстрекатель

гнусный, мятеж в городе устроил? Против короля отца-надежи руку поднял?! У-у, да ты, сдается мне, ордынский шпион. Вышак тебе ломится, милый! Склеп семейный имеешь?

— Имею, — в ужасе выдохнул городничий.

— Вот и славно! Вот у родственников и поселившись.

Глаза городского головы остекленели, и длительное свидание с усопшей родней стало вдруг планироваться значительно ранее, чем я предполагал. Такой поворот событий нас явно не устраивал. И поскольку нашатыря под рукой не было, возникла необходимость прибегнуть к иному химическому соединению, оказывающему на представителей торгового люда поистине чудодейственное влияние.

— Да! И чтобы ты не думал, что у нас может быть что-то не по закону... Делли, дочь Иларьева, на сколько потянет штраф за угон муниципального транспорта?

— С учетом того, что мы его возвращаем обратно, не более пятидесяти убитых енотов, — отчеканила фея.

— Перечисли в городскую казну этих самых енотов. А лучше передай мэру, а он нам сейчас накропает расписку.

Услыхав о монетах, градоначальник несколько просветлел лицом и начал дышать куда ритмичнее, чем за минуту до этого.

— Ну что, уважаемый, — задушевно заговорил я, когда сосчитавший полусотню енотов верховный городской самоуправец вновь обрел дар речи, — следствию помогать будем? Или вызвать сюда славного витязя Вадима, сына Ратникова? Как ты думаешь, мил-человек, за что его прозвали Злой Бодун?

— Буду помогать, — должно быть, воскрешая в памяти вчерашнее нашествие Вадюни, взмолился бургомистр. — Вот как есть, пред ясным светом говорю, буду!

— Ну и славно, — похлопал я по плечу саврасовозасадца, — так бы и сразу.

До городских ворот глава магистрата сопровождал нас с сильным отрядом стражи. В Саврасовом Засаде еще было неспокойно. То там, то тут разбушевавшиеся лавочники грабили соседские лабазы, норовя утащить в свои подвалы побольше чужого товара. Стражники излавливали их и били морду, восстановливая законный порядок. Когда ворота перед нами отворились и копыта Ниссана коснулись королевской земли, мэр облегченно вздохнул и на радостях замахал рукой, желая незваным гостям доброго пути.

— На следующую неделю ничего не планируйте, — повернулся я в седле синебокого скакуна и сердечно обнадежил мэра: — Вас вызовут.

Пара стражников последовала за нами, чтобы вернуть городу унесенную магическим ветром муниципальную собственность.

Я опускаю долгожданный момент встречи и освобождение героя «сопротивления» из цепей «вероломных сатрапов». Все эти объятия, хлопанья по плечам мало что прибавляют к моему повествованию. Единственное, что действительно заслуживало внимания, — это ответ Злого Бодуна на вопрос, мучивший меня уже несколько часов кряду.

— Вадим, ответь, ради всего святого, какого хрена ты избил мэрский кондиционер?

— Ага! — по-детски возмутился Вадюня. — Прикинь, в натуре этот козлище приказал своей подвесной морде выдуть меня из кабинета. Ни фига себе пурга! И что я типа должен был делать?! У-у, болт моржовый, я тебя еще поймаю! — Ратников пригрозил стенам Саврасова Засада, для верности отмерив ровно половину руки. — Да, кстати, — без всякого перехода продолжил он, — я тут с хлопцем чисто по понятиям перетер. Кажется, он в натуре ни в дугу по нашему делу.

— В каком это смысле? — Я мрачно уставился на подростка, настороженно оглядывающего окрестности, с единственной, похоже, мыслью, крупными буквами написанной на его челе: «А не дать ли мне деру?»

Очевидно, время, проведенное в тесном общении с могутным витязем, мешало ему реализовать эту идею. Но все же она билась в его мозгу неотступно.

— В несознанку решил с нами поиграть?

— Да не то чтобы, — пожал плечами Вадим. — Похоже, пацан конкретно не при делах.

— Не при делах, говоришь? — Я криво усмехнулся, отчего колени мальчишки слегка напружинились, переводя его в позицию высокого старта. — Остыньте, юноша, — предупредил я его попытку к бегству. — Вы что, с феей наперегонки решили посоревноваться? Делли, а где там у нас зеркальце?

Сотрудница Волшебной Службы Охраны без промедления достала из седельной сумки средство мобильной связи в вычурной сребряной оправе.

— Вам знаком этот предмет?

Малец был нем, безучастно глядя на пускающую солнечные зайчики улику.

— Запираться здесь не надо, — почти ласково начал я. — Мне и без вас известно, что знаком. Выбор у вас, молодой человек, невелик. Либо вы сотрудничаете с нами и начистоту выкладываете: как к вам попало волшебное зеркало, что вы делали в гостинице «Граф Инненталь», кто ваши сообщники? Либо мы возвращаемся в этот славный город, — я указал на простиравшийся перед нами Саврасов Засад, — и передаем вас, мой юный друг, в суровые руки местного правосудия. Как заверял нас тамошний мэр, за попытку продажи вот этого самого магического артефакта в черте города вам грозило пятьдесят плетей. — Юноша побледнел, отчего его шевелюра казалась еще более огненной. — Это до побега.

— Но я же не бежал! — собираясь с силами, выдохнул он. — Вы же сами!..

— Сами не сами, а налицо подготовленный, тщательно спланированный и проведенный побег в составе группы. Что само по себе является отягчающим вину обстоятельством. Впрочем, позицию свою вы вполне сможете высказать в последнем слове высокому суду, но у меня почему-то есть подозрение, что плетей будет раза в два больше. Делли, я правильно говорю?

— Верно, — кивнула фея. — Я сама прослежу.

— Вот так вот, — развел руками я. — Как вы думаете, молодой человек, вы сможете выдержать сотню плетей? Мне кажется — нет. Особенно принимая во внимание, что после сегодняшнего эффектного побега из-под стражи ждать снисхождения палача вам, пожалуй, не следует.

— Всех собак на меня вешаешь, — мрачно насупившись от беспомощия, огрызнулся рыжий. — Зеркало я украл, было дело. А все, что вы мне шьете — гостиницы, помощники, — все туфта. Я ничего об этом не знаю.

— Решил по мелочи уйти? Я не я и хата не моя? Молодой человек, вас обвиняют в государственном преступлении, и только поэтому сейчас сохраняют жизнь. Рассчитывать вам не на что, здесь не городская стража, вывернуться не удастся. Единственный ваш шанс на спасение, повторю, единственный — это полная откровенность на допросе.

— Знать ничего не знаю! — упрямко наклоняя голову, отрезал малец.

— Не знаешь. Ну ничего, мы память твою подновим. Вадим, скрутка своего сокамерника, чтобы он, не дай бог, на всем ходу с Ниссаном не выпал. Устроим вам, молодой человек, очную ставку. Так что, ежели не желаете взойти на плаху с табличкой «Ордынский переветник»¹, подумайте по дороге о том, насколько правда может удлинить жизнь.

— Спорно, — с руками, заведенными назад, выдохнул парень. — Но я подумаю.

Глава 13

Сказ о том, как Виктор Клинский отворил потихоньку калитку

«Граф Инненталь» встречал непоседливых постояльцев все той же дворцовой роскошью, многочисленными поклонами хозяина и вышколенных слуг. Щек Небрит, вызванный немедленно после прибытия для очной ставки, примчался рысью, спеша выслужиться перед влиятельными гостями. И вот спустя несколько минут расторопный субурбанец и наш рыжий пленник сидели лицом к лицу перед «гражданином следователем», а могутный витязь был размещен чуть поодаль в качестве недюжинных сил очень быстрого реагирования.

— Уважаемый Щек Небрит, — начал я как можно более проникновенно, — знаком ли вам этот молодой человек?

— Н-нет, — всматриваясь в освещенное злополучными свечами лицо, покачал головой «специальный агент».

Следующий вопрос повис на языке и от неожиданности провалился в глубь желудка. То, что я услышу «да», было для меня почти очевидным.

— Та-ак, — промолвил я, пристально глядя на Щека.

Выражение его лица было подчеркнуто внимательным, но абсолютно спокойным. Было не похоже, что хозяин страдает временным расстройством памяти или же что отрок, сидящий напротив него, оказывал нежелательное воздействие силовым, магическим или каким-нибудь иным способом. Впрочем, я ухватился за спасительную мысль: он, может быть, действительно незнаком с рыжим. Номер для парня снимал неведомый царедворец, здесь он толком ни с кем не общался... А если попробовать с другой стороны?

— Скажите, вы когда-нибудь видели этого человека?

¹ Переветник — предатель, изменник.

— Никогда в жизни! — прикладывая руку к сердцу, заверил добровольный помощник.

Вот это история! Я буквально онемел, не зная, что и сказать. Мы сломя голову несемся за этим пацаном, рискуем жизнью, чтобы вытащить его из кутузки, а он, выходит, ни сном ни духом не причастен к делу. Вот так-так! Впрочем, о чём это я? Как же не причастен? А зеркальце?! Правда, парень утверждает, что украл его, но ничего, будем крутить. Все равно расколется.

— Вы можете присягнуть, что никогда прежде не видели этого человека? — медленно и внятно произнося каждое слово, еще раз уточнил я.

— Заначкой клянусь! — зачем-то доставая из-под рубахи уже знакомый нам символ триединства Нычки, заверил Небрит.

— Ладно, благодарю вас, вы нам очень помогли. Ступайте, занимайтесь своими делами.

— Ваша вельможность, — засовывая золотой медальон под рубаху, тихо произнес Щек, — мне б тут по секрету сообщить кое-чего.

О! Как говаривал один из наших прошлых лидеров — процесс пошел!

— Вадим, выведи-ка подозреваемого в соседнюю комнату.

Ратников, изображавший мрачного стража, едва ли не под мышкой вынес мальчишку из помещения.

— Да, слушаю внимательно, что там у тебя?

— Ваша вельможность, — вытянулся во фронт «истинный патриот», — разрешите доложить!

— Да уж докладывай.

— Пока вы изволили пребывать в командировке, я по рвению и разумению своему в вашем номере караулил, дабы какой коварный вражина тихой сапой не прокрался.

— И что коварный враг? Не прокрался?

— Не извольте беспокоиться! Я самолично бдил со всей неусыпностью! Но тут вот какое дело. Вскоре после того, как вы отбыть изволили, сижу я и слышу, за окном на подоконнике будто бы голубь воркует. Я тихонечко подкрался, окошечко отворил, а там... Так и есть! Голубь! Сидит, ишь, мелочь пернатая, зерно клюет! А к ноге его, в смысле к лапке, записка ленточкой примотана. Так что я птицу — цап! И изловил.

— Молодец! — похвалил его я. — Растешь в моих глазах! С твоей ловкостью место думного радника о тебе уже обрыдалось, но можешь не сомневаться, я замолвлю словечко. Где записка-то?

— Будьте покойны! — расцветая от похвалы начальства как маков цвет, заверил меня тайный призорник. — Вот сие послание. И на яд, и на наговор ужё проверил. И ленточка, коим оно было привязано. Вроде бы тыфу, что там голубю к ноге записку примотать, любая бечева сойдет, а надо же, тесьма-то дорогая, не менее как по еноту за локоть!

— Родина тебя не забудет, — скороговоркой кинул я, выхватывая из рук субурбанца ключок пергамента. Пробежать взглядом по строчкам — секундное дело. Текст краткий, но... «Господин одинец! Коли вы действительно печетесь о судьбе пропавшей особы, нынче ночью, после колокола первой стражи, приходите во дворцовый парк к Русланочьему гроту. Будьте один, и я не причиню вам вреда». Все, больше ни слова, ни какого-либо значка. Однако почерк подозрительно идентичен почерку предыдущего послания. Что ж, приходилось констатировать, что наши противники следят за нами, во всяком случае, не менее, а то и поболе, чем мы за ними.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил я все еще стоящего в ожидании Щека. — Ты оказал следствию неоценимую услугу. А теперь ступай, я тебя вызову.

Субурбанец откланялся, но я едва ответил ему, лихорадочно пытаясь сообразить, что бы могло означать такое странное приглашение на полночное свидание.

— Ты вот что, — кинул я вслед субурбанцу, — пришли сюда одного или лучше двух стражников за парнем проследить. Да смотри, он бегун известный! А то, знаешь-ка, запри его в чулан. Только подкорми, он небось голодный, как зеленый демон.

— Да, конечно, ваша вельможность, как скажете, — закивал Щек. — Сей миг все исполню.

Спустя несколько минут пленник перекочевал в крепкие руки стражи, и у меня наконец появилась возможность трезво оценить весомость наших побед. Хотя оценивать-то по большому счету было почти нечего. То есть да, мы очень удачно вытащили из застенков Вадюню и сами при этом выбрались живьем из весьма неприятного переплета. Но, если рассуждать строго, вся эта катавасия с поездкой в Саврасов Зasad была спровоцирована ложной целью, фантомом, в который мы поверили. Так что день, по сути, пропал даром. Теперь вот еще это послание — ответ турецкого султана запорожским казакам!

Я еще раз всмотрелся в пергамент и тесьму, которой он был примотан. Тесьма действительно дорогая. Я попробовал ее на разрыв —

крепкая. Прежние два голубя обходились по-простому, без украшений. Что бы это значило? Что у неизвестного «доброжелателя» не оказалось под рукой другой веревки? Или же кто-то желает таким образом показать, что он — или она — действительно имеет отношение к пропаже девушки? В том, что тесьма, весьма вероятно, связана с исчезновением Маши, я практически не сомневался. Чтобы укрепиться в этом мнении, оставалось лишь дождаться возвращения Делли, отправившейся с докладом во дворец. До тех пор из нового вешдока больше ничего не выжать.

Я поглядел на часы: сорок минут до полуночи. Пора спешить, иначе неизвестный, кто бы он ни был, решит, что контакт не состоится. Ищи его потом! «А если это засада?» — прерывая ровный ход мыслей, высунул голову вечно голодный червячок сомнения. Может, кто-то решил, что мы подобрались слишком близко к разгадке, и пожелал, скажем, всадить мне стрелу между лопаток. Да ну, ерунда! Никто не знает, как близко мы подошли к разгадке, поскольку нам самим толком ничего об этом неизвестно. Да и какой смысл расправиться со мной одним, когда на смену сразу придет следующий следознавец. А надо будет — и еще сыщется.

Нет, идея расправиться с одинцом могла прийти только в очень суетливую и не слишком умную голову. Впрочем, кто знает местные нравы? Окончательно сбрасывать со счетов эту идею, быть может, и не стоит. Однако вероятнее другое: некто, желая остаться неузнанным, хочет дать следствию информацию неизвестной ценности. Здесь возможны варианты. Номер первый: следствию пытаются подсунуть откровенную «дезу». Номер второй: кто-то, случайно обладающий информацией, имеющей значение для расследования, но не желающий огласки, жаждет исполнить свой гражданский долг и помочь следствию. И третий вариант, наиболее для нас благоприятный, однако, увы, маловероятный: на контакт с нами очень хочет выйти человек, имеющий непосредственное отношение к похищению. То-то стало б весело, то-то хорошо! Но обольщаться не стоит. В любом случае ясно одно — идти надо. И судя по стремительному бегу секундной стрелки, в запасе у меня не так много времени.

В этот момент Вадим, передававший заключенного в руки стражников, успел вернуться в апартаменты, чтобы уточнить дальнейший план действий.

— Ты че, Клин, с башкой поссорился? — выслушав мою речь, резюмировал он. — В одиночку в такую глухомань? Да тебя там по-

решат в натуре, как Герасим свою собачонку! Как хочешь, но одного я тебя конкретно не отпущу!

Переубеждать славного витязя было делом малоперспективным. Он вполне искренне полагал, что я собираюсь на разборку, и начисто отказывался воспринимать доводы против его присутствия на рискованной встрече.

— Не, ну ты чисто не врубаешься! — мотал головой Ратников, даже не давая себе труда вслушиваться в мои слова. — Куда тебя несет? Там же у грота топь! Выпустят они какую-нибудь тварь, и все, сливай воду. Собака Баскервилей в полный рост!

— Вадим, — начал я, спеша перенаправить энергию боевого товарища в нужное русло. — Вот тесьма, которой было примотано письмо. Вероятно, она имеет отношение к одежде королевишины. Во всяком случае, Щек утверждает, что тесьма очень дорогая. Ни ты, ни я не можем знать наверняка подробности Машиного наряда. Выходит, это весточка для Делли. Может, даже от самой принцессы. Сейчас мы едем во дворец, затем ты находишь фею и рассказываешь ей обо всем произошедшем. Хотелось бы верить, что она еще не сообщила его величеству о глобальных успехах следственной группы. Я же тем временем отправлюсь к гроту. Если через полчаса не вернусь, начинайте бить тревогу.

— Ага, — кивнул славный витязь, — все понял! Ты спускайся, я догоню, — выпалил Злой Бодун, устремляясь в соседнюю комнату. — У меня по этой теме кое-что есть!

Не успел я выйти во двор к конюшне, как Вадим уже догнал меня с короткоствольным приспособлением в руках.

— На, держи. Это ракетница. Так, прихватил типа на всякий случай, мало ли чего. И вот еще пара ракет про запас. Если надо будет, чисто за магию прокатит.

Снаряженный таким образом, я в сопровождении славного витязя Вадима Ратникова отправился на полуночное свидание с таинственным незнакомцем, или незнакомкой, или уж бог его знает с кем. После болтливого Переплутня удивляться разнообразию созданий, способных вести беседы, было по меньшей мере глупо.

Дворцовая стража, потревоженная в неурочный час, удивленно взорвалась на ярлыки с королевскими печатями и... отказалась открыть ворота.

— Прошенья просим, — разводя руками, пробормотал начальник полуночного караула. — Все заперто.

— Ну, так отоприте! — возмутился я. — Неотложное дело! Вы что же, не видите, указ короля оказывать всяческое возможное содействие.

— С великой охотой, ваша вельможность, — удрученно покачал головой переполошенный стражник, — только ведьключи-то на ночь камергеру сдаются!

— Так беги за ним! Да передай, чтоб мчался сюда, как есть! Дело срочное, неотложное!

Мысль о том, что камергер его величества, управляющий дворцово-парковым хозяйством, в шлепанцах и ночном колпаке, должен лететь на зов каких-то неизвестных и в общем-то подозрительных особ, ввергла нашего собеседника в состояние глубокой оторопи.

— Да как же ж?.. Куда же ж? Оне же почивать изволят! — округляя глаза, запричитал охранник.

— Клин, — вмешался в нашу содержательную беседу грозный витязь Злой Бодун, — что ты с этим упурком валандаешься? Я сейчас конкретно из «мосберг» по замку шмальну — и все дела!

— Погоди, — остановил его я, попутно кидая взгляд на циферблат часов. Слава богу, на Ниссане от отеля до дворца мы домчались за считанные минуты и немного времени для переговоров у нас еще оставалось. Правда, совсем чуть-чуть. — Послушайте меня, — стараясь говорить как можно более убедительно, обратился я к «вхоровцу». — Почивает ваш камергер или не почивает — не имеет ровно никакого значения. Если вы сейчас же, с максимально возможной скоростью не отправитесь за ключом, мы с другом развернемся и уйдем. — Из груди стражника донесся явственный вздох облегчения. — И вернемся завтра, — не давая вставить ему слово, продолжил я, — чтобы на аудиенции у его величества возложить всю полноту ответственности за срыв архиважной операции на вас лично. После чего вас отправят корчевать минеральные деревья за Орел-камень. Куда-нибудь к границе Царства Вечных Льдов. Я понятно излагаю свою мысль?

— М-м... сию минуту! — Стражник украдкой поглядел на меня, силясь понять, не шучу ли я, и, с прискорбием осознав, что не шучу, со всех ног бросился ко дворцу.

Граф Пино, камергер с ключом, возник около караульной стражки неожиданно быстро. Как видно, он еще и не думал в эту пору осчастливить пуховые тюфяки своим присутствием. Сопровождаемый уже знакомым начальником стражи, освещавшим дорогу вельможе смоляным факелом, де Бур приблизился к зарешеченному

окошку в калитке ворот и, прикрывшись ладонью, как козырьком, удивленно промолвил:

— Вы, господа?! Что вам нужно во дворце в такой час?

При мерцающем свете факелов глаза вельможи отсвечивали красивым, а многочисленные перстни, которыми были уизаны пальцы его сиятельства, озаряли темноту переливающимися отблесками драгоценных камней, пульсируя, точно живые. А один из таких ювелей¹, золотистый янтарный скарабей, отчего-то казался и вовсе живым, словно ползущим по длинному, узловатому пальцу царедворца.

— Не здесь говорить о причине нашего появления! — отрезал я. — Откройте калитку, и чем быстрее, тем лучше!

— Хорошо, — кивнул граф, чинно протягивая ключ стражнику. — Отворите калитку!

Лишь стоило заскрипеть плохо смазанным петлям, как мы с Вадионей вихрем ворвались на территорию дворцового парка, едва не сбивая с ног зазевавшуюся охрану.

— Быстрее, быстрее! Время не ждет! — крикнул я. — Идемте, граф! — Мы подхватили вельможу под локти и чуть ли не волоком потащили от ворот.

— Да что происходит, господа? — пролепетал уносимый в темноту камергер. — Куда вы направляетесь?

— Стоп! — скомандовал я, когда мы оказались на достаточном расстоянии от недоуменных глаз и лишних ушей. — Ваше сиятельство, можете возвращаться к своим обязанностям. А еще лучше, проводите Вадима к Делли.

— Как пожелаете, — кивнул Пино. — А вы? Куда вы пойдете?

— К Русалочьему гроту, — кинул я, стараясь получше восстановить в памяти маршрут, которым вел нас храбрый Громобой.

— Да вы умом повредились! — всплеснул руками граф и заговорил, энергично жестикулируя, что не совсем вязалось с его обычной флегматичной манерой вести беседу. — Сударь, я не желаю отвечать перед королем за вашу гибель! Только человек, прекрасно ориентирующийся в парке, способен в темноте отыскать туда дорогу. Вы неминуемо окажетесь в трясине, если отправитесь к гроту в одиночку. И ваша безвременная смерть будет тяжким грузом лежать на мне.

Весьма ценное наблюдение, мелькнуло у меня. Тот, кто приглашал «на свидание», прекрасно знал, что в этих местах я ориентируюсь слабо. И если отбросить несуразную мысль о том, что кто-то вознамерился скормить меня пиявкам, то получалось, что загадочным

¹ Ювели — драгоценные камни.

«доброжелателем» двигал вполне здравый расчет. Прийти мне настойчиво предлагалось одному, однако парка я не знаю. Желания провалиться в давным-давно брошенное русалками заболоченное озеро я иметь не мог и, следовательно, должен был прибыть засветло и как минимум часа три слоняться без дела, ожидая заветного момента встречи. Тут можно и присмотреться ко мне, и проверить, не притащил ли я кого за собой на хвосте. А кроме того, болото остается болотом, хоть в одну сторону иди, хоть в другую. Так что можно предположить, что либо за мной придут, скажем, через час, либо мне придется ждать до рассвета, чтобы выбраться самому. В любом случае у того, кто назначил встречу, есть возможность как тихо подойти, так и исчезнуть в неизвестном направлении.

— Нет, и не упрашивайте меня! — сутился между тем граф Пино, не обращая внимания на мое задумчивое молчание. — Я не отпушу вас одного в это гиблое место! Я закричу, я призову стражу! Я! Я!..

— Хорошо. — Мой взгляд упал на едва подсвеченный циферблат командирских часов. Зеленоватая минутная стрелка, спеша соединиться со своей сестрой, все ближе подбиралась к красной звездочке, знаменующей начало очередного дня. Как ни крути, а вести длинные споры было явно не с руки. — Делли проводит меня. Не возражаете?

Запальчивый напор его сиятельства внезапно утих, точно его окатили холодной водой.

— Ладно, — успокаиваясь, кивнул он. — Отчего же нет? Делли весьма опытная... фея. Она прекрасно знает парк. Поспешим же к ней!

Последняя фраза, произнесенная графом де Буром, прозвучала довольно напыщенно. Вадюня презрительно хмыкнул.

— А че ходить-то? Братан, ты че, по жизни темный, как тайга в безлунную ночь? О волшебных зеркальцах ни фига не слышал? — Он засунул за пазуху руку и достал подсвеченную внутренним светом стеклянную гладь в ажурной серебряной оправе. — Ща чисто конкретно созвонимся. По-деловому все перетрем. Чего в два конца ноги топтать? Тут подождем. — Он ухватил зеркальце за раму, приставил к уху и старательно наморщил лоб, должно быть, в мыслях воскрешая образ несравненной Делли. Стекло между тем начало светлеть и наконец пошло волнами. — Крутая фишкa! — не теряя времени даром, прокомментировал храбрый витязь, ожидая ответа. — Только одно местные чудесники не по уму начудесили. Надо было раму сделать не круглую, а овальную. А то она в моей клешне еле помещается. Как с ней фея управляет — вообще не врубаюсь!

— А ты его за ручку возьми, — посоветовал я, внезапно очень живо представляя, что должна увидеть сейчас Делли в своем волшебном агрегате.

— Да ты че, Клин?! В натуре, это ручка? — Злой Бодун выставил зеркало перед собой. Из-за зеркальной глубины на него с недоумением глядело перевернутое лицо феи. — Во как! — выпалил Вадюня, на ходу соображая, что надо перевернуть либо свою голову, либо волшебное зеркало. — А я думал, типа, антenna!

Потревоженная фея примчалась на зов со скоростью, невероятной для человека. Скорее всего не обошлось без очередной магической проделки. Однако, как ни быстро неслась очаровательная сотрудница Волшебной Службы Охраны, время шло быстрее. Удар колокола на звоннице, к моей великой досаде, неумолимо свидетельствовал о том, что к месту встречи я уже безнадежно опоздал. «Приходя вовремя, вы не тратите попусту ничьего времени, кроме своего собственного», — тоскливо процитировал я. Одна надежда, что наш мистер Икс дождется появления мистера Игрека, и, честно говоря, довольно слабая.

Как утверждал Щек Небрит, голубь прилетел вскоре после нашего отъезда. Это означало, что отправитель не мог знать о плане отправиться в Саврасов Зasad. А если и проведал об этом, то уже слишком поздно — голубь улетел. В любом случае либо он ждал меня значительно раньше, либо, зная о нашем отсутствии, не ждал вовсе. Вернулись-то мы уже после закрытия городских ворот — для нас специально мост опускали. Девять к одному, что в означенном месте сейчас никого нет. Так что даже если таинственный некто и приходил, ровно в полночь срок его ожидания истек. И все же к Русалочьему гроту следовало идти, причем как можно скорее. Быть может, все-таки еще оставался шанс перехватить неизвестного корреспондента на подходе к указанному в записке месту.

Едва ли не пинками заставив престарелого камергера отправиться вовсюси, мы, предводимые Делли, помчались к драконьей стоянке в надежде успеть хотя бы к шапочному разбору.

Впереди, не касаясь земли, неслась фея, освещавшая пространство вокруг себя ярким, точно шаровая молния, сиянием. За ней едва поспевали мы — два вполне спортивных молодых человека в прекрасной физической форме.

— Быстрее! Быстрее! — торопила Делли, все ускоряя полет. Продиводимого ею света вполне хватало, чтобы уклоняться от торчащих поперек узкой тропки ветвей и перескакивать через корни и каме-

нья, выползающие под ноги. — Поднажмите! Уже скоро! — Сделав довольно большой крюк, чтобы обогнать топкий край болота, мы действительно стремительно приближались к Русалочьему гроту. — Дальше ты один, — выдохнула фея, взмывая ввысь, чтобы лучше осветить мне путь.

— Если что, только промаякай! — заверил настороженный, словно питбуль перед атакой, Вадим, поудобнее перехватывая смертоносный «мосберг».

Я нащупал за поясом «волшебную дудку» ракетницы и, невесть для чего перекрестившись, шагнул вперед. Сквозь деревья, отделявшие меня от пустынного мыса, окруженного с трех сторон заболоченным озером, в призрачном волшебном свете виднелись две фигуры. Какую-то долю секунды я наблюдал их. Кажется, один из мужчин, а судя по очертаниям, это были мужчины, пытался бежать от второго. «Надо бы вмешаться», — подумал я, делая шаг. Но тут рукостворной молнией в темноте блеснула ослепительная вспышка...

Едва успев закрыть ладонью глаза, я вырвал из-за пояса ракетницу и красный огонек с протяжным свистом взмыл в небо, знаменуя возникновение нештатной ситуации. «Вперед!» — сам себе скомандовал я, на ходу пытаясь засунуть заряд в откинутый после выстрела ствол. Негусто, конечно, но все же прицельный выстрел с близкой дистанции из ракетницы оппоненту радости не доставит.

— Бросай оружие! — неожиданно для самого себя заорал я, подавляя нахлынувший было ужас. — Милиция! Руки за голову!

Когда я добежал до места происшествия, нелепость моего крика стала очевидной, как ясный день. В траве лежал некто, прижавший руки к лицу. И все. И больше никого. Пересиливая себя, я дотронулся до запястья несчастного. Тело было холодным, просто ледяным. Трупное окоченение так быстро не наступает — от момента вспышки прошло, пожалуй, меньше минуты. Не мне, конечно, судить, но кажется, опять не обошлось без колдовства, черти бы его побрали!

— Что произошло? — С высоты ко мне пикировала Делли. Сзади слышалось мощное дыхание Ратникова.

— Че за фигня? — начал Вадим, поравнявшись со мной. И добавил на тон ниже: — Ни хрена себе! Это ты его так приложил?

Я молча покачал головой. Приземлившаяся фея склонилась над пострадавшим и, проведя рукой над застывшей фигурой, констатировала безапелляционно:

— Околдован. Интересно, кто такой? — Она попробовала отвести от лица бедолаги одну руку, но та словно окостенела и не желала

поддаваться. — Оставлять его здесь нельзя, — жестко подвела итог наблюдениям кудесница. — Ему необходима помощь. Если тело до утра не отогреть, за ночь кровь может застыть. Надо срочно отнести его во дворец!

— Уж лучше к нам, — вздохнул я. — Лишних глаз меньше.

Незнакомец лежал на земле, не подавая признаков жизни. Мы с Вадимом подхватили его за руки и ноги, высматривая обратный путь.

— Так что здесь все-таки произошло? — никак не мог унять свое любопытство Злой Бодун.

— Сам не понял, — поморщился я. — Я видел два силуэта. Один человек гнался за другим. Потом вспышка... трах-бабах! Гром отгрел — один человек исчез, точно растаял, другой вот — без чувств.

— Может, наш клиент того? На призрака наткнулся? — предположил Вадюня. — Мало ли кого в этих болотах по-тихому притопили. Вот и бродят чисто в полночь, прохожих пугают.

— Вряд ли, — негромко произнесла Делли, с опаской державшая «мосберг», отданный Вадимом на ответственное хранение. — Скорее уж это был его доппльгангер.

— Кто? — насторожился я, услышав незнакомое слово.

— Доппльгангер, — повторила фея. — Двойник из другого мира. При встрече таких двойников погибают оба. Так что, выходит, один сгорел без следа, второй вот замерзает на наших глазах. — Она вновь тяжело вздохнула. — Однако если сюда смог попасть доппль, значит, где-то здесь может быть нарушена связь миров. — Фея остановилась, смеривая каждого из нас пристальным взглядом. — Вы разумеете, что это может значить?

— Честно говоря, нет, — сознался я.

И Вадим, по достоинству оценив мою искренность, задумчиво пожал плечами:

— А хрен его знает!

— Если щель между мирами где-то рядом действительно существует, — с жаром произнесла Делли, — то в нее прескокойно мог пролезть не только двойник этого несчастного, но и дракон.

— Постой-постой! — перебил ее я. — Мы же уже не рассматриваем дракона в качестве основного подозреваемого в похищении. По моему, Громобой доказал как дважды два четыре, что ни один дракон не мог совершить те действия, которые ему приписала молва. Или все же мог?

— Не мог, — согласилась фея. — Но это верно, если речь идет об известных нам тварях. А если здесь действительно проходит разлом,

то на свадьбе мог появиться совершенно иной, незнакомый нам звездоящик.

— Мне кажется, ты усложняешь, — покачал головой я. — Да и с чего ты решила, что это был допплергансер? Ты же сама говоришь, что при встрече должны погибнуть оба. А у нас получается, что один исчез, а второй пока еще жив и даже относительно здоров. Только замерз немножко. К тому же вряд ли двойник из иного мира стал бы наводить на незнакомца чары.

— Если, конечно, он не демон.

— Ну, знаешь ли! — Я возмущенно развел руками. — Ты уж, будь добра, сразу перечисли всех, кто тут мог резвиться!

Я хотел еще что-то добавить, однако разговор неожиданно был прерван громким всплеском.

— Тише! — шикнул Вадим, укладывая пострадавшего на траву и требовательно протягивая руку за волшебным копьем. — Слышали?

Да уж как тут не услышать! Всплеск был вполне отчетливым. То ли крупный камень, вывернутый чьей-то ногой с берега, пробив густую ряску, ушел под воду, то ли живое существо прыгнуло.

— Может, русалка? — поводя стволом из стороны в сторону, предположил Ратников.

— Русалки на болотах не живут, — отвергла его версию специалистка по нечеловеческим сущностям. — Разве что кикимора или шишига. Кстати, шишиге прохожего заморозить — минутное дело. Только они людьми не прикидываются. Брезгуют, — завершила она, находя несоответствие в очередной гипотезе. — Да и вспышек не любят.

— Клин, — тихо позвал меня Вадюня, — идем-ка глянем, что там у нас, в натуре, за зрители образовались. Ракетницу зарядил?

Я молча кивнул, доставая из-за пояса «волшебный звездомет». Разумная мысль. Может, второй неизвестный и не исчезал никуда, а сидит сейчас где-нибудь поблизости, хотя бы в том же самом гроте, и хихикает, глядючи на нас. «Кстати! — в голове у меня мелькнула шальная мысль. — На поляне было двое. Один убегал, другой преследовал. Почему, собственно говоря, я решил, что меня поджидал именно преследуемый? Ведь вполне могло быть и наоборот! Неизвестный ждет меня. В урочный час появляется чужак. Наш «доброжелатель» решает, что попал в засаду, и пытается расправиться с тем, кого мы наивно принимаем за нашего корреспондента. Затем магический свет, шум в лесу, и неизвестный окончательно утверждается в мысли, что попал в засаду. Отсюда весь этот сыр-

бор. Тогда, выходит, у беглеца неподалеку есть хорошо замаскированное убежище. И в потемках, даже с прихваченным Ратниковым карманным фонариком и магическим огнем Делли, мы можем искать его до посинения».

Не спеша делиться мрачными мыслями с собратом по оружию, я всматривался в свисающие над водой кусты, точно всерьез ожидая увидеть среди ветвей и листвы притаившегося незнакомца. Наивная надежда! Метрах в полутора под нами располагалось сложное архитектурное сооружение, именуемое Русалочьим гротом и построенное еще в те времена, когда зеркально чистое лесное озеро населяли шаловливые нимфы. Грот имел множество входов и выходов: под воду, в сад, на берег, сюда на поляну, и целый лабиринт коридоров. Своеобразная дань озерным девам, чтоб не таскались по парку и не приставали со своим дурацким щекотаньем к мирно прогуливающимся вельможам. Одно ясно наверняка: соваться в подземелье вдвоем, без собаки, без блокирующих групп — в лучшем случае пустая затея. О худшем и думать не хочется.

— Нет никого, — закончив беглый осмотр местности, резюмировал Вадюня. — Может, чисто само сорвалось?

— Может, — согласился я, прекрасно сознавая, что вероятность самосрыва чего бы то ни было в нашей ситуации близка к нулю. Но как же не утешить себя, любимых? — Ладно, — махнул я рукой. — Места здесь тихие, ловить тут нечего. Возьмемся лучше за тело. Глядишь, после разморозки что-нибудь да прорисуется.

— И то дельно, — согласился Злой Бодун, отходя от берегового обреза. — Не-а, конкретно гнилое место. Валить отсюда надо!

И мы свалили.

Невозможно описать, как вытянулись лица стражников, когда ночные дебоширы вновь появились возле дворцовых ворот, но уже в сопровождении высокопоставленной феи и с примороженным бедолагой на руках. Начальник стражи открыл было рот, чтобы задать какой-то мучивший его вопрос, но поспешно захлопнул его и в гробовом молчании отправился к графу де Бурю за ключом.

Пока обалдевший ветеран ходил за Пино, а мы с Вадимом к кновязи за Ниссаном и Феррари, Делли вовсю трудилась над страдальцем, согревая жертву магическим теплом. Солдаты благоразумно держались поодаль, вполне резонно опасаясь попасть под горячую руку ворожащей кудесницы. Вполне резонная предусмотрительность. Когда мы приблизились, держа коней под уздцы, лежащее на

земле тело юноши, а теперь доподлинно было ясно, что спасенный нами полуночный гость Русалочьего грота весьма молод, светилось по контуру неясным красноватым сиянием.

— Че, Пино еще не притащился? — бросил Вадим, подходя поближе к фее. — А то, типа, можно ехать.

— Тише! — неожиданно резко отрезала фея, медленно и очень осторожно отводя сведенные окоченением руки парня от его лица.

— О, какой ужас! — раздался над нашими склонившимися головами надтреснутый голос графа де Бура. — Но ведь это же Прокоп, секретарь господина хранителя королевской печати!

— Без вас вижу, что Прокоп! — ни с того ни с сего зло огрызнулась Делли. — Открывайте ворота, граф!

В отличие от дворцовых гостиничные ворота распахнулись, едва лишь страдающий бессонницей привратник услышал знакомый дробный стук копыт. Сняв с седла начавшее приобретать гибкость тело юного вельможи, мы, чертыхаясь, поволокли его в гостиницу. Щек встречал нас в дверях, как обычно кланяясь и бормоча под нос очредные славословия.

— Кончай трубить! — оборвал его Вадим. — Где там твои шестерки? Пусть тащат этого кренделя к нам в номер!

— Как прикажете, господин витязь! Все будет исполнено! Как прикажете, — засуетился хозяин. — Сейчас все сде... — Взгляд его остановился на лице бесчувственного юноши. — Ваша вельможность! — едва сдерживая себя, чтоб не сорваться на крик, испуганно проговорил Щек. — Так ведь это тот самый, которого вы искали! Это он комнаты для рыжего снимал!

— Да? — устало выдавил я, неожиданно остро чувствуя, что после приключений сегодняшнего дня у меня уже не осталось сил радоваться этой пусть небольшой, но победе.

— Точно-точно! — залопотал субурбанец. — Я его и во дворце видел, и сюда он приходил. Токмо тогда он еще усы и бороду наклеил.

— Вот и славно, — обессиленно кивнул я. — Значит, день заканчивается хорошо. Это добрая примета.

Тяжкий вздох вислоусого толстяка был мне ответом.

— Что?! — готовясь услышать ужасное, нервно спросил я.

Делли с Вадимом, услышав тон, которым был задан вопрос, обернулись в мою сторону.

- Господин одинец! Ваша вельможность! Не велите казнить!!! —
пуская слезу, выпалил наш тайный агент.
- Что-о?! — еще тягостнее переспросил я.
- Рыжий ваш, — с натугой выдавил из себя Щек, — убег. Форт-ку под потолком высадил и убег...

Глава 14

*Сказ о том, что, меняя шило на мыло,
непременно следует проверять фирму-изготовителя*

Маленькое окошко, предназначавшееся более для проветривания чулана, чем для бегства кого бы то ни было, находилось примерно на уровне второго этажа. Однако при известной сноровке по стеллажам, заваленным грудами несвежего белья, можно было добраться до этой крохотной лазейки. Сплетенная из нескольких простыней веревка, привязанная к деревянной стойке, свисала наружу белым флагом, точно знаменуя наше бессилие удержать ловкую рыжую bestiu.

— Он сначала горланил, — вяло оправдывался хозяин гостиницы, — песни орал непристойные. А у нас, сами понимаете, почтенная публика. Лучший отель в городе, вот стража и приказала ему заткнуться.

— И что он? — опустошенно разглядывая безлюдную «камеру», вздохнул я.

— Не унимался, стервец! — пожаловался Щек. — Пришлось стражнику зайти в чулан и надавать ему тумаков. Только тогда и заткнулся.

— Ну да, конечно, — отрешенно усмехнулся я. — И как только он замолчал, стража радостно перестала обращать внимание на то, что происходит за дверью. Именно этого парень и добивался.

— Экий ухорез¹! — в тон мне согласился хозяин. — А то ведь вот еще что учудил! Вы давеча повелели его накормить, так он нет чтоб благодарность свою изъявлять, паршивец, вилку спер!

— Угу, — я поднял глаза на высаженный переплет окошка, — вилкой-то он раму и расковырял. Хорошая небось вилка была?

— Хорошая, — пожалился субурбанец. — Еще от прежнего хозяина оставалась.

¹ Ухорез — разбойник.

— Ладно, — я почти безразлично махнул рукой, — ловить его уже бесполезно. Да и в конце концов, побег только подтверждает его алиби.

— Это как? — удивился стоящий за моей спиной Вадим. — С каких пунктов?

— Всякий человек, живший в этой гостинице, знает, что сад, а именно туда выходит окошко чулана, охраняется горгульей. Наш рыжий тоже об этом был извещен. А этот, судя по тому, что решился на побег, — нет.

— Так ведь я же горгулью-то грохнул! — видимо, не уразумев, в чем суть моих слов, вновь заговорил Злой Бодун.

— Да, — согласно кивнул я, — но в тот момент, когда человек, которого мы ищем, покидал гостиницу, горгулья была еще жива. А сообщение о ее смерти на столбах не расклеивали. Так что, выходит, этот рыжий совсем не тот рыжий, а вообще совершенно другой.

— Тогда откуда же у него в натуре Машино зеркальце? — не унимался славный витязь.

Я молча пожал плечами и добавил:

— Теперь мы скорее всего этого не узнаем. Ладно, пошли наверх. Полагаю, хоть этот отмороженный фигурант в ближайшее время никуда не убежит.

Солнце, совершая привычный круг, по пути закинуло пару лучей в наше распахнутое окно, чтобы напомнить господам оперативникам, что очередной рабочий день никто не отменял. Судя по расслабленной фигуре Делли, прикорнувшей в высоком резном кресле, для нее начало трудового дня означало лишь окончание не менее трудовой ночи. Рядом с ней на узкой складной кровати, доставленной по приказу Щека Небрита в наши апартаменты, без чувств лежал секретарь господина хранителя королевской печати, бледный и недвижимый, как ватная кукла. Но, что радовало, определенно живой.

Тихо, чтобы не разбудить фею, мы с Вадимом привели себя в порядок и даже вознамерились почистить запыленную во вчерашних странствиях обувь и одежду, однако застали ее уже вполне готовой к носке. Вышколенная гостиничная прислуга хорошо знала свое дело.

Отправив славного витязя побродить по городу, послушать, не толкуют ли что-нибудь полезного для следствия на «базаре», я возвратился в номер с твердым намерением начать разгребать накопившиеся за вчерашний день странности. К моему возвращению Делли

уже была на ногах, и только тени, залегшие под глазами, свидетельствовали о бессонной ночи.

— Как успехи? — поприветствовав боевую подругу, спросил я, указывая на распластанного в белоснежной постели юношу.

— Опасность миновала, — вздохнула Делли. — Но мальчик еще очень слаб. Никто сейчас не сможет сказать, сколько продлится его забытье.

— Угу, — криво усмехнулся я. — Ценный свидетель у нас обрзовался! Общительный. Если ты еще скажешь, что после спячки у него может случиться потеря памяти, я и вовсе буду считать нашу ночную прогулку... Ну, не знаю, процессом воспитания должного подобострастия у ночной стражи.

Фея печально наклонила голову.

— Что, я прав?! Господи, ну не томи, скажи что-нибудь вразумительное!

— Дело в том, — безрадостно заговорила Делли, — что сейчас мы имеем перед собой лишь внешнее проявление неведомой магической силы. Однако о том, чья это сила, можно только догадываться.

— А в чем разница-то? — пожал плечами я.

— Разница огромная. Шишига, скажем, над всякой сыростью и слякотью хозяин. Только чистая вода ему не под силу. А в человеческом теле кровь заморозить или же вскипятить для него — плевое дело. Однако, если жертва его сразу не погибла, в чувство ее привести не так уж сложно. С доппльгангером совсем беда. Ежели при виде тебя он вспыхнет, да и изойдет совсем, то все тепло, весь жизненный огонь из двойника его вышел. От жара того доппль и сгорает. Так что отогревай тебя потом, не отогревай — пустая морока! Все равно что свечой в зимнюю ночь мороз разгонять. Но Прокоп-то по сию минуту дышит, стало быть, хоть малая толика живого тепла в нем сохранилась. Встречник¹, тот тоже может дыхание заледенить. Но встречник вихрем несется, и коли не по твою душу, то скорее всего только пропустит злой отдалаешься.

— Ну хорошо, — согласно кивнул я. — А с нашим-то по внешней симптоматике что?

— Да как бы не волшебная палочка, — грустно ответила фея. — Мурлюкские волшебные палочки из анчикалового корня делаются да в настое сон-травы вымачиваются. Так вот, коли им живого человека коснуться, сон его будет глубок да сладок, и где явь, а где новь —

¹ Встречник — злой дух, в виде вихря; персонификация опасности, связанной со встречей в дороге.

перепутается. Так что ежели и очнется Прокоп, то что в его словах будет правда, а что кривда — он и сам может не знать.

— И что, ничего нельзя с этим безобразием сделать? — не на шутку переполошился я.

— Попробуем, — пожала плечами фея. — Коли талисманы защитные часть темной силы на себя забрали, глядишь, все еще обойдется. Но будить его при всем том — ни-ни! Ни в коем случае! Пусть солнце его греет да лелеет. Оно ему само шепнет, когда срок просыпаться настанет.

— Что ж, пусть хоть так, — махнул рукой я, смиряясь с мыслью, что допросить «задержанного» в ближайшее время не удастся. — Но ты-то, ты его знаешь. Расскажи, что за птица нам на голову рухнула.

— Ох-хонюшки-и! — маestно вздохнула кудесница. — Уж птица так птица! Брат это Машеньки нашей!

— Кто?! — переспросил я, оторопев от этой новости.

— Молочный брат, — уточнила фея. — Матушка его, Юлея, дочь Панкратьева, кормилица наследницы, солнышка нашего ясного. Я Прокопа, почитай, с того дня как Машеньку знаю. Они же вместе росли. Колыбельки их вот так вот рядом стояли. — Делли сдвинула руки, чтобы показать, как близко находились кроватки молочных родственников.

— Угу. Очень интересно. — Я потер переносицу, стараясь привести в порядок разбежавшиеся после неожиданного сообщения мысли. — Делли, радость моя, а что ж ты раньше мне об этом молодом человеке ни словом, ни полсловом не обмолвилась? — Я собрался было устроить капитальный разнос безответственной соптрудинице, но она, всплеснув руками, заговорила с напором и едва ли не с возмущением:

— Да неужто ты Прокопа, который в Маше души не чает, подозреваешь в том, что он мог быть заодно с похитителями?! Да скорее озеро отразится в небе, чем я в подобную ерунду поверю!..

— Бывают такие природные явления, — поморщился я. — Довольно редко, но бывают. Мираж называются. Я, конечно, вполне доверяю твоему мнению, но посуди сама. Твой, насколько я понимаю, воспитанник назначил встречу у Русалочьего грота явно для того, чтобы поведать нам что-то именно о похищении Маши. А до этого он извещал о наших действиях человека, которого мы подозреваем в причастности к похищению.

— В записках был не его почерк, — не замедлила вставить фея.

— Почекрк несложно изменить, — отмахнулся я. — А уж те, кто работает секретарями, и вовсе делают подобный трюк с легкостью необычайной. К сожалению, я не могу отдать имеющиеся у нас записки на графологическую экспертизу, но, полагаю, во дворце найдутся образцы его собственного письма. И если твой Прокоп просто изменил написание букв, а не пытался подделаться под чей-то конкретный почерк, я почти уверен, что в обоих образцах графического начертания обнаружится полная, или почти полная, идентичность изображения букв и связок. Но кроме того, записки записками, однако у нас есть свидетельство Щека о том, что господин секретарь хранителя королевской печати лично снимал номер — вот этот самый номер — для неизвестного, бывшего, по всей вероятности, диспетчером заговорщиков.

— Все это чудовищные совпадения! Кто-то пытается оклеветать несчастного мальчика. Твой хваленый Щек Небрит, надо сказать, тоже весьма подозрительный тип. Рыжего-то он не опознал? Не опознал! А тот, вроде бы как ни в чем не повинный, возьми да и сбеги. Спроста ли это? Почем тебе известно, может, субурбанец помог пленнику сбежать? Может, он его вообще через двери выпустил, а окошко да простыни — так, для виду устроил?

— Делли, ты можешь представить себе этого толстяка, лазающего по стеллажам под потолком чулана? — парировал я, невольно задумываясь над словами феи.

— Ха! Внешность обманчива! — Она щелкнула пальцами, превращаясь в почтеннную матрону. — К тому же и о горгулье твой помощничек мог рыжему рассказать! И с колдуньей, которая в первый день сюда приходила, все подстроить... И кстати, записку о личной встрече он куда как раньше вас прочел! Так что уж не знаю, как там рыжий и кто он есть на самом деле, а вот Щек вполне мог всей этой затеей руководить! Люди у него в гостинице останавливаются разные, багажа много увозят. Вот и Машеньку принесли сюда без чувств, в сундук упрытали да и вывезли...

— Куда?! Зачем??

— Вот это-то выпытать и надо! — заводя себя, выпалила Делли, потрясая кулаками. — И нечего напраслину на честных людей возводить!

— Постой, — попытался было перебить ее я.

— Субурбанцы — народ известный! — не унималась фея, вновь приобретшая свой обычный образ. — За хорошую мзду они тебе и шкуру с собственных пяток продадут!

Она, видимо, желала еще добавить лестных эпитетов по поводу алчных соседей и их передового отряда в лице Щека Небрита, но тут раздался стук в дверь и сам хозяин гостиницы возник на пороге нашего люкса. Раздосадованная сотрудница Службы Волшебной Охраны метнула на вошедшего гневный взгляд и молча отвернулась, не желая посвящать в суть наших споров всяких подозрительных личностей.

— Ваша вельможность, — как обычно низко кланяясь, заговорил Щек. — Там внизу посетители к вашей особе. Что прикажете им ответить?

— Сегодня приема царедворцев не будет, — досадливо поморщился я. — Пусть возвращаются на службу.

Субурбанец направился к двери, но у самого порога остановился и повернул ко мне вислоусую голову:

— Как прикажете, ваша вельможность. Токмо тут вот какая закавыка имеется. Это не царедворцы вовсе. Это работный люд всякого звания с того злополучного заводика, который давешние свечи ко двору поставлял.

— Это я намедни велела им сюда прибыть. — Делли обратила ко мне недовольное лицо и, скосив взгляд в сторону визитера, округлила глаза, напоминая о возможной причастности хозяина гостиницы к расследуемому делу.

— Зови сюда! — скомандовал я, направляясь к столу, где в идеальном порядке располагались чернила, перья и высокоблочный чистый пергамент.

«А кстати, отработанный-то материал вчера здесь же в ларе оставился! — мелькнула в голове шальная мысль. — Если вдруг Делли права, а мы с Вадимом свалили дурака, наивно полагая, что завербовали Щека, то этот жук мог весьма досконально ознакомиться с промежуточными результатами следствия. Впрочем, много ли он там разберет!» — попытался утешить я себя. «Кто знает, кто знает? — точно прозвучал в ответ голос феи. — Внешность обманчива!»

Между тем расторопный субурбанец успел пулей мотнуться вниз, и стоило мне устроиться за столом, как он вернулся во главе представительной делегации из восьми персон.

— Спасибо, Щек, — поблагодарил я хозяина и, памятя о в общем-то небеспочвенных подозрениях Делли, напутствовал: — Не смею вас задерживать!

Тайный агент Головного Призорного Уряда, хронически любопытный, как и большая часть его соплеменников, изобразил на лице

гrimасу отчаяния, но, видя мой непреклонный взгляд, со вздохом удалился.

— По здорову ли славный одинец? — по обычаю поклонился в пояс предводитель делегации — видный пожилой муж в смазных сапогах с окладистой седоватой бородой поверх златотканого фряжеского¹ кафтана. — По здорову ли фея-матушка?

— По здорову, — кивнул я, поднимаясь со своего места. — И вам здравствовать желаем. С кем имею честь?

— Ну дык, — приосанился седобородый, — с позволения вашего, аз есмь онук дедов своих, да сын почтенного отца Горицвет Вящеславович. А то мои люди начальные. Я, позвольте заметить, от пращуров государя нашего особый почет имею на «ич» именоваться. Ибо как есть, уж поди без малого триста лет род наш свечным делом кормится и наипервейшего качества свечи выплавляет, так что те не токмо для простого люда доступны, но и ко двору поставляются, и за малиновую линию, и за Тын Железный, и даже за Хребет! — Слова владельца заводика были полны гордости, если не сказать высокомерия, какое бывает присуще большим мастерам, явственно осознающим, что не зависят ни от кого и ни от чего, кроме собственного высокого искусства.

— Угу, — кивнул я, улыбаясь. — Что-то такое я и надеялся услышать. Горицвет Вящеславович, вы уж простите, что оторвал от работы, но, если позволите, у меня будет несколько вопросов к вам и вашим людям.

— Да уж что ж, о чём сказ? Вопрошайте, господин одинец, зря, что ль в столицу перлись.

— Не возражаете, если я буду записывать наш разговор?

— Отчего ж! Мы люди почтенные, светолюбивые. Вины на нас нет, так что слова мы своего не таимся.

— Вот и прекрасно. Скажите, пожалуйста, уважаемый Горицвет Вящеславович, вы поставляли свечи на церемонию бракосочетания дочери его величества и принца Элизея?

— Вестимо, мы! Я ж не таранта² какая, балаболка суесловная! Коли уж рек, что мы свечи во дворец королевский возим, стало быть, так оно и есть. И ко всем престольным праздникам, и к торжествам всяkim завсегда наш товар в цене.

¹ Фряжеский — изначально итальянский, более широко — иноzemный.

² Таранта — болтун, пустомеля.

— Прекрасно! — кивнул я, записывая слова заводчика в более привычной для восприятия форме: «Поставку свечей во дворец не отрицает». — Тогда, будьте любезны, посмотрите на вот эти изделия и скажите мне, пожалуйста, у вас они были изготовлены или же нет? — Я выложил на столешницу три еще не тронутые свечки из тех, что принес пару дней назад хозяин «Графа Инненталя».

Почтеннейший Горицвет в два шага оказался перед столом и, осмотрев восковые колонки так, точно они были заминированы, взял одну из них в руки, покрутил, потер заскорузлым пальцем, поглядел зачем-то на свет, нюхнул и положил обратно. А за ней и все остальные.

— Нет, не наша работа.

— Угу, так и запишем. «Предъявленные к опознанию свечи признавать выпущенными на своем заводе отказался». Все верно?

— Как из веших уст, — кивнул седобородый свечедел.

— Хорошо. А эта? — На столешницу рядом с непочатыми белыми красавицами лег оплывший огарок.

— Да ну, и смотреть не стоит, — нахмурился Горицвет. — Оно же и вполглаза видно! Наша свеча эдакой соплей никогда не оплывет. У нас они горят неспешненько, чистенько. А это что? Тыфу!

— Вот как? Очень интересное замечание. А как же вы тогда объясните тот факт, что в церемониальной зале королевского дворца в день бракосочетания, вернее, его вечер, горели именно эти свечи?

— Да никак! — пожал плечами почтенный собеседник. — Почем мне ведать, отчего вдруг коморий королевский, купив у нас десять пудов преотличнейших свадебных свечей, вдруг удумал это жалкое хоботье¹ ставить? Н наши-то не в пример лучше!

«Стоп! — мелькнула у меня в голове шальная мысль. — А если все было не так? Если Делли действительно права, и не коморий подсунул Щеку бракованный товар, а совсем наоборот?»

— Коли пожелаете, можете сами убедиться, — продолжал между тем знатный восковых дел мастер. — У нас, почитай, с самого первого дня на заводе железное правило имеется: от каждой партии мы для особого контроля дюжину свечей в каждый час работы отбираем да и сохраняем. Десять лет они у нас хранятся. Опосля одну оставляем для вечного хранения, остальные же в дело пускаем. А тут и месяца-то не минуло! Так что, ежели желаете, сами убедитесь, что мы сработали, а что не мы! — Он повернулся к своим начальным людям и поманил одного из них пальцем.

¹ Хоботье — хлам, старье.

Тот подошел, вытащил из-под плаща аккуратную черную шкатулку и начал открывать ее затейливым ключиком.

«Ну хорошо, — между тем вертелось у меня в голове. — Десять пудов — не стакан семечек. Их в карман не засунешь и на себе не унесешь. Если поддельные свечи доставили ко двору люди Щека, куда в таком случае девались настоящие?»

— ...Вот тут они и хранятся, под нерушимыми печатями. — Горицвет, дождавшись, когда откроют шкатулку, вытащил из нее опечатанный со всех сторон вощенный сверток. — Вот они — наши свечечки-то! Полюбуйтесь, господин одинец. — Заводчик решительным движением сломил печати и извлек на свет божий... точно такие же белые витые свечи.

«Угу. А с другой стороны, это блажь, — наблюдая за движениями Горицвета Вящеславовича, размышлял я. — Ну, предположим, поставил Щек ко двору фальшак. Предположим, замешан он в заговоре. Тогда что же, те свечи, которые он мне в кабинет поставил, это так — сувенир на память?»

Завершив демонстрацию товара, грусский свечной магнат выложил свое изделие рядом с контрафактными подделками, сопровождая действия словами:

— Видите, совсем не похожи.

— Да-а? — протянул я, искренне удивляясь. — Признаться, я бы на этом не настаивал.

Горицвет Вящеславович застыл с открытым ртом, должно быть, не ожидая с моей стороны подобного хамства. «А что, если Щек по просту пожадничал, — продолжал свои размышления я, пользуясь паузой. — Субурбанцы — народ ушлый. Ложку мимо рта не пронесут. Но чтоб вот так, для себя любимого явный брак хранить? Да и не просто брак, а едва ли не смертный приговор? Нет, это, пожалуй, чересчур! Если бы гражданин Небрит и был замешан в похищении принцессы, этих свечей у него в заведении не сыскалось бы. А если он пытается играть от обратного? Мол, если я сам себя так подставляю, стало быть, наверняка невиновен».

— Да что ж вы такое-то говорите, господин одинец?! — собравшись с силами, выдохнул свечевед. — Коли б вы у нас в селище такую ахинею сморозили, над вами б даже дети малые потешались! В чем же наш панский товар на эту смоглерщину схож? Да вы сами-то в руки их возьмите. Наша во-он какая гладенькая, пальчик по бочку ее скользи-ит, ни за что не цепляется. А тут пальцем проведешь, точно мордой по почтовому тракту! Пробуйте, пробуйте! Это ж надо было

такое ляпнуть! Затем на свет их поглядите. Наша-то чуть по краю, видите, будто прозрачненькая. Потому как воск на нее идет особой очистки. Да еще секрет есть, который окромя меня да сына моего никому не ведом. Оттого и свечи наши не коптят ни на вот столечко! А тут что? Воск себе и воск. — Горицвет Вящеславович поскреб веш-док ногтем, понюхал и изрек торжествующе: — Об заклад готов биться, что в том краю, откуда сей товар доставлен, пчелы на клеверных полях промышляют.

«Вот это чутье! — восхитился я. — Вот это экспертиза! Кстати, я ведь Щеку сказал, что у меня сегодня приема нет, так что будь он замешан в деле, со спокойной совестью мог выставить эту делегацию и не подвергать себя опасности. Нет, явно Делли заблуждается. Или Прокопа выгораживает? Вот ведь какое занятное дело получается».

— Опять же фитиль, — не унимался в праведном гневе заводчик. — Против нашего фитиля этот тыфу! Я такой нитью себе портки латать не позволю. А наш-то, наш! Он же свит меленъко да гладенько, чтобы горел не спеша и пламя по нему не рыскало. А для благоухания свадебного мы фитили завсегда розовым маслом пропитываем и в воск его чуточку добавляем, самую капелечку. Да вы сами-то, господин одинец, понюхайте!

Я послушно взял из рук великого мастера истинную свечу и, поднеся к носу, втянул ноздрями воздух.

— Ну что? — гордо осведомился Горицвет Вящеславович. — Чуете аромат? А коли таких свеч не одна, а пара сотен враз горят, это ж такая лепота и благорастворение воздухов, аж сердце заходится!

— Ну хорошо, — кивнул я. — Вы меня полностью убедили. Свечи, которые горели во дворце, не имеют ничего общего с вашими. Но на самом деле вопрос-то остался прежним. Вы сделали для свадебного обряда десять пудов свечей и отправили их во дворец. Там груз, прибывший от вас, коморий дворцовый принял и согласно договору, или рукобитию, уж точно не знаю, оплатил. Я верно говорю?

— Так оно и было, — кивнул Горицвет. — Все как водится. Сговорились, по рукам ударили. А вон Фрол, возчик мой, из Торца в обрат все монеты в самый раз точнехонько привез. Ему еще из столицы коморий трех вершников¹ дал, чтоб лихие злыдни по пути не обобрали.

— Угу. А туда он, стало быть, ехал без охраны, — хватаясь за то-нююсенькую ниточку, уточнил я.

¹ Вершник — конный воин.

— Ну вот еще! Зачем же ему до Торца-то охрана нужна? Он же свечи вез. К чему злыдням столько свечей? Торговать они не торгуют, а коли себе зажечь, так городовая стража за версту учуяет.

— Скажите, будьте любезны, а где сейчас ваш возчик? — вкрадчиво поинтересовался я.

— Да где ж ему быть, как не тута. Вон стоит, кучму¹ мнет. — Горицвет Вящеславович хозяйственным жестом ткнул в долговязого детину, нервно тискающего в широких ладонях мохнатую шапку.

— Во-от оно что, — протянул я. — О-очень интересно. Ну что, уважаемый Фрол, простите, не знаю, как вас по батюшке, ничего не желаете мне поведать?

Прямо сказать, у меня не было сомнений, что местный водила желает дать исчерпывающие чистосердечные показания. Причем, как говорится, не за страх, а за совесть. Уж очень он мялся, точно три дня не мог дойти до сортира. Стоило отзнучать моим словам, как вышуказанный Фрол, сорвавшись с места и бросившись к ногам благодетеля, запричитал скорбно:

— Помилосердствуйте, отец родной! Не губите душу грешную! Виновен я перед вами, ой как виновен!

— А ну, Фролка, пес смердящий! — прогрохотал грозный хозяин. — Кайся, талагай², какую мне каверзу учинил! Я ж тебя, фафан³ приблудный, своими руками в крендель заверну!

— Не губите, отец родной! Леший попутал!

— Всю правду говори, каженник⁴ — отвешивая тяжкий подзатыльник, гремел заводчик. — Да подымись с колен! Нече мне на сапоги слюной брызгать!

— Почтеннейший господин одинец, — вскакивая на ноги, затарапорил Фрол, почесывая ушибленное место. — Вот как на духу, как же дело-то было! Я в тот день, когда свечи во дворец отвозил, загодя выехал, дабы по пути еще в кружало заглянуть. Ну там медовухи пропустить или сбитня отведать.

— Ты говори-говори, — не унимался Горицвет, — да токмо не всуе языкком воздух толки! Нешто господина ряного одинца твой сбитень интересует?

— Так ведь там же все и случилось, — начал оправдываться возчик.

¹ Кучма — баранья шапка.

² Талагай — невежа, неуч.

³ Фафан — умственно отсталый, дурачина.

⁴ Каженник — бешеный, сумасшедший.

— Ничего, рассказывайте по порядку, как было дело. Мы не торопимся, — обнадежил я и без того обескураженного возницу.

— Ну так вот, — немного успокоенный моими словами, продолжил Фрол. — Только, значит, я чарку-другую пропустил, как подсаживается ко мне малый. По повадкам видать — гоголь-птица. А на одежду глянуть, так вроде из наших. Выставил он мне, значит, чару зелена вина и грит, я, мол, тоже возчик, как и ты, да вот какая досада вышла. Выдалась, грит, мне, ну, то есть ему, конечно, оказия аж за Орел-камень ехать, а ступицы на колесах у возка как на грех побитые. Ну то есть не так чтоб совсем, но даже до Ирмет-реки не доеду. Вот он и грит, давай махнемся возками не глядя. Ты мне свой, уж больно он у тебя, ну то есть у меня, ладный, а я тебе свой. И к нему в придачу, ну там на починку-покраску, еще двадцать убитых енотов. Ну и груз, понятное дело, мои люди, его то есть, сами враз перекидают. А я ж не будь дурак, смыкаю, что куш немалый выходит. Я на битых ступицах уж как-нибудь до Торца дошкандыбаю, а ежели к двадцати монетам да десяток присовокупить, это ж еще один возок приобрести можно! Прямая выгода! Ну, пью я, значит, и вижу, малый-то ума невеликого, цены толком не сложит. Я с ним еще и в торги вошел. Так он, олух, пять монет накинул! Выпили мы по чарке, по рукам ударили, он деньги отдал да и ушел. А я посидел немного, еще чуток хлебнул, на двор вышел, гляжу — стоит возок. Моего, конечно, малехо похуже, но не дурной, вполне справный. Стоит, уже и конями моими запряженный, и свечи, — он тяжело вздохнул, — переложены. Ну я на радостях-то и не посмотрел, не проверил, значит...

— Эх ты! Душонка твоя гуральская! — в отчаянии махнул рукой Горицвет. — Я ж тебя с дороги поднял, к делу приставил! Ты же без меня с голоду бы подох! А ты, притуга¹ ходячая, чем за добро отплатил?! На выгоду позарился?! Какое имя опорочил! Род какой! Да тебя ж за это...

— Простите, почтеннейший. Я хочу задать еще кое-какие вопросы вашему возчику.

— Да задавайте, чего там! — отрешенно махнул рукой заводчик.

— Скажите пожалуйста, вы не могли бы описать человека, который выменял у вас возок?

— Мог бы, — пожал плечами верзила.

— А опознать?

¹ Притуга — длинная жердь, в переносном значении — дылда.

— Так ведь?.. Господин одинец, — замямлил невольный соучастник преступления. — Коли позволите сказать, то ведь вот же он! Опочивать изволит.

Раздался оглушительный грохот. Это взвившаяся с места Делли выскочила из комнаты, немилосердно хлопнув дверью.

Столь бурная реакция феи произвела на гостей удручающее впечатление. Решив, должно быть, что сказали нечто предосудительное, они стушевались и, пообещав явиться по первому зову, степенно удалились, оставив на память массивный сверток с благоухающими на разные лады образцами своей продукции.

Юный царедворец как ни в чем не бывало сопел в две дырки под пуховой периной. Характеристика, данная Делли этому ловкому юнцу, наводила меня на мысли кривые, как знак вопроса. Судя по все более и более накапливающимся уликам, парень определенно был замешан в расследуемом деле даже не по уши, а по самую макушку. Однако фея, у которой было не занимать ни жизненного опыта, ни умения разбираться в людях, насмерть стояла на том, что юноша не мог жалить зла молочной сестре.

Надо, конечно, отработать по окружению господина Прокопа. Может, какой поводок-то и выяснится. А то ведь действительно бред полный выходит. Эдакий себе террорист-безмотивник. Впрочем, о чем это я. Возможно, строить версии на тему чужеземных интриг или же местных преступников-вымогателей и смысла-то нет? Может, все куда как проще? Росли они вместе. Маша, судя по портрету, красавица писаная. Юнец, пожалуй, тоже не дурен. Вероятно, по молодости и глупости дети по кустам позажимались, клятв страшных и страшных друг другу надавали, а тут на тебе! Возникла государственная необходимость принцессе выйти замуж за королевича Элизея, и, как говорится, массовка свободна. Может, перед нами банальнейший обманутый любовник, решивший отомстить неверной возлюбленной? Или наоборот, местные Ромео и Джульетта вознамерились облокотиться на государственные интересы, и мы, как бы это помягче выразиться, несколько подпортили мальчику очередную ночь медового месяца? Хотя нет, тут меня уже занесло, пожалуй, чересчур! Если бы дело обстояло вышеуказанным образом, то кто, интересно, напал на этого засоню в полночь у Русалочьего гrotа? И откуда взялся дракон? Он-то неспроста появился во дворце в день свадьбы. Может, все-таки кто-то сыграл на ревности господина секретаря, а теперь пытается избавиться от лишнего свидетеля? Но кто, черт возьми,

кто же? А что ни говори, в этой авантюре личный секретарь хранитель печати — подспорье знатное!

Я встал из-за стола, собираясь пройтись по кабинету, чтобы лучше думалось, и сразу уселся, пораженный как по заказу появившейся в голове светлой мыслью. Господи, как же я раньше-то не сообразил! В тот вечер из залы пропала большая королевская печать. Вскоре она, правда, нашлась, но полтора-два дня ее не было. Сколько документов можно проштамповывать за это время? На телеге не увезешь! А доступ к этому важнейшему атрибуту королевской власти наверняка имел секретарь. Где он у нас находился по план-схеме присутствующих в зале гостей?

Я сорвался с места и бросился к ларю, в котором хранились рабочие материалы следствия. «Так. Схема есть. Где-то должен быть и определитель к ней. Не то... Не то... А, вот он!» С двумя листами пергамента в руках я возвратился к столу, сличая цифры на плане с развернутыми пояснениями определителя. «Не видно! То есть да, скорее всего в зале он был. Во всяком случае, Щек в день свадьбы видел Прокопа неподалеку. Но непосредственно в самый момент похищения где он находился?» Кружки в районе алтаря по-прежнему во множестве оставались безымянными. До этого часа меня интересовали в основном персоны, стоявшие за несколько саженей от государя в другом конце помещения. «Где же он стоял? Наверняка где-то здесь, у алтаря. И печать, рубль за сто, — его работа!»

Дверь тихо отворилась и в комнату, понурав голову, вошла расстроенная фея.

— Прости, я погорячилась, — пристально глядываясь в мои глаза, сказала она. — Тут такое дело, ума не приложу, что вокруг происходит. — Делли еще раз печально вздохнула и уселилась на койку рядом с Прокопом. — У меня в голове не укладывается, что Прокоп может быть преступником. Он очень славный мальчик, очень добрый, надежный. И вдруг такое! Знаешь, мне все-таки кажется, что кто-то пытается нас запутать, сбить с толку, подвести под удар моего воспитанника. Возможно, это заговор не только против него, но и против меня? Быть может, кто-то желает добиться моей отставки таким образом и тем самым ослабить волшебную защиту Груси и непосредственно королевского двора?

Я потряс головой:

— Делли, как-то это все уж очень сложно. Похитить принцессу, чтобы потом обвинить ее молочного брата и тем самым добиться тво-

ей отставки? Очень похоже на чесание левой пяткой правого уха. Давай на время отложим эмоции в сторону и вернемся к фактам.

— Хорошо, — кивнула моя печальная собеседница. — Вот ты говоришь, что возчик опознал в человеке, купившем у него воз со свечами, Прокопа.

— Я этого не говорил.

— Ну ладно, не говорил. Но ведь думаешь же!

— Предположим, — кивнул я.

— Но ведь может статься, что возчик созерцал личину, а не истинный лик. К чему Прокопу самому в кружале показываться? Нешто не мог он нанять кого?

— Что знают трое — знает свинья, — отмахнулся я. — Сейчас речь о другом. Ты можешь показать на плане, где в вечер исчезновения принцессы находился твой уважаемый воспитанник?

Делли, выбитая из колеи, пожала плечами и молча провела рукой над исчерченным кружками и квадратиками планом, превращая его в трехмерное подобие церемониальной залы с крошечными гостями и придворными служителями на месте безликих геометрических фигурок.

— Вот видишь человека в васильковом кафтане с атласной оторочкой? Это хранитель печати. А вот и Прокоп, справа и чуть сзади, как и положено, дабы записывать, ежели понадобится, распоряжения государя.

— Справа и чуть сзади, — задумчиво повторил я, разглядывая весьма подробный макет. Народ, заполнявший игрушечную залу, имел портретное сходство с оригиналами, и я бы ничуть не удивился, когда бы все эти сановники, заморские гости и дамы вдруг начали двигаться и общаться между собой. Да что люди! Даже печать, подносимая хранителем его величеству в открытой шкатулке, была вполне различима на крошечном прямоугольнике алого бархата обивки. — Достаточно протянуть руку, и заветный символ власти уже у тебя.

— Да что ты опять такое говоришь, Виктор! — вновь взорвалась фея. На какую-то секунду мне даже показалось, еще одно слово, и она немедленно превратит меня во что-то непотребное. — С чего бы это вдруг Прокопу красть печать! Да и не крал он ее вовсе! — бушевала боевая подруга. — Почто ты на него напраслину возводишь?!. Печать сам хранитель велел в сокровищницу отнести, а не к себе, как положено. От умопомрачения забывчивость с ним случилась, только и всего! А ты уже рад на мальчика всех собак навесить!

— Делли! Делли!.. — начал было я.

— Тут козни злые! — не унималась фея. — А ты глазами хлопаешь да честного человека оговариваешь!

— Делли!!!

Шум, раздавшийся из коридора, не то чтобы остудил разбушевавшуюся оперативницу, но отвлек ее от основного объекта приложения сил, давая мне возможность перевести дух.

— Ага! Попался, пашенок паскудный! — злорадно вопил хозяин, судя по нарастанию звука, приближаясь по лестнице к нашей двери. — Ужо достанется тебе на орехи! Ужо попомнишь!

— Кого это он там костерит? — запнулась на полуслове фея.

— Без понятия, — тряхнул головой я.

— А ну отстрайнь от пацана! — прогремел по коридору мощный бас Вадима Ратникова. — Конкретно тебе говорю — вали, занимайся своим делом. Твой номер восемь, когда надо — спросим!

Дверь люкса тихо отворилась, и на пороге возник могутный витязь во всей своей красе.

— Братва, у нас тут гость образовался. — Он чуть подвинулся, пропуская вперед нашего недавнего знакомца с рыжей, как лесной пожар, шевелюрой. — Так что встречайте, хозяева!

Глава 15

*Сказ о том, что сколь веревочка ни вейся,
а вьюном не зацветет*

Немая сцена, возникшая в апартаментах после появления вчерашнего беглеца, вполне могла подвигнуть великого русско-украинского писателя и драматурга Н. В. Гоголя на создание очередного супербестселлера «Возвращение ревизора». Казалось, только один Прокоп сумел сохранить безмятежное выражение лица, да и то лишь потому, что присутствовал при явлении рыжего в качестве мебели.

— Э-э... Где ты его поймал? — несколько приходя в чувство, изумленно выдавил я.

Парень наступился и собрался сказать что-то дерзкое, но широкая длань Вадима, опустившаяся на его тощее плечо, оборвала порыв возмущения.

— Не, ну вы че? Я ж типа русским языком базарю, ни фига этого шкета на кукан не брал. Он чисто гость.

— Так, — удивленно глядя на соратника, протянул я. — Ты хочешь сказать, что не ловил его?

— В натуре! — радостно кивнул Вадюня. — Я чисто рулю по барахолке и фильтрую базар — где что народ гутарит. Ну то-се, ля-ля тополя. В общем, терки по ушам конкретные, полный отстой. И тут оба-на! Кто-то меня сзади за пояс дергает. Ну я по-быстрому кумекаю, что кошелек срезать хотят. А потом думаю: в натуре лопатник-то у меня в другом месте! Ну, я типа цоп назад, а там рыжий. Пошли, мол, к твоим — разговор имеется. Ну вот мы и... вот.

— Та-ак, — кивнул я, придвигаясь к столу. — Весьма поучительная история. Ну хорошо, а как звать-то тебя, малый? Мы со всех делов и не познакомились-то толком.

— А Рыжим и зовите! — махнул рукой вихрастый ловчил, посверкивая наглыми глазами.

— Но имя-то у тебя есть? — настаивал я, по ментовской привычке соблюдая скрупулезность при заполнении служебных бумаг.

— А то как же! — насмешливо хмыкнул парень. — Мне его ветер как-то в ухо нашептал, да только тихо. Хотел его переспросить, а он взьми да улети. Так вот и зовусь — Рыжий.

— А еще Поймай Ветер, — хмуро добавила фея. — Слыхать слыхала, а вот свидеться раньше не доводилось.

Лицо посетителя расплылось в широкой улыбке, точно своими словами Делли открыла тайну воровского принца-инкогнито.

— А что, мой титул, — бойко отозвался юнец, — юлить не стану.

— Ладно, титулованный ты наш. — Я обмакнул перо в чернильницу. — С чем к нам-то пожаловал?

— Да вот вещица у меня имеется интересная. Мне когда зеркальце ветром принесло, так и она за край зацепилась.

— Это королевская собственность, — начала было Делли, придавая голосу стальное звучание. — И ты должен вернуть эту вещицу, чем бы она ни была, под страхом супового, но праведного наказания.

— Ой, боюсь-боюсь-боюсь! — Поймай Ветер состроил испуганную гримасу и тут же добавил глумливо: — Ну, я так понимаю, вам она не нужна. Стало быть, пойду дожидаться, когда сам король мне за нее полсотни убитых енотов отвалит.

— Где вещица? — грозно произнесла сотрудница Волшебной Службы Охраны, и чуть приоткрытая дверь нашей комнаты сама собой захлопнулась, едва не прищемив нос любопытному Щеку Небриту.

— Ой, барыня-сударыня! — запричитал наглый воришка. — Да за что вы меня, сироту горестного, катуete? Пошто дитятко безотрадное живота лишаете? Нет на мне вины никакой! По добрым людям побираюся-а-а! Скудной милостыней питаюся-а-а! Тем, стало быть, и живу. — Последние слова были сказаны отнюдь не тем плачевым тоном, что предыдущие. — Какая вещица, хозяюшка? О чем речь?

Мне показалось, что фея стала вдвое больше и сейчас по стаинному волшебному обычанию начнет все громить и метать молнии, не спрашивая правого и виноватого.

— Делли, Делли! Постой! — попробовал я предотвратить катастрофу.

— Да на! На! Не тирань меня, тетка злая! — с надрывом закричал хитрован, сбрасывая латаную-перелатаную рубаху. — А могу и портки снять! Может, там найдешь свою вещицу!

— На дыбу пойдешь, — жестко выдавила разгневанная оперативница.

— Охладись, Делли! — мягко, но твердо проговорил я. — Ты что, не видишь, он тебя провоцирует. А ты, босяк, кончай ломать комедию! Раз уж сам пришел, говори, что хочешь?

— Знамо дело, денег хочу! — не смущаясь, выпалил «гость», обводя оперативную группу вопросительным взглядом. — Давить на меня неча. Вы меня на горячем не поймали, а слова, что ветер — сказал и нету. — Тут я пожалел, что не включил подаренный Делли диктофон. — Вы меня от плетей уберегли, за то от меня вам низкий поклон. — Юноша действительно поклонился поясно. — И не думайте дурного, я добро крепко помню. Чем смогу — отблагодарю. Но зеркальце и рыжье всякое я честно стащил. Головой рисковал, под носом у стражи, как по улице ходил. Неужто за труд мой горестный мне сахарная косточка не полагается? Вон ведь и палачу денежку дают, а ведь без нас-то он, поди, и сам бы в душегубы подался. — Речь Поймай Ветра лилась рекой, и чувствовалось, что в философии лихомства малец достиг впечатляющих успехов.

— Делли, — как можно более умиротворяюще начал я, — ему надо заплатить.

— С чего бы это вдруг?! — недовольная и ходом беседы, и всеми предшествующими ей событиями, буркнула фея.

— Обыскивать Рыжего смысла нет, — заговорил я, стараясь быть как можно более убедительным. — Он к встрече приготовился и такой поворот, несомненно, просчитал. В тюрьму сажать его по боль-

шому счету не за что. Из-под стражи в Саврасовом Засаде мы его сами освободили. Зеркальце он и на дороге мог найти. Из чулана сбежал? Ну так ведь вернулся же! А слова действительно к делу не пришьешь.

— Хорошо, — урезоненная моими доводами, согласилась мрачная красавица. — На вот, заплати. — Фея протянула мне набитый кошелек, не желая напрямую общаться с ловким проходохой. Пятьдесят убитых ёнотов, посверкивая, легли пятыю столбиками на вощенную столешницу и одним взмахом исчезли, точно унесенные волшебной силой.

— Где вешица-то? — поинтересовался я, как только монеты буквально растаяли в руках Поймай Ветра.

— Да вы что, господа хорошие, нешто думаете, что я вас обманываю? — На физиономии юнца отразилось возмущение оскорблённой невинности. — Все как договаривались. Славный витязь Вадим, сын Ратника, позвольте-ка вашу кису¹.

Вадюня ошарашенно поглядел на меня, на Делли... Взгляд феи сиял мрачной бездной, обещая неминуемое крушение жизненных планов.

— А че я, че я? — попятился Злой Бодун.

— Отдай мальчику кошелек, — проговорил я, возвращая друга к реалиям текущего момента.

— Н-на. — Вадим полез за пазуху и вытянул оттуда вышитый мешочек с монетами. — Но, блин, гляди, если что сопрешь, не посмотрю, что вместе срок мотали! Башку сверну, скажу, что так и было!

Рыжий воровайка презрительно хмыкнул, принимая кошель. Должно быть, за свою недолгую жизнь ему часто доводилось слышать подобные и, как мы смогли убедиться, пустые угрозы.

— Вот. — Парнишка развязал мешочек, запустил в него два пальца и вытащил из него миниатюрный золотой перстенек-печатку. — Не правда ли, красавая штуковина? И колечко славное, и печатка. Сами полюбуйтесь — королевский герб с титлом. — Он гордо протянул мне свою добычу.

— Свет великий! — выдохнула Делли, едва увидев наше «приобретение». — Да ведь это же... Это же Машенькин перстень!

— Ну, я же говорил! — приосанившись, кинул хитрован. — Ни монетки лишней не запросил, наверное, еще и внакладе остался.

— Подожди! — перебил его я. — О деньгах больше ни слова! Ты обещал помочь нам в расследовании. Не забыл?

¹ Киса — кошелек.

— Ну-у, в общем-то это против моих правил, — протянул Поймай Ветер, — но дело-то особое. Так что коли она, — он ткнул пальцем с обкусанным ногтем в фею, — светом солнечным поклянется вреда мне не причинять и никакой каверзы супротив сироты несчастного не удумывать, то, пожалуйста, вопросы задавайте.

— Клянусь, — сквозь зубы процедила фея, одерживая нелегкую победу над собственным самолюбием.

— А чур, можно я первый? — вмешался в ход допроса Вадим, вытаскивая из сомкнувшихся пальцев Рыжего свое имущество и подозрительно оглядывая его со всех сторон. — А в натуре это че было-то? Он же ж у меня на постояне за пазухой лежал? Как это ты эту гайку туда ну чисто сунул?

— Эка невидал! — фыркнул юнец. — Вытащил, развязал, засунул и на место положил.

— Да когда?! — возмутился витязь. — Я ж все время тебя бдил, как эту, как зеницу ока!

— А я до того, как тебя окликнул, — приветливо улыбаясь, пояснил Рыжий. — Пока ты с купцами толковал.

Услышав такое, Вадюня начисто утратил дар речи, что, к счастью, и способствовало дальнейшему опросу «свидетеля».

— Скажи, пожалуйста, — попросил я, — каким образом к тебе попали все эти предметы?

— Ну так стянул я их! — с профессиональной гордостью заявил парень. — Из дворцового парка стянул. Понятное дело, не из самого парка, а из уютного затишного домика. В аккурат перед самой свадьбой во дворец гостей понесяхала тьма-тьмущая, и всё гагары-то жирные, перья веером. Так что ежели их чуточку подошибить, они и не заметят. Зашел я, значит, во дворцовый парк...

— Как это — зашел? — возмутилась Делли.

— Ну я ж, поди, не колдун какой! — обиделся щипач. — Летать не умею. Ногами зашел. Там, в парке уйма всяких домиков, павильонов, местечек укромных, где высокие господа живут, гуляют, ну и, так сказать, уединяются. Мне раздолье. — Он мечтательно закатил глаза. — Моя б воля, каждый день такие свадьбы устраивал! В одном месте пряжечку снимешь, в другом кису подрежешь, в третьем с платья камешек умыкнешь. И людям не обидно, и мне доход. И вот в самую ночь перед свадьбой я себе смекаю: чего же мне в город переться — на родном тюфяке клопов кормить, когда я здесь в какой-нибудь избушке на ночь вольготно могу устроиться? Все равно никто никого не знает! Одежду я к тому времени уже кое-какую подыс-

кал, так что ежели спросят, начну по-заморскому лопотать — вроде нездешний. — Рассказ явно доставлял удовольствие юному проходимцу и столь же явно доводил до белого каления нашу могущественную сотрудницу. Вероятно, и от ее наряда непочтительный бесенок отвернул один-другой блестящий камешек.

— Порыскал-порыскал, — между тем продолжал свою хвастливую байку Поймай Ветер, — глядь, в темном уголке бесхозная халабуда, на замок запертая. Но мне-то оно и к лучшему. Раз калач висит, значит, без шума никто не сунется. Я на крышу, в трубу и через очаг угрем и вошел.

— Будь добр, уточни местоположение халабуды, — перебил его я.

— Ну так ежели от болота вправо взять, то так... Чуть левее башни. Саженей двести будет.

Лицо Делли скривилось, точно она съела что-то уж очень горькое. Однако, не желая, видимо, давать повод новым распряям, она молча отвернулась и обиженно засопела.

— Переночевал я сладко. Скажу вам, в жизни никогда так не спалось. Все чисто! Перины пуховые! Снеди полно — хоть неделю пирой! А поутру я по углам да по клетям пошарил, глядь — сундучок! Я в него, а там и тебе кафтанье, и монеты, и зеркальце ваше треклятое, и колечко вот это. — Он почесал рыжую вихрастую голову. — Но вещи-то я оставил. Мне их носить не с руки, а продавать — морока одна. А золото, уж простите, в первый же день с рук спустил. В кости не свезло. А остальное у вас. — Воришка развел руками, показывая, что больше ничем не может быть нам полезен.

— Спасибо, — вздохнул я, прикидывая, много ли пользы от рассказанного хитрым шаромыжником. По первым прикидкам, вышло, что не слишком. — Спасибо за помощь следствию, гражданин Поймай Ветер.

— Да, так я вот что хотел еще сказать, — вдруг перебил меня парень. — Там среди одежи парик лежал. Волосья точь-в-точь мои. Так что по всему выходит, что вы меня заместо хозяина тех самых вещечек ловили.

От неожиданности я выронил перо, вместо точки ставя в конце своих записей огромную кляксу.

— Все сказал? — недобро глядя на хвастуна, сквозь зубы проговорила фея. — Или еще что на закуску оставил?

— Да не, вроде все. Но ежели желаете, могу чего прибрехать.

— Ну тогда ступай, — с угрозой в голосе, примерно как удав Кaa в мультильме «Маугли», выдохнула возмущенная до глубины души

кудесница. Дверь под напором ее взгляда стремительно распахнулась, освобождая Рыжему путь к отступлению.

— Счастливо оставаться, господа хорошие, — насмешливо поглядев на злобствующую фею, проговорил ловкий малый. — Поймай Ветер добро помнит, так что день придет — свидимся! Форельку себе, что ли, тут заказать, — услышали мы из коридора. — Говорят, у здешнего хозяина форелька отменная!

— Не, ну в натуре, какой пацан! — покачал головой Вадим, вновь обретая способность связно излагать свои мысли.

— Цепной вор, — гневно фыркнула Делли. — Острог по нему уже лет пять как плачет.

— Конкретно крутой пацан! — отвечая сам себе, задумчиво изрек Злой Бодун. Он прикрыл дверь и, подойдя к столу, заговорил, стараясь оживленной жестикуляцией придать особую значимость произносимым словам: — Клин, я тут вот что нарыл, пока барахолку чесал. Про наши расклады там чисто никто не таращит. Ну, вроде типа пропала и ищут. Но вот какой шу-шу по толпе идет. Говорят, нынче поутру в окрестностях Торца еще одного дракона срисовали.

— Как это — срисовали? — переспросила Делли, уловив в несвязанных между собой словах речи Вадима знакомое слово.

Могутный витязь напрягся, стараясь изложить полученную информацию в более доходчивой форме.

— Ну-у... Он это, как бы летел.

— Дракон? — переспросила фея.

— А то! — согласно кивнул младший Ратников.

— А куда?

— А болт его знает, — пожал он плечами. — Ну так... Ежели ко дворцу спиной стать, то, пожалуй, вправо на два часа.

Фея задумчиво покачала головой, пытаясь представить себе указанное нашим разведчиком направление.

— Это, пожалуй, в Гуралию полетел, — после минутной задумчивости произнесла она. — А что дракон-то, что-нибудь пожег, дань с крестьян требовал или как?

— Да не, че там, — замотал головой витязь. — Об этом базару не было. Языками чешут, что вроде нарисовался он, откуда ни возьмись, в трех верстах от Торца Белокаменного, у селища Оградное. Никого в натуре не трогал, ничего не жег. Только обгадил рощицу от селища неподалеку так, что там даже вся листва пожухла. Ну и с чего-то вдруг котлован образовался, словно эта тварюка сквозь полянку провалилась.

— Листва, говоришь, пожухла? — тихо, но с напором повторила сотрудница Волшебной Службы Охраны. — И котлован возник? Занятная история. А когда, говоришь, все это случилось?

— Ну так... поутру. — Вадим опять пожал плечами. — Бабки рассказывали, что только коров подоили, собирались в столицу на рынок молочко везти. Токмо-токмо коней запрягли, а оно по небу вжик! Лишь хвост его и видели.

— Это получается, — фея наморщила лоб, вдаваясь в одной ей ведомые исчисления, — дракон улетел вскоре после того, как в Торце открыли ворота. Времени как раз столько, чтобы на хорошем коне домчать от городских стен до Оградного.

— Делли, — перебил я подсчеты нашей подруги. — Все это очень занимательно, но объясни, пожалуйста, к чему ты клонишь?

— Странное дело здесь выходит, — пустилась в объяснения фея. — Если все то, о чем рассказывает Вадим, — правда, то по всему получается, что дракон, который нынче в сторону Гуралии улетел, — мурлюкский. Обычные драконы себя так не ведут. И лист после них не жухнет. Да и правду говорил Громобой Егорьевич: еще со стародавних времен между Торцом и драконами договор нерушимый — где им летать дозволено, а где нет. Нарушение сего договора само по себе факт необычайный, а уж второй раз на месяц и вовсе... Хоть во все трубы труби да войска собирай!

— Послушай, — решил уточнить я, — а тот, первый дракон? Может быть, он тоже был мурлюкской породы? Громобой ничего об этой разновидности звероящеров толком не рассказывал.

— Конечно, не рассказывал. Ибо нет такой породы.

— Но ведь ты только что сама сказала...

— Дело тут вот в чем, — вновь заговорила фея. — Своих драконов захребетники уже давным-давно истребили, еще при первых майорах. Теперь чужих ловят да под свой манер и перекраивают. Как сформировали Деву Железной Воли, так и обуяла мурлюков великая Мурлюкская Идея о том, что все в мире существует во имя человека и во благо человека. Так что ежели, скажем, изловить малютку эльфа, да в прозрачный сосуд его посадить, то ночью в палатах светло будет, как днем. Правда, эльф при этом протянет месяца три, не более. Но да ведь он не человек, чего с ним считаться? Этот захиреет, другого словят. Или вон ветродуя в магистрате помните? Во имя человека в шипастом ошейнике сидит да прохолодным ветерком в жаркий денек человечей ублажает. Да разве все перечтешь?

— Угу, — мрачно кивнул я. — И, насколько я помню, для всех этих превращений нужен сок минеральных дров.

— Нужен, — подтвердила Делли.

— А деревья, из которых эти самые дрова получаются, если я не ошибаюсь, в основном в Груси произрастают?

— И это верно, — вздохнула поборница прав угнетенных существ. — Не лучшее, конечно, это дело, с мурлюками дровами торговать, чтобы они при помощи сока всякую тварь, всякое живое создание на службу себе ставили, ну да жить-то как-то надо.

— Погоди, — перебил я фею. — Морально-этические вопросы продажи природных богатств оставим на потом. Я сейчас не об этом. Насколько я понял, мурлюки каким-то образом отлавливают драконов и... гм... — я поперхнулся от бредовости собственной идеи, — делают из них летательные аппараты.

— Верно, — печально вздохнула Делли. — Драконы границ не признают. Летят, куда душа пожелает. Договориться-то с ними можно: коридоры прочертить, стада там специально для них выращивать, да вот только мурлюки с ними не договариваются. Сами слышали, что граф де Бур молол: «Ни каких драконов нет, есть непойманные летающие объекты». Так что стоит дракону за Железный Тын перелететь, мурлюки враз начинают их стадами да чистыми озерами приманивать. А где-то около обязательно единорог припрятан, который, как известно, для дракона верная погибель. Так что сел дракон, например, гуральский, а уже вновь взлетел, — фея разверла руками, — во имя человека и для блага человека.

— А в натуре, интересно, где это граф таких идей набрался? — ехидно заметил Вадюня.

— Он много гастролировал перед тем, как осесть в Торце Белокаменном, — напомнила наша сотрудница. — Бывал и за Хребтом.

— А может, он того, шпион? — услышав столь пикантную подробность из биографии дворцового камергера, возбудился Злой Бодун.

— Пожалуй, для этого туповат, — покачал головой я. — Но чем черт не шутит. Смотрите, как интересно получается. В полночь мы встречаемся с Прокопом, но до нас его перехватывает кто-то еще. Этот таинственный кто-то, заметив наше приближение, загадочно исчезает. А спозаранку в сторону Гурдии, где, насколько я понимаю, тоже расположен Железный Тын, улетает мурлюкский дракон. Причем явно не пустой и явно находившийся в районе столицы, как бы это сказать, инкогнито. Вполне может быть, что это совпадение, но я бы очень хотел знать, кто нынче утром покинул дворец. Посколь-

ку мне очень кажется, что у нас имеется весьма четкий захребетный след.

— А на хрена? — хлопая глазами, вопросил Вадюня. — Ну, в смысле на хрена мурлюкам весь этот огород городить?

— Послушайте, — я обвел глазами свою крошечную «дружину», — мы, кажется, забыли об одной в общем-то тривиальной вещи. Маша не только девица-красавица, и не только единственная любимая дочь здешнего короля. Она еще и полноправная наследница престола страны, производящей большую часть мировой добычи минеральных дров. Согласитесь, для той же Мурлюки она весьма сладкий кус.

— Но для чего ее похищать? — пожала плечами фея. — Мы же и так торгуем с ними этими треклятыми дровами.

— Зачем платить за то, что можно взять бесплатно? Исчезла Маша невестой королевича Элизея, а появиться вновь запросто может женой какого-нибудь майорского сына. И все, честным пирком да за свадебку. А там, глядишь, у Русалочьего грота начнут жаб разводить, а Железный Тын аж за Орел-камень задвинут.

Фея невольно побледнела, словно наяву представив себе дальнейшие перспективы подобного союза. Было у меня смутное подозрение, что жители дальнего Захребетья и племя, к которому принадлежала Делли, считались не полноправными людьми, а какими-то спутными флюктуациями астральной сущности хомо сапиенс. Глядишь, и их приспособят светофоры на перекрестках переключать! Перспектива не из приятных.

— Круто, — уважительно покачал головой Вадюня. — А этот спящий красавец тогда при чем? — Ратников кивнул на воспитанника феи, по-прежнему беззаботно отдыхающего после ночной прогулки.

— Вероятно, его использовали втемную, — предположил я не слишком уверенно. — Скорее всего он ревновал Машу к Элизею. Вот мурлюки на этом и сыграли.

— Ага! — Вадим покрутил пальцем у виска. — Чтоб она поскорей вышла замуж за майорского капитан-лейтенанта. Ты че, в натуре, думаешь, о чём говоришь?!

— Ну не знаю, — обиженно отмахнулся я. — Это только версия! В конце концов, надо отработать по всем имеющимся у нас фактам. Кстати, — я повернулся к Делли, радуясь возможности изменить тему разговора, — мне показалось, что рассказ Рыжего о месте его ночевки возбудил у тебя, как бы это сказать, нездоровий интерес? Или же

ты действительно знаешь об этом затишном домике что-то такое, о чем следовало бы знать и нам?

Делли вспыхнула, и где-то за окном грянул дальний гром, понятное дело, среди ясного неба.

— Я знаю этот дом, — довольно кисло, но уверенно произнесла фея. — В нем должна была останавливаться маменька Прокопа, кормилица ее высочества, достопочтенная Юлея, дочь Панкратьева.

— Вот даже как! И что ж ее там не оказалось?

— Прихврнула! — отрезала наша раздосадованная подруга. — И записку о том прислала через... — она замялась, — Прокопа.

— Угу! Все интереснее и интереснее! Значит, кормилицы в здании не оказалось, зато вместо нее обнаружился целый склад весьма занятых вещей.

— Но вещи-то там были Машины! — хмуро проговорила Делли.

— Ну да. Мужская одежда, с которой Поймай Ветер не захотел возиться, и рыжий парик. Впрочем... — Я невольно оборвал себя на полуслове. — А если действительно твои ученики решили сбежать вместе, а неведомый нам пока доброжелатель, вероятно, сегодня отбывший восвояси на мурлюкском драконе, им в этом активно помогал? До поры до времени. Пока Маша не оказалась вне твоей, Делли, сферы защиты. А потом Прокоп стал не нужен, и его попытались устраниТЬ.

— Волшебники не убивают людей, — напомнила фея. — Во всяком случае, магическим способом.

— Но превратить человека в сосульку с исковерканной памятью — это тоже не лучший рождественский подарок.

— О-о! — вмешался в нашу беседу Вадюня. — Тело-то зашевелилось! Гляди-ка, вон пальцы шебуршат!

Фея опрометью бросилась к юноше, по сию пору не слишком радовавшему нас признаками жизни.

— Да, пульс стал чаще. Хотя по-прежнему нитяной, наполнение слабое, — встревоженно заговорила она, беря бессильную, точно ватную, руку у запястья. — В течение трети суток он должен прийти в себя.

— А точнее? — попросил я.

— Это никому не ведомо, — пожала плечами фея. — Как неведомо и каким он проснется.

— Замечательная перспектива! — Я скривил губы в усмешке. — То есть может статься, что сознание к нему окончательно не вернется?

— Увы, да, — подтвердила мои опасения фея. — Последнее, что запомнил мальчик, была схватка с врагом. И мозг его может быть настолько возбужден этим, что Прокоп, возможно, осознает себя в кругу недругов. Ну и... Сами понимаете, всякое может произойти.

— Это че, буйняк, что ли? — не особенно вдаваясь в дипломатические эquivоки, пробасил Вадим.

— Постой! — перебил я его. — В любом случае сидеть здесь и ждать восемь часов мы не имеем возможности. Сейчас надо отправляться во дворец и выяснить, остался ли в вышеуказанном домике сундучок с вещами, описанными Поймай Ветром. Это раз. И два: необходимо уточнить, кто сегодня покидал дворец. В смысле насовсем, а не просто вышел за ворота.

— Может, вы пойдете, а я посижу здесь с Прокопом? — предложила фея.

— Делли, твое присутствие рядом с нами весьма желательно. Мало ли что может всплыть...

— А с мальчиком что же тогда делать? Одного его бросать нельзя! — не унималась она.

— А мальчика, — начал я, — мы привяжем к кровати, чтоб с ним, не дай бог, ничего не случилось. Рядом можно портрет Маши поставить. Так сказать, для создания положительных эмоций, ежели он очухается, а нас еще не будет.

Фея посмотрела на меня с укоризной.

— Они не были любовниками, если ты это имеешь в виду.

— Взрослые всегда узнают о шалостях детей с запозданием, — парировал я. — А кроме того, мы вовсе не пытаемся причинить вред твоему воспитаннику. Мы просто хотим уберечь его от самого себя, только и всего. — Сохранять спокойствие мне удавалось с большим трудом. Язык эмоций никак не мог найти общих корней с языком фактов, вызывая все большее раздражение между мной и феей.

— Ну так че? — уточнил Вадим. — За репшнуром идти? У меня в рюкзаке бухта — пятьдесят метров.

— Нет! — взорвался я. — Мы его этой тесьмой перевязывать будем! — Я выхватил из кармана «конверт» вчерашней голубиной почты. — Конечно, неси, что за вопросы!

— Виктор! — перебила меня Делли. — Что это у тебя?

— Ну, если это не очередные ваши волшебные штучки, то скорее всего кусок дорогостоящей тесьмы.

— А откуда она взялась? — Делли схватила тесьму в руки и стала с удивлением ее рассматривать.

— Вчерашним голубем доставили, — хмыкнул я. — Вместе с письмом. Ночью собирались тебе ее показать, да вот не сложилось.

— Эту тесьму из своей Рутении в подарок Маше привез принц Элизей. Другой такой в Торце быть не может, я точно знаю. Моток этой тесьмы она с собой в Невестину башню для отделки подвенечного платья взяла. И это мне достоверно ведомо. Я сама ее корзину с рукоделием укладывала.

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны, — резюмировал я. — Что ж, значит, заодно и башню надо осмотреть как можно более тщательно. Да уж, — махнул рукой я, — а с утра день обещал быть безоблачным.

Наша очередная экскурсия по дворцовому парку по результативности, пожалуй, не уступала двум предыдущим. Правда, на этот раз взорам следственной группы не представилось ни следов дракона, ни последствий чьей-то волшебной ярости. Но зато избушка, столь живо описанная Поймай Ветром, действительно произвела на экскурсантов неизгладимое впечатление. С одной стороны, ни рыжего парика, ни одежды, ни запаса продовольствия мы в ней не обнаружили. А с другой... Черт побери, под кроватью с пуховой периной и мягкими подушками действительно находился распахнутый сундучок, в который была аккуратно сложена веревочная лестница, соруженная из все той же тесьмы и полешек для камина.

Следующий объект посещения — Невестина башня, вернее, ее внутренность, также несказанно порадовал и без того уже обрадованных оперативников. Во-первых, судя по оставшимся в кладовых запасам продовольствия, принцесса усиленно постилась, я бы даже сказал, вовсе питалась святым духом. Во-вторых, по уверениям Делли, все платья ее высочества, кроме, естественно, подвенечного, были на месте. С подвенечным нарядом принцессы тоже было все не слава богу. Жемчуг, который предполагалось пустить на отделку, отсутствовал напрочь; тесьма, как мы уже имели возможность убедиться, использовалась не совсем по назначению, зато белоснежная, с морозным блеском, парча и белый нежнейший батист лежали нетронутыми так, точно невеста, страстно желавшая соединения с любимым женихом, и думать забыла о верхней одежде.

А вот и начало того конца, которым оканчивается начало. Я подошел к решетке оконного переплета. Открывалась она вполне легко. М-да, я подозревал Делли.

— Скажи, как тебе нравится то, что ты видишь?

— А что, по-твоему, я должна здесь увидеть? — удивленно нахмурив брови, спросила наша подруга.

— Вот эта свеча на подоконнике тебе о чем-то говорит?

— Свеча как свеча, — подозрительно глядя на огарок, пожала плечами Делли.

— А воск вокруг на камне видишь?

— Вижу. Наверное, двигали свечу с места на место.

— Не совсем так, — покачал головой я. — Замечаешь эти черные вкрапления? Это пепел. Сама свеча, судя по фактуре, горицветовская, а стало быть, сгорает без остатка. Откуда же пятна воска? Да еще такие-то!

— Не знаю, — честно созналась фея.

— Могу тебе сказать. Некто открыл решетку, привязал к ней лестницу и поставил под концом, привязанным к решетке, горящую свечу.

— Здесь двадцать саженей от земли, — напомнила Делли. — Если бы он решил по ней спускаться, убился бы через мгновение. Как только пламя пережгло тесьму.

— Это верно. Но если конец тесьмы промаслить, обмотать фитилем, а затем залепить воском, то спускающийся получает фору в несколько минут, пока огонь расплавит такую импровизированную свечу и доберется до фитиля. А потом все своим чередом: лестница падает вниз, а свечка, прикрепленная к решетке, неспешно сгорает. Правда, в отличие от той, которая стоит вертикально, эта нещадно заляпывает подоконник воском, падающим вниз под своей тяжестью, и пеплом от сгорающей тесьмы, что мы и имеем. Прошу полюбоваться.

— Так что в натуре принцесса сама, такая-сякая, сбежала из дворца? — хмыкнул подошедший во время нашей беседы Вадим.

— Не стоит торопиться с выводами. Но решайте сами, факты — упрямая вещь. И эти факты говорят, что та невеста, которую лицезрели выходящей из башни десятки придворных, скорее всего была не Машей.

Фея обескураженно глядела на меня, не зная, что и сказать.

— Я конкретно не врубаюсь, — между тем продолжил Вадим, пользуясь минутной паузой. — Это все, конечно, классно, но у меня чисто один вопрос имеется. Это че, королевская башня или чулан Мальвины — девочки с голубыми волосами? Откуда здесь столько пауков?

Остроносое лицо графа де Бура, сопровождавшего нас, хотя бы отчасти, в экскурсиях по парку, заметно побагровело, но, взяв себя в руки, он проговорил, оглядывая затянутые паутиной углы:

— С момента исчезновения ее высочества по приказу его величества башня была заперта, и внутрь никто не допускался. Вот, наверное, за это время и наползли...

— Я этих пауков с детства ненавижу! — поделился наболевшим Вадим. — А тут вот...

— Скажите, любезнейший, — перебил я разоткровеничивавшегося витязя, — покидал ли нынче кто-нибудь королевский двор?

— С вашего позволения, разрешите доложить, что двоюродная тетка нашего государя, престарелая герцогиня Бослицкая со свитой, изволила наконец отбыть к себе на родину в Гуралию.

— В Гуралию? — переспросил я. — Мы не слышали?

— Никак нет. Спозаранку отбыли-с. Даже не позавтракав.

Глава 16

Сказ о дороге, убегающей вдаль и возвращающейся обратно

В Невестиной башне воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы, доносившимся сквозь распахнутое окошко.

— Та-ак! — с угрозой протянул я. И вновь повторил: — Та-ак!

— Виктор! — смешалась фея, видя жесткую, должно быть, гримасу на моем лице. — Ты что же, подозреваешь герцогиню Бослицкую? Ей же восемьдесят лет! Кроме того, похищение внучатой племянницы так ее шокировало, что несчастная все последние дни провела между креслом и постелью, не выходя из предоставленных апартаментов.

— Делли, — перебил я оправдательную тираду феи, — я не имею чести знать вашу герцогиню, поэтому мне все равно, кого подозревать — ее, Прокопа или Карабаса Барабаса.

— О, это действительно был отвратительный тип, — вставил свои пять копеек граф Пино. — Но к счастью, он давным-давно скончался.

Я гневно зыркнул на камергера, и он замолк на полуслове.

— Я, видишь ли, не дока в ваших чародейских премудростях и поэтому могу оперировать только фактами. А факты — вещь упря-

мая, и говорят они следующее. Судя по твоему же утверждению, дракон, стартовавший сегодня в окрестностях селища Оградное, — мурлюкский. Палочка, которой вырубили Прокопа, тоже мурлюкская. Страна, которая максимально выигрывает от срыва бракосочетания груссской принцессы, — снова Мурлюкия. Особенно если предположить, что там для Маши заготовлен совсем другой жених. Это раз. Два: кортеж герцогини выехал как раз, чтобы успеть к отлету дракона. Была ли хозяином летательного аппарата сама герцогиня или кто-то из ее свиты — без понятия. Но мы должны перехватить кортеж и уточнить, кто из покинувших сегодня утром Торец сошел близ Оградного.

— Но... Но как вы можете подозревать ее светлость герцогиню? — Граф де Бур своей тощей грудью встал на защиту вельможной ста-рушки. — Это добрейшая женщина! Она бывала на моих спектаклях, еще когда я гастролировал за Хребтом. А какой перстень ее светлость мне подарила! — Придворный протянул пятерню ладонью вниз, точно для поцелуя, демонстрируя массивное кольцо с украшавшим его огромным янтарным жуком скарабеем, лапки которого облегали палец, а крылышки тончайшей работы повторяли рисунок на крыльях живого насекомого.

— Граф, какое мне дело до ваших драгоценностей! — недовольно отмахнулся я.

— Герцогиня так добра и так мудра! — не унимался камергер, продолжая тыкать мне под нос свои побрякушки.

— Постойте! — Фея буквально впилась тонкими изящными пальчиками в запястье Пино, точно атакующая гюрга в завороженного тушканчика.

— Не отдам! — взвизгнул камергер, пытаясь выдернуть руку.

— Покажите немедленно! — командным тоном потребовала Делли, не отпуская запястья графа.

— Я не отдам кому бы то ни было что бы то ни было, хоть он дерись! — скороговоркой выпалил граф, с неожиданной для шуплого тела силой выдергивая руку.

Слова эти прозвучали сигналом для могутного витязя, с недоверием наблюдавшего эту картину. Пока я пытался уразуметь суть происходящего, одна ладонь Злого Бодуна, проскользнув под мышкой, зафиксировала графский затылок, большой палец второй уперся в сановный позвоночник, заставляя Пино выгнуться в безнадежной попытке изобразить из себя лебедя.

— Не пырхайся, морда шнобастая! — весьма недвусмысленно процидил Вадюня на ухо возмущенному царедворцу. — Хребет сломаю!

— Ну что вы, Вадим, все нормально, — успокоила разбушевавшегося витязя Делли. — Просто мне нужно внимательно осмотреть перстень, подаренный его сиятельству герцогиней Бослицкой. Не правда ли, сеньор граф, перстень очарователен?

— О да! — с трудом выдавил вопрошаемый, силясь горделиво протянуть руку фее, чтобы еще раз похвастаться дорогим подарком.

— Отпустите его, мой добрый витязь, — попросила Делли, не жно подхватывая пальцы графа. — Внимательно следите за перстнем, Виктор. — Она обернулась ко мне и, вновь возвращаясь к возможенному украшению, заговорила четко и нараспев: — Как однажды Жак-звонарь городской сломал фонарь.

— Кажется, крылышки подрагивают, — неуверенно, все еще сомневаясь в увиденном, проговорил я. — Ну и что?

— Думайте, Виктор, думайте! Что вам напоминает этот жучок? — возбужденно потребовала фея.

— Жучок?! — удивился я. — Господи, жучок! Подрагивающие крылышки — это резонатор. Ты хочешь сказать, что кольцо — это микрофон?

— Мурлюкский жучок, — вздохнула чародейка. — Подслушивающее устройство.

— Вот это да! — прошептал я. — Значит, герцогиня, не выходя из апартаментов, могла знать практически все, что происходит во дворце?

— Не все, но многое, — кивнула фея. — И в частности, о работе съскной группы. Граф присутствовал при всех моих докладах у его величества.

— Это верно, — заулыбался ничего не понимающий в происходящем длинноносый камергер. — Ибо моя неподкупность и верность государю не знает границ.

— Лучше снимите перстень, граф, — раздраженно бросил я, с тоской сознавая, к каким фатальным последствиям может привести нас вскрывшийся факт. — Не то, боюсь, вам отрубят голову за государственную измену. Прекрасная компания подбирается! Добрая ста-рушка-герцогиня в знак душевного расположения дарит преданному камергеру его величества микрофон мурлюкской работы. Интересно узнать, до исчезновения внучатой племянницы или все-таки после? А, Пино?

— Герцогиня прибыла с кортежем как раз в день свадьбы. Сами понимаете, подготовка к обряду, расселение, — начал пояснения де Бур.

— Стало быть, после, — перебил его я. — И это невзирая на болезнь и душевную немощь Угу. Очень интересная манера.

— Я был единственный, кому во дворце было дело до несчастной пожилой дамы! — выпалил оскорбленный в лучших чувствах граф.

— Клин, слышь! Я вот чего приметил, — вмешался в светскую беседу Ратников. — Когда этот фраер нас ночью во дворец пускал, у него на пальце та же гайка была...

— Ну конечно, — пожал плечами я. — Ты же слышишь, герцогиня подарила... Ты хочешь сказать, что тот, кто слушал трансляцию с этого микрофона, узнав, куда мы направляемся, опередил нас у Русалочьего гrotа?

— Ну! — радуясь моей понятливости, кивнул Вадюня. — Пока мы тарахтели, Делли ждали, с графом тёрки разводили, они и вот...

— Все верно. Мы опоздали на несколько минут, а кто-то пришел вовремя. Прокоп, увидев чужака, пытался бежать. Дальнейшее происходило на моих глазах. Правда, для старушки божьего одуванчика наш неведомый некто развел невиданную прыть. В любом случае, — я разрезал воздух ребром ладони, — необходимо поближе познакомиться с этой чудесной бабусей. И чем скорее, тем лучше.

Господи, как широко и вольготно было героям известных сказок! Ну, похитил дракон или злой чародей принцессу — и все сразу понятно. Дракон, скажем, Вася постоянно проживает по месту прописки, за долами широкими, за горами высокими. Чуть что не так — за ворота вышел, бабушку на другую сторону улицы перевел, она тебе клубок с нестирающейся нитью дала, иди за ним, только поспевай, точно к укрытию негодяя прикатится. А здесь! Кто куда бежит? От кого скрывается? Мурлюкские волшебницы, праздношатающиеся драконы, маразмирующие герцогини, одаривающие подслушивающими устройствами пнеголовых камергеров. Полный отстой!

А принцесса-то? Принцесса-то, похоже, сама сбежала! И опять нескладушки. Ну, хорошо, Прокоп ей помогал, это к гадалке неходить. Но если предположить, что перед нами парочка страстных возлюбленных, то, по логике, переждав первую вспышку суматошных поисков, влюбленные должны были либо бежать, куда глаза глядят, либо, наоборот, идти виниться батюшке-государю, уповая на его

милосердие. Ни того, ни другого сделано не было. Сидели себе и сидели, точно дожидаясь от моря погоды. Для чего? Почему? Бог его знает!

Можно предположить, что Маша опасалась мурлюков. Как ни крути, а след ясный вырисовывается. Но если взять за константу, что Маша каким-то образом узнала о вражеских кознях, то почему ни словом не обмолвилась отцу, Делли, Элизею, наконец?! Опять нестыковка. Конечно, юности свойственно переоценивать свои силы, но все же желание противопоставить себя, ну плюс еще Прокопа, вражеской резидентуре, да таким экстравагантным образом — нет, не понимаю. Что-то в этом не так!

Наши кони летели вдаль, точно силясь обогнать события, копыта их едва касались земли, вздымая облака пыли и прессуя и без того укатанную дорогу.

— Вот здесь поворот на селище Оградное. — Делли на скаку указала на едва пробитый в траве проселок, отпочковавшийся от основного тракта и скрывающийся в зеленом с прожелтью леске.

— Угу, понятно, — кивнул я, и мы проскочили поворот. — Будем возвращаться, заглянем.

Мы мчались, не сбавляя хода. За спиной Вадима поскуливал от ужаса граф де Бур, впервые в жизни участвующий в такой сумасшедшей скачке. Но пощадить нервы несчастного царедворца не было никакой возможности. Нам было необходимо как можно скорее догнать кортеж, выехавший несколькими часами раньше.

— Делли, а скажи, — бросил я через плечо, — Маша умела колдовать? Ну, в смысле владела всякой там магией, волшебством?

— Девочка кое-что умела, — почти на ухо крикнула фея, силясь перекрыть свист ветра. — А что?

— Мне вспомнилась сказка о Золушке, там ровно в полночь карета превращалась в тыкву, лошади в мышей, и так далее. Так я вот что подумал: а не сама ли Маша создала, уж не знаю, как это на вашем чародейском языке называется, свой бесстесненный дубликат, нарядив его в одеяние из паутины, отделанное жемчугом? Помнишь, мы в церемониальной зале нашли множество раскатанных жемчужин и паутину? Об заклад готов биться, что это остатки подвенечного платья призрака ее высочества. Может, как раз все и было рассчитано на то, что призрак, столкнувшись в темноте с твоей магической защитой, исчезнет? А появление дракона, в свою очередь, создаст панику и отвлечет гостей и тебя, Делли, от того, что в действительности происходит в зале.

— Складно, — согласилась с выдвинутой гипотезой фея. — Но для чего?

— Без малейшего понятия, — честно признался я. — Сама по себе операция очень сложная по исполнению. Все должно быть синхронизировано до секунды. Появление разряженного морока, действия дракона, свечи эти треклятые. Почерк явно дилетантский. Чудо, что все сложилось так, как задумывалось. Если, конечно, так и задумывалось.

— Впереди вижу кортеж! — отрапортовал могутный витязь, прерывая нашу беседу. — Еле-еле плется, сейчас догоним.

Несколько карет и многочисленные возы, сопровождаемые всадниками конной стражи, растянулись на полверсты, не оставляя никаких сомнений в том, что перед нами именно поезд королевской родственницы, а не купеческий караван. Легкая рысь, с которой двигался кортеж, в сознании такого лихача, как Вадим, действительно могла считаться черепашьей скоростью, но вряд ли пристало пожилой герцогине носиться по дорогам, как оглашенной.

— Помните, — начала инструктаж Делли, когда, поравнявшись с замыкающими возами, мы стали обгонять колонну, — кортеж ее светлости — суверенная территория Гурдии! Мы не имеем права устраивать в нем обыск или заставлять его останавливаться. По большому счету, если герцогиня откажется с нами разговаривать, мы также не должны настаивать. Мы можем лишь просить аудиенции у ее светлости.

— Ну, вот еще! — насупился Вадюня. — Может, ей заодно чисто туфли полирнуть? — Моему грозному другу уже виделся лихой налет на караван в лучшем духе вестернов. И он явно не был готов исправлять аудиенции у кого бы то ни было.

— Ладно, — усмехнулся я. — Сейчас все устроим. Ну-ка, где там наш мандат? — Я выхватил из сумки на поясе пергамент с королевской печатью, свисающей на витом шнуре. — Королевская депеша! Срочная королевская депеша для герцогини Бослицкой!

У кареты, со всех сторон украшенной пышными гербами с взбиравшимся на стенкульвом, дорогу мне преградил седоусый витязь в кафтане с разрезными рукавами, свисающими от локтей. Из-под каftана проглядывала серебристая кольчуга.

— Где депеша? — преграждая мне путь чем-то вроде легкой кирки, прикрикнул он, сурово насупив брови.

— Абсолютная секретность! — не моргнув глазом, ответил я, осаживая Феррари. — Имею право разговаривать лишь с ее светлостью.

— Герцогине не пристало принимать послание из чужих рук, — не сдавался седоусый наездник, вероятно, начальник конвоя.

— Я не имею права ослушиваться своего короля! Заклинаю вас остановиться! В противном случае... — Я не успел еще придумать, что может произойти в противном случае. Несусветный ор достиг ав-густейшего уха и из-за кисейной занавески, прикрывавшей окошко в дверце кареты, появилось сморщенное лицо улыбчивой старушки — из тех, которые в большом количестве сидят у подъездов в моем родном Кроменце, надзирая за играющими детьми и вывязывая бесконечные носки и шарфики.

— А, Делли! Голубушка! — признав старую знакомую, зашамкала почтенная леди. — Давненько с тобой не виделись! Что, Базилей уже волнуется? Но простите меня старую, долго собираюсь да медленно езжу. Но уж, поди, скоро буду. — Она прищурилась, разглядывая спутников. — А это кто с тобой?

Я открыл было рот, чтобы представиться и завести своим чередом разговор о подарках ее светлости графу де Буру и иных странностях, связанных с ее пребыванием в Торце, а также отбытием из него... Но вдруг, точно выстрел дуплетом, меня поразили две в общем-то очевидные мысли. Такие очевидные, что я так и замер дурак дураком с открытым ртом. Во-первых, с легкостью узнав фею, королевская тетка не признала столь любезного с ней камергера, и, во-вторых, похоже, она на полном серьезе полагала, что едет не из столицы, а совсем даже наоборот — в нее. Вот так номер! Одно из трех: либо бабуля в связи с пережитым напрочь поссорилась с головой; либо пытается ввести следствие в заблуждение; либо опять какая-то нечисть хороводит. Но с ней уж пусть Делли разбирается, и без того голова кругом идет.

Между тем моя неучтивость, как и неучтивость наших спутников мужского пола, так и осталась незамеченной. Не дождавшись представления, герцогиня продолжала стариковскую болтовню, обращаясь к одной лишь Делли.

— Ах ты сердечко мое золотенькое, садись, садись в карету! У меня здесь места много, вдвоем ехать веселее будет. Потешишь меня, старуху, новостями дворцовыми. Как там племянничек мой, как невестушка наша, краса ненаглядная? С осени, поди, уж совсем по-взрослела, как маков цвет расцвела, дитятко мое яхонтовое!

— Делли, — начал я, помогая фее спуститься с седла, — ты понимаешь, что герцогиня морозит полную чушь? Попытайся аккуратненько выяснить, не повредилась ли она умом от пережитого.

— Все сделаю, — едва слышно прошептала наша сотрудница, направляясь к распахнутой дверце кареты.

Кортеж продолжал стоять посреди дороги, загораживая путь и не слишком заботясь об удобстве езды всяких-яких.

— О, граф! — услышал я рядом голос начальника герцогова конвоя. — И вы тут? Прошу простить великодушно, не разглядел вас за вашим могучим спутником. Раз уж все так сложилось, сделайте любезность, представьте меня своим друзьям. — Седоусый ветеран подкрутил длинный ус, наверняка являвшийся предметом его гордости, и, подбоченившись, выпрямился в седле.

— П-прошу любить и жаловать, господа, — заикаясь, представил де Бур. — Сангуш Лось-Ярыльский, знатный гуральский магнат, шамбелян¹ Бослица. А это, с вашего позволения, вельмо ряный одиц-следознавец Виктор Клинский. И друг его, витязь Вадим, по прозванию Злой Бодун.

— О-ля-ля, господа! — Магнат расплылся в широкой улыбке, излучая приветливость буквально всем лицом, отчего павлины перья на его шляпе начали покачиваться точь-в-точь как хвост оципанного хозяина во время брачного танца. — Какая славная компания подобралась! Достойный повод промочить горло! — Произнеся эту приветственную речь, почтенный Лось-Ярыльский немедля вытащил из сумы окованный в серебро турий рог, блестящий от частого употребления, и оплетенный кожаными ремешками флягу, объемом никак не менее двух литров. — За здравие! — провозгласил шамбелян, наполняя первую емкость содержимым второй.

Через считанные минуты мы уже были лепшими друзьями, и вельможный магнат, сообщив, что весьма рад, что не попотчевал нас своим клевцом (именно так именовалась его кирка), без промедления полез за следующей флягой.

— Вот вы люди умные, книжного воспитания, — откручивая пробку, заговорил он. — А вот скажите, какое чудо деется? Пью вроде я, а опьянала, сдается, сама Феодосия Евлампиевна, герцогиня наша. А то ведь как прикажете ее понимать, други мои любезные? Нынче ночью, — Лось-Ярыльский наполнил рог и, отхлебнув для порядка несколько глотков, протянул его мне, — почитай, еще до первой зари, вельможная панна переполошила весь свой двор. Утром, мол, желаю возвращаться домой в Гуралию! Чуть петухи запели, мы уж на колесах, в дорогу пустились. Вот ведь какая блажь, извольте заметить, в голову ей взбрела! Отъехали мы от Торца Белокаменного все-

¹ Шамбелян — то же, что и камергер.

го ничего, как вдруг так всех усталость сморила, что пришлось с тракта в лесок сворачивать, чтоб хоть на полчасика очи смежить.

— У селища Оградного дело было? — словно между прочим поинтересовался я.

— Да мне-то почем знать? — пожал плечами седоусый Сангуш. — Мне сии места плохо ведомы. А селище там точно рядом было. Оттуда как раз молоко в город везли, тем нас и побудили. Ну, это все пустое! Вот вы мне скажите, толковое ли дело среди ночи во дворце переполох устраивать, чтоб затем ясным днем в леске почивать?

— А может, это бабуля ваша чисто того? Ну, типа приболела? — вмешался в речь начальника конвоя Злой Бодун. — Сами слышали, какую пургу гонит.

— Кому сие ведомо? — Лось-Ярыльский почесал затылок. — Речи-то она действительно говорит несусветные! С чего-то вбила себе в голову, будто мы на свадьбу в Торец едем. Прошлыми днями ведь было вроде все, как всегда: либо в покоях своих почивать изволила, либо в садик спускалась — сидет себе в кресло да наблюдает, как цветочки растут.

— Понятно, — кивнул я, хотя, честно говоря, ничего понятного из слов начальника охраны не вытекало. Если бы дело обстояло именно так, как он говорил, то оставалось абсолютно неясным, с чего бы вдруг этой милой безобидной старушке снабжать микрофоном несчастного Пино. Воистину было над чем задуматься. Впрочем, времени на это в данный момент не оставалось. Словоохотливый гура-лец щедро одарил ни в чем не повинных слушателей вереницей пикантных историй, некогда приключившихся с герцогиней, с ним и с его родственниками. Приправляемые весьма крепким содержимым туриего рога анекдоты эти были порою довольно потешны, но не давали ни йоты полезной информации.

— ...А вот как-то кузен мой Грайвран Лось-Еленьский отправился на охоту. Он, знаете ли, наипервейший в округе охотник. И удел у него знатный — для этой забавы в самый раз. И тебе заяц, и косуля, и вепрь, и медведь, и птицы всякой видимо-невидимо. Вот скакет он на коне в своем пардусовом плаще по лесу, за ним свита еле поспевает. Вдруг, глянь, а местность, именуемая у нас Волчым Угорьем, в виде переменилась! Раньше там дубы росли двуохватные, потом как буря пронеслась — буреломье стало неезжее, нехожее. А тут, куда ни глянь, все чисто. Ни одного вывернутого дерева, ни одного корневища, одни лишь ямы да колдобины. Кузен мой дивился: что за напасть такая? Не могли же дубы-подломки в небо вспорхнуть, словно

тетерев с токовища! Порыскал он по той пустоши, глядь-поглядь, трава-то в одну сторону плотненько утоптана, точь-в-точь стадо прошло. Да такое стадо, что ого-го! — Сангуш прервался и поднял над головой, в который уже за сегодня раз, наполненный рог. — Будем, вельможтимые паны!

— Будем! — отвечали ему мы, пригубливая из неиссякаемой емкости хмельной напиток.

— Так вот. Пошел Лось-Еленьский по тому следу и видит: о чудо! Дубы, бурей растрещенные, шкандыбают себе бог весть куда, перебирая корнями по шибелям¹.

— Да не, шеф. — Вадим, уже изрядно принявший на грудь, замотал головой, недвусмысленно выражая свое недоверие. — Ботва это все, ну, в смысле лабуда. Не может такого быть, чтоб пеньки сами ходили!

— Так что ж я, вру?! — возмутился Лось-Ярыльский, хватаясь за клевец. — Да ни за что на свете! А вот вы чего не знаете, о том не говорите!

— Прошу прощения, достойнейший господин Сангуш. Мой друг сказал это, не подумав, по молодости и глупости. Так просто, брякнул без задней мысли, — примирительно обратился я к знатному магнату.

— То-то же! — Лось-Ярыльский воздел к небесам указательный перст. — Известное дело, дубы не копейный строй, маршировать не умеют. Но волею Железной Девы даже они ходят.

— Простите, кого? — переспросил я, на ходу пытаясь вспомнить хоть что-нибудь об этой самой Деве.

— Как?! — вскинул густые брови искренне удивленный гура-лец. — Да неужто же вы ничего доселе не слыхали о Деве Железной Воли и размысловой дочке? Может ли такое быть?!

— Как видите — может, — развел руками я и невольно вздохнул, увидав возвращающуюся с аудиенции Делли.

— Виктор, Вадим, нам пора в обратный путь, — весьма по-деловому бросила она, хватаясь за луку седла Феррари. — Прошу прощения, господин шамбелян, у нас очень мало времени. Расскажете свою историю как-нибудь в другой раз.

Посещение стартовой площадки мурлюкского монстра не дало сколь-нибудь заметных результатов. Все обстояло именно так, как мы и предполагали. Вначале самоокапывающееся чудовище по са-

¹ Шибеля — ухаб, выбоина на дороге.

мую кичку врылось в грунт, затем неведомая сила накрыла замаскированный летательный аппарат чем-то вроде настила, обложенного дерном. Обломки слег каркаса валялись здесь уже разбросанные по поляне, между кусков вывороченной земли. Листья пожухли, точно обожженные кислотой, кое-где еще цеплялись за ветви ближайших деревьев, но по большей мере устилали поляну, словно обгоревший ковер на свежем пепелище.

— М-да... — протянул я, обехав кругом поляну. — Впечатляет! Однако искать тут нечего. Следы, если они и были, скрыты таким слоем опавшей листвы, что разгребать его придется звать на подмогу все местное население. А тогда уж точно следов не сыщешь. Возвращаемся!

— Послушай, — начала Делли, когда мы, покинув окрестности Оградного, вновь выехали на торную дорогу к белокаменной столице. — Я уверена, что против нас работает очень сильная и хитрая волшебница.

— Да это уже и ежу понятно, — хмыкнул я, не поворачивая головы. — Еще с тех пор, когда эта мадама наведалась к принцессе в отель. Впрочем, кто вас поймет? Может, это и волшебник, обернувшийся женщиной. Меня больше интересует другое. Первое: в каких отношениях наш подозреваемый с этой самой герцогиней. И второе: откуда злая колдунья узнала о местонахождении Маши? Ведь по логике вещей, если об убежище принцессы ей было известно до нашего приезда, то резонно предположить, что мы бы ее высочество на территории Груси никогда больше не увидели, или, уж во всяком случае, увидели не скоро.

— Не было у герцогини с проклятой колдуньей тайного сговора, — досадливо бросила моя спутница. — Ты-то человек, и тонких запахов не ощущаешь. А я верно чую, весь кортеж гуральский духом сон-травы пропах. А уж от самой Феодосии Евлампьевны аромат такой, будто ее в дремотном зелье вываривали. Нечистое тут дело! Кажется мне, подменила неведомая волшебница несчастную старушку, опоив, скажем, по дороге сюда на каком-нибудь постоялом дворе, да все это время в дурмане ее и держала. Потому-то бедняжка и не ведала, куда ныне путь держит.

— Мысль не глупая. Кто ж заподозрит древнюю бабулю, которая и ходит-то с трудом? Если наш оппонент — или оппонентка — умеет перевоплощаться, то прибыть ко двору под видом вечно дремлющей двоюродной тетки короля практически идеальное прикрытие. Ее светлость, насколько я мог заметить, ростом невелика, мож-

но в большой ларь спрятать. Надо уйти, вытащил, положил в кровать — спит себе сердешная. Вернулся, обратно засунул. Да, провели нас знатно!

— Однако теперь мы ее спугнули, — попыталась утешить меня Делли.

— Ох, я бы этого не утверждал, — криво усмехнулся я, погоняя красавца Феррари. — Чего ей нас опасаться? Мы, собственно говоря, о ней ничего не знаем, кроме того, что она есть и прекрасно владеет магическим искусством.

— А дракон? А герцогиня? — с удивлением возразила фея.

— А что дракон и герцогиня? Трюк с уснувшим караваном, конечно, хорош. Но сама посуди, если колдунья охотится за Машей, то цель ее не достигнута. — Я на минуту замолчал. — Или достигнута...

— Что ты имеешь в виду? — не на шутку переполошилась Делли, повышая от возбуждения голос.

— Есть три версии на выбор. Все одинаково плохи. Версия первая, самая понятная. Колдунья доехала до развилки, усыпила кортеж и умчалась вдаль на драконе. Версия вторая: этой ночью злодейская врагиня таки сумела поймать Машу и стартовала отсюда вовсе не оттого, что испугалась нас до зубовного цокота, а потому как благополучно завершила свою миссию, и делать ей в Груси больше нечего. И версия третья, на десерт: кто уж там улетел на драконе — неведомо, может, он вовсе пустой отправился. А наша волшебница, не пожелав будить мирно дремлющую старушку, преспокойно вернулась обратно в Торец в невесть каком новом облике. На мой взгляд, если цель, стоявшая перед ней, не достигнута, это вполне достойное решение.

Делли задумчиво умолкла, вероятно, пытаясь вычислить, какая из предложенных гипотез больше похожа на правду. Чем-то подобным занимался и я, однако фактов для серьезных выводов по-прежнему не хватало. Если колдунья действительно охотится на Машу, то для чего? Мурлюкский заказ? Возможно. Неисчерпаемые запасы минеральных дров — достойный мотив для преступления. Но Маша-то, Маша! Что ж ей в голову взбрело в прятки играть? Не понимаю!

Наше возвращение в отель, слава богу, не вызвало привычных уже бурных изъявлений верноподданныческих чувств и рьяной преданности со стороны тайного агента Призорного Уряда. Должно быть, он отлучился по коммерческим делам, поскольку на всем протяжении пути от въезда во двор до дверей номера мы ни разу не слы-.

шали обычные в это время команды, раздаваемые прислуге. Измученному путешествием графу де Буру был обещан щедрый ужин (ну, чисто недетская поляна), и в предвкушении обильной трапезы он стойко переносил неудобства, связанные с пребыванием в нашей беспокойной компании.

— Добро пожаловать! — Я распахнул дверь, пропуская вперед фею и камергера.

— Э-эй! — раздался из соседней комнаты слабый голос. — Развяжите меня! Эй, кто там!

— Это Прокоп, — скороговоркой бросила Делли, устремляясь к опочивальне. — Очнулся!

— Ну надо же, какая проницательность! — хмыкнул я. — Присаживайтесь, ваше сиятельство. Вадим, зайди пока гостя, мы скоро.

— Без базара! — немедля согласился Вадим. — Граф! Ты того... А хошь, на руках потягаемся, кто кого передавит?

Прокоп лежал в той же позе рулона, в которой мы его и оставили. Уж не знаю, какие последствия могло оказать магическое воздействие, но то, что тело бедолаги затекло до полного онемения, можно было гарантировать.

— Добрый вечер, Прокоп, уж простите, не знаю, как вас по батюшке. — Я приблизился к кровати и наклонился, отыскивая узел. — Извините за причиненные неудобства, но Делли сказала, что, прия в сознание, вы можете впасть в буйство. Увы, пришлось подстраховаться.

— Вы?! И Делли?.. — Наш пленник напряг мышцы лба в сущной попытке отпрянуть. — Вы в говоре?

Хлопотавшая над почти недвижимым телом Делли открыла рот, собираясь произнести очередные дифирамбы своему воспитаннику, да так и осталась стоять, не в силах вымолвить и слово.

— Потрудитесь объяснить, молодой человек, — потряс головой я, тщась понять, о чем толкует юнец. — О каком говоре идет речь? Вы в своем уме?! Позвольте представиться, я — Виктор Клинский, одинец-следознавец. Это Делли, фея. Она работает в нашей следственной группе по приказу короля Базилея.

— Это обман! — слабо, но твердо выдохнул Прокоп.

— Обман? — поразился я. — Почему вы так решили?

— Вы надеялись, что магия помутит мой разум настолько, что я навек забуду о полуночной встрече у Русалочьего грота. Вы отобрали мои талисманы, но слава небесам, не смогли затмить памяти. Я помню, как ровно в полночь вы появились на злополучной поляне...

— Стоп! Прошу прощения, с этого момента как можно подробнее. Я появился на поляне у Русалочьего грота ровно в полночь? Так?

— Не принимайте меня за дурака! — возмутился юноша. — В тот час на вас тоже была личина одинца. Но коготь птицы Гру позволил мне разглядеть вашу двойную тень.

— Это правда, — негромко произнесла Делли. — Коготь птицы Гру позволяет видеть две человеческие тени, если колдун принял чью-то личину.

— Раньше об этом надо было говорить, — вздохнул я. — Глядишь, и не упустили бы сама знаешь кого.

Прокоп наступился:

— Можете пытать меня самыми лютыми пытками, я все равно вам ничего не скажу!

— Вот же ж ты взъелся! — Я придинулся к кровати. — Какие пытки? О чём речь? Кто тебя пытать собирается?

— Вы! — поспешил отозвался юный партизан-любитель.

— Так. Давай разберемся. Ровно в полночь ты видел меня на поляне, верно?

— Да.

— У меня было две тени, и я тебя шарахнул какой-то магической хренотенью, так?

— Да.

— Делли, верни мальцу его побрякушки, пусть посмотрит еще раз и убедится, что сейчас тень у меня в одном экземпляре.

— Талисманы приняли на себя сильнейший магический удар и теперь годятся разве что для украшения. Без них разум мальчика померк бы навеки, — печально вздохнула Делли.

— Он и сейчас, кажется, не слишком светел, — пробурчал я. — Ладно, попробуем зайти с другой стороны. Вот письмо, которое ты передал с голубем. Вот тесьма, которой ты примотал записку. Что еще? А, вот! Граф! — крикнул я. — Прошу вас, зайдите сюда.

Уже несколько пришедший в себя после бешеной скачки камергер поспешил вошел в спальню, склоняя голову в приветствии.

— Ответьте, пожалуйста, где вы были вчера ровно в полночь? — задал я коварный вопрос.

— Возле дворца. У крыльца близ западного павильона. А вы же тогда со мной... Там же...

— Благодарю вас, ваше сиятельство. Ну что, вам довольно, молодой человек?

— Нет! — жестко отрезал Прокоп. — Быть может, вы все в сговаре!

— Я че-то ни фига не въезжаю, Клин, — наблюдая сквозь распахнутую дверь картину «допроса», пробасил Вадюня. — Этот пошлый фраер в натуре упал на несознанку? Ты че, блин, орленок пионерский, павлин распустившийся...

— Пожалуй, вы действительно те, за кого себя выдаете, — при мирительно вздохнул юный царедворец, не скрывая облегчения. — Вероятно, больше никто в целом свете не говорит на том диковинном наречии, на коем изъясняется этот славный витязь.

Глава 17

*Сказ о том, что у лжи длинные ноги,
но все равно растут они из задницы*

Вадим перевел недоуменный взгляд с распластанного юноши на меня и, сложив веер своих пальцев, произнес недоуменно:

— Оба-на, а чего я такого сказал?

— Все нормально, — поспешил успокоить его я. — Большое тебе спасибо. Хорошо, продолжим. Прокоп, если позволишь, я задам несколько вопросов. Или давай я начну говорить, а ты продолжишь. Если в чем-то ошибусь, уж сделай милость, поправь.

— Сматря о чем будет идти речь, — тихо произнес юноша, очевидно, до конца решивший держаться выбранной роли героя-молодогвардейца.

— Интересное замечание, — усмехнулся я. — О сборе цитрусовых в условиях Царства Вечных Льдов. Или лучше о разведении кроликов в шляпе волшебника. Молодой человек, — я перебил сам себя, — напоминаю о том, что мне поручено вести дело о похищении наследницы груссского престола, и вы в нем замешаны, как изюм в тесто. Только от вас зависит, пойдете ли вы свидетелем, или же, невзирая на все причитания Делли, мне придется квалифицировать вас как одного из основных, а возможно, и основного организатора преступления. Надеюсь, вам не надо объяснять, чем это грозит?

— Я дал слово! — Прокоп попытался гордо вздернуть подбородок, однако в лежачем положении это движение смотрелось довольно нелепо. — И не скажу более, чем мне позволено.

— Кем позволено? — поспешил уточнить я.

— Машей! — не задумываясь ни на секунду, выпалил секретарь хранителя королевской печати.

— Угу! Это как раз то, что я и надеялся услышать. Значит, вы действительно работали в сговоре. Полагаю, и дракон, буянивший во дворце, тоже из вашей компании.

— Да, — подтвердил мои предположения юнец. — Маша подружилась с ним еще прошлой осенью, когда гостила...

— Когда гостила у своей двоюродной бабки герцогини Бослицкой, верно?

— Верно. — Прокоп чуть склонил голову в знак согласия. — Громобой Егорьевич их познакомил.

— Чрезвычайно ценное знакомство. — Я развел руками, не зная, что и сказать. — Делли, ты ведь тоже была с принцессой в Гуралии? И выходит, просмотрела ни много ни мало — целого дракона. Как такое могло случиться?

Фея начала густо краснеть, что само по себе было для меня немалым открытием. До сих пор я не числил таких способностей за чудодейскими особами.

— Но ведь... Громобой... и опять же, Маша ни на секунду не оставалась одна... — Она умолкла и затем, вздохнув, созналась: — У меня там были личные дела...

— Понятно, — протянул я, в принципе соглашаясь, что у такой очаровательной феи вполне могут быть дела, требующие времени и не терпящие лишних глаз. — Ладно, проехали. Итак, ты, Маша и дракон состояли в сговоре. Верно?

— Да, — согласился молодой человек.

— Цель сговора?

— Я не могу этого сказать, — безапелляционно отрезал опрашиваемый.

— Хорошо... Впрочем, ничего хорошего, но предположим. Кто еще, кроме вас троих, принимал участие в этом деле?

— Для вас это не имеет никакого значения, — упрямо мотнул головой Прокоп.

— Мне лучше знать, что имеет значение, а что нет. Подумайте, молодой человек, вам лучше ответить. Скрытность резко снижает ваши шансы выпутаться из этой ситуации с минимальными потерями.

— Маша поручила мне сознаться, что это именно я снимал эти апартаменты по просьбе своего знакомого, и посмотреть на вашу

реакцию. Если бы вы оказались достаточно благоразумными, мне надлежало подать знак, и все дальнейшее Маша поведала бы вам сама.

— Маша была в саду?! — не сговариваясь, выпалили мы с Делли.

— Да, — четко проговорил Прокоп.

— Вот такие пироги. — Я свел пальцы рук на затылке. — Обычные детские шалости, только в гипертроированном виде. Злостное хулиганство с далеко идущими политическими последствиями.

— Я не понимаю, о чём вы говорите! — проговорил наш пленник.

— Это не существенно. Лучше скажите, зачем вы вообще устроили весь этот цирк с драконом, маскарадом и тайными явками на болоте?

— Так было надо! — упрямко отозвался юнец.

— Прокоп, кто тебе сказал, что так надо? — вмешалась в разговор Делли.

— Маша, — честно сознался верный наперсник отчаянной беглянки.

— О, уже теплее! А кто придумал, как устроить таарам во дворце и сопутствующие спецэффекты?

Царедворец угрюмо наступил.

— Можешь не отвечать, — насмешливо кинула ему фея. — Это ее затея. Девочка всегда во всех играх и озорствах в застrelьщиках ходила.

— Это правда? — спросил я нахмуренного парня. Тот продолжал молчать. — Значит, правда. Ладно, — махнул рукой я. — Собственно говоря, какое теперь имеет значение, кто что придумал. Не попротя же вас за это. Хотя, пожалуй, стоило бы. Расскажите, лучше, молодой человек, что за чехарду вы устроили со свечами почтеннейшего Горицвета Вящеславовича. Он тут намедни очень по этому поводу печаловался.

— Моя в том вина, — сознался юный заговорщик. — По моему указу в имении матушки на свечном заводике их отлили. А фитили я самолично прокатывал чудодейственным зельем.

— Верю, — согласился я. — Охотно верю. А зельечко-то небось Маша варила? Или же вы и сами алхимией балуетесь?

Вновь молчание было ответом на вопрос.

— Ну, не хотите, не говорите, — хмыкнул я, — дело ваше. Поведайте-ка лучше другое. — Я наклонился над лежащим юношем, переходя с добродушного тона на холодно-официальный. — Зачем пичать королевскую укради?

— Я... — замялся Прокоп.

— Правду говорить! — жестко отрезал я. — Не маленький, соображать должен, чем бы дело ни закончилось, кража королевской печати — это государственное преступление! На каторгу загремишь. Не отводи взгляд, в глаза смотри! Ты что же думаешь, мы тут дураки все, один ты умник выискался? Ну, давай говори! Будь мужчиной, не болтайся, как дерымо в проруби! Нам доказать, что ты печать во время паники в зале из шкатулки спер, что от табака прочихаться. Но вот интересно мне знать, это вы с Машей такой оборот удумали, или ты под шумок решил свои собственные дела подправить? Кайся, грешник, скидка выйдет! — Я насмешливо глядел на ошеломленного прессингом царедворца. — Давай, давай! Не хлопай глазами — не делай ветер!

Производимое мною действие на «оперном» жаргоне называлось «брать на понт». Несомненно, секретарь хранителя печати мог совершить вменяемое ему преступление, но доказать, что он действительно его совершил, было практически невозможно. Да и было ли преступление? Печать на месте, никаких последствий ее исчезновения не наблюдалось. Упрись сейчас Прокоп, мол, ничего не знаю, не был, не участвовал, и мне бы осталось лишь разводить руками. Мол, на нет и суда нет. Однако в отличие от урлы отечественного производства, спешащей при первой же встрече произнести роковое: «Не бери на понт, мусор!», здешние вельможи еще никогда не сталкивались со столь откровенным и беспочвенным наездом. К тому же выдвинутое мной предположение, будто печать могла быть похищена в личных корыстных целях, точно чертенок подзуживало неопытного в криминальных делах юношу обелить себя. Как говорится, шила в ягодице не утаишь.

— Я взял печать, чтобы изготовить королевский указ о взятии под стражу, — оскорблённым тоном выпалил юнец.

— Кого? — тут же осведомился я.

— Того, кто угрожает Маше! — все так же резко отозвался Прокоп.

— Не глупите, молодой человек! — повысил голос я, на ходу осмысливая услышанное. — Скажу — не скажу... Тоже мне, таинственный незнакомец! Мы здесь делаем одно дело, и вы обязаны говорить. Ваша сестра в опасности, а вы скрываете от следствия имя того, кто ей угрожает. Вы что же, с ума сошли?

— Я не знаю его имени. И вообще, мне о нем ничего не известно.

— Молодой человек, не пытайтесь ввести нас в заблуждение. Это не в ваших интересах. И уж тем более не в интересах человека, безусловно, вам дорогого, — с напором проговорил я.

— Это правда! — едва не выкрикнул юноша, на глазах бледнея от слабости и негодования. — Подозреваю только, что ей угрожает тот, вернее та, кто встречался со мной у Русалочьего грота вместо вас.

«М-да, пожалуй, все сходится. Волшебница здесь в гостинице, она же ночью в парке и утром в кортеже».

— Кто может знать ее имя? — задал вопрос я. — Только не говорите, что его не знает никто. Чего-то же вы опасались? Значит, кто-то из вас знал, чего именно. Итак, я слушаю.

— Возможно, Маше больше известно, — тихо промолвил юноша, устало прикрывая глаза.

— Где она скрывается?!

— В полночь была в Русалочьем гроте, — грустно улыбнулся молчный брат принцессы. — Где сейчас — не ведаю. А и знал бы — не сказал. Если она захочет, сама вас найдет. Можете не сомневаться. А сейчас простите, у меня слипаются глаза.

Я было собрался вывести засоню из дремоты радикальным способом, скажем, при помощи обливания холодной водой, однако заботливое вмешательство Делли разрушило мои коварные планы.

— Он еще действительно очень слаб, — склоняясь над Прокопом и буквально заслоняя его от меня, заговорила она. — Мальчику надо пердохнуть, иначе мозг может воспалиться.

— Ладно, — недовольно буркнул я, досадуя о невозможности продолжить допрос столь осведомленного свидетеля. — Пусть отдыхает.

Фея захлопотала над разметавшимся на кровати воспитанником, накрывая его легким верблюжьей шерсти одеялом. Я раздраженно отвернулся и вышел из комнаты. Сеанс терапии, который намеревалась устроить подопечному наша соратница, не слишком занимал меня. Гораздо больше мне хотелось получить ответ на вопрос, куда, собственно говоря, подевалась чересчур бойкая девица королевского происхождения, и отчего вдруг ее высочеству взбрело в голову назначать встречу именно мне, а не, к примеру, родной и любимой Делли. «А может, это очередная уловка? — проскочила в мозгу шальная мысль. — Но, господи, чья?!»

В соседней комнате царило радостное возбуждение. Обещанный графу ужин был принесен, водружен на стол, и оставшиеся без присмотра едоки, не дождавшись окончания затянувшегося допроса, уже изрядно проредили количество блюд, благоухающих восточными пряностями и острым чесночным духом. Довольный жизнью камер-

гер, вкусивший от щедрот местной кухни, вальяжно развалившись в курульном¹ кресле, вешал на радость развесившего уши слушателя:

— ...и вот, после ее слов, в которые я, надо сказать, уверовал немедленно и свято, я распрошался с моей обожаемой труппой...

— С кем?! — переспросил Вадюня. — Я чего-то не врубился, при чем тут трупы?!

— Что вы, никого не надо рубить! Не трупы, а труппа. Мои артисты! Я с ними столько исколесил по свету. — Де Бур вздохнул. — Но когда Дева разъяснила мое истинное предназначение, я отправился сюда, напутствуемый ее благословением, и вот, как ясен свет, все, о чем она говорила, сбылось от слова до слова.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, — я попытался изобразить некое подобие изящного поклона, — я на время похищу вашего собеседника.

— О, Клин! — только сейчас заметив мое присутствие, встремился Злой Бодун. — Вы там скоро? А то ж в натуре на поляне все стынет, а что не стынет, то чисто греется.

— Вадим, иди сюда, поговорить надо.

— Братан! — извиняющимся тоном обратился к нашему гостю могутный витязь. — Ты тут жди, никуда не разбегайся, мы с Клином чуток перетрем. Ну, все типа чики-чики. Ты, короче, понял.

Уж не знаю, что из сказанного понял граф де Бур, однако, согласно кивнув, тут же отпустил оперативника, впрочем, не слишком нуждавшегося в его разрешении.

Мы с Ратниковым отошли за дверь, и я заговорил, положив руку на плечо Вадиму.

— Слушай, дело затягивается. Пацан снова в отключке. Ты бы гостя во дворец отвез, а то скоро закат, стража его обыщется. Им же ворота запирать надо, а ключи этот брелок ходячий у себя хранит. Придется ребяткам всю ночь дверную ручку по очереди держать, чтоб никто не вошел.

— Знаешь, Клин, тут чисто такая байда наворачивается — закачаешься! Ты догадался, кто этот граф такой?

— Гигант мысли и отец груссской демократии? — выдвинул предположение я.

— Не, ну в натуре, без хи-хи ха-ха, — насупился Вадюня.

— Как кто? Камергер, граф, ну кто еще? Откуда мне знать?

¹ Курульное — роскошное кресло, первоначально использовавшееся для членов высшего королевского совета — курии.

— Это же Буратино! — радуясь моей дремучести, выпалил Ратников тщательно лелеемую новость.

— В каком смысле? — изумился я полету мысли друга.

— В смысле — Буратино, — отчего-то понижая голос до шепота, затараторил Вадим. — Его имя Пиноккио Буратино. Ну, по-графски значит Пино де Бур Л'Отино. Это у них по понятиям круто считается. Ему чисто за бугром, ну то есть это, за Хребтом, одна бикса на-гадала, что он сын какого-то табуретского короля и ему надо ехать сюда. А тут ему лафа попрет, всем стоять, остальным строиться! Прикинь, у них за бугром какая-то железная тетка, но я типа не врубился в натуре что к чему, но вот как она скажет кому, так и все.

— Железная? Памятник, что ли? — уточнил я, сомневаясь в точности формулировки.

— Че железная? — не понял Ратников.

— Эта самая тетка.

— Не, — потряс головой мой друг, — вроде как живая.

— Ну ты же сам только что сказал, что железная!

— Я? Не, это не я, это он базарил. Но может, у нее погонялово такое? — предположил Злой Бодун. — Ша вспомню... Шмара... Не! Баба? Не, как-то иначе... Ну, типа, Железная Дама.

— Дева Железной Воли? — предположил я, выдавая на-гора слышанное нынче от Лось-Ярлынского словосочетание.

— О! — Довольный Вадим щелкнул пальцами. — Самое оно! А я тут кумекаю: Железная Леди, ну как-то так.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и из-за нее донеслось деликатное покашливание упоминавшегося выше пациента Девы Железной Воли.

— Прошу прощения, господа. Надеюсь, не прервал вас...

— Нет-нет, граф, все в порядке, — успокоил я камергера. — Что вам угодно?

— Я весьма благодарен за ужин, — кланяясь, не сгибая спины, проговорил Пино. — Но, видите ли, время уже близится к закату. Мне во что бы то ни стало необходимо быть во дворце.

— Да, конечно! Мы с Вадимом как раз говорили об этом, — согласно кивнул я. — Он сейчас же отвезет вас ко двору. — И, повернувшись к Ратникову, добавил: — Не задерживайся. Ты мне понадобишься здесь.

Общего, практически семейного ужина не получилось. Вадим увел де Бура, спешащего вновь приступить к несению придворной службы, и я остался один в комнате перед накрытым столом.

— Делли, — я заглянул в опочивальню, где все еще хлопотала над нашим подопечным заботливая фея, — ты скоро?

— Да-да, иду, — тихо проговорила верная соратница, поднося палец к губам. — Только тс-с! Он заснул, не разбуди!

Через несколько минут мы уже сидели за столом, сопровождая поглощение содержимого выставленных перед нами блюд ненавязчивой беседой. Признаться, магические перипетии последних дней порядком утомили меня, да, вероятно, и Вадима. Впрочем, могут быть витязь все еще воспринимал творящееся вокруг чародейство как сказку, в которую ему довелось попасть, но мне-то приходилось выстраивать логические конструкции, включающие столь эфемерные пункты, как наведенные чары, когти загадочной птицы Гру, тормозные пути дракона и тому подобные нелепости! Голова гудела от этой дребедени! Пытаясь отогнать грустные мысли, я пустился в отвлеченную беседу ни о чем, как пускается в плавание вокруг света измученный бытовыми склоками англичанин.

— Скажи, Делли, а что за песни мне тут пел Вадим о том, будто графу де Буру за Хребтом Дева Железной Воли нагадала богатство, знатность и прочий джек-пот?

— Ну что ты, Виктор, — упиваясь с завидным аппетитом омлет из перепелиных яиц, покачала головой фея. — Вадим ошибается, Дева Железной Воли никому не гадает. Она может определить судьбу, это да.

— То есть как — определить? — Я удивленно поднял брови. — Она что же, может управлять событиями?

— Каждый человек в той или иной мере управляет событиями, — пожала плечами фея. — А она... Ну, в общем, это трудно объяснить, но я попытаюсь. Представь себе, что очень много народа в едином порыве страстно желает, чтобы произошло что-то определенное.

— Легко, — кивнул я. — Помню, когда чемпионат мира по футболу проходил, то все отечественные миллионы населения желали победы нашей сборной. Результат плачен.

— Нет, это совсем другое, — досадливо поморщилась кудесница. — В твоем случае каждый хотел сам по себе, а здесь эти желания превращаются в единый поток. Понимаешь?

— Нет, — покачал головой я. — То есть теоретически да, но как это выглядит на практике — не представляю.

— Как бы тебе это объяснить... Впрочем, ты слышал историю этой самой Девы?

— Откуда? — удивился я. — Я и о ней-то краем уха какие-то рассказы слыхивал. То она театрального импресарио в камергера превращает, то буреломные деревья заставляет ходить...

— Все наверняка сложней, — поморщилась Делли. — Но давай лучше по порядку. — Она набрала в легкие побольше воздуха, готовясь к эпическому рассказу. — Давным-давно, века два тому назад, в Империи Майна, правда, тогда еще не бывшей империей, жил человек по имени Якоб Афуль. Это был весьма талантливый и добрый человек, мечтавший о том, чтобы люди, его окружавшие, жили в мире, тепле и достатке. А поскольку по профессии и призванию он был размысл¹, мысли и чувства господин Афуль выражал при помощи своего искусства. Он связывал мостами берега рек, и страны, разделенные прежде непреодолимыми бурными потоками, словно протягивали друг другу руки. Он возводил невероятные башни, знаменующие совершенство и могущество человеческого разума, и всякий, глядевший вниз с этих башен, мог видеть, как хорош мир, в котором он живет, как уютны дома, окруженные садами, здесь и там разбросанными вокруг башен мастера Афуля.

Лишь одно печалило его до слез. Стоило размыслу построить мост над бурными водами, как местные воеводы тотчас же начинали строить планы, как хитрее по этому мосту перебросить войска и ударить в самое сердце соседа. Стоило возвести башню, немедля находился военачальник, желающий разместить на ней наблюдательный пункт. В грусти и печали сидел мэтр Якоб Афуль в своей мастерской, вздыхая о том, что лучше бы ему и вовсе не заниматься своим ремеслом, чем видеть воочию превращение плодов его гения в подспорье для кровожадных злыдней.

Кто знает, когда бы не лучезарный лик любимой дочки Корделии, быть может, этот почтенный человек наложил на себя руки. Но любовь к единственному ребенку, ее веселый добрый нрав давали печальному мэтру Афулю силы жить и творить дальше. Но вот однажды в его мастерскую пришел некто, назвавшийся представителем Мурлюнского Банка «Национальный Обсерватор»...

— Это тот, который жабсы выпускает? — по въевшейся привычке оперативника поспешил уточнить я.

— Он самый, — утвердительно кивнула Делли. — В принципе это даже не банк, а объединение нескольких десятков банков, принадлежащих ныне потомкам и родственникам того самого менялы, который первым «обнаружил» в желудках жаб золотые самородки.

¹ Размысл — инженер.

Так вот, — продолжила повествование фея, — представитель «Национального Обсерватора» прибыл в мастерскую маэстро с весьма выгодным предложением от своих хозяев: изготовить огромную статую прекрасной девушки с фонарем в руке. По мысли заказчиков этот фонарь — своеобразный маяк — должен был освещать наиболее удобную дорогу в Мурлюкию через горный перевал Юного Орка. Заказ этот сулил немалые деньги и позволял размыслу впредь никогда не задумываться, как свести концы с концами. И-и... подумав, он согласился. Однако Якоб Афуль не был бы сам собой, если бы взялся строить обычный маяк или фонарный столб. В голове его родился образ девы, огонь в руке которой будет не только освещать путь, но и прибавлять сил всем отчаявшимся, согревать замерзающие в холода людские души, давать огонь, который при желании можно было бы видеть, где бы ты ни находился, и служащий путеводной звездой для всякого, ищущего лучшей участи. Вот какова была мечта у этого, вне всякого сомнения, мудрого и доброго человека. Он придал лицу Девы черты Корделии. Она действительно была хороша в те годы. Мне доводилось в прежние времена встречаться с ней. Супорством обреченного мэтр Якоб начал одну за другой решать все новые и новые задачи, возникающие при строительстве этого гигантского сооружения.

— Погоди, — вставил я, — мы же, кажется, говорили о человеке. Или я ошибаюсь?

— Не перебивай! — отмахнулась Делли. — Всему свое время. Забот у маэстро Афуля было множество. Необходимо было придумать сплав, который бы не ветшал с годами. Разработать гигантскую систему креплений, позволяющих Деве выстоять в самых ужасных лавинах с самыми ужасающими ветрами. Нужно было разработать и создать неугасимый светоч, видимый в любом тумане со всех уголков мира. Многие месяцы, а потом и годы, невзирая на все возникающие трудности и препоны, создавал Якоб Афуль свое величайшее творение.

И все это время нежно любящая дочь была рядом с отцом. Она отвергала многочисленных женихов, чтобы опекать и ухаживать за своим гениальным родителем, а Якоб Афуль трудился все неистовее и неистовее. Казалось, от перенапряжения сил он стареет на глазах, а подмастерья искуснейшего маэстро уже почти открыто говорили о том, что Железная Дева, вероятно, станет не только самым колоссальным его творением, но и последним. Но вот, когда дело подошло к концу и статуя уже была готова, в ночь перед тем, как много-

численные гости и господа из «Национального Обсерватора» должны были увидеть долгожданный шедевр, Якоб Афуль пришел на площадку, где была установлена гигантская статуя. Сорвав покрывающее ее полотно, устало воззрился мастер на дело своих рук. Говорят, он смотрел на Деву почти до рассвета. Смотрел, не отводя взора, и ужасался увиденному.

Перед ним была огромная... неимоверно огромная железная статуя, размеров, никогда доселе невиданных человеком. Светильник в ее руке мог рассеивать мрак на десятки верст в округе. Но в ней не было главного. Того самого, что хотел вложить в грудь Железной Девы старый мастер. Увы, человек, будь он даже трижды гениальным, не в силах сделать то, что подвластно одному лишь солнцу — зажечь живую душу в мертвый оболочке.

Разбитый и сокрушенный увиденным, с первым лучом светила мастер опрометью бросился домой и без сил рухнул на заботливо расстеленное дочерью ложе. «Что с тобой, мой дорогой отец?» — встревоженно спросила Корделия. «Я создал чудовище! — промолвил тот. — Величайшее дело моей жизни — пустая железная болванка, мрачная и напыщенная. И я уже не в силах что-нибудь здесь изменить». «Не кори себя, она прекрасна, — твердо проговорила любящая дочь. — Ты переутомился, у тебя жар. Отдохни, я сама пойду к гостям. После стольких лет труда боги не допустят, чтобы твой великий план потерпел крах. И я не допущу этого». — Фея замолчала.

— Что же было дальше? — захваченный ее рассказом, спросил я.

— Люди утверждают, — медленно продолжила Делли, — что после этих слов с ясного утреннего неба сорвалась молния и ударила в светильник, сжимаемый рукой Железной Девы. Но, возможно, это легенда. Одно известно достоверно: в то утро Якоб Афуль смяжил очи, чтобы больше никогда не открыть их. А его убитая горем дочь, призвав врача и слуг к угасшему отцу, сама отправилась на церемонию открытия статуи, скрывая под улыбкой слезы и стоны. Никто в тот день не узнал о смерти мастера. Но вот статуя... Никто из когдалибо видевших ее не в силах забыть увиденное. Она живет, глаза ее притягивают к себе взоры, огонь в светильнике отогревает замерзшие души и дает силу жить. Но что самое главное, — Делли на секунду задумалась, — воля всех людей, населяющих Мурлюкию или желающих направить свои стопы за Хребет, притягивается к Светоносной Деве, точно невероятно огромным магнитом, собирается ею и направляется туда, куда велит ее сердце.

— Стоп! — Я потряс головой. — Делли, солнышко, сегодня был трудный день, и я, вероятно, тugo соображаю, уж извини. Но... Откуда взялось сердце?! Я, кажется, потерял нить повествования.

— Сердцем Девы стала Корделия Афуль, — отчего-то очень печально разъяснила фея. — После смерти отца жизнь в миру потеряла для нее всякий смысл. И она, как бы тебе этот объяснить... Нет, невозможно... Она стала единым целым с грандиозным творением отца. Она наполнила ее жизнью. Именно ее воля по сей день делает Железную Деву воплощением волшебной силы и залогом процветания Мурлюкии.

— Все, девушка, туши свет, бросай гранату! Что-то я окончательно запутался, — развел руками я, с грустью вспоминая, что намеревался скрасить ужин легкой беззаботной беседой. — Ну, хорошо, ты фея. У тебя срок годности... о-у, срок жизни — пока не надоест. Но срок жизни человека, даже если он живет где-то в статуе, в общем-то не слишком долг. Ну, пятьдесят, хорошо, шестьдесят лет прожила там твоя знакомая без жалоб на сердечно-сосудистые заболевания. Ну, предположим даже, что благодаря горному воздуху, воздержанию и регулярному питанию протянула она лет до ста двадцати. Но все равно как-то концы не сходятся...

— Виктор, — строго прервала меня Делли, — я подозревала, что ты не поймешь, но все же верила... Видишь ли, магия фей по природе своей весьма отлична от людского волшебства. Нам непонятно многое из того, что вполне подвластно людям. Ни одна фея не сумеет из лесной пичуги сделать устройство для оповещения о приходе гостей, а потому бессмысленно говорить о том, что в мире возможно или невозможно. Никто ничего не знает наверняка.

Ужин мы заканчивали в молчании. Я тщетно подыскивал слова, чтобы вновь заговорить с боевой подругой, Делли явно думала о чем-то своем. Уж не знаю, чем бы все закончилось, но тут на пороге возникла широкоплечая фигура Вадюни, озаряющего полумрак апартаментов лучезарной улыбкой глубокого довольства собой.

— Брателлы! — едва входя в номер, громогласно изрек он. — У меня тут чисто вопрос нарисовался не хилый.

— Что за вопрос? — повернул голову я, внутренне осознавая, что трапеза окончена.

— Я тут пока таксовал, прикинул себе то-се и в натуре не усек. Ежели подруга никуда конкретно не убегала, то кого же тогда этот самый королевич по тайге ловит, что тот Тарзан мартышек?

— О ясный свет! — всплеснула руками вернувшаяся из воспоминаний кудесница. — Элизей же! Элизей, бедняжка, ни о чем не подозревает! Он же за драконом гонится... А вдруг догонит, схватится не на жизнь, а на смерть?!

— А че, круто было бы! — вновь расплылся в улыбке Вадим. — И я бы побычился! Только у ваших драконов в натуре голов маловато. Я читал, и по три бывает, и вообще до хренища.

— Вадюня, остынь! — шикнул я. — Ты не в сказке. Здесь и дракон, и принц Элизей играют в одной команде. Только не знают об этом.

— Ну, зашибись! — пожал плечами Вадим. — Не, ну в натуре свой дракон чисто суровая подписька!

Я хотел еще что-то сказать, но Делли опередила меня.

— Вероятнее всего, Маша рассказала дракону об Элизее, и в случае, если королевич догонит предполагаемого похитителя, тот не станет его атаковать. А вот Элизей... Тот уж если что решил, нипочем не отступится. Если принц с первого удара крыло ему повредит, конец дракону. Машин жених — боец известный!

— В любом случае вызывай своего Рэмбо. Надо его заворачивать обратно в Торец.

Большое зеркало пошло волнами, наконец выпуская из зыбкой глубины на поверхность озаренную лунным светом могучую фигуру Элизея. Королевич шел через чащобу, ведя коня в поводу, то ли сбившись с дороги, то ли совершая хитрый обходной маневр, суть которого была мне не ясна. Обязательные приветствия, обычные при обращении высокорожденных «абонентов» магической зеркальной сети, отзвучали, и Делли поспешила к делу, торопясь изложить буйноголовому витязю суть полученной нами информации.

— Что-то вы, феюшка, несообразное наплели, — дослушав речь сотрудницы Волшебной Службы Охраны, промолвил Элизей. — Уж и не знаю, лембой¹ вас, что ли, водит или ненароком кто попутал? Да только баете-то вы несусветицу несусветную! Как же Машенька, свет мое сердечко, в Торце может быть, когда ее в третьем часу пополудни вместе со змеем крылатым здесь у реки хлопы видели?

— Послушайте, ваше высочество, — вмешался я. — Вы уж не обижайтесь, но у нас точные данные, полученные из достоверного источника. Возможно, перед вами какой-нибудь другой дракон с другой принцессой? Или не принцессой вовсе.

¹ Лембой — нечистый дух, леший, черт.

— Да вы что, сударь мой, оскаженели?! — взъярился не на шутку оскорбленный моим предположением богатырь. — Всяко глупо слово в пронос¹ явите! Как же не она, что ж вы меня за дурня стоеросового держите? Я все точнехонько выспросил. Хлопы мне ее, бедолажную, одно в одно обсказали. Дракон, пасть паскудья, из реки воду хлестал, а она, солнышко мое ненаглядное, на бережку сидела, пригорюнившись, да слезы лила.

— Но это никак невозможно, — чуть слышно проговорила Делли, бледнея на глазах, должно быть, припоминая тот вариант, при котором ее высочество вполне могла очутиться в столь бедственном положении на берегу лесной речушки.

— Да что ж это деется-то! — гневно нахмурил брови наш собеседник. — Мало того, что драконы меня путать вздумали, так еще и вы им под стать!

— Погодите-погодите! — вклинился я в возмущенную речь августейшего жениха, немного досадуя на себя за отсутствие подобающих манер. — Как это драконы вас начали путать?

— Хитро! — с превосходством ухмыльнулся богатырь. — Да уж не хитрее меня. Шел я, шел по следу чудища, ан вдруг — бац! К полудню говорят мне, мол, двух драконов зрели. Один к стрессильванской границе подался, другой же в собиесскую сторону. Но не на того напали! Я их уловку разгадал! И mestечко, где эта морда пучеглазая укрылась, мне хорошо ведомо. Коли будет благосклонен Солнцелик, там мы с пужалищем поутру силами и померяемся. Так что уж не обессудьте, а недосуг мне с вами лясы точить. Сами видите, и так напрямки иду, без пути-тропинки. Бывайте! Свидимся еще.

Зеркало вновь пошло волнами, не отзываясь более, несмотря на попытки Делли возобновить связь.

— Отец Небесный! — прошептала не на шутку встревоженная речами Элизея фея. — Неужто и впрямь не убереглась деточка наша?

— Возможно, — мрачно констатировал я. — Вполне возможно. Во всяком случае, по времени, кажется, все совпадает. Одно из двух: либо дело обстоит действительно так, как мы себе представляли, и колдунья все-таки действительно сумела похитить принцессу. Либо возможен такой вариант: Маша, разжившись где-то мурлюкским драконом, сама умчалась отсюда навстречу Элизею. Ведь она, как и

¹ Явить в пронос — предать гласности.

Прокоп, вчера ночью видела меня на поляне у гrota. Можно предположить, что, лишившись поддержки в Торце, королевища кинулась под защиту жениха. Ведь она-то знала, в какую сторону союзный дракон потащит за собой принца.

— Но... ведь мурлюкским драконом надо уметь управлять, — вмешалась в мои рассуждения фея.

— Делли, — с сарказмом проговорил я, — откуда ты можешь знать, вдруг дедушка Громобой научил дорогое чадо не только общаться с дикими звероящерами, но и летать на их окультуренном варианте.

Наша соратница возмущенно фыркнула:

— Ну, знаешь ли!

— Не знаю, — покачал головой я, — но хотел бы узнать. Меня, видишь ли, в рассказе Элизея смущают некоторые детали. Во-первых, полет. Дикий дракон, как всякая порядочная тварь, тащит добычу в когтях. Мурлюкский же сработан во имя человека, поэтому у него должна быть какая-то кабина, а иначе при таких скоростях пилота со спины сдует. А раз так, колдунья вполне могла спрятать там девочку от лишних глаз. Как я помню, Гурдия в хороших отношениях с Грусью и если что, не замедлит сообщить о следах похищенной принцессы. Но предположим, по какой-то причине волшебница, кстати, о ней почему-то крестьяне не упоминают, выпустила свою заключенную подышать свежим воздухом, пока ее монстр охлаждает двигатель. Насколько я мог узнать Машу, не в ее обычae грустить на бережочке, если есть хоть какой-то шанс, например, спрятаться в лесу. А кроме того, делайте что хотите, но мне кажется неслучайным столь ловкое пересечение траекторий двух таких занятных драконов. В любом случае вынужден констатировать, что имеется ряд вопросов по этим летающим рептилиям, а потому я нахожу своевременным, — мой взгляд упал на циферблат часов, — м-м... условно своевременным навестить почтеннейшего Громобоя Егорьевича с целью получения на них внятных ответов. Не желаете ли подышать свежим воздухом, друзья мои?

— Как, это опять вы?! — удивленно захлопал глазами граф де Бур, увидев нашу неразлучную троицу, стоящую у ворот. — Вы подняли меня с постели! Ну неужели не существует другого времени для прогулок по парку!!!

Глава 18

Сказ о том, что коли зеркало с утра врет — жди дальнюю дорогу

Мы шли по ночному парку, следуя за фонарем недовольно ворчащего камергера. Я вовсю крыл здешние порядки с отсутствием регистрации драконов, находящихся в частном владении, нелицензированным пользованием волшебными предметами и полной неразберихой в области магической практики.

— Куда это годится! — возмущался я. — Волшебница у нас под самым носом пускает в ход целый арсенал спецсредств, а я не могу поднять архив, чтобы узнать, у кого в наличии имеются волшебные палочки из антибалового корня! Я от каких-то проезжих молочниц, по слухам, узнаю, что в окрестностях столицы стартовал дракон. И опять же, по слухам, фиксирую появление какой-то твари в Гуралии перед носом нашего разудалого принца. Простите меня, кто вообще знает, сколько драконов покинули сегодня утром эти места? Нам известно только об одном. Почему не ведется регулярного наблюдения за воздушным пространством? Вам что, неинтересно, кто там летает? Где регистрация транспортных средств?

— Ты имеешь в виду драконов? — вставила словечко Делли в гневно изливающийся поток моей речи.

— Да хотя бы их! — отмахнулся я.

— Надеюсь, они этого не слышат, — хмыкнула фея. — В противном случае у тебя обязательно возникнут проблемы. Драконы — существа крайне самолюбивые, и хотя в общем-то признают, что кроме них в мире существует еще некоторое количество разумных тварей, но при этом искренне считают себя центром мироздания. В этом они все равны, однако каждый все же значительно равнее остальных.

— Байки все это, — отмахнулся я. — Чтобы тырить скот по пастбищам и крестьян рэкетировать, особого ума не надо.

— Ты заблуждаешься, — на ходу бросила Делли. — Да вот хотя бы у Громобоя спроси!

Хижина старика-драконоборца уже виднелась на прогалине, освещенной полной луной. Аккуратная грядка голубоватой архилим-травы, несносной для любого злого духа, мягко высвечивала отраженным лунным светом, с нетерпением ожидая первого солнечного луча, когда навстречу ему отворяют чашечки лепестков все четыре

ее чудодейственных цветка: червлен, багров, синь и желт; на любовь, на правую победу, на защиту от порчи и на обретение богатства. Из-за необычайного сияния, даваемого этим растением, почти терялся тоненький лучик зыбкого свечного огонька, пробивающегося сквозь закрытый ставень обиталища драконьего ловчего.

— Кажется, не спит, — успокаивая себя, заявил я, указывая на пробивающийся свет. — Эге-ге-гей! Громобой Егорьевич! Это я, оди-нец Виктор Клинский! Мне необходимо с вами срочно поговорить. Отворите, будьте добры!

— Полночному гостю у меня в дому места нет! — громыхнул из-за двери знакомый голос, не так давно разъяснявший чужестранцам глубокую разницу между гуральским и стрессильванским драконами. — Ступай, откуда пришел!

Я с удивлением посмотрел на фею и явно опешившего от такого приема Вадима.

— А че это он в натуре понты колотит? — с натугой выдавил Злой Бодун. — Без меры крут?

Я молча пожал плечами.

— Громобой Егорьевич, вы не поняли. Это Клинский. Одинец. Я по приказу короля расследую дело...

— Пришел не зван, уйди не рван! — безапелляционно заявил голос из-за двери.

— Про «Нирвану» толкует, — пробормотал Вадюня. — Еще бы «Коррозию металла» вспомнил.

— Да уж, без коррозии тут не обошлось, — процидил я. — Делли, это твой друг. Не знаю, что на него нашло, но общайся с ним сама.

— Егорыч! — только успела крикнуть фея, как дверь, разделявшая нас, с грохотом распахнулась, и на низком крылечке возник мощный хозяин с двуручным мечом, явно выкованным по спецзаказу для отсекания неразумной или, если верить Делли, чересчур разумной драконьей головы с одного удара.

— Я же сказал, прочь!

— Что-то этот фитиль до хрена коптит, — упрямо наклоняя голову, с напором проговорил Ратников. — Тоже мне, лига защиты зеленых от голубых! — Он потянул из ножен свой клинок, явно досадя, что, отправляясь на ночную прогулку, не прихватил смертоносный «мосберг». — Прикрой дупло, дедуля, кишки простудиши!

— Вадим, — одернула его Делли, — прекрати немедленно! Как ты можешь?!

— А че он!.. — начал было Ратников, но фея его не слушала.

— Громобой Егорьевич, — опасливо поглядывая на мрачно поблескивающую в сиянии чудодейственной травы отточенную железяку, примирительно произнес я, — вы уж извините за столь поздний визит, но дело не терпит отлагательств. Делли может подтвердить. Высок шанс того, что некая злая колдунья похитила принцессу и, утром умчавшись из этих мест на мурлюкском драконе, заманивает в засаду королевича Элизея. Если это так, то только вы можете помочь ему не только уцелеть, но, вероятно, и спасти Машу.

— Не стану я с вами разговоры разговаривать! — по-прежнему резко отчеканил Громобой, поводя острием меча из стороны в сторону. — Изменщики коварные!

— Постойте, дядюшка Громобой! — раздался из глубины избушки приятный девичий голосок, звучавший, однако, на удивление властно. — О чём вы тут баете? — Плечо статного драконоборца, закрывавшего собой почти весь проход, отодвинулось в сторону, пропуская вперед очень юную девушку с золотой косой до пояса и глазами цвета... цвета непередаваемого и невозможного. Цвета морских глубин в солнечную погоду, когда лежащие на дне раковины-жемчужницы отворяют створки навстречу пронзившим синь лучам, спеша наполнить жизнью бережно хранимые драгоценные перлы.

— Ваше высочество!!! — выдохнул граф де Бур, от неожиданностироня разгонявший ночную тьму фонарь. — Да как же это?!

— Что с Элизеем? — не обращая внимания на причитания Пино, потребовала девушка. — Говорите скорее!

Я поочередно посмотрел на Делли, на Вадионю и развел руками, не зная, что и сказать. Делли, казалось, была поражена не меньше моего. И лишь невозмутимый Злой Бодун не утратил стойческого хладнокровия, спеша взять инициативу в свои руки.

— Здравствуйте! Вы Маша? А я Вадик Ратников. Из Кроменца. Не бывали? Зря, у нас там классно! И крепость есть клевая, ее татары штурмовали. Давайте я вам телефончик свой оставлю...

— Что с Элизеем?! — не обращая внимания на треп незнакомого витязя, упрямо повторила красавица. — Делли, я желаю знать, что с ним!

— Машенька, — перешел на шепот Громобой, однако у старого вояки, привыкшего во весь голос переговариваться с драконами, и самая тихая речь звучала более чем внятно, — а коли это хитрая уловка, чтобы вас из скрона потаенного выманить?

— Ну так, стало быть, они своего добились, — гордо заявила принцесса. — Ответь немедленно, Делли, что с моим суженым?

— Ваше высочество, — в интонации Делли слышалась непреклонная суровость оскорбленной женщины, — я не могу вам и высказать своего негодования! Как прикажете понимать ваше поведение?

— Делли, дорогая моя, — с досадой и несгибаемым напором прервала ее юная коронованная особа, — я очень тебя люблю и благодарна тебе за все, однако помилосердствуй! Элизей в опасности, и не время обсуждать мои прегрешения. Да, я очень виновата перед тобой, но клянусь, тому есть весомая причина. Но об этом позже. А сейчас, Делли, умоляю, не томи меня более!

— Позволь уж мне решать, что и когда делать, дорогая моя воспитанница! Элизей — взрослый мужчина и опытный воин, он сам о себе позаботится. А ты до свадьбы на моем попечении! Сейчас мы отправимся во дворец и сообщим его величеству, что ты, слава Светолику, съскалась. А уж потом мы с тобой обо всем поговорим.

— Делли, душа моя, — едва не плача от досады, выпалила принцесса, — никакого позже может не быть! Рядом қоварный враг, хитрой уловкой вкравшийся в твой круг. Ведомо ли тебе, что прошлой ночью сей переветник-одинец Прокопа схватил да в неведомые тартуры упрятал?

— Послушайте! — Я поднял руку, чтобы жестикуляцией придать словам больший вес, но... Тонкая ручка принцессы взметнулась по направлению ко мне, и на одном из пальцев я заметил небольшой выдающейся красоты перстенек с огненно-красным лалом, переливавшимся живым светом, в изящной оправе.

— Ни слова больше! — шикнула на меня фея. — В перстне молния!

Происходящее в ночной тиши начало сильно смахивать на любимую режиссерами вестернов картину: главный герой в белой шляпе, катая желваки на скулах, выходит на пустынную улицу перед салуном, где поджидает его злостный мерзавец в черной шляпе. Наезд камеры на руки, соперники разминают пальцы в непосредственной близости от рукоятей верных «кольтов» (как вариант, «смит-вессонов»). Вот только в моем случае выхватывать нечего, разве что блокнот с записями по делу, в том числе с показаниями Прокопа. Слабая защита. Вряд ли можно надеяться, что она сработает в качестве громоотвода.

— Где мой братец, гад разбойный? — гневно выпалила милая девушка, портретом которой в последние дни я любовался ежевечерне.

— В отеле «Граф Инненталь», в вашем номере, — честно сознался я, почитая за лучшее не вступать в пререкания со столь «молниеносной» особой. Можно было, конечно, попробовать перехватить ее руку, но, боюсь, старик Громобой воспринял бы этот жест как сигнал к началу боевых действий. Была охота подставлять спину под меч!

— Он уже пришел в себя после того, как колдунья, с которой он встретился вчера ночью, его слегка отморозила. Утром наверняка будет рад встрече с сестрой. — Я медленно развел руки в стороны, как можно убедительнее демонстрируя мирные намерения. — Кстати, он сам может вам подтвердить, что благодаря когтю птицы Гру видел две тени у особы, явившейся вчера в полночь к Русалочьему гроту. К слову, одна из теней была женской. Проверьте, я здесь в одном экземпляре.

— Это правда? — переводя взгляд на Делли, спросила взбалмошная принцесса.

— Чистая, как вода в роднике, — подтвердила напряженно замершая фея.

— Уж и не знаю, чему верить, — устало проговорила девушка, опуская вооруженную руку и вмиг теряя большую часть боевого запала. — Делли, давай уж поговорим здесь. Отец все равно спит. Пойдем к нему утром.

— Должна вам заметить, сударыня, что с тех пор, как вы изволили нас покинуть, его величество начисто утратил здоровый сон, и это, увы, пагубно оказывается на несомненной мудрости его правления. Впрочем, — Делли примирительно махнула рукой, — пожалуй, действительно лучше поговорить здесь. Ведь надо же придумать, как защитить вас, Громобой Егорьевич. Дерзкая шалость этой несносной девчонки может стоить вам головы!

Убеленный сединами воитель гордо развел плечи, всем своим видом демонстрируя, что за ради любимой ученицы готов не пожалеть этакой безделицы.

— Да чего уж тут столбами стоять, — не убирая с лица жертвенного выражения, промолвил он, освобождая путь в горницу, — не може честным людям, аки татям, под луной кадыки распускать. Пройдите в дом, будьте гостями.

— Вы позволите... — начал было пришедший в себя от изумления граф де Бур, явно намереваясь лететь с радостным известием во дворец.

— Не позволю! — жестко отрезала Делли, коротким движением ладони перед глазами Пино подрезая лебединые крылья его верно-

подданнических чувств. — Вы спите, сударь, и что бы вы ни видели и ни слышали, это только сон.

Де Бур одеревенел, что, впрочем, если верить выводам Ратникова о происхождении вызолоченного камергера, было для его сиятельства делом привычным.

Оставив графа усыпным стражем у чудодейственной клумбы, мы с максимально возможным удобством разместились в хибаре почтенного драконоборца, чтобы, взбодрившись чаркой черного мускателя, выслушать обещанную историю.

— Уж не знаю, с чего начать, — устало вздохнула Маша, поудобнее располагаясь в единственном пристойном кресле.

— Начните сначала, — покровительственно сказал я, ловя себя на мысли, что в прежние времена десятки раз предлагал подросткам танцевать от печки, давая свои слезливые искренние показания. Правда, обстановка цейхгауза Громобоя мало напоминала мой служебный кабинет, но сути дела это не меняло.

— Прошу вас, не спрашивайте, откуда мне все известно, — произнесла Маша, — скажу вам только, что то, что я знаю, я знаю на верняка.

— Предположим, — согласился я, привычно открывая свой блокнот.

— Началась вся эта история без малого восемнадцать лет назад, когда мой отец был принцем, а страной правил его старший брат Константин Краснородный. Надо сказать, что дядя был тайно влюблен в мою покойную матушку и поэтому искал всяческие способы удалить от двора счастливого соперника. Надеясь, что в отсутствие дорогого моего батюшки он добьется успеха, Константин поставил молодого королевича Базиля во главе войска, отправляющегося за высокие горы и широкие реки в далекий Гюлистан помочь союзному шаху Хаджи-мулле Карамелю. Горы в тех краях высокие да дикие — днем там жара небывалая, а ночью мороз. Но еще более дикими, чем эти бесприютные горы, были туземцы, обитавшие среди тамошних мрачных скал. Каждое из племен почитало своего князька наместником божиим, каждое стремилось убить и ограбить соседа, а уж власть шаха, восседавшего на золотом троне в столице Гюлистана, эти дикари и вовсе не ставили ни во что. От весточки до весточки потянулись долгие месяцы ожидания, ведь ни одному голубю не перелететь через заснеженные вершины горных хребтов, составляющих большую часть той далекой страны.

Зеркал же таких, как у Делли, в ту пору еще и в помине не было. Вот однажды примчавшийся с эстафетой гонец привез ужасную весть о том, что королевич Базилей с небольшим отрядом, увлекшись преследованием одного из разбойных князьков, бесследно исчезли в лабиринте бездонных гюлистанских ущелий. Матушка моя была ни жива ни мертвa! Уж как она молила солнышко ясное, обозревающее оком своим всю землю от края до края, защитить любимого от злого ворога! Да вот только как узнать, донеслись ли ее слова до небесного свода, или же пичуги крылатые развеяли по словечку ее молитву во все концы света? Тут-то и случилось то, с чего и начинается моя история.

Опосля дворцового бала, который, невзирая на дурные вести, давал Константин Краснородный, вернулась матушка моя в свои покои, в отчаянии заливаясь слезами. Уж и не знаю, от чего более слезы те были: от того ли, что отец на чужбине без вести сгинул, или же от того, что государь, едва тая свою радость, повсюду следовал за ней неотлучно, твердя, что уж наверняка бедняжке Базилею из далекого Гюлистана возврата нет. А коли так, чем вдовьим платом косу закрывать, уж лучше за него замуж идти да на чело корону надеть. Мол, что не люб — не беда,стерпится — слюбится! Плакала матушка сердешная, плакала полночи, уж всю подушку обрыдала, а тут дворецкий с докладом в неурочный час. Мол, какая-то женщина встрети с вами ищет, мол, известие есть у нее о королевиче Базилее. Понятное дело, матушка враз эту женщину звать велела, приветила, угостила и спрашивает, что за вести у нее об отце? Та и говорит, жив, мол, королевич, и люди его живы, да только томятся они в глубокой пещере, не ведая пути исхода. А она, ежели пожелает, может Базилею Иоановичу в том деле помочь и безо всякой к тому же платы.

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — пробормотал я, делая отметку в записях. — Здесь какой-то подвох.

— Известное дело, подвох, — с грустью согласилась принцесса. — Да видать, недосуг было моей дорогой родительнице о том помышлять. Женщина эта называлась Повелительницей драконов...

— Стоп! — Я опять перебил Машу и попросил, выразительно глядя на Делли: — Еще раз, пожалуйста, как она себя обозначила?

— Повелительница драконов, — с легким недоумением повторила девушка.

— Угу, — хмыкнул я. — Ну конечно, как же иначе! Прошу прощения, ваше высочество, продолжайте.

— Так вот, дама сия объявила, что освободить отца моего ей труда не составит, и само деяние только в радость. Но матушка была роду хорошего и воспитания примерного, потому с детских лет знала, что дара без отдарка не бывает. И стала она просить Повелительницу драконов принять от нее что-либо в благодарность за неоценимую услугу. Дважды та отказывалась, и трижды моя матушка уговаривала ее не нарушать давний обычай ее отечества.

— Должно быть, мадам хорошо ориентировалась в этих обычаях и потому заставила себя упрашивать, — не отрываясь от записей, прокомментировал я. — Весьма недурно.

— Наконец таинственная незнакомка согласилась и сказала, что ей достаточно первого подарка от королевича своей любимой, какой бы он ни был. Матушка, увы, согласилась с беззаботной радостью, но ведь ее можно понять: в тот час она готова была отдать все сокровища мира за возвращение обожаемого супруга.

— И что же? — нетерпеливо спросил я, видя, что, произнеся этот монолог, принцесса склонна впасть в меланхолическую задумчивость.

— Погоди, деточка, — вклинился в разговор храбрый отшельник. — Давай уж дальше я сам поведаю. Чего ради тебе мои слова перевирать? Я с государем нашим в том походе участвовал. И в пещере три недели кряду в кулак трубил. Заманил нас в каменный мешок местный байгуш¹, точно волка в яму. Что таить, был грех, позарились мы на сокровища зазвонистые. А и то, гнали мы того хабарника, гнали! Он ужом меж камней шел, да не просто так, а к той проклятущей дыре. Только мы к ней приступили, глядь-поглядь, а в ней сундуки разверстые! В них золота несметно! Смарагды огнем горят! Жемчугов насыпано...

— Что грязи в болоте! — вмешался Вадюня. — Егорыч, хрен ты нам тут про пещеру Али-Бабы по ушам чешешь? Ты в тему давай!

— Нешто вы слышали о тех местах? — несказанно удивился грозный воитель. — Да, знатный был разбойник Али-Баба, вона как длече слава о нем гремела! Самого шаха чуть на кол не посадил!

Мы с Вадимом молча переглянулись. В нашей версии дело обстояло несколько иначе.

— Стало быть, увидели мы те богатства да в пещеру очертя головы и бросились. Не иначе шат попутал! Да только мы все в той норе очутились, скалы за нами и захлопнулись, точь-в-точь щучья пасть за плотвичкой. Три недели с слишком сидели, света белого не видели,

¹ Байгуш — разбойник, кочевник.

конскую сбрую жевали, чтобы с голоду не подохнуть. Со стен воду слизывали! Все, думали, конец настал. А прошел срок, скалы вновь расступились, солнышко нам в глаза ударило, мы попервоначалу аж и видеть-то ничего не могли. А как промигались, здим, ждет нас войско в силе немалой. Впереди всех Али-Баба. Кричит, чтоб кидали оружие да выходили на выкуп сдаваться. Ну, Василий-то Иваныч не из таковских, он только ус закусил, саблю булатную из ножен выхватил и, как был, на супостата бросился. Мы, стало быть, за ним спевали неотлучно. Сеча в тех камнях случилась превеликая! Всем бы нам там полечь да кровицей своей чертогловов корень напоить, да тут диво дивное сталося... Невесть откуда срываются со скалы три мурлюкских дракона. Над головами прошли, аж шеломы посыпывали! И по ворогам лютым в три пасти ка-ак уху... — Егорыч поднял руку, явно собираясь произнести соленое словцо, но, вовремя оценив обстановку, закончил: — В общем, погнали бесовых сынов. А мы, стало быть, с теми сокровищами, что в пещере сыскались, в обратный путь пустились, в Торец Белокаменный. Поелику шах к тому часу с главными тамошними вождями мир подписал на веки вечные. Ажно на год с четвертью! Ну да царствие ему небесное! Мы ж в столицу возвращались? груженные богатствами великими.

— Сколько? — уточнил я.

— Чего сколько? — не понял Громобой Егорьевич.

— Сколько вы возвращались?

— Да, почитай, месяц.

— Угу. А гонец с эстафетой скакет недели две? — после некоторых подсчетов предположил я.

— Вестимо так, — согласно кивнул ветеран.

— Значит, неделю вы в пещере сидели до отправки гонца и пару-тройку дней после его прибытия. Громобой Егорьевич, мурлюкский дракон до тех гор за сколько долетает?

— Да с передыхом дней за пять доберется.

— Занимательная арифметика выходит. — Я почесал затылок. — Ничего не хочу сказать, но либо драконы в тех краях уже поджидали заранее, либо вся операция была спланирована этой загадочной Повелительницей драконов от первого до последнего события.

— Второе вероятнее, — мрачно заметила Делли. — Вряд ли туземцы не обратили бы внимание на тройку огромных тварей, притаившихся среди скал.

— Верно, — согласился я. — Насколько мне известно, душманы всегда выставляют дозоры. К ним просто так не подберешься. Что

ж, в любом случае возможности этой дамы впечатляют! Однако что же было дальше?

— В полудне пути от Торца, — вновь заговорил Громобой Егорьевич, — Василь Иванович махнул рукой на едва тянувшийся за войском обоз и, приказав отряду добираться в столицу своеходно, с малой дружиной помчал, не жалея ни себя, ни коней. Едва не загнав скакунов, отец Машенькин успел к воротам перед самым поднятием моста. И под вечерний звон, даже не стряхнув пыли с сапог, примчался он к возлюбленной своей супружнице, — старый воин вздохнул, — дабы заключить ее, ненаглядную, в свои объятия.

— Угу, — кивнул я, постукивая авторучкой по блокноту. — Кажется, я догадываюсь, что было дальше. И вы, ваше высочество, стало быть, с того дня, вернее, с той ночи, как бы это так выразиться...

— Да, — не моргнув глазом, подтвердила принцесса, — в ту самую ночь я и была зачата.

— И на этом основании вы делаете вывод, что являетесь... м-м... тем самым обещанным неведомой благодетельнице первым подарком? Забавно. Честно говоря, наблюдая, так сказать, ваше поведение в течение последних дней, я бы не стал столь категорично наставлять на этом тезисе. По-моему, вы отнюдь не подарок.

Моя язвительная речь была прервана болезненным щипком.

— Делли, ты что?! — Я отдернул руку, поскольку акт столь неприкрытого членовредительства был совершен именно боевой подругой. Оставив мой вопрос без ответа, фея утвердительно кивнула.

— Это в каком смысле? — Я в точности повторил жест феи.

— Подарок, — едва шевеля губами, прошептала она. — Маша — имя людское. А еще есть сокровенное. — И почти чревовещающая кудесница пояснила: — Его просветленные дают.

— Подарок! — растягивая слово, хмыкнул я. — Ну-ну! Ладно, положим, что все обстоит именно так. Но прошло семнадцать лет, даже почти восемнадцать, может быть, все уже давным-давно забылось и быльем поросло.

— Не забылось, — покачала головой фея. — Такие обеты не забываются.

— Ночная гостья, — вступила Маша, — взяла с матушки слово, что та никогда никому не расскажет о ее визите и о злосчастном договоре. И невзирая ни на что, матушка свято хранила страшную тайну. Вскоре после возвращения отца, из-за жестокой досады, от разлития желчи скончался Константин Краснородный, и брат его унаследовал трон. Еще через несколько месяцев родилась я. Но, увы, рож-

дение мое было омрачено неизлечимой болезнью матушки, ибо никто еще не придумал лекарство от мрачной тоски, сжигающей сердце и леденящей разум. По настоянию матери отец призвал на службу Делли, — Маша ласково посмотрела в сторону наставницы, — и та с младых ногтей заменила мне родительницу. С той поры она и ее род служили мне защитой. Впрочем, мы и посейчас не ведаем, от кого же эта защита.

— Верно, — подтвердил я. — Но почему все завертелось именно сейчас?

— Есть краткий миг, — вздохнула Маша, — между прошлым, когда я еще являюсь дочерью своих родителей, и будущим, когда я стану женой своего мужа...

— Знаю, знаю! — вновь вклинился Вадюня. — Именно он называется жизнь!

Я возмущенно шикнул.

— А че, правда, — обиделся Ратников.

— Возможно, так оно и есть, — согласно кивнула принцесса. — Во всяком случае, в этот миг все зависит только от самой невесты. И никакая защитная магия, как бы сильна она ни была, не укроет от злых чар.

— Угу. — Я закрыл блокнот. — То есть вы хотите сказать, что если в момент свадьбы эта самая укротительница драконов предъявит свои имущественные претензии, извините, на вас, то ничего нельзя будет предпринять?

— Так оно и есть, — подтвердила мои опасения беглая невеста.

Я поглядел на Делли. Та молча кивнула и развела руками:

— Так оно и есть.

— Но простите, — пожал плечами я, — можно же было обвенчаться где-нибудь вне столицы, тайно.

— Я принцесса, наследница королевского венца, — взвилась девица. — И мой суженый не свинопас! Нам не пристало сочетаться браком тайно, словно нашкодившие простолюдины.

— Хорошо, хорошо! — пошел я на попятный. — Вам виднее.

— К тому же это ничего не меняет, — со вздохом добавила она, на глазах теряя возмущенный пыл. — В договоре значилось, что дар должен быть передан безо всякого препона будь то самой Повелительнице драконов или же любому, кого она изволит послать за ним. Так что почти без изъяна каждый мог оказаться тайным посланцем той злосчастной благодетельницы. А тут вот вы со своим мурлюкским конем... И Делли ни с того ни с сего убежала...

— Не мурлюкским, а джапанским, — не на шутку обиделся субурбанская подурядница Коневодства и Телегостроения. — В натуре фишку не рубишь?

— Какая разница, — отмахнулась Маша. — Все равно вы могли быть тайными послами этой проклятущей ведьмы.

— Ну, не стоит ее хулить, — хмыкнул я. — Как ни крути, она спасла вашего отца. И не будь ее, мы бы с вами сейчас не разговаривали.

— Но она забрала жизнь моей матери!

— Увы, с точки зрения юриспруденции эти факты связаны лишь косвенным образом. Ни один суд не сочтет вашу историю достаточной, чтобы инкриминировать нашей неизвестной доведение до самоубийства.

— Я не суд и я сочту! — гордо отрезала принцесса. — К тому же она претендует и на меня. И вовсе не понятно, с какой целью.

— Верно, — согласился я. — Но это уже совсем другая история. И к делу, которое я расследовал, она относится постольку-поскольку. Вы здесь, передо мной, а стало быть, следствие можно считать закрытым. Уж и не знаю, насколько мы с Вадимом заработали свой гонорар, но вы во дворце, а дальше уже дело не наше. Хотя, если пожелаете, могу поделиться с вами кое-какими заметками.

— Да уж сделайте милость. — Принцесса скривила недовольную гримасу.

— Номер раз: у вас есть целая ночь, чтобы придумать связную историю о том, где вас носило все это время. Поскольку, если всплынет обнаруженный вами и нами мурлюкский след, а при объективном докладе он всплынет непременно, осложнения в отношениях с Мурлюкией будут глобальными, что, в свою очередь, ни к чему хорошему не приведет. Номер два: имя Громобоя Егорьевича в вашем рассказе лучше не упоминать вовсе. В крайнем случае мы будем ссыльаться на него как на эксперта-консультанта по драконам. Номер три: сейчас нам следует вернуться в гостиницу и, покуда не рассвело развернуть вашего суженого-ряженого в Торец Белокаменный. Что еще? А вот! Номер четыре: ваше высочество, определитесь с теми людьми, которым вы доверяете, предпримите, уж не знаю какие, это вам, Делли, виднее, меры безопасности, сыграйте свадьбу и не морочьте людям головы! Вот, собственно говоря, и все.

В хибаре вояки повисла гнетущая тишина.

— Да, и вот еще что, — опять заговорил я, — просто так, для общего развития. Маша Базилеевна, скажите все же, каким образом

вы узнали то, о чём мне рассказали, если ваша покойная матушка сдержала обет и никому ничего не поведала о договоре.

— Вы что же, сомневаетесь в моих словах? — снова вспыхнула девушка.

— Нисколько. Но тем не менее хотелось бы знать, откуда такая осведомленность?

— Моя мать была человеком чести и никому не обмолвилась даже словечком. Но дело в том, что перед смертью она впала в беспамятство и много бредила. Нельзя же считать бред больного преднамеренным признанием.

— Пожалуй, да, — согласился я.

— Ее слова слышала... — Маша осеклась. — Не важно кто.

— Согласен, никаких имен. Впрочем, дальше и так все ясно. Ладно, благодарю. А сейчас, господа, если нет других предложений, самое время ехать в отель. Делли, солнышко, придумай, как нам полковое пройти мимо стражи. И не забудь разбудить несчастного графа!

Прибыв в гостиницу под самое утро, мы всполошили мирно дремлющую прислугу, однако, имея четкие инструкции хозяина не интересоваться происходящим, вышколенные лакеи, привратники и по��ёвки точно по волшебству исчезали с наших глаз, едва закончив исполнять свои обязанности. Наконец двери люкса захлопнулись за нашими спинами, отрезая гостей «Графа Инненталя» от пробуждающегося внешнего мира.

— А где Прокоп? — с детской непосредственностью поинтересовалась Маша, почему-то шепотом.

— Там, — Делли кивком указала на двери ложницы, где и я был бы не прочь залечь минуток так на шестьсот, — должно быть, спит.

Принцесса благодарно кивнула и, ступая на цыпочках, чтобы, не дай бог, не потревожить сон молочного брата, направилась в спальню.

— Ну что, Делли, — я опустошенно уселся на стул, все еще пытаясь свыкнуться с мыслью, что дело завершено, — давай заводи свою таратайку. Надеюсь, королевич тоже еще не ложился.

Делли не нужно было упрашивать, она уже колдовала у заветного зеркала, силой мысли разогревая его таинственную глубокую поверхность до заветных волн.

— С чем кличете в такую-то пору? — появился внутри зеркального стекла недовольный лик рутенейского принца.

— Ваше высочество, — начал я, не отказывая себе в удовольствии сидеть, общаясь с августейшей особой, — у нас все в полном порядке. — Дверь опочивальни распахнулась, и из темноты комнаты, привлеченная, должно быть, голосом любимого, выпорхнула принцесса. — А с вами желает пообщаться одна особа.

— Элизей, ненаглядный мой! — Маша подскочила к зеркалу, едва не отталкивая меня плечом. — Ты уж прости...

Дальнейшее заставило опешить не только нас, но даже домового, шуршавшего в углу засахаренными фруктами.

— А-а-а! О боги, что за чудовище!!! — взвыл королевич и попытался отпрянуть от собственного зеркальца. — Прочь! Прочь! — Волшебное стекло описало широкую дугу и устремилось вниз, кувыркаясь в воздухе и отражая то кусочки рассветного неба, то склоны покрощшего лесом ущелья.

— Он того, мобилю выкинул, — пробормотал Злой Бодун, ошарашенно глядя на затухающее изображение. — А че это было?

Маша попыталась что-то выговорить, замерла с открытым ртом и тут же рухнула лицом на руки, сметая не убранную после ужина посуду и оглашая высокие своды номера неистовыми рыданиями.

— Слыши, Клин, я тут чисто прикинул, а может, она — это не она, — недоуменно моргая, прошептал Вадим, озвучивая мысль, в которой я сам себе боялся признаться.

— Не понимаю, — пробормотала, глядя на погасшее зеркало, обескураженная кудесница, пытаясь вновь оживить безжизненное стекло.

— Вы видели? Видели? — на секунду отрывая заплаканное лицо от скрещенных рук, сквозь рыдания проговорила девушка. — Там, в глубине, возле дерева сидела... я!

Глава 19

**Сказ о том, что ежели что с возу упало,
то оно нужнее всего и окажется**

Отоспаться не удалось. Спазаранку разряженные в парадные ливреи трубачи спешили поделиться с народом буйной радостью, переполнявшей любимого государя. На каждом перекрестке оглашался королевский указ, сообщавший мирным гражданам программу грядущих празднеств в честь благословенного обретения похи-

щенной драконом принцессы. Хорошо поставленные голоса ярыжек доносились до наших окон то с одной, то с другой стороны, заставляя со скрежетом зубовым честить предстоящую раздачу даров, поджигание неба (вероятнее всего, фейерверк), полночные гулянья с дармовым вином и маскарад до самого утра. «Я сделаю себе маску ветоши, — кротилось в голове, пока я, лежа в постели, силился не размыкать сомкнутые негой взоры, — и буду где-нибудь в уголке лежать и не отсвечивать». Увы, приходилось констатировать, цепная реакция, вызванная утренней отправкой ее высочества под бдительным надзором феи и Прокопа под крышу отчего дворца, опять докатилась до нас и теперь с грохотом рвала с цепи, норовя окончательно испортить долгожданный день победы.

— Вельможные господа! — В нашу опочивальню, не дождавшись ответа после короткого стука, обуреваемый пылкими чувствами, вломился хозяин гостиницы, размахивая руками, точно собираясь усыпать пол спальни лепестками роз. — Примите мои поздравления! Надеюсь, я первый...

— Щек, — с явной угрозой в голосе procedил Вадюня. — Тайная Орда не спит!

— А? Что? — переполошился секретный сотрудник Головного Призорного Уряда.

— Тайная Орда не спит! — тем же тоном повторил Злой Бодун. — А мы — спим! Дрыхнем! Какого хрена ты в натуре сюда приперся?!

— Я только хотел... уточнить, — сбивчиво начал оправдываться субурбанец, — что ежели вдруг ваши ясновельможности пожелают в милости своей почтить мой отель устройством званого ужина в честь преславного обретения ее высочества, то, быть может, того? Быть может, есть какие-нибудь пожелания насчет заморских яств или же вин?

— Потом, Щек, потом, — досадливо бросил я. — Будь столь любезен, до полудня нас не буди.

— Как прикажете-с, ваши ясновельможности, как прикажете-с! Все устроим в лучшем виде! — Истый патриот ближайшего отечества, пятясь, скрылся за дверью, предоставляя следственной группе шанс углубиться в созерцание цветных, болезненно нелепых снов. Однако, как обычно по воле небес, нам с Вадимом не удалось им воспользоваться. В дверь снова постучали громко и требовательно.

— Ну что тебе еще? — Обозленный Ратников вскинулся на свое ложе и сел с мрачным видом, должно быть, обдумывая, не устро-

ить ли напоследок, так сказать, на долгую память, образцово-показательную сцену чиновничьего произвола с мордобоем.

Ободренный этим возгласом, вероятно, счтя его достаточным основанием для нанесения визита, в наших покоях материализовался граф Пино де Бур в долгополом алом кафтане, покрытом златоткаными дебрями развесистого выонка, с голубой лентой через плечо, на которой подобно абордажным пистолетам висел десяток разномастных золотых ключей. Должно быть, сие попугаичье одеяние являлось парадной формой его сиятельства и надевалось в особо торжественных случаях, вот как сейчас.

— Замстил, замстил! — хмыкнул Вадюня, разглядывая пускающего зайчиков вельможу, памятую о наших регулярныхочных прогулках по дворцовому парку. — Ну и чего ты ломишься, как голый в банию?

— Его благословенное величество, наш добрый король Базилий IV в неизреченной мудрости своей, — продекламировал де Бур, глядя поверх наших голов, — изволил назначить вам, господа, торжественную аудиенцию. Мне поручено сопровождать вас во дворец, о чем я и имею счастье сообщить вам с превеликой радостью.

— Ну вот! — обреченно вздохнул Вадюня. — И так всегда! По жизни беспредел! Короли с утра пораньше стрелки забивают. В на-туре честному человеку высстаться не дают!

— Ладно-ладно, — примирительно махнул рукой я. — В конце концов, осталось-то самое приятное: торжественные речи, вручение орденов и ценных подарков. А завтра уже — прощай, Грусь! То-то народ в Кроменце удивится, когда мы с королевскими дарами объя-вимся.

— Слыши, — бросил Вадим, натягивая штаны, — а как же этот нервный... ну тот, который вчера конкретно у зеркала в истерике бился? И драконья мамаша, мать ее, хроническая девушка? Мы че, типа ими заниматься не будем?

— Вадик, пожалуйста, не путай. Мухи отдельно, котлеты отдельно. — Я застегнул джинсовку, с грустью прикидывая, что это, вероятно, не самый подходящий наряд для посещения королевского приема, даже в преображенном магией виде. — Мы здесь без году неде-ля, и то уже столько проблем нарыли, что ковшом не расхлебать. Ты что же, желаешь подрядить нас сюда главными решебниками местных закавык? Боюсь, надолго нас не хватит! Не знаю, как ты, а у меня уже от переизбытка волшебства на квадратный метр площади мозги плавятся. Все! Принцесса Груси Золотой, Зеленои и Алой, именуе-

мая в миру Машей, в одном экземпляре найдена. Домой. Надеюсь, щедрость его величества позволит уделить некоторое время восстановлению здравого рассудка своих доблестных и находчивых сыскарей на гостеприимных берегах Средиземного моря.

— Круто было бы! — согласился Ратников. — Ну че, тогда тронулись? Ну, типа двинулись? А то Пино Карлыч уже небось заждался.

Мои опасения насчет непридворности костюма оказались абсолютно беспочвенными. Стоило нам добраться до дворцовых сеней, как затянутый в парадный кафтан церемониймейстер, подобострастно объявив нас восхищенным взором, огласил во всеуслышание, для верности грохоча об пол длинной блестящей, точь-в-точь как у Деда Мороза, палкой:

— Одеяние нарочитым мужам, вельмо рьяному одиццу Виктору Клинскому и содругу его, могутному витязю Вадиму, сыну Ратника, по прозванию Злой Бодун!

Едва смолкли звуки поставленного голоса, как толпа лакеев, скорее всего заранее притаившаяся в ближних комнатах, накинулась на нас, спеша совлечь все то, что было надето нарочитыми мужами после утренней побудки, и облачить их в нечто длинное, узкое, сверкающее, лишенное карманов и почему-то с застежками на спине, точно у хирургического халата.

— М-да, — произнес я, разглядывая поблескивающего в свете Горицветовых изделий друга. — Хорош. Импозантен.

— Ну дык! — развел пальцы Вадим. — Не хухры-мухры, конкретный чувак! А это, у меня еще там золотая цепура болтается. Не знаешь, ее типа поверх фуфайки вытаскивать или ну его?

Я хотел было ответить, но появление обвешанного ключами камергера помешало мне удовлетворить резонный интерес боевого товарища.

— Вас ждут! — гордо объявил граф де Бур.

— Наверное, лучше поверх, — принимая нелегкое решение, едва слышно проговорил Злой Бодун, вразвалочку направляясь вслед расфранченному придворному.

Тронный зал был залит солнечным светом, и бедные зайчики, порожденные светилом, в ужасе метались по помещению, отражаясь то от позолоты стен, то от отполированных зеркал, то от переливающегося шитья на кафтанах царедворцев. Ликующая знать была выстроена повзводно в три шеренги по обе стороны прохода от две-

рей к трону, возвышающемуся на ступенчатом помосте, устланном богатыми восточными коврами, должно быть, прихваченными на память в пещере Али-Бабы. На центральном троне восседал непосредственно сам всемилостивейший государь. Правый трон, по всей видимости, предназначавшийся ее величеству, пустовал. Левый был занят Машей, облаченной согласно штатному расписанию, однако хмурой, бледной и насупленной, точно мышь на крупу. У дверей залы уже ждала Делли, выряженная в придворную униформу с золотой гривной на шее, знаменующей ее высокое положение в Волшебной Службе Охраны.

— Начинаем движение по сигналу, с левой ноги, — едва слышно проинструктировала она, — когда дворецкий трижды стукнет жезлом об пол. Только он закончит оглашать ваши имена, останавливающееся и поясно кланяясь его величеству. Речь короля не перебивайте, сами говорите, если он вас о чем-нибудь спросит. Понятно?

— Да ну, в натуре, — обиделся Вадим, — тупые мы, что ли? Слыши, а его-то, — он кивнул на короля, — ежели че, как именовать, Иванычем или Василь Иванычем?

— Ни в коем случае! Исключительно ваше величество и только если он сам к вам обратится.

Признаться, я не слишком вслушивался в торжественную речь, превозносившую наши заслуги и равнявшую нелегкий подвиг следственной группы с великими деяниями неведомых мне героев. Что и говорить, все эти дни мы были на правильном пути и рано или поздно непременно отыскали бы Машу и без вмешательства столь нелепой случайности. Хотя случайность, как ни крути, в нашем деле — вещь закономерная, и процентов сорок успеха любого следствия выпадает как раз на ее долю. Однако все же в данном конкретном случае девушку мы обнаружили действительно случайно, а потому в душе оставался отчетливый неприятный осадок, и дифирамбы, звучавшие в нашу честь, невольно казались плохо скрытой насмешкой.

Между тем король продолжал заливаться соловьем, вслед ему благодарно вторили первые лица упрестолья, и царедворцы рангом пониже только ждали сигнала, чтобы поломать строй и ретиво броситься пожимать нам руки, хлопать по плечам и поздравлять с успешным окончанием многотрудного предприятия.

— А Громобой где? — едва двигая губами, проговорил я, не сводя глаз с ликующего монарха. — Кажется, я его здесь не видел.

— Он у себя, — под стать мне прошептала Делли. — Егорыч на такие вечеринки не ходок.

— ...За подвиг сей жалую вам, други мои, злата, сколько унести сможете, — широко махнул планью государь, кивком подзывая к себе стоящего чуть поодаль казначея. — Одели-ка молодцов сих по щедрости моей! — Широкие плечи Вадима Ратникова разошлись еще шире, и улыбка заиграла на чуть припухлых по-детски губах. Можно было не сомневаться, пуда четыре драгметалла он до Ниссана уж как-нибудь, да дотащил бы. Пожалуй, и я полцентнера мог прихватить на долгую память о Золотой Груси. Собравшаяся в зале публика единодушно зашумела, приветствуя поистине королевскую щедрость своего августейшего повелителя.

— Просите шапки боярские, — под шумок негромко проговорила фея.

— Зачем? — не видя нужды еще и в головных уборах, спросил я, склоняясь в благодарном поклоне.

— Не будь дураком! Проси! Казначей вас отведет к сундукам с золотыми монетами. Сундуки тяжеленные, их и в шестером поднять невмочь. А монеты вам складывать некуда! В горсти много ли унесешь? — ехидно поинтересовалась соратница.

Как ни крути, фея была права. Подол узкого придворного плаща не поднимешь, а карманов в казенной одежке не предусматривалось. Да и хороши бы мы были посреди царского двора с задранными подолами?! Одно слово, дикари иноземные! Нет уж, золото золотом, но ронять честь родной цивилизации — дело недостойное. Стalo быть, обойдемся боярскими шапками.

Просьба, предложенная Делли, была мной озвучена, и неуемный поток монарших щедрот, обрушившийся на наши головы, спустя считанные мгновения обернулся парой весьма вместительных емкостей, сработанных из бобрового меха.

— Славьте новых бояр! — подобно разошедшемуся шоумену, выкрикнул в не на шутку разгулявшуюся толпу Базилей IV, и я бы не удивился, если бы к потолку взметнулся лес рук с горящими зажигалками, приветствуя своего любимца.

Празднество удалось на славу. Мы, как два полных идиота, восседали на креслах возле набитых золотом боярских шапок, кивая в ответ на поздравления и бдительно охраняя от алчной знати свои законные три пуда драгметаллов на оба рыла.

— Мне нужно с вами поговорить, господа, — послышался за спиной напряженный голос ее высочества. — Я жду вас в саду через десять минут.

Легкие шаги ее высочества немедленно были заглушены ликующими голосами пирующей знати, и, обернувшись на звук ее речи, я едва различил исчезающую в расфранченной толпе спину принцессы.

— Ну вот, началось, — вздохнул я.

— Че началось-то? — непонимающе спросил озолоченный витязь.

— Тяготы и лишения дворцовой жизни, — ответил я. — Сам слышал, у королевишины откуда ни возьмись появились личные планы касательно эффективного использования наших особ. А это, знаешь ли, всегда пахнет изрядными осложнениями.

— Так, может, не ходить? — встревоженно предложил Вадюня.

— Неудобно как-то. Сам посуди, мы же теперь бояре, а она королевская дочь. Нехорошо отказывать. Знаешь, как поступим: ты здесь посиди шапки посторожи, а я пойду пообщаюсь с ее высочеством.

— Ну иди, иди. — Ратников сложил губы в глумливую усмешку. — Только ты помни, она в натуре невеста, так что ты там без этих... Ну ты типа понял.

— Да ну тебя, — возмущенно отмахнулся я. — Ладно, пошел. Непристойно заставлять принцессу ждать.

Я шагнул в сторону выхода.

— Позвольте присесть, — раздался у меня за спиной голос придворного, желавшего занять освободившееся место.

— Куда?! — с напором рыкнул оставленный на страже витязь. — Здесь все занято! Хрен ли ты буркулы вылупил?! Давай двигай окороками! Не фиг тут возле чужого золота теряться!

Да уж, никогда, должно быть, боярское сословие триединой Груси не принимало в свои ряды столь яркий образчик современного отечественного фольклора. Можно было побиться об заклад, что спустя века героические былины, уснащенные перлами его живой образной речи, займут достойное место меж прочих сказаний о подвигах и деяниях витязей земли Груской.

Принцесса ожидала меня, вернее, нас, неподалеку от того самого крыльца, где позавчера ночью мы с нетерпением высматривали Делли, собираясь идти к Русалочьему гроту.

— А где ваш друг? — скороговоркой спросила она, отмечая полное наличие отсутствия присутствия Вадима.

— Ваше высочество, — поклонился я, — мы же не могли вместе покинуть пир, даваемый, с позволения сказать, в нашу с вами честь, — выкрутился я. — Хоть кто-то должен был остаться.

Понятное дело, слова мои были едва прикрыты ложью, но согласитесь, оглашать истинную причину отсутствия моего соратника было как-то не по-боярски. Ее высочество на какое-то мгновение задумалась, соображая, стоит ли тратить время на одного меня или же настоять на своем и требовать на randevu и Вадима. Вероятно, тема, не дававшая ей покоя, не терпела отлагательств, поскольку, махнув рукой на условности, Маша все же заговорила.

— Господин одинец, я желала бы нанять вас, чтобы отыскать моего суженого, — с места в карьер заявила она, не тратя время на псевдосоветские беседы о погоде и прелести вечернего воздуха.

— Сударыня, — покачал головой я, — мне не хотелось бы вас огорчать, но я вынужден отказаться от столь лестного предложения.

— Но почему?! — с плохо скрываемым возмущением осведомилась недавняя беглянка.

— Видите ли, ваше высочество, вы скорее всего переоцениваете мои возможности, да и вообще нашу пригодность к решению подобных задач. Полагаю, и Делли ошибалась, ища себе помошь в тех местах, откуда мы родом. Вам нужны люди, способные без труда ориентироваться в реалиях местной жизни. Магия, витязи, драконы — это все не для меня. Я всего лишь обычный человек, умеющий искать заурядных преступников. Наверняка в вашем мире и в вашей стране есть иные одиные-следознавцы. К чему мне и Вадиму отбивать у них хлеб? — Я развел руками, словно прося извинения за невольный отказ. Однако же упрямство моей юной собеседницы начисто закрывало доступ столь легковесных аргументов к ее сознанию.

— Вы прекрасно справились с порученным делом. Кроме того, вам известна вся подоплека событий, а другого придется еще посвящать в тайны, которые я бы желала сохранить между нами. Соглашайтесь! Я заплачу вам вдвое больше того, что дал мой отец.

— Предложение, несомненно, выгодное, — признал очевидное я, — и все же мы вынуждены отказаться. Наша работа в Груси завершена. Пора возвращаться.

Принцесса одарила меня долгим испытывающим взглядом, словно пытаясь выведать серьезность моих намерений.

— Нет, — в конце концов, нарушая тишину, заявила она, покачивая головой. — И все-таки я решительно отказываюсь верить в то, что вы искали меня только ради награды!

— При чем тут это? — удивился я.

— Ну, как же! — Маша широко распахнула глаза, весьма искренне поражаясь, что я не понимаю столь очевидных вещей. — Вы разгадали ту загадку, которую я удумала, чтобы найти того или тех, кого мне следует опасаться. Вы лишили меня спасительного убежища и возрадовались, что дело окончено? Однако, сударь мой, ведь это же не так! Все только начинается. Фигуры расставлены на доске, и мы теперь лицом к лицу с врагом, как выражается отец, с открытым забралом. Опасность грозит мне каждый миг, но я не боюсь ее. Я прошу вас помочь мне одержать победу, вы же, точно рак, идете на попятную. Ах, вам пора возвращаться! Ах, есть другие! Нечего сказать, хорошую услугу вы оказали мне и батюшке! Уж и не знаю, как благодарить вас за то, что теперь я на виду, точь-вточь байбак посреди степи.

— Ваше высочество, — попробовал возмутиться я, — никто не оповещал меня о тех обстоятельствах исчезновения неизвестной на тот момент мне принцессы, о которых ныне идет речь.

— Но сейчас-то вы знаете все! — в запале перебила меня принцесса. — И вам известно, что я буду в безопасности лишь только после свадьбы со своим нареченным. Вам также известно, что он вчера исчез при весьма загадочных, согласитесь, обстоятельствах.

— Все это так, но...

— Но вам необходимо возвращаться! — взвинчивая себя, с напором проговорила темпераментная девица. — Что ж, простите меня покорно за то, что сочла вас человеком смелым и благородным. Это была досадная ошибка, присущая юности. Увы, мне возвращаться некуда, а потому, стало быть, надлежит идти вперед. Пожалуй, я одолею одного из папочкиных драконов и в одиночку отправлюсь искать их пресловутую Повелительницу, где бы она ни скрывалась. А там уж чья возьмет!

— Постойте! — встревоженно перебил я ее высочество, невесть отчего переходя в возбужденное состояние собаки, взявшей утерянный след. — Вы хотите сказать, что у короля Базилея есть свои драконы? Я правильно вас понял?

— А как же! — горделиво приосанилась Маша. — После возвращения из Гюлистана папенька настолько был восхищен их действиями у пещеры Али-Бабы, что купил сразу десяток мурлюкских драконов. Одним больше, одним меньше, какое это имеет значение?

— Угу. — Я нахмурил брови, старательно просчитывая сумбурную мысль, неожиданно пришедшую в голову. — Скажите, а эта са-

мая Повелительница, ну, вы понимаете, она и в самом деле может руководить действиями своих подопечных, или же это только красивый титул?

— Какая разница! — досадливо отмахнулась девушка.

— Я бы сказал, колоссальная. — Пальцы мои сплелись в замок, символизируя напряжение мыслительных сил. — Если чудовища действительно подвластны ночной гостью, то в один прекрасный момент в небе над Торцом могут появиться десять летающих огнеметов и за считанные мгновения превратить столицу в руины. Кстати, и о ваших проблемах: если драконы действительно послушны воле своей Повелительницы, я бы весьма не рекомендовал пользоваться их услугами. Иначе, будьте уверены, вы окажетесь в ее руках гораздо раньше, чем успеете раскаяться в угоне папенькиной боевой единицы. Забудьте о драконах, во всяком случае, мурлюкских. В свете имеющихся фактов здесь придется передвигаться обычным способом.

— Ага! — снова перебила меня принцесса, не скрывая торжествующей улыбки. — Вы беспокоитесь! Значит, все-таки согласны мне помочь?

— Я? Почему? — Последние фразы вновь прокрутились в мозгу, точно записанные на магнитофонной пленке, давая возможность убедиться в эффективности поставленной Машей ловушки. — Ваше высочество, — оскорбился я, — прошу вас, не ловите меня на слове. Завтра же мы с Вадимом возвращаемся на родину, а вам я рекомендовал бы рассказать об исчезновении королевича Элизея отцу. Он мудрый государь и, без сомнения, найдет способ помочь горюющей любимой дочери.

— Благодарю за совет, сударь, — оскорбленно поджала губы юная красавица. — Однако я в нем не нуждаюсь. В вашем обществе, впрочем, тоже. Не смею задерживать! Отправляйтесь стеречь золото, похищенное у моего чересчур добросердечного отца.

«Вот и поговорили!» — подумал я, спеша откланяться и удалиться, дабы не расстраивать своим присутствием и без того огорченную девицу.

Место возле бдительного Вадюни продолжало оставаться свободным. Созерцая резвящихся придворных, точь-в-точь шестидюймовка «Авроры» Зимний дворец, могутный витязь силой одной лишь, ясно читаемой в его глазах мысли разгородил вокруг себя своеобразную выжженную зону, которую быстро улавливающие намеки царедворцы опасались пересечь даже случайно.

— Ну, блин, притомился, — тяжело вздохнул Злой Бодух при моем появлении. — Не, ну конкретно, собаки непривязанные, так и норовят что-нибудь урвать!

— Расслабься, мы уже уходим, — обрадовал я утомленного борьбой с казнокрадством соратника.

— Че, в натуре? — оживился тот.

— Да уж куда натуральнее, — досадливо хмыкнул я. — Завтра чуть свет отправляемся, чего уж тут фестивалить. Путь неблизкий, отоспаться надо. Сейчас только Делли предупрежу и пойдем.

Искать Делли пришлось недолго. Стоило мне отойти от Вадима, она точно выросла из-под земли с выражением подозрительности на лице и вопросом в устах, прямым, как шоссейная дорога.

— О чём это вы с Машей беседовали?

— Ее высочество пыталась нанять меня разыскивать Элизея. Но я отказался. — Мой ответ был столь же прям и откровенен, как и вопрос феи. Кудесница удовлетворенно кивнула, вновь собираясь раствориться в вихре праздничной круговерти, однако, на мою удачу, традиционным, а не магическим способом. — Делли! — остановил ее я. — Мы с Вадимом уезжаем в гостиницу. Завтра с утра будем тебя ждать. А сейчас ты не могла бы нас проводить, я хотел бы кое-чем поделиться.

— Да-да, конечно! — закивала встревоженная чародейка. — Спускайтесь вниз, сейчас я перепишу танцы и последую за вами.

Я молча кивнул, отпуская увлеченную пиршественной суетой подругу, и вновь направился к вызолоченной резной скамье, где мифическим Кощеем чах над златом могучий Вадим Ратников.

— Пошли! — бросил я, с натугой отрывая от пола набитую золотом горлатную шапку. — Делли сейчас нас догонит.

Путь к коновязи был недалек, но многотруден. То и дело, к великому неудовольствию Вадима, дорогу пересекали всякого рода индивиды праздничной наружности, скрывающие под масками свои, вполне возможно, коварные лица. То слева, то справа, то со всех сторон сразу в парке что-то грохотало, а в небо с неясными намерениями взмывали яркие огни фейерверков. К тому же сшитые из мягкого меха боярские шапки хотя по емкости и были сопоставимы с небольшими бочонками, однако в транспортировке оказались существенно менее удобными. Толстая бобровая колбаса от плеча до пояса, набитая с верхом золотом, то и дело норовила извернуться и усыпать путь рачительных хозяев золотыми кругляшами. Но вот уже кони

были совсем близко, и выражение глаз Вадима сменилось с яростно-неприступного на горделиво-возвышенное, как бывало с ним всякий раз, когда он видел своего бесценного синебокого жеребца.

— Владимирский централ, — между тем, нарушая скучу вынужденной парковки, утробно подывывал Ниссан, — ветер северный... — Все прочие оставленные у коновязи представители копытного братства с нескрываемым почтением поглядывали на экстравагантного самца, а пара молоденьких кобылиц и вовсе кидали на него недвусмысленные зазывные взгляды, полные томной нежности.

— Водает! — восхитился знатный субурбанный коневод. — Ну, чисто...

— Берегись!

Вадюня явно хотел развить обуревавшую его мысль, однако внезапный пронзительный крик за плечами заставил нас настороженно повернуться... С высокого дерева, росшего поблизости от стоянки благородных животных, в нашу сторону по широкой дуге летело нечто... Вернее, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, некто. К глубочайшему моему огорчению, время этого самого «ближайшего рассмотрения» было очень ограничено, куда как меньше секунды. За этот отрезок коварная помесь Маугли с Питером Пеном выхватила пригоршню монет из шапки и взмыла вверх, чтобы в высшей точке траектории ловко перепрыгнуть на пятиметровую каменную стену, окружавшую дворцовый парк. Я в онемении уставился на свой головной убор, послуживший объектом хитроумного посягательства.

— Не, ну в натуре! — первым обретя дар речи, выдохнул страж сокровищ. — Эти князья задолбали! Ты видел? На ходу голду попятали!

Точно радуясь успешному предприятию, над дворцом взмыло вверх огненное колесо и, рассыпавшись тысячью пламенных свечей, закружилось в ночном небе.

— Да, — только и смог выдавить я.

— Привет! — Над стеной на фоне освещенного фейерверком небесного свода появилось тонкое юношеское лицо, обрамленное копной ярко-рыжих волос. — Давно не виделись!

— Поймай Ветер! — не сговариваясь, выпалили мы, едва не роняя увесистый гонорар.

— Эт-то я! — Лицо воришки расплылось в довольной ухмылке. Всполошенный вопль новоиспеченных бояр явно льстил его хитрованскому самолюбию. — Ничего, что я без стука?

— Но не очко, — пророчески взвыл Вадюнин скакун, — нас губит, а к одиннадцати туз!

— Оба-на! — Ратников замер с воздетой к небу головой, точно все еще сомневаясь в реальности увиденного. — А че ты типа там делаешь?

— Домой возвращаюсь, — устраиваясь поудобнее, объявил босяк. — Вот, решил по пути вас навестить, долю свою законную получить. А то народ-то вы гулёвый, чуть хлебалом прощелкал — ищи-свищи, и след простыл. А доля мне моя сейчас во как нужна.

— Какая еще доля? — возмутился я, но вовремя вспомнил, что золотой куш уже находится в руках наглеца.

— То есть как это какая? — с напускным негодованием в голосе протянул малец. — Самая что ни на есть законная! Я живота не жалел, помогал вам не за страх, а за совесть, получается, мой кусок вынь да положь! Много ли, мало ли, — ловкий мошенник наскоро пересчитал лежащее на стене золото, — дело пятое, но мое есть мое! К тому же, — он поднял вверх палец, точно норовя урезонить непонятливых собеседников, — вы ж не фармазоны какие, чтобы краденое покупать.

— Какое еще краденое! — окончательно разгневался я. — Что ты там лепиши?

— Я леплю?! — Рыжий ткнул себя пальцем в грудь. — Тоже мне харамзаду¹ нашли, я, между прочим, честный вор! Посмотрите, во-он у корней дерева шкатулочка валяется. А в нем лембай его знает, что за вещица, опять, наверное, волшебство какое-то! Мне она без нужды, а вам, может, на что и пригодится.

— Точно, лежит, — подтвердил слова продувной бестии Злой Бодун, уже успевший перегрузить золото на скакуна и вернуться обратно. — Поднять, что ли?

— Бери-бери, — подбодрил его Поймай Ветер, — там и нет ничего, одна лишь штуковина эта чародейская. Вот видишь, — квалифицированно пояснил он, когда Вадим, наклонившись к корням раскидистого дерева, поднял с земли крохотную лакированную шкатулку, — мне эта безделица ни к чему, я ее и выкинул. А ты, стало быть, нашел, вот и выходит, краденого у меня не покупал. Все по-честному.

— И у кого же ты безделицу эту потянул? — спросил я, открывая ларчик. Как и обещал бесстыдный растеряха, внутри находился всего один предмет: окаменевший цветок, похожий на колокольчик,

¹ Харамзада — жулик, обманщик.

скрытый под хрустальным колпаком, — изящный сувенир и не более того.

— Да тут вчера под красную рань одна божья коровка решила колеса пачкать, но я уже тут как тут. Как же ж такой приплод и без меня?

— Ты хочешь сказать, — я бросил быстрый взгляд на Вадима, — что вчера спозаранку похитил шкатулку из возка пожилой дамы, собирающейся покидать дворец?

— Из возка! — хмыкнул гордый содеянным пройдоха. — Да тут возков было, как на жабе бородавок! Узлы, сундуки, ларцы всякие — счастья нельзя! А я вот такой непутехе пустозвонной ноги приделал. Не все, знаете ли, фарт идет.

— Вадим, — тихо проговорил я, стараясь, чтобы нас не слышал восседающий на стене Поймай Ветер, — эта волшебная штуковина из обоза герцогини Бослицкой. Понимаешь, кому она скорее всего принадлежала?

— Ну дык!

Я хотел еще что-то спросить у удачливого грабителя, но тот, вззвив острый взор в озаряемую цветными вспышками тьму, ни с того ни с сего заторопился, так что последние его слова донеслись уже с противоположной стороны каменной ограды:

— Все, покеда, пора мне! Солнышко улыбнется, глядишь, еще и свидимся!

— С кем это вы тут разговариваете? — донесся из темноты голос Делли. — А это что у вас? — приближаясь к коновязи, полюбопытствовала она.

— Это? — Я пожал плечами. — Да вот тут что-то такое, вероятнее всего, по твоей части.

Шкатулочка перекочевала в руки феи. Несколько мгновений бдительная сотрудница Волшебной Службы Охраны со всех сторон разглядывала наше невольное приобретение, затем улыбнулась довольно:

— Погодите, я сейчас! Скоро вернусь! — уже на бегу крикнула фея и вновь растаяла в ночи.

Ждать пришлось довольно долго, но все же меньше часа, так что винить боевую подругу в нарушении обещания было никак нельзя.

— Вот! — Кудесница победно продемонстрировала нам изящный перстень со скарабеем, недавно украшившим один из перстов графа де Бура. — Купила. Между прочим, дорого дала!

— И чего? — с недоумением глядя на уже знакомую вещицу, кивнул Злой Бодун.

— А вот чего! — Фея нанизала перстень на один из своих длинных тонких пальцев, и оправа удобно обхватила его, точно именно этого размера и была создана. — Открывай ларец! — скомандовала Делли.

Я немедленно распахнул лакированную крышку.

— Сердце красавицы склонно к измене, — едва слышно произнесла она, скрестив руки на груди. И в тот же миг, усиленный уж бог весть чем, ее голос нежно зазвенел из хрустального динамика.

— ...склонно к измене, — уверил нас похищенный рыжим воровской ларец.

— Во как! — восхитился чуду магической мысли Вадюня. — В натуре конкретная штука. А у нас она, скажем, работать будет?

— Будет, — заверила Делли, снимая с пальца волшебный перстень. — Пока заряд не кончится. Года два, не меньше.

— Круто! — уважительно покачал головой витязь.

— Бери! — щедро изрекла наша недавняя заказчица, протягивая сокровище молодому боярину. — На память об этих днях.

— Ну, спасибо! — восхищенно выдохнул Ратников, старательно засовывая чудодейственное приобретение в карман возвращенной ему рубашки. — Ну, ты в натуре!.. Хошь, я тебе свой «мосберг» подарю?

— Не стоит, — улыбнулась фея. — Тебе он нужнее.

Солнце тужилось изо всех сил, стремясь пробиться ранними лучами сквозь цветное витражное окно. Сон еще не думал покидать наших глаз, да и мы не планировали в ближайшее время прощаться с ним. Однако стук, доносившийся невесть откуда, настойчиво требовал внимания.

— Клин, кажется, опять кто-то ломится, — едва размыкая уста, пробормотал Ратников.

— Нет, это празднуют. На улице барабаны, — попытался уверить его я.

— Не-а, в дверь. — Злой Бодун богатырским усилием открыл левый глаз. — Ядреный корень, кому чего надо?

— Ребята, вставайте скорее! — На пороге стояла встревоженная Делли во все том же придворном платье с гривной, сбившейся набок. — Маша пропала!

Глава 20

Сказ об уходящих вглубь последствиях девичьих сумасбродств

«Вешайся, дух, дембель отменили!» — всплыла из закромов подсознания страшилка времен армейской юности. Ожидаемый праздничник победного возвращения к родным очагам безнадежно накрывался медным тазом, и звон его низкопробной меди глумливо заменял нам полагавшиеся по чину литавры и фанфары.

— Че, совсем? — потирая слипающиеся глаза, промямлил Вадюня.

— Нет, — я едва удержался, чтобы не по-боярски сплюнуть на пол, — частично. Ладно, Делли, давай рассказывай что к чему.

— Что и говорить-то, не знаю, — огорченно промолвила фея. — Незадолго до рассвета проводила Машеньку в опочивальню. Сама все проверила, защитные символы всюду начертала, двери и окна заклятиями отворотными запечатала. А давеча прихожу, глядь, стража на месте, двери точнечонько так, как и были заперты да заговорены, в спаленке фрейлины храпят в две дырки беспробудно, а принцессушки-то нашей и нет как нет.

— Следы взлома? — деловито поинтересовался я.

— Одно из окон прикрыто, да не заперто, и наговор с него исчез.

— Уже что-то, — мрачно изрек я, хороня вчерашнюю эйфорию по поводу удачно раскрытоего дела.

— Может, кто из пособников драконьей Повелительницы под маской во дворец ужом выюлился?

— Может, и выюлился, — пожал плечами я. — Но думаю, она снова сбежала. Я так понимаю, наговор с окошка снять для нее проблема невеликая?

— Да не то чтобы; — честно созналась фея.

— И служанок своих усыпить тоже ей под силу? — Мои губы сложились в печальную ухмылку.

— Под силу, — вновь согласилась пестунья ее высочества. — Но ведь не только ей!

— Оно, конечно, верно, — все еще не вылезая из-под одеяла, признал я. — Но вчера ночью, когда мы с твоей воспитанницей беседовали, у меня создалось впечатление, что ее высочество намерена самолично отправиться на поиски загулявшего жениха.

— И ты мне ничего не сказал?! — возмущенно топнула ногой Делли. — Я же спрашивала!

— Так кто же мог предположить, что она совсем с ума сбрендила! — начал оправдываться я.

— Не смей оскорблять наследницу престола! — гневно взорвалась фея, но тут же успокоилась, осознавая, что, в сущности, я прав. — Виктор, надо спасать Машу. Ведь она еще совсем ребенок, одна пропадет. Ей кажется, что сила и знания, которыми она обладает, помогут одержать победу над Повелительницей драконов, но это не так. У Маши совсем нет опыта реального применения магии, тем более против могущественной волшебницы. И уж тем более, — Делли печально склонила голову, точно признавая свою вину, — что мы об этой Повелительнице практически ничего не знаем:

— Спасибо за информацию, — насмешливо ответил я. — Как раз собирался задать тебе вопрос на эту тему. Ладно, проехали. Значит, есть две основные версии: номер раз — Маша ушла сама, номер два — ей в этом помогли. Так, начинаем сначала. Стражу у ворот опросили?

— Конечно. Они ее не видели.

— Стража у городских ворот? — протягивая руку к прикованной тумбочке за изрядно почерканным блокнотом, уточнил я.

— Тоже не видели.

— Что ж, значит, есть шанс, что она еще в городе. — Я сделал первую пометку чуть ниже торжественной надписи «Часть вторая». — Что там наш «отморозок»?

— Он ничего не знает, — отрицательно покачала головой фея. — Во всяком случае, говорит, что не знает.

— Понятно. Пока я склонен ему верить, — не отрываясь от записей, хмыкнул я. — Если ее похитили, к Прокопу явно не заносили. А ежели она сама решила нас покинуть, то заходить попрощаться с молочным братцем означает автоматически ставить его под удар. У Громобоя что?

— Его никто не встречал со вчерашнего вечера. — Делли развела руками. — Но я вам говорила о том, что время от времени он отправляется на патрулирование. Вполне возможно, что Егорыч отправился в Оградное.

— Возможно, — согласился я. — Но все же лучше проверить. Что у нас дальше? А, вот, ну конечно! Король-отец в курсе? — Я понизил голос до почти заговорщика тона.

— Конечно. — Фея поморщилась и, чтобы скрыть раздражение, попыталась смахнуть несуществующую прядь со лба. Видимо, утренние новости не слишком обрадовали скорого на буйную расправу

Базилея, и то, что пришлось выслушать проштрафившейся феи, нам было лучше не слышать. — Он послал гонцов с эстафетой, так что все дороги от Торца перекрыты накрепко — мышь не проскочит.

— Разумно, — согласился я, помечая в блокноте, что операция «Кольцо» и план-перехват задействованы. Понятное дело, на местном уровне.

— Его величество просил передать вам самую настоятельную просьбу не покидать нас в трудную годину и сделать все возможное и невозможное для возвращения Маши ко двору.

— Да чего уж там! — отмахнулся я. — И так все ясно. Ладно, мы в игре. А сейчас, Делли, ты не могла бы выйти, нам необходимо одеться.

Процедура утреннего туалета заняла немного времени, но все же достаточно, чтобы успеть пообщаться с почтеннейшим хозяином «Графа Инненталя», собственной персоной примчавшегося в люкс с серебряным тазиком и кувшином горячей воды.

— Ой, какое горе, какое горе! — со слезой в голосе причитал он, сливая на руки гостям звонкую прозрачную струю. — Это ж надо, как не везет его величеству! Ну, я полагаю, мудрейший король, несомненно, избрал вас, дабы продлить поиски дочери.

— Ты на редкость догадлив, — угрюмо ответил я. — На руки лей, что ты таз моешь?

— О, простите, ваша ясновельможность, не уследил-с, — исправляя промах, вновь затараторил Щек Небрит. — А позвольте полюбопытствовать, коли вы от нас совсем не съезжаете, то, стало быть, до мой нынче не возвращаешься?

Я в недоумении уставился на субурбанца. В его голосе слышалась столь плохо скрытая надежда, что лучше бы уж он и не прятал ее вовсе.

— А тебе-то что?

— Прошу покорно извинить, что в такое время смею вам навязываться, но ведь сами помыслите, неразумно же отправляться Нычка знает куда, дракону в зубы с такой уймой золота. Разбойный люд кругом так и шастает, так и выискивает, кого бы ограбить!

Я поглядел на ждущего очереди умываться Вадюню, в минуту досуга разминающего онемевшую за ночь мускулатуру, скосил глазом на дверь в соседнюю комнату, где ждала следознавцев сотрудница Волшебной Службы Охраны, и, не в силах удержать улыбку, пыхнул по плечу нашего тайного агента.

— Думаешь, кто-то решится нас ограбить?

— У-у, — делая большие глаза, покачал головой Щек. — Там встречаются такие мошенники, только держись! Один Поймай Ветер чего стоит! Годков-то кот наплакал, а прыти-то!.. Верно вам говорю, у него везде свой глаз имеется. Чуть где что, как и он тут как тут.

— Да, — вынужденно согласился я. — Поймай Ветер стоит дорого. Пожалуй, ты прав, надо отдать золото на хранение в казну.

— Чур вас, чур! — Субурбанец едва не выронил кувшин, по всей видимости, пораженный вполне, на мой взгляд, разумным предложением. — К чему же в казну? — сбиваясь на шепот, продолжил он. — Деньги работать должны. На что им лежнем в сундуках пылиться! А и то, возможно, вернетесь вы, а казначей золотишко на какую нужду пустил. Ведомое дело, у короля расходы великие. — Он оглянулся, точно проверяя, не подслушивает ли кто, и понизил голос, стараясь говорить еще тише: — Я вам предлагаю в дело войти. Предприятие выгодное, не прогадаете. Нычкой клянусь! — Щек выхватил из-под рубахи трезубый символ веры и впился в него страстным поцелуем. — Каждый месяц на сто монет двадцать прибыли. Предки мне свидетели!

— Мы обдумаем твое предложение, — кивнул я, снимая с плеча хозяина вышитое петухами полотенце.

— Уж осчастливьте, обдумайте! — поклонился Небрит, но я его уже не слушал. Мне необходимо было вернуться к оставленному рабочему блокноту, ибо в коммерческом предложении хозяина прокочила мысль, вполне возможно, имеющая отношение к очередному туру поисков. Впрочем, полагаю, Щек и сам не догадывался какая.

Одним из самых важных направлений следствия, на мой взгляд, было выяснить, ищем ли мы снова сумасбродную беглянку или же, вопреки подозрениям, вчерашниеочные угрозы ее высочества и внезапный отъезд Громобоя Егорьевича лишь совпадения, и принцесса действительно похищена невесть какими темными силами. И теперь я знал, кто может на этот каверзный вопрос ответить.

Подпуская страху, субурбанец, похоже, сам того не ведая, говорил правду. Наш «юный друг», ловкий Поймай Ветер, и в самом деле был весьма информирован о том, что и когда происходит по ту сторону дворцовых стен. Наверняка кто-то сообщал воришке обо всем, что могло представлять «коммерческий» интерес. Дворец у Поймай Ветра — место прикормленное, и очень сомнительно, что этот жадный прохвост удовлетворился скромной долей, которую похитил из

моей шапки. Если вдуматься, горсть золота для него не доход, а так, кураж. Значит, скорее всего он вчера торчал в парке как минимум до рассвета, и если что, для чужих глаз недоступного, там и происходило, ему об этом наверняка известно.

— Ваша ясновельможность, — слышался между тем быстрый говорок Щека, охмурявшего второго нечесаного боярина, — сами посудите, пристань будет наша, лабазы в округе тоже наши. С мытариами, понятное дело, договоримся. Сколько же всего таким-то макаром пропустить можно! А тут еще, — субурбанец замялся, — вам вот как себе говорю, весьма ходкий товар ожидается. Не хоботье какое, чистая натура, из-за самого Хребта тайными тропами доставляют.

— Обдумать надо, — пробасил Злой Бодун, вытирая руки. — Прикинуть конкретно что к чему.

— Да век мне Девы Железной Воли не видать! Двадцать монет с сотни, это же самое меньшее.

— Гони-гони, да не разгоняйся! Себе небось по пятьдесят возьмешь. — Вадим покровительственно хлопнул негоцианта по мясистому плечу. — Не боись, обмеркуем. Плавали, знаем!

— Так я зайду позже? — кланяясь и пятаясь к двери, с надеждой спросил великий комбинатор местного разлива.

— Да сколько угодно, — пожал плечами Вадим. — Ну, типа твоя же гостиница.

Щек скрылся за дверью, и проводивший его взглядом Вадим повернулся ко мне:

— Ну че, Клин, с контрабандой вяжемся?

— В каком смысле? — спросил я.

— Да тут в натуре кака с маком нарисовалась, хрен сотрешь. Один заезжий папуас грузит нашему финансовому валету, что у него в натуре набитый канал на всякое мурлюкское барахло. Тут его конкретно сметают, ты сам видел. Бабло поднять можно реальное. Конкретно держак бы на лопате не поломать! Но стрем, понятное дело, имеется. Сам слышал, все планируется чисто мимо кассы, — озвучил коммерческое предложение хозяина гостиницы мой друг.

— Вадюсь, ты б надолго не закладывался. Сейчас отыщем принцессу и домой. Если поблизости больше закопанных драконов нет, то далеко уйти она не могла. Разыщем следок — найдем в два счета.

— Но, блин, башли-то хорошие ломятся. А рыжье с собой тащить, это же полный отстой. — Вадим заговорил тише, чтобы нас не могла слышать скучавшая за стенкой Делли. — Щек лопочет, что

первая партия в натуре не сегодня-завтра уже будет в Торце. Может, рискнем?

У меня никогда не было коммерческой жилки, да к тому же связываться с криминалом, пусть даже в этой почти сказочной стране, мне вовсе не хотелось. Но, впрочем, отчего это вдруг мы решили, что имеем дело с контрабандой? Возможно, речь идет о вполне легальной сделке.

— Ладно, — обреченно согласился я, — только смотри, проценты процентами, а наше бы сохранить.

— Не боись, Клин, все будет чики-чики, это я, боярин Злой Бодун, тебе говорю!

— Ну, когда это будет, мы еще посмотрим, — опустил я на землю воспарившего соратника. — А сейчас перед тобой стоит недетская задача — мне нужен Поймай Ветер. Так что сходи-ка в город, раздай десяток монет всякому сброду, нутам нищим, наперсточникам, словом, кого найдешь, пускай они по своей почте раззвонят, что господин из люкса в «Графе Иннентале» срочнейшим образом желал бы увидеться с этой рыжей бестией. Уяснил? Давай действуй.

Получив четкое задание, мой верный помощник направился к выходу, и если реалии этого мира не слишком отличались от привычных нам, то вполне резонно было предполагать, что уже через час-другой Поймай Ветер будет в курсе моего страстного желания лицезреть его драгоценную персону. Заждавшаяся фея молнией влетела в ложницу, едва отворилась входная дверь, и, проводив взглядом Ратникова, поинтересовалась:

— Куда это он?

— Я послал его кое-что разузнать. — Подобное объяснение было довольно обтекаемо, однако неопределенность давала возможность избегнуть выяснения отношений с представительницей королевского двора по поводу контактов с наглым воришкой.

— Виктор, что у тебя на уме? — заинтересованно спросила наша соратница.

— Хочу выяснить, как обстояло дело с очередной гастролью твоей подопечной. Кстати, мне было бы весьма небезынтересно знать, когда и в каком направлении выехал из города Громобой Егорьевич. А также был ли с ним кто-нибудь еще.

— Ты думаешь, Маша и он заодно?

— Несомненно, — хмыкнул я. — Вопрос в другом: с ней он сейчас или нет. Да, и вот еще... — Мелодичное позвякивание волшебного зеркала прервало стройное течение моей мысли, и из глубины

серебряной глади, точно из омута, на нас глянули мужественное лицо принца Элизея, светящееся счастьем, и прелестное лицо... пропавшей Маши, восседающей в седле перед суженым.

— С ясным солнышком тебя, феюшка милостивица! — гордо зарокотал Элизей, едва разглядев по ту сторону стекла оторопевший лик Делли. — Не держи на меня обиды злой за ночную провину. Не по злобе требесил! По неразумению. Сама зришь, все сталося как нельзя лучше. С зазнобушкой моей, Машенькой свет Базилеевной, котчим пенатам возвращаемся. — Бодрый солнечный зайчик скользнул по волшебному зеркальцу в руках могучего витязя, слепя ему глаза и одним невиданным прыжком от гор лесистой Гуралии достигая Торца.

— Но...

Я выдвинулся вперед, заслоняя фею, незаметно с силой вставляя большой палец ей под ребро.

— Но что, это что? Элизей! Элизей, ты меня слышишь?! Что происходит? Это я, Клинский! Куда ты исчез? Мы тебя не видим! Что со связью?! Чертово волшебство! Попробуй еще раз перезвонить!

Лицо принца заметно вытянулось. Должно быть, в истории применения зеркальной связи это был первый случай выхода из строя магических агрегатов.

— Вот журба-печаль! — удивленно промолвил он. — Сейчас еще дали попытку! Погляди-ка, Машенька, что-то скло твоё к делу негодно.

Дисплей погас, и я понял, что сейчас буду превращен в лягушку. Или того хуже, в комара, который будет немедленно съеден лягушкой.

— Да как!.. Как ты посмел! — Возмущенная до глубины души фея, казалось, разрастается на глазах и уже заполняет собой комнату, наливаясь электричеством, точно грозовая туча. — Что ты себе позволяешь?! Как это у тебя рука поднялась меня ударить?! И что это ты тут устроил??!

— Делли! Делли! Делли!!! — попятился я. — Я сейчас все объясню. Остановись! Если ты меня испепелишь, кто принцессу искать будет?

Этот довод был единственным средством защиты от немедленной физической расправы. Но, к счастью, средством весьма действенным. Фея обиженно поглядела на меня из-под длиннющих ресниц, Однако все же решила повременить с праведным самосудом.

— Подумай, — начал я оправдательную речь, — что мне было делать? Неужели непонятно, что та самая колдунья, которая здесь буянила, теперь к Элизею присоединилась и через него проверяет, заглотили мы приманку или нет. — Зеркало вновь зазвенело. — Отойди, не отвечай! — требовательно выпалил я, отшатываясь от плывущего волнами экрана. — Давай зачехлять!

— Что ты удумал? — невольно повинувшись резкому окрику, прошептала Делли.

— Пусть считают, что связь действительно не работает. — Я удовлетворенно взорвался на зеркало, погруженное во тьму. — Так-то лучше! Делли, это чистая подстава, поверь моему оперативному опыту. Ты солнечные блики заметила?

— Конечно, — подтвердила кудесница.

— А это значит, что солнце у них за спиной. Полудня еще нет, а стало быть, едут они не в Торец, который, насколько я помню, восточнее Гурдии, а совсем даже наоборот, на запад.

— Но там же Маша. — Обескураженная сотрудница Волшебной Службы Охраны растерянно указала на зачехленный агрегат.

— Очнись, родная моя! — Я пощелкал пальцами перед глазами феи. — Какая Маша, о чём ты говоришь?! Это же морок, дубль, личина! Ту Машу наша Маша еще вчера срисовала.

— И то верно, — обескураженно согласилась фея.

— Я рубль за сто даю, колдунья нарочно ее высочеству показалась, чтобы отсюда выманить. И наверняка просчитала, что мы оторвем голову вместе с ней за Элизеем мчаться не пожелаем. И что принцесса, наплевав на нас, сама на поиски отправится. — Я остановился, переводя дыхание. — Если все это, конечно, не отвлекающий маневр, и принцессу под утро действительно похитили. Но в любом случае нашим противникам совсем не обязательно знать, что здесь происходит.

— Но если все так, как ты говоришь, — заволновалась Делли, — необходимо срочно предупредить Элизея, что рядом с ним враг.

— Ни в коем случае! Волшебница Прокопа заморозила лишь потому, что нас заметила, да к тому же очень спешила. А теперь ей никто не мешает учинить расправу по полной программе, в лесу они одни-одинешенки. Пока колдунья не знает ничего о наших действиях, королевич скорее всего в безопасности. Он приманка, на которую Повелительница драконов ловит ее высочество.

— Но ведь она и сама может принять образ Элизея, — возразила встревоженная чародейка.

— Может. Но вряд ли станет, — согласно кивнул я. — При необходимости жизнью Элизея легко шантажировать и принцессу, и нас. А стало быть, отсутствие связи — залог жизни Машиного суженого.

— Волшебницы не убивают, — напомнила фея, вступаясь за честь корпорации.

— Это я уже понял. Они только оставляют в безвыходном положении и желают долгих лет жизни. Скажем, положит колдунья ночью спящего королевича на край утеса, а уж повернуться Элизей и сам сумеет. Особенно если позвать с нужной стороны. Да и как, собственно говоря, ты намерена предупредить Элизея, если свое зеркальце он на наших глазах выкинул в пропасть, а то, по которому связывался, явно взял у твоей конкурентки?

— Верно, — с досадой согласилась моя соратница. — Об этом я как-то не подумала. Что же теперь делать?

— Выяснить все, что только возможно, о том, когда и куда уехал Громобой. Когда станет ясно, через какие ворота он покинул город, опросить, насколько это можно полно, торговцев, которые проехали с утра в город через эти же ворота. Они всегда очень цепко замечают людей с оружием. Далее: разослать по округе гонцов, пусть опросят жителей ближайших селений. Народ по грибы-ягоды ходит, за дровами ездит, может, кто его в лесу видел. Егорыч, как я понимаю, в этих местах все звериные тропки знает, так что дороги ему нужны, как зайцу ноты. А дальше — посмотрим.

— Все сделаем немедля, — подбираясь, точно рысь, готовая к прыжку, заверила забывшая обиды Делли. — А ты, мил-друг, чем займешься?

— Буду ждать сообщения агентуры, — туманно заверил я. — А там, как карта ляжет.

Возвращение Ратникова было довольно скорым, как говорится, я еще не успел соскучиться. Он появился в апартаментах довольный, неся в руке берестяной туесок с жареными семечками.

— Все путем, Клин. Сшелупонью перетер, Поймай Ветру маляв¹ скинул.

— Молодец, — кивнул я. — Что-нибудь еще интересное есть?

— Не-а, по нулям. Я тут чисто когда возвращался, Щека поймал, дал ему пенделя, чтоб он в натуре хавать притаранил, — сплевывая на драгоценный паркет, похвалился член следственной группы.

— Вадим, — поморщился я, — общение с криминальным миром пагубно отражается на твоих речевых способностях.

¹ Малява — весточка.

— Не въехал? — в недоумении вытаращился на меня боярин. — Ты конкретно о чем?

— Фильтрой базар в натуре! А то тыры-пыры, я срок мотал, пайку хавал, миской брился, нары задом протирал. Сворачивай блатную музыку!

Злой Бодун минуты две ошарашенно глядел на меня, точно силясь понять, с чего вдруг я устраиваю столь неприкрытое посягательство на его гражданские права чисто человека и в натуре могутного витязя.

— А-а! Ты в этом смысле, — наконец молвил слово он. — Ну, я типа хотел сказать, что завтрак сейчас принесут.

— Ну, слава богу! — шумно выдохнул я, осеняя себя размашистым крестным знамением.

— Так нет базара! — вновь разводя пальцы, улыбнулся Вадюня.

Базар есть. И мы будем есть, пока есть базар. Завтрак в «Графе Иннентале», как всегда, был вкусен, свеж и весьма калориен. Месяц-другой подобных завтраков, обедов, ужинов и прочих легких фуршетов, и наши чрева вполне могли принять формы и габариты, подобающие респектабельным боярам из школьного учебника истории. Однако поданный почтывшим выгодную сделку Щеком скромный десерт из пятнадцати наименований отменно вкусных сладостей и четырех сортов вин был несколько смазан. Причем смазан появлением все того же подобострастного субурбанца, не поленившегося в очередной раз притащить в угловую башню свое пивное брюхо.

— Там, с позволения ваших ясновельможностей, господина одинца какой-то хожатай спрашивает, — кланяясь как можно ниже, проговорил Небрит. — Приказать, чтобы ждал, или что?

— Чего надо хожатаю? — отрываясь от сбитых сливок с кишмешем, недовольно спросил я.

— Сей господин изволит утверждать, что вы сами знаете, по какому делу он сюда пришел.

— Так, — я отодвинул расписную глиняную миску со сливками, — кажется, сработало. Иди передай, что я сейчас буду.

— Непременно-с, — вновь начал кланяться хозяин. — А только он еще просил передать, — субурбанец замялся, — чтобы вы, ваша ясновельможность, сам-один приходили. Без, извольте видеть, господина витязя.

— Ладно, все в порядке. Иди выполняй поручение.

— Ну че, — на лице Вадима появилось выражение подпольщика, собирающегося взорвать поезд со стратегически важным грузом, — я чисто за тобой поволокусь. Прикрою, если что.

— Ни в коем случае! — замотал головой я. — Поймай Ветер еще та продувная бестия. Наверняка он в не соседнем лабазе меня поджидает. Любопытство у него еще детское, а понту выше крыши. Мой интерес ему льстит, потому он на встречу и согласился. Но, как говорят в нашем мире, глаз даю, обставил рыжий эту встречу самым тщательным образом. Общение с сыскарями, пусть даже частными, здесь у блатных скорее всего так же не приветствуется, как и у нас. Сто пудов, контрнаблюдение будет организовано, и тебя срисуют, как только ты выйдешь из отеля. Так что ни меня к месту не приведут, ни тебе ладу не будет. Не дай бог, еще на перо посадят.

— Да че ты в натуре! — насупился Злой Бодун.

— Вадик, не кипятись. Я понимаю, что ты в Торце типа крутой криминальный авторитет, буквально рецидивист: букет статей, две ходки, в Саврасовом Засаде из-под «вышака» судьбу менял. Но, боюсь, тебя это не спасет. И меня тоже.

Ратников поморщился, нехотя признавая истинность моих слов.

— Может, тогда меч возьмешь? — тоскливо, смиряясь с неизбежным, предложил Ратников.

— И что я с ним буду делать? — печально усмехнулся я. — Я подобную штуковину, да и то деревянную, последний раз лет двадцать назад в руках держал. Жаль, резиновую дубинку с собой не прихватили, ну да кто ж знал?

— Тогда это, — в глазах мужественного соратника засветилась неслабая мысль, — может, ты на всякий случай, чисто того, жучару с собой прихватишь? Ну, которого вчера мне Делли подарила. На всякий случай. Ежели вдруг что.

— А вот это давай, — согласился я. — Поработаем с начинкой.

— Только ж ты не молчи, — заботливо попросил Вадюня. — Трынди хоть что-нибудь, чтоб я в натуре мог услышать, где ты.

— Заметано! — Я хлопнул его по протянутой ладони. — Не бойся, прорвемся!

Одежда и общий вид посыльного, дожидавшегося в золоченом холле «Графа Инненталя», если и были чем-то заметны, то лишь своей неприметностью. Из тысячи произвольно отловленных горожан средних лет и невеликого достатка не меньше трети походили бы на посланца Поймай Ветра, как родные братья. Вот только шляпа с уныло обвисшими полями, закрывавшими пол-лица, манера низко наклонять голову да куртка-выворотка, позволявшая в одно движение сменить неприглядную грязную будничную изнанку на довольно

нарядный вышитый оборот, заставляли предполагать, что гонцу весьма привычно молниеносно менять личины, превращаясь из убогого бедняка в спешащего по делам приказчика.

— Вас просили быть без оружия, — едва кивнув, тихо проговорил хожатай.

Я развел руки, демонстрируя отсутствие мечей, сабель, копий, кинжалов и прочей воинской снаряги.

— Хорошо, — вновь удовлетворенно кивнул мой проводник. — Шагайте за мной.

Не стану описывать весь путь, ибо даже непосредственно во время движения сделать это было практически невозможно. Пройдя насквозь базар с его бесчисленными торговцами и хозяйствами, нахваливающими свой товар, мы очутились на заднем дворе какого-то трактира, и тут началось долгое странствие по дырам в заборах, каким-то перелазам, глухим улочкам, развалинам старых крепостных башен, приспособленных под жилища ободранной голытьбы. В общем, я одновременно пожалел, что рядом со мной нет Вадима, и похвалил себя, что не взял его. Молчаливый проводник то и дело тыкал пальцем в разные стороны, указывая маршрут движения.

— Направо? — уточнял я, словно сомневаясь в истинности увиденного глазами. — А теперь, стало быть, налево? Опять направо?

Давать более точные целеуказания было почти невозможно. Чрево Торца не радовало архитектурными шедеврами, и пищевод его, как и надлежало пищеводу, был темен, грязен и вонюч.

— Туда. — Доморощеный Сусанин скрылся под низкой аркой в совершенно глухой стене.

Я склонил голову, чтобы не удариться о нависающий свод, и, поминая недобрым словом зодчего, соорудившего столь неудобный вход, последовал за проводником. Вернее, мне показалось, что я за ним последовал, поскольку за стеной простирался совершенно пустой двор. Деревянный помост с шаткой лестницей, ведущей куда-то вниз, нависающая над головой галерея, подпиравшаяся разнокалиберными бревнами, и больше, собственно говоря, ничего.

— Картина Репина «Приплыли!», — процедил я, наконец не отказывая себе в страстном желании смачно сплюнуть. — Развели, как последнего идиота!

— Эй, фрей¹ залетный! — раздалось неподалеку, и из-за бревенчатой колонны на меня вразвалочку выбрел субъект столь однозначно бандитского вида, что его свободно можно было помещать под

¹ Фрей — человек, держащийся гордо, богатый человек.

прозрачный колпак в качестве эталона в палате мер и весов. — Ну и какого ты тут шуршишь? — Вслед за первым уркаганом из-за соседней подпорки появился его напарник на полголовы выше первого, килограммов на тридцать тяжелее и явно медлительнее. Такой себе боевой слон в миниатюре. — Шевели кадыком, гульной! Что буркалы выпятил? — перекатывая слова во рту, приближаясь, бросил через губу разудалый гопник.

— И то! — поддержал его мощный собрат по «гоп-стопу».

— Мальчики, — примирительно предложил я, — давайте без суеты. — Я поднял руки перед грудью в примиряющем жесте, изготавливаясь при необходимости совершить захват или нанести удар. Как уж придется. — Сам вижу, заблудился. Уже ухожу.

— Куда ты уходишь? Доходной, ты уже пришел. — Распальцованные стервятники встали плечом к плечу, не имея возможности зайти с разных сторон из-за узости помоста, на котором я продолжал стоять.

— Кати сюда валабаны², клифт бородатый³, а то жизни лишишься!

— Ребята, ребята! Да вы что, — напуская на лицо вид испуганного недоумения, запинаясь для вящей убедительности, попытался урезонить их я.

— Сейчас узнаешь что, варнак слепой.

Ну, слепой не слепой, а что надо, вижу. Говорун с блатной музыкой на устах — мужик самоуверенный, прет на рожон, как наскипидаренный. Громила, толку, что сажень в плечах, вперед него не полезет. Самое время проверить рефлексы местной братвы. Я дернулся в сторону низкого прохода в стене, всем своим видом старательно демонстрируя намерение попытать счастья в беге с препятствиями. Состязаться со мной в этом виде олимпийских игр явно не входило в планы безмерно крутых разбойников с заднего двора. Как я и ожидал, говорун рванулся к арке, желая отрезать мне путь к отступлению и неминуемо закрывая меня своим телом от более тяжеловесного собрата. Поступок, несомненно, самоотверженный, однако благодарность спасенного заставила долго ждать.

Р-раз! Моя левая нога, взмыв по короткой дуге, врезалась в коленную чашечку торопыги. От такого удара футбольный мяч взлетает в свечу под восторженные крики зрителей. Однако без вмешатель-

¹ Гульной — бродяга.

² Валабаны — деньги.

³ Клифт бородатый — богатая жертва грабителя.

ства опытного хирурга нога теперь разгибаться не будет. Это точно, без вариантов.

— А?! — Медлительный верзила отвесил челюсть, поражаясь тяжкой участи говорливого приятеля, с воем катающегося по дощатому настилу. Удар основанием ладони по ушам, захват затылка, поворот, и здравствуй стена разок-другой-третий, пока не утихнет в крови взрывной заряд норадреналина — холодной контролируемой ярости. Тело громилы обмякло, точно мешок, и рухнуло поверх стонущего заводилы.

— Смотри, не замерзай, — процедил я, с удовольствием разглядывая дело рук своих.

За моей спиной раздался тихий шорох. Я резко крутанулся на месте, уже готовый продолжить схватку.

— Я это, я, господин хороший! — Невзрачный как тень проводник, невесть куда исчезнувший на время стычки, вновь возник передо мной, точно из-под земли. — Ах, какая досада! Это ж надо такому случиться! Житья от них нет, супостаты! Извольте, извольте пройти за мной. — Он поманил пальцем, указывая вниз лестницы. — Вон туда, в мазуху¹.

Путь наш лежал в мрачный полутемный подвал, должно быть, некогда предназначавшийся для хранения вина, а нынче служивший то ли ночлежкой, то ли очень дешевым притоном.

— Погодите один миг, — почтительно склонил голову хожатай, останавливаясь у двери в конце подвала. — Я сейчас. Только доложу, что вы пришли.

— Опять ждать гостей? — осведомился я, демонстративно сжимая-разжимая кулаки.

— Что вы! Что вы, почтеннейший! Это ж так, сброд залетный, шляются, где ни попадя, людям жизнь портят!

С этими словами говоривший скрылся за дверью, оставляя меня в ожидании. Отсчитав минуту, я приоткрыл дверь, оглядел пустую комнату за ней и наткнулся взглядом на небрежно отброшенный ковер и грубо сколоченный из щелястых досок люк под ним. «То, что доктор прописал!» — усмехнулся я, неслышно подходя к потайному лазу.

— ...А и то сказать, — доносился оттуда голос моего проводника, — ты сботарь с ветра², прыснул, и концы в воду. А нам твой стри-

¹ Мазуха — подвал.

² Сботарь с ветра — вор-одиночка.

болит¹ на что? Так и до кичевана² допрыгаешься. На ланцухе³ не насидался?

— Пошто звякало разнудзал? — обиженно отозвался Поймай Ветер. — Нешто я не понимаю! Мне самому манелы⁴ таскать не с руки. Говорю тебе, не стриболит он.

— Говорю-говорю! Ты вон сказывал, что можно влегкую львенка поймать⁵ да на фуг его подоить⁶, а оно, вишь, промашечка вышла. Я и ойкнуть не успел, как он Мухолову ногу перебил. А Фуза клюквенным квасом умыл, так что тот мешком валяется, встать не может. Ты что же, Поймай Ветер, на плеши нам садишь⁷?

— Я сботорь деловой! — возмущенно отозвался мой старый знакомец.

— Деловой-то деловой, а кто за киф⁸ отвалит? Твой одинец парням налил, как богатому.

— Не думай, я вам красного товару⁹ отвешу, — отозвался ушлый воришко, поставленный моим разнудзанным поведением в весьма неловкое положение. — А тытише дыши, не ровен час он нас ливерует¹⁰.

Я невольно улыбнулся. Насколько можно было понять из оживленного диалога старых приятелей, выгодное предложение Поймай Ветра слегка почистить ушастого фраера на поверку оказалось не столь выгодным, как виделось вначале. Теперь же расстроенный гла-варь банды, а что-то подсказывало, что именно такова роль моего проводника, требовал у наводчика комиссионных за досадную промашку. С учетом пенсий по производственному травматизму, пеня явно набегала немалая. Самое время в ненавязчивой форме предложить неуловимому воришке тайную дружбу и покровительство. Как ни крути, отъезд из этого мира пока откладывается, а стало быть, такой ловкий агент никак не помешает. Какая же оперативная работа без агентурной сети! Борясь с желанием продолжить сеанс несанк-

¹ Стриболит — тайный агент.

² Кичеван — тюрьма.

³ Ланцух — цепь.

⁴ Манелы — кандалы.

⁵ Львенка поймать — обмануть богатого человека.

⁶ На фуг подоить — отнять деньги.

⁷ На плеши садить — обмануть.

⁸ Киф — побои товарища.

⁹ Красный товар — золото.

¹⁰ Ливерует — наблюдает.

ционированной прослушки, я со вздохом вернулся в прежнюю позицию, ожидая возвращения любезного проводника.

Скушать пришлось недолго, и уже через несколько минут я восседал перед хмурым жиганом, явно озабоченным создавшейся ситуацией.

— Пошто искал, одинец? — без обычной глумливой усмешки бросил он.

— Соскучился, — пожал плечами я. — А вот ты пошто псов на меня спустил?

Поймай Ветер скривил губы.

— Так ведь я, боярин, и добро помню и зла не забываю. Нешто запамятовал, как ты меня у Саврасова Засада прижал? Вот я и подумал, не отлить ли кошке мышкиных слезок. Да, вишь, хожа¹ мимо просквозила, меж двух остался².

— Да, неловко как-то получилось, — согласился я. — Ну, ты уж извини, что так вышло. Погорячился я тогда. Вот, хочешь, — я вытащил из-под рубахи заранее заготовленный кошель с убитыми енотами, — виру бери, чтоб промеж нас недомолвок и непоняток не было.

Воришка, которому кошелек с золотом, похоже, никогда еще не доставался так легко, недоверчиво принял подарок, подкинул куш на ладони и, оценив его полновесность, спросил с подозрением:

— Купить хочешь?

— На что? Воров ловить — не моя забота, — хмыкнул я. — А вот приятельство свесть можно. Ты парень ловкий, мне такие в деле пригодятся. А ежели что, сам знаешь, я у короля в почете, погутарим, перетрем, глядишь, и мимо нар проскочишь. Разумеешь, о чем я?

— Так, поди, не полено. Чего ж мне слов не разуметь? — понижая голос, заинтересованно проговорил юнец.

— Спросить тебя хотел, — начал я.

— Спрашивай. Коли не о братве речь, чего же не ответить хорошему человеку.

— Ты нынче в саду у дворца, поди, до самого утра толокся?

— Было дело, — осклабился Поймай Ветер. — Почитай, до первых лучей.

— И небось возле коновязи у пьяни рыжики стриг?

— Не без того, — с нескрываемой гордостью подтвердил вор. — Ну дык ведь, глядишь, бывало идет, бедолажный, шатается, еле ногами двигает, да еще кошель на поясе его к земле тянет. Как же высокому гостю не пособить? Без кошеля-то, поди, сподручнее!

¹ Хожа — удача.

² Меж двух остался — попал впросак.

— Сподручнее, — согласился я. — Но я о другом. Ты, часом, перед рассветом не видал у коновязи высокого мощного деда, вероятно, с длинным мечом? А с ним девушки или мальца твоих примерно лет.

Поймай Ветер расплылся в привычной уже широкой улыбке.

— Было дело. Я уж уходить собрался, а тут гляжу, к коновязи каренец¹ с чаханкой крадутся. У каринца точно, меч знатный, напополам с полувзмахом скосит. И сам он такой седой, а видно, крепкий, что дуб-столеток. Чаханка-то, — воришко покачал головой, — фря² норовистая, а глаз не отвести. Я еще подумал, куда они в такую рань навострились, петухи еще глаз не продрали. А дальше и вовсе потеха была! Чаханку-то каренец в тюк спрятал да поперек седла кинул. Ну и еще навьючил всякого барабана на скотину. Вот так двуконь, получается, к воротам и... — Он умолк и выпалил, озаренный неожиданной догадкой: — Нешто принцесса сбежала?

— Поймай Ветер, — я поднял вверх указательный палец, — мы с тобой приятели, и я по-приятельски тебя прошу, не звони. А это, — я достал еще один кошелек, — тебе за помощь и за молчание.

— Могила, — кладя руку на сердце, искренне поклялся пройдоха. — Чтоб я света не увидел.

В отеле вместе с Вадимом в номере меня уже поджидала не находящая себе места Делли.

— Ты уже рассказал? — здороваясь с изнервничавшейся соратницей, спросил я Вадима.

— Не-а, — потряс головой Злой Бодун. — Че ж я рассказывать буду? Ты крутил, твое право. В натуре.

— Понятно, — кивнул я. — В общем, так, Делли. Есть абсолютно достоверная агентурная информация. Маша покинула дворец вместе с Громобоем. Самое время готовиться к выезду.

Глава 21

Сказ о беглой царевне и пяти богатырях

Глаза феи светились нечеловеческим зеленым огнем, точно удвоенный сигнал светофора, говорящий, что трасса свободна.

— Это точно? — переспросила она, должно быть, осознавая в уме сказанное мной.

¹ Каренец с чаханкой — старик с девушкой.

² Фря — гордячка.

— Точнее не бывает. Мой агент видел Громобоя и принцессу сегодня перед рассветом. Тот как раз прятал ее высочество в тюк, приороченный к седлу вьючной лошади.

— Вот черное солнце! — в негодовании высказалась оскорбленная воспитательница наследницы престола, метая взглядом довольно отчетливые молнии. — Негодяй! Да как он посмел, старый дурень! Треснутая ступа!

— Судя по донесению агента, Маша следовала указаниям Громобоя вполне добровольно, — начал я, предупреждая возможные подозрения феи насчет причастности драконоборца к заговору мурлюкской колдуньи. — Впрочем...

В это «впрочем» я и сам не хотел верить. Однако мизерный шанс, что старый воин тоже завербован Повелительницей драконов, все же оставался. Хотя, если бы это было так, наверняка бы он передал Машу в руки лжегерцогини сразу после истории у Русалочьего гrotа.

— Мне потребуется несколько минут, чтобы собраться, — выпалила Делли, направляясь к дверям. — Выезжаем немедленно! Чтобы не терять времени, если хотите, поедем во дворец вместе. По дороге все обсудим. Да, и вот еще что, — продолжала она, застывая на пороге, — городская стража сообщила, что Громобой Егорьевич действительно покинул столицу на рассвете двуконь через Соловьиные ворота.

— Это те, от которых начинается дорога в Гуралию? — уточнил я.

— Они самые, — кивнула Делли. — Правда, ехать все равно придется через Субурбанию.

Особой нужды торопиться, честно говоря, я не видел. В любом случае, даже если августейшая беглянка со своим наперсником все это время двигалась галопом, что при холмисто-овражистой местности вокруг столицы само по себе было нереально, наши кони могли покрыть дистанцию, пройденную ее высочеством, за час, от силы два. Хорошо бы уточнить направление, но в принципе и это не слишком важно. И без того понятно, что сладкая парочка движется к месту исчезновения Элизея. А поскольку кратчайший путь из пункта А в пункт Б пролегает через уже знакомую нам Малиновую линию, то, стало быть, и ловить их надо где-то на перегонах этого маршрута. Вряд ли ее высочество пожелает выписывать кругаля, чтобы сбить нас с толку. Времени на это нет.

Хотя, если мои предположения верны, Повелительница драконов расстарается, на животе испляшется, лишь бы сделать Машину

дорогу в свои объятия максимально безопасной. Ежели от кого и надо сумасбродную принцессу оберегать, то более всего от самой себя. Как бы она от излишней отваги и чрезмерного усердия дров-то не наломала. По всему пути соломку-то не подстелишь!

Обсудив эти и подобные вопросы, мы вновь оказались во дворце. Личные покои воспитательницы ее высочества были невелики, всего-то три комнаты плюс скромное помещение для прислуги, гардероб, пара чуланов да небольшая караулка с круглосуточным нарядом дворцовой стражи. Впервые за время пребывания здесь мы очутились в гостях у Делли и, осознав, что находимся в жилище самой настоящей феи, начали с интересом осматриваться, стараясь получше запомнить увиденное для грядущих, хотелось верить, рассказов в семейном кругу.

Честно говоря, ничего заслуживающего особого живописания не замечалось. Разве что в одном из чуланов, в который Вадоня тайком заглянул, на полках вперемежку громоздились банки с надписями «Варенье земляничное», «Молотый зуб дракона», «Клюква в сахаре», «Слюна летучей мыши», «Глазной сок змеи уфор», «Повидло яблочное».

— На, держи. — Решительно настроенная фея торопливым движением вручила могутному витязю перетянутый ремнями торок. — Здесь одежда. Теперь снаряжение. — Делли заметалась по комнате, доставая из сундуков и комодов незамысловатые на вид штуковины.

Чтобы не мешать взвинченной женщине, пусть даже и фее, в экстренных сборах, я забился в угол и, стараясь поменьше отражаться в висевшем рядом зеркале, исполненном в виде симпатичной плоской рыбы, замер, дожидаясь конца предъездной суэты.

— Так! Гребень, — роясь в инкрустированном слоновой костью ларчике, сама себе командовала Делли. — Не этот, не этот... А, вот этот! — Она извлекла оттуда простенький деревянный гребешок вроде тех, которые во множестве продаются народными умельцами за езжим туристам под видом предметов старинных промыслов. — Не смотри, что прост! — перехватывая мой недоуменный взгляд, прокомментировала кудесница. — Глянь, как выйдет в рост! Штуковина это не простая. Коли ее позади себя кинуть, точно из-под земли станет лес частоколом, да такой, что хоть целый день по нему иди, а конца не сыщешь.

— Полезная вещь, — согласился я, кивая. — Для озеленения территории просто незаменимая. У тебя, случайно, еще нет? Дома с руками оторвут!

— Сейчас нет, — неожиданно сбиваясь с темпа, удивленно проговорила фея. — Вернемся, еще парочку сделаю, а нынче, сам понимаешь, недосуг. Ладно, что там у меня еще? А, вот! — Фея отворила один из сундуков и выдернула из него широкий пояс, усыпанный каменьями. — Тоже ценная штука.

— Ага, знаю! — расплылся в улыбке Вадим. — Если пояс кинуть, скалы вырастут. Правильно?

— Правильно! — кивнула Делли. — Отойди. — Она подвинула витязя, и из очередного ларя на свет божий явилась длинная белая скатерть, шитая по краям затейливым разноцветным орнаментом.

— Это че, в натуре самобранка? — едва находя слова от восхищения, выдохнул Ратников.

— Нет, — аккуратно складывая длинный белый холст, помотала головой Делли. — Это дорога скатертью. Кинешь ее: через горы, через болота, через реку дорога проляжет. Хоть пеший, хоть конный, хоть на возу езжай, все выдержит.

— Воз не поместится, — критически оценивая ширину скатерти, вставил я.

— Пожалуй, — согласилась наша верная соратница. — Но выдержать она его выдержит. Опять же, ежели на двух колесах воз пустить, то очень может быть, что и поместится. Ладно, Виктор, не отвлекай меня по пустякам! Вдруг что важное забуду, где потом искать станем? Так, это взяла, это взяла и это взяла, — скороговоркой проговорила фея, и отобранные ею вещи сами собой перекочевали в объемистую суму. — Что еще? А, вот! Вадим, посмотри, там, у очага, должно быть простенькое такое зеркальце в оловянной оправе. Нашел? Давай его сюда! — скомандовала кудесница.

— Из него че, типа озеро получается? — завороженно глядя на магический предмет, спросил Злой Бодун.

— Получается, — подтвердила фея. — Так, где мой сарафан? — Фея скрылась во втором, еще не исследованном пытливым взором моего приятеля чулане, и спустя минуту вернулась, неся в руках ярко-зеленое, усеянное крупными красными цветами одеяние.

— Оба-на! А это че? — в недоумении глядя на цветастую шмотку, заморгал витязь, мучительно пытаясь воскресить в памяти сказочные эпизоды, связанные с волшебным сарафаном.

— Знатная вещь, — похвалилась сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Если его под ноги преследователям кинуть, рассстелится меж вами поле зеленое, усыпанное маками. И кто на то поле

ступит, от дурманного аромата на пять дней беспробудным сном заснет.

Мне очень живо представилась картина: улепетывающая от неведомого врага Делли в последний миг, когда грязные руки коварных злодеев уже тянутся к ней, рывком сдергивает сарафан, и мерзкие негодяи, не в силах отвести взгляда от того, что скрывалось под сарафаном, ошарашенно ступают на внезапно возникшую маковую плантацию, чтобы безнадежно заснуть, упиваясь снами явно не пуританского содержания. Пожалуй, я бы не отказался отступать в этот момент вместе с феей.

— А это чего, тоже волшебное? — В мощных пальцах Вадюни мелькнуло что-то, похожее на крупный грецкий орех.

— Положи, где взял! — поспешило возмущаться фея. — Не для тебя кладено!

Но было уже поздно. Из открытого орешка выпорхнуло нечто белое, воздушное, кружевное, призванное облегать стройную женскую фигурку.

— А, это того, я чисто понял! — немедля выдал на-гора восхищенный увиденным Злой Бодун. — Если это бросить, вырастут заснеженные горы и бездонные пропасти!

— Если это бросить, можно схлопотать по шее! — пунцовея на глазах, отрезала Делли. — Это, между прочим, дамское белье. И куплено оно, к слову сказать, в вашем Кроменце в очень занятном магазине.

Мы с Вадимом молча переглянулись и уткнули взгляды в пол, не в силах скрыть улыбки. Сборы между тем продолжались, за сарафаном и зеркалом последовала самобойная дубинка, предварительно, правда, немилосердно огрев Ратникова по закоркам. В общем, сборы были в полном разгаре, когда в караульном помещении послышался шум голосов, и один из стражников, нерешительно постучав в дверь, чтобы не разгневать могущественную хозяйку, поспешило доложил:

— Гонец к вашей превосходительности. Изволите пустить?

— Пускай немедленно! — резко приказала Делли.

В покой феи почти вбежал высокий юноша в кожаных сапогах со шпорами, в темном охотничьем костюме, запыленном от быстрой езды.

— Фея милостивица, дозвольте слово молвить!

— Да уж говори, конечно, о чем сказ? — заторопила его Делли. — Не зря ж, поди, в такую даль мчался.

— Все, ваша превосходительность, по вашему указу учинили, как, стало быть, вы повелели.

— К делу, к делу давай! — оборвала гонца высокопоставленная сотрудница Волшебной Службы Охраны.

— В деревеньке Бугорки, что среди леса в девяти верстах от городских стен расположена, нынче поутру видали Громобоя Егорьевича.

— Славные вести, — кивнула фея. — И что же он там делал?

— Изволите знать, он, как водится, в своих каждонедельных объездах почтил особой своей дом толстой Феклы, дабы испить у нее парного молочка да разжиться свежим караваем в дорогу, — отрапортовал вестник.

— Бугорки эти в какой стороне будут? — поинтересовался я.

— Ну, так близ Царебатюшкого Займища. От субурбанской дороги прорубным трактом час пути, — дивясь моей необразованности, объяснил юноша.

— Все ясно, — благодаря его за информацию, кивнул я. — Так оно и должно быть.

— Ступай. — Делли кинула посланцу золотой. — Ну что, други мои верные, теперь, поди, все на нашу пользу складывается. Солнышка ясного да ветерок нам в спину! Самое время в путь пускаться.

Вадим молча взвалил на плечи увесистый торок с вещами, но тут Делли хлопнула себя ладошкой по лбу.

— Ну говорила же, не отвлекайтесь! Чуть не забыла! А денег в дорогу взять? Не подаянием же питаться?

Она приблизилась к мешку, где все еще стоял я, сдернула коврик, прикрывавший крышку, пожалуй, самого большого сундука, и, сняв с гвоздя за зеркалом ключ, отворила его с той небрежностью, с какой обычно открывают дверь подсобки с граблями и метлами.

Если бы вчера мы с Вадимом не спускались в подземелье государевой казны, у нас скорее всего был бы вполне реальный шанс лишиться дара речи. Но одно дело — королевская казна, другое — частный сундук, полный... очень полный... набитый под завязку золотом, драгоценными каменьями, жабсами, браслетами, диадемами и прочим несметным богатством. В общем, здравствуй, Остров Сокровищ, пиастры-пиастры, капитан Флинт. «Да-а-а, роскошный медведь! — мелькнула у меня в голове шальная мысль. — Поймай Ветер обрыдался бы, узнав о таком богатстве!» Я невольно вспомнил нашу утреннюю встречу. «Впрочем, он не медвежатник. Интересно, кстати, как он там сейчас разбирается с гангстерами?»

Точно в ответ на мой невысказанный вопрос пыльное рыбого-ловое зеркало очень выразительно глянуло на меня глазами рыжего пройдохи, заставляя невольно отшатнуться.

— О-ой! Чего это оно?!

По ту сторону зеркала, как по ту сторону окна, Поймай Ветер и мой давешний Сусанин, сидя в уже знакомом мне подвале, ожесточенно ругались над кучкой вываленных на деревянный ящик золотых монет. За проводником громоздилась пара мрачных амбалов с суковатыми палками в руках. «Похоже, у парня возникли проблемы», — покачал головой я, в целом смиряясь с тем, что зеркала в этом мире применяются никак не для галантейных нужд.

— Делли, а звук как здесь включается?

— Звук не включается, — заканчивая процедуру «оформления командировочных», ответила фея. — Это мурлюкская, как у вас говорят, «фигня». Ладно, пойдем, я тебе по дороге все расскажу.

Мы покидали Торец через Соловьиные ворота, стремительно направляя волшебных скакунов к прорубному тракту, где наверняка должны были отыскаться следы наших беглецов.

— Мурлюкское зеркало, — вещала фея, чтобы скоротать путь, — оно, конечно, волшебное, но в сравнении с нашим — жалкая подделка. Сам посуди: дальше ста верст оно лик не кажет, а ежели что и видно, то молчит, как рыба, из которой его, собственно говоря, и делают. А уж связаться по нему можно и не мечтать! Правда, ежели вблизи него о ком подумать, то оно того безответного в зеркале покажет. Ну а толку-то? Разве что за кем подглядывать можно. Одно слово — мурлюкская забава!

— Ну почему же, — не согласился я. — Можно было посмотреть, куда это наша Машенька намылилась.

— Держи карман шире! У нее талисманы знаешь какие! Они эдакую ерундовину гасят, что ураган свечу. Нешто, думаешь, я не пробовала? Тыфу, никчем! Давно бы выкинула, да неудобно. Де Бур когда-то на Солнцеворот подарил.

— Де Бур? — насторожился я, памятя о не до конца выясненной связи простодушного камергера с Повелительницей драконов. — А скажи-ка мне, подруга дорогая, через это зеркало с той стороны подглядывать никак невозможно? Ведь не ровен час лжегерцогиня и за тобой подслеживала сквозь эту штуковину?

— Эка ты хватил! Говорю же тебе, нет в том зеркале истинной силы. За сто верст глядеть, вот и вся забава.

— Сто верст? — Передо мной отчего-то явственно вырисовалась эта же дорога, но в тот день, когда мы лишь направлялись в столицу. — Сто верст. Тоже не безделка, во всяком случае, если предположить наличие у Повелительницы драконов подобной техники, а я в этом не сомневаюсь, становится понятно, каким образом колдунья голубка с известием у отеля прихватила.

— Поясни, — попросила Делли.

— Ты когда его в небо отпускала, до Торца как раз сто верст оставалось.

— А и то верно, — согласилась Делли. — Однако погляди, видишь, дымы над деревьями. До них версты две будет. Так вот это Бугорки и есть.

Деревенька Бугорки, очаровательное пасторальное местечко, расположившееся на обширной лесной расчистке, радовало глаз, слух и обоняние и ненавязчиво, но упорно манило оставаться здесь, забросив к чертовой матери все столичные треволнения. Толстая Фёкла, проживавшая в аккуратном домике с двуглавыми петухами на венце крыши, и вовсе поразила меня тем, что при ближайшем знакомстве оказалась не толстой, да, если вдуматься, и не Фёклой. Во всяком случае, я женщин с таким именем представлял себе несколько иначе. Оставалось констатировать, что у старика Громобоя губа явно не дура.

Я с удовольствием выслушал рассказ этой очень милой улыбчивой женщины о том, как поутру гостевал у нее грозный драконобоец, не узнав, впрочем, ничего особо ценного, кроме разве что сообщения о том, что старый воин приезжал как всегда в одиночестве, без спутников, а уж тем паче спутниц. И хотя радушная хозяйка пытаясь говорить обо всем сразу: о погоде, о видах на урожай, о деревенских новостях, все же рассказ о заезжей знаменитости занимал в ее повествовании главное место.

— ...Тогда он и сказывает мне, облобызив в обе щеки: «Фёклушка, сердечко мое, проводи-ка меня до лесной тропки. Путь-дорога мне предстоит неблизкая, не ведаю, когда и обратно ворочусь». — Мягкий голос женщины звучал убаюкивающе нежно, так что я едва не пропустил бесценной информации, слетевшей с ее уст с той же беззаботностью, с какой золотоносный поток катит в волнах драгоценные песчинки.

— Прошу прощения, уважаемая Фёкла, — перебил я течение ее плавной речи. — Вы хотите сказать, что знаете, по какой тропе Громобой Егорьевич отправился в лес?

— Вестимо, знаю, — снова улыбнулась добрая хозяйка. — Как же не знать, когда я его до той тропы провожала? Во-он, за яром дуб видите? — Она указала на поросший малинником овраг, отделявший деревню от дремучего леса. — Покрученный такой, как старый дед. Там он в пущу и вошел.

— Спасибо вам огромное, — поклонился я, спеша вернуться к скакуну Феррари, — вы нам очень помогли. Поехали, — скомандовал я, вскакивая в седло. — Егорыч тщательно позаботился, чтобы мы не сбились с пути.

Мои предположения о том, что хитроумный драконий ловчий не даст погоне потерять след, нашли подтверждение примерно через полверсты от лесной опушки. Словно в насмешку над нами хитрым лисьим хвостом с перекинутой над тропой ветки свисал длинный кусок дорогой узорчатой тесьмы, той самой, Элизеева подарка.

— Это типа чего они? — настороженно глядя на колеблемую ветерком яркую ленточку, спросил Вадим.

— Нам сигналят, — хмыкнул я. — Чтоб мы их не потеряли.

— А на фига?

— Маша девушка разумная, понимает, что вдвоем с Громобоем ей против колдуны тяжеловато придется, вот и вытягивает нас по дальше от столицы, чтобы уболтать с ней идти. Мол, раз уж все равно поехали, что возвращаться? Снявши голову, по волосам не плачут. Потому и тропу за собой помечают.

— Хитро в натуре, — покачал головой витязь. — Ну а типа вдруг кто отвяжет?

— Не отвяжет, — вмешалась в разговор Делли. — Здесь это не в заводе. Ежели висит на дереве тряпочка или, скажем, тесемка, так, стало быть, оно и надо. Либо то подношение лесным духам, либо беду кто в узел завязал. Тогда уж и подавно следует держаться подальше от того места. Ну что, тронулись? Встретим Громобоя Егорьевича, скажем спасибо.

Кусочки тесьмы встречались примерно через каждую версту, но уже то слева, то справа, чуть в глубине среди ветвей, так, чтобы не сразу попасться на глаза. Уж и не знаю, чья это была выдумка, однако сработала она безупречно. Быстроходным преследователям пришлось сбросить скорость до минимума, чтобы не пропустить драгоценные метки. С той же целью находчивые беглецы развесивали указатели у развилок, вернее, много дальше этих развилок, заставляя нас разъезжаться в поисках условного знака, затем вновь возвращаться к перекрестку, чтобы вместе продолжить путь. Одним сло-

вом, погоня эта больше всего походила на игру в «казаков-разбойников».

Большую часть пути мы ехали лесом, и лишь однажды тропинка вынырнула из чащобы, являя взору широкое пшеничное поле, по-росшее золотыми колосьями, склонившимися под тяжестью зерна. В тени деревьев, откровенно отлынивая от работы, дремало человек десять крестьян в вальяжных позах, да несколько крестьянок напевали что-то заливисто-лиричное, плетя венки мерно сопящим кавалерам.

— Это у них такая уборочная страда? — мимоходом окинув взглядом картину всеобщей расслабухи, поинтересовался я.

— Она самая, — подтвердила Делли.

— Почему же никто ухом не ведет?

— Знамо дело, — не замедлила с ответом боевая подруга, — вышло солнышко в зенит и работать не велит.

— Так полдень вроде уже давно миновал, — высказал я неуместное в общем-то недоумение.

— Ну и что с того? Нешто не видишь, какой денек ясный да пригожий? Как же такую радость небесную потом да ломотой поганить? Лежат себе люди, празднуют, слова нежные земельке шепчут за то, что она им так густо уродила. А она радуется и того пуще родит. Опять же, ладной песней светило балуют, а оно им колосок к колоску золотом обливает. Благодать!

— Так что празднуют-то? — с бесцеремонностью чужака спрашивал я.

— По-разному, — пожала плечами кудесница. — С утра восход солнечный славят. Днем, вот как сейчас, лик его пресветлый воспевают. А к вечеру, когда по домам время идти, печалуются-убиваются, что опять оно от нас за Хребет уходит. И уж так тому убиваются, что как же на другой день не возрадоваться, когда его снова увидишь?

— Все это замечательно, — к удивлению Делли, не унимался я. — Ну а когда убирать урожай?

— Да ну мало ли хмурых дней, когда и делать-то нечего, кроме как работать! Ты, Виктор, не сомневайся, каким-нибудь чудом урожай обязательно соберем. А и то сказать, все брать негодяще, все-всешеньки лишь разбойник отбирает. А коли даже и не соберут того, чтоб зиму протянууть да по весне поле засеять, государь-то заступник на что? Спишется, гонцов разошлет, тут тебе и из Субурбании зерна подвезут, из-за Хребта подтянут... Одним словом, не даст пропасть надежа Базилий Иоанович.

— Так ведь расходы какие? — выпалил я, отказываясь воспринимать услышанное.

— Ну ты сказал, одинец! — Фея покачала головой, глядя на меня с сожалением, точно на безнадежно больного. — Оно, конечно, не без того, расходы имеются. Но сам посуди, от короля народу и празднику, и хлеб, и послабления. А его величеству за то от простого люда низкий поклон и всеобщая любовь. Это, знаешь ли, убитыми енотами не измеришь!

Я вынужден был замолчать, сраженный логикой доводов особы, приближенной к государю, и, не останавливаясь среди празднующих земледельцев, мы продолжили путь по тропинке, отмеченной вышитой тесьмой.

Спустя час дорога пошла в гору, и мы последовали ее примеру, немилосердно колотя по спине ни в чем не повинной тропы копытами волшебных скакунов. Поросший у основания молодым сосняком холм, на который мы взирались, имел лысую вершину, где нас ждали, судя по всему, уже давно. Посреди каменистой поляны, вскидывая вверх шлейф легкого сизоватого дыма, уютно плясали языки костра, над которым обжаривалась пара куропаток, еще утром, вероятно, и не помышлявших о такой злополучной судьбе. Возле огня на угловатом валуне, задумчиво подперев голову, сидел Громобой, опираясь на свой длинный меч. Стrenоженные расседленные кони паслись неподалеку, щипая выгоревшую траву, едва поводя глазами в сторону вновь прибывших всадников. Должно быть, по их конскому разумению волшебные существа, каковыми являлись наши скакуны, не были достойны обычного приветствия звонким ржанием.

— Мягко ли добрались, путнички? — не меняясь в лице, поинтересовался драконоборец. — Давно уже вас тут ожидаюсь.

— Да... да как ты смел?! — Речевой взрыв потряс округу, и со стороны, вероятно, показалось, что на плеши лесного холма норовит проснуться умерший еще в доисторические времена вулкан. Мы с Вадимом невольно заткнули уши, ибо выслушивать яростный камнепад обвинений в адрес бестолочи, пустобреха, недоумка и прочая, прочая, прочая Громобоя Егорьевича было выше наших сил. — Где Маша?! — завершила словесные извержения разгневанная фея, и над поляной повисла тишина, нарушаемая только кашлем обалдевших от услышанного сорок.

— Туточки, — укладывая обе ладони на крыж меча, степенно ответствовал старый воин. — Поблизости склонилась. Наде-ежно склонилась, без собаки вам ее нипочем не сыскать. Поклялась она

светом ясным найти друга сердечного, а уж коли поклялась, то, значит, так тому и быть. И докудова я жив, вы ее с честного пути не свернете.

— Старый дуралей! — оскорбилась в лучших чувствах фея. — Да ведомо ли тебе, какие страхи лютые и какие вороги злые поджидают ее на этом пути?!

— И мне то ведомо, и ей то знаемо, — кивнул драконоборец. — За что и люблю ее, егозу, что сила в ней недюжинная и доблесть неизмеренная. Потому слушайте Машенькино слово крайнее, да и меркуйте, как оно дальше быть. Коли желаете вы с дщерью государевой в дальние края идти супостата превозмогать, стало быть, ступать нам с вами заедино. Ну а коли нет — либо ни с чем домой ворочайтесь, либо судьба вам со мной нынче мечи скрестить. А там уж как пойдет.

— Это он типа кампиона? — радуясь возможности блеснуть эрудицией, вставил Вадим. — Кайфовый дедуган, крутой, что Кавказские горы! Слыши, Клин, — продолжил он, — я вот че себе соображаю. В натуре поехали, принцессе подсобим. И ей не так страшно, и нам по приколу. Опять же, — он понизил голос, — надо ж дать Щеку время прокрутить лавэ.

Под седыми усами Громобоя заиграла довольная улыбка. По всей видимости, он не сомневался, что в лице новоиспеченного боярина Злого Бодуна отыщет верного союзника.

— Угомонись, Вадик, разве не понятно, что мы и так едем. Вот уж поистине, хвост вытащил — нос увяз!

— Ну вот и аюшки! — удовлетворенно проговорил седовласый ветеран.

— Едем! — сквозь зубы процедила разобиженная Делли. — Все спокойнее будет.

— Ну, смотри ж, — поднимаясь с камня, пригрозил грозный воин, — слово дадено, его солнце слышало! — Он отложил меч и трижды хлопнул в ладоши. И хлопки эти, несомненно, служившие условным сигналом, звучали для меня аплодисментами абсолютной и чистой победе ее сумасбродного высочества.

Наш путь лежал к Малиновой линии, почти туда же, где Вадюня принял свой первый бой в богатырской номинации и где мы впервые столкнулись с голубиной почтой, доставившей впоследствии столько хлопот. На импровизированном военном совете было решено, что Громобой Егорьевич провожает нас лишь до границы, а затем возвращается в Торец с добрыми вестями для пребывающего в

волнении и тревоге безутешного монарха. Конечно, доводы речистой феи о страданиях августейшего отца и беззащитности отечества перед возможным нашествием стай драконов-отступников были весьма убедительны, но и то сказать, мне отчего-то казалось, что позиция Делли — лишь скрытая месть оскорблённой кудесницы за содействие вероломному побегу упрямой девчонки. Ее бы воля, и впавший в немилость Громобой отправился бы в столицу прямо с места нашей встречи. Но тут коса нашла на камень, и ей пришлось уступить желанию своей строптивой воспитанницы. Поэтому к границе мыдвигались впятером, неминуемо теряя время из-за тихоходности аргамаков драконьего ловчего.

— Ну, времена пошли! — брюзжал Громобой Егорьевич, остро переживавший исключение из рядов участников предстоящей авантюры. — Последние времена!

— Отчего же вдруг? — бросая на воинственного старца заинтересованный взгляд, спросил я.

— Ну, так ведь как же иначе? — Егорыч гневно сгреб бороду в кулак. — Раньше-то великой державой звались, могуществу нашему весь мир дивился! Мурлюков от супостата спасали! Орду точно пардуса на грудь принимали да хребет ей ломали! А ноне-то, ноне?! Не пойми что, ни дать ни взять задворки Империи Майна. Помяните мое слово, какось поутру очи разлепим, а уж посреди двора Железный Тын высится. А ведь с малого, с малого-то все начиналось! Раньше как было: во главе страны государь-батюшка, а поданные его, как один, дети родные, возлюбленные чада. Семья, стало быть! Так и звалась Грусь — Государство батюшковщина. Так нет, вздумалось деду нашего государя перед иными странами фасон соблюсти. Обаяли его торговые гости иноземные, мол, что еще за «батюшка», зовитесь-ка лучше королем. Так оно и нам яснее, и в чужих краях привычнее. А стало быть, коммерция с вами возрастет до небес! Ну, прозвался он королем, и что же? Много ли в пустом словце прибытку? А Империя как смотрела на Грусь с опаской, ибо мы для нее чересчур силы много имеем, так и смотрит. Вот их охота и обуяла силушку-то богатырскую поумерить да на кадрили и политесы расплескать. Ибо, коли самим сильнее не стать, так пусть лучше мы слабыми да пьяными сделаемся. Не зря же в народе говорится, кто на своем пути, споткнувшись, на чужой поворотит, тот себе голову сломает. Ну, сами Посудите, с малого же началось! С глупого прозвания батюшки-государя «король», которое ни сердцу, ни уму ничего не говорит. А теперь-то что? Вот мы уже у самой Малиновой линии, а сторожи-то не

видать! Нету ее, сторожи-то! Была, да вся вышла. Во-он, гляди-ка, малец-пастушок в самом запретном месте буренок пассет. Срамота, глаза б мои не видели!

В распадке между холмами действительно виднелось убогое деревенское стадо, мирно жущее подсохшую за лето траву. Чернявый подросток лет четырнадцати, развались под бузиновым кустом, искося поглядывал за своими рогатыми питомицами, наигрывая на дудке что-то довольно мелодичное.

— Совсем волопасыстыд потеряли! — хмуро прокомментировал мирную картинку блюститель чистоты старинных укладов. — О! А вон, гляди-ка, гляди! — Громобой, становясь еще мрачнее, ткнул пальцем в небо. — Возы полетели!

— Кто? — переспросил я.

— Не «кто», а «что»! Возы! — выпалил драконоборец, привыкший созерцать небесный свод. — Нешто сам не видишь?

Я уставился туда, куда указывал мой собеседник. Чуть пониже облаков, стремительно заходя на посадку, победно выставив вперед дышла летел воз... за ним другой. Вслед за первым звеном, словно по мановению волшебной палочки, хотя кто их разберет, может, так оно и было, над Малиновой линией появился еще один летучий фургон.

— Экая поруха! — грозно сдвигая седые брови, сердито буркнул старый воин. — Вы уж как знаете, а только след съездить да глянуть, что сие действие означает.

Точно подстегивая нашего воинственного спутника, пастушок, также наблюдавший миграцию возов в сторону восхода, начал играть что-то бравурное, плясовое, подзадоривая невольных слушателей пуститься вскачь. Что мы и сделали.

Обломки возов валялись на опушке леса, тянувшегося от границы в самое сердце Груси Алой, наглядно демонстрируя верность утверждения, что редкий воз долетит до середины королевства. Устройства, смягчающего посадку, не было предусмотрено на этих странных летающих аппаратах, а потому о восстановлении разбитых в щепы транспортных средств можно было даже не помышлять. Да никто и не помышлял. Вокруг груза, разбросанного на месте приземления возов, расторопно бегали носильщики, перекладывая мешки с контрабандным, по всему видать, содержимым в крытые парусиной фуры.

— Ах, гужееды ненасытные! — снимая с седла хищно поблескивающий клинок, процедил Громобой Егорьевич. — Так они, стало

быть, неуказанный товар через Малиновую линию перекидывают! Ну, так срок им вышел!

Я попробовал было вмешаться, напомнить о важности нашей миссии, но старый богатырь не слушал. Сейчас его больше интересовала шайка самозваных стражников с топорами и пиками, стерегущая перегрузку товара. Краем глаза я заметил, как готовят к бою смертоносное копье Злой Бодун. «Не удержать!» — тоскливо подумал я.

— Ваше высочество, — точно в подтверждение моих мыслей начал возбужденный предстоящей атакой Ратников, — в натуре пересядьте, пожалуйста, на свою лошадку!

— За короля! — раздалось из леса. — За короля! Круши их, Светозар Святогорыч! Бей, Неждан Незваныч! Секи, Лазарь Раввинович!

— Ну вот, — успокоился я, — и без нас...

— Так ведь наши там! — попытался перебить меня Вадим.

— За батюшку моего! — пронзительно воскликнула Маша, давая шпоры своей гнедой кобыле.

— За государя! — раскручивая меч над головой, вторил ей Громобой Егорьевич.

— За-ашибу! — прокатился над лесом и холмами боевой клич Злого Бодуна.

— Господи, на кой ляд нам это нужно?! — прошептал я, пуская Феррари вслед разбушевавшимся соратникам.

Глава 22

Сказ о старом друге и возвращении на круги

Покончить со стражей, как выражался Вадюня, было делом двух пинков. Пятерка витязей, предводительствуемая сбрендившей от азарта принцессой, разметала вооруженное мужичье, как тихасский смерч дощатый сортир. Вялое сопротивление, оказываемое контрабандистами, нисколько не походило на те кровавые сцены, которыми так любит услаждать зрителей голливудский исторический ширпотреб. Мне даже показалось, что в невольных жертвах среди преступной братии виновата скорость богатырского натиска блюстителей королевских интересов. Атакуй мы помедленнее, ловцы удачи попросту сложили бы оружие, не доводя дело до боестолкновения. Многие так и поступили, но кое-кто не успел, мир праху их. Резуль-

татом операции был захват трех фур с контрабандой и двух десятков разномастных прощелыг, пойманных на горячем. Ну и, конечно, возгласы радости и объятия по поводу неожиданной, но весьма своеевременной встречи.

Но вот с торжественной частью и увязыванием разбойного полона в единую длинную вереницу было покончено, и тут из-за ближайших кустов на опушку выбрался давешний пастушок, сменивший, однако, флейту-самоструг на перо, чернильницу и свиток пергамента.

— Ну что, други мои верные, — раскатистым басом провозгласил Светозар Святогорыч, — лихоимцев повязали, самый черед ловитве¹ досмотр учредить! — Он спрыгнул с коня, вызывая вполне ощущимые колебания почвы, и, выдернув из ножен кинжал, приблизился к стоящей рядом фигуре. — Иерусланчик, я при многих соглядатаях почну мешкам брюхо взрезать, а ты всему, что здесь узришь, веди строгий учет да опись. Тебя же, — именитый муж отвесил поклон стоящей поодаль фее, — Делли, дочь Иларьева, по прошу, коли не в упрек, пояснять мальцу, что за диковины мы нынче прихватили.

— Я готов, дядюшка! — отрапортовал остроглазый наблюдатель, окуная перо в висящую на поясе чернильницу. — Сего числа, месяца и года...

Я с уважением посмотрел на юношу. Насколько я мог заметить, грамотность не входила в набор добродетелей местной знати. А вот на тебе!

Между тем кинжал Светозара Святогоровича пробил тугую мешковину, и она затрещала, точь-в-точь надежда хозяев груза на богатую выручку.

— Сынок мой, — заметив уважительный взгляд высокого гостя, похвалился гарцующий здесь же Лазарь Раввинович. — Я-то понячалу против был, чтобы батька мой онука всем этим закорюкам да счету учили. Ни к чему молодому витязю книжными премудростями голову задуриивать! А вот на тебе, на что-то, да и сгодилось!

— Та-ак! — прогудел Святогорыч, доставая из вспоротого вместелища диковин надтреснутое зеркало уже знакомой нам рыбообразной формы. — Тут у нас, значит, скло захребетное, потребное для чего-то... непотребного. — Он покрутил в руках трофея, пытаясь охарактеризовать его как можно более точно. — Скло это сработано в виде рыбы карпа. В мешке таких десять штук, из коих три, по всему

¹ Ловитва — добыча.

видать, уже ни к чему не годны. И кто ж только удумал такой жантильный¹ товар, точно куль с овсом, поверху перекидывать? У кого ж на такое рука поднялась?

Послушное воле господина, зеркало не замедлило дать вопрошающему исчерпывающий ответ в меру своих скучных возможностей. Из зазеркалья на именитого витязя глянула рожа с бегающими глазками и тяжелой челюстью.

— Клин! Клин, глянь-ка! — радостно завопил Вадюня, тыкая в рассеченное трещиной лицо. — Ты эту харю узнаешь?! Это же в на-туре Юшка-каан, чтоб его пять лет запоры мучили!

Вне всякого сомнения, он был прав. И бегающие глазки, и тяжелая челюсть, двигающаяся в безмолвном разговоре, безусловно, принадлежали повелителю правого берега реки Непрухи думному раднику Юшке-каану. Однако, не ограничиваясь ответом на первую часть вопроса хозяина, зеркало, точно камера, сместило изображение чуть ниже (должно быть, Юшка, по обычая, восседал на скакуне с совенком промеж ушей) и выдало на поверхность того, у кого поднялась рука отправить в полет столь ценное имущество.

— Блин, ну ты приколись! — вновь радуясь неизвестно чему, завопил Злой Бодун. — Наш толмач! Не, ну я чисто по жизни торчу, полный набор корефанов! Нарочно, что ли, съехались?

Вряд ли Юшка-каан и наш переводчик, ставший к этому времени завзятым мздоимцем, приехали сюда исключительно для встречи с нами. Но, похоже, в скором будущем это событие их ожидало. Во всяком случае, я весьма настоятельно желал пообщаться с главой кланов Соборная Субурбания в приватной обстановке.

— Дядюшка Светозар, — перебил наши прозрения Иерусланчик, — а как его писать: скло смотрительное или, может, скло дальновидное?

— Да уж вестимо дальновидное! — пожал плечами витязь.

— Уяснил, — кивнул мальчишка, пуская перо танцевать по пергаменту.

— Не «дальнА», а дальнОвидное, — поправила писаря Делли, заглядывая через плечо юноши в опись.

Я невольно посмотрел в текст и... склонился к уху феи.

— Делли, ты этот почерк узнаешь?

— Узнаю, — в тон мне тихо ответила кудесница. — И почерк, и грамматику. Но только к чему теперь это?

¹ Жантильный — деликатный.

— Ни к чему, — покачал головой я. — Так, одной загадкой меньше.

— Братец милый! — послышалась неподалеку зычная речь Неждана Незвановича. — Мне тут старинушка Громобой Егорьевич сказывал, что вы на ту сторону Малиновой линии стопы свои поворотили?

— Есть такая буква, — охотно согласился Вадюня. — А че?

— Так я к тому, что, может, покудова ловитву не описали, всякой срундовины себе прихватите? Оно в Субурбании ко многому сгодится. Ежели по нужде, так и сменять на что.

Я невольно усмехнулся, услышав оборот «по нужде», однако названный брат моего соратника и не думал играть словами.

— Клин, — повернулся ко мне Ратников, — а в натуре, может, зацепим какую фиговину. Сам прикинь, подаришь Ксюхе волшебную палочку, чтоб та ей белье типа стирала. Опять же, Дашке там, ну сам кумекаешь. Короче, в натуре клевые гостинцы. Все равно ж процентов тридцать груза на бой и лом спишется.

— Давай, — махнул рукой я, — зацепи что-нибудь. Да только поторопись! Уж очень мне хочется Юшке-каану в глаза поглядеть.

— Ну дык ясен корень! — согласился Вадим. — И посмотреть и зарядить промеж них!

Я не глядел, что запихивал в свой бездонный рюкзак боярин Вадим, сын Ратников. Как по мне, так и сама эта походная торба была сродни волшебству. Только за последние трое суток из его недр появлялись палатка, котелок, специи, ложки, вилки, фляга с коньяком, алюминиевые раскладные стулья с брезентовым сиденьем и многое-многое другое, предусмотрительно захваченное в дорогу хозяйственным перегонщиком железных колесниц. Я слушал ворчание Громобоя и речи Лазаря Раввиновича, повествующие о нелегких буднях пограничной службы.

— Ведомое ли дело, батюшка Громобой Егорьевич, на этой седмице уже в четвертый раз возы ловим. А они все кидают — не перекидают!

— Загадили Грусь мурлюкской заразой, — вторил витязю драконоборец. — И добро бы панский товар¹ везли, за который-то и убитых енотов не жаль. А то ж так и норовят из фуфоли в шелупонь передернуть! Перстю да гнилью нас потчуют! Силы в том волшебстве на полвздоха, хлын² досужий к ловкой безделице попривыкнет, а она

¹ Панский товар — добротный, качественный.

² Хлын — бездельник.

пшик! Волшебный дух из нее долой. А коли хочешь новую игрушку, опять гони деньги. И ведь всегда ж сыщутся олухи белогубые, коим золота-серебра отцовского на то не жаль. Быстро народишко-то наш к фуфоли привыкает, ой как быстро!

— Верно баете, почтеннейший Громобой Егорьевич, не по уму дело делается. Самим бы их промыслы освоить, так ить куда ни кинь, работать некому. А кто к любому делу гож да в ремесле сноровист, на того иные глядят, как на диво дивное, сквозь твердь земную проросшее. Оттого-то я и сына Иеруслана грамоте учить не желал, что, когда кругом себя не зришь да умишком о жизни не мыслишь, так оно и легче, и радостнее. Солнышко встало — спасибо! Дождик покапал — снова ладушки! А уж коли научишься буквицу к буквице тулить, все, пиши пропало! Хоть как раскидывай, а все равно туга и печаль выходят.

Я молча вздохнул, мысленно соглашаясь с заявлением невежественного витязя. Ничего не попишешь, голова обречена давить на все остальное тело. Но, впрочем, без нее не легче.

Но вот гостинцы были упакованы, и поисковая экспедиция в полном составе отправилась на другую сторону Малиновой линии.

— Вы уж берегите себя! — обнимая за плечи названого брата, увещевал заботливый Неждан Незваныч. — Субурбанцы известные мироеды. За каждый чих грош тянут. А тут еще сказывают, ордынские разъезды неподалеку от самого Елдйн-града видывали. Бают, поля да угодья потоптали, изгороди да сараюшки по бревнышкам раскатали.

— Да как же вы их пропустили-то?! — услышав его слова, возмутилась фея.

— Не было того! — оскорбленно задирая подбородок, мотнул головой Неждан. — Мимо нас не то что разъезд, а и тень ордынская не проскользнула! Сам в голову не возьму, с каких краев они там взялись?

— Хвалько! — махнула рукой кудесница.

— А вы ежели встретите, сами у них и поспрошайте! — уже вслед нам крикнул витязь.

— Всенепременнейше! — отозвалась фея, готовясь разомкнуть Малиновую линию.

Благодатная земля Субурбании встречала своего блудного присяжного сына, его коня и свиту деловитой суетой. Возле гигантского метательного устройства, которое язык не поворачивался назвать

катапультой, копошилось несколько десятков работников. Демон-таж «возомета» был в полном разгаре. Командовал бригадой наш старый знакомец, лик которого мы совсем недавно имели счастье наблюдать в треснутом зеркале-карпе.

— Эй, толмач! — приближаясь к суровому прорабу, весело крикнул Вадюня. — Как в натуре стоишь, ну типа перед высоким начальством?

Переполошенный окриком мздоимец резко обернулся и, увидев нас, расплылся в благодушной улыбке.

— О! Господин подурядник левой руки! — спешно кланяясь в пояс, завопил он. — Как я рад вас видеть!

— Ну дык ясное дело! — раскинул пальцы Вадюня. — Кому ж не в радость меня видеть? Не, ну в натуре ты знаешь, кому не в радость? Если знаешь, скажи, я уж с ним по понятиям перетру.

— А поговаривали, господин подурядник, что вы изволили нас покинуть, — скороговоркой выпалил наш бывший переводчик.

— И кто ж тебе такое наплел? — до глубины души возмутился Вадим. — Небось Юшка-каан?

— Ох, как вы верно зрите, в самый корень! — поспешил прогнуться перед начальством мелкий мздоимец. — Это ж скольких пядей во лбу надо быть, чтоб так наскрользь все проницать!

— Да ну обломись, — скромно оборвал поток словесный Ратников. — Мы, крутые парни, всегда в курсе. У нас, если хочешь знать, конкретно везде свои люди. А вот ты мне скажи, что вы тут за хрено-тень устроили?

— Ну, так извольте понять, отец-кормилец, все ж по указу. «Гуманитарная помощь» прозывается.

— А че ж не через ворота?

— Так мурлюки ж скромны-ые, спасу нет! К Юшке-каану давеча приехали и бают, отчего же это вдруг всем народам живется хорошо и привольно, и только одна Грусь в стороне прозябает. Негоже это дело, не божеское. А коли так, надо им помочь безвозмездно. Ну токмо чтоб без всяких там рассусоливаний, без речей... В общем, по-тихому. Как это они там сказали? А! Что б правая рука не ведала, что делает левая. Не то ведь прознают в Груси, как им плохо живется, огорчается, плач пойдет по стране, стоны всякие. И тут на тебе — мурлюки. Мол, дарим с барского плеча. Не годяще так людишек-то умалять. А они ж ну чистые благодетели! Вежеству и политетам всяkim ученые, разумные, спасу нет! К чему нам, говорят, слава, лишь бы люд кругом радовался да Деву Железной Воли нахваливал. Во-

от, — завершил он. — Ну а поелику мы все равно за неимением врагов разоружаемся, то, стало быть, Ефросинью Великую к делу-то и пристроили. — Он ткнул пальцем в сторону гигантского пускового устройства.

— Тю! Да как же в натуре врагов-то нет? — возмутился подурядник. — А поговаривали, что под самым Елдин-градом ордынцев видели.

— Ну, видать-то их не видали, — покачал головой бывший воин. — Они точно в воду канули. А вот следы-ы! Те да, в большом количестве имеются. В Бровурцах домину порушили, у кобольдов шахты засыпали, в общем, страх и ужас! Да вот беда, коли ордынцев тех не видно, то и с катапультой против них делать нечего. Ну а так-то иных врагов нет. С одной стороны Великий Железный Тын, с другой — Малиновая линия, живи себе, как у Нычки за пазухой. Или опять же по-мурлюкски, как у бога на лицевом счету.

— Как у бога, да убого, — хмыкнул я, с интересом дослушав содержательную речь простодушного мэдоимца о положении внутри страны и «благотворительных» акциях неведомых затынных доброхотов. — А скажи-ка, мил-человек, не известно ли тебе вдруг, где сейчас почтеннейший Юшка-каан? Поговорить с ним надо бы.

— Эк вам не свезло! — покачал головой толмач. — Вот же ж тут был! На том же месте стоял! Самый чуть перед вами отбыть изволил.

— Ну что, догоним? — повернулся я к Вадиму.

— Ну так ясен пень! — на своем невообразимом наречии, непереводимом даже для субурбанского толмача, ответствовал Вадюня. — Ща катнем по-быстрому.

Уж не знаю, что из вышесказанного понял мелкотравчатель мэдоимец, но общую суть происходящего он уловил верно. А потому, не желая отпускать без личной корысти могущественных благодетелей, чуть было не впился в сапог Злого Бодуна мертвой хваткой:

— Вельмочтимый господин подурядник! — чуть приглушая голос, чтоб не слышали монтажники на Ефросинье Великой, затарахтел он. — Не извольте на фиг отсылать, дозвольте слово молвить. Я, с позволения вашего и по милости несказанной всепредержащего Нычки, уже неделю как в подстольниках уряда Дачи Людской состою. Так и еще хвостней поднакопил...

— Чего-чего? — перебил его Ратников. — Кем куда ты состоишь?

— Уряд Людской Дачи, — тихо прокомментировала Делли, — это место, где распределяют милости государевы. Кому за верную службу пансионы назначают, кому надел на кормление, дабы службу

нес ряно и о прожитке не тужил. Ну и всем немощным, больным да убогим посильная милостынька с королевского стола. Очень выгодное место! Немудрено за неделю денег поднакопить на следующий чин.

— Так я дитятками малыми вас заклинаю, — дождавшись конца пояснения, вновь затараторил субурбанец, — коих одеть-обуть надо да в свет вывести. Не обойдите, по милости своей, меня своей милостью!

— Те че надо-то, брателла? — подивившись столь изысканному обороту речи, по-боярски лениво бросил Вадим.

— Чинок бы повыше, — смахивая слезу, драматически попросил старый знакомец, доставая из портков кошелек с хвостнями. — А я в долгу не останусь, моя верность каждому ведома!

— А, ты типа в этом смысле, — принимая посильное воздаяние, кивнул Ратников. — Ладно, будь по-твоему. В общем, короче, назначаю тебя застольником Уряда Коневодства и Телегостроения. Будешь, как его, этот, офис-менеджер.

— А это что еще за диво дивное? — шепотом задал вопрос удивленный карьерный делец.

— Офис-менеджер, братан, это круто! Сейчас чисто рулишь в столицу. Снимаешь какую-нибудь хоромину в центре и отлиствываешь глашатаям, чтоб они объявили, вроде того: кто хочет улучшить чисто себе породу, ну, в смысле, не себе, а кобыле, пусть идут к тебе, шуршат хрустами и регистрируются, кто за кем в очереди. Чтоб как у коня начнется, ну ты сам понимаешь что, он всех имел не гамузом, а в правильном порядке.

Лицо толмача просияло.

— Изволите бумажечку начертать?

— На черта тебе бумажечка? Зайдешь в уряд, скажешь, от меня. Тебе там сразу все и напишут.

— Как скажете, благодетель! Как изволите!

— Ладно, некогда нам с тобой терки тереть. Рули в Елдин-град, лечись, пока бесплатно! Покеда, мы покатили!

Попытка догнать Юшку-каана и выставить ему счет за путешествие в клетке не увенчалась успехом. Должно быть, предводитель кланов Соборной Субурбании решил заехать в гости к неведомым нам соратникам по неуемной политической борьбе в полуутяжелом весе. А может, нелегкая дернула его толкнуть речь перед встречным народом? В конце концов, не одному же Переплутню морочить голову ни в чем не повинным гражданам. Ну да Нычка с ним, не за тем,

чтобы сводить счеты со всякими думными радниками, мы сюда приехали.

Мы мчались с максимальной скоростью, которую только позволяли развить протоптанные направления, выдаваемые в Субурбании за дороги. То есть почти прогулочным шагом.

— Никто из нас не помнит того времени, — вещала Делли, скрашивая минуты, а если вдуматься, то и часы тягомотного путешествия, — чтобы никого не было. Люди, правда, утверждают, что существовал некто, волею своей создавший и земную твердь, и небесный свод, и всякие светила, и все, что живет и дышит между сводом и твердью. Однако же мыслится мне, что люди это нарочно придумали. Отчасти по невежеству, отчасти затем, чтобы не признавать за феями и драконами заслугу создания своего племени. Вы спросите, откуда же пришли мы сами? — Рассказчица обвела слушателей пытливым взглядом. — О том никто не знает. Драконы, те завсегда здесь обитали, а мы... Ходят разговоры, что дивный род из чужина пришел да покинул родные края не по своей воле. Врата за ними захлопнулись и, пока свет стоит, не отворятся. Может, так оно и есть, может, по-другому, не берусь утверждать.

Одно известно доподлинно: когда на закате своей жизни фея начинает тихонько угасать и в конце концов исчезает бесследно, родня ее говорит, что ей довелось увидеть свой мир и найти в него лазейку. Но как бы то ни было, мой народ пришел сюда в те времена, когда никаких людей не было и в помине.

Драконы — да. Драконов было неисчислимое множество. Огромные, куда больше нынешних, малюсенькие, чуть крупнее сороки, летучие, прыгающие, плавающие — на любой вкус. А ума-то у всех, как у молодого щенка. Ну и, конечно же, чувствовали они себя здесь хозяевами. Как же иначе? Ну, с драконами мы уж как-нибудь справились. Вразумили их, отвадили от наших жилищ, а иных даже приручили. Казалось бы, живи спокойно, ни о чем не думай. Драконий мир живет по своим законам, мы — по своим. Места хватает, никто никого не донимает.

Но не тут-то было! Однажды на поле, где мы прорашивали озерье-траву, которая в организме гармонию пяти начальных стихий устанавливает, с небес рухнул железный дом. По форме, что твоя коровья лепешка, только огромный и весь в радужных огнях. Видать, тот, кто сверху расставляет фигуры для Большой Игры, решил, что чересчур спокойно нам живется. Ну, конечно же, диковина небывалая, и наши на нее сбежались поглядеть, и драконы налетели. Спо-

рят, толкаются, гадают, что ж это за чудная корова покуражилась? А блин знай себе лежит да огнями мигает.

И вот на третий день, когда все уже вдоволь налюбовались, да и по делам своим разошлись, железка вдруг взъярилась и раскройся. Лежала-лежала, а тут словно пасть разверзлась. А из той пасти, точно горошины из стрюочка, такие восьминогие блинчики посыпались. Как мамаша, только поменьше и на ходулях. Один молодой дракон сунулся поглядеть поближе, как вдруг из железной многоноожки на один только миг луч сверкнул, а голову несчастному снес, куда там мечу Громобоя Егорыча! Другой дракон на скопище этих вылупков пламенем дохнул, так они только закоптились! Бредут себе как ни в чем не бывало. Мы пробовали было их силой чудодейской одолеть, никакого толку! Ну, отбросишь блин ходячий, ну камнем сверху оглоушишь, а оно себе идет да лучом своим всякого, кто попадается, вмиг изничтожает. Тогда-то племени драконьему карачун и настал!

Это сейчас они поумнели и без великой потребы на рожон не лезут, а в те времена только дай! Все у них было в избытке: и сила, и упрямство, и мстительность. За одного убитого троє новых в бой рвались. За первый месяц тысяч до пяти этих тварей голову сложили. А у врага потери — тьфу! Паре лепешек ноги пообломали, так они на земле лежали да лучами своими посверкивали.

Тоскливо нам стало от таких-то дел. Ушли мы в горные пещеры да закручинились, как же себе да драконам пособить? Ведь всех безмозглую болванку жизни лишит и никого не помилует. Думали мы, думали, никак нужная мысль в голову не шла! И тут одна из фей, имя ее знать вам, пожалуй, как и ни к чему, говорит: «А что, ежели взять да оживить тени наши?! Снабдить их начатками магических знаний и частицей драконьего огня, уж пусть сражаются! Огонь силы даст, знания уверенности добавят. А страха смерти у этих теней не будет, поскольку сотворим их из горного камня». Честно скажу, многим в тот час эта придумка не понравилась. Мол, ежели мы, феи и драконы, не можем супостатов одолеть, то уж куда там нашим теням, пусть даже из камня, пусть даже и с драконьим огнем в груди. Но один довод старой феи убедил всех. Тень-то можно сколько угодно отбросить и оживить столько же раз. Так что, ежели все равно кому-то надо сражаться с неуязвимым врагом, так уж лучше не мы, а наши подобия. Сказано — сделано.

— И че, так в натуре появились люди? — блестя глазами, спросил восхищенный космогонической версией Вадим.

— Нет. Так появились дэвы. Существа с каменным, но почему-то мохнатым телом, искрой драконьего пламени и кое-какими знаниями в магии. Надо сказать, что идея старой феи оправдала себя. Дэвы, не обладая нашими силами, оказались на редкость хитрыми и изворотливыми существами. Они сталкивали железных выползней в глубокие ямы и засыпали их камнями, наводили мару, заманивая в болота, устраивали завалы из деревьев, мастерили хитроумные ловушки из согнутых берез. Одним словом, дело пошло на лад. Видимо, поняли это не только мы, потому что очень скоро оставшиеся многоножки собрались в брюхе своей матки, и та взмыла в небо, точно ее здесь никогда не было.

А вот что произошло дальше, я затрудняюсь объяснить. То ли близость к вражьей силе как-то сказалась на дэвах, то ли уж Великий Игрец в награду наделил их особым даром, но стали они жить своей собственной жизнью и начали у них рождаться люди. Точь-в-точь похожие на нас, но с едва заметными способностями к магии. Сперва мы даже не поняли, насколько серьезно такое положение дел. Мы играли с детьми дэлов, как вон еще недавно Маша с куклами, нянчились, кормили, учили, оберегали. Но в отличие от Машиных наши куклы выросли очень быстро. И так же быстро расплодились по всему миру, заявляя, что отныне все, что видит их глаз, принадлежит им, и что дэвы, драконы и мы — лишь неудачные опыты всеобщего Создателя.

Мы пробовали действовать увещеваниями. Это не помогало. Драконьего пламени в груди людей было чересчур много. Они вздували объявить чудеса опасной вражьей затеей и начали преследовать нас и тех из своих собратьев, кто следовал за нами. Эти ужасающие времена длились несколько поколений. В конце концов многие из тех, кто видел дальше своего носа, начали опасаться, что в этих землях вообще никого не останется. А тут еще явились из своего тайного убежища старая мудрая фея, про которую все думали, что она уже нашла лазейку домой, и заявила во всеуслышание, что видела в прозрении меж языков священного огня новый железный блин, куда больше прежнего. И что ежели здесь сейчас не будет подписан вечный мир, то всеобщая гибель неминуема, как солнечный закат. — Она вздохнула, давая себе возможность перевести дух. — Я хорошо помню те времена. Жестокие и безжалостные.

Воистину, можно почитать величайшим чудом, что пред угрозой всеобщего врага правители народов решились заключить мир, хотя бы между людьми и феями. С той поры считается непрелож-

ным, что маги, феи и волшебники живут здесь, не зная притеснений. Но, в свою очередь, никто из нас не может и не должен посягать на чужую жизнь. Если же вдруг договор какой-то из сторон нарушается, что, правда, бывает крайне редко, за последние столетия я могу вспомнить не более трех случаев, силы — и магические, и людские — оборачиваются против отступника, нарушившего священную клятву. И нигде ему не найти укрытия и защиты от пра-ведного возмездия!

— Угу, — кивнул я, дослушав до конца вдохновенную речь свидетельницы былых времен. — Стало быть, если Повелительница драконов фея, то ты с ней можешь разобраться по-свойски. А если волшебница, то, выходит, нет. Или все-таки можешь?

— Как ты любишь говорить, во-первых, она не фея, и ты сам об этом прекрасно знаешь. Во-вторых, феи не воюют друг с другом, им и в голову такое прийти не может. А в-третьих, волшебники тоже люди, хотя и обладающие кое-каким потенциалом и познаниями в естественной магии. Но тем не менее обьюдные обязательства о не-посягательстве распространяются и на них. Так что максимум, что я могу сделать, это подавить ее волшебство, что, признаться, отнюдь не просто, и связать ее поединком. Впрочем, не знаю, насколько долго.

— А если она готова нарушить договор? — резко бросил я, понимая, что в игре, в которую мы имели глупость ввязаться, правила устанавливаются по ходу действия.

— Кто знает? — вздохнула кудесница. — Титул Повелительницы драконов прежде не существовал. И если она приняла его, то, вероятно, не из праздной любви к красивым наименованиям. Когда человек пытается поставить себя над драконом, тем более не одним, а многими драконами... Само по себе это говорит о многом.

— Ты имеешь в виду пропорцию той самой искры драконов ну и, как бы это выразиться... в общем, вас?

— Именно так. Никто не может сказать наверняка, чего можно ждать от людей. Уж слишком много природ перемешано в каждом из них.

— Все это сказки! — не замедлила возмутиться услышанным сидевшая рядом с Вадимом принцесса. — В который раз ты рассказываешь эту историю и в который раз я тебе говорю — это сказки! Конечно, Договор был, кто ж с этим спорит! Но поверить, что человек — тень от тени фей и драконов? Да кто же примет на веру этакую несущаризу!

— Человек не тень от тени, а порождение дэвов. А те, в свою очередь, одушевленная тень, — поспешила уточнить фея.

— Всякому знающему человеку ведомо, что Великий Творец, воплощенный в солнечном лице, создал род людской, дабы тот ежечасно славил его и радовался жизни. А до того он сотворил фей, дабы те помогали ему в задуманном Великом Деянии. Дэвы — это те же люди, только похищенные во младенчестве и воспитанные горными духами. А в драконов, в назидание и для исправления, превращаются сыны человеческие, ежели нарушают предвечные законы и при жизни земной кичатся алчностью и коварством. И коли, прожив драконью судьбу, они взоры к солнышку ясному обернут, то в ином рождении вновь людьми сделаются.

— Если они глаза к солнышку обернут, — возмущенно перебила ее фея, — то лететь не смогут, потому как оно их слепить будет! А вот хотела бы я знать, кто тебе такими глупостями голову забивает?

— И ничего это не глупости! — надула губы наследница престола. — Так оно и есть! Мне о том Громобой Егорьевич сказывал. А он почем зря болтать не станет. Творец солнечным лицом на нас смотрит и все знает. И каждому от него воздаяние по заслугам.

— Вот же...

Я примерно представлял себе, что хотела сказать фея, но узнать это доподлинно было не суждено, поскольку до этого молча правивший конем боярин Злой Бодун, остро переживавший перипетии рассказанной Делли истории, нежданно-негаданно возбудился и, обведя всех победным взглядом, глубокомысленно изрек:

— А я знаю! Они облучились!

— Кто? — не понял я. — Драконы?

— Нет, дэвы. Не, ну в натуре сам прикинь! Эти ж какли восьминогие конкретно радиоактивными были, а те лохмачи чисто возле них терлись, потому и облезли. У меня корефан есть, на подводной лодке служил. Так у него после службы голова что колено, только с ушами.

— Какое колено? С какими ушами? — В голосе Маши звучал праведный гнев. — Разве я похожа на такое непотребство?

— Не-а, — покачал головой Вадюня. — Ты на эту похожа, она еще в «Дальнобойщиках» снималась. Только у нее волосы рыжие. Она там докторшу играла.

— Я?!

Насколько мне помнилось, по части вспыльчивости и крутого нрава у принцессы была дурная наследственность. Во всяком слу-

чае, о ее августейшем батюшке в Торце говаривали с любовью и опаской. В минуты раздражения этот добродушный властитель был скор на расправу и тяжел на руку. А ежели в руке оказывался какой-нибудь колюще-режущий предмет, все, прячься под лавку.

Подручных средств у Маши, к счастью, не было, но неподалеку, лишь противи руку, виднелся крыж меча Вадюни, так и не понявшего, чем, собственно говоря, он оскорбил юную красавицу. Для любой его подруги сравнение с телевездой, пожалуй, звучало бы комплиментом. Но только не для принцессы, как водится, единственной и неповторимой. Ситуацию надо было спасать, чтобы не разнимать спустя считанные минуты ее фигурантов. Я беспомощно огляделся вокруг, ища то, на что можно было бы переключить внимание сцепившихся приятелей...

Уж и не знаю, солнышко ли ясное подсуетилось в заботе о своих неразумных детях или же опекающий эту территорию бог Нычка с чадами и домочадцами позаботился о предотвращении кровопролития, но факт остается фактом. По дороге прямо на нас, приволакивая ногу и подывая, двигалось существо, почему-то отсутствующее в космогоническом повествовании Делли и Машиной контраверсии, но, несомненно, имеющее место быть в этом мире.

— Посмотрите-ка, — я приложил руку козырьком к глазам, — а это, часом, не Перепутень?

Глава 23

Сказ о том, что же на белом свете деется-то!

Существо, уныло бредущее навстречу, вне всякого сомнения, было Перепутнем. Но, похоже, в недавнем прошлом кто-то сильно усомнился в магических свойствах его голоса. Кроме заметной издали хромоты, наш речистый сокамерник носил на морде явные следы неравной схватки, и обрывок аркана вокруг шеи, болтавшийся точно галстук, смотрелся весьма нелепо на его собачьей груди.

— Ну что, — фея обвела нас взглядом, — затыкайте уши.

— Может, чисто на скорости проскочим? — глядя на приближающегося побреушку, задумчиво предложил Вадюня.

— Давай, — согласилась фея.

— Нет, — покачал головой я. — Лучше уж как под Саврасовым Засадом. Мы затыкаем уши, а ты, Делли, записываешь речь Перепутня на диктофон. Надеюсь, он у тебя с собой?

— А как же! — гордо заявила кудесница, доставая из седельной сумки подарок Вадюни. — Да только к чему нам его рассказни? Пусть себе шагает.

— Рассказни, может, и ни к чему, — пожал плечами я. — А может, на что и сгодятся. Что-то тут странное...

— Что же? — поинтересовалась фея.

— Пока точно объяснить не могу, — отозвался я. — Но сама посуди, Перепутня ловят регулярно, однако же, по твоим словам, никогда не избивали. А здесь такое ощущение, что он пережил хорошую трепку. К тому же еще эта веревка на шее...

— Зачем он мог кому-то понадобиться? — изумилась кудесница. — Тварь-то суть бессмысленная!

— Честно говоря, я вижу только одного клиента, делающего из подобных тварей что-нибудь полезное для общества. Это мурлюки.

— А им-то он зачем?

— Да уж придумают. Вкатят ему вашу минералку, и станет он не Перепутень, а средство массовой информации, — ударился я в пророчества. — А что, и послушать интересно, и оказывает глобальное воздействие. Тут главное — правильно задать вектор.

— Про вектор я не поняла, но возможно, ты прав, — согласилась фея, проверяя наличие кассеты в диктофоне. — Ладно, закрывайте уши! Он уже совсем близко.

Перепутень брел, не разбирая дороги, да, судя по внешнему виду, и не особо имея возможность ее разбирать. Оба глаза несчастного болтуна были подбиты и теперь смотрелись узенькими щелочками на его тощем лице. Бормоча что-то себе под нос, бедолага влячился, куда болезненно падал его взгляд, покуда не наткнулся на замершего в ожидании Феррари. Осознав, что впереди препятствие, и конские ноги вполне могут предполагать наличие всадника, бедная животина испуганно взмыла и отпрянула в сторону, припадая на раненную лапу.

Дальнейшее мы слышать не могли, однако приветствие Делли явно успокоило ее старого знакомца. Несколько минут спустя, когда подкормленный феей подранок уже шкандыбал дальше, мы вволю могли насладиться витиеватыми изысками его поэтической мысли.

— Пронзила грудь стрела небесной выси из желтой рвани кровь зеленых жил. И мрачно смотрит вспоротая сила, и шевелятся многих ног ужи. Сомкнулся ряд, убитых старцев руки взметнулись ввысь, они плетут аркан, но лица их закрыты пеленою. Предел железный —

Вести не предел! Не упадут, не возродятся снова их слезы отвердевшие с вершин. Но сила их окрепла многократно, их слышен шаг и поступь вслед за ним. Страшитесь! Устрашайтесь! Берегитесь! Все замерло. Но полон жизни тот, кто принял смерть небесною стрелою и мертвью кровью камня оживлен.

— Не, ну не круто ли! — выслушав вдохновенные подывания Переплутня, уважительно вздохнул Вадюня с видом тонкого ценителя высокого искусства стихосложения. — В натуре круто! Особено про слезы клёво, что они чисто не возродятся. А об чем это он?

— Судя по всему, — я оглянулся на уже едва видную фигуру удаляющегося Переплутня, — он пытался поведать Делли, как дошел до жизни такой.

— А как по мне, так полная несуразица! — должно быть, по-прежнему обижаясь за род людской, буркнула Маша.

— Не скажи, — покачал головой я. — Мы уже имели возможность убедиться, что речи Переплутня нелепы только на первый взгляд. Давай-ка попробуем разобраться. Долговременной событийной памяти у нашего вешнего пса нет, выходит, все, что он нам наплел, произошло в последние дни. Верно? — Я посмотрел на фею, в отличие от своей воспитанницы не имеющую иллюзий относительно бесмыслицы услышанного текста.

— Именно так, — согласилась Делли.

— Значит, Переплутень пытался описать своего обидчика, или, вернее, обидчиков, поскольку, когда речь идет о некой угрозе, он всегда использует множественное число. Попробуем сгруппировать информацию по описательному признаку. Делли, будь добра, прокрути еще раз запись, только, пожалуйста, останавливайся после каждой фразы. Угу, — промычал я, вновь прослушав пленку и пока тщетно пытаясь вникнуть в потаенный смысл прозвучавших слов. — А теперь еще раз.

— И долго мы будем слушать эту белиберду?! — взорвалась Маша, разбрасывая по округе смертоносные осколки праведного гнева. — Лучше бы я ехала с Громобоем Егорьевичем! Хочу вам напомнить, что мы сюда прибыли не загадки разгадывать, а спасать моего суженного.

— Не зная броду, не суйся в воду, — укоризненно покачала головой фея, пытаясь урезонить раздраженную принцессу. — Тот, кто напал на Переплутня, и на нас может наброситься. Нельзя пренебрегать предупреждением об опасности, от кого бы оно ни исходило!

— Опасностям надо смотреть прямо в лицо! — гордо вскинула подбородок наследница груссского престола.

— В данном случае, похоже, это невыполнимо, — перебил ее высочество я, в свое удовольствие используя возможность не соблюдать в полевых условиях дворцовый этикет. — Итак. Первое, что можно сказать: есть некто, убитый небесной стрелою и затем воскрешенный, если по тексту, мертвой кровью камня. Давайте попробуем по ассоциации. Что может означать этот заворот?

— Ну, так, блин, это и ежу понятно! — расплылся в улыбке Вадюня, радуясь возможности проявить сообразительность. — Это ж чисто сок минеральных дров! Они же каменные, ну и типа всякие хреновины мурлюки тем соком заправляют.

— Так-так-так! — скороговоркой выпалил я. — А ведь похоже на правду. Во всяком случае, по смыслу подходит. Давай дальше. У означенных убитых и оживленных большое количество ног. Перепутень почему-то именует их ужами, и если принять на веру, что они не ползут, а именно шевелятся, вероятно, образ довольно точный. Что бы это могло значить?

— Ужи не змеи, они не опасны, — невольно включаясь в игру, предположила юная принцесса.

— Возможно, что и так, — кивнул я. — Я сначала подумал о тех железных многоножках, о которых мы только что слышали. Но там Делли обозначила ноги ходулями, а здесь — ужи. На что это похоже?

— На корни деревьев, — не задумываясь, выдала фея.

— Стоп! Угу. Ага. Корни деревьев. Скажем, дубов. Очень интересно! Тогда небесные стрелы — скорее всего молнии, а молнии в большом количестве бывают во время бури. Ведь так?

— Несомненно, — согласилась кудесница. — Но к чему ты ведешь?

— Мне отчего-то вспомнился рассказ бослицкого шамбеляна гражданина Сангуша Лось-Ярыльского. Помнишь, пока ты беседовала с престарелой герцогиней, он нам по ушам ездил?

— На чем? — удивилась фея.

— Ну, это типа рассказывал, — неуверенно пояснил Ратников. — Правильно?

— Правильно, — подтвердил я. — Так вот, он рассказывал, что в угодьях его родственника поломанные бурей дубы сами, буквально своими корнями, ушли в неизвестном направлении.

— Он, вероятно, говорил о своем кузене Грайвране Лось-Еленьском, подкомории в Затычине?

— Да, кажется, так он его называл, — согласился я.

— Крепость Затычин находится почти у самой границы с Империей Майна. И если все действительно обстояло так, как поведал бослицкий шамбелян, если мертвые деревья ушли под воздействием сока минеральных дров, то скорее всего они направлялись к границе, то есть к Железному Тыну.

— Похоже на то, — согласился я. — Видимо, именно при взгляде на этот рубеж обороны наш певец своей печали родил свежий образ «предел железный Вести не предел». То есть Весть скорее всего он сам, железный предел — понятно. А то, что он не предел, очевидно, должно означать удачный побег Переплутня с той стороны Железного Тына. Не зря же у этого пациента Красной Книги на шее обрывок веревки болтался.

— А это, — Вадим напряг память, — ну чисто Железная Дева тут при чем?

— Дева Железной Воли? — уточнил я. — Да, кажется, ни при чем.

— А че тогда Лось в натуре втулял, что она дубы оживила?

— Вадюня, не путай грешное с праведным. — Я назидательно поднял палец. — Лось-Ярыльский говорил, что воля Железной Девы в силах сдвинуть с места поломанные бурей деревья. А не то, что это она их сдвинула. Это художественный образ. В Бослице, по словам Делли, народ довольно темный и с магией почти не знаком. Я прав?

— В Уралии любой шарлатан может выдать себя за мага, — прозрительно фыркнула фея. — Там до сих пор от псеголовцев не научились защищаться.

— Час от часу не легче! — поморщился я. — Как не Переплутень, так псеголовец! Ну ладно, сути дела это не меняет. Как мне видится, здесь налицо одновременно два преступления. Первое — несанкционированное использование природных богатств Уралии и второе — ползучая экспансия мурлюков.

— Бредучая! — не замедлила вставить Маша. — Что это нам дает то, господин одинец?

Я бросил на ее высочество гневный взгляд. Не люблю, когда вздорные девчонки своими колкостями мешают свободному течению оперативной мысли.

— Вам стоит опасаться поломанных бурей дубов, — с самой замогильной интонацией изрек я. — Всего остального, впрочем, тоже.

Мы ехали уже третий день по бескрайним просторам Субурбании, давно оставив за спиной реку Непруху, величаво катящую свои

воды к далекому морю. Солнце начало клониться к закату, когда при выезде из очередного леса перед нашими глазами предстал дорожный указатель: «Град Жутимор. 10 верст».

— Хорошее название, — вслушиваясь в звучание красного слова, резюмировал я. — Доброе.

— Что б ты-то понимал! — укоризненно покачала головой фея. — Да если хочешь знать, название это геройское. К твоему сведению, Аким Жутимор — мужественный борец с ордынским нашествием. В честь него град и повеличали. До того он иначе звался.

— Вот как? — удивился я.

— А ты как думал?! Жутями-то ордынцев прозывали, оттого и слово пошло «жуткий», ну и все такое. А как подступили в прежние столетия жути к этому граду, жители его семь седмиц на стенах дружно держались, пока вся еда до крошки не кончилась. Тогда-то Аким и вызвался хитростью жутей из-под стен увести. Сказался переветником и ночью побёг во вражеский стан. Привели Акима к жутыскому умеру, он поганину и говорит: «В городе запасов не осталось, до воробьев все поедено, хоть сейчас штурмовать можно. Да только жители ноне голодные и злые. Коли на стены полезть, многие воины головы сложат. А вот ежели выждать чуток, когда горожане ослабнут, то стены без всякой крови взять можно». А чтоб самим от голодухи ноги не протянуть, готов указать место в лесу, где весь здешний скот упрятан. Жути как о том услыхали, так все за ним враз и пошли. Сами-то кушать небось хотелось!

— Все? — откровенно усомнился я.

— Все, — вновь подтвердила фея. — Как один. И уж куда он их увел, неведомо. А только сказывают, что за этими лесами, в Батлии, появилось новое воинственное племя жуматов. Так вот я и думаю, не от жути ли они произошли?

— Зачудительная история, — хмыкнул я. — Надеюсь, сейчас в этом Жутиморе пища найдется?

—

Город Жутимор встречал нас... Впрочем, нет, он нас не встречал. Он был занят своими проблемами, и никому не было дела до всадников, въехавших в арку городских ворот. Пара стражников, лузгавших сёмечки на скамейке под развесистым каштаном, удивленно проводив взглядом синебокого скакуна, немедленно сбросила увиденное в погреба сознания и продолжила свое занятие с осознанием важности выполняемого долга.

— М-да, — созерцая занятых беседой стражников и прислоненные поодаль алебарды, покачал головой я. — Интересно, как им удалось продержаться семь седмиц?

— Ну да, понты! — хмыкнул Вадюня. — Жутикам чисто не по крути было в ворота идти, вот они в натуре и прикололись на стенку лезть.

Возможно, могутный витязь и был прав, им, витязям, виднее. Меня же сейчас больше интересовало наличие достойного постоянного двора, гостиницы, на худой конец корчмы, где мы бы могли передохнуть и подкрепить силы. Ничего подобного в обозримой окруже не наблюдалось. Правда, время от времени под копыта скакунов бросались отчаянные бабульки с корзинами, накрытыми белым полотном.

— А вот пирожка не желаете?! — с угрозой кричали они. — С пылу с жару!

Честно говоря, я желал. И Вадюня, судя по алчному блеску в глазах, был не против. Но слишком мало бродило по округе собак, чтобы кормить этим лакомством таких высокородных дам, как наши спутницы.

Наконец между прижавшихся забор к забору домами мелькнул просвет — не то пустырь, не то сильно запущенная городская площадь. Посреди этого импровизированного выпаса красовался большой шатер, на котором уныло болталась на ветру афиша, гласившая:

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР ПЬЕРО.
ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!
ДЕВУШКА В ШЕЛКАХ ГОЛУБЫХ ВОЛОС.
ДРАМА

— Интересно, — усмехнулся я, — многие ли жители способны прочесть то, что здесь написано?

Но развить эту мысль было мне не суждено.

— Не кабак, но тоже круто, — оценив увиденное, провозгласил Злой Бодун. — В натуре можно культурно отдохнуть. Девушки, может, вы чисто тут пока потусуетесь, а мы с Клином округу прочешем? Ну, сами прикиньте, должна же тут быть хоть какая-нибудь харчевня?!

Отказать в логике моему другу было невозможно. Да и то сказать, день конного перехода неминуемо требовал отдыха для нежных седалищ прекрасных дам. Впрочем, наши филейные части чувство-

вали себя немногим лучше. Отыскав взглядом коновязь, у которой дремал углубленный в себя часовой, мы спешились и после короткого щелчка Делли, погружавшего коней в состояние полного ступора, направились в высокий полотняный храм искусств. Незакрепленный полог сиротливо хлопал по ветру, призывая, должно быть, аплодисменты под провисшие своды шатра.

— А где чисто касса? — оглядываясь кругом, осведомился Вадюня. — Или птицам деньги не нужны?

— Кассы не видно, — подытожил осмотря. — Впрочем, очереди за билетами тоже. Ладно, зайдем. Если что, расплатимся на месте.

На том и порешив, мы шагнули под сумрачные театральные своды. Не столько с трепетом, сколько с непреодолимым желанием сесть на что-нибудь менее тряское, чем седло.

— О! Добро пожаловать! Добро пожаловать в наш Блистательный театр! Прославленный везде, где только слышали о высоком призвании служителя Фридигунды! — Сухонький пожилой человечек в остроконечном белом колпаке и таком же длинном балахоне с бесконечными рукавами, свисавшими до пола, церемонно поклонился, желая засвидетельствовать свое почтение к единственным в зале зрителям.

— Клин, это он чего? — недоверчиво глядя на актера, спросил Ратников.

— Наверное, Фридигундой здесь называют Мельпомену, — шепотом пояснил я.

— А! Ну, это в натуре другое дело! А чего они тут сидят?

Невзирая на свою банальность, вопрос был, как говорится, не в бровь, а в глаз. Посреди невысокой сцены на колченогом стуле восседала дама со следами былой красоты на лице и грызла сухарь. На спинке стула висел длинноволосый парик цвета морской волны. Кроме этого стула и низкого помоста, символизирующего сцену, никаких иных декораций или же театрального реквизита в передвижном храме Фридигунды не наблюдалось.

— Эй, Пьеро! — Вслед за нами в шатер смешной прыгающей походкой не то вошел, не то вбежал некто в разноцветных лоскутных штанах и с абсолютно голым торсом. В руках у неизвестного была вязанка масок. — Ты представляешь, эти невежды не желают покупать наши замечательные маски! Они не знают, что с ними делать! О, простите, — заметив нас, сбылся с возмущенного тона собрат хозяина театра. — Признаться, я не думал, что у нас сегодня зрители.

— Арлекино, — печально воздевая вверх брови, вопросил служитель муз, — а где же твоя курточка?

— Какой-то балбес купил ее за три монеты, чтобы подстелить на свое кучерское место. Но не горюй, Пьеро, теперь у нас есть три монеты, а значит, сегодня будет ужин. — Он подкинул в руке добытое богатство и, точно вспомнив о чем-то, уставился на нас. — А вы, господа, оплатили входные билеты? Всего одна монета за человека...

— Арлекино! Арлекино! — заламывая руки, перебил его директор. — Господа, простите неучтивость моего друга, — вновь прикладывая ладонь к груди, поклонился он. — Мы нескованно рады видеть под этим кровом тонких ценителей театрального искусства. Мы были бы счастливы сыграть для вас бесплатно, ведь вы первые зрители в этой стране, посетившие наше представление, но, увы... Еще тысячу раз — увы! Вы первые и единственные зрители за те пять дней, которые мы имеем несчастье гастролировать в Жутиморе. Мы продали кляч из своей повозки, продали все, что только у нас покупали. — Он обвел руками пустую сцену. — Нам попросту нечего есть и на беду без коней мы не можем покинуть этот злосчастный город. А посему молю вас, не обессудьте. Но мы вынуждены просить вас об оплате. Всего одна монета с человека. Надеюсь, для вас это недорого, — Пьеро тяжело вздохнул, — а для нас...

— Так не должно быть! Это неправильно! — гневно оглядел пустой зал, топнула ножкой принцесса.

— Но, сударыня, всего одна монетка! — едва не плача, проговорил опечаленный актер.

— Не, ну в натуре полный беспредел! — пробасил Злой Бодун, запуская пятерню в кошель с золотом. — Клин, гадом буду, здесь надо сделать полный абзац!

— Прости, что? — переспросил я.

— Ну, абзац, — повторил Вадюня. — Или как его?.. Ну, чисто когда никого больше не пускают. Как у нас в ДК, когда «Иванушки» приезжали. Помнишь?

— Анишлаг! — догадался я.

— Он! — согласился мой боярственный соратник.

— Это возможно? — уважительно глядя на меня, спросила меня Делли. — Или просто дать им денег?

— Дать денег — не вопрос, но актеру надо играть. — Я почесал голову. — Ладно, попробуем что-то придумать.

Мой план был прост и, как говаривал великий комбинатор, конгениален. Проверив, на месте ли ярлык субурбанского мздоимца, я

размашистой походкой направился к коновязи. Примерно так на старинной картине шагал по невскому берегу император Петр Великий, и стайка птенцов его гнезда, семяня, едва поспевала за кормильцем.

С тех пор, должно быть, каждый столоначальник и стулоправитель видит себя грозным монархом в кругу подобострастных клевретов. И потому меряет железной поступью покрытые ковровыми дорожками коридоры в праведном ожидании всенародного преклонения.

У коновязи, пугая кружящихся слепней грозным сопением, дрых караульный. Его железный колпак сиротливо валялся рядом, то ли упавший с буйной головы, то ли сброшенный в часы немилосердной полуденной жары. Затрешина, пришедшаяся по затылку жутиморца, мгновенно заставила его открыть глаза, рот и уши для начальственного гнева.

— Ну?! И что это было? — голосом трагического злодея поинтересовался я, упреждая аналогичный вопрос невинной жертвы чиновничьего произвола.

— А? Я? Не могу знать! — вытягиваясь во фронт, выпалил служака.

— Конефонд страны подрываем? — с угрозой продолжал я, поднося к лицу засоне мандат. — Спим на посту? Где городской голова, я тебя спрашиваю? Мой шеф из самого Елдин-града сюда приехал, чтобы посетить этот театр и обсудить с вашим, как это у нас сейчас принято говорить, мэром насущные проблемы коневодства и телегостроения, и что? И что он видит?!

— Не могу знать! — вновь выпалил караульный, тараща испуганные глаза.

— Да уж куда тебе, — скривился я. — В общем, так, бегом за городским головой, чтобы он и все его советники и их жены, и мать его, всей толпой мчались сюда. Ибо, если к началу представления в зале будет хоть одно пустое место, шеф, как обычно, осерчает, и все! — Я развел руками. — Понимаешь, все-о!

Что «все», я и сам еще не придумал, но на бедного сторожа эта невнятная угроза подействовала лучше любой иной.

— Сча-с... все будет-с... не извольте-с... — Последние слова доносились уже издалека. Сорвавшись с места, охранник припустил в неизвестном направлении, вероятно, туда, где должен был находиться жутиморский мэр. Лишь забытый им в спешке шлем остался лежать в густой траве, напоминая, что именно здесь не так давно находился сторожевой пост.

— Дело в шляпе, — возвращаясь под сень кулис, заверил я собравшихся. — Зрители скоро будут. Только надо бы изобразить какие-нибудь декорации, костюмы...

— Увы, наш добрый благодетель, — вздохнул хозяин театра, — но все это уже заложено в ближайшем трактире. О, какие у нас были чудесные декорации!

— Да ну, в натуре не гони беса! — обнадежил актерскую братию высокопоставленный гость Жутимора. — Ща все устаканим. — Он вытащил из-за пояса набитый кошелек и отсыпал пригоршню хвостней. — Слышь, ты, как тебя, ну из песни Пугачевой... Арлекино! Держи бабло и рви когти за шмотьем.

— Мой друг хотел сказать, — перевел я за неимением другого толмача, — что вам нужно поспешить выкупить свой реквизит.

— Но, господа, — опять поднял тонкие брови Пьеро, — как же мы расплатимся с вами за эту неслыханную щедрость?

— Фигня делов!

Я перебил Вадюнью, собравшегося разразиться очередной труднопереводимой тирадой:

— Сейчас к вам народ валом повалит. Впереди всех мэр с супругой. Я думаю, со знати за лучшие места можно брать по десять monet. С прочего же люда, вероятно, хватит и пяти.

— Но кто же согласится платить такие огромные суммы? — усомнился печальный актер.

— Куда они к хреням собачьим денутся?! — разваливаясь по-боярски на три скамейки, хмыкнул Злой Бодун. — Клин сказал, что я их тут жду.

Я отвел глаза, будто собираясь изучить конструкцию потолка, чтобы не видеть гневный взгляд возмущенной непочтением переодетой мальчиком принцессы. Но уж тут ничего не попишешь, желаешь путешествовать инкогнито, будь добра смириться с наименованием «и сопровождающие его лица».

Ввечеру в «Блистательном театре» Пьеро был полный «абзац». Можно, конечно, сказать, полный аншлаг, но первое, пожалуй, вернее. Шатер был забит до отказа, скамьи ломились под весом мздимских нижних бюстов, прочий люд, пришедший, должно быть, поглазеть, куда это волокутся городские отцы с родней и приживальцами, толокся в проходах. Но одна незадача все же была. В буквальном смысле невзирая на блистательную игру заезжей труппы, собравшиеся то и дело норовили бросить взгляд на восседавшее

посреди зала высокое начальство, желая угадать, какую реакцию следует изобразить на лице. Но вот герои спектакля, закончив действие, вышли на поклон, и зал, дождавшись Вадюниного хлопка, взорвался аплодисментами и криками «Браво!», «Даешь!», «С нами Нычка!» и прочими возгласами, символизирующими полный восторг.

— Ваше преимущество, — кланяясь так, что весомый авторитет касался лавки, приблизился к Злому Бодуну городской голова, — мы так рады приветствовать вас в своем достопримечательном городе. Для нас такая честь! Как жаль, что его доброкачественность сам господин урядник не соизволили-с...

— Ну, типа полноте, — настроенный после спектакля на благодушный лад, откланялся подурядник левой руки. — Я в натуре притомился, что тот дятел после рабочего дня.

— О, да-да, мы типа в натуре понимаем, — еще ниже склонил собственную голову городской. — Может, изволите отужинать и отдохнуть в моем загородном имении? Я уже типа отослал туда своего племянника, очень смышленого юношу. Так что в натуре там все уже готово.

— Ну ты в натуре крут, мэр! Я тебя чисто запомню.

— Всегда чисто готов к вашим услугам, ваше преимущество! Так что же, изволите приказать отправляться?

— Ну дык елы-палы, а то! И актеров с собой берем. А сюда стражу, чтоб, блин горелый, чтобы здесь в натуре нитки не пропало!

— А то в натуре! — с ликованием в голосе отозвался местный грандочальник.

Скромный загородный домик городского головы мог так же служить весьма просторным жилищем для городских ног, городских рук и всех прочих частей городского тела. Все упомянутые органы с легкостью разместились бы в этом помещении и спокойно могли бы гулять по нему, не слишком опасаясь встретить друг друга. Племянник жутиморского мыслительного центра действительно оказался юношой расторопным. За дожидавшимся нас столом вполне бы могла до отвала наесться вся труппа Большого, ну очень большого театра, а не скромная агитбригада утонченного страдальца Пьера.

— О! — привычно жалостливо взвывал он в промежутках между переменами блюд. — Когда бы вы только знали, как мы гастролировали в былые годы!

Я отвлекся от витиеватых разглагольствований мэра, тихой сапой пытавшегося со складкой втиснуть племянника секретарем в штат

«его преимущества». Как ни крути, обижать невниманием достойных служителей муз было дурным тоном.

— ...Мы объездили все города Тарабарского королевства и везде собирали полные залы. Мы купались в аплодисментах, мы творили! О! Это ни с чем не сравнимое чувство!

— ...Ну и типа мой мальчик в натуре владеет и гуральским, и гусским, и даже языками Империи Майна и Мурлюки. А уж как он чисто ловок, чисто услужлив в натуре! И вы не пожалеете, и мы не поскупимся! Но нельзя же все чисто мерить в хвостнях!

— Ну, типа и в ик... жабсах, — качал головой слегка перебравший подурядник левой руки, не замечающий ни моих толчков, ни гневных взглядов благовоспитанных спутниц. — Брателла, не кумары! — не унимался Злой Бодун. — Мне твой пацан, что Переплутню гармошка. Ты его чисто хочешь пристроить? Ну, так в натуре нет базара! Лавэ на базу, и можешь считать, что он уже подстольник.

— ...Представьте себе, достопочтеннейший господин укладник, нам рукоплескала вся Империя Майна от Срединного моря до Северного. О! Кто бы мог тогда предположить, что в каком-то неведомом Жутиморе моему другу Арлекино, всегда слившему завзятым щеголем, придется продать последнюю курточку, чтобы мы, те немногие, кто остался верен «Блистательному театру», могли утолить свой голод миской свекольной похлебки.

— Но ведь все же обошлось, — утешил я готового зарыдать актера.

— О да! О да! — ожесточенно закивал пылкий жрец Фридигунды. — Поверьте, до последнего дыхания никто из нас не забудет вавшего благодеяния. Но о-о! Как тяжко сознавать, что все могло быть иначе!

— ...Вне всякого сомнения, ваше преимущество! Вы, как всегда, чисто несказанно правы. Какая в натуре проникновенная мудрость. Но извольте типа признать, что таких выпасов, как в Жутиморе, вы не найдете чисто нигде. Это ж по жизни факт! И гадом буду, ваше преимущество, добрая третья их принадлежит нашей семье.

— Ну, круто!

— ...О, кто бы мог подумать тогда, в тот злополучный день, когда мы приняли приглашение выступать в главнейших городах Мурлюки, что все закончится провалом. Нежданно! Незаслуженно! Сокрушительным провалом!!!

— ...Ну это типа с Вихорькой-кааной перетереть надо, — по-правую руку от меня небрежно бросил расслабившийся Вадим Ратников.

— ...Наш импресарио, какой это был человек! Даже сейчас я не могу говорить о нем без восхищения. Сколько обаяния, сколько ост-

роумия! Казалось, не было проблемы, какую он не мог разрешить. А как он играл! Потомственный актер. Эта страсть, этот порыв! Беллиссимо!!! Публика носила его на руках, а он оставался все тем же простым верным другом, пока не... Ох!

— ...Не, ну в натуре, прикинь, ты же, блин, голова, а не наоборот. Из Гуралии экспорт досок на телеги — это ж чисто золотое дно. А если мы типа дубам оформим экскурсию в Жутимор, а тут их распилим, то все будет чики-чики. Раз уж они сами бродят конкретно, чего им в эту Империю волочиться? Чего они там, на хрен, забыли? Шевели извилинами, кумпол жутиморский!

— ...В тот день мы давали представление в столице Мурлюкии и даже помыслить себе не могли, чем обернется для всех нас триумф этого вечера. Перед последним актом я зашел к Буратино, а именно так звали нашего славного импресарио, чтобы пригласить его на сцену. Наши гримерки были рядом, о! — тогда у нас еще были гримерки! — но он был грустен. Да-да, грустен! Прежде мне никогда не доводилось видеть его в таком состоянии. Пино сказал, что к нему заходила какая-то женщина, очевидно, гадалка, поведавшая, что жизнь его должна измениться коренным образом, и за тридевять земель моего друга ждет другая слава, богатство и знатность. В тот день Буратино играл прекрасно, однако теперь в его игре не было того восхитительного блеска, который приводил в неистовство переполненные залы...

А на следующее утро он уехал. Никто из нас не знал куда. Лишь через месяц мы получили письмо от него. Краткое письмецо, по сути дела, записку с приложенным серебряным образком Девы Железной Воли. Он желал каждому из нас отыскать свой путь, ведущий к процветанию, просил не осуждать его и оставлял все, чем владел, в распоряжение труппы. — На бледном лице Пьера извилистой дорожкой от глаза к уголку рта поползла прозрачная слезинка. — Я не знаю, что заставило его оставить горячо любимый театр, я не могу найти этому никаких объяснений. Мы бы могли поверить, что он покончил с собой. Знаете ли, у людей с тонкой душевной организацией бывают минуты черной меланхолии, когда хочется наложить на себя руки, но эта дурацкая подпись... Граф де Бур Л'Отино! Не знаю, что и подумать.

— Мы видели вашего графа де Бур Л'Отино всего несколько дней назад, — с сомнением почесав висок, отозвался я. — Правда, он не слишком похож на тот портрет, который вы нарисовали, но, кажется, что-то упоминал о своей театральной карьере. Делли, граф Пино служил в театре?

— Был директором, — едва повернувшись, бросила фея, не отвлекаясь от беседы с каким-то черноусым хлыщом.

— Вот видите, почтеннейший Пьеро, ваш друг жив и здоров. Служит камергером при дворе Базиля IV.

— Неужели Пино действительно стал графом и камергером? — Брови трагика изогнулись, точно два арочных моста над темными озерами глаз. — Какая радость! Какая честь! — произнес он, похоже, сам не веря в искренность своих слов. — Стало быть, вот каков был тот золотой ключик, о котором он все время бредил!

— Да, — усмехнулся я. — С ключами у него сейчас проблемы нет, целая связка. На ночь он закрывает ими все дворцовые ворота.

— Вероятно, это очень высокая честь. Но почему-то мне кажется, что без нас он несчастлив так же, как и мы без него. Впрочем, простите, не знаю, способны ли вы понять это...

Ночь во весь голос требовала принять ее права. Немножечко, самую чуточку! Хоть под утром! Городская знать, утомленная скромным ужином, спешила откланяться, чтобы преклонить головы на своих ближних дачках. Актеры повелением городского головы были отправлены в единственную в Жутиморе пристойную гостиницу. Мы же, оставленные под чуткой опекой будущего секретаря господина подурядника левой руки, разошлись по опочивальням, искренне намереваясь утром, то есть после пробуждения, отправиться дальше, на поиски пропавшего принца и его наглой похитительницы.

Как бы не так! Чуть свет ко мне в спальню ворвался могутный витязь Злой Бодун в одном сапоге и с «мосбергом» наперевес.

— Клин, вставай! Вокруг дома гоблины!

— Вадик, остынь, это белая горячка.

— Это не белая горячка! Это Юшка-каан! — выпалил мой друг. — Нас в натуре окружили!

Глава 24

Сказ об улочках, перевуличках и прочих рукомашествах

Позадь забора, окружавшего скромные гектары дачного огорода, куда ни глянь, высились копья конной рати. Над заоградным полком плескало на ветру знамя с голубым хряком на золоченом полотнище — родовой знак Юшки-каана. На востоке любопытное све-

тило высунулось из-за горизонта, норовя поглазеть на идиотов, собравшихся отшибать друг другу головы в этакую рань.

— Делли я уже разбудил, — скороговоркой выпалил Ратников. — Ша она в натуре будет. И это, ну ты типа не видел моего второго сапога? А то тут война, а я по жизни разутый.

— Не видел, — сознался я, натягивая штаны. — Кто, кроме нас, еще есть в доме?

— Ну кто? Слуги там, племянник этот долбаный. Больше вроде никого.

— Вот, — хмыкнул я, — самое время поинтересоваться у мэрского родича, по-прежнему ли он желает работать под твоим чутким руководством.

— Да ну его к бениной бабушке! — оглядывая комнату, вероятно, в поисках пропавшей обуви, отмахнулся Вадим. — Прикинь лучше, что с этими упурками конными в натуре делать будем?

В комнату, едва постучав, собранным деловым шагом вошла Делли, неся на плече знакомую сумму с орудиями оборонительной магии и волоча за собой явно не проснувшуюся принцессу. Настроена фея была по-боевому. Электрическое сияние вокруг ее рук, видимое даже невооруженным глазом, наводило на грустные мысли об использовании нашей подругой «гуманного» оружия массового поражения.

— Ну, други верные, — крутя хитрые комбинации из пальцев, проговорила Делли, — кто там Юшку-каана искал?

— Не до того сейчас, — сердито ответил я. — Искал не искал, какая разница! Судя по тому, что он нас нашел, наши нежные чувства взаимны.

Из чиста поля по ту сторону забора послышался звук, похожий на гудок маленького паровозика.

— Ну, блин, все! Ша атаковать будут! — сквозь зубы процидил Ратников, готовясь к отчаянной схватке.

— Нет, — покачала головой фея, — это не сигнал атаки. Противник требует впустить парламентера.

— Парламенте-ор, — протянул я. — Пожалуй, это меняет дело. Раз Юшка-каан желает с нами договариваться, значит, силой взять боится.

— Ну, так я типа схожу? — вызвался наш единственный, по сути, воин. — Заодно и прикину, сколько там народу набежало. Опять же сапог поищу. Куда я его вчера дел, ума не приложу!

Наш друг, прихрамывая, скрылся за дверью, давая нам время оценить создавшуюся обстановку. Казалось очевидным, что могу-

щественный Юшка-каан привел к Жутимору свой именной полк отнюдь не из досужего интереса и, уж конечно, не для того, чтобы учинить потраву грядкам провинциального градоначальника. Он искал нас.

Вероятно, толмач, обрадованный быстрым пробегом по служебной лестнице, не замедлил довести до сведения очередного благодетеля о встрече у границы со всеми деталями и подробностями. Но хорошо бы знать, что именно заставило думного радника впасть в такое неистовство и пригнать уйму ни в чем не повинного народа за семь верст киселя хлебать? Судьба перехваченных богатырской засставой возов с контрабандой? Или же попросту у мстительного вельможи со временем прошлого свидания в Елдин-граде остались невысказанные слова, которые, как известно, из песни не выкинешь? Сегодня нам это предстояло узнать. И что более важно, найти собственные веские доводы, причем чем весомее, тем лучше.

Ждать пришлось недолго. На пороге вновь появился Вадим, сияющий белозубой улыбкой.

— Во, блин, нашел! На столе стоял. А мы че, вчера в натуре круто чудили?

— С чего ты взял? — спросил я.

— А че на сапог, ну, типа синий парик напялили? — озадаченно поинтересовался Злой Бодун, демонстрируя свою обувку с длинной, правда, чисто декоративной шпорой.

— Да бог с ним, с сапогом, — в досаде дернул плечом я. — Где парламентер?

— А, это-то! Да все путем! В коридоре ждет. Позвать, что ли?

— Конечно, зови! Что за вопрос?!

— Эй! — выглянул за дверь Вадюня. — Мужик! Вали сюда, по понятиям говорить будем.

Парламентер в шишаке с козырьком, из-под которого выглядывали злобные испуганные глазенки, появился в дверном проеме, для острастки шевеля усами и раздувая щеки.

— Я, извольте заметить, Угорь Шхуль! Поправоручник воеводский засецких лучников.

— Ну и че? — смеривая поправоручника недоумевающим взором, полюбопытствовал могучий витязь.

— А то извольте понять, что имею я наказ сообщить вам, что ежели вы немедля все скопом не сдадитесь и не выдадите нам подобру-поздорову драгоценную дщерь короля Базиля, то мы в великой силе рьяно атакуем вас и принудим к тому, ни на что не взирая.

— Че, в натуре с закрытыми глазами, что ли? — дослушав до конца грозную речь усача, уточнил Злой Бодун. — Ну-ну, вперед на мины, ордена потом.

— Благословенный Юшка-каан, — не обращая внимания, продолжил засецкий лучник, — да удлиняются безмерно дни его и усладятся ночи, велел захватить бесчинщиков, даже если, — парламентер затаил дыхание и, собравшись с духом, выпалил: — Предстоит потоптать огороды и разрушить дом.

— Круто! — с восхищением прокомментировал Вадюня.

— Погоди, — перебил его я. — А почему, почтеннейший, вы, собственно говоря, решили, что среди нас есть дочь короля Базиля? Это вот, к примеру, фея. А это ее племянница, тоже, кстати, мастерица на всякие фокусы. Ни я, ни мой друг тоже не подходим на роль чьей бы то ни было дочери. Ваши обвинения безосновательны и ничем не подкреплены.

— Они подкреплены двумя сотнями копий! — гордо выпалил поправоручник.

— Копий? — удивился я. — А почему же вы тогда именуетесь лучниками?

— Чтобы запутать врага. Но не след выкомуривать¹! Вам не сбить нас с истинного пути, предначертанного Юшкой-кааном, да продлятся дни его...

— Да-да, вы уже говорили, — попытался вставить я.

— Отдавайте принцессу или умрите! — вконец теряя самообладание, завопил господин Шхуль, вздыбливая усы.

— Слушай, Клин, а че этот хрен с бугра на нас княпало развязил? — оглядев парламентера цепким взглядом, точь-в-точь гробовщик, снимающий мерку с очередного клиента, ласково спросил Злой Бодун. — Может, ему того, в табло загадать для профилактики?

— Не принято, — отрицательно покачал головой я.

— Ну, по жизни как раз новый обычай образуется. Ежели будет такой пенек обстроганный в натуре на толковище не по делу варнякать, то, стало быть, ему и грызло вон. Для обучения чисто хорошему тону. Ты типа уразумел, черепадло шайтанское? Вали к братве и скажи, через пять минут я их в натуре тут вижу, и они под медленную музыку укутаются в деревянные плащи.

— Отдайте принцессу, — уже куда как более мирно проговорил поправоручник, под Вадюниным напором пятясь в коридор.

¹ Выкомуривать — хитрить, лукавить.

— Обломись, фуцик гнилостный! Дамы, я типа извиняюсь. Выдача принцесс закрыта на переучет!

Спустя означенные пять минут отряд Юшки-каана продолжал стоять на месте, не проявляя ни малейшего желания заворачиваться в обещанные Вадионей деревянные плащи. Ни под медленную музыку, ни под быструю, ни под какую вообще. Должно быть, все это время расстроенный непочтением Угорь Шхуль живописал соратникам ход своей дипломатической миссии и ее плачевые результаты. Так прошли и следующие пять минут. И еще пять. Но вот рассказ попраторучника подошел к концу, и кавалерийский рожок вновь взвыл долго и обиженно, призывая засецких лучников отомстить попраторучникам закона и порядка.

Собранный из высоких, заостренных кверху бревен частокол, пожалуй, мог бы выдержать первый натиск, когда б защищал его хоть какой-то гарнизон. Но слуги под руководством племянника городского головы укрылись в подвале, да и какие уж вояки из поваров, лакеев и садовников. Переbrавшись через высокую изгородь, несколько вояк из отряда Юшки-каана бросились к воротам, спеша скинуть наземь тяжелый брус засова и, распахнув ворота, впустить во двор рвущуюся к подвигам кавалерию. Вот уже руки передовых бойцов коснулись дубового запора, когда...

— Ну-ка, палочка заветная, попотчуй незваных гостей!

Суковатый увесистый демократизатор, дотоле мертвым грузом лежавший в переметной суме запасливой феи, стремительно взмыл в воздух и сквозь распахнутое окно устремился к указанным хозяйственным гостям. Удар под колено, под мышку, по загривку, еще под колено... Потоптатели мэрского огорода рухнули наземь прежде, чем я успел сосчитать до четырех.

— Смерть каанским оккупантам! — с восторгом заорал Злой Бодун и едва успел укрыться за ставнем. Хищного вида копье вонзилось в разрисованную петухами древесину, недвусмысленно доводя до нашего понимания серьезность намерений засецких сотен. — Не, ну в натуре ты погляди, какие морды наглые! — возмутился Ратников, вскидывая «мосберг». — Ну все, уроды, вешайтесь, щас вам приснится число «пи», здесь!

— Погоди, — остановила его Делли, — это на крайний случай. Машенька, ты помнишь, чему я тебя учила?

— Химеры сонные? — улыбаясь невесть чему, промолвила принцесса, очевидно, радуясь возможности применить на деле свои теоретические познания.

— Они самые, — коротко подтвердила фея, заплетая пальцы в замок. — Ну что, девочка моя, начали!

Я выглянул из-за ставня, намереваясь увидеть собственными глазами, что собой представляют сонные химеры. Наверняка это должно было быть нечто ужасное, раз уж наши кудесницы решили отпугнуть такими тварями две сотни воинов. Пока что во дворе не наблюдалось ничего из ряда вон выходящего, если, конечно, не считать ожесточенной схватки воинов с дубинкой, ювелирной работе которой мог позавидовать целый взвод ОМОНа.

— Пойте что-нибудь веселое, — послышался над головой приглушенный, доносящийся, словно из колодца, голос Делли.

Я не успел спросить, в чем, собственно говоря, дело. Фея и ее любимая ученица резко выбросили вперед руки с замысловато переплетенными пальцами, и сквозь распахнутое окно во двор начало выползать чуть сероватое, прозрачное облако, становясь все больше и больше и заполняя пространство от особняка до частокола.

— А что это за девочка и где она живет? А вдруг она не курит, а вдруг она не пьет! — во всю глотку заорал Ратников, не слишком беспокоясь о музыкальности вопля. — А мы такой компанией возьмем да и припремся к Элис!

Я набрал в легкие воздуха, чтобы подхватить знакомый куплет, и резко выдохнул его, силясь нашарить что-нибудь тяжелое и жалательно острое. На меня, поводя длинным носом и плотоядно скользя из угла, глядела крыса величиной с упитанного мопса, с тощим лысым хвостом, бьющим из стороны в сторону. Рядом с ней прямо сквозь стену пролезала еще одна и еще... Спустя миг все стены вокруг были полны оскаленных крысиных морд, но все новые и новые твари лезли, прорывая пол и потолок, точно папирисную бумагу.

— А-а-а! Измена! — завопил я, а мерзкие крысы все прибывали, норовя впиться в горло, руки и ноги. — Прочь! Прочь! — прыгая из стороны в сторону, стряхивая с себя плотоядных красноглазых грызунов, орал я. — Помогите! — Этот вопль, от которого, казалось, вот-вот лопнут глаза, был последним, что я мог осознавать.

...Прохладная рука феи легла мне на лоб и ласково прошлась по лицу, возвращая к жизни.

— Ну что же ты, — с укором покачала головой Делли, — глупый! Я же сказала — пой.

— А где эти? — прошептал я, постепенно начиная воспринимать мир вокруг.

— Кто — эти? — участливо спросила кудесница.

— Крысы. Огромные. С красными горящими глазами. Тысячи крыс!

— Виктор, — мягко, точно малому дитяти, начала объяснять верная подруга, — здесь не было крыс. Это твоя сонная химера. Твой собственный ужас, который ты, возможно, никогда и не осознавал. Помнишь, «сон разума рождает чудовищ»? Так вот, это — твои чудовища. Прости, возможно, в одной из прошлых жизней тебя съели... ну эти, ты сам понимаешь. Ну ладно, нечего лежать, вставай.

Только тут я осознал, что бревном валяюсь на полу, и отчего-то ужасно болит грудная клетка.

— Извини, — увидев гримасу боли на моем лице, потупился Вадим. — Это я тебя прикладом завалил. А то ты в окошко в натуре выпрыгнуть хотел. Глянь-ка лучше, как этих папуасов плющит.

То, что происходило во дворе, трудно было описать словами. Сквозь плотно закрытое окно, через игривые сердечки, вырезанные в дубовых ставнях, мы наблюдали нечто невообразимое. Две сотни отборных вояк, удостоившихся по случаю штурма каждый индивидуальной галлюцинации, заставляющей холлодеть кровь в жилах, метались по двору, с криками ужаса колотя друг друга, с воем катались по земле, скуля, карабкались на отвесную стену частокола, цепляясь ногтями за гладкие древесные стволы.

— К сожалению, — вздохнула принцесса, — действие химер очень кратковременно. Сонный морок развеется и все.

— Верно, — подтвердила слова воспитанницы Делли. — Но они уже будут напуганы, кроме того, десять минут такого безумия отнимет у них сил не меньше, чем час жестокой сечи. А это тоже чего-то да стоит!

— Чего это стоит, — глядя поверх частокола, со вздохом промолвил я, — мы сейчас узнаем. Кажется, к господину Шхулю идет подкрепление.

Со стороны достопримечательного града Жутимора через хваленные выпасы к последнему рубежу нашей обороны, впрочем, он же являлся и первым, резвым аллюром двигалась рать неясной численности и принадлежности.

— Это чисто пехота, — обнадежил Вадим. — Они типа конников вперед послали, чтоб нас тут прихватить, а эти догоняют.

Междуд тем пешая рать неумолимо приближалась, и до нас уже доносились ее боевые кличи:

— За Жутимор! За родные огороды!

— Не-а, — широко улыбнулся Вадим, — это не Юшка. Это наш корефан городничий.

— Корефан? — хмыкнул я. — Это мы сейчас увидим. Думаешь, он тебе спасибо скажет за весь этот сыр-бор?

— А мы-то тут при чем? — возмутился Злой Бодун. — Мы чисто тут спали, никого не трогали, они сами наехали.

Я с грустью окинул взором изломанные кусты, вытоптанные грядки, сорванные с петель ворота, и скептически пожал плечами. Сомневаюсь, чтобы возмущенному непочтительным отношением к священному праву собственности мэру пришла в голову идея выяснить, кто прав, кто виноват. Я еще раз осмотрел двор, отфиксировал нервно дергающуюся самобойную дубинку, приколоченную боевыми вилами к одному из бревен частокола, и обреченно махнул рукой:

— Будь, что будет.

Между тем, как и обещала принцесса, засецкие лучники постепенно приходили в себя. Дико озираясь по сторонам, они вставали на ноги, пошатываясь, мотая головой, брели по двору, подбирай с земли брошенное оружие и недоуменно окликая висящих на частоколе соратников.

— Па-азвольте! — Боевой клич городского головы прогремел над его сокровенными владениями и сменился новым. — Не допущу!

Насколько мы могли видеть, вместе с грозным хозяином здешних угодий плечом к плечу стояла вся мужская половина наскоро вооруженных вчерашних гостей, горящая единственным желанием не пустить злобных ворогов на родные грядки. За вождем городского ополчения, прикрывая его объемистый тыл, сиротливо жалась жутиморская стража, вероятно, не имевшая наделов за стенами града и потому хоть сейчас готовая начать изматывать противника стремительным отступлением.

— Э-э! Снимите меня! — раздалось с самого венца частокола, и только тут я опознал в восседавшем между огромных деревянных карандашей бедолаге воеводского поправоручника Юшки-каана.

— Что ты там делаешь, разбойник?! — грозно насупясь, заорал на него городской голова.

— Я не разбойник, я поправоручник. У вас в доме разбойники! — намертво вцепившись в бревно, обиженно прокричал Шхуль. — А я тут, если вы вдруг не поняли, занимаю возвышенное положение, чтобы руководить штурмом. Юшка-каан приказал арестовать этих лю-

дей и доставить в Елдин-град. А они сопротивляются! — со всхлипом пожаловался военачальник.

Вадюня распахнул окно и, не дожидаясь, пока офицер засецких лучников закончит печальный монолог, врубил свою голосину на полную мощность:

— Брателла, в натуре, кого ты слушаешь! Этот фуфел жеваный тебе чисто горбатого до стены лепит.

Городской голова, сбитый с наступательного порыва великосветской речью моего друга, растерянно огляделся, вероятно, выискивая на обожаемом огороде того самого жалкого инвалида.

— Я тебе по жизни говорю, это все гнилой базар и грязные интриги. Прикинь, корефан, кому ты веришь?! Этой обезьяне в железяках, металлисту гребаному, или мне в натуре подуряднику левой руки?

— Я... э-э... у-у... — под мощью Вадюниных доводов замялся Жутиморский мэр.

— Че тебе тутит этот гондурас! Ты у него ксиву смотрел? — не унимался Злой Бодун.

— Вадик. — Я похлопал языкастого друга по плечу.

— Клин, не боись, — бросил он мне через плечо, — гадом буду, мы сейчас в натуре все разрулим.

— Да нет, я ничего, — пожал плечами я. — Только хотел сказать, что сюда идет еще одно войско.

Отряд всадников, маячивший на горизонте, по самым скромным прикидкам раза в полтора превосходил ограниченный контингент, присланный Юшкой-кааном для нашего пленения.

— Такое ощущение, что мы попали в центр военных учений, какой-нибудь ежегодный «Жутиморский щит», — недоуменно произнес я, наблюдая происходящее.

— Нет, — покачала головой Делли, вглядываясь в приближающихся всадников. — Места здесь тихие, мирные, ничего такого не бывает. А это, — она еще раз кинула внимательный взгляд за окошко, — пожалуй, наши союзники.

— Какие еще союзники? — Мое недоумение все возрастало.

— Погляди, видишь, на знамени ветродуй, разгоняющий тучи, скрывающие солнце? Это знак Вихорьки-каан! Вы, если помните, входите в ее клан и являетесь идеяными борцами За Соборную Субурбанию. Наверняка Вихорьке донесли, что Юшка-каан послал к Жутимору своих ратников. Ну и, видать, сыскался подглядчик, который ей растолковал, что весь этот таарам про вашу честь устроен. Вот она и встрепенулась. Ей абсолютно ни к чему, чтоб завтра в Ел-

дин-граде все тыкали пальцем, что, мол, среди Засоборных субурбанцев целый подурядник с укладником оказались вражьими перебетниками.

Между тем конная рать все приближалась, и скоро уже засецкие лучники устало карабкались в седла, чтобы как подобает встретить инокланцев.

— Клин, — подводя итоги увиденному, проговорил Злой Бодун, — я отвечаю, на этой стрелке без мокрухи не обойдется!

Вероятно, он был прав. Насколько можно было видеть, обе стороны, вернее, не обе, а три, были настроены весьма решительно и готовы не задумываясь пустить в ход оружие. И хотя всего несколько минут назад мы и сами собирались помериться силами с агрессорами, но одно дело — самооборона и совсем другое — небольшая гражданская война. А в том, что нынешняя схватка, буде она произойдет, явится лишь началом глобальной свары, я отчего-то не сомневался. К тому же, подайся мы сейчас под защиту думной радницы, наверняка вместо Гуралии нам пришлось бы ковылять в столицу, где принцессу за племянницу феи, пожалуй, не выдашь. Кстати, интересно знать, откуда Юшка-каан проведал, что Маша с нами?

Конные рати уже стояли друг напротив друга, готовясь сойтись в кровавой сече.

— Это ж что ж вы в натуре себе позволяете? — быстро оценивая обстановку, упирая руки в боки, заорал городской голова. — Понаехали тут типа из столицы! Вольности нам ущемляют! А ну, уберите копыта! Всю репу мне конкретно потоптали, жлобы позорные!

— Моя школа, — слушая яростную речь мэра, гордо объявил Вадим, словно подозревая, что кто-то может присвоить себе столь изысканные речевые обороты.

— Хотите друг друга на неменские кресты рвать? Кто вам в натуре мешает!..

— Немецкие, — тихо поправил Вадим. — Хотя он по жизни не знает, кто такие немцы.

— Не хрен мне тут хвостами размахивать! — между тем грозно продолжал городской голова, действительно слабо представляющий, как должны выглядеть вышеуказанные кресты. — Отсюда полверсты вперед поле боя. Езжайте со двора, чай, не заплутаете, там указатель стоит. Специально же все прибрали да расчистили, чтоб олухи вроде вас друг друга типа жизни лишали. Так нет, ишь чего удумали! Из моих огородов в натуре погост устроить?! Убирайтесь! Пошли-

пошли в натуре! И не думайте, что я вас тут хоронить буду! На удобрения пущу!

Всадники, осознавая, должно быть, праведность гнева градоначальника, зашушукались, решая, кому первому надлежит покинуть неподходящую площадку.

— Ну че, — поглядел на меня Вадюня, — как уедут, сразу сдернем?

— Можно, конечно, — пожал плечами я. — Но народу поляжет уйма!

— Ну а мы-то тут конкретно при чем? — удивился Ратников. — Мы сюда чисто никого не приглашали.

— Так-то оно, конечно, так. Но все же противно сознавать, что из-за тебя толпа народу поотбивала друг другу головы.

— Для королей это нормально, — пожала плечами Маша.

— Слава богу, король один на страну, и я не он, — парировал я.

— Пожалуй, я знаю, как предотвратить кровопролитие, — усмехнулась Делли, распахивая окно. — Виктор, крикни им, чтобы они построились на поле боя и дожидались нас.

— Ага, — кивнул Вадюня, — сейчас мы чисто внесем полную ясность в консенсус.

Поле боя напоминало большую шахматную доску, но только без клеток. Одна его половина была отмечена красными флагами, другая синими. Посередине, аккурат в том месте, где конь набирал достаточную скорость для мощного копейного удара, враждующие стороны разделяла натянутая веревка, опускание которой и знаменовало начало схватки. Городские стражи, выстроившись по периметру, древками алебард отгоняли примчавшихся из города зевак, желающих поглазеть на смертоубийство. Между рядами по обе стороны натянутого каната сновали жутиморские лекари, раздавая вяло перерывающимся бойцам чудодейственные снадобья и крошечные пергаменты с собственными адресами и временем приема. Чуть в стороне от стриженого газона ратного поля на переносной трибуне нервно переминался городской голова с клетчатым красно-синим флагом в руках. Все дожидались нас.

Публика, обсевшая склоны холмов, уже недовольно свистела и шикала, требуя начала представления. Но вот мы показались на дороге, и все пришло в возбуждение. Кто поудобнее усаживался в седле, кто пристраивался на холме повыше, чтобы лучше видеть то, что должно было произойти.

— Ну вы чисто готовы? — подходя к нам, поинтересовался мэр.

— А то! — горделиво ответил могутный витязь.

— Так, в натуре, — городской голова похлопал Ниссана по си-нему крупу, — Нычка с вами!

— Господа! — начал я, как только наши кони ступили на выли-занную лужайку, пригодную более для гольфа, чем для боя. — Я со-брал вас здесь, — Ниссан и Феррари шли между ощетинившимися копьями рядами, и я ощущал спиной, плечами и всеми прочими ча-стями тела сотни цепких взглядов, следивших за каждым движением оратора, — чтобы сообщить, — речь моя текла медленно, надеюсь, завораживая слушателей, — пренеприятнейшее известие...

— Все готово, — раздался за моей спиной шепот Делли.

— Кина не будет! Кинщик помер! По газам!

Вороной красавец Феррари и его синебокий друг рванули впе-ред, не оставляя субурбанской кавалерии шансов угнаться за нами.

Раз! Вадюня раскинул руки, точно намереваясь взлететь, и бе-лый дым из шашек, дотоле хранившихся в бездонном рюкзаке Рат-никова, заволок округу. Два! Украшенный каменьями пояс феи упал наземь позади хвоста ее скакуна, сводя на нет потуги жутиморских властей порадовать столичных забияк благоустроенным полем боя. За спиной послышался оглушительный треск, словно земля внезап-но лопнула в том месте, где упала волшебная опояска. Я мельком кинул взор через плечо: острозубый каменный кряж вырастал поза-ди нас, с каждым мигом становясь все выше и выше. На самом греб-не его сиротливо болталась веревка, разгораживающая синью и крас-ную стороны.

— Скорее! Скорее! — поторапливалась нас фея. — Не останавли-ваемся! Такие хребты иногда до десяти верст тянутся.

— Все! Хана огородику! — обреченно бросил Ратников.

Уж не знаю, как пережили катаклизм грядки местного градопра-вителя, но я очень надеялся, что сам достопримечательный Жути-мор не слишком пострадал от нашего гуманизма. Поскольку, как ни крути, а пару баллов земной встряски он все-таки вызвал.

Теперь дорога вновь шла лесом, и сухие ветки, то и дело пре-граждавшие нам путь, только подтверждали мои опасения, что при-менение магических средств самозащиты не прошло незамеченным. Мы с Делли двигались первыми, позади слышалась довольно ожес-точенная перебранка. Королевская дочь, пользуясь отсутствием чу-жаков, самозабвенно поучала Злого Бодуна светским манерам, от-метая все его многочисленные «да ну», «да че», «да в натуре» как несо-

стоятельный доводы. Наблюдая за этой парочкой, я иногда приходил к странному выводу, что, похоже, неотесанный, но отчаянно смелый и надежный витязь, скажем так, небезразличен юной принцессе. Занятная бы сложилась ситуация, если в результате наших совместных поисков грусская красавица взяла да и заявила бы королевичу, что, пока он шлялся невесть с кем невесть где, она взяла и полюбила другого. Поэтому их помолвка расторгнута и «прощай, Одесса-мама».

Впрочем, сейчас меня больше волновало иное. Каким все же загадочным образом думский радник Юшка-каан узнал о Маше, путешествующей с нами инкогнито? Большую часть пути ее высочество проделала, переодевшись в наряд мальчишки-пажа. И если нынче утром я и был вынужден окрестить девицу племянницей феи, то лишь потому, что с распущенными волосами выдать ее за юношу было весьма проблематично. И тем не менее факт оставался фактом: поправоручник Шхуль прибыл по нашему адресу именно за дочерью короля Базileя.

Хорошо, положим, сам он и его засецкие сотни могли находиться поблизости в округе. В конце концов, Делли говорила, что Юшка-каан контролирует правый берег Непрухи, так что сейчас мы на его территории. Допустим. Можем также предположить наличие у думского радника мурлюksких зеркал, почтовых голубей, конной эстафеты и других средств экстренной связи. Без вопросов. Но он-то сам откуда знает о принцессе? Толмач ее опознать не мог, в столице мы не светились, а уж местные землепашцы, волопасы и рыбари дочь соседского государя и вовсе в глаза не видывали. А даже если вдруг и узнали, пока до Елдин-града доковыляли, пока Юшка-каан сюда бы весточку прислал, нас бы и след простыл. Ах нет! Нескладушки получаются. Откуда же он узнал? Не в карпово же волшебное зеркало увидел? Или же на беду мурлюки разработали очередную напасть на наши головы, какой-нибудь радар на базе летучей мыши, срабатывавший на принцесс? Стоп! Я невольно дернул удила, останавливая коня.

— Что случилось, Виктор? — встревоженно поинтересовалась сидевшая за моей спиной фея.

— Кажется, у меня есть версия, — проговорил я. — Послушай и скажи, если я в чем-то ошибаюсь. У Юшки-каана весьма плотная связь с мурлюками: у него жена оттуда, полон дом всяческих диковин из-за Хребта, он контролирует доставку траншей, и неизвест-

ные благотворители, перебрасывающие в Грусь контрабандный магический хлам, тоже приходят за содействием к нему.

— Так оно и есть, — подтвердила Делли.

— Верно, — кивнул я. — Нынче утром Юшка-каан присыпает за Машей, обрати внимание, именно за ней, а не за нами, своих борзых. Вот я и думаю, уж не от нашей ли обожаемой Повелительницы драконов господин Главный Соборный Субурбанец знает, кто и в каком направлении передвигается. Уж она-то точно рассчитывает, что Машенька попрется очертя голову за суженым-ряженым. Так что выставляй засады — не хочу!

— Ну, Юшки-каана мы можем больше не опасаться, — поспешила успокоить меня Делли. — Вон, видишь, впереди березовая рощица? За ней уже начинается Гуралия.

— Да, печально, — покачал головой я.

— Что печально? — удивилась кудесница.

— Если я прав, а все пока говорит о том, что я прав, то это не последняя каверза, которую приготовила нам лженевеста Элизея. С Юшкой-кааном всегда ясно, что от него ожидать. Не великого ума думник. А тут... — Я развел руками.

Субурбанию от Гуралии отделял покосившийся плетень с приоткрытой калиткой посреди тропы. Судя по лавочке, прилепившейся к плетню, когда-то здесь подразумевалась крепкая сторожа. Однако отсутствие подсолнечной шелухи возле нее наводило на мысль об безвизовом режиме пропуска через государственную границу. Мы ехали по тропе еще не менее часа, когда вдруг резкий тошнотворный запах ударил мне в нос, едва не выбив из седла.

— Клин, — раздался за моей спиной сдавленный голос Ратникова. — Это попадалово! В натуре крутим отсюда педали! Здесь химическое оружие на людях испытывают.

— Делли, — я подал коня назад, стараясь подальше отодвинуться от источника невыносимого зловония, — а другого пути, случайно, нет?

— Нет, — процедила фея, зажимая нос. — Нечто сами не видите, лес неезжий да нехожий. Заповедник по-вашему. Одну тропку только и выговорили.

— А может, через другой КПП в натуре попробуем? — с надеждой предложил Злой Бодун.

— Другая калитка отселя верст за полста будет. Да и к тому же в Жутимор сейчас соваться не след. Люди там, поди, осерчали.

— Так ведь и дальше ехать никак, — с тоской заметила принцесса. — Вонь в нос так и шибает.

— А ты уж потерпи, Машенька, — ласково обратилась к воспитаннице фея. — По твоему ж хотению сюда примчались. Постоим тут, придишись, да и дальше поедем. Сама, поди, знаешь, земля эта Лукоморьем именуется.

— Погоди-погоди! — перебил я фею, stoически морщась и затевая беседу более для того, чтобы отвлечься от ужасающего запаха, чем для установления истины. — Нас в школе, помнится, учили, что лукоморье — это морская излучина.

— Да ну, скажешь тоже! Излучины небось у рек бывают, а не у моря. А Лукоморье — это место, где гуральцы луком да чесноком волколаков гоняют. Ну, псеголовцев по-ихнему. Говорила же как-то — дикий край. Одного псеголовца отгонят, а на пол-леса потом лукоморье. Ну что, други верные, — фея поглядела на нас с надеждой, — придишись уже к смраду? Может, дальше поедем? А то ведь тут до зимы стоять можно, все равно лучше не станет.

Мы тронулись вперед галопом, прикрывая носы и стараясь не дышать.

— Тормози! — вцепилась в мои плечи Делли. — Дуб!

Впереди метрах в пятнадцати к небу вздымалось нечто, с точки зрения ботаники, очевидно, считавшееся дубом. Но на первый взгляд это нечто больше напоминало замшелую скалу, утыканную дубовыми ветками.

— Так я и знала! — досадливо морщась, выдавила фея. — Все, зависли.

Я собрался было выяснить, что, собственно говоря, произошло и отчего бы нам не обхехать этот древесный реликт, когда из-за необытного ствола раздалась лихая, возможно, разбойничья песня:

Во ку, во кузнице,
во ку, во кузнице,
во кузнице молодые кузнецы!

Истошный голос, очень похожий на мартовский кошачий вопль, которым исполнялось соло, не оставлял сомнений, что у нас опять образовались магические проблемы. Спустя мгновение из-за дерева вывернулся счастливый обладатель пронзительного козлетона с длинной бечевкой, обвязанной вокруг шеи.

— Прошу любить и жаловать, — кривясь и морщась, представила аборигена фея, — Кот Ученый.

Глава 25

Сказ о бездне учености и вариантах честного боя

Животное, вышедшее нам навстречу, без сомнения, относилось к семейству кошачьих, наводя на мысль, что в семье не без красавца. Размером этот мохнатый певец был с сенбернара. Голову его уверчивал седой парик с буклями, поверх которого красовалась черная академическая шапочка со свисающей набок кистью. На носу Ученого Кота красовалась роговая оправа очков без стекол, а под мышкой он волок толстенную книгу в кожаном переплете с золочеными уголками. Шествовало животное отчего-то на задних лапах. Вероятно, сей факт тоже свидетельствовал о его многомудрости.

— Объедем? — нерешительно предложил Вадюня, искоса поглядывая на распевающего кота, похоже, не обращающего на путешественников ни малейшего внимания.

— Не выйдет, — стараясь не мешать песне, прошептала из-под руки Маша. — Он бросится.

— А если типа копьем?

— Даже и не думай! Место, поди, заговоренное, сам понимать должен, такие дубы просто так не растут. Здесь с подходом да почтением надо, — одернула храброго боярина Делли.

— С подходом? — превозмогая вонь, недовольно пробурчал Вадюня. — Ладно, попробуем конкретно с подходом.

Между тем Кот, дойдя до одному ему известной точки, развернулся на месте, на полуслове прервал песню и зашагал обратно.

— В некотором царстве, в некотором государстве жила-была Хунта. Что в свете экономических тенденций мирового рынка отрицательно влияло на рост валового национального продукта. И решила тогда Хунта вступить во Всемирную торговую организацию...

Вадюня, увлеченный исследованием недр собственного рюкзака, невольно прервался и с недоумением взглянул уходящему баюну вслед.

— Клин, чего это он?

— ...И решил тогда Фатф-богатырь вступить в неравный бой с грязными деньгами. А их-то кругом собралось видимо-невидимо! И все рвутся к источнику мертвой воды, чтобы в нем отмыться. Но стал тут Фатф стеной...

— Не слышишь, что ли, сказки говорит, — вспоминая первоисточник, махнул рукой я.

— Да какие же это сказки? — страдальчески выдавил могутный витязь.

— Ну уж, какой мир, такие и сказки!

В это время Ученый Кот скрылся за дубом, а обрадованный Вадим извлек из рюкзака то, что так настойчиво искал: довольно объемистый баллон освежителя воздуха, на котором красовалась изящная готическая надпись «Русский лес».

— А-а-а! Ненавижу-у! — завопил Ратников, недрогнувшей рукой давя на распылитель.

— Волшебство! — округляя глаза, проговорила Маша, вдыхая дивный запах хвои, плотным облаком повисший у подножия дуба.

Впрочем, желаемый эффект был достигнут лишь частично. Теперь сумма ароматов, наполнивших округу, должна была бы называться «Свалка в сосновом бору».

— И это еще не все! — зардевшись от невольной похвалы ее высоцества, промолвил Вадим. — Во! — Жестом фокусника он извлек из хранилища полезных вещей шуршащий розовый пакет с кошачьей фотографией на боку, глядевшей на мир выпущенными зелеными глазами. — Чумовая вещь! Типа лосось вперемешку с форелью и натуральными протеинами. Коты конкретно ведутся. У брательника в магазине полный отлет.

В это время ничего не подозревающий кошачий появился с противоположной стороны дерева, голося нечеловеческим голосом:

— И стали они жить-поживать, и были у них валютные запасы, нефтяные поля и высокие технологии аж до самых небес. И я там был, джин-виски пил, по усам текло, а в рот, слава Деве Железной Воли, не попадало. — Кот замер в той самой точке, откуда начал повествование о подвигах достославного Фатфа, набрал в легкие воздуха, чтоб затянуть песню, закашлялся, колотя лапой по мохнатой груди и роняя зажатую под мышкой книгу. — Фу! Навоняли здесь! — сбиваясь с привычного ритма, завопил он, только тут обращая на нас внимание. — Кто такие?! Зачем пожаловали?

Не говоря ни слова, Вадим разорвал пакет, давая запахам чисто лососей, форелей и в натуре протеинов вмешаться в гамму окрестных ароматов.

— Это мне? — выпучивая глаза и становясь неуловимо похожим на сородича, изображенного на пакете, завопил Кот.

— Ну, дык, ясный перец, — кивнул Ратников. — Типа же специально из-за кордона волок.

— Мня-у-у! — Ошарашенный таким почетом ученый опустился на пушистый хвост, покачивая головой из стороны в сторону. — Ну, раз из-за самого кордона, то давайте, — принял из рук Злого Бодуна вожделенное лакомство, заговорщики прошептал котяра. — Вообще-то по договору мне сидеть не полагается, но если вдруг кто придет, скажите, что вы фольклорная экспедиция по обмену опытом. — Котяра облизнулся и запустил когтистую лапу в пакет. — Мн-м, объедение! Давно не ел ничего вкуснее! Вот, коллеги, извольте убедиться, — закидывая в пасть очередную порцию высококалорийной пищи, молвил котейка, — как безрадостна жизнь научного светила. И это я, известнейший знаток эпических текстов, обладатель высокого звания карбункул учености ведущих ареопагов Империи Майна!

— Так, а че, в натуре, хрен ли вам торчать посреди этого леса? Веревка-то хлипкая, разок хорошо дернуть, и все, хана, вали на волю!

— Оно-то так, — согласился карбункул учености. — Но не могу. Договор, знаете ли.

— Что за договор, если не секрет? — поинтересовался я.

— Да ну, какой секрет! Собираю фольклор неразвитых сущностей, — пожал плечами ученый зверь. — Заказ от Мурлюкской Академии Мироусовершенствования. Оно, знаете ли, базис менталитета, фундаментально понятийный ряд, — тщательно пережевывая ароматные хрустящие кусочки, пояснил научный сотрудник. — Всякий, кто мимо идет, должен рассказать сказку, или песню спеть, или стишок прочитать. Понятное дело, каких у меня еще не записано. — Он похлопал лапой по лежащей рядом толстенной книге, судя по закладке, исписанной едва на треть. — Вот закончу монографию, стало быть, и контракту конец.

— Улет башке! — скривился Вадюня. — Вот была охота в такой вонидле-то сидеть, типа сказки собирать!

— Мн-мн-мня-у-у, наблагоухали вы тут, конечно, премерзко, — поморщился Кот. — Но видите ли, мой юный друг, все ради науки. То есть раньше мне еще была обещана златая цепь, опоясывающая этот дуб, но сейчас, — Кот обреченно махнул лапой и, выпустив когти, тронул ими хлипкую бечевку, — извольте сами видеть, цепочка пропала. Так что все исключительно ради науки. — Ученый горестно замолчал, вывернув себе в глотку остатки содержимого пачки и, вопросительно поглядев на Злого Бодуна, поинтересовался: — У вас, случайно, запить не найдется? Ну, сами понимаете...

— В аптечке валерьянка есть, — кивнул Вадюня.

— Мняу! Прелестно! — мечтательно прищурился высокоучченый котофан. — Так что же вы сидите, скорее давайте ее сюда!

Спустя пару минут пузырек из аптечки ратниковского Ниссана перекочевал в лапы собирателя фольклора к немалой радости последнего.

— И как вы, люди, умудряетесь пить такой изысканный напиток такими крошечными бутылочками? — качая головой, спросил он. — Впрочем, о чём я? Тыфу на меня, тыфу три раза! Я же зарок давал, больше чарки ни-ни! А то вон по весне, — вновь начал повествовать Кот, — малец один, рыженький такой, притащился сюда черпнуть знаний из кладезя премудрости. Не поленился же, гад, жбан мятной настойки приволок! — Карбункул учености тяжко вздохнул. — Нашутро просыпаюсь — цепи нет! Как корова языком слизала. И стервеца рыжего, понятное дело, след простыл. С тех пор больше чарки ни-ни! — С этими словами Кот откупорил флакон и, провозгласив тост «За здоровье прекрасных дам!», опрокинул его в пасть. — Ух! Как пробирает!

С минуту огромадный мурлыка сидел, закрыв глаза, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Когда же очи его вновь распахнулись, цвет их с желтовато-болотного поменялся на изумрудно-зеленый.

— Ну что, — расплылся в клыкастой улыбке Кот, — споем, друзья?

Ой, да по речке, ой да по Казанке, —

не дожидаясь нас, дурным голосом завопил ученый мышеед, —

Сизый селезень плывет!
Ой, да по бережку,
Ой да по высокому добрый молодец идет!

Кстати, о добрых молодцах. Не мое, конечно, дело, но как беспристрастный ученый должен вам заметить, сударыня, — Кот немигающим взглядом уставился на Машу, — что этот молодой человек куда интереснее того, давшего. И я вот гляжу, субстанция у вас рядом с ним стабилизировалась...

— Постойте-постойте, — перебил его я, — вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что, пожалуй, с удовольствием дернул бы еще стопарик валерьяновки. У вас, случайно, с собой больше нет?

— Нет, но если вы мне ответите, я из ближайшего города привезу вам целую бадью.

— Мняу, да? — Кошачьи глаза приобрели задумчиво-осмысленный вид. — Ну что ж, молодой человек, вопрошайте.

— Только что вы сказали, что видели нашу спутницу.

— Будем точны, коллега. — Кот потряс длинным загнутым когтем перед носом. — Я такого не говорил. Я утверждал, что в сравнении с прошлой нашей встречей ее субстанция, несомненно, стабилизировалась.

— Пусть так! Но вы прежде видели эту девушку? — отмахнулся я.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил мохнатый литературовед. — Хотя все эти антинаучные фейские штучки...

— Когда вы ее видели?

— Где вы учились, молодой чёловек? — возмутился Кот. — Вы не даете мне договорить! В конце концов, это невежливо.

— Прошу прощения, почтеннейший Кот, я был не прав. И все же потрудитесь ответить, когда вы ее видели?

— Третьего дня она сюда приезжала с иным витязем. Только не с этой, а с той стороны. Песен послушать, ну и там все прочее... Нежели не помните? — Удивленный котофан требовательно уставился на мрачнеющую на глазах принцессу. — Вы мне тогда еще сказку поведали о спящем королевиче, которого волшебница заточила в хрустальный гроб в своем каменном чертоге. А путь к тому чертогу лежит через топи непролазные, через горы высокие за Железный Тын, — сбиваясь на эпический тон, нараспев заговорил Баюн. — Ежели ко времени смены лун не поспеет девица-красавица со всем пылом молодой страсти в губы поцеловать добра молодца, то, стало быть, на век королевич во власти той волшебницы останется.

Я обескураженно оглянулся на Делли.

— Коллега, ну что ж это такое! Вы меня не слушаете! — возмутился Кот. — Для чего я сотрясаю воздух? — Он замолчал, обиженно надулся, затем, успокоившись, махнул лапой: — Ай, ладно! Недосуг мне тут с вами рассиживаться, давайте пару новых песенок мне спойте и в добрый путь! Перышко вам в донышко. Да только не забудьте из города бадью валерьянки прислать. Вы обещали!

Мой «Интернационал» и Вадюнины «Пусть бегут неуклюже» вполне удовлетворили высокоученого собирателя фольклора, по знакомству давшего разрешение ограничиться только двумя произведениями на четверых. Уж и не знаю, чего вдруг в голову мне пришел именно гимн Коминтерна, возможно потому, что в детские годы моя революционно настроенная прабабушка пела мне его на ночь вмес-

то колыбельной, но прямо сказать, у меня не было ни времени, ни желания задумываться над этим курьезом.

Игра, которую вела с нами коварная похитительница Элизея, занимала сейчас все мое сознание. С одной стороны, встреча Повелительницы драконов с ученым Котом свидетельствовала о том, что мы находимся на правильном пути, и земля еще не остыла от шагов мурлюкской колдуньи. Но с другой — количество странностей в этой ситуации значительно превышало средний уровень.

Начать с того, что, как мне представлялось, встреча Элизея с лже-Машей происходила значительно дальше от границы между Гуралией и Субурбанией. А стало быть, вместо того чтобы двигаться, как это было изначально, за пределы страны, самозваная невеста потащила Элизея навстречу преследователям. Зачем? С единственной, на мой взгляд, целью — наследить так, чтобы мы никак не могли проехать мимо. Помнится, Делли утверждала, что здесь самый короткий путь в те места, откуда пропал королевич. Наверняка Повелительница драконов учла этот момент. И с Котом хорошо придумала: и ниточку нам путеводную оставила, и предупреждение, мол, не отыщете от луны до луны — кранты принцу. Идите, мол, по указанной тропке, гости дорогие, давно вас уже поджидают.

Кстати, о Коте. Интересно, откуда обитательница захребетной державы знала о существовании именно этого зверя и именно в этом месте? Хотя,омнится, собиратель фольклора что-то говорил о Мурлюкской Академии Мироусовершенствования. Но это мало что объясняет. Для того чтобы точно узнать расположение этой, с позволения сказать, фольклорной экспедиции, необходимо иметь очень серьезный доступ к рабочим материалам Академии.

— Делли, — я оглянулся на фею, — ты, случайно, не знаешь, что собой представляет Академия Мироусовершенствования?

— О, это очень серьезная и уважаемая организация, — с пиететом в голосе отозвалась кудесница. — Без малого две сотни лет тому назад она была основана под патронажем Светоносной Девы. И с тех самых пор вся деятельность этого собрания ученых светил направлена к единственной цели: сделать жизнь народов лучше, легче, сытнее. Вот видишь, — все так же уважительно продолжала она, — для того, чтобы глубже понять гуральцев и субурбанцев, Ученый Кот прислан в Лукоморье собирать сказки, предания...

— Это все понятно. Я о другом. Может ли колдунья, которая сперла Элизея и теперь подманивает им нас, как козла морковкой, ну, скажем, работать на эту хваленную Академию?

— Что ей там делать? Сам понимаешь, драконы в мирных целях не используются, а все, что касается военного искусства, к Академии отношения не имеет.

— Хм, — покачал головой я. — Ну, предположим. Однако Повелительница драконов притащилась именно сюда и именно к Коту, чтобы оставить нам весточку. Стало быть, знала о нем все досконально.

— Ну мало ли откуда она могла знать, — пожала плечами Делли. — Место здесь затхлое, но какой-никакой люд болтается. Сам же небось слыхивал, такой удалец сыскался, что и цепь золотую упер. А откуда она узнала, как встретим, так и спросим.

— Непременно, — кивнул я. — Тут уже вопросы к ней накопились, по жабсу за штуку продавать — озолотиться можно! А что вообще об этой волшебнице известно достоверно?

— Да прямо сказать, немного. Кто такая, откуда взялась, никому не ведомо. А лет, пожалуй, сто назад, когда мурлюки приспособились драконов соком минеральных дров потчевать, вдруг откуда ни возьмись пополз слух, будто есть у крылатых тварей правительница, которой они послушны, точно собачонки. Вначале многие утверждали, что это полный абсурд и кроме гремлина драконом никто управлять не в силах. Да и то, один гремлин — один дракон. Но слухширился, даже самозванки начали появляться. Но высокая наука существование Повелительницы отрицала. А почитай же все, кто скользнибудь с мурлюкскими драконами сталкивался, в наличии этой дамы не сомневались. Кое-кто из них даже клялся, что лично встречался с ней, но доказательств существования ученые так и не нашли. Впрочем, не слишком-то и искали. Так что все, что известно, — идет со слов, как это говорят за Хребтом, несостоительных свидетелей. Но и то сказать, одни утверждали, что она старуха, другие доказывали, что Повелительница юна и хороша собой, третьи опровергали их, говоря о том, что собой она действительно хороша, но скорее это женщина средних лет, не юница.

— Угу, именно в такой последовательности? — перебил я вещающую подругу.

— Что? — не поняла в первый момент мой вопрос Делли.

— Ты говоришь, что ее описывали старой, затем юной, далее женщиной средних лет, — повторил я слова феи. — Ты, случайно, не обратила внимания, хронологически Повелительницу драконов характеризовали таким образом именно в этом порядке?

— Пожалуй, да, — подумав несколько минут, утвердительно кивнула Делли.

— Угу. А со слов Машиной кормилицы выходит, что приходившая во дворец Повелительница драконов была скорее лет около пятидесяти.

— И что ты этим хочешь сказать? — отчего-то встревоженно поинтересовалась кудесница.

— Да как тебе объяснить? Я, конечно, не берусь утверждать, но одно из двух: либо эта неуловимая Повелительница драконов время от времени омолаживается, либо мы имеем дело с двумя дамами, занимающими один и тот же пост.

— А пожалуй, верно, — согласилась сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Я как-то об этом не задумывалась.

— Это потому, что для тебя Повелительница драконов последние несколько десятков лет была чем-то отвлеченным. Полуявл-полумиф. Живет дамочка за Железным Тыном, и слава богу. А не живет — и того лучше. А нынче нос к носу столкнуться пришлось.

— Ну не скажи, — отозвалась фея. — Я-то всегда почитала слухи о ней истинной правдой. Мне по должности положено было верить, что она существует. Оно, конечно, хорошо, когда иначе, но если принять на веру, что где-то невесть где есть некая правительница с целым войском драконов, которые появляются откуда ни возьмись и исчезают без следа, тут волей-неволей станешь готовиться к отражению атаки. Однако, — Делли вздохнула, — приходится признать, что Повелительница драконов ловчей и смекалистей оказалась, чем прежде думалось.

— Да уж, — хмыкнул я. — Вот, казалось бы, нужна тебе на който ляд груссская принцесса. Чего мудрить? К чему все эти каверзы? У тебя под рукой армия драконов! Аи нет! Какие-то хитрости, уловки, водевили с переодеванием, престарелые герцогини в сундуках. То есть я понимаю, что нас хотят обмануть, только не могу понять где. И это, честно говоря, меня изрядно раздражает.

Я умолк, пытаясь осмыслить услышанное, а вкупе с ним и прочие странности, вроде несуразного поведения принца Элизея, преспокойно устраивающего милый пикничок посреди Лукоморья. Честно говоря, мне слабо верилось, что благовоспитанный королевич может по добной воле привезти любимую в этакое смрадное местечко, да еще и распевать песни с ученым Котом, вместо того чтобы опрометью броситься прочь.

Складирование несуразностей заняло довольно много времени, и, думаю, заняло бы еще больше, когда бы не послышались вдруг на лесной тропе отдаленный звук фанфар и неясные выкрики, сопровождаемые отчего-то воем волчьей стаи.

— Клин! — окликнул меня Вадюня. — Там, кажется, охота какая-то. Слышь, в натуре трубят.

— Слышу, — подтвердил я. — Но, по-моему, все же это не охота. Когда волков гонят, времени для воя у них не остается.

— А в натуре! — согласился с правильностью моего утверждения Злой Бодун. — Ну и типа что это тогда?

Я пожал плечами и оглянулся на Делли.

— Не знаю, — честно созналась кудесница.

Между тем звуки становились все слышнее, и теперь к волчьему хору примешивалась сольная медвежья партия.

— А не повернуть ли нам отсюда, пожалуй? — Я оглядел своих спутников.

— Опять в Лукоморье?! — запротестовала Маша. — Ну уж нет! Ни за какие коврижки!

— Но ваше высочество, — попробовал урезонить ее я, — ехать вперед явно небезопасно.

— А никто и не говорил, что будет безопасно, — поджала пухлые губки наследница гружского престола. — Но мы должны все превозмочь и одержать победу!

— Мы должны, — хмыкнул я. — Хорошая постановка вопроса.

— Между прочим, без меня и Делли там, в Жутиморе, вы бы...

Перебранка со своевольной девицей вполне могла бы перерости в глобальный скандал с выяснением отношений, но тут на дорогу перед нами выскочил огромный заяц, орущий до невозможности противным голосом:

— Коло-о-о Шаровая Молния Бо-о-ук!

Вслед этому воглю вновь прогремели фанфары, и сразу за ними из маячившего впереди осинника появилась процессия столь нелепая и странная, что в первый миг мне подумалось, уж не вдохнули ли мы во время стоянки в Лукоморье чего-нибудь непотребного. Прямо на нас по лесной тропе, сверкая золочеными орнаментами и бренча величеством подвешенных на дышле бубенцов, катила боевая колесница, запряженная парой козлов. На запятках ее, поднявшись во весь рост, стоял медведь, держащий над собой в вытянутых лапах рыжую лисью шкуру. За экипажем следовали петухи с фанфарами, какие-то свиньи и козы. Все это стадо было окружено вол-

чьей стаей, зажавшей колесницу в плотную коробочку. Зубастые санитары леса подвывали, бубенцы звенели, подпевая фанфарам, взревывал медведь, вслед ему и весь остальной скотный двор спешил подать голос.... Вся эта чудовищная какофония громыхала одновременно, время от времени прерываемая истошным заячим воплем:

— Коло-о-о Шаровая Молния Бо-о-ук!

Я часто заморгал и затряс головой, пытаясь отогнать навязчивое видение.

— Делли, — отчего-то шепотом спросил я, скашивая глаз, — что, опять веселые песни орать надо?

— Нет, — так же тихо прокомментировала увиденное фея, — это, пожалуй, другая напасть.

Уж и не знаю, ведала ли она сама, что именно за напасть ожидала нас на лесной тропе, но далее ситуация начала развиваться, не дожидаясь официальных разъяснений.

— А вот и я! — раздалось с колесницы. — Надеюсь, вы недолго меня ждали?

— Ну, прямо сказать, совсем не ждали, — пробормотал я под нос, с нескрываемым удивлением разглядывая источник нового словоизвержения. Признаться, увлеченный созерцанием неслыханной процессии, вначале я даже не обратил внимания на это самое нечто, судя по форме, и бывшее вышеуказанной Шаровой Молнией. Нечто было завернуто в полосатый капюшон и лежало на мягкой подушке как раз на уровне медвежьего брюха, под выделанной лисьей шкурой.

— Всех приветствую! Я в добром здравии, у меня все превосходно, просто отлично, я свеж и готов к бою!

Все взывало, забренчало и заревело в единый миг при звуке этих слов.

— Да! Да! Я готов к бою! Где мой противник?! Я порву его на части! Я замешу его, как тесто! Я не оставлю на его теле ни одного клочка, по которому можно было бы догадаться, какого цвета он был до боя!

Каждая реплика самодовольного баxвала вызывала бурю восторга приспешников, подхлестывая его к новым угрозам.

— Надеюсь, он не наделал в штаны, пока меня ждал?! Схватка расставит все на свои места! Следите за поединком, да не вздумайте моргнуть, иначе пропустите все самое важное!

Хвастливый крикун был черен, глазаст и больше всего напоминал одно из ядер, демонстрировавшихся в Кроменецком замке без-

гласным свидетелем эпохи турецких войн. Только у этого ядра с голосом было все в порядке.

— Ну что, вы готовы? — Длинноухий ярыжка столбиком застыл перед нами, скрестив лапы на груди. — Кто из вас Вадим Злой Бодун Ратников?

— Ну так типа чисто я, — обескураженно признался Вадюня. — А че?

— Как это «че»? — Уши зайца пришли в замешательство. — Бой сезона!!! Паладин Девы Железной Воли, кампион Мурлюкии и Империи Майна Коло Шаровая Молния Боук против кампиона Груси Золотой, Зеленой и Алой боярина Вадима Злого Бодуна Ратникова!

— Да вы че в натуре, я об этом конкретно ничего не знаю! — обалдело глядя то на нас с Делли, то на лежащее под лисьей шкурой ядро, оторопело выдавил член оперативно-следственной группы. — Да и не кампион я вовсе.

— Ага! Он струсил!!! Я же говорил, что у него кишак тонка! От титула отказывается! Может, ты и не Злой Бодун вовсе? — подпрыгивая на подушке, заорал смуглый Коло.

— Слыши, ты, пончик пережаренный, ты на кого наехал?! — расставив веером пальцы, возмутился Вадюня. — Тобой в натуре давно в футбол не играли?

— Ага, значит, все в порядке, бой состоится! — заверещал косоглазый.

— Погоди, Вадюня, я сейчас попробую договориться, — спрыгивая с Феррари, бросил я.

— Да хрен ли тут договариваться! Сейчас я его пошматую, что боги зебру!

Не слушая разобиженного друга, я направился к колеснице паладина Девы Железной Воли, искренне намереваясь обсудить возникшее недоразумение. Волчья стая, недвусмысленно оскалив клыки, сомкнулась передо мной.

— Нет-нет! — раздалось из повозки. — Это, конечно же, людный глашатай! Пропустите его! Кстати, — кампион Мурлюкии, а заодно и Империи Майна поднял глаза на возвышавшегося над ним косолапого, — где Перепутень? Мне обещали, что он будет здесь!

— Он... э-э... отбыл. По нужде. Большо-ой нужде, — проревел лесной хозяин, стараясь казаться как можно меньше.

— Непорядок! Я доложу! Обо всем доложу! Ладно, — Коло Шаровая Молния повернулся ко мне и расплылся в улыбке, — как вы сами можете видеть, я простой обычный парень, каких тысячи. И

всем, чего я достиг в жизни, я обязан покровительству... Девы Железной Воли!!! — Последние слова были выкрикнуты им явно для того, чтобы дать возможность многочисленным спутникам в очередной раз проверить крепость голосовых связок. И те с блеском справились с этим экзаменом. — Я не помню своих родителей, — продолжал темнокожий боец. — Они отказались от меня еще в самом глубоком детстве. Я вырос у бабушки с дедушкой, и хотя они не жалили для меня самого последнего, что у них было, очень скоро я понял, что и они желают, чтобы меня поскорее не стало. Это было тяжелое время, но я его пережил. Я нашел в себе силы, и в этом мне помогла... Дева Железной Воли-и!!! — Новый ураган восторга едва не смел с троны наших скакунов. — И тогда я отправился искать лучшей доли! — продолжал Коло Шаровая Молния. — Вокруг была жестокая действительность, а я был совсем белым рыхлым новичком. Но я верил в свое высокое предназначение и... мне... всегда... светил... фонарь... Чей?! — У меня не было ни малейшего сомнения в принадлежности осветительного прибора, упомянутого профессиональным бойцом, и нестройный хор звериных голосов только подтвердил мое предположение.

Удовлетворенный дежурным изъявлением восторга, мистер Боук продолжал как ни в чем не бывало:

— Да, теперь уже можно сознаться, тогда я еще был рыхлым и, пожалуй, чересчур мягким для настоящего боя, но я пришел побеждать, и я побеждал! Ловкость, продемонстрированная мной в трех первых боях, подарила мне любовь публики, и уже четвертый бой был бой по-настоящему, и именно он принес мне шкуру кампиона! Как вы можете видеть, моя на мне, — заученно пошутил Коло. — И это мой заслуженный приз, который у меня никому не отнять!

— Да мы в общем-то и не собирались отнимать этот трофей, — пожал плечами я. — Простите,уважаемый паладин, а почему, собственно говоря, вы решили, что у вас здесь должен состояться бой с Вадимом Злым Бодуном Ратниковым?

Обладатель лисьей шкуры удивленно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на медведя.

— Мне по зеркалу передали из логовища Энимала Кинга, что сегодня здесь мистер Злой Бодун вызывает нашего кампиона на честный бой. Приз — рука и сердце груской принцессы. Вон она, кстати, сидит, — проревел медведь.

От такого сообщения вопросы, роившиеся в моей голове, рухнули вниз, точно комары в рекламе «Фумитокса».

— Бъерн! — перебил его мурлюкский кампион. — Поторопи зайца, сколько можно объяснять правила честного боя? Бей во что горазд, и вся наука!

— Д-да я, пожалуй, сам потороплю. — Я направился туда, где ждали моего возвращения спутники. — Позвольте только один вопрос.

— Да уж, чего там, — вновь расплылся в улыбке Коло, — задавайте. На то вы и глашатай.

— А если господин Злой Бодун откажется вступать с вами в бой?

— Погляди-ка на волчью стаю, приятель. И передай, чтоб они там хорошо подумали, прежде чем решат отказываться, — оскалился медведь.

Я резко оглянулся. Вокруг наших скакунов, напружинившись, готовые к прыжку, замерли серые клыкастые твари, ожидающие лишь сигнала к атаке. Числом не менее десятка.

— Я-а... передам ваши условия господину Ратникову, — только удалось выдавить мне.

Расторопный заяц, должно быть, выполнивший во встреченной нами компании роль заправского рефери, как ни в чем не бывало растолковывал моему другу правила честного поединка.

— ...Позволяются захваты за конечности, но не более одного мига.

— И где же в натуре у него конечности? — поразился Злой Бодун.

— К правилам схватки это отношения не имеет. Или вы желаете, чтоб у вас конечностей тоже не было?

— Да ну, типа как-нибудь обойдусь!

— Мой друг все понял, — прервал я беседу витязя с зайцем. — Вадим, ты уже знаешь, какой сегодня приз?

— Да ну, в хрен ли мне уперся их приз! Я его и так на блины раскатаю.

— А ты не торопись, — осадил я раздухарившегося приятеля. — В этом бою гран-при — рука и сердце нашей непоседливой принцессы.

— Что?! — взвилась за спиной Ратникова Маша. — Да как вы смеете?

— Да я-то тут при чем? — Мои плечи дернулись вверх. — Это вон тот глобус Африки за вами сюда прикатился. Вы у нас прямо нарасхват! Хотя ему-то вы зачем, и вовсе непонятно.

— Тогда, может, на прорыв? — переходя на возбужденный шепот, проговорил Ратников.

— Через этот зоопарк без потерь не прорвешься, — покачал головой я.

— А если волшебством? — предложила Маша.

— Мысль хорошая. Но сейчас, если вы хотя бы руку поднимете, волки бросятся, как по команде.

— Так что же делать? — беспомощно хлопая глазами, спросила наследница груссского престола.

— Как ни крути, надо выходить на бой. Хотя бы для того, чтобы отвлечь внимание толпы от ваших невинных проделок.

— Да ладно, Машутка, в натуре не дрейфуй! Сейчас ты чисто увидишь конкретный богатырский махач.

И мы увидели.

— Место! Место! Дайте место! Больше воздуху! — заверещал заяц, раздвигая лапы.

Передвижной зверинец безропотно последовал его указаниям, освобождая площадку на тропе.

— Итак, слева от меня кампион Груси Золотой, Зеленой и Алой боярин Вадим Злой Бодун Ратнико-ов! Справа — кампион Мурлюккии и Империи Майна, паладин Девы Железной Воли Коло Шаровая Молния Бо-оук!

Вадим Ратников, может, и не чемпион Груси, но тем не менее участник не одного десятка разнообразных честных и не слишком честных стычек, вразвалочку вышел на тропинку, пренебрежительно уперев руки в боковины преображенного магией бронежилета.

— Катись сюда, пенальти недобитый!

Улыбка сошла с круглого... всего Коло Шаровой Молнии.

— Бой продолжается до победного конца, — зажмурившись, ветрещал длинноухий комментатор. — Главный приз — вот он, перед вами. Сегодня это очаровательная, впрочем, зачем я это говорю, вы все сами видите, принцесса Груси! Господа кампионы! Готовы? — Заяц выставил перед собой лапы.

— Готовы, — донеслось с обеих сторон тропы.

— Бой!!!

Оба поединщика не заставили себя упрашивать. Вот, набегая на противника, Вадим замахивается ногой, чтобы отправить его, точно мяч, под штангу невидимых ворот, еще миг... Коло крутанулся в воздухе, позволяя ноге Ратникова скользнуть по гладкому боку, и коротким немилосердным тычком под колено опорной ноги сносит стокилограммового груссского боярина, точно кеглю.

— Не понял?! — возмущенно взревел поверженный Злой Бодун, никогда прежде не оказывавшийся на земле после столь короткой схватки. — Ты че в натуре, морда бильярдная! — Не замечая боли, Вадим вскочил, пытаясь наотмашь загадать по противнику кулаком.

Пожалуй, легче было бы расплющить в воздухе назойливую муху, кружашую вокруг головы. Удар провалился в пустоту, и черный шар, оправдывая свое боевое прозвище, врезался в плечо моего друга, заставляя того повернуться, точно дверь, распахнутая порывом ветра.

— Да я!.. — Ладони Ратникова сошлись на округлых боках Коло.

Но не тут-то было! Резкий уход вниз с поворотом, и могутный витязь вновь растянулся на земле, кувыркнувшись, так и не поняв через что.

— Убью скотину! — вновь поднимаясь с земли, взревел не на шутку взбешенный Злой Бодун.

Однако, как он ни ярился, приходилось с горечью признать, что это не лучший бой нашего кампиона. Раз за разом он оказывался на земле, и хотя бронежилет и шлем хранили его от серьезных травм, но противопоставить своему ловкому и верткому противнику Вадиму было нечего. Яростный рык его еще был страшен, но слова нечленораздельны.

— Н-ну, н-ну! Ид-ди сюд-да! — Ратников шатался, но все еще стоял, вскинув руки в боксерскую стойку. — Ид-ди!

Коло Шаровая Молния висел в воздухе метрах в полутора над головой по сию пору не поверженного наземь противника, отчего-то светясь изнутри и явно выбирая момент для последнего нокаутирующего удара.

— Ид-ди! — уже не видя соперника, бормотал Вадим.

Я тихо, стараясь не потревожить отвлекшуюся стаю, потянулся за «мосбергом».

— Падай! — Резкий окрик, точно удар бича под колени, сбил меня с ног, и словно волна-циунами прокатился дальше.

Мне показалось, что я узнал Машин голос, но... Кажется, все было тихо. Орущая дотоле публика замерла в предвкушении финального удара. В падении я инстинктивно повернул голову, группируясь, и с ужасом увидел, как подкашиваются колени у Вадима, как рушится он навзничь, и Коло Шаровая Молния Боук пушечным ядрам несется ему аккурат в голову. Вот спина Ратникова коснулась земли... но нет, спина Ратникова коснулась воды, и противник его, подняв фонтан брызг, с громким плеском скрылся во все более и

более увеличивающимся прозрачном озере, невесть откуда взявшемся посреди лесной чащи.

Публика, наблюдавшая утопление Коло, завороженно молчала. Длинноухий рефери, закрыв лапами голову, лежал на тропе, не обращая внимания на подступающую воду. Вскочив на четвереньки, я бросился спасать Вадима, но он, похоже, так и не приходя в себя, взмыл над тропой и, слегка покачиваясь в воздухе, опустился попрек седла.

— Прошу прощения, — донесясь до меня негромкий заячий голос, — вы, случайно, не подскажете, а Коло скоро всплынет?

— Да кто его знает? — буркнул я. — Может статься, что и никогда.

— Да неужели?! — всплеснул ушами переполошенный рефери.

— Виктор! Нет времени на разговоры! — раздался сверхуственный голос феи. — Уходим, пока они не пришли в себя.

Скаакуны, дожидавшиеся команды, стоя по колени в воде, рванули с места под аккомпанемент пронзительного заячьего вопля:

— Вычерпывайте! Вычерпывайте! Мы должны достать его!

Глава 26

Сказ о драконьих законах и беззакониях

Первые полчаса после того, как поле, вернее, теперь уже озеро, боя осталось позади, я напряженно прислушивался, стараясь уловить за спиной шум близкой погони. Однако вопреки моим тревогам свита Коло Шаровая Молния была слишком занята спасательными работами, чтобы озабочиться сведением счетов и наглядным порицанием неспортивного поведения группы поддержки Злого Бодуна.

— Ну, чисто каменный! — жаловался на горькую судьбину Вадим, пытаясь обнаружить на теле неушибленные места. — А лупит, ну в натуре, как та хрень, что стены разносит.

Честно говоря, я слушал своего приятеля вполуха, поскольку, чего уж тут мудрить, был непосредственным свидетелем его сокрушительного поражения. Куда больше тактико-технических характеристик Вадюниного противника меня волновало совсем другое. И теперь, успокоенный отсутствием позади ловчей стаи, я не преминул обратиться за разъяснениями к нашим очаровательным спутницам.

— Машенька, ответь, будь так добра, что это произошло на тропе во время схватки?

— Да ничего такого, — пожала плечиками принцесса Груси. — Я зеркальце позади спины Вадимовой метнула, оно в озеро и обталилось. Все, как и следовало быть.

— Да я не о том! С зеркальцем все ясно, — поспешил уточнить я. — А вот что это за команда прозвучала, ну... необычайная?

— Тут я, господин одинец, и сама никак в толк не возьму, что ж такое сталося. Только-только собралась крикнуть в голос, чтоб кампион наш падал, как вдруг ни с того ни с сего кто только поблизости стоял, окромя, пожалуй, Делли, все как есть сами по себе наземь сверзились. Так что я и словечка молвить не успела.

— Ты че, Машунь? — обернулся в седле Ратников, от неожиданности едва не пуская коня мимо тропы. — Как же не успела?! Я ж вот этими ушами сквозь шлемак слышал: «Падай!» Причем конкретно почти в отключке.

— И мне тоже показалось, что ты кричала, — кивнул я, подтверждая слова друга. — Но, Вадик, Маша говорит правду. Девочка только рот успела открыть, а в округе всех осмысленных тварей, кроме феи, точно ветром повалило.

— Ну да, — усомнился Злой Бодун. — Вить, ты гонишь, такого в натуре не бывает!

— Бывает, — вмешалась Делли, спеша внести ясность в предмет спора. — Нечасто, но случается. Помните, я вам сказывала о том, что человек объединяет в себе драконью природу с нашей магической? Так вот, драконы легко могут чувствовать друг друга за десятки верст силою мысли. Мы же, как вам самим ведомо, словом можем изменять природу вещей и явлений. Вот оно и выходит, что изредка рождаются люди, объединяющие в себе и драконью способность, и нашу волю. Получается, что Машенька наша как раз из тех немногих. Но и то сказать, за ней с детства всякие диковинки водились. То чайнаусскую вазу взглядом в воздухе поймает, то рядом с ней у старых вояк раны ныть перестают. Всякое, в общем, случалось, много-го, поди, и не упомнишь.

Покончив с этим вступлением, Делли принялась простиенно рассказывать о том, что можно было упомянуть, с каждой минутой все глубже вгоняя в мировую скорбь могутного витязя Вадима Злого Бодуна Ратникова, и без того остро переживающего недавнее поражение пред ясным взором златовласой красавицы. Я же слушал фею вполуха, пытаясь найти для себя внятный ответ на вопрос, с чего бы

вдруг мурлюкскому кампиону, да еще и паладину Девы Железной Воли, очертя что там уж у него есть, ломиться в бой за прелести груской королевишины?

Ну ладно бы еще просто мурлюкский кампион, это в принципе объяснимо и вполне подтверждает мысль о том, что вся нынешняя охота за Машей организована захребетниками для того, чтобы добиться до неисчерпаемых залежей минеральных дров. Но титул паладина Светоносной Девы — это уж вовсе ни к селу ни к городу! Мало нам одной Повелительницы драконов, теперь еще и с этим монументом разбираться.

— ...И вот нынче тоже, — продолжала заливаться соловьем фея, расхваливая и без того зардевшуюся воспитанницу, — с драконом-то какая штука выходит! Всякому ведомо, что твари они древние и гордые. С людьми без особой нужды и словечком не перебросятся.

Бывает, конечно, в краях, где люди поблизости от драконьих логовищ селятся, вот как, скажем, здесь, те народишко в кучу сгоняют, да и ставят условие: либо вы делаете то-то и то-то, либо жизни вам тут не будет. Да вот еще драконоборцы, которые всю жизнь положили на познание драконьих норовов и повадок, могут с ними рядиться о том, где этим зверюгам летатьвольно и прибытно, а где суровый заборон поставлен. Но так ведь еще поди заставь дракона твои речи слушать да ответ держать. А чтоб вот так юная отроковица да стакнулась с чудовищем, да чтобы то с ней в заколоте было и в означененный день в означененный час вчуже слово свое исполнило, так то и вовсе вешь невиданная!

В древних летописях, может, один-другой случай и сыщется, чтоб дракон по доброй воле человеку помогал, но уж больно те сказы на байки походят. Впрочем, — Делли отчего-то печально улыбнулась, — я и о сем бы случае такое мыслила, как ни гляди — небывальщина! Но уж своими глазами видела, своими ушами слышала, ничего не попишешь.

— Хорошо, — дождавшись логической паузы в повествовании феи, вклинился я, — все это весьма занимательно. Но скажи, пожалуйста, какой интерес к ее высочеству может быть у Девы Железной Воли?

— Ты о чем? — вновь переходя от велеречивых напевов к обычным словесам, удивленно спросила сотрудница Волшебной Службы Охраны.

— Как это о чем? — удивился я. — Ты же сама слышала, что Коло Шаровая Молния именовал себя паладином Светоносной Девы.

— Пресветлый Солнцелик! — улыбнулась фея. — Какой кавардак у тебя в голове! Я же объясняла то, что Дева Железной Воли не что иное, как огромная железная статуя, стоящая на перевале через Срединный Хребет. Свет ее фонаря...

— Да-да, все это понятно, — перебил я кудесницу. — Но, во-первых, я навскидку могу назвать пару статуй с непоседливым и, прямо скажем, довольно жестоким нравом. Одна из них утащила в пекло любовника своей жены, другая гонялась за бедным студентом по залитому водой городу. Если же взять в расчет охраняющих пирамиды сфинксов и прочих каменных львов у подъездов, то список можно продлевать бесконечно. Ну и второе: ежели Коло Шаровая Молния Боук именует себя паладином этого архитектурного шедевра, то, стало быть, у означенной дамы есть некие свои интересы, которые печально нам знакомый боец отстаивал.

— Виктор, — мягко пожурила Делли, — ты заблуждаешься. Дева Железной Воли, конечно, если мы не имеем в виду непосредственно маяк, — это светлый образ всего возвышенного, как у вас говорят, прогрессивного, всего, что дарит надежду и дает силу добиваться поставленной цели. И ничего более! Вот в вашем прошлом, если помнишь, рыцари направлялись в Святую землю, именуя себя паладинами Гроба Господня. Хотя гроб этот, как ты сам понимаешь, не давал им никакого поручения ни устно, ни письменно. Так что титул паладина Светоносной Девы не более чем титул.

— И все же это странно, — пожал плечами я.

— Что странного? — не унималась фея.

— Пока точно объяснить не могу. Сформулирую, тогда и скажу.

Трудно предположить, сколько бы мог продлиться процесс осмыслиения странностей, но внезапно, после очередного причудливо-го извива, дорога вывернула из леса, открывая взорам путников стоящую на утесе крепость. Впрочем, по большому счету не крепость, а так, крепостицу, чуть более укрепленную, чем загородная дача жутиморского городского головы. Хотя, если вдуматься, к чему в этих заповедных местах неприступные каменные твердыни? Мало кому придет в голову ломиться сюда сквозь чащобы лишь затем, чтобы вдосталь наесться козьего сыра, сушеных грибов да пополнить запасы беленого полотна, сотканного из шерсти местных овец. Вот и выходит, что стены и башни, украшающие утес, точно шляпа вальяжную лысину, нужны более для того, чтобы общинное стадо, не дай бог, не ушагало в пропасть разверзшегося у подножия утеса ущелья, а не для храброй обороны от невесть откуда взявшегося врага.

— Кичевань, — пояснила Делли, перехватывая мой взгляд. — Один из знатных городов Табанского герцогства.

Я с сомнением оглядел деревянный кремль на утесе, убогие домишкы посада, сиротски жмуущиеся к его стенам и кое-где робко спускающиеся вниз, туда, где у подошвы каменного великаны, опасливо шарахаясь в сторону, бежала к далекому морю студеная речушка. Больше всего знатный град походил на передового барана, собравшегося сиагнуть со скалы, увлекая за собой всю отару. Помнится, не так давно Делли рассказывала, что Гуралия — страна весьма скромного достатка, но одно дело — слышать, а другое — видеть воочию. Пожалуй, рядом с этим населенным пунктом сонный Жутимор мог показаться весьма бойким городом.

Мы приближались к распахнутым воротам Кичевани, и я все силялся разглядеть по ту сторону посадских заборов хоть что-то, свидетельствующее о бодрствовании местного населения.

Впрочем, надо отдать должное, жители городка оказались весьма приветливыми. Если и доводилось им отрываться от своих сонно заученных действий, чтобы посмотреть, кого там принесла нелегкая, они неизменно кланялись и улыбались незнакомцам, точно уже давно поджидали их. Покончив с этим, аборигены начисто забывали о чужаках и возвращались к прерванным домашним заботам медленно, без спешки, с осознанием величия каждого шага.

— Дивное местечко, — хмыкнул я. — Люди рождаются, живут и умирают, в общем-то и не заметив, что жили.

Я тяжело вздохнул, намереваясь и далее развить мысль о царящем вокруг запустении и сонном покое кичеванцев, но как нечаянный чих срывает снежную лавину с горного кряжа, так и мои философские брюзжания, сотрясая воздух, похоже, привели в движение дремотных табанцев. Откуда-то из глубины местной цитадели послышались разноголосые мужские крики и причитания, судя по звуку — явно женские.

— Клин, — повернулся ко мне Вадюня, — там, типа, хоронят кого-то или че?

— Или че, — вслушиваясь в происходящее, покачал головой я. — Тетки голосят, как по покойнику, а мужики радуются. — Я хотел продолжить мысль, что, возможно, помер от перенапряжения главный местный ловелас, но тут в воротах показалась ревущая и всхлипывающая на разные лады толпа простоволосых девиц в темных суконных сарафанах, окруженная унылыми стражниками в лаптях и онучах, бредущих, опираясь на тупые бердыши.

Насколько я мог заметить, практически все влачивающиеся по дороге плакальщицы были бы хороши собой, когда бы не красные зареванные глаза и того же цвета носы, утираемые грубыми рукавами. Вслед столь необычному шествию слышались улюлюканье и свист сильной половины населения.

— Ну-тка не рюмайте! Не рюмайте! Смирно шагайте! — не обращая внимания на всадников, прикрикнул один из стражников, должно быть, старший. — Сами ж небось провину свою знаете!

Поглядеть со стороны, произнесенные караульщиком слова были брошены в пустоту. Никто из убивающихся девиц и не подумал внимать им. Да и сам лениво ступающий фельдфебель, похоже, не ожидал реакции на окрик.

— Эй, мужик! — сдавая Ниссана чуть назад, чтобы разгородить дорогу, обратился к стражу Вадим. — А типа куда вы их ведете?

— Так вестимо же куда! — не удостаивая любопытствующего даже взглядом, протянул охранник. — В пещеру к дракону, куда ж еще?

— Как это, в пещеру к дракону?! — возбудился Злой Бодун, расправляя плечи и метая взглядом молнии.

— Ведомо как, — пожал плечами его собеседник, останавливаясь и пересчитывая донельзя расстроенных барышень. — Обычным способом, ножками топ-топ, топ-топ...

— Ну, так в натуре не бывать этому! — встрихнул копьем славный витязь земли груссской, вспугивая дремавших в пыли воробьев. — Где там типа ваш дракон? Маша, ты чисто подожди меня здесь, пока я с этим ящером по понятиям перетру.

— Но, Вадим!.. — начала принцесса.

Договорить ей было не суждено. Дальнейшие ее слова потонули в нестройном, но весьма бурном гуле возмущенных голосов.

— Мужички! — орал как наскакидаренный еще мгновение назад сонный караульщик. — Хватайте колья да скорей сюда! Злой ненруг дракона нашего погубить желает!

Вадим затряс головой, пытаясь осознать происходящее.

— За топоры, родимые! — во всю глотку вопил страж, размахивая в воздухе бердышом. — Не выдадим кормильца супостатам!

— Клин, чего это они? — перекрывая голосом общий гвалт, страдальчески пробасил Вадюня.

И то сказать, положение его было безрадостным. Пока возбужденные призывом конвоира мужики выдергивали колья из окрестных плетней, пока вспоминали, где лежат искомые топоры, ревущие с новой силой девицы тучей обступили всадника на синебоком ска-

куне, норовя припечатать ему кулаком, вцепиться зубами, а то и вовсе стянуть наземь.

— Вы че, тетки, подурели?! — крутясь с конем на месте, завопил Вадим. — Я же типа вас защищаю! Машу не троньте, лахудры, под полубокс обрею! Делли, на помощь!!!

Похоже, дело принимало нешуточный оборот. Пытаясь восстановить поруганную справедливость и вновь обрести в глазах юной принцессы репутацию былинного героя, мой друг явно наступил на притаившиеся в траве грабли, и теперь мы сполна могли насладиться достигнутым эффектом. Уж не знаю, чем бы закончилась эта стычка: вырос перед воротами густой лес из гребешка или же дух макового сарафана вновь усыпал разбушевавшиеся страсти, а может, и вовсе вознесся нездачливый витязь со своей прелестной спутницей прямо на коне и перелетел на ту сторону пропасти, оставляя в дураках негодящую толпу, но всего этого не последовало. Ибо объявился в воротах Кичевани долгобородый богатырь на соловой лошадке с дедовским кладенцом в руках и одним только окриком утихомирил разбушевавшееся людское море.

— Кто такие? С чем пожаловали? — зыркая суровым взглядом из-под островорхого шлема, грозно прогудел он. — Отчего взыскиваете смерти нашего дракона?

— Ты отвечай, — шепнула Делли, несильно ткнув меня в спину кулачком. — В этих краях женщинам вперед мужчин говорить не годится.

— Ваше благородие! — выпалил я первое, что пришло в голову. — Вы уж простите, если что, без всякого ж злого умысла. Люди мы, сами понимаете, проезжие, в местных порядках не разобрались, вот ошибочка и вышла. Мой друг, видя слезы этих прелестных девиц, решил, что вы платите им жизнями дань какому-то злому дракону. Знаете, в других краях такое встречается.

— Хм, скажете тоже, девицами дань платить! Удумал же кто-то! — усмехнулся бородач, оглядываясь вокруг и тем давая сигнал к дружному веселью. — На что ж дракону девицы-то? Разве что пением да хороводами его развлекать? Сытности в них на один зуб, а гомону и визгу на всю пещеру.

— Ну, знаете ли?! — не замедлила возмутиться принцесса, ревностно оберегавшая права и свободы прекрасного пола.

— Маша! Маша! — Я перешел на полуслепот, стараясь урезонить королевскую дочь. — Не стоит доказывать, что в тебе сытности на два зуба.

— Нечего меня пугать! — надулась красавица. — Я с тем драконом, между прочим, получше вашего знакома. Ежели хотите знать, как раз он-то в Торец и прилетал. Станет он девицами питаться, как же, держи карман шире!

— Воно как! — Кичеванский богатырь удивленно покачал головой. — Правду ли баешь, девица, что с нашим драконом дружбу водишь?

— Это истинная правда, — бросая на долгобородого взгляд сверху вниз, гордо произнесла Маша. — Не по роду мне ложью пробавляться.

— Тем месяцем кормилец наш и впрямь далече летал, да не так давно назад воротился. Не у тебя ли, красавица, гостевал?

— Мной был зван. И гостил у меня, — тоном, не оставляющим сомнений в царственности юницы, проговорила, хотя нет, не проговорила, изрекла Маша Базилеевна.

— Ну, коли так, — богатырь вернул кладенец в ножны и, приложив ладонь к зерцалу, чуть наклонил голову, — уж не побрезгуйте, и вы нашими гостями будьте. А этим-то, — он указал на томившихся вокруг девиц, — самое время в драконью пещеру отправляться. Так деды наши с драконом рядили, чтоб каждый месяц в оговоренный срок те из девиц, что хуже иных по дому хлопочут, отправлялись в пещеру чистоту наводить. Самое время им туда поторопиться. А вы уж, люди проезжие, коли по нраву вам, в гости ко мне наведайтесь. Откушайте, гости дорогие, с моего стола от щедрот крылатого кормильца нашего.

Стол кичеванского наместника тяжело было сломить яствами, а уж теми, которые достались седобородому богатырю от драконьих щедрот, так и подавно. В сущности, от обеденного меню среднестатистического жителя городка все, поставленное перед нами, отличалось не столько изысканностью, сколько количеством. Те же ячменные лепешки, те же сыры, та же баранина и битая птица плюс пиво в неограниченных количествах, наливаемое ковшами прямо из специально доставленной в трапезную бочки.

— Дракон — наша опора и надежда, — разъяснял невежественным чужестранцам радушный посадник. — В трудную годину крепкая оборона. В мирный час подмога, какой и цены-то нет. Надо, скажем, на поле земельку расчистить, к чему корячиться, дубы да вязы валить, пни корчевать? Сходи, дракону поклонись, дары поднеси, он разок пламенем дыхнет, затем выжигу коготками поскребет, и всех делов! Камни да коренья вон — паши да сей и добрым словом кор-

мильца поминай. Или же вот стадо, скажем, на пастище, что близ логовища расположено, выгонишь и не беспокоишься, ни тебе серые бирюки его не тронут, ни медоеды косолапые, ни злой бодун¹ никого на рога не поднимет, а уж лихим людышкам туда и вовсе путь заказан. Так что, почитай, весь прибыток, что мы имеем, от доброты драконьей проистекает.

— Так кто ж знал? — обескураженно почесывая затылок, извинялся Вадим. — Я ж думал, что тут, ну типа, как обычно, чисто дракону надо голову снести.

— Да ну, пустое! — Хлебосольный наместник отмахнулся, пряча улыбку в густые усы. — Слыхивал я в прежние годы растабары, мол, драконы девиц за выкуп крадут да стольные грады подчистую грабят. Как по мне, так смысла в тех побасенках поменее, чем в рваном лапте. Ну да о других судить не берусь, в иных краях, поди, и драконы иные, а здесь в Гуралии испокон веку от них никаких за-кавык не бывало. Вот сейчас девицы наши пойдут кормильца пещеру прибрать, то будет им урок, чтоб впредь рачительнее были. А крепкокрылый-то наш между тем, чтоб девок не смущать да место не загораживать, как водится, за Кряж полетит Бослицкие земли обронять да обихаживать. И им добро, и мы не внакладе. И кормилец наш доволен да сыт.

Мы жадно поглощали простую здешнюю пищу, слушая гостеприимного хозяина и только теперь понимая, насколько проголодались за день. Солнце все больше уходило за каменную гряду, радуя тем, что треволнения сегодняшнего дня, похоже, остались позади.

Я расслабленно жевал кусок сыра, одновременно вспоминая басню Крылова о вожделенном продукте, не употребляемом в пищу ни вороной, ни лисой, и соображая, что неплохо бы опросить зубастого любимца местной публики на предмет, не видел ли он вдруг во время своих парково-хозяйственных вылетов самозваную Повелительницу ему подобных и помороченного мурлюкского собрата. Того самого, не так давно стартовавшего из-под Торца. Перемежая жевание раздумьями о том, как следует построить допрос звероящера, я почти и не слушал напевную речь гуральского богатыря, но слова его, сообщающие о скором отбытии бронированного кормильца в Бослицкие угодья, выдернули меня из задумчивости, точь-в-точь дедо-бабовская бригада монстроидную ракпу.

¹ Злой бодун — дикий лесной бык, тур.

— Уважаемый посадник, — фокусируя внимание на хозяине дома, заговорил я, — уточните, пожалуйста, если вас не затруднит, когда улетает дракон?

— Известное дело, — удивленно вскинул кустистые брови старый богатырь, — под утро. Девки к пещере по вечерней заре дойдут, в старой веже переносят, а чуть свет за дело, чтоб часу не терять.

— Утром, — повторил я слова ветерана. — Угу. А нам бы с ним до того переговорить стоило. — Я посмотрел на Машу. — Ваше высочество, не откажите в услуге представить меня вашему приятелю.

— Так что ж, прямо сейчас и поскакете? — всплеснул руками посадник. — А с дороги передохнуть? Путь-то, поди, неблизкий был.

— Неблизкий, — подтвердил я. — Но времени на роздых нет, не так ли? — Я обернулся к дамам, и те, превозмогая накопившееся отвращение к дальним странствиям, молча кивнули. — Да, и вот еще что, — я полез в кошель за монетами, — там, в Лукоморье, за озером, Кот Ученый живет. Я ему бадью валерьяновой настойки задолжал. Вы бы не могли на этот счет распорядиться? Понятное дело, все расходы будут оплачены.

— О чем речь? — усмехнулся добродушный вояка, поглаживая усы. — Сделаем в лучшем виде! Только вблизи Лукоморья никаких озер не было.

— Теперь есть, — обнадежил я его.

Дракон обвел взглядом живописную группу, стоявшую у входа в пещеру, и, обнажив клыки в подобии улыбки, прорычал:

— Вот так компания! Два чужака и фея. Маша, что за сброд ты сюда привела?

— Фильтрой базар, черепашка-мутант! — возмутился могутный витязь, до сих пор не взявший в толк, как это вдруг можно общаться с подобными тварями, не имея намерения снести им головы с плеч. — Мы, между прочим, груssкие бояре! А это чисто кудесница из Волшебной Службы Охраны.

— Вот ведь вопрос, — полуприкрыв желтые с черными вытянутыми зрачками очи, громоподобно прошептал ящер, — пылинка, обретая имя, перестает быть пылинкой или же нет? Становится ли она больше, чем пылинка, обретая имя? Или остается все той же обычной пылинкой, но только с именем?

— В натуре это он о чем? — ошаращенно глядя на мерно покачивающуюся драконью голову, пробормотал Злой Бодун. — Маша, чего это с ним?

— Он существует, следовательно, мыслит, — тихо проговорила наследница груссского престола, стараясь не потревожить старого знакомца. — По-другому драконы не умеют.

— Присуща ли воля ничтожной никчемной пылинке, и если нет, то вправе ли мы, пусть даже в рассуждениях, лишать ее права на эту волю? Является признанным и несомненным, что песчаная буря, поглощающая великие царства и стирающая даже следы их, есть воплощенная, хотя и неосознанная воля масс ничтожных пылинок. Но вот в чем вопрос, возможно ли мельчайшей части целого противостоять целому, подчиняя своей крошечной воле волю всего безмерного сообщества?

— Господи, — вздохнул я, — это что, он на все вопросы так отвечает?

— Это еще что! — обнадежила Маша. — Тут-то он просто недоведает, что такие ничтожные существа, как люди, украсив себя титулами, заявляют, что имеют некую власть над событиями. Я права?

Дракон молча вздохнул, выпустив из ноздрей клубы дыма.

— И как тебе только удалось с ним договориться? — разгоняя темные смрадные облачка, пожал плечами я. — Не понимаю!

— Песчинка, унесенная вдаль яростным ураганом, вольна радоваться полету или же горевать. Но она не в силах объять сознанием, если считать, что у песчинки есть сознание, величие горы, остановившей ее полет. Что есть сознание этого факта, осознание естественных границ, поставленных с первых дней Всего, как не истинная и полная свобода. Но кто ответит, к чему такой малости свобода? Для того ли, чтобы уступить ее единому Творцу, чтобы он пекся о судьбах всякого и каждого, словно сторожевой пес? Или же для того, чтобы отринуть само существование свободы, предположив лишь возможность наличия ее. И тут мы вновь приходим к вопросу о воле, ибо каждый волен распорядиться своим даром в меру разумения своего. Но речено: бредущий во тьме не видит змею, свернувшуюся у ног; пересчитывающий солнечные лучи не видит змею, свернувшуюся у ног... Не лучше первое, чем второе, а потому цени дары, данные по несказанной доброте неведомого и неизъяснимого. Спеши использовать то, что тебе дано, таким образом, чтобы дающему не приходилось укорять себя за бессмысленность даров.

— Кто ж в натуре такое сказал-то? — с трудом дослушав громыхающие слова драконьей премудрости, спросил Вадим.

— Я, — чуть приоткрыл один глаз звероящер. — Но уж куда чужакам, а уж тем паче фее, уразуметь даже такие очевидные вещи. —

Дракон вновь зажмурился и, обернув вокруг себя длинный, заканчивающийся копьем хвост, начал презрительно ковырять им в зубах.

— Пойдем отсюда, — тихо проговорила Делли, беря нас с Вадимом под локти. — Это была плохая идея — пытаться договориться с драконом.

— А типа Маша? — не на шутку забеспокоился Ратников, быстро сообразив, что девушка вовсе не торопится покинуть логово вместе с нами.

— Если он с кем-то и будет разговаривать, то только с ней, — подталкивая нас к выходу из пещеры, все так же негромко увещевала Делли. — Мы, феи, для дракона — наглые пришельцы, посягнувшие на их мир. Вы и вовсе нечто невообразимое. В Маше же он, вероятно, чувствует пустынь дальнее, но родство. А голос крови у древних тварей очень силен.

— Но ведь и с тобой Маша, получается, в родстве? — поспешил восстановить историческую справедливость я.

— В определенной степени да, — кивнула могущественная кудесница, выводя нас на залитое лунным светом пастище, простирающееся у драконьей пещеры. — Но за свою кровь эти чудовища готовы простить даже сомнительное родство с нами. Хотя...

— Ну, я типа извиняюсь. — Вадюня перебил ударившуюся в рассуждения фею. — Может, мне чисто там втихаря покараулить, чтоб в натуре ничего такого не стяслось? Я по жизни этому страшилищу ни на полпирожка не верю. Конкретно! — подытожил он.

— Не стоит, — покачала головой сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Нынешние драконы высокомудры, но мнительны. Учит, что ты поблизости притаился, решит, что чужак задумал не-доброе. Тогда уж нам не поздоровится! Если о чем с этой тварюкой и можно договориться, то под силу это только Машеньке.

Ожидание наше затянулось почти до утра. И хотя Делли с самым уверенным видом утверждала, что ее воспитаннице ничегошеньки не угрожает, мы так и не сомкнули глаз, сидя на призёмке сложенной из грубых камней невысокой башни, служащей жилищем пастухов и сосланных на уборочные работы ледающих девиц.

Появилась юная принцесса утром, изрядно уставшая, но явно довольная.

— Все ладно, — утирая пот с лица, проговорила груссская красавица. — Он доподлинно ведает, где в гуральских чащобах мурлюкс-кий дракон таится, и согласен, раз уж все равно в Бослиц лететь, ука-

зать потаенное местечко. Сейчас же и отправимся. Только вот след вам, господин одинец, и вам, мой славный витязь, на спину благодетелю нашему ротаборную башню приладить. Не на хребте же промеж зубцов в полете трястись!

Ротаборная башня оказалась массивным деревянным сооружением с шестью широченными кожаными ремнями, скрепляемыми множеством пряжек под бронированным брюхом крылатого монстра. Вдвоем с этим одороблом справиться не удалось. На наше счастье наблюдавшие суету вокруг дракона пастухи, хотя и не без изумления, согласились помочь в комплектации зубастого истребителя.

Пара станковых арбалетов с немалым запасом стрел, отчего-то именуемых болтами, входили в комплект вооружения спинной надстройки, так что, судя по всему, экипаж дракона состоял из наблюдателя, двух стрелков и подающего стрелы помощника. Аккурат четыре человека. Увы, конных мест на спине крылатого воителя не предусматривалось, а потому с болью в сердце, в основном Вадюнином, волшебных скакунов пришлось оставить в опустевшей пещере временно исполняющими обязанности дракона. Впрочем, испытав на себе питет, с которым местные жители относились ко всему, что было связано с тотемным чудовищем, вряд ли приходилось волноваться за их сохранность.

Дождавшись завершения работ, клыкастый реликт взмыл под небеса, стараясь двигаться как можно более плавно, чтобы не расстясти нутро хлипких пассажиров. Мы летели над Кичеванью, над пропастью, отражающей в водах студеной речушки темное брюхо хранителя здешних мест. Летели, держась за обитые кусками овечьей шкуры ручки, разглядывая окрестности в узкие прорези бойниц.

— Не, ну в натуре, — глядя сквозь смотровую щель, задумчиво проговорил Вадим, — как-то тут все не по уму наворочено. Ежели из этого самострела вниз шмальнуть, можно же чисто крыло прощурить.

— Эти башни не предназначены для обстрела земли, — разгоняя вползающие в рубку облака, бросила фея. — Их начали ставить лишь тогда, когда мурлюки принялись накачивать своих драконов соком минеральных дров.

— Типа драконов сбивать, что ли?

— Не совсем, — зябко ежась от сырости, пояснила Делли. — Арбалетная стрела дракону повредить не может, разве что в глаз попадет. Болты против драконьих наездников предназначены. Видишь ли, дракона, даже мурлюкского, с помраченным сознанием и подав-

ленной волей, на собрата натравить невозможно. У него от этого душевный разлад происходит, и он теряет ориентацию в пространстве.

— Ну, типа крыша едет, — перевел на доступный себе язык Злой Бодун.

— Примерно, — чуть поразмыслив, согласилась кудесница. — Вот мурлюки и приспособились со спин своих полонянников сети с каменными ядрами метать. Свалит дракона наземь, опутают, и все, прощайте древние свободы и рассуждения о воле песчинки. И от своей уж воспоминаний не останется. Вот против тех наездников ныне арбалетчиков в башни и сажают. Понятное дело, в тех местах, где, как здесь, драконы с людьми в согласии обретаются.

Крылатый монстр начал медленно набирать высоту, отчего-то приводя пассажиров в весьма приподнятое состояние духа и давая повод к безоглядному веселью.

— Через Хребет перелетаем, — невзирая на сочившийся в бойницы холод, заливаясь звонким смехом, сообщила Маша.

— А ну и хрен с ним! — так же радуясь невесть чему, махнул рукой Вадим, учащенно дыша. — Хорошо летим, блин горелый!

Спустя полчаса скальный гребень, упрятанный в непроходимых лесах, остался позади, и мы снизились. Почти тотчас же неконтролируемое веселье уступило место навалившимся медведем усталости и головокружению.

— На землю бы, — с трудом открывая глаза и с безнадежной тоской наблюдая все тот же однообразный — лес и сосны — ландшафт, кое-где прорезанный серебристыми лентами речушек, страдальчески произнес я. — А то мне выйти надо.

— Потерпи, пожалуйста, — глядя куда-то в неведомую мне точку, попросила Маша. — Мы уже над Бослицкими землями. Где-то здесь мой Элизей пропал. Если тут приземлимся, дракона нипочем не уговоришь дальше лететь. Такой уж у них нрав, одно дело в два захода они не делают.

Я вновь закрыл глаза и опустился на пол рубки, прислоняя голову к прохладным доскам борта.

— Дракон! — разгоняя дремотную обстановку в башне, выкрикнула Делли, лучше прочих сохранившая четкость мыслей. — Мурлюкский дракон! К арбалетам!

Выработанная в годы армейской службы привычка повиноваться четким приказам пружиной выбросила нас с Вадимом из состояния прострации, заставляя напрочь отбросить все, что не касалось поставленной задачи. Зеленовато-бурая, под цвет горных лесов,

туша мурлюкского дракона мелькнула совсем рядом с бойницами, позволяя досконально рассмотреть сочленение чешуи с острыми зубцами хребта. Даже ветер, поднятый резким поворотом шипастого хвоста, своеобразной пощечиной скользнул по нашим небритым лицам.

— Маша, стрелу! — заорал Вадим, хватаясь за рукояти арбалетного ворота. — Щас я его научу в натуре жизнь любить!

— Не-е-ет! — истошно закричала принцесса, хватая за локоть изготовленного к выстрелу Вадима. — Не смей! Там Элизей, я его видела!

— Там действительно Элизей, — подтвердила слова побледневшей девушки фея. — Бьюсь об заклад, старая карга демонстрирует его в качестве приманки. Кажется, королевич без сознания. Маша, попробуй уговорить дракона, чтобы он принудил своего несчастного собрата опуститься на землю. Иначе нам его не достать.

Понять, что кричала нашему крылатому сотоварищу груссская принцесса, мне так и не удалось. Строго говоря, ее слова и словами-то можно было назвать весьма условно. Скорее это было что-то из разряда звуковых вибраций или уж и вовсе черт знает чего. Но ее крик «Держись!» застал нас, мягко говоря, чуть-чуть несвоевременно. В тот миг, когда дракон раза в три увеличил скорость, и нам оставалось держаться разве что за воздух. Как уж тут не поблагодарить создателя этой башни, не поскупившегося на овчину для внутренней обивки стен.

То, что происходило дальше, я описать не в силах. Должно быть, со стороны это походило на пилотажное шоу, где пара скоростных истребителей на радость зрителям гоняется друг за другом, то кувыркаясь в «бочке», то срываюсь в пике, то выходя в «кобру», а из нее в «мертвую петлю». Однако уж как кому, а по мне высший пилотаж на драконе — это слишком. Бульдожьей хваткой вцепившись в одну из спасительных ручек, я прильнул к бойнице, глотками хватая воздух и изнывая от боли в ушах. Чего мудрить, мне пресловутая «мертвая петля» настала очень быстро. Вероятно, не будь дикой боли в ушах, я бы попросту потерял сознание, и этим все закончилось. Но от боли глаза вылезали из орбит, и волей-неволей приходилось созерцать то пятнистую спину мурлюкской гадины, то куски безоблачного неба, то несущиеся навстречу с фатальной скоростью стволы корабельных сосен, то...

— Железный Тын! — пересиливая себя, пробормотал я, искренне полагая, что кричу во весь голос.

Глава 27

Сказ о тоске болотной

Оскаленные драконьи морды, сработанные из того же металла, что и высоченный забор, даже не шелохнулись, когда мурлюкский летательный объект, едва не касаясь брюхом верхней кромки ограды, ушел через неодолимую для простого смертного границу. Приближение нашего летуна заставило их повернуться, демонстрируя упрятанные в пасти жерла огнеметных установок. Но то ли система опознания «свой—чужой» дала сбой, то ли самозваная Повелительница древнейших обитателей этого мира скомандовала пропустить давно поджидаемых гостей на ту сторону Тына, но пасти как ни в чем не бывало захлопнулись, прожектора драконьих глаз потухли, и головы развернулись в изначальное положение. Однако в этот раз нам не суждено было покинуть земли Гурдии. Точно спохватившись, хранитель Кичевани лег на крыло, резко сбрасывая скорость и по инерции разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

— Куда?! — отчаянно взмолилась Маша. — Куда же ты?!

Но крылатое чудовище молчало, словно отродясь не обладало умением связно выражать мысли.

— Он дальше не полетит, — печально вздохнула Делли, гладя по волосам своюенравную принцессу, досадливо закусившую губу и в отчаянии сжавшую маленькие кулаки. — Сама же видела, идолы железные огнем не плевались, стало быть, команда им на то была. Не зря, видать, колдунья нас хитрой каверзой на ту сторону подманивала. Наверняка западню умыслила.

Вероятно, Делли была права. Сообразив после трюка с зеркалами, что уловка не возымеет желаемого действия, коварная волшебница изменила тактику, и вместо того, чтобы скрыться с добычей за Тыном, начала кружить по Гурдии, оставляя весточки и силясь перехватить ее высочество, как говорится, не мытьем, так катаньем. Пожалуй, сейчас она была очень близка к цели. Окажись на месте нашего дракона более говорчивый звероящер, и вероятно, мы бы уже имели возможность горевать по поводу вторжения в воздушное пространство Затынья. Но тут Повелительница драконов допустила ошибку, перенеся свой опыт управления послушными мурлюкскими тварями на их своюенравных родственников. Союзное нам чудовище не желало рисковать головой даже ради несравненной груссской принцессы. А потому сейчас дракон шел на снижение, выискивая

среди лесистых холмов и покрытого чахлым кустарником подола место для удобной посадки.

— Приземляемся, — сообщила Делли, указывая на голый склон довольно высокого холма, помнящего еще те времена, когда древние горы с презрением взирали на прилепившиеся далеко внизу облака.

— Но почему?! — выскакивая из ротаборной башни и бросаясь к драконьей морде, в голос закричала принцесса, готовая залепить клыкастому монстру оплеуху. — Почему ты повернул?

— Она манит, — выстреливая между полуоткрытых челюстей длинным языком, прошелестел ящер, заставляя вздрогнуть окрестные деревья. — Манит, точно бездна, в которую хочется падать, сложив крылья. Каждый волен жить и волен умирать. Но умерший уже не волен ничего.

— Оставь его, Маша. — Делли мягко привлекла девушку к себе. — Он поступил правильно. Недостойно рисковать судьбой тех, кто вызвался помочь тебе ради призрачного успеха.

— Но без риска успех недостижим! Ни призрачный, ни какой иной, — гордо вздернув подбородок, парировала принцесса.

— Риск есть убогий сын неумения фейских теней здраво мыслить и тонко чувствовать, — расправив крылья, высказался дракон и, не прощаясь, взмыл в небо.

— По-моему, он обиделся, — глядя вслед монстру, проговорил я.

— Ага, — отслеживая полет зубастого философа, недобро процидил Вадим Злой Бодун Ратников, — ну и типа с этой обиды дальше мы пойдем пешком. Спасибо родине за этот светлый день!

Как ни крути, могутный витязь был прав. Отсюда до наших костей было сотни три километров по прямой, а то и более.

— Ну и че? — Вадим повел плечами, разминаясь. — Чё дальше в натуре делать будем?

— Отдыхать, — коротко отчеканила фея. — Сейчас всем нужно прийти в себя и собраться с мыслями.

— А дальше?

— Придется идти к Тыну и пытаться найти какую-нибудь лазейку, — подтвердила опасения витязя фея.

— Я думаю, за лазейкой дело не станет, — опускаясь в траву, устало хмыкнул я. — Если Повелительница драконов действительно заинтересована заманить нас в свои владения, наверняка она сделает все возможное, чтобы мы не застряли на границе.

— Так-то оно, конечно, так, — продолжая нежно поглаживать всхлипывающую принцессу, вздохнула Делли. — Но колдунья желает видеть на той стороне не всех нас, а только Машу. Поэтому возле Тына ожидаются весьма занятные встречи.

— Дойдем, увидим, — устало бросил я, прикрывая глаза. — Во всяком случае, другого плана все равно нет.

Отдаленные лягушачьи переговоры вкупе с назойливо жужжащей мухой, явно поставившей целью истоптать свою жертву, как табун мустангов прерию, вернули меня к осозаемой реальности, увы, несовместимой с приятной дремой под ласковым солнцем.

— Что за жизнь, — приподнимаясь на локте, пробурчал я, оглядываясь.

Чуть поодаль на расстеленном Вадюнином плаще, свернувшись калачиком, сладко почивала принцесса, вконец измотанная ночным увещеванием дракона и неудачами последних часов. Рядом с ней, прислонясь спиной к кривой сосенке, сидел Вадим. Голова витязя свесилась на грудь, и мерное дыхание свидетельствовало о том, что сон неумолимо сжал и его веки. Однако грозный «мосберг», лежащий на богатырских коленях Злого Бодуна, по-прежнему был крепко зажат в мощных ладонях, наводя на мысль, что стоит нештатному звуку вклиниваться в идиллическое многоголосие, и от мирного сна не останется и следа.

Чуть поодаль от вымоченных странствием людей над костерком колдовала фея, поворачивая на вертеле нечто, еще недавно бороздившее небесные просторы, судя по всему — диковинную утку. Увидев мою заспанную физиономию, она кивнула и невольно улыбнулась.

— Ну что, господин одинец, сладко ли почивали?

— Ага, — отгоняя прилипчивые остатки сна, кивнул я. — Тут все тихо?

— Да уж куда тише, — хмыкнула Делли. — Только вот ты похрапывал.

— Да? — Я удивленно поскреб щетину. — Ну, извини. Ладно, схожу поищу воду. Судя по лягушачьим серенадам, она должна быть где-то неподалеку.

— Сходи, — согласилась фея. — Если чистая, набери во флягу.

— О чём речь, — принимая из рук феи оплетенную кожаными ремнями бутыль, лениво бросил я и начал спускаться вниз по склону.

... Вода обнаружилась быстро. Значительно быстрее, чем ее обнаружил я. Стоило мне ступить шаг с подножия холма на поросшую

жухлой травой равнину, и созерцаемая глазами твердь предательски расступилась под ногами, на поверхку оказываясь самым что ни на есть мерзким болотом. «Воду заказывали?» — сплевывая, пробормотал я, уходя по пояс в густую, точно заплесневевший кисель, жижу.

— Бляха-муха! Что ж оно так везет-то? — Стараясь не слишком шевелиться, я через плечо поискал глазами ветви растущих на берегу кустарников и, сделав три глубоких вздоха, чтобы успокоиться, рывком вцепился в одну из них, поворачиваясь на месте и уходя в трясину по грудь. — Ни хрена! — вцепляясь в куст, как в последнюю надежду, процедил я. — Прорвемся!

Слава богу, куст не подвел. Корни его крепко впились в каменное нутро холма, давая мне возможность, перебирая руками, выполнить на сушу. Хотя вид, надо сказать, у меня при этом был соответствующий, и радостный хохот лягушачьего племени свидетельствовал о том, что ничего потешнее им не приходилось видеть. Впрочем, полагаю, приземлившись наш дракон не на холм, а в низину, и зрелище у местного населения было бы еще забавнее.

— Это мы хорошо попали, — обводя взглядом окрестности, продолжил я разговор сам с собой. — Пожалуй, надо проверить, где эта чертова топь заканчивается.

Мое возвращение затянулось. Встревоженная долгим отсутствием соратника Делли разбудила Вадима, и его трубный глас возвестил всем обитателям холма от мала до велика, что друзья уже тревожатся о судьбе пропавшего следознавца. Что ж, мне было чем их порадовать, что я и сделал, появившись перед ошеломленными взглядами, видимо, уже давно проснувшихся спутников.

— Братья и дружина, — опираясь на ствол выломанного молодого деревца, с пафосом в голосе объявил я, — пеший поход отменяется. Мы на острове.

— Ты че, Клин, приболел? — с подозрением глядя на измазанного в подсохшей грязи боевого товарища, напряженно поинтересовался Вадюня.

— Мы на острове, — отметил я слова, как несостоительные, повторил я. — Вокруг трясина.

Солнце еще стояло высоко, но все попытки при свете отыскать хоть какое-то подобие тропки, были обречены на неудачу. Да и откуда взяться тореному пути, когда ничего разумнее лупоглазых квакушек в округе не наблюдалось. Должно быть, много тысяч лет назад загулявший из северных далей ледник, наткнувшись на каменные стены гуральского кряжа, растаял, превратив холмы в острова,

и с тех пор зацветшая заболоченная равнина отнюдь не была вожделенным местом для разумных тварей. Впрочем, памятуя нездоровую страсть мурлюкских банкиров ко всему мутному и болотистому, не приходилось сомневаться, что в самом скором будущем окрестные трясины станут объектом пристального внимания жаболюбивых захребетников.

Однако сидеть на острове, дожидаясь, пока железный забор сам придет в эти забытые богом края, было не слишком разумно, тем более, если верить рассказням Ученого Кота, времени для пребывания на столь экзотическом курорте у нас попросту не оставалось. Еще чуть-чуть, и помолвку Маши с Элизеем можно считать расторгнутой в связи с эмиграцией последнего в мир грез.

И все же наши поиски были тщетны. Конечно, оставался шанс снарядить за подмогой Делли, как мы помним, умеющую перемещаться в воздухе при помощи врожденных магических сил. Но, во-первых, где было искать эту самую подмогу? До Бослица конным ходом примерно день пути, а ближе ничего похожего на сколь-нибудь крупный населенный пункт не наблюдалось. Насколько могла затянуться подобная спасательная экспедиция, оставалось только гадать. Во-вторых, имелся вполне реальный шанс, что, огорченная отсутствием дорогих гостей, Повелительница драконов решит проверить, куда это мы девались в самый неподходящий момент? Не хватало еще, чтобы в отсутствие Делли на установленный нами маяк приспирся очумелый мурлюкский драконид с группой поддержки.

Смирившись с нереальностью этого плана, мы выдвигали и раз за разом отбрасывали все новые варианты, один экзотичнее другого: от движения по болоту на плоту, собранном из местных чахлых соседок, до буксировки феей своеобразных водных лыж с нашей троицей. Лыжи предполагалось изготовить из скатерти, той самой, которая дорога. Вначале, припомнив, что у нас имеется столь ценный волшебный агрегат, я было воспрял духом, но, увы, радость моя оказалась преждевременной. Более чем на сто метров чудодейственная скатерть не раскладывалась. Конечно, можно было рискнуть, добравшись до конца волшебного пути, попробовать сложить скатерть и бросить ее дальше, однако оставался невыясненным вопрос, в какую сторону двигаться. Где заканчивается эта проклятая топь?

В безрадостной суете подошел к концу первый день робинзонады, и, сгрудившись у костра, мы поминали недобрым словом не поддающихся заклинаниям комаров и продолжали, хотя больше по инерции, разрабатывать варианты спасения наших душ и, разумеется, тел.

— Завтра поутру, — вещала Делли, — я попробую облететь болото. Где-то же оно должно заканчиваться! Буду держаться повыше, и если вдруг увижу дракона, стрелой примчусь к вам.

— Разумно, — кивнул я. — А мы с Вадимом покуда соберем что-то вроде плота и понесем его по скатерти. Когда дойдем до края дороги, переходим на плавсредство, складываем скатерть и бросаем ее дальше. Затем снова плот на плечи и вперед! Вадюнь, как ты думаешь, удастся нам при помощи твоего харлужника¹ плот собрать?

— Огонь, — невпопад произнес могутный витязь, отрешенно глядевший сквозь пламя костра на черную болотистую равнину.

— В каком смысле огонь? — мотнул головой я.

— В натуре огонь! — Ратников вскочил на ноги и вытянул вперед руку, указывая в глубь топи. — Сами поглядите.

Слабый огонек, какой обычно дает чудом сохранившаяся керосиновая лампа в безрадостные часы отключения электричества, чуть теплился вдалеке, в том месте, где, по моим прикидкам, никаких светилен не предполагалось.

В голову невольно полезли образы, навеянные читанной в детстве книгой «Таинственный остров»: дрейфующий у затерянного посреди океана клочка суши пиратский корабль. Но полно, полно! Какие же пиратские корабли на болотах? И все же огонек, веселый живой огонек, резвился посреди трясины, ничуть не напоминая дохлый убогий свет болотных испарений.

— Надо бы слетать проверить, — напряженно глядываясь вдалеко свечение, проговорила Делли. — Вадим, возможно, это какая-нибудь ловушка. На всякий случай прикрой меня.

Фея, как в былые времена, щелкнула пальцами, и кисти ее рук немедля превратились в своеобразные осветительные приборы, своего рода небольшие карманные солнышки.

— Я сейчас, — заверила Делли, стремительно отрываясь от земли. — Только посмотрю, что там, и обратно.

Полет кудесницы был скор и весьма эффектен. Прорезанная рукотворным сиянием ночная мгла, никогда не ведавшая ползучего электрического света, покорно расступилась, давая нам возможность наблюдать за полверсты от острова какую-то двускатную крышу и башенку с затейливой маковкой, превращавшую обычную на первый взгляд избу в подобие своеобразного дворца. Совершив облет жилища, стремительная, точно подхваченная ураганом ко-

¹ Харлужник — булатный меч.

либри, кудесница повернула к нашему прибежищу и уже через минуту была на месте.

— Это дом, — переводя дыхание, сообщила она.

— Да мы уж видели, — пожал плечами я.

— Но дом стоит на воде, — продолжала фея, — и в нем живёт девочка.

— Красивая? — ни с того ни с сего брякнул Вадим и тут же осекся. — Ну, типа не корявая там какая-нибудь...

— М-м... красивая, — заверила после секундной задумчивости боевого товарища Делли. — Но, конечно, Машенька, с тобой не сравнить.

— Да мне-то что? — с деланным презрением фыркнула принцесса. — Представляю, какие на болоте красавицы обретаются! Небось кикимора пучеглазая себе у водяного русалочки чары вымолила. Бр-р, волосы зеленые, кожа холодная, глазенки точно плошки оловянные. — Она была готова и дальше детализировать свое мнение, описывая достоинства местной топ-модели, чтобы наглядно показать тем, кто вдруг еще не понял, что никакого дела до хозяйки невесть откуда взявшегося плавучего домика ей нет. Но у нас-то интерес к этой в высшей мере странной особе все же имелся.

— Маша! Маша! — попытался урезонить я ревнившую девчонку. — Мы же здесь не мисс Гуральские болота выбираем. Нам бы дорогу отсюда найти.

— А вдруг в том домике западня таится? — не унималась груская красавица.

— А вдруг нет? — парировал я. — Путь к Элизею твоему по звездам исчислять будем?

Напоминание о томящемся в чертоге суженом заставило прелестную спорщицу со вздохом умолкнуть и не открывать рта вплоть до завершения экстремального пробега по болоту при помощи скатерти, наскоро связанного плотика и чьей-то сквозь зубы поминаемой матери.

— Эх! — укорял себя Вадюня, с болью в сердце наблюдая, как зависшая над болотом фея в очередной раз тянет из трясины уже грязную донельзя дорогу. — Что ж я такой лох! У меня же в рюкзаке резиновая лодка осталась. Конкретно горя бы сейчас не знали!

С моим другом можно было не согласиться, но в одном правота его казалась непреложной. Обычная надувная лодка оказалась бы сейчас куда уместнее всех этих магических диковинок.

Как и утверждала Делли, странного вида строение действительно стояло на воде, уходя первой ступенькой крыльца в болотную жижу. Однако ощущение, какое бывает, когда видишь захваченный наводнением дом, отчего-то не возникало. Казалось, этот терем расстет из воды, точно кувшинка.

— Заходите, гости дорогие! — радушно приветствовала поздних странников хозяйка, до стука отворяя дверь и кланяясь в пояс.

— И все же это подозрительно, — за моей спиной едва слышно пробормотала Маша, вслед за феей поднимаясь на крыльце.

— Не желаете ли брусничной настойки или сбитня с дороги? Вот как раз и пирог подоспел, — сияя васильковыми глазами, приговаривала обитательница домика, стеснительно теребя конец длинной русой косы.

Что ж, Машу действительно можно было понять. Вне всякого сомнения, присутствие подобной красотки среди безлюдных болот весьма настораживало. Но более оно наполняло тоской за мужественную часть обитателей этого мира, лишенную столь драгоценного сокровища. Но как бы то ни было, мы переступили порог необычайного жилища, и ровным счетом ничего ужасного не произошло. Хозяйка была рада внезапно объявившимся гостям, пирог вовсе не отдавал тиной, и слизняки не выползали из него на чистый, покрытый белой скатертью стол. Словно так испокон веку было положено, что посреди жуткой непроходимой топи будет стоять затейливый уютный домик с живущей в нем одинокой красавицей, взирающей на мир добрыми, но отчего-то грустными голубыми глазами.

Все время трапезы хозяйка была молчалива, норовя больше выслушивать речи занесенных неведомым промыслом странников, чем рассказывать о себе. Впрочем, о чем сказывать-то, живя среди лягушек, комарья и тины! Однако как бы то ни было, но обещание помочь нам выбраться из родимого глухоманья девушка все-таки дала.

Судя по ощущениям, дело шло к полуночи, единственная весьма широкая кровать была предназначена уставшим гостям. Я расположился на скамье, подложив под голову свернутый плащ, а внезапно воспрянувший духом Злой Бодун, как истинный кавалер, вызвался помочь хлебосольной обитательнице здешних мест прибрать со стола и вымыть посуду. Теперь из-за полуоткрытой двери неразборчиво доносился их негромкий говор, изредка прерываемый смешками, должно быть, после рассказанных Вадюней анекдотов. Я лежал, пытаясь хоть как-то спланировать акцию проникновения в мурлюкское Затынье и, как назло, не в силах родить сколь-нибудь приличную

идею. Оставалась надежда, что полезной информацией снабдит нас болотная дева, но кажется, и само присутствие Железного Тына у родимых трясин было для нее внове. Дремота совсем уж было придавила меня к лавке мягкой лапой, когда сквозь плывущие образы сумеречного сознания неожиданно четко донеслось:

— Поцелуй меня, сокол ясный, — нежно, но требовательно прокричала молодица.

— Да я ж... ну типа... да я ж... — Ошеломленная тирада закончилась звонким чмоканьем, вероятно, в щеку.

— Да что ж ты, витязь, как дитятко малое! Ты в губы целуй!

«Эк Вадим-то хват! — с завистью вздохнул я, невольно просыпаясь. — Чуть в дверь, а уж девицу захороводил. Впрочем, оно и понятно, такая красотка одна-одинешенька среди трясин. И как только живет, уму непостижимо!» Молчаливая пауза за стенкой вполне недвусмысленно свидетельствовала, что «ясный сокол» Вадим Ратников успешно справляется с возложенной на него миссией. «Минер демографический!» — с завистью пробормотал я, теряя остатки сна и переворачиваясь с боку на бок.

— У-у ё-ё! — Полувыдох-полукрик Вадима разбудил бы меня, даже если бы я дрых сном праведника.

Вскочить с лавки, попасть ногами в сапоги и отыскать лежавшую у печки кочергу было делом нескольких секунд. «Все ж таки кикимора, колдунья болотная! — крутилось в воспаленном мозгу. — Идиотизм, блин печеный! Откуда ж здесь взяться девице-красавице?!» С этой мыслью я выскочил на кухоньку и замер на месте, сжимая в кулаке бесполезную железяку. Вадим Злой Бодун Ратников сидел на полу, отвесив челюсть и тыча куда-то пальцем, явно не в силах вымолвить ни единого внятного слова.

Напротив вышедшего из строя витязя восседала огромная жаба с диадемой на голове.

— Спасибо тебе, добрый молодец, — растягивая в подобие улыбки свою пупырчатую морду, все еще звонким девичьим голоском проговорила квакушка. — Прости меня сердечно за то, что так все приключилось! Спас ты меня, витязь хороший, от наговора злой колдуньи, повелевающей зубастыми чудищами, прилетающими с запада.

— Вадь! Вадик! — Я тронул плечо друга.

— К-клини. — Ратников поднял на меня наполненные первобытным ужасом глаза и прошептал извиняющимся тоном: — Я ж ниче-

го! Поцеловал только! А она об пол — бац! И обернулась. Клин, что ж теперь будет?

— Не тужи, мой спаситель, — между тем продолжала зеленобрюхая прелестница. — Я девица не простая, а жабьего царя дочь. Заколдовала меня злая ведьма неведомыми чарами за то, что отец мой не пожелал ей в покорство идти да кровавую дань народом своим платить. Обратила в страшилище, от коего даже лягушки малые прочь скакут да пиявки врассыпную бросаются. Ой! — Она смущенно захлопнула пасть. — Простите, я никого не хотела обидеть. Я, знаете ли, даже начала привыкать к тому, — лягушачью престолонаследницу всю передернуло от омерзения, — образу. Но, в общем, простите, если что. — Она сделала гигантский скачок к выходу, затем вновь поворотилась к нам: — Дверь мне, пожалуйста, отворите! — Я молча сделал несколько шагов и, в сомнамбулическом состоянии сняв засов, выпустил буро-зеленую пленницу из ее темницы. — А насчет обещанной подмоги вы не беспокойтесь, слово мое крепкое, царское. Как я сказала, так и будет. Тут покуда ждите. Не зайдетесь.

— Она ушла? — едва не плача, поинтересовался спаситель монаршей особы.

— Ушла, Вадюня, ушла, не беспокойся, — успокоил его я.

— А можно мне пойти спать? — с тоскливой жалобой в голосе вымолвил шокированный витязь. — Можно?

— Да уж сделай милость. — Я протянул Ратникову руку, помогая встать. — Иди вздремни, глядишь, к утру попустит.

Наутро сквозь оконце осиротевшего терема топи смотрелись не менее грустно, чем вчера с берега холма. Уж не знаю, цветут ли здесь орхидеи и вообще, когда наступает пора любоваться красотами здешних болот, но мне, а уж тем более Вадиму, так, похоже, и не оправившемуся от шока, эти милые пейзажи казались одним из самых неудачных творений архитектора Вселенной.

— А где же хозяйка наша? — оглядывая завещанный нам дом, недоуменно поинтересовалась Делли.

— Она... ушла, — не соврав ни единственным словом, брякнул я первое, что пришло на ум.

— Куда ушла? — удивленно спросила фея, бросая то на меня, то на Вадима подозрительные взгляды.

— За спичками, — каменея под взглядом кудесницы, выдавил Злой Бодун. — У нее соль закончилась.

— К соседям, в общем, — вызывая огонь на себя, подытожил я. — Просила до ее возвращения никуда не уходить.

— Да как же такое быть-то может? — не унималась фея, негодуя по поводу того, что ее, вероятно, держали за дуру. — Какие же в этих топях соседи? Откуда им взяться? Сознавайтесь как на духу, куда девушку дели?!

Я уже собрался честно поведать о последствиях тесных контактов могутного витязя с очаровательной представительницей местного населения, как от двери послышалось шлепанье босых ног и простиженное кхеканье. А затем в комнате появилось нечто слабо человекообразное с лысой шишковатой головой, горбом, перепончатыми лапами и длинным, расширяющимся точно весло, хвостом, оставляющим мокрый след на высокобленных половицах.

— Я же говорила! Я же говорила!!! — Маша взвилась с места, с ногами запрыгивая на стол. — Сами видите!

— Да ну что ты, Машенька, — бросилась к ней заботливая воспитательница. — Это же шишига.

— Шишига, — с напором подтвердило существо.

— Тварь, в сущности, безобидная, — пояснила Делли. — Хотя ежели хвостом накроет, нипочем не найдут.

— Не найдут, — опять согласилась прившая тварь. — Хозяйка сказала, вы тут меня поджидаете.

— Вот еще! — фыркнула юная принцесса, по-прежнему украшая собой столешницу.

— Так я пойду? — Шишига начала переминаться с ноги на ногу, желая развернуться.

— Постойте! Постойте! — Я бросился наперерез. — Вас царская дочь послала?

— Коли я вам не нужна, так и вы мне не нужны, — даже не поворачивая в мою сторону шишковатую голову, прощедило ластоногое существо. — Не любо — не слушайте.

Шишига совсем уже было скрылась из виду. Голова ее, вероятно, находилась как раз на том самом мемориальном месте, где произошло чудесное перевоплощение ее хозяйки, когда тварь неведомо отчего замерла, повернула назад и, высунув морду в дверь, примирительно замотала бугристой башкой.

— Ну коли так, так чего уж! С кем не случается. Понятное дело, с непривычки-то. — Трясинно-бурый взгляд шишиги был обращен на ее высочество, и наши взоры невольно устремились в ту же сторону.

— Да я только подумала, что зря... Это нехорошо получается, не со зла, — удивленно моргая, проговорила королевская дочь.

— Да уж что подумали, то ваше, — перебила Машу болотная тварь. — А вот что у меня, шишиги, извинения попросила, за то и извиняю.

— Я под-думала, — тихо произнесла королевна.

— Попросила, — непреклонно изрекло горбатое существо, хлюпая мокрым хвостом по полу и разбрызгивая брызги во все стороны. — А коли я ослышалась, так и пойду.

— Не надо! — абсолютно искренне взмолилась девушка. — Вас хозяйка вывести нас отсюда прислала?

— А я что, о том разве не сказывала? — Шишига подняла одну из своих ласт, пытаясь почесать ею затылок. — Вроде ж сказывала?

— Сказывали-сказывали, — поспешил заверить ее я.

— Ну а коли сказывала, чего ж стоять? Куда вести-то, говорите.

— Полный отстой! — прокомментировал услышанное могутный витязь, качая головой, точно китайский болванчик.

— Нам бы за Железный Тын. — В голосе наследницы груссского престола слышалась просительная интонация, столь несвойственная юной принцессе.

— А на что вам туда? — внезапно хмурясь и поднимая столбом пресловутый хвост, настороженно зашипела шишига.

Я бросил озадаченный взгляд на Делли. Чего мудрить, здешние политические расклады оставались для меня по большей мере загадкой, но реакция болотной твари выглядела недвусмысленно. Все, что было связано с Затынем, вызывало глухую враждебность у обитателей окрестных трясин. Несомненно, это было нам на руку, оставалось лишь убедить в данном факте столь колоритную подданную его лягушачьего величества.

— Ваше высочество, позвольте, я обрисую ситуацию. — Мое прошение было воспринято благосклонно, и молчаливый кивок очаровательной головки подтвердил испрашиваемое право на ведение переговоров. — Видите ли, уважаемая шишига, дело в том, что Повелительница зубастых чудовищ, прилетающих с запада, коварно похитила жениха груссской королевны. Вот мы и идем освобождать его из лап колдуньи.

— Известная гадюка, — прокомментировала мои слова болотная тварь. — Нашу-то принцессу тоже в страшилище обернула. Спасибо витязю, совлек чары.

— Вы не подскажете, зачем ей понадобилось закодовывать царевну? — словно между прочим спросил я, по привычке нашаривая оставленный в рюкзаке блокнот.

— Подскажу. Желает гадина все болота под себя подгрести, чтоб опричь иных земель вокруг крепкий острог поставить да на царя нашего ярмо наложить. Желает, чтобы весь жабий народец у нее на службе головы клал. А она на том жировала, силу нелюдскую в угодьях наших таила и кровью мертвых деревов вскармливалась.

— Простите, — помотал головой я, — про нелюдскую силу как-то не совсем понятно.

— А и понимать нечего! — точно устыдившись нечаянной болтливости, отрезала шишига. — На той стороне сами увидите. Идемте, чего тут рассиживаться.

С крыльца вдали виднелся наш островок. Если приглядеться, можно было различить и иные холмистые вершины, вырывающиеся к небесам из болотной жижки. Зависший над трясинами рассветный туман уже начинал развеиваться, оставляя после себя едва заметную дымку.

— Куда идти-то? — поинтересовался я, глядя на шишигу, как ни в чем не бывало спустившуюся по ступеням и уже по горло скрывшуюся под травяным болотным покрывалом.

— Увидите, — кратко бросила тварь, с головой уходя под ряску.

— Что увидим? — попробовал крикнуть я ей вслед, но тварь исчезла, не удостоив меня ответом.

— В натуре я чего-то не врубился, а че это было? — вертя головой, пробасил Вадюня. И точно повинувшись его словам, как приказу, ковер буровато-зеленой травы вспорол черный валун, явно предлагаая обитателям домика ступить на его бегемотью спину.

— Попробовать, что ли? — не слишком уверенно произнес я, глядя на всплывшую глыбу. — Делли, подстрахуй, если что.

Фея молча кивнула и, взмыв в воздух, зависла над камнем, готовая в любую секунду броситься на помощь незадачливому первопроходцу. Однако ничего подобного не понадобилось. Поверхность камня была мокрой и скользкой, но тем не менее держала крепко. Правда, в тот момент, когда моя нога ступила на валун, под ней явственно послышалось недовольное кряхтенье, но на устойчивости каменюки это никак не отразилось. Более того, впереди всплыла еще одна почти такая же каменная туша, поблескивая на солнце мокрыми боками, покрытыми множеством прилипших зеленых листочеков-пя-

тачков. Я перескочил на следующий камень, и впереди всплыл еще один, наглядно демонстрируя беспрерывность тропы.

— Нормально! — Я вскинул вверх большой палец. — Держит!

Мои друзья поспешили ступить на «тропу войны» и вприпрыжку отправиться по ней к далекому Железному Тыну. Бульк — позади нас послышался очень приятный хлюпающий звук, точно кто-то одним глотком опустошил кружку пива. Я быстро оглянулся, торопясь, если что, прийти на помощь соратникам. Но нет, с Машей и замыкающим колонну Вадимом все было в порядке. Лишь первый камень, на который ступили мы, сойдя с крыльца, ушел под воду так же внезапно, как из-под нее появился. Бульк... Скрылся из виду следующий валун.

— Да-а, — только и смог выдавить я, — красиво.

Впрочем, никто и не обещал проезжую трассу от Тына до... Я вновь обернулся, с силой зажмурился и опять раскрыл глаза.

— Делли, а где же избушка?

— На месте, — как ни в чем не бывало заверила фея.

— А почему я ее не вижу? — окончательно расстроился я.

— Потому что не туда смотришь, — насмешливо бросила кудесница, и словно в подтверждение ее слов мелкая болотная пичуга, устав махать крыльями, зависла в воздухе, явно усевшись на воронец незримой крыши.

Путь через болота был долг. Часа полтора под нашими ногами появлялись новые и новые валуны, с характерным звуком исчезающие под водой, стоило нам лишь миновать их. Наконец впереди показался очередной холм, поросший плакучими ивами, свесившими над водой остролистые ветви. Чем был этот остров, берегом или же очередным местом стоянки, оставалось лишь гадать. Но тут из тинистых вод ни с того ни с сего показалась шишковатая башка немногословной проводницы. Нашарив взглядом подопечных, шишига помолчала и сообщила после длинной паузы:

— Пришли.

Мы в недоумении переглянулись. Как ни крути, пропустить такую выдающуюся местную достопримечательность, как Железный Тын, шагая по болотистой равнине, было весьма проблематично.

— Простите, куда пришли? — в недоумении спросил я.

— Куда надо. Отсюда потайной лаз на ту сторону, — сумрачно пояснила болотная тварь. — По нему и пойдете. А напоследок царь

наш просил вас услужить да перенести в Затынье четыре короба с жабами.

— У-у-у! — выдохнул Вадюня, чуть не сорвавшись с валуна в болото, но на счастье пойманный бдительной феей.

— Неужели решили дань заплатить? — всплеснул руками я.

— Никакой дани! — гордо отчеканила шишига. — Жабы пойдут по главным городам Затынья, вспарывая себе животы, чтобы все, кто в дальних краях живет, своими глазами увидали, что нет там никакого золота! Нету! И быть не может!

Я молча кивнул, с почтением глядя на нелепое существо, торчащее из заплесневелой воды. Отчаянное намерение самоотверженных жаб можно было назвать бессмысленным, но все же подвигом.

— Так вы короба возьмите, — почти требовательно заявила шишига. — На ту сторону прыгать далеко, квакушки быстро утомятся. А на той стороне вас встретят.

— Ваши люди? — наивно спросил я, кивком изъявляя согласие тащить емкости, набитые самураями-камикадзе.

— Откуда ж люди?! — хмыкнула шишига, головой указывая направление нашего дальнейшего движения. — Встретят.

Глава 28

Сказ о том, что леший его знает

Шлюзовая камера, должно быть, построенная бобрьми в те незапамятные времена, когда болота еще были озерами, уже пришла в ветхость и явно нуждалась в ремонте. На дне туннеля хлюпала жидкя грязь, от времени приобретшая плотность машинного масла. Мы шли, постоянно оскальзываясь и хватаясь то за стены, то друг за друга. За спиной во вместительных берестяных коробах удовлетворенно курлыкали жабы, обсуждая между собой столь вольготный метод транспортировки.

Я невольно радовался, что тьма скрывает от лишних взоров нашу экспедицию. Во-первых, сами мы сейчас представляли собой весьма безрадостное зрелище: не принцесса со свитой, а шайка бродяг. А во-вторых, я был избавлен от созерцания выражения лиц соратников, волокущих на себе самоотверженных представителей лягушачьего племени. С какого-то момента лаз начал подниматься вверх, грязь сменилась прошитой коренями глиной, кое-где поддерживая-

мой деревянной крепью. Еще позже проход сузился так, что мы и вовсе были вынуждены ползти на животе, толкая перед собой короба. Должно быть, именно здесь над нами возвышался Великий Железный Тын во всем своем грозном великолепии. Наконец впереди, вселяя радость, забрезжили слабые, но вполне явственные лучики света, пробивающиеся сквозь дырчатую преграду, судя по колыханию пятен, возможно, густую листву.

— Ну, вот и дошли, — облегченно вздохнул я, ускоряя ход.

Пара белобрюхих сорок, обсуждавших последние новости, стрекоча, раскачивались на ветках густого куста, свесившегося над ямой неизвестного назначения, едва-едва видневшегося сквозь буйную зелень. Потревоженные нашим появлением, они взмыли в небо, спеша поделиться впечатлениями и об этом необычном происшествии: из-под земли, точно дождевые черви после ливня, выползли люди, да еще и с богатым уловом пучеглазых квакушек.

— Ну, в натуре, — могутый витязь Злой Бодун, ставший от пережитого еще злее, с плохо скрываемым ликованием поставил берестяной короб в траву и огляделся вокруг, — и где тут чисто те, кто нас встречает?

Вопрос был вполне резонный. Конечно, можно было удовлетвориться тем, что драконоглавые вершины, венчающие стены Железного Тына, маячат у нас за спиной, но все же жабий представитель обещал достойную встречу на этой стороне. Спрашивается, и где же она?

Я тоскливо оглянулся, пытаясь отыскать взором хоть что-нибудь отдаленно напоминающее если не группу встречающих, то хотя бы самого что ни на есть захудалого проводника. Никого. Лишь еж деловито протопал по опавшей прошлогодней листве да неугомонные сороки стрекотали во все горло, нагло демаскируя появление чужаков.

— Ничего-ничего, не заблудимся, — поспешил я успокоить утомленных подземным марш-броском друзей, чьи мрачные лица выражали явный упадок боевого духа.

Впрочем, похоже, заблудиться нам действительно не грозило. Я бы сказал, что на этот момент мы уже заблудились. Однако кто сражается, тот не побежден.

— Делли, как ты думаешь, где может находиться каменный чертог Повелительницы драконов?

— Не знаю, — удивленно распахивая глаза, произнесла фея. — Никогда у нее в гостях не была.

— Угу, хорошо-о. Давай подойдем к этому вопросу с другого конца. Насколько я понимаю, в отличие от дракона обыкновенного его мурлюкского собрата для сохранения контроля и поддержания в рабочей форме постоянно нужно подпитывать соком минеральных дров. Верно?

— Да, это так, — согласилась кудесница. — И что это нам дает?

— Сразу несколько вещей. — Я по-профессорски поднял вверх указательный палец. — Первое: дальность лета мурлюкского дракона, так сказать, в автономном режиме меньше, чем у живого. Поэтому для рейдерных полетов на ту сторону Тына, если так можно высказаться, драконодромы нужно размещать в непосредственной близости от границы. Второе: разыскиваемая нами Повелительница — субъект, несомненно, реальный и могущественный, но в определенной мере и мифологический. Никто не может доподлинно сказать ни кто она, ни что она, ни где обитает. Следовательно, место ее постоянной прописки должно находиться в малообитаемом, а лучше вообще необитаемом и труднодоступном уголке.

— Пожалуй, верно, — подтвердила мои выкладки фея.

— Но, — перебил я сотрудницу Волшебной Службы Охраны, — в этом уединенном местечке наличествует постоянный подвоз сока минеральных деревьев и, по всей видимости, идут активные строительные работы, поскольку Кот Ученый рассказывал о каменном чертоге, который сам по себе из земли вырасти не мог. Из вышесказанного делаем вывод: вероятнее всего искомая Повелительница драконов укрывается в оборудованном, но уединенном месте, неподалеку от границы, хорошо приспособленном для обслуживания и запуска мурлюкских драконов.

— И эти, ну, типа нелюди, — собирая в морщины лоб, попыталася вспомнить Вадюня. — Ну, шишига там тарахтела...

— Силы нелюдские, — поправил я Ратникова. — Хотя что сия аллегория означает, затрудняюсь сказать. Но сейчас о другом. Давайте-ка прикинем, может ли быть поблизости место, удовлетворяющее всем перечисленным требованиям.

— Болото, — тихо проговорила Маша, все это время очень внимательно слушавшая мои выкладки. — Мурлюки их неприступными острогами окружают и всякому чужаку и пришлому в те места путь заказан.

— А ведь верно, — усмехнулся я, радуясь сообразительности королевны.

— Верно! Верно! — скрипучим голосом отозвалось невесть откуда взявшееся эхо.

— Не врубился, — вскидывая волшебное копье, оборотился на месте могутный витязь. — Это че было?

Угрожающие слова, прозвучавшие куда громче предыдущих, не вызвали у равнодушной природы ровным счетом никакого отклика.

— Должно быть, леший хороводит, — понижая голос до полуслепоты, пояснила фея.

— Ладно, хороводит так хороводит, — отмахнулся я. — Я предлагаю выпустить жаб на волю и посмотреть, куда они поскакут.

— В яму, — хмыкнула принцесса. — Там темно, сырое и до болота недалеко.

— Возможно, некоторые так и сделают, но не все. Это же не просто жабы, а жабы-камикадзе.

— Тем более они болото искать не будут. Там их совсем иная судьба поджидает, — пожала плечами Маша.

— А в натуре если их попросить? — неуверенно предложил Вадюня, почесывая затылок. — Объяснить им конкретно, что у нас тут типа не лабуда какая, а чисто взрослые терки. Ну, в общем, с уважением подъехать, по понятиям.

— Звучит нелепо, — покачал головой я.

— Лепо! — явно противореча мне, с напором изрекло все то же скрипучее эхо, словно очнувшись от задумчивости.

— Да елки-палки, что ж это такое?! — возмутился я, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Это мы! — От ствола толстенного столетнего вяза без малейшего треска отделились две фигуры, неотличимо похожие на исковерканные ураганом мощные ветви. — Лешие. — Покрытые шершавой корой существа бесшумно, словно осенние листья, приземлились в высокой траве, распахивая нам навстречу скрытые бурыми сучками глаза и складывая в усмешке корявые прорубы ртов. — Давно уже вас тут поджидаем.

Что скрывать, за время нашего пребывания в Затынье мой взор раз десять, а то и больше, скользил по старому дереву, служившему укрытием леших. Но ни полунамека, ни малейшего признака присутствия среди живых ветвей этих загадочных существ не попалось мне на глаза. Идеальная маскировка! Хотя это, пожалуй, и не маскировка, а нечто большее.

— Что ж вы прятались? Чего не встречали?! — накинулась на дальних, быть может, родственников фея. — Битый час здесь торчим, не знаем, куда податься!

— Э-э-э! — Один из леших потряс рукой-веточкой, точно укоряя фею за легкомыслие. — А вдруг как вы не вы? Вдруг как карга неуемная о тайном ходе прознала? И снарядила западню обманную, чтоб нас выведать? Все ж втайне делается, все ж не просто так.

— Нам без особой нужды пред чужие очи являться резону нет, — приоткрывая рот-дупло, заговорил второй лешак, судя по еще более скрипучему голосу, умудренный немалым жизненным опытом. — Места здесь недобрые, карга мурлюкская как земли эти в полон свой обратила, такие порядки завела, что спасу нет. Всяку тварь под себя гнет. Всяку безделицу волей своей в злую каверзу превращает. Вон, желудь, к примеру. — Леший надул щёки и с силой выплюнул нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся дубовым семенем. Нечто ударило Вадима в кирасу, невольно заставляя того отступить на шаг. — Ага, видиши! — удовлетворенно кивнул пеньком головы лесной дух. — А посильнее бы плонул, и с ног бы сбил. А кабы доспеха не было, эта мерзость грудину бы расколола да тотчас корни пустила. Тьфу, пакость колдовская! Ведь милое ж дело было, раньше-то дубы, когда желуди наземь роняли, как есть радовались, — новой жизни начало дадено. А нынче куда там — плачут! Ведь теперь они не жизнь, а, выходит, что смерть сеют.

— Погодите-погодите! — невольно перебил я лесовика. — Пере-плутень что-то такое говорил, сейчас вспомню.

— Не упадут, не возродятся снова их слезы отвердевшие с вершин, — незамедлительно процитировала Маша, точно все это время занималась тем, что зубрила нелепицы бродячего вешуна.

— Оно самое, — кивнул я. — Так он про вас?

— Конечно, — расплылись в улыбке лешие. — Мы же его от пут освободили да на ту сторону проход указали. Спасибо песику, добрым словом помянул. И тебе, красна девица, поклон низкий, хорошо стишок затвердила.

— Вот еще! — фыркнула принцесса, явно польщенная неожиданной похвалой. — Стану я всякое непотребство учить! Само в голове засело.

— И то верно, — мигнул старший лешак. — Да и другое правиль-но. Поклонились-поздоровкались, пора и честь знать. Не ровен час карга хватится, а нас на посту нет. Идемте, пожалуй.

— Минуточку! — мотнул головой я. — Карга — это ведь Повели-тельница драконов? — Я заговорщики понизил голос. — Ведь так?

— Тс-с! — Старший лесовик поднес к дуплу ветвистую руку. — Она самая. Мы вроде как на службе у нее состоим.

Позади меня Вадим с негромким, но весьма характерным звуком вскинул «мосберг».

— Опусти копье, витязь, — без угрозы, но очень доходчиво промолвил древенистый младшак. — Я ведь и в лоб могу желудем плюнуть. Нешто не ясно сказано: на службе мы у нее — как бы.

— Подпольщики! — восхищенно выдохнул Злой Бодун, повинуясь недвусмысленной просьбе лесного дедки. — Круто!

— Идем! — маня ветвями, кинул сучковатый боец сопротивления. — Вешайте на нас короба, и в дорогу!

Дорога через лес была на редкость легкой, ни дать ни взять романтическая прогулка галантных кавалеров с прекрасными дамами под шелестящим зеленым сводом парка. Деревья предупредительно убирали корни, трава стелилась под ноги, даже жуки, и те облетали стороной, чтобы не потревожить «героев, отправляющихся на подвиг». Положительно, в прогулках с лешими по чащобам был немалый резон. Единственное, что смущало, это отнюдь не геройский вид, приобретенный экспедиционным корпусом за последние дни. Но, впрочем, что уж нам! То ли дело принцессе, лишенной привычных благ цивилизации и комфорта! Однако Маша держалась молодцом, и ее свите, уж во всяком случае, надо было быть не хуже, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Здесь такое! — рассказывал между тем младший лешак, коротая болтовней долгий путь. — В остроге карга огромные силы копит. Всех под себя гребет, ничем не брезгует. И драконы там очумелые, и единороги опоенные, и псеголовцы, и невесть кто из чужих земель. Даже вон козерогов в здешних местах тем проклятым соком потчуют, дабы научить рогами корабельные борта расшибать. Да что там твари! Вон, дубы да вязы, которые буря изломала да выворотила так, что они земельку под корнями не чувствуют, и тех на службу поставила.

— Ну а мы, стало быть, к ним и прилепились, — вставил его старший товарищ, прокладывая дорогу.

— Прилепились, — подтвердил его слова древоногий говорун. — Коли мы к древу станем, так от него нас нипочем не отличить. С тем во вражье логово и попали. Наши там еще есть, — продолжал рассказ замшелый боец невидимого фронта. — Немногие держатся, но все же не мы одни. Сами увидите.

— А ты впоспех-то не гони! — не оборачиваясь, буркнул на него старший. — Все своим чередом. До поста дойдем, там уж решим, как избавителей в чертог провести.

Долго ли, коротко ли, лесная тропка, да и не тропка вовсе, так, направление, уткнулась в проезжий тракт, спускавшийся с холма в низину, затем вновь карабкавшийся на холм, поверх которого, закрывая горизонт, мрачно, как нож гильотины, высилась непреодолимая стена Великого Железного Тына.

«Там можно» — гласила надпись на указателе, установленном близ дороги.

— Знакомый пейзаж, — хмыкнул я, указывая на деловито заостренную стрелку. — Вадим, тебе ничего не напоминает?

— Корма в натуре больше нет, — пожал плечами Злой Бодун. — Только для попугайчиков, да и тот в рюкзаке на той стороне.

— А зачем для попугайчиков? — округлила глаза Маша.

— Ну а вдруг какие типа орлы нападут?

— Ну, так орлы же едят совсем другое! — изумилась королевна.

— Я че, в натуре типа дурак, да?! — оскорбился Вадюня. — Сам знаю, что они попугайчиков едят. Но корма для орлов у брата не нашлось.

Между тем движение наше застопорилось, и мы остановились в странного вида дубраве, резко контрастирующей с окружающими деревьями бурой листвой, множеством оголенных веток и отсутствием вершин.

— Вот они, дуболомы наши, — печально вздохнул один из лесных, складывая дупло в кружок и выдыхая через него протяжное: — Ку-ку! Ку-ку!

— Ку-ку-ку! — вслед ему отозвалась дубрава.

— Кажется, все спокойно, — оборачиваясь к нам, прокомментировал старый лешак.

— Так что же, все ваши? — восхитился я, наскоро пытаясь сочтать буролистые деревья.

— Лесовик там только один, — охладил мой пыл пнеголовый бунтарь. — Остальные колдовским соком опоенные. Пока мы рядом, нам повинуются, а чуть в сторону, так и не дозвовешься. Ладно, пошли, нас уже ждут.

Не заставляя себя упрашивать, мы двинулись к унылому дубняку, контролировавшему дорогу к Железному Тыну. Мне отчего-то вспомнилось, что в тот день, когда мы впервые увидели перед собой эту неприступную преграду, нам уже выпала возможность наблюдать такой же мрачный безжизненный пейзаж. Аккурат на развилке, по дороге к острогу, возведенному мурлюками поперек старого елдинского тракта, красовались подобные многорукие чудовища-дуболо-

мы. На наше счастье, их хитроумная Повелительница еще не подозревала о той роли, которую предстояло сыграть бывшему путникам. Сейчас я с опаской поглядывал на темнотивых молчаливых исполинов, весьма живо представляя, какой погром может произвести в конной лаве бесчувственное многотонное чудище, управляемое чужой волей. Бездушный таран, способный двигаться, даже сговаря, да еще и оплевывая боевые порядки противника желудевой картечью. Пока что все эти подвластные неведомому злому гению орудия убийства, широко раскинув ветви, стояли неподвижно. Их можно было принять за мертвцев, каким-то чудом удерживающихся на ногах, но я спиной ощущал бездушную холодную угрозу, таявшуюся в сердцевине этих тяжеловесных монстров.

Похоже, все мои спутники, кроме, разумеется, леших, сейчас ощущали нечто подобное. Они были молчаливы и опасливо оглядывались по сторонам, словно выискивая спрятавшегося в подлеске врага. Даже жабы в коробах не издавали ни звука и почти не шевелились.

— Вот и пришли, — успокоил ведомых старший лешак. И тут же мы увидели еще одну корявую фигуру, скользнувшую вниз по стволу ближайшего дерева.

— Все в порядке? — касаясь земли, взволнованно спросил оставленный в дозоре собрат наших проводников.

— Сам видишь, — кивнул на нас один из лесовиков. — А тут?

— Да пока тихо. Скоро должна быть проверка постов. Сорока из лагеря новости принесла.

— Понятно. А площадной еще не приезжал?

— Нет, — покачал щепастой головой новый знакомец. — Хотя уж пора бы.

Честно говоря, я не совсем понимал, о чем идет речь. Одно было ясно: услышанный нами диалог явно имел прямое отношение к тайной деятельности местного подполья.

— Ладно, — вздохнул леший, оставленный на страже, — еще время есть. Давайте пока придумаем, как пришлых спрятать.

— А чего думать-то? — отозвался младшак, по всему видать, отличавшийся неслыханной для лесного народа сообразительностью. — Я уже все удумал. В двуобхватниках дупла вона какие, по самый верх желудями забитые. Так нечисть эту долой, дупла маленько притоптать, и схрон готов. Дуболомам всяко дела нет, что там у них внутри, так что с тем в острог и войдем. Проверять-то, поди, не будут!

— Разумно! — степенно кивнул сучковатой башкой старший леший. — Вот и займись покуда. И ты тоже. — Он глянул на второго своего подчиненного. — До проверки постов надо управиться.

Работа над обустройством тайников в огромных дуплах шла полным ходом, когда на дороге послышалось отдаленное цоканье копыт.

— Едут! — коротко выдохнул суетившийся неподалеку лесовик и обвел вокруг дупла пальцем-веточкой. — Полезай скорей!

Я удивленно глянул на собеседника. В дупло, о котором говорил лесовой дедка, в лучшем случае мог влезть разве что кулак. Но не тут-то было. Древесина, укрывавшая огромную полость ствола, разошлась, точно горловина рюкзака, впуская внутрь необычного посетителя. Насколько я мог видеть, остальные мои соратники были заняты тем же самым — изображали из себя белочек и дятлов. Между тем цокот копыт приближался, и вскоре на холм с натугой забралась пароконная повозка, груженная брускаткой, должно быть, предназначенней для обустройства подъездов к Тыну.

— Наконец-то! — услышал я шепот прилепившегося к стволу лешего.

В этот момент повозку тряхнуло. Заднее колесо наскочило на невесть откуда подвернувшийся посреди дороги замысловатый, точно крендель, древесный корень. Разморенный жарой возница, беззлобно выругавшись, хлестнул лошадей, даже не заметив, как несколько обтесанных камней выпали за борт возка. Стоило экипажу скрыться, как камни сами собой сползлись воедино, и еще через минуту перед нами возник человечек, ростом чуть выше колена, с руками, ногами и всем остальным из отменной брускатки.

— Площадной, — тихо пояснил лешак. — Это из наших.

Между тем каменный человечек поспешил убраться с проезжей дороги, торопясь укрыться в сомнительной тени унылой дубравы.

— Ты задержался, — отделяясь от древесного ствола, проскрипел старшак, недовольно глядя на соратника.

— Раньше не мог, — начал оправдываться площадной. — Дорога забита псеголовцами, видать, в очередной набег собираются.

— Странно, — покачал головой суровый лесняк. — Поутру об этом неведомо было.

— Ну, уж как есть, — развел тротуарными плитками вестник. — А у вас чего нового?

— Жабы доставлены, как и было уговорено. Сейчас бы их в сторонке припрятать, а как обратно телеги порожняком воротятся, так мы короба меж плетенок и склоним.

— Толково, — похвалил старого подпольщика площадной. — Я, пожалуй, лошадей подержу, а вы как раз с ветвей верхних груз и опустите. Так что завтра ждите известий. На всю Империю шум поднимется!

Уж и не знаю, какой шум должен был подняться завтра после публичного харакири самоотверженных подданных жабьего короля, но сегодня...

— Псеголовцы! — раздался истошный скрип одного из леших.

Я оглянулся, надеясь увидеть очередных страшилищ, но тщетно. Непроницаемая мрачная древесина презрительно напомнила о деревянном мешке, в котором я по-прежнему находился. В мгновение ока мысль досадная, точно заноза в седалище, пронеслась извилинами мозга, вызывая нестерпимое желание взвыть волком. Пройти хренову тучу километров, преодолеть чертову уйму разнообразных преград, и все только для того, чтобы в трех шагах от намеченной цели быть доставленным к праздничному столу самозваной Повелительницы всевозможной нечисти в этакой подарочной упаковке?! Разве что бантика не хватает!

— Вылезай! Скорее!

Нутро мертвовоживущего дуба распахнулось, словно застегнутое на змейку. Молодой леший, едва не выкинув меня из дупла, камнем рухнул наземь и начал с усердием канавокопателя закидывать в опорожнившееся древесное чрево валяющиеся у подножия каменные желуди.

— Псеголовцы идут!

Впрочем, теперь об этом можно было не говорить. Теперь я это увидел воочию. Увидел и пожалел, что не нахожусь в старом добром Лукоморье с его удивительно мягким бодрящим воздухом, пропитанным восхитительными ароматами, не веду глубокомысленных бесед о фольклоре с Ученым Котом, и под рукой нет крупнокалиберного пулемета, желательно спаренного.

Дубрава была окружена. Со всех сторон, сжимая кольцо, на шаг за шагом шли омерзительного вида существа, нечто среднее между очень волосатым человеком и взбесившейся кавказской овчаркой. Красные глаза зверолюдов светились неутолимой жаждой крови, с клыков оскаленных пасти на землю падала слюна, заставляя жухнуть траву и листья под ногами. В руках-лапах свирепые исчадия го-

рячечного бреда сжимали суковатые дубины, хотя, честно говоря, и без оружия их вид был способен вызвать заикание даже у немого. В их безрадостном вое сквозила печальная мысль, что еды, то бишь нас, на всех не хватит, а жрать хочется чертовски и уже который день.

Я оглянулся по сторонам, спеша оценить складывающуюся обстановку. Чуть в стороне освобожденный из деревянного плена Вадим, готовый к последней схватке, переступал с ноги на ногу, медленно обводя стволом «мосберга» сужающийся круг, выискивая среди псеглавцев старшего. За его спиной в гробовом молчании сплетали пальцы в магические узлы грозная фея и ее высокоодаренная ученица. Лишь один я стоял, по-прежнему готовясь схватиться с монстрами врукопашную. «Хотя бы ветка какая сыскалась, — досадливо крутя головой в поисках чего-нибудь пригодного для боя, скрипился я. — Хотя вот. — Несколько гладких увесистых камней беспорядочно валялись у выпирающих из земли узловатых корней соседнего дуба. — Ну что ж, как говорится, булыжник — оружие пролетариата». Моя рука потянулась за неказистым оружием.

— Немедленно прекратите ваши штучки! — послышался из травы отчетливый шепот. — Это моя нога, а не что вы там подумали! Оставьте меня здесь, я должен сообщить в центр о провале!

— Площадной! — фыркнул я, поминая всеу притаившегося подпольщика соответствующей бранью.

— П-п-ух! — Населенный лешим двуобхватный дуболом выплюнул часть своего заряда, опрокидывая единым махом штук пять разъяренных псеголовцев.

Только сейчас я увидел, каким страшным оружием снабдила летающая карга своих покорных солдат. Предупреждение леших, сделанное еще у подземного хода, конечно, возымело действие, породив в уме смутные образы молодого дубка, прорастающего сквозь грудную клетку. Но то, что предстало перед нашими глазами, заставляло кровь стынуть в жилах! Растерзанные ударами желудей псеголовцы еще силились подняться, когда из пасти, из живота, между ребер, с треском пробивая шевелящееся тело, черными змеями ползли хищные корневища, норовя вцепиться во что-нибудь живое, обвить движущуюся в шаге ногу и, сдавив кольцами подобно удаву, вонзиться в плоть, ища живительный сок.

Ба-бах! Грянул выстрел «мосберга», но его залп, хотя и вырвал из рядов псеголовцев тройку людоедов, эффекта, подобного желудевому дождю, отнюдь не произвел. Ф-фух! — безжалостно плюнул еще один вековой исполин, и новые мохнатые тела, извиваясь и рыча

от непосильной боли, покатились по земле, утробным воем встречая последние секунды. Пш-ш, огненный круг, цепляясь алыми языками за черно-бурую шерсть неистовых зверолюдов, отрезал нас от яростно завывающей стаи.

— Прорвемся! — заорал Вадим, на ходу перезаряжая «мосберг».

«Куда?» — мелькнуло у меня в голове, но я не успел озвучить провокационную мысль. Небо над головой потемнело и, увы, не от магического огня, разведенного стараниями наших хозяйственных барышень.

— Один, — поднимая голову вверх, безрадостно проговорил я. — Второй. Третий. Четвертый...

Два звена ширококрылых мурлюкских драконов, завершая вираж, заходили в атаку.

— Щас в натуре пламенем пыхать будут! — вскидывая грозное копье, прошел Злой Бодун Ратников, с ненавистью глядя на приближающуюся драконью морду с разверстой в страшном оскале пастью.

Бух! Бух! Бух! Вся тройка леших, не сговариваясь, выдохнули свои ужасающие снаряды, максимально разворачивая дупла вверх для отражения воздушных целей. Вот уж воистину, желудем по лобовой броне! Дракон оглушительно взревел, продолжая пиковать, одним этим заставляя нас присесть, зажав уши, а лишенные животворной связи с землей деревья беспомощно рухнуть наземь. Лишь только Вадим с колена продолжал выцеливать приближающегося монстра, со звериным рыком цедя сквозь зубы:

— Иди сюда, ящерка ублюдочная!

Выстрел, резкий, словно хлопок бича, на миг заставил утихнуть негодующих из-за потери добычи псеголовцев, и даже горящие ветви поваленных деревьев, казалось, начали трещать тише.

— У-у-у-у! — Долгий протяжный вой потряс округу.

Прокручивая назад этот миг, я более осознал, чем вспомнил, как разлетается на тысячи частиц желтовато-алый глаз потерявшего управление дракона. И туша его, выходя из пике, мчит, едва не касаясь верхушек деревьев, куда-то в сторону Железного Тына. Три зубастых собрата уничтоженного монстра взмыли ввысь, заходя на новый вираж.

— А огнем-то в натуре не пыхают! — обводя нас победительным взором, заорал могутный витязь. — Приколись!

Я сидел в траве, мотая головой, пытаясь унять боль в ушах после драконьего рева.

— Ну че, Клин, типа возьмем помочь клуба? — Ратников запустил руку под бронежилет, точно намереваясь почесать грудь.

Уж и не знаю, что он там делал и как ему удалось дальнейшее, но откуда ни возьмись прямо посреди поля — не поля, опушки боя, из воздуха сгустилась троица хоробрых защитников земли Груской с деревянными ложками в руках.

— Ты звал нас, побратим? — дурным голосом заорал первый сгустившийся, лицом и доспехом походивший на Неждана Незваныча. — Кому тут в грызло въехать?

— Что, побратим, беда стряслась? — поднимаясь и становясь во весь свой исполинский рост, взревел второй, неотличимо похожий на Светозара Святогоровича. — Не горюй, постоим за землю нашу, где бы она ни сыскалась! — Он метнул свой скромный черпачок в беснующееся за огненным кольцом воинство, и тот, пущенный умелой рукой, напрочь снес одного из подошедших чересчур близко зверлюдов.

— Братья мои, я, конечно, дико извиняюсь, но кто-нибудь подскажет, псеголовцы — твари кошерные или не кошерные? — Засунув за голенище ложку, Лазарь Раввинович потянул оба висевших на поясе меча. — Я же не знаю, каким мечом их рубить?

Земля под нашими ногами вздрогнула, и отдаленный гул пронесся по лесу.

— Что это за напасть тут приключилась? — Старшина богатырской заставы нахмурил брови и поглядел на Злого Бодуна.

— А, это я дракона завалил, — небрежно похвалился Вадюня. — Он на восток поволокся, должно быть, в Тын врезался. А че, конкретно громыхнуло!

Меж тем драконы, смирившись с потерей боевого товарища, пошли в новую атаку, опять заставляя нас рухнуть в траву, да и псеглавцев за огненной стеной в ужасе попятиться.

— Поляжем, но не сдадимся! — раскручивая меч над головой, Рявкнул Светозар Святогорович. — За Грусь! За королевишу нашу! За побратима и друзей его!

— Нет! — неожиданно выпалила королевна, словно выходя из транса. — Вадим, у тебя что же, на шее крест брательный?

— Ага! — кивнул Злой Бодун. — А че?

— Крути его обратно! — безапелляционно заявила Маша.

— Что за дела? — недоуменно разведя мечами, возмутился Лазарь Раввинович. — Что за такая служба государева? Отобедать не

дают! Подраться — снова не дают! Уж лучше бы я сидел, изучал Каб-балу в доме отца, чем так себе морочить голову!

— Молчите, витязь! — гневно прервала его сетования юная принцесса, на глазах обретая воистину королевское величие. — Отправляйтесь в Торец к отцу моему да расскажите, что очами своими видели. Вот она, Орда, где хоронится! У самых уж Гуральских земель! А от них до нас грай вороний слышно. И живет та Орда силою нашей, из нашего древа кровь в ее жилах бежит. Пост�шайте же, да помните: и судьба отечества, и моя жизнь в этот лихой час от вас зависит.

— Так, ваше высочество, — неожиданно робко начал Светозар Святогорович и, замявшись, прервался, небрежно отмахиваясь мечом от пикирующих драконов. — Пошли вон, негодные тварюки! Ишь, разлетались тут, слово не молвишь. Ваше высочество, — вновь повторил он, — может, тогда и вы с нами? Так оно надежней будет. Мы вас обоймем и заодно...

— Ни за что! — повелительным тоном перебила его дочь Базиля. — Не за тем я в этакую даль шла, чтоб с порога ворочаться! А вот вы поторопитесь. Вадим! Поворачивай крест!

Эти слова прозвучали уже в неожиданно повисшей над местом схватки тишине. Сорвавшись на высокой ноте, захлопнули жадные пасти псеголовцы. Вышедшие из пике крылатые монстры снова взмыли в небо, не проронив ни звука. Само собой утихло волшебное пламя, пожиравшее поваленные стволы теперь уже навсегда поверженных дуболомов. Прижались к траве отважные лешаки, не смея поднять глаза вверх...

— Госу... — Богатырская застава растворилась в воздухе с той же быстротой, что и возникла. И лишь оброненная Нежданом Незавновичем ложка свидетельствовала о том, что хоробрые витязи действительно были здесь.

— А вот теперь-то, кажись, все и начинается! — устало глядя в небо, выдохнул я.

Тройка драконов, еще недавно пикировавшая на нас, едва не касаясь отточенными когтями голов, разошлась в стороны, явно перестраиваясь. И в тот же миг из медленно плывущих на запад облаков вынырнуло новое чудище, в полтора раза больше предыдущих и с ротаборной башней на спине.

— А вот и сама хозяйка пожаловала.

Командирский дракон заходил на посадку не спеша, и я бы даже сказал, величественно. И собратья его, перестроившись и заняв ме-

ста по бокам и впереди, явно прикрывали Повелительнице от злодейских покушений.

— Красиво идут! — сплюнул Ратников, рассматривая в прицел приближающуюся воздушную процессию. — Ну, чисто психическая атака.

Атака последовала незамедлительно и, в определенном смысле, несомненно, психическая. Верный «мосберг» ударили Вадима в плечо и, вырвавшись из рук, словно перышко отлетел в сторону.

— Ни хрена себе! — от неожиданности падая на колено, выругался Вадим.

И в тот же миг флагманский дракон неведомой правительницы совершил мягкую посадку на пыльный утоптанный тракт. Дверца ротаборной башни тихо отворилась, и четверо бог уже знает кого в непроницаемо глухом стальном доспехе выскочили из нее, изображая почетный караул таинственной госпожи. Но вот на заботливо подставленное драконье крыло ступила и она сама: Повелительница драконов, Владычица псеголовцев, Верховная госпожа дуболовов, кто уж там знает все титулы этой скрытной леди.

Пожалуй, я бы не назвал ее каргой. Тут наши соратники лешие явно погорячились. Но, памятая страдания из-за собственного уродства неописуемой красавицы царевны-лягушки, можно было промолчать. Что и говорить, дама, спускавшаяся по драконьему крылу, была немолода, но правильные черты ее лица, до сих пор не стертые и не размытые временем, и гордая посадка головы свидетельствовали о прежней красе ужасающей колдуньи. Глаза ее, голубые и с каким-то неживым отливом, были, пожалуй, печальны, но, возможно, мне это только казалось.

— Вот мы и встретились, Машенька, — бархатным приятным голосом, вдвойне приятным оттого, что ожидалось иное, неспешно проговорила могущественная волшебница. — Иди ко мне, деточка! Я жду тебя много лет, и наконец пришло нам время познакомиться.

Молния, дожидавшаяся своего часа в изящном перстеньке на пальце королевишины, небесным бичом устремилась в сторону печальной дамы, грозя испепелить ее в один миг. Но та лишь небрежно отмахнулась и молниевый электрический заряд, разлетевшись вдребезги, ударили в кирасы почетного эскорта, прожигая аккуратные дыры. Однако драконьей наезднице, казалось, не было ни малейшего дела до гибели своей железнобокой стражи.

— К чему это, моя дорогая? — назидательно покачала головой она.

— Я не желаю с вами знакомиться! — выпрямившись, точь-в-точь партизанка на допросе в гестапо, выпалила королевна.

— Это пока, — не меняя тона, заверила ее властительная собеседница. — К тому же у тебя попросту нет иного выбора. Ты мне завещана по обету. Солнце слышало обещание твоей матушки.

— Это был обман! — гордо отрезала принцесса.

— Я выполнила все, что обещала. Теперь твоя очередь. Ну же, не сопротивляйся, я не причиню тебе зла. Я вообще никому никогда не причиняю зла.

— Это уж точно! — приходя в себя от первого шока, буркнул Вадюня. — А шавок своих ты в натуре сюда пригнала, чтобы мы из них упряжку сделали?

— Я не совершаю зла, — снова неспешно произнесла Повелительница драконов. — Но я защищаю добро так, как нахожу нужным, всеми доступными мне средствами. А я не знаю средства, которое было бы мне недоступно.

— Очень впечатляюще! — делая шаг вперед, чтобы заслонить принцессу, начал я. — Но как вы сами могли слышать, наша спутница не желает с вами знакомиться.

— Это не так, — покачала головой волшебница. — Она весь этот путь проделала для того, чтобы познакомиться со мной поближе. А теперь замялась. Сделай последний шаг, детка, не заставляй меня устраниТЬ все эти ничтожные преграды, — она небрежно обвела нас рукой, — отделяющие тебя, Маша, от истинного предназначения. И не надо вам, Делли, — в голосе волшебницы зазвенел булат, — поднимать руки. Разве я не убедительно доказала, что это бесполезно? Вы в моих руках! Машенька, я обещаю тебе сохранить жизнь всем этим... всем твоим спутникам, если ты пойдешь со мной.

— Нам бы сейчас глазок чужих поменьше, — раздался под ногами скрипучий голос лесовика, — да времени чуточ. Фея-матушка, коли карга обещает, она сделает. Погодим малехо, а там по новой возьмемся. Не губи бездельно. Покорись, что ветка снегу. Согнись, чтоб потом по лбу врезать.

— Ладно, — трагически выдохнула Делли. — Твоя взяла. Прости, Маша, не уберегли мы тебя, не совладали.

— Машутка! — порывисто обнял девушку Вадим. — Ты типа вспоминай нас! — Он чмокнул ее в щеку, и я услышал сдавленный шепот: — И это вот с собой прихвати.

Глава 29

Сказ о ногах лжи и кулаках добра

Груссская принцесса медленно, до боли в сердце негодуя из-за необходимости повиноваться чужой воле, направилась к окоченевшему в ожидании приказа дракону. Не оборачиваясь назад, не говоря ни слова на прощание, точно отрезая минувшее от будущего. Я глядел ей вслед, и мне было невыносимо больно от этого молчания, от безысходности и собственного ничтожного бессилия.

— Этих в подземелье! — нарушая висевшую над полем тишину, повелительно изрекла колдунья. — С ними я разберусь позже. И жаб не забудьте! Ценное сырье.

Кольцо псеголовцев сомкнулось вокруг нас, явственно досадуя, что этакий лакомый кусочек выскользывает из зубов.

— С феи глаз не спускать! — пропуская Машу в ротаборную башню, напоследок крикнула правительница завороженного племени. — Пошел!

Дракон, разлегшийся вдоль дороги, покорно взмыл в небо, через считанные секунды становясь почти неразличимым среди обвисших, точно пивное брюхо, облаков. В тот же миг в каждого из нас вцепились десятки мохнатых рук, большие похожих на когтистые лапы с длинными растопыренными пальцами.

— А ну не хватай! Не хватай! — резко отталкивая кровожадных нелюдей, взорвался могутный витязь. — Че в натуре, за счастье подержаться? Грабли уберите, бобики драные!

Между тем «драные бобики», не балуя пленников досужими пререканиями, с силой поволокли нас прочь, видимо, в указанные Повелительницей застенки. Насколько я успел рассмотреть этих омерзительных тварей, беззаветно кровожадная свирепость была единственным качеством, которое в глазах уже знакомой нам ревнительницы беспредельного добра оправдывала их существование на этом свете. Во всяком случае, сообразительностью страшилища явно не обладали. Пожелай сейчас Делли покинуть наше общество, и я очень сомневаюсь, что полевой жандармерии хозяйки отмороженного дракона удалось хотя бы на миг удержать ее в своих лапах. Однако сейчас разделять наши и без того малые силы было нерезонно. Ведь одно дело вместе освобождаться из темницы, да еще имея, по уверениям леших, единомышленников на свободе, и совсем другое — одинокой фее вызволять и свою воспитанницу, и незадачливых арестан-

тов, то биши нас. А потому Делли брела, понурив голову, не делая попыток изменить свою участь.

Путь наш был долг. Начинало смеркаться, когда наконец перед нами, словно преддверие ночного кошмара, вырос болотный острог, нерушимо охраняющий ужасную тайну золотоносных жаб. И как мы теперь знали, не ее одну.

— В натуре, — проходя по шаткому мостику через глубокий, заливший болотной жижей ров, хмыкнул Вадюня, — я за этот месяц по третьей ходке иду. Тюрьма — мой дом родной! — Чьи-то зубы щелкнули у него перед носом, призывая оставить разговоры. Но и без разговоров нам сейчас было чем заняться.

Тяжеленные ворота затворились позади за нашими спинами, и мрачная внутренность мурлюкской базы предстала во всей красе перед нашими взорами. В ангарах, прикрытых насыпным холмом, крыло к крылу спали два десятка драконов. В очищенном от ряски болоте, плеща хвостами и задирая вверх круглогие головы, ревились невиданные зверушки, помесь козла небывалых размеров с тунцом. Время от времени из башни, построенной над рукотворным озером, опускалась панель, собранная из толстенных досок, и козероги, не медленно бросив игры, стремглав мчались к ней, норовя ударом головы расшибить в щепы условный борт воображаемого корабля. Если кому-то из них это удавалось, в воду сыпалась гора морской капусты, вероятно, любимого лакомства странных гибридов. Затем сидевшее на берегу козлоногое существо игрой на свирели подзывало обидающих тварей к себе, и все начиналось сначала.

Пройдя мимо этого полигона, мы наблюдали посадку гигантских полуульвов-полуорлов, отрабатывающих слетанность в группе. А также замаскированных единорогов противодраконьей обороны и уж вовсе каких-то невообразимых страшилищ с драконьим хвостом, петушиной головой и крыльями летучей мыши, но почему-то в черных шорах.

— Господи, куда я попал! — чуть слышно прошептал я. И буквально пару минут спустя попал в темницу.

Как и обещала Повелительница драконов, тюрьма в мурлюкском остроге находилась под землей. Впрочем, темницей ее можно было именовать весьма условно и по большей мере из-за отсутствия освещения, а так не пойми что, то ли наскоро построенное бомбоубежище, то ли блиндаж с крышей в три наката. В общем, перекрытая яма, обшитая тесом, да нары вдоль стен. Тяжелая дверь с круглой дыркой для глаза захлопнулась, заскрежетали массивные засовы,

кланули замки, видимо, по замыслу нелюбезной хозяйки определяя судьбу пленников на весьма продолжительный срок. В сквозном глазке показалось недобродое око псеголовца, искренне намеревающегося не спускать глаз с чародейки и ее спутников.

— Наблюдать неотлучно, — хмыкнула Делли, искоса поглядывая на темный зрачок, маячивший по ту сторону двери. — Ну-ка, отвернитесь к стенке да зажмурьтесь. А еще лучше сверх того ладонями прикройтесь. — Когда фея начинала говорить таким ласковым тоном, отчего-то не хотелось ей перечить.

Мы все, включая обездревленных леших, безропотно повиновались, и спустя миг сквозь закрытые веки я ощутил ярчайшую вспышку. Столь яркую, что, не открывая глаз, смог четко, как на рентгеновском снимке, различить каждую косточку своих пальцев. Вой по ту сторону двери весьма наглядно подтвердил единственность необычайного маневра кудесницы. Не знаю, как уж там обменивались информацией местные псеголовцы, но, полагаю, в ближайшее время желающих проявлять неусыпную бдительность не ожидалось.

— Все, — с той же ласковой интонацией проговорила Делли, — можете поворачиваться.

Вероятно, наши впечатленные лица представляли собой уморительное зрелище, поскольку сияющая уже знакомым нам теплым магическим светом кудесница не выдержала и рассмеялась.

— Вот чего бы я веселился в натуре, — насупился Злой Бодун, усаживаясь на нары и принимаясь стаскивать с себя доспех. — Фейерверк ходячий! Что ж ты конкретно в дубраве не искрила, когда эта паскуда Машу забирала?

Я удивленно уставился на приятеля. Понятное дело, поражение весьма расстроило могутного витязя, но чтоб вот так, без видимого повода накинуться на фею, это было уж совсем ни к селу ни к городу.

— Ты, паря, вроде бы не бревно, а как ни глянь — дубина, — не давая опомниться опешившей от неожиданности Делли, вступил за ее честь молодой леший. — Несуразицу баешь несусветную! Кабы матушка со старой каргой тягаться взялась, много б чего быть могло, да только тебя б уже, поди, не было.

— О, в натуре! Вот только дрова мне еще советов не давали!

— Балда ты балда, — пожурил его старший лешак. — Пошто злым словом уста мараешь? Коли в сердце горечь, уж лучше волком завой али кулачищами помаши. Негоже свою беду на чужие плечи перекладывать! Журба у нас общая, каждому немалая доля досталась. У

нас вон нынче друг, почитай, столетний в мертвожем истукане сгопрел. Горе горькое, беда великая, однако же ни хулу, ни разбой мы оттого не чиним. И ты зарекись.

— Но ведь обидно же, — роняя голову на руки, едва не плача, выдавил Ратников. — Так круто шли и так обломались! А тут на тебе, и огонь, и пламень...

— Вадим, — я положил руку на плечо друга, — строго говоря, чего ты убиваешься? Мы шли в острог? Так вот, мы уже здесь. По свету бы мы все равно из дуболомов не выбрались, так что считай, что операция продолжается. Или ты всерьез решил на этой гауптвахте срок мотать? Лешие правы, мы свою оплеуху получили, однако на ногах устояли. Теперь самое время позаботиться, чем в ответ потчевать будем.

Слово «потчевать» выскользнуло откуда-то из подсознания, немедленно вызывая голодный спазм. Кроме пары сухарей да куска сыра, вброшенных в топку по дороге к дуболомной поляне, в желудке с утра маковой росинки не было. И похоже, навязчивые хозяева подземных апартаментов вовсе не торопились исправлять это положение.

— Может, тогда чисто послушаем, — пристыженно заговорил витязь, стараясь загладить провину, — о чем эта типа Повелительница драконов с Машей калякают? — предложил он.

— Хорошо бы, — вздохнула Делли, похоже, не державшая зла на расстроенного поражением витязя. — Да только как? Стены чертога от моей магии надежно укрыты.

— Ну дык это, через мурлюкского жука. — Вадим запустил руку в карман и с победным видом извлек из него уже знакомую шкатулочку с серебряным колокольчиком внутри.

— Откуда она здесь? — удивленно вскидывая брови, улыбнулась фея, принимая из его рук драгоценную вещь.

— Как это откуда? — изумленно уставился на нее Злой Бодун. — Я ее как в Торце в карман бросил, так она у меня всю дорогу и пробулыхала. Если в драке с Шаровой Молнией не повредилась, то в натуре должна работать. Я Маше на прощание перстень выдал, так что все должно быть конкретно.

— ...Ну вот теперь ты и впрямь на королевскую дочь похожа. А то ведь ни дать ни взять оборванка-замарашка была. Кабы не знала, кого да где искать, не нашла бы, пожалуй. — Волшебный колокольчик отчего-то звучал чуть приглушенно, но вполне различимо.

— В нонешний день вам повезло, — гордо отчеканила Маша. — Но ведь у всякого дня вечер случается. А уж что завтра будет, лишь одному Лучедару известно.

— Неверно разумеешь, Машенька. В моей победе удач не более, чем в меду соли. Где же ты, девица, везенье-то сыскала? Вы ж аккурат по следу моему шли, словно пес за лисою. Я вам меток с дюжину наставила. Часть вы, поди, и не заметили, а по иным до Бослицких топей добрались. А уж из лягушачьего домика я и подавно всякий ваш шаг знала. И в избушке той болотной, и уж тем паче в лесу на этой стороне столько моих дровоедов-короточцев посажено, не то что слова, дыхание каждого из вас различить можно было. Так что, дорогое мое высочество, не случай слепой моя подмога, но лишь сила разума, всеобщая воля да твое собственное высокое предназначение. Слыхала небось, корабельщики толкуют, коли путь прав, так и ветер в парус.

— Не может быть правого пути, на коем у невесты суженого умыкают, да кривдою потешившись, в труну¹ кладут, — упрямо заявила Маша.

— Ой ли! Видать, жених твой в любви не столь уж крепок, коли подвох не почуял. Да и тебе, красавица, не во вред было любовь свою испытать. На что мне твой Элизей? Коли желаешь, хоть сейчас путь к нему открою. Ступай! Целуй! Да только помни: ежели в сердце нашем ни для кого более места нет, то морок с него точно ветром сдует. Ну а вдруг как для кого другого еще уголок сыскался, то целуй не целуй — не очнется королевич. Ну что, краса ненаглядная, вести тебя к Элизею-то, или же погодим, повременим чуток, поразмыслим здраво. Может, оно и впрямь в сладком сне ему покойней будет, чем в яви.

— Не тебе то решать! — все еще резко бросила дочь Базileя IV, но уже без прежнего напора, и отчего-то не требуя немедленно проводить к пребывающему в отключке принцу.

— А вот тут ты права, — не давая ей вставить слово, перебила Повелительница драконов. — Не мне то решать — тебе. Затем ты и рождена, чтобы решать. Да решив, повелевать единовластно.

— Я принцесса!.. — начала девушка, должно быть, как обычно задирая подбородок.

— Кабы б только в том дело было, так и не вели мы бы с тобой сейчас речи окольные да не разводили здесь турусы на колесах. И других принцесс в иных землях немало, любая из них твоей судьбе

¹ Труна — гроб.

радовалась бы. Но лишь над твоей колыбелькой звезды хоровод вели да на тебя лишь свет пал. Одна только ты истинная наследница и могущества, и великого жребия всех вперед тебя бывших Светоносных Дев.

Я удивленно взглянул на замершую возле приемника Делли. Вероятно, с таким же чувством слушали сводки советского информбюро партизаны за линией фронта.

— Не понял? — шепотом, точно боясь заглушить разговорчивый цветок, произнес я. — О чём это она?

Из колокольчика донесся тихий стук, словно кто-то робко ис-прашивал позволения войти.

— Ужин для вашей светоносности и ее высочества, — послышался незнакомый голос.

— Вот и славно, — подводя итог первому раунду, ласково сказала Повелительница драконов. — Почти вниманием наипервейших в мире поваров. Договорим после. Пока же, моя юная прелестница, поразмысли над услышанным и насладись яствами. Силясь покинуть предначертанный путь, ты все равно следуешь им. Не стоит суетиться.

Следующие полчаса прослушка была бесполезна, я бы даже сказал, вредна, поскольку плеск бульона и звон приборов издавательски внятно доносились из серебряного колокольчика, заставляя пустые желудки выворачиваться наизнанку от негодования. Одни только лешие внимали гастрономической сонате с явным пренебрежением. Мы же с Вадюней с трудом сдерживались, чтобы не закрыть уши, стоически перенося кулинарную пытку. Слава богу, хоть запахи эта чертова шкатулка не передавала!

— Делли, что-то я ничего не понял, — силой воли разжимая сведенные скулы, выговорил я. — Чего эта тетка хочет от нашей Машеньки? Ну, кроме того, конечно, что выкупать и накормить.

— Похоже, она считает Машу своей наследницей, — на глазах суроея лицом, пробормотала Делли.

— Ну, так в натуре о чём базар? — мотнул головой Злой Бодун. — Наследство — это круто! Особенно когда кто чужой помирает. Че за ботва, на фига метушиться? Черкнул завещание: всех драконов завещаю Машутке, потому как она в натуре такая красавица, что глаз не отвести.

— Отвести-отвести! — глядя на боевого товарища, кинул я. — Как ты думаешь, друг сердечный, чего это вдруг Машутка не бросилась

со всех ног целовать Элизея, когда колдунья ей это прямо в глаза прямо ртом предложила?

— А чисто я почем знаю? — с неподдельным удивлением захлопал глазами Вадим. — Ну, вроде решила на пустой желудок его не целовать, типа на сладкое оставить.

— Угу, — кивнул я. — Так я почему-то и подумал.

Между тем из колокольчика доносились звуки поглощения вкусной и здоровой пищи и обрывки разговора, увы, нечеткие. Должно быть, микрофон ее высочества был повернут в сторону ладони.

— Она говорила о Светоносных Девах, — прерывая нашу с Вадимом перепалку, промолвила Делли. — Но почему?

Вопрос был обращен в пространство, но я, пожав плечами, не замедлил ответить на него:

— Откуда ты знаешь, может, она умом повредилась от собственного могущества!

— Но речь шла о целой череде Светоносных Дев, — напомнила фея.

— Может, у них организация такая, вроде как у нас масоны. Высшая степень посвящения и есть Светоносная Дева. Хотя чего бы я вдруг себя маяком именовал? Хотя навязчивые идеи бывают разные. — Я махнул рукой. — Другое непонятно: без малого восемнадцать лет здесь идет подковерная война. Ради чего, Делли? Войн из любви к искусству не бывает. Если Повелительница драконов последняя из наличествующих Дев, попробуй сообразить, кто была первая. Может, отсюда ноги растут?

В темнице повисло молчание, нарушающее лишь обольстительным звоном колокольчика.

— Корделия Афуль, — после долгой паузы выдохнула фея. — Пожалуй, только она могла удостоиться такого титула. После смерти отца она неотлучно жила в крошечной комнатке, устроенной предусмотрительным маэстро Якобом внутри статуи Девы Железной Воли для смотрителя маяка. Но это было около двух сотен лет назад, к тому же волшебница, прилетавшая на драконе, вовсе не похожа на Корделию Афуль.

— Возможно, она ее наследница, — задумчиво предположил я.

— Наследница? — удивленно, почти насмешливо кинула фея. — Что могла оставить после себя несчастная Корделия! К тому же она умерла девицей, и у нее не было родственников, кроме железного близнеца.

— Не знаю, — покачал головой я. — Но у меня имеется версия. В словах Повелительницы драконов, похоже, есть шифровка. Может,

ты мне поможешь понять, о чём речь? Как там: звезды в хоровод стали, свет упал. Что это могло значить?

— С первым изречением и загадки-то нет. Хоровод звездный — явление редкое, в семьдесят лет раз случается и длится всего секунду. Но всякий, в эту секунду рожденный, великим могуществом обладает. Что бы он ни делал, за что бы ни принимался, звезды во всем ему сопутствуют. Гармония стихий в таком дитяти ни в чём не имеет ущерба, и воля его поистине способна двигать горы. А вот насчет второго... — Делли разверла руками.

— О-бал-деть! — по слогам произнес я, дослушав подругу. — Делли, слушай меня здесь и крепче держись за нары. Наша Машенька, как говорят в горах Тибета, Золотой Ребенок.

— Точно! — возбудился Вадим. — Я фильм видел с Эдди Мёрфи! Полный улет!

— Вадюня, помолчи, — одернул я друга. — Если можешь, попробуй вычислить, как стояли звезды в день рождения Корделии. Я почему-то уверен, что все той же кадрилью.

— Да, это так, — тихо произнесла фея. — Благодаря звездному хороводу она вдохнула жизнь в дело отца.

— Великолепно! Что и требовалось доказать. А теперь слушай меня и поправь, если я ошибаюсь. По твоим собственным словам, маэстро Якоб Афуль строил агрегат, не только предназначенный для освещения удобного перевала, но и в первую очередь дающий надежду и волю к жизни угнетенным и обездоленным. Однако без рожденной под звездным хороводом Корделии его план терпел фиаско. Строго говоря, став ее сердцем, именно она сделала огромную статую Девы Железной Воли — Светоносной. С тех пор как маяк был установлен на перевале, он является своеобразным талисманом Мурлюкии. Но зададимся банальным вопросом: каков принцип действия этого хитроумного устройства? Ответ прост, ты сама его не так давно озвучила. Железная Дева вбирает в себя волю мурлюков, а также всех тех, кто связывает с ней свои надежды, и перераспределяет ее так, как считает нужным. Ты полагала, что это лишь фигура речи? Отнюдь. Светоносная Дева действительно вбирает в себя чужую волю и действительно перераспределяет ее. Вот только занимается этим не железная статуя, а уже знакомая нам Повелительница драконов.

— Ты хочешь сказать, что Повелительница драконов и Светоносная Дева одно и то же лицо? — не смея поверить своим ушам, переспросила Делли и оглянулась, точно в роковую минуту крушения

привычного мироустройства ища поддержки у Вадима и притаившихся лешаков.

— Это я говорю? Это она сказала, только мы не слушали. Припомни, там, на дороге, мадам во весь голос сообщила, что делает исключительно добро и за ради этого добра от всех, кто против, камня на камне не оставит, — подытожил я.

— Немыслимо! — отрешенно прошептала фея.

— Очень даже мыслимо! Я уверен, что такая ответственная и преданная делу отца девушка, как Корделия, не могла допустить, чтобы с ее смертью достигнутое пошло наスマрку. Логично предположить, что, чувствуя приближение старости, увы, Делли, люди в отличие от фей живут сравнительно недолго, первая Светоносная Дева начала искать себе преемницу. Насколько я понимаю, это непременно должна была быть девушка, рожденная под звездным хороводом. Я в ваших методах исчисления не разбираюсь, но, видимо, мадемуазель Афуль, как и ее нынешняя преемница, знала, кого и где искать. Должно быть, это каким-то образом связано с тем самым падением света, о котором мы слышали. К назначенному сроку Железная Дева получила новое сердце, если говорить высоким стилем, или же, выражаясь техническим языком, устройство, конденсирующее и трансформирующее психическую энергию масс. Следующим таким устройством, как теперь понятно, назначено быть Маше. Вуаля! Оваций не надо, цветы в машину.

Взрывов восторга по окончании разоблачительного монолога не последовало. Публика явно не желала купать в аплодисментах доморощенного ясновидца, предпочитая молчаливо осознавать смысл услышанного. Далекие от цивилизации лесовики, вероятно, и вовсе не понимали суть проблемы, но для феи же подобный поворот событий был настоящим шоком.

— Но это только предположение, — медленно подбирая слова, не желая признавать истинность моих слов, проговорила она. — Все же может быть по-другому. Наверняка может быть по-другому.

— Например, как? — жестко спросил я.

— Ума не приложу, — честно созналась Делли, разводя руками. — Но Дева Железной Воли не может быть Повелительницей драконов.

— Согласен, — кивнул я. — Это ты ей сообщишь при личной встрече. Кстати, пора бы уже о ней позаботиться. Судя по темени в глазке, на дворе ночь, самое время для прогулок.

Строить план побега, вероятно, любимое занятие заключенных. А тут на нашу удачу для этого под рукой был ряд возможностей. Во-

первых, сама по себе Делли, а во-вторых, ее сумка, содержащая остатки прихваченных еще в Торце магических спецсредств. На счастье, туповатые псеголовцы, не получив приказ конфисковать наше имущество, ограничились лишь изъятием Вадюниного меча. На вскидку было придумано четыре способа эффектного выхода из темницы. Но, увы, слишком эффектного для создавшейся обстановки. Оказаться снаружи не составляло особой сложности, но риск погибнуть в бессмысленной схватке с ордой псеголовцев, сгореть при выжигании двери, быть раздавленными прорашиваемым сквозь крышу лесом или же оборотиться в крошечную муху в центнер весом был слишком велик, чтобы любой из наших планов казался пригодным к исполнению. Дебаты были в полном разгаре, когда по ту сторону дощатой обшивки темницы послышалось слабое кряхтение и едва различимый стук.

— Ага! — победным жестом воздел сучковатую руку вверх старый лешак. — А вот и подмога подоспела. Чаял, что они нас в злом полоне не бросят, так оно и стало.

— Доски раздвиньте! — послышался с той стороны обшивки сдавленный голосок.

— Ну-тка, возьмемся! — Старшак кивнул своему «юному» другу, и те вцепились, даже не вцепились, слились с нестыраной стеной. — Распластовали дерево живое, — с негодованием в голосе укорял кого-то первый лесовой дедка. — Погубили!

— Не идет животок по тесу! — вслед за ним сокрушился другой. — Саму чуть сродство наше чует!

При этих словах пара ровных, пригнанных друг к другу досок едва заметно разошлась, образуя щель с палец шириной. Но и этого оказалось достаточно.

— Хух! — На нары кубарем свалился крошечный зеленый человечек с длинной бурой порослью на лице, вероятно, символизирующей бороду. — Хух! — повторил он. — Насилу до вас добрался. — Он скакнул на плечо одного из леших. — Пока от мшинки до мшинки дополз, весь росой изошел.

— Это моховой, — явно гордясь успехами мальца, довольно заявил лесовик, неуловимо напоминая старого пирата с попугаем на плече. — Са-амый наш младшенький.

— Ну, мал, да удал, — не замедлил похвалиться крошечный подпольщик. — Вы-то тут как, держитесь?

— А то! — проскрипел более крупный собрат, разводя ветвями и демонстрируя, что мы здесь пребываем в весьма приподнятом состоянии духа.

— А я тут вестей свежих целый короб приволок, — затараторил буробородый. — Во-первых, значит, из города вести. Площадной как есть цел туда добрался да об вашем бое все доподлинно поведал. Что там было, бают! Что в ночь перед листогноем¹!! Все братени разухабились: и домовые, и мельничные, и банники — всякие, словом. Над градом шум-гам стоит, по лесу гул! Эк веселье-то!

— Ладно-то, — весомо кивнул щепастой головой младшак.

— А вдругорядь, — продолжал моховой, — в этом kraю наши порешили, что как под утро карга на город силы двинет, так в остроге ататуй и учинить. Кобольды уже под драконьи логовища подкоп ведут, водяной-болотняк таку трясину сплел, что козерогам из нее только волоком и выбираться. В общем, много всякого. А напоследок, — он обвел взглядом внимающих речам узников, держа паузу и собирая дань интереса за всю, должно быть, предыдущую жизнь, — об вас молвить хочу. Я тут кротов да мышей-землероек говорил, они к вам сейчас тайный лаз ведут. Обещали, что перед зарей все уже готово будет. Так что уж вы иссильтесь да пару досок от стены отдерите, чтоб сподручней лезть было. А на том, пожалуй, и все. — Моховой замолчал, гордо подбоченясь и ожидая похвалы. — Вот я каков молодец! Леденчика за то не найдется?

Увы, леденчика, как и любых других продуктов, у нас с собой не было. И потому, выпустив не слишком разочарованного лесовичка сквозь щель, мы с нетерпением начали ждать появления избавительной мышиной армады.

Ночь не принесла новых сообщений от агентуры во дворце светоносной карги. Должно быть, пытаясь убедить ее высочество в добродете и искренности своих намерений, она не стала терзать измученную путешествием наследницу и отложила переговоры назавтра. Возможно, не слишком удачный для нас вариант, но не объяснять же заботливой волшебнице, что мы бы с радостью еще послушали ее откровения на тему некоторых реалий мироустройства и роли в них, отведенной юной принцессе. Если мои предположения были верны, то... Я еще пытался представить себе все последствия открывшегося нам грандиозного замысла, но усталость все же взяла свое, и я заснул, постепенно съезжая из сидячего положения в лежачее. Спал я некрепко, ночью пустой желудок требовал обратить внимание и на его страдания, и потому, когда сквозь дрему до сознания донеслось отчетливое царапанье где-то совсем близко, я подскочил на месте как ужаленный.

¹ Листогной — ноябрь.

— Мыши!!!

По всей видимости, скребущий звук был слышен не только мне. Доски, предусмотрительно оторванные от стены, были убраны, еще секунда, и твердая глина, находившаяся за дощатой стенкой, осыпалась песком, и в нашу камеру, точно струя из водомета, хлынули мыши. Сотни, тысячи мелких пищащих грызунов в одно мгновение заполонили весь пол темницы. Неконтролируемое омерзение заставило нас с Вадимом вспорхнуть на нары, но на Делли и леших этот серый копошащийся поток не произвел особого впечатления. Фея только улыбнулась, когда крупный мышь с золотой гривной на шее выскочил перед ней на нары, встал на задние лапки и запищал оживленно, должно быть, рапортуя о выполнении порученного задания.

— Благодарю тебя, — мягко кивнула она. Мышь пискнула в ответ, повернулся к мечущейся на полу братии, и спустя пару минут вся эта хвостатая орава исчезла, как и не бывало. Лишь только пол после ее исчезновения стал походить на лист фанеры, по которому в упор долбанули картечью из двух стволов.

— Ну что, пошли? — выглядывая наружу сквозь открывшийся туннель, проговорила Делли. — Ночь-то какая ясная! Звезды видно.

— Гр-р-р! — раздалось за дверью угрожающее рычание, какое обычно издает сторожевой пес, увидев подходящего к нему незнакомца.

— Как некстати! — прошептал я, усаживаясь на нары и заслоняя спиной лаз.

— Ну, как они там?

— Гр-р! У-у, — послышалось в ответ.

— А, твари безмозговые! — В дверном глазке показался желтый сияющий глаз неизвестной мне твари. Не знаю, что уж там ему было видно, но к этому моменту мы смирненко восседали на неструганом приступке, не хватало лишь песен под балалайку. — Так, вы пятеро здесь, остальные за мной! — презрительно бросил неизвестный за дверью. — Ишь, нечисть, бунтовать вздумали! Ну ничего, вот Орду напустим, помохни-то запросят.

Я проникновенно взглянул на Делли. Сам того не желая, неведомый командир сболтнул такое, за что его вполне можно былоставить к стенке и расстреливать желудями перед строем. Так вот, выходит, зачем всемирной благодетельнице драконы, дуболовы и весь этот псеголовый сброд. Одной рукой, получается, крушим, другой геройски обороняем. Действительно, к чему ожидать, когда где-то появится неведомый враг. К чему следить, как он набирает силу?

Стоит лишь предположить, что где-то есть возможность появления недругов, — бац! Откуда ни возьмись, возникает в тех землях Орда, угрожая гибелью всему живущему. А спустя малый срок туда же приходят мурлюкские вооруженные силы, самые вооруженные из всех сил. И снова — тиши, благодать. Ни Орды, ни потенциального врага — ничего. Одна сплошная Мурлюкия! Во имя человека и на благо его же. Что ж, ради такой информации и в кутузке переночевать не обидно.

— Уходим, — прошептала фея, не разделявшая моего энтузиазма. — Скоро уже светать начнет.

На воле беглецов поджидал кроха-моховой, от волнения теребя бурую, точно кора, бороденку.

— Что ж вы не идете-то! — прошептал он. — Жду вас, жду! Изождался весь!

— Цыть! — скрипнул на него старшак. — Ишь, раздухарился! Не шли, знать нужда в том была. Докладай, как оно, дело правое?

— Так все ж, поди, готово, — нетерпеливо переминаясь с ножки на ножку, застремкотал моховой. — Драконы вон на одной крепи сидят, а сами того не знают. Только ж мигнуть, кобольды из-под них крепь выбьют, и все, попался, голуба, как мышь в кувшин. Так что, матушка-фея, — минуя старшего по званию, обратился он к Делли, — может, уже мигнете?

— Нет, — покачала головой фея. — Срок тому не настал. По знаку моему начнете.

— А каков знак-то? — хором спросили представители лесного народа.

— Да уж не пропустите. Как пойдет здесь круговорть, так и вы подпевайте.

— Как изволишь, Делли, дочь Иларьева, — склонил голову старший леший. — Как изволишь. Я к дуболомам отправлюсь, каких из них на дело сподоблю. А младшак мой с вами останется, проводником будет. Он тут всяку кочку, всяко деревце аки свои двадцать три пальца знает.

— Ступай, батюшка лесовой. Да спасибо тебе за все, — тихо промолвила Делли, отпуская соратника.

Солнце уже торопилось выглянуть из-за горизонта, посыпая вперед авангард стремительных лучей, поджигателей горизонта.

— Далеко до чертога-то? — тихо спросил я лешего, как ни в чем не бывало обернувшегося пеньком, создающим естественное укрытие лежащим в сырой от росы траве беглецам.

— Да отсель версты две, поди, — скрипнул лесовой дедка, косясь одним глазом на маячивший невдалеке спуск в подземелье. — На брюхе ползти, к вечеру управимся.

— На брюхе ползти, это не дело, — чуть слышно пробормотал я.

— А ногами топать, и вовсе не дойдешь, — обнадежил лешак. — В остроге нечисти всякой, что у ежа колючек.

— Ничего, к утру нечисти поуменьшится. Сам же слышал, помчаться в город Орду изображать.

— Оно, конечно, так, — выдохнул мой умудренный опытом собеседник. — Да и здесь останется немало. А с этими тварями не до шуток.

— Не боись, брателла, — прогудел Вадюня, сжимая кулак размечром с треть укрывавшего нас пенька. — Покувыркаемся.

— Цыть! — шикнула на него фея. — Не шуми. Псеголовцев спугнешь.

Пятерка клыкастых зверолюдов, оставленная караулицей ценную дверь опустевшей темницы, подобно своим более цивилизованным собратьям в любом уголке мира, стойко переносили тяготы и лишения воинской службы, видя статьи караульного устава не то чтобы во сне, но в полудреме. В застенке было тихо, начальство, слава тебе господи, проехало, заключенные, проявлявшие столько прыти днем, не тревожили, самое время отдохнуть от трудов праведных.

— Вот те двое, пожалуй, покрупнее остальных будут, — глядя на стражу, задумчиво поделилась впечатлениями кудесница.

— Да, пожалуй, что поболее, — подтвердил я.

— Вот и славно, — проговорила фея, улыбаясь невесть чему. — Стало быть, ногами пойдем. Мы ж не змеи какие, чтоб брюхом по земле елозить! А ну-ка! — Она вскинула руку, посмотрела, точно прицеливаясь, и щелкнула пальцами. — Вот так.

Я глянул на Делли, чтобы спросить, в чем состоит ее план, но тут...

— А-а-а!.. — Ладонь феи зажала мне рот, не давая выкрикнуть во весь голос: — Псеголовец!

Глава 30

Сказ о дарах, юридических тонкостях и триумфе воли

Псеголовец, лежавший в метре от меня, попытался было вскочить на ноги, но крепкая рука Делли, хлопнув страшилище по загривку, вернула звероляду в лежачее положение.

— Тише! Тише, — глядя то в мою сторону, то на злобного монстра, умиротворяюще проговорила фея. — Выглядите вы оба сейчас неважно, но это всего лишь личина. По острогу ходить в самый раз. Лучше туда посмотрите.

Я еще раз опасливо покосился на Вадюню, спрятанного под черной клочковатой шерстью и украшенного зубастой пастью, и вынужденно смиряясь с очевидностью происходящего, устремил взгляд туда, куда указывала Делли. Псеголовцы по-прежнему дремали у входа в блиндаж, но теперь... Я потер глаза когтистой лапой, вздрогнув, покосился на то, что еще совсем недавно было моей рукой, и снова уставился на страхолюдную охрану. Увиденное нельзя было списать на утренний туман и хронический недосып. Между тремя мохнатыми ужастиками сидели мы с Вадюней! Сидели как ни в чем не бывало, словно каждое утро только тем и занимались.

— Дедка лесовичок, — тихо промолвила кудесница, — что-то они заспались. Плюнь-ка камешком кому-нибудь из них в лоб.

— Да хоть всем, — радостно отозвался леший, запихивая окатыш себе в рот. — Тыфу на вас!

Экстренное пробуждение явно не привело монстров в восторг. Да и кого вообще может привести в восторг такой способ побудки?

— Ар-р! Р-р! — Проснувшийся зверолюд открыл глаза, обвел взглядом местность и не медля ни секунды впился зубами в плечо лже-меня. Невинная жертва взвизгнула, будя остальных и сразу же переходя к ответным действиям.

— Пожалуй, пора уходить, — удовлетворенно оценив произведенный эффект, улыбнулась Делли. — Личины ваши победить нельзя, они с одного на другого переходить будут, пока последние друг другу глотки не перегрызут. Идемте, друзья мои! Глядеть на это побоище мерзко, да и времени нет.

— И то верно, — вставая и невольно оглядываясь, пробормотал я. — Пора уже драконьей мамаше пожелать доброго утра.

— Как же! — преображаясь в суковатую дубину, хмыкнул лешак. — Разбудишь ты ее, коли ей ни в ночи, ни в день угомону нет. Когда ни возьмись, когда ни кинься, сна ни в одном глазу.

— Что же ей в натуре-то не спится? — сочувственно покачал лохматой головой Вадюня.

— Здесь как раз все ясно, — пожал плечами я, на ходу анализируя услышанное. — Если мое предположение верно, и она действительно вбирает в себя невероятное количество чужой энергии, то попросту не может заснуть от ее переизбытка. Если хоть на минуту

наша светоносная знакомая перестанет действовать, то, вероятно, взорвется, как лампочка, в которую вместо двухсот двадцати вольт дали триста восемьдесят.

— Да-а, — изображая на морде неподобающую псеголовцу жалость, вздохнул Ратников, — в натуре война войной, драконы драконами, а тетку жалко. Это ж так конкретно чекануться можно!

— Похоже, уже чеканулась.

— Нет, Виктор, ты не прав. Все не так просто. Скорее всего Повелительница драконов в силах уснуть, но желания у нее такого нет. Во всяком случае, с Корделией все было именно так. Ночью, пока светил маяк, она не могла сомкнуть глаз, днем же порой дремала, но неглубоко и недолго.

— В любом случае, — подытожил я, — если даже колдунья не спит, самое время пожелать доброго дня ее высочеству. Делли, послушай, кстати, что там происходит у Машеньки.

Фея под конвоем двух устрашающего вида псеголовцев понуро брела в сторону отдаленного чертога, держа в руках маленькую шкатулочку, из которой явственно доносился голос могущественной Повелительницы этих забытых богом мест.

— ...Но я никогда не желала зла тебе. Я просто не могла такого желать.

— Именно поэтому вы погубили мою мать, сударыня?

— О нет! — Голос Светоносной Девы звучал проникновенно-убедительно. — Я не губила королеву, все это досужие сплетни твоих безмозглых нянек и тупоумных сторожей. Да, я просила твою, увы, покойную, матушку сохранить тайну нашего соглашения. Но это было просто необходимо! И в первую очередь для твоей же пользы. Ведь став новой Девой Железной Воли, ты должна стоять над толпой, над ее мелкими и суетными болями и нуждами. Тот, кому суждено озарять своим неугасимым светом все человечество, не волен печься о каждом в отдельности. Представь себе, сколько бы прощений и челобитных скопилось у твоей колыбели, когда бы всякий смертный знал, что именно тебе суждено принять сияющий венец.

Увы, чистота моих намерений вызвала недоверие у твоей матери, и не я, а ее собственные терзания укоротили дни ее величества. Пойми же, девочка моя, я не несу зла миру! Всякий живущий славит меня и будет славить тебя, когда придет час новой Девы. Моя жизнь, вся, от первого до последнего дня, была и будет посвящена служению самому чудесному творению этого мира — человеку! Обведи

взглядом белый свет, можешь ты отрицать очевидное? С тех пор как первая Светоносная Дева сердцем своим зажгла великий маяк надежды, все пошло иначе. Побеждены болезни, голод, укroщены стихии, мерзкие чудища не смеют перечить человеческой воле! .

— Для этого ты запираешь в лампады крошек-эльфов и лишаешь разума драконов, древнейших хозяев этого мира?

— Разум драконов — выдумка тех, у кого и обычный-то ум не слишком силен, — отрезала Повелительница болотных краев. — Но я повторяю, все они, все без исключения, служат человеку. И я не могу понять, где ты видишь несправедливость. Я открыла этим существам высокий путь служения, и он куда выше, чем жизнь диких тварей в прежние времена. Но вместе с тем, Маша, твоя судьба дарует тебе полную возможность сделать мир таким, каким хочешь его видеть ты. Мы вновь пришли к тому, с чего начали. Я не враг тебе, как и не враг твоим друзьям.

После твоего рождения я пыталась взять в свои руки воспитание и защиту наследницы. На нашу беду, неразумие королевы лишило нас возможности знать друг друга с дней твоего младенчества, лишило возможности с каплями материнского молока впитать всю важность миссии, возложенной на каждую новую Деву. Но я благодарна твоей взбалмошной воспитательнице, как бы то ни было, она дала тебе Знание, охранила от невзгод, и что весьма важно, она соблюла твою девственность в неприкосновенности. Однако теперь ты вошла в самый цвет юности и точно так, как, вырастая, расстаешься с любимыми игрушками, пришло время проститься и с Делли. Я уж не говорю о тех чужаках, которые ее сопровождают. Хотя один из них, кажется, тебе небезразличен?

Ответом на лобовой вопрос Повелительницы драконов было стойкое молчание, послужившее невольным подтверждением завидной проницательности волшебницы и подстегнувшее ту к новым открытиям.

— Одно лишь твое согласие, и все, буквально все, в твоих руках! Яви свою доброту, награди за преданность верных слуг. В конце концов, если при помощи Делли тебе покорится и этот народ, люди во всех пределах воздадут тебе почести как величайшему миротворцу. Что ж ты молчишь, девочка моя?

— Я хочу видеть своего жениха!

Прозвучи слова эти гордо и безапелляционно, как умела, да что греха таить, и любила высказывать просьбы наследница престола, я бы, пожалуй, воспрял духом и ускорил шаг, рискуя привлечь подозрение.

зрения встречной нечисти. Но речь Маши звучала тихо и неуверенно, словно от руки спящего без задних ног королевича могло прийти избавление.

— Ты хочешь проститься с ним? — с ноткой недоверия, но словно невзначай, поинтересовалась Светоносная Дева. — Быть может, и след сказать ему последние слова, но стоит ли? Я сама позабочусь о его судьбе. Он станет величайшим королем, если желаешь, даже императором, и он будет всегда беззаветно предан тебе. А память о помолвке, обо всей этой истории... К чему Элизею лишняя боль? Он весьма подающий надежды королевич и будет счастлив с другой, я тебе это обещаю. И можешь мне поверить, он никогда не вспомнит об этих днях.

— Я не хочу этого. — В голосе принцессы слышалась уже хорошо знакомая упрямая нотка.

— Быть может, ты и права, — тут же парировала скользкая, точно олимпийский каток, Дева. — Если вдуматься, увлекшись фантомом, он изменил тебе. Измена должна быть примерно наказана. В твоей воле покарать злодея за непостоянство.

— Я хочу поцеловать Элизея!

— Целовать?! Ты понимаешь, о чем просишь? Он никогда не проснется, если в твоем поцелуе недостаточно любви. А памятуя, какими глазами ты смотрела на витязя, сопровождавшего вас... Впрочем, если ты намерена казнить изменника таким способом. Что ж, одно слово, и он в твоей власти.

В этот момент общение высокопоставленных дам было внезапно прервано появлением третьего лица, вернее, третьего голоса. Судя по тому, что неизвестный ворвался в апартаменты после краткого стука без доклада, положение он занимал явно не маленькое.

— Повелительница! — бухаясь, по всей видимости, вернее, слышимости, на колени, залепетал неведомый магнат. — Произошло ужасное!

— Ну что еще? — резко оборвала его Дева Железной Воли.

— Жабы, которых вчера вы изволили приказать выпустить в наши болота... У них с собой была какая-то водоросль, она размножается столь быстро, что слуги не успевают вылавливать ее из воды!

— Безмозглые твари! — устало выругалась старая волшебница. — Возьми еще слуг, дай сачки псеголовцам, козерогам, какая разница!

— Беда в другом, Повелительница, — со слезой в голосе взмочился ревнитель чистоты болотных вод. — Жабы едят эту водоросль, и их кожа становится красной, как закатное солнце! Мы разоримся!

— М-м! — простонала Дева. — Ладно, ступай. Ступай! Сейчас не до того! Я все решу. Вот видишь, Маша, от какой-то ничтожной во-доросли зависит благополучие великого народа. Придется объявить, что мы пускаем в обращение жабсы нового вида. Ступай, я тебе сказала!

Грубый окрик явно предназначался не груской принцессе, а вот следущий, прозвучавший совсем рядом, относился и вовсе к нам.

— Куда?! — Мужчара с ярко выраженными медвежьими очер-таниями лица и такими же грубыми манерами преградил нам путь. За его спиной возвышалась еще дюжина подобных личностей, точно выштампованных по одной мерке.

— Гр-р! — пытаясь выглядеть как можно более правдоподобно, зарычал Вадюня.

Медведоиды удивленно переглянулись.

— Чего это он? Совсем, что ли, дикий? Другой пароль нынче, ступайте отседова!

Дубина в руках Вадима открыла глаза, а затем и рот.

— Повелительница приказала доставить фею во дворец, — про-скрипел лешак.

— Не велено! Поворачивай!

— Но приказ... — попробовал возразить лесовик.

— Пор-рвем! — взревела, не сговариваясь, болотная стража.

— Все, уходим, уходим. — Мы развернулись, демонстрируя мрач-ным тварям спины, сделали три шага и...

Заряженный магической силой гребень вылетел из-за плеча феи, точно ручная граната, и под ногами лягушачьей охраны сами собой из-под земли потянулись толстенные деревья, переплетающиеся кро-нами и разбрасывающие во все стороны узловатые корни.

— За мной! — завопил лесовичок, вырываясь из рук Вадима и устремляясь с неожиданной для его нескладной конструкции скоро-стью в волшебную чащу. — Скорее-скорее! Торопитесь!

Доносившийся из ветвей верхнего яруса медвежий рев недвус-мысленно свидетельствовал, что на ближайшее время мы избавлены от таких условностей, как пропуска, пароли и прочие глупости в этом роде. Позади нас послышался ужасающий грохот, заставляющий зем-лю вздрогнуть, и сирена драконьего рева окончательно расправилась с утренней тишиной. Вдохновленные условным знаком кобольды ра-достно вышибли подпорки из-под ангара ящеров. Но времени лико-вать не было.

— Скорее! Скорее! Бегом! — торопил леший, проходя сквозь чащобу, как нож в масло. Толстенные деревья поджимали корни и поднимали ветви при его приближении, чтобы тотчас сомкнуться за нами. Кусты сворачивались, точно павлиньи хвосты, норовя податься в сторону.

— Только бы она не поставила магическую защиту, — на бегу бормотала фея. — Иначе нам не войти.

— Скорее-скорее! — подгонял нас леший, мча вперед, точно огонек лесного пожара.

Чертог уже виднелся сквозь все новые и новые ветви вытягивающиеся из-под земли деревьев, вплотную подступающих к мраморному дворцу, до нелепого странно смотревшемуся в болотном краю. Вот послышался звон разбитого стекла. Толстенная ветвь, точно боксерский прямой в голову, резко выстрелила в рост, вышибая одно из окон. Затем еще одна. Казалось, всего несколько мгновений, и пресловутый чертог Светоносной Девы постигнет судьба Великого города, представшего взору Маугли. Джунгли проглотят его, не подавившись.

— Стоп! — закричал-заверещал лесовик. — Не расти! Больше не расти! — Он бросил на нас шальной от азарта взгляд. — Успел! Дальше сами идите, я лес держать буду.

Мы шагнули вперед к широкой лестнице, устланной ковром, и едва успели поймать отпрянувшую фею.

— Туда нельзя! Магическая защита. Сгорим.

— Сгорим? — протянул я, удовлетворенно замечая, что в результате бешеной пробежки через лес мы с Вадимом вновь приобрели привычный облик. — Это нам совершенно ни к чему.

— Стоит прикоснуться к ступеньке, к стене, к подоконнику, и гибель неизбежна.

— Это серьезно. — Я почесал голову, точно выискивая оставшихся от прежней личины блок. — Что ж, в таком случае придется не пользоваться дверью. Вон та ветвь в окне из ведомства лешего. Уверен, что на нее магия Девы не распространяется.

Дворец был пуст. Очевидно, экстренно освобожденные от несения придворной службы лакеи были направлены вылавливать сачками зловредную водоросль. Кто знает, сколько бы времени мы заглядывали в комнаты и залы, ища нелюбезную хозяйку, когда б на наше счастье не появился некто в расшитой ливрее и не пустился со всех ног по коридору тем невообразимым аллюром, каким носятся ревностные лизоблюды, спеша угодить суровым владыкам.

— За ним! — крикнул я, но и без того мы уже неслись вдогон вызолоченной ливреи.

Двери, распахнутые неведомым гидом, не успели еще затвориться полностью, когда взволнованный голос выдал на-гора:

— О лучезарная Повелительница! В зеркале видится что-то не-вообразимое... Драконы пойманы в огромную ловушку и не могут взлететь! Дуболомы напали на псеголовцев! Отступников поддержали грифоны! Это ужасно!!!

Широченная пятерня Вадима Ратникова протиснулась в приоткрытую дверь и, ухватив докладчика за воротник, выдернула его из апартаментов, точно стоматолог больной зуб.

— Не порть мамаше настроение, — проникновенно глядя в глаза испуганного царедворца, проговорил Вадим. И добавил задумчиво: — В натуре!

Мне не показалось, что хозяйка самого большого в этом мире маяка была рада внезапно образовавшимся гостям. Взгляд ее метал молнии, но то ли мы были снабжены невидимыми громоотводами, то ли грязь, которая покрывала нас с головы до ног, не пропускала электричество, но вреда нам этот взгляд не причинил.

— Машань, ау! Мы здесь! — выпалил Ратников, размахивая в воздухе одной рукой, а второй удерживая полумертвого от ужаса созерцателя зеркал.

Девушка, стоявшая без движения, бросилась было к нам, но Повелительница драконов заступила ей дорогу и, желая, видимо, эффектно закончить мизансцену, указала выскочившей из рукава палочкой на резное кресло-трон, установленное под высоким балдахином. Золоченая мебель странно вздрогнула, ножки ее, точь-в-точь львиные лапы, нерешительно шагнули раз-другой, парочка дрыхнувших драконов-подлокотников вскинула головы, оскаливая в угрожающем рыке острозубые пасти.

— Вот как? — На лице Делли появилась благодушная улыбка. — Ну, иди-иди сюда.

Кресло, щелкая зубами, бросилось на фею. Та как ни в чем не бывало положила руку на подлокотник, заставляя оживленных магией тварей удовлетворенно замурлыкать, и, покончив с этим, удобно устроилась на мягким сиденье.

— И вы присаживайтесь. — Она щелкнула несколько раз пальцами, и в зале сами собой образовались еще четыре таких же кресла. — С чего бы это вам взбрело в голову, сударыня, тягаться со мной в магическом искусстве, — мягко пожурила уязвленную колдунью

Делли. — То, что вам по плечу лишь преобразить, я могу создать по природе своей. Присаживайтесь и вы, пришло самое время познакомиться поближе.

На властном лице Светоносной Девы пронесся ураган страстей, грозивший снести все выступающие части оного. Но лицо выстояло, и ураган утих.

— Что ж, я рада, что людская молва, приписывающая вам, сударыня, истинную силу, была не лишена оснований, — заставляя один из стульев взлететь и по воздуху перекочевать к филейным частям Девы Железной Воли, проговорила она. — Правда, я ожидала вас еще ночью, но, должно быть, вам что-то помешало. Ну да пустое! Для меня подарок судьбы видеть вас в моем дворце. Если вам не был оказан соответствующий почет, то лишь в силу...

— Что? — Я собрался уж было опуститься в кресло, когда моего затуманенного усталостью и недосыпом сознания наконец достиг смысл произнесенных фраз. — Видеть Делли — для вас подарок, я не ослышался?

— Невежа! — взорвалась волшебница, радуясь возможности выместить на ком-то переполнявший ее гнев, и в ту же секунду сотовранный Делли стул вылетел из-под меня и, с силой ударившись о стену, разлетелся в щепы. — Мое слово всегда истинно!

— М-да, — покачал головой я, поднимаясь с пола и оглядываясь на обломки стула. — Хорошая была мебель.

— Я рада, что вы пришли, — вновь заверила кудесницу чуть успокоившаяся Дева. — Полагаю, вы не менее меня горды жребием, который выпал на долю вашей замечательной воспитанницы. Благодарю вас за любовь к людям, которую вы ей привили.

— Я учила Машеньку любить живое, — поправила собеседницу фея. — А живое — это и дракон, и лесной зверь, и мельчайшая птаха, это и лист на дереве, и спящий камень на дне морском. Все они имеют душу и все достойны любви.

— Вероятно, все это так. Но это мир людей, и люди, как никто, нуждаются в любви и помощи. Ведь только от них происходит все новое...

— В первую очередь, необходимое самим людям. Хотя, если задуматься, и среди облагодетельствованных вами людей мне не встречался ни один сколь-нибудь счастливый. Полученное без труда становится неподъемным грузом, золотыми гилями. Вы слишком торопите этот мир, заставляя его задыхаться от бега и нарушать всеобщую гармонию. Все должно идти естественным путем, и тогда обретенное

человеком будет действительно его победой, его счастьем. Сок минеральных дров не заменяет бега крови! Дайте миру шанс жить своей жизнью.

— Но он и живет своей собственной жизнью, ибо никакой иной у него нет и быть не может!

— Вот тут вы не правы, мадам... — спеша отомстить за свое стоячее положение, ввернулся.

— Мадемуазель! — гневно перебила Повелительница драконов.

— Как пожелаете, но все равно не правы. Жизни, о которой вы так вдохновенно распинались, уже не будет. Не надо быть оракулом, чтобы предсказать грядущее прекращение поставок минеральных дров в Мурлюкию. Думаю, сегодня уже королю Базилю известны подробности той пикантной аферы, которую вы изволили провернуть, добиваясь благосклонности его дочери. Описание же схватки неподалеку от Железного Тына и вовсе приведет старого вояку в неистовый восторг.

— Вот пример людского неразумения! — Лицо Девы Железной Воли передернулось. — Вы забываете, что все могущество Светоносной Девы — это наследие, которое переходит в ее, — она повернулась, чтобы указать на Машу, — руки. И даже если на несколько лет все земли охватит хаос, это, в сущности, ничего не изменит. Человечество стремится к тихой, размеренной, удобной жизни и, стало быть, при первой же возможности вернется к этому состоянию. К тому же нет в мире короля или иного правителя, способного противостоять моей воле. Но хорош же ты, чужак, намеревающийся ввергнуть в хаос, в ужасы войны наш мир. И ради чего? Ради животной похоти? Ради слепой прихоти природы, повелевающей мужчинам вожделеть женщин, а тем заботиться о продолжении рода?

— Это, ну, чисто любовь называется, — нерешительно вставил свое умное слово Вадюня.

— Измышлений! — скривилась Повелительница драконов. — Попытка приукрасить грязную процедуру насилия над женщиной!

«И в величии — обычная старая дева!» — огорченно вздохнул я.

— Маше ни к чему это! Ее любовь принадлежит всему человечеству. Если хотите, она будет матерью всем живущим под солнцем народам, распространив сияние, не уступающее лучам дневного светила, в самые отдаленные уголки этого мира.

— Как бы то ни было, — дождавшись окончания пламенной тирады, чеканно произнесла Делли, — Маша должна сама сделать выбор.

— Несомненно! Она должна сделать правильный выбор! — гордо поднялась со своего места Повелительница драконов. — И вам не следует пытаться силой склонить чашу весов.

— Ну и типа вам не следует, — обижаясь на подозрения в нечестной игре, угрюмо изрек Ратников, поглядывая, не очухался ли оглушенный придворный наблюдатель. — Мы ж конкретно по понятиям!

После этих глубокомысленных слов в зале повисла напряженная тишина, не нарушаемая даже хлопаньем комариных крыльев.

— Я к Элизею хочу, — поднимаясь со своего места и подходя к Делли, негромко, но уже решительно выдохнула принцесса. — И домой!

— Нет!!! — взвилась с места Дева, точь-в-точь зенитная ракета, учゅявшая близкое сопло пролетающего самолета. — Это ее судьба! Ее удел! Свет пал на нее! Звезды стали хороводом!

— Я не отвечаю за расположение звезд и падение света, — гордо отрезала груссская принцесса. — А мир прекрасно существовал и без железного маяка на перевале Юного Орка. И ежели не кормить его каждый день бесплатной кашей, он и впредь будет жить назло всем вершителям судеб человечества. Я ухожу!

— А слово вашей матери? — точно нож в спину, метнула старая карга. — Вы забыли о нем?

— Да, это так. — Маша повернулась и набрала в грудь воздуха, выискивая довод, способный перебить козырь Повелительницы драконов.

— Минуточку! — вмешался я. — Ваше высочество, прошу прощения, здесь ария иноземного гостя. Мадемуазель, если вы помните, в начале нашей содержательной беседы, перед тем как вы соизволили поломать кресло, я спросил вас, отдаете ли вы отчет своим словам?

Дева Железной Воли молчала, не желая вести полемику с ничтожным смердом.

— Вы при многих свидетелях ответили, что отдаете. Так вот, если для вас было подарком увидеть Делли, то является несомненным, что для покойной матери ее высочества не меньшим — и, прошу заметить, первым — подарком была возможность лицезреть своего любимого супруга. Не имея ни малейшего желания нарушать слово, данное столь уважаемой дамой по обету, от имени ее высочества спешу передать в полное ваше распоряжение вожделенный первый подарок. — Монета с чеканным лицом его величества короля Базиля IV

описала широкую дугу и упала к ногам ведьмы. — Владейте и наслаждайтесь!

Вадим распахнул двери, в шутливом поклоне склоняясь перед принцессой и феей, обхватившей девушку за плечи.

— Стоять!!! Никто не выйдет отсюда! — голосом, позаимствованным у драконьих предков, взревела Дева Железной Воли.

— Отдохни, старушка!

Зеленый в красных маках сарафан, вырванный рукой Злого Бодуна из котомки Делли, выпорхнул яркой птицей из насиженного гнезда и, на лету расправляя складки, упал между нами и неистовавшей смотрительницей маяка. Огромные красные цветы, не имея возможности разрастаться вширь, плотно окружили подугасшую скандалистку, и я, опасливо глянув через плечо, увидел, как закрываются ее глаза, и подкашиваются в последнем шаге колени, и поблескивает меж зеленых стеблей золотая монетка.

— В натуре покемарь чуток! — закрывая массивные двери, постыжил могутный витязь. — Перегрелась! Ну че, Машенька, целуем твоего принца и чисто по домам? — В голосе друга слышалось нескрываемое сожаление.

Но, увы, мир не был совершенен даже с Девой Железной Воли, а уж тем более без нее.

Остроклювые грифоны, невосприимчивые к чарам сока минеральных дров, с легкостью необычайной перебросили всю нашу веселую компанию на Гуральский кряж, туда, где еще ожидали возвращения хозяев оставленные под драконью ответственность волшебные кони.

— Ну наконец-то! — увидев возвращающуюся принцессу со свитой, дрожащим голосом взревел дракон, отбрасывая обычные витиеватости. — Что ж это вас так долго не было? Синебокому вашему совсем худо!

— Что случилось?! — насторожился Вадим.

— То и дело орет: «Нас не догонят!» И почему-то сразу двумя женскими голосами.

Но в целом все было в порядке. Миновав Гуралию и отчего-то весьма возбужденную Субурбанию, мы чуток задержались на возводимых за Малиновой линией полевых укреплениях, чтобы обнять и поблагодарить за помощь Вадюниных брательников. Теперь, въезжая в столицу Груси, Злой Бодун бережно хранил свежий поляроид-

ный снимок: четверка витязей в богатырском дозоре. В центре, с «мосбергом», возвращенным лесовичками, Вадим. Крестики, звездочка и Вадюнина закорючка скрепляли лаконичную, но гордую надпись: «На память о службе!» Стоит ли говорить, что такие же снимки остались у хоробрых стражей пограничья.

Теперь мы возвращались в ликующий Торец Белокаменный, разукрашенный в преддверии свадьбы ее высочества и королевича Элизея. Дракон, доведенный до истерики шлягерами, рвущимися из груди Ниссана, без разглагольствований согласился помочь влюбленным поскорее завершить предсвадебное путешествие, и теперь восторженная толпа зевак валом валила поглазеть на въезд в стольный град вельми рьяного одинца и его могутного помощника.

Впрочем, город жил своей жизнью. На одном из углов громогласные ярыжки оглашали королевский указ о вознаграждении за поимку хитроумного вора Поймай Ветра, покусившегося на святая святых: пачку билетов Блистательного Королевского Театра мэтра Пьера.

— Это ж в натуре сколько бабок пацан поднимет! — уважительно качая головой, проговорил Ратников. — Даже если чисто за полценены их загонит!

Наш путь перед посещением королевского дворца лежал в уже ставший родным отель «Граф Инненталь». Почтеннейший Щек Небрит встречал знатных гостей с той преувеличенной любезностью, с какой встречают строгих родителей нахватавшие двоек непутевые чада.

— Ой, кирасы-то ваши как запылились! — семеня за Вадюней, лепетал он. — Дозвольте, почищу! А может, отобедать желаете?

— Ну, колись в натуре, — по-отечески хлопая хозяина гостиницы по плечу, вальяжно проговорил могутный витязь, — чего типа натворил?

— Сделка вот эта треклятая, — выдавил Щек, — сорвалась, чтоб ее!

— У-у, глаза б мои не видели! — нахмурился Вадюня.

— Вы не сомневайтесь, — поспешил от греха подальше заверить горе-предприниматель, — денежки ваши целы. Все до единой монетки! Вот с процентами... — Ушлый субурбанец уныло развел руками.

— Ну и че чисто делать будем? — с деланной угрозой в голосе спросил немилосердный боярин.

— Дельце одно есть верное, — убедившись, что немедленной расправы не последует и нас не подслушивают, затараторил Щек. — Из чайнаусских земель в Субурбанию гости понаехали. Желают нашу сторону Железного Тына себе на талисманы прикупить. Так ежели к

тем деньгам еще чуточку с вашей ожидаемой награды добавить, то полстены выкупить можно. А это, скажу вам, огромные деньжищи на круг выйдут!

— Обсудим, — заверил Вадим. — Щас в натуре воду для купания приготовь.

Когда с купанием и переодеванием было закончено, в дверь люкса негромко постучали.

— Делли, наверное? — предположил я. Однако это была не Делли. На пороге стоял граф де Бур собственной персоной. — Что, нежужели пора во дворец? — увидев гостя, заторопился я. — Мне казалось, что в запасе еще пара часов.

— Вероятно, вы правы, сударь, — луцисто улыбнулся худощавый посетитель, и мы невольно заулыбались вслед ему. — Я не заведую дворцовым временем.

Вадюня удивленно уставился на гостя.

— Пино, брателла, в натуре, ты ли это?! Где твои ключи?! Где твой конкретно золоченый лапсердак? Тебя что, выгнали?

— Я ушел, — приосанился экс-камергер. — Вернулся к друзьям. Огромное спасибо, что подсказали им, где меня искать. Надоели, знаете ли, состоять при дверях. Мой истинный ключ... Впрочем, приходите завтра на спектакль, сами увидите. А нынче, прошу вас, пожелайте от моего имени счастья их высочествам. — Пино на секунду умолк, вновь улыбнулся, махнул рукой и сказал: — Машеньке и Элизею.

Эпилог

Сказ о мёде, усах и прочем попадалове

Синий «ниссан», ревя мотором, взлетел вверх по откосу улицы Маршала Черняховского и сам собою замер на месте.

— Я вроде не тормозил, — недоуменно ощупывая панель управления, пробормотал Вадим Ратников.

— Вон, погляди, — хмыкнул я. Посреди дороги как ни в чем не бывало восседал маленький черный котенок, удивленно созерцающий ревущее чудовище.

— Ну ё-моё, — огорченно развел руками Вадюня и нажал на клаксон. «Ниссан» оглушительно заржал. — В натуре час от часу не легче. Ну что, типа низом объезжать будем?

— Погоди. — Я запустил руку в карман лежащего на заднем сиденье рюкзака. — Как там? — Изящная палочка, оказавшись в моих руках, изобразила в воздухе причудливую кривую. — Кажется, так. — Котенок вздрогнул и сорвался с места, белея на глазах. — Ну вот, путь свободен.

— Куда едем-то, Клин? К брату или в офис?

— Сначала в офис, — подумав, бросил я. — Вещи оставим, подарки распределим.

Ключ мягко повернулся в замке, впуская нас в коммуналку сыскного агентства «Клинский и партнер».

— Ура! Дядя Витя вернулся! — крутясь под ногами двух груженых мужиков, запищала Дашка. — И дядя Вадик с ним!

— Дашенъка! — Я попытался отстранить бесцеремонное дитятко, намеревающееся повиснуть одновременно на мне и на Вадюне. — Мы тоже рады тебя видеть! Сейчас, дай только вещи поставить...

— А вот смотрите, что мне тетя фея подарила! — не желая слушать невнятное бормотание взрослых, весело закричала егоза и, пургой метнувшись в свою комнату, вернулась с миниатюрным грифоном... живым грифоном!

— Кто?! — заорал я, в изнеможении блокачиваясь на дверь кабинета.

— Тетя фея, — удивленно пролепетало дитя, но было поздно.

Дверь, вопреки моим ожиданиям, была не заперта, и я, не удержав равновесия, растянулся на полу собственной приемной.

— О-о-у-у!

Этот звучный выдох, вырвавшийся у нас с Вадимом одновременно, свидетельствовал, должно быть, о врожденных способностях к хоровому пению. «Тетя фея» восседала на столе, играво забросив ногу на ногу, не слишком заботясь одернуть экстремальную мини-юбку.

— Мальчики, я рада вас видеть! У меня к вам есть дело!

Когда наступит вчера

*«Сказка — ложь, да в ней ценная оперативная
информация».*

**Из «Наставления
для одинцов-следознавцев»**

Пролог

Сказ о том, что было, что будет, чём сердце раззадорится

Статный труп лежал под раскидистым дубом среди раздольной степи, разбросав руки и ноги по всей длине. К дальнейшему повествованию это одобрено отношения не имеет, но, как говорила бабушка детектива, Агата Кристи, труп должен появиться уже в первой главе. Отдадим же ему должное в прологе и больше не будем к нему возвращаться.

Если бы лет пять тому назад мне, старшему оперуполномоченному столичного уголовного розыска, сказали, что я буду работать частным детективом, я бы, пожалуй, только рассмеялся. Если бы при этом данный некто сообщил, что следственные мероприятия мне придется проводить в мире, где по небу летают драконы, а по земле разъезжают витязи, вероятно, недолго думая я бы вызвал пару славных витязей из тех, что возят с собою мантию с рукавами, завязывающимися позади спины.

Но тогда мне об этом никто не заикнулся. А в тот день, когда в офис моего частного детективного агентства пришла нас kvозь пропавшую внуку, — заикаться было уже поздно. На поверху бабуля оказалась не бабулей, внучка не внучкой, даже автомобиль, на котором прикатила обливающаяся слезами «старушка», оказался не тем, за кого себя выдавал. В результате следствие зашло в такие несусветные дебри, что, напиши я о нем не роман, а официальный отчет, санитары со смирительной рубашкой наведались бы уже ко мне. Даже тот факт, что во всех странствиях, описанных в биографической книге «Сы-

щик для феи», мне сопутствовал вполне реальный свидетель Вадим Ратников, за удаль молодецкую получивший в тех краях гордое прозвание Злой Бодун; не менял, по сути, ничего. Наш родной Кроме-нец, конечно, не столица, но уж ради такого случая нашлась бы и для него рубаха не по росту. Даже такому крупному, как у Вадюни. Не дай бог, странная форма помешательства распространится среди законопослушных жителей нашего тихого городка. А потому, желая не столько дразнить гусей, сколько есть паштет из их печени, мы предпочитали не особо распространяться о своей недавней клиентке и о поисках пропавшей из-под венца королевишины. То есть, конечно, удержаться от соблазна было сложно, и все, связанное с оперативно-розыскными мероприятиями по этому делу нашло отражение в упомянутой мною книге, но кто в наше время верит в подобные сказки?

Мы-то с Вадюней определенно не верим. Но как усомниться в истинности чудесного, когда неопровергимое доказательство его носится по двору, круша все на своем пути, точно малая частица урагана, отбившаяся от стаи. С таким весельем и скромное королевское вознаграждение не в радость. Так, сувенир на память. То ли дело он — юный грифон, вернее леогриф, подаренный феей маленькой Дашке, шаловливой дочке нашей секретарши. Вот уж, непосредственность отдельных сказочных индивидов не знает предела. То есть полный беспредел! Хотел бы я знать, о чем думала эта воистину чудесная сотрудница Волшебной Службы Охраны, делая столь несусветный подарок?!

Сегодня я лично слабо представлял, что делать с нашим домашним любимцем в обозримом будущем. Поиски хоть какой-нибудь внятной информации о методах разведения необычайной сторожевой породы мифических чудовищ не увенчались успехом. Даже у друга моего детства, Вадюниного старшего брата Олега, владевшего, среди многоного другого, зоомагазином, не оказалось никаких материалов по уходу за монстрами и содержанию леогрифов. Правда, увидев своими глазами милое ласковое существо, чуть больше дога, с телом молодого льва, широкими орлиными крыльями и приличествующим званию царя птиц клювом, Олег озадаченно поскреб затылок и неуверенно сказал, что, кажется, подобных тварей изображали на рыцарских гербах. Как говорится, не богат улов, но в уху сойдет.

Обратившись к соответствующей литературе, я выяснил, что детство у леогрифа продолжается семь лет, за время которых он вырастает до размеров крупного быка. После чего у него начинается бур-

ное развитие, и взрослые десятилетние особи смотрятся рядом с африканскими львами примерно как кавказская овчарка на фоне пекинеса. Впрочем, наблюдать подобных монстров в расцвете сил нам с Вадиком уже доводилось. Даже на грифоньей спине полетать как-то пришлось. Пока же этот симпатичный зверек, размерами уже переросший дога, резво прыгал по двору, огороженному высоченным забором, задорно курлыкал и хлопал еще неокрепшими крыльями, норовя взмыть в высокое синее небо.

— В натуре, это ж сколько наш Проглот жрать будет, когда со слона вымажет, — с восторгом цокал языком Вадим Ратников, наблюдая, как гибридный обитатель бестиария, урча от упоения, пожирает содержимое эмалированного таза, наполненного коровьими потрохами.

Я при этих словах лишь грустно качал головой. Мне живо представлялся продовольственный кризис, грозивший обрушиться на Кроменец, когда крылья нашего подарочного экземпляра окрепнут, и он с легкостью, с какой черный коршун таскает зазевавшихся цыплят, начнет выдергивать из фермерских стад то корову, то овцу, то уж, совсем на худой конец, пару свиней. Но это еще полбеды, непонятным хищениям местные хозяйствственные власти как-нибудь объяснение найдут, а грифона-то куда девать? В сарае да на поводке такую крупногабаритную тварь не удержишь, в городском зверинце ее не приютишь — тут же вопросы начнутся, что да как, откуда чудище взялось? Рассказывай тогда, как взбалмошную королевишу от нее самой обороняли, как с лесовиками за Железный Тын ходили спящего царевича у Повелительницы Драконов отбивать. С этого-то места, как от пресловутого камня, путь либо в Академию Наук, либо в чуткие руки санитаров!

В общем, как ни крути, подарок феи надо было возвращать. Причем чем скорее, тем лучше. И мы бы давно уже сделали это, благо наша чародействующая подруга иногда появлялась в укрытом от чужих глаз офисе на улице Маршала Черняховского — попить чайку с бараками, или же подкинуть очередной заказ, когда б не Ксюшина дочь, всякий раз закатывающая громогласные истерики, не желая расставаться с жизнерадостным домашним зверьком. Тот, кто сочтет этот повод не заслуживающим внимания, может самолично попробовать отобрать любимую игрушку у ненаглядного дитята.

Проникнутая педагогическим духом секретарша детективного агентства исподволь готовила чадо к неминуемому расставанию. Она рассказывала, укладывая дочку в постель, как тянется по осеннему

небу в теплые края клин золотистых грифонов, печальным ревом оглашая родные края. А в том строю есть промежуток малый. Быть может, это место для Проглота. Дашка хлюпала носом и крепко обнимала пернатую шею товарища детских игр, внимательно слушающего прочувствованные рассказы о собственных горестях.

Так что вопрос, куда девать наше не в меру резвое страшилище, стоял на повестке дня непоколебимо, точно пограничный столб, и мы намеревались задать его Делли, как только она в очередной раз соизволила бы вновь появиться перед нами. Однако, как говорится, у жизни есть свои резоны, и когда фея в очередной раз отдернула завесу между нашими мирами, у нас язык не повернулся задать ей этот первостепенный вопрос.

— Мальчики! — Несмотря на то что я выглядел постарше Делли, очаровательная кудесница имела веские основания называть нас таким образом. Спасибо, хоть детишками не именовала! — Мне срочно нужна ваша помощь!

— О чем базар, родная?! — расплылся в широкой улыбке Вадюня. — Ща все конкретно общелкаем! Ну, че там за криминал? Кому-то на все понты неймется?

— Уж неймется так неймется! — Фея досадливо поморщилась. — Даже не знаю с чего начать.

— Как обычно, — напутствовал я добрую подругу. — С начала.

— Умник! — хмыкнула раздраженная фея. — Начала-то как раз никакого и нет!

— То есть? — Я рефлекторно потянулся за потрепанным блокнотом для записей. — Поясни.

— Вот вам и «то есть»! История нынче приключилась — не знаю, что и полагать. У посла нашего в Елдин-граде сегодня поутру аудиенция у короля Барсиада была назначена. Приехал он во дворец, ждал-ждал, когда его в государевы покой призовут, а никто и в ус не дует! Оно, знамо дело, в Субурбании утро — время после сна. Но уж солнце в зените, а из терема Барсиадова — ни тьфу, ни ну, ни кукареку! Посол тишком-нишком туда прокрался, чтоб, ежели какая беда с дружественным государем учинилась, кому след знак подать. А государя в хоромах и нетути! Ни в ложнице, ни в гриднице, ни в тронной палате — нигде нет! Посол опрометью в Государев Уряд, а и там никого! То есть средней руки мздоимцы суетятся, мзду, кому от кого, кому сколько — сортируют. А только выше стольника никого и нет. Тот к думным радникам — а и там шаром покати. Спозаранку всех точно ветром выдуло!

— Прикинь! — Вадим поглядел на меня с нескрываемым восхищением. — Эк нычкарям-то подфартило!

Делли, не скрывая раздражения, воззрилась на соратника.

— Не разумею, что тебе так любо, витязь?! Народ без надежи-государя — что тело без головы! Силою чародейской дергаться может, да только жизнью это не назовешь. Да и тебе-то, свет мой ясный, негоже зубы скалить! Ты ж хоть и левой руки подурядник, а по всему выходит, что чином выше тебя в Субурбании ныне и не сыщется. Стало быть, покуда Виктор искать будет, куда достославный Барсиад со своим двором сгинул, — тебе той страною верховодить.

— Да ты че, в натуре... Да чтобы я!.. Да никогда! — взвился Вадюня, для наглядности вскидывая мощные кулаки. — Ни хрена себе расклад! Пустой погон — чистая совесть! Я полгода в сержантах проходил и то задолбался! Пускай себе живут, как им Нычка на душу навалил. Я чисто не в игре.

— Они-то себе живут, — довольно жестко отрезала фея. — Они-то небось и не заметили покудова, что у них ни короля, ни урядников его, ни думных радников не осталось. Да ведь только завтра о том во всех краях прознают. Тут уж, как водится, свято место пусто не бывает! Смута да резня начнется! А это, между прочим, не только лишь для субурбанцев горе горькое, ибо написано у них в гербе: «Кто к нам с мечом придет, у того мы его и купим!», но и для Груси это беда немалая!

— Братский народ? — прочувствованно задал вопрос младший Ратников. — Типа интернациональный долг?

— Да при чем тут народ? — Уголки губ вечно юной красавицы нервно дернулись. — Субурбания — исконный поставщик в Грусь стратегического сала и рассола. Если поставки сорвутся, то народ наш, не имея чем возлияния Солнцелику закусить да поутру с восходом голову просветлить, впадет в мрачность, а то и в буйство. А Грусь — это мировой поставщик минеральных дров. Тут уж не до шуток! Без минеральных дров, куда ни кинь — все остановится. Вот и выходит, что надо тебе срочно в Елдин-град мчаться да бразды в руки брать. Не я одна — и стар, и млад на тебя уповают!

— Да что я могу? — громко, но вяло пытался отбиться опешивший Злой Бодун. — Я даже в компьютерных играх никогда целой страной не командовал!

— Что ты можешь? — гнула свою линию Делли. — Ты можешь вспомнить, что не только субурбанный мздоимец, но и грусский боярин. И сам, — фея многозначительно подняла указательный палец.

лец, — Базилей просил тебя заняться этим делом. Соображаешь — сам просил! Ежели вдруг что, у нас о подмоге с Субурбанией договор имеется. Вмиг ратей кованых пришлем.

— Да ну, в натуре...

Я не знаю, сколько мог бы продолжаться этот судьбоносный треп, но одна деталь в нем вызывала недоумение. Доказывая Вадиму необходи́мость занять опустевший соседский трон, фея так и не удосужилась обговорить ситуацию с сыщиком, то есть со мной. Похоже, наличие в Елдине лояльного правителя заботило грусскую Волшебную Службу Охраны куда больше, чем розыск пропавшего монарха со всеми его радниками и урядниками.

— ...Мы не оставим, мы поможем!

— Не, ну по жизни, прикинь, где я, а где те короли...

— Что ж вы раскричались? — возмущенно уперев руки в боки, в дверном проеме появилась рассерженная Ксюша. — Я Дашку едва уложила! О, Делли, и вы здесь?! Вечер добрый! — Собравшаяся уж было накинуться на нас секретарша изменила тон. — Очень кстати! Деточка наконец согласилась отпустить Проглота к его папе и маме. Только, пожалуйста, сделайте это побыстрее, пока она спит. Иначе может передумать. Сами же понимаете — дите!

Из коридора послышалось радостное курлыканье и грохот заваливаемой этажерки. Почуявший Делли грифон, не разбирая дороги, мчался к нам за гостинцами.

— Да, — кивнул я, показывая за спиной Вадиму кулак. — Непременно! Сейчас же, сию минуту мы его и заберем.

Глава 1

Сказ о растущем давлении и ветре перемен

Со школьной скамьи в каждом из нас занозой сидит тезис, что любая кухарка может управлять государством. Правда, завтраки, обеды и ужины в такой державе, вероятно, упразднятся, но пока народ не прикажет своей избраннице долго жить, ее благостное правление будет кататься, как сыр в масле. Все несчастные народы несчастливы по-своему, и тут им не поможет даже самая лучшая кухарка, стоящая у кормила власти. Исходя из усвоенного с детства убеждения, я был уверен, что детективный агент Вадим Ратников сможет править Субурбанией ничуть не хуже ее пропавшего государя. В конце концов, основная часть мэдоимцев, составлявших опору государственного устройства, оставалась на месте. Так сказать, госаппарат действовал. Исчезла лишь панель управления. Но это дело поправимое. Теперь, с появлением Вадюни, все стольники, застольники, подстольники и прочие пользователи народной мошны могли вздохнуть с облегчением. Мир не рухнул в бездну, не сорвался с оси, всемогущий Нычка со своими детьми, Заначкой и Подначкой, умерили гнев, утерли слезы рыдающих и послали для благополучия возлюбленных чад могучего избавителя в Вадюнином лице.

Насколько я мог наблюдать нравы Субурбании, верховная власть в этой стране была понятием довольно условным. Испокон веков считалось само собой разумеющимся, что во дворце, в стольном граде Елдине, должен сидеть надежа-государь. В обязанности его входило быть мудрым, всезнающим и, как водится, обладать всеми известными талантами в неестественно огромном количестве. Кроме того, каждый очередной король числился великим полководцем, но это утверждение субурбанцы предпочитали не проверять.

Правда, манера коронованных столпов премудрости пускаться в инспекционные набеги на собственных посадников и градоначальников порой донимала честных граждан, но это — издержки монархического правления. Не будь подобных явлений верховного правителя своему народу, в умах некоторых смутьянов — а как же без них — непременно зародилась бы злая байка о том, что нет в помине никакого короля Барсиада — ни первого, ни второго, никакого вообще. Чтобы избежнуть разгула анархических стихий и замешательства народных масс, приходилось пренебречь спокойствием честных граждан. Благо, таких в Субурбании почти не наблюдалось.

Наше возвращение в земли любимого богом Нычкой народа было обставлено с подобающей случаю помпой, то есть прошло незаметно. Кортеж подурядника левой руки Державного Уряда Коневодства и Телегостроения, в переводе на наш язык что-то вроде замминистра, прямо и недвусмысленно свидетельствовал об успехах возглавляемой младшим Ратниковым отрасли. Вслед волшебному скакуну Делли мчались уже не один, а целых два синебоких джапанских ар-гамака редкой патрульной породы. Но из какой служебной командировки возвращался сановный мэдоимец, история не сохранила для грядущих поколений. Откуда ей было знать такие подробности?

Что касается близкого родства наших железных скакунов, то я, приобретая автомобиль, планировал купить «ровер», а не «ниссан», однако глядящий в корень Вадим справедливо высказал предположение, что автомобиль с корабликом на капоте может превратиться в четырехногое плавсредство. А зачем нам, спрашивается, такая посудина на суще?

Мы мчались знакомыми дорогами, которые с момента нашего первого визита весьма изменили свой облик. То там, то здесь высились шатаемые ветром остатки Великого Железного Тына. Неутомимые в извлечении выгоды из любых, порой самых недоступных мест, субурбанцы бойко торговали металлом своей стороны Тына, доводя толщину некогда грозной и нерушимой стены до состояния фольги.

Причем, что самое удивительное, субурбанская ловчилы умудрялись сбагрить свой товар не только пришлым чайнаусским купцам, но и мурлюкам, которым, собственно говоря, железо Тына и принадлежало. Сей процесс именовался «возвращением материальных ценностей в обмен на экологически чистый продукт». Под этим звучным термином подразумевались уже знакомые нам жабсы. Хотя упорный слух о том, что у пресловутых мурлюкских жаб в желудке

вовсе нет золотых самородков, все шире расползлся по Субурбании, Груси, да что там мудрить, и по Империи Майна, однако никто не хотел признавать, что так долго был обводим вокруг пальца, как последний лох.

Высокопосаженные государственные мужи, старательно делая умные лица, с пафосом рассуждали о естественном отборе платежных средств в обществе и взаимной калькуляции макроэпических экзессов рынка наличности в бюджетных сферах. Опровергнуть их никто не мог, потому как понять, о чем, собственно говоря, идет речь, в здравом уме не удавалось ни единому умнику. Поэтому шкурки несчастных земноводных обладали еще некоторой ценностью. Хотя скорее коллекционной, чем реальной. Но, как бы то ни было, мурлюки с охотой вкладывали буквально на глазах дешевые жабсы куда ни попадя, а ушлые субурбанцы норовили организовать это самое «ни попадя» где-нибудь поближе к свежепобеленной мазанке генерального мурлюкского майора. Возвращение выброшенных на ветер жабсов в родные края отчего-то не радовало захребетников. Более того, они величали субурбанцев пройдохами, бандитами с большой дороги и прочими разбойными элементами, задумавшими недобро против их Великой Родины. И теперь, опасаясь за моральное здоровье Субурбании, лишившейся короля в голове, мурлюки вполне могли прислать войско Убедительных Увещевателей, готовых всякого убедить наповал и увещевать до посинения. Так что нам следовало управиться до их появления.

Впрочем, мы и так не слишком задерживались. Увидев знакомых синебоких «ниссанов», субурбанцы едва успевали поклониться и вслед неутомимым железным скакунам неслись радостные слова национального гимна: «Ты жива еще, моя держава? Жив и я! Ура тебе, ура!!!» То здесь, то там поперек дороги висели оптимистические лозунги, гласившие:

**МЫ БУДЕМ ЖИТЬ В ОБЩЕМ ДОМЕ, ЧТО БЫ О ТОМ
НИ ДУМАЛИ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ.**

Король Барсиад

ЭТОТ МИР — МОЙ! ВСЕ МОЕ — ВАШЕ!

Бог Нычка

Сторожка, в которой некогда квартировал трехголовый Кербер, каким-то чудом сохранилась, но вместо грозного «Здесь нельзя, а

там — можно!» на обломке Железного Тына значилось: «Из Субурбании с приветом!» Чуть ниже красовалась рука с вытянутым вперед указательным пальцем, направленным на аккуратный ящик с прорезью и надписью: «Для лишних денег. Фонд Помощи Кому Попало».

— Это типа че? — удивленно воззрился на немудрящее нововведение Вадюня.

— В каком смысле? — переспросила фея. — Здесь же ясно написано: «Фонд Помощи Кому Попало»! Кому деньги попадут, тому и помогут.

— Любому, что ли? — не унимался подурядник левой руки.

— Помогут-то любому, да не любой до них дотянется! Там еще с прежних времен людишки посажены, кои при старом режиме Кербера лютости учили. Сейчас вот зверюку в знак всеобщей любви списали, так что приходится им самим на всякого прохожего-проезжего зубы скалить. Но работают, Солнцелик дай всякому!

— И сейчас работают? — уточнил я. — То есть без верховной власти?

— А что им власть? — удивилась фея. — У них, поди, живот главнее короля будет. Хоть потоп случись, без монет мимо никого не пропустят.

— А ежели в объезд? — Вадюня покосился на руины некогда мощного оборонительного сооружения, заканчивающиеся метрах в ста пятидесяти от сторожки.

— Можно, конечно, и в объезд, — пожала плечами Делли. — Только там еще от Тына из земли железяки торчат. А здешний люд к тому же камней насыпал, кольев натыкал — того и гляди, шею себе свернешь! А сам не свернешь — Кто Надо прибежит, поможет.

— Это кто? — снова наивно поинтересовался я.

— А кто надо — тот и прибежит. Нас с вами это не касается, а вот с остальными здесь разговор короткий: либо кидай хвостни в «Фонд Помощи», либо познакомишься с Кем Надо.

— Да кто ж это такой? — распаленный любопытством, не унимался я.

— Вот ты непонятливый! — Фея укоризненно покачала головой. — Ты же следознавец — мог бы и догадаться! Кербер это, ехидна его заешь!

— Как Кербер? — Я нахмурился. — Его же еще после схватки с Повелительницей Драконов по мирному соглашению списали!

— Списали, — иронично кивнула сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Вот они списанным и пользуются. Еще и утвержда-

ют, что старье, бывшее в употреблении, пора заменять на что-нибудь похожее, только новое, современное. Не то перекусит кто-нибудь дужки замка на границе, а он ни ухом ни рылом!

— Да кто ж перекусит-то?

— Желающие куснуть всегда найдутся!

— Зубов в натуре не хватит! Повелительница Драконов, кажись, уже медным тазом накрылась, — не замедлил вставить свои ценные наблюдения свежеиспеченный претендент на субурбанный трон. — А у остальных киш카 тонка.

— Оно-то так, — согласилась Делли. — Да вот только псеголовцев ею воспитанных, поди, и трети не истребили. А плодятся они, между прочим, дважды в год. Порою до пяти звереныш в помете. Утроба у них ненасытная, мозгов отродясь не водилось. Кто их за собой куском мяса поманит — за тем и пойдут. И сюда прийти могут. Ежели, скажем, надо будет оправдать появление в здешних краях Увещевателей главного мурлюкского майора.

Наша беседа была бесцеремонно прервана недовольным клекотом остроклювого питомца детективного агентства, во весь опор мчавшегося за волшебными жеребцами. Вообще-то леогрифы облашают невероятной силой и выносливостью. Тот же Проглот несколько десятков километров мчал без остановки за перевоплощенными автомобилями, не отставая ни на шаг. Порою он расправлял еще довольно слабые крылья и, толкнувшись от земли, точь-в-точь — лев для прыжка на зазевавшуюся антилопу, парил, словно мохнатый планер, руля длинным, как бич, хвостом. В эти секунды рыжая кисточка на нем, развееваемая ветром, вытягивалась, напоминая огонек на бикфордовом шнуре. Преодолев таким образом с полсотни метров, грифон вновь опускался на землю и рысил за нами, радуясь возможности вдосталь побегать и порезвиться. Однако воспитанный в домашних условиях добродушный монстр тяжело переживал отсутствие всеобщего внимания к своей драгоценной особе. А потому сейчас настоятельным клекотом требовал взять его на руки, вернее, усадить на багажник одного из «ниссанов». Всякий нормальный скакун пришел бы в негодование от столь небезопасного соседства. Взрослый леогриф, не моргнув глазом, мог умять лошадь в качестве легкого десерта, но синебокие джапанские скакуны отличались воистину самурайским хладнокровием и напрочь игнорировали присутствие хищной твари.

Но вот наконец с размещением беззаботно радостной животины было покончено и довольный Проглот, водрузив на плечи Вадима

мощные передние лапы, расправил над его головой долгоперые крылья, образуя величественную, почти монументальную композицию. Впрочем, быть может, наследникам престола и подобает разъезжать по дорогам в таком виде? Как ни крути, я все еще не мог похвастаться доскональным знанием диковинных обычаев здешних народов.

Между тем марш-бросок на Елдин-град продолжался. Дорога сама собой ложилась под копыта, из утробы «ниссанов» мажорно звучали аккорды песни несколько несообразной с, как бы это выражаться, социальным статусом наших жеребцов: «Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца...» Однако шокировавшая местное население музыка не мешала беседе, как, впрочем, и густой, довольно мрачный лес, через который пролегал путь в стольный град Елдин.

— ...и все же нехорошо как-то получается! Пропала в стране пра-вящая верхушка — и вдруг мы тут — трах-бабах, нате-здрасьте! Лю-бите нас немедленно! — не скрывая сомнения, высказался я. — Как еще народ отреагирует?!

— Никак, — покачала головой Делли. — Мы вон, поди, уж сколь-ко верст отмахали, ты хоть одно встревоженное лицо видел? Местный люд такой досадой не проймешь! Их наши кони куда как больше за-интересовали, чем пропавший государь со всеми его присными.

— Может, они еще не знают об этом странном происшествии, или же не верят, что такое вообще могло приключиться?

— Скажешь тоже, — усмехнулась фея. — Эта земля слухами пол-нится так, что хоть ковшом черпай — не перечерпашь! Всякому до-подлинно известно, что да как стало, а уж кто куда пропал — и по-давно. Всяк свое соврет, но так складно, что невольно мнишь, уж не сам ли толкованин¹ сие умыслил да тихой сапой провернул.

Толстые корявые ветви деревьев, упрятанные молодой зелено-й порослью, мостками перекидывались над дорогой так низко, что иногда приходилось нагибаться к самой холке, чтобы избегнуть неожиданных столкновений. Издалека замечая очередную сучковатую пресграду, Проглот всякий раз издавал гневный вопль, точно пытаясь испугать непочтительное растение, и тут же прятался за широкую спину славного витязя Вадима Ратникова, по прозванию Злой Бодун.

Я про себя отметил необходимость обратиться по прибытии в столицу к местным коллегам из Главного Призорного Уряда с просьбой... Впрочем, почему с просьбой? Я покосился на мчащегося рядом гос-

¹ рассказчик.

подина подурядника левой руки. Как это там: «Всемилостивейше повелеть соизволили» профильтировать бесцельно блуждающие в народных массах слухи. Глядишь — рациональное зернышко-то и сыщется!

Лес между тем закончился, и мы вновь оказались на большаке, с обеих сторон окруженном мелкорослым осинником, сквозь который просматривались желтеющие поля общинного жита. Палисад, защищавший посевы от зайцев и лихих татей, был собран из острых кольев, перевитых терновником. Случись что, за такой немудрящей изгородью можно было довольно долго держать оборону не только против длинноухих грызунов. Дорога шла вниз под горку, я привычно собрался чуть притормозить, когда за спиной раздалось требовательное: «Стоять!»

— Не понял?! — Вадюня резко сбросил ход и повернул скакуна так стремительно, что грифон всей своей немалой массой припечатал всадника к конской шее. Более хлипкие седоки, пожалуй, вылетели бы из седла, но младший Ратников был не из их числа. Мы не замедлили последовать примеру боевого товарища, хотя и не так резко, а потому с меньшим ущербом.

— Я все так и зрил! — голосом полнозвучным, мощным, явно привыкшим издавать приказы, глубокомысленно изрек автор и исполнитель давешнего вопля. — Фея, чужестранцы и молодой леогриф верхом на коне!

— Слыши, дедуган, блин перепекшийся! — выравниваясь в седле, прощедил Злой Бодун, вовсе не испытывающий радости по поводу негаданной встречи. — Какого рожна ты голосишь? Че, газы по-перли?! Уголька пожуй!

Человек, к которому были обращены эти малопочтительные замечания, с некоторыми оговорками подходил под определение «дедуган», но при зрелом размышлении я бы его, пожалуй, так называть не стал. Это был высокий, статный, как говорится, маститый старец с седыми волосами, разметанными по плечам, и подобающей случаю бородой до пояса. Опирался могучий старик на длинный увесистый посох, должно быть, служащий отнюдь не только для удобства передвижения. Узловатая загогулина с куском какого-то минерала, украшавшая дубину, намекала на этот факт, быть может, и двусмысленно, но вполне прозрачно. Ни дать ни взять — чародей из детских сказок! Да еще, того гляди, не добрый, а совсем даже наоборот.

Я вопросительно посмотрел на Делли. Она, не скрывая своего удивления, на меня. Вероятно, к родственникам и знакомым мно-

гоопытной феи старец не принадлежал. Но кто их, седобородых старцев, знает?! К тому же не за тем мы сюда приехали, чтобы затевать бессмысленные свары на дороге.

Прикинув в уме, что будь здесь вражеская засада — нас наверняка бы уже атаковали, я заговорил, стараясь по возможности скрасить впечатление от неучтивости друга.

— Простите, а вы, собственно, кто?

— Нешто не признали?! Здешние жители все обо мне ведают! — Седобородый гордо расправил плечи. — Я ж вдохновенный кудесник! Кличут меня дед Пихто, не путать с пихтой. А по прозванию — Нашбабецос!

— Нашба... кто? Литовец, что ли? — пробормотал Вадюня. — Ну, типа литвин?

— Из тутошних я, — нахмурив брови, отмахнулся кудесник. — А прозвание я у одного заморского кудесника перенял, чтобы, значит, славу его к своей прибавить. Он ведь каждому в четырех строчках все, что сбудется, точно сказывал. Только я имя его на наш лад перевернул, а тогда и славы никакой не стало, и именем народ в изумление ввожу. Сменю я его. А вот вы-то из каких краев будете? Мчитесь как оглашенные! Насилу поспел за вами вдогон!

— Не вдуплил, старый! Мы-то при своих делах, а ты че за нами тянулся? — не слишком заботясь о доступности речи, проговорил Ратников, внимательно разглядывая пресловутого деда с таким звучным, хотя и малопонятным прозвищем.

— Так вестимо зачем! — Кудесник явно не нуждался в переводчике. — Я ж тут не просто по лесу брожу, грибы-ягоды собираю. Я, между прочим, баюн веший! Язык мой свободный дружен с голосом... сами понимаете Кого! — Длинным пальцем старец указал на медленно тянувшиеся по небу облака. — Видение у меня для вас было! Да, поди ж за вами угонись! Я покуда оделся, покуда подпоясался — вы уж, почитай, двадцать вёрст перемахнули.

— Биде-ение? — почтительно и как-то с опаской протянул подурядник левой руки. — В натуре?

— Ну что ж, коли так, — нарушила молчание Делли, — толкуй от печки! С чем пожаловал?

Старец, отчего-то укоризненно глядя на нас, выразительно покачал головой.

— И словца не вымолвлю!

— Это еще почему же? — возмутился я.

— Ой и темен ты, чужестранец! Ну просто спасу нет. Мал, млада меньше — кого хошь спроси — всяк скажет. Вдохновенный кудесник, коли весть с самого верху несет, из темного леса навстречу выходит. А не вдогон, точно заяц кущевостый бежит! В общем, хотите знать, что мне в священной глади узрелось да пригрезилось — езжайте вспять на ту сторону леса. — Он ткнул пальцем себе за спину. — А уж оттель, знамо дело, вдругорядь сюда ворочайтесь. Тут-то я вам на встречу и выйду. Только уж вы виду-то не подавайте, что мы ноне здоровкались.

— А может, ну его, в натуре! — Вадюня перевел взгляд с кудесника на меня, затем на Делли. — Мутный какой-то стариан! Я вот так навскидку ничего путного о деде Пихто не припомню!

Я напрягся, пытаясь вытащить из памяти хоть какие-то данные из биографии этой одиозной личности. Но тщетно. Как обычно, при встрече с подобного рода особами основная надежда была на скорость магической реакции союзной нам сотрудницы Волшебной Службы Охраны. Но здесь, на чужой территории, Делли старалась без особой нужды не пользоваться своими выдающимися способностями и потому молчала. Зато отышавшийся кудесник без умолку вещал, придав лицу драматически-возвышенное выражение.

— Коли головы вам дадены не затем только, чтобы ими орехи колоть, то, стало быть, и поразмыслите. Зря, что ли, Сам тревожился да видения мне посыпал, али умысел какой имел?! Вестимо же, не простой, а неизреченно мудрый! Ну, да воля ваша — сами решайте. А мне с вами лясы точить недосуг! Они и в иных местах неточенные.

— Ну что ж! — Я кинул взгляд на спутников. — Может, действительно у гражданина Пихто Нашбабецоса имеется для нас ценная информация? Полагаю, мы не слишком задержимся, если вернемся.

— А может, он нас того, схарчить намылился? — склоняясь ко мне, как-то неуверенно прошептал Вадюня.

— Подавится! — с плохо скрываемой угрозой в голосе довольно громко проговорила Делли.

К месту точки разворота мы возвращались в напряженном молчании. Вначале Вадюня пробовал бубнить себе под нос, что, мол, все это понты и в натуре не стерся бы язык у деда Пихто напеть о своих глюках на той стороне леса, но, снявши голову, по волосам не плачут. Его праведный гнев не нашел должного отклика у немногочисленных слушателей. Делли, понятно, была расстроена вынужденной задержкой. Я же наконец улучил момент обдумать свои действия в предстоящем расследовании. Что и говорить, любая, пусть даже са-

мая мелкая зацепка была бы мне, пожалуй, весьма кстати. В прежние годы в уголовном розыске мне приходилось искать убийц, ловить грабителей и насильников, с недавних же пор я специализировался по пропавшим наследницам престола и магическим козням. Но это?!

Исчезнувшая из-под венца принцесса, всякие древние необдуманные обещания и праздношатающиеся драконы — с этим вопросов нет. Уже нет. Тут хоть отдаленно представляешь, с чего начинать. В крайнем случае всегда можно обратиться к справочной литературе. Как говорится: где-нибудь, когда-нибудь, что-нибудь подобное уже случалось. Но чтоб вот так, по щучьему велению, неведомому хотению исчезла вся государственная элита — этого вроде бы ни в одной сказке не сказано, ни одним пером не написано. Вот и думай, как подступиться!

Впрочем, какими бы ни были волшебные страны и диковинные существа, их населяющие, а преступление остается преступлением. Стало быть, имеется мотив, личность преступника или же преступной группы и, уж конечно, цель, которую преследует неизвестный мне пока злоумышленник. Или злоумышленница. Или... В общем, в этом мире всего можно ожидать. Пока ничего не ясно, единственный способ — действовать по отработанной процедуре: осмотр места преступления, опрос свидетелей, выявление связей, и далее по списку. Тут уж одно звено в цепи нащупаешь — всю ее без суматохи и лишнего шума вытянешь.

Итак, кому было нужно, чтобы король, его урядники и думные радники исчезли невесть куда в единый миг? Подозревать можно кого угодно, начиная от Повелительницы Драконов до самого короля Базиля, не говоря уже о любом заурядном, веरнее, незаурядном завистнике, который решил освободить себе местечко под солнцем с мягкими подушками и хорошей кухней. Как уж это ему удалось — другой вопрос. Наверняка здесь без магии не обошлось, и тогда любая деталь для нашей следственной группы лишней не будет. Глядишь, и божественные откровения деда Пихто на что-нибудь сгодятся!

Лес между тем вновь закончился, и мы опять поворотили коней, собираясь пересечь его в третий раз за сегодняшний день. Надеюсь, что последний. Во всяком случае, на ближайшее время. Надо отдать должное гражданину Нашбабецосу, вдохновенный кудесник не засставил себя долго ждать. Стоило нам вновь оказаться под кронами вековых дубов, как он неспешно появился из-за ближайшего дерева

и как ни в чем не бывало зашкандыбал навстречу, точно и не собираясь вступать с нами в беседу.

— Але, гараж! — Вадим Ратников развернул «ниссана» поперек тропы. — Куда метемся, почтеннейший? Мы уже здесь!

Дед Пихто картино вышел из задумчивости и обратил благосклонное внимание на не слишком учтивого всадника.

— Вот только страшать нас не след. Мы, с позволения сказать, волхвы, могучих владык не боимся. И даров царских нам тоже не надоально. Мы люди честные и боголюбивые. Раз уж привела вас нужда ко мне за советом да прозрением, то, стало быть, все чин чином — поможем, предскажем, поведаем, так сказать, о сокровенном. Но уж, что заработали — то, извольте понять, наше. Вали кулем вон на тот пенек и я тут же все прорицну, ничего не скрою.

Я криво усмехнулся. Старый мошенник отнюдь был не дурак в изымании платежных средств у легковерного населения. И хотя на этот раз добыча ему попалась, пожалуй, не по зубам, сивобородый плут вполне мог приторговывать собственной наглостью. До скончания века ему бы хватило с избытком.

— Слыши ты, разводила! — Злой Бодун поудобнее перехватил легендарное копье системы «Мосберг».

— Сколько? — перебил я друга.

— Ну, так дело известное! — нахмурясь, процидил Кудесник, от которого не укрылось понятное на любом языке движение гневливого витязя. — Как водится по уговору. Дело-то божье! Меньше двух тысяч жабсов никак нельзя. Можно в хвостнях, или убитых енотах по курсу. Все честно, без подвоха. Как говорится, плати по уговору, коли хочешь уйти подобру-поздорову.

— Не понял?! Прикинь, Клин! — Подурядник левой руки Вадим Ратников с угрожающей плавностью двинул жеребца на вещуна. — Меня кумарит этот фитиль! Он в натуре не по делу чадит! Ща я его тут конкретно притушу!

«Погоди!» — хотел было крикнуть я, но поздно. Седобородый старец свел мохнатые брови на переносице, отступил на полшага назад и воздел руки к темнеющим небесам. В тот же миг лес вокруг нас завыл, загудел, затрещал, заухал на разные лады. Тяжелые ветви взметнулись вверх и устремились к нам, точно длинные жилистые руки, пытающиеся ухватить скрюченными пальцами ускользающую добычу.

— Да убоится сильный праведного, ибо слово заветное сильнее каленой стали! Валяй, детушки!

Глава 2

Сказ о нечистой силе и чистой правде

Град желудей под напором, точно струя из водомета, ударили по всадникам со всех сторон, стремясь выбить их из седел. Вокруг феи в мгновение ока возникло золотистое облачко, почти совсем прозрачное и в иных условиях едва заметное. Но сейчас, когда столкнувшись с легкой дымкой метательные снаряды рикошетили, словно от танковой брони, его было хорошо видно.

Вадюня, со времен нашего первого дела в волшебных краях ежедневно практиковавшийся в древнем боевом искусстве, как-то очень профессионально съежился и закрылся диковинным прозрачным щитом, давая желудям возможность, не причиняя вреда, таращиться по доспеху.

Тяжелее всего пришлось нам с Проглотом. Походное одеяние завзятого одинца-следознавца — негодящая защита при подобных обстрелах, впрочем, как и отливающая золотом шерсть грифона. Пока я тщетно отмахивался от свинячьих деликатесов, возмущенный незаслуженной обидой монстреныш, с оглушительным воплем расправив крылья, устремился прочь из зоны обстрела в гущу леса. Опавшие листья, взметнувшиеся на месте его стремительного прыжка, на краткий миг скрыли крылатого спринтера из виду, когда же импровизированный вихрь улегся, его не было и близко.

Между тем, выдержав первый натиск, наш маленький отряд перешел в контрнаступление. Вот белесый вихрь, появившийся на месте Вдохновенного Кудесника, продолжая медленно вращаться, замер в воздухе, и огненный шар, возникший сам собою между пальцами Делли, вкупе с ее прицеливающимся взглядом наводил на мысль, что гражданину Нашбабецосу предстоит детально ознакомиться с местной вариацией игры в лапту. Не знаю уж, какие еще тузы были припасены в широких рукавах у сивобородого пророка с большой дороги, однако им не суждено было явиться перед наши очи. Заглушая скрип деревьев и грохот желудевого обстрела, над лесом разнесся душераздирающий визг и вой бог знает какой нечисти, и вдруг все стихло единым разом. Словно и не было размахивающих ветвями деревьев, корней, пытающихся ухватить за ноги синебоких жеребцов, словно светлая лесная тропинка как ни в чем не бывало лежала у ног прогуливающихся дачников. В наступившей тишине было слышно лишь сдавленное ворчание грифона, с натугой волокущего что-то.

Спустя минуту появился и он сам. Вернее, не сам, а с добычей. Законный трофей Проглota волокся за ним с понятной неохотой, утирая левой рукой размазанные по щекам слезы. Правая его рука в районе запястья была перехвачена железным клювом стокилограммового гибрида. Пленник, вернее, пленница нашей домашней скотинки по виду была совсем юной, так что я начал лихорадочно вспоминать, существуют ли в Субурбании законы, карающие несовершеннолетних преступников.

— Ага-а-а-а! — торжествующе заорал Вадим Злой Бодун Ратников, потрясая «мосбергом». — Получи, фашист, гранату!

Едва отзвучал его боевой клич, как вихрь, точно пытающийся просверлить насквозь тропу, застыл на месте, затем из него вылетело нечто и упало наземь. Не знаю уж, то ли падение предмета, то ли утрата предмета владельцем привели к тому, что Вдохновенный Кудесник снова приобрел почти утерянный человеческий облик. Дед Пихто стоял перед нами, с негодованием грозя корявым посохом.

— Ой, Оринка, ягодка моя! Что ж эти злодеи с тобой сделали?! Как вам не совестно?! — Эти слова уже относились непосредственно к нам. — Что вы себе позволяете, прах вас побери?! Нападение на государева мздоимца и членов его семьи! Я буду жаловаться самому подуряднику Уряда Народных Увеселений! Какое ваше право травить чудовищами честных подданных короля Барсиада II! В кандалы захотели?

— Пасть закрой — кишки простудиши! — рявкнул на прорицателя не на шутку разгневанный витязь.

— Не смейте повышать на меня голос! — Старец топнул ногой. — Я стою на своей земле и занимаюсь своим законным промыслом. У меня о том и особливая Почетная Грамота имеется!

— Да ты знаешь, что с ней можешь сделать? — заорал мой соратник, приподнимаясь в седле и оттого еще больше нависая над не в меру расшумевшимся кудесником с большой дороги.

— Вадим! — попытался было я перебить своего друга.

— Свернуть ее в трубочку...

— Вадим! — Мой голос звучал громче и требовательнее.

— Ну что Вадим, что Вадим?! — не унимался витязь. — Если этот долбаный пенсионер своими желудями мне еще и покрытие на «ниссане» повредил, — я его здесь урою, как последнюю тварь!

Копьеобразный «мосберг» угрожающе раскачивался у меня перед носом, так что я счел за лучшее отвести его в сторону.

— Перед тобой — субурбанский мздоимец.

На лице моего боевого товарища отразилась внезапная задумчивость.

— Че, в натуре? — явно не совсем веря услышанному, проговорил именитый муж осиротевшей державы.

— Он так говорит. — Я пожал плечами.

— Улет! — Лицо грозного воителя расплылось в улыбке, определенно не располагавшей к смертоубийству. — Дедуля, так ты ж, чисто, не в теме! Я ж тебе не хрен с бугра, я ж конкретно подурядник этого самого, этого, как его... — Вадюня пощелкал пальцами.

— Уряда Коневодства и Телегостроения, — тихо напомнила фея.

— Во-во! — Указующий перст Злого Бодуна опустился на уро-вень груди Вдохновенного Кудесника. — Короче, мужик, ты попал!

Восковая бледность покрыла дотоле румяные щеки седобородого старца.

— Да нешто вправду подурядник? — с затаенной тоской проговорил осанистый дед.

— Все конкретно, без балды! — Вадим Ратников вскинул разведенные по трем векторам пальцы. — Хошь, мандат засвечу?!

После этих слов он, не спрашивая дальнейших пожеланий умудренного сединами провидца, выхватил из сапога полученный некогда в казематах елдинской тюрьмы документ, свидетельствующий о высоком статусе предъявителя.

— Воткни глаза и убедись! Все чики-пики, в натуре!

— Охо-хо-шеньки, какая досада! — Сконфуженный дед Пихто поскреб пятерней затылок. — Оно, конечно, прощеница просим! Неувязочка вышла, недоглядели, стало быть. Только вот просьбочка у меня к вам нижайшая имеется... — Старик огорченно вздохнул. — Вы уж того, щеночка своего назад отзовите. А то ведь негоже станется, коли он мою внучку по недомыслию и малолетству когтями подерет, или, того, клювом тюкнет.

Опасения лесного ведуна были довольно обоснованы. Когти даже молодого леогрифа достаточно велики и остры, чтобы расплосовать в клочья, скажем, бычью шкуру, не говоря уже о тонкой человеческой коже.

— Это, стало быть, внучка ваша? — с плохо скрытым подозрением в голосе кинул я.

— Ну так, знамо дело, моя! Чья ж еще? — Кудесник махнул рукой, точно призывая кого-то, и со всех сторон из-за деревьев начали появляться человеческие фигуры. — Я ж все ж таки не просто Пихто, а дед Пихто.

Появившиеся с разных сторон незнакомцы все как один походили на лесного патриарха, все как один имели сконфуженный вид и не проявляли ни малейшей склонности к агрессии.

— Проглот, к ноге! — рявкнул грозный, но справедливый подурядник, и возбужденный удачной охотой щен, послушно оставив законную добычу, перепрыгнул чащобный люд и в одно мгновение оказался на тропе. В клове Дашкин любимец держал по живому оторванный рукав из зеленой, в ягодах и цветах, материи.

— Фу! — возмутился Вадим. — Брось немедленно! Таскаешь всякую гадость!

Грифон скосил на витязя хитрый желтый глаз и затряс головой, требуя немедленно поиграть с ним в «отнималки».

— Выбрось, кому сказал! — вновь сурово потребовал Ратников.

Между тем дед Пихто что-то негромко скомандовал многочисленным потомкам и те, перестав глязеть на высоких гостей, занялись делом. Одни сгребали в кучу разбросанные желуди, другие грузили их в невесть откуда взявшиеся короба, третья поднимали на блоках поваленные вокруг нас дубы. Одним словом, приводили тропу в исходный вид.

— Старый плут! — Делли насмешливо покачала головой. — А я ж еще и чувствую, что волшебства-то здесь со змеиное ухо, в самый раз, от двух-трех мурлюкских безделиц, а таарам — точно взаправдашний.

— Ну так, чего уж там... — Кудесник развел руками. — Нам, ве-щунам, нынче по-другому никак! Это ж раньше, бывало, иные человечи приходили за сто верст об жизни потолковать да вещее слово послушать. А нонешние людишки совсем поплошали! Иные всяко-му трезвону верят, рты разинув, точно Переплутневым байкам. Другие же, напротив, хоть кол на голове теси, а словам, что от самого Вышнего Творца исходят, просто так не внемлют. Вот, стало быть, и приходится всяко видимость создавать, токмо б слово правды до иных дурней стоеческих довести.

— За немалую мзду, — усмехнулся я.

— А то как же! — без тени смущения подтвердил дед Пихто. — На то ж мы и мздоимцы! Семью-то прокормить надо! На одних ягодах да орехах тело не нагуляешь. Но у нас все по-честному, без обмана. Страху вы уже, стало быть, натерпелись, видение еще впереди, а теперь извольте отобедать от лесных щедрот. Ну и там поговорить о том о сем. Все чин-чином, согласно уложению достопочтенного Уряда Народных Увеселений.

Немудрящая лесная трапеза шла своим чередом. Поджаристая дичь и разносолы обильно запивались самодельными наливками, по всему видать, составлявшими предмет особой гордости хлебосольного Кудесника.

— Вот, положим, брусничная, — вешал он, разливая красновато-прозрачную жидкость по резным деревянным ковшикам. — Здесь же ж чтобы абы как — так ни-ни! Тут особливый подход нужен. И когда Луна возрастает, знать надо, и в какой день Солнцелик во всей красе и могут своей пред очи кажется, а в какой — в туге-печали за тучами хоронится. Коли всем тем пренебречь, сдуру рукой махнуть, такая, доложу я вам, косорыловка выйдет, что и в голове туман, и в ногах заблуждение. Не то что от правильного питья, в котором вся земная сила заключена! А от той силы в человечьем, — тут дед Пихто с извиняющимся видом поглядел на фею, — ну и, стало быть, в вашем многопочтенном животе теплота и радость всякая разливаётся. А это, ежели хотите знать, потому, что от начала начал всякой трапинке, всякой ягодке свой, вестимо, сокровенный толк положен. Нам сей толк ведом. Тем, стало быть, и пробавляемся. Правду баю, Оринка? — обратился к бывшей пленнице, оказавшейся при ближайшем знакомстве вполне миловидной девицей, ее многомудрый пращур.

— Правду, дедуля, — кивнула внучка, принимая из рук старца опустевшую березовую бутыль и ставя взамен другую.

Теперь леогриф ластился к ней, выражая нежную симпатию, обивал девичьи ноги своим длинным хвостом, подставляя голову для почесывания и требовательно щелкал клювом, призывая не скучиться на мясные подачки.

— Ишь, юлит! — Старец погрозил пальцем Проглоту, который пытался было нахально стащить запеченную в глине утку. — У, зверюга! У, тать ненасытный! Пошто внученьку мою перепугал?! — С этими словами дед Пихто поверотил седовласую голову к Делли и Злому Бодуну. — Одна она у нас! Сколько наш род в этих местах живет, одни мужики рождались. А чтоб девка — так это лишь когда рак на горе свистнет.

— И чего в натуре свистел? — живо поинтересовался подурядник левой руки.

— Свистел! — вздохнул уже изрядно поднабравшийся зелена вина провидец. — Прям-таки соловьем заливался! А это, я вам доложу, знак верный. По всему видать, судьбина ей уготована не туховая, не чащобная. Даров-то лесные духи ей в колыбельку немало поло-

жили. Она, ежели что, и будущее прозревает, и в травах да кореньях сведуща. А коли щи сварит, так и пальчики оближешь! Но, правда, чего таить, она хоть тихоней прикидывается, а егоза каких мало! Ни за какие коврижки на месте усидеть не может. Однако же мыслю, ежели ей правильную науку дать... — Тут дед Пихто уставился на фею долгим вопросительным взглядом.

— Я не набираю учениц, — покачала головой фея.

— Жаль, — разочарованно вздохнул старец. — А то вот намедни Оринушка сказывала, что пришел ей срок из лесу идти, — он вздохнул печально, — чтобы, значит, косу расплести.

— Дед, ты че, прикалываешься? — Подвыпивший Вадюня критически оглядел юную вещунью. — Протри глаза! У нее ж нет косы!

Волосы девушки, как ни смотри, действительно были довольно коротко острижены. Должно быть, такой фасон в густом лесу был куда практичнее, чем коса, а уж тем более длинные распущенные волосы. И за ветки не цепляется, и репейник вычесывать не надо.

— Так говорят, — незаметно толкая Вадюню под столом ногой, тихо произнесла Делли, — имея в виду, что пришло время замуж выходить.

— А, это типа по жизни, — удовлетворенный объяснением, закивал сановный мэдоимец. — Типа ячейка общества.

Девица возмущенно фыркнула и отвернулась, не смея, однако, прерывать непрошеным словом речи старших.

— А он типа кто?

— Да кому ж это ведомо? — Вдохновенный Кудесник пожал плечами. — Народ-то здесь все больше пришлый да ушлый. В смысле пришел да ушел. И откуда тут добру молодцу взяться, чтоб Оринкино сердце девичье разбередить, ума не приложу! И она — скрытница да утайница — имени не кажет. — Дед Пихто со вздохом подпер ложматую голову кулаком и продолжил, жалуясь: — Оно ж как при деде моем повелось, так и дононе ведется. Где прежде тракт проезжий лежал, теперь лишь тропа. Да и то дети мои и внуки ее своими ножками топчут, чтоб далее не заастала.

Прежде-то, сказывают, многие к прорицателям шли, чтоб разузнать, что да как впредь станется. А ныне вот все перевелись... Как пращур мой нагадал некоему каану, что тот от собственного коня смертушку примет, как сбылось то от слова до слова, так и перевелись. Кому ж хочется о днях своих худое слышать? Особливо когда кругом без счета балаболов, которые за пустячную мзду тебе столько счастья нагадают, что и в двух руках не унести!

С тех пор наш род к захирению пришел. Одна удача — со сбитней да наливок хвостней поднакопили да почетную грамоту от Уряда Народных Увеселений обрели. С тех-то пор пужанием да привечанием на хлеб с салом зарабатываем. Да только хлеб тот горьким выходит. Оно ж местовые, да подушную подать заплати, и дорожную пошлину отсчитай. А окромя того, кормовые да щитовые, походные да подоходные, а тут вот еще новую лихоманку удумали! Десятину, стало быть, на добавленную стоимость... Что уж тут к чему прибавляют — поди и Нычка не ведает. Однако хвостни вынь да положь, когда не желаешь почетной грамоты лишиться. — Кудесник опрокинул в пустующую чару дождавшуюся своей очереди бутыль и, горестно вздохнув, осушил до дна.

— Так что, может, пристроите внуучку к делу-то? Глядишь, на что и сгодится! А и мы в долгу не останемся.

Ночь в Субурбании не лучшее время для поездок. Особенно в лесу. Особенно в состоянии сильного алкогольного опьянения. Хотя здесь и не встретишь притаившегося в кустах у обочины остроглазого гридня-автоинспектора с полосатым шестопером, но освещаемая ущербной луной дорога в этих краях сама в силах позаботиться о достойном наказании бесшабашного пьячуги. Субурбанцы народ смысленный, а потому прокладывали дороги с тем расчетом, чтобы нежданный ворог, нагрянувший в пределы хранимого Нычкой Отечества, сломал себе ноги, руки, шею, одним словом, все, что можно поломать, так и не дойдя до столичных ворот. Как при этом передвигались по стране коренные субурбанцы, сказать трудно. Следует все же заметить, что делали они это весьма резво и сноровисто.

Мы же, не будучи аборигенами этой великой державы, не могли позволить себе подобные выходки безнаказанно. А потому с радостью приняли любезное предложение деда Пихто переночевать в его лесных хоромах.

Как бы это ни было противно после затянувшегося вечернего застолья, солнце вновь поднялось над горизонтом и нетерпеливо начало обшаривать жаркими пальцами тела распростертых на свежем душистом сене именитых мэдоимцев Уряда Коневодства и Телегостроения. Увы, даже их, в смысле, нашего, высокого статуса в этом мире не хватало, чтобы заставить бесцеремонное светило шарить где-нибудь в другом месте. Поднесенные Оринкой ковши с чудодейственным рассолом в одночасье вернули нас к жизни, нагляд-

но подтверждая, что рассуждения Делли о влиянии срыва поставок этого стратегического продукта в Грусь на оборонное могущество этой державы не лишены оснований. Девушка внимательно в упор глядела на нас, точно желая что-то спросить или, вернее, дожидаясь, когда же наконец мы начнем задавать вопросы ей. Но до расспросов ли в таком состоянии?

Терзаясь угрызениями совести за бесцельно проведенный вечер, я вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть фею и Проглота. Сотрудница Волшебной Службы Охраны о чем-то увлеченно беседовала с Кудесником, домашняя же животина, отчаянно резвясь, носилась по окрестному подлеску, то появляясь в поле зрения, то исчезая.

— К ноге, тварь негодная! — заорал я что есть мочи, но малолетнее чудовище лишь припустило со всех ног в глубь леса.

— Клин, че ты орешь в натуре?! — хватаясь за голову, простонал Вадюня. — Тут в башке от вчерашнего самопляса такая засада, что от мушиного топота выворачивает!

Он вновь приложился к ковшику с целительным напитком, и на лице его начало заметно прорисовываться облегчение, граничащее с блаженством.

— Вставай, поднимайся! — скомандовал я, перебарывая тягостные последствия вчерашней неофициальной встречи. — В Елдине уж небось заждались спасителя отечества.

— Начальство не опаздывает, — с явной неохотой отрываясь от рассола, строго заметил подурядник. — Если ждут — значит в натуре дождутся.

— Нешто уже в дорогу собирались? — подходя к нам с улыбкой, поинтересовался дед Пихто, свежий и бодрый, как будто, в отличие от нас, ночью хлебал родниковую воду.

— Да уж, самое время, — утвердительно кивнул я. — Покуда солнце не в зените, как раз по холодочку и поедем.

— Оно и верно. — Старец величественно оперся на посох. — А то б, коли желаете, еще погостили?..

— Спасибо на добром слове. — Я старательно поклонился. — Да только мы и так загостились. Неотложные дела в столице.

Я вставил ногу в стремя «ниссана», надеясь своим примером подтолкнуть остальной состав следственной группы к активным действиям.

— В следующий раз непременно останемся подольше.

— Уж как пожелаете, — согласился дед Пихто. — А только что ж — предсказание-то, что мне в видении явилось, вам, стало быть, без интереса?

— Какое предсказание? — Я удивленно поглядел на Кудесника. — Что, действительно было предсказание?

— Так а как же ж?! — с легкой обидой в голосе ответствовал седобородый вешун. — Известное дело, было! Нам без дела болтать не положено. У нас все чин чинарем, все по Древнему Уставу. Бронзовый треножник вообще от пррапрадеда моего достался, а все как новенький! Это вам не мурлюкская кацея¹, от которой только вонь да пепел, а истинного видения пророческого — хоть чертополох жги, хоть дурь-траву — не дождешься. И блюдо для водной глади у нас не абы какое, а самое что ни на есть от древнего Кума осталось. Так вы уж не поскупитесь! — Кудесник протянул вперед узкую длинную ладонь. — Всего-то пятьсот хвостней, как для своих, без запросу!

Что кривить душой! Нам, оперативникам, время от времени приходится расплачиваться за информацию. Понятное дело, чаще всего не деньгами. В годы моей работы в угрозыске наличных средств хватило бы разве что на сигареты и кофе для случайных свидетелей. Однако тут поблажечку сделаешь, там кому надо шепнешь, чтобы попусту не трогали — так, бывало, словечко к словечку, на дело и набегает. Но платить за чьи-то видения, угаданные в каком-то чаду и увиденные в блюде?!. Может быть, это вовсе наркотический бред. Все мое оперское нутро восставало против мысли о такой сделке.

— Почтеннейший гражданин Нашбабецос! — вкрадчиво начал я. — А может быть, как-нибудь по-свойски, вы — мне, я — вам?

— Отчего ж нет?! — охотно закивал мой собеседник. — Вот Оринку к хорошему делу приставьте — я вам все и расскажу.

— Клин! — Явно посвежевший Вадим Ратников ловко запрыгнул на спину своего турмалинового жеребца. — Хрен ли ты торгуешься? Мне ж в Елдине в натуре писчиха понадобится!

— Кто-кто? — в недоумении спросил я.

— Ну, по жизни типа секретарша, — растолковал Злой Бодун. — А как их тут называют, хрен его знает. Она писать-то умеет?

— Нет, — покрутил косматой головой дед Пихто. — Зато следы читает, как по писаному. И по звездам все растолковать может.

— По звездам — это ценно, — хмыкнул я. — Ладно, заметано. Рассказывай, что там тебе пригрезилось?

¹ ручная кадильница; жаровня.

— Ну, значит, так, — словно медиум закатив глаза, начал протяжно вештать дед Пихто. — Далеко-далеко, неведомо где, у берега моря, от сего места кричи — не докричишься, может статься, что в трех конских поприщах¹ отсюда, а может, даже и в пяти, сошлись в гибельной схватке два чужестранца неведомых да незнаемых. Один, стало быть, длинный такой, пожалуй, и в две сажени будет. Другой же, наоборот, ростом невелик, а волосья за ним, точно хвост за летучей звездой. Рубились они с насердием², без сна и без устали неделю кряду. А потом тощий-то верзила, ярлыга ходячая, ворога своего изловчился, за власа ухватил, да мечом ка-а-ак рубанет! — Старец замолчал.

— Ну и че дальше было? — заторопил рассказчика увлеченный сюжетом витязь.

— А шур их знает?! — пожал плечами дед Пихто. — Не успел я досмотреть. Вы уже почти через лес проскочили. Кабы края дожидался, вас бы и след простили.

— Дед! По-моему, ты нас конкретно кинул. — В словах Вадима Ратникова слышалась плохо скрываемая угроза. — Зуб давал, что все чики-чики, а сам тут фуфел нам прогоняешь!

— Все по уговору. — «Свидетель» потряс указательным пальцем перед лицом моего друга. — Что видел, то и сказываю. Ни вот столечки не утавиваю.

— Дедуля за вами побег, храбрый витязь, а я-то как есть на месте осталась, — вмешалась в назревающую ссору красна девица.

— Ну и че там дальше было? — досадливо поинтересовался Вадюня.

— О том вам знать еще черед не пришел. Коли возьмете меня с собой — так и растолкую!

— Блин горелый! — выругался Вадюня. — Яблоня от старого пня недалеко падает. Лезь за спину. Я не как твой дед, я чисто конкретный пацан, ля-ля не развозжу. — Он оглянулся, ища, на ком сорвать накопившуюся обиду. — Я не понял в натуре, где Делли, где Проглот?

— Фея пошла с лесовиками тутошними словцом перемолвиться. А щеночек ваш, извольте видеть...

Юного грифона мы изволили увидеть во всей красе. Резвоногий полукровок весело мчал к нам навстречу, сжимая в клюве нечто белое, расшитое жемчугом, со свисающей кисточкой.

¹ сutoчный переход на лошадях.

² ярость, злоба.

— Опять что-то спер, животина наглючая! Брось, Проглот! Фу! Отдай! Дай сюда!

Юное чудовище затрясло головой, всем своим видом выражая нежелание выполнять законные требования представителя власти.

— Отдай сюда! — Мне пришлось вновь спешиться, чтобы отобрать у расшалившегося монстра дорогую игрушку.

Он крутился на месте, отпрыгивал, клекотал, не размыкая клюва, пока наконец не был изловлен за ухо Вадимом.

— Это ваше? — доставая из мощного клюва очередной трофей, спросил я.

Дед Пихто внимательно поглядел на Проглотову добычу.

— Так ведь это, того... — почесывая затылок, промямлил он. — Это ночной колпак, не иначе. А кому в бору такие-то колпаки носить?

В словах старика был резон. Лесная жизнь не предполагает любви к изысканным безделицам. И все же... Я оглядел головной убор еще раз. Тонкий шелк, шитье мелким жемчугом, монограмма... Занятный, кстати, вензель!

Я неожиданно напрягся, словно борзая, взявшая след.

— Вадюнь! Глянь-ка, какая интересная штуковина: корона, а под ней литера «Б», переплетенная с двойкой!

— Ну и че?

— Че-че? Горячо! — передразнил я соратника. — Жабс за хвostenъ даю, это — ночной колпак его величества короля Барсиада II!

Глава 3

Сказ о деле в шляпе

Если бы в клюве расшалившегося грифона оказался не колпак, а самая что ни есть настоящая корона Субурбании, думаю, и это бы не вызвало на лицах лесных аборигенов удивления и замешательства большего, чем довелось наблюдать не менее ошарашенной следственной группе. Конечно, впечатления к делу не подошьешь. Видели мы спецов, так натурально изображавших невиновность и непричастность, что поневоле хотелось сменить листовки с их фотографиями на стенде «Федеральный розыск» на плакаты «Голосуйте за...».

— Ну-у-у?! — с затаенной угрозой в голосе протянул я, не слишком, впрочем, представляя, кому и чем я, собственно говоря, угрожаю. — И откуда взялся этот головной убор?

— И то верно, право слово! — Дед Пихто запустил пятерню в седые патлы. — Не вырос же он тут?

— Не надо темнить, уважаемый кудесник! — все так же с нажимом продолжал я, с грустью сознавая, что подобные действия на оперативном сленге называются «тянуть пустышку».

Но у нас в руках был непреложный факт. На следующий день после таинственного исчезновения из столицы властительного государя со всей его чиновной камарильей, посреди чащобной глухомани обнаруживается предмет, так сказать, личного, почти интимного монаршего обихода. Причем, вероятнее всего, в момент исчезновения как раз прикрывавший от ночной прохлады голову божьего помазанника. А это след, причем след отчетливый и свежий. Хорошо бы сделать по этому следу хоть несколько шагов!

— Почтеннейший гражданин Пихто Нашбабецос, вы можете сказать, что это за предмет?

— Ночной колпак, — бойко отрапортовал лесной житель, осматривая находку. — По клейму видать — государев.

— Ве-ерно, — вкрадчиво продолжил я. — Монограмма короля Барсиада II. И что, позвольте узнать, такая вещь делает в ваших, если можно так выразиться, угодьях?

— Ну так, видать по всему, валялась где-то, — пожал плечами вешун. — А откуда взялся, кто ж его знает? Мы люди тутошние, это каждый скажет. В чужие места не ездим, землетопством не промышляем, а уж чтоб вещь чужу скрасть, так это и вовсе ни-ни! За такие-то лихоимства и вышнего дара лишиться можно! Да и к чему в наших местах такая непутяща одежда?

— Пожалуй, что вам он действительно ни к чему, — согласился я. — Но ведь колпак-то ночью у короля на голове был!

— И чего? — искренне удивился кудесник.

— Деда! — вмешалась в нашу речь Оринка. — Гость наш исподволь толкует, что мы его величеству головенку оттяпали.

— Да ну, зипун тебе под язык! — ошеломленно замахал руками почтенный старец. — На что мне его голова?! Да и то сказать, не глухарь какой, король все ж таки. За такого лишь возьмись — хлопот не оберешься! Выдуло, должно быть, тот колпак из окошка. Да так перекатом сюда и докатило. А здесь на ветку или корягу замотало. Тутто ваш зверек ее и сыскал.

Проглот, словно чувствуя, что речь пошла о нем, радостно защелкал клювом и поднял хвост трубой, заставляя кисточку на нем раззвеваться точь-в-точь как на казачьем бунчуке.

— Если бы колпак катило по земле, — с мягкой, очень мягкой улыбкой начал я, — он был бы грязным, буквально черным. А он чистенький, как будто только что выстиран. Как вы это объясните?

— Ну дык... стало быть, его по воздуху несло! — нашел приемлемый ответ кудесник.

— Старый, в натуре, че ты буровиши? — взорвался не выдержавший долгой паузы Вадим. — От Елдина сюда в лесную чащу по воздуху?!

— Не крали мы колпака! — подхватывая тон подурядника, гневно выпалил дед Пихто, ударяя посохом оземь.

— Ты по кривой-то не съезжай! — не унимался мой горластый помощник. — На фу-фу вылезти хочешь, по мелочи уйти?! По краже личного имущества соскочить?! Ты нам конкретно, без базара, колись, старый, куда монарха подевал?

— Вадюня! — Я попытался осадить не на шутку разошедшегося витязя.

— А че? Я ж как лучше! — оглянулся на меня младший Ратников. — Че он нас в натуре за лохов держит!

— Умерь пыл! — негромко потребовал я.

— Не, ну прикинь...

— Это что ж, господа хорошие, гости дорогие, — настороженно, с явным сомнением в голосе, словно боясь поверить услышанному, проговорил дед Пихто, — выходит, что у нас не токмо колпак из государева терема похитили, а и самого надежу Барсиада?

— А ты че, этого не знал? — хмуро огрызнулся Вадюня, должно быть, недовольный моим либерализмом по отношению к главному подозреваемому. — Ты ж чисто тулил, шо имеешь прямую связь с самыми верхами! Что ж тебе вчера в утренних новостях весточку не скинули, мол, пропал центровой и вся его королевская кодла вместе с ним?!

— Стало быть, пропа-али, — покачал головой знаток вечных истин, теряя интерес к резкостям разбушевавшегося подурядника. — Вот ведь диво-то! Диво-то небывалое! Кому ж такое-то надобно?! Кто удумал да осмелился?

Мыслил партизанистый дедуган, прямо скажем, весьма быстро. Но, судя по тону, сам факт похищения занимал его куда больше, чем несчастная судьба венценосной пропажи. Что же касается королевской свиты, то ее исчезновение, кажется, вовсе не вызвало эмоций у божественного широковещателя.

Я только усмехнулся:

— Мы бы сами хотели об этом знать побольше.

— А вы, стало быть, на лиходеев тех, что государя похитили, ловитву¹ ведете?

— Можно сказать и так. — Я нехотя кивнул. — Если только его величество Барсиад II, вкупе с радниками и урядниками не исчезли сами собой, например, из-за неосторожного обращения с магическими предметами.

— Это навряд, — усомнился Вдохновенный Кудесник. — Кто б ему...

Речь старца была прервана появлением задержавшейся в чащобе феи.

— Ну что, уже собрались, добры молодцы, в дальний путь? — улыбаясь, довольно беззаботно поинтересовалась она.

Я молча показал ей усыпанный жемчугами церемониальный колпак.

— Во блин, сквозняком надуло! — прокомментировал находку новоявленный наследник престола.

— Вот так-так! — Сотрудница Волшебной Службы Охраны буквально выхватила залетный убор из моих рук, точно намереваясь обнаружить в нем пропавшего государя. Но, вопреки ожиданию нашей чародейственной подруги, грозный монарх не таился в складках охотничьего трофея. Только добычливый грифончик с радостным урчанием прыгал у ее ног.

— Вот оно как! Стало быть, что-то все-таки стряслось!

— Ты о короле? — не совсем понимая, о чем речь, уточнил я. — Пожалуй, что стряслось.

— Не то чтобы о государе, — покачала головой Делли. — Хотя, может статься, и о нем. Я тут с лесовиками толковала: не видали ли чего надысь, не слыхали ли?

— И что они? — заторопил я соратницу, досадуя, что блокнот для записей упрятан в глубине притороченного к седлу рюкзака.

— Все бы вроде ничего, — начала повествование фея. — Ни враг сквозь чащобы не крался, ни драконы верхом не шли, ни злыдни-псеголовцы в округе не озоровали, а вот Златовьюн Бурая Шапка отчего-то устрашился, да как есть в землю ушел.

— А это че за хмырь? — с подозрением спросил Вадюня, судя по взгляду лесных хозяев, расписываясь в полном невежестве.

— Златовьюн-то? — переспросила Делли. — Он в общем-то из лесовиков будет, а все ж не чистых кровей, а иной какой породы.

¹ охота.

Более всего он схож с грибом-боровиком. Такой себе старичок в бурой шапке холмиком. Лесовики и сами не шибкие охотники пустые разговоры вести, а этот среди них и вовсе молчуном слывёт.

— Что ж так? — поинтересовался я.

— Больно робок, — пожала плечами фея. — Уж до того осторожен — всякого шороха пугается! Зато и любую опасность за пять верст чует! А уж только почует — в землю шасть, и его как не бывало. Листочком дубовым прикроется, травицу над собой приклонит — в шаге пройдешь, не заметишь! Но уж ежели по нраву ему кто придется, то старичок наградит щедро, не поскупится: к жиле золотой путь укажет, к россыпи самоцветной, а то и к кладу позабытому.

— И как ему типа понравиться? — с наивным практицизмом спешно поинтересовался претендент на опустевший субурбанская трон.

— О том доподлинно никто не ведает, — недовольно буркнул дед Пихто, раздосадованный нездоровым интересом заезжего чужака к сокровенным лесным тайнам. — А сам он о том нипочем не скажет.

— Постойте, — перебил я говоривших, возвращаясь к теме исследования. — Нынче за полночь обитающий в этих краях Златовьюн почуял какую-то опасность и ушел в землю?

— Так я уж о том сказывала, — кивнула фея.

— Вероятно, и колпак его величества той же ночью сюда попал. Очень похоже, что эти два факта связаны между собой.

— Ну? — вопросительно посмотрел на меня Ратников.

— Гну! Выходит, Златовьюн почувствовал то самое нечто, что уташило короля и его свиту. А значит, нам остается выяснить, что же именно он почувствовал.

— Пустая затея! — махнул рукой дед Пихто.

— Думаю, все-таки стоит попробовать, — самоуверенно прервал его я и, не откладывая в долгий ящик, попробовал. А мог бы и послушать умудренного годами человека, хорошо знающего местные нравы.

Найти Златовьюна Бурую Шапку удалось довольно быстро. Что и говорить, знакомство с лесовиками — вещь полезная. Но вот дальнейшее со стороны, должно быть, смотрелось весьма курьезно. Здоровый мужик, разодетый, как и положено сановному субурбанскому мэдиому, лежит на земле и... уговаривает гриб, хмуро надвинувший на толстую ножку увесистую бурую шапку с прилипшим сухим листочком. Веско, аргументированно, вкрадчивым голосом, стараясь не обидеть, а уж тем более не испугать. То-то потеха!

Меня вначале мучило подозрение, что лесовикам ни с того ни с сего захотелось пошутить над гостями, и они привели нас к обычному, средних размеров, боровику. Однако, когда я, уже отчаявшись добиться результатов, поднимался с земли, под шляпкой на мгновение открылись два малюсеньких желтоватых глаза и моментально захлопнулись, поймав мой взгляд.

— Бесполезно, — развел руками я, вынужденно признавая истинность слов Кудесника.

— А может, его с ноги? — сочувственно качая головой, предложил Вадюня. — Че он в натуре запирается?

Я кинул взор на несговорчивого свидетеля и ошеломленно констатировал, что грибообразный молчун исчез, как растворился.

— Вьюном в землю ушел, — пояснила стоявшая близ Ратникова Оринка. — Кары вашей убоялся. Теперь отсель шагах в ста может объявиться. А может и целый день носу не казать.

— Угу, — раздосадованно мотнул головой я, понимая, что оставаться здесь дольше не имеет ни малейшего смысла. — Ладно, времени дожидаться, когда он вновь сюда пожалует, нет. Доберемся до столицы, а там будет надо — вызовем повесткой.

Признаться, я не совсем представлял себе, каким образом можно осуществить мою угрозу, но в подобных «задушевных беседах» последнее слово всегда должно оставаться за представителем следствия. Иначе у свидетелей может сложиться впечатление, что оперативник не контролирует ситуацию. А стало быть, и сотрудничать с ним дело небезопасное. Поэтому слова, обращенные к Златовьюну, были произнесены нарочито громко, чтобы слышал стоящий поодаль гражданин Нашбабецос, с ядовитой ухмылкой наблюдающий мои грибные пополнования.

— Все! По коням! — скомандовал я, отряхивая с колен приставший лесной мусор. — В столицу!

Дорога к стольному граду Елдину могла бы занять не более пяти, от силы шести часов, пусти мы своих чудесных скакунов во весь опор. Однако спешка спешкой, а мы решили не слишком гнать коней — отчасти, чтобы не гробить подвески об отсутствующие дороги, отчасти чтобы дать попривыкнуть новой спутнице к манере носиться по здешним городам и весам точно оглашенные. Но на самом деле больше для того, чтобы иметь возможность осмыслить происходящее.

У нас, сыскарей, есть то ли молитва, то ли заклинание, очень емко и точно отображающее отношение к высшим силам: «Бог не фра-

ер — правду видит!» Не то чтобы Всевышний, в который раз убедившись в бессилии компетентных органов перед очередным железным глухарем¹, самолично снизошел до какого-нибудь райотдела, воплотившись во всевидящего оперуполномоченного, но, в предвечной мудрости своей, он заставляет преступника оставлять следы. Слава Всевышнему, следы остаются всегда. Найти их порой бывает нелегко, но уж на то ты и сыскарь, чтобы отыскивать то, что пытаются упрятать разномастные злыдни. А уж если отдел по надзору за исполнением заповедей божьих от щедрот посыпает прямо под ноги следственной группе горящую, буквально еще дымящуюся улику, то это уж явная милость Господня, его промысел и, как говорится: «Правильной дорогой идете, товарищи!» Одно плохо, не сподобился Творец прицепить к ночному колпаку надежи-государя что-нибудь вроде пояснительной записи, мол: «Унесла меня лиса за синие леса, за высокие горы...»

Умные мысли порою приходят в голову без спроса и предупреждения, а потому их явление часто вызывает легкую оторопь. Вот, к примеру, как сейчас. Я вдавил до упора стремя тормоза, и мои прокочившие вперед соратники поспешили остановиться, силясь понять маневр сановного одицца-следознавца.

— Делли, — задумчиво начал я, не давая вопросу сорваться снежных уст феи. — А что в этих местах может летать, кроме драконов?

— Птицы, — пожала плечами сотрудница Волшебной Службы Охраны.

— Ну, это понятно. А из... как бы это так выразиться, монстров, обладающих высокой грузоподъемностью?

— Да мало ли кто! Гарпии, птицы Рух, кое-кто из сфинксов, хотя их, почитай, лет тыщу уже никто не видел. Грифоны вон, опять же. — Фея кивнула на застывшего у конских ног Проглota, и тот, радуясь, что речь вновь идет о его персоне, блаженно потянулся и принял чесать лапой за ухом.

Я с сомнением поглядел на домашнюю зверушку. Конечно, во взрослом грифоне вполне хватает сил, чтобы поднять быка и отнести за тридевять земель, в неприступные горные ущелья, где обычно раз в пять лет появляются на свет собратья Проглota, числом не более трех. Но бык-то, понятно, туша хоть и массивная, однако тут, если сил хватит, уцепился да неси.

А как, спрашивается, ухватить толпу чиновного люда, к тому же преспокойно сопевших в две дырки порознь друг от друга на соб-

¹ на оперативном сленге — сложное нераскрытое дело.

ственных перинах в своих особливых теремах? Тут даже если считать по три персоны на коготь, и то получается помесь грифона с сороконожкой, таскающейся ночью по субурбанской столице. Кроме того, получается, что этот монстр тщательно выискал господ мздоимцев во главе с королем Барсиадом согласно заготовленному списку, а потом, груженный, точно «Боинг», мчал их в неведомую даль.

Нет, грифоны не подходят. Разве что их сюда целая воздушная армия прилетела. Но такую-то армаду наверняка бы заметили. Поди, не каждый день по небу носятся десятки, а то и сотни мощнокрылых тварей! Народ бы об этом гудел, словно растревоженный улей, как минимум еще полгода, а уж сейчас... Однако все тихо! Стало быть, рубль за сто, ничего подобного не было.

Но ведь против фактов не попрешь! Нечто весь субурбанская высший свет одним махом уволокло и, почитай, никто, кроме робкого Златовьюна, этого не почувствовал и ничего подозрительного не заметил. Но раз это Нечто определенной видимой формы не имело, то, вернее всего, объект наших поисков проходит по категории преступников, которыми занимается Волшебная Служба Охраны.

— Нет, Делли, — с сомнением покачал головой я. — Грифоны здесь ничуть ни при чем, а уж тем паче птица Рух. У той лап вдвое меньше. Гарпии и вовсе отпадают, это ж тебе не барана с блюда украдь. Мне отчего-то кажется, что здесь не обошлось без магии. Причем определенно это не мурлюкский ширпотреб вроде смеси крылата слона с пылесосом.

— Конкре-етно! — восхищенно пробасил Ратников. — Я типа вот тоже прикидываю, может, это опять наша ржавая бабуля в отрыв пошла?

— Дева Железной Воли? — уточнил я, силясь понять, что могло натолкнуть Вадима на эту мысль.

— Ну! — согласно кивнул ободренный всеобщим вниманием по-дурядник левой руки. — А че, в натуре, я вот Олеговой дочке сказку читал про то, откуда у кита во рту такая, ну, типа сетка. Так вот я и прикинул — ежели эта подруга, скажем, переделала кита, чтоб у него всякие бирюки в глотку проскакивали, а остальнй народ, ну, чисто выпадал. А потом натравила конкретно этого монстра на Елдин-град. Он ночью там всплыл и всех, кого надо, в брюхо затащил.

— Кит? — переспросил я, радуясь буйству фантазии соратника.

— Он! — подтвердил Вадюня.

— А колпак, стало быть, фонтаном в лес забросило. По дороге заодно и выстирало...

— Да, — после минутной задумчивости согласился могутный витязь. — Неувязочка тут получается. А так ничего, красивая версия!

— Зачем Деве Железной Воли похищать субурбанского короля со всем его двором? — с легкой укоризной глядя на претендента, готовящегося занять освободившийся местный престол, спросила фея.

— Я почем знаю! — насупился расстроенный крушением своего гениального прозрения Злой Бодун. — Может, типа решила обменять на что-нибудь ценное?

— Да кто же ей за короля с радниками и мздоимцами это «что-нибудь ценное» даст? К чему же они годны-то?

Вадим молча вздохнул, сознавая правоту слов нашей высокомудрой спутницы.

— Ну, положим, — поспешил вмешаться я, — годятся для чего-нибудь пропавшие фигуранты по этому делу или нет, нас не касается. В конце концов, двор мести большого ума не надо. Сейчас важно другое. Причем важно как для нашего мира, так и для этого. Люди без вести пропадать не должны! И я бы квалифицировал использование магии в подобных случаях, как умышленное преступление, совершенное с особым цинизмом. И если факт использования чародейских сил будет достоверно подтвержден, тут, Делли, тебе, как говорится, и карты в руки. Подумай, может, кто из вашего народа мог такую веселуху устроить? Или же среди магов кто расстарался? Может, у кого-то имеется на руках волшебная галантерея повышенной мощности, к примеру: кольца, палочки, лампы с джиннами?

Фея медленно покачала головой:

— Из наших вряд ли кто на такое дело пойдет — ни к чему это им. Маги?.. Предположить, конечно, можно, но у мурлюкских имперских магов, как ты знаешь, Гильдии, в которых весьма сурово блюдут правила применения чародейской силы. А здешние чаклуны¹ и волшебники так рвутся в эти Гильдии вступить, что лишний раз и чихнуть боятся.

Я криво усмехнулся, представляя себе этакое профсоюзное собрание долгобородых старцев в колпаках и балахонах, усевшихся на понятными знаками, на котором adeptы Тайного Знания, потрясая чудодейственными посохами, разбирают антиобщественное поведение очередного Черномора, с пьяных глаз отправившего дурой перелетных птиц весь субурбанский бомонд. Картина, что и говорить, забавная, но, по всей вероятности, повестка дня подоб-

¹ колдун.

ной вселенской порки была бы доведена до сведения такой заметной фигуры Мирового Чародейного Сообщества, как Делли.

— А может, чисто кто из отморозков? — изо всех сил стараясь помочь фее, предположил Вадюня.

— Из Царства Вечных Льдов, что ли? — с недоумением глядя на витязя, уточнила потомственная чародейка. — Маги там не живут. Там слова на лету замерзают, а уж обледеневшей волшебной палочкой разве что шампанское помешивать можно.

— Не... Ну, по жизни... — пустился в объяснения Вадим, — это такие конкретные штуцера, которым все по барабану. Никаких по-нятий — чистые беспредельщики!

Не думаю, чтобы объяснение моего друга сильно помогло хранительнице Тайных Знаний уразуметь смысл сказанного. Но переспросить она не успела, поскольку в разговор корифеев бесцеремонно вмешалась дотоле сохранявшая молчание Оринка.

— Уж не прогневайтесь, что речи ваши прерываю, а только, по всему видать, погоня за нами.

— Какая еще погоня?! С чего ты взяла? — напрягся я.

— Ветер стук копыт да конский храп несет. А промеж тех звуков еще и кольчуги звенят да мечи бряцают. И то сказать, день белешенек, а вдали — точно филин ухает.

— Ничего не слышу, — должно быть, раздосадованная бдительностью своей юной конкурентки, дернула плечиком Делли. — Притрепалась тебе.

Оринка упрямо мотнула головой:

— Вон и грифон ваш взволновался.

С этим утверждением спорить не приходилось. Длинные уши Проглota, довольно странно смотревшиеся на орлиной голове, поднялись шалашиком над пернатой макушкой, и кисточка выгнутого хвоста напряженно хлопала по дорожной пыли, точно пытаясь взбить ее до состояния пылевой завесы. Что и говорить, в отличие от феи, грифон не страдал приступами внезапной ревности.

— С чего бы это вдруг за нами погоня? — пробормотал я, оглядываясь в поисках убежища. — Кому вообще известно, что мы вернулись в эти края?

— Да мало ли? — скривился Вадюня. — Вон в прошлый раз мы Юшке-каану тоже по мозолям не ходили, а потом через полстраны в клетке, как попугаи, трусили. Чтоб его на новом месте так возили! Клин, ты че, в натуре задумался? Все путем! Ща газанем, и все свободны, — оценивая направление моих поисков, предложил он.

— Можем, — кивнул я. — Вопрос — зачем? Если это действительно за нами, хотя, честно говоря, не понимаю, с чего бы вдруг, то мы упремся в ворота Елдина, где тоже наверняка подготовлена соответствующая встреча.

— А может, это и не за нами вовсе? — радуясь возможности отыгаться, предположила фея.

— Вот это я и хочу узнать, — кивнул я, направляя коня с дороги в ближайшую рощицу. — Погоня, может, и не за нами, но ведь зачем-то в сторону Елдин-града несется вооруженный отряд, да еще и с мурлюкской сюй.

Я замолчал, прислушиваясь. Уханье несчастной птицы, стараниями захребетных чудо-мастеров превращенной в мигалку, доносилось уже вполне различимо, недвусмысленно давая понять всем встречным и поперечным, что следует немедленно освободить дорогу. Нам — так уж точно.

Не прошло и пяти минут, как кавалькада закованных в доспехи всадников появилась на дистанции прямой видимости, нещадно погоняя утомленных долгим галопом коней. Трехзубый символ единения бога Нычки со своим потомством на развевающихся лазурных попонах не оставлял ни малейших сомнений в официальном статусе облаченных в железо всадников. А знамя, реявшее над колонной, знамя с голубым хряком в золотом полотнище...

— Ядрен батон! — пытаясь почесать надежно укрытую кольчужным хаубергом голову, пробормотал добрый молодец Вадим Ратников. — В натуре, че за понты! Опять Юшка-каан!

Глава 4

Сказ о камне преткновения

Как это обычно бывает с политическими новостями, известия о полном исчезновении правящей верхушки Субурбании оказались не вполне соответствующими действительности. Буквально на самую малость... но зато, черт побери, какую!

Глава союза кланов «Соборная Субурбания», в недавнем прошлом — правая рука короля Барсиада Растрепы и в то же время левая рука мурлюкского Генерального Майора, думный радник и могущественный владетель правого берега реки Непрухи, мчал по на-

правлению к Елдин-граду в облаке пыли, способном замести небольшую пирамиду. Мчал верхом, что, принимая во внимание любовь вельможного Юшки-каана к комфорту и захребетным изыскам, само по себе говорило о многом. Расстояние между нами неуклонно сокращалось, и мы уже могли разглядеть золоченую конскую упряжь и развеивающуюся попону с голубым хряком.

— Ну и как это понимать, Делли? — тихо проговорил я, указывая на главу бывшего субурбанского правительства. — Откуда взялся сей доморощенный отец народа и спаситель отечества?

Фея молча пожала плечами.

— От Великого Тына идет, — негромко, опасаясь, что ее могут услышать, проговорила Оринка, видимо, не совсем понимая суть вопроса. — Проезжий тракт-то здесь, почитай, один. Коли наших проселков не брать, то иным путем из чужедальних краев до столичного града и не добраться.

Мы не стали спорить с очевидным. Юшка и его эскорт действительно шли от Железного Тына. И этот факт немедленно ставил под сомнение миссию Вадима как единственного возможного наместника этих земель. Нравилось нашей работодательнице или нет, политический вес Юшки-каана был куда выше, чем у безродного подурядника левой руки, пусть даже ведавшего разведением джапанских скакунов патрульной породы. Но если шансы могутного витязя Злого Бодуна усесться на древний престол Субурбании казались сейчас довольно хлипкими, то в моем расследовании намечался существенный прогресс. Одно дело — гадать, какая из диковинных тварей могла смести единственным махом короля с его близкими и присными, и совсем другое — когда вдруг появляется чудом спасшийся первейший преемник королевского трона, со всей возможной прытью стремящийся занять еще не остывшее от царственного седалища кресло. Угадайте, кто тут будет первым подозреваемым?

— Интересное кино получается! — пробормотал я, глядываясь в уже вполне различимые черты Юшки-каана. — Всех, значит, черти замели, а этот в погребе отсиделся!

— Может, вроде того типа случайность? — вставил свои пять копеек в беседу могутный витязь. — Мало ли че!

— Может, и мало, а может, и нет. Подобная случайность всегда подозрительна. Хорошо бы его прощупать. — Я задумчиво обвел глазами присутствующих. — Вопрос только как?

Ни мы с Вадюней, ни, по-хорошему, Делли для подобной роли не годились. Нас властительный каан помнил еще с прошлой нашей

встречи, и воспоминания эти его, надеюсь, не радовали. Делли также была фигурой весьма заметной, чтобы не сказать, одиозной. Ее неоднократно видели при дворе в прежние времена, и статус сотрудницы Волшебной Службы Охраны соседнего государства в случае ее провала грозил колossalным скандалом. Попытка скрыться под личиной тоже ни к чему хорошему привести не могла. Самого захудалого мага, какого-нибудь бакалавра, или как уж там у них это имеется, достаточно, чтобы почутять наведенные чары. Понятное дело, не каждый может это сделать, как природная фея, с такой дальней дистанции, но уж наверняка возле любого входа в палаты претендента на трон Субурбании офицеров Магической Стражи будет предостаточно.

Между тем бряцавший железом кортеж Юшки-каана уже совсем поравнялся с нами. Я с болью в сердце понимал, что еще минута — и шанс незаметно проникнуть, как говорится, «в логово врага» будет утерян. Возможно, безвозвратно.

— Вы только слово молвите, и я к ним пойду, — тихо, едва сдерживая волнение, прошептала Оринка.

Я удивленно уставился на бойкую лесовичку. Мне отчего-то казалось, что я не высказывал вслух мысль о внедрении агента в структуру Юшки-каана. Ясные глаза внучки деда Пихто были чисты, как Байкал, и столь же незамутненно глубоки.

— Уйдут ведь, — заметив мое замешательство, с укором промолвила ведунья.

Я тупо кивнул головой, понимая, что никогда не привыкну к диковинным манерам местных жителей.

— Делли, — сконфуженно выдавил я. — Можешь остановить Юшку-каана?

— Могу, — не задумываясь, кивнула фея. — А зачем?

— Я тебя очень прошу, — оставляя ее вопрос без ответа, продолжил я. — Сделай так, чтобы его конь захромал.

— Пожалуйста. — Сотрудница Волшебной Службы Охраны в недоумении пожала плечами, подняла с земли мелкий буроватый камешек и, прошептав над ним что-то, точно уговаривая помочь нам, с силой запустила его в сторону дороги.

В сказках, которые мне читали в далеком детстве, кажется, ничего не говорилось об умении коренного населения волшебных чащоб читать мысли. А вот об их искусстве врачевания, будь то лесного зверя или же захожего путника, там писалось с завидной регулярностью. А раз это можно было считать установленным фактом,

не использовать такой шанс было бы как минимум признаком непрофессионализма.

Я не видел, упал ли заговоренный камешек прямо под копыта драгоценного буланого жеребца, но стройные ноги благородного животного внезапно подломились, и он рухнул наземь, увлекая за собой горделивого хозяина.

— Жалко коняшку, — со вздохом прокомментировал увиденное Вадюня. — В натуре, ведь ни за что пострадала!

— За высокую идею, — огрызнулся я, чувствуя немилосердный, точно наждаком по ягодицам, укор совести, вызванный негуманным обращением с ни в чем не повинным животным. — На кону спасение местной государственности.

Между тем, как и следовало ожидать, кавалькада остановилась. Всадники, сопровождающие могущественного каана, стремительно бросились поднимать своего сюзерена, а я поспешил дать последние указания нашему «тайному агенту».

— Значит, так, спокойно идешь туда. Не мельтешишь, не нервничаешь, как будто прогуливаешься или, скажем, идешь по своим делам.

Девушка согласно кивала, не слишком тревожась по поводу готовящегося внедрения.

— Скакуна вылечить сможешь?

— Отчего ж не смошь — смогу! Сызмальства этой науке обучена, — подтвердила мои догадки «шпионка».

— Вот и славно. Будут спрашивать: «Кто? Откуда?» — отвечай все честь по чести, мол, внучка почтенного мэдоимца деда Пихто, идешь в столицу искать работу. Ясно?

— Как белый свет, — снова кивнула Оринка.

— Вот хорошо. Теперь следующее. Держи волшебное зеркальце. По нему ты сможешь в любое время связываться с нами. — Я протянул девушке полученный некогда от Делли чудодейственный предмет. — А вот это, — в моей ладони блеснуло нечто, похожее на булавку с довольно крупной головкой вычурной узорчатой работы, — носи всегда при себе.

— Тоже волшебство? — поинтересовалась юная разведчица, вертая в руках невиданный ранее прибор.

Делли тихо хмыкнула. Ей, проведшей уже немало времени в нашем мире, сей инструмент был не в диковинку. Но Оринку, в своей глухомани привыкшую к банальному прикладному волшебству, от-

существие исходящей от предмета магической энергии явно настороживало.

— Вроде того, — не вдаваясь в объяснения, согласился я. — Зовется микрофон. Все, что рядом с тобой говорить будут, мы немедленно услышим и, если понадобится, придем на помощь. И что особенно ценно, ни один чародей эту штуковину не учуяет, потому как чар тут не больше, чем в заячьем хвосте.

Оринка укоризненно покачала головой:

— Заячий хвост — известное чародейское средство. Не лапа, конечно, но тоже...

— Але, гараж! — перебил неожиданную лекцию Вадим. — Трыните больше!

— Что такое? — Я возмущенно обернулся к напарнику.

— Разуй глаза, Клин. — Ратников ткнул пальцем в происходящее на дороге. — Клиент уходит.

Слова Вадима были правдой. Суровой, бескомпромиссной правдой, точно слова некролога. Вельможный Юшка-каан, всего минуту назад картино перелетевший через голову коня и к вящему нашему удовольствию изрядно прикоснувшись к родной земле, стоял на ногах, тряся головой и потирая ушибленные места. Рук, для того, чтобы обять все полученные синяки и шишки, выдающемуся политическому деятелю Субурбании не хватало, но даже это, похоже, не могло задержать его на месте аварии.

В то время как ощетинившиеся клинками и самострелами всадники кортежа внимательно ощупывали взглядами округу, высматривая, не притаился ли где коварный недруг, один из стременных властительного сюзерена правого берега Непрухи подводил нового коня. Еще через мгновение Юшка-каан, заботливо поддерживаемый услугливой челядью, вновь оказался в седле.

— Форчун мэтал, — невнятно прокомментировал увиденное Злой Бодун Ратников. — Улетный пассажир! Торопится, что голый в баню.

Точно стремясь подтвердить правоту слов моего боевого товарища, колонна всадников, не щадя коней, сорвалась с места в галоп, оставляя нашим планам незавидную участь судьбоносных решений ковырнадцатого съезда партии.

— Не, ну че за бляха муха?! Какое, блин, кидалово! — не унимался Вадим, вероятно, не желая растревливать мое уязвленное самолюбие, но попадая в цель с завидной меткостью.

— Ладно, — сквозь зубы процедил я, раздраженно глядя на дорогу. — Концепция меняется.

Облако пыли, поднятое мчавшимся вдаль конвоем, между тем осело на проезжий тракт, представляя нашим взорам картину, вызывающую уныние. Хромающий скакун, невинная жертва политических баталий, уже без заветной совы между ушами, но все еще покрытый роскошной золоченой попоной, понуро ковылял, припадая на ушибленную ногу. Рослый стременной, тот самый, что недавно уступил хозяину собственного коня, вел несчастное животное в по-воду, что-то нашептывая ему на ухо. Конь в такт его словам качал головой, точно соглашаясь с услышанным, и фыркал, досадуя на злосчастную судьбу. Идти до столицы было еще далековато и, вероятно, такими темпами молодцу до вечера было не управиться, однако не бросать же на дороге драгоценного жеребца.

— В конце концов, фатально ничего не изменилось. Конь наверняка стоит бешеных денег. Абы на чем Юшка ездить не будет. Оринка, отойди немного по дороге назад, а как выйдешь на тракт, ступай сюда как ни в чем не бывало. Дальше все по плану.

— Ну, типа ты странствующий ветеринар, — вмешался в разговор Вадюня.

Я бросил на него негодящий взгляд.

— Запомни: твоя цель — чтобы этот молодой любитель тяжелого металла... как он там у вас называется?

— Гридень, — тихо вставила Делли.

— Да, верно, гридень, по прибытии в столицу представил тебя своему хозяину, а уж тот, в свою очередь, записал в свиту. Справившись?

— Отчего ж нет? — простодушно кивнула девушка.

— Ну, тогда, раз, два, три... начали!

Оринка молча кивнула и почти бесшумно скрылась в ольшанике, надежно маскировавшем оперативно-следственную группу от бдительных взглядов каанской стражи.

— Ладно, теперь ждем.

Я обвел глазами наш поредевший, и без того немногочисленный отряд. Вадюня, казалось, весь превратился в зрение и слух, ожидая встречи «тайного агента» с вероятным носителем бесценной оперативной информации. Делли, пришедшая в бодрое расположение духа после ухода не в меру шустрой, по ее мнению, девицы, искала случая начать лекцию о первоочередных задачах временного правительства во главе с именитым мужем Вадимом Ратниковым. Проглот... Я в недоумении огляделся по сторонам. Господи! Куда опять помялась эта несносная тварь?!

— Делли! — Я ошарашенно принялся заглядывать под низкие ветки кустов, точно ретивый щенок грифона мог там прятаться. — Ты не видела, какой леший утащил этого маленького прожорливого мутанта?

— Нет, — озабоченно покачала головой фея. — Пару минут назад он еще лежал рядом с тобой.

— Может, его типа покричать? — не мудрствуя лукаво, предложил Вадюня. — Куда он там мог подеваться?

— Ага! Давай уж лучше сразу выйдем на дорогу, вроде как домашнего грифончика разыскиваем. Заодно и с мужиком познакомимся.

— Не стоит волноваться, — поспешила успокоить нас фея. — Сейчас поднимусь над лесом и посмотрю, где его носит.

— То есть как поднимешься?! — Я уставился на Делли с нескрываемым возмущением.

— Как обычно, — в свою очередь, не понимая сути моего вопроса, пожала плечами чаровница. — Ты же видел, как я летаю. И в Гуралии на болоте, и у Русалочьего Грота. Неужели не помнишь?

— Я-то видел, а он? — Я ткнул пальцем в плечистого гридня, погнуто ведущего за собой травмированного скакуна. — Ему о нашем присутствии знать совсем не обязательно.

— Да ну, Клин, в натуре, не усугубляй! — махнул рукой Ратников. — Может, у них, чисто, в это время года феи тут сплошняком косяками летают! Как это... — Он наморщил лоб и, вспомнив, радостно закончил: — Весенняя эмиграция!

— Миграция, — поправил я, не сводя глаз с дороги.

— Тс-с! Включай уши — Оринка идет.

Миловидная девушка легко, словно плывя над травой, двигалась по еще не остывшим следам умчавшейся в столицу колонны, напевая что-то себе под нос. Узелок с вещами на плече довершал ее сходство с одной из множества странниц, которые, порвав с родимым домом, направляются искать лучшей доли в большие города. Конечно, не пристало юной девице путешествовать без сопровождающих, но что уж тут поделаешь, когда по-другому не получается. Не случалось еще такого, чтобы город сам вдруг заявился в глухоманные субурбанске чащобы.

Я молча покачал головой, беря на заметку при случае подсказать Оринке, что у путника, прошагавшего спозаранку не один десяток верст, вряд ли будет такая легкая поступь. Но у служилого человека, похоже, на этот счет подозрений не появилось, да и общая физичес-

кая подготовка у выросшей среди лесов и буераков девушки была значительно выше средней. Услышав за спиной шаги, гриден обернулся, предусмотрительно кладя руку на эфес меча, но, заметив улыбающуюся ласковому дневному светилу девушку, коротко, с достоинством, как и подобает мужчине, к тому же старшему по возрасту и положению, склонил голову в поклоне.

— Здорова будь, красна девица!

— И тебе по здраву быть, добрый молодец! — Оринка приложила руку к груди, демонстрируя искренность своего пожелания.

Манера субурбанцев, путешествуя от села к селу, из града в град, приветствовать в пути всех знакомых и незнакомцев, приятно разнообразила долгие часы странствий. Когда же вот как сейчас землетопы двигались в одном направлении, да к тому же не слишком спешно, как не завязаться непринужденной, довольно милой беседе, порою с весьма далеко идущими последствиями.

Дежурный обмен вопросами: «Куда, мол, направляешься?» да: «Отчего в одиночестве?..» И слово за слово разговор начинал обретать приятельскую форму. Похоже, молодой придворный теперь был вполне доволен своей участью и отнюдь не пенял на судьбу за негаданную встречу.

— ...И тут этот валун, будь он неладен! Откуда б ему здесь взяться-то — ума не приложу? Конь со всего маху наземь кувырк! Юшка-каан с него кубарем!.. Добро еще шеи себе не поломали.

— Ай-ай-ай! — качала головой Оринка с такой непосредственностью, будто не была лично не только свидетельницей, но и участницей событий, предшествовавших падению гордого каана. — И что, хозяин-то ваш, не сильно ли побился?

— Не без того, ушибся малехо. А все же не так, чтобы и очень. А вот конь, бедолажный, ногу изрядно прибил.

— Ну, это горе еще не горе! — успокаивающе махнула рукой девушка. — Всякую рану заживить да заговорить можно.

— Вестимо, можно, — согласился гриден. — Да кто ж ее заговорит?

— Невелика печаль, — обнадежила его попутчица. — Я и заговорю. Что ж конику-то бедолажному страдать.

— Нешто умеешь? — с некоторым сомнением взглянул на нее молодой придворный.

— Я самого деда Пихто внутика! — не без гордости заявила начинаящая разведчица. — Вдохновленного Кудесника! У нас в роду целительством всякий славится!

— Ишь ты! — восхитился ее собеседник, видимо, весьма уважавший всякую ученую премудрость. — Что ж, коли выходишь аргамака, так мы на нем до града Елдина в два счета домчим. Иным же слушаем, почитай, и до вечерней зорьки не поспеем. Под открытым небом ночевать придется.

— Не придется, — заверила его Оринка, подходя вплотную к скакуну и легким движением кладя ему на лоб промеж ушей свою маленькую ладошку.

Уныло ковылявший конь тотчас замер как вкопанный, будто готовясь занять место в Музее мадам Тюссо, а Оринка, склонившись к его сбитой ноге, зашептала чуть слышно — так, что нам едва было различимо в наушниках.

— Девица-мартуница, чистая водица. Что утекло — назад возвратится. Камень — во прах, прах в живу, жива в теле. Развейся, хворь навья, сгори боль явья, унесись ветрами в чисто поле за бел-горюч камень, за остров Буян, в Полканий край. Вплетись навеки в косу старого Тузла до крайнего дня, до урочного часа.

Уж и не знаю, насколько подобная магическая ветеринария была бы действенна в наших краях, но здесь, где феи являлись сотрудниками Волшебной Службы Охраны, а драконы с арбалетчиками на борту патрулировали рубежи великих держав, почему бы и не подействовать на конскую ногу этому бессвязному словесному потоку.

— Делли! — Вадюня задумчиво наморщил лоб, стараясь вникнуть в глубинную суть заклинания. — А вот чисто по жизни, что такое Полканий край?

— Погоди немного, — перебил я его. — Фольклор потом. Делли, скажи — это может подействовать? В смысле то, что кудесница наша вдохновенная сейчас мелет?

— Обязательно, — утвердительно кивнула фея. — Камешек-то был магический. То есть, по сути, его на дороге и не было вовсе. А всякая хворь, магией насланная, ею же и излечивается!

Я задумчиво потер переносицу.

— Угу, значит, так, сейчас конь оклемается, и дальше они поедут верхом. Когда сладкая парочка скроется из виду, мы с Вадимом отправимся следом, иначе дальности действия радиомикрофона надолго не хватит. А ты, будь уж так добра, разберись, куда подевался наш маленький крылатый паршивец, и догоняй нас. Хорошо?

— Зачем ты его так? — мягко пожурила фея. — Грифоны животные умные, все-всешеньки понимают. Ну а если чего не так делают,

как тебе о том думается, так ведь у них и природа другая, ничего тут не напишешь.

— Я ничего и не собираюсь писать, — с изрядной долей раздражения пожал плечами я. — В конце концов, на родину мы твоего реликтового умника вернули, а дальше, если он такой мозговитый, может и сам место под солнцем искать. Мы же вроде расследуем дело об исчезнувшей субурбанская элите, а не спасаем редкий биологический вид.

— Не то ты говоришь!.. — увещевающе начала Делли.

— Не, ну, а все же, — не дожидаясь конца перепалки, вмешался Ратников, — что это за приколы с Полканым краем и косой Тузла?

— Видишь ли, — радуясь возможности переменить тему, пустилась в объяснения чародейка. — Тузл — это имя одного очень древнего колдуна, или, если хотите, мага. Помните, я вам рассказывала, как мы вкупе с драконами против нечисти железной боролись? Так вот — он из тех. В нем кровь — пламя драконье, тело — предвечный камень. А сила в нем, — фея печально вздохнула, — от нас. В сече злой он выстоял, сказывают даже, от чужаков Тайного Знания поднабрался. Так ли, нет, не ведаю, а вот что злобы бездушной он из их котла хлебнул, так это всякому зрячemu видно. Как звать его, никому доподлинно знать не довелось. Тузл же не имя, а так — прозвание, ибо многим людям мнилось, что стоит он по ту сторону обыденного, человеческого зла.

— Повремени с легендами. Вадим! — окликнул я напарника. — Пора по седлам. Глянь-ка, у коня уже, похоже, все, что надо, куда надо вплелось и развеялось.

— Да ну, в натуре дай дослушать, — отмахнулся Ратников. — Куда они, на фиг, денутся? У микрофона радиус действия — два кмэ. Пусть себе едут! Мы в натуре им аккуратно на хвост пристроимся. Ну, а че дальше-то было?

— А чему уж тут быть? — усмехнулась фея. — Как я уже сказывала, дело это в стародавние времена случилось. Еще до той поры, когда меж людьми и магами вечный мир положен был. Как ныне говорят, веки Трояновы. Много в те годы Тузл людей погубил всякого имени и звания. А его ни меч, ни копье, ни стрела каленая не брали. Ибо сила в нем была ярая да неуемная. А таилась сила эта в косе.

— Это че, типа смерть с косой? — завороженно предположил витязь.

— Да нет же, — усмехнулась фея. — По виду обычнейшая коса, из волосьев, только длинная очень. Он, сказывают, свои патлы от

первого мига растял да берег. Но и на него укорот съскался. Пришел некий витязь, схватился с Тузлом в смертной, яростной схватке...

— А! Ну, чисто китаец! — радостно кивнул Вадим. — Там один хмырь такой вот косой пеньки в труху расшибал.

Заливистый свист, от которого через мембррану приемника закладывало уши, едва не свалил нас наземь.

— ...А-а-а! Держи их! Лови! Не выпускай! Сети набрасывай! — послышалось в наушниках сквозь милый треп Оринки и незадачливого гридня.

— Н-да, похоже, концепция опять меняется. — Я обвел взглядом свой крошечный отряд и, поудобнее обхватив ладонью рукоять резиновой булавы, скомандовал: — По коням!

Глава 5

Сказ о том, что худой мир лучше, чем полный ататуй

Утробы синебоких «ниссанов» взревели на форсаже, и обломки веток, сбитые их мощными железными торсами, разлетелись во все стороны, пропуская волшебных скакунов на проезжий тракт. Хотелось верить, что заигравшемуся грифону был хорошо слышен знакомый с детства звук работающих двигателей и что он заставит его наконец бросить очередные безобразия и помчаться вслед за нами. Если нет — нам оставалось лишь запомнить место и, по возможности покончив с очередными приключениями, организовать поиски домашнего любимца.

— Вперед! — погонял я коня, раскручивая шипастую палицу, до недавних времен еще имевшую вполне резиновые форму и содержание.

— Замочу! — в тон мне орал Вадюня, потрясая острием перевоплощенного «мосберга».

Этот весьма странный боевой клич гулко раздавался над дорогой, заставляя нечаянного слушателя всерьез задуматься о цели грядущих боевых действий. Черный Феррари Делли, подгоняемый, кажется, ее летальными, вернее, летательными способностями, стремительно обогнав наших железных коней, вынесся на вершину холма, с которого дорога спускалась вниз, и, попятившись, замер.

— Тише! Осадите назад! — Еще секунда, и наши чудесные скакуны замерли у самого гребня поросшей лесом высотки.

Вид, открывшийся отсюда, без лишних вопросов объяснял странное поведение феи. Низина, в которую спускалась утоптанная, покрытая глубокими колеями дорога, была заполнена всадниками. Их было куда больше сотни, и посреди этой вооруженной толпы, точно единственная свечка на праздничном пироге, красовался жеребец, покрытый золоченой попоной. Судя по открывшейся нам картине, схватка была уже окончена. Оринка и ее спутник, крепко связанные, лежали на земле, а суетившиеся разбойники, если только это были разбойники, оттаскивали в сторону валявшиеся по обочинам тела собратьев. Одни из поверженных ворогов были покрыты кровью, другие же — и таких было большинство, держась за головы, катались по земле так, будто тщились оторвать от шеи надоевшие болванки для шляп.

— Кажись, болиголов сглотнула, — тихо пояснила Делли, не спуская глаз с безрадостного пейзажа. — Сглотнула да навь вокруг себя навеяла. Ей бы молока из одуванчиков выпить, чтоб самой не захвать, а она вона как. Не успела, должно быть.

Объяснение феи, на мой взгляд, не слишком проясняло обстановку. А главное, значительно больше, чем причина внезапного падежа среди разбойников, меня интересовал вопрос чисто криминалистического характера.

Насколько я знал по опыту работы в уголовном розыске, любое умышленное преступление предполагает наличие строго определенного контингента участников. Так сказать, четко прописанных ролей, будь то шестерка на стреме, наводчик или же забившийся в глухую щель скопщик краденого. Разбойные нападения — не исключение в ряду прочих злодеяний. Предположить, что этакую уйму вооруженного сброва, судя по выездке, отнюдь не новичков, собрали здесь воедино с одной лишь целью — перехватить одинокого всадника с его спутницей, — значит ничего не разуметь в психологии разбойного люда. А если разуметь, то неминуемо возникают вопросы. Первое: какова бы ни была добыча, делить ее придется на целую толпу головорезов. А с нашей парочки и добычи-то — как с поросячьего пятака сдачи. Второе: столь крупное кавалерийское подразделение требует постоянных финансовых вливаний, и немалых. На подножном корму оно долго не выживет. А если будет промышлять по мелочевке, как сейчас, то большая часть банды просто разбежится, а меньшая вздернет нынешнего атамана и выберет себе другого. Что-то здесь не так.

Между тем связанных, опутанных сетями пленников волоком тащили прочь от дороги куда-то в подлесок. Вадюня, играя желваками на широких скулах, неотрывно следил за слаженными действиями вооруженных до зубов подорожников, нервно сжимая и разжимая пальцы на цевье своего «копья». Даже принимая в расчет налиchie феи, подкрепление из нас сейчас было не ахти какое. Погибнуть с честью или же оказаться рядом в путах — невеликая помощь. Между тем невнятные шумы, перемежающиеся короткими окриками команд в наушниках, сменились вначале полным молчанием, а затем резким звуком низкого повелительного голоса.

— Это они?

— Они, хозяин, — подобострастно заверил его невидимый отсюда некто.

— Кто такие?

— О том мне неведомо. На этом вот красавце жупан золоченый с синим вепрем. Не иначе как из свиты Юшкиной ухарь. Да и конь под ним — как бы не самого...

— О том я и без тебя знаю, — нетерпеливо перебил собеседника неведомый атаман. — А девка чья?

— Может статься, что витязя, — предположил неуверенный докладчик. — Кто уж такая — не ведаю. По всему видать — чародейского корня. Вокруг нее огольцов наших с десяток головной болью покрючило. Да еще этот размахай дебелый двоих в сырую землю сложил да Лихохвату голову раскроил. Хорошо еще еловец¹ удар сдержал, токмо промялся!

— Экая незадача! Столько-то пройти, чтоб в глупой драке неведомый размахай голову проломил. Ну да славно, что жив остался, а там уж ты, Фуцик, на то и маг. Ты мне его и выходиши.

— Хозяин! Да я ж что ж? Я ж маг боевой! Ну, там навь развеять, стрелы отвернуть, в личину облечь. Алекарский промысел не по мне. Разве что кровь заговорить...

— Не по тебе, гришь? Ну, вестимо, не по тебе. Это ж ты нам вечор указал, что каан нынче в полдень здесь поедет...

— Так звезды о том говорили, — скороговоркой начал оправдываться проштрафившийся чернокнижник. — И сокол ласточку с самого зениту бил. И вот еще Хавронья, ну, свинья-то наша, аккурат к двенадцатой миске пошла.

¹ сфероконический шлем.

— Ты мне, пес шелудивый, зубы не заговаривай, не то я тебя, что тот сокол, по маковке перначим тюкну! И Сам не спасет! Куда Юшка подевался?!

— Не ведаю, — уныло сознался Фуцик. — Может, он о том знает? По всему ж видать, из свиты его гридень.

Должно быть, разбойничий маг указал на лежавшего в беспамятстве стременного. Впрочем, после всего услышанного язык уже с большим трудом поворачивался причислить неведомых дорожных перехватчиков к сословию лесных разбойников. Скорее уж они напоминали одну из тех многочисленных банд, которые носились по лесам и степям под разноцветными знаменами разномастных атаманов в годы далекой гражданской войны нашего Отечества. Но, по моим наблюдениям, гражданская война в Субурбании еще не намечалась. Хотя кто об этом сейчас мог сказать наверняка? А стало быть...

Мои размышления прервал знакомый перезвон. Такой звук издавало чудесное зеркальце в момент вызова.

— Изыди! — грозно скомандовал разбойничий вожак своему без того перепуганному магу.

Судя по звуку ломаемых веток, его приказание было выполнено со всей возможной стремительностью, поскольку с последней трелью вызова интонация отчаянного грозы лесных дорог изменилась почти до неузнаваемости.

— Да, ваша первостатейность. С великой нашей радостью.

Слов его собеседника не было слышно, и оставалось лишь гадать о сути разговора по обрывкам долетавших до нас фраз.

— ...утек, леший ему на загривок! Уж мы тут бились, аки звери дикие. Моих с дюжину полегло, а Юшкиных и подавно три дюжины. Полон взяли, коня из-под него добыли, а сам, бестия, ужом, как есть, утек!

Ответ «первостатейности» был не слышен, но понять его суть оказалось делом несложным.

— Не велите казнить... — залепетал крутой пахан. — Тотчас же погоню наперехват отрядим. Уже отрядили. Слушаю-с. Все уразумел. Поутру, как ворота откроют у вас. А с пленными что повелите делать? Умертвить? Как прикажете. В лучшем виде-с.

Я угрюмо поглядел на Ратникова. Неразличимый магическими средствами микрофон, закрепленный на Оринке, работал безупречно, и мой сановный напарник слышал все, что происходило в лесной чаще, не хуже, чем я.

— Сегодня ночью, — то ли спрашивая, то ли, наоборот, отвечая на мой немой вопрос, тихо проговорил он.

— Эй, сюда поди! — вновь раздался в наушнике властный атаманский голос. — Завтра поутру со мной поедешь. А сейчас отправь людей прочесать дорогу, остальным возвращаться. Да прикажи, чтоб раздобыли подводы, раненых везти.

— Как пожелаете, — поспешил выпалил Фуцик. — А с этими что делать?

— Есть высокое мнение, что их след умертвить.

— Так, — неуверенно проговорил боевой маг, — оно ж кликнуть кого, или же...

— Ох и всыплю я тебе когда-то за неразумность твою непутевую! Ты ж сам, балда колдовская, сказывал, что лекарским премудростям не учен, а девка, как есть, ведунья. Умертвить-то ее, поди, дело племенное, всегда успеем. Но Лихохвата на ноги кто ставить будет? Ты, что ли, лешачий выродок?

— Да-да-да! Понимаю-понимаю-понимаю. Ее, стало быть, под замок, а его...

— И с ним не торопись. Оно, глядишь, еще сгодится. Как уж там завтра дело повернется — поди, гадай. Ну а уж если что не по ладу станется, то, глядишь, и придется добру молодцу кому след за нас словечко молвить. Ну, че стал, точно идол каменный?! Чай, ноги-то не вкопаны! Ходи бегом. Нечая молодчикам на большаке без дела ошиваться. Эх! Нычка не выдаст, тодорцы¹ не окопытят!

Командный голос в наушниках стих. Зампомаг, не ожидая дальнейших указаний, бросился выполнять распоряжение высокого начальства. Я, почесав булавой затылок, вопросительно поглядел на свою команду.

Как замечательно все представлялось, когда мы пересекали границу Субурбании! Торжественный въезд исполняющего обязанности государя в столицу, самые широкие полномочия, полноценное сотрудничество с местными органами внутренних дел и спецслужбами, поддержка Груси. А тут — нате, здрасьте, наземь слазьте! Не успел я заподозрить Юшку-каана в коварном заговоре против собственного государя, как выясняется, что и против него самого кто-то весьма серьезно злоумышляет. И этот кто-то сидит в столице и,

¹ Тодорцы — демонические существа, являющиеся из мира мертвых. В страстную неделю они носились верхом на хромом коне. Удар копытом такого коня приводил к долгой болезни, а порою и к смерти.

судя по всему, обладает немалым влиянием, раз осмеливается бодаться с главой Союза Кланов.

— Сюда конкретно едут, — выводя меня из задумчивости, проговорил Вадюня. — Ну че, завалим отморозков?

Несколько всадников поднимались на холм, очевидно, направляясь за подводами.

— Нет, погоди. — Я с усмешкой поглядел на Делли. — У меня тут одна мыслишка появилась. Сойдем с дороги.

Скрип колес, позвякивание сбруи и стук копыт неспешных крестьянских лошадок доносились все ближе. Не знаю уж, что там на пророчили звезды боевому магу, но нам выпало целый день сидеть, притаившись в кустах у дороги, созерцая передвижение конных и пеших, едущих на гужевом транспорте в древний град Елдин. И, понятное дело, из него. Банда неведомого батьки уже давно отбыла в неизвестном направлении, оставив для охраны раненых и пленных с десяток головорезов. Считая с той полудюжины верховых, которая сейчас неспешно рысила впереди телег, — шестнадцать. Толпа, конечно, поменьше, чем в момент схватки, однако я — не сказочный герой. И Вадюнину голову, хоть он у нас в натуре витязь, тоже представлять резону нет. А кроме того, к чему все эти партизанские штучки? У кого же еще получить информацию о заказчике преступления, как не у непосредственного исполнителя. Для этого надо подойти к нему вплотную и найти весомые аргументы, чтобы заставить говорить на заданную тему. А валить всякий мелкотравчий сброд по кущарям — дело хлопотное и малоэффективное. Сейчас к главному подобраться бы.

— Берем последнюю телегу, — тихо скомандовал я, когда подводы начали неспешно, одна за другой, спускаться с холма.

Делли молча подняла руки. Взгляд ее стал леденящим-холодным но, слава Богу, он был обращен не на нас.

Подобную картинку я уже видел прежде в отеле «Граф Инненталь», когда несколько чересчур усердных стражников пытались задержать одну весьма занятную особу, выдававшую себя за герцогиню Бослицкую.

Возница с помощником замерли на полуфразе, точно впав в летаргию.

— Пошел! — Мы с Вадимом сорвались с места и устремились к повозке.

На селян, правивших незамысловатым экипажем, это не произвело ровно никакого впечатления. Покачиваясь в такт конскому шагу, они не обращали внимания ни на гостей, ни на то, что запрыгнувшие в телегу незнакомцы как две капли воды похожи на них сальных. Дальнейшее не заняло и пары минут.

Оба возчика были брошены на дно телеги и закамуфлированы сеном. Конечно, маскировка оставляла желать лучшего, и, наткнувшись разбойники на припрятанные в повозке тела временно обездвиженных оригиналлов, нам бы долго пришлось доказывать, что это всего лишь пилоты сменного экипажа. Впрочем, кто бы стал нас слушать?!

Но, как мы и предполагали, погрузка раненых не слишком заинтересовала разбойников, видимо, считавших ниже своего достоинства заниматься переноской корчащихся от нестерпимой боли тел. К сожалению, Оринке и ее спутнику, ввиду особой ценности, была выделена отдельная подвода. Нам же пришлось грузить стенающих романтиков с большой дороги, сраженных в валежник насланным кудесницей недугом.

Бичи взметнулись над конскими спинами:

— Но! — Несспешные телеги «скорой помощи» тронулись с места, сопровождаемые конным эскортом, в загадочное логово разбойного атамана.

Вечер обещал быть нескучным. Скрытое проникновение в чужие жилища противозаконное, но, увы, практически неизбежное деяние в работе частного детектива. Действуешь на свой страх и риск, прекрасно сознавая, что в случае оплошности хозяин дома вполне может обратиться к твоим недавним коллегам, и никакая лицензия не спасет тебя от справедливого и законного возмездия.

В данном случае обращения разбойного атамана в правоохранительные органы, пожалуй, можно было не опасаться. Но, как по мне, так уж лучше бы этот потрошитель чужих обозов к ним возвзвал.

Мы в молчании двигались вперед. Время от времени Вадюня начинал бубнить себе под нос какие-то малоприятные замечания по поводу системы управления гужевым транспортом, но его слова не находили отклика у пассажиров, и он вновь умолкал, сосредоточенно глядя на ухабистую дорогу. Разбойники, сопровождавшие подводы с ранеными, негромко переговаривались между собой, и я, свесив голову на грудь, чтобы выглядеть дремлющим, напряженно вслушивался в их незамысловатые речи.

— И на что он хозяину сдался? — лениво поигрывая плетью, говорил чубатый душегуб, имея в виду, насколько я понял из его предыдущих слов, улизнувшего из-под носа Юшку-каана.

— Дикий ты, Микола. Как есть — дикий! — качал головой рысивший бок о бок с ним бородач в шитой козьим мехом вовнутрь гуральской свитке. — Из каких краев-то Юшка-каан ворочался?

— Ну так вестимо из каких — из захребетных.

— То-то же, что из захребетных. Из самой Мурлюки! А поговаривают, что наш Юшка через женку свою ихнему Генеральному Майору не то брат, не то сват. Короче говоря, сродственник.

— Да уж, свезло лядаку¹! Почитай, из полной колоды рутерку² вынул. Ну да нам-то с того что? — покачав головой, поинтересовался Микола.

— А то, что Генерального мурлюкского Майора, как бают сведущие люди, покусала муха замедленного действия.

— Кто?! — с заметным испугом переспросил первый разбойник.

— Тс-с! — Его бородатый собеседник для проформы обернулся, но, не сочтя достойными внимания забитых селян-возчиков, продолжил, не понижая голоса: — Мне по секрету сказывали, что в далеком-далеком Сливном заливе есть дикая, но богатая страна Икраб. До недавнего времени ею правил страшный и ужасный, не чета нашим, султан-мултан Агдам Бассейн. Этот злой демон во плоти задумал покорить весь свет и, представь себе, так это тщательно скрывал, что даже соседи об этом ничего не знали. А он, охаверник, велел своим ученым джиннам, это вроде нашего Фуцика, смайстрячить ему такое оружие, чтоб не было от него защиты ни под броней, ни под плащом, ни в огненном кругу. И вот, представь себе, посреди безводной каменной пустыни вывели эти чертовы выродки мууху замедленного действия. Крошечная она, простым глазом и не увидать! И что, главное, жабья сыть, вытворяет! Вокруг головы всякого пришлого кружит, кружит и жужжит так мерзко, тоненько. Иные ее даже ухом не слышат, а душой чуют. И уж кого она облюбует — тот навсегда умишком скорбный становится. Не дружит больше с головой, что ты тут ни делай! Хоть кол на башке ему теша, хоть на кол этот самого усаживай! А уж коли мууха эта вдруг кого укусит, так и вовсе беда. Покусанный то улыбается не к месту, то морозит невесть что, а то и вовсе на людей бросается. Того и гляди, сам цапнуть может!

¹ бездельник, лодырь.

² крупная карта.

— Э-экая нездача! — завороженно вздохнул чубатый. — Ну а нам-то с того что?

— Ну так ведь, когда Генеральный Майор о том прознал, он мурлюкскую рать супротив Агдама Бассейна без всякой робости двинул и, как водится, изжил клятого супостата в один присест и один пристав.

— Так хвала ему за то и ото всех краев низкий поклон.

— Ну, поклон-то поклон, а беда в том, что, по всему видать, муха Агдамова его таки укусила. А от него зараза, как сказывают, прямиком Юшке-каану передалась. Сразу-то ее, может, и не различишь — на то она и замедленного действия. Ну а вдруг как мор по всей земле субурбанской пойдет? Кто ее, эту хворобу, знает?! Может, от нее с единого чиха слечь можно?

— Так, стало быть, хозяин затем и решил каана заарканить, чтоб, Нычка упаси, моровое поветрие от него не пошло?

— А то как же? — согласился, вальяжно поглаживая бороду, умудренный жизненным опытом рассказчик. — Санитар он нашего леса!

Я едва удержался от предательской ухмылки. Подобное объяснение банального налета, признаться, мне было внове. Да и мысль о том, что благодаря усилиям пресловутой мухи влиятельный глава Союза Кланов может прослыть буйнопомешанным, наводила на размышления. Кто-то хорошенъко потрудился над тем, чтобы убрать с поля могущественного соперника, и, готов поспорить на что угодно, таинственный Некто, придумавший всю эту операцию, отнюдь не лесной санитар, как простодушно полагал давешний разбойник.

Телеги свернули с большака на проселок, а затем на лесную тропу, едва-едва проезжую для подвод. Нам то и дело приходилось уворачиваться от свисающих тонких ветвей, на которых то здесь, то там виднелись небольшие, но весьма звонкие медные колокольчики. Как ни старались возчики и верховые проехать, не зацепив припрятанные среди листвы темные бубенцы, перезвон, разносившийся над округой, наверняка заблаговременно оповещал неведомых хозяев о приближении гостей.

Наконец среди ветвей замелькала темная каменная кладка, а вслед за тем на ближайшей поляне нашим взглядам предстало мрачное строение, когда-то, вероятно, считавшееся охотничим замком. На мой взгляд, проект был не слишком удачным. Ров с покосившимся частоколом на берегу, массивные четырехугольные башни, угрюмо высившиеся над шестиметровыми стенами, еще более унылый тощий донжон — все это мало походило на уютный, тихий уг-

лок, устроенный для отдохновения души какого-нибудь вельможи. Но и военное значение этого лесного отшельника было весьма ограничено.

— Клин, — тихо проговорил Вадюня. — Я тут чисто прикинул — полторы сотни жлобов в этом курятнике не поместятся. Они прямо друг у друга на голове сидеть будут.

Я молча кивнул. Что и говорить, старая крепость родного Кроменца выглядела куда как импозантнее, но главное, что, проведя детские годы в ее башнях и куртинах, и я, и Вадим вполне ориентировались в архитектуре подобных сооружений.

Ехавший впереди колонны всадник спешился у подъемного моста, вернее, у того места, где он должен был бы находиться. Каменная сторожка была пуста, лишь колокол размером с ведро уныло свисал с перекладины под самой крышей, оставляя всем желающим по-тревожить не слишком гостеприимных хозяев возможность трезвонить на свой страх и риск.

Командир нашего конвоя ухватился за свисающую с языка колокола узловатую веревку, и набат, загудевший над чашей, заставил обитателей замка уделить внимание приезжим. Меж зубцами надвратной башни мелькнуло чье-то лицо, затем мост с жутким скрежетом начал опускаться, пугая непривычных к подобному звуку и виду крестьянских лошадок и заставляя возчиков натянуть вожжи, чтобы не дать своей нервной скотине бежать без оглядки от столь неуютного места.

— Делли, — бормотал я, наклоняясь к закрепленному в рукаве микрофону. — Въезжаем в замок. За мостом ворота с двумя засовами. Один в полсажени от земли, другой — примерно на аршин выше. Засов деревянный. На полтелеги за воротами опускная решетка. Сейчас она поднята. Возможно, ее опускают на ночь. Двор прямоугольный. Примерно пять на десять саженей. Стражи на стенах не видно. А, нет! Вон два человека играют в кости.

— Тпру! — раздалась команда начальника конвоя. — Слезайте с козел, начинайте разгрузку. Да поласковей, не дрова, чай, грузите! Смотрите мне! — Разбойник продемонстрировал обутый в перчатку кулак, напоминающий средней величины коровье копыто. — Шкуру спущу!

— Куда раненых-то? — послышалось с одной из телег.

— Вон, сенник под-стеной видишь? Туда и волоките, — через плечо бросил разбойник, отправляясь, должно быть, за новыми указаниями.

— Вадюня, работаем! Не забудь открыть хозяев. Пусть изображают спящих, пока мы здесь будем восстанавливать конституционный порядок. Когда ноги сделаем, все вопросы к ним.

— Клин, а наши...

— Не вопрос. Смотрим, куда их поведут. Делли, — проговорил я еле слышно, для проформы запуская пятерню в шевелюру, точно обдумывая, как поухватистее взяться за транспортировку бессознательной разбойничьей братии, — народу в замке, похоже, немного. Не считая раненых, пожалуй, всего человек тридцать — тридцать пять. Работаем по плану. И еще... мы на тебя очень надеемся.

Глава 6

Сказ о чистосердечной помощи следствию

Раненые и сраженные головной болью разбойники уже отдыхали на сеновале, нуждаясь в уходе, вернее, в приходе врача, а Оринка со своим отважным спутником все еще находились на прежнем месте во флагманской телеге. Наконец на высоком крыльце донжона показался некто в балахоне, торчащем из-под кирасы. Его округлая голова, покрытая несуразным колпаком, вся его нескладная нелепая фигура выглядела скорее шутовской, чем устрашающей.

— Этих тащите наверх! — прокричал он, стараясь придать голосу мощное звучание. Прямо сказать, получалось не слишком удачно.

— Фуцик, — негромко бросил я Вадиму, узнавая слышанный недавно голос.

— Это я просек, — кивнул Злой Бодун Ратников, спрыгивая с телеги. — Сходим типа подсобим.

Возница и его помощник, восседавший на козлах первого, вероятно, самого комфортабельного возка, засутились, стараясь аккуратно поднять израненного стременного. Не говоря ни слова, мотутный витязь Злой Бодун Ратников подошел к повозке и протянул руки к Оринке.

— Куда прешься, Трифон? — беззлобно, но с явным неудовольствием прикрикнул возница.

— Ишь, охальник! — осуждающе покачал головой его помощник. — К девке руки потянул! Ужо погоди — все Глафирие пораскажу.

— Так надо, — не разжимая зубов, процедил Вадюня, кладя свою немалую пятерню на плечо возчика и запуская большой палец в шею чуть выше ключицы. Глаза у бедолаги распахнулись неестественно широко, рот от боли и ужаса открылся и тотчас захлопнулся.

— Слово вякнешь — удавлю!

— Мы поможем, немного поможем, — стараясь улыбаться как можно благодушнее, произнес я, отодвигая возницу и перекидывая руку гридня через свое плечо.

— А-а-а, насчет оплаты?

Незамутненная крестьянская душа мобилизованного возчика безропотно могла терпеть службу бандитам, прямое неприкрытое насилие над собой, но оплата — дело святое! Ибо сказал Бог Нычка: «За все воздам!»

— Не боись, перетрем в лучшем виде, — обернулся Вадим, легко поднимая на руки тоненькую, словно утренний лучик, девушку.

Что и говорить, я видел разбойников, пострадавших от ее чар. Это были крепкие мужчины, по всему видать, не склонные к дамским мигреням.

Возможно, в первый раз в жизни голова у них болела не с перепою, а так, вдруг, ни с того ни с сего. Сейчас все они лежали в полубессознательном состоянии, с холодной испариной на лбу и закатившимися от боли глазами. Но, кажется, юной кудеснице было еще хуже, чем им.

— Следуйте за мной! — гордо изрек Фуцик, поворачиваясь к нам спиной.

— Как прикажете, — подобострастно затараторил я, удобнее перехватывая раненого пленника и помогая ему ступить на лестницу. — Не извольте беспокоиться.

— Оришенька! — тихо, склоняясь к самому уху, шептал Вадим. — Ты, чисто, как? Это в натуре я, Злой Бодун. Слышишь меня?

— Фляга, — одними губами прошептала внучка деда Пихто.

— Клин, слыши, она какую-то флягу спрашивает.

— О чём вы там переговариваетесь? — недовольно кинул боевой маг, налегке поднимавшийся впереди нас по винтовой лестнице.

— Да тут девка пить спрашивает, — поспешил ответить я и добавил, но уже значительно тише: — Что за фляга?

— Клин, а я, чисто, почем знаю?

— Молоко из одуванчиков, — делая над собою немалое усилие, пробормотал стременной. — За кушаком.

Ну да, конечно, теперь все стало на свои места. Еще утром Делли говорила, что нейтрализовать действие болиголова может молоко, добытое из цветов одуванчика. То самое, которое образуется на сломе зеленого стебля майской порой. Интересно, сколько же цветов нужно изломать, чтобы набрать целую флягу этого белесого сока?

Я остановился и начал старательно ощупывать кушак, опоясывающий крепкий стан гридня. Сплетенный из бересты флакон, который мне удалось там обнаружить, язык не поворачивался назвать флягой, но, судя по виду жидкости, в ней находившейся, мои поиски увенчались успехом. Вероятно, перед началом схватки Оринка успела передать этот сосуд воинственному спутнику, чтобы головная боль не сразила и его. А вот вернуть антидот¹ обратно стременной, вероятнее всего, не успел.

— Ну! Куда вы там подевались? — раздался сверху недовольный окрик Фуцика. — Ишь, увальни неживые!

— Так тяжело ж поди тащить! — жалобно посетовал я, передавая противоядие Вадиму.

— Давайте-давайте! Нечего баклушки бить! — радуясь слухаю по-командовать, прокричал маг-недоучка. — Не то сейчас враз в земляных червей превращу!

— Помилосердствуйте! — истошно взвыл я, с умилением глядя, как Вадюня подносит к губам девушки заветную флягу.

— Давай, Ориша, пей! Выздоровливай скорей.

— Идем-идем, — поспешил я успокоить «грозного чародея», заждавшегося нас в конечной точке маршрута следования. — Эк у вас тут темно! И ступеней-то не разглядеть.

— Превращу! — еще раз пообещал войсковой колдун.

Пожалуй, как следовало из собственных признаний Фуцика, превратить человека во что бы то ни было ему не по силам. Но ведь в данный момент я числился темным селянином, а не одинцом-следознавцем. А стало быть, подобная осведомленность была мне совсем не к лицу. Потому, убедившись, что взгляд Оринки принимает осмысленное выражение, я удовлетворенно кивнул и запричитал, старательно изображая ужас.

— Ох, горюшко-то! Ох, напасть!

Темная винтовая лестница вела на верх донжона. В ржавых железных кольцах, вмуранных в стену через каждые пару метров, за время подъема я насчитал лишь четыре факела, и те больше коптили низкий сводчатый потолок, чем освещали потрескавшиеся от сырости

¹ противоядие.

сти выщербленные ступени. Не нужно быть сыщиком, чтобы с уверенностью сказать — лесное убежище последние десятилетия не использовалось в качестве жилища.

Винтовая лестница, не прибиравшаяся, должно быть, с момента сдачи замка, в смысле, сдачи в эксплуатацию, наконец завершилась круглой залой, перегороженной не так давно кирпичной стенкой. Грубо сколоченная дверь отделяла почти не меблированную приемную от личных покоев местного криминального авторитета. У входа в апартаменты на сундуке, покрытом рваной попоной, положив на колени боевой топор, сидел мрачного вида хмырь с человеческим лицом. Следы интеллекта никогда не искавали его угрюмые черты, но, должно быть, столь невыносимых усилий от караульного и не требовалось. Он молча смерил нас недружелюбным взглядом, зыркнул на ждущего у дверей Фуцика и, кивнув головой, вернулся к прерванному занятию — зашивать дратвой порванный сапог.

— Пошевеливайтесь, бездельники! — недовольно прикрикнул чернокнижник, потрясая кулачишком перед лицом Ратникова. — Хозяин заждался, а он ждать не любит!

— Это мы еще посмотрим, кто тут бездельник! — пробормотал Вадюня, недобрым глазом смеривая коротышку-чародея и не в меру хозяйственного стражника.

— Что ты там язык распустил? — не унимался маг, должно быть, не рассыпавший таившийся в речах моего напарника угрозы, но вполне ощущивший ее направление.

— Дверку-то, мил-человек, отворите, — не давая скандалу и мордобою разгореться раньше времени, вмешался я.

— Вот они, батька Соловей! — Фуцик склонился в поклоне, демонстрируя нам задний фасад. — Прибыли.

— Пусть войдут, — скомандовал разбойничий вожак, и согбенная фигура мага расправилась в повороте, заметно увеличиваясь в размерах.

— Сюда заносите!

Кабинет, или, вернее, парадные апартаменты чащобной «малины», нельзя было отнести к помещениям плохо обставленным, но и жильем это место назвать было трудновато. Оно больше походило на склад, заставленный в художественном беспорядке разнокалиберной мебелью, загруженный домашней утварью, заваленный коврами, кое-где развернутыми, а кое-где прислоненными к резным шкафам унылыми пыльными бревнами. Посреди всего этого великолепия за идеально чистым, без единой бумажечки столом восседал лох-

матый седеющий бородач с обвисшим овалом лица, которое, пожалуй, влезло бы не во всякий жбан.

— Туда вон, — скомандовал он, указывая кивком головы на скамью, криво поставленную у стены.

Мы поспешили исполнить его приказ, успев лишь шепнуть Оринке, чтобы она готовилась принять деятельное участие в веселье, как только оно начнется. Боюсь, подобное напутствие немного сказало едва пришедшей в себя кудеснице, но ни времени, ни способа поведать ей о наших планах, увы, не было. Поудобнее пристроив раненых на лавке, мы с Вадимом замерли в ожидании последующих команд, старательно разглядывая комнату, которая могла вскоре оказаться импровизированным полем боя.

— Ну что торчите тут столбами? — рявкнул атаман, поднимаясь из-за стола и демонстрируя обтянутое бархатным камзолом чрево, способное вызвать счастливую улыбку на лицах пивоваров и производителей сосисок. — Вон пошли!

— А-а-а, — потупив глаза, начал я, лихорадочно соображая, чем можно оправдать наше присутствие здесь, — деньги-то за провоз?

Спасибо возчику — надоумил!

— Я что, когда-то вас обманывал?! — громогласно напустился на меня громила, в негодовании потрясая лопатообразной бородой. — За нос водил? Обжуливал?

— Так...

— То-то же, что так! Ходи за дверь, печальник¹, да там жди! С делами управлюсь, затем и о монетах речь пойдет. У, гужеед скаредный!

— Идем, идем! — едва ли не волоком потащил меня Вадюня.

— Ну что такое? — недовольно буркнул я, когда мы с Ратниковым оказались в приемной. Даже не в самой приемной, а на лестнице.

— Клин, ты просек, как этого волосатого бегемота зовут?

— Ну, погоняло у него «Соловей», а как звать? — Я пожал плечами. — Да какая, к черту, разница? У меня по делу проходил один авторитет, у того и вовсе кликуха Жаба была.

— Ну и что, повязал? — с какой-то нехорошой ухмылкой поинтересовался Вадим.

— Не-а. Он в народные депутаты подался.

— То-то и оно. По жизни выходит — зря гоношился. Вот и сейчас я тебе конкретно говорю — не суетись!

¹ тот, кто печется, заботится о ком, о чем-либо.

— Да в чем дело-то?

— Вникай сюда. Погремуха у дедугана — Соловей. А по сути он кто? — хитро прищурился Ратников.

— Ну, бандит с большой дороги, налетчик. Что это ты вдруг загадками заговорил?

— Клин, не тупи. Шурупай мозгами! Он не просто соловей. Он по жизни Соловей-разбойник! Вникаешь?

— Да ну, ты скажешь! — усомнился я в правильности диагноза.

— Ну-ну, ободья гну! Ты перед тем как стрем попер, свист в ушах слышал?

— Слышал, — с неохотой вспомнил я. — Отменный свист! Чуть из сапог не выскошил!

— То-то же! Тут на фу-фу не возьмешь. К нему чисто подход нужен.

— Предложение замечательное. Но, если честно, я, кроме как с размаху пудовой булавой, никаких других подходов к подобным тварям в первоисточниках не встречал. Может, тебе доводилось?

— Я тоже не припомню, — сознался Злой Бодун.

— Ладно. — Я махнул рукой. — Бог даст, на месте разберемся. А сейчас самое время связаться с Делли и начать массовые увеселения для паразитирующей части здешнего общества.

Мы с Вадимом спустились еще на пару витков лестницы, чтобы не привлекать беседой внимание сапожничающего караульщика. Изображение в зеркале — волшебном средстве мобильной связи — пошло волнами и наконец стабилизировалось, давая мне возможность наблюдать ту самую, увешанную колокольцами тропу, по которой еще полчаса назад тащились повозки с ранеными. В тени одного из деревьев, прислоняясь к бурому, покрытому глубокими бороздами стволу, как ни в чем не бывало стояла фея, чуть поодаль виднелись наши верные транспортные средства. Как ни хитроумна была задумка разбойников с бесперебойной системой оповещения, тягаться с магическими способностями прирожденной феи им было не по чину.

— У тебя все готово?

— Да, почитай, что все. Дело за малым.

— Вот и славно, — улыбнулся я. — Тогда мы ждем от тебя сигнала и тоже начинаем.

— Заметано, — с Вадюниной интонацией проговорила фея. И добавила: — Перышко вам в донышко.

В ожидании обещанного сигнала мы замерли, стараясь полностью слиться с каменной стеной на случай, если кому-нибудь вздумается пройтись этим путем. Однако желающих, похоже, не было. Из арки выходящих на лестницу дверей второго этажа доносились приглушенные звуки буйного веселья. Уж и не знаю, чему, собственно говоря, радовались вернувшиеся из рейда разбойники. Может быть, тому, что большинству удалось сохранить головы на плечах, но, так или иначе, желания сбегать за атаманом явно не выказывал никто. Убедившись, что все спокойно, я достал из-за пазухи наушник и начал прислушиваться к беседе разбойничего вожака с пленными.

— ...Вот любуюсь я, паря, твоей девкой, да сам себя и спрашиваю: «Какого рожна ты ей без головы сдался»? Оно, вестимо, ей всякие травы да наговоры ведомы, может статься, что и петушиное слово знает, со всякой тварью говорить может, да только ж смекни, коли тебе шелом не на чем носить будет, так ведь и целоваться с тобою не всласть. Как почитаешь, матрешка?

Вряд ли термин «матрешка» подходил для такой хрупкой девушки, как Ориша. Но, памятуя о том, что словечко это происходит от горделивого «матрона», то есть госпожа, почему бы и нет?!

— Да уж с головой, пожалуй, что и лучше, — согласилась кудесница. — А только на что мы вам сдались? Шли своим путем, никому поперек слова не молвили, зла не чинили.

— На что сдались, то мне решать! Захочу — в жены тебя возьму, захочу — парням отдам. А коли по нраву мне придется, могу и с дарами отпустить. Тут надо мнай короля нет, тут я сам всему государь.

Разглагольствования батьки Соловья вызвали у меня невольную улыбку. Казалось, что во всех мирах, во все времена мелкотравчатая шантрапа в один голос вдохновенно исполняла эту песнь о собственной непомерной крутости. Как, однако, менялся их репертуар на первом же допросе!

— Коли жить хотите, не артачьтесь. Что повелю, то и делайте! Стало быть, ты, кудесница, коль моих храбрецов заколдовала — так ныне расколдовывать пойдешь. И тех, кого дружок твой хладным железом ранил, тоже выходишь. И помни: коли что не так — не погляжу, что девица. А с тобою, сокол сизый, разговор и вовсе особый.

— Да-да, особый разговор будет! — вслед за атаманским рыком донесся дребезжащий голос Фуцика.

О чем планировали вести беседу скрытые от наших глаз ораторы, в общих чертах было ясно, и в интересах дальнейшей разработки возможных источников информации я бы, пожалуй, дал выговорить-

ся пресловутому батьке Соловью. Когда под седалищем печет, много чего сдуру начирикать можно.

Но действительность не всегда согласуется с нашими желаниями. Звон ведерного колокола тревожным набатом разнесся над разбойничьим гнездом, проникая даже сквозь каменную толщу донжона. Колокол звонил, не умолкая, как это бывает с электрическими звонками, когда вдруг западает кнопка. Переполошенный стражник, едва не натолкнувшийся в потемках на нас, хекая, взбежал по круто му подъему, спеша доложить переполошенному главарю суть происходящего.

— Какого беса вы тут околачиваетесь, недоумки?! — увидав перед собой притаившихся возниц, рявкнул караульный.

— А... это... — со слезой в голосе начал я.

— Хвостней бы, — угрюмо растолковал суть нашего стояния Вадюня.

— Вон пошли! Не до того! — послышалось уже с верхней площадки.

Ну, не до того, так не до того — кто бы настаивал!

— Батька! — Добежавший до отца-командира разбойник затараторил прямо с порога. — Там внизу такое деется!

— Не томи, малый, толком говори! — встревоженно прогомыхал атаман. — Что еще за перезвон? Кто озоровать удумал?

— Осмелюсь доложить, батька — грифоний детеныш.

— Грифоний? — Здесь криминальный авторитет решил, вероятно, усиленно почесать затылок. — Велик ли?

— Не то чтобы, — бойко отрапортовал очевидец. — Пожалуй, что до году.

— Так отгоните к лешачьей бабке!

— Никак. — Разбойник, должно быть, развел руками. — К коло кольному языку заместо веревки какой-то упырь волчью плеть привесил.

— Клянусь потрохами Симона Неньки, чтоб тебя его кишками удавили — сам плетей захотел?! Ай да молодцы, ай да хваты! Грифеныша убоялись! Тварь неразумная поперек дороги стала! — громыхал кулачищами об стол Соловей-разбойник. — Отогнать не можете — стрелами да копьями язвите!

Я хмуро взглянул на Ратникова. Уж не знаю, что там фея прицепила к колоколу и почему теперь нашедшегося Проглота нельзя отогнать, но идея расстрелять его из луков нас вовсе не радовала.

— Так... Это ж... — робея под грозным натиском, лепетал перепуганный бандит. — Там же ж два здоровенных грифона! Не иначе как он детеныш ихний. Ежели мы того мальца пораним — тварюки крепость-то по камешку раскатают! Они ж быков как семечки лузгают!

— Фуцик! — взревел Соловей, в этот момент больше напоминая усевшегося на улей медведя.

— Я! — предчувствуя, чем пахнет дело, пискнул маг.

— Бери всех, кто стоит на ногах, и как хотите, отгоните прочь этих клятых тварей!

— Так итъ...

— Ма-алчать! Я велю отогнать! Не то щас ка-ак свистану! Да шевелитесь, идолово семя, у меня от перезвона вот-вот башка треснет!

Ясно различимый хлопок закрываемой двери утвердил меня в мысли, что приказ командира здесь выполняется точно так же беспрекословно и четко, как и в нашем мире.

— Клин, — задумчиво проговорил Вадюня. — А в натуре, откуда грифоны?

— Из лесу, вестимо. Может, Проглот оттого и скрылся, что родичей нашел? — предположил я.

— Прикольно, — хмыкнул Ратников. — Может, чисто Делли позвоним, узнаем?

— Ага. Самое время.

Грохот ног на лестнице возвестил о приближении Фуцика и уже знакомого нам стражника. Мы с Вадимом по возможности максимально вжались в стены.

— Пошли прочь отседова! — пробегая мимо, брякнул недоделанный чародей, не слишком, впрочем, заботясь о выполнении своего приказа.

— Щас! — вслед ему глумливо проговорил Злой Бодун Ратников. — Шнурки поглажу! Ну что, Клин, как-то мы тут в натуре застаялись! Погребли, что ли, с паханом дружить?

Человекообразный цербер в одном сапоге продолжал тыкать длинной иглой в кожаное голенище, невзирая на оглушительный трезвон, действительно грозивший свести с ума всякого, имеющего этот самый ум.

— Ну? И чего? — хмуро взглянув на нас исподлобья и едва двигая губами, надменно кинул он.

— Господин хороший! — делая изрядный шаг в сторону немногословного секретаря местного председателя разбойкома, проговорил Вадюня. — Типа, гражданин начальник, тут ваш шеф насчет баблонов грозился.

— Чего? — Карапульный даже оторвался от сапога.

— Баблонов. — Между пальцев Злого Бодуна мелькнула золотая монета с профилем грузского короля Базилея. — Типа этого.

Золотой кругляш описал дугу в воздухе и плюхнулся на пол в полу шаге от хмурого невежды. Чуть левее его, то есть в стороне, противоположной правому кулаку Вадима Ратникова. Поэтому охранник был лишен возможности наблюдать стремительное движение этой кувалды к своему лицу. А вслед за этим и возможности наблюдать вообще что бы то ни было. Золотой блеск надолго померк в очах местного сотрудника частной охранной структуры.

— Нокаут, — сухо констатировал я, даже не открывая счета. — Ну что, на три входим. Раз, два, три!!!

Грубо сколоченная дверь слетела с петель, вернее сказать, влетела в атаманские покои вместе с петлями.

— Руки за голову! Лицом к стене! Не двигаться, предъявить документы! — во всю мочь своей луженой глотки орал могутный витязь, высматривая, где же притаился головной недруг. — Это ОМОН!

Мой друг явно насмотрелся дурацких сериалов, иначе вряд ли бы стал давать столь противоречивых указаний. Да и кому?! Оринка с гриднем, заткнув уши, сидели там же у стены, а Соловей-разбойник... Отчаянный лиходейский атаман раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками и судорожно глотая спертый воздух.

— Твоя работа? — Я повернулся к Оринке.

— Не-а, — замотала головой она. — Это его от звону колокольного точно демона скрутило.

Тут только я осознал, что, пожалуй, для одного сигнального колокола гул и перезвон действительно нереально сильны.

— Сдаюсь, — нащупывая ворвавшихся бессмысленным взглядом, хрюкло взвыл атаман. — Нычки ради, прекратите эту бесовскую панихиду!

Вадюня, морщась от лавины невыносимых звуков, поглядел на меня удивленно, даже обиженно, и прокричал, едва не срывая голос:

— Клин, я в натуре не врубился! Что — и все? И никакого махача?!

Глава 7

Сказ о пользе бесхозяйственности

Соловей-разбойник мычал, как буйвол, застрявший в кипящем гейзере. Цвет его лица из бурого стал зеленым, с отливом в синеву, и глаза смотрели примерно в область затылка. Не надо было иметь высокое звание полуденного светила медицины, чтобы понять, насколько он близок к обмороку.

— Витек, а в натуре, че это его так поплющило? — заорал подурядник левой руки, опасливо глядя на разбойника.

— А я откуда знаю? — Мой ответный крик был едва различим среди колокольного гула. — Сейчас у Делли уточним.

Зеркало опять пошло волнами, спеша продемонстрировать нам жизнерадостно улыбающуюся фею. Похоже, сотрудница Волшебной Службы Охраны была вполне удовлетворена своей милой шалостью.

— Делли! — завопил я, точно пытаясь докричаться до соратницы, минуя гладь волшебного стекла. — Что за грохот? Что у вас происходит?

— Все замечательно, — мило прощебетала фея, поворачивая зеркало. — Разве что-то не так?

Скопившиеся у моста разбойники с луками и сулицами¹ пытались поразить резво носившихся взад-вперед по поляне громадных родичей нашего домашнего любимца. Не сказать, чтобы эти попытки были сколь-нибудь успешными, но, впрочем, и грифоны не проявляли особой агрессивности, похоже, от всей души резвясь и потешаясь над тщетными попытками защитников разбойничьего убежища.

— Але! — Я для верности постучал пальцем по зеркалу, чтобы заставить повернуть его обратно. — Это что за зверинец? Откуда грифоны? Родня Проглota сыскалась?

— Нет. — Возбужденная чаровница продемонстрировала рекламную улыбку, так что я готов был немедля купить ту же зубную пасту, которой пользуется она. — Это не грифоны. Это я ваших «ниссанов» к делу пристроила.

— Что?! — взревел не на шутку возмущенный Вадим Ратников как раз в тот миг, когда заклинание личины перестало действовать. — Да ты че, в натуре, подруга?! Если эти раклы паскудные мне тут, не дай бог, хоть царапину ему на бочине сделают!..

¹ род метательного копья.

— Не сделают, — заверила чародейка. — Они же все бывалые, знают, что стрелой грифоны тело разве что занозить можно. Вот и бьют в голову, все норовят в глаз попасть. А головы-то у них как раз и нет. Так — обман зрения.

— А-а-а! — успокаиваясь, протянул Вадим. — Ну, это круто! Чисто, улет! Ты рулишь! Слыши, это, а Проглот где? — внезапно встрепожился он.

— Да что с ним станется?! Волчью плеть треплет.

Зеркальная поверхность отразила нашу, будь она неладна, неведому зверушку, которая, растопырив крылья, размахивая во все стороны длинными остроконечными ушами, самозабвенно терзала узколистую растительность — помесь выонка с лианой. К концу неизвестного мне ботанического казуса было крепко привязано нечто. Я присмотрелся.

— Делли, что это у него в клюве?

— Волчья плеть, — гордо повторила фея.

— Непонятно, но здорово. А на конце?

— Язык от колокола, — не меняя тона, возвестила она.

— А что же тогда гремит?

— Это запись.

— Что? — выкрикнули мы с Вадимом одновременно.

— Запись сигнального колокола, — радостно пояснила Делли. — Я ее тут немного смигировала, наложила раз десять на самое себя с шагом интервала в две секунды и запустила через аудиосистемы ваших «ниссанов». Плюс, конечно, немного магии.

Я живо себе представил это «немного магии» и молча развел руками. Частые посещения нашего мира оказали несомненное воздействие на восприимчивый интеллект феи.

— А у вас что там воет? — в свою очередь поинтересовалась она.

— Соловей, — отозвался Вадим.

— Вы уверены? — В голосе чаровницы слышалось сомнение.

— Кто его знает? — Я пожал плечами. — Если звук уберешь — постараемся уточнить.

Между тем голосистый налетчик начал что есть силы биться головой об стол и много в том преуспел.

— Делли! — скомандовал я. — Вырубай звук! А то певчая птичка сейчас когти отбросит. Он нам живой нужен!

— Сейчас, — пообещала наша боевая подруга. — Только мост позади лиходеев сожгу, чтобы они назад не ворочались.

Спустя мгновения яркая вспышка, осветившая бойницы, возвестила о том, что локализация стрелков успешно завершена, а вслед за этим колокольный звон стих, как срезанный.

Соловей-разбойник лежал, уронив голову на столешницу, и лишь его загривок, вздымавшийся в немых рыданиях, свидетельствовал о том, что атаман еще жив. Лужа крови растекалась меж его разметавшихися по столу черными нечесанными космами, окрашивая их в бурый цвет.

— Оришенька! — Я тревожно поглядел на обездвиженного фигуранта. — Детка, будь добра, проследи за тем, чтоб он не помер.

— Да уж расстараюсь, — пообещала кудесница. — Оно ж, коли голову себе вовсе не расшиб, то, глядишь, еще и обойдется.

— Сколько же времени займет лечение?

Я встревоженно выглянул в оконце, чтобы оценить обстановку.

— Ну так, это как считать, — растирая тонкими пальцами себе виски, проговорила Оринка. — Ежели кукушкиным веком мерить, то и не скоро. А так — до вечерней зари управлюсь.

Начинавшие сгущаться вечерние сумерки предвещали скорое окончание дня и, хотелось верить, ночевку без очередных приключений.

— Слышишь, Клин, — задумчиво глядя на усердно занявшуюся целительством кудесницу, задумчиво произнес Вадим. — Я типа схожу гляну, как там потерпевший себя чувствует. — Он ткнул пальцем в стену, видимо, подразумевая нокаутированного караульщика. — А то в натуре оклемается и начнет свинорубом размахивать. Так я его, того, чисто, к лаве примотаю. Не хрен ему попусту суетиться.

— Действуй, — кивнул я, поворачиваясь к стременному и лихорадочно соображая, как теперь объяснить официальную версию нашего знакомства с Оринкой и, по сути дела, все, происходившее в последние часы. Что и говорить, нападение, тем более столь массированное, на разбойничье гнездо должно было иметь серьезную мотивацию.

Раненый гриденъ вытаращился на меня, не скрывая изумления. Пожалуй, количество неожиданностей, произошедших с ним за сегодняшний день, изрядно превышало обычный уровень.

— Кто вы? — пожалуй, более простодушно, чем испуганно поинтересовался он.

Вопрос, казалось бы, несложный, но непросто и ответить. Впрочем, как учили нас в школьные годы волшебные, правда — великая сила.

— Моя фамилия — Клинский. Я — укладник крепкой стражи одного из урядов Субурбании. Какого — не важно.

Взгляд стременного наполнился невольным почтением. В стране, где высокое и гордое имя мздоимца неслось, как знамя родины, где слово бессребреник означало неучу, рохлю и неудачника, чинопочитание впитывалось с молоком матери, сказками бабушки и ремнем отца.

— А... он? — Спутник Оринки неуверенно кивнул в сторону опустевшего дверного проема, откуда слышалась довольно внятная брань Злого Бодуна Ратникова, пытавшегося разодрать на жгуты штаны, еще недавно прикрывавшие стражнику зад.

— Он? — для проформы участливо осведомился я. — Нешто не признал?

— Не-а, — сознался гридень.

— Э-эх! — махнул рукой я. — Деревня Кацапетовка, Ухрюпинский уезд! Это же И.О. государя!

— Кто? — настороженно переспросил юный помощник конюшего.

— Короля Барсиада знаешь? — В моем покровительственном тоне звучало плохо скрываемое сожаление об ущербности познаний собеседника.

— Ручкаться не пришлось, а видеть доводилось, — кивнул тот.

— Так вот, ежели что вдруг, например, как сейчас, так он вместо него завсегда.

Форма глаз стременного резко поменялась с круглой на квадратную.

— А как сейчас?

— Хреново, брат! — с чувством проговорил я. — Сам разве не чувствуешь? Но мы этим вплотную занимаемся.

— Батька! Батька! — послышался с лестницы дребезжащий голос Фуцика. В этот миг от него веяло таким ужасом и паникой, словно незадачливый чудодей только-только выскользнул из лап Годзиллы, и тот неотрывно преследовал его по пятам.

— Мост, горит!!! Ба... — Крик души прервался, однако глухого стука нокаутирующего удара слышно не было.

— Погоди-ка! — Я поднял вверх указательный палец, делая знак раненому гриденю не говорить ни слова.

В приемной было тихо, очень тихо. Что ж там такое? Я обвел глазами кабинет, заваленный всевозможным еще не конфискованным имуществом, в поисках того, что могло бы послужить каким-ника-

ким оружием. Наверняка в этом помещении хранился личный атаманский арсенал, однако времени шарить по окрестным закромам совсем не было.

За стенкой что-то тихо хрустнуло. То ли какая щепка попала под каблук, то ли пришли в движение слои годами не метленной пыли. А может... Маг, хоть и недоучка, все равно остается существом опасным. Наверняка для защиты собственной шкуры у него в заначке имеется один-два пренеприятнейших фокуса.

— Уродство! — лихорадочно выдергивая из штанов старый армейский ремень и наматывая его на кулак, пробормотал я. — Сейчас этот паскуда испепелит Вадюню, и сказка, мать ее за ногу, на этом окончится.

За стеной вновь не было слышно ни звука. Я осмотрелся, прикидывая, куда шарахнуться от двери, если разбушевавшийся адепт тайных знаний начнет лупить молниями в дверной проем.

— Ориша, подстрахуй! А-а-а! — Я с воплем бросился на помощь другу, но, похоже, не вовремя.

Происходившее за стеной было точно срисовано с голливудского вестерна. Взъерошенный, потерявший где-то шлемак, Фуцик держал правую руку на отлете, медленно перебирая пальцами, словно играя на невидимом рояле. Он осторожно, шаг за шагом, описывал по комнате широкий полукруг, стараясь зайти с фланга стоявшему на одном колене Ратникову. Рука подурядника лежала на голенище сапога, и он очень внимательно следил за каждым движением противника.

— А-а-а! — влетел в комнату я и едва успел рухнуть на пол. Вспышка, грохот и дым заполнили помещение. Я лежал, накрыв голову руками и опасаясь приоткрыть глаза.

— Солнцелик великий! Что вы тут творите? Что еще за дым? — раздался над головой возмущенный голос Делли. — Точно дети малые, ни на минуту оставить нельзя!

— А че я? — донесся до моего слуха обиженный бас Злого Бодуна. — Он типа первый начал! А я ж чисто в натуре ничего.

Я оторвал лицо от грязного пола, негодяя по поводу своей дурацкой позы. Вадюня сидел на пятой точке у самой лестницы. В руке его красовалось нечто, при ближайшем рассмотрении сильно напоминавшее искореженную мурлюкскую волшебную палочку. Его противник оставался стоять на месте, гордо выкинув руку вперед с подобным же раздолбанным орудием между пальцев, но почему-то ярко-красный и неподвижный, как статуя.

— Не, ну, в натуре он первый начал... — оправдываясь, сумрачно повторил И.О. государя.

Делли обвела скептическим взглядом помещение, взмахом длинных пальцев разогнала висящий, точно грязная вата, дым и удивленно взорвалась на Фуцика.

— А это кто?

— Маг, — заверил ее я.

— Вы уверены? — На лице феи появилось озадаченное выражение.

— Во всяком случае, он так себя называл, — попытался как-то оправдаться я.

— А почему он тогда красный?

На этот вопрос ни я, ни Вадим не нашлись что ответить и только молча пожали плечами.

— Ох-хо-хонюшки! Ну да ничего, разберемся на досуге, — обнадежила сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Где там ваш Соловей-разбойник?

Я молча показал на амбразуру дверного проема, за которым вовсю кудесничала Оринка. Делли заглянула в кабинет, удовлетворенно кивнула, оценив обстановку, и вновь обратилась к нам.

— Ходить-то сами можете?

— А че? — Вадюня с кряхтением начал подниматься с пола. — Типа рубилово намечается?

— Не нарубился? — Фея саркастически хмыкнула.

— Не, я чисто так.

— Разбежались душегубы. Я как погнала на них грифонов — тут-то они врассыпную и прыснули. Так что рубиться не с кем. Ты мне, мил-друг, лучше поведай, какого года выпуска у тебя волшебная палочка... — фея чуть помедлила, подбирая слова, — ...была?

— Слыши, ну ты типа загнула! Я ж почем знаю! Это фиговина из конфиската. Помнишь, когда мы на малиновой линии левый обоз с мурлюкской хренотенью стопанули? Там вот и разжился.

— Странные в ней чары. Не должно было такого статься, чтоб живого человека в эдакого попугая изукрасило.

— Раньше работала нормально, — произнес я, вспоминая, как одним движением чародейского жезла уменьшенного образца удалось мгновенно осветлить черную кошку, пытавшуюся было перебежать дорогу перед Вадюниным «ниссаном».

— Что-то странное творится, — вздохнула Делли.

— О-о-о! — раздался из кабинета глухой, но вполне различимый стон. — Воды!..

— Ишь ты, запела пичуга окаянная! — В глазах чародейки мелькнул недобрый огонек, увидев который невольно вспоминаешь, что любезная красавица одним движением может не только развязать язык, но и завязать его в тугой узел. — Пожалуй, Виктор, стоит с ним потолковать, покуда он вновь в силу не вошел.

Соловей-разбойник сидел все за тем же столом, покачиваясь из стороны в сторону, недоуменно обводя непрошеных гостей обалдевшим взором.

— Вы кто?

— Вопросы здесь задавать буду я! — Мой голос, по идее соответствующий выражать суровую непреклонность, несколько потерял грозное звучание среди наваленных ковров, сундуков и прочей рухляди. — Полагаю, не нужно объяснять, что положение ваше может считаться безнадежным, если, конечно, вы не оправдываете нашего доверия полным раскаянием и чистосердечным сотрудничеством со следствием.

Временами подобное введение, я бы даже сказал, предисловие к допросу, срабатывало вполне успешно. Однако на Соловья-разбойника услышанное произвело не большее впечатление, чем сообщение о прошлогодних ценах на бензин в Республике Конго. Не говоря ни слова, он тупо обводил взглядом оперативно-следственную группу, ожесточенно пытаясь уразуметь, как докатился до жизни такой.

— Эк башка-то раскальвается! — хмуро пожаловался он.

— Слыши, ушлый хмырь, — похоже, вполне искренне возмутился Вадим. — Делов наворочал, а теперь на больничку закосить решил?! Крути его, Клин! Это он под придурка чисто канает!

— Это я под придурка каняю?! — Мрачная окровавленная физиономия хозяина здешних мест приняла было свирепое выражение, и щеки, свисавшие пустыми кошелками, начали наполняться воздухом.

— Не надо свистеть, — тихо шипя, прошелестела Делли. — А то ведь голова от боли и расколоться может, не хуже, чем от Светозаровой палицы.

— Ишь, что припомнила! — потухая на глазах, пробормотал мордорворот, вовсе не радуясь силе профессиональной памяти сотрудницы Волшебной Службы Охраны. — Не страшай! По малолетке дело было. Сглупил, не на того наехал... А нынче я гулевой атаман, и кто мне дорогу заступит — долго не проживет!

— Да он никак, паскуда, угрожает! — возмутился Ратников, прикидывая в уме, чем можно заменить двухпудовую булаву своего названного брата.

— Гражданин Соловей! — вмешался я. — На вашем месте я бы не стал делать попытку запутать следствие. Вина ваша доказана, и за один только разбой на большой дороге вас уже можно четвертовать. А уж нападение на государева мздоимца, это и вовсе на колесование тянет.

— Как честной суд решит, — мрачно отозвался разбойный атаман.

— По вашему делу суда не будет, — нежно заверил я. — Будет военный трибунал в его лице. — Я кивнул на Вадюнью. Лицо Вадюни немедленно приняло возбужденно-радостное выражение, несовместимое с гуманизмом.

— Это еще почему?! — уже во весь свой зычный голос проревел подследственный.

— Да потому, — вдумчиво начал я, — что господин И.О. государя, — я кивнул на разминающего молотообразные кулаки витязя, — так решил. Не правда ли?

— Ну, типа того, — отозвался недавний подурядник левой руки.

— Да ты что буровишь? Да ты знаешь, кто за мной стоит?

— Не знаю, — честно сознался я. — Но очень хочу выяснить.

Соловей-разбойник осекся, понимая, что сболтнул лишнее.

— А вот молчать не надо. Для вас же хуже, — продолжал настаивать я. — Нас как раз интересует, кто заказал вам утреннее нападение на кортеж Юшки-каана, зачем ему это было нужно и где этот государственный преступник. Вы ведь, я полагаю, не дурак, сами должны понимать, что такие дела числятся среди злоумышленний против государства и божьего порядка. Итак, я жду ответа, где этот злодей-душегуб таится?

— Знать не знаю, — внимательно рассматривая пустой стол, огрызнулся гулевой атаман.

— Запираться глупо. — Я покачал головой. — Сейчас только от вас зависит, посадят ли вас на кол, точно пугало, или же, принимая во внимание помочь следствию, вы пойдете по делу свидетелем.

— От того, кого вы ищете, идти-то, может, и идут, да только далеко не уходят, — вздохнул батька Соловей. — Потому как ноги из задницы выпадают.

— Это все только слова, — отмахнулся я. — Если вы проявите должное благоразумие, то будете включены в программу защиты свидетелей. Вам будут предоставлены дом, охрана, средства к существо-

ванию. Все это, если пожелаете, в другой стране. Если же нет, — я развел руками, — Нычка свидетель — я сделал все, что было в моих силах. Решайте сами, но помните, с вашим малахольным фокусником я бы не стал даже разговаривать, его бы колесовали на месте. Но вы не производите впечатления законченного идиота. Думайте! Пока что ваше спасение в ваших руках. Заказчика мы все равно найдем, но вам, после того как на дыбе хрустнет ваш хребет, от этого будет ни холодно, ни жарко.

Молчание затягивалось, и я лихорадочно обдумывал новые доводы, способные обтесать несговорчивого разбойника до применения средств «реалистичного устрашения».

— Задавайте ваши вопросы, — мрачно процедил криминальный авторитет, наконец прерывая затянувшуюся паузу.

— Итак, имя и прозвище вашего хозяина?

— Не ведаю, — со смаком проговорил Соловей-разбойник.

— Клин! — Кулак И.О. государя опустился на столешницу сантиметрах в пяти от физиономии допрашиваемого. — В натуре этот свистун нас за фраеров держит! Я тебе по жизни говорю...

— Правду баю, — сквозь зубы процедил хмурый атаман. — Не то что имени и прозвания не ведаю, а и лица в жисть не видал.

— Угу, — с тяжким вздохом кивнул я. — Не был. Не участвовал. Не привлекался. Значит, все-таки решили запираться. Зря, абсолютно зря. Следствию доподлинно известно, что сегодня, около полудня, сразу после нападения вот на них, — я кивнул в сторону стременного, — вы имели разговор с заказчиком. Как вы понимаете, разговор прослушивался. Он запротоколирован и подшип к делу. Так что мы можем обойтись и без вас. Если вы действительно считаете, что быть разодранным четверкой коней лучше, чем жить в тихом месте...

— Я все как есть сказываю, — угрюмо прервал мои увертывания Соловей. — Говорить — было дело, говорил. И не токмо ныне. А ведь, кто да что, — не ведаю.

— Поясните, — напрягся я.

Страхолюдный пленник обвел глазами внимательно слушающую публику, набрал полную грудь воздуха и с шумом выдохнул, поднимая осевшую на мебели пыль.

— Стало быть, как дело-то было. Давно, еще в былые годы, до короля Барсиада, озоровал я на старом тракте, что из Торца Белокаменного в Елдин-град ведет. Силушка у меня и тогда уже водилась немалая, от свисту у коней ноги подгибались, люди с седел

точь-в-точь снопы валились. Ну, известное дело, коли медок хлебать, так большой ложкой! Удумал о себе много чего. Всякую стражность потерял. Вот сижу как-то на дубах заветных в засаде, поджидаю купчину переезжего али путника с богатой поклажей. Вдруг, глядь — витязь на коне, зерцало на нем золотым огнем так и пыщет. Шелом — не простой железный колпак, а еловец с личинною. Меч — харлужник.

Соловей-разбойник отрешенно махнул рукой:

— Одно слово, как есть справный витязь. И надоумила ж меня нелегкая свистануть ему!.. — Новый тяжкий вздох возвестил о том, что события давно минувших дней очень ярко отложились в памяти разбойника. — Ну, я, стало быть, свистанул, а он только к конской шее приник, да затем со всего маху швырь в чело мне булавой. Да так, что и не знаю, как токмо жив остался! Сверзился наземь с дуба, дух из меня вон. А витязь аркан мне на ноги привязал да за собой в Елдин-град приволок.

— Это Светозар Святогорович был, — пояснила фея.

— Он самый, — со вздохом подтвердил Соловей-разбойник, прикладывая лапищу к голове, вероятно, к тому месту, куда пришелся удар палицы. — Выходили меня лекаря на пагубу злую. Едва в колодках опосля того не сгнил. С тех пор громких звуков не выношу. Голова, точно наковальня под молотами. Бывало, свистнешь всего-то вполсилы, опосля день башкою маешься... Словом, приволок меня витязь в Елдин-град на аркане. Ему хвостней полную шапку отсыпали, а меня продали в услужение к кобольдам в подземные храмины. Три года тачку катал, Солнцелика не видал. Думал, уж совсем конец мне придет. А только как-то ночью разбудил меня стражник и поволок в какую-то черную-черную комнату. Такую темную, что и носа своего не разглядеть.

— А там на черном-черном столе черный-черный гроб?! — радостно предположил Вадюня, не слишком, видимо, заботясь о поддержании величественного имиджа исполняющего королевские обязанности.

— Ничего такого в помине не было, — нахмурился Соловей-разбойник. — А и было бы, я б не узрел. Стражник меня в ту комнату впихнул, дверь на засов, и поминай как звали! Ну, думаю, все — смертьшка моя пришла! Ах не-ет! Вдруг глас из мрака: «Ну что, Соловей, как оно, во глубине земли? Сладко ли?» Ну, вестимо, что не сладко. А глас далее вопрошает: «Желаешь ли вновь на волю?» Я в ответ: «Желать-то желаю, да чем за то платить надобно?» А мне, стало быть:

«Плата с тебя будет — верная служба, да от добычи десятина. А за ту службу я тебя от всякой напасти уберегу».

— Прикинь, Витек, кто-то здесь солидно крышует!

Я молча кивнул.

— При таких-то делах и толковать не о чем! Имя у меня уже звонкое было. Силушки не занимать. Как не согласиться? Тут голос исчез, а затем стражник меня в барак поволок. Я было подумал — что за шутка такая. А поутру вывели колодников под землю идти, всех опустили в клеть, а про нас точно забыли.

— Про кого это «про нас»? — уточнил я.

— Про меня и про Фуцика. Мы с ним одной цепью скованы были. Стражник вроде как по нужде отлучился, а мы, глядь — калитка не заперта! Мы туда. У стены коновязь, у нее два коника. У одного из них на спине переметная сумка, а в ней — на тебе! Одежа, по сотне хвостней на брата, ключ от скрепов наших и волшебное зеркальце. Так-то! И, стало быть, лишь я зеркальце в руку взял, оно волнами пошло, да не высветлилось, а только вновь оттуда знакомый глас слышится. И надо сказать, глас — ни мужской, ни женский, точно и не людской вовсе. Точно зверь дикий человечьи слова молвит.

— Всяко бывает, — буркнул Злой Бодун, вспоминая встречу на лесной тропе с Коло Шаровая Молния.

— Взял я, значит, зеркальце, — повторил Соловей, — а оттуда речь человечья. Мол, я уговор соблюл, и ты ж, смотри, не оплошай. С тех пор уж немало лет минуло, а таких дел, как нынче, прежде не случалось.

— Понятно, — кивнул я, хотя, честно говоря, это было неприкрытой ложью. Ничего понятного в деле пока не намечалось. — Стало быть, вы своего хозяина не видели и не знаете?

— Истинная правда, — вздохнув, согласился злосчастный личодей.

— Но он-то вас через зеркало видеть может? — предположил я.

— Вестимо, может. А то как?

— Угу. Вот и славно. Стало быть, сейчас вы свяжетесь с хозяином и сообщите ему, что поймали Юшку-каана. Делли, ты сможешь навести образ Юшки на господина стременного. — Я кивнул на спутника Оринки. — Надеюсь, вы согласитесь нам помочь?

— Отчего ж не помочь благому-то делу?

— Стань передо мной ровнехонько, — внимательно осматривая гридня, проговорила фея. — В самый раз будет!

— Вот и отлично. Вот и хорошо. Скажете, что тот Юшка-каан, который нынче в Елдин примчался, — подложный, Фуцикова рабо-та. А этот — что ни на есть истинный. И чтобы передать эдакую пти-цу, вам нужна личная встреча. Все понятно?

— Уж куда яснее, — вяло огрызнулся Соловей-разбойник. — Да только...

— Выполняйте, — резко отчеканил я.

Глава 8

Сказ о встрече с неизведанным

Проглот валялся на спине и удовлетворенно курлыкал. Первый раз, когда я увидел подобную картину, я никак не мог сообразить, каким образом этому совершенному боевому организму удается кататься по земле, не повреждая крыльев. Однако приходилось констатировать, что творец вполне успешно справился с задачей. Получившийся образец гибридной твари оказался не просто живучим и вполне приспособленным к этому миру, но, я бы даже сказал, не лишенным изящества.

Сейчас грифон блаженно отдыхал, растянувшись в зеленой мураве, подставляя для дружеского почесывания розоватое брюхо, проглядывавшее сквозь песчано-желтую шерсть. В лапах животины, точно призовой венок, красовалось диковинное растение, которое я уже имел возможность наблюдать по ту сторону зеркальной глади.

Мои познания в ботанике и в школьные-то годы с трудом можно было признать средними. А сейчас и вовсе из всяких дикорастущих объектов флоры, не считая, понятное дело, знакомых с детства деревьев, цветов и садово-огородных культур, я мог гарантированно опознать только сурепку, и то лишь потому, что таково было прозвище нашей школьной учительницы ботаники.

Так что ни вид этой лианы, усеянной какими-то кокетливыми завитками, ни ее местное название — «волчья плесть» — не говорили мне ровным счетом ничего. Одно было понятно даже без лекций о происхождении и произрастании этого ботанического экспоната — любой, кто попытался бы отобрать у Проглota его трофей, был обречен на неудачу и, вероятно, ощутимые телесные повреждения.

Возчики, наблюдавшие беззаботные игры нашего грифона, нерешительно жались у телег, опасаясь чесать подставленное брюхо и старательно удерживая на месте своих до недавнего времени смиренных лошадок, ничуть не обрадованных соседством опасного зверя.

Когда началась заваруха с колокольным звоном, крепкие жителей-ским умом селяне, быстро сообразив, что оказались в ненужное время в ненужном месте, старались держаться тише воды, ниже травы. Теперь, лишь только грохот, лязг оружия и пожар стихли, их вдвойне, а может, и втройне, заботил вопрос о том, как бы получить при-читающуюся оплату и убраться отсюда подобру-поздорову.

Ночная тьма, вплотную подступавшая к воротам замка, похоже, их ничуть не останавливалась. Вероятно, дорога отсюда к родимым очагам была ими давно освоена. Но желания — желаниями, а отсутствие моста — факт, который не объедешь. Если ты не фея и не грифон, перелететь через ров, а тем более преодолеть его на возу — никаких перспектив. Поэтому недовольная вынужденным простоем публика, раздраженно переговариваясь, ожидала явления победителя, чтобы предъявить ему финансовые и все прочие возникшие пре-тензии.

Появление на крыльце Соловья-разбойника в нашем сопровождении было встречено таким недобрым гулом, что даже Проглот ошеломленно вскочил на ноги и угрожающе захлопал мощными крыльями. Пленник обвел столпившихся возчиков брезгливым взглядом и криво усмехнулся.

Задуманная операция пока развивалась вполне успешно. После дополнительных настойчивых увещеваний вошедший в раж разбойник героически описал своему неведомому благодетелю, каким образом ему удалось пленить окруженного войском каана. Как хитро-умный Фуцик, приняв вид именитого пленника, увлек за собой кортеж, чтобы в нужный момент исчезнуть и оставить с длинным носом «голубых хряков».

Скрытый во мраке заказчик, вероятно, удовлетворенный окровавленным псевдо-Юшкой, назначил встречу в предутренний час в лесу, близ стен Елдина. Я хмурился, чтобы скрыть ликование. Это была уже не ниточка, это был канат, якорный трос, аккуратно выби-рая который, в конце концов, можно достать то, что спрятано в глу-бине.

Чувствуя близость разгадки, я торопился покинуть лесное убе-жище, тем более что не ровен час сюда могли нагрянуть толпы раз-

бойников, призванные на помощь бежавшими из-под стен соратниками. Однако взволнованная происходящим бригада местных бин-дюжников, похоже, вовсе не была настроена выпускать кого бы то ни было без оплаты по счетам. Конечно, при большом желании мы вполне могли удалиться из лесного замка, не спрашивая чьего бы то ни было согласия, но зачем устраивать побоище там, где можно разойтись миром.

Пока я раздумывал над убедительными и в то же время не кровопролитными доводами, Вадюня шагнул вперед и, подняв в повелиительном жесте руку, провозгласил:

— Мужики! Я вам конкретно говорю, как И.О. нашего крутого и наваристого короля, вы чисто свободны!

От телег послышался невнятный ропот. Должно быть, крепостная зависимость на этот час была давно отменена. Однако сия новость еще не докатилась до подурядника левой руки Уряда Коневодства и Телегостроения.

— Ша, народ! — перекрыл нестройные голоса возниц мощный бас Ратникова. — Я типа не понял, че за галдеж?!

— Ездку делали, платить кто будет? — послышался «голос из зала».

— Да все путем, базара нет, — заверил Вадюня. — Все, что здесь нароете, — ваше! Конкретно дарю.

Крики одобрения, которыми были встречены последние слова, подтвердили, что возницам доподлинно известно чего, где и сколько искать в хранилище разбойничьей добычи.

— Но тока ж вы типа прикиньте. Мы щас натурально отсюда валим, а дальше как хотите, так и крутитесь!

Вдохновенная речь моего друга утонула в нестройном шуме благодарственных выкриков. Никогда еще его ораторский пыл не вознаграждался столь бурным припадком народной любви. Сообщение, что замок отдается на разграбление, было воспринято с тем же энтузиазмом, с каким встречают выстрел стартового пистолета замершие в напряженном ожидании бегуны.

— Угу! — глядя на опустевший двор, кивнул я. — Можно отправляться в путь. Кстати, Делли, — я поглядел на синебоких скакунов в привычном уже для этого мира виде, ожидавших появления хозяев, — а мы-то как без моста обойдемся?

— Да ну! — отмахнулась фея. — Ты что же думаешь, я их сюда вручную волокла? У меня с собою скатерть-дорога. Какой еще мост тебе нужен?

— Проглот, морда негодная! — с деланной суровостью прикрикнул я. — Бросай траву, мы уезжаем!

Валявшийся возле замерших скакунов грифон навострил уши, вскочил на лапы, но, похоже, с зеленою веткой и не подумал расставаться.

— Это ж волчья плеть! — удивленно покачала головой Оринка, словно поражаясь нашей дикости в столь банальных вопросах. — Он ее нипочем не бросит.

Мы ехали неспешным шагом. Конь Юшки-каана, как бы ни был он хорош, не мог поспеть за волшебными жеребцами нашей конюшни, а кроме того, мнимый глава Союза Кланов был вполне реально ранен, и хотя раны, как выяснилось, не представляли особой опасности, растрескать бедолагу стремительной ездой было нежелательно.

— Грифон волчью плеть ни за что не бросит, — вешала Оринка. — Промеж них закон такой положен: кто таковое растение отыщет, непременно его из земли должен выдрать да в гнездо притащить.

— В гнездо? — покачал головой я, прикидывая, как далеко, должно быть, находится отчий дом несущейся рядом с синебокими жеребцами зверушки. — Это почему ж так?

— Так ведь каждому ведомо! — вновь подивилась моей дремучести кудесница. — Волчья плеть черных волков прочь отгоняет. А эти самые твари как есть первые враги грифонов. Все норовят малых детенышай из гнезда исхитить.

— Не доводилось ничего о них слышать, — честно сознался я, не слишком, впрочем, прислушиваясь к речам сидевшей за моей спиной спутницы. — Серых видел, а этих...

Куда больше меня сейчас волновала предстоящая встреча, неведомый хозяин Соловья-разбойника и его не слишком обычная манера действовать. Кем бы ни оказался обладатель таинственного гласа из темноты, ему доподлинно было известно, когда и откуда будет возвращаться в столицу Юшка-каан. А уж если он и засаду на пути главы Союза Кланов успел подготовить, то, стало быть, ему и об исчезновении короля Барсиада было известно одному из первых. Вполне возможно, что и самому его исчезновению этот тип имеет непосредственное отношение. С чего бы ему иначе пытаться залучить в свои объятия столь высокопоставленного гостя. Охота на претендента — забава небезопасная.

— ...Самой мне черных волков видеть не доводилось, а кто их узрел, те от страха дрожи унять не могут да слово молвить боятся. Слышала, что ростом они с человека, глаза как плошки, шерсть черная, а при луне полной отливает серебром, совсем как дорожка на воде. Идут всегда стаей, и всякий, будь то зверь или человек, пред ними замертво валился.

— Так уж и валятся! Откуда ж, интересно, этакая напасть взялась-то? — хмыкнул я.

— Доподлинно мне о том неведомо, — извиняющимся тоном предупредила Оринка, — а только деда сказывал так.

В ту первую ночь, когда тонкая царапина горизонта впервые отдала сущу от неба, из ужаса изначальной бездны явилась сюда стая. И тот, чьей волей сотворился этот мир, увидев ее, вознегодовал, ибо не была она частью замысла его, и не было ей места в сотворенном мире. Он метал в стаю огненные копья, от которых дрожала земля и раскалывалось небо, но черные волки продолжали свой путь, не устрашенные и неустранимые, ибо не был еще рожден страх на этой земле. Шли они, безмолвные, как та неизреченная бездна, из которой они явились. Черные волки были первыми, вступившими в этот мир. Они пришли в него, не ведая и не спросясь замысла Творца. Безмерный хаос дышал им в спину, точно рожок охотника, мчащегося вдогон по кровавому следу. Никто не скажет, сколько их было, сколько пало под разящими ударами огненных копий, но всякий из них, кто выжил, узрел воочию и мощь, и бессилие Творца. Стая первая исказила предвечный замысел, войдя в этот мир. С тех пор он изменился, а от того изменения пошли и иные. И превращениям этим нет ни числа, ни имени. Откуда пришли они? — спросишь ты, глядя, как полная луна заливает обманчивым светом великую бездну. Где следы их? Желтые глаза Великой Стади пристально следят за тобой, и вечен ее путь, ибо вечна сила, лежавшая в начале начал.

— Странно, — отвлекаясь от своих мыслей, покачал головой я. — Бездны, творцы, огненные копья... А воруют детенышей грифонов?

Оринка насупилась.

— Это древнее сказание. Моему деду его дед поведал, а то был знаменитый дед Бабай, который одному каану предсказал, что его дохлая лошадь укусит! С тех пор-то, — вздохнула девушка, — мы неотлучно в лесу живем.

Я не нашелся, что ответить на ее слова, но, к счастью, затягивающуюся паузу прервал зычный голос Вадюни:

— Слышьте, я типа просек, с каких болтов Фуцик в красное уда-
рился!

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересованно поторопила его фея.

— Мы когда первый раз в Елдин под конвоем ломились, нам тол-
мач по ушам тер, что типа есть тут две шоблы. Одна, стало быть, Юшки, другая — этой метелки, как там ее?..

— Вихорьки, — вставила фея.

— Точно. — Злой Бодун согласно кивнул. — А еще типа подпо-
лье, которое против всех.

— Красные демонята, — негромко вставил стременной.

— Так я и соображаю. Может, у Фуцика конкретно высветилось
его краснодемоняческое нутро? А что, все сходится: секреты вся-
кие, голоса там, побег с категори. Я помню, когда у нас красные к
власти ломились, они тоже по банкам шерстили, эксы¹ устраивали.

— Неужто Симон Ненька на такое-то пошел? — ошеломленно
выдохнул приближенный Юшки-каана. — Хотя, прямо сказать, от-
чего бы и нет. На то они и демонята.

— Симон Ненька? — ухватился я за новое имя. — А это кто таков?

— Поговаривают, есть такой. Все демонята его как отца родно-
го чтут.

— Ну что? — Я обратился к путешествующему в нашей компа-
нии разбойнику. — Не вспомнил? Не Симон Ненька твоего пахана
кличут?

— А как бы ни кликали, мне с того что за корысть? — недоволь-
но буркнул Соловей. — А только посредь ночи я б его ни за что звать
не стал.

— Ну-ну, не пугай! — осадил я пленника. — Пуганые.

Соловей только презрительно хмыкнул в ответ и угрюмо впялил-
ся безразличным взором в проплывающий мимо пейзаж.

— Версия красивая, — похвалил я напарника, и тот от удоволь-
ствия широко расправил плечи. — Но есть одна закавыка. Красные
демонята сидят в подполье и воюют против всех. А здесь таинствен-
ный некто обещал Соловью реальную крышу и круто ее держал в тече-
ние нескольких лет. Причем ни понтов, ни распальцовки, ни дру-
гой блатной шелухи. Все тихо, чинно, благородно. Банда в полторы
сотни рыл трусит большак, точно золотоискатель свой лоток, а та-
кое впечатление, что никому до этого просто дела нет.

— Оборотни в погонах! — трагическим шепотом проговорил Рат-
ников.

¹ экспроприация, ограбление.

— Кто-кто? — насторожилась Делли.

— Не важно, — отмахнулся я. — Монстры. Меня в этой истории другое напрягает: нечеловеческий голос.

— Может, какой дракон решил на нас войной пойти али еще нечисть какая?

— Нужны вы дракону, как на хвост пропеллер! — желая блеснуть познаниями в прикладной драконологии, заверил субурбанца Вадим. — Если хочешь знать, то весь этот базар на тему кровожадных драконов — чистой воды фуфло!

— Что? — не пытаясь скрыть недоумение, переспросил гриден.

— Предрассудки, — кратко перевел я.

— Знавали мы тут одного дракона... — не сбавляя напора, продолжил Вадюня.

— Скорее всего это все же не дракон, — оборвал я речь напарника, продолжая развивать свою мысль.

— А кто? — обиженно надулся тот. — Типа черный волк?

— Типа вряд ли. Скорее всего это все же человек. Возможно, маг. Здесь сказать трудно. Но есть одна мелкая зацепка. Возможно, заказчик скрывает голос потому, что он слишком хорошо известен.

— Певец, — хмыкнул Злой Бодун.

— Или ярыжка? — предположил стременной.

— Да, уж лучше, — я махнул рукой, — сам король Барсиад II, скажем, решил пополнить казну.

— А сейчас, выходит, типа сам себя похитил?

— Отчего же, — продолжал я отстаивать право на жизнь своей абсурдной версии. — Предположим, награбил по самое не могу, а теперь решил сходить в народ, выяснить, не осталось ли еще чего полезного, что можно прихватить.

Стременной поглядел на меня не то перепуганно, не то дико. Подобные речи для него звучали не просто кощунством, а полным богохульством.

— Ну-ну, шучу, — улыбнулся я. — Мудрый король Барсиад решил лично удостовериться, как живется простому народу, и не тиранят ли его попусту государевы мэдоимцы.

Тут уже на меня дико воззрился Злой Бодун.

— А этого витязя вместо себя оставил Исполняющим Обязанности, но об этом я тебе уже сказывал. Титул у него — И.О. государя. Так что прошу любить и уж во всяком случае жаловать.

Стременной почтительно склонил голову, хотя, казалось, мои слова его не слишком убедили.

— Поэтому, — продолжил я, возвращаясь к обладателю загадочного голоса, — следует искать известного могущественного человека, которому давно не по нраву государь и его окружение.

Горизонт неумолимо светел. Вдали меж темными зазубренными пиками сосен виднелась широкая серебристая полоса реки Непрухи. Девять толстенных дубов, сошедшиеся в круг на вершине холма, образовали величественную корону, словно древний лесной государь силою чар обратился в этот холм и прилегающие к нему земли. Устроившись на его темечке, мы нетерпеливо ждали появления мистера Икс местного криминального мира, который, судя по затягивающейся паузе, не так страстно желал встретиться с Юшкой-кааном, как пытался в том убедить Соловья-разбойника.

Дорога, ведущая к городским воротам, была видна отсюда, как на ладони, но кроме крестьянских возов с провизией, которые неспешно потянулись к столице в предрассветный час, на ней не было ничего, стоящего внимания.

— По-моему, нас тривиально прокинули, — закрывая ладонью распахнутый зевотой рот, недовольно проговорил один из охранников Юшки-каана голосом Вадима Ратникова.

— Вряд ли, — с моей интонацией отвечал ему второй разбойник. — Ну-ка, — я повернул коня к стоящему посреди поляны Соловью-разбойнику, — может, вы от головной боли своему шефу пароль какой забыли сказать?

— Ничего я не забыл, — грубо отрезал гулевой атаман, чувствуя себя в лесу куда увереннее, чем в каменных палатах. — Я ничего не забываю. А только не приедет хозяин. Я о том пытался сказывать, да вы не слушали.

— Это почему же не приедет? — вкрадчиво начал я.

— Стреляного воробья на мякине не проведешь. Коли и впрямь он из первачей, с него обязательно станется послать верного человечка в палаты Юшки-каана да вызнать все до малости — Фуцик там в чужом обличье али кто другой?

— Может, так, а может, нет, — покачал головой я. — Чтобы кого-то к Юшке-каану посыпать, ему вас в измене следует заподозрить, а оно вроде бы не с чего.

— Звучит-то гладко. — Соловей-разбойник запустил пятерню в темные космы. — Да только за те годы, что я под хозяином стою, он завсегда что сказал, то сделал. Коли сюда не явился, то, стало быть, и не думал идти.

— Да мало ли, — вмешался в наш разговор Вадюня. — Так прикинуть — и короли у вас чисто не каждый день в тумане тают.

— Не придет он, — вновь покачал тяжелой головой низложенный вожак голодной стаи.

— Ладно. — Я махнул рукой. — Ждем десять минут. Если клиент не появляется, засаду можно снять. Направляемся в Елдин.

— Э-э-э... нет! — Возмущенный заложник политических страстей упер руки в боки, всем своим видом давая понять, что в столицу Субурбании его можно залучить только силком. — Уговор каков был? Я вашу брехню... то есть волю, от слова до слова в зеркало сказываю, на место вас привожу и, коли что, за вас стою. А вы мне за то в иных краях — домик в тихом месте, крепкую сторожу да жабсов на беспутную старость.

— О жабсах речи не было... — начал я.

— Заря зазря заряд взирая...

— Уши затыкайте! — что есть мочи завопила фея. — Перепутень!

Уж кому-кому, а нам с Вадимом дважды повторять надобности не было. Еще не успели отзвучать слова нашей соратницы, как ушные отверстия были заблокированы так надежно, словно ценная информация, влетевшая в одно из них, ни под каким предлогом не должна была вылететь через другое. Выполнить команду феи — лишь минимальная предосторожность при встрече с безобидной в общем-то тварью, которая, по странной прихоти предвечного Творца, обладала не только человеческим лицом и туловищем облезлой дворняги, но и замечательным бархатистым голосом, имеющим к тому же дивное свойство завораживать всякого невольного слушателя.

Никто бы, пожалуй, не решился обвинить Переплутня в злонамеренности. Вещать странным верлибром для него было так же естественно, как дышать. На его беду, всякий, услышавший складные бредни, помимо воли шел за ним, не в силах оторваться, не ведая ни сна, ни отдыха. Покуда не падал с ног от усталости.

Вот и сейчас, точно выводок утят за мамой-уткой, за гордо вышагивающим Переплутнем тянулось человек десять, одетых в буро-зеленые плащи поверх кожаных гамбизонов¹. На лицах слушателей крупными буквами был написан неземной восторг от услышанного. В отличие от нас они не успели заткнуть уши.

Чтобы заглушить речитатив Переплутня и не дать звукам его нелепых речей достигнуть сознания, каждый из нас во всю мощь горланил первое, что пришло ему в голову. Лично я, например:

¹ толстые куртки из воловьей кожи, надевавшиеся под доспех.

«Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам». Всякая конспирация была отброшена напрочь. Выйдя на полянку меж девяти дубов, Перепутень наткнулся взглядом на Делли и, узнав старую знакомую, принял самозабвенно толкать речь, стараясь довести до сведения выбранной жертвы свою интерпретацию последних новостей. Комментарии Перепутня весьма причудливы, но порой небезынтересны.

В прошлом году мы уже имели возможность убедиться, что при недюжинном таланте образного анализа бессвязные вирши этой человекоподобной собаки являются кладезем ценной информации. Глядя, как кривится лицо феи, старающейся не попасть под чары дружелюбного говоруна, я искренне сожалел, что не успел достать спрятанный в дорожной сумке диктофон. Однако пока я размышлял, как половчей извлечь его и включить, не подвергая себя риску получить информационную контузию, случилось непредвиденное: дремавший все это время грифон, набегавшийся за ночь, открыл глаза и увидел поблизости четвероногое хвостатое существо сходных с ним размеров. Уж и не знаю, решил ли он поиграть с незнакомцем или же доказать, что сильнее, а значит, главное, но крылья Проглota единственным махом распахнулись, и он стремительным прыжком оказался на спине у речистого пустоброда.

Стоит ли говорить, что четвероногий оратор не привык к столь бесцеремонному обращению, и потому, опрокинувшись навзничь, испуганно заверещал. Гrimаса ужаса исказила его лицо, и, вероятно, спустя несколько минут нам пришлось бы приводить в чувство несчастного болтуна, когда бы столь неожиданная реакция не ввергла в недоумение жизнерадостного Проглota. Грифеныш отскочил на пару шагов, удивленно наклонил голову с торчащей в клюве «волчьей плетью» и опасливо покосился на нас, должно быть, ожидая окрика. Однако мы продолжали утреннюю распевку, чем еще усилили недоумение и без того удивленной домашней твари. Воспользовавшись этим, Перепутень резво вскочил на ноги и рванул в ближайшие кусты со скоростью, неожиданной для его худосочного тела.

— Проглот, к ноге! — прекращая называть себя девочкой с плесером, заорал Вадюня, опасаясь, что разыгравшийся грифон пригонит обратно нашего старого знакомца.

Воспитанный щен нехотя выполнил громогласную команду, а оставленные нам в наследство спутники Перепутня, потеряв «идейного лидера» похода, опустошенно рухнули наземь. Этот фокус мы с Вадимом помнили очень хорошо. Спустя считанные минуты после

того, как утихал волшебный голос хвостатого пустобреха, сознание целиком и полностью возвращалось в те места, где находилось прежде, но голова при этом еще полдня напоминала футбольный мяч после серии пенальти. Вот примерно как сейчас. Один из сидящих враскорячку на земле мужиков мучительно сфокусировал взгляд на Соловье-разбойнике, потом на мне и вслед за тем очень медленно, старательно выговаривая каждую букву и удивляясь звуку произнесенных слов, пробормотал: «Они!»

Правая рука его малоосознанным, скорее рефлекторным движением поползла под плащ и вернулась с короткой толстой арбалетной стрелой. Сам арбалет, должно быть, был оставлен в том месте, где настигли стрелков завораживающие рулады Переплутня. Но, похоже, жертва говоруна весьма слабо осознавала мир вокруг себя.

— Засада! — хватаясь за «мосберг», заорал Вадим Ратников.

— Была, — хмыкнула фея, многообещающе поднимая тонкие перстны, окруженные золотистым сиянием, на уровень глаз.

Тихий переливчатый звук прервал ее пассы.

— Что это?

— Соловьиное зеркало, — запуская руку за голенище сапога, неодуменно проговорил я.

Глава 9

Сказ о том, что «нечая на зеркало пенять»

Громкий звук вызова, настырный, точно студент с хвостовкой в руках, висел над утренним лесом, служа будильником просыпающегося зверью.

— Вадим! — резко скомандовал я. — Разложи-ка этих орлов в живописных позах. Соловей, ну-ка, быстро на землю, лицом вниз! Да засунь арбалетную стрелу себе под мышку, точно тебя подстрелили. И не вздумай двинуться, а то ведь недолго ее и впрямь тебе промеж ребер засунуть!

— Хитрован, — скривился разбойничий вожак, недовольно сплюзая с коня.

Не отвечая на его замечание, я обвел взглядом поляну, убеждаясь, все ли готово к маленькому спектаклю «по заявкам нетрудового Элемента». Вадюня со знанием дела заканчивал глушить неудачли-

вых киллеров, буквально не жалея зачарованного приклада своего «копья».

— Девочки, держите животину, чтоб не лезла в кадр!

Делли с Оринкой удивленно переглянулись, но поспешили выполнить распоряжение. Зеркало все не унималось, все требовало к себе внимания.

— Да, слушаю, — вытаскивая портативное средство волшебной связи, выкрикнул я, имитируя тяжелое дыхание, точь-в-точь после долгого бега.

— Кто это говорит? — без излишних любезностей вымолвило черное, как дело измены и совесть тирана, стекло.

— По-настоящему я — Живопыра! — выпалил я цитату из любимого фильма юности.

— Живопыра? — с удивлением повторил неизвестный. — А где Соловей? Почему не отвечает?

— Хозяин, тут такое было! — суетливо затараторил я. — Ищёйки из Головного Призорного Уряда сели нам на хвост. На девяти дубах ждала засада. Мы дрались, как львы! Как драконы! Мы положили их всех! Вон шакалье поганое валяется. — Я крутанул зеркало, давая возможность заказчику полюбоваться плачевным состоянием группы уполномоченных по встрече. — Но и нас помяли изрядно. Соловью прямиком под сердце каленую стрелу всадили — до полудня не дотянет. И каана подранили, кровища из него так и хлещет! Что делать, хозяин?

— Вешайся, — коротко отрезал неизвестный. — Кого провести вздумал, Живопыра? Или, может, лучше Клин, а? Что ж ты, паря, чужим именем зовешься? И свое-то небось знатное — Клин! А не тот ли это одинец-следознавец, боярин грусский, что в прошлом году королевишу Марью Базилеевну из полона ворочал? Молчишь? Значит, тот! Ох, сидел бы ты, боярин, у себя в терему да мед-пиво пил. Нече тебе в здешних краях искать. Но уж коли ты моего слова крайнего спрашивал, истинно говорю: или беги отселя быстрее ветра суховейного, или как есть вешайся. Иначе примешь муку смертную, будь ты хоть боярин, хоть сам царь-батюшка.

— Спасибо за совет, — сухо отчеканил я, засовывая зеркало в задний карман штанов. — На досуге обмозгую.

— Ну что, одинец-следознавец? — поднимаясь с земли и отряхивая прилипшую сухую листву, насмешливо проворковал Соловей-разбойник. — Не удумал еще убираться из наших краев подобру-

поздорову? Поразмысли-то умишком своим — хозяин зря пужать не станет. Ему человека жизни лишить, что сморчок растоптать.

— Н-да! Утро не задалось. — Я с досадой пнул подвернувшийся шлемак одного из перехватчиков. Тот со звоном улетел в кусты, но легче на душе от этого не стало. — Все пугают. Смертью грозят! Вадим, глянь-ка, из твоих подопечных найдется живая душа, которую в ближайшие минут десять можно допросить? Может, сышется доброволец намекнуть, как нам этого хронического человека-любца отыскать?

— Боярин! — не унимался Соловей-разбойник, кажется, не на шутку взволнованный происходящим. — О чём ты этих выродков барсучьих спрашивать удумал? Это же лесная стража! Им хвостней заслали да с ними наказ: как пред рассветом у девяти дубов кто соберется, так всех, значит, и положить. Им-то что! Стрелами утыкают, а затем доложат. Мол, разбойничью шайку подстерегли да изничтожили. Им еще и награда какая выйдет, а меня, того гляди, еще главарем к вам припишут.

— А он в натуре дело говорит, — хмуро отозвался Вадим.

— Еще бы не дело, — едко хмыкнул Соловей-разбойник. — Голова-то, чай, не шишак, чтоб ею без толку пульяться. Раз собьют — обратно не нацепишь. А вот еще себе о том померкуйте, что ныне хозяину доподлинно известно, какую вы его засаде судьбинушку уготовили. Стало быть, он вам непременно иную подставит. Уж поверьте, я его знаю! Покудова кровь вам не пустит, нипочем теперь не уймется. А вдруг как Перепутня на сей раз не случится, что делать будете?! Положат вас в сырь землицу, и меня, стало быть, вместе с вами. А только, глядишь, вызнают, что вы боярин грусский, а оно и вызнать-то — плевое дело, коли Самому о том доподлинно ведомо. А там, глядишь, разговор крамольный пойдет. О чём, спрашивается, ближний государя Базилея слуга и боярин с беглым каторжником в темном лесу рядили? Тут-то враз и сышется, кто нашего Барсиада со двором его скрал.

— Кто? — заинтересованно глядя на Соловья-разбойника, решившего испытать себя в амплуа вещей птицы, негромко спросил Вадим.

— Да уж не сомневайся, все-о на нас свернут. И градобой, и в казне недостачу, и короля пропавшего, будь он неладен! Зачем тебе, боярин, такая незадача? Да и Базилей, поди, за таковскую подмогу благодарен не будет. Али я не прав?

— Прав, — вынужденно согласился я.

— То-то же! — с явным облегчением и воодушевлением продолжил наш пленник. — Уезжать отсюда надо. До малиновой линии я вас лесом выведу, а там уж... — Соловей-разбойник развел руками. — Вы мне защиту обещали.

— Что обещали, то исполним. — Я задумчиво кивнул. — Мое слово твердо не меньше, чем у твоего хозяина.

— Ну, вот и славно. — Широченная физиономия бывшего гулевого атамана расплылась в плотоядной улыбке. — И то сказать, зачем тебе, боярин, так вот, по душе судя, эта чужестранная невзгода?

— Раз я здесь, выходит, нужна, — отрезал я, пресекая дальнейшие увещевания. — Тебя это больше ни в коей мере не касается! Во всяком случае, пока. Тебя же мы спрячем, как было уговорено. Немедленно. Вадим! Брательный крест при тебе?

— А как же! — гордо просиял могутный витязь Злой Бодун, доставая из-под кирасы болтающийся на шелковом гонте массивный крест, врученный ему некогда Светозаром Святогоровичем.

— Вот и прекрасно. Вызывай конвой!

Хорошее магическое изобретение — брательный крест! С виду вполне обычный крестик. Ну, может, самую малость покрупнее и потяжелее нательного, но до тех, что носят священнослужители и очень новые русские, понятно, не дотягивает. Так вот. Если было на роду написано обменяться с кем-нибудь брательными крестами, не стоит удивляться, ежели вдруг, в один прекрасный день, вечер, утро, тут уж как получится, неведомая сила на полуслове увлечет тебя за тридевять земель, и всего лишь потому, что твоему названому братцу пришла в голову идея срочно потолковать с мильтружком. Удобно, что и говорить! Ни тебе виз, ни билетов, ни перевеса багажа. Крутился заветный крестик, прошептал тайное слово — и все в порядке: «Здравствуй, дорогой, давно не виделись!» Думаю, торговый люд дорого бы заплатил за этакую возможность беспошлинных транзитов.

Вероятно, когда-нибудь так оно и будет, но сегодня брательные кресты — военная разработка и подлежат строгому учету. Ведь, если вдуматься, в условиях кругового братства по оружию, стоит двум-трем таким вот побратимам просочиться во вражеский тыл, и спустя час там уже тихой сапой может сосредоточиться целая армия. Однако сейчас подобные воинственные операции не планировались.

Вадюня с воодушевлением проделал ритуал вызова, и, стоило ему закончить высокое таинство, как прямо из воздуха на поляне возникли три полностью одоспешенных витязя, среди которых мой весь

ма рослый друг отнюдь не являлся самым крупным. Невзирая на столь ранний час, опасения застать стражей земли грузской в одних портках оказались необоснованны. Все трое — и Светозар Святогорович, и Неждан Нэзваныч, и Лазарь Раввинович не смыкая глаз бдели в дозоре, а потому были готовы немедля вступить в схватку с притаившимся чужестранным воинством.

— Пошто призвал нас, брат? — трубным гласом взревел великан Светозар Святогорович по прозванию Буйтур. — Не ворог ли где притаился? — Богатырская рука козырьком прикрыла суровые очи старшего из побратимов, и висевшая на запястье двухпудовая булава при этом казалась не тяжелее полосатого жезла регулировщика. — Ответствуй, брате!

Если и притаился где в окрестных кустах хитрый недруг, после этих слов его можно брать голыми руками. Раскаты громового баса начисто лишили бы супостатов возможности слышать распоряжения командиров.

— Да не! — встрихивая головой, чтобы вернуть нормальное восприятие звуков, отмахнулся Злой Бодун. — Так, чисто пассажира на базу притаранить надо.

Позади нас послышалось тихое завывание и звук падающего тела. Батька Соловей отнюдь не был хлипок и стойкостью отличался не-дюжинной, однако события нынешнего дня и в довершение всего негаданная встреча с богатырем, чья палица оставила неизгладимый след на кудлатой башке разбойного атамана, исчерпали его силы.

— О, так ить я его знаю! — Меж бородой и усами необоримого столпа государственности Золотой, Зеленои и Алой Груси появилась горделивая ухмылка. — Я ж в этих самых местах чижика сего лет восемь назад палицей с ветки ссадил! Нешто еще озорует? Та я ж его... — Шипастая палица впорхнула в подставленную ладонь, как голодная птичка в полную кормушку.

— Прошу прощения, — вмешался я, спеша защитить от бессудной расправы пребывающего в отключке разбойника. — Это весьма ценный свидетель и он находится под защитой. Его необходимо доставить в апартаменты отеля «Граф Инненталь» и до нашего возвращения содержать в достойных условиях под неусыпной стражей.

— В каменный мешок его доставить нужно! — обиженно насупился старший из хороших витязей гвардии короля Базилея. — На хлеб и воду! Мы тут, понимаешь, очей не смыкаем, сутками кольчуг не сымаем, а он, ишь, подлючий сын, на перинах нежиться будет!

— А точно, — ни с того ни с сего вмешался в наш содерхательный разговор о социальной несправедливости Вадим. — Вы че, только с наряда сменились? Чуть свет, а вы в железе.

— Война на носу, — с героическим пафосом проговорил Неждан Незваныч, широко известный среди честных витязей под вполне заслуженным прозвищем Ломонос, до половины обнажая булатный меч-кладенец. — Отчины и дедины в опасности!

— Я, конечно, извиняюсь, — вмешался в пламенную речь собрата Лазарь Раввинович. — Но не надо ж все являть в темном цвете! Каяя война, Неждан! Что ты такое говоришь! Вокруг будет мир, до полной победы нашего оружия.

— И все же, — насторожился я, — что за военные игры тут намечаются?

— Разве ж это игры? Почтеннейший одинец, это пока еще песни и пляски! Может, вы уже слышали последнюю хохму? В этой стране таки пропал король! А если внимательно приглядеться, и не он один. По слухам, это мало кого заботит здесь, и меня почему-то это совершенно не удивляет. Но среди тех, кого это волнует там, — наш любимый государь, что уже неприятно, особенно принимая во внимание его склонность к буйству. А с другой стороны, пусть живет наш король еще сто лет, а только чему ж тут удивляться?! Если столько человек будут столько раз на дню говорить: «Чтоб вы провалились!», то отчего бы местному Богу, из любви к собственному народу, не выполнить эту маленькую, буквально ничтожную просьбу хотя бы один раз, в честь праздника, которым теперь будет этот день?! Мне не дает спать другое: когда мудрый король Базилий решит проявить свое известное миролюбие и заботу и по-братьски разместить заставы в субурбанских городах, там, пристально глядя на нас, могут додгадаться, что по королевскому дворцу гуляют только сквозняки, и многие тут же захотят посидеть на троне. Вот это будет, таки да, игра, от которой вы устанете хлопать! Это я вам говорю, как славный витязь и просто неглупый человек.

Я оторопело уставился на храброго сына древнего народа. Черный кудрявый локон выбивался из-под его шлема и кокетливо развеивался на ветру.

— И-и-и... когда же это произойдет? — негромко выдавил я.

— Передовые отряды уж близ малиновой линии! — гордо проговорил Неждан Незванович. — Коли будет на то приказ, так хоть сейчас на защиту соседей, мил-друг, станем. Оградим их от недруга зла-

го стеной червленых щитов наших! Ужо попомнят супостаты блеск мечей булатных! Не сносить им головы. А нам сносить!

— Я бы так сказал, что завтра поутру здесь уже могут накрывать стол, встречать соседей, — поправил боевого товарища Лазарь Раввинович.

— Но... — послышался возбужденный голос подставного Юшки-каана, уже, впрочем, принявшего свой привычный образ, — это невозможно!!!

— Отчего же вдруг? — сдвинул брови Неждан Незванович, смеривая взглядом статную фигуру гридня и с тоской сознавая, что прямо сейчас схлестнуться с раненым воином было бы неспортивно. — Кто ты вообще таков, чтоб пред именитыми мужами дерзостные речи держать?

— Рода я чужедального, — горделиво расправив плечи, начал представляться гриден, — из холодной страны Финноэстии, что на самом краю Царства Вечных Льдов. Кличут меня Финнэст, а по прозванию — Ясный Беркут, потому как всякому ясно, что кто меня обидеть удумает, на того я птицею хищной брошусь, да как есть в клочья порву! Состою я стременным при особе Юшки-каана.

— Ну, особа не особо, — протяжно заговорил Неждан Незванович, — а уж больно слова твои на похвальбу смахивают. Был бы ты чуток поздоровее — схлестнулись бы в честном бою, да там бы сразу и узрели, на кого ты, юнак желторотый, хищной птицей кидаться будешь.

— Не о том речь. — Я с возмущением перебил задиристого витязя, как обычно, подыскивающего достойный повод для схватки. — Какой, к джапанским демонам, бой!

— Ну, хошь я правую руку к поясу прикручу, одной левой биться стану?

— Уймись, Неждан! — грозно прикрикнул Светозар Святогорович. — Дай парню слово молвить! Ты говори, малый, не пужайся.

— Я и не пужаюсь, — нахохлился Финнэст. — Как сказывал уже, я при Юшке-каане состою. Так он, стало быть, только вчерашним днем в Субурбанию из-за хребта примчался, как стало ведомо, что государь-надежа и верные челядинцы — все без вести сгинули. А дотоле он у генерального мурлюкского майора гостили. Тот ему по жене свойственником приходится.

— Ну, гостили себе и гостили, — пробурчал Неждан Незванович. — Я вон намедни тоже славно погостили.

— Король Барсиад, — не обращая внимания на реплики отчаянного забияки, продолжал стременной, — Юшку-каана за Хребет послал не щи хлебать. Он, сказывают, все твердил, что вокруг вороги злые притаились, со свету его сжить хотят. Нужна, мол, ему крепкая оборона от всех недругов. Вот о том-то в Мурлюкии и рядили. О том же Юшка-каан в Елдин и привез договор, скрепленный вислыми печатями.

— Погоди-ка, — встревоженно прервал Ясного Беркута Светозар Святогорович. — Ведь это ж у нас с королем Барсиадом договор на вечные времена против общего ворога заедино стоять. Ведь это же...

— Это значит, — четко проговаривая каждое слово, перебил его я, — что стоит первому грусскому витязю пересечь малиновую линию, откуда ни возьмись, здесь объявится мурлюкская армия. Делли, это необходимо остановить немедля! Иначе завтра Субурбанию раскатают, как площадку для гольфа.

Гнилозубый призрак беспощадной полномасштабной бойни маячил на горизонте, заклубился серой пылью вечного забвения над золотыми куполами елдинских храмов. Ситуация, с самого первого часа казавшаяся донельзя запутанной, теперь осложнялась еще больше. Как в старом анекдоте: пессимист говорит: «Хуже некуда!» «Есть куда!» — радостно утешает его оптимист.

Само по себе исчезновение монарха со всем его двором, насколько я помнил школьный курс истории, — дело небывалое. По крайней мере при таких обстоятельствах. Ну, хорошо, отложим в сторону боярские регалии и Вадюнины притязания на престол. В конце концов, нас интересует исключительно криминальная подоплека следуемого дела.

Есть некто, кому на руку исчезновение короля со всеми его чиновными прихлебателями. Есть у него на то свои мотивы. Будь у меня под рукой соответствующая оперативно-следственная группа, я бы, пожалуй, дал задание отработать разнообразные боковые линии вроде тайной мести, похищения с целью выкупа и тому подобную несусветицу. Бывает всякое, даже вариант с пополнением своих продовольственных запасов каким-нибудь разгулявшимся драконом не стоит окончательно сбрасывать со счетов. Но все же, на мой взгляд, наиболее вероятна и оправданна версия незаконного завладения имуществом, так сказать, в особо крупных, буквально гигантских размерах. Попросту говоря, желание правильно распорядиться освободившимся престолом. Сядет ли на него органи-

затор преступления или же его ставленник — вопрос открытый. Я невольно представил себе Соловья-разбойника в короне, длинной горностаевой мантии и при остальных дорогостоящих причинда-лах, с которыми любят изображать монархов придворные живопис-цы. А почему, собственно, нет?

Много ли нужно, чтобы грабитель с большой дороги обернулся народным мстителем, не щадившим живота ближнего своего в борьбе с захвачшимися государевыми мздоимцами. Благо, под рукой есть малый джентльменский набор: и тебе дерзкий побег из застенков, и борьба с иноземцами в лице Светозара Святогоровича, и раздача награбленного бедному люду. Тут я припомнил вчерашних представителей простого народа, по единому слову Вадима без оглядки бро-сившихся ускорять эту самую раздачу.

Впрочем, дай волю историкам — герой из Соловья-разбойника получится поистине легендарный! Хотя, пожалуй, королем ему не быть. Наш утренний пикничок в глазах высокого начальства ударили по его рейтингу не хуже, чем паровой молот по шляпке гвоздя. И с теми же результатами. Но все же кто бы ни был загадочный хозяин разбойниччьего атамана, военные действия на территории Субурбания вряд ли ему на руку. Бандитизм, даже хорошо организованный, требует состояния хотя бы относительной стабильности, поскольку даже самая большая разбойничья шайка по силе не идет в сравнение с регулярной армией, а перебиваться с полушки на грош определен-но не в духе неведомого хозяина.

«А может, он и не субурбанец вовсе? — мелькнула у меня в голо-ве шальная мысль. — Может, он нарочно решил стравить здесь мур-люков с Грусью, чтобы потом перейти на обескровленные земли та-ким себе избавителем? Нет. Это уж как-то совсем...» Я не нашелся, как определить это «совсем», просто подобный расклад казался мне «чесчур навороченным». В конце концов, разбойник он, видно, ма-терый и влиятельный, но все же только разбойник, а не какой-ни-будь там кардинал Ришелье. А может, именно поэтому он и знать не знает ни о военном союзе с Грусью, ни о таком же соглашении с мур-люками? Вряд ли! Крышу он держал высоко, стало быть, где-то близ главной кормушки круги нарезал. Должен был знать! А может быть, это и не он вовсе эту бодягу затеял? Когда трон опустел, он, понят-ное дело, за шанс ухватился. А затеять все мог, скажем, тот же Юшка-каан. Например, с востока в Субурбанию войдут полки короля Ба-зилея, а с запада, где у Юшки главная вотчина, мурлюкские борцы за мир. Если подсуетиться, сойдутся они лицом к лицу на берегах

реки Непрухи, обложат друг друга по матушке, да и разделят бесхозную державу между собой? Так сказать, в целях обороны от всяческого недруга. Кто в таком случае станет править новоприобретенными мурлюкскими землями? Да уж и дятлу понятно — майорский сродственник. А может, еще кто здесь крутит? Никаких гарантий, что истинный организатор грядущего бедлама попал в зону нашего внимания. Абсолютно никаких!

— Виктор! — прерывая стремительный ход моих расчетов, удивленно проговорила фея. — Как же Базилея-то остановить? Нешто не ведаешь: коли он решил чего, тут хоть ужом извейся, хоть в колокола звони — толку чуть.

— Делли, ты лучше меня знаешь короля Базилея. Так что, хочешь — уговаривай, хочешь — околдовывай. Если тебе интересно довести до конца дело о пропаже здешнего монарха, войска в Субурбанию войти не должны. Иначе все сведется к изучению формального повода к войне, но это уже забота не следознавцев, а дипломатов и историков.

— Оно-то, конечно, так, — вздохнула фея. — Да только...

— Слыши! — прервал затягивающуюся паузу Вадюня. — А если типа запустить мульку, что король не спекся, а ушел в народ? Ну, как мы на Соловьиной блатхате по ушам проптерли.

— Негоже, брат, государю облыжные байки сказывать, — с укором покачал головой Светозар Святогорович.

— Братан, я тебе по жизни говорю, какие в натуре байки! Никто ж не в теме, где король. Может, он конкретно в этих лесах партизанит? Здесь без горячки четко все надо разрулить. А если шобла на шоблу ломанутся, тут будет стоять такой пиф-паф, как у недоделанных отморозков на разборке. От такой предъявы мы здесь чисто конкретно сплетем лапти, и ни хрена от этого мочилова толку не будет!

Ораторский дар моего друга, видно, не пропал даром. Он вверг собравшихся меж девяти дубов витязей в состояние недоуменной задумчивости. Даже Неждан Незванович, удивленно склонив голову, поскреб латной перчаткой заднюю часть шлемака, пытаясь добиться до затылка.

— А чего это ты молвил, брат?

— Не важно, — перебил его я. — Делли, я выдвигаю гипотезу, что король находится на территории страны. В каком состоянии — не имеет значения. Вполне может быть, что в здравом уме и полной памяти. В любом случае, Вадим, как старший по званию, на данный момент исполняет обязанности государя. Никаких возражений про-

тив этого со стороны местного населения мы еще не слышали. А поскольку, кроме всего прочего, И.О. здешнего короля еще и грусский боярин, волноваться Базилею не о чем. Как говорится, если вдруг чего, мы немедля призовем его на помощь. Правда, Вадик?

— Ну, так, ясный перец! — пожал могучими плечами Ратников.

— Что от меня потребно? — встрепенулся начавший было подремывать Финнэст.

— Он сказал перец, а не беркут. Это разные вещи, — отсекая возможные разнотечения, заявил я. — Делли, отправляйся к королю. Убеди его вернуться в столицу, а мы пока выясним, откуда ветер дует.

— Да как же вы без меня-то управитесь? — всплеснула руками фея.

— Мы постараемся, — сухо ответил я, понимая, что слова чародейки отнюдь не лишены смысла. — Оринка поможет. Но ты уж, будь добра, не задерживайся.

— Так, стало быть, славою не покрывшись, к родным очагам ворочаемся? — совершенно разочарованный холостым пробегом, горестно нахмурился Неждан Незваныч. — Э-э-эх, вот ведь незадача!

— Почтеннейшая Делли, дочь Иларьева! — Лазарь Раввинович стремительным аллюром подскочил к фее. — Позвольте вас слегка приобнять с целью вашего удобства и полной безопасности по дороге отсюда и обратно.

— Эй ты, кенар-озорник! — заглушая куртуазную речь собрата, громыхнул Светозар Святогорович. — Иди-ка, миленок, в мои объятия! — Он распахнул клещи своих огромных ручищ, которыми, не особо напрягаясь, мог удавить быка. — Прогуляемся, дрозд ты мой певчий, как в былые времена!

Глава 10

Сказ о правом деле и левом наезде

Взметнулись серые хрупкие листья, устилавшие землю вокруг зашвентных дубов. Взметнулись и закружили, подхваченные вихрем неизвестных чар. Когда же стих чудодейственный порыв и унялся хороший потревоженной волшебством опавшей листвы, лишь мы с Вадюней да Оринка с Финнэстом остались стоять на прогалине, точно и не было мгновение назад здесь никого более. Припорощенные листвянной трухой, вокруг нас лежали бесчувственные стрелки лесовой

стражи в живописных позах. Но их в счет можно было не брать. В конце концов, стояли только мы!

— Ну вот, — печально вздохнул Ратников, глядя на то место, где совсем недавно находились его побратимы и Делли. — Блин горелый!

Чувства напарника были мне близки и понятны. Расставание с друзьями всегда наводит тоску. Однако времени для меланхолично-го созерцания горизонта и махания вдаль заплаканным платком у нас не было. Этим ясным безоблачным утром тучи над Субурбанией собирались нешуточные. И раз уж дернула нелегкая впрячься в этот бесхозный воз, то, стало быть, самое время нам заняться своими прямыми тягловыми обязанностями.

Я кинул взгляд на просыпающийся Елдин. Где-то там сейчас готовился к решительным действиям Юшка-каан. Желал ли он и впрямь взойти на пустующий трон короля Барсиада, или же, как я предполагал, возглавить новую мурлюкскую колонию, простирающуюся от руин Железного Тына до неспешных вод Непрухи? Вопрос пока оставался открытым.

Но не стоило даже заключать пари, что смирно ожидать, когда все разрешится само собой, Юшка не станет. Чего-чего, а амбиций в нем побольше, чем калорий в сале. Однако будь ты хоть весь из амбиций, но без головы останешься — корону возлагать будет не на что. А в том, чтобы оказаться с башкой порознь, каану готовы были весь-ма настойчиво помочь. Судя по описанию, неведомый хозяин Соловья-разбойника не оставит затею добраться до Юшки. Наверняка подобных «соловьев» у него не один десяток. Субурбания — государство не маленькое, и если на каждый порядочный большак такого вот пернатого сажать, птичник должен быть размером с королевский дворец.

— Клин, ты о чем думаешь? — настороженно оценивая мою задумчивость, поинтересовался Вадюня.

— Об этом типе из Зазеркалья, — поморщился я, массируя переносицу. — Похоже, этот тип собрался охотиться на Юшку, как фермер на кролика. Из разряда, все перекантую, но не сдамся! Видимо, тот стоит между нашим таинственным собеседником и заветным троном. Но тут есть вопрос: желает ли он грохнуть соперника или же убедить его вдребезги и наповал весело плясать под свою дудку.

— Будьте покойны, бояре, — оскорбился за вельможного господина стременной. — Каан ни под чью дуду плясать не станет.

— Станет — не станет? Почем ты знаешь? — Я с сомнением махнул рукой. — Тут бы ему самому покойным не заделаться! А то ведь, сам видишь, наши тайные недоброжелатели умеют находить убедительные доводы.

Ясный Беркут обвел присутствующих возмущенным, точно море в шторм, взором, словно мы начали уже применять прогрессивные методы экспресс-убеждения к главе Союза Кланов Соборная Субурбания.

— Я силюсь понять, судари мои, кто же вы такие есть на самом деле? В замке разбойном вы изволили величаться мздоимцами государевыми. Тут нежданно-негаданно оказалось, что вы — бояре груские. Может, и в мурлюкских землях у вас какой чин имеется, али в имперских — титул?

— Че ты сутишься, доходной? — не на шутку оскорбился Вадим. — Кто тебя в натуре из кичи вынул? Ты б там сейчас у соловьиной сборной мячом работал! Нет, чтоб спасибо сказать! Ишь, заговорил. Здрасьте-нате, хрен в томате!

— Остынь, Вадим. — Я положил руку на плечо друга. — Парень имеет право знать правду, если мы планируем с ним дальше работать.

— А мы че, планируем? — недовольно пробормотал Злой Бодун, недвусмысленно поигрывая «мосбергом».

Я пропустил последние слова мимо ушей и повернулся к гридню.

— Наши имена тебе уже известны. Титулы и звания, которые все здесь слышали, тоже целиком и полностью относятся к нам. Нравятся они тебе, нет ли, сути дела не меняет. А суть такова. Я и вправду завзятый одинец-следознавец. Вадим — мой помощник. Мы расследуем дело о небывалом исчезновении короля Барсиада II и его двора.

— А ты, — с укором переведя взгляд на свою милую спутницу, горестно промолвил Финнэст, — стало быть, тоже на них работаешь?

— Молодой человек! — резко вмешался я. — Орина работает не «на нас», как ты изволишь выражаться, а с нами. И прошу не забывать, что это спасло твою жизнь. Уж и не знаю, насколько тебе интересна судьба этой страны, но если не совсем безразлична, ты должен понять, что от нашей работы сейчас зависит, будет сия держава в дальнейшем существовать или же нет. Если ты этого уразуметь не способен — возвращайся побыстрей в свою Финнэстию, потому как здесь в скором времени может стать очень горячо.

— Я не из робкого десятка! — гордо выпрямился гридень.

— Да хоть из наихрабрейшей сотни, мне нет до этого никакого дела! — пожал плечами я. — Голова покуда твоя неотторжимая собственность. Хочешь, складывай ее здесь, хочешь — еще где.

— Я словом и честным именем на оружии клялся быть верным своему каану. — В словах молодого воина чувствовалось гордое безрассудство, вполне соответствующее его возрасту и званию. — И какие бы грозы здесь ни бушевали, я останусь при нем неотлучно.

Мне едва удалось спрятать под гримасой показной суровости предательскую улыбку. Сам того не сознавая, Финнэст сделал мне замечательный пасс, из тех, которые учитываются наравне с голами. Сам собою мой голос из резкого стал увещевающе ласковым.

— Это верно. Ты клялся преданно служить своему господину, клялся защищать его, не жалея жизни, от любого врага. Так вот, сейчас ему грозит опасность, которую никто не в силах предотвратить. По слогам повторяю — ни-кто. Кроме нас! А без тебя даже нам это будет сделать очень трудно. Почти невозможно.

На лице молодого воина отразилась задумчивость, призванная, точно масло, опрокинутое в бушующее море, смирить ураган разнонаправленных чувств, терзавших его нёокрепшую душу.

— Коли желаете, я без промедления отправлюсь к приснославному каану, дабы упредить его о таящемся недруге. А уж затем и вас ему представлю. Не извольте сомневаться, он людей верных да полезных завсегда привечает и щедро оделяет.

— Да мы уж типа знакомы. — Желваки на Вадюниных скулах забегали, наглядно иллюстрируя характер этого знакомства. — И щедрот его нахавались, аж из ушей поперло!

— Ты отправишься в Елдин, это без сомнения, — почти нежно проговорил я. — И будешь охранять каана так, чтобы никто в его сторону и чихнуть не мог. Но говорить о том, что ты здесь видел и слышал, не стоит.

— Это почему же? — насторожился гридень.

— Тот, кто охотится на Юшку, жизнью крепко ученый, а потому баарон в запертые ворота ломиться не станет. У него наверняка свой присмотр за кааном наложен. Откуда-то ж он узнал о том, когда и где вы проедете. И о том, что Соловей его подставляет, тоже узнал. А этого без человечка рядом с твоим ненаглядным кааном он выяснить никак не мог. Теперь представим себе, что ты обо всем господину своему поведаешь. Охраны при нем станет не в пример больше, чем нынче, а толку от нее — меньше. У семи нянек, как водится, дитя без

глазу. О всяком же изменении в порядке охраны ворогу в тот же день непременно станет известно. Юшка-каан — не иголка. Его в стоге сена не упрячешь. Он всегда на виду, а стало быть, в опасности. Пока же легкая доступность, — вникай, мнимая доступность, — будет подталкивать противника к действию. Здесь-то мы его и возьмем. Если же Юшка по подвалам, точно мышь, прятаться начнет, бойцов локоть к локтю поставит, проку от них будет, что жабе от расчески, и «соловьиный» хозяин, пользуясь неизбежной кутерьмой, обязательно улучит случай его по-тихому порешить. Хорошо бы, конечно, вычислить, кто из каановой свиты разбойникам барабанит, однако на разгадывание новых загадок времени у нас может и не хватить.

— Так что же выходит? — обескураженно заговорил Финнэст. — Стало быть, могучий каан, за которым десятки кланов субурбанс-ких, будет точно наживка?! Точно червь земляной, у вас на крючке сидеть? А вы на того червя, стало быть, рыбку удить будете?!

— Брателла, вот ты нудный — это что-то! — не выдержал Ратников. — Я в натуре не догоняю. Ты что, чисто не врубаешься?! Какую рыбку, какую птичку, какие, на фиг, крючки?! Если мы главного здешнего пахана за шкворень не возьмем, твоего шефа самого червяки без хлеба зачавкают и в натуре спасибо не скажут! Пока ты тут корки мочишь, ля-ля-тополя, его уже, может быть, конкретно обложили флагжками, что того волка. Там, на дороге, за тобой, что ли, охотились? Быстрее мозгами шурупай, горячий финнэстский парень!

Честно говоря, несговорчивость Ясного Беркута начала уже по-рядком утомлять меня. Несомненно, можно было понять все его сомнения и терзания, но в конце концов Вадим был прав. Времени для увещеваний и дебатов у нас не оставалось.

— Послушай, — скрывая раздражение, проговорил я, — давай с тобой договоримся. Когда-нибудь ты все в подробностях расскажешь каану. Сейчас постараися понять, или же принять на веру, что время для того еще не пришло. Пока что я прошу вас отправиться с Оринкой в Елдин. Представь там ее, честь по чести расскажи, как она вылечила каанского скакуна, как, не щадя головы своей, помогла справиться с разбойниками, как раны твои врачевала. Хранить господина рука об руку с ней тебе будет сподручнее. Она хоть юная девица, но кудесница знатная. Польза от нее может быть изрядная.

— Так, стало быть, Оринка со мной в Елдин отправится? — опасливо переспросил Финнэст, точно боясь спугнуть нежданную удачу.

— Ну так, понятное дело. — Я удивленно вскинул брови вверх, точно недоумевая, как столь очевидные вещи могут вызывать сомне-

ния в проницательном собеседнике. — Что же ей, до старости в лесах с елками хороводить? Она уже давно в столицу идти собиралась. Может, как раз по-первости у тебя поживет? — Я мельком кинул взгляд на кудесницу, готовясь в случае чего отразить бурю стыдливого девичьего протеста.

Девушка, похоже, действительно смущилась и, затаив невольную улыбку, потупила взгляд. Однако вместо упоминавшихся ранее природных катаклизмов меня ожидал полнейший штиль согласия. Должно быть, превратности вчерашнего дня не прошли даром для обоих молодых путников. Известное дело! Говорят, правда, что чувства, возникшие в экстремальных ситуациях, непрочны и редко выдерживают испытания обыденностью будней. Но не рассказывать же об этом юным влюбленным! Тем более что в ближайшее время обыденных будней как раз не предвиделось.

— Будь по-вашему, — после краткого молчания со вздохом промолвил Ясный Беркут. — Хоть и не по уложению это, а я не стану говорить каану о нашем знакомстве. Но и вы поклянитесь, что против него зла не умыслите.

— Очень нужно, — сплюнув на землю, пробурчал Вадим.

Непонятно, к чему относились эти слова — к персоне каана или же к необходимости давать клятву. Но ничего иного добиться от него не удалось.

— Я клянусь, что действую на пользу Субурбании и что мои действия не будут обращены во вред кому-либо из ее честных жителей, будь то каан или же простой селянин. — Слова эти были произнесены мной с большим пафосом, поднятой вверх правой рукой и левой, покоящейся в области сердца. Надеюсь, что за всей помпезностью гриденя не уловил слово «честных». Юшку к таковым мало кто относил. И как бы ни ярились сторонники безукоризненной морали, этот невольный обман был меньшим из зол. И цель, будь она неладна, оправдывала средства.

Прощание было недолгим и довольно скомканным. Вадим был огорчен расставанием с юной спутницей гораздо больше, чем с ее новым кавалером. Проглот, остававшийся с нами, с воркованием терся об Оринкину ногу, требуя почесать его за ухом. Я же среди желаний счастливого пути и прочих напутствий едва успел попросить отважную кудесницу доставить весточку нашему старому знакомому, преуспевающему ныне мэдиомцу, и, по совместительству, единственному в Субурбании толмачу с кроменецкого, с которым нелишне было бы переброситься словцом, приступая к столь ще-

котливому расследованию. А заодно назначить ему час и место конспиративной встречи.

Как, должно быть, огорчились, прия в себя, разложенные меж дубов бойцы лесной стражи! Вот уж, что называется, день не задался! Сначала воля неведомого заказчика погнала их в самый волчий час охотиться на дичь, которая и сама не раз промышляла охотой. Затем Перепутень, спешащий поделиться бьющими через край впечатлениями последних дней. На смену ему — Вадик, после встречи с которым далеко не всякий с ходу разберет, где верх, где низ, где лево, где право. И под конец — холодная, сырья от росы трава, оставляющая зеленые следы на промокшей одежде. Впрочем, с одеждой у лесных стражей как раз вышла непредвиденная заминка. Она умчалась вдаль на синебоком «ниссане» нарочитого мужа Вадима Злого Бодуна Ратникова, чтобы больше никогда не встречаться с хозяевами, опозорившими честь своего незамысловатого мундира.

Следствие продолжалось. Прямо сказать, для успешного решения оперативно-розыскных задач, стоявших перед нами, лично мне было необходимо минут этак триста здорового сна. Лучше, конечно, шестьсот, но это уже из области сказок. Отъехав подальше с места утренних забав и поближе к точке назначеннной встречи, мы присмотрели укромное местечко и, помянув недобрый словом Соловья-разбойника, вполне возможно, нежащегося на перине в нашем именном люксе отеля «Граф Инненталь», завалились на спальники, пла-нируя дрыхнуть по очереди.

Когда я проснулся, солнце уже успело постоять в зените и начать, как обычно, неспешный в теплую летнюю пору путь к горизонту. Вадим сидел у разведенного костерка и варил кашу с предусмотрительно захваченной тушкой. Но партизанский костерок был сложен в довольно глубокой яме, и языки пламени, высекавая из нее, облизывали днище котелка, точно спеша утолить свой голод до той минуты, когда жадные люди отнимут у огня закопченное лакомство.

— Ты что, так и не ложился? — ошеломленно потирая глаза, набросился я на друга.

— Да не, — помешивая кашу обструганной веткой, лениво покачал головой Вадим. — Я уже даванул на массу.

— А меня почему не разбудил? — Я с укором посмотрел на И.О. Государя. — А если бы кто подошел? Нас бы взяли голыми руками!

— Да ну, оно в натуре, как-то так... Я чисто сидел, сидел под деревом, думал, что не сплю, а потом проснулся. Да ты не боись! Пока мы тут дрыхли, Проглот конкретно бдил, как те кенты у мавзолея. Скажи лучше: ты не знаешь, вот так, по жизни, русалки на ветвях могут сидеть?

— Не знаю. — Я с подозрением уставился на Ратникова. Выглядел он явно смурным. — А что, сидела?

— Да хрен их поймет! Может, сидела, а может, привиделась! — Он отмахнулся, точно стараясь отогнать назойливое видение. — Слушай, я о другом мозги кипячу. Мы чисто о главном местном пахане знаем только, что он конкретно существует. А он засаду нашу прокачал на раз-два-десять. Прислал своих шестерок на стрелку, да так, что если бы не Перепутень — действительно могли бы лясты склеить. Дальше: мы ему картинку вроде как вполне четкую за-делали. Вся поляна в жмурах, все пучком, дым коромыслом. А он не повелся! И потом, когда вы по понятиям терли, как он тебя в натуре расшифровал!

— Кстати, тебя он почему-то не упомянул, — между делом вставил я. — Стоп! Погоди. — Я рывком уселся на спальник, по-турецки поджав ноги. — Смотри, что у нас получается: наш «мистер Икс» откуда-то узнал мое прозвище и, судя по всему, совместил его с прошлогодней информацией о Маше Базилеевне. Причем он, пожалуй, мало что знает о моей персоне, иначе с чего бы ему считать меня уроженцем Груси?

— А ты че хотел? Чтобы он выдал тебе номер твоего служебного «макарона»¹?

— Да погоди ты! Не о том речь! — резко оборвал его я, морщась от полного непонимания соратником очевидных вещей. — Сам по-думай, Клинок меня здесь называешь только ты. Стало быть, либо этот таинственный Некто слышал наш разговор, либо ему о нем доложил кто-то, слышавший нас с тобой.

— Дед Пихто? — сурово предположил Злой Бодун, похоже, так до конца и не простивший маститому старцу шоу на лесной дороге. — И колпак в натуре как раз около его хаты валялся.

— Полагаю, что все же нет. Если бы это был он — с чего бы старому внучку подставлять? Тем более, вспомни, как она разбойников скосила! А могла просто лапы кверху: «Не стреляйте, я своя!» И потом, в замке, не похоже, что Соловей исключительно для нас комедию ломал.

¹ «Макарон» — сленговое название пистолета системы Макарова.

— И то верно, — радостно согласился бдительный оперативник, получив возможность вывести из-под подозрения родственников подруги. — А кто ж тогда?

— Ты можешь смеяться, но я полагаю, это Фуцик.

— Да ну, в натуре? Мы ж его типа порешили. — В словах непримиримого борца с шарлатанами слышалась явная неуверенность.

Я отрицательно покачал головой:

— Волшебные палочки не убивают. Помнишь, Делли про дого-
вор между людьми и магами рассказывала? Так что это, можно ска-
зать, оружие полицейского назначения. Что уж там с вашими вол-
шебными дровами произошло, понятия не имею. Может, закороти-
ло что? Это ж мурлюкская галантерея из конфиската, что ты от нее
хочешь? Очень может быть, Фуцик просто застыл, можно сказать,
отморозился. Вроде как пациент у гипнотизера. Но при этом бан-
дитствующий чародей-недоучка вполне мог сохранить способность
видеть и слышать происходящее вокруг. А потом мы ушли, действие
магического заряда кончилось, он оттаял и тут же доложил по ко-
манде обо всех подробностях встречи в кулуарах.

— В натуре толково, — разочарованно вздохнул Злой Бодун, под-
брасывая в костер сухой хворост. — Что ж ты, голова, раньше-то не
допер!

— Потому что не допер, — доходчиво пресек я обвинения в свой
адрес. — Я, в конце концов, волшебством, как некоторые, не зани-
маюсь. Так все, знаете ли, по старинке. Ты лучше вот что послушай.
Помнишь, Соловей-разбойник нам о своем побеге из страны коболь-
дов рассказывал?

— Ну-у...

— Ободья гну. Соловей-разбойник, при всех его понтах, до от-
сидки крупным авторитетом не был. Банальный гоп-стоп, только с
применением, так сказать, вокальных возможностей. Я думаю, в та-
мощих каменоломнях таких свистунов, как он, — на десяток дю-
жина. Но что мудрить, мужик он был перспективный. Кто-то это
отметил и неведомому хозяину сообщил. А потом этот кто-то орга-
низовал для нашего ценного свидетеля, будь он неладен, побег.
Причем не только ему, но и Фуцику, с которым будущий атаман
был скован одной цепью. Помнишь, Соловей говорил, что у коно-
вязи было две лошади, а в сумках находились одежда и деньги на
двоих.

— И что? — завороженный ходом оперативной мысли, тихо по-
интересовался Ратников.

— А то, вполне возможно, побег был организован не Соловью и Фуцику, а Фуцику и Соловью. Что именно этот неказистый боевой маг указал наверх, кому с ним бежать, и что, возможно, не разуhabистый батька Соловей, а незаметный Фуцик связан с хозяином напрямую.

— Это по жизни чисто комиссар, да? — завороженно выдохнул Ратников.

— Вот именно, — поднимаясь с места, подытожил я. — Значит, нам совершенно необходим этот чертов фокусник, и, стало быть...

Лицо Вадима изобразило высочайшее неудовольствие, с каким монарх, пусть даже временно исполняющий августейшие обязанности, встречает предложение выступить на тропу войны, не закончив трапезы.

— Так че, в натуре опять за каким-то лешим в соловьевину берлогу щемиться? Клин, я тебе без балды говорю, это будет конкретное попадалово! Туда сейчас голоты набежало до пупа и выше!

— Возможно, ты и прав, — с сомнением произнес я. — Но тут есть два «но». Первое: если разбойники действительно вернулись в замок, то сделали это еще утром. Вряд ли те, что сбежали из-под стен, уболтали остальных идти по темноте сражаться с грифонами. Кроме всего прочего, эти твари, в отличие от людей, ночью видят не хуже, чем днем. Стало быть, до рассвета скорее всего никто не дергался. Дальше. Предположим, с утра пораньше бандиты вернулись в замок. Не знаю, как уж там вел себя Фуцик, прия в сознание, но скорее всего возницы его не дождались и все обнаруженные в подвалах сокровища утянули с собой.

— А как они выбрались? Там же мост типа того? — усомнился Ратников. — А скатерти-дороги у них, рубль за сто, нет!

— Да ну, не проблема! — отмахнулся я, покусывая сорванную травинку. — Три-четыре сосны завалили, подтащили и временный мост готов. Благо, думаю, в топорах в тамошнем арсенале недостатка не было. Так вот, представим себе, что преступники обнаружили исчезновение: а) главаря, б) сокровищ. Как ты думаешь, что или кого они бросятся искать в первую очередь?

— Я так чисто прикидываю — рыжье, — после минутного молчания авторитетно заявил исполняющий обязанности государя.

— Вот и я так думаю. Тем более что им вряд ли может прийти в голову мысль, что вожака мы увезли, а драгоценности оставили невесте кому. И уж точно, Фуцик об этом ничего слышать не мог.

— Ты хочешь сказать... — криво усмехаясь, начал Вадим.

— Я хочу сказать, что сейчас разбойники наверняка бросились грабить награбленное. А стало быть, в замке никого нет, кроме, естественно, отмороженного комиссара, который, насколько я мог заметить, не слишком рвется участвовать в каких-либо боевых действиях. Да и самочувствие ему это сейчас вряд ли позволяет. Бандиты пойдут по следу денег, а он приведет их к селению, откуда прибыли возницы, то есть в сторону, прямо противоположную нашему местонахождению.

— Ну, круто! — радостно прокомментировал мои выкладки Злой Бодун, снимая котелок с огня. — Так что теперь? Мы подхарчиться успеем, или типа по коням? Чисто конница-буденница.

— Успеем, — кивнул я, доставая ложку из-за голенища. — Тут как раз второе «но». Необходимо дождаться толмача и выведать у него все столичные новости.

Диковинное сооружение, именуемое нашими политическими говорунами «вертикалью власти», было направлено в Субурбанию точно вверх. Всякое разночтение и отступление от центральной линии, от священной оси, вокруг которой вращался местный субурбанский глобус, считалось пагубным инакомыслием, а потому каралось с отеческой любовью и священной непримиримостью. Куда бы ни смотрела вышеупомянутая ось, именуемая также вертикалью, ее направление всегда было единственным правильным. Всегда над головой мэдомица более низкого ранга, точно грозовые тучи, готовые разразиться громом и молнией, нависали сановные ягодицы его начальника, а над тем еще более ягодичные ягодицы следующего по рангу. И так вплоть до самого государя, небо над которым не было облачено в штаны, но все же воспринималось как часть вертикали, хотя и наиболее возвышенная.

Уж какую мзду и в каком виде должен был отстегивать мудрому Нычке король Субурбании — не мне судить. Должно быть, где-то зажал монарх положенную долю. А может, как раз наоборот, совместно с ближними челядинцами своими был переведен на новую руководящую работу в каком-нибудь ангельском чине. Кто знает? Однако здесь, внизу, шестерни механизма карьерного роста неминуемо пришли в движение, подкидывая вверх застоявшийся на запасном пути очередной эшелон власти, так что, вернись сейчас Барсиад II — еще вопрос, как бы встретили его ошалевшие верноподданные.

Первый шок отходил. Обескураженные мздоимцы, смирившись с мыслью, что выше них только звезды, примеряли на себя соответствующие шаровары с лампасами и радовались нежданно удачному повороту судьбы. Эйфорическое возбуждение, едва скрываемое под притворно постными личинами, царило в стране.

Вчерашние пехотинцы ретиво перебирали содергимое своих ранцев в поисках маршальских жезлов, и не найдя их там, спешили выстругать что-нибудь похожее из любого подручного материала. Картина весьма поучительная для человека философического склада ума.

Но оперативно-следственную группу сейчас интересовал один-единственный человек, карьера которого началась в этих самых местах и была накрепко связана с нашими похождениями в этом мире. Еще год назад заурядный стражник Юшки-каана, сегодня он был всеми уважаемым человеком, укладником в Вадюнионе Уряде Коневодства и Телегостроения. Конечно, нравы Субурбании не способствуют безоглядной преданности руководству, таковое возможно, лишь пока мздоимец находится под твоим началом. Когда же он подкопит денег, чтобы получить следующее повышение в каком-нибудь из государевых урядов, — ничто не помешает ему помогать вашим заклятым врагам, буде они окажутся его начальниками. Но профессиональная этика не позволяет всем этим подстольникам и застольникам поступать так, не сдав дела на прежнем месте. Ибо сказал бог Нычка: «Кто, не воздав за доброе, станет хулить — сам будет прах передо мной и не воздастся ему». А потому, вновь спрятавшись в кустах у проезжего тракта, мы ждали появления толмача, веря, что ежели Оринке удалось к нему пробиться, то он непременно придет.

День медленно катился к вечеру, словно бильярдный шар, готовый упасть в лузу. Мы по очереди разглядывали путников, проходящих и проезжающих мимо, надеясь увидеть знакомые черты в озабоченных насущными делами лицах. Но толмача все не было. В конце концов, пользуясь старшинством, я поставил Вадима караулить дорогу и уселся расписывать фактаж. Как бы не так! Стоило авторучке вывести первые буквы на клетчатой бумаге, из ближних кустов донесся сдавленный театральный шепот подурядника:

— Клин! Вали сюда, он рулит!

— А чего шепотом? — не удержался от вопроса я.

— Витек, с ним еще полтора десятка стражников!

Глава 11

**Сказ о том, что ежели что первом наделаешь,
то здесь уж топором не обойтись**

Зрение не обмануло славного витязя Вадима Ратникова. Вдали на дороге виднелся крытый экипаж, запряженный гнедой парой. Перед ним гарцевал господин укладник. Его нафабренные усы задорно топорщились, демонстрируя заслуженное удовлетворение судьбой. Вслед, по обе стороны возка неспешной рысью скакали воины в синих плащах с рогатым мечом бога Нычки, вышитым золотом по застиранной лазури. Год тому назад такие же точно вояки Юшки-каана силились взять нас в кольцо, чтобы упечь за решетку непокорных иноземцев.

— Действительно стражи, — переходя на шепот, пробормотал я. — Неужели скуввился? А ну-ка, сейчас уточним.

От мысли, которая в этот момент раскаленной шпилькой вонзилась в мозг, мне стало тошно так, словно я час крутился в центрифуге. Карьера карьерой, но что мешало толмачу передать известие о нашем приглашении Юшке? В этом случае Оринку, как хитроумную лазутчицу, ожидала печальная участь. Наши отношения с Юшкой не только сами по себе оставляли желать лучшего, но волею судеб мы представляли конкурирующий Союз Кланов «За Соборную Субурбанию» и, стало быть, все оправдания юной кудесницы априори считались бы несостоительными.

Волшебное зеркальце, полученное от Делли, пошло волнами и в его глади отразилось миловидное лицико кудесницы.

— Ты там как? — скороговоркой выпалил я.

— Благодарствую, бестужно¹ все, — с недоумением ответила девушка. — А у вас что за напасть стряслась?

— Фу-ух! Ну, слава богу! — с облегчением ответил я. — Тут кое-какая заминка вышла, вот мы и опасались, не случилось ли чего.

— Ничегошеньки! Поели, отдохнули с дороги. Стало быть, сейчас ждем приема у каана.

— А с толмачом виделась?

— Вестимо, — чуть обиженно проговорила наша помощница. — Сильно он обрадовался, угостил, приветил, обещал, что без промедления в дорогу пустится, вам навстречу.

¹ Туга — печаль.

— Ну, вот и пустился. — Я дал отбой волшебному зеркальцу. — Вадюнь! Орина утверждает, что толмач пришел в восторг от новостей и вроде бы как ничего дурного не замышлял.

— А может, он ее того... чисто прокинул? — усомнился Злой Бодун. — Молодая же еще!

— Кудесницу-то? — Я покачал головой. — Сильно в этом сомневаюсь. Она ж мысли фильтрует получше, чем любой детектор лжи.

— Тогда что это за шобла в синем? — Вадим ткнул копьем в сторону приближающихся всадников.

— Сейчас узнаем! — Я тихо свистнул Проглota. — В конце концов, мы сами просили толмача приехать. Ты, если что, прикрой меня, пальни разок-другой в воздух.

На лице Вадюни появилась не предвещающая ничего хорошего улыбка.

— Ну, часть пути картечь точно по воздуху лететь будет, а там как получится.

— Ладно, — поспешил я успокоить друга. — Не надо крови. Сначала пообщаемся с гостями. Проглот! Тварь клювастая, к ноге!

Юный грифон, сидящий у моих ног, должно быть, смотрелся весьма экзотично. Такая себе парочка: я с Джульбарсом на границе. Волчья плеть, свитая Оринкой вопреки протестам животины в аккуратный, я бы даже сказал, кокетливый венок, красовалась на орлиной шее, точь-в-точь как знак великой победы или ожерелье с медалями, которые надевают своим породистым любимцам породистые хозяева. Уши Проглota стояли торчком, из горла слышалось глухое клокотание, какое обычно издают леогрифы перед атакой.

Всадники приближались. Их кони, завидев восседающего рядом со мной юного монстра, перешли на шаг, начали фыркать и недовольно крутить мордами. Грифоны вообще не любят коней, и те отвечают им взаимностью. Наш домашний любимец на первых порах, увидев преображеные «ниссаны», угрожающе щелкал на них клювом, дико прыгал вокруг, имитируя нападение, хлопал крыльями и всячески демонстрировал свое негодование присутствием ничтожных копытных. Однако синебокие иноходцы оставались холодноравнодушны к его стараниям, и это волей-неволей заставило нашего питомца смириться с горькой участью. Теперь подросший зверь неодобрительно взирал на всякого рода лошадей, но далее обычного неудовольствия дело не шло.

Кони стражников и упряжная четверка об этом не знали, и потому шагах в двадцати от нас они замерли, не повинуясь ни шпорам, ни уговорам.

— Отец родной! — со слезой в голосе что есть мочи заорал толмач, спрыгивая наземь. — Да на кого ж вы нас покинули! Да где ж вы были-то все это время?!

— В странствиях, — кратко ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Вон оно как. — Чиновный мздоимец сделал пару шагов в мою сторону. — Тварючка-то не куснет?

— Может, — честно признался я, кладя руку на пернатую макушку хищника. — Но я ее попрошу этого не делать.

Словно в подтверждение моих слов грифон предупреждающе защелкал клювом. Всякому образованному человеку, знающему повадки грифонов, подобный знак был ясен без комментариев. Даже новорожденный представитель этого племени с легкостью перекусывает стальной пруток. Что же касается таких вот слегка оперившихся подростков, то в клочья разорвать яцериновую кольчугу¹ для них не сложнее, чем ватное одеяло.

— Проглот, лежать! — Я похлопал зверя по взъерошенному загривку, и он нехотя выполнил команду. — Это свой.

Толмач приблизился, с опаской поглядывая на ручного монстра.

— Прибыли, ваше преимущество, как было велено. Не извольте сомневаться, все привезли. До последнего хвостня!

Я нахмурился, пытаясь скрыть удивление. Не знаю, что уж там наговорила нашему приятелю Оринка, но о деньгах, кажется, в приглашении речь не шла.

— Коли желаете, все можете перечесть. Вот тут у меня каждое дело учтено. — В руках укладника появилась толстая амбарная книга с радугой цветных закладок. — Все тут прописано: и кто пожелал в своем хозяйстве породу конскую улучшить, и сколько мзды с него получено, и кому какая очередь поставлена. Ну и кто на что сгодиться может. Вот, к примеру, — толмач послюнявил палец и открыл гросябух на синей закладке, — из Головного Призорного Уряда завзятый стольник. А вот из Прихвостневого...

Я едва удержался от смеха. В прошлом году мы послали толмача в Елдин, велев ему открыть офис и собирать заказы от желающих улучшить конскую породу, случив своих кобылиц с синебоким жеребцом «ниссаном». Должно быть, старания нашего приятеля не прошли даром, и дело шло на лад. Именно об этих прибылях и говорил

¹ Яцериновая кольчуга — кольчуга плотного плетения.

толмач. И деньги, явившиеся, по сути, полагавшейся нам мздой, он и доставил руководству по первому зову. Отсюда и возок, отсюда и охрана.

— И много наличности в сухом остатке? — принимая журнал учета заказов, сурово осведомился я, стараясь придать лицу выражение деловитой озабоченности.

— Да уж за полтораста тысяч хвостней набежало! — гордо отрапортовал ушлый субурбанец. Впрочем, субурбанец и бывает — либо ушлый, либо мертвый. — Для вас-то, может, и не много. Но все же и не малость какая.

Замечание моего собеседника имело право на существование. С прошлого года удачные финансовые спекуляции нашего груссского партнера, уроженца здешних мест Щека Небрита, вложившего призовые деньги своих постояльцев в продажу металла Великого Железного Тына чайнаусским купцам, вывели меня и Вадима в число людей довольно состоятельных, чтобы не сказать — богатых. Но деньги по большей мере были там, за пределами Субурбании. Так что привезенные толмачом средства могли оказаться весьма кстати, особенно учитывая специфику проводимого расследования и знаменитое высказывание Наполеона о том, что для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги.

— А сам-то батюшка-кормилец в добром ли здравии? — осмелился наконец задать наболевший вопрос господин укладник. — Да где ныне пребывают?

— Думу думают, — поднимая вверх указательный палец, глубокомысленно изрек я. И добавил, выждав драматическую паузу: — Высокую думу! А на здоровье, слава Нычке, не жаловались, чего и вам от души желают.

— О-о-о! — покачал головой чиновный коневод-телегостроитель. — Об чем же, коли не секрет, дума?

— Мой друг, я поражен безмерно! — с укором проговорил я. — Страна на грани! Хаос и запустение на носу! И кому ж, спрашивается, петься о спасении уязвленного отечества, как не нашему любимому титану прозрения и вахтенному передовой мысли Вадиму Злому Бодуну Ратникову?!

— Насчет хаоса, это что ж, о короле с челядинцами его, что ли? — разочарованно протянул толмач. — Как же, слыхивали! Экое горе-то.

По интонации нашего старого знакомца было не понять, то ли он выражает дежурное сожаление в связи с исчезновением любимого монарха, то ли удивляется малости повода для суровых дум

высокого начальства. Поэтому, выждав паузу и не дождавшись продолжения официальных стенаний, я поспешил задать наводящий вопрос.

— И что в Елдине о том толкуют?

— Да всяко бают. Все больше о ценах на овес. А о короле толкуют, и что нечистая его побрала, и что зеленые человечки, кои, по слухам, в его палатах по стенам бегали, государя похитили да на летучий корабль уволокли. А тут еще мольва пошла, будто король с ближними своими промеж народу скрываются, беды и чаяния людские вызнают, чтобы, как придет урочный час, явиться да собственноручно мощной дланью всех и покаратъ.

— Нешто всех? — ухмыльнулся я.

— А чего церемониться? Разве кто безвинный в Субурбании същется? Всяк знает. Что милостью Нычки держимся, и за то его чтим, что милость его безмерна.

— Ну, хорошо, — кивнул я, не давая ходу философским рассуждениям знатного коневода и телегостроителя. — А сам-то как думаешь?

— Насчет руки — отродясь она у Барсиада крепкой не была, — пожал плечами толмач. — А так, мне-то оно что? Вот как вы скажете, так оно и верно будет. Оно ж послам всяким без государя скука да тоска смертная. Ни тебе говор тайный учинить, ни отобедать всласть! А мне государь, дай ему Нычка здоровья, коли жив, борща не варил, дров не колол. Мне что с ним, что без него — все едино солнце всходит.

— А ежели вдруг враг какой нагрянет? — Я укоризненно покачал головой.

— Да нешто същется такой враг, которому верные людишки без надобности будут?

— Против своих, стало быть, пойдешь? — нахмурился я.

— Отчего вдруг? — На лице моего собеседника нарисовалось явное щедрумение. — Здесь, почитай, все таковы. Коли враг лютовать не станет — его тут завсегда с пирогами как родного примут. А если тебя принимают как родного — на что тебе лютовать?!

— Стало быть, вот так? — усмехнулся я.

— А то! — Толмач любовно провел пальцем по усам. — Бог Нычка учил: «Отвори дверь стучащему, ибо если пришел ступит на твой порог с радостью — и ты возрадуешься. А уж коли беда придет в дом — не спасут замки да засовы, так хоть дверь сохранишь»!

— Спорное заявление, — проговорил я, понимая бессмысленность дальнейших хитроумных переговоров.

— Может, и так, вам виднее. Меня ж одно заботило в эти дни, жив ли благодетель мой, нарочитый муж, витязь и левой руки подурядник, Вадим Злой Бодун, сын Ратника, ибо мзду свою я ему нести повинен. А уж о том, кто выше его, пусть он печалуется. Не моего ума это дело.

— Понятно, — кивнул я. — Да только вот какая незадача. По всему выходит, что над ним-то как раз никого и нет. А следовательно, получается, ему обязанности короля выполнять надлежит вплоть до возвращения самого Барсиада II. Соображаешь, о чем я толкую?

— Так, стало быть... — От волнения голос толмача перешел в шепот. — Он нынче... того?

— Стало быть, — конспиративно понижая голос, согласился я. — Теперь Вадим — И.О. государя, а ты... — Я прервал свою речь. — Ну, в общем, он сам об этом лучше расскажет. Ты уж, будь добр, подготовь стражу, чтоб орлы от волнения и счастья в обморок не попадали.

Шеренга стражников инкассаторской службы преданно таращилась на высокое начальство, взгромоздившееся на крышу денежного возка.

— Мужики, в натуре! — вещал Ратников, приняв позу того самого памятника, который любезно указывал на стоянку такси у вокзала в родном Кроменце. — Родина в опасности! Экономика, по жизни, должна быть экономной! Перестройка — это типа революция! Ну и чисто, чтоб у нас с вами все было и нам с вами за это ничего не было!

Последний тезис громокипящего титана изящной словесности был встречен с особым воодушевлением.

— Высокомудрый И.О. государя, — решил я пояснить некоторые сложные для неподготовленного восприятия тезисы Злого Бодуна, — хотел сказать, что Субурбания движется по пути коренных преобразований. Наш любимый король Барсиад II, пронзая разумом все большие и малые народные нужды и проникая в самую суть вещей, повелел, чтоб отныне все было по-иному. Ответственным за это назначен широко известный, вот, скажем, ему, — я ткнул пальцем в толмача, — решительностью и государственными понятиями славный витязь и сановный мэроимец Вадим Злой Бодун Ратников! Прошу любить и жаловать!

На лицах стражи немедленно отразилась неземная любовь, и в глазах, точно на дисплеях калькулятора, начался подсчет жалованья.

— Нам, в смысле, вот ему, — указал я на величавую фигуру напарника, дождавшись, пока утихнет звон кольчуг и бурные аплодисменты, — поручено сформировать новый уряд, который должен разгрести все, что накопилось.

— В натуре, — кивнул Вадим.

— Уряд Нежданных Дел! — ни с того ни с сего выпалил стоящий рядом толмач.

— Почему нежданных дел? — тихо уточнил я.

— Отец родной! Да когда ж в Субурбании дела были жданными?!

— Будь по-твоему, — согласился я, сраженный неопровергимостью столь конкретного довода. — Главою Уряда назначается вот он. — Я указал на толмача и наклонился к его уху, точно собираясь сообщить по секрету тайный пароль новой организации. — Как тебя, то бишь, звать-то?

— Вавила Несусветович. Батька мой, стало быть, свет нес, — оглушенно пролепетал счастливец, кажется, готовый разрыдаться, точно голливудская дива при вручении «Оскара». — Не подведу! Жизнь положу! Детям заповедаю!

Я благосклонно кивнул, давая понять, что обещание принято.

— А вы, стало быть, для начала в том Уряде будете стольниками. — Насколько я помнил здешнюю систему, стоящий передо мной рядовой и сержантский состав был произведен мною примерно этак в капитаны, а может, даже и майоры. — За верную службу мы и впредь намерены жаловать, за кривду же — карать без всякого сожаления.

— Ура-а! — донеслось из строя. — Даешь! Любо! Любо!

— Да где ж хвостней-то набрать на мзду, на стольника-то? — перебивая восторженные крики, донесся неуверенный голос одного из всадников.

— Не суетись, брателла! — выступил вперед Ратников. — Все чисто в кредит. В рассрочку, на двадцать лет без процентов!

— Любо! Любо! Любо!!! — взорвался потрясенный неслыханной щедростью строй. — Даешь Уряд Нежданных Дел! Да здравствует И.О. Великий!

Мы ждали возвращения разведки из разбойничьего замка. Золотой запас новой власти, как чемодан без ручки, заметно снижал маневренность нашего отряда, а потому, рассеянно слушая повествование нового урядника, я ломал себе голову, куда припрятать нежданно свалившееся на нас сокровище. Вопрос толмачу был поставлен простой, чтобы не сказать банальный. Задавая его свидетелю,

оперативник редко надеется услышать в ответ что-нибудь внятное. «Последнее время, перед совершенным преступлением, не заметили ли вы чего-нибудь необычного? Может, были какие-то угрозы, слежка?..» Уж не знаю, на счастье или несчастье, но мой собеседник был наполнен свежими новостями, как зона Персидского залива нефтью. Проникнутый важностью первого задания, он рассказывал полно и чистосердечно обо всем, что знал, слышал или же только догадывался.

Вначале я слушал внимательно, стараясь вычленить зерна драгоценной информации из несмолкаемой трескотни радостного Несусветовича, затем расслабился, выставив, точно невод для золотой рыбки, профессиональный навык сработки на ключевые слова.

— ...Притаился король Барсиад за кустом и ну ждать. Ждал, ждал — едва не уснул. И точно: только-только луна над самой маковкой его зависла — лес вокруг будто пожаром объяло. Прилетает откуда ни возьмись птица-небылица, лицом — девица, хвостом — зарница.

— Че там про «Зарницу»? — вмешался заинтересованный последними словами Вадюня. — Мы тоже когда-то с деревяхами по лесу бегали, флаг искали. В натуре прикольно!

Сбитый с темпа, рассказчик задумчиво уставился на И.О. государя, силясь проникнуть в глубокий смысл услышанного.

— Это о другом, — заверил я. — Продолжай, пожалуйста.

— Так вот, села та птица на камень и давай мед с него слизывать. А от хвоста ее сияние такое, что нить в игольное ушко без труда вдеть можно. Вот угощается она медком, тут король Барсиад из-за куста — шашь! Хвать ее, затейницу, за тело девичье, повыше хвоста, и ну кричать: «Ага! Попался, голос чужеродный. Не будешь более супротив меня народ мутить!»

При этих словах я невольно включился и стал вслушиваться в рассказ толмача.

— Птица-небылица крылами хлопает, а от камня оторваться не может. Лапки-то глубоко в меду увязли! Да и государь наш — хват! Прижал к себе вещунью — поди тут взлети! Ну, она тут, ясное дело, взмодилась. Мол, отпусти, мудрый государь, что с меня, птицы, взять? Плету себе всяку теребень ради красного словца, не хуже Переплутня. Пусти, говорит, на волю. В плену у тебя захирею и песни петь не стану. А вот коли дашь мне свободу — одарю тебя пером из своего хвоста. А за сладкое угощение поклянусь более рта супротив тебя не открывать!

Ну, Барсиад-то, известно дело, сердцем мягок, и хоть голос-то чужеродный уже до печенок его допек, но печенью он как раз крепок да велик. «Ладно, — говорит, — лети отсюда к своей матери. Перо, так и быть, оставь — я им шляпу украшу». А она ему в ответ: «Перо мое не простое, а чудодейное! Не зря ж я все-таки птица-небылица! Если на какого вражину им махнуть, то будь он хоть трижды злыднем — враз станет добрым да ласковым».

— Угу. — Я вновь впал в задумчивость. — Значит, так оно все и было.

— Еще бы не так! — гордо расправил плечи урядник Нежданных Дел. — Да об том, почитай, вся Субурбания шумела! Нешто не слыхали?

— Мы в Кроменце по делам были, — скupo отозвался я. — А кроме птицы-небылицы с ее оперением здесь о чем-нибудь говорили?

— Так ведь это ж еще не конец! — обнадежил толмач. — Решил король то перышко при случае на ком-нибудь испытать. А тут как раз и возможность представилась. В землях кобольдов лютовал злой разбойник Ян, Кукуев сын. Никому проходу не давал! Правый, виноватый — всяк ему хвостни в мошну клал, дабы голову сберечь! Он другого атамана, который в Лужанских степях озоровал, со всей его ватагой жизни лишил за то, что под ним ходить не хотели. Хотя те, развеи Нычка их имена по ветру, тоже не совсем праведники были.

Стоны народные аж в Елдин, до дворца самого доносились. Взял тогда король Барсиад крепкую рать да поехал искать супостата. Долго ли, коротко, а все ж свиделись они во чистом поле. Кукуев-то сын государя не убоялся, за кистень схватился, а тот его перышком так — вжик-вжик крест-накрест! Похерил¹, одним словом. И глядь — впрямь чудо свершилось! Стоял пред ним упырь лихой, видом дикий, нравом жуткий, а тут вмиг обернулся в доброго молодца, да такого славного и пригожего, что и глаз не отвести! А доброты в нем — по всей Субурбании обыщись, а добрее не сыщешь! В общем, стал он с той поры государевым наушником.

— Кем? — неуверенно переспросил я.

— Наушником. На ушко государю волю Нычкину растолковывал, ибо умом зело велик оказался. Все вокруг себя зрил и разумел! А за нрав его кроткий, за слова ласковые величали его уже почтительно: не Кукуев сын, а Ян Кукуевич. Правда, люди бают, поколачивал он некоторых. Даже, сказывают, и каанам кулака в рыло совал. Ну,

¹ Похерил — перечеркнул крестом. От старого названия буквы «х» — хер.

так оно как же без этого! Все едино, душою чист! Ну да, видать, с остальными сгинул.

— Стоп! — Я оборвал плавную речь толмача. — Вадим, ты слышал?

— Про наушники? — с неохотой уточнил Злой Бодун.

— Не цепляйся к словам. Бывший разбойник из страны кобольдов, толкующий волю Нычки его величеству!

— Оба-на! — Исполняющий обязанности государя немилосердно хлопнул себя по лбу мощной дланью. — Приплыли!

Донесение вернувшейся разведки не обрадовало. Хотя, если вдуматься, не то чтобы огорчило, скорее озадачило. Во-первых, за распахнутыми крепостными воротами не сыпалось ни единой живой души. Во-вторых, там были обнаружены неживые души — забитые кольями трупы романтиков с большой дороги, судя по позам, не оказавших убийцам серьезного сопротивления. В-третьих, на стене донжона виднелась странного начертания эмблема, похожая на перевернутую пятилучевую звезду со вписанной козлиной головой.

— Красные демонята свою метку оставили, — выслушав последнее сообщение, нервно повел усом Вавила Несусветович. — Они всегда, ежели что, такую отметину рисуют.

— Ты хочешь сказать, что разбойников убили красные демонята? — уточнил я.

— Вестимо, они, — утвердительно кивнул новоиспеченный урядник. — Кому ж еще!

— Я подумал было, что это возницы, когда грабили соловьиную берлогу.

— А это, может, чисто конские водилы и есть красные демонята? — с ходу выдвинул гипотезу блюститель престола.

Мне осталось лишь развести руками, демонстрируя полное незнание.

— В натуре прикольные корефаны! — подытохнул Злой Бодун.

Честно говоря, судьба убиенных разбойников меня интересовала мало. При желании ею могли заняться местные правоохранительные органы. Куда больше тревожило другое: по словам наших следопытов, разбойники не возвращались в замок. Во всяком случае, не возвращались крупной группой. Не было и следов значительного отряда всадников, направлявшихся в сторону поселка. Колеи от тележных колес были девственно чисты. Ни одна верховая лошадь не прошла следом за похитителями разбойничих богатств из лесного замка. Вот это уже настораживало. Поскольку следовало признать, что либо криминальная психология здешнего преступного мира весь-

ма отличается от той, что преподавали мне в университете внутренних дел, либо же, что я упускаю из виду нечто весьма значимое. Тогда вопрос — что?!

Радовало во всем этом одно: среди жертв непонятно чьего произвола человека, по описанию сходного с Фуциком, не оказалось, а значит, нам следовало, не мешкая, посетить малую родину недавних коллег по разбойничьему извозу и провести опрос населения по ряду наболевших вопросов.

До селища со странным названием Негляжево мы добрались уже в потемках. Всадники нашего отряда не могли угнаться за джапанскими патрульными рысаками. Да еще эта касса на колесах «висела на балансе» И.О. государя, точно кирпич на шее Муму. Лишь только благодаря волшебному свету, бьющему из глаз «ниссанов», нам удалось не сбиться с пути и не потерять след.

Однако, несмотря на поздний час, в селе, казалось, никто не спал. Веселье шло на полную катушку. Звуки гармони перебивались протяжным завыванием рожков и дудок. На въехавший отряд стражников попросту не обратили внимания. Лишь однажды какой-то хлебосольный дедуган предложил всадникам отведать браги, да и то не слишком на этом настаивая. Так, шагом мы неспешно добрались до майдана — небольшой площади перед укромным храмом Нычки. Посреди этого вытоптанного сотнями ног пустыря в назидание беспутным олухам высился позорный столб, вокруг которого толпились возмущенно шумящие аборигены.

— Ну что ты жмешься, говори уж! — слышалось из народа. — Молви слово, чудодей, живее будешь! Ну что, паскуда, почуял, — в воздухе, преодолевая звуковой барьер, звонко щелкнул бич, — как золото в орехи превращать!

— А вот и Фуцик! — врезаясь конем в толпу, сквозь зубы процедил я.

Глава 12

Сказ о том, кому достанется на орехи

Деревенская сходка прыснула врассыпную, осознав вооруженное присутствие конных представителей власти.

— Отставить неорганизованный произвол! — гаркнул бравый урядник, вспоминая не слишком давние годы воинской службы. — Запорю!

Спустя минуту возле позорного столба оставались лишь наиболее стойкие, угрюмыми недоброжелательными взглядами провожающие невесть откуда взявшимся всадников.

— Что тут происходит? — это уже прикрикнул я, стараясь напускной суровостью придать вес банальному вопросу.

Сумрачные взгляды поселян лучше всяких слов давали понять злое недовольство, испытываемое народным собранием в связи с прерванной экзекуцией. Ввяzzываться в стычку с отрядом стражи крестьянам никак не улыбалось, но и упускать из зубов ухваченный кусок было оскорбительно для закоренелой селянской души.

— Да вот, — начал кто-то не слишком уверенно, — колдуна разбойничьего поймали!

— Хрена ли ты грузишь? — возмутился немедля Злой Бодун. — Это вы его поймали? Это я его поймал! Вы че, в натуре припухли?!

Смоляные факелы в руках оторопевших крестьян как по команде поднялись вверх, освещая лицо Ратникова.

— Да это же И.О.! — послышалось в толпе почтительное шушуканье. — Сам И.О. государя!

— Вы че, орлы четвероногие?! Конкретно не вдупляете?! Я тут чисто оставил мага на часок-другой, чтобы он типа отогрелся, а вы его, на фиг, тут же попятали? Да вы знаете, как это называется?! — Вадим кинул на меня вопросительный взгляд, требуя юридической поддержки.

— Хищение личной королевской, то есть государственной собственности, — на ходу сымпровизировал я, — в довольно крупных размерах. Кил, этак, семьдесят, пожалуй!

— А чего ж он, гадючий сын, золото в орехи обернул?! — вновь зазвучал в ночи возмущенный «глас народа».

— Что — все? — удивился я.

— Да не, малехо оставил, — кто-то из толпы, правильно оценивая момент, решился проявить врожденную честность. — Но орехов куда как поболе!

— Ну?! — Я смерил привязанного к столбу пленника укоряющим взором. — Отвечай — народ ждет!

— О-о-о... — поднимая на меня глаза, простонал Фуцик и уронил голову на грудь.

— Конкретно, — подыточил увиденное И.О. государя. — Так, короче, чародея отмотать, забинтовать и загрузить. Где типа орехи?

— Ну... так... Что где — какие в мешках, а какие девкам да ребятишкам малым раздали.

— То, что уже съели, — изымать не будем! — Мудро изрек гарант субурбанской справедливости. — Остальные, не надо понты колотить, конфискуются для выяснения обстоятельств.

— «До выяснения», — тихо подсказал я.

— Да какая, к хреням, разница! — неподдельно удивился Злой Бодун. — Главное, что они их уже чисто никогда не увидят.

— А золотишко-то нешто тоже грузить? — с сердечной болью в голосе простонал давешний правдолюбец.

— Золото в натуре оставьте себе. — Восхищенный собственной щедростью, Вадюня поднялся на стременах. — Конкретно вам говорю: «Земля — землякам! Леса — лешим! Вода — водяным! Пусть всегда будет солнце!»

Пораженная государственной мудростью толпа стремительно возликовала, оставляя на утро тягостный процесс понимания услышанного.

— Ша! — Ратников включил сигнал, и трубное ржание «ниссан» сотрясло округу. — Не надо нам оваций без банкета! Развяжите уже в натуре фокусника! Он сам не справляется!

Разгрузка мешков с орехами шла полным ходом. Недавнее убежище Соловья-разбойника, в связи с разрастанием административного аппарата, было решено использовать в качестве временной ставки. В конце концов, если сам гулевой атаман нежится в наших апартаментах в Горце Белокаменном, отчего же, спрашивается, нам не воспользоваться его лесной развалюхой?

За окнами разносился стук топоров и скрип волокуш. Мобилизованные урядником Нежданных Дел селяне, во исполнение перегибов и упущений, ремонтировали мост, хоронили убитых разбойников и придавали лесной обители жилой вид. К вышеупомянутым звукам примешивались заунывные песни застигнутых на поедании орехов баб и девок, теперь наводивших чистоту в апартаментах и оттиравших намалеванные то здесь, то там знаки козьей морды красных демонят. Освобожденный из рук любопытствующей публики горе-маг тихо постанывал, валяясь на набитом соломой тюфяке в личных покоях Соловья-разбойника.

— Ну что? — Я вошел в маленькую каморку, служившую одиночкой, и плотно закрыл двери, в надежде оградить себя от посторонних звуков. — Как самочувствие?

— О-о-ох... — с тоскою выдохнул исполосованный бичом шарлатан.

— Понятно. Здоровье неважное. Так и запиши. — Я открыл блокнот. — Гражданин Фуцик, я надеюсь, вам не нужно объяснять всю тяжесть вашего положения?

— Я невиновен, — силясь говорить быстро и уверенно, пролепетал подручный разбойничьего атамана.

— Да уж, конечно, невиновны! В замке оказались случайно, буквально отстали от цирка, заблудились, зашли спросить дорогу.

— Именно так все и было, — прикрыв глаза, заверил допрашиваемый.

— У следствия на этот счет имеется другая информация. Но оставим в стороне преступления, которые привели вас на рудники в земли кобольдов. Оставим также в стороне побег из мест лишения свободы. И даже ваше участие в преступной группировке, руководимой известным батькой Соловьевым, тоже на время оставим в покое. Обратимся к последним эпизодам вашей злосчастной карьеры, потому как, возможно, их одних достаточно, чтобы отправить вас на эшафот. Так что остальное пойдет, что называется, прицепом. Поэтому, если вы хотите воспользоваться шансом на помилование, выслушайте мои предложения и скажите «да», не хотите — до свидания! Конечно, странное дело освобождать человека из лап мучителей, чтобы передать его в руки палачу. Но тут уж ничего не попишешь! У вас есть целая минута на раздумье, советую использовать ее с толком. Время пошло.

Я уселся на тюфяк, искоса поглядывая на Фуцика, и негромко начал отсчитывать секунды: «Один, два, три...»

Насколько я мог видеть, бесшабашным храбрецом незадачливого адепта тайных сил называть было нельзя. Скорее, он был похож на мошенника, от случая к случаю осмеливающегося спереть то, что плохо лежит, чем на типичного разбойника с большой дороги. Всякий же мошенник не чужд артистизма. Это качество, по сути, залог его успешной деятельности. А артисту, как ни крути, нужен зритель, способный воздать должное высокому искусству, пусть даже искусству обмана. Поэтому запирательство, игры в несознанку мало свойственны людям той породы, к которой принадлежал наш квельй источник драгоценной информации. Особенно когда на кону стоит жизнь.

— Я ничего вам не скажу, — после минутного раздумья наконец изрек Фуцик.

Ну что ж, немного геройства перед капитуляцией — дело известное. Сдаваться тоже необходимо без суеты.

— Воля ваша, не хотите чистосердечным раскаянием и откровенным сотрудничеством помочь следствию, не надо. — Я брезгливо дернул плечом. — Вы действительно не обязаны давать показания против себя. Поступим следующим образом. Говорить начистоту вы со мной не хотите, улик весомых против вас нет. Стало быть, вернем все в исходную точку.

— То есть? — насторожился Фуцик.

— Мы отдадим вас крестьянам, они вновь привяжут вас к столбу и будут пороть вплоть до того светлого часа, пока вы не превратите орехи в золото.

— Вы не можете этого сделать! — Бесталанный колдун побледнел еще сильнее.

— Здесь вы заблуждаетесь, любезнейший, — резко отчеканил я, скрестив пальцы рук в замок. — У нашей группы самые чрезвычайные полномочия, какие вы только себе можете представить, плюс еще немножко. Так что, пеняйте на себя. — Я встал с лежанки и сделал вид, что собираюсь уходить.

— Постойте-постойте! — в спину мне затараторил узник. — Вы ничего не понимаете!

— Так объясните! — Я четко повернулся на каблуках.

— Если я сболтну хоть одно лишнее слово — меня убьют! — с отчаянием в голосе едва не закричал бедолага.

— Эка невидаль! А так, можно подумать, вы будете жить долго и счастливо! Или вас питает смутная надежда, что далекий хозяин по желает сохранить для себя такую драгоценную особу? Не питайтесь надеждами, иначе вы рискуете умереть с голоду. Сами посудите, вы ведь успели сообщить наверх, что замок захвачен?

Фуцик молчал, но весь его облик не оставлял ни малейших сомнений в причастности к содеянному.

— Можете не отвечать, мне и без вас это достоверно известно, — блефовал я. — И что, кто-то пришел к вам на помощь? Кроме, разумеется, нас?

— Он спасет меня! Я ему нужен! — упрямо отозвался незадачливый чародей.

— Нужны! — Я глумливо усмехнулся. — Как воздух. Пока вдыхаешь — он необходим, а на выдохе — «скатертью дорога»! Не будьте младенцем, хозяин вас бросил, то есть банально кинул. Как и Соловья, которого вы пошло сдали, я ведь ничего не путаю, именно вы его сдали? — Фуцик хмуро отвернулся. — Не путаю. Так вот: атаман на вас в большой обиде. Батька едва не погиб из-за ваших неумест-

ных откровений, и, поверьте, он сполна отплатил вам той же монетой. О вас уже известно достаточно. Так что теперь от того, кто из вас будет откровеннее, зависит, кто из вас взойдет на эшафот, а кто вернется досиживать в земли кобольдов. И не надо обманываться, никто и не подумает вас освобождать. Заметьте, даже лихие разбойнички, значительно превосходящие нас числом, пальцем не шевельнули, чтобы отбить верного дружка своего начальника.

— Испужались, песы сыны! Решили, видать, что Юшка-каан в великой силе против них выступил, — хмуро пробормотал Фуцик. — Знали бы, кому служат...

— А вы знаете? — перебил его я. — Ну?! Не темнить! Отвечать быстро и четко!

— На что мне это? Хоть так, хоть эдак всяк шаг мне гибелью смертной грозит. — Пафос слов узника был достоин большой сцены, однако его упрямство я явно недооценил.

В этот момент в дверь, тихо постучав, бочком втиснулся Вавила.

— Вот вы где! А я вас все ищу, ищу. Вопросец есть.

— Ну, что еще? — недовольно буркнул я.

— Возницы, с позволения сказать, интересуются — с орехами-то чего делать?

— Фуцик! — Я обернулся к лежащему. — Зачем вам нужно было столько орехов?

Позор волшебного цеха упрямо сжал губы.

— Ну, как знаешь, — отмахнулся я. — Не желаешь говорить, спросим у хозяина.

Я покосился на толмача.

— Ну-ка, стань вон там, чтобы тебя в зеркальце видно не было, да слушай внимательно.

Волшебное стекло вновь пошло волнами, оставаясь при этом обсидианово-черным.

— Ты все еще здесь, недоумочный сукин сын? — послышалось из дальней дали нежное приветствие «крестного отца».

— Вот вы меня не полюбили! — с деланным удивлением посетовал я. — За что, спрашивается? Сладок кус я у вас изо рта не вынимал, зеленым вином не обносил. Вот, кстати, шестерку вашу козырную от злых людей сберег, а то б не быть ему уже живым.

— Оно бы и к лучшему, — сквозь зубы процидил все еще неведомый, но уже близкий враг.

— Ну что ж вы так! — мягко пожурил я. — Фуцик так тепло о вас отзывался, так много всего рассказывал!

— В игры со мной играешь, выползень гадючий?! Ужо доберусь я до тебя!.. — прошипел голос по ту сторону зеркальной глади, и от яда, таящегося в нем, стекло, казалось, вот-вот пойдет пузырями.

— Ну, опять! — продолжал юродствовать я. — Тут, понимаешь, всей душой, а вы мне невесть чем угрожаете! Я чего тревожу-то. Тут у меня орехов сыскалось видимо-невидимо, так крестьяне слезно просят им отдать. А Фуцик кричит, что это ваше добро и трогать ни-ни...

— Сожри их и сдохни! — любезно порекомендовал мой таинственный собеседник, заканчивая разговор.

— Угу, — кивнул я, возвращая трофеиное средство оперативной связи в исходное положение. — Угу. Бесхозяйственное отношение к ценному посевному материалу! Ну что, — я бросил взгляд на урядника, — голос знакомый?

— Оно как же! — Польщенный доверием Несусветович картинно пригладил кончики усов. — Хоть и ругань ругательская до ушей моих доносилась, да глас изменен, но как не признать! Таких речей, раз услышав, не забудешь. Наушник это королевский — Ян Кукуевич! Я вам о нем давеча сказывал.

— Все точно, — кивнул я. — Ян Кукуевич. Он же — Ян, Кукуев сын, разбойник из земель кобольдов. Что и требовалось доказать. Вот и весь ваш секрет, гражданин Фуцик! Нам вы больше не нужны. Хозяину своему, как сами, вероятно, слышали, тоже. Так что, сами понимаете...

Я повернулся к выходу, демонстрируя готовность поставить внутренний крест на дальнейшем существовании невезучего боевого мага.

— Постойте! Погодите! — Исполосованный кнутом горе-иллюзионист, кривясь от боли, подскочил на тюфяке. — Я все скажу! Я тайну знаю!

— Та-айну? — протянул я, останавливаясь. — И что, полезное что-нибудь, или так, для любителей всякой стародавней мишуры?

— Полезную, полезную! — поспешил заверил Фуцик. — На что, думаете, Кукуев сын орехи копил?

— Да кто его знает? Может, щелкать их собирался? — Я скроил задумчивую физиономию. — Во всяком случае, судя по его речам, дорожит он лещиной не слишком.

Любитель волшебных палочек вздохнул так тяжко, как будто ему предстояло самолично тащить возы с орехами в гору.

— Почему так — не ведаю, а только вы меня послушайте, и уж потом сами обо всем судите.

— Хорошо, — согласился я. — Будем судить. Так что, если ты решил потянуть время...

— Да нешто мне жить не хочется! — с волчьей тоскою выдохнул Фуцик. — Стало быть, как оно было, — продолжил он, не дожидаясь моего ответа. — Вырос я у моря, того самого, что меж нами и Тюрбанией простирается. Городок наш... да так, даже и не городок — крепостица, ничем особенным не блистал. Пески да холмы. Только летом, бывало, народу понадет на солнышке погреться да в волнах морских омыться.

— А без красот природы? — недовольно скривился я, предчувствуя очередную жалобную повесть о безрадостном детстве и роли начальной школы в моральном разложении подследственного.

— Да-да, конечно, — закивал сказитель. — Но это ж я говорю не за ради красного словца, а чтобы все до малости ясно было. Так вот, перебрался к нам как-то-на житье один чародей. При прежнем короле Барсиаде I оншибко крепок был, сказывают, что канон звался. А потом чем-то новому государю не угодил, да из столицы и убег. В наших краях его кликали попросту Лазуреном. Как сейчас помню, хоть и совсем дитем был, положишь, бывало, ему в карман монету, а то и десяток, а через миг глядь, а их там как и не бывало. Они уже в другом кармане. Да не одни, а с прибытком. Большой чародей был! Вот взял он меня к себе в учебу, проучил этак с полгода, а тут как раз корабль и приплыл.

— Какой корабль? — поспешил уточнить я, открывая свой по-трепанный блокнот.

— Большой, — отозвался Фуцик. — Он среди лета в наши края завсегда прибывает. Команды на ем нет. По волнам морским самодом идет да завсегда близ дикого берега якорь бросает. Одним словом — волшебство чародейское. Но вот, стоит кораблю пристать к земле, как море тотчас вспучивается, и из вод в надраеных латах, от которых точно огнем пышет, выходит пешая морская рать. Всего-то тридцать три человека при воеводе. А каждый росту двухсаженного, да в плечах, почитай, сажень. Обычного стражника чихом с ног сшибают! Окружают они стоянку железною стеной, чтобы никто чужой к кораблю не прокрался. И горе несчастному, который осмелится бесправно рядом стать.

— Ну и что дальше? — заторопил я сказителя.

— В эту же пору в город приходит большой обоз.

— С орехами? — проявил догадливость я.

— Именно так, — радостно закивал Фуцик. — И в тот год он тоже прибыл. И как только первые возы появились близ крепостных стен, Лазурен призвал меня к себе и молвил: «Ты уже вполне разумный отрок и подаешь большие надежды. Если выполнишь от слова до слова то, что я велю, то станешь несметно богатым. Даже правнуки твои не смогут истратить того, что получишь!» Я, вестимо, согласился. Когда еще такая-то удача выпадет! Придал нам Лазурен вид чужих обличий, и под той личиной отправились мы на берег, где как раз мешки с орехами на корабль грузили. С тем мы на борт и проникли. А там Лазурен при помощи чародейства своего подменил мною носовую фигуру. Стал я точнехонько, как она. Тогда учитель велел мне внимательно смотреть, слушать, все запоминать. Особенно же, что воевода пешей морской рати говорить будет, когда отсель к другому берегу приплывет. С тем я и отплыл.

И вот шли мы, шли по морю. Корабль сам собой бежит, я у него на носу, да витязи морские вокруг него по морю, аки посуху. Не долго, не коротко, а в самый раз, прибыли мы к острову, что зовется Алатырь.

— Откуда вам это известно? — делая пометку в блокноте, поинтересовался я.

— Словцо это воевода крикнул, только лишь корабль от берега нашего отвалил. Так вот, приплыли мы к острову. Я глазами зыркаю, а место-то ой какое непростое! Людского жилья на нем нет, а живут там одни лишь полканы.

— И подполканы, — под нос себе пробормотал я. — Собаки, что ли?

— Да уж какие там собаки?! — возмутился оскорбленный в лучших чувствах очевидец. — Сверху они вроде как люди, снизу глянуть — кони, за спиной крылья, а в руках оружие. Их, сказывают, ни сталь, ни огонь не берут. Ликом они свирепы, а отважней их во всем мире не сыскать!

— Уже страшно! — отмахнулся я. — Дальше что было?

— Главный-то их увидел воеводу, нахмурился, как рявкнет ему вопросец заковыристый!

— А конкретней? — Я перевел взгляд с бумаги на допрашиваемого.

— Не расслышал, — виновато сознался лазутчик, на секунду отводя глаза в сторону. — Шумно было. Оружие звенело, полканы всяческое непотребство выкрикивали, генерал-полкан копытом так землю

рыл, что остров, как живой, ходуном ходил. А только после этого витязи морские мешки с орехами аккуратно разгрузили, а на замену им точнехонько по весу другие мешки из глубины острова доставили. А в тех мешках, я своими глазами видел, когда воевода проверял, золото червонное да каменья яркоцветные.

— Это в обмен на орехи-то? — удивился я.

— На них, — подтвердил свидетель. — Видать, драгоценности полканам не для чего, а вот орехи на что-то в пригоде.

— Странно, но предположим. — Я поставил в блокноте три вопросительных знака, затем, поразмыслив, нарисовал еще столько же восклицательных. — Что дальше?

— Как загрузили все в мешки, крикнул воевода новое словцо, и корабль за ним, точно собачка на привязи, пошел. Не к нашему городу, а совсем к иному. Верст этак двести от нашего будет. Там его вновь государева стражи поджидала на конях с совами промеж ушей. А как все на возы загрузили да уехали, волшебство и кончилось. Я в воду плюхнулся чуть жив: столько-то дней не ел, не пил! Денег в кармане — ни монеты. Но я не растерялся, отыскал на свалке всяких пузырьков, набрал в них морской воды, заклинанием цветочный запах похитил да с водой той смешал. Очень даже недурно вышло. Барышни местные по пять хвостней за флакон давали. Жаль, заклинание слабовато оказалось, уже к вечеру благовоние тиной отдавать начало. Тогда-то меня, — Фуцик грустно вздохнул, — в первый раз за высокие стены и упекли. Через год вышел, а учителя моего и след простыл. Сказывают, за Хребет подался, да там его тоже приняли под белы руки. Стал я самолично к волшебному кораблю приглядываться да принюхиваться, да все соображать, как бы так умыслить, чтоб этакий куш сорвать. Пока соображал, еще разок успел кайлом помахать. В тот раз с Яном Кукуевичем знакомство и свел. Он как вышел — большое имя себе сделал и про меня не забыл. Как я ему поведал, что можно сокровища несметные перенять, так он покой и сон утратил. Начали с ним исподволь дело готовить. За тем и на кичу по третьему кругу пошел, чтоб своими глазами убедиться, так ли хорош Соловей, как о нем сказывали. Все придумал, все учел, а тут — э-э-эх!.. — Голос Фуцика зазвучал печально, но раскаяния в нем было не больше, чем в вое плотно отобедавшего шакала.

— А где сейчас можно найти этого... Яна?

— Да кто ж его знает? — разочарованно покачал головой чародей-неудачник. — Когда Барсиад пропал, я думал, и он сгинул. А н

нет — объявился, на беду мою! Этот и за травинкой хорониться может. А уж где пребывает, поди, ему и самому не всегда ведомо.

— Угу-угу. — Я закрыл блокнот. — Думаю, вы несколько преувеличиваете его возможности. Скажите мне лучше другое. Как человек неглупый, вы, конечно, понимали и понимаете, что ни Соловей, ни Ян Кукуевич особо нежных чувств к вам не питают. То есть вы им интересны постольку, поскольку имеете, насколько я понял, проработанный план налета. Но, вероятно, у вас был и дополнительный план, позволяющий в случае успеха унести ноги подобру-поздорову со своей долей немалой добычи. Стало быть, всех деталей предстоящей операции, кроме вас, не знал никто.

— Истинно так, — нехотя согласился Фуцик.

— И несмотря на это, ваш подельник внезапно потерял всякий интерес к ореховому делу, которое готовил не один год?

— Выходит, что потерял. — Разочарованный мошенник с невыплаканной слезой уставился на потолок.

— Мужики! — В импровизированную камеру, радуясь посетившей его мысли, ввалился исполняющий обязанности государя, сияющий, точно корона, которой у него пока еще не было. — У меня есть конкретно толковая идея! В натуре давайте раздадим орехи крестьянам! Пусть сеют!

— Обойдется! — покачал головой я. — У меня есть другая идея.

Глава 13

Сказ о собачьем хвосте и такой же работе

При сообщении о свежей идее, с неофициальным дружественным визитом загулявшей в голову руководителя следственной группы, уши Фуцика зиромо вытянулись и изменили угол наклона, точно подсолнечник, неуклонно следующий за дневным светилом.

— Пойдемте, досточтимый господин И.О. — Я взял Вадима под локоть и подтолкнул к двери. — И вы, господин урядник, тоже следуйте за нами.

Польщенный приглашением к участию в решении государственных дел, Вавила Несусветович, по старой армейской привычке, браво щелкнул каблуками, и серебряные шпоры по-гусарски звякнули глубоким и чистым тоном. Стража у дверей отсалютовала клинками

и принялась за нашими спинами обсуждать виды на урожай правительственные наград и возможные направления карьерного роста.

— Вадик, отечество по-прежнему в опасности, поэтому орехи раздавать не будем, — вновь повторил я. — Перебьются!

— А че, мы это типа их себе закрысим?

— Вадим! — Я с укором посмотрел на друга. — В конце концов, ну что за лексикон! Ты без пяти минут король великой державы! Выдающемся политическому деятелю не к лицу подобные словечки.

— И че, в натуре? У нас в дабле газета висела, там было написано, что, по жизни, каждый народ имеет то правительство, которое его имеет.

— Которое заслуживает, — принимая на себя роль исправителя общественных нравов и регулировщика моральных исканий, весомо проговорил я.

— Да ну! Гониво! — возмутился выдающийся деятель. — Если бы имел то, которое заслуживает, то, рубль за сто даю, вообще бы никакого не имел.

— Ладно. Оставим в покое государственные устои и вернемся к нашим орехам. Понимаешь, — я огляделся по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии чужих ушей, — в данном случае пред нами не банальный продукт питания, это как бы не простые орехи, которых в любом «Натсе» навалом, а...

— А орешки не простые, в них скорлупки золотые, ядра — чистый изумруд!

— Что? — Я остановился как вкопанный. — Что ты сказал?

— А что? — недоумевая, вскинул брови Ратников. — Слуги белку стерегут... Ты че, Клин, об этом же в натуре все знают? Это же сказка! А.С. Пушкин! Я на той неделе Дашке читал.

— Вадим, я тормоз! Они мне своими рассказами уже всю голову заморочили! Ну конечно, все сходится: пешая морская рать — «в чешуе, как жар, горя, тридцать три богатыря». Тогда выходит, что Алатырь — это остров Буяня!

— Верно, — дивясь моей необразованности, подал голос молчавший дотоле толмач. — Вот только Буяном его не у нас величают, а в Груси. Уж больно полканы, что на том острове живут, нравом буйные. А еще и по-другому то место кличут...

— Погоди, Несусветович, — отмахнулся я, торопясь высказать накопившиеся предположения. — Об этом в другой раз. Тут вот какая история с географией получается: если верить показаниям Фуцика, имеет место быть некая волшебная белка, которая из любви к

искусству превращает обычные лесные орехи в золото и драгоценные камни. Дальше они в обстановке строгой секретности доставляются на континент и являются едва ли не основной статьей доходов в здешней казне. Вероятнее всего, местоположение данной волшебной аномалии и есть остров Буян, тире, Алатырь!

— Почему ты так решил? — Исполняющего обязанности государя, кажется, даже несколько огорчили вскрытые нетрудовые доходы вверенной ему державы.

— Да ты вспомни, что Делли говорила? Основные экспортные товары при торговле с Грушью — стратегическое сало и стратегический рассол. Чайнаусцам и вовсе продавали железо с мурлюкского Великого Тына. Так что основные доходы — десятина от всеобщей мзды да пошлины за транзит из Империи Майна в Грушь и обратно. И вот это ореховое золото и каменья.

— Хведонов куш, — весомо пояснил знаток местных реалий. — В честь древнейшего предка наших королей, князя Хведона, который в незапамятные времена остров Алатырь к Субурбании присоединил. С тех пор полканы нам дань и платят. Князя того еще Хведоном Заначником именуют.

— Ладно, бог с тем, как его называют!

— Так ведь он же ж всему, что есть в королевстве субурбанском, начало положил. Сиречь, заначил! — В словах толмача была слышна невольная обида.

— Уговорил, — отмахнулся я. — Но сейчас речь о другом. Посудите сами. Этот самый куш — огромная ценность. Вы себе только представьте: несколько возов золота и драгоценных камней! Вероятно, они составляют большую часть здешней казны. Ян Кукуевич, для того, чтобы такой богатой добычей овладеть, затеял сложнейшую операцию, втерся в доверие к Барсиаду II, вдруг... трах-бабах! Батюка Соловей ему не нужен, Фуцик ему не нужен, орехи ему не нужны. Спрашивается, отчего бы вдруг такие внезапные перемены?

— Может, чисто у него другие орехи есть? — предположил Вадим.

— Именно так, — кивнул я. — Другие орехи, другой отряд для изображения стражи и другой план, в котором нашему фокуснику места уже не остается.

— Что ты имеешь в виду? — На лице Злого Бодуна отразилось недоумение.

— Вадим, сам подумай, отказаться от такого жирного куска уважающий себя налетчик может только в одном случае. Смерть и тяжкие хронические заболевания я в расчет не беру.

— Если масть поменяет! — догадавшись, выпалил Ратников, немилосердно тыкая в воздух указательным перстом.

— Правильно. То есть если из высокопоставленного бандита он превратится в самого высокопоставленного. В просторечии именуемого — король.

— А че так сразу, бандита? — обиделся Вадюня, в неуемном воображении своем, очевидно, уже намозоливший высокое чело тяжестью венца. — Я тут, можно сказать, все утро думаю, как мне народ осчастливить!

— Ты, главное, не мешай ему жить. Он сам осчастливится, — похлопав напарника по плечу, заверил я. — Пока же лучше меня послушай. Здесь ведь какой расклад получается. Сегодня Ян, Кукуев сын, планирует занять престол и заграбастать все себе. И о дележе он, похоже, даже мысли не допускает. Но исходя из того, что нам известно, всего несколько дней назад он предполагал совсем иное.

— И че с того?

— А то, друг мой, что навряд ли господин королевский наушник готовил одновременно и налет на остров, и устранение Барсиада со двором. Вместе эти две акции проводить невозможно, да и глупо. Движение, так сказать, в противоположных направлениях, понимаешь? Так что по расследуемому делу какое-никакое, но алиби у Кукуевича все же имеется. Он планировал другое преступление, а сейчас просто быстро и жестко пользуется случаем.

— Так че, — в тоне Вадима слышалось неподдельное разочарование, — все, что мы типа тут накрутили, чтобы его найти, — псу под хвост?! Извините, гражданин начальник, мы тут чисто прогуливаемся...

— Ну, псу не псу... — Я покрутил рукой в воздухе, демонстрируя возможность множества путей решения стоящей перед нами задачи. — Знаешь, кстати, у англичан есть старинный такой вопросик: «Почему собака вертит хвостом?»

— Ну и почему? — хмуро буркнул в пространство Вадим.

— Потому что собака умнее хвоста. В противном случае хвост был бы вертел собакой.

— Смешно, — недовольно фыркнул Злой Бодун. — И конкретно в чем мораль?

— А мораль конкретно в том, что у нас есть реальный шанс изобразить из себя хвост, машущий собакой.

— Растолкуй.

Я чуть оглянулся на толмача, и тот, с молоком матери впитавший тайную символику сановных жестов, поспешил сбавить шаг, точно вспомнив, что ему необходимо заняться рядом неотложных дел.

— Ситуация в стране, точнее, не в самой стране, а в ее верхах, напряженная. Фактически законного наследника престола в державе нет.

— Не понял, в натуре, а я?! — искренне возмутился Вадим.

— Тебя поддержит Грусь, Юшку — мурлюки, Яна Кукуевича, так сказать, собратья по оружию, бандюки местные. А еще имеется Симон Ненька с его обществом Любителей Козых Морд. Да мало ли кто отыщется?! И ни об одном из претендентов, кроме, разумеется, тебя, я не могу с уверенностью сказать, что он не причастен к делу о пропаже королевского двора.

— Но ты же сам только что мне тут ля-ля разводил, что Кукуевич не при делах!

— Я же сказал, — поводя пальцем из стороны в сторону перед носом витязя, пустился в объяснения я, — алиби довольно шаткое. Кто знает, может, Кукуевич готовился-готовился, а тут ему шанс обломился и черта съесть, и на рог не сесть. Одним словом, банально подфартило. Вот он быстренько планы и переиграл. Нам сейчас важно другое.

Основные средства Субурбании, а следовательно, и фактическая власть будет у того, кому достанется груз с острова Буяна. Все остальные претенденты на престол будут иметь власти не больше, чем короли в колоде карт. Таким образом, если мы возьмем эту казну, то за нами, волей-неволей, будут вынуждены погнаться все, желающие усесться на вакантный трон.

— Кли-ин! — Глаза Злого Бодуна изумленно округлились, точно я сообщил ему, что уборщица, прибиравшаяся утром в королевских покоях, обнаружила там короля Барсиада со всей свитой, закатившихся за кровать. — А типа менее изощренного способа самоубийства ты придумать не мог? Нас конкретно поймают и съедят на банкете в честь наполнения госбюджета. Может, в натуре хватит здесь церемонии разводить? Подумаешь, король у них пропал! Замутим тут республику чисто от всех по возможности, каждому по барабану. Все чин-чинарем, выборы устроим, этих... депутатов наклепаем!

— Вот этого уж точно не надо! Живут себе люди, никому не мешают. Что они тебе плохого сделали? Если весь народ одной отдельно взятой страны каким-нибудь волшебным образом поместится в кази-

но, если каждый человек, имеющий право голоса поставит на одно из полей, то шансов выиграть у всего народа в целом будет значительно больше, чем на честных демократических выборах. А главное, выигрыш будет реальным, его можно будет пощупать, увидеть и даже использовать по назначению. О «депутанах» твоих этого не скажешь.

Что же касается моего плана — дело, конечно, опасное, но не страшнее визита в гости к Повелительнице Драконов. В конце концов, вряд ли конкурирующие стороны договорятся между собой. Ну а поскольку мы для них будем представлять, как они полагают, наименьшее зло, или, если тебе нравится, наислабейших конкурентов, то для начала они перережут глотки друг другу, ибо в высокой политике поворачиваться спиной к оппоненту опаснее, чем при разборке в подворотне. Поэтому в гонке за хвостом к финишу придет один-единственный претендент.

Вот здесь у нас появляется шанс выяснить, кто же затеял эту игру с пропажей королевского двора, поскольку я предполагаю, что заказчик преступления не мог сказать «а», не распланировав четко, как он скажет «б». Так что у него должен быть четкий план изъятия материальных ценностей. Фуцик, конечно, не договаривает, но о деталях похода на Буян и обратно он скорее всего не расскажет даже под пыткой. Как ни крути, три ходки, тертый калач. Понимает, что, выдай он все, что известно, и грош цена его жизни. Но такие пароли должны быть, это к гадалке не ходить! Иначе бы на праздник изъятия казны каждый год съезжались многочисленные толпы желающих. Поэтому я и предлагаю бросить в воду камень и тщательно отследить круги, которые пойдут по ее поверхности. Возможно, здесь-то зацепочка и сыщется, потому как из колпака королевского мы, как ни бейся, ничего больше не вытащим.

— А если они типа сначала нас замочат, а потом только между собой разборы чинить начнут?

— Вопрос резонный. Как показывает практика, хищники все же сначала дерутся за добычу, а потом уже расправляются с ней самой. Но в любом случае подставляться не следует.

— Хороший совет! — криво усмехнулся могутный витязь. — Может, конкретно скажешь как?

— Сейчас я как раз над этим работаю, — самую малость приврал я. — Выводы полагаю представить завтра.

— Ну-ну. — Вадюня скептически покачал головой. — Успехов! Может, чисто лучше раздадим орехи подобру-поздорову, чтоб они тебе в натуре по мозгам не стучали.

— Раздать мы их всегда успеем. Дай-ка я обдумаю, как их лучше использовать по-умному.

— Клин, у тебя голова на шестидесятый размер фуражки! Мозгуй, кто тебе в натуре мешает! Только на фига, скажи мне, на себе опыты ставить? — Вадим замолчал, ожидая реакции, но, не дождавшись, продолжил: — Да, кстати, пока ты Фуцика трусил, Оринка отзвонилась. Или типа отзеркалилась, хрен их тут разберет! Короче, по утряне сегодня Юшка устроил сборняк. Собрались чисто конкретные тузы, главы кланов. Ну, в общем, авторитетный народ. Юшка толкнул речь на тему, что трудная година, король сгинул, все в натуре рассосались, так что надо брать кормило за штурвал и не упускать, не глядя на происки.

— Ну, это понятно, — согласно кивнул я. — Этого следовало ожидать. А насчет поисков короля Барсиада уважаемый глава Союза Кланов ничего не говорил?

— Да вроде нет, — напряженно освежая в памяти слышанное, замотал головой Ратников. — Оринка на эту тему, точно, словом не обмолвилась.

— Вот это уже интересно.

Вадим поглядел на меня с недоумением.

— Ну, и че тут особенного?

— Сам посуди, — предложил я. — Юшка-каан до недавнего времени был думным радником, то есть думал, чем бы порадовать государя. Вдруг этот самый монарх исчезает, а славнейший, быть может, из радников в ус не дуэт, чтобы его найти. Что, с глаз долой — из сердца вон?! Или, может, у почтеннейшего главы Союза Кланов есть основания считать, что Барсиада найти уже невозможно? Если так, то, может быть, ему как раз известно, куда и с чьей помощью стартали отец-государь с чадами и домочадцами?

— Выходит, его все же Юшка попытил?

— Возможно, он к этому причастен. — Я сгладил формулировку до максимума. — Во всяком случае, подозрение с него не снимается.

— И че делать будем?

— Для начала, полагаю, следует передать Оринке, что скрывающийся невесть где бывший каторжник Ян Кукуевич желает завладеть сокровищами острова Буяна. Пусть она там запустит побольше Туману, вроде как видение ей было, голос свыше и всякая такая дредебедень. Имени, пожалуй, называть не следует, пусть Юшка сам додыгивается — вернее будет. Что мы, действительно, как бобики, выслушав язык, будем вынюхивать, где этот Кукуев сын на дно лег?! Пусть

его целый Союз Кланов выслеживает. У них тоже языки есть, вот пусть и высовывают.

— А дальше типа че? — поинтересовался мой напарник.

— А дальше мы передадим Кукуевичу всю информацию, полученную от Оринки, в своей, понятное дело, редакции.

— Ты че, Клин, с головой поссорился? Как мы ему передадим? Станет он нас слушать!

— Передать не проблема. Слава Богу, соловьиное зеркало работает. А если поискать, может, и Фуцик свое отыщет. А насчет доверия, я думаю, в обмен на определенные гарантии наш домашний фокусник согласится исправно постучать на захвативших его про-стофиль своему прежнему хозяину.

— Ты че, в натуре, думаешь, Кукуевич не просечет? — задумчиво выразил сомнение Вадим.

— Люди этой породы обычно считают, что схватили Бога за бороду, и обмануть их невозможно. Грех было бы это не использовать. Тем более, что такого невероятного мы сообщаем? Что Юшка-каан планирует стать королем — он и без нас знает. Что кааны западного берега единодушно поддержали своего главу — тоже можно было предполагать. То, что новый государь пожелает немедленно прибрать к рукам островные драгоценности, — так это и ежу понятно! Другой вопрос, что мы изо всех сил стараемся его опередить и фактически сделать то, что собирался сам Ян Кукуевич. Таким образом, этот до-морошенный Аль Капоне будет вынужден лично пуститься за нами в погоню, потому что не родился еще разбойник, которому можно было бы доверить такие-то богатства. Вот на этот-то Хведенов куш мы ловить и будем. Пусть те и другие знают, что мы на него претендуем, что мы идем впереди и что исчезнувший король нас больше не интересует.

— Не понял, — нахмурился Злой Бодун. — Поясни.

— Наши действия вполне объяснимы, если считать нас авантюристами, метящими на вакантный престол. Кроме того, до сего дня мы были удачливыми авантюристами.

— Ну, типа того и че?

— А вот че: особого политического веса, по мнению преследователей, мы не имеем. Но наглости и ловкости нам не занимать, поэтому, глядишь, с сокровищами у нас что и получится! Как говорится, ежели нас съедят — невелика потеря, но в случае успеха кустарей-одиночек, то есть нашего, можно завладеть добычей без риска нарваться на полканов, пешую морскую рать, и уж не знаю, кто у

них там еще на этом острове водится. Насколько я понимаю, на данный момент ни у одной из сторон нет точных инструкций по технологии изъятия ценностей с острова. Скорее всего это самая большая государственная тайна Субурбании. И еще, — я задумчиво потер пеперосицу, — судя по всему, наша с тобой благодетельница Вихорька, которая возглавляла Союз Кланов «За Соборную Субурбанию», сгинула в одном строю с любимым государем. Так что есть мнение, что ты теперь по совместительству еще и на это кресло можешь претендовать.

— Да на хрена мне этот гарнитур сдался! — возмутился могутный витязь, и без того заметно тяготившийся государственными обязанностями.

— Не скажи! — перебил его возражения я. — Кланы — вешь полезная. Сейчас, пожалуй, накатаем листовку и запустим ее по кланам восточного берега, как обращение ушедшего в народ государя к своим любезным подданным. Сообщим в ней о твоих особых полномочиях, а заодно и с повелением все жалобы и заявки передавать специально откомандированным мздоимцам Уряда Нежданных Дел.

— Толково, — немного подумав, согласился Вадим. — В натуре пока все будут думать, что король где-то рядом — болтов тачку кто-то признает Юшку-каана и Кукуевича. А типа мздоимцев где возьмем?

— Фигня делов! Из крестьян навербуем. А они под собой пусть сами варганят систему. Сетевой маркетинг, короче.

Гусиное перо скользило по выбеленной бумаге, точно буер по ледяной поверхности, и черный след, остававшийся за ним, был первым в истории Субурбании обращением блуждающего короля к своему возлюбленному народу.

— «Прогнило что-то в нашем королевстве!» — с чувством декламировал я, и непривычный к канцелярскому труду урядник Нежданных Дел, от старания прикусив кончик языка, буквицу за буквицей выводил четкие строки исторического послания. — «Быть иль не быть — вот в чем вопрос...»

— Ой, до чего ж складно! — бормотал недавний толмач, восхищенный полетом государственной мысли.

— Это еще преамбула, амбула дальше будет! — обнадежил его я.

Глухой клекот, завершившийся резким, требовательным криком, вмешался в суету будничных звуков, настоятельно привлекая к себе внимание.

— Никак грифон? — останавливая бег пера, настороженно промолвил толмач. — Откуда б ему здесь взяться?

Крик повторился еще раз, и если у нас до сих пор оставались какие-то сомнения в его принадлежности, то млевший на трофеином ковре Проглот, услышав этот звук, взметнулся, точно подброшенный тугой пружиной, и оглушительно заорал в ответ. Трель получилась непередаваемая! Думаю, если записать этот крик на магнитофон, его свободно можно использовать в противоугонных системах.

— Похоже, действительно грифон. — Я ошеломленно поглядел на Вадима, дотоле мирно дремавшего с выражением царственного величия на лице.

— Че тут за кипеж? — оглядывая сонными глазами кабинет, недовольно поинтересовался Злой Бодун. — Орут, с мыслей государственных сбивают!

— Похоже, здесь грифон откуда-то образовался, — стараясь выглядеть не слишком взволнованным, прокомментировал я. — Глянь, видишь, как зверь растревожился?

— И че делать будем? — Ратников встал и что есть силы потянулся. — В натуре везет этому курятнику в последнее время на грифонов!

— А что думать?! — Я потрепал юного монстра по загривку. — Мы же Дашке обещали, что доставим его к папе и маме. Вот, похоже, какой-то родственник и отыскался!

Проглот, точно поняв, о чем идет речь, взвился на задние лапы и, водрузив передние мне на плечи, начал старательно умывать мне лицо своим длинным, тонким языком.

— Оставь немедленно! — возмущенно начал отбиваться я, стараясь вернуть в четвероногое состояние с каждым днем все более матереющегося зверя. — Себя облизывай!

На этой фразе в дверь бывших атаманских апартаментов поступали. Краем глаза я увидел озадаченную физиономию одного из караульных, пытающегося перевести дыхание от быстрого подъема по винтовой лестнице.

— Ну, что еще? — требовательно уставился на подчиненного урядник.

— С позволения сказать, — тяжело дыша, начал мздоимец королевской стражи, — там от леса к замку...

— Что, грифон?

— Не-а. Человек, — караульный запнулся, — и лошадь. Всадник, короче!

— А грифон где? — сурово осведомился толмач.

— Не могу знать! — вытянулся во фронт стражник. — Кличвойный своими ушами слышал, а самого вроде как и не видать.

— Похоже, с нами кто-то решил поиграть. — Я наконец отпихнул Проглota, и тот радостно заскакал вокруг меня, требуя выпустить его во двор. — Непонятно только, что это еще за игры.

Между тем всадник приближался, в отличие от грифона, которого по-прежнему видно не было.

— Давай-ка примем гостя, — красноречиво глядя на Вадима, предложил я. — Только аккуратно, без членовредительства.

Не доехав до ворот, примерно в десяти шагах от того самого места, где Проглот еще недавно устраивал трезвон на весь лес, неизвестный остановился и спешился.

— Кажется, что-то заподозрил, — глядя на озирающегося незнакомца, пробормотал я.

Между тем странный путник извлек из-за пазухи нечто вроде дудки со свисающим пузырем и, предварительно осмотрев замок, с недоверием извлек из приспособления те самые звуки, неотличимо похожие на крик грифона.

— Манок, — чуть слышно прошептал наблюдающий сквозь бойницу толмач.

Но Проглот эти слова если и услышал, то не понял. Перелетев через полдвора, он грудью бросился на запертые ворота и, выпустив когти, стал немилосердно драть ими толстые дубовые доски. Вырывающийся из его груди крик был полон возмущения. Казалось, еще несколько минут, и располовиненные створки ворот попросту не выдержат яростного напора.

— Похоже, у него что-то не срастается! — крикнул я Вадиму, стараясь быть услышанным за неистовым воплем грифона. — Сделаем так! Я постараюсь оттащить Проглota, а ты отвори ворота и выпускай из замка наш хозвзвод. Да вели, чтобы все эти бабоньки пели что-нибудь менее заунывное. А заодно объясни, что ежели кто о нас словом обмолвится, повинен будет в государственной измене.

Сказать всегда легче, чем сделать. Чтобы оттащить домашнее животное, понадобилось еще трое стражников. И надо сказать, даже при таком соотношении сил задача была не из легких. Не будь у Проглota на шее хомутика, свитого из волчьей плети, — кто знает, чем бы все закончилось.

Но вот ворота распахнулись, и на опущенный мост выехали первые возы. Заждавшийся у двери гость, казалось, посветлел лицом

и, перебросившись наскоро парой слов с возницами, поспешил в замок.

Вадим ждал «клиента» под аркой ворот, стараясь оставаться в тени и не привлекать внимания.

— Чего-то я тебя не припомню. Новенький, что ли? — подъезжая, кинул неизвестный, смеривая оценивающим взглядом статную фигуру могутного витязя.

— Ну, типа того, — невнятно ответил Злой Бодун, прикрывая за спиной гостя створку ворот.

— А батька где?

— В отъезде, — немногословно отозвался псевдопривратник.

— А Фуцик?

— Тут, — честно заверил Вадюня, опуская в скобы первый засов. И, подумав, добавил: — Чисто заждался.

— И... — Неизвестно, что еще хотел спросить посетитель.

Сплетенное Оринкой ожерелье не выдержало рывка и вновь превратилось в длинное подобие лианы. Правда, оно еще каким-то чудом удерживалось на грифоньей шее, но стремительный бросок крылатой тварюки был так силен, что мы, четверо крепких рослых мужчин, устремились, скользя на пятках за грифоном, точно водные лыжники за катером.

— Стражники!!! — завидев плащи со знаком национальной доблести субурбанцев, невесть кому завопил приезжий.

— Не парься, мужик! — тяжелый брус второго засова опустился на хребет крикуна. — Фуцик в натуре просил сказать, что будет рад свидеться.

Глава 14

Сказ о научном подходе, обходе и охвате

Вода из опрокинутого ведра с плеском ударила в лицо жертвы Вадюниного гостеприимства и, распавшись десятками струек, покатилась по лбу и щекам на примятую траву. Оглушенный приемом, гость рефлекторно дернулся и, застонав, попробовал открыть испущенные глаза.

— Добро пожаловать на этот свет. — Я присел на корточки рядом с подопечным. — У вас есть право на снисхождение в случае откровенного признания и право на обращение с жалобой на наши

действия, адресованное непосредственно исполняющему обязанности государя Субурбании.

— Кого? — тухо соображая, что происходит вокруг, с трудом пребормотал задержанный.

— А вот на него, буквально высочайшее имя. — Я указал на широко улыбающегося Вадима, похлопывающего себя по ладони моей резиновой палицей.

— М-м-м... — Пострадавший от увесистой руки хранителя престола обреченно закрыл глаза.

— Ну что, будем говорить? — увещевающе промурлыкал я, точно кот, сообщающий пойманной мыши подробности вечернего меню. — Или предварительно стоит провести среди тебя разъяснительную работу?

— Стало быть, отлетался Соловей, — чуть слышно прошелестел гость.

— Оч-чень верное замечание! Отлетался, — похвалил я сообразительность незнакомца. — Но он выбрал путь исправления и сотрудничества с властями в нашем лице, поэтому сейчас живет в условиях куда лучших, чем ваши.

— Словцо-то красно, да как проверить? — Пленник чуть приоткрыл глаза и начал из-под ресниц оглядывать окружаивших его людей.

— За этим дело не станет, — обнадежил я гостя и повернулся к ожидающим поодаль стольникам Уряда Нежданных Дел. — Ребятики, отведите-ка его наверх!

Двое стражников, подхватив разбойничье связного под мышки, рывком поставили его на ноги. Отпущененный на волю Проглот с недоумением приблизился к незнакомцу, озадаченно совершил вокруг него вояж, втягивая ноздрями воздух. Вид у животины был обиженный и удивленный, как у ребенка, которого поманили конфетой, а затем коварно съели ее сами.

— Не сердись, малый. Это он конкретно не со зла, это он типа по глупости. — Вадим опустил свою тяжелую ладонь на спину Проглоту, желая поддержать его в трудную минуту. — Мужик, а че ты в на-туре грифоном курлыкал?

— Как сговорено было, так и сделал, — едва касаясь ногами земли, огрызнулся пленник.

— С этого места, пожалуйста, подробнее. С кем сговорено? Для чего? — не меняя тона, попросил я. — И, пожалуйста, не надо этих приступов бесполезного героизма, их здесь никто не оценит. Давай

начистоту, без суеты. И помни, выражение: «Ваша жизнь в ваших руках» для тебя сейчас истинно, как никогда.

Допрашиваемый зыркнул на меня недобро, но, сообразив, что блефовать нам вроде бы ни к чему, заговорил сквозь зубы:

— С Фуциком мы сговорились, чтоб я знак о прибытии своем ему подал. Я ему крикну, а он мне в ответ. Дело верное! В этих краях никто, кроме нас, грифоном кричать не умеет.

— Это почему? — больше из врожденного любопытства, чем по необходимости спросил я.

— Ну так, оно ж как получается, — более или менее успокаиваясь, заговорил незнакомец, зажатый между стражниками, — едва осень наступает, они с Орел-камня за море подаются. А в наших краях у них стоянка. Каждый год на берегу, перед дальним полетом, эти твари отдыхают да сил набираются. Ну вот, людышки приловчились мальцов, навроде вашего, может, чуть поболее, сетями да путами ловить. Так что, почитай, кроме наших краев нигде в Субурбании по-грифоны кричать не умеют. И кто ж полагать-то мог, что здесь живой леогриф сыщется?!

— А вы, стало быть, с Фуциком из одних мест? — словно невзначай уточнил я.

— Земляки, — кивнул задержанный.

— И знак вы подавали именно ему.

— Я уж о том сказывал. — Ловец грифонов досадливо поморщился, хотел было сплюнуть, но сдержался. — Токмо Фуцик должен был навстречу выйти. Мне б насторожиться, что он не торопится, а я, дуралей, ишь, сам голову в петлю засунул!

— Пока что о петле речь не идет, — обнадежил я бедолагу. — Мы с вами просто поговорим по душам, и если вы будете откровенны, то завтра, очень может быть, все злоключения будут позади.

— Ваши бы слова, да Нычке в уши, — пробормотал мой незадачливый собеседник, негромко кряхтя и потирая ушибленное после негаданной встречи с увесистым бруском место.

— В цитадель! — скомандовал я, и он в окружении двух стольников поплелся к одиноко стоящей башне замкового донжона.

— Клин, ты че, в натуре, завтра его отпустить собираешься? — бросился исполняющий обязанности государя.

— Посмотрим. — Я задумчиво поглядел вслед земляку Фуцика. — Следственного изолятора у нас нет. К тому же, вполне возможно, на свободе он нам будет полезней, чем взаперти.

Сkeptическое выражение на лице моего друга описывалось фразой: «С чего бы это вдруг?», но он мне этого не сказал, он мне это подумал.

Честно говоря, моего напарника можно было понять. Это дело не нравилось нам с первого момента, и по сей день все складывалось так, чтобы изначальное чувство в нас не ослабевало. Обилие следов, которому обычно радуешься при других обстоятельствах, сейчас только вызывало раздражение. Круг подозреваемых хоть и не был слишком велик, однако наводил на грустные мысли о том, может ли вообще политик оставаться человеком, или же пребывание в так называемых высших сферах способно превратить его в не-люди, словно укус подколодного упыря.

Работа сыщика довольно специфична. В отличие, скажем, от дирижеров, живущих в мире волшебных звуков, нам приходится копаться в отбросах общества — труд, близкий ассенизаторскому. Когда же видишь, что за тривиальным бандитом стоит бандит нетривиальный, а над тем, в свою очередь, и вовсе криминальный гений, становится невыносимо тошно. И глядя порою, какой восторг написан на лицах зрителей бесконечных криминально-романтических сериалов, теряешь жизненные ориентиры. Так кто же чьими отбросами, в конце концов, является?

Когда-то, впрочем, не так давно, подобные мысли заставили меня уйти из уголовного розыска. Теперь же получается, что мир, в котором витязи, не щадя живота своего, отправляются на поиски исчезнувшей из-под венца принцессы, а стаи грифонов по первым холодам тянутся в теплые края, по сути, таков же, как и наш.

Труд частного детектива, или же, на местном наречии, одинца-следознавца, вопреки расхожим штампам, отнюдь не романтичен. Ступающий на этот путь может утешаться лишь одним — его работа должна быть сделана, и дело это нужно людям. Не всем вместе, не глобально — человечеству, а конкретным мужчинам и конкретным женщинам, для которых ты восстанавливаешь само понятие справедливости.

Сейчас, увы, такого чувства у меня не было. За время пребывания в Субурбании я не встречал никого, кто был бы искренне встревожен, банально, по-людски, обеспокоен случившимся исчезновением крупной группы довольно заметных в обществе людей. В конце концов, ведь должны были остаться родственники, знакомые, друзья у короля и у всех, пропавших вместе с Барсиадом?! С точки

зрения здравого смысла, им бы уже с ног сбиться, разыскивая бесследно канувших родных и близких. Однако рассказы толмача о происходящем в столице, да и наши собственные наблюдения не содержали ничего похожего. Елдин жил привычной жизнью. Субурбания без суеты, с передышками, двигалась в светлое будущее, Прихвостневый Уряд собирал привычную десятину, ремесленники не отвлекались от своего ремесла, лавочники от лавок, а жены сгинувших урядников и подурядников вкупе с радниками на вопрос: «Где, собственно говоря, муж?» твердили: «Все путем, батюшка!» В смысле, в дороге, в командировке.

Конечно, можно было подозревать в злом умысле Юшку-каана, но ведь, с другой стороны, из Союза Кланов «За Соборную Субурбанию» тоже никто не почесался, чтобы отыскать пропавшего государя. Мы здесь не в счет. Впервые в жизни, по сути, я занимался делом, которое никому не было нужно. Уверен, еще неделя-другая — и Грусь, успокоенная непрерывностью поставок стратегических сала и рассола, думать забудет про ввод своих войск на территорию соседей. Но мы-то уже в игре, и разнотравчатой шушеры разворостили целый воз, и сами уже по уши вляпались в местные расклады. Что ж теперь? «Камера, стоп! Массовка свободна!»?

Я еще раз поглядел в спину пленнику. Можно было предположить, что дело, заставившее его искать встречи с Фуциком, касалось именно драгоценностей острова Буяна. Недаром же задержанный был земляком и, судя по всему, сверстником разбойничьего колдуна. Возможно, он и сам был какой-то частью плана. Фактики, конечно, мелкие, косвенные, но чем черт не шутит?

Растревоженный манком чужака неистовый грифон стремглав носился по заросшему густой травой крепостному двору, совершая дикие прыжки, во весь голос выражая обуревавшую его досаду и колотя по земле длинным хвостом. Стольники Уряда Неждановых Дел от греха подальше поспешили укрыться на стенах, где их уже поджидали претенденты на вакантные должности новосформированного Уряда.

— Проглот! — Я засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул, чтобы привлечь внимание разбушевавшейся твари. — Иди сюда, тварюга страшная! Иди сюда, мой хороший!

Услышав знакомый голос, щен-переросток описал петлю вокруг донжона, сбавил скорость, потрусили ко мне.

— Обидели зверюшку! — Я присел, и переполненный чувствами монстр, тоскливо поглядев на меня черными влажными маслинами огромных глаз, положил клювастую голову на подставленное ему плечо. — Не грусти — все будет хорошо! Пошли-ка лучше расспросим этого пародиста, как он докатился до жизни такой.

Восковые свечи медленно оплывали в бронзовых зеленоватых шандахах, танцующее пламя норовило сорваться с фитиля и отправиться гулять вместе с бродившим по комнате сквозняком.

— Я, между прочим, — поспешил уведомить меня задержанный, удобнее усаживаясь на тяжелый заеложенный табурет, — я не абы кто, а персона научная! Всяких гадов изучаю, ну и там... Разных тварей, паразитов...

— Клин, слыши, — восхитился Злой Бодун. — Прикинь, совпадение! В натуре наш человек! Мы тоже по сволочам специализируемся!

— Про научную особу, это я понял. Как вы на стражников в воротах окрысились, я сразу подумал: это ли не светило учености!

— Между прочим, извольте понять, магистр естественных и противоестественных наук! К тому же из старинного тарабарского дворянского рода! Так что прошу именовать меня мэтр дю Ремар.

— Как скажете, — согласился я. — С тарабарскими дворянами нам уже дело иметь приходилось. Как-нибудь при других обстоятельствах можем и о них поговорить. А сейчас, будьте любезны, первый вопрос, что называется, для проверки вашей искренности. Какими судьбами такой весомый карбункул знаний оказался в логове разбойников?

— Разбойников? О чем вы говорите?! — Глаза допрашиваемого округлились так, что не всякие очки смогли бы скрыть праведность, нарисованную в них на скорую руку. — Разбойники?! Где разбойники? Что вы! Насколько мне известно, здесь живет община людей, которые бежали от нестерпимого гнета короля Барсиада и ныне промышляют охотой, собирательством и созерцанием Пути.

— Насчет пути, это верно, — согласился я, скрывая усмешку. — Созерцали они его даже слишком пристально. И не только созерцали, но и грабили на нем проезжих и прохожих.

— Какой ужас! — Дю Ремар драматическим жестом вцепился в длинные, довольно редкие волосы, точно намереваясь себя оскальпировать. — Неужели это правда? О, как я обманут! Какое низкое

вероломство! Они говорили, что оружие необходимо исключительно для самообороны и охоты!

С непривычки подобным стенаниям можно было бы и поверить, когда бы не силялся высокочтенный магистр подглядеть, какое впечатление произвели на слушателей его слова.

— Ладно, оставим в покое ваше Общество Собирателей Лютиков и вернемся к цели визита.

— Я уже имел честь сказывать вам, — дю Ремар мигом прекратил картинные страдания, — Фуцик, занимавшийся, насколько мне было известно, научными изысканиями в области магии в этом уединенном месте, друг моего детства. У меня возникли кое-какие мысли на стыке магии и, извольте понять, зоологии... это, с позволения сказать, такая наука о животных.

— Слыши, фурункул знаний! Да мы десять лет за партой срок мотали! — оскорбился Вадюня, имеющий в аттестате пятерку только по физкультуре. — Ты че, в натуре, нас за лохов держишь?! Может, тебя самого в зоопарк для опытов сдать?

— Ну что вы, что вы! — Испуганный тон магистра противоестественных наук мало напоминал тот, каким он изъяснялся у замковых ворот. Но, судя по всему, он полагал, что попал в засаду местных оперов, работавших по банде Соловья.

Что ж, для пользы дела вполне можно было оставить его в этом блаженном заблуждении.

— Я, видите ли, в научных трудах своих занимаюсь гибридизацией. Вот, скажем, грифон — это гибрид орла и льва. Но есть обычные грифоны, где первая и вторая природы выражены пятьдесят на пятьдесят. А вот ваш образец — типичный леогриф. От орла у него лишь голова и крылья. Есть еще иппогриф — помесь орла и коня. Ну, да мало ли! Одни полканы, скажем, чего стоят! Большая, знаете ли, научная проблема!

— Ну, эти, насколько мне известно, населяют только остров Алатау?

— По древним сказаниям здешних мест, — торжественно поднял указательный палец дю Ремар, — в прежние времена полканы все побережье в страхе держали. Однако, с позволения сказать, науке куда интереснее другое: что повлияло на столь разнородных животных и предопределило такое резкое и неправомерное изменение их облика. Чтобы докопаться до истины, — торжественно вешал магистр, норовя утащить за собой следственную группу в дебри противостояния, — задумал я дерзкий опыт: скрестить между со-

бой ужа и ежа. Если замысел мой удастся, и для науки неоценимая польза будет, и для дела всяко сгодится. К примеру, можно шкурками ежей поля от диких зверей огораживать. Они-то небось колючими будут... шкурки-то.

— Да-а-а, — протянул я, ввязываюсь в игру. — Исключительно ценное изобретение! Ну а Фуцик на что здесь сгодиться мог?

— Я желал бы с ним посоветоваться по некоторым магическим аспектам проблемы. Не исключено, что в вопросе о появлении гибридов мы имеем дело с проявлением волшебных сил. Я бы даже сказал, магических аномалий. — Дю Ремар глубокомысленно уставился на ползущую осеннюю муху и, насладившись зрелищем, весомо завершил: — Таким вот образом.

— Это че, — не удержался от вопроса Злой Бодун, — типа мурлюкской Девы Железной Воли?

— Видите ли, досточтимый выноша. — В научном раже местный криптозоолог несколько утратил интерес к нам как представителям следствия или, вернее, старательно делал вид этакого рассеянного научного светила, не запятнанного мирской суетой. — Все деяния упомянутой вами Девы Железной Воли направлены, быть может, во вред тем существам, коих они непосредственно касались, но все же для пользы собственного народа. Что же касается грифонов или, скажем, например, птицы-небылицы — кому от них польза? Однако же откуда-то диковинные существа взялись?

— Н-да! Эта загадка выше моего разумения. — Я немного помолчал, пристально глядя на высокоученого лектора: — Что ж, если ваших изысканий простым смертным, вроде нас, не понять, вернемся к тому, что достаточно ясно и вам, и мне. Нехорошая ситуация выходит: светоч знаний, не сегодня-завтра буквально член Ареопага Посвященных — и вдруг на тебе! Разбойничья банда батьки Соловья!..

— Но я же уже имел честь доложить вам, что был жестоко обманут и не ведал истинных целей собравшихся в этих стенах людей! Впрочем, — дю Ремар тяжело вздохнул, — признаюсь честно, они мне никогда не нравились. Три десятка здоровенных мужиков, живущих в лесу без дела...

— Т... — попытался было перебить ученого Злой Бодун, но, увидев мой сжатый кулак, осекся. — Т-так это... Вы б в натуре в воротах благим матом не орали — я б вас и не приложил. А так я, конечно, по жизни, извиняюсь.

— Да-да, несомненно, — любезно кивнул милостивый деятель науки. — Мы ж для того говорились с Фуциком, что я буду вызывать его из замка, чтобы обсуждать все насущные вопросы, гуляя в тиши, под кронами леса.

— Ну, вы уж нас, ради Нычки-то, простите. — Я свесил повинную голову на грудь. — Ошибочка вышла! Со всяким случиться может. Вы теперь все нам растолковали, так что, по всему выходит, держать вас смысла нет. Утром, стало быть, и отпустим. Ночью здесь небезопасно, недобитые остатки банды еще озоруют. Но ничего, мы и до них доберемся! А на ночь, ежели желаете, я велю поместить вас рядом с Фуциком. И он рад будет, и вы его магические советы получите. Я препоны на пути великой науки ставить не намерен.

— Клин! — попытался вмешаться Вадюня.

— Стало быть, так и поступим, — резко заглушил его я. — Сейчас же распоряжусь, чтобы все для вас устроили.

Явившийся на мой зов урядник с нескрываемым удивлением выслушал приказ, но, свято веря в непогрешимость руководства, постарался не подавать виду.

— Накормите господина ученого! Да не скупитесь! Как мы тут выяснили, он ни в чем не виновен, и завтра же поутру он вновь обретет свободу.

Каблуки Вавилы Несусветовича вновь щелкнули, и он отворил дверь, пропуская вперед себя обретшего покой магистра.

— Глаз с него не спускать! — тихо, одними губами, прошептал я, лишь только дю Ремар скрылся из виду. — Пропадет — головой ответишь!

Шаги на лестнице были еще слышны, когда временно заткнутый фонтан Вадюниного красноречия прорвало с удвоенной силой:

— Клин, ну ты в натуре! Ты че?! Этот фурункул нас с тобой за лохов держит! Он же конкретно по ушам трет, а ты ни фига его базар не фильтруешь!

— Тише,тише. — Я приложил палец к губам. — Меньше эмоций! Большой скорее жив, чем мертв. Конечно же, наш пациент наивно считает, что ему удалось обмануть следствие. Пусть считает. Но кое в чем он уже банально прокололся.

— Численность банды? — хмуро бросил Вадюня.

— Несомненно, — подтвердил я его предположения. — Я и сам прикидывал, что полторы сотни человек многовато и для разбойничьей банды, и для проживания в этих, с позволения сказать, хоро-

мак. Значит, бандюков собирали для известной нам акции и, вероятно, появление господина исследователя имеет к ней самое непосредственное отношение. Конечно, никаких магических советов ему Фуцик дать не может, его учитель Лазурен-каан показал ему лишь несколько дешевых фокусов. Но чем больше господин магистр будет нас держать за идиотов, тем будет откровеннее. Во всяком случае, с другом детства.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя микрофоны еще остались?

— Ну, есть чуток, — догадываясь, о чем идет речь, удовлетворенно улыбнулся Злой Бодун.

— Вот и славно. Тогда остается надеяться, что господин дю Ремар хоть и знатного происхождения, но все же не принцесса на горошине.

Извинившись за временные неудобства, стражник, тащивший за научным светилом оборудованный микрофоном тюфяк и подушку, разложил свою ношу на скрипучем деревянном топчане, стоявшем в одном шаге от Фуцикова ложа, поправив кожаную перевязь меча, вышел прочь из «тюремных покоев».

— Проглот, стереги! — крикнул я, запирая ключом дверь и устремляясь к приемнику. Обрадованный грифон немедленно устроился под дверью, демонстративно выпустив серповидные когти.

Вадим уже ждал меня, сидя за столом в наушниках.

— Что там?

— Сам послушай. — Он повернулся ко мне приемник.

— ...Вот и свиделись.

— Это Фуцик, — почему-то шепотом пояснил исполняющий обязанности государя.

— ...Что ж ты, брат, так-то? Ежели я самолично к тебе не вышел, стало быть, случилось неладное.

— Да кто ж подумать-то мог? — точно оправдываясь, скороговоркой выдохнул зоолог. — Все ж, как уговаривались. Я грифоном крикнул — и мне в ответ грифон. Подождал чуток, а ты нейдешь! Ближе подошел, глядь — мост новый. Меня было сомнения взяли. Ну, да всяко случиться могло! Старый-то мост под копытом трещал. А тут еще обоз из крепости, точнехонько, как в былье времена. Вот я в силки и попался.

— Да-а... — с грустью протянул Фуцик. — Что и говорить, ушлые парни...

— Да ну, не скажи! Старшой-то у них — лопушок. Я ему песен о своем ученом звании напел он и раскис. «Ах, извините! Ох, простите!» Только что пылинки с меня не сдувал!

— Нешто поверил? — с удивлением проговорил Фуцик, растягивая слова.

— Да уж не сомневайся! — хвастливо обнадежил его собеседник. — Я звонил складно. Зря, что ли, науки в Империи Майна постигал?!

— Ох и ловок ты, брат, — с восхищением произнес неудачливый фокусник, — безмерно ловок!

— Ну, дык, всегда ж так было! — гордо развел пальцами исследователь гибридолов, и этот жест читался даже в отсутствие картинки. — Я тут, пока рожь языком молол, все обдумывал да прикидывал, как нам от этого порога подалее очутиться.

— Дело непростое! — заверил ученик хитромудрого Лазурена. — Замок-то на двери — тыфу, да кабы только в нем дело было! Сам не бось слышал: за дверью грифон, магия на него не действует, а вдвоем нам с ним не совладать.

— У, тварь жуткая! — согласно протянул ученый. — Он меня поутру едва не растерзал, насилиу вчетвером удержали!

— А еще стражи и в воротах, и, поди, на лестнице. Да и боец из меня сейчас никакой. Видал, как всего кнутом йсполосовали!

— Это они, что ли, тебя пометили? — испуганно выдохнул дю Ремар.

— Нет, эти, слава Нычке, поблизости оказались. Селяне наши добрые, пахари беззаветные, чуть было до смерти не запороли! Все орехи в золото хотели оборотить.

— Ну, да ништо! Коли запросто уйти нельзя, то у меня хитрее план сущется! — заверил магистр противоестественных наук. — Клянусь сачком для ловли пиявок, единственным наследством покойного батюшки, не родился еще тот ухарь, который меня в силках удержать сумеет. Так, стало быть, поступим: ты возьмешь мое обличье, а на меня наведешь личину своего. Поутру я лежмя лежать буду, мол, от ран весь обессилен и глаз открыть не могу. Тебя же вместо меня из замка выпустят. Ты на моего коня, и мчись стремглав на тот берег Непрухи. А затем, как личина спадет, я в крик брошусь: «Обманули, зачаровали, ограбили! Карапул! Куда смотрели?» Ну а поскольку меня держать следознавцам резона нет, то всего скорее выпихают добра молодца из ворот. Мол, знать ничего не знаем, ступай с миром, куда

глаза глядят, да благодаря Нычку, что хуже не вышло. А затем на том берегу в обычном месте и встретимся.

— А далее-то что? Без Соловья с его бандой да без Кукуя, чтоб ему на этом свете не жилось и на том не лежалось, нам дела не осилить!

— Ну так и им без Сфинкса, поди, на остров не попасть! — победно заверил криптозоолог.

— Нешто отыскал? — радостно выдохнул Фуцик.

— Когда за дело берется дю Ремар, могут ли быть сомнения? Меж реками Хрясень и Немышля, у славного города Харитиева, находится руина древняя. В тамошней руине вход в подземный град Сарукаань. Там он, стало быть, к подземному своду навеки и прикован. Только ныне, кроме нас, почитай, о том никто не ведает.

— Уже хорошо, — пробормотал я.

— Клин! — негромко позвал меня Ратников.

— Погоди! — отмахнулся я. — Самое интересное начинается!

— Клин! В натуре прервись! У тебя мобила звонит! Ну, в смысле, это... Зеркальце!

Глава 15

Сказ о честном слове и его толкованиях

Зеркальная гладь агрегата магической связи действительно шла волнами, издавая при этом негромкий музыкальный перезвон. Я поспешил взяться за изукрашенную серебряной сканью ручку, и волшебное стекло моментально отобразило закрытую восточным ковром стену, увешанную мечами, бердышами, саблями и прочей снарягой, подобающей воинственному духу обитателя жилища. В противовес боевым декорациям в стекле виднелось худощавое лицо Оринки, созерцание которого вполне могло заставить сойти с тропы войны любого нормального мужчина. Щеки девушки пылали румянцем возмущения, и зеленые глаза горели из-под длинных ресниц почти по-кошачьи.

— Господин одинец! Беда у нас приключилась! — скороговоркой затараторила внучка деда Пихто.

— Та-ак, — прервал я возбужденную речь лесной красавицы. — Давай-ка спокойнее, без паники, рассказывай по пунктам, что стряслось?

— Тут ведь вот какое дело, — чуть всхлипнув, начала кудесница. — Вчерась нас с Финнэстом Юшка-каан принял, выслушал, друга моего сердешного за службу верную поблагодарил, хвостнями пожаловал да при своем тереме на излечение оставил. Ну, раны-то я кои заговорила, а какие вправила, отваром из целебных трав да кореньев попотчевала — тут витязя сон и сморил. Я уж и сама почивать намеревалась, как мне в дверку горница: тук-тук! Мол, Орина Радиоловна, каан вас к себе кличет, желает, дескать, знать, что суждено ему в грядущем.

— Да что с ним может статься? Помрет, как и все, — оптимистично заметил я.

— Да вы слушайте, не перебивайте, — недовольно вспыхнула Оринка. — Так вот, пришла я в его хоромину, блюдо серебряно ключевою студеницей наполнила, чтобы по краю его с малой горкой вода стояла, и только глянула в него да рот раскрыла, дабы о видениях своих каану поведать — он лапищами своими меня хват — и нутискать, и все нашептывать, мол, станешь моею, в шелках-соболяхходить будешь, златом-серебром изукрашу. Насилу вырвалась и прочь убежала!

И только я сюда на порог, вслед Угорь Шхуль, воевода стражи каановой. Буди, говорит, витязя, нечего ему перины пролеживать! Поутру назначен он в малую дружины, в путь надежу кормильца сопровождать. Я ему молвлю: «Куда же ему, болезному, в седло-то! Он же кровь проливал, раны еще не затянулись!» А тот в ответ: «Не изволь перечить, каан сам знает кого, зачем да куда посыпать! Раз в малую дружины назначен, стало быть, поутру конно и оружно надлежит ему в поход идти. И ты, — то есть я, конечно, — при нем прописана. Вот, стало быть, по пути раны милого своего и уврачуешь».

— Постой, — прервал я Оринкин монолог. — Ты хочешь сказать, что Юшка-каан утром собирается куда-то ехать? Не знаешь, случайно, куда?

— Да не в том дело-то! — возмутилась девушка. — Куда б он, враjина лютая, ни ехал, поди ж, Финнэста не просто так берет. Погубить его ворог злой желает, дабы без помех мной овладеть.

— Погоди немножко, — остановил я чаровницу. — Дело-то, может, как раз именно в этом. Сама посуди, если ты сейчас Финнэсту о проделках Юшки расскажешь, он, пожалуй, и за меч схватится, пойдет крушить направо и налево. Но до каана скорее всего дойти ему не дадут. Копьями затыкают. Наверняка не один он в терему с оружием обращаться умеет. А вот если знать, куда это вдруг Юшка спеш-

ным образом из столицы направляется, то здесь уже можно по пути исчезнуть без следа. А мы вам поможем!

— Так ведь, поди, следить за нами будут неотступно, — усомнилась ведунья.

— Конечно, будут. Так мы-то на что? Только надо знать, где каны поджидают. Да хорошо бы выяснить, что это вдруг его дернула нелегкая Елдин покинуть? Вряд ли он на охоту собрался. Каков бы он ни был, а наверняка понимает, что тот, кто держит в руках столицу, во всяком случае, не слабее того, кто имеет право на трон. Раз при всем этом он из Елдина все же уезжает, то, стало быть, причина для такого шага должна быть очень весомая.

— А мне-то что при том делать прикажете?

— А сделаем, пожалуй, так. Выжди немного, успокойся, а затем скажи каану, что, мол, растерялась, застеснялась, всякий там деви-чий стыд и прочая дребедень. Это нормально, всякий мужик на такую шелуху купится. Когда увидишь, что он расслабился, напой каану, что мужчина он ого-го, и с ним хоть на край света, лишь бы знать, где этот край.

— Не сладится ничего, — качая головой, печально вздохнула Оринка.

— Это отчего же? — с недоумением спросил я.

— Так ведь нам от века запрет положен кривду молвить. Кудесники — они на то и кудесники, что правдивым словом прославлены.

— И что, все так фатально? Ни словечка? — уточнил я, с ужасом понимая, какую ошибку сделал, отправляя внучку деда Пихто во вражеский тыл. — Даже для святого дела?

— Ни полсловечка, — грустно кивнула девица. — Хоть бы и жизнь твоя от того зависела.

— Да-а-а! — протянул я, прикидывая на ходу варианты быстрого и как можно менее болезненного плана эвакуации несостоявшейся Мата Хари. — Вот это номер! Вот это, блин, влипли! Ладно, не будем раньше времени посыпать голову пеплом, слушай, запоминай и постараися воспроизвести без отсебятины. Завтра утром ты будешь говорить только правду, но, как бы это так выразиться, в нужном следствию и вам с Финнэстом направлении.

— Это как? — озадаченно поинтересовалась провидица.

— Очень просто. Вот, допустим, Юшка-каан — мужчина видный?

— Пожалуй, что да, — все еще не слишком понимая сути моих слов, после короткого раздумья согласилась кудесница. — Росту саженного, в плечах широк и ликом хоть и отвратен, но не страшен.

— Вот и славно! Насчет отвратности, это твое личное мнение, наверняка нашлись бы девицы, что сочли бы его красавцем. Ты же скажешь ему, мол, вы мужчина видный и ростом, и статью — настоящий каан! Ведь так? Нигде не соврали?

— Вроде как и нет, — с легкой улыбкой согласилась наша боевая подруга.

— Замечательно. Дальше можешь добавить, что об уме его в разных краях люди сказывают.

— Так ведь все более хулят, — резонно заметила Оринка.

— Тебе-то что? Хулят, хвалят, опять-таки личное дело каждого. Но ведь не молчат же?! Ты, главное, формулировки запоминай, чтобы не сбиться. Следующим пунктом: о богатстве Юшки, могуществе и знатности всякому ведомо.

— Уж что верно, то верно, — подтвердила девушка.

— Отсюда вывод: без счету женщин по единому каанскому зову за них бы пошли, — тоном математика, доказавшего теорему Ферма, подытожил я.

— Так уж и пошли бы? — усомнилась простодушная лесная жительница, не испорченная утонченными столичными нравами.

— Уж поверь мне, в колонны бы строились!

— Но я-то не из таковых! — парировала гордая внучка деда Пихто.

— Как раз это ему, видать, и любо. Каан — охотник. Ему легкая добыча ни к чему. Что труднее, то и послаще!

— Но я-то его видеть не могу! — взорвалась юная оперативница.

— Вот и потупь глаза, когда с Юшкой разговаривать будешь. А еще скажи, что выросла ты в лесной глупи, к городским обычаям непривычна. Это ведь тоже правда?

— Чистая правда, — с затаенным превосходством над суетными городскими жителями подтвердила ведунья.

— А для того чтобы величие кааново тебе глаза не застило, определенно привычка нужна. А без нее — никак.

— Так ведь коли душе не люб, то и не привыкнешь никогда! — с пылким максимализмом юности запротестовала девушка.

— Это уже второй вопрос. Но ведь без привычки точно дело не сладится, с этим, надеюсь, ты спорить не будешь? Так что пока мы ни словом против истины не покривили. Полагаю, Юшка твоей искренностью останется доволен. А вот чтобы и нам всем внакладе не остаться, вызнай, куда и для чего подследственный ни свет ни заря

ехать собрался. И Финнэста упреди, чтоб был готов при случае с тобой уйти.

— А коли силою захочет каан меня взять?

— Не захочет, — заверил я встревоженную кудесницу. — Во-первых, у него появится ощущение, что ты близка к тому, чтобы ответить «да», а потому он начнет перед тобой величие свое показывать, хвост расpusшать, подарки дарить, обещать всякое-разное. Тут-то как раз самое время слушать.

Во-вторых, коли силой брать, так поблизости Финнэст оказаться может, а он парень горячий. А ну, как не посмотрит, что каан перед ним! Ясный Беркут, ежели по темечку клюнет, тут, пожалуй, и про девиц позабудешь, и про то, как тебя звали, не сразу вспомнишь.

И третье: ежели ты вдруг крик подымешь, то, с языка на язык, — обязательно до супруги Юшкиной слушок дойдет. Жена же у него бабонька не простая, а заграничная, со связями и родством с самим Генеральным захребетным майором. К чему, спрашивается, претенденту на субурбанский трон с мурлюками отношения портить, когда он с их рук ест? Они-то, поди, Юшкиным шалостям не обрадуются. Так что ему куда проще ждать, пока ты белый флаг выкинешь, да словесами и подарками улещивать.

— Уж скорее на бел-горюч камне васильки зацветут!

— Тебе виднее. Да еще, как начнет он тебе жемчуга да злато совать, ты ему в ответ булавочку на память презентуй, в знак его к тебе сердечной привязанности. Пусть носит ее, не снимая. А кроме того, скажи каану, мол, тебе достоверно ведомо, что бывший наушник королевский, хоть и скрываются неведомо где, а жив-живехонек, и собирается на казну субурбанскую руку наложить. Это, между прочим, чистая правда!

— А мне о том откуда ведомо?

— Понятное дело, откуда! — Я с деланным удивлением поднял брови. — Из разбойничьего логова!

— Так ведь не было этого! Не слыхала я там ни о чем таком.

— Здрасьте-пожалуйста! А я с тобой откуда говорю? Да скажи, что, похоже, у Кукуевича все уже слажено. Так что пусть уж каан поторопится. Иначе королем-то он, может, и станет, но только королем нищих и бродяг.

— Ладно уж, — с явной неохотой согласилась Оринка. — Делать, видно, нечего. Скажу все, как велено. Да только уж и вы поторопитесь, а то ведь мне здесь не жизнь.

— Раньше думать надо было, когда идти вызывалась! — посетовал я. — Ладно, не печалься. Все сделаем в лучшем виде. Да, чуты не забыл! Ты в блюде с водой ключевой что-нибудь увидела?

— Увидела, — устало подтвердила девушка. — Две фигуры статные, вокруг них прочих людей без счета, все оружные, да во гневе великим. А далее волны, волны...

— Крайне содержательное видение! Ну что ж, и на том спасибо.

Зеркальце прощально дилинькнуло и вновь стало пригодно для созерцания неземной красоты феи, для которой, собственно, и было когда-то изготовлено.

— Ну, что там у нас наворковали братья по несчастью? — повернулся я к напарнику.

— Бежать сговорились, — устало отмахнулся Вадим.

— Ай-ай-ай! Какие негодяи! Вот и верь после этого людям! — с деланным негодованием проговорил я. — Ну, это все с самого начала понятно было. Там они что-то про Сфинкса в подземелье говорили, какие-то подробности были?

— Да ну, там чисто старая история. В общем, какие-то кренделя свалили типа из зоны и прихватили, вроде как заложником, этого Сфинкса. Он, по жизни, о-очень умный, все знает, но конкретно секретит. Потом эти самые кренделя всем табором таскались хрен знает сколько лет, искали, где им кости кинуть, поляну накрыть, а он типа, то есть Сфинкс, им в это время всякие байки травил. Ну, в общем, лечил им конкретно. Они ему чисто поверили и круто выступили по голде, ну, типа сварганили натурально корову, и сели ждать, когда она телиться начнет. А она ж, по жизни, ни мычит, ни телится. Короче, полный отстой!

Но тут приперся их пахан, обозвал бабуинами, все рыжье национализировал, а кто не в тему вякал, тем поотшибал бестолковки. В общем, пока он там своим мандатом, который ему в горах слепили, перед шоблой трусил, те, которые не совсем перегрелись, решили откинуться и ночью, вместе с этим Сфинксом, отвалили подобру-поздорову. Короче, пришкандыбали они в здешние степи и тут долго мазу держали. Кстати, звание каан — это от них пошло. У них главный назывался Сар-каан, ну, типа царь-батюшка. И столица его также называлась Сарукаань.

В тех местах, буквально на входе в царский дворец, Сфинкс и квартировал. А че, прикольную штуку удумали! Это чудище сидит на воротах и всем задает загадки. Причем из каких журналов оно их

рет, никто не знает. Ежели кто облажается, все, сливай воду, смотри меню. Ну, короче, то ли Сфинкс в конце концов всех пожрал, то ли они сильно умные стали, в общем, кирдык им наступил конкретный, все умерли. А животина, прикинь, ее ниче не берет, в натуре, танк, только с хвостом и хавальником! Но и ее вражины повязали. Теперь сидит в пещерах под свалкой и не кукареает.

Этот урод, который нам про грифонов с полканами по ушам тер, его потому и нашел, что для себя перещелкнул: не может эта тварь без еды жить. А жрет она регулярно и помногу. Во-от. И пошел этот научный хмырь искать, где нисячки всякие неучтенкой идут. Везде, оказывается, всякую требуху, объедки куда попало свозят. На свалке, чисто, где вывернут, там и ладно. А тут, близ Харитиева, для пищевых отходов — особое место отведено. И сколько туда ни везут, а наутро — всегда пусто. Сыпь — не хочу! Прикинь, а!

— Так что ж это выходит? — обескураженно спросил я. — Великого Сфинкса, хранителя предвечных тайн, ужас древности, в этой стране отбросами, что ли, кормят?! Ни хрена себе они тут устроились!

— Ну, типа того, — озадаченно почесал затылок Злой Бодун. — Не по понятиям, конечно, но все лучше, чем с голодухи-то пухнуть!

— Да-а-а! — Я удрученно покачал головой. — Чудны дела твои, Господи! Ну ладно, нашел его дю Ремар. Спасибо ему от общества защиты животных. И все же, на кой ляд нашей сладкой парочке вдруг понадобился доисторический монстр?

— Они в натуре на эту тему не базарили. — Ратников выставил перед собой ладони, точно отгораживаясь от вопроса. — А щас вообще дрыхнут. Хочешь, сам пойди спроси.

— Ладно, — умиротворяюще вздохнул я. — Уточним это у самого мэтра, после того, как Фуцик убежит.

В комнате воцарилась долгая, удивленная пауза. Было слышно, как скрипит потревоженный ветром лес, как звон колокольцев примешивается к шороху листвы, и притиснувшиеся сквозь щели комарихи кровожадно изнывают от страсти, кружась вокруг наших голов.

— Клин, ты че? — настороженно заговорил наконец Вадюня. — Переутомился?

— Есть маленько, — признал я. — Но к делу это не относится.

— Ты что же, в натуре решил этих фраеров просто так отпустить?

— Конечно, — утвердительно кивнул я. — Сам посуди: далеко они все равно не убегут. Действия их вполне предсказуемы. Сначала

они встретятся в условленном месте на левом берегу Непрухи, затем кто-то из сладкой парочки поедет торговаться с Кукуевичем. И тот скорее всего даст добро на сделку, поскольку, вероятно, не знает, где искать Сфинкса, а судя по всему, у него необходимо отметиться, чтобы на Буяне не нарваться на глобальные проблемы. Стало быть, дальше путь беглецов лежит к свалке продовольственных отбросов близ города Харитиева. Господи, это ж надо было такое придумать! — Я брезгливо поморщился. — Уму непостижимо, поселить Сфинкса на свалке! Скорее всего Кукуевич пошлет за ними хвост, но с этим мы разберемся. Главное, не забыть завтра поутру вскользь упомянуть о том, что Юшке известно о планах конкурента и что он готов королевского наушника опередить. Так что пусть голубки летят на волю, перехватить мы их всегда успеем. А здесь их кормить, охранять да выхаживать я лично особого смысла не вижу. У нас не так много людей, чтоб еще к всякой шушвали стражу приставлять. Пусть вальят, они нам на свободе полезней будут. Здесь поважнее дела намечаются. Но это завтра, а сейчас вали спать.

— А ты? — заботливо спросил Вадим.

— А мне еще необходимо закончить обращение к великому народу Субурбании нерушимого столпа местной государственности в твоем лице.

— Ну вот, чуть что — сразу столб! — оскорбился исполняющий обязанности государя. — Уж во всяком случае, не хуже, чем те двое.

— Лучше, Вадик, несомненно лучше! — с умилением заверил я напарника. — Иди спать — утро вечера мудренее.

Тщательно проинструктированный Несусветович весьма правдиво краснел и мялся под раскатами начальственного гнева.

— Упустили! Проморгали! Запорю! Сгною! Не помилую!

— Так ить... Так ведь оно ж как... Не извольте сомневаться, сейчас же погоню отрядим!

По-хорошему, снаряжать погоню было уже бессмысленно. Псевдо-дю Ремар открыл глаза чуть свет и, стараясь не будить дремлющих еще птиц, запросился на волю. Мой сонный кивок в данном случае не нужно было даже репетировать. Если учесть, что к этому часу я спал не более трех часов, данный жест получился у меня вполне правдоподобно. Обрадованный нашей лопоухостью, едва оклемавшийся шарлатан вскочил в седло и помчался от замка прочь с максимально доступной скоростью. Когда же солнце поднялось выше, и высокоученый мэтр дю Ремар наконец открыл «сомкнуты негой взо-

ры», вогли и стены наполнили старый замок. Заранее назначенный виноватым, толмач, понутившись, стоял под градом упреков и угроз, пытаясь вставить хоть словечко в оправдание. Находившийся тут же ученый муж, по инерции оглашавший замковые своды всхлипами и трагическими сетованиями, наблюдал эту картину с плохо скрываемыми злорадством и снисходительностью. Что уж говорить, куда нам, со свиным рылом в калашный ряд!

— Нет, ну каков гад! — сокрушался я. — Мы его от смерти жуткой, можно сказать, спасли! А он, мерзавец, в бега подался! Каков поскребыш!

— Истинную правду молвите! — радостно поблескивая плутоватыми глазами и при этом театрально всхлипывая, соглашался дю Ремар. — И ведь как хитро все удумал! А я-то ему доверился! И коня увел, и кошелек! Все порушенено... — Он еще раз надрывно всхлипнул. — Вот и верь после этого друзьям детства! Что же делать, что же делать?!

Страдания корифея учености, несомненно, тронули мою черствую душу. Они просто не могли ее не тронуть!

— Ситуация дурацкая! — Я сокрушенno покачал головой. — Вины за вами нет, в крепости вас держать смысла не имеет, да и вряд ли бы эта идея вам сильно понравилась. Так что не обессудьте, сами понимаете, коня дать не могу, все наперечет. Как поймаем приятеля вавшего, так похищенное имущество и вернем. Только адресок оставьте. Вот все, чем могу помочь, от чистого сердца, так сказать, из почтения к вашим научным познаниям. — Я вытащил из кошеля несколько монеток. — Не густо, но до Елдина добраться хватит. А там как-нибудь встретимся, отадите.

— Да уж век помнить буду! Всенепременнейше при первой же возможности отдам! Вот ведь, никогда не знаешь, где найдешь, где потеरяешь! — разлился в пустопорожних словесах высокомудрый муж. — Стало быть, и среди следознавцев честные люди попадаются.

Я отлично представлял, как мерзко похищивает сейчас в душе этот прохиндей, переполненный желанием поведать беглому дружку о том, что не просто обвел вокруг пальца дурака-следователя, но еще и раскошелиться его заставил. Каких только болванов не берут в следственные органы!

А вот каких надо, таких и не берут!

— Так я, стало быть, пойду, — принимая монеты, вальяжно поклонился мэтр дю Ремар. — Больше вопросов у вас ко мне не имеется?

Самое время было осмыслить достигнутые результаты. В том, что проницательный мэтр дю Ремар на лету поймает брошенный вскользь намек, сомнений не было, а значит, в ближайшие дни эта информация будет озвучена Яну Кукуевичу. Теперь главное — прощачать, как будут действовать конкуренты до того, как их действия станут фатальными для нас. Пока ясно лишь одно — уж точно, не споются.

— Нычка с нами! — донесся со двора чей-то истошный вопль. — Силы небесные, да что ж это деется-то?!

Глава 16

Сказ о том, что честное слово и оперу приятно

Я ринулся к бойнице, смотревшей во двор лесной резиденции узким недобрым оком. Готовые к походу стражники силились удержать на месте рвущихся в ужасе коней, но те рвали поводья из рук, пытаясь умчаться подальше от этого странного места. Стольники Уряда Нежданных Дел держались молодцами, но, похоже, им также было не по себе. Посреди утоптанного замкового плаца, одна за другой, из воздуха медленно вырисовывались четыре конские ноги. И пусть даже они появились всего лишь до колена, узнать автора этой милой шалости не составляло труда.

— Делли, господи, ну, наконец-то! — прошептал я, устремляясь прочь из душных апартаментов временной ставки навстречу старой подруге.

Когда я очутился во дворе, лошадиные ноги уже полностью материализовались, и в воздухе, палец за пальцем, образовались две обращенные ладонями к ошарашенным всадникам руки и многообещающая улыбка, не хуже, чем у чеширского кота.

Вояки, наверняка слышавшие о дурной манере фей устраивать дым коромыслом по самому пустяковому случаю, опасливо пятились, не желая ввязываться в разборку с чародейкой. Древний закон, конечно, запрещал людям и феям истреблять друг друга, но и у тех, и у других даже без смертоубийства оставалось немало способов отменно досадить ближнему.

— Делли! — останавливаясь посреди двора, с упреком произнес я. — А нельзя ли без театральных эффектов?

— Пожалуйста! — Голос феи прозвучал с легкой досадой, и в тот же миг она появилась вся сразу, вместе с вороным жеребцом Феррари.

Похоже, сотрудница Волшебной Службы Охраны была до чрезвычайности довольна своей проделкой и не пропустила позабавиться еще.

— Это твои молодцы? — критически оглядел личный состав Уряда Нежданных Дел, спросила Делли, тщательно продумывая на ходу, что бы такое отчебучить.

— Мои, — кивнул я. — Вернее, наши.

— Бравые ребята, — проворковала фея. — Вы, часом, не за Фуциком в погоню собираетесь?

— Нет, — покачал головой я. — У нас поинтереснее дело наметилось. А откуда ты вообще о Фуцике узнала? Вернее, о его побеге?

— Феи знают многое, — поспешила напустить туману могущественная чародейка. Но, не увидев достойного отклика на лицах собравшихся, укоризненно покачала головой. — На дороге я его встретила. Там, поди, и стоит, вас дожидается.

— Господи, чем он тебе мешал? — страдальчески выдохнул я.

— Ничем. Я ж как лучше хотела! С чего бы, думала, этому разбойничьему змеенышу по большаку шастать? А вдруг как не ровен час к стенам здешним подмогу разбойную приведет? Я как из Торца от короля Базиля в Субурбанию отправилась, в мурлюкское зеркало глянула да сразу поняла, где вы обосновались. Вот и смекнула, пусть себе горе-чародей в тенечке постоит, покуда мы судьбу его решать будем.

— А попросту связаться нельзя было? — Я пожал плечами в недоумении. — Решить, так сказать, в рабочем порядке?

— Сюрприз хотела сделать! Но какая, по сути, разница? — досадливо отмахнулась Делли. — Сам уразумей, чуть свет мчусь я по тракту, глядь, а навстречу мне рысцой это чучело, недостойное зваться магом, этот шарлатан...

— Оказалось, что он не так прост, как мнилось вначале, — вклинился я в монолог чародейки, прерывая град нелестных эпитетов, грозящий обрушиться на голову Фуцика.

— Да? Тем паче! Стало быть, вижу я этого жалкого недоучку, преграждаю ему путь. Он чуть что дух не потерял, глазами хлопает да все лепечет: мол, не виноват, мол, ты его самолично отпустил. А я ж чую — врет! Брешет, как пес шелудивый на собственную тень! Я на него дунула, он и застыл. Стоит теперь, как восковой, слово молвить не может. Так что, если надо, вмиг его сюда доставить можно.

— Вот это ты зря! — Я скривился, точно сел на кнопку. — Этак можно всю операцию провалить!

— Да? — Фея нахмурилась. — Может, все еще обойдется? Он так часок-другой постоит, потом в себя приходить начнет.

— Это точно? — с сомнением переспросил я.

— Да уж куда точнее! — возмутилась сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Или ты сомневаешься? У нас-то, чай, не мурлюкские забавы, все ж натуральное! А то вот в зеркало, скажем, стала вас поутру высматривать, так оно помигало-помигало, да весь свой дух разом испустило. Едва что разглядеть удалось! Таким вот макаром.

— Может, старое уже было? — усомнился я.

— Новехонькое! Я барахла не держу. — Делли оскорбленно поджала губы. — А вот, к слову, Фуцик тот же, с какого перепугу он на медни здесь весь алым цветом пошел, точно яблочко наливное?

— Тебе видней, — вздохнул я, досадуя на затянувшуюся пусто-порожнюю беседу. — Делли, мы как раз по делу собираемся...

— Вот и замечательно, — не унимаясь, кивнула вечно молодая чаровница. — Кабы магия, что в палочке заключена, как след подействовала, этот шут балаганный ни видеть, ни слышать бы не мог, пока иной кто заклятия с него не снял. А он, коли меня признал, выходит, что хоть и стоял истуканом, не мигая, все видел и слышал не хуже любого иного.

— Это, к сожалению, верно, — согласился я. — Но извини, сейчас не время обсуждать дефекты мурлюкских волшебных аксессуаров. Эй! — Я обернулся к толмачу. — Ты не видал, куда подевался достопочтенный И.О. государя?

— Его ясновельможность славный и высокодоблестный господин И.О. изволили отправиться в лес прогуливать грифона, ибо, как он мудро заметил, на его, сиречь грифоновых, кучах конь ненароком может ногу сломать. Велика забота славнейшего господина И.О. о верных подданных своих! И понятия его, как справедливо изволит выражаться сей великий сын достойного отца, самим Нычкой пропдиктованы, чтобы стать примером для честного юношества и зрелых мужей!

— Ну, началось... — вздохнул я.

— Чисто конкретно, — гордо подтвердил Вавила Несусветович.

Дорога от замка к заповедным охотничим угодьям Шибкий Ключ не заняла много времени. Окруженный высоченными кольями пали-

сада, огромный кусок девственного леса казался сохранившимся в неприкосновенности с тех давних пор, когда предки субурбандев били острогой рыбу в полноводных реках, выращивали вокруг домов съедобные злаки и кореня и редко отваживались забредать в поисках дичи в мрачные лесные чащобы. Впрочем, лес, простиравшийся перед нами на многие километры, язык не поворачивался назвать мрачным. Огромные стволы вековых деревьев стояли, раскинув вширь толстые ветви, точно мускулистые руки, удерживающие над собой зеленую крону. Где-то наверху, скрываясь в листве, судачили о нашем появлении незаметные для глаз пичуги. Для них присутствие на узкой тропке человека уже само по себе было знаменательным событием, достойным упоминания в сводке местных новостей. А уж тем более появление всадника, да к тому же не одного.

Конечно, время от времени в девственных лесах Шибкого Ключа задорно трубили охотничьи рога, задавали работу эху собачий лай и крики загонщиков. Но в последние годы все реже. Король Барсиад II не сильно жаловал охотничьи забавы, и если уж посещал этот мирный край, то вовсе не затем, чтоб выходить с рогатиной на медведя, травить оленя или же спускать на влюбленных тетеревов засидевшегося на кожаной перчатке линялого сокола.

Не было в королевстве лучше места, чем здесь, чтобы вдали от чужих глаз и ушей обсудить насущные вопросы. Уютный терем, пахнущий смолистым кедром, — охотничий домик королей Субурбании, располагал к задушевной беседе у камина, откровенности и вообще хорошему настроению. Понятное дело, удалиться в здешние ирийские кущи мог далеко не всякий. Понятное дело, пятиметровые заточенные карандаши палисада, плотной стеной окружавшие заказник, не способствовали появлению праздношатающихся особ на охраняемой территории, и, конечно же, стоящая в воротах стража имела четкие указания по поводу того, кто имеет доступ на объект. Однако когда у тебя без малого пять сотен лошадиных сил на двоих — так ли уж трудно выдернуть пару стволов из обоймы? Дальнейшее было и того проще. Спрашивается, кого в заказнике может заинтересовать наличие лесной стражи? Или же, на случай встречи с настоящими лесниками, замаскированных бойцов охранного подразделения Головного Призорного Уряда. Как-никак высокий гость пожелал самолично посетить охотничьи угодья! Не абы кто, а быть может, в самом наискорейшем времени новый король Субурбании. Тут глаз да

глаз, ухо да ухо, нос да нос, в общем, все должно быть строго на своем месте.

Сложнее всего в этой обстановке было спрятать синебоких красавцев «ниссанов», но и это в густом лесу, да еще изобилующем ложбинами в зарослях высокого кустарника, глубокими оврагами и глухоманными чащобами, — задача вполне посильная любому, чье детство прошло в лесных краях. Так что теперь, удобно пристроившись неподалеку от весело журчащего родника с живой, по слухам, водой, мы напряженно ждали урочного часа.

— В тереме вертеж уже идет полным ходом, — докладывал результаты скрытного наблюдения ловкий толмач. — Столы от яств ломятся. Осетры, ну прям как рыба-кит, по спине гулять можно. Павлины яркоцветные прямо в оперении с хвостами! Разносолов и вовсе не счесть!

— Ты не о том докладываешь, — резко оборвал я, вспоминая, что заправленная дымом просяная каша до сего часа составляла все наше меню.

— Так ведь нет еще никого! — Наблюдательный лазутчик очень явственно слготнул слюну.

— Ладно, подождем. — Я обернулся к Делли. — Так вот, побудительные мотивы для организации этого преступления есть у каждой из сторон. Даже Симон Ненька с его демонятами, буде у них возможность, не долго бы думали, убирать с доски короля с ферзями или нет. Другой вопрос, кто реально может занять трон? Вряд ли тот, кто эту хохму отчебучил, таскал каштаны из огня для кого-то другого. И уж наверняка наш таинственный незнакомец пересчитал собственные козыри и прикинул расклад на руках у прочих игроков, прежде чем затевать столь опасные маневры.

— А ежели это все же месть? — шепотом поинтересовалась фея. — За долю тяжкую, за суд неправый, за поругание и притеснение.

— Скопом всем сразу? — Я с сомнением потер переносицу. — Впрочем, чего не бывает? Этую гипотезу я тоже не могу окончательно сбросить со счета. Однако пока нет ни одной сколь-нибудь заметной фигуры, которая могла бы из мести провернуть такую операцию, основное направление расследования — отработка версии о заказном похищении с целью захвата власти.

Горловое воркование голубки заставило нас умолкнуть. По тропе, ведшей к терему, опираясь на посох, шел некто, по виду слуга при лесных хоромах. За плечами путника красовался объемистый

берестяной короб. Судя по тому, как шел незнакомец, — довольно увесистый.

— Грибы, что ли, волочет? — предположил Вадим едва слышно.

— Кто знает, — так же тихо ответил ему Вавила Несусветович, вглядываясь в прохожего. — Токмо странный путник-то. Одет он вроде как по-простому, а шествует мудрено, не по-людски.

— Да мало ли, — пожал плечами я. — Всяко бывает.

Прохожий быстрым, семенящим шагом миновал засаду и направился к охотничьему домику, давая нам полную возможность гадать, кого принесла нелегкая.

Завернутый в плащ, чтобы звоном не демаскировать наше местоположение, агрегат волшебной связи дал о себе знать, и появившаяся в зеркале Оринка осведомилась о готовности обещанной группы поддержки и предупредила, что кортеж уже близок. Впрочем, спустя несколько минут мы и сами могли в этом убедиться. Всадники, разряженные в цвета Юшки-каана, стремглав промчались к охотничьему терему. Вслед за кавалерией к терему подкатила карета, а за ней два возка с пешими стражниками. Разобрав сложенные в повозках алебарды, караульщики немедля рассыпались по округе, спеша занять, должно быть, заранее отведенные посты.

— А ну-ка, — тихо скомандовал я толмачу, — изобразите стражу от родника и в сторону дома.

— Ну а коли чужаки нагрянут? — кивая на ретивых молодцов в плащах с голубым хряком, тихо спросил он.

— Громко хлопайте глазами. Вы знать ничего не знаете! По приказу Юшки-каана вас тут спозаранку поставили, и без разводящего вы с места не сойдете. Так что все вопросы к старшему, пусть они его ищут. А будут настаивать, разрешаю применять силу. Только ж не переусердствуйте! Пусть себе на травке полежат, отдохнут. И не шуметь!

— Слушаюсь. — Бравый урядник кивнул своему воинству, и те слаженно, как подобает уважающим себя мздоимцам, исчезли из поля начальственного зрения, спеша исполнить возложенное на них поручение.

— Так, — прошептал я, оглядываясь по сторонам. — Путь отхода обеспечен. Теперь нужно дать знать Оринке.

Едва успел я взять в руки волшебное зеркальце, как сидевший рядом Вадюня сделал знак «слушай» и протянул мне наушник.

— ...приветствовать вас и в вашем лице весь славный народ Мурлюкии во главе с его Генеральным Майором — выдающимся деятелем современности, творцом нового мира!..

— Судя по тому, каким соловьем вы тут заливаетесь, возложенная на вас миссия потерпела крах? — резко оборвал неведомый слушатель.

— О нет, что вы! — должно быть, замахал руками на гостя Юшка-каан. — Правда, надобно признать, все сложилось иначе, чем виделось по ту сторону Хребта, но мы, как и прежде, уверены в успехе.

— Ваша уверенность пока что обходится нам слишком дорого. Не вы ли заверяли нас, что король Базилей непременно вторгнется в пределы Субурбании, стоит лишь вашей стране лишиться руководства?

— Так оно и было! Верные люди докладывали, что передовые дружины Базилея уже стояли близ самой границы.

— Что же их остановило? — резко, с досадой в голосе, бросил каану его непочтительный собеседник.

— Наверняка об этом сказать затруднительно, однако же, ходит слух, что здесь не обошлось без некоего Вадюни, сына Ратникова, именующего себя И.О. государя.

— Кто таков? — досадливо осведомился голос с сильным мурлюкским акцентом.

— О, это известный проходимец! Неведомо откуда он взялся, какого рода-племени, но в Субурбании он мздоимец немалого ранга, подурядник левой руки, а в Груси так и вовсе боярин. Верные люди докладывают, что ныне он мутит воду здесь, смущая простой люд рассказнями о том, что будто бы король Барсиад укрылся среди народа и посредством него изъявляет свою волю.

— И вы не можете изловить беспутного самозванца? На что ж вы тогда вообще годны?

— Люди охотно прельщаются его сказками! — начал оправдываться удрученный Юшка-каан.

Я молча показал Вадиму большой палец.

— К тому же, — продолжал оправдываться думный радник, — при нем неотлучно состоит некая фея, сотрудница груской Волшебной Службы Охраны.

— То есть, иначе говоря, — перебил каана высокий гость, — можно утверждать, что Грусь решила поработить вашу державу не прямой силой, а хитростью?

— Именно так! — взбодрился приунывший было глава Союза Кланов, на лету подхватывая намек, как собака — брошенный кусок мяса. — Всем головы желают заморочить, а затем тихой сапой и трон себе заграбастать.

— Что ж, может, оно и к лучшему! — задумчиво проговорил небедомый вершитель мировых судеб. — Стало быть, вы, скорбя и проливая слезы, ополчитесь против чужеземцев-мошенников, возжелавших на горе вашем набить себе мошну, а то и завладеть священным венцом субурбанских королей. Мы же вам в том поможем. Все остается в силе! Но смотрите, — голос тайного гостя изменил тембр и зазвенел металлом, — не оплошайте!

Должно быть, на лице Юшки-каана нарисовалась весьма красноречивая гримаса, ибо его собеседник, не доверяя своим познаниям в языке мимики и жестов, раздраженно спросил:

— Что еще?

— Мне досадно говорить о том, — с явной неохотой начал каан, — но, на беду, по какой-то странной случайности, устроенное вами... м-м... явление пощадило еще одного весьма опасного проходимца.

— Полагаю, в Субурбании их слишком много! — парировал мурлюкский резидент. — Меня уверяли, господин каан, что вы могущественный вельможа и в своих землях куда влиятельнее самого короля. На поверку же выходит, любой затаившийся где-то в щели негодяй представляет опасность для нашего с вами общего дела. — Раздражение в голосе таинственного мурлюка приобрело оттенок плохо скрытой угрозы.

— Я должен вам заметить, что тот, о ком я говорю, хотя и вправду негодяй и разбойник, однако же с недавних пор состоял при особе государя почти неотлучно. И то, что он, как назло, оказался здесь, а не в свите его величества, где б этот старый дуралей сейчас ни находился, это ваш просчет, а не мой.

— Вы еще смеете на что-то сетовать?! — Прозвучавший вопрос больше напоминал окрик надсмотрщика. — Трон в шаге от вас! Потрудитесь поставить королевские печати на договор и завтра же можете короноваться в знаменитом храме Нычки. Мы заткнем рот любому, кто попробует сказать что-либо против.

— Однако же разбойник, о коем я вам только что докладывал, похитил ключ от сокровищницы, а там, извольте понять, и печать, и корона...

— Проклятие! Так взломайте дверь!

— У дверей полканы! Они и близко не подпустят человека без ключа и перстня. Перстень у меня, а ключ...

— Ладно. Конечно, стоило бы вам предоставить выпутываться самому, — неприязненно отозвался незнакомец, — но мы поможем

и в этот раз. Заодно испытаем, как действует сеть великого Макраса из Офты на этих гнусных тварей.

— Господин Генеральный Майор как-то рассказывал об этом оружии, но если память не изменяет мне, работа над ним еще не закончена. Полканы же весьма опасны и, по слухам, почти совсем не подвержены влиянию магических чар.

— Что ж, у вас будет шанс лично убедиться в этом. Или же, если повезет, опровергнуть старые байки.

— Быть может, вначале испробовать Сеть на ком-нибудь по-проще?

— Вы что же, не верите в мощь нашего оружия? — возмутился патриот захребетного отечества. — Оно испытано многократно! Но, если пожелаете, я продемонстрирую вам его мощь на ком угодно, а если вдруг вы решите отказаться от нашего уговора, то хотя бы и на вас самом.

— О нет, нет! К чему такие угрозы? Как только я овладею троном, вы получите доступ на этот злоказненный остров и сможете разместить там свой флот. Все остается в силе. Я каждый год получаю золото и драгоценные камни, вы — земли со всеми угодьями.

— Клин, ты в натуре че-нибудь понимаешь? — шепотом проговорил Злой Бодун.

— Да что тут понимать? Юшка продал государя, чтоб завладеть престолом. Мы это в принципе с самого начала подозревали. Мурлюки ему в этом активно помогли. Каким образом — непонятно, зачем — неизвестно, куда вся эта сановная камарилья подевалась — и вовсе никому не ведомо. В уплату за помощь каан наверняка обещал захребетникам свою безмерную преданность и, судя по тому, что речь зашла о полканах и золоте, — остров Алатырь под военно-морскую базу. Если бы Делли не удалось отговорить Базилея от идеи ввести дружины в Субурбанию — мурлюкский флот очень быстро оказался бы в мягком подбрюшье Груси Золотой, Зеленои и Алои.

— Стремно как-то! Хрен его знает, как себя полканы поведут? Я так типа прикинул, они народ крутой, дальше некуда. И так, чисто по жизни, я что-то не вдупляю, че, после мутилова с жабсами эти фраера так легко отстегнули горы рыжья и всяких брюликов ни за хрен собачий?! Они в натуре совсем малахольные?!

— Н-да, — после минутной задумчивости согласился я. — Чем дальше, тем страньше. Ладно, послушаем, может, гость чужедальний еще чем порадует?!

— ...Вот сразу после обеда и сможете полюбоваться. — Голос мурлюкского правительственного агента звучал с изрядной долей самодовольства, присущего коммерсантам, прославляющим свой товар: «Самый наилучший в мире! Революционные технологии! Радикальный подход к решению ваших проблем!»

— Что ж, непременно! Буду рад! Весьма рад! — Юшка-каан громко хлопнул в ладони, послышался тихий звук открываемой двери и чеканный грохот шагов.

— Сей отменно храбрый витязь сопроводит вас на прогулке. Вы сможете полюбоваться здешними красотами, не опасаясь ни дикого зверя, ни чужих глаз.

— Вот и прекрасно. Назови свое имя, воин.

— Финнэст, — отчеканил вошедший. — А по прозванию Ясный Беркут.

— Что ж, следуй за мной. Да не отставай!

Следующие несколько минут эфир был заполнен приемом рапортов о готовности к званому обеду. Это была звучная сага об остороте и пикантности соусов, подборе тонких вин к сырам, рыбе и мясу, непревзойденной изысканности десертов, рассказ о которых заставил сердце обливаться кровью, а желудок томиться и страдать в невысказанной тоске. В общем, форменное издевательство над изрядно проголодавшейся следственной группой. И как уж тут не взыграть праведному гневу?!

Рассуждения о методах жарки каплунов и рецептах фаршировки пулярок закончились, сменившись однообразным звуком шагов. Должно быть, Юшка в волнении ходил по комнате, поскольку никаких посторонних шумов не было слышно. Наконец тихо скрипнула дверь, и мы услышали голос Оринки:

— Прощенья просим, коли потревожили некстати. Мне сказывали, будто вам нездоровится, и вы кликать меня изволили?

— Нездоровится?.. О да! Я весь горю! Сердце мое колотится часто-часто. Вот, послушайте!

— Ну что вы! — недовольно вскрикнула девушка.

— Нет-нет, не отдергивайте ручку! Одно ваше прикосновение приносит мне облегчение. Поверьте, эта страсть обжигает меня! Я не могу совладать с ней! Она бурлит и клокочет так, что я задыхаюсь, и не в силах думать ни о чем, кроме вас!

— Так, стало быть, ваше преимущество, коли задыхаетесь, то вам на воздух надобно, — мягко увещевая, ответила Оринка. — И крю-

чочек на кафтане, вот здесь, у шеи, расстегнуть. При такой напасти первое дело — духу волю дать.

— Волю, конечно, волю! — судя по звуку, Юшка-каан с силой рванул ворот своей парадной одежи, от чего украшенные каменьями застежки, оторвавшись от узорчатого фряжского сукна, дробно засстучали по полу. — Я так желаю пройтись по лесу, услышать нежное пение соловьев, испить ключевой водицы. Прошу, идемте со мной! Там вы сможете избавить меня от страданий!

— Да откуда ж соловьи по осени? — начала было девушка, однако действия не в меру пылкого ухажера, вероятно, в корне пресекли замечания юной натуралистки. — Негоже это! — с трепетом в голосе вскрикнула она. — И вам-то славы не добудет, и мне — укор. А тут еще не ровен час Финнэст нас приметит. К чему все это?

— Я повелеваю вам идти! — В голосе каана больше не слышалась та сахарная интонация, с которой завзятые сердцееды улещивают неопытных девиц. — А Финнэст не увидит. Мое вам слово. Я отослал его по неотложному делу... далеко и надолго.

— Я повинуюсь, — чуть слышно произнесла Оринка. — Но действие сие недостойно вас.

— Слышать ничего не желаю! Извольте повиноваться! И коли подобру, так и поздорову.

Глава 17

Сказ о том, что не всяк улов к обеду

Безапелляционное приглашение совершить променад в тиши аллей не замедлило произвести должное впечатление на самовольных слушателей.

— Ну, я типа пошел? — с улыбкой крокодила, приметившего спускающуюся к водопою антилопу, не разжимая зубов, прошелестел Вадюня. — Встречу высокого гостя.

— Вадик, одна просьба... — предчувствуя недобро, начал я.

— Понял, не дурак. Ща мы ему такую лыбу через все лицо нари-суем, что он есть через задницу будет!

— Этого-то я и боюсь, — глядя вслед могутному витязю, печально вздохнул я, но кустарник уже сомкнулся за его спиной.

Несмотря на рост и богатырские габариты, которыми у нас в городе славилась вся семья Ратниковых, Вадик двигался тихо, и

лишь взмахи потревоженных веток позволяли судить о его перемещениях.

Между тем, распираемый нахлынувшими чувствами, каан самозабвенно, с прищепыванием и придыханием исполнял арию певчего дятла, стремясь пробраться к душе юной прелестницы через ее нежные ушки.

— Очаровательница, зачем вам этот солдафон? Что он видел в своей жизни, кроме рек пролитой крови и растерзанных тел, идущих на прокорм воронью! Может ли он оценить сокровище, волею случая попавшее в его грубые руки?! Что может он дать вам?

— Неправда! — обиженно прервала его спутница. — Он душевный!

— Душевный?! Я не ослышался? Финнэст, вся жизнь которого лишь схватки да скачки, кажется вам душевным? О сердце мое, что же вы тогда знаете о душевности! Наивность юных лет застит вам очи! Вы жестоко обманываетесь! Когда из вашего дружка в какой-нибудь сече, а то и попросту в пьяной драке, вышибут дух вон, кто, скажите, кто позаботится о вас? Кто утрут ваши слезы? А это, помните мои слова, может произойти скоро, очень скоро! Поверьте мне, вам нужен друг. Человек знатный и богатый, который может устроить вашу жизнь. Будьте моей! И когда я стану королем, вы будете королевой — королевой моего сердца!

— Нет! — покачала головой девушка, наконец появляясь в поле нашего зрения.

— Что ж так?! — хватая за руки Оринку, раздосадованно выпалил неудачливый герой-любовник.

— Вы никогда не станете королем, — стараясь освободить сжатые мертвой хваткой запястья, уверенно, точно приговор, выдохнула кудесница. — И я никогда не буду вашей. А друзья у меня уже есть.

— Кто? Лесовики да кикиморы?!

— Ну, типа я, — выступая из-за дерева, скромно объявил Вадим Злой Бодун Ратников. — Привет!

Это приветствие сопровождалось действиями, недопустимыми в кругу цивилизованных людей, хотя вполне приемлемыми в ходе ожесточенных парламентских дебатов. Справедливости ради должен заметить, что в Вадюнином исполнении эта серия вразумляющих жестов была не только эффективна, но и эффектна.

Изысканный правый крюк, не оставляя выбора, бросил встречную голову на рвущийся вперед кулак левой руки, а затем вновь правой короткий прямой — и тело вельможного донжуана рухнуло на

тропу. Голубое, в белых перьях облаков, небо застыло в распахнутых глазах каана, но сейчас он его, похоже, не видел.

— Нокаут, — внимательно оглядев конкурента, емко зафиксировал Вадюня, не дожидаясь начала отсчета.

Верность его диагноза была бесспорна, но вблизи не было ни рефери, чтобы остановить поединок, ни врача, чтобы оказать пострадавшему первую помощь.

— Осторожнее! — тихо вскрикнула Оринка.

Рядом с Вадимом из-за ближайших ракит вырисовались фигуры стражников в бесформенных балахонах.

— Не боись! — отмахнулся Ратников. — Это типа наши. Ну-ка, парни, хватайте этого кренделя за ноги! Нече ему проход загораживать!

Спустя пару минут почти бездыханное тело вождя Союза Кланов «Соборная Субурбания» лежало у наших ног, всем своим видом отказываясь отвечать на вопросы.

— Угу. Угу. Похоже, последние два удара были лишними, — прокомментировал я увиденное.

— А че, типа, — насупился Вадим. — Один разок за тебя, второй за меня, а третий в натуре за Оришу. Я, что ли, виноват, что у него челюсть стеклянная! Это ж еще без процентов!

— Спасибо, удрожил! — криво усмехнулся я. — Что мы с этим безответственным телом дальше делать будем? Боюсь, в ближайшее время он не оклемается, а тащить его с собой резона нет.

— Это почему еще? — Лицо Злого Бодуна приняло выражение отрешенно-гневное, точь-в-точь у плакатно-хрестоматийного пионера, у которого злые хулиганы пытаются отобрать священный лоскут алого знамени, повязанный вокруг шеи. На какой-то миг я ощущил, что еще слово поперек, и лежать мне параллельным курсом рядом с Юшкой.

— Вадюня, пожалуйста, не тупи, — просительно заговорил я. — Если мы утащим это тулово — за ним, как псы за куском мяса, ломанутся его телохранители. Вспомни Жутимор! Сейчас нам подмоги ждать неоткуда. К тому же если мы выведем его из игры, то кроме соборных субурбанцев получим еще в личное пользование всю шатилю-братию Кукуевича с ним же во главе. По всему выходит, что кроме этого одоробла разбираться с государевым наушником больше некому.

— Так че, все зря? — почти со слезой вздохнул И.О. государя.

— Ты прекрасно сделал свое дело. Я был просто очарован. Но допрос придется отложить, — сокрущенно развел руками я. — Главное, не слишком с этим затягивать. Ладно, пора снимать охрану и двигаться к выходу. В случае чего — рубим правду. В заказник проbralся враг, на Юшку было совершено нападение, всем срочно искать, о каждом незнакомце немедля докладывать начальнику караула. Все, отходим. Делли, если что, ты нас прикроешь?

Фея молча кивнула, должно быть, прикидывая в уме, чем порадует возможных преследователей.

— Дружочки мои миленькие! — Оринка, дотоле молча приходившая в себя после недавней стычки на дороге, цепко ухватила за руку Вадюню, затем меня. — Сердце мое недобroe чует!

— Эка невидаль! Я как в Субурбанию въехал, так недобroe только и чуял! — отмахнулся я. — Ехать надо, не ровен час стражи каана хватятся!

— Не о том речь, дружочки! — чуть не рыдая, говорила кудесница. — С Финнэстом в сей миг беда приключается! Нельзя медлить!

Я вопросительно посмотрел на девушку.

— Погоди-ка, дай подумать. По приказу каана Финнэст сопровождает на прогулке мурлюка. Тот по виду мужик не опасный, но... Точно! Он обещал продемонстрировать каану действие какой-то сети Макраса из Офты. Что это такое, я не знаю, но как бы он не стал испытывать новое чудо-оружие на Финнэсте! Пожалуй, ты права, и Беркута твоего спасать надо, и с гидрой захребетной неплохо бы словцом перекинуться. Он, похоже, в этой игре больше всех знает. Только где ж их теперь искать-то? Заказник в любой конец по сто верст.

— Едемте скорее! — взмолилась растревоженная вешунья. — Мне сердце дорогу подскажет и вокруг постов обведет.

— Ценное свойство! — раскидывая ветви, укрывающие «ниссан», прокомментировал я. — Ладно! Ты, — окликнул я Вавилу, — бери людей и двигай к пролому. Ждите нас там. Мы с Вадимом разведаем, что там с Финнэстом сталоось, и будем отходить. Проконтролируйте, чтобы у выхода было все чисто.

— Я с вами пойду. — Делли, нахмурившись, стала разминать пальцы. — Чую, без меня вам не обойтись.

Оринка благодарно посмотрела на фею. Несмотря на шероховатости их отношений, когда речь заходила о деле, юная кудесница и умудренная веками фея всегда были заодно, и, как я мог убедиться, чутью наших спутниц можно было доверять больше, чем собствен-

ной логике и познаниям в криминальной психологии. А раз так, зов сердца Оринки давал знак к действию. Тем более что и фею посетили дурные предчувствия.

Тропинка, одна из многих, ведущих от терема в лесную чащу, плутала между стволами разлапистых вязов, огибала овраг и спускалась вниз по длинному отлогому склону холма, на котором возвышался приют вельможных охотников. Как ни странно, по пути нашего следования ни одного стражника нам увидеть не довелось. Возможно, они попросту шарахались в кусты, стараясь не попадаться на глаза конеподобным чудовищам, мчащим по тропе на скорости всего-то жалких сто — стодесять километров в час. А может, и вправду заоблачный навигатор безошибочно указал Оринке безопасный путь. Так что через несколько минут мы вылетели на поляну, едва успев затормозить, чтобы не снести мирно прогуливающихся Финнэста и его захребетного спутника.

— Витязь мой ясный! — возбужденно закричала Оринка, хватаясь за конскую гриву, чтобы не вылететь из седла.

Громкий крик, пожалуй, мог переполошить затаившуюся в окруже стражу, однако на витязя, еще недавно проявлявшего все признаки скоропостижной влюбленности, он произвел не большее впечатление, чем вороний грай за дальними холмами. Ясный Беркут продолжал движение вперед, странно жестикулируя, точно выискивая что-то перед собой. Гриденъ вероломного каана брел, не видя пути и не слыша отчаянного крика любимой, зато о его спутнике сказать этого было нельзя.

Едва железнобокие кони вылетели на лесную прогалину, зарубежный гость отпрянул в сторону и, точно сказочный старик, забрасывающий невод в синее море, метнул в нас нечто очень тонкое и блестящее, что-то вроде паутины, или же противокомарной сетки, но только довольно редкой и переливающейся на солнце. Я пригнулся к конской холке, силясь пропустить перед собой странное оружие незнакомца, но тут земля ушла из-под ног скакуна. Причем, судя по расстилавшемуся вокруг пейзажу, ушла довольно глубоко.

Кругом, сколь видел взор, катил свинцово-темные валы океан, и черные бараны грозовых туч недобро поглядывали друг на друга, готовясь яростно столкнуться лбами. Я почувствовал, как застравшие в стременах ноги охватывает ледяной холод, и «ниссан» всем своим немалым весом уходит вниз, затягивая седоков в бездну. Сбоку от меня в положении не менее бедственном, сле виднеясь сквозь пену штормовых волн, барабахтался Вадим. Делли видно не было. Я

широко открыл рот, стараясь набрать в грудь побольше воздуха, и, обхватив за талию Оринку, предпринял еще одну попытку освободиться от тонущего «ниссана».

— Держись! — Лишь только смолк этот крик, в мрачных водах появилась рваная дыра, сквозь которую проглядывала прелестная лесная полянка и бредущий в никуда Финнэст.

Затем дыра резко увеличилась, деля мир на две неравные части. В одной из них штормило море, а в другой благоухали цветы и ласково грело полуденное солнце. В этой части виднелся мурлюкский засланец, настороженно следивший за действием своего коварного оружия. Очевидно, заметив образовавшиеся в океанских просторах сквозные пробоины, он крутанулся на месте, набрасывая поверх собственной персоны переливчатый «накомарник». Я склонился в седле, пытаясь на скаку ухватить злую вражину за шиворот, и едва не рухнул наземь, зажав в пятерне чистейший лесной воздух. Мурлюка и след простыл. Да что там, даже стылого следа не осталось!

— Делли! Хватай его! Он не мог далеко уйти, — забывая про всякую конспирацию, во все горло заорал я.

— В натуре! Ну, ни хрена себе! — в гневе вторил мне Вадим.

— Мог. — Делли остановила коня и печально махнула рукой. — Прошляпили, ушел.

— Куда? Куда?! — возмутились мы, словно в этом мире от наших эмоций что-то могло измениться.

— Да кто ж его знает! — поморщилась фея. — По сети ушел. Сдается мне, други верные, что это не обычный мурлюкский лазутчик, и даже не личный посыпец Генерального Майора, а довелось нам встретиться с самим Макрасом из Офты. Встречай такой из живущих по эту сторону Хребта мало кто похвастаться может. А уж те, кто близко с ним знакомство свел, вовсе на слова не щадры. Вот как он. — Фея кивнула на Финнэста.

Статный гриден, остановленный метнувшейся к нему Оринкой, торчал посреди поляны, как обломок древесного ствола, и лишь что-то бубнил себе под нос, перебирая пальцами в воздухе.

— Ну что ты, миленький, ну не надо. Ну,тише. Мы уже здесь. Все теперь будет славно, — уронив голову на грудь витязю, причитала кудесница, и крупная слеза катилась по ложбинке между тонким носиком и щекой.

— Мышь. Мне нужна мышь. Где-то тут была мышь, — бормотал Финнэст, обшаривая бессмысленным взглядом поляну и не замечая обнимающей его красавицы. — Где мышь?

— Бесполезно, — покачала головой удрученная происходящим фея. — Он в другом мире. Он уже не здесь. Если бы не мы с Оринкой, вы бы тоже сейчас были не лучше.

— Мы что же, действительно могли утонуть? — настороженно поинтересовался я.

— В том мире — несомненно.

— А в этом? — не совсем понимая, переспросил я.

— Когда, спасаясь от волн, ты пытался слезть с коня, скорость его в этом мире была верст семьдесят в час. Боюсь, что этого бы оказалось вполне достаточно для рокового несчастного случая.

Подобное сообщение настроило меня на минорный лад.

— Это что, действительно так?

— Можешь не сомневаться! — с довольно мрачным сарказмом заверила фея. — Превращательная Сеть — страшная вещь! У нас, в Волшебной Службе Охраны мне о ней слышать доводилось, а видеть вот так, вблизи, — в первый раз.

У меня в голове мелькнула было мысль, что таким же точно способом, как исчез загадочный Макрас из Офты, мог испариться король Барсиад со всеми своими прихлебателями. Но, вспомнив о государевом ночном колпаке, пока единственном нашем вешдоке, я поспешил отбросить эту заманчивую версию. Впрочем, разобраться в возможностях невиданного ранее оружия я полагал отнюдь не лишним.

— Ладно, уходим. Делли, ты уж по дороге поведай нам все, что известно о Превращательных Сетях Макраса.

— Вообще-то сведения о них — военная тайна. Мне это по долгу службы знать положено, — замялась сотрудница Волшебной Службы Охраны короля Базиля. — Ну вы, положим, бояре. А эти-то? — Она кивнула на заплаканную Оринку, безуспешно пытающуюся растиормошить отсутствующего в этом мире Финнэста.

— Она все равно мысли читать умеет. Так что, если спросят, ты ничего не говорила. Мы с Вадюней подтвердим.

— А она тоже подтвердит? — усомнилась наша закадычная подруга. — Она же кудесница! Ей душой кривить нельзя.

— Она будет молчать, — не сомневаясь ни минуты, заверил я. — Ты ведь будешь молчать?

— Буду, — утирая рукавом слезы, выдавила Оринка. — Фея-мачеха, челом бью, коли возможно расколдовать моего суженого, так уж не погнушайтесь! Уделите ему толику своей великой силы!

— Здесь где-то мышь. Мне нужна мышь, — завороженно глядя на глотающую слезы красавицу, пробубнил Финнэст.

— Расколдовать-то можно, — качая головой, печально вздохнула Делли. — Что одним наведено, другой завсегда без изъятия свести может. Да вот беда — Сети Макраса штука новая. Злоказненность ее доселе толком не изведана. Так что не в моих силах покуда заклятие снять. Может, и от тебя что-то потребуется. Да вот только — что? — Она развела руками.

— Может, того... — неловко, точно стыдясь своего предложения, вмешался Вадюня, — ну, типа чмокнуть?

— Да уж целовала, — вновь залилась слезами несостоявшаяся королева Юшкого сердца.

— Так где же мышь? — нетерпеливо повысил голос недавний стременной.

— Так, Вадим! Грузи к себе Финнэста, да постараися, чтобы он не бушевал. Оринка, в седло! Делли, мы все ждем твоего рассказа.

— Ну вот, — спрыгивая наземь и примеряясь, как бы поудобнее ухватить ошалевшего мышелова, проворчал И.О. государя. — Не, ну, конкретно, где справедливость? Ему, значит, Оринку, а мне с шизиками возись!

Хорошо, что юная кудесница ничего не ведала ни о «шизиках», ни о шизофрении, а то быть Вадиму уж если не битому, то солено хлебавши.

Да, ситуация у нас складывалась престранная. По результатам оперативной прослушки мы теперь точно знали, что Юшкакаан, думный радник и глава Союза Кланов «Соборная Субурбания» является несомненным соучастником в расследуемом нами преступлении. Однако, кроме отзывающихся слов, которые к делу не подошьешь, у нас образовался ряд новых безответных вопросов да плюс к ним невменяемый витязь — жертва страстей каана и Сетей Макраса. Как говорится, улов богатый. Но, что немаловажно, малосъедобный. Впрочем, что тут сокрушаться! Будь у нас даже десяток томов тщательно подобранных и до последней мелочи доказанных материалов уголовного дела, куда их нести? Где тот судья, который вынесет суровый, но справедливый приговор коварным преступникам? Ну, Делли, ну спасибо, удружила! Подогнала дельце!

— ...о Макрасе самом мало что известно, — вешала Делли, пока мы мчались к пролому, спеша унести ноги подобру-поздорову. —

Обычно его величают Макрас из Офта, но Офт — имение старого чародея Уиллгейса, чьим порождением и является Макрас.

— Ты хочешь сказать, что он — не человек? — настороженно поинтересовался я.

— Да уж, вестимо, не человек! — отозвалась Делли. — Коли мужчина его сам, без женщины из головы выродил.

— А с виду в натуре и не скажешь! — разочарованно кинул Вадюня. — Так, мужик мужиком!

— То-то и оно, что с виду! Видов-то у него — тысячи! В каком он в иной раз предстанет, никогда не узнаешь. Хуже другое. Образ-то его вы узрели, токмо что руками не щупали. А вот самого Макраса здесь, быть может, и в помине не было.

— Ты же сказала, что он был? — с сомнением в голосе напомнил я.

— Образ его точно имелся. Да такой, что от живого человека не отличишь! Образ, должно быть, Юшке хорошо известный, чтобы новым лицом каана не смущать. А сам Макрас наверняка за хребтом живет-поживает да через сеть свою все-всешеньки, к чему присосется, видит, слышит, даже отвечать может. И не токмо здесь, а заодно и во множестве иных мест, где Сеть его укоренилась.

— Здесь, стало быть, уже укоренилась? — поинтересовался я.

— Выходит, что так, — кивнула фея. — Да видать, мало кому о том ведомо. Такие-то дела.

Она вздохнула:

— Уиллгейс Макраса лет двадцать пять назад создал себе в помощники. Сначала так оно и было. У старого чародея огромная библиотека имелась! Почитай, все, что о магии, алхимии и звездочетстве когда-либо писалось или печаталось, у него в наличии было. А как стар он стал, чтобы самому вверх-вниз по книжным шкафам лазить, так и приспособил Макраса, чтоб тот ему нужные книги приносил. И вот как-то, глядючи в окно, затянутое густой паутиной, старик и сmekнул, что ежели к каждой книжке паутинку волшебную прикрепить, то ее никуда и нести больше не надо будет. Только вопрос задай, все до словечка Макрас перескажет. Слушай да записывай, коли что надо. А там, глядишь, Макрас и писать выучился и языками разными овладел. Дальше — больше. В лабазе, скажем, паутинку закрепил — и не надо ни сапоги топтать, ни коней седлать. Раз — одна нога здесь, другая — опять здесь. Все, что в доме потребно, вмиг доставлено. А уж какие сны Макрас родителю своему показывал — и вовсе дивное!

— Ну и замечательно! Полезная вещь! — на ходу бросил я. — А то я в нашем трофеином клоповнике просто спать не мог.

— Все, конечно, так. Старый маг тоже порождению своему нарадоваться не мог, но... — Делли поспешила съянуть дусту на золоченую пиллюлю, — вот беда: Уиллгейс лет десять тому назад как заснул, так по сей день просыпаться не желает. Лежит себе, счастливо улыбается, и добудиться его никакой возможности нет.

— Ты хочешь сказать, — я оглянулся на Финнэста, пытающегося разорвать ремни, стягивающие его запястья, и требующего немедля подать какую-то мышь, — что Макрас теперь паразитирует на своем бывшем хозяине?

— Так и есть. К кому эта Сеть прилипнет, тот из мира сего в иной уходит. Мертв — не мертв, а и жив — не жив.

— Нда-а... — протянул я. — Вот это влипли! И что, скажите, ваша научная магия может этому противопоставить?

— Тс-с! — шикнула Делли. — В другой раз договорим. Вон толмач с кметями¹ у пролома толкнутся.

Мы были уже в двух шагах от вывернутых из частокола заостренных бревен, когда вдалеке, в той стороне, где находился гостевой терем, глухо бухнул колокол. Его звук на минуту вспугнул отдыхающих после дневного жара птиц, и те возбужденно принялись обсуждать услышанное.

— Клин! Похоже, эти мурлопотамы нас таки хватились! — не отставая от пернатых, прокомментировал колокольный звон Вадюня.

— Не-а, — вмешался в разговор Вавила Несусветович. — Это званных гостей к обеду кличут. Так уж здесь издревле заведено.

Он хотел еще что-то добавить, но тут за нашими спинами раздался оглушительный грохот, и над деревьями взвились хищные языки пламени.

— Вот это взрыв! — Я придержал коня, глядя, как поднимается над тем местом, где еще совсем недавно стоял терем, столб черного дыма. — Занятное меню у них на сегодня! Слушай, — я повернулся к толмачу, — если в колокол звонили, стало быть, гостей в доме не было?

— Да уж вестимо, что так.

— Ну что ж, — усмехнулся я. — Тогда, Вадим, не забудь при слу чае напомнить Юшке-каану, что спас ему жизнь!

¹ Кметь — ратник.

Глава 18

Сказ о свободе печати

Ярко-алое пламя в опьянении буйной радости выплясывало джигу на проваленной крыше хоромины. Острые хищные языки его то и дело взвивались над верхушками деревьев, точно высматривая, где развернуться огненному хороводу. Я скорее догадывался, чем разбирал отдаленные крики, вопли о помощи и призывы тушить, заливать водой и засыпать песком еще недавно радовавшие глаз терема. Я практически не сомневался, что этот фейерверк приурочен неизвестным «доброжелателем» к встрече с высоким гостем, но времени выяснить подробности и устанавливать детали преступления у меня, увы, не было. Однако сегодня, на горе заговорщикам, романтический обед при свечах был сорван. И Юшке действительно стоило благодарить Вадюню за спасение жизни. Когда б не он, ужинать бы нынче каану в небесном чертоге всемогущего Нычки. А какой ужин ему был приготовлен, было воочию видно на много верст кругом!

Полагаю, широкие народные массы ни здесь, ни в прочем мировом сообществе не примутся резво осуждать нас за то, что мы не борсились тушить пожар и спасать из терема то, что можно было еще спасти. В конце концов, раз уж привезенная Юшкой стража прошляпила засаду и прощелкала установленный под обеденной залой фугас, то ей самое время было попытаться реабилитировать себя ударным трудом на благо хозяина.

— Да, за Юшку, похоже, кто-то крепко взялся! — Я повернул коня от пролома. — Интересно, кто?

— Может — Кукуевич, может — красные демонята, а может — еще какой добрый человек съскался, — профессионально реагируя на нежданно возникшее дело, четко отрапортовал глава соответствующего уряда.

— Да, хорошо бы только известными ограничиться. Новых подозреваемых нашей бригаде не потянуть! Но я о другом. Во всем этом буйстве, — я указал на огонь, то появлявшийся, то исчезавший, точно выпрыгивающий над верхней кромкой леса, — одна странность имеется. Каан нынче говорил о сокровищнице. Мол, войти в нее невозможно, поскольку стража там, как и на острове Алатырь, из полканов. Так что лучше туда даже и не соваться. Порвут и фамилии не спросят.

— Было дело, — кивнул Вадим, — говорил. Это типа Кукуевич у короля золотой ключик попытил?

— Ну, золотой — не золотой, мне ничего не известно, — отзвался я, придерживая скакуна, чтобы тот не мчал чересчур быстро. — Но позаимствовал точно. Интересно другое. У самого Юшки, неизвестно каким образом, оказался некий перстень, который, по идеи, тоже должен был находиться у короля Барсиада.

— Видно, перстень Хведона, — на ходу предположила Делли. — По преданию, тот получил его от отца в знак власти над островом и ближними побережьями. С тех пор при коронации в знак преемственности династии первым делом новому королю на указательный палец правой руки надевают этот перстень.

— Он что же — волшебный? Или так — дорогостоящий антиквариат? — поинтересовался я.

— Вероятно, какая-то магия в нем присутствует, — с легким сомнением произнесла фея. — Но чтобы доподлинно о том узнать, надо попасть в сокровищницу. Там должен храниться свиток, в котором Хведон самолично обо всех тайных субурбанских закавыках подробно, честь по чести излагает. Но иначе, как с перстнем и ключом, туда не войти! Причем ежели полканы фальшь учуют, не сносить злому ворогу головы. Раsterзают прежде, чем обмысят, кто да что.

— Н-да, — протянул я, — занятная история. Символы государственной власти расползаются по частным коллекциям. Интересно узнать, откуда у Юшки перстень взялся? Ключик-то королевский наушник мог и после исчезновения Барсиада из тайника отвернуть. А колечка, выходит, там уже не было! Но тогда странные вещи получаются: Ян Кукуевич наверняка знает порядок посещения сокровищницы, стало быть, ему перстень Хведона нужен целым и невредимым. Зачем же тогда теракт устраивать?! Не отоварил бы Вадик главу по голове — нашли бы каана на окрестных елках мелкими порциями. Где потом утерянные ценности искать?

— Так, может, это демонята?

— Ну, об этих вообще ничего не известно. Разве только, что они есть. Можно предположить, что тот, кто устроил взрыв, либо не собирается проникать в сокровищницу, либо знает какие-то иные способы войти туда.

— Как же не собирается? — возмутилась фея. — Там и казна государева, и корона, и печать!

— Казна это да, серьезно. А корону и печать, при случае, заново сделать можно, как говорится, лучше прежних.

Вавила Несусветович удивленно открыл рот, собираясь разразиться возмущенной речью в защиту государственных регалий, однако фея его опередила:

— Никому о том более не сказывай! Ежели всякий, кому в голову взбредет, короны делать станет, то святости в них будет не более, чем в бараньей шапке. Хоть всю ее каменьями самоцветными изукрась, а ни на что больше, как пустую башку украсить, она годна не будет.

— А что еще нужно? — удивился я.

— Ох, Виктор, Виктор! Боярин ты мой лапотный!

— Кроссовочный, — поправил я.

— Ну, будь по-твоему, — кивнула Делли. — Нешто тебе невдомек, что явление регалий королевских есть великое таинство. Субурбанские корона, скипетр, держава и печать из древнейших будут. В незапамятные времена их в катакомбах нашли, что под Елдинским Храмом Премудрости Нычкиной на многие версты под землею тянутся. Оттого-то они и святы.

— Ладно, — согласился я, — как скажете, вам виднее. Но в таком случае узурпаторам одна дорога — в сокровищницу.

— Это уж точно, — подтвердил урядник Нежданных Дел. — Иначе никак нельзя! Без печати-то ни указ не издашь, ни на Алатырь не поплыvешь.

— Да ты-то почем знаешь, с чем на Алатырь плавают? — усмехнулся я.

— Так, ясное дело, знаю! — Толмач пожал плечами. — В прежние времена, еще до того, как в стражники к Юшке подался, я в королевской гвардии служил. Так оттуда, что ни год, самых проворных да лихих отряжали орехи к морю отвозить. И мне, — он широко расправил плечи, не без гордости вспоминая былые деньки, — тоже доводилось ездить!

— Что ж ты раньше-то не говорил? — возмутился я.

— Ну, так ведь и спроса не было. — Мой умудренный службой собеседник удивленно вскинул брови. — А как же без спросу вперед старшего лезть?!

— А инициативу проявить? — вздохнул я.

— На то приказу не было, — не задумываясь, отчеканил исправный служака.

— Считай, что уже есть. — Я усмехнулся, меняя гнев на милость. — Впредь проявляй. А сейчас расскажи, будь добр, что ты еще знаешь о ключе, перстне, орехах и тому подобных секретных делах?

— Да кому ж о сем толком ведомо! — замялся урядник. — Разве только самому королю из Хведонова Свитка. Я как-то пару раз к морю с орехами ездил, а вдругорядь тоже к морю, но в иное место, за смагдами и золотом. Тогда Юшка-каан как раз казначеем был. Он у нас сокровища по весу принимал. Я тогда еще подивился, сколько мы из Елдина орехов вывезли — столько же обратно золата да каменьев привезли. Спросил о том у каана, а он мне в ответ: «Неча, мол, в государевы дела нос совать!» И больно так по носу щелкнул, аж перстнем кожу оцарапал! Ну да я не в обиде! Может, не спроси я его, он бы меня и не приметил. А так, срок службы моей вышел, и я уж было решил домой ворочаться, да тут Юшка меня к себе в стражу взял. Затем уж с вами повстречался. Вот и выходит, кабы не кольцо да не поданный нос — не быть бы мне сейчас урядником!

— Да, забавно, — согласился я, вспоминая оставшегося в бесчувственном состоянии каана. — Лихой карьерный взлет! Не было б у каана перстней на пальце, остался бы с носом и без места.

— А про остров тот байку старые люди сказывают...

— Погоди-погоди, — остановил я собеседника. — Байки потом. Ты хочешь сказать, что когда Юшка-каан щелкнул тебя по носу, у него на указательном пальце был перстень?

— Точно был, — подтвердил толмач. — Вот им-то он...

— Но ведь Юшка на мурлюкский манер перстней на указательном пальце не носит!

Неожиданный свидетель на минуту задумался.

— Кажись, не носит.

— А не толи это Хведоново сокровище, о котором мы нынче толковали?

— Да кто ж его знает? — смутился бывалый вояка. — Мне его на перстах королевских видеть не доводилось, да и саму священную особу зрил токмо на параде издаля.

— Должно быть, оно, — вмешалась в наш разговор Делли. — Недосуг было Барсиаду всякий раз самому в сокровищницу спускаться. Вот он казначея доверием своим и облекал.

— Понятно, — усмехнулся я. — В таком случае, если вдруг окажется, что нынешний казначей был из Юшкого клана, то я, кажется, знаю, откуда у него взялось заветное колечко!

— Зашибись! — подытожил результаты моего вдохновенного оперативно-следственного прозрения Вадим. — И че мы, в натуре, с этим знанием делать будем?

— Похищенная священная регалия — серьезная улика, — торопливо бросился объяснять я. — Казначей, отдавая перстень государю, а он наверняка должен был его вернуть, без риска для жизни мог подсунуть королю фальшивку лишь в случае, если несчастный венценосец не будет иметь возможности быстро вскрыть подлог. Но копию-то нужно было сделать заранее, а перстень, если судить по варварским вкусам древности, был отнюдь не маленький и, вероятно, особым изяществом не отличался. Такая себе увесистая гайка с кучей загогулин! Так что заговор получается долгоиграющий. Все нужно было продумать, подготовить и своевременно исполнить. Непонятно только, почему ключ на стороне оказался?

— То и другое вместе может нести либо король, либо его наследник перед вступлением на трон. В прочих же случаях в сокровищницу спускается урядник казначейства и хранитель сокровищницы, — пояснила многоопытная в тонкостях государственного правления Делли. — А чтобы не дразнить гусей, казначей и хранитель испокон веку назначались из разных кланов. Коли первый с западного берега, второй — завсегда с восточного. И наоборот.

— Угу, с этим более или менее понятно. Вероятно, у заговорщиков был план, как изъять ключ, но по какой-то причине он не сработал. Таким образом, этот атрибут королевской власти оказался в руках криминального авторитета Яна, Кукуева сына. Вполне возможно также, что и дубликат перстня ему же достался. И поскольку наш славноизвестный незнакомец пока что выжидает и дорогу себе разгораживает, то, можно предположить, нет у него уверенности, что перстенек без подвоха. А если перстень не тот, как только Кукуев сын сунется в сокровищницу, его ожидает глубокое разочарование в чужой порядочности, вероятно, несовместимое с жизнью.

— Хорошо бы, — вздохнул Вадюня, забывая от полноты чувств вставить свое любимое «чисто конкретно».

— Но пока что он туда не суется. Вероятно, какая-то добрая душа возле Юшки банально стучит Кукуевичу на своего хозяина. Тогда здешнему доктору Мориарти известно о существовании как минимум двух Хведоновых перстней, а это уже значительно больше, чем нужно. Давайте-ка прикинем, какова последовательность действий, так сказать, гипотетического наследника престола. Имся на руках весь набор требуемых атрибутов власти, он проникает в сокровищницу, где хранится древнее руководство к действию. В этой инструкции, среди прочего, должно быть, содержатся полные наставления о ритуальных прихлопах и притопах, которые требуется совер-

шить, чтобы, как и прежде, наполнить казну ореховым золотом и камушками. Кстати, друзья мои, простите за наивный вопрос, кто-нибудь может сказать, с какого бодуна вообще островные полканы снабжают Субурбанию этим продуктом полураспада лесных орехов?

Гнетущая тишина повисла над дорогой, и вдруг стало слышно, как врезаются в утоптанный грунт лошадиные копыта, как всхлипывает за моей спиной безучастная к разговору Оринка и что-то вяло бормочет себе под нос Финнэст.

— Так ведь издревле так повелось, — прервал затянувшуюся неловкую паузу Вавила Несусветович. — Хведенов куш.

— Толковое объяснение, — скривился я. — А если бы островитяне вдруг отказались платить дань, или уж как там ее называть, вы бы силой могли их заставить?

— У того с головою полный разлад, кто тщится на полканов силой ополчиться!

— Понятно, — резюмируя услышанное, кивнул я. — Вернее, не-понятно, но здорово. Вон Соловей с Фуциком, а вместе с ними и королевский наушник вполне в здравом уме были, а налет все же замышляли. Ладно, с этим все непонятно. Тогда, может, кто-нибудь объяснит мне, с какого боку к острову Буюну прилепился сфинкс, и какого рожна душегубы-разбойнички его так искали?

Очередной вопрос вызвал новый приступ задумчивого молчания. Я невольно почувствовал себя преподавателем, который случайно ошибся классом. Эту тему они, кажется, не проходили.

— А вот так, по жизни, — решительно вставил свои пять копеек исполняющий обязанности государя, — я уже видел сфинкса. Не, ну в натуре, — поспешил заверить он, ловя недоуменные взгляды окружающих. — Мы с Олегом, старшим моим, туда за всякой лабудой ездались, и он там сидел. Ну, в смысле не Олег, а типа сфинкса. Нам один знающий мужик по ушам тер, что ему, ну, то есть не ему, а сфинксу, какие-то стремные бойцы, по приколу, нос отстрелили. Конкретный беспредел, одним словом!

— Как так нос отстрелили? — с замирианием спросил толмач.

— Начисто. Он там какой-то обкумаренный был, типа на солнце перегрелся и всем в душу лез, просил ему ноги пересчитать. А бойцы чисто не при делах были. Ну, там базар, то-се. Они его и пошли мочить. А он с пирамиды прыгнул, а теперь каменный сидит и помалкивает.

— А почему с пирамиды? — не удержался от нового вопроса жадный до знаний урядник Неждановых Дел.

— А там больше прыгать неоткуда, — без тени сомнений выпалил Вадюня. — Я четко помню. Этот крендель с полотенцем на голове, который нам все показывал, говорил, без балды, что сфинкс с какой-то верхотуры навернулся. Не, ну честно, у него ж вид такой, что если бы он не был каменный, его надо было бы в гипс закатать.

Завороженная публика, услышав о каменной природе монстра, несколько потеряла интерес к путаному рассказу Вадима о посещении Египта, но его, похоже это ничуть не смущило.

— И как он, бедный, на пирамиде-то сидел? — не унимался он. — Конкретно ж неудобно такой-то тушей!

Я не спешил вмешиваться в это бойкое повествование, стараясь хоть немного обдумать сложившуюся обстановку. Что и говорить, дельце выдалось не нашего уровня. Проще зернышку меж жерновами просчитать движущие силы и установить побудительные мотивы происходящего вокруг процесса. Но раз уж попались меж жерновов, то выбор, увы, невелик. Либо в муку, либо заклинить систему, к черту, чтоб легче было новое построить, чем старое отремонтировать.

А коли так, то спокойно, без паники. Что у нас известно по сфинксу, кроме того, что без него здесь вода почему-то не освятится? Первое: он имеет непосредственное касательство к изъятию островных драгоценностей. Иначе бы дю Ремар с Фуциком его не искали, и Кукуевичу он тоже ни за грош бы не сдался. Второе: тварь содержит конспиративно, причем ограничивают ей свободу передвижения. Стало быть, участие древнего монстра в изъятии ценностей с острова Буяна, или как там его... Алатырь, не физическое, а так сказать, виртуальное. В чем же оно может заключаться?

Сфинкс — чудовище древнее, и хоть родом из чужедальних краев, на землях Субурбании обосновалось куда как ранее пресловутого Хведона, основателя местной правящей династии. Значит, можно предположить, что первому из субурбанских королей каким-то образом удалось договориться с этим ужасом античного мира, и тот измыслил для него всю хитроумную систему безопасности, задействованную на Алатыре.

Отчего бы, спрашивается, нет? Сфинкс, конечно, чудовище свирепое и безжалостное, однако при этом слывет хранителем великих тайн, а заодно и признанным мудрецом. Как уж ему это «три в одном» удается, ума не приложу! Но если классики не врут, то так оно и есть.

Чем еще может помочь монстр, сидящий на цепях под свалкой? Сообщить координаты острова? Вряд ли. Даже если предположить,

что он их знает, нужды в том особой нет. Во-первых, зачарованный ореховоз заготовленное сырье самоходом к месту назначения доставляет. Во-вторых, Фуцик, пока носовой фигурой работал, наверняка для себя фиксировал, куда, сколько времени и с какой скоростью шли, где в этот момент солнце находилось, где звезды. Все равно там заниматься больше нечем было.

Так что координаты Фуцику, а с ним и Кукуевичу, не нужны. Собственных заметок хватит. Чем же еще может быть полезен старый, дряхлый, страдающий язвой (как же иначе при таком питании и положении) сфинкс? Ну, разве что проект субурбанскою бюджета на следующий год сочинить.

При этой мысли я невольно улыбнулся, представляя себе древнего хранителя тайных знаний, который круглый год, не покидая своей зловонной дыры, корпят над государственным планом доходов и расходов. Вызванное буйной фантазией видение предстало поэтому в образе бухгалтера. Чудовище имело очки-велосипед на носу, суконные нарукавники и дедовский арифмометр. Я с неохотой отогнал забавный образ. Как ни крути, со сфинксом нам еще предстояло встретиться, и при этом хорошо было бы знать, о чем его спрашивать и как при этом не превратиться в праздничный обед.

Интересно, что в этой связи намерены предпринять конкурирующие организации? Им ведь тоже с чудищем разговоры разговаривать! Если предположить, что каким-то образом ключ и перстень окажутся у королевского наушника, то скорее всего он, не мороча себе голову, гордой поступью направится в сокровищницу. И будет секрету дю Ремара и Фуцика цена — ломаный грош по безналичному расчету. К чему разбойничьему атаману, севшему на престол, чересчур знающие соратники из бывших?! Тем более что по имеющейся у нас информации, они, в отличие от нового хозяина свитка, слабо представляют, о чем беседовать со сфинксом. Но ежели нокаутированный Вадимом каан все еще жив, что более чем вероятно, наверняка он решит воткнуть некоторое количество палок в чужое колесо. Возможностей у него для этого вполне достаточно. Так что, кроме полканов, у сокровищницы может появиться еще одна стража, и до сфинкса дело может вовсе не дойти. В общем, паны решили-таки сцепиться. Самое время позаботиться о собственных чубах.

— Клин, я че-то не вдуплил, — вывел меня из раздумья озабоченный голос Ратникова. — Тут че, еще грифоны водятся, или это в натуре Проглот по дороге метется?

— Что? — Я поднялся на стременах.

Зоркий глаз не обманывал Вадима Ратникова. Навстречу железнобоким «ниссанам», расправив мощные крылья, планировал юный грифон с венком волчьей плети на шее. Он несся, сопровождая чемпионские прыжки в длину радостным клекотом и грациозными взмахами хвоста. Оставленный в замке в качестве «боевой техники» малочисленного гарнизона, он мчал навстречу кавалькаде, и счастливое воодушевление долгожданной встречи крупными буквами было написано у него на морде. Тьфу ты, черт, на клюве! В общем, в том самом месте, где должно было читаться осознание важности исполняемого долга.

— Что за чертовщина! Действительно Проглот! — настороженно проговорил я, вглядываясь вдаль. — Хотел бы я знать, что он тут делает?

Жизнерадостный грифон, не сбавляя хода, круганул головой, выбирая, к кому из друзей броситься первому. Затем резким толчком оторвался от земли и очутился на крупе моего «ниссана», рядом с Оринкой. Мощный скакун вздрогнул, принимая чувствительный вес домашней зверушки, и сразу же вслед за этим до меня донеслось призывающе-лаское воркование. Проглот, как мог, пытался согреть и утешить опечаленную кудесницу.

— Ты откуда взялся? — встревоженно глядя на клювастого соратника, поинтересовалась Делли.

Уловив суровые нотки в голосе феи, юный монстр уселся по стойке «смирно», обернув длинный хвост вокруг ног.

— Ты что же — сбежал?

Молчание было ей ответом. К великому, быть может, сожалению, и в нашем мире, и здесь грифоны лишены возможности словами излагать свои мысли, что, впрочем, не мешает быстрокрылым тварям их иметь. Всем известно, что грифон — животное необычайно разумное. Поэтому, не говоря ни слова, — и хотел бы, может, да не судьба, — он ткнул носом в сторону дороги, призывая нас уделить должное внимание проезжей части. Мы, не сговариваясь, привстали в стременах, тщась высмотреть в ближнем подлеске объект, достойный внимания.

«Что-то случилось!» — крутилось у меня в голове. Просто так щен бы не прибежал. Выросший за высоким забором двора, точно в закрытом вольере, Проглот, конечно, любил, как это водится у желторотых юнцов, побегать, пошалить. Но чаще львиная натура брала верх, и он лениво валялся в густой высокой траве, задумчиво при-

крыл глаза и вяло отгоняя мух хлопками длинного хвоста. Встретить его здесь, верст за десять от замка, было событием чрезвычайным.

— Слыши, Клин! — Вадюня поудобнее перехватил копье «мос-берга». — Чует мое сердце, где-то нас прокинули! Может, того... Урла вернулась?

— Не знаю, — покачал головой я, затем добавил, обращаясь к уряднику: — Надо послать разведку.

— Сделаю, — бойко отрапортовал тот, обворачиваясь к отставшим всадникам и набирая в грудь воздух, чтобы огласить имена счастливцев, которым надлежало первым вступить на родной порог.

— Ну-ка глянь-ка, мил-свет. — Остроглазая фея подставила к бровям руку козырьком. — Не твои ли там всадники мчат?

— Кажись, мои, — пристально всматриваясь в далекие фигуры, растерянно произнес толмач. — И возок с ними. Что ж стряслось-то?

Можно было бы, конечно, предположить, что заскучавший в четырех стенах замка гарнизон просто не нашел ничего лучшего, как всем скопом выгулять застоявшегося грифона, но для человека трезвомыслящего такая версия представлялась довольно надуманной. Оставалось лишь пришпорить коней и самолично выяснить, что ж за напасть выгнала вооруженных до зубов стражей из лесного убежища.

— Не велите казнить! — традиционным дружеским кличем приветствовали высокое начальство переполошенные участники исхода. — Не по своей воле, не по злому умыслу!

— Молчать! — рявкнул я. — Кто старший?

— Я. — Один из всадников подался чуть вперед.

— Почему оставили пост?

— Так ведь, извольте понять, того... — Старший печально вздохнул. — Опечатали замок!

Глава 19

*Сказ о том, что не плюй в колодец,
вылетит — не поймаешь*

Мои брови, должно быть, изобразили движение разводного моста в момент, когда под ним, вздымая буруны, проходит многотонный лайнер.

— Еще раз и внятно: кто, что и почему сделал?

— Опечатали, — вновь с тоскливой безысходностью в голосе и безнадежной тоской на лице сознался дежурный стольник. — Красной сургучевой печатью на витом шнуре.

— Это что еще за игры? Кто посмел?! — с яростью сжимая кулаки, взорвался я, в этот миг чувствуя себя мускулистой правой рукой претендента на опустевший престол.

— Именитые мэдоимцы из Уряда Хладгладморжааренданадзора.

— Че за байда? — обалдело хлопая глазами, возмутился отчим местной государственности. — Я не понял в натуре, что там за быдло на нас ощерилось? Конкретно не понял! — Он поудобнее перехватил «мосберг», демонстрируя готовность растолковать кому следует все, что надо, до последнего патрона.

Заявление Вадима о внезапно нахлынувшей «конкретной непонятливости» было истолковано бывшим толмачом с педантичной буквальностью.

— Сей Уряд, — начал он менторским полушепотом, чтобы не создавать излишний ажиотаж вокруг политической безграмотности руководства, — надлежащим образом бдит, чтобы всякое строение, которое государевой казне принадлежит, содержалось в подобающей чистоте и порядке. Чтобы болезни там всякие изживались, и мор никого не косил. А еще, дабы, ежели вдруг пожар случится, то к тушению все готово было. Ну, и всякое другое.

— Ясно, — сквозь зубы прошел я. — Санэпидемстанция, пожарка и прочие джентльмены в поисках десятки. А от нас-то что им надо было?

— Известно чего, — досадуя на мою непонятливость, отозвался стражник. — Мэды хотели. Говорят, котлов для воды, чтоб полымя заливать, нет, из бойниц хладом да сыростью тянет, по углам тараканы, по двору крысы бегают. Ров, почитай, десять лет не чищен, а в нем комарье да блохи всякие, того и гляди — мор случится! Кто, спрашивается, за все это платить будет?

— И много хотели?

— Не то чтобы очень, — честно сознался повествователь. — Все, как водится, без запросу. За каждую провину — штраф, да плюс копытные за то, что сами господа мэдоимцы в этакую даль коней гоняли.

— Так заплатили бы, — недоуменно пожал плечами я.

— С каких денег, ваше преимущество?

— Вы что, с ума все посходили от караульной службы?! Господа стольники, я вами недоволен! Пора бы уже привыкнуть к высокому

званию мздоимца! У вас под рукой полный сундук хвостней! Хватит, чтобы три таких замка купить, причем с вычищенными рвами, отловленными крысами и нынешними гостями в качестве лакеев! — не на шутку разошелся я.

— Оно-то так, конечно, — ежась под начальственными взгляда-ми, пробормотал, оправдываясь, проштрафившийся страж. — Так ведь деньги-то ваши, сиречь, казенные! Как же можно, без указу-то? — суетливо добавил он. — А окромя того, они все какого-то Со-ловья спрашивали. Мол, аренду с ним подписывали и о мзде, стало быть, с ним рядились. Так что хошь — не хошь, а вынь Соловья, да положь.

— Я шалею от этой публики. — Ищущий поддержки взгляд, бро-шенный на Делли, заставил меня с грустью убедиться, что она впол-не разделяет логику приводимых караульщиком аргументов. — Ты бы им сказал, — с напором продолжил я, — что здесь нынче кварти-рует Уряд Нежданных Дел. Мол, руководства сейчас на базе нет, что ты, как положено, все дословно передашь, а дальше дело не твое. Урядники промеж собою спишутся и все решат.

— Я говорил, — порывисто вздохнув, сознался аппаратчик-но-вобранец. — А они ни в какую! Твердят, коли Уряд Прихода Госуда-рева Соловью замок внаем под жилье выделил, то никакого права сей честный муж не имел от своего имени казенную собственность кому иному переуступать.

— Так! — с угрозой начал я. — Забавные вещи тут вырисовыва-ются! Разбойник, беглый каторжник, глазом не моргнув, замки в аренду берет.

— По бумагам значится, что он там ослов разводить обязался, — педантично уточнил начетчик.

— На бабки? — радостно вставил Вадим.

— На дедки! — огрызнулся я. — А целый, можно сказать, Уряд из-за каких-то долбаных штрафов должен ночевать среди леса?

— Мздоимцы объявили, — рассматривая грунт вокруг лошади-ных копыт, пустился в объяснения незадачливый переговорщик, — что при всем уважении против Разрядного Уложения идти не могут. На том к сургучу алому печать и приложили. Сказывали только, что по истечении трех дней в обратную дорогу пустятся. Вот, стало быть, и заедут, чтоб сию незадачу добром, как водится, решить.

— Бред какой-то! — устало отозвался я. — И что ж прикажешь нам делать эти три дня?

— Да разве ж мне по чину приказывать? Мы вот в Елдин направлялись, вас дожидаться.

— Нет, в Елдин нам сейчас ехать ни к чему, — отрицательно покачал головой я.

— Тогда, может, к Харитиеву пойдем сфинкса искать? — неуверенно предложил Вавила Несусветович.

— Пойдем, конечно, — резко оборвал его я. — Только есть три «но». Первое: после взрыва по всему западному берегу Непрухи на верняка патрули, а пробиваться с боем в наши планы не входит. Второе: надо что-то решать с Финнэстом, в таком состоянии ему никуда ехать нельзя. — Я спиной почувствовал благодарный взгляд Оринки, и это придало мне уверенности в том, что выбранное направление верно. — И третье: мы этот сундук на колесах за собой по всей стране таскать будем?

— Так что ж делать-то? — обескураженно спросил урядник.

— Возвращаться в замок! — отчеканил я.

— Да ведь опечатан он, — глядя на меня, точно на умственно расстроившегося, напомнил вещавший ранее стражник.

— Невелика печаль, главное, замок на месте, а печать и сорвать можно!

На лесной дороге моментально воцарилась такая тишина, что казалось, будто все поющие в терновнике, орущие в орешнике и шипящие в шиповнике вымерли в один момент.

— Ой, не надо бы! — отвлекаясь от хлюпанья носом, настороженно прошептала Оринка.

— Она права, — тихо подтвердила Делли. — Брось ты эту затею!

Признаться, я не ожидал от верной спутницы такого подвоха, но, выдержав мой гневный взгляд, фея лишь покачала головой, точно увещевая непослушное дитя. Личный состав Уряда скорбно молчал, но по выражению всех имевшихся в наличии лиц было видно, что я сморозил глупость величиной с айсберг.

— Тут это не принято, ваше преимущество, — наконец выдавил урядник. — Беда случиться может.

— В чем проблема? — вертя головой из стороны в сторону, поинтересовался Ратников. — Тоже мне — печать! Фигня делов! Я ж типа И.О.! Так что все будет чики-пики! С кем надо перетрем, кому надо забашляем! Мы ж не какие-нибудь лохи зашуганные, мы ж — Уряд!

Я узнал эту интонацию. С нею некий актер, залихватски пытавшийся изобразить из себя конкретного пацана, выдыхал отдающее

стахановскими заботами словечко «бригада». Что мудрить?! Мелкое пижонство. Но мысль, которую, сам того не зная, подбросил Вадюня, меня позабавила.

— Я так понял, печати срывать здесь не принято?

— Да уж, вестимо, не принято, коли через нее сам Нычка благость свою и защиту людям являет, — оживился Вавила.

— Вот и отлично! Получается, никто не ждет, что мы эту печать сорвем?

— Не ждет, — тускнея и, вероятно, догадываясь, куда я клоню, тоскливо проговорил господин урядник.

— Ну, так, выходит, дело-то получается нежданное? А кому такими делами заниматься, как не Уряду Нежданных Дел? — Несусветович попытался было что-то сказать, но я перебил его, не давая вставить слово: — Все, разворачиваемся. Нечего тут посреди дороги ораторский клуб устраивать, и так народ мимо ходить боится. Возвращаемся на базу!

— Я в замок не пойду, — шепотом, медленно и очень внятно произнесла Оринка. — И Финнэст не пойдет. И всякому иному идти туда не советую.

— Бунт на корабле?! — нахмурился я. — Ошалели, что ли?!

— Негоже печать рушить. Беда от того приключится, — упрямо наклонив голову, выдохнула кудесница.

— А вот пугать не надо! Пуганые, — жестко отрезал я. — Ладно, разберемся на месте!

Красная сургучная печать на витом шнуре была единственным запором, скреплявшим массивные створки ворот опустевшего замка. Подталкиваемые разошедшимся не на шутку ночным ветром, они кряхтели на старых петлях, пытаясь гостеприимно распахнуться на встречу недавним обитателям лесного чертога. Но действительно, словно неведомая волшебная сила удерживала сургуч на месте, не давая воротам распахнуться. Их негромкий жалобный скрип звучал для меня горьким сетованием на подневольную судьбу.

— Не ходили бы вы туда! — разворачивая коня поперек опущенного моста, увещевающе промолвила Делли. — И здесь прекрасно заночевать можно.

— Пойми, — я оглянулся на всадников кортежа, остановившихся шагах в двадцати за нашими спинами, — уже ничего не поделашь. Точка возврата пройдена. Если сейчас у самых ворот мы ни с того ни с сего поменяем свое решение, эти красавцы возомнят, что

отцы-командиры попросту струсили. Причем испугались не прямой угрозы, не оружия, не дикого зверя, а бабских сказок. Как потом отдавать приказы, если в глазах подчиненных мы будем слыть мягкотелыми хлюпиками?

— Никому и в голову не придет заподозрить в боязливости могутного витязя Злого Бодуна! — Фея осуждающе покачала головой. — Что же касательно тебя, то все решат, что пелена неразумья пала с глаз завзятого одинца-следознавца Виктора Клинского, чья мудрость воспета балладами лучших придворных сказителей.

— Делли, ты говоришь ерунду! — поморщился я. — При чем тут двор, при чем тут баллады?! Кто их слышал? Кому они на хрен сдались?! Здесь работает закон джунглей. Либо ты докажешь, что достоин быть вожаком, либо твой обед — обглоданные кости! Поверь, я лучше знаю мужчин, а уж тем более солдат.

— Виктор, — морщась, должно быть, от того, что не может отыскать нужных слов, мягко проговорила фея. — Здесь все по-другому. Ты нарушаешь естественный закон и в глазах солдат выглядишь едва ли не чудовищем. А кроме того, подумай, неизвестно, что ждет вас в замке, когда падет освященная печать, но уж точно ничего хорошего из этого не выйдет.

— Делли, оставь в покое предвечные законы! Что нас может ждать? Скорее всего просто малопристойный ночлег с клопами, тараканами и шастающими крысами. Кроме них в замке никого нет, даже банальных привидений! Не забывай, мы здесь уже ночевали, и как видишь, в самом что ни есть полном порядке, никто цепями не гремел, клыками не скрежетал. Может быть, все ваши страхи — лишь плод воображения все тех же придворных сказителей?

— Ты не прав! Опять не прав! — раздосадованно вздохнула фея. — Но если тебе и Вадиму уж так неймется затмить всех своей храбростью, давайте я перенесу вас через стену. Ночуйте, сколько вам заблагорассудится, только не надо срывать печать!

— Это смешно, — поморщился я. — Мы, в конце концов, не червячки, которых заботливая мама-птичка несет в гнездо изголодавшимся птенцам.

— Клин, а может, действительно, ну его! — неуверенно начал Ратников. — Нуче нам в натуре туда ломиться?! Здесь перекемарим. Что нам — больше всех надо?!

— И ты туда же? — с упреком набросился я на Вадюню. — Ну и спи себе под елкой! А я желаю ночевать в нормальных человеческих условиях, на кровати и с крышей над головой. Все, бай-бай!

— Не, я с тобой, — оправдываясь, пробасил Злой Бодун. — Я же чисто так, по жизни.

— Все, тема закрыта, — жестко отрезал я. — Делли, ты с нами?

— Не-ет, — очень медленно проговорила фея. — Уж лучше здесь. Надеюсь, след ваш до возвращения не простишет. — Сотрудница Волшебной Службы Охраны поджала губы, демонстрируя высочайшую степень неудовольствия, и в гнетущем молчании, нависшем над рвом, кишащим несытым комарьем, повернула коня, освобождая дорогу.

Копыта дробно застучали по мосту, точь-в-точь барабан, отбивающий тревожную дробь перед явлением на сцене цирка клыкастых хищников.

— Не обманул-таки батька Соловей государевых мздоимцев, — послышался за спиной досадливый голос феи. — Развел у себя ослов. И ты, Виктор, среди них — упрямейший!

— Становитесь лагерем! — огрызнулся я. — Да позаботьтесь о страже. Ночью здесь полно волков. Может быть, даже черных.

Мои слова остались без ответа, но я и не ждал его.

Красный сургуч с трехрогим знаком присутствия Нычки свисал на шнурах, совсем как раньше на посылках.

— Слыши, Клин! — неуверенным шепотом заговорил Вадюня, пытаясь краем глаза заглянуть в щель между дубовыми створками. — Может, не надо в натуре сургуч ломать, может, я лучше веревку перережу? Главное же, что войдем!

— Вадим, не смеши людей! — чуть слышно проговорил я, оглядываясь по сторонам. — Какая разница, перережешь ты шнур или сломаешь печать?

— А если никакой, — на ходу поворачивая против меня пойманный аргумент, проговорил Ратников, — так я чисто перережу.

— Ладно, — пожал плечами я, стараясь выглядеть беззаботным. — Если уж тебе так в башку вступило — режь.

— Я мигом! — В руке могутного витязя блеснул кинжал.

Уж и не знаю, как там хранил Нычка опечатанные своей эмблемой помещения, но пеньковые волокна разошлись под острой сталью так же, как делали это всегда.

— Ну что, добро пожаловать! — Я всем телом налег на тяжелую створку, но она подалась без всякого усилия, точно заскучавший в одиночестве ветер спешил распахнуть навстречу гостям освобожденные от надоевших пут ворота.

По сложившейся за годы оперативной работы привычке я настороженно окинул взором замковый двор, ища возможного подвоя. Насколько позволяли видеть факелы и желтоватый фонарь луны, едва высунутый хозяином из-под темного плаща, все здесь осталось неизменным с того момента, как мы покинули затерянное в чащобе обиталище.

— Милости просим! Ну, вот мы и дома. — Я пустил своего железного скакуна шагом.

— Клин! — послышался за моей спиной встревоженный голос Ратникова. — Это не дом, это полный отстой! Может, в натуре хрен с ним? Хоть до утра подождем!

— Теперь уж точно нельзя. — Я медленно повел головой из стороны в сторону. — Неужто ты испугался? Ушам своим не верю!

— Да ну, скажешь! — смущенно выдавил могутный витязь, присоединяясь ко мне. — Так, чисто фильмц один вспомнился. Про то, как кавказская пленница в гробу летала.

— И что? — чтобы поддержать разговор, поинтересовался я, невольно улыбаясь столь экстравагантной трактовке гоголевского «Вия».

— Да так, — услышал я встревоженный голос Вадима, которому тот пытался придать спокойное звучание. — Я чисто прикидываю, что надо было мелок захватить.

— В казаки-разбойники играть собираешься?

Распахнутые створки ворот со страшным грохотом захлопнулись, словно ветер, убедившись, что больше желающих ночевать под каменным сводом нет, поспешил закрыть двери.

— А?! — Вадюня резко повернулся в седле, вскидывая «мосберг».

— Сквозняк, — поспешил объяснить я, лихорадочно соображая, что для такого хлопка дубовыми воротами сквозняк должен, вероятно, достигать штормовой силы.

— Ага, точно, сквозняк, — поспешил согласился Ратников, настороженно озираясь вокруг. — Слыши, мне один пацан рассказывал, из другого города, мы с ним вместе на море парились. У них дома тоже такой конкретный замок, там еще крестоносцы, наверно, жили, так они там зашхерили где-то вагон бабла, а потом туда гопа навалилась. Ну эти, понятно, конкретно рубились. И короче, все сплошняком ласты склеили. У них там под конец чисто хавчика не было. Ну и вот. А потом корефаны этого пацана узнали, что в замке в натуре голды навалом, и решили все потырить. Ночью пошли, чтоб никто типа не видел. Только начали копать, ту-ут на них жмуры с мечами

ка-ак поперли, все голодные, зенки конкретно, что те фонари! Короче, утром братва не вернулась.

— Душевно, — усмехнулся я. — А кто ж тогда сообщил про жмурков с мечами?

— А этот пацан вечером из холодильника всякой жратвы нагреб и в замок приволокся. Ну и типа ля-ля тополя, подмога подоспела, мы победили! Ну духи, они вроде как поверили, все скопом ломанулись, бухло высосали, закусь смели и вроде как отрубились. А он буркалами своими вокруг позырил, а корефаны его уже по всему двору лежат пошматованные!

— Вадюня, тебя развели, — усмехнулся я. — Твой приятель по-просту слямзил кусок сюжета из книги «Ищущий битву», ну и немного приврал от себя.

— Да не. Ну, в натуре...

— О-о-ох! — очень явственно разнеслось над вытоптаным плацем.

— Эт-то ве-ет-тер. Должно быть, в бойницах, — неуверенно произнес я, пытаясь найти разумное объяснение происходящему. — Вчера так же было.

— Хорошо бы, — бледнея на глазах, пробормотал Вадюня. — Клин, ты не помнишь, какой рукой крестятся?

— Вадик! — шикнул я, на всякий случай нащупывая рукой шипастую резиновую булаву. — Этот фокус вряд ли действует, здесь боги другого формата. Да и вообще, откуда ты знаешь, может, это Делли развлекается? Представь, какими мы дураками будем выглядеть, если сейчас попремся обратно! Все там, — я кивнул в сторону ворот, — может, только этого и ждут.

— Ох-о-о-о! — донеслось от сеновала, где не так давно раздосадованные неудачными поисками золота добродушные возницы кольями забили валявшихся в беспамятстве разбойников. — О-о-о-у...

Что и говорить, если это и впрямь был ветер, то сегодня ночью он отличался повышенной разговорчивостью.

— А трупаков-то здесь в натуре до хренища прикопано! — должно быть, тоже вспоминая о жертвах народного гнева, куда-то в пространство сообщил Ратников.

— Вадик, держи себя в руках! Тебе от этих стонов что, холодно? Или жарко? — скороговоркой выпалил я, стараясь убедить то ли оробевшего соратника, то ли собственные подгибающиеся колени. — Если тебя это донимает, можешь сам постонать.

— Да не, — устыдился минутного страха Злой Бодун. — Но типа как-то неуютно.

— Ничего. В башне уютнее будет, — пообещал я. — В конце концов, чего нам бояться? Печати мы не трогали, а про шнур ничего не говорилось — это раз. Два: все, что многоуважаемые покойники могли сделать плохого, — они уже сделали. Если вдуматься, мертвцы самый мирный народ! Ну, идет себе тень, ну стонет — тебе-то что?! Отойди, не стой на пути, пусть себе дальше бредет. В конце концов, собственной тени ты же не боишься?

— Не-а, — живо встрепенулся исполняющий обязанности государя.

— Вот видишь, и здесь бояться нечего! — заверил я, настороженно окидывая взглядом растрескавшиеся камни ступенек крыльца. — Представь себе, что мы три мушкетера в конце третьей серии. Помнишь, они под обстрелом в крепости обедали? Сколько у нас мушкетов? — стараясь походить на гордого Атоса, выкрикнул я.

— Один! — веселая на глазах, провозгласил мой соратник.

— А сколько у нас шпаг? — Я покосился на преображенное мачете Вадима и свою палицу. — Будем считать, что условно две. Однако гугенотов пока не видно.

— Ви-идно-о-о... — ехидно ответило невесть отчего проснувшееся эхо и завыло дуэтом с новым порывом ветра: — О-у-о-уо...

— Знаешь, что я тебе скажу? — Окончательно взявшись за руки Вадим хмуро покосился в ту сторону, откуда доносились внештатные звуки. — Что бы там дальше ни было, мы уже в натуре здесь. Духи там, черти, хрен с бугра... Вылезут — разберемся. Пошли в дом! Там хавчик оставался, а я еще с полудня жрать хочу!

— О! — Я спрыгнул наземь и стал подниматься к распахнутой двери донжона. — Слыши речь не мальчика, но мужа!

— Оу! Оу! Оу! — одна за другой застонали ступени так, будто я шел по чым-то рукам.

— Да, с озвучкой у них явный перебор! — брезгливо морщась, прошел я, толкая дверь.

С не меньшим успехом я бы мог толкнуть стену рядом с ней.

— Проклятие! — Я в сердцах пнул сапогом рассохшиеся доски.

— За что?! — надсадно взывала древесина.

— Задолбала! Открывайся, на фиг!

— Ну, если вы настаиваете! — сплевывая на холодный камень лестничной площадки три ржавые заклепки из тех, что крепили ко-

ванные полосы к деревянной поверхности, прощедила дверь. — Хотя лучше бы не ходить!

— Я настаиваю! — Последние крохи моего терпения ушли на корм окрестным голубям. — Всякое полено будет меня учить, что делать и чего не делать!

Раздался скрип, точно кто-то пытался распилить тупым лобзиком оконное стекло, и дверь медленно открыла проход в затхлое чрево башни. Правду говоря, оно и в прежние времена не отличалось ма-ниящим уютом, сейчас же казалось, что стены дышат, мучимые приступом астмы, и вот-вот начнут заходиться в кашле.

— Клин! — медленно поднимаясь вслед за мной, промолвил мотутный витязь. — Я тут так чисто прикинул, мы здесь уже до хренища ошиваемся. Пошли обратно! Если что, скажем, в натуре, что соскучились.

— Утром соскучимся, — упрямо наклонив голову, заявил я. — Но если невтерпеж, можешь возвращаться. Насильно никого не держу!

— Да ладно, я ж не за себя! — тоскливо махнул рукой Ратников. — Я ж типа как лучше хочу. Здесь так здесь. Пошли, хоть нажремся по такому поводу!

Хорошо ли, плохо ли, но время двигалось вперед. Ночной обходчик, устало вздыхая и кутаясь в поточенный звездной молью плащ, тащил вокруг планеты свой пыльный фонарь, и далекая стая, глядя на него с неизъяснимой тоской, уныло тянула песню о той первой ночи, когда черные волки явились в этот мир из тонкой царапины горизонта.

Провиант и вино, возвращенное крестьянами после наезда «правительственной комиссии», с избытком утолили голод и жажду страждущих. Кубок опять был полон, а вокруг громоздилась батарея пустых бутылок. Испытанный дедовский метод! Благодушное спокойствие и даже какое-то веселье овладело нами после недавних страхов. Тотчас же некто, стучавший снаружи в окно верхнего этажа донжона, был разжалован в ночную бабочку, а пламя, строившее гнусные рожи в очаге, списано на плохую вытяжку.

— Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, — орал благим матом Вадюня, потрясая столь неожиданным сообщением притаившуюся нечисть. — Некислый на все сто! — Его слабомузыкальный рев, умноженный акустическими возможностями высоких сводов, привольно разносился по замку и, вполне возможно, за его пределами. Но вдруг очередная рулада прервалась на полузвуке, и, ошарашенно поглядев на меня, он выдохнул, переходя на шепот: — Кто-то идет.

Это было чистейшей правдой. Куда как чище, чем та бурда, которую мы пили этой ночью. Доносившиеся с лестницы шаги были настолько тяжелы и гулки, что невольно казалось, будто неизвестный ходок силился вбить эту башню в землю, точно гвоздь, по самую шляпку.

— Не бойся, — отвлекаясь от вновь опустевшего кубка и примевшись к своей условной шпаге, заверил я. — Это, наверное, Каменный Гость. Он шел на ужин к донне Анне, но, наверное, сбылся с дороги. Если ты... Если мы — не Дон Жуан, нам ничего не угрожает. Дорогу уточнит и дальше пойдет.

— В натуре? — подозрительно уточнил Вадим.

— Чисто конкретно, — кивнул я.

На последнем слоге моего заявления грохот стих.

— А чем это воняет? — поинтересовался было Ратников, но тут дверь рухнула, а вместе с ней, как мне показалось, выпала изрядная часть стены. Выяснить, так ли это, возможности не было.

— Сфинкс! — надсадно заорали мы с Вадимом в один голос. — Сфинкс!!!

Глава 20

Сказ о деле чести и всякой нечисти

Огромная, колоссальная морда Сфинкса вставилась в образовавшийся проем и мрачно повела глазами из стороны в сторону.

— Привет! — почти не размыкая губ, прогрохотало чудовище. Но судя по тем фрагментам зубов, которые мне все же удалось заметить, их вполне можно было использовать вместо забора сельского домика.

«Это не Сфинкс! — тщетно убеждал себя я, не желая мириться с очевидным. — Не сфинкс и все тут. Сфинкс сюда не поместится. Он огромный... У него тело длиннее этой башни».

— Отчего слова не речете? — должно быть, оскорбившись нашим молчанием, выдохнула жуткая помесь льва и человека. — Не почитаете??

Мы с Вадуней, замерев, глядели, как в неверном свете факелов обнажаются и исчезают во тьме ужасной пасти штакетины отроду не чищенных зубов.

— А то б молвили что напоследок. — Монстр добродушно вздохнул, отчего ставни, прикрывавшие окна, сорвавшись с петель, умчались в неведомую даль. Возможно, в теплые страны. — Страсть как люблю словечки предсмертные на досуге вспоминать. Иноде такое бают — хохочу, за бока держусь!

Наше молчание было сродни геройству подпольщиков, из-за языкового барьера не понимающих, о чем их спрашивает проклятый буржуйн.

— Ну, нет так нет! Тогда я вас сейчас жрать буду.

— А-а-а! — При слове «жрать» Вадюня, ни в коем случае не желающий примерить эту процедуру к своей персоне, оттаял и завопил во все горло: — Получи, фашист, гранату!

Это был обманный маневр: гранаты у Вадима не было. Зато его прославленное копье, воспетый придворными менестрелями и прочими бардами «мосберг», заработал во всю свою мощь, сопровождая каждый картечный залп грохотом, устроенным раскатистым эхом:

— Ha! Ha! Ha!

Когда составители бестиариев смаковали, из каких разнородных частей составлено представшее нашим взорам чудовище, они, вероятно, не подозревали, что кроме туловища льва, крыльев орла и человеческой головы у него еще и язык хамелеона. Мне уже прежде доводилось видеть действие «волшебного копья» на аборигенов этого мира. Для многих оно было плачевным. Но то, что довелось узреть в этот миг, заставило остатки винных паров испариться сквозь ставшие дыбом волосы.

Хлюп! Хлюп! Хлюп! Длинный тонкий язык Сфинкса атакующей змеей выстреливал из пасти, сметая на лету смертоносные картечные заряды. Холодный щелчок, как звук гвоздя, вбивающий в гробовую доску, с мрачным равнодушием известил незадачливого охотника на сфинксов, что больше подкармливать прожорливую тварь нечем. Последний заряд свинца был сожран на лету.

Оторопевший Вадюня, отвесив челюсть, зачарованно глядел в глаза чудовищу, а оно, словно ожидая добавки лакомства, вопросительно смотрело на нас.

— Нешто все? — От звука его голоса могли, вероятно, пасть стены Иерихона. Уж каким чудом устояла наша башня — одному Нычке ведомо. — Пресновата закуска. — Он пожевал губами. — Да и жестковата, пожалуй. — Сфинкс вновь смерил нас взглядом, недвусмысленно прикидывая, кто из нас станет первым блюдом, а кто — вторым. — Ну что, голуби, страхом-то пропитались? Уж больно мне

любо, когда еда хорошо страхом пропитана. С ним мясцо-то куда как нежнее!

В проломе стены показалась четырехпалая лапа, и огромные когти заскребли по каменным плитам, оставляя в них глубокие борозды.

— Стоять! — леденея от ужаса, выпалил я, стараясь прокрутить в обратном направлении проносящуюся перед глазами жизнь. — А за-гадку!!!

В каком из пролетевших перед внутренним взором фрагменте всплыла история о том, что сфинкс обязан перед обедом загадать своему ходячему угощению загадку, черт его знает! Да и не это важно. Я вспомнил и саму эту хитрую головоломку, и ответ на нее. А главное то, что после верного ответа чудовище обязано было броситься головой вниз с ближайшей скалы, или с пирамиды, как это недавно утверждал Вадим.

— Зага-адку?! — Хранитель священных тайн давно отживших фараонов слегка помрачнел, и в голосе его послышалось раздражение: — К чему она вам? Что время-то тянуть? Мигом ли раньше, мигом позже... Я за то время лицезрением вашим не насыщусь.

— Нет уж, коль повелось, так уж давай! — беря себя в руки и предвкушая, как будет выглядеть морда озверевшего людоеда, когда он услышит правильный ответ, резко заявил я.

— Эк, заговорил-то! — Половина рта сфинкса искривилась, не то оскаливаясь, не то ухмыляясь. — Повелось — не повелось... У нас вот, к примеру, печати крушить не заведено. А вот, нате! Ну да ладно, загадку так загадку. Слушай сюда, мой сладкий ужин! Угадай-ка в момент, кого я сейчас кушать буду? — Чудовище самодовольно повело вокруг себя победительным взором. — Даю подсказку: ежели думаешь, что не вас, то ответ неверный. Я вас съем! А коли вдруг полагаешь, что вас, то ответ, может, и верен, и я, стало быть, вас есть не буду. Но ежели я есть вас не буду, то выходит, что снова ответ неверен. Так что уж, хошь не хошь, а все равно я вас сожру. — Он громогласно хихикнул и плотоядно облизнулся, не забывая почесать языком затылок.

— А-а-а! — Я отскочил назад, понимая, что последняя надежда гнусно развеяна мерзким обжорой и останавливать исполина больше нечем. — А вот хрен тебе!

Мы с Вадимом метнулись в сторону камина, намереваясь, быть может, попытаться уйти через дымоход, или же на крайний случай

рассчитывая найти средство последней защиты среди потрескивающих в очаге поленьев.

— А ну вернитесь! — рявкнуло чудище.

Вместо ответа я подхватил со стола пару пустых бутылей и с размаху, как учили когда-то в годы срочной службы, метнул их, стараясь попасть в огромный немигающий глаз. Стреловидный язык вновь вылетел из-за отточенных клыков, и пустые бутыли, вернее их осколки, со звономсыпались на пол.

— Там была влага!!! — Громовой рев сфинкса перешел в угрожающее шипение священной кобры. — Несчастный! Мне, пустынному жителю, ты подсунул пустую емкость из-под влаги? Я съем тебя два раза, нет, три! А потом затопчу в пыль то, что из этого выйдет!

Я живо представил себе нарисованную картину, но отчего-то смех застриял у меня где-то в районе поясницы.

— Ты! Негодная отрыжка песчаного варана! Выклеванное крокодилье яйцо! Выползень змеиный! — Вторая лапа сфинкса с грохотом появилась в разгромленном кабинете Соловья-разбойника, прощедливая очередную брешь в стене. — Я тебя не проглочу, я буду тебя жевать, пока в тебе останется хоть самая малая капелька влаги. — При этих словах он двинулся вперед и вдруг, резко потянув носом воздух... исчез. Вернее, не совсем исчез, а развалился на великое множество мерзких тварей, едва ли превышавших размерами Вадюнину ладонь, однако на редкость отвратительного вида и нрава.

— И-и-и! Ви-ви-ви! — надсадно визжали гнусные существа, приводя в движение все, что находилось внутри руины, круша на своем пути столы и табуреты, разнося в щепы шкафы и сундуки, карабкаясь по нашим телам, точно мартышки по баобабу, разрывая тело и одежду тонкими иглами когтей и щелкая перед лицом крохотными, но крайне неприятного вида пастьями.

— Вон! Вон пошли! — отчаявшись стряхнуть с себя копошащуюся массу, я рухнул на пол и начал кататься по нему, норовя передавить омерзительную живность.

Судя по грохоту, Вадюня последовал моему примеру. Однако это было ошибкой и, возможно, роковой. Оставив погром, ошметки сфинкса всем скопом бросились на поврежденные жертвы, точно пчелы на таз с вареньем. Я бы, может, сказал и хуже, но сил говорить уже не было. Последнее, что я увидел, теряя сознание, — яркая вспышка, обрисовывающая контур женской фигуры.

Сознание медленно, точно опасаясь новых потрясений, возвращалось ко мне, как возвращаются беженцы в разрушенное бомбеж-

кой жилище. Словно киномеханик, под свист и улюлюканье публики склеивший разорванную ленту фильма ужасов, мозг суетливо выдал на-гора изображение мелких, покрытых шерстью уродцев с длинными голенастыми ногами как у кузнечиков, когтистыми передними лапками и безумным взглядом оранжево-алых глаз. Исчадия горячечного бреда бесшумно скакали вокруг, точно на цыпочках, разевая навстречу мне оснащенные острейшими зубами пасти. Я взвыл и начал лихорадочно скрести пальцами землю, пытаясь высочкоть и, по возможности, броситься наутек.

«Стоп! Земля?! Откуда земля?» — грунт под моими пальцами легко поддался и я почувствовал, что сжимаю в кулаках пучки вырванной травы.

— Тише! Тише. Все уже почти хорошо, — послышался над головой успокаивающий голос Делли. Вернее, он был бы успокаивающим, если бы не звучал так встревоженно.

— Что это было? — жалобно простонал я, чувствуя себя разбитым и безнадежно несчастным, словно ребенок, объевшийся незрелых яблок в соседском саду и теперь прочно сжившийся с обстановкой деревянного строения работы неизвестного архитектора. — Где я?

— В замке, — развеивая возможные иллюзии, резко бросила фея.

— Эти уже ушли? — передернул плечами я.

— Не совсем. — Прозвучавшее сообщение выглядело по меньшей мере безрадостно, поэтому, отбрасывая прочь сладкую роль самого больного в мире Карлсона, я усилием воли открыл глаза и приподнялся на локтях.

Непроглядная тьма, висевшая над лесом, уже начинала сереть, и сквозь зыбкую реальность покачивающейся картины мира жесткими фактами пропадали: двор разбойниччьего замка, замершие в ожидании команд «ниссаны» и мы с Вадимом, лежащие в светлых кругах, очерченных фарами, вернее сказать, глазами наших чудесных скакунов. В центре еще одного такого же круга красовалась Делли. А за пределами ярко освещенных участков бесновались, прыгали, скакали, точно мелкие кенгуру на раскаленной сковороде, все те же мерзкие существа, которые чуть было не схарчили нас в башне.

— Кто это?! — мучительно подавляя в себе желание вернуть наружу все съеденное и выпитое нынче вечером, прохрипел я.

— Анчутки беспятые, — выкрикнула фея, формируя между ладонями светящийся шар и направляя его в гущу особо резвых представителей упомянутого семейства. — Ваше счастье, что в здешних

краях лишь два вида этой мрази водится! — Она вновь старательно принялась собирать в клубок магическую энергию.

— Как Вадим, очухался? — переводя разговор на другую тему, поинтересовался я, глядя на распластанную фигуру друга.

— Без сознания. Но жив! — Очередная вспышка заставила голенастых прыгунов отпрянуть от границ освещенных кругов. — Только расцарапан очень. Впрочем, как и ты.

Я попытался было подняться, но властный окрик феи вернул меня в прежнее состояние:

— Лежи смирно! Анчутки света боятся, в круг не сунутся. А чуть руку-ногу за край выставь, гроздьями виноградными на тебе повиснут.

— Что же теперь делать? — растерянно, по-детски спросил я:

— А и нечего тут делать, — глумливо усмехнулась Делли, разводя руками. — Рассвета дожидаться. Ну что, отобедали в крепости, как три мушкетера?

Я молча закрыл глаза, стыдясь признать свою нелепую самонадеянность и досадливо соображая, что порою сотрудница Волшебной Службы Охраны знает больше, чем говорит.

— Теперь, одинец, моли всех ведомых тебе богов, чтоб у Оринки до утренней зари травы хватило.

— Какой травы? — машинально включаясь на «протокольные» слова, поинтересовался я.

— Вестимо, какой, — вновь заставляя мерзких прыгунов броситься врассыпную, проговорила наша спасительница. — Конопли.

— Не понял? — Я резко открыл глаза, ощущая, как кровь приливает к голове.

— Говорю же тебе, в этом краю два вида анчуток обитают. Дикушники — вон они вокруг сигают, точно ужаленные. И конопельники. Что одни, что другие — Солнцелик обереги! А уж коли вместе соберутся, так вам отныне лучше ведомо, что бывает. — Пущенная феей волна смела анчуток и отбросила к стене крепостной башни, точно осенний ветер опавшие листья. Однако, в отличие от жухлой листвы, мерзкие твари стремглав бросились на прежние боевые позиции, норовя поближе подобраться к освещенному кругу. — Экие мрази неумные! Одно слово — дикушники. Ведь с виду-то невеличка, а коли разом навалятся — и слону не устоять.

— А где Оринка-то? — вновь задал вопрос я.

— Коноплю палит, — без тени улыбки сообщила фея.

— Что?!

— Коноплю палит, — повторила Делли. — Говорю же тебе, Виктор! Те, вторые анчутки, что здесь попервах были, конопельниками зовутся. У них всегда гнездовище в зарослях конопли. Росточком эти твари поменьше дикушников будут, и лютости в них такой нет. Но зато как возьмутся морок на встречных-поперечных наводить, так ни зверю, ни человеку, да что человеку, и чародею иной раз не устоять.

— Так, выходит, никакого Сфинкса не было? — с надеждой спросил я.

— Да уж откуда ему здесь взяться-то?! Не иначе, как из ваших же голов! Поморочь у вас на глазах была. Но когда б Оринка дурман-траву не подожгла, вы б совсем с ума сбрендили. А уж к утру, поди, и костей ваших не съскать было. Так что, спасибо ей скажите за жизни убереженные. Не учуяли бы конопельники, что угодья их в огне, не сносить бы вам головушки буйные.

— Да уж, спасибо! Эк она быстро сориентировалась!

— Скажешь! — ухмыльнулась фея. — Вы еще в воротах стояли, а девчонка уже за травой отправилась.

— Так что ж это получается, выходит, и она знала, что нас в замке ожидает?! — Я вскинулся, опять пытаясь встать.

— Да лежи ты спокойно! — прикрикнула чародейка. — Знала — не знала! Тебе что ни скажи, ты бы все равно ей не поверил. А ежели кудесница знала, да не сказала, видать, на роду вам написано с анчутками повстречаться.

— М-м... — Из круга, где под светом фар загорал Вадим Ратников, донесся звук, которым, должно быть, числившийся в школьной программе Герасим приветствовал любимую собачонку. — М-м-м... — Глаза исполняющего обязанности государя приоткрылись, точно смотровые щели в броне БТРа. — Во бли-ин... Вот это мы конкретно нажрались! О-о-о! Черти еще прыгают... — Он снова закрыл глаза, поняв бесперспективность надежд на скорое прояснение в мозгах.

В этот миг первая пичуга, вероятно, разбуженная безрадостной речью могутного витязя, робко чвиркнула, сообщая всему лесу и окрестностям о предчувствии рассвета.

— Что уж теперь говорить, — вздохнула Делли, когда мы проезжали под аркой ворот. — Замок вы наверняка погубили. Анчутки — твари въедливые! Ежели привяжутся к месту, то их ни заговором, ни полымем не отвадить. Чуть темень, они уж тут как тут будут.

Я невзначай кинул взгляд на створку ворот со все еще болтающимся обрывком шнура с вислой печатью.

— Ваше счастье, — заметив направление моего взгляда, горько усмехнулась фея, — что сургуч ломать не стали. А то бы еще пуще стряслось, чем ныне стало.

Я тяжело вздохнул, понимая справедливость упрека.

— А вы тоже, феи да кудесницы, не могли понятно объяснить, что и почему.

— А понятно об том никому не ведомо, — покачала головой умудренная предвечными знаниями спутница. — Всяко случиться может. Не анчутки, так другая нечисть пожаловала бы. Кто божью защиту порушит, над тем ее и не будет. Это здесь всякий сзызмальства знает.

— И что, это навсегда... — Я с ужасом вспомнил перипетии сегодняшней ночи, и мне очень захотелось, чтобы Нычка-Солнцелик, или уж кто здесь, на местных небесах, занимается вопросами безопасности, не затаил на меня обиды.

— Кто знает? — Чародейка устало пожала плечами. — Может статья, что ежели верным путем идем, то и не навсегда. А может, и по-иному как.

— Не, ну круто! — пробасил за ее спиной Вадим, все еще до конца не оклемавшийся после ночного кошмара. — И че теперь будет?

— Не ведаю, — призналась фея. — Может статья, други мои верные, что и впрямь след вам в обратный путь пуститься. Как люди говорят, подобру-поздорову.

— Клин, — в голосе Ратникова слышались просительные интонации, — может, действительно... Типа, ну его к этим, как их, анчуткам! В жизни всяко бывает! Когда — мы, когда — нас. Ну, мы же конкретно рубились, без дураков!

— С дураками, — процедил я. — Вадик, слушай меня внимательно и постарайся вникнуть. Мне уже по барабану, есть в этой стране король или нет. Более того, насколько я успел заметить, кроме тех, кто собирается сесть на престол и кучки их лизоблюдов, это вообще всем по барабану. Если местное население такой расклад устраивает, почему меня он должен допекать?

Но! Дело мы уже начали, накопали кучу разного материала, с которым не ясно, что делать. Наловили шелупони полный невод и навредили всем местным крутым, до кого только смогли дотянуться. Только из-за нашего расследования неплохой, в сущности, парень, Финнэст, смотрит на мир пустыми глазами и ищет мышь. А замеча-

тельная девушка Оринка, которая сегодня ночью спасла жизнь и тебе, и мне, вообще бросила дом, семью и хозяйство и поперлась хрен его знает куда. Сам знаешь, что из этого вышло. Так что теперь для нас распутать этот чертов клубок — дело чести. Иначе я себя просто уважать не смогу. Понимаешь?

— Да я ж типа ничего, — попытался вставить сконфуженный Ратников.

— Вадим, — продолжал настаивать я, несмотря на полное отсутствие сопротивления со стороны друга. — Если ты видишь хоть один веский довод... Повторяю, веский, чтобы нам свернуть свою работу, назови мне его сейчас или молчи. Я лично таких доводов не вижу. А то, что я облажался, как последний дурак... Что ж, впредь буду умнее.

— Должна тебе заметить, Виктор, — стараясь утихомирить приступ самобичевания, увещевая, заговорила мудрая фея, — что Оринка не токмо по своей воле поднялась да пошла. Она ж, поди, не селянка какая, а кудесница. Видение ей было...

— Стоп! — Я затормозил «ниссан». — Видение... Действительно видение! Она, я помню, наблюдала какие-то вроде картины в лесу у деда Пихто. Возможно, и о событиях этой ночи она знала заранее. Не зря же мы еще во двор не вошли, а она уже на поиски конопли отправилась! Ни тьмы, ни дикого зверя не побоялась.

— Ну, дикий зверь ее, положим, не тронет. Да и ко тьме лесной она привычна, — медленно проговорила фея. — А вот что ей ведомо было, каким вы нынче козлом скакать будете, может, и верно.

Я поморщился, услышав нелестное сравнение, отпущенное Делли, но продолжил, чеканя каждое слово:

— В таком случае я очень хочу знать, что еще видела Орина в своем волшебном чане. Мы исполнили все условия, взяли ее с собой и, кажется, больше нет резона скрывать от нас информацию, имеющую прямое или косвенное отношение к расследуемому делу.

— Что ты на меня-то оком грозным сверкаешь? — Чаровница дала шпоры коню. — Как вернется, у нее и спроси.

Лужайка по ту сторону замкового рва все еще напоминала ночевку очень бедного цыганского табора. Единственная кибитка, правда, едва ли не доверху забитая хвостнями, красовалась посреди лагеря. Вокруг нее своеобразной продуваемой всеми ветрами стеной распологались собранные из плащей импровизированные палатки. Чуть поодаль бродили стреноженные кони, деловито щипая траву и, по-

хоже, не обращая внимания на резво скачущего между палатками и выпасом юного грифона.

Завидев нас, он со всех ног бросился навстречу, курлыча и хлопая крыльями. Потревоженный этим шумом часовой, дремавший у костра, поспешил вскочил, салютуя чудом выжившему начальству.

— Дозвольте вам доложить, за время ночного дозора никакой беды или иной напасти в лагере не стряслось! — звучно отрапортовал он, пожиная глазами командиров. Хотя что-то в его взгляде говорило, что хороший кусок прожаренного мяса он бы пожирал с куда большшим удовольствием.

— Вольно, боец! — Лицо Вадюни расплылось в улыбке. — Служи по уставу, завоюешь честь и славу!

— Где Орина, свет Радиоловна? — перебил я друга, желавшего, по видимости, ознакомить караульного с прочими азами военной мудрости, украшавшими в недавнем прошлом стены Вадюниной казармы.

— Так ведь... — замялся стольник, — не могу знать. Вечор как ушла, так доселе и не вернулась.

— Что? — Я напрягся, лихорадочно прокручивая в голове варианты, когда юной кудеснице вдруг не хватает заготовленной для сожжения конопли. — А ну, всем подъем! Сорок пять секунд, выходи строиться!

— По-одъем! Подъе-ом! — заорал дневальный, распугивая дичь на пару верст в округе.

— Ну что ты, Виктор. — Делли положила руку мне на плечо. — Не горячись. Может, ничего ужасного еще и не стряслось. Пешком же идет! Или же поутру с устатку сон ее сморил. Девонька-то молода-молодешенька, силы полной в ней и на треть нет. — Она хотела добавить еще что-то, но тут украшенный гирляндой из волчьей плети Проглот насторожился, поднял длинные уши и угрожающе щелкнул клювом.

Из леса послышалось ржание, и пасущиеся у кромки рва кони, подняв морды, лениво ответили невидимому за деревьями сородичу.

— О, в натуре вот, кажись, и Оринка, — облегченно вздохнул Вадим.

— Ну уж нет. — Я посмотрел на изготовленного к прыжку грифона. Хвост его методично хлопал по земле, взбивая коктейль из пыли и сухих листьев. — Похоже, не она.

Глава 21

Сказ о том, что охота пуще неволи, особенно если это охота на тебя

Лес, окружавший замок, все еще хранил молчание, хотя встревоженные сороки вовсю стрекотали, комментируя происходящее в недоступной нашему взору чаще. Увы, мне не дано было понять их язык. Но, без сомнения, на одинокую девушку эти бойкие стрекотухи так бы не реагировали.

Наше волнение передалось и страже. Построенные на импровизированном плацу вояки начали тревожно озираться вокруг, выискивая притаившуюся опасность.

— Может, дозор по тропе выслать? — понижая голос до шепота, спросил Вавила Несусветович. — А то не ровен час лиходей какие за богатой добычей явятся.

— Оно бы стоило, — кивнул я. — Отряди трех человек.

Но действительность, как это в обычай у действительности, опередила самонадеянные людские планы. В просвете листвы блеснула златом и каменьями драгоценная конская сбруя, и на поляну неспешным парадным, едва ли не цирковым шагом выступил красавец скакун цвета отливающего серебром воронова крыла. В седле высыпался статный мужчина, которого, судя по доспеху и оружию, пожалуй, стоило бы именовать витязем, когда б не взгляд, холодный и жестокий, какой бывает у наемных убийц, а не у людей чести.

— Сколько самомнения! — пробормотал я под нос, настороженно глядя, с какой издевательской иронией, не сводя с нас пристального взгляда, склоняет неизвестный всадник крупную голову.

— Чуть свет, а вы уж на ногах, голуби мои! — гулко произнес он, неспешно постукивая по высокому голенищу сапога крученою плетью. — Ну, может, оно и к лучшему.

Никогда прежде мне не доводилось видеть самодовольное лицо этого человека. Весь его облик свидетельствовал о грубой звериной силе, и воля его, казалось, была того же порядка, бездумная и свирепая.

Никогда еще ни нужда, ни случай не сводили нас так близко, но вот голос, звучащий ныне ревом тигра, осилившего крупную дичь, мне прежде слышать приходилось. Хотя и в сильно искаженном виде. Он звучал из-за непроницаемо черной глади трофеиного зеркала связи. Если отбросить версию о внезапной гастроли неведомого паро-

диста по лесным чащобам, перед нами был не кто иной, как таинственный наушник короля Барсиада, вознесенный мановением пера разбойный атаман Ян Кукуевич.

— Гляжу, мне тут не рады, — не меняя глумливого выражения лица, посетовал руководитель организованной преступной группировки. — А вот с чего бы это? Никого вроде еще и пальцем не тронул, а поди ж ты! Отчего морды воротите?

Его слова были встречены дружным молчанием. Мы с Вадимом, не отрываясь, созерцали еще одного претендента на субурбанный престол. А стражники уныло озирались вокруг, глядя, как из-за подлеска и окрестных деревьев, уже не таясь, выступают воины с натянутыми луками.

— Что ж, не желаете слова молвить, меня слушайте. Только копья да мечи наземь побросайте, а то как бы беда не случилась. — Наше крохотное войско продолжало молча стоять у моста, не повинуясь бандитскому приказу, но и не горя желанием бросаться на врага в поисках неминуемой погибели. — Я тут по зорьке ранней лесом еду, зрю — девчонка махонькая по тропке бредет. Дай-ка, думаю, провожу, коли уж все равно по пути. — Атаман неторопливо стянул с лопатообразной руки замшевую перчатку и щелкнул пальцами, словно подзывая гарсона.

Из леса выехали еще два всадника, меж которыми, спотыкаясь, брела Оринка. Руки ее длинными веревками были привязаны к седлам, и мрачного вида наездники, душегубы атаманской свиты, не сводили с нее глаз, должно быть, опасаясь проделок юной ведуньи.

— Клин, — задумчиво глядя на разворачивающуюся перед нами мрачную картину провала и разгрома, тихо произнес Вадим. Впрочем, как всегда, это ему удалось довольно плохо. — А в натуре, если я этому уроду ща из «мосберга» в лобешник загадаю?

Желание моего друга было естественным, а потому легко предсказуемым. Я покосился на лучников, держащих стрелы на тетивах, на ехидную усмешку королевского наушника, на стражников, готовых расстаться со штатным оружием скорее, чем с жизнью, на фею... На то место, где еще мгновение назад красовалась наша прекрасная Делли. Ни феи, ни ее волшебного скакуна не было и в помине!

— Вадик, есть две новости, — не разжимая зубов, проговорил я. — Одна плохая, другая вовсе отвратительная.

— Н-ну? — процедил И.О. государя, не сводя гипнотизирующего взгляда с Кукуева сына.

— Во-первых, патроны у тебя закончились еще в башне, перезарядить ружбайку ты не успеваешь. А во-вторых, Делли опять исчезла.

— Бляха муха! — Злой Бодун скривил вдрызг исцарапанное анчутками лицо, отчего оно приобрело вид маски, с помощью которой чукотские шаманы отгоняют злых духов.

— Что это вы, любезные, на меня шнифтами-то скрежещете? — заметив грифасу на физиономии Вадима, поинтересовался его перспективный конкурент. — Так и без них осться можно. Ну-ка, без глупостей! Я сказал — оружие на землю и три шага в сторону! Али очами своими глупыми не видите, что вам тут башку сложить, как голодной комарихе пискнуть? Покумекайте, стал бы я в такую даль волочься, когда б мне головы ваши понадобились? Неча дурить, парни, разговор есть! Серьеэный! — Он легко пришпорил коня, и тот вынес его к мосту, как говорится, в два прыжка. — Исполняющий обязанности государя, могутый витязь по прозванию Вадим Злой Бодун Ратников, ты, стало быть, будешь? Читал твою прелестную¹ грамотку, — оценивающе смерив взглядом моего напарника, усмехнулся Ян Кукуевич. — Хорош, нечего сказать! — Он повернул голову в мою сторону. — Ну, твой-то лик мне уже видеть доводилось. Теперь поближе знакомство сведем, — обнадежил меня всадник на антрацитовом коне, проехав мимо шеренги оробевших стражников. — А это, по всему видать, нерушимое войско государево?

— Ос-смелюсь доложить, — задыхаясь от собственной храбости, выдавил молчавший дотоле Несусветович, — что пред тобой, охальник, не вои безродные, а стольники достопочтенного Уряда Нежданных Дел. А что в страже ныне, так это — согласно личному повелению его преимущества, исполняющего обязанности государя нашего.

— Во как! — с деланным восхищением покачал головой королевский наушник, пряча усмешку. — Мздоимцы, выходит, вельмочтимые. Ну так вот, мздоимцы! Навострите уши, повторять не буду. Стольниками к себе я вас не возьму, уж не обессудьте, но десятскими в Елдинский гарнизон таких-то бравых парней отчего и не записать? А там, глядишь, верная служба наверх-то и вынесет. Времени для многомудрых дум вам не даю. На что мне десятские с мыслями, в Ирийских² садах блуждающими? Разом говорите, что вам милее: мертвый стольник или живой десятский?

¹ Прелестная — слово использовалось в значении «обольщающая».

² Ирий — в древнерусской мифологии — рай.

Я отвернулся и стал разглядывать рассохшиеся доски, служившие навесом для боевой галереи замка. Доносившиеся из шеренги разнобойные возгласы даже самый завзятый толкователь священных текстов не перевел бы иначе, как гимн верноподданническому чувству.

— Под тебя хотим, батюшка! С тобой, отец родной!

Давно ли столь же бурно и искренне встречали стражники урядного обоза весть о своем негаданном возвышении?!

— Ну, коли под меня хотите, там вам и быть! — щедро обнадежил переветников милостивый победитель.

— Веди нас, повелитель!

— А ты что же стоишь? — послышался насмешливый окрик бывшего атамана. — Страх, что ли, язык сковал, али с ушами плохо?

— Я так себе меркую, — разнесся над поляной негромкий, но твердый голос последнего из нежданнодельцев, — что лучше мне тутточки оставаться.

Упрямая нотка, сквозившая в его словах, звучала непривычно, но как-то очень естественно для человека, стоящего рядом с нами.

— Чья школа! — Звучный бас Ратникова был полон неподдельной гордости.

Я резко повернул голову. Там, где еще минуту назад была ровная шеренга переметных храбрецов, стоял один насупленный угрюмый Вавила Несусветович.

— Ишь ты! — мотнул головой Кукуев сын. — Что-то я нынче с утра не к добру милостив. К чему бы это? Смерти ищешь, дядька?! Ну, это дело у нас не затягивается! А вот об удавке такого не скажешь. — Он громко рассмеялся собственной шутке, и вся стая, правильно истолковав сигнал вожака, разразилась гавкающим хохотом, улюлюканьем и свистом.

— Да уж лучше так, честным урядником на суку, чем у тебя, мразь подколодная, в холуях!

Лицо Кукуевича стало медленно наливаться кровью. Ни цвет лица, ни взгляд не предвещали ничего хорошего. Когда бы я поспорил, что бывший разбойник-профи прокручивает в голове самые изощренные виды пыток и казней, прикидывая, в каком порядке применить их к непокорному, чтобы смерть в петле показалась тому желанным избавлением от мук, непременно бы выиграл. Вот только выигрыш, увы, получать было бы некому. Равнодушно смотреть, как разбойное шакалье измывается над верным нашим соратником, мы бы не смогли, а значит, наверняка бы ввязались в безнадежную, но

такую, черт возьми, желанную драку. А поскольку чудес не бывает, точнее, бывают, но как раз сейчас ждать их было неоткуда, то на этой полянке скорее всего кучку наших мелко нарубленных останков и закопают.

В миг, пока эта радужная картина крутилась перед моим внутренним взором, а Ян Кукуевич, багровея, сжимал пудовые кулаки, собираясь выдохнуть заветное «Взять его!», среди декораций надвигающейся трагедии появился еще один персонаж.

— Где моя мышь? — надсадно возопил Финнэст, вылезая из палатки. — Найдите мне мышь!

Неожиданное явление сбило разбушевавшегося злодея с шага, заставляя его невольно отпрянуть в сторону.

— Это еще кто таков?!

— Он блаженный! — выкрикнула Оринка, пытаясь разорвать путы. — Не троньте его!

— Кликуш мне здесь недоставало! — перенося гнев на новую жертву, окрысился разбойник. — А по одежке судя, так из Юшкиных гридней будет. Не тот ли, что засаду нашу порушил?

— Тот, тот! — послышалось из-за деревьев, где, должно быть, отсиживались недавние ватажники лихого батьки Соловья.

— Повесить его, — коротко отчеканил бандит, окончательно сбрасывая с себя скверно подогнанную маску вельможи.

Молящий взгляд Оринки перелетел через поляну к нам с Вадимом, сверля, будто зубоврачебный бур, и требуя помощи. Впрочем, мы и сами лихорадочно перебирали варианты спасения несчастного.

— Не стоило бы, — словно в пространство выразительно произнес я.

— Пугать меня вздумал?

Я равнодушно пожал плечами.

— Очень нужно! А только от живого-то гридня польза немалая, а от мертвого только воронью обед.

— Ну-ка, ну-ка? — Атаман поверотил коня, заинтересованно глядя на разумника. — В чем же ты пользу узрел?

— Вы же умный человек! Сами посудите, — заговорил я с ласковой настойчивостью, с какой, бывало, убеждал перепуганных свидетелей давать чистосердечные показания. — Как вы абсолютно верно заметили, Финнэст состоит в свите Юшки-каана. Вернее, состоял до недавнего времени. Пока каану не вздумалось испытать на преданном, сильном и здоровом гридне новое мурлюкское оружие, ко-

торое, извольте видеть, лишает человека разума. При этом мозг его не поврежден, он просто живет в другом мире, где всем доволен и где ему, вероятно, зачем-то нужна мышь. Он, должно быть, даже не заметит, если вы его повесите.

— Во как? — заинтересованно повторил королевский наушник. — Занятно.

— Не то слово, — согласился я. — Ведь ежели каан на ближних да верных испытывает такое оружие массового поражения, то уж со всем остальным населением Субурбании он и вовсе церемониться не станет.

— Пожалуй, что и так. — Атаман заговорщики усмехнулся. — Ежели прочим верным воочию показать, какову их добрый хозяин им цену полагает, навряд у него впредь сторонники отыщутся. Ай да одинец! Сообразительный, шельма! Ну что ж, будь по-твоему. Этих, — он кивнул на Финнэста и урядника, — я не казню. И девчонку, коль поклянется страшно, что ведовать да хворь насылать не станет, развязжу. Что же касательно вас, то вот, как Нычка светел, говорю: ежели обо всем полюбовно договоримся, то в обиде не останетесь.

«Героями не рождаются», — гласит старинная пословица. Но, как добавлял наш замначальника следственного управления: «Героями умирают». Что и говорить, подобный финал — вполне достойный повод для вдохновенных исполнителей баллад, но складывать головы посреди чужого леса в чужих землях чуждого мира — есть в этом что-то неправильное. Да и делу, которое я так недавно окрестил «делом чести», геройское сложение головы ничем не поспособствует.

Такие мысли крутились у меня в голове, когда, смирившись с немилосердной реальностью, я лихорадочно просчитывал варианты наших действий в этой сложившейся, как карточный домик, ситуации.

«Кукуевич считает, что он победил. Хорошо, пусть себе пока считает. Если мы останемся живы, такой образ мыслей даже к лучшему. От чего зависит, будем мы живы или нет? От того, насколько мы ему окажемся нужны. Ну, с Вадимом все более или менее понятно. Мало того, что он формально старший из присутствующих ныне в Субурбании мздоимцев, он еще де-юре глава Союза Кланов «За Соборную Субурбанию». То есть по политическому весу номинально равен Юшке-каану. Подчинив Вадюнью, Кукуевич убивает одним залпом Трех зайцев. Первый: убирает с дороги возможного конкурента; второй: заручается поддержкой могущественного, особенно в левобе-

режных землях, Союза Кланов; и третье, вернее, третий заяц — если в народном сознании Ян Кукуевич будет стоять над главой Союза Кланов, то и глава конкурирующего Союза будет восприниматься фигурой нижестоящей. Ну да бог с ними, с ушастыми! Лишь бы Вадим жив остался.

Для чего могу пригодиться Кукуеву сыну я? Ну, в качестве заложника, при помощи которого можно шантажировать Вадюню, это ясно. Но сейчас таких заложников, кроме меня, еще трое. В наших интересах сократить число веревочек, за которые можно дергать невольных марионеток, до минимума. Значит, необходимо, чтобы претендент на вакантный трон нуждался в каждом из нас лично. Для чего может пригодиться одинец-следознавец криминальному авторитету? Дурацкий вопрос! Для того, чтобы свалить другого такого же криминального авторитета! Как в нашем мире, так и в этом — разница невелика. А значит, прости, вельможтимый Юшкә-каан, — «была без радости любовь, разлука будет без печали!».

Между тем вывалившие из леса представители вооруженного электората Яна Кукуевича обступили нас плотной массой, разглядывая, тыкая пальцами и во всю прыть обсуждая «охотничью добычу». Не обращая внимания на разухабистый сброд, затянутый в драгоценное кафтанье, предводитель разбойного люда неспешным шагом въезжал в распахнутые ворота, как гордый триумфатор в капитулировавшую цитадель.

— Этих — в башню! — вспомнив о нашем существовании, лениво бросил он через плечо, и слова его, ударившись о каменный свод арки, прозвучали грозно, точно приговор.

— Клин, — успевая ткнуть сапогом в чью-то слишком прилизившуюся любопытную морду, склонился ко мне Ратников, — а по жизни, ночевать-то здесь нельзя.

Лицо моего друга было бледно, и эта бледность была заметна даже под бесчисленными царапинами, оставшимися от когтей и зубов анчуток.

— А то не ясно, — хмуро ответил я, и лицо мое в этот момент, должно быть, являло сходную картину. — Стало быть, выбираться отсюда будем до заката.

Признаться, я небольшой знаток подземелий, но, вероятно, все они хуже обычных камер предварительного заключения, с которыми мне приходилось иметь дело. А уж в башне, арендованной Соловьевом-разбойником, и подавно. Однако, желая продемонстрировать

нам свою добрую волю, королевский наушник оставил это средство вразумления для иного случая и поселил почетных заложников в большой зале второго этажа, где до недавнего времени весело пировали борцы с безопасностью дорожного движения, а вслед за ними — наши стольники. Теперь они вместе с остальными представителями незаконного вооруженного формирования жгли костры во дворе замка, а мы, запертые в башне под крепкой сторожей, сидели вокруг стола, пытаясь, пока есть время, оценить обстановку.

Впрочем, если быть точным, каждый занимался своим делом. Оринка спешно готовила неведомое густо пахнущее зелье, призванное заживить наши раны. Финнэст, уронив тяжелую голову на руки, невнятно бормотал что-то о жизни мышей. Чудом спасшийся Вавиля Несусветович, должно быть, принял мою задумчивость за безысходную тоску побежденного, чтобы хоть как-то взбодрить друзей, рассказывал смешные байки из собственной, полной треволнений, жизни.

Что мудрить, после недавней сцены на поляне и я, и Вадим обязаны были числить этого честного служаку среди друзей.

— ... Так вот, стоим мы в ту ночь в карауле с пустыми возами. Те, кто помоложе, уже роптать начали: «С чего бы, спрашивается, мы за полтыши верст в эту бухту Барахты порожняком тянулись? Чтоб у самой кромки Синя-моря возы караулить?» Ну, старшак-то им лишнего слова не молвил, токмо цыкал да кулачиной грозил. Мол, умишком не вышли в государевы дела вникать. Коли, мол, сказано будет, и чих рыбий сторожить придется. А пред самой зорькой, глядь на море, а над волнами корабль на всех парусах мчится. И ведь что странно-то: поутру ветер с берега в море дует, а тут немалая посудина, как по ниточке, на раздутых парусах к берегу идет. Так, будто для нее какой иной ветер есть.

Ну, старшак вмиг всех построил и наказал на сто шагов разойтись да целью стать спиной к морю, чтоб, Нычка не приведи, кто чужой то, что здесь деется, не узрел. А меня, значит, при себе оставил, на манер вестового. И тут, экое диво, море вспутилось, а из него один за другим — витязи. Да не один, не два, а, пожалуй, поболе трех десятков. И хоть в нашей страже народ отборный был, но мы им не чета. Ростом каждый под две сажени да в плечах сажень. И что по воде, что под водою, идут себе, как по проезжему тракту. Одно слово — пешая морская рать!

— Да, — отвлекаясь от своих мыслей, кивнул я. — Фуцик уже рассказывал.

— Ну, так вот. Пристал тот корабль, а витязи и давай с него мешки да короба таскать и на телеги, что мы охраняли, складывать. А я стою, дивлюсь, и гложет меня интерес: какое оно, на косе старого Тузла, житье-бытье?

— Что? — переспросил я, отбрасывая в сторону мрачные мысли.

— Да я уже сказывала, — перебила толмача Оринка. — В незапамятные времена жил в этих краях чародей Тузл, вся сила его таилась в длинной косе, которую он сызмальства не состригал. А потом промеж ним и одним славным витязем знатная сеча приключилась. И в той сече витязь ему косу-то и отчекрыжил. Вот она островом средь моря и обернулась. Жаль только, имя витязя молва не сохранила.

— Постой. — Я потряс головой. — Это все замечательно, у нас в похожей ситуации одному подобному деятелю бороду отрубили. Но при чем здесь чья-то коса к пешей морской рати? Насколько я понял из речей Фуцика, это гвардейское подразделение приписано к острову Алатырь, или же по-грусски — Буян.

— Ну, вестимо, так, — закивал Вавила. — Токмо, по сути своей, остров сей как ни именуй, а все равно он из чародейской косы вырос.

— То есть ты хочешь сказать, что Алатырь, Буян и коса Тузла — одно и то же?

— Так я о том еще вчера говорить пытался, — ошарашенный моим напором, начал оправдываться глава Уряда Нежданных Дел. — И не единожды.

— Господи, какой я осел! — Я судорожно приложил руку ко лбу, точно намереваясь измерить температуру. — Разгадка проста, как все гениальное!

Удивленная приступом моей трогательной самокритики, Оринка даже перестала стучать пестиком в крохотной ступке, которую всегда носила в суме.

— Я-то думал, мурлюки на Алатыре флот поставить хотят, чтобы при случае Груси под дых двинуть...

В этот момент в дверном замке заскрежетал ключ, умеряя радостные возгласы и напоминая о странностях слуха у окрестных стен. Дверь отворилась со скрипом, и, гордо расправив плечи, довольный собой, вошел Вадим Ратников. Пара сторожей, должно быть, наслышанных о его буйном нраве, с опаской держалась позади и с облегчением покинула залу, ёдва лишь несостоявшийся И.О. государя переступил порог импровизированной камеры.

— Гадом буду! — с места в карьер пообещал Злой Бодун. — Я ему ничего не сказал!

— А что он спрашивал? — переключаясь с высоких эмпиреев следствия на дела насущные, поинтересовался я.

— Да так, ничего, — теряя первоначальный задор, пожал плечами Вадюня. — В натуре ничего. Тулил мне, что мы типа корефаны, что я с ним нереально поднимусь...

— И чего хотел?

— Ну-у, помнишь, ты листовку настрочил, что Барсиад конкретно через меня руку на пульсе держит?

— Было дело, — кивнул я.

— Вот он и говорит, надо типа свистануть, что король по жизни такого насмотрелся, что ему полные вилы настали. И он со всем кодлом решил откинуться, ну, по типу в монастырь. А Кукуевича, прикинь, основным сделать.

— То есть он хочет, чтобы ты объявил недавнего разбойника за-конным преемником короля Барсиада.

— Ну а я ж типа че сказал? — Ратников удивленно пожал плечами, не совсем понимая, зачем я повторяю его и без того кристально ясную речь.

— И что ты ответил на столь лестное предложение?

— Ничего, — озадаченно глядя на меня, повторил могутный витязь.

— Не слишком умно, — вздохнул я, — но для первого раза сойдет. Сделай вид, что думаешь. В конце концов, ты сам без пяти минут государь, тебе не к лицу на первом допросе колоться. Пусть считает, что ты набиваешь цену.

Я хотел было растолковать Вадиму тактику нашего поведения, позволяющую сыграть с максимальной выгодой, но тут вновь заскрипели дверные петли, и появившийся в дверном проеме стражник молча кивнул мне, командуя на выход.

Комната Соловья-разбойника, в которой мы провели последнюю ночь, уже была приведена в максимально возможный порядок. От проломов в стенах были убраны осколки камня, разбитая в щепы мебель горела в кострах, отчего помещение казалось неожиданно просторным. Ян Кукуевич стоял у окна, вдыхая ту малую толику свежего воздуха, которая тонкой струйкой втекала в затхлый кабинет.

— Твой друг не очень-то разговорчив, господин одинец, — едва поворачиваясь ко мне, бросил атаман.

— Он еще не свыкся с мыслью видеть в вас союзника, — бесстыдно кривя душой, объяснил я.

— А ты, получается, свыкся? — на лету поймав мою подачу, парировал Ян.

— Я человек реальных взглядов. Мне до престолов дела нет. Сами знаете, одицы-следознавцы в государевы дела не лезут. Мое дело — душегубов ловить да злоумышления предупреждать.

— Ой ли? — усмехнулся мой настороженный оппонент. — Что ж вы, господин одинец, близ И.О. государя очутились?

— Как же иначе? — Я удивленно поднял брови, недоумевая, что вообще значит такой нелепый вопрос. — Вадим, конечно, мне друг, не без того. Но ведь и то правда, что выше него государевых мздоимцев в Субурбании не нашлось. Мой же удел — разузнать, какой не-друг против государя злоумыслил.

— Уж не меня ли таковым числишь? — Мне показалось, что в ухмылке Яна Кукуевича холодно блеснули волчья клыки.

— Было дело, — честно сознался я. — Подозревал. Но это в прошлом. Сейчас у меня есть проверенная информация, что преступление это Юшка-каан с мурлюкским Генеральным Майором измыслили.

— Да ну?! — В голосе вчерашнего разбойника слышался неподдельный интерес. — Неужто? И что же, доказать это берешься?

— В застенках сидючи, мало что докажешь! А только мне о том доподлинно известно. Своими ушами беседу Юшки с мурлюкским лазутчиком слышал. Если их план осуществится, то каан либо всю Субурбанию под себя подомнет, либо западный берег от Гуралии до Непрухи. А мурлюки весь этот кус своими огородами считать будут.

— Ишь ты, падаль навозная! — жестко блеснув глазами, процедил атаман. — С потрохами запродался! Ну, да то дело зряшное. — Он усмехнулся. — Вчерась в обед, сказывают, сгинул каан в дыму и пламени.

— Ну, молва и не такое сочинит, — поспешил я огорчить Кукуева сына. — Было дело вчера, взлетел на воздух гостевой терем в Заповедном лесу. Да только Юшки там не было.

— Доподлинно ли то ведомо? — насторожился злодей, явно имеющий отношение к загадочному взрыву в королевском заказнике.

— Да уж, не извольте сомневаться! Вадим самолично его с кулака приголубил. Так что, когда в терему все рвалось и полыхало, нарочитый муж в лесу валежником лежал.

— Во-о как, — протянул юнглый узурпатор, с досадой сжимая кулак. — Экая незадача выходит! Ладно, ступай покуда. Я велел для вас еды приготовить. Так что отобедайте, а после еще поговорим.

Он хлопнул в ладони, призывая стражу.

Весь путь до места временного пребывания я размышлял о том, что время уже катится к полудню, не успеешь оглянуться, закат наступит. Уж не знаю, как там разбойный атаман с его приспешниками, но мы с Вадимом новой встречи с анчутками не жаждали.

— Лицом к стене! — прикрикнул караульный, когда мы очутились у двери, и, оставив меня под надзором своего товарища, начал отпирать замок.

— Да не мог я обознаться! — послышалась из-за стены чья-то возмущенная фраза. — Вот как сейчас вижу, в двух шагах от меня вы на коне промчались!

— Что за нежданная встреча? — Я в недоумении поднял брови и шагнул в залу.

Говоривший сидел спиной к двери, но его заискивающий голос я бы узнал и в кромешной тьме.

— Фуцик?!

Глава 22

Сказ о ветре перемен

Пылкий монолог горе-чародея стих, и он, словно вихрем сорванный с длинной лавки, отскочил в угол, точно надеясь отыскать там защиты.

— Не губите, господин одинец! Не своим умыслом от вас убег! Дю Ремар, змеиный язык, попутал!

Я едва скрыл злорадную усмешку. Да и чему, собственно говоря, было улыбаться? И незадачливый беглец Фуцик, и мы с нашими хитрыми планами теперь находились в одинаковом положении и под одним замком.

— А что ж ты вернулся? — Я занял свое место у стола. — Неужто совесть заела?

— Э-эх! — Чародей-недоучка обреченно махнул рукой. — Не иначе как совесть. Я-то доподлинно о ней немного что ведаю, но, сами посудите, ваше предпочтение, с чего бы вдруг иначе вечер впилась в

меня туга-печаль, да такая, хоть волком вой, хоть в домовину ложись. Гляжу на небосвод, как солнышко за рекой хоронится, а у самого ноги к этим местам так и шагают. Я уж и плакал, и путами их вязал, все едино! Идти не могу — ползком ползу. Вот, на беду свою, и воротился. — Он снова вздохнул, наглядно демонстрируя тяжесть проигранной схватки с внутренним голосом.

— Наверняка это Делли постаралась, — предположил я, и Вадим, видимо, с целью конспирации, молча, кивком, подтвердил мое предположение.

— Так ведь не видал я ее, — испуганно пробормотал Фуцик.

— Зато она тебя видала. — Я скривил губы, вспоминая давешний рассказ феи о встрече на лесной дороге. Наверняка произвести зачистку в мозгах для могущественной чародейки так же не сложно, как и запрограммировать незадачливого беглеца на возвращение к «родному порогу». — Ладно, с этим более или менее понятно. А к хозяину в лапы как тебя попасть угораздило?

— Я к замку еще затемно подобрался, — не видя причин запираться, начал подследственный. — Да внутрь идти боязно стало. Всяка нечисть в стенах хороводила! Я только дух ее почуял, сразу в лесу склонился. Меркую, утро вечера мудренее — по светлому дню без опаски подойду. Да только с устатку-то лишь очи смежил, дремота и навалилась. Утром глядь — вокруг замка войска стоят! А тут вы, барышня-кудесница, на вороном коне мимо, стрелою, вжик, — только пыль звилась.

— Да что ты гонишь?! Вот же она в натуре сидит, — возмутился Ратников.

— Вадик, не туши. — Я поморщился. — Скорее всего это была Делли. Хотя с чего бы вдруг ей принимать Оринкин облик?

Вопрос повис в воздухе и, не дождавшись ответа, растаял без следа.

— Так я и говорю, — продолжал Фуцик, — спустился я наземь с лежки. Ночевать-то мне, извольте понять, среди ветвей пришлось, на лежке, что дозорные себе загодя смастерили, и, голову повесив, в замок поплелся. А у ворот меня под белы руки и прямехонько сюда привели.

— А то, что в замке Ян Кукуевич, тебе известно? — словно вскользь бросил я.

— Да уж ведомо мне про то.

— Что же он тебя в гости не пригласил? Ты ж у него вроде как в друзьях-приятелях ходил.

— Ходил, было дело, — мрачно кивнул незадачливый мошенник. — А нынче вот здесь сижу.

Я почувствовал, как старая оперская привычка докапываться во всем до сути подхлестывает мозг, точно боевая труба списанного в обоз одра.

— А я ведь тебе говорил, нужен ты Кукуевичу, как быку кальсоны. На кого ты понадеялся? На душегуба? Да он десяток таких, как ты, на обед съедает! А, что с тобой говорить, тварь ты неблагодарная! Мы тебя от смерти мучительной спасли, выходили. И что, ты нам спасибо сказал? Как последний хорек, в бега пустился! Вот и скажи по совести, о которой ты знаешь понаслышке, стоит тебе помогать или нет?

— Не прогневайтесь, господин одинец! — с заученной слезой в голосе взвыл боевой маг. — Не было у меня умысла злого! Дю Ремар принудил!

— Это я уже слышал. Ну, да ладно, если и впрямь тыступил на нелегкий путь исправления и сотрудничества с администрацией, дай все по порядку, без дураков и корявых выдумок. И помни, одно твое лживое слово, и моя доброта закончится, едва начавшись. Я солью на тебя и то, что ты хозяина заложил, и как про орехи раскололся, и забавную историю об организации побега с рудников батьки Соловья тоже упомянуть не забуду.

— Не погубите! — бледнея на глазах, выдохнул Фуцик.

— Все в твоих руках, — обнадежил я. — Начинай говорить, а там посмотрим.

— О чем сказывать-то? — обретая надежду, поспешно уточнил возвращенец.

— Значит, так. То, что вы с Кукуевичем намеревались похитить золото и смарагды Хведонова куша, мы уже установили.

— Верно, — горько вздохнул соучастник злодейства.

— Для этого вы разработали план, в котором, насколько я понимаю, не хватало одного-единственного звена. Вероятно, для получения этого звена вам был нужен Сфинкс, которого так старательно и, надо сказать, успешно искал ваш подельник — небезызвестный в криминальных кругах магистр естественных и противоестественных наук Дю Ремар.

При упоминании о Сфинксе Фуцик судорожно вздохнул, пораженный нашим многознанием.

— Так? — с нажимом произнес я, поднимаясь с места и нависая над дважды арестантом.

— Так, — чуть слышно вымолвил он.

— А теперь давай начистоту и без утайки. Что? Почему? Каким образом вы надеялись взять во временное, потому что все в нашей жизни временно, пользование сокровища, хранящиеся на острове Алатырь. Причем заруби себе на своем чересчур длинном носу: ситуация поменялась, и скорее всего Ян Кукуевич возьмет то, что вы намеревались заграбастать на пару, и без твоей помощи. Если он будет признан новым королем, ты для него будешь уже не корефан, с которым он вместе срок мотал, а опасный свидетель. К тому же имеющий излишне большие познания о предмете, составляющем государственную тайну.

— А где гарантия, что я, после того как ее открою, жизни не лишусь? — запоздало вскинулся пленник.

— Какие уж тут гарантии! — покачал головой я. — Хочешь — верь на слово, хочешь — не верь. Это твой шанс, свободно можешь им не пользоваться. Но, сам посуди, нам и без твоих секретов неплохо живется, а вот тебе, с твоими тайнами величими, при таком раскладе жить недолго осталось.

Мучительная пауза избородила волнением и тоскою рябое лицо Фуцика. От руки он привык подозревать обман в каждом слове и потому сейчас судорожно решал, чья ложь для него безопаснее.

— Да, парень, — между тем, давя на психику подследственного, продолжал я, — ситуация у тебя аховая. Все, что ты до этого знал, небось уже Кукуевичу разболтал? А про сфинкса-то Дю Ремар ему раньше тебя доложит, а может, и уже доложил. И тут тебя обошли!

— Так ведь сами же сказываете, — скороговоркой выдал злоказненный шарлатан, — что ежели Ян королем станет, то всякий, тайну злата ведающий, ему поперек пути выйдет.

— Это еще бабушка надвое сказала. Но если и не станет, — не ужто от такого-то куша откажется? — немедля парировал я. — И вот что. Дружок-то твой многомудрый должен был уже с паханом вашим встретиться, а в свите я его что-то не видел. Вот и думаю себе, не прикопали ли бездыханное тело несчастного магистра в каком-нибудь отдаленном перелеске?

Кровь отлила от лица чародея-неудачника, глаза наполнились ужасом в предчувствии неминуемой скорой погибели.

— Господин одинец, ваше предпочтение, — понижая голос до шепота, затараторил он, — вызволите, не дайте смертушку принять! Все как на духу расскажу!

— Валяй! — устало опускаясь на скамью, напутствовал я.

— Вот, значит, как мы все умыслили, — порывисто заговорил Фуцик. — В полудне пути от моего городка большое селение есть. В нем обоз с орехами перед тем, как к морю ехать, ночевку как раз и устраивает. Стража у обоза, вестимо, немалая, но в сундуках-то, чай, орехи, а не золото. Потому охраняют их вполглаза. Ночью возы в большом таком сарае стоят, а кони, знамо дело, в ночном пасутся. Так в том амбаре по-над самыми стенами мы загодя скончали, вроде как канавы большие, поверху дернинами перекрыты. Там, в потае, иные сундуки загодя скончены должны быть. А в ларях этих разбойники припрятаны. А чтобы, часом, не сыскали их, поверх — короба с орехами. Откроешь, вроде как лещина, ниже глянешь — рылохват при щите да сабле. В ночь подмену никто не заметит! Для стражей, ежели вдруг что, сонное зелье припасено. Поутру возы снова в путь отправятся. На берегу, близ города нашего, их, как водится, на корабль погрузят. До острова ребятки на орехах доплынут, а там, как на берегу обман вскроется, так они из ларей, нежданные, выскочат да саблями сторожу порубают.

— Это полканов-то? — усомнился я. — Перед тем просидев хрен знает сколько в темном ящике? Сам-то ты в это веришь?

— Ну, порубать-то, положим, не порубают, — криво усмехнулся Фуцик. — На то им кишака тонка, но шуму-гаму наделают преизрядно. Один свистун-то наш чего стоил! Да и иным палец в рот не клади. Но суть-то не в том. Пока эти дурни с полканами силами мериться будут, мы по-тихому у другого места иным кораблем пристанем и все сокровища на него загрузим.

— А Соловей со своей бандой, стало быть, на съеденье остаются?

— Ну, так, не разбив скорлупы, орешек не съесть, — развел руками мошенник.

— И что, он был на это согласен?

— Он о том и не ведал, — вздохнул разбойничий замполит. — Я ему наговорил, что ежели он свистанет в полную силу, то от эдакого посвиста полканы наземь повалятся. А там их, тепленьких, лишь прикончить останется.

— М-да, все хороши, — подытожил я. — Ладно, с ограблением более или менее понятно. Сфинкс-то вам зачем нужен?

Фуцик подозрительно оглянулся, словно на ходу соображая, можно ли поверять мне столь великую тайну среди подобного многолюдия. Однако вариантов не было, и потому, наклонившись к самому Уху, он сообщил мне заговорщическим шепотом, старательно косясь и подмигивая:

— Без Сфинкса нельзя никак! Даже Лазурен доподлинно не ведал слов тайных, коими воевода пешей морской рати с полканами обменивается. А слова те от Сфинкса проистекают.

— Поясни? — удивленно потребовал я.

— В стародавние времена, когда Сфинкса в подземный чертог заманили да на цепь посадили, уж не знамо, каким чудом, хитрая затея повелась. Король самолично к зверюге этой приходит да вопрос от него выслушивает, и, коли даст на него правильный ответ, то свою загадку загадывает. Вот эта-то загадка и ответ на нее тайными словами являются. И всякий раз слова иные, а уж какие — никому не ведомо. Известно токмо, что сей же миг, как Сфинкс слово заветное речет, у полканов, да у воеводы пешей рати морской в голове оно слышится. И тот, кто орехи привозит, да за кушем Хедоновым приезжает, заветными словами с воеводой обменивается, чтоб подвое какой не вышел. А без них и близко лучше не соваться.

— Угу, ясненько. — Я постучал пальцами по столешнице. — И вы, значит, решили потягаться со Сфинксом в разгадывании загадок? Похвально. А знаете, что он делает с теми, кто не справится с задачей?

— Да уж как не знать, — грустно вздохнул охотник за сокровищами. — Съедает. Хоть в броне, хоть в рядне. Да только не на то голова дадена, чтоб ее к животине злой в яму совать. Свалка-то — место грязное, по ней никто особо рыскать не будет, а притаиться там завсегда есть где. Так что, ежели все заранее присмотреть да принаровиться, то и у самого лаза склониться можно. А Сфинкс, поди, не сверчок, голос у него гулкий. Так вот и выходит, что с малым риском все разузнать можно. Всех-то печалей — государя дождаться!

— М-да, теперь его можно долго дожидаться. Хорошо. Только одна нестыковочка выходит. Зачем вам тайные слова, если полканов планировалось отвлечь боем? Да и зачем вообще кровопролитие, если полканы с тайным словом и сами все отадут?

— Без боя они лишь Хедонов куш полной мерой отвесят, а там, поди, еще немало чего останется за просто так лежать. Ну а ежели у сокровищницы еще какая стража имеется? Нет, без тайного слова в такое место идти — дело глупое.

— И с ним не след, — подала голос Оринка. — Весь план сей щеглам на забаву. Не в том суть, что золото да каменья на острове том добываются.

— А в чем же? — Фуцик быстро повернул голову, странно двигая носом и становясь неуловимо похожим на крупного грызуна.

— Сила в той земле чудодейная, — начала было кудесница, но ее слова прервались очередным появлением тюремщика.

— Ты, доходной, шагай сюда!

— Слушай внимательно, — зашептал я горе-фокуснику. — Скажешь Кукуевичу, что на острове могут быть бо-ольшие проблемы. Ты же как раз сейчас подобрненько вызнаешь, что да как. Об остальном, думается, он и сам догадается. Да помни, в лесу землицы под могилы мно-ого! Смотри же, не просчитайся!

Скрежет ключа, запирающего замок, словно отсек разговоры о тайнах острова Буяна и о прочих насущных проблемах. Таковых в данный момент насчитывалось как минимум две. Первая: как выбраться из этой зловещей крепости до темноты; и вторая: где обещанный любезным хозяином обед? Поскольку разрешение второго пункта означенного плана мероприятий затягивалось по не зависящим от нас обстоятельствам, все силы были брошены на обсуждение вопроса номер один.

— Слыши, — Вадим покосился на дверь, — давай типа побаранлим, чтоб нам хавчик притаранили. А как дверь откроют, мы по-тихому стражу приговорим и сделаем ноги.

— Тут во дворе еще сотни две стражников, — напомнил я, ох лаждая взлелянный голливудскими боевиками пыл моего друга.

— А мы переоденемся. Наших возьмем, типа будто мы их охраняем, и шевелим булками к «ниссанам». А дальше — хрен они нас поймают!

Оставленные нами во дворе синебокие скакуны по-прежнему одиноко стояли на своих местах, не проявляя никакого интереса к почему конскому составу и с презрительным пренебрежением отвергая всякий предложенный им конюхами корм. Откуда же было знать озадаченным коневодам, что «ниссаны» не употребляют ни овса, ни сена, ни свежей травы, ни даже сахару, а питаются исключительно соком минеральных дров. Однако причины несгибаемой стойкости загадочных коней были им недоступны, а потому разбойники опасливо сторонились наших транспортных средств, опасаясь подвоха.

— Замечательная идея, — похвалил я. — Только предварительно надо будет договориться с гарнизоном, чтобы они открыли ворота, опустили мост и дружно смотрели в другую сторону.

— Может, из поясов веревку свить да по ней спуститься? — неуверенно предложил Вавила.

— На виду у восторженной публики? — Я подошел к окну. — Да и оконце маловато. Здесь едва Оринка пролезет, а нам, что тем верблюдам в игольное ушко, — путь заказан.

Я мрачно уставился на крепостной двор, где вовсю сутился вооруженный до зубов люд, занимая места у дымящихся котлов. Сквозь узкую щель в каменной толще стены виднелись и «ниссаны», и возок с золотом, на крыше которого, свесив когтистые лапы, возлежал Проглот. Должно быть, лишенный хозяйствского внимания, он инстинктивно занялся тем, чем до него были знамениты сотни поколений свирепых предков — охраной сокровищ. Какая неведомая сила толкала их на это — одна из нераскрытых тайн противоестественной истории.

Грифон загорал на крыше золотого возка, и разбойники, вероятно, не имевшие прямого указания проверить содержимое повозки, не слишком торопились вступать в пререкания с юным, но уже вполне боеспособным монстром. Как я заметил, там же, около возка, кучковались и наши бывшие соратники, вероятно, сговорившиеся по возможности разделить трофеи между собой и потому зорко следящие за каждым подходящим к экипажу чужаком. Полный грустных мыслей, я повернулся к Вадиму:

— Наверное, сделаем так. Ты действительно снимешь охрану, и вы с господином урядником переоденетесь в стражников. А я сооружу несколько факелов и подожгу траву во дворе. Полагаю, в этом случае с выходом проблем не будет, да и среди кутерьмы, которая здесь начнется, улизнуть будет куда проще.

— Толково, — покачал головой Несусветович, — но опасно.

— Я чего-то не врубился, Клин, — озадаченно глядя на меня, произнес Вадим. — Мы типа когти рвем, а ты?

— Задам хозяину ласковому пару-тройку вопросов и догоню вас.

— Клин, ты чего, перегрелся в натуре? Какие вопросы?! А вторым «ниссаном» кто управлять будет? Ну и прочее. — Он поскреб затылок. — Ствол, ну, типа копье у меня номерное. Как я потом в райотделе объяснять буду, что у меня, по жизни, «мосберг» в тридевятом царстве попятали?

— Вадик, давай решать вопросы по мере их возникновения. Сейчас уходим, так и быть, уговорил, вместе, а уж потом все остальное.

— Нельзя во дворе траву жечь, — вмешиваясь в нашу перепалку, заговорила Оринка. — Трава сухая, разом займется.

— На это и надеюсь, — кивнул я.

— Полымя через стены единым махом перекинется, огонь весь лес загубит.

— Не загубит, — упрямо покачал головой я. — Разбойники пла-мя тушить кинутся.

— Так ить, воды во рвах — воробью по колено. С той-то беды замок и опечатали, — не унималась внучка деда Пихто.

— Вообще, нашла время о лесе думать. Нам головы спасать надоб!

— Да как же мне о нем не думать? — Кудесница гневно свела брови, и в затхлой атмосфере места нашего временного пребывания явственно запахло грозой.

Вероятно, громы и молнии немедленно обрушились бы на мою повинную голову, когда бы в этот миг дверь вновь не отворилась, пропуская какого-то парнишку в подобии поварского колпака с котелком и ложками в руках.

— ...Одна нога здесь, другая снова здесь, — заверял кого-то в коридоре поваренок. — Мухой! Пчелой! Слепнем!

Дверь за его спиной затворилась, и наш малолетний спаситель от голодной смерти повернулся к замершей публике свой наглый хитрованский лик.

— Привет, гулевые! Ну что, плинта не гугно¹?

Честно говоря, я узнал его еще по голосу, но от удивления не мог поверить собственным ушам. Теперь же сомнений не оставалось. В нелепом поварском колпаке, с ложками и котелком в руках перед нами стоял самый отчаянный из известных мне идейных борцов за чужое добро, непревзойденный мастер своего дела, сколь бы предосудительным ни числилось оно с точки зрения закона, сверхъествененный вор — Поймай Ветер.

Как говорится, история не сохранила имени этого человека, но его прозвище говорило само за себя. Нам уже приходилось сталкиваться с ним в столице Груси, и, насколько мы с Вадимом могли убедиться, если он не украл весь королевский дворец, то лишь потому, что не знал, кому его можно выгодно продать.

— Ну-тка, золотая рота, хватайте весла, нынче баланда наваристая!

— Не понял?! — Вадим потер кулаками глаза. — Это че, в натуре ты или типа нет?

— Тс-с. — Поймай Ветер аккуратно поставил котелок на стол. — Языком-то не мети! Кислая шерсть-то² небось ушастая.

¹ Плинта не гугно — тюрьма не сахар.

² Кислая шерсть — охранник.

Вероятно, в клавирах местной блатной музыки «кислой шерстью» именовались конвойные, хотя кто его знает?

— Какими судьбами? — понижая голос, поинтересовался я, со стуком опуская ложку в котелок.

— Вашим следом. Оно ж, как за вами потянемшись — завсегда в прибытке останешься.

— Типа че? — не понимая, о чем речь, поглядел на бывшего сокамерника Вадим.

— В столице тут днями дядя один объявился, такой махористый. Рожа, что этот котел. Погонялово у него Соловей. Может, слыхали?

— Да уж приходилось. — Я обвел глазами стены арендованного батькой замка.

— Вот он мне, стало быть, и отзвонил, какая незадача с ним прключилась. А как про вас сказывать начал, я себе и кумекаю, коли свой братан там основным будет, так и мне, чай, кусок обломится. Ноги в руки — и в Елдин. Пока шел, попал тут на один хоровод. Они как смекнули, кто да что, говорят, пахан нашу масть ценит и на рыжавые не скупится. Ну, я прикинул, что в цвет попал, — и вот я тут.

Признаться, диалект, на котором говорил Поймай Ветер, не слишком напоминал даже ту речь, которой потчевали меня на допросах коренные обитатели зоны, но в целом суть улавливалась.

— Ты хочешь сказать, что приглашен королевским наушником, чтобы что-то украсть?

— А то! — радостно кивнул Поймай Ветер, и огненно-рыжий чуб выбился из-под колпака. — Больно ему один перстенек приглянулся. Ну, так я к нему дубовой иглой ноги-то и пришил.

— Ты хочешь сказать, что у кого-то украл перстень?

— Да уж скомылил. Дело-то плевое оказалось. — Наш официант выразительно посмотрел на Вадима. — Навели меня на терпилу, а он такой весь фря, руки бубликом, вокруг ломовики с пиками. Я к нему прилепился, как к родному. Он в лес — я за ним. Он вот с ней гулять намылился, а я тихонько притаился, думаю, сейчас, как одежду скинет, так я по ней и проксвожу. А тут витязь навстречу — хоп! И тута ему промеж роги. Мой-то с копыт, а вы с того места ходу. Я чуточку выждал, скок к нему, а на пальце-то фикс мой как раз и блесстит. Старой руки¹, такие нынче не носят, — заливался соловьем высокий профессионал, гордящийся результатами первоклассной работы. — И на таком-то фарте тыщу чижиков² посадил! Так что, по

¹ Старой руки — старинная работа.

² Чижики — золотые монеты.

всему выходит, коль с его шага сторговали, так ты теперь мой дольник¹. — Поймай Ветер вынул из-за пазухи кошель и поставил его перед Вадимом. — Соцкий, все без обмана!

— Сто монет? — машинально перевел я.

— Точно так, — подтвердил старый знакомец.

— Слушай, у меня к тебе есть дело. — При этих словах воришко заметно поскучнел, и, чтобы окончательно его не расстраивать, я поспешил добавить: — Выгодное дело.

В глазах собеседника немедленно зажегся огонь, точь-в-точь как на светофоре, когда красный свет сменяется зеленым.

— Ты, часом, у Кукуевича не видел ключ, ну, такой, особенный... — Я замялся, не зная, как описать не виданный дотоле предмет.

— Была у него лапка куриная² под золотой короной, — кивнул Поймай Ветер. — Работы хитрой, небось от большого медведя³. Он его в ларце хранит. И кольцо туда же поклад.

— Замечательно! — констатировал я. — А где он хранит эту шкатулку, ты, случайно, не заметил?

— Того не знаю, — шепотом поделился с нами секретом проныра. — А вот другую, такую же, он при себе носит да ночью под ухо кладет. Только в ней-то — тыфу! Пустяк — мышиный хвостик и лягушачьи уши. Это он сторожится, чтоб, значит, настоящую у него не украли.

— Ты в этом уверен? — переспросил я.

— Обижаешь?! — возмутился мастер криминального жанра.

— Перепроверяю. А как бы настоящий ларец отыскать? Понятное дело, не за просто так.

— Ежели очень надо, — не спуская с меня внимательных глаз, вкрадчиво промолвил Поймай Ветер, — так я и обе возьму.

— Обе нам не нужны, — заверил я.

— Вестимо, не нужны! Но ежели, скажем, в тайнике нужную на ненужную подменить, то, может, он сразу и не хватится.

— Разумно, — согласно кивнул я.

— Оно-то так. — Поймай Ветер недвусмысленно выставил вперед большой и указательный пальцы и начал тереть их друг об друга. — Но мне-то с того велика ли радость? Ежели пахан здешний узнает, что я у него добро попытил, то мне за Орел-камень ухлестывать придется. Не то хрюкам на корм отправит.

¹ соучастник, имеющий право на долю в добыче.

² отмычка, ключ.

³ Медведь — сейф.

— Радость будет немалая, обхочечешься! Возок небось видел, на дворе стоит?

— Это тот, где грифон на крыше греется? — скороговоркой уточнил вор.

— Он самый. В возке рыжья на четыре таких замка да еще пару деревень в придачу. Так вот, стало быть, если нужную шкатулку похитиши, можешь золота взять, сколько сочтешь нужным.

При этих словах деревянная ложка урядника Нежданых Дел с грохотом рухнула на пустое дно котелка, а по окружности его глаз можно было выверять циркуль.

— Так-так-так! — Наглые глаза юного мошенника осветились нездешним огнем. — А ларец, получается, вам доставить?

— Вместе с содержимым, — уточнил я, зная манеру Поймай Ветра по-своему истолковывать статьи договора. — По обстоятельствам. Либо нам, если на свободе будем, либо в Торец. Сдашь Щеку Небриту, чтоб до нашего возвращения в тайне сохранил.

— А как я золото отсюда вывезу?

— Твоя забота, — пожал плечами я. — Впрочем, очень скоро все начнут спешно покидать замок. Так что, подсуетись. А грифона я отзову, на этот счет не беспокойся.

— Хорошо! — минуту подумав, согласился Поймай Ветер. — По рукам! Но чтоб без подвохов, бояре!

— Да уж какие подвохи! — отмахнулся я.

— Неужто вы ему верите?! — не сдержался Вавила Несусветович, и в словах его звучал сдавленный стон.

— А че, я верю. В натуре! — пробасил Вадим.

— И я тоже, — коротко отрезал я. — А теперь об освобождении.

Глава 23

Сказ о том, что у страха глаза велики, да глядят косо

Фуцик вернулся к месту заключения понурый, утративший веру в человечество и завтрашний день. Вернее, не в наступление этого дня, а в то, что он настанет для него.

Должно быть, осознав, что ключ от сокровищницы и древнее кольцо Хведона окончательно развязывают ему руки, Ян Кукуевич напрочь отбросил идею грабительского налета на заветный остров, заранее чувствуя себя полноправным хозяином этого необычайного

кусочка суши средь бурных волн синего моря. При таком раскладе, как я и полагал, Фуцик оказывался за бортом корабля истории, шедшего в светлое будущее под черепастым пиратским флагом Кукуева сына.

— Что же мне делать?! — твердил Фуцик, ошеломленный вероломством атамана. — Что делать? Я пропал!

Не скажу, чтобы мне было слишком жалко этого довольно мерзкого человечишку, но чувства — чувствами, а отдавать его на съедение и вовсе уж откровенному негодяю, пожалуй, было чересчур.

— Не суетись! — шикнул я. — Сейчас господину наушнику будет не до тебя, а дальше — не зевай, на то ярмарка.

Фуцик жалобно поглядел на меня, ожидая защиты.

— Завтра утром Ян намерен отправляться в Елдин. А уж коли он более не таится, то, стало быть, силу обрел великую.

— Возможно, — уклончиво согласился я. — Но кто здесь собирается ждать до завтра? — Я подошел к двери и забарабанил по ней кулаками. — Открывайте немедленно! Дело жизни и смерти!

— Ты че задумал, Клин? — забеспокоился Вадюня.

— Знаешь, как учит геометрия? Кратчайший путь из точки А в точку В — прямая.

— И типа че?

Из коридора послышались шаги приближающейся стражи.

— Сомневаюсь, что Ян Кукуевич пожелает ночевать в замке, узная, что анчуток в нем больше, чем клопов.

— Он-то, может, в натуре отсюда и вырулит, а мы типа?

— Не беспокойся. Пока этот самопальный отец народа и спаситель Отечества нуждается в Союзе Кланов восточного берега и не прочь с нашей помощью обвинить Юшку-каана, он нам не угрожает. — Я вновь заколотил по толстым, тщательно подогнанным доскам входной двери, сопровождая удары самыми отборными высказываниями.

— Открывайте немедля, короеды ублюдочные! Чертуганы блокгаустые, отведите меня к хозяину!

Шум за дверьми недвусмысленно показал, что мои слова потревожили не только местных древоточцев.

— Чего надо? — В появившуюся узкую щель протиснулось острие алебарды, и сверкающий в темноте глаз с подозрением и опаской начал обшаривать светлицу, временно исполняющую роль темницы.

— Чума глухоманная! — Я с силой толкнул дверь, заставляя страха отпрянуть.

Из темного коридора в лицо мне глянули уже два остряя, на которых отблески пламени закрепленного на стене факела отплясывали сумасшедшую джигу.

— Придурки! Олухи помороченные! — решительно делая шаг вперед, командным тоном взревел я. — Последний раз говорю, ведите к хозяину, иначе нам всем тут хана! — Для убедительности я чиркнул себя по горлу большим пальцем, демонстрируя, какой отвал башки начнется кругом, если вдруг я немедля не перекинусь словом с Яном Кукуевичем. — Что, заснули? Вперед, я сказал!

Есть порода людей, которые позволяют на себя кричать, а есть люди, которые этого делать не позволяют. Те, кого обычно набирают для массовости в разношерстные банды, как бы грозно они ни выглядели, чаще всего относятся к первой категории. В обстановке для них привычной эти горлохваты чаще всего ведут себя развязно и жестоко, пытаясь скрыть патологическую неуверенность. Однако стоит ситуации чуть измениться, и заячий уши вмиг задергаются над клыками и бивнями.

Впрочем, здесь тоже важно знать меру и не переусердствовать. Особенно если оружие не в твоих руках, а у злобного монстроида. На этот раз мои угрозы и требование встречи с прямым начальством заставили не слишком обремененные работой мозги тюремных сторожей перещелкнуть в нужном направлении. Не прошло и пяти минут, как я предстал пред ясным, хотя, впрочем, не слишком ясным, а уже довольно затуманенным от выпитого, взором основного претендента на вакантный престол.

— Ну, чего хотел, одинец? Чем пужать вздумал?

Он сидел за тем же столом, за которым всего несколько дней назад восседал батька Соловей, и точно так же подпирал кулаком хмельную голову. От этого сходства мне невольно стало смешно, и предательская ухмылка появилась на замазанном зеленовато-бурым Оринкиным снадобьем лице.

— Ну, чего лыбу-то скроил, лешак? — нахмурился Кукуев сын.

— Я слышал, вы собираетесь заночевать в замке?

— Может, и решил. Тебе-то что? — Тяжелый взгляд разбойника впился в мое лицо, но не в глаза, как это бывает обычно, а аккурат в центр лба, точно высматривал на нем место для третьей глазницы.

— Здесь ночевать нельзя, — стараясь говорить как можно убедительнее, начал я.

— Анчутками страшашь? — глядя в упор, спросил Кукуев сын.

— Вы о них знаете?

— Отчего ж не знать? — как ни в чем не бывало пожал плечами собеседник. — Вестимо, знаю. Людишки-то мои с ночи в этих краях дозором ходили. Нешто себе мыслишь, что я, не ведая броду, в воду сунулся бы?

— Да, в общем-то нет, — со вздохом сознался я.

— И правильно, — кивнул разбойник, протягивая руку за вместиельной бутылью, наполненной мутноватой жидкостью. — Нам без оглядки никак нельзя. — Он сжал кулак на горлышке бутылки. — Первака выпьешь?

— Отчего же не выпить? — Я пожал плечами. — Под закусь можно.

Атаман молча кивнул и, поглядев на меня сквозь вожделенную емкость, крикнул страже:

— Снеди приволоките! Да чару господину одинцу.

Караульный скрылся за стеной, и Ян Кукуевич с издевательским напором продолжил свой монолог:

— Я вот тут с утра все поджидаю — кто ж из вас первым об анчутках мне слово молвит.

— Зачем? — Я не удержался от вопроса.

— Так ведь и мальцу ясно! Ежели гибели вы моей желаете, то, в полон угодив, живота своего не пожалеете, чтоб меня со свету, точно болотную гадину, сжить. А все речи прелестные — так лишь, турусы на колесах, дабы час потянуть. Оно, как говорится, уж коли не люб, хоть пой, хоть пляши, а все одно чурбан. Но если, — Кукуевич наклонился ко мне, — жизни свои поганые за грош да полушку класть не желаете, стало быть, умишко, какой-никакой, в голове имеется. Когда б ты сюда с вестями своими не прибег, так бы все и сталося. Я б с молодцами своими по вечерней зорьке отселя съехал, а вы б анчуткам на прокорм остались.

От такой перспективы меня невольно передернуло.

— Что, одинец, затряслись поджилки-то?! Это хорошо. Это верный знак, что головой дорожишь. Не люблю, когда люди о двух руках, о двух ногах и одной голове невесть что из себя корчат. Страх — он сильнее сильного будет! Без него никак. Вот ты, скажем: исхитряешься, злыдней-душегубов изыскиваешь, а отчего вдруг, спрашивается? Оттого, — он поднял вверх указательный палец, — что всяк по душе своей трус, и всяк лиходея боится.

А ежели чуть глубже копнуть, то и не лиходея вовсе. Иной-то душегуб могзгляк мозгляком! Тыфу — соплей перешебешь, а туда же! Все перед ним трепещут да зубами стучат. Не татя злого людышки боятся — свой же страх им глаза застит! Зрят они перед собой льва рыкающего, дракона оскаленного, змею, у ног шипящую. А ты, одинец, страху перед ними не знаешь, и потому норовишь иную забубенную головушку в пеньковые кружева обрядить. Да только окорот и на тебя имеется. Всяк живущий чего-то, да боится, без того нельзя. В том доля государева, чтоб десницей ужас сеять, а шуйцей — покой, и от всех напастей избавление. Да где ж закускато, анчутки ее раздери?!

Стражник, должно быть, ожидавший конца яростной тирады, поспешил втащил блюдо с зажаренным поросенком и парой куропаток, еще недавно как ни в чем не бывало летавших в окрестностях замка.

— Ставь на стол и проваливай! — рявкнул Ян Кукуевич, и неумелый лакей, больше привыкший держать в руках топор, чем посуду, чуть замешкавшись, поставил на столешницу увесистое блюдо. — Прочь! — вновь грянул атаман.

Вояка попятился, и в этот миг я увидел, вернее, мне показалось, будто тень стражника отделилась от него и метнулась в сторону, к одному из немногих шкафов, оставшихся сравнительно целыми после ночного побоища.

— Пей, одинец! — Ян Кукуевич вновь подхватил бутыль. — По нраву ты мне, хоть на колу тебе самое место.

Стакан, до краев наполненный белесой жидкостью, замер в моей руке, не донесенный до губ.

— Не пужайся, паря! Еще не ныне твой час настанет, — покровительственно напутствовал меня хозяин положения. — Пей! До дна пей! Нечая цедить, как лекарскую микстуру.

Я глотнул залпом весь наличествующий в стакане заряд обжигающего пойла и резко выдохнул, спасаясь от пламени, охватившего грудь.

— Вот так-то и хорошо! — кивнул разбойник. — Закусывай! Чего буркал-то выкатил? — Он отломил крыльышко у куропатки и смачно захрустел поджаренной дичью. — Ты небось, одинец, меня злодеем числишь? — сбрасывая на пол обглоданную кость, почти ласково поинтересовался Кукуев сын. — Ну, не крути башкой, не бреши попусту, собачье это дело. По глазам вижу — числишь. А мне юлить ни к чему, я и есть лиходей и душегуб. Одно ты верно приме-

тил: с королишкой-то нашим — не моя работа. Сам чудом уберегся. А хочешь знать как?

— Как? — стараясь держаться как можно спокойнее и не провоцировать агрессию изрядно подвыпившего громилы, спросил я.

— Все страх! — Кукуевич ткнул в воздух указательным пальцем, точно надумал пробить в нем дырку. — Очень я, изволь понять, с головой своей сроднился, страсть как терять ее не хотелось. А потому из страха опаска родилась. Вроде бы все и хорошо — Барсиад, дурношлеп осиновый, без меня иной раз шагу ступить не мог. Как ножку поставить — спрашивал! Да ведь, как оно бывает: нынче так, а поутру — иначе. Мало ли, что этому пьянчужке ушастому радники, навроде того же Юшки, присоветуют? А потому из дома у меня тайный ход за городскую стену прокопан был. В дом я всякий день вчера чинно входил да поутру из него таким же макаром и выходил. Но чтобы спать в нем — так это ни-ни! — Атаман приблизил ко мне свою раскрасневшуюся от самогона физиономию. — Всякую ночь в новом месте храпака давил. Иной раз и без подушки, зато уж при голове. Так-то! А надысь утром в палаты свои ворочаюсь, а там из спаленки, точно ураганом, все повыметено. Решетки кованые, на ладонь в камень вмуррованные, напрочь вывернуты, да точно сеть рыбацкая скомканы. Вот и соображай себе: ночевал бы я в тереме — давно б уж где-нибудь мертвым лежал, да черные вороны глазоньки бы мои выклевывали! — Он явственно всхлипнул, пеняя на свою горькую, пусть даже прошедшую стороной, планиду.

— Вы полагаете, что король Барсиад и все его приближенные мертвы? — настраиваясь на привычный лад, спросил я.

— А как иначе? — в полном недоумении от глупости моего вопроса нахмурился Ян Кукуевич. — Кабы живы были, давно б весточку подали.

— Но зачем тогда было уносить их невесть куда?

— О том тебе, одинец, должно быть лучше ведомо. Почто б слездознавцу иначе хлеб есть? А только я так скажу. Хоть вы с дружком своим и хитро удумали насчет Барсиада, средь народа укрывшегося, а только несусветица все это. — Он налил еще по чарке. — Я своими очами видел: во всех домах, как и в моем, окна в спальне, точно рукавичка, вывернуты. И ведь не одни только ферязи¹ пропали! Кто с женой, кто с любовницей, кто с полюбовником! Что за диво приключилось — не ведаю, но кого где искать — это лихо

¹ Ферязь — изначально высокий воротник на боярской шубе, в переносном смысле — первые лица государства.

безликое точнехонько знало. Даже у Юшки во дворце все вверх дном перелопатило.

— Ну, отчего ж не побуянить, если известно, что хозяев в доме нет и не ожидается?! — пожал плечами я. — Хотя само по себе занято.

— Вот и занимайся, коли занято. Мне точнехонько доказать надо, что королевская погибель — Юшкин злой умысел. Без того на троне сидеть, что на угольях плясать. Сбоку глянуть весело, а самому — жарко.

— Все это так, — согласился я. — Только по закону, пока не доказана гибель короля, вы не можете занять трон, а стало быть, и экспедицию на остров Алатырь снарядить тоже не сумеете.

— И о том, выходит, ты знаешь? — Ян Кукуевич недобро блеснул глазами. — Не иначе, как Фуцик наболтал. Вот же, язык ужиный! Ну, да сумею я — не сумею, дело не твое. А закон... Что ты подсим мыслишь, прямо скажем, мне невдомек.

Должно быть, выпитое уже и на мне сказывалось, поскольку, неожиданно для самого себя, я гордо выпрямил спину и заговорил менторским тоном:

— Закон есть основа цивилизации и залог процветания человеческого общества. И потому наилучший закон должен быть таков, чтобы его сложно было нарушить!

— Э-э-эх! Да ты закусывай, закусывай, одинец, вона как тебя разобрало! — Подобревший криминальный авторитет сочувственно покачал головой. — Говорили мне умные люди — не доведет книжная премудрость до добра! Учишь тебя, учишь, а толку чуть! Глупее глупого слова городишь! Закон есть тот же страх, только имя покрасивше! А стало быть, его прописывать должно, чтоб всяк хоть шагом, хоть чихом его, да нарушил.

— Это еще зачем? — недоуменно уточнил я, прикладываясь к свиной ножке.

— А затем, дурья твоя башка, что ежели всякий за собой провину знать будет, то лишний раз, пожалуй, не дыхнет. Ведь чуть что не так — сразу: а как же это ты, мил-человек, государев закон нарушил?! Пожалуйте спину под батоги ставить! Здесь-то покой и благородство — рение воздухов в стране и начинается. Когда ты в своем королевском величии над животом и смертью распоследнейшего батрака в своих землях властен, так отчего же людышкам, в страхе пребываючи, тебя не любить?! Ведь ты ж король, от Бога поставленный, по

закону мог бы их смертью карать, а из милости своей виновных да страхом-уязвленных, жизнью и волей жалуешь.

— Хорошие советы вы, должно быть, королю давали! — дослушав поучения, с натугой выговорил я.

— Государь до последних часов не жаловался. — Ян Кукуевич оскалил в ухмылке хищные зубы. — Но не о том речь. Желаю я, чтоб ты мне Юшку с корешами его захребетными разложил передо мной на столе, как вот эту дичь. — Он ткнул пальцем в блюдо и замер, точно не веря своим глазам. — Тут вроде бы как початая куропатка лежала?

— Было дело, — подтвердил я.

Ян Кукуевич уставился на объедки, пытаясь в уме собрать из разбросанных косточек остав от несчастной пернатой твари. Точь-в-точь ученый палеонтолог, обнаруживший в отвале скелет динозавра.

— Одна, — мысленно доведя процесс до конца, подытожил опешивший разбойник. — А где вторая? — Он для полной уверенности заглянул под стол, вероятно, судорожно пытаясь вспомнить, не сбросил ли ненароком птицу, демонстрируя мне руками суть законотворчества. Куропатки с отломанным крыльышком под столом не было. Глаза Яна Кукуевича начали медленно округляться, лицо багроветь, и он, хватая воздух ртом, едва выдавил, запинаясь:

— Не понял!!!

В какой-то миг мне показалось, что сейчас разбойничьего атамана хватит удар, и при всем том, что теоретически я ничего не имел против, доказывать возмущенной банде, что не я отравил отца-командира, было делом начисто нереальным.

Мой собеседник все никак не мог прийти в себя, и я уже бросился ему наливать очередную чарку самогона, когда на пороге возник давешний стражник с лицом еще более, казалось, ошеломленным, чем у королевского наушника.

— Беда, хозяин! Злыдни лихие у коней уздечки покрали!

— Кто-о-о?! — надсадно прохрипел Ян Кукуевич.

— Не ведаю. — В голосе верного сторожевого пса слышалась нескрываемая мольба о пощаде. — Токмо по всему замку рогачи нарисованы.

— Убью!

— Вон, вон, и у вас на столе! Вон сбоку!!!

Мы с Кукуевым сыном, не сговариваясь, бросились смотреть туда, куда указывал ошеломленный страж, и едва не столкнулись лбами. На одной из золоченых ножек стола, точно уродливое роди-

мое пятно, багровела эмблема красных демонят. Вой, вырвавшийся из утробы многоопытного душегуба, был ужаснее звериного рыка, и мы со стражником невольно попятались, не желая попасть ему под руку. Но, издав этот неподдающийся описанию звук, Ян Кукуевич все же овладел собой.

— Где рыжий?

— В лес пошел, — пятясь назад, пролепетал стражник. — Давно уже.

— Сыскать немедля! — Он резко двинулся к выходу, отбрасывая с пути караульного, точно ватную куклу. — Стереги гостя. Не приведи Нычка, утешет — не сносить тебе головы!

Вернулся атаман минут через двадцать, в течение которых мой неусыпный страж дырявил меня подозрительным взглядом, спасибо уж, что не алебардой, которую сжимал в руках.

— Ваша фарта, одинец, — еще довольно мрачно, но уже с ухмылкой, с порога кинул Ян Кукуевич. — Быть нынче анчуткам без ужина. Ступай, упреди своих, сейчас едем.

— Куда? — поднимаясь со своего места, поинтересовался я.

— Знамо куда — в Елдин. Давай по-скорому. Нечего тут рассиживаться! — Он кивнул стражнику. — Сопроводи одинца!

Тот браво отсалютовал алебардой, и я, с чувством выполненного долга, слегка покачиваясь, шагнул к двери.

Двор замка и окрестности стен были заполнены вооруженным сбродом, готовым пуститься в дорогу. Лишившиеся уздечек всадники наспех мастерили сбрую из ремней и веревок. Непривычные к обществу Проглота, кони, фыркая, пятились, не желая находиться вблизи грифона, а сам заласканный домашний любимец, радуясь встрече, все норовил прыгнуть на кого-нибудь из друзей и, возложив на плечи невольной жертвы тяжеленные лапы, начать преданно выискивать блох своим острейшим клювом.

— Пошёл вон, хвостатый подлизя! — вяло отбивался я, когда со стороны ворот послышался радостный крик: «Ведут!»

Привлеченный воплем грифон моментально оставил меня в покое и, расправив крылья, бросился выяснять, в чем дело.

Из арки надвратной башни показался не совсем обычный кортеж. Впереди, нанизав десяток боровиков на длинный прут, вышагивал Поймай Ветер, за ним ступали вооруженные копьеми разбойники, точно драгоценная ноша некоронованного короля местных воров нуждалась в крепкой страже.

— Ты где был? — едва не наезжая конем на удивленно вытара-шившего глаза парня, грозно прорычал Ян Кукуевич.

— Грибы собирал, — демонстрируя атаману боровики, насажен-ные на прут, точно сарацинские головы на пику, с неподдельным, как багдадский доллар, удивлением на лице проговорил Поймай Ве-тер. — А чего?

— Узечки пропали, — явно теряя начальный пыл, махнул ру-кой государев любимец. — Ну, и так, всяко.

— Ян! — Лицо нашего старого знакомца приняло возмущенно-оскорбленное выражение. — Что за блажь? Стану я дурницу удить¹!

— Ладно, разберемся, — несколько оттаяв, поверотил коня ата-ман. — Прилаживайся где-нибудь, мы в Елдин выступаем.

— В Елдин так в Елдин. — На лице воровайки опять воцарилось невозмутимо-равнодушное выражение, и он как ни в чем не бывало рыжей молнией сквозанул к возку с казной Уряда Нежданных Дел. — Двинься, — Поймай Ветер немилосердно пхнул в бок стражника из бывших стольников, — здесь ехать буду.

Кони двигались по лесной дороге шагом, что в исполнении «нис-санов» означало почти стоять на месте. Для рывка необходимо было открытое пространство и, как мы уже знали, на елдинском тракте мест, вполне пригодных для задуманного, было предостаточно.

— Хорошие у вас скакуны, — покачивая головой, вел светскую беседу Ян Кукуевич. — Коли для моей гвардии таких пригоните, я вас без знатной награды не оставлю — это уж не сомневайтесь!

— А че, — тянул Вадим, — оно типа если так прикинуть, то в на-туре...

Не знаю, что скрывалось за этой глубокомысленной фразой. Меня, честно говоря, занимало совсем другое. Я глядел на драгоцен-ную узечку, которой поигрывал разбойный атаман, — Красные Де-монята, должно быть, из личного уважения к хозяину не тронули ее, и думал: успел ли Поймай Ветер проинспектировать заветный тай-ник. Да и был ли он вообще причастен к покушению на имущество разбойничьей кавалерии?

Я оглянулся. Маэстро воровства невозмутимо восседал на коз-лах рядом с возницей, потешая того диковинными историями. Жаль, но в такой компании расспрашивать его было не с руки.

— ...Но, по жизни, они не только синими могут быть. Какие бе-лые, какие зеленые. Ну и там мощность, фарш...

¹ Дурницу удить — красть по мелочи.

Кукуев сын силился понять, о чём увлеченно толкует ему подурдник, когда на дороге впереди появился скачущий галопом всадник передового дозора.

— Хозяин! — не тая голоса, орал он. — Впереди войско! Юшка-каан!

Глава 24

Сказ о том, что лысым холопам на панской драке не место

Нежданное известие пронеслось над проезжим трактом, повторенное десятками различных голосов, и тревога, словно выпущенная из клетки птица, шарахнулась прочь и закружила над лесом. Лицо разбойничьего атамана резко помрачнело, и разговор об автоконеводстве в единий миг утратил свою прелесть.

— Далеко ли враг? — скороговоркой осведомился он у гонца, еле удерживающего на месте разгоряченного скачкой коня.

— Еще далече, — без запинки отрапортовал тот, зачем-то маша рукой в ту сторону, откуда мог ожидаться Юшка-каан. — Но в силе идет немалой.

— Эка невидал! — Толстые пальцы претендента от криминальных структур в привычной хватке сошлись на рукояти шипастой булавы. — Когда ж такое было, чтоб каан сей умением, а не числом брал! Ладно, не впервые. Небось выдюжим! Эх, верховые наши в ущербе, а то б мы им задали трепака!

Вероятно, это не было досужей похвальбой. Из двух этих властных мужчин Кукуев сын выглядел куда опаснее своего родовитого соперника. Во всяком случае — на большой дороге.

— Так сделаем. — Атаман подозывал нескольких разбойников, служивших у него командирами среднего ранга. — Впереди поприща¹ на два — большая просека, меж поветами граничная черта. Там в подлеске пешая рать и перехватит горлопана суесловного. Я же с конными в обход пойду да, как сеча завяжется, в спину ударю. Да смотрите ж, — специалист по придорожным засадам недвусмысленно потряс у носа ближайшего из командиров кованым шипастым шаром булавы, — вдоль просеки развернитесь в два крыла, за деревьями склонитесь, как неживые. И чтоб ни вздоха, ни шороха! Как

¹ старинная мера длины, около версты.

колонна на дороге появится — стойте да ждите. Передовой дозор вовсе мимо себя пропустите. А как сама голова появится, так капканом ловчим и схлопывайтесь. Все уразумели?

— Как не уразуметь, батюшка! Не впервой, хозяин! Ужо всыплем хрякам! — наперебой загалдели вое... вернее, разбоеначальники.

— Ступайте, да без шуму!

— Так ить, как всегда, — осклабился один из нарочитых бандюганов.

— А ты слухай сюда, — прервал его грозный атаман. — Возьми своих, да пригляди, чтоб с этих голов, — он кивнул в нашу сторону, — волос не упал.

— А ежели вдруг бежать удумают? — с сомнением в голосе освежомился будущий начальник нашего конвоя.

— Ну, ежели и впрямь удумают, — повышая голос, чтобы наверняка могли слышать и мы, пророкотал Ян Кукуевич, — тогда пущай и головы слетают, не то что волосья. Но токо ж смотри: ежели вдруг чего лишнего себе позволишь — с тебя спрошу!

Он взмахнул рукой, призывая всадников следовать за собой, и, свернув с дороги, погнал коня сквозь лесную чащобу.

Как я и предполагал, наш предусмотрительный хозяин обладал богатым опытом в устройстве нежданных встреч на лесных дорогах. Солнце, уже изрядно насмотревшееся за сегодняшний день на людские безобразия, все ускоряло бег по небосводу, спеша отдохнуть от увиденного, когда по дороге собранной рысью промчал десяток верховых высланного Юшкой дозорного разъезда. Затем, четверть примерно часа спустя, точно голова ползучего гада, из лесу, из дальнего от нас конца просеки, неспешно выползла колонна. Золотой штандарт с синим вепрем хлопал на ветру, точно стараясь привлечь к себе внимание, однако едва ли кто-то вслушивался в эти тоскливые звуки, пытаясь угадать в них грядущую судьбу.

— Красиво идут, — недовольно качая головой, проговорил Вавила Несусветович. — Точно в стольный град с победой ворочаются. С чего бы это вдруг?

Я, стараясь не привлекать внимания стражи, достал из бардачка-ольстреди небольшую подзорную трубу и навел ее окуляр на верховых, неспешно, точно гуляючи, пересекающих лесную просеку.

— Так, вижу Юшку. Весь в броне, точно и впрямь с кем воевать собрался. Шлем не снимает, только верхнюю часть забрала поднял. То ли врага бережется, то ли это Вадюня его так приложил, что господин радник пред чужие очи морду свою выставлять не желает.

— Ну так, старались! — Ратников гордо расправил плечи. — Жаль, в натуре, времени не было, а то бы этому угрешиу весь фасад под хохлому расписал!

— Не горюй — успеется! — обнадежил я друга, продолжая разглядывать прогуливающееся лесом войско. — А это кто там рядом?.. Это... — я оглянулся и смерил удивленным взглядом товарищей по походу, — Вадик, глянь-ка!

Подзорная труба перекочевала в широченную ладонь Злого Бодуна.

— Не вдуплил?.. — после минутной паузы неуверенно проговорил могутный витязь. — Оринка, прикинь, там — ты!

— Не я, — очень тихо прошептала кудесница, искоса поглядывая на расставленную вокруг стражу. — Это Делли. — Она замялась. — Может, и иная какая фея, но вернее всего она. Я ее сердцем чую.

— Сердце — насос для перекачивания крови, — пробурчал я. — Что оно может чуять?

По сути, я ничего не имел против предчувствий и озарений нашей юной соратницы, но подобные антинаучные методы ведения дела раздражали меня еще в уголовном розыске. Иной раз в головах свидетелей или потерпевших такие хороводы духов кадриль плясали, что аргументы «я душой чувствую» и «сердце мне подсказывает» были еще из самых невинных.

— Хорошо, предположим, это Делли. Что, спрашивается, она там делает?

— Нас из полона лихого освобождать идет, — не сомневаясь ни минуты, проговорила ведунья.

— Н-да. — Я скептически поджал губы. — Хотелось бы знать, а ее сейчас кто спасать будет?

Что и говорить, если Оринка не ошибалась, положение складывалось аховое. Понятное дело, как бы ни пекся разбойничий атаман о нашей охране, по-хорошему ни он, ни его верные псы ничего не могли противопоставить скорости бешеных скакунов джапанской породы, за пять секунд разгоняющихся до ста км в час.

Стоит ли говорить, что два, а то и три пассажира на спинах наших красавцев, конечно, не улучшат внешний вид гордых ездовых животных, но скрытому в чреве «ниссанов» табуну породистых лошадиных сил этакий груз — сущая ерунда! А если вспомнить о «фарше» — всяческих прибамбасах вроде CD-плееров, которыми расшалившаяся Делли глушила Соловья-разбойника, то положение стра-

жи определяется емким Вадюниным термином — «дохлый помер». И это сейчас! А когда в пылу и лязге предстоящей схватки сторожа, вынужденные играть роль болельщиков, наверняка подзабудут о введенных их попечению субъектах, то и вовсе. Но Делли?!

Я невольно пожалел об отобранных у нас агрегатах зеркальной связи. Сейчас оставалось лишь гадать, каковы планы энергичной сотрудницы Волшебной Службы Охраны, что она уже успела нагородить с момента нашего внезапного расставания, и главное... Феи, конечно, живут долго, очень долго, можно сказать, практически вечно. И насколько мне известно, убить их людским оружием крайне сложно. Но ранения доставляют этим чудесным существам несказанную боль, и заполняющая их тоска капля за каплей вытесняет некогда бившую через край жизненную силу. Вероятнее всего, наша самоотверженная подруга сейчас и не подозревала о засаде, таящейся в ближнем перелеске. А значит, любая пущенная стрела могла сразить ее, и бог весть, как уж там повернется судьба.

Так что же — бежать, оставив закадычную подругу на поле боя?! Я недобрый взглядом оглядел наших церберов и сжал кулаки. Ну уж нет!

— Клин! — Вадюня, а он, без сомнения, думал о том же, заговорщики подмигнул и похлопал «ниссана» между ушей. — Может, в натуре посигналим?

Тишину, висевшую над лесом, нельзя было назвать мертвой. Возмущенно перекликались в воздухе потревоженные движением птицы, зеленые кроны с желтоватыми пятнами уставших за лето резных листьев шелестели на ветру, доносившем с противоположной стороны просеки разрозненные звуки чужих голосов. Я с благодарностью поглядел на друга. Дело, конечно, было рисковое, но раз уж мы попали в такую переделку — время ли вспоминать о риске?!

— Значит, так, — проговорил я, оглядываясь на сидевшую за спиной Оринку. — На счет три сигналим и срываемся с места. Чур, ты подхватываешь Вавилу.

— Ага, — наступил исполняющий обязанности государя, временно не исполняющий этих обязанностей. — Это типа че — справедливо? Ты вон с Оринкой, а мне, значит, мужиков полная обойма?!

— Спорить некогда, — беззастенчиво пользуясь старшинством, отрезал я. — Итак: раз, два, три!!!

Удвоенный рев автомобильных сигналов разогнал идиллическую тишину вечернего леса. Его нельзя было спутать ни с чем. Ни компания охотников, трубящая в окованные серебром рога, ни призывное

ржание коней и близко не были похожи на этот тревожный, рвущий душу звук.

Вне всякого сомнения, ржание «ниссанов» должно было привлечь внимание Делли, а поскольку, в отличие от иных коней, наши всегда стояли там, где их оставляли хозяева, не пробуя убрести куда глаза глядят, то, следовательно, голоса синебоких жеребцов гарантировали и наше близкое присутствие. Были ли мы одни или же с привеском в виде разбойничьей орды — другой вопрос. В любом случае оставаться в обществе упрятанного в скорлупу доспехов каана нашей славной феи больше не было нужды. А уж исчезать, не попрощавшись, она умела, как никто другой.

— Вперед! — «Ниссаны» рванули с места, утробно взревев моторами на форсаже.

— А-а-а! Держи! — Переполошившаяся стража ринулась к пленникам, норовя лишить нас волос, а заодно и голов.

Но завет великого атамана так и не был выполнен, ибо не одни мы, но все кругом пришло в суматошное движение, точно до того мига лишь дожидалось нашего сигнала. Над просекой взметнулись и хищно зашелестели каленые стрелы, заскрежетали, зазвенели доспехи, блеснули выпущенные на волю мечи. Пешая рать Яна Кукуевича, сообразив, что добыча может улизнуть, забыв о конспирации, бросилась вперед, вопя, улюлюкая и требуя немедленной сдачи. Со сдачей, в отличие от капитуляции, проблем не было, и в мгновение ока лесная просека заполнилась десятками отчаянных головорезов, во всю прыть стремящихся лишить жизни ближнего своего. И уж конечно, никому в этой бездарной кровавой сече не было дела до того, что творится в тылу совсем недалеко от переднего края.

А происходило там вот что. Стоило нам, взревев моторами «ниссанов», рвануть сквозь молодой перелесок к проезжему тракту, а страже — броситься нам наперерез в безнадежной попытке остановить беглецов, как лес вокруг нас вдруг начало заволакивать невесть откуда взявшимся туманом. Ближние деревья ни с того ни с сего двинулись навстречу опешившей страже, норовя хлестнуть когтистыми лапами ветвей по лицам караульщиков или же с молодецким уханьем оплести корнями ноги коней и всадников. Казалось, лес завыл по-волчьи, заголосил по-совиному, запричтал вороным граем так, что ни прохожему, ни проезжему пути не осталось. Но это лишь казалось.

Наши груженые «ниссаны» мчали вперед. Вслед, не встречая препон, неслась запряженная парой повозка с золотой казной. Я не

успел сообразить, в какой момент и каким образом слетел с ее козел стражник, исполняющий обязанности кучера. Сейчас на передке с вожжами в руках красовался Поймай Ветер, а рядом с ним как ни в чем не бывало подпрыгивал на козлах Фуцик. Он держал раскрытые ладони перед собой, и туман, казалось, выплывал из широких рукавов его балахона. Вероятно, в запасе у двурушного шарлатана на всякий случай имелась пара трюков, не обозначенных в беседе с батькой Соловьем. Я предполагал, что у стражи было мало шансов удержать нас, но, как выяснилось, их было еще меньше. Минута-другая, и мы уже мчались по дороге в направлении, прямо уводящем нас из района боевых действий.

— Тормози!!! — послышался из тумана настоятельный вопль Злого Бодуна.

Сказать по правде, благодаря усилиям Фуцика видимость была столь скверной, что причины крика видно не было. Но орать из любви к искусству Вадюня бы не стал. Мой жеребец сделал еще несколько шагов по инерции и стал как вкопанный, так резко, что мы едва не перелетели через его голову. Позади послышалось возмущенное ржание. Это запряженные в возок кони горько сетовали синебоким родичам, что заданный ими темп заставляет обычных скакунов выбиваться из сил.

— Что там? — крикнул я скрытому туманом Вадюне.

— Не что, а кто! — раздался в ответ голос, правда, не могутного витязя, но тоже довольно знакомый.

— Деда! — не скрывая радости, закричала Оринка.

— Эк, у вас тут все! — недовольно проговорил скрытый от наших взоров дед Пихто и, должно быть, начал принимать неотложные меры по удалению и искоренению плохой видимости. — Вот так-то оно лучше.

Созданный усилиями Фуцика туман начал таять, и я с удивлением обнаружил Вадюнин «ниссан» висящим на дереве, примерно на уровне второго этажа, и тела его пассажиров, лежащие рядом в густой траве.

— Насилу успел, — комментируя открывшуюся нашему взору картину, проговорил Вдохновенный Кудесник. — А то б точнехонько головы себе расшибли! В тумане-то, чай, не разглядеть, что дорога отсель в сторону уклоняется. Нутка-сь. — Дед Пихто сделал странный жест, точно подзывая к полной кормушке расшалившихся цыплят.

Дерево, на ветвях которого висел безучастный к происходящему «ниссан», послушно склонилось, чтобы аккуратно поставить наземь диковинную ношу.

«Боже, царя храни!» — утробно завел джапанский патрульный скакун голосом Жанны Бичевской.

Должно быть, от неожиданной встряски что-то замкнулось у него в груди, о чём он и решил незамедлительно поведать миру.

— Куда путь держите, господа сановные мэдоимцы?! Часом, нынче не из столицы ли? — пытаясь скрыть ухмылку в седых усах, участливо осведомился вестник заветов грядущего.

— Издеваетесь? — хмыкнул я, слушая, как Вадюнин конь проникновенно выводит: «Сильный, державный, царствуй на славу нам, наш государь».

— Да ну, что вы! — разглядывая мое исцарапанное лицо, покачал головой почтеннейший господин Нашбабецос. — Разве так, самую малость. Уходить отсель надо. Сынки мои да внучата злыдней, что позади вас, знамо дело, придержат, но засиживаться тут, как у лешего на имёниах, не стоит. Не ровен час — войско побежит!

Лесная чаща скрыла путь беглецов, оставив в покое замороченную стражу. Потомки деда Пихто со всей тщательностью заметили следы нашего передвижения. Уж и не ведаю, каким там щучым велением, но всякая примятая травинка за нашей спиной поднималась вновь, всякая сухая веточка, надломленная случайным движением, снова прирастала на прежнее место, точно время для них обращалось вспять.

Уже стемнело, что в лесу, тем более столь густом, как этот, всегда заметнее, чем в чистом поле или городе. Убедившись, что мы недосягаемы для преследователей, дед Пихто скомандовал привал. Скорость, с какой лесной народ управлялся с костром, навесом и ужином, привела бы в восхищение любого завсегдатая пикников. С подобным трюком можно было выступать в цирке, когда б вдруг появилась возможность перенести в круг манежа всамделишный лес. Считанные минуты — и мы сидели вокруг жарко пылавшего в яме костра, а на тонких прутьях, уложенных поверх аккуратно снятых дернин, поджаривались невесть когда собранные грибы.

— Ну что, господин одинец, — неспешно поворачивая импривизированный шампур, проговорил лесной патриарх, — хороши ли дела ваши? Сыскали ли государя-надежду?

— Самого не нашли, — честно сознался я. — А вот того, кто похищение его задумал, выявили. Но не волнуйтесь, и Барсиад найдется. Раз уж взялись за дело, глухаря не будет.

— Ишь ты! — Дед Пихто покачал головой. — Ну, глухарь, вестимо, птица знатная, но тут-то он при чем? К слову сказать, мне вот на другой день, как вы в путь отправились, видение было.

— Ну-ну? — Я напрягся, отгоняя прочь усталость суматошного дня.

Ведун с сомнением оглядел разношерстную компанию, собравшуюся у костра. Понятное дело, его тревожили не Вадим, не Несус-ветович, не Финнэст, над которыми вовсю колдовала Оринка, а наши нечаянные сподвижники, у которых слово «пройдоха» читалось на лбу даже при очень слабом освещении.

После короткой паузы, решив, что божественное откровение — не повод для официального сообщения, он поманил меня к себе и, невзирая на укоризненные взгляды партии любителей чужого добра, зашептал на ухо:

— Всяко, найти можно, когда ведаешь, что ищешь. Когда глаз видит да ухо слышит — отчего ж не съскать! Иди по следу — и найдешь. А когда следа нет, и глаз в упор смотрит, да не видит, — сто лет иши, мимо пройдешь. Не ищи короля, ибо ныне он есть то, из чего в мир пришел.

— Младенец? — не удержавшись, выпалил я.

— Э-эх! Глупая твоя головушка, а еще одинец! Мысли глубже! Утро вечера мудренее, а я, что надо, сказал.

Вдохновенный Кудесник поднялся было, намереваясь, вероятно, досмотреть во сне все, чего не увидел в чародейском блюде, но смежить очи в ближайшее время ему было не суждено.

— Деда! — требовательно окликнула умудренного Нычкой старца Оринка. — Поглянь-ка сюда! — Она указала главе рода Нашбабес-цосов на лежащего без чувств Финнэста. Вовремя наведенные чары спасли и его, и Вадима с Вавилой, от гибели в дорожной катастрофе, но, кажется, парень был очень плох. Губы бедолаги едва шевелились, и, лишь наклонившись к самому лицу бедолаги, можно было услышать все ту же странную просьбу найти ему затерявшуюся мышь.

— Суженый это мой, — пояснила ведуну Оринка, печально глядя витязя по растрепавшимся волосам.

— Уж больно он умишком скорбен, — кряхтя, с явным неудовольствием произнес почтенный старец. — Нешто лучше парня не сыскалось?

— Недуг у него — злым колдовством наведенный! — вспыхнула юная прелестница. — Нелюдь бездушный, Макрас из Офты, изъял светлый разум его, а все едино, доподлинно мне ведомо, что он — суженый мой. Я лик его в заветной воде видала тем самым утром, — она замялась, — когда гости заезжие в наш лес пожаловали.

— Че за на фиг?! — Валявшийся у костра Вадюня возмущенно повысил голос, так что уши спящего на крыше повозки грифона сами по себе встали торчком. — Я типа не врубаюсь! Ты че, нас в натуре прокинула?! Мы тут, ля-ля тополя, морда в пене, короля ищем, а ты, если по жизни, без базара говорить, с нами урулила, чтобы лямуры хороводить?! А туда же: «Мы типа за базар отвечаляем! Мы конкретно с САМИМ на связи!»

— Охолонь, витязь! — гневно сдвигая брови, прервал исколотого ревностью Вадима дед Пихто. — Кудесники лишнего не скажут. Коли уж веший язык произнес что — так, стало быть, оно и есть. Сей молодец, хоть ныне разумом слаб да недужен, свое дело в нужный час сделает. А ты и то себе в голову возьми, что когда б ни увязалась внучка моя с вами, то и меня на дороге лесной нонче бы не оказалось. Не желаешь ли еще разок, для вразумления, о дуб-столеток с разгону шмякнуться?!

Вадим, не обрадованный предложением спасителя, обиженно пробубнил что-то себе под нос и, с натугой поднявшись, побрел в темноту, чтоб в гордом одиночестве переварить нежданное «вероломство» подруги.

— Молодо-зелено! — глядя вслед несостоявшемуся преемнику Барсиада II, вздохнул Кудесник. — Ну, да ладно: перемелется — мука будет, а мы пока хворым займемся.

Он приподнял пальцами веки Финнэста, точно надеясь отыскать последние остатки разума в скрытой части глаз:

— Эх, бедолашный! — Дед Пихто обернулся к внучке. — Нешто и впрямь Макрос из Офты заклятие наложил?

— Он самый, — подтвердила Оринка. — Токмо без заклятия дело было. Превращательной сетью он витязя опутал.

— Вон оно как! — Нашбабецос забрал длинную седую бороду в кулак. — Ишь ты, сеть превращательная! Слыхать, краем уха слыхивал, а воочию зритъ не доводилось. Поглядим, что сделать можно.

Ведун открыл холщовую суму и достал оттуда некое приспособление, что-то среднее между стетоскопом доктора Айболита и дудкой для заклинания кобр. В голове у меня живо нарисовалась карти-

на: Нашбабецос, скрестив по-турецки ноги, извлекает из своего магического инструментария заунывно-протяжную мелодию, а из Финнэста, точно зачарованный музыкой аспид, выползает обувавший его злой дух. Но действительность превзошла все ожидания. Дед Пихто наклонился к яме, в которой горел костер, и начал втягивать дым, точно коктейль из высокого бокала.

— Это он чего? — прошептал я, обращаясь к Оринке, но та лишь поднесла палец к губам, не желая тревожить целителя. Затем в руке старца невесть откуда взялся пучок какой-то сильно пахнущей травы. Дурманящий аромат, стелясь, пополз по лесной прогалине, проникая в ноздри и туманя мозги.

— А это еще что? — полюбопытствовал я, но вновь не удостоился ответа.

Вместо слов дед Пихто поднес свой магический агрегат к лицу заблудившегося в поисках мыши витязя и выдохнул клуб дыма сквозь свой засушенный букет. Полупрозрачная белесая пелена окутала голову гридня, точь-в-точь недавний туман.

— Ну-тка, что тут? — Кудесник начал пристально вглядываться в окружающую Финнэста дымку. — Ага, вот! Глянь-ка!

Эти слова относились к Орине, но я так же без труда разглядел то, на что указывал мудрый старец. Тусклый, едва светящийся лучик, чуть толще обыкновенной нити, пульсируя, тянулся от левого виска куда-то прочь, в ночную тьму. След его прерывался там, где заканчивалась навеянная Кудесником дымка, но, по всему видать, тянулся он в неизвестное далеко.

— Вот она, привязка! Сыскалась! Отсель к превращательной сети ниточка тянется!

— А пресечь ее можно? — скороговоркой произнесла девица-красавица.

— Напасть, ранее неведомая, — развел руками дед Пихто. — Поди, никто еще доподлинно не знает, как сию беду обороть. Что могу, я на нем испробую, но ежели не осилю злого чародейства — не обессудь. Одно скажу наверняка: слыхивал я, имеются такие земли в наших краях, где всякое чародейство сил лишается. Зовутся они Неконекты, а вот где искать их — не ведаю. Но лишь там суженый твой вмиг себя обретет.

— А ну, стой! — раздался из темноты грозный рев Вадима, похоже, отыскавшего в лесу козла отпущения. — Куда щемишься, осталужало хреново? Замочу, в натуре!

Глава 25

**Сказ о том, что все не станет на свое место,
пока оно занято другими**

Ночная тишина — приют для пустопорожних страхов. Всякий ежик, пробежавший по сухой листве, мнится крадущимся тигром, а вскинувшаяся от дурного сна птица — не менее, чем притаившимся драконом. Бог весть кого из этих «хищников» учゅял в потемках Вадим, но, судя по его мрачному настроению, он был готов задать трепку любому, кто подвернется под руку.

— Эгей! — упреждающе раздалось из темноты. — Не дури, витязь!

У меня отлегло от сердца. Прозвучавший в ночной тиши голос, к нашей радости, принадлежал сотруднице Волшебной Службы Охраны, верной боевой подруге — очаровательной Делли, дочери Илария. Еще не стих звук этих слов, как деревья и разросшиеся под их кронами ветвистые кустарники осветила вспышка магического огня. В сиянии, залившем лес, была отчетливо видна устало бредущая фея с вороным конем в поводу.

— Во, блин! — Настроение Злого Бодуна заметно улучшилось. — Делли! Ну, зашибись!

Трудно представить себе, как именно могущественная чародейка восприняла столь неординарное пожелание, но в любом случае виду она не подала.

— Ох, притомилась! — подходя к костру, с треском поедающему хворост, проговорила фея. — Насилу вас отыскала! Знатно следы замели. Когда б лесовики не поведали, что вы с золотою казною утекли, кто знает, сколько б по чащобе плутала.

— А при чем тут в натуре голда? — с недоумением спросил у «вернувшейся в семью» Ратников.

— Нешто не ясно? — Делли покачала головой. — Лесовики-то — народ приметливый. Всяк свой пенек, свою травинку от корней чует. И Златовьюн Бурая Шапка промеж них не последний. Хоть и робок, да ремесло свое знатно разумеет. Такую-то уйму золота он верст за сто приметит!

— Н-да. — Я скривился. — Следок неприметный, но ясный. Хорошо еще, что кто другой не сообразил искать нас таким способом!

— Не дело молвишь! — принимая из рук Оринки лепешку с козьим сыром, покачала головой Делли. — Кому другому Златовьюн,

поди, и не покажется, а уж к злату так и вовсе не приведет. Да и недосуг было нынче ворогам за вами погоню снаряжать.

— Отчего так? — оскорбился я столь явным пренебрежением.

— Поважнее дела сыскались. Нынче, как сеча промеж Юшкой и Кукуевым сыном завязалась, я уж было понадеялась, что сложат они свои головы на безымянной просеке или же хоть раны какие получат, чтоб субурбансскую землю на ключья не раздирать. Оно бы и к лучшему, ан нет! Как вы знак подали, я разом из виду пропала, а Юшка, сообразив, что его в засаду, точно щегла в силок, заманили, вмиг коня поверотил да с малой дружиной наутек пустился. А врөвень с ним Ян Кукуевич. Оба к Елдину первыми норовят поспеть.

— Эка невидал! — раздался из темноты насмешливый голос Поймай Ветра. — Яну-то небось и невдомек еще, что в тайнике у него, что охчей у клифта в начинке¹. Вот он и рвется первопутком добежать. Ну а тот, второй терпила, небось дорогу ему заградить желает.

— И ты здесь, прохвост! — взглянув на меня в темноту, проговорила Делли, наконец замечая отыскавшего в стороне Поймай Ветра.

— А то! — В темноте не было видно, но я вмиг представил себе, как расплывается в широкой улыбке наглая рожа продувной бестии. — Плотняк мазовый² — как без меня?

Дед Пихто и Оринка с удивлением взорвались на нашего спутника. Можно было биться об заклад, что прежде им никогда не доводилось слышать столь изысканных оборотов речи.

— Я ведь их, поди, обоих на хомут взял.

— Ограбил, — машинально перевел я.

Парнишку прямо распирало желание похвалиться своими подвигами. Но понимающая публика по большей части не очень его понимала. Да и мне, честно говоря, воровская речь нашего союзника была ясна далеко не всегда. Осознав этот огорчительный факт, удрученный Поймай Ветер чуть помедлил, с надеждой оглядывая слушателей, и, не найдя сочувствия, заговорил со вздохом:

— Я это, когда Кукуевич одинцу голову мутыл, фальшак у него из-под носа потянул. Он, значит, встрепенулся и побег тайник проверять — все ли на месте? Я, стало быть, ему за спину и приkleился. Он, значит, дух перевел, дрожь унял, и назад, мозги полоскать. Тут я настоящего медвежонка-то и выпотрошил.

— Ларец запирающийся вскрыл, — перевел я для лесных жителей, чтобы не обрушили на голову ловкого пройдохи праведный гнев

¹ денег в кармане у ограбленного.

² Выгодное дело.

за измывательство над ни в чем не повинным детенышем лесного хозяина.

— А я что сказал? — удивился Поймай Ветер.

— Не важно, — отмахнулся я. — А узечки — твоя работа?

— Не-а, на что мне такая шелупонь? Это демонята учудили. Мне еще в лес вернуться надо было да грибов набрать. Так что я первый ларчик с птичьими костями Кукуеву сыну подкинул, а сам за стену утек.

Повествование юного прощелыги, вероятно, зазвучало бы куда цветистее, когда б он изъяснялся на своем профессиональном сленге, а не на странном наречии, привычном для остальных присутствующих.

— Вот они, — досадуя на скучность речи, проговорил Поймай Ветер, доставая из-за пазухи массивное, старинной работы кольцо, должно быть, в незапамятные времена украшавшее десницу легендарного Хведона, и увенчанный золотой короной затейливый ключ с бородками, напоминающими карту берегов Норвегии. — Нате. Все чин-чинарем, как сговаривались!

Я глядел на пронырливого воришку, на бесценные предметы, которые он протягивал, и язвительная мысль коросдом точила мозг: дойди этот ловкач до королевской сокровищницы, и через несколько дней Субурбания уже торжественно отмечала бы восшествие на престол нового законного государя — Поймай Ветра I. В сущности, что отделяло нынче этого неуемного прохвоста от королевского венца? Уж никак не страх перед занятymi волчьеи грызней соперниками. Этот вор-одиночка был наверняка ловчее их обоих и порознь, и вместе взятых. А уж в скорости оценки ситуации ему и вовсе не было равных. Не привлекая особого внимания, он мог просочиться в любое окно, в любую дверь, в самую маленькую щелочку и возникнуть под носом у полканьей стражи с полным набором священных реликвий в руках. Думал ли он об этом? Может, да, а может, нет, но в любом случае догадывался. Ведь если за этим золотым ключиком и антикварным перстнем столь яростно гонялась пара рьяных властолюбцев, то уж точно не новый кукольный театр они надеялись отыскать за дверью, спрятанной по ту сторону старого холста.

— Так берете или как? — прервал мою задумчивость Поймай Ветер. — Сговаривались же! Уговор — он дороже денег.

— Берем, — приходя в себя, подтвердил я.

— И стало быть, золото, что в возке, теперь мое? — настороженно поглядывая на Делли, Вадима и чащобного патриарха, уточнил мой собеседник. — Отмерить могу, сколько пожелаю?

— Базара нет, — вмешался Ратников. — Все натурально, как договорились.

— И могу, безо всякого, с хабаром уйти? — вновь переспросил вор, должно быть, впервые сталкивающийся с таким легкомысленным отношением к драгметаллу.

Еще никогда подобная уйма золота не доставалась ему столь просто, и это немного настораживало завзятого проходимца. Он молча передал мне украшенные реликвии и подошел к возку.

— Так я тогда поеду?

— Куда ж ты, в темень-то? — всплеснула руками Оринка. — Не ровен час в овраг скатишься! А то ведь и стаи волчьи здесь гости не редкие.

— Ништо, — ухмыльнулся Поймай Ветер, открывая дверку возка, за которой хранились сокровища. — Уж как-нибудь. Тут вон хоботье всяко ваше навалено, так вы уж его заберите. Мне эта колдовская рухлядь ни к чему. Спасибо, натерпелся.

Мы с Вадюней, не сговариваясь, бросились к повозке. «Мосберг», волшебные зеркальца и прочее содержимое нашей клади лежали здесь же, очевидно, аккуратно подобранные рачительной стражей.

— Уж и не знаю, как благодарить! — Я ошарашенно развел руками и улыбнулся парнишке.

Тот лишь дернул плечом.

— Да ну, плевое дело! К чему ж мне обман-то чинить! Все по чести, что взял, то мое, а чужого не надо!

Столь неожиданное заявление едва не заставило меня расхочтаться, но я сдержался, не желая обижать «высокого мастера». Все остальные тоже хранили молчание, должно быть, проникнутые необычайностью момента.

Когда с разгрузкой имущества было покончено, Поймай Ветер снова взгромоздился на козлы и замер, задумчиво глядя на лошадей.

— Вот же ж ерунда какая получается! Этакая-то куча денег — и все мои!

— Заслужил! — напутствовал его я. — Пользуйся!

— Легко говорить. — Поймай Ветер спрыгнул наземь. — А я ведь как?.. Я ведь вот что! Я этих денег от вас не возьму. — Он решительно положил кнутовище на передок возка.

— Это еще почему? — Я с нескрываемым удивлением уставился на специалиста по скрытому изъятию чужой собственности.

— Не вдуплил, — в тон мне вторил Вадюня. — Ты, братан, часом, не приболел ли?

— Не, ну не то чтоб совсем не возьму, — пошел на попятную испуганный собственным альтруизмом Поймай Ветер, запуская руки в сокровищницу. — Хвостней этак пятьсот, а то и тыщу, отчего ж не взять! И мне не без пользы будет, и по справедливости все получится.

А то ведь, сами посудите: нынче мне король не указ и Солнце-лик — брат родной. Куда иду, то лишь ветер знает, а чем живу — и ему ведать ни к чему. А тут — оглашенные тыщи! А что мне с ними делать?! Прожить их? За всю жизнь не проживешь. Прогулять? Так ведь с ними и ум прогуляешь. Нынче у меня ремесло на руках, какое ни есть, а все мое. И лучше моего, поди, никто в нем не смыслит. А с этакими деньжишами-то как? Ну, положим, куплю я там себе дом или замок, хозяйство заведу — дальше-то что? Покою у меня и на полушку не будет, потому как я ж лучше всякого разумею, что, где и как с ветра оторвать. Я в каждом прохожем блатаря чуять буду. На што мне этот ветошный кураж?! Ни радости, ни покоя — сиди да трясишь, как бы свой сботорь тебя клюквенным соком не умыл¹. Не, фреем² быть — не по мне! Так что за еду благодарствую, за компанию — поклон низкий, а только не время мне засиживаться, а то оно как бы меж двух не остаться³. Так что побреду я, пожалуй. Если что не так, не поминайте лихом!

Последние его слова прозвучали уже из темноты, и очень скоро даже звук его шагов не был слышен в лесной чаще.

— Чудны дела твои, Господи! — тихо произнес я, глядя вслед юноше.

— Да уж, курьез предивный! — подтвердила мои слова Делли, пожалуй, лучше всякого знавшая повадки огнекудрого нарушителя королевского покоя.

— Что ж мы теперь со всем этим делать-то будем? — Она приняла из рук Вадима заветные сокровища, чтобы получше рассмотреть их. — Вот ведь закавыка-то какая! И ключ себе как ключ — самую малость лучше того, каким амбары запирают. И перстенек, хоть и

¹ преступник кровь не пустил.

² богачом.

³ не попасть впросак.

работы давней все ж, не бог весть что. А ведь, поди ж ты, экий сыр-бор из-за них разгорелся!

— Может, теперь-то в самый раз вашему преимуществу в столицу ехать? — Дед Пихто выжидательно поглядел на Вадима. — Что уж теперь пропажу-то искать? Или кто его за эти дни спрашивал, с ног сбивался, под всякий камешек заглядывал? Вроде бы никто. Собаки злые, что нынче в лесу друг другу в горло норовили вцепиться, и ухом не повели, чтоб благодетеля своего отыскать. Ты ж, по всему видать, куда как складнее их будешь. К чему у моря погоды ждать? Сам не-бось узрел, как удача тебе ворожит — все одно к одному! Барсиад, поди, давно уж мертв, а Юшка с Кукуевым сыном, коль уж дело до мечей дошло, пока друг дружку жизни не лишат — не угомонятся.

— Да ну, в натуре! — стеснительно отмахнулся Вадим. — Какой из меня, к бениной бабушке, король?! У меня ж типа сердце есть. Да и не люблю я этого.

— Чего этого-то? — подал голос Несусветович.

— Ну, когда тебя вроде как облизывают и конкретно в задницу расцеловать готовы, а сами только и смотрят, как бы грызануть, — окончил тронную речь исполняющий обязанности государя. — В натуре, не по мне это!

— Может, тогда вы, господин одинец? Отчего бы нет? — Дед Пихто пристально уставился на меня, и лицо его, освещенное скучными отблесками упрятанного в яме костра, напоминало лик Мифистофеля, объясняющего всезнайке Фаусту выгоды предстоящей сделки.

— Почтеннейший господин Нашбабецос, к чему эти разговоры? В конце концов, вы же кудесник! Вам, должно быть, уже подлинно известно, кто будет новым королем, если таковой в обозримом будущем предвидится. Надеюсь, что Нычка по прямой связи вам уже сообщил политический прогноз на ближайшее полугодие. Мне, честно говоря, это не очень интересно. Меня с самого начала и сейчас больше интересует другое: где находятся король Барсиад II и все прочие исчезнувшие вместе с ним люди? Каким образом было совершено означенное преступление и какой цели добиваются преступники?

— Известно какой. — Дед Пихто удивленно вскинул брови и длинным прутиком сбил пепел с пылающего в костре полена. — Самим на трон сесть да королевство к рукам прибрать.

— Боюсь, для нас все намного сложнее, — покачал головой я. — Ну да ладно. Скажите мне лучше вот что. Не так давно вы мне гово-

рили, что, по вашей информации, король жив, но его невозможно опознать, должно быть, опять-таки из-за колдовства. Теперь же вы утверждаете, что король мертв. Могли бы вы остановиться на этой загадке подробнее?

— Мне что ведомо, то я и говорю, — обиженно насупился старец. — Кудесники уст своих кривдой не марают!

— Это мне уже известно, — обнадежил я собеседника. — Но все-таки давайте вернемся к Барсиаду.

— Деда правду говорит, — вступилась за предка Оринка. — Не жив государь, и люди его промеж живых не значатся. Однако же, — предупреждая мой вопрос, продолжила она, — и промеж мертвых их нет. Участь у них теперь иная — долгая и неспешная.

— А конкретнее? — досадливо бросил я, внутренне негодуя на всю породу кудесников за обычай говорить загадками.

— Что видела глазами своими в волшебной глади — об том и говорю, — вслед родственнику оскорбилась девушка.

— Как же, дождешься! — недовольно вставил свои пять копеек не отошедший от приступа ревности Вадюня.

— Погоди, — оборвал я сетования не в меру разошедшегося друга. — Оринушка, солнышко, будь добра, расскажи толком, что именно ты видела в своей волшебной глади?

— Вначале узрела я там битву лютую, — нараспев заговорила кудесница. — Сошлись в той смертной схватке два недруга — один росточком невелик да волосыем долог, другой же высок да строен, а и не строен вовсе, но точно долгим бескорыем источен. Бились они безо всякой пощады не день, не два, а много недель кряду.

— Да ну, гониво! — вклинился Вадюня. — Как такое может быть, в натуре?

— Помолчи, — шикнул я, и оскорбленный в лучших чувствах витязь, насупившись, отошел к повозке — чистить свой ненаглядный «мосберг».

— ...И на земле бились, и на воде, и по небу, точно птицы, летали.

— Бред! — послышалось из темноты.

— А сколько ни бились, одолеть друг друга не могли, — продолжала кудесница. — Но час пробил, и тот, длинный, рубанул ворога своего под самый шелом! Тут-то коротышке и конец пришел! — Она замолчала, чтобы перевести дух.

— Замечательно! — прокомментировал я. — А дальше что было?

— Дальше? — потупилась Оринка. — Финнэста лик мне явился. И дом наш — полная чаша, и ребятишек орава...

— Н-да, — вздохнул я, не зная, что и сказать. — Вероятно, тебя следует поздравить с таким будущим, но...

— Это не все еще, — заторопилась Оринка, понимая, что мои чувства сейчас довольно близки тем, которые испытывал сейчас Злой Бодун. — Видела я гору высокую. Сама она белая, да вся словно огнем залитая. И вид у той горы — точно перст к небу поднятый. А под самою вершиной в каменях замок вырублен. Вокруг него же, точно частокол, люди выстроены. Ликом серые, видом страшные — не живые, не мертвые, точно идолы древние.

— Угу. — Я поскреб небритую третий день щетину. — Содержательные видения! Значит, теперь нам следует искать забор на отвесной белой скале, объятой пламенем. Занятное, должно быть, месечко! А больше никаких, так сказать, подсказок не было? Ну, где находится эта скала? Может, город какой рядом был?

— Так ведь, — с ужасом, точно опасаясь собственной догадки, прошептал валявшийся без дела Фуцик. — Так ведь это ж Алатырь! Я знаю это место! Своими очами видел! Гора, точно палец, вся белая и пламенем залитая. И ведь что странно: за версту от берега в небе ни тучки, а скалу ту не видно. А лишь к берегу пристали — вот она, как на ладони.

— Так-так. — Я подхватил мысль непутевого мага. — А бой, который Оринка видела в самом начале, выходит, схватка Тузла с его неведомым победителем? Вполне логично. Но почему Нычка решил дать нам двойное целеуказание и при чем тут Финнэст?

— При мне, — вздохнула печальная Оринка, глядя уснувшего гридня по разметавшимся светлым кудрям.

— Я не об этом! — Моя гримаса, должно быть, напоминала ту, которая бывает на морде ищечки, почувствовавшей след, когда неразумное дитя решает вдруг почесать ее за ухом. — Предположим, что Нычка дает слегка замаскированные ответы на поставленные или же, как в нашем случае, не поставленные вопросы. Почему он это делает — не знаю. Да и не моего ума это дело. Суть в другом. Что конкретно можно понять из Оринкиного видения? Субурбанские государственные деятели во главе с королем, по всей вероятности, используются в качестве изгороди на острове Алатырь. Что за жилище вырублено у самой вершины скалы — неизвестно, но искать пропавших, если верить небесам, необходимо именно там. В принципе это согласуется с версией о том, что их унесло из домов волшебным, я бы сказал, точечным ураганом непонятной природы. Об этом же свидетельствуют показания Яна Кукуевича о характере разрушений,

обнаруженных им в своем доме и домах прочих радников и урядников наутро после похищения.

— Он что же, по добной воле на вопросы твои ответствовал? — со смешанным чувством удивления и почтения проговорила Делли.

— Да уж, применить методы реалистического устрашения к нему мне не довелось. Будем считать, что по добной воле. — Я с недобрым ухмылкой вспомнил обстоятельства недавней беседы с паханом. — Так вот, в результате у нас получается довольно странное криминальное трио с невыясненной структурой взаимоотношений.

Есть, глаза бы на него не смотрели, Юшка-каан, который в этом преступлении выступает не заказчиком, как мы думали, а скорее, обычным наводчиком. Его, возможно, играют втемную. А дальше, если он остается жив, то получает долю и отваливает в ночь. Но в принципе можно допустить, что каан и его дальнейшая судьба интересуют организатора дела в сто десятую очередь.

Вторым по списку идет исполнитель. Очевидно, именно его жилище видела Оринка в магическом отражении. Поскольку Юшка, при наличии соучастника, обитающего на острове Алатырь и, несомненно, обладающего колоссальной волшебной силой, продолжает разыскивать ключ и кольцо, то он либо не знает ничего о личности исполнителя, либо этот последний, так сказать, наемник, которому без разницы, против кого обращать свою мощь.

— Может, это тот, другой, который с Тузлом рубился? — неуверенно предположила Оринка.

— Может, — с сомнением кивнул я. — Но тогда следует предположить, что он до сих пор жив, а это маловероятно.

— А если это типа клан?

— В каком смысле? — не понял я.

— Ну, вроде мафии, — озаренный неожиданной мыслью, начал развивать свою идею Ратников. — С тех пор в натуре тянется. Полканы — это нижнее звено. Над ними какие-нибудь конкретные парни, вроде тех, что корабль по морю сопровождают. А шеф у них, по жизни, шхерится, вроде не при делах, а сам бдит — не надо баловаться! — Вадим осекся. — Слыши, Клин! А в натуре, может, это Финнэст? Зря его, что ли, малая в тазике видела? Не, а че?! Что мы о нем конкретно знаем? Так, ля-ля тополя.

— Не городи чушь! — вздохнул я.

— А че, типа? — обрадовавшись возможности подсолить доставшийся Оринке «сладкий кус», разливался соловьем Злой Бодун. —

Он нам туфту прогрузил — мы и схавали! А теперь, может, вообще под дурака косит, а сам...

— Как ты можешь, Вадим?! — вспыхнула Оринка.

— Не, ну ладно, может, не косит, — продолжал выступать Ратников. — Может, он теперь в натуре по жизни малахольный? Может, его Макрос оттого замочить и хотел, что он типа слишком много знал?

— Вадик, ты болтаешь ерунду. — Я поднялся, чтобы размять затекшие после долгого сидения ноги. — Кроме твоих основанных на ревности доводов, ни малейшей улики против Финнэста у нас нет.

— А с какого угла он тогда по этому делу оперся? — продолжал огрызаться Ратников. — Просто так его, что ли, Нычка выяснил?!

— Это мне неизвестно, — честно признал я. — Но со временем наверняка все станет на свои места. А ты бы остыл, а то ведешь себя, как последний идиот.

— Да ну, обидно, — тускнея на глазах, вяло пробормотал Вадик. — Я ж со всей душой...

Он умолк и вновь начал любовно драить ствол волшебного копья от порохового нагара.

— Меня, други мои, вот что занимает, — вступила в разговор задумчиво молчавшая фея. — А что, ежели Макрос из Офты, Финнэста нашего сетью своей зачаровав, не токмо разум ему нескончаемым сном туманит, не только всякую его мысль знает, но и глазами его вокруг себя видеть может?

— Об том я не подумал, — проговорил дед Пихто, обеспокоенно шаря в своей холщовой суме. — Как бы сие доподлинно вызнать?

— Вы хотите сказать... — начал я, — что со временем нашей встречи с Юшкой в заповеднике третий член банды, вероятный организатор и заказчик расследуемого преступления, контролирует практически каждый шаг следственной группы?

— Да тут шагов-то! — иронично хмыкнула Делли.

— Какая разница! — возмутился я. — Важен сам факт.

— Ступайте-ка лучше спать, соколы ясные, — примирительно заговорил дед Пихто. — Обмозгуем мы с феей-матушкой, что тут поделать можно. А ныне — сами гляньте: спит бедолажный юнец без сил, точно дитя малое.

— Хорошая мысль, — устало согласился я. — Может, на свежую голову что еще прорежется!

— А ключик с гайкой куда? — вернулся к началу беседы исполняющий обязанности государя. — Зря, что ли, мы в натуре жили рвали?

Над лесной полянкой повисла тишина. Лишь где-то поодаль с пыхтением маршировал по опавшей листве еж, и притаившийся в дупле филин сигналил родне, что готов начать охоту.

— Ну, ежели нету здесь того, кто их себе примет, — поглаживая окладистую бороду, прервал молчание дед Пихто, обведя взглядом присутствующих, — то я вам так скажу. Пусть сокровище это до времени от людей склонится. Златовьюн Бурая Шапка ему будет надежнейший хранитель. Это я вам точнехонько говорю. А как час придет, так святыни эти нужному человеку сами явятся.

— Что, — усмехнулся я, — видение было?

— Навроде того, — согласился дед Пихто. — Но коли поразмыслите, то, пожалуй, сообразите, что сей путь — наилучший.

— Хорошо, — устало вздохнул я. — Поразмыслим.

Я люблю просыпаться в лесу, когда лучи солнца, пробиваясь сквозь зеленую листву, начинают щекотать лицо, а птицы, распевшиеся еще перед рассветом, устраивают концерт в честь твоего пробуждения. Но это утро было с самого начала безнадежно испорчено истошным воплем нашего кандидата на королевский престол, будь он неладен, Вадима Ратникова.

— Клин! Просыпайся, Фуцик сбежал!!!

Глава 26

Сказ о пламенном моторе

Это была первая ночь, которую я в этом чудесном мире спал более или менее спокойно. Даже комары, должно быть, заботами семейства Нашбабецосов если и кусали, то пищали исключительно беззвучно. И вот после такой замечательной ночевки — нате, здрасьте!

— Клин, ну что, ты уже проснулся? — Вадим тряс меня за плечи с такой силой, что, того и гляди, можно было уснуть навеки.

— Да, — коротко ответил я, вылезая из спальника. — Чего ты кипещуешь?

— Я же тебе говорю — Фуцик сбежал! — не понимая, как подобное известие может оставлять меня равнодушным, вновь повторил могутный витязь.

— Ну и делов-то? — Я потянулся с нескрываемым удовольствием, разминая затекшее за ночь тело. — Подумаешь — сбежал! Он регулярно это делает. Может, у него хобби такое. Скажи лучше, воду на кофе уже поставили?

— Клин, в натуре, я тебя не догоняю! Он же все конкретно слышал!

— Это ты не меня не догоняешь, это ты его не догоняешь, — продолжая утреннюю зарядку, уточнил я. — Чего же он такого невероятного услышал, что его побег должен нас тревожить?

— Ну, типа про ключ с кольцом и про все расклады с видением, с Юшкой и Макросом.

— Ай-ай-ай, какая незадача! — Я начал вращательное движение головой, вызывая прилив свежей крови к мозгу. — С видением, если ты вдруг запамятовал, мы и сами не особо разобрались. И все, что мы узнали из него действительно ценного, подсказал именно Фуцик. Расклад с Макросом и Юшкой на данный момент тоже стратегической тайной не является. Но... — я остановился, — зато мы можем предполагать с очень высокой степенью вероятности, куда именно поскакал наш зайчик-побегайчик.

— Куда? — удивленно глядя на меня, поинтересовался Вадим.

— Тебя мучают сомнения? Конечно, к Юшке!

— Не врубился, с каких таких делов? — Вадим удивленно заморгал, точно в результате физических упражнений у меня на лбу открылся третий глаз.

— Вадик, напряги воображение. Во-первых, благодарность Кукуевича ему уже хорошо знакома.

— А если он типа с самого начала был наседкой? Если его в натуре шеф приставил на нас стучать?

— Он бы тогда и стучал. Скажем, при помощи того же зеркала, а не бегал взад-вперед, как наскакидаренный! Но это к делу не относится.

Итак, номер второй в рассуждениях господина Фуцика: кто стоит за Кукуевым сыном, думает он. Местный криминалитет, и то, я надеюсь, далеко не весь. А кто за спиной Юшки? До этого часа наш магический беглец наивно полагал, что Союз Кланов. И заблуждался! Положение, оказывается, значительно более запутано, чем он мог предположить. Он мог догадываться, что каана поддерживает мур-

люкский Генеральный Майор. А это, к чему лукавить, сила немалая. Но майор сегодня один, завтра другой. Не всем же им жена Юшки родней приходится!

Но теперь перед его глазами замаячили Макрос и его превращательная сеть. А это совсем другое дело. Это, как говорится, все-рьез и надолго. Причем у меня есть подозрения, что и сам господин Джин-джи Воош — нынешний глава захребетников, тоже давным-давно в сетях запутался. Помнишь, несколько дней назад мы слышали историю про то, как деспот страны Икраб — Агдам Бассейн вывел против своих врагов страшную ужасную муху замедленного действия. Я полагаю, Макрос не преминул использовать сеть для защиты Генерального Майора от невидимой, однако всем угрожающей опасности.

— И что, теперь этот хрен с бугра, как Финнэст — с мозгой на бекрень?

— С головой у него точно ущерб, это вся кому известно. Что же касается его состояния, об этом ничего сказать не могу. Но и Фуцик наверняка о нем ничего не знает. Увиденное же своими глазами его основательно впечатлило.

Так что, по разумению этого кукушонка из Соловьиного гнезда, теперь сильной стороной является Юшка; а значит, ему он служить и будет. Так сказать, верой и правдой, о которых он, как мы помним, имеет довольно неопределенное представление. С большой вероятностью можно сказать лишь одно: каан в столицу ломиться не будет, а предоставит королевскому наушнику пробовать силы в сокровищнице.

Если вдруг Ян Кукуевич туда с фальшаком сунется, то единственное, что для него можно будет сделать, — принести цветочки на безвестную могилку. Вряд ли, конечно, так случится. Кукуев сын зверь пуганый, не зря на каторге ошивался, скорее всего соломку подстелит. Но это уже не наше дело. А Фуцик пусть себе бежит, пусть докладывает, что ключ и кольцо со Златовьюном в землю ушли и теперь лишь достойному, так сказать, королю божьей милостью, явятся. С хода это Юшку наверняка съебет. Вот и глянем, что они при такой расстановке сил делать собираются.

— А мы? — Несколько обескураженный разбором полетов Вадюня почесал затылок. — Мы типа что?

— Мы попьем кофе, сдадим достояние королевства на ответственное хранение и направимся к славному городу Харитиеву за паролем. Поскольку видения к делу не подошьешь, то Барсиада II,

живого или мертвого, нам следует представить для всеобщего обозрения. А раз без заветного слова, по уверению нашего информатора, на остров не попасть, — на повестке дня Сфинкс, как бы нам с тобою это ни было противно.

Восточный берег Непрухи даже на первый взгляд весьма отличается от западного. И суть даже не в том, что первый высок и обрызист, а второй радует пляжами золотисто-белого песка, упрятанными под тенью задумчивых верб. И не в том, что густолесье в этих местах сменяется раздольной степью, в которой светлые березовые рощи стоят, опасливо поглядывая вокруг, точь-в-точь юные школьницы на экскурсии. Кажется, что и сами люди здесь дышат по-другому, словно воздух где-то посреди широководной Непрухи меняет свой химический состав.

Мы почувствовали это сразу, едва ступив на паром, перевозивший за умеренную плату желающих из поселения на правом берегу к тракту и пойменным лугам на левом. Скучавший под навесом паромщик, едва завидев всадников на необычайных скакунах, радостно бросился навстречу, приглашая совершить увлекательное путешествие с берега на берег.

— Совсем задешево! — уверял он, точно мы намеревались просить у него скидку на оптовый перевоз. — А что за виды! Где вы еще найдете такие виды! Порадуйте ваших дам! Они будут вспоминать это путешествие много лет и снова приедут сюда, чтоб вы их перевезли еще и обратно!

Мы не заставляли себя долго упрашивать и вовсе не походили на праздношатающихся курортников. Хозяин парома увещевал нас из любви к искусству. За первые же минуты неспешной прогулки по волнам главной водной артерии Субурбании мы выяснили о перевозчике все, что имел он сообщить таким случайным клиентам. Мы знали уже, что он не местный, что работает здесь от ледохода до ледостава, что дома ждут жена и дети, что дом этот в старинном городе Болтаве, о чем не упускал возможности напомнить всякий раз, улучив момент между расхваливанием наших коней, «чудного зверька» и дам.

— Какие кони! Ах, какие кони! Уж поверьте, у нас в Болтаве в этом толк знают. К нам на ярмарку за скакунами со всех краев всякий год съезжаются. Точно-точно! Либо коня прикупить, либо зазнобу присмотреть, потому как прекраснее наших девушек и не сыскать нигде! Вот я на вас гляжу, — обратился он к Делли и Оринке, —

не иначе, как бабки али мамки ваши из Болтавы будут. Откуда ж в ином разе такой красоте-то взяться?!

— Издалека, — не желая вдаваться в долгие рассусоливания, отрезала фея.

— А, ну ежели издалека... — Паромщик на секунду умолк. — А теперь куда путь держите?

— На тот берег, — ответила было не расположенная к беседе сотрудница Волшебной Службы Охраны, но голос ее был заглушен не слишком, на мой взгляд, продуманным ответом могутного витязя.

— Короля здешнего ищем.

— Ишь ты! — удивился перевозчик. — А что ж его тут искать? Я с апреля народ вожу, он не проезжал!

— Да ты что! — оскорбленный непочтением к коронованной особе взбеленился сировый Вавила. — Стал бы он здесь ездить! Нешто не слыхал? Пропал государь без вести!

— Ай-ай-ай, незадача-то какая! — почесал круглую голову паромщик, второй рукой с натугой продолжая вращать массивный деревянный ворот. — Это седой такой весь, вида почтенного?

— Да что ж ты такое морозишь-то? — всплеснул руками толмач. — Седой-то — Барсиад первый был, а этот — второй, Растрепа!

— Ну, надо же! Только узнал, что у нас король сменился, а он возьми да пропади! Вот беда какая! Но здесь, по чести говорю, не было его. Ежели вдруг объявится, я ему всенепременно передам, что вы его разыскивали.

Лицо речника было безмятежно, точно мы сообщили ему об исчезновении урожая эскимо в царстве вечных льдов, и капли пота, стекавшие по его лбу, отнюдь не были холодной испариной.

— И что? — поинтересовался я, когда веселенький бирюзовозолотистый паром ткнулся в песок левого борта Непрухи. — Тебя совсем не волнует судьба твоего короля?

— Не-е, ну отчего? — сконфузился хозяин перевоза. — Живая ж тварь, как не пожалеть! Ну а так, по совести, он мне тут ворот крутить не помогал, да и я ему советов не давал. Найдется — слава те, Нычка! А не сыщется, свято место пусто не бывает!

Времени продолжать содержательную беседу со здравомыслящим представителем левобережных субурбандцев, к сожалению, не было. Иначе нам бы довелось узнать еще немало интересного из жизни королей и паромщиков.

Мы неслись дальше налегке, поскольку большая часть казны Уряда Нежданных Дел была оставлена на попечении Златовьюна

вместе с сокровищами короны, в торговый город Харитиев, к заветной пещере, где вовсе не ждал нас Сфинкс.

— ...Так вот, — продолжил я тему причастности к расследуемому делу бездушного порождения чародея Уиллгейса, — как утверждает наша высокая экспертная комиссия в лице почтеннейшей Делли и многомудрого деда Пихто, сила Макраса из Офты, которая, по сути своей, является силой его прародителя, слишком мала, чтобы одновременно контролировать множество разнородных объектов, тем более находящихся на большом удалении друг от друга. Одним из таких контролируемых объектов достоверно является сам господин Уиллгейс, погруженный своим гениальным порождением в сладостный беспробудный сон.

Можно предположить, что к ним же относятся мурлюкский Генеральный Майор и Юшка-каан. Как мы имели возможность убедиться, внешне они сохраняют облик нормальных людей, на что, я уверен, уходит немалая часть имеющейся у Макраса магической энергии. При этом более чем вероятно, что это не единственные марионетки нашего таинственного противника. Остальные же, вон как наш Финнэст, имеют весьма печальный вид, и все же мозг их практически не получает команд, так сказать, с центрального пульта и не передает туда информацию.

— Все так, — согласилась скачущая рядом Делли. — Но о том мы с кудесником известили вас еще утром. К чему опять возвращаться к этой теме?

— Это лишь вступление, — пообещал я. — Оно подтверждает мою догадку об истинной цели Макроса. Вспомните, он был создан для облегчения банальных жизненных трудов. Для уменьшения пустой траты времени. Быстро отыскать нужную книгу, мотнуться в магазин, отписать приятелям и мгновенно доставить письмо.

Все вроде бы замечательно, но в неокрепшем сознании, или уж чем там оно является, Макраса сложилась устойчивая схема, что чем больше у него привязок к объектам, чем больше он может, тем он лучше. Как это называется? Саморазвивающаяся система. Когда Уиллгейс создавал ее, еще вовсю работала Дева Железной Воли, однако сейчас она заметно выдыхается, и сбои в мурлюкской волшебной технике тому яркий пример. Макрас же — система куда более сложная, чем вся эта магическая галантерея, и, как следствие, ему стало резко не хватать энергии. А она ему нужна для продолжения жизни, или вернее, для продолжения решения поставленной задачи, что для него равносильно жизни. Поставленный в безвыходное

положение, он недолго думая, по-видимому, это вообще не в его привычках, усыпал своего хозяина. Однако вовсе не из злого умысла, я уверен, что старый маг видит восхитительные сны, живет в них так, как никогда не жил и не мог жить в этом мире. Макрос попросту не мог допустить, чтобы основной энергетический источник работал вхолостую. Но сила Уиллгейса, как бы ни был он могуществен, — это лишь полумера. Ее не может хватить для успешного завершения поставленной Макрасом задачи.

— А какова задача-то? — не удержался от вопроса урядник.

— Улучшение жизни человечества, — легко, словно между прочим, бросил я. — Всего человечества в целом.

— Благое дело, — вздохнул Несусветович. — Столько еще всякой мрази в природе людской! А вот хоть огнем жги, хоть варом заливай, — все одно лучше не станет.

— Очень верное замечание, — с усмешкой согласился я. — И вот, чтобы избегнуть этой мерзости, к голове каждого должна быть приделана нить — вон как к Финнэсту, и через нее всем и каждому будет внушаться, что правильно, а что нет, как следует поступать, а как не следует. По сути, даже холодно, или жарко, — можно будет контролировать из единого центра, поскольку, если мозг не воспринимает сигналы организма, ему все равно, как обстоят дела вокруг, на самом деле.

— И кто ж судьей-то над всеми стать решится? — испуганная нарисованной мною мрачной картиной, вздрогнула Оринка.

— А никто, — пожал плечами я. — Ведь чем судья, по идее, отличается от любого встречного-поперечного? Тем, что он отвечает за свои решения. А Макрас за что отвечает? Да ни за что. Души у него нет, а все убеждения, понятия о том, что хорошо, что плохо, — своеобразное наследство старого мага. Мне не довелось знавать этого чудака-книгочея, но хочется верить, человеком он был хорошим.

Однако энергия его иссякает, а сделать нужно еще ого-го сколько. И вот тут-то на сцене появляется остров Алатырь, он же Буйн, он же коса Тузла. Судя по тому, что нам удалось выяснить, этот самый Тузл, или же коса, отдельно от него, уже не одну сотню лет, а может, и не одну тысячу, продолжает успешно функционировать, выдавая на-гора огромное количество магической энергии. Я уверен, что превращение орехов в золото и драгоценные камни — это всего лишь побочный эффект проявления его волшебной силы. Все равно что жарить яичницу на вулкане.

Именно эта мощь, а не какая-то материальная или же стратегическая выгода, и нужна мурлюкам, вернее, их Генеральному Майору, а через него — Макрасу. Но если Тузл, по странной прихоти судьбы, в той или иной форме жив, то, я полагаю, после колонизации его острова установки Уиллгейса в мозгах его порождения могут смениться на мироощущение Тузла. Таким образом, мы получим бездушное творение холодного человеческого разума, имеющее практически неограниченный запас энергии и планирующее, с самыми благими намерениями, в силу заложенной программы, взять под контроль все, что шевелится.

— Ну а что не шевелится, типа расшевелить и проконтролировать, — вставил Ратников. — Ну а Барсиад-то здесь в натуре при чем?

— Как говорил мистер Холмс, «элементарно, Ватсон!» Остров Алатырь относится к исконно субурбанным землям. А поскольку поступления с него составляют основу бюджета страны — король Барсиад ни за какие коврижки не согласился бы впустить туда чужаков. Попытка захватить остров силой сама по себе чревата изрядными трудностями. А если вспомнить, что, по издавна существовавшему договору, за Субурбанию вступится Грусь, то и вовсе глобальной войны не избежать. Но, как говорят математики, если при заданных условиях задача не решается — необходимо изменить условия.

Юшка-каан наивно полагает, что именно ему в угоду мурлюки расчистили и трон, и место вокруг него. Но скорее всего это не так. Последние годы этого умника холили и лелеяли для исполнения прописанной роли, как индюшку для рождественского ужина. Согласно плану Макроса, король исчезает, Юшка занимает трон. Мурлюки, по новому оборонительно-наступательному договору, подминают под себя остров Алатырь. Дальнейшая судьба Юшки, по-хорошему, вряд ли заботит кого-либо, кроме него самого. Усидит — слава Богу, будет лояльный государь. Если нет — никогда не поздно переквалифицировать его в мышеловы. План, на мой взгляд, вполне логичный и не лишенный элегантности. Но мы, своим негаданным появлением, и Кукуев сын, благодаря своей звериной осторожности, смешали все карты, и сыграть ими пока не удается никому.

Дорога, накатанная множеством возов и утрамбованная сотнями копыт, стелилась под ноги волшебных скакунов во всей своей красоте. Она тянулась меж готовых к жатве полей, меж садов, полных яблонь и груш, нависших поверх дощатых заборов. Она текла через небольшие уютные поселки с хозяйствами на обочине, голосис-

то предлагающими каждому проезжему нехитрые плоды своих по-вседневных трудов. Уж сколько художников живописало эту нека-зистую, пыльную, затоптанную полоску земли, но все равно, глядя на нее, особо же вслед уносящимся вдаль скакунам, сладко щемит сердце. Зовет она, манит, предвещает неведомые чудеса и невидан-ные страны и, обманув путеводной нитью последней надежды, при-водит домой, где все уже не так и не то. Дорога — извечная возмутi-тельница спокойствия. Как ни клянут порой тебя, как ни ругают, что была бы наша жизнь без твоей бесконечной ленты, бинтующей раны тоски и неприкяинности.

Мы мчались, не сбавляя хода. Остался за спиной гостеприимный, по уверению нашего паромщика, город Болтава, утопающий в виш-невых садах и всплывающий над холмами венцами крепостных ба-шен. Впереди, примерно в ста верстах, лежал Харитиев.

Сто верст — немалое расстояние для убогой крестьянской лошад-ки. Выехав с утра, отобедав в жаркий полдень в придорожной тени, аккурат к завершению работ до места и дотащишься. А уж ежели вдруг колесо на телеге слетит, или же нелегкая заставит свернуть тебя в корчму, зазывно распахнувшую дверь навстречу проезжему тракту, — тут уж, дай Бог, чтобы не пришлось ночевать перед закрытыми воро-тами.

Нам это не грозило. Наоборот — всячески приходилось аккурат-но придерживать чудесных жеребцов, чтобы не вызывать ужаса у непривычных к столу быстрой езде спутников. Но даже те примерно семьдесят кмэ в час, которые мы развивали на довольно ухабистой трассе от Болтавы к Харитиеву, не отвлекали нас от разнообразных дорожных впечатлений.

Как ни быстро неслись чудесные кони, новости в этих краях рас-ходились еще быстрее. Уж и не знаю, пользовались ли местные жи-тели волшебными зеркалами, почтовыми голубями, или же у них имелись иные неведомые способы передачи информации. Мы толь-ко притормозили на заставе у Болтавы, чтобы назвать имена и ко-нечный пункт назначения, а у врат древнего града Харитиева нас уже поджидали встречающие.

Издали, разглядев надписи, красовавшиеся на развесанных вдоль стен транспарантах, я едва не повторил вчерашний маневр Вадюни, к моему счастью, подходящего дерева рядом не оказалось.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВАДИМ ЗЛОЙ БОДУН РАТНИКОВ — ГЛАВА СОЮЗА КЛАНОВ «ЗА СОБОРНУЮ СУБУРБАНИЮ!» — гласила надпись по правую сторону от городских ворот. «НЫЧКА

НЕ ВЫДАСТ — СВИНЬЮ СЪЕДИМ!» — аршинными буквами, золотом по лазури, было начертано по левую. Для непонятливых в конце надписи красовалось вполне натуралистичное изображение разделанного синего хряка, вроде того, что украшало здесь мясные лабазы.

Посреди дороги, напрочь загораживая ее, красовался статный витязь на буланом жеребце с богато инкрустированным перначом, висящим на петле у самого запястья правой руки. За спиной отблескивающего чешуйчатой броней витязя призывающе улыбались девушки в сарафанах и кокошниках с пудовыми караваем и солонкой, при помоши которой можно было бы засолить средней величины озеро.

— Дорогие гости! — поигрывая перначом, заговорил всадник, старательно улыбаясь. — Я, городской голова славного града Хартиева, Ладимир Гудило, приветствуя вас у этих древних ворот, где мы рады видеть всякого, кто идет к нам с добрыми вестями!

— Да здравствует король Вадим I Злой Бодун! — раздалось со стены. — В Субурбании единой мы вовек непобедимы!

— А ну, цыть! — обернувшись назад, грозно рыкнул Гудило и вновь обратился к нам с прежним благостным видом. — Уж как мы рады вам, так это ж никто вам так не рад! Это ж вы к нам небось из самой столицы?! Такая-то честь нам, и в такую даль! Притомились небось с дороги! Так вы уж отведайте нашего хлеба-соли, ну и чего поболе! В общем, чтоб вы были так довольны нами, как мы вами. А там как раз в новой силе да за новые дела! Небось во всех краях Субурбании вас уже заждались! А только, где б вам ни радовались, а нигде вам так не рады, как у нас! Милости просим, гости дорогие!

— Слыши, Клин, — наклонился ко мне Вадим. — По-моему, этот орел решил накрыть нам поляну и типа сбагрить без лишних понтов.

— По-моему, тоже, — согласился я шепотом. — Но отдохнуть, поесть и вымыться с дороги нам не помешает. А там разберемся, по обстоятельствам.

Обещанный городским головой пир не обманул наших ожиданий. Лакеи, затянутые в парадные ливреи, наперебой спешили угодить сидящим за столами, подкладывая то одно, то другое блюдо в не успевающие освобождаться тарелки. Обилие снеди поражало воображение: салаты, паштеты, разносолы и дичь, икра и сыры, стерлядь и балыки сменяли друг друга, как в калейдоскопе, а количество выпитого не оставляло сознанию шанса сосредоточиться на каком-либо одном вкусе.

— Ух! — наклонился ко мне Вадим Злой Бодун Ратников. — Не, ну конкретно, они тут и жрут! Слышь, а вот так, по жизни, это они в честь нас все заколбасили, или чисто шанс трамбонуть подвернулся?

— В нашу честь, — успокоил я друга. — Чтоб мы тут не шныряли где ни попадя, как собаки непривязанные, а сидели и вкушали, пока не придет время отваливать.

— А что ж так? — огорчился Вадим и в печали опустил на стол заботливо налитый кубок. — Мы их вроде не шугали, че нас так-то гнобить? Мы ж, в натуре, не абы кто! Мы ж, типа, как там его — при... притен... претенденты.

— Это ты претендент, а мы так — группа поддержки... Но Харитиев-то — город торговый, ему что с королем, что без короля — одна забота: абы податями не мордовали да заезжали пореже.

— А! Ну, если типа так, — успокоился Злой Бодун и, потеряв интерес к этому вопросу, переключился на другой. — Слышь, а че за мужик там речь толкает, весь в золотых бляхах, точно наш бывший Бровеносец в потемках? Он тоже из этих, засоборников?

Я поглядел на пожилого осанистого харитиевца, весь торс которого, от плечей до пояса, был равномерно покрыт слоем блестящих кругляшней и звездами с целой портретной галереей, анфас и в профиль. Подняв внушительный кубок, он с солидной убежденностью предлагал выпить за тот мир и покой, которые воцарятся в землях левобережной Субурбании с приездом в Харитиев столь нарочитого мужа.

Я незаметно окликнул жующего за обе щеки знатока местного истеблишмента, Вавилу Несусветовича.

— Слышь, это что за матерый человечище там распинается?

— О, это птица весомая! — покачал головой наш путеводитель по закоулкам местной власти. — И не птица даже — медведь! До недавних пор и в радниках ходил, и Головного Призорного Уряда подурядником был. Ноне ж на покое. Имение его, Щипачи, здесь не подалеку. Народной Рати здешней наиглавнейший воевода — вот он кто таков. А по прозванию он Волына. И сынок его здесь — в Прихвостневом Уряде стольник. Весомые люди, ох какие весомые!

— И что ж — оба за нас?

— Не-а, — покачал головой урядник Неждановых Дел. — За Кукуевича. Мне тут нонче сказывали, — он понизил голос до полуслепоты, — что Кукуев сын слово дал, мол, как придет он к власти, так воры и душегубы при нем не переведутся.

— И что? — не понял я.

— Ну, ясное дело, что! — подивился моей дремучести толмач. — Ведь ежели, скажем, укорот злыдням да лиходеям сделать, кого же Рать Народная излавливать будет? Так недолго и самим с кистенем на дорогу идти!

— Слышь, Клин! — должно быть, забыв о недавнем своем вопросе, затормошил меня Вадим. — А мы к Сфинксу сегодня пойдем или типа завтра поутру?

Я вспомнил ночные проделки анчуток, каким-то макаром вытаскивших из нашего воображения образ Сфинкса, и мне захотелось срочно подышать свежим воздухом. Я начал усиленно массировать грудную клетку, не находя, что и ответить. В чувство меня привел болезненный укол чуть выше колена. Я заглянул под стол. Подкравшийся к нам ползком грифон требовательно щелкал клювом, желая принять более активное участие в трапезе.

— Завтра, — выдохнул я и сбросил вечно голодному детенышу зажаренного цыпленка. — У, тварь ненасытная!

— А как? — поинтересовался Вадим.

— У меня есть один план, — сообщил я, еще раз кидая нежный взгляд на умильную морду Проглota. — Но для этого тебе снова придется стать главой Союза Кланов, претендентом на трон, сумасбродом и деспотом.

Глава 27

Сказ о том, что и героям временами пора на свалку

По поводу деспотичности и сумасбродства я мог не волноваться. Эта роль вышла у моего друга столь естественно и вдохновенно, что великий Станиславский, увидев эту блистательную игру, не преминул бы за полночь ввалиться к не менее великому Немировичу-Данченко и закричать с порога: «Верю!» Но прах обоих уже поконился в земле совсем иного мира, и некому было по достоинству оценить проникновенный талант моего друга. Впрочем, на мой вкус, выражения типа: «Я не понял! Че, в натуре, не торопимся?!» и «Команды в хрен не упираются?!» больше отдавали сержантским прошлым Вадима Ратникова, чем его нынешним, без пяти минут королевским, настоящим. Но действовали они безотказно, а кто

сказал, что среднеистатистический деспот не должен владеть русским командным языком?

Полагаю, визит заезжего начальства торговый город Харитиев запомнит надолго. Ближе к утру, поднявшись из-за стола, исполняющий обязанности государя Субурбания, по-модному утервшись краем скатерти, объявил во всеуслышание, что желает немедля лично проинспектировать местные скотобойни и винокурни.

— Конкретно в целях благосостояния народа! — глубокомысленно пояснил собравшимся высокий гость.

Такой дикой выходки, такого внимания к нуждам подданных от претендента никто не ожидал. Какие, спрашивается, скотобойни с винокурнями, когда мяса на столах и так хватило бы на пятидневную осаду, а по винным рекам можно было пускать гондольеров на их кривобоких лодках. Но деспот, как полагается деспотам, был не-преклонен, и еле держащаяся на ногах делегация отправилась по указанному маршруту ублажать не в меру народолюбивое руководство.

Признаться честно, проверяемым объектам не повезло. Они оказались втянуты нами в решение задачи, сама разрешимость которой вызывала серьезные сомнения.

В результате контрольной проверки Вадюня, не моргнув глазом, объявил сопровождающим его официальным лицам, что «мясо конкретно пахнет сибирским ящером, а в вине в натуре плавают инфузории в тапочках». Таким образом, оставив недобрый след в памяти работников Застольного Уряда, мы получили то, что при удачном раскладе вполне могло спасти нам жизнь. Пара тонн свежайшего, еще теплого мяса, десяток бочек вина, забракованных неподкупным И.О., были отправлены на городскую свалку под личную ответственность местных нарочитых мужей.

К моему удивлению, среди общего плохо скрываемого неудовольствия раздался и голос в нашу поддержку. Самое поразительное было не то, что глас этот вообще прозвучал, а то, что принадлежал он тому самому наиглавнейшему воеводе Рати Народной, которого, со слов Вавилы, мы числили в сторонниках Яна Кукуевича. Он рьяно поддержал выказанную «заботу о населении» и, более того, предложил лично проконтролировать процесс ликвидации забракованного мяса и вина. Решив для себя, что умудренный жизненным опытом ветеран желает ловко выслужиться перед каждым из возможных государей, мы оставили урядника Неждановых Дел в качестве народного контролера и милостиво позволили хозяину Щипачей использовать

свою дружину для поддержания порядка в случае возможных народных волнений.

Следующим пунктом моего плана был глубокий сон. Угощение для Сфинкса должно быть вывезено за город, монстру, известному свирепостью, не менее, чем мудростью, предстояло набить брюхо, а нам в кои-то веки выситься в самых настоящих постелях с чистым бельем, пропитанным успокаивающим цветочным ароматом.

Утро началось примерно около полудня, с робкого стука в дверь вконец измотанного стольника Вавилы, пришедшего сообщить, что задание выполнено, и неожиданное угощение свалено и вылито в какую-то темную яму на городской свалке.

— Так! Замечательно. — Я рывком поднялся и начал с силой тереть пальцами виски, чтобы навести резкость. — Вадим уже проснулся?

— Не изволили еще, — устало сообщил урядник, едва стоящий на ногах после бессонной ночи.

— Делли? Оринка?

— Чуть свет на ногах. Над водой колдуют.

— Что еще за новости? — поморщился я. — Ладно, разбуди Вадика. Сейчас будем устраивать выездное заседание Думной Рады.

— Мне б голову приклонить на часок-другой, — робко, точно извиняясь, проговорил Несусветович.

— О чем речь! — кивнул я. — Иди разбуди Вадима и отдохай.

Прекрасные дамы, по достоинству оценившие предоставленный комфорт, и от того еще более прекрасные, встретили наше с Ратниковым появление безапелляционным требованием, что называется, с места в карьер.

— Вы должны взять Финнэста с собой!

— Это че, Сфинксу хавчика типа не хватило? — с непревзойденной утренней наивностью брякнул Злой Бодун.

Мне показалось, что Оринка сейчас растерзает его, как дикая кошка — не в меру голосистую птичку, но смертоубийства не произошло. В основном благодаря искусству Делли. Прижатые ее магической силой к противоположным стенам, друзья-подруги примерно четверть часа изъяснялись в самых трепетных чувствах друг к другу, но в конце концов поутихнув, были опущены на пол и возвращены к нормальной жизни.

— Финнэста надо взять обязательно, — пояснила мудрая фея. — Темница, в которой обитает Сфинкс, — одно из немногих мест, где не действует магия.

— Тоже мне, — недовольно фыркнул Ратников. — Всемирно известная свалка-лечебница! Конкретные грязевые ванны и компресссы из отбросов!

— Ты не должен так говорить! — снова взвилась кудесница.

— Хочу и говорю, — только и успел сказать исполняющий обязанности государя и вновь прилип к стене в метре от пола.

— Что? — критически оглядев разведенных по стенам соратников, покачал головой я. — В воду насмотрелись?

— Именно так, — согласилась чародейка.

— А без загадок: что, почему? — Я почесал за ухом радостно прыгающего вокруг Проглота.

— Без загадок нельзя, — заверила фея. — Иначе ничего не получится.

Я еще раз поглядел на дергающегося из стороны в сторону Вадима, напрягающего свои немалые силы, чтобы оторваться от стены и присоединиться к народным массам.

— Хорошо. Отпусти уж на волю нашего кандидата от левых, ему работать надо. А Финнэст... Раз должны взять, что ж, значит, возьмем!

И не просите, и не настаивайте! Описывать свалку, на которую лежал наш злополучный путь, я не буду. Слышал, что какие-то приморские бомжи поэтически окрестили свое обиталище «гнездом белой чайки» из-за любви этих романтических птиц к дармовой пище, которую данное местечко предоставляет в изобилии. Но, во-первых, Харитиев — город, далекий от морского побережья, и вместо белокрылых красавиц здесь гордо разгуливают надменные жирные вороньи, а во-вторых, я не чайка — меня от всего этого воротит.

Грандиозная помойка по периметру была окружена суровыми блюстителями порядка из рядов Народной Рати и личной дружины любезного воеводы. Серые капюшоны поставленных под копье воев плохо скрывали недобрые взгляды, которыми те провожали свихнувшееся начальство. Нижняя часть их заспанных лиц была однообразно закрыта грубыми повязками, чтобы хоть как-то защитить от невыносимого смрада, висевшего над этой неэкскурсионной достопримечательностью Харитиева. Дай сейчас отец-воевода команду, мы бы, пожалуй, навсегда остались на городской свалке. Однако сам ясновельможный господин Волын был любезен и предупредителен, лишь старательно обмахивался надущенным платком, но запах весеннего ландыша не превозмогал окрестных ароматов.

Вокруг оцепления опечаленные, точно первые люди у забора райского сада, разгуливали местные бродяги, учувшие бесхозное мясо и вино. Но путь на свалку им был закрыт. Сегодня это место предназначалось исключительно для высоких гостей. Начальник оцепления, с удивлением оценив экзотическую троицу проверяющих в компании юного грифона, предложил, впрочем, без особого энтузиазма, проводить нас к «объекту», но мы любезно отказались, оставив офицера в самом приподнятом настроении.

Найти место обитания Сфинкса было несложно. Стоило лишь внятно объяснить Проглоту, что он должен отыскать среди общего роскошества кучу пахнущего виноградом мяса и для убедительности выдать ему на пробу килограмма два этого пропитанного крепленым вином продукта.

Миновав кольцо оцепления, мы двинулись за ревво скачущим грифоном, на корню пресекая его попытки двигаться своими стометровыми прыжками. Несколько лет тому назад мне, тогда еще молодому оперу, приходилось бывать в подобном месте. Тогда нам пришлось разыскивать портфель с бумагами одного не слишком честного бизнесмена, пострадавшего от рук уличной шантрапы. Не обнаружив искомых денег, эти моральные уроды выбросили «дипломат» с ценными бумагами примерно на два миллиона условных единиц в ближайший мусорный бак. Вот мы веселились, разыскивая бумажные сокровища в тоннах свеженасыпанного мусора. То ли дело — Сфинкс! Поэтому на правах «завсегдатая» я вел нашу маленькую экспедицию вперед, пытаясь отыскать сравнительно проходимые островки в этом мрачном океане разнородного хлама и отбросов, как нельзя лучше символизирующих тщету человеческой жизни.

— Слышь, Клин, — зажимая пальцами ноздри, прогундосил Вадим. — А эти, которые в оцеплении стоят, нас, часом, не порешат?

— Не думаю, — помотал головой я. — Во-первых, Делли с Оринской нас страхуют, во-вторых, они стоят довольно редкой цепью. Пикеты по два-три человека через каждые полста метров. Собрать сильное ядро против нас весьма затруднительно. Да и к чему воеводе убивать почетных гостей? Мало ли кто захочет ему нас припомнить? Вон хотя бы побратимы твои — троица «Мама не горюй»! А до малиновой линии отсюда рукой подать! Там чихнут — здесь здоровья пожелают.

— Слушай! — Вадим остановился, и идущий следом мышелов уныло ткнулся ему в спину. — Это ж у меня еще брательный крест есть!

— Конечно, — подтвердил я.

— А че мы им в натуре в замке не сработали? Прикинь, Кукуевич бы дверь открыл, а мы уже за малиновой линией!

— Привет! А «мосберг»? А кони? — с удивлением напомнил я. — А вообще-то, если так, без дураков, я просто о нем забыл. Привычку работать с волшебными приспособлениями, видишь ли, надо вырабатывать с детства. Но, как говорится, это все в прошлом. Смотри под ноги! Здесь водятся крысы размером с пони. А им, между прочим, все равно, претендент ты или просто так — прогуляться вышел. Сожрут и адреса не спросят!

— То-то Финнэсту раздолье! — пробормотал Вадим. Дальше он уже шел молча, опасливо поводя «мосбергом» из стороны в сторону.

Дыра, о которой не так давно ученый естествоиспытатель рассказывал незадачливому магу, скоро обнаружилась. Она находилась в не слишком глубокой балке и более всего напоминала сливное отверстие, почти забитое разлагающимися останками чего-то, некогда живого. Кто бы мог подумать, что здесь находится вход в древнюю Сарукаань, царившую в незапамятные времена над всем этим краем! Мясо, вываленное поутру, кое-где еще алело кровавыми обрывками под черным оперением воронья и падальщиков, слетевшихся на обильный банкет.

— Я не могу, — просипел Вадим, отворачиваясь и, похоже, собираясь присоединить к громоздившимся вокруг грудам отбросов переработанные остатки вчерашнего ужина. — В натуре, пошли отсюда, на хрен!

— А Сфинкс? — напомнил я.

— В дупло этого Сфинкса с его загадками! В гробу я его видел!

Из тайного лаза, в который и человек-то должен был входить наклонившись, раздалось утробное чавканье, хруст перемалываемых костей и сдавленный рык. За этим последовала мощная здоровая отрыжка, всполошившая стервятников, дотоле не обращавших внимания ни на замурованного в подземелье монстра, ни на людей, невесть зачем притаившихся к кормушке.

— Вадим, — едва дыша зажатым носом, укоризненно начал я. — Что за капризы! Мы уже здесь, надо идти.

— Болтов тачку! — угрюмо наступившись, выдохнул Злой Бодун. — Не пойду я туда! — и добавил, едва слышно: — Я его боюсь.

— Я тоже, — честно сознался я. — Так что ж теперь, вернемся и скажем Делли и Оринке, что не узнали пароль, потому что испугались лезть в подземелье??

— Нет, — с тоской согласился могутный витязь. — Это в натуре не по понятиям. А давай скажем, что он уже подох! А че — ему, по жизни, уже сто лет в обед! Че он типа подохнуть не может?!

— Лет ему куда больше, а подохнуть он, видимо, не может, — с тоской констатировал я. — Давай не бузи. Если я все правильно расчитал, Сфинкс теперь пьяный и сытый. Ответ на его загадку я знаю. Так что давай — на раз-два-три. Я заскакиваю, ты меня прикрываешь. Раз! Два! Три!!! — Резкие слова команды прозвучали в смрадном воздухе, однако ни Вадим, ни я не тронулись с места. — Ну, чего стоим? — мысленно давая себе затрещину за внезапный приступ страха, проговорил я. — Кого ждем?!

— Я типа башню вспомнил, — нехотя сознался Вадим.

— Так, оставляем башню в покое. В конце концов, если бы не она, я бы, может, и не вспомнил, что у Сфинкса от такой жизни должен быть непроходящий сущняк. К тому же в башне вообще был не Сфинкс, а анчутки. Этот, может быть, и вовсе старый и беззубый!

— Ага, беззубый! Кости, точно семечки, хрумает!

— Все! Разговоры в сторону, прикрываем глаза, чтоб вид дороги не смущал. На счет «три» их резко открываем и наперегонки бежим к лазу! Все понятно? Действуем! Раз! Два!..

— Ты кто? — прогрохотал глухой, но, впрочем, весьма сильный голос. — А! Какая разница! Отгадывай загадку, иначе я тебя съем. Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех? И чем больше ног, тем он слабее.

— Человек, — послышался рядом с пещерой спокойный и уверенный голос Финнэста.

«Безумству храбрых поэм мы песню!» — писал когда-то великий пролетарский писатель и был, несомненно, прав. Однако сегодня нам следовало воспевать храбрость безумных. Я и согласен был воспевать что угодно, но только после возвращения со свалки и хорошего душа.

— А ты кто таков? — вновь послышался из темноты голос отважного гридня.

— Как это кто? — недоуменно отозвался хранитель древних тайн. — Я Сфинкс!

— Да ну! — оторопело воскликнул Ясный Беркут, очевидно, только сейчас осознавая, куда он попал. — Слыхать — слыхивал, но чтоб вот так воочию свидеться — и не гадал даже! Сказывают, что в прежние века, когда ты... — Финнэст замялся, — ну, когда на воле был, ты, как кого встретишь, тотчас загадки загадываешь?

— Так ведь и ныне загадывал! — В голосе Сфинкса прозвучало нескрываемое удивление. — Да ты и ответ верный дал. Оттого-то я тебя есть не стал.

— Когда? — переспросил верный паладин нашей кудесницы.

— Нынче не съел, да и в прежние годы тоже.

— Да нет же! — В голосе Финнэста звучали смешанные воедино раздражение и удивление. — Загадку-то когда я разгадал?

— Ну, как же! — принялся восстанавливать справедливость обитатель подземелья. — Я спросил тебя: кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех. Ты ответил без запинки: «Человек».

— Да нет же, — отмахнулся наш подопечный. — Ты спросил: «Ты кто?» Я ответил: «Человек». А насчет ног я... еще и не думал.

Я поглядел на Вадима и развел руками.

Из пещеры не доносилось ни звука. Должно быть, ошеломленный искренностью Финнэста и своей оплошностью, хранитель древнего знания был в замешательстве и судорожно прикидывал, как ему поступить. Кто знает, что бы пришло в его огромную голову, когда бы расшалившийся Проглот, не испытывавший никакого дискомфорта от пребывания в столь малоприятном месте, не решил поохотиться на непуганых, просто до неприличия, ворон. Подкравшись метров на пять, он притаился в засаде и, выждав момент, резко прыгнул с победным клекотом, грозя обрушиться немалой тушей на расхитителей Сфинкса пиршества. Однако приличный вес юного грифона сыграл с ним дурную шутку, но какой бы она ни была, для нас эта неожиданность оказалась на редкость своевременной. Не удержавшись на склизком склоне, Проглот с негодующим воплем влетел в пещеру, должно быть, едва не сбив с ног Финнэста.

— Ба, да ты тут не один! — донесся из подземелья удивленный голос великомудрого узника. — Что, интересно, здесь делает мой юный родственник?

Клекот и щелканье клюва, донесшиеся из темноты, должно быть, знаменовали ответ, потому как вслед за тем Сфинкс перешел на звуки, очень напоминающие «речь» Проглota. Спустя пару минут грифон стремглав выскочил из мрачного обиталища и, с натугой выбравшись из склизкой балки, отчаянно запрыгал вокруг нас.

— По-моему, он что-то хочет сказать, — неуверенно предположил я.

При этих словах Проглот ухватился клювом за рукав моей дорожной куртки и с силой потянул вниз.

— Очевидно, мы должны идти за ним.

— Пусть твои друзья заходят, — подтверждая мои предположения, прогрохотал Сфинкс, вероятно, обращаясь к Финнэсту. — Я нынче сыт, у меня замечательное настроение и я, впервые за последние семьсот лет, хочу с кем-нибудь поболтать в свое удовольствие.

— Умники! — Слова хозяина подземелья звучали, пожалуй, насмешливо, но беззлобно.

На всякий случай, спустившись в пещеру, я поспешил дать детальное разъяснение к ответу на древнюю загадку, вспомнив и младенца на четвереньках, и взрослого человека, и старца, опирающегося на клюку. Но, похоже, это было излишне. Услышав мои комментарии, вековечное чудовище захохотало, радуясь невесть чему и произнеся словцо, приведенное мной в начале.

— С мясом и вином вы удумали?

— Мы, — сознался я.

— Хитро. Впредь ублажить меня решишь, помни: мне и втрое более этого на один зуб будет. А все одно, спасибо! И насчет вина вы славно, что и говорить, сообразили. И не припомню, когда в последний раз его пивал...

Я не стал разъяснять узнику харитиевской свалки, что мысль залить мясо вином пришла мне в голову, когда я вспоминал попытки отбрасываться пустыми бутылками от анчуток и праведный гнев этих мерзких тварей по поводу заветной влаги и жителей пустыни.

— Да... — сочувственно протянул Финнэст. — Без зелена вина небось жизнь не сладкая! А что ж так-то в яме сидеть? Нешто сделать чего не пытался? До воли-то рукой подать!

— Всяко пытался... — тяжело вздохнул невидимый во тьме Сфинкс. — Да цепи держат крепко. Чары здесь бессильны, а сам я, за веки-то веков так, поди, заплошал — и нос в большой мир казать совестно. Уж и Сарукаани без малого тыщу лет, как нет, а я здесь с тех самых пор в оковах сижу да объедками столуюсь.

— Что ж так-то? — подивился я.

— Все ревность людская да зависть, — явно пригорюнившись, вздохнул Сфинкс. — Слова правды — они, видишь ли, дорогостоят. И за всю жизнь порой не расплатишься. История эта долгая, но, коли не торопитесь, отчего ж не рассказать.

Я поглядел на соратников. За исключением прекрасно себя чувствующего грифона, все остальные, понятно, не горели желанием оставаться здесь более необходимого. Но обидеть неучтивостью желающего выговориться Сфинкса было просто немыслимо. Расце-

нив наше молчание как согласие, чудовище заговорило глухо и претяжно:

— Само название тех мест, откуда я родом, давным-давно стерлось в памяти людской. В былые времена я и мои родичи учили людей тайным знаниям, охраняли святыни от разбойников и странствовали по всему миру, стараясь объединить разрозненные человеческие племена. Где теперь мой брат Ламассу¹, где сестра Селкет²? Где прочие из рода сфинксов? Я слышал, они ушли в иные миры или же окаменели, что случается, когда существо нашей породы чувствует, что никому более не нужно. Но в те времена, когда мир был юн, мы и помыслить не могли, что когда-то обратимся в камень.

Я жил тогда в землях, где обитал небольшой, но очень гордый народ. Если честно, предметом их гордости была сущая безделица. Они считали своего Бога единственным, а себя — избранными Богом для какого-то великого действия, и полагали, что Бог разговаривает с ними через их царя, который был к тому же и верховным жрецом. При этом они во весь голос отрицали существование других богов и превозносили свое начертание имени Господа как единственное верное, гневно отвергая все прочие. Это была самонадеянная блажь!

В их верованиях не было ни единого слова, которого не сыскалось бы в верованиях иных народов, ни одной мысли, которая бы не звучала ранее. Однако они так громко кричали о своей богоизбранности, что восстановили против себя всех соседей. Несчастные глупцы! Жрецы внущили им, что Творцу всего сущего может быть приятно только бездумное исполнение обрядов, то есть, по сути своей, окаменение. Что повторение предписанных действий угодно всевышнему, а о совершенстве души и речи не было.

Мне стало жаль их. Я пытался научить этих бедолаг, что жить и творить куда разумнее, чем заполнять свой век запретами и предписаниями. Но они упрямо продолжали портить себе жизнь в этом мире, пытаясь отыскать место, где почему-то должно быть лучше, чем здесь.

Через некоторое время среди них сыскался вождь, который решил дать своему народу хорошую жизнь прямо сейчас, в стране, пред назначенной им Богом. Он собрал многих последователей, и они пошли за ним через пустыню, полные радужных надежд. Но там было

¹ Ламассу — ассирийское фантастическое животное. Имело тело льва, грудь и крылья орла, голову человека, на которую надета митра с рогами быка.

² Селкет — египетская богиня в виде сфинкса.

жарко днем и холодно ночью, не хватало воды и пищи, поэтому люди начали роптать.

Тогда этот вождь пошел на хитрую уловку. Разбив лагерь у подножия горы, он скрылся от людских глаз и вернулся через две недели с парой небольших табличек. Он назвал дело рук своих скрижалями Завета. В них ясно значились требования, которые Господь якобы предъявлял к своему народу, обещая взамен все мыслимые блага. По словам вождя, эти таблички передал ему сам Господь на вершине горы, но я-то сразу увидел подвох.

Что и говорить, этот вождь был человек недюжинного ума и отваги, но всего лишь человек. В принесенных им заповедях все было правильно, и они действительно помогли странствующему народу преодолеть все трудности перехода, но... Это были людские заповеди. Он писал «не укради», как будто пред лицом Господа есть твое и мое. Писал «не убий», словно самая жизнь не есть приближение смерти.

Его заповеди были верны и полезны. Это были воззрения мудреца, воззрения правителя, верховного жреца, но никак не Бога. Вернее, там были две заповеди из четырех, которые были произнесены в последний день творения. Несомненно, это было высочайшее прозрение для человека, но далеко не вся истина.

Что уж теперь каяться! В тот час я промолчал, а значит, по добной воле ступил на путь, приведший меня в затхлую яму.

— И что, вы действительно знаете эти заповеди? — завороженно спросил я, движимый скорее интересом, чем практическими соображениями.

— Конечно же! — прогромыхал Сфинкс. — Это был день, созданный для отдыха. Предвечный собрал нас у престола своего, в прекрасном саду, из которого с нежным журчанием вытекали четыре реки, и сказал во всеуслышание: «Вот вам четыре моих завета, и пусть они, как эти потоки, утолят жажду и напоят души ваши истиной». И птицы встретили слова Творца пением, от которого в горах расцветали белые эдельвейсы, и солнце остановилось в зените, заслушавшись.

Он сказал, в будущем вы познаете множество законов, и даже каноны самого творения станут вам подвластны. Но без этих четырех, все иные — лишь жухлая листва для ищущего тени, лишь убегающая грозовая туча для иссохших губ. Он говорил, а мы внимали ему, как надлежит внимать учителю преданным ученикам.

Вот его слова: «Возлюби себя, ибо в тебе есть Я, и ты совершеннейшее воплощение и частица Творца предвечного.

Возлюби ближнего своего, ибо он, как ты, и лишь в единении ваша сила.

Возлюби Творца, ибо все есть Он, и всякое творение ваше есть воздаяние могуществу Его.

Возлюби этот мир, ибо ты в нем творец и воля твоя хранит и преображает его».

Так говорил Он, и мы поклялись следовать Закону Вышнего. Много разного изменилось с тех пор. Любовь, могущество, забвение и это жалкое существование, виной которому я сам. Стоило мне не смолчать в тот день у подножия горы, где были явлены скрижали, — и все могло случиться по-другому. По сути, тот вождь не виноват. Он не мог придумать ничего иного. Он был частью своего народа и призван был дать этому народу Закон. Но Закон без души — это путь никуда — от страдания к страданию. Ведь среди законов, данных вождем, не было законов любви.

Но я промолчал. В конце концов этот народ перешел пустыню и отвоевал себе землю, где мог бы жить в спокойствии и радости. Но они хотели этого лишь на словах, а в душе у них жила потребность бороться друг с другом, чем они и занимались по самому малому поводу. В конце концов новое царство распалось.

Я ушел, и часть «избранного» народа пошла за мной.

Здесь мы когда-то основали столицу. Вначале все было хорошо. Они вновь обрели могущество и даже власть над окрестными народами, я счел их достойными высшей мудрости, полагал, что как дети вырастают из тугих пелен, так и мой народ, отречившись от страха смерти и жажды борьбы, готов возрадоваться жизни. Я стал растолковывать людям четыре истинных заповеди.

Слух о моих речах дошел до Сар-уль-каана — царя и верховного жреца этих мест. Он всегда опасался, что я могу посягнуть на его никчемную власть. А уж все, что касалось Творца, и вовсе было под запретом. Никто не имел права даже имени его произносить вслух, как будто у него воистину есть имя. И вот, — Сфинкс тяжело вздохнул, отчего нас едва не выдуло на поверхность, — меня заманили в ловушку, где я нахожусь и по сей день. Уж и само имя того царства полу забыто, а я по-прежнему томлюсь, не видя белого света.

— Так, может, — предложил я, — помочь вам освободиться? Раковать ваши цепи?

— К чему? Что я буду делать в нынешнем мире? Да и вид... Мне даже помыслить страшно, как я сейчас могу выглядеть. К тому же я привык к темноте и одиночеству. У меня есть свои маленькие радости. Вот и сегодня, к примеру. Опять же с Хведоновых времен я хоть кому-то, да снова нужен! Пусть даже так, а все лучше, чем каменная туша в выжженной пустыне. Эх, что-то я заговорился! Коль уж вы пришли сюда, стало быть, кто-то из вас — наследник престола. Не ты ли? — Судя по шороху, голова Сфинкса повернулась к Финнэсту.

— Я! — оскорбился Вадюня.

— Да? — удивленно протянул свидетель первых дней. — Ты не Хведонова племени, ну да ладно. Ты — значит ты. Задавай свой вопрос!

— Э-э-э... — начал, конфузясь, исполняющий обязанности государя, точно нерадивый ученик перед строгим учителем. — А-а-а, это... — Он собрался с мыслями и с облегчением выпалил: — Когда здесь все уже, блин, наладится?!

Глава 28

Сказ о честном слове

Звук, который издало мудрое чудовище, должно быть, значился междометием в одном из не дошедших до нас древних языков. Нечто среднее между «ну-у-у», «да» и «гхм». Передать это звучание не в человеческих силах, для этого нужно иметь принципиально иное строение легких и гортани.

— Разные вопросы мне тут задавали, но такой дурацкий — впервые! Ох, чую, ждет здешний люд великое царствование! — Сфинкс впал в задумчивость, подыскивая аргументированный ответ на детский вопросик исполняющего обязанности государя.

Памятуя о долгом веке хранителя древней мудрости и тайных знаний, можно было, к нашему ужасу, предположить, что задумчивость продлится много часов. Я представил себе, что все это время нам придется ожидать ответа на загадку в столь малоприятном месте, и слезы безысходной жалости к себе чуть было не выступили на глазах.

— Вадим! — Я с силой ухватил друга и притянул его к себе. — Ты что, не мог спросить его «Сколько будет дважды два — четыре?».

Однако мои сомнения в проницательности мудрейшего из мудрейших оказались безосновательными.

— Когда здесь все уже наладится?! — еще раз повторил он, растягивая слова, как опытный любовник удовольствие. — Когда наступит вчера.

Что ж, жаловаться не приходилось, ответ был достоин вопроса, и усомниться в его правильности не мог ни один из живущих.

— И че, типа все? — разочарованно протянул Злой Бодун, сраженный абсурдностью услышанного.

— А чего еще тебе надо? — с возмущением отозвался Сфинкс. — Хочешь — на десерт мне пойдешь!

— Нет уж, спасибо, — остановил я собравшегося возмутиться друга. — Нам уже домой пора.

— Не буду задерживать, — отозвался из темноты свидетель первых дней, теряя, кажется, всякий интерес к гостям.

Мы начали карабкаться к выходу, а вслед еще неслось курлыканье и гортанный клекот. Это было, вероятно, дружеское прощание с юным родственником и приглашение заходить на досуге, по-простому, не церемонясь.

Ванна, ванна и еще раз горячая ванна — вот что нужно было народу в нашем лице по окончании столь малоприятного, но узаконенного веками государственного ритуала. А уж затем — благовония, одеколон и радостная встреча, сопровождаемая объятиями и бурным восторгом по поводу чудесного исцеления Финнэста. Быть может, есть какой-то тайный философский смысл в ежегодном визите короля на свалку, это действие позволяет отрешиться от тщеславного фанфаронства и подумать о начале и конце пути. Но окажись рядом с нами какой-нибудь предпримчивый мурлюкский лабазник, и к завтрашнему утру здесь, точно по мановению волшебной палочки, уже красовалась бы лечебница, окончательно и бесповоротно исчезлающая от Макрасовой зависимости. И уж конечно, ушлые субурбанцы нашли бы, где приделать крантики к этой денежной трубе. Но все это оставалось лишь досужими размышлениями: в Харитиеве не в диковину было великолепию жить среди отбросов, и, чтобы заметить это, следовало приехать издалека.

Обряженные в самодельные маски, постовые Народной Рати пытались защититься от смрада, витавшего кругом, краями своих длинных серых плащей, но, завидев возвращающееся начальство, с тоской во взоре приосанились и, отсалютовав алебардами, вновь принялись отгонять алчных бродяг от заветной кормушки. Я спиной чувствовал их недобрые взгляды, но никаких активных действий,

которых можно было опасаться, памятуя о неблагонадежности хитроумного воеводы, не последовало. И на том спасибо Солнцелику, Нычке, или кто тут в славном городе Харитиеве правил бал! Зато можно было не сомневаться, что после сегодняшнего полуденного стояния вокруг свалки на поддержку местных ратников можно было не рассчитывать. Ну, мы и не рассчитывали.

Что же касается радостной встречи, то ее восторги, несомненно, были изрядно подпорчены исходившим от нас густым зловонием. Но все же радость Оринки действительно стоила всех пережитых не- приятностей. Когда же наконец мы привели себя в порядок и, к великому удовольствию местных властей, изъявили желание покинуть их замечательный город, учтивый Ладимир Гудило пообещал устроить по этому поводу грандиозный праздничный фейерверк. Любезный же наипервейший воевода с таким рвением желал нам счастливого пути, что, выехав за ворота, я рекомендовал Вадиму и Финнэсту держать оружие наготове. Однако засады, как можно было предполагать, слушая умилльные речи верного соратника Яна Кукуевича, поблизости не оказалось.

— Меня это удивляет и настораживает, — поделился я сомнениями с опытной в местных каверзах феей. — Возможно, конечно, что мы выставили себя полными идиотами, шарясь сегодня по свалке, и нас перестали воспринимать всерьез. Должно быть, здешние монархи наносили свой визит к Сфинксу тайно, но разве это повод сбрасывать нас со счета? В конце концов, где сказано, что идиот не может быть королем Субурбании?

— В натуре, базар фильтрой! — оскорбился Вадим.

— Это не о тебе. Я вообще. Так сказать, теоретически, — отмахнулся я. — В истории, кстати, были примеры.

— Чего не знаю, того не знаю, — задумчиво покачала головой Делли. — Но я вот что скажу вам, други верные. Кроме вас у норы Сфинкса еще кто-то таился.

— Может, бомжара какой? — через плечо кинул Ратников, поигрывая «мосбергом».

— На побродяжку не похож, — с сомнением отозвалась чародейка. — Да и о чем нищему без роду-племени с могущественным воеводой беседы беседовать?

— Там рядом крутился почтеннейший господин Волына? — настороженно уточнил я. — Мне казалось, что он умчится подальше вместе со своим надушенным платочком, как только мы сунемся за оцепление.

— Ах нет, не умчался! Сидел, с коня не слазил, сквозь зубы всех ругательно лаял. Знать, соглядатая своего выжидал. Тот незадолго перед вами появился. Ратники его без слов к воеводе пустили, верно, знали, каким путем тот идти будет.

— А каков этот наблюдатель, не приметила?

— Далеко было, — со вздохом созналась фея. — Не разглядеть. Приметила только, что волосья длинные, да весь такой, как шнырь. Я придержал коня.

— Как шнырь, говоришь? Занятная история. А не досточтимый ли это господин дю Ремар свои научные изыскания на свалке проводил?

— Об том не ведаю, — озабоченно вздохнула сотрудница Волшебной Службы Охраны. — Видеть не доводилось. Одно скажу. Как этот, с волосьями, прибег, так воевода его выслушал да враз схватился за зеркальце, а потом и вовсе ускакал, точно больше его ничего не заботило.

— Вот оно как! — Я сел и потер лоб, точно намереваясь активизировать серое мозговое вещество. — Должно быть, это действительно наш хитроумный знакомец. Ишь, каналья, притаился-таки где-то в отбросах! Не уследили!

— Уследишь тут! — набычился Вадюня. — Слава Богу, в натуре себя не потеряли!

— Ладно, дело прошлое! — отмахнулся я. — Прощелкали клювами, значит, так оно и есть. Что мы имеем в итоге на сегодняшний день? Скорее всего Кукуевич получил все, чтобы провернуть свой план с орехами.

— Это типа Фуцика план, — поправил меня Злой Бодун.

— Верно, — согласился я. — Но это не ко мне, это в патентное бюро. Суть в другом. Помешать мы ему реально не можем, и он это прекрасно понимает. В сокровищницу он, должно быть, не сунулся. Но в том, что Кукуев сын подозревает, чьих рук дело подмена священных прибамбасов, я практически не сомневаюсь.

— А че, в натуре? — усомнился Ратников. — Там по жизни и демонята крутились, и Поймай Ветер отирался! Чуть что — сразу мы?!

— Потому что он производит впечатление неглупой сволочи. Сволочи, но неглупой. Но дай Бог, чтобы я ошибался. Пока же, вероятно, он постарается проследить за нами вплоть до моря, чтобы мы для него поработали прорывателями минных заграждений.

— В смысле? — напрягся несостоявшийся преемник Хведенанова трона.

— Если Кукуевич не дурак, а я повторяю, мне этот сукин сын таковым не кажется, он, вернее, его шестерки, будут тихо идти за нами следом, не упуская из виду. Если на пути к морю подготовлены западни, скажем, того же Юшки, то мы угодим в них первыми. Да и пешая морская рать, с которой нам еще предстоит так или иначе столкнуться, еще тот подарочек! И, как я понимаю, почетное право развернуть его Кукуевич любезно предоставляет нам. Сам же он, вероятно, в спешном порядке будет готовиться к изъятию Хведеннова куша. Это, как говорится, и ему прибыль, и Юшке убыток.

— А как мы с морпехами в натуре разбираться будем? — Вадим второй раз на дню порадовал меня глубиной поставленного вопроса.

Признаться, я и сам толком не представлял, каким образом договариваться о перевозке к острову и обратно с этим усиленным взводом малоразговорчивых исполинов. В сказке, слышанной в далекие годы детства, это были наши богатыри, надежда и защита. В нынешнем положении все могло быть совсем иначе. Какие доводы могли теперь их убедить — одному Богу известно.

— Я нынче поутру образ в воде ключевой видала. — Оринка, дотоле мило ворковавшая с пришедшим в себя гриднем, услышав последний вопрос, неожиданно встрепенулась, обращая наконец внимание на нас. — У берега, у самых волн, два витязя, и вокруг их великое множество иных. И все такие высоченные, что в мире выше не сыскать!

— Знатное видение, — поморщился я. — Стоит полагать, что один из витязей — наш любимый Злой Бодун, а второй представляет команду пешей морской рати. Они что же — сражались?

— Ни в малой степени, — заторопилась с ответом кудесница. — Беседовали весьма почтительно. А витязем, коего я в волшебной глади видала, вовсе не Вадим был.

— А кто же? — Я удивленно посмотрел на девушку.

— В свой час о том непременно узнаете, — как водится, загадкой обнадежила соратников Оринка.

— Подруга, — не замедлил возмутиться могутный витязь, — я че, сюда в натуре ребусы отгадывать приехал?! Если есть че сказать, говори, а вот эти корявые подъезды оставь при себе.

— Да как ты смеешь, боярин, к девице такие речи держать! — справедливо возмутился Ясный Беркут.

— Ой-ой-ой! Мышеловку ходячую спросить забыли! — не на шутку разошелся исполняющий обязанности государя, напоминая в эту минуту своего задиристого побратима Неждана Незвановича.

— Уймитесь, головы буйные! — прикрикнула на готовых схватиться за мечи витязей Делли. — К чему речи неладные говорить удумали? Сказано ясно, придет час — обо всем известно будет! А ты, Вадим сын Ратников, язык уйми! Не метла, чай, неча пыль им поднимать!

Злой Бодун наступил и, отвернувшись, стал насвистывать заунывный шлягер «Ты узнаешь ее из тысячи».

Конечно, совместный культпоход на свалку несколько улучшил отношения между ним и Финнэстом, но риск того, что претендент на опустевший престол из чистого упрямства теперь не пожелает действовать в направлении, предписанном волшебными откровениями, мог стать реальным.

— До места доедем, во всем разберемся, — отмахнулся я. — Будем решать задачи по мере их возникновения. У меня вот к Финнэсту вопрос образовался.

— Какой же, господин одинец? — Суженый юной кудесницы, стараясь исправить впечатление, был сама любезность.

— Когда Макрас сеть на тебя накинул, и разум твой... — я чуть запнулся, стараясь как-то смягчить формулировку, — слегка затмился, ты все искал какую-то мышь. Что это было? Ты видел нечто особенное, или как?

Гриденъ немножко помрачнел лицом и задумался, точно вспоминая страшный сон.

— Дивен мир нездешний, зело дивен! — наконец, покачав головой, выдохнул он. — Нет в нем ни верху, ни низу, ни лева, ни права, ни вчера, ни завтра. Одно лишь нынче да здесь — и все тут. Шаг ступиши — место уж совсем иное. Назад обернешься — опять все неизвестное. Куда оком ни кинь — всяка всячина. Где свитки древние, где образы предивные, где сласти да яства, а все больше, — гриденъ понизил голос и наклонился ко мне, чтобы не слышала Оринка, — девки голые! Как есть, бесстыжие! — Он картинно сплюнул, хотя по выражению его лица я не заметил, чтобы созерцание срамных картин доставило ему неудовольствие.

— А мышь там в натуре при каких делах облокотилась? — забыв о размолвке, вклинился в разговор заинтересованный Вадим. — Ну, у нас, это я еще понимаю, а тут-то?

Финнэст на минуту задумался. Так человек, проснувшийся утром, пытается удержать в сознании яркие образы ушедшего сна.

— Не простая то мышь была, чудодейственная! Пробежит она, зубами клацнет — и враз, где в белом снегу вершины горные выше

облаков громоздились — море плещется. Где книги только-только листами шуршали — воины оружием бряцают. Невесть куда она убегает, и откуда вновь берется, а только ей одной достоверно ведома тайна входа и выхода! Могущественна сила ее, а где таится сия тварь, никак того не углядишь.

— Круто! — уважительно вздохнул Вадим.

— Да, занятно, — подтвердил я. — Но ты мне лучше другое скажи. Сам Макрас не пытался с тобой разговаривать? Там, ну, не знаю... Убеждать поступить к нему на службу? Может, запугивать? Или злato сулить?

— Не было такого. — Опрашиваемый свидетель резко мотнул головой. — Видать его там случалось. Стоит, все на остров смотрит. А речей прелестных он со мной не заводил. Без надобности я ему, стало быть, оказался.

— Погоди. — Я прервал неспешную речь северянина. — Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что Макрас смотрит на остров?

— Смотрит, — вновь подтвердил Финнэст. — Глаз не спускает. Я через его очи и сам тот вид наблюдал. Островок не мал, не велик. Посредь него гора белая, пламенем объяятая, стоит себе, пылает да не сгорает. Внизу же, у стопы горной, домик резной, вокруг домика — сторожа крепкая. Ликом вроде людская, а только за спиной крылья, а внизу — ноги конские.

— Полканы, — авторитетно прокомментировал Вавила Несусветович. — Как есть, они! И в сокровищнице королевской того же племени сторожа.

— Ну, это и ежу понятно. — Я сделал знак гридню продолжать рассказ.

— А и все, пожалуй, — развел сконфуженно руками молодой витязь. — Как ни глянешь — единая картина. С одной стороны по лестничке в дом мешки заносят, с другой — выносят.

— Н-да, безрадостный пейзаж, — согласился я, несколько разочарованный «путевыми заметками» недавнего мышелова.

Непонятно, чего я ждал от этого повествования, но, верно, не того, что услышал. Отчего-то в мозгу моем всплыла картина: император Наполеон, заложив за спину руки, смотрит в морскую даль, монументально возвышаясь над безжизненно-угрюмой скалой острова Святой Елены.

Стоп! Я резко остановил коня.

— Ты говоришь, что взгляд Макраса всегда был направлен из одной точки?

— Да, — неуверенно произнес Финнэст, точно прислушиваясь к ощущениям, затем, помедлив, энергично кивнул. — Всегда из одной.

— Как интересно получается! Выходит, у Макраса оборудован на острове наблюдательный пункт?

— Не врубился! — Вадюня удивленно поглядел на меня. — А с какого рожна тогда ему затевать все мутылово с Юшкой, договорами и вообще с Субурбанией? Он же тогда конкретно может: раз — и в дамки!

— Скорее всего не может, — не согласился я. — Есть тут маленькая загвоздка: на острове, судя по информации Финнэста, действительно имеется некто, или вернее нечто, контролируемое исчадием Уиллгейса. Это нечто — ни живо, ни мертв, и состоит из того, из чего, как говорил почтеннейший дед Пихто, сотворен был человек, то есть из праха. Я готов утверждать, что это один из окаменевших сановников короля Барсиада II. Надеюсь все же, что не он сам. Макрас может использовать свою марионетку в качестве стационарного наблюдательного пункта. Но, вероятно, из-за, так сказать, промежуточного состояния данного организма чародей не имеет возможности материализоваться через него по нитям своей волшебной сети. А может быть, просто держит этот вариант, как туз в рукаве. Когда на острове начнется заваруха — тут-то он в тылу и объявится. Макрас, как мы помним, в честный бой не лезет.

— Так что ж, — возмущенно начал Ратников. — Это ж, по жизни, выходит, что он кого-то из своих под окаменение поставил? Ни фига себе, конь педальный!

— Чему ты удивляешься? Это его обычная манера. Он и Юшку подставляет в полном объеме. Что ему эти людишки! Так — ничего. Минус один. У него есть задача, великая функция!

— Конкретный беспредельщик! — с возмущением констатировал И.О. государя. — Никаких понятий!

Мы спешили к неспокойному синему морю, в крошечный городок на побережье, где, низвергнутый с покатых ступеней трона, некогда коротал свой век вельможный чародей Лазурен, где под его началом делал первые неумелые шаги в возвышенном искусстве магии угодливый мальчик Фуцик. Не знаю уж, чем еще был известен сей населенный пункт, однако нас интересовала именно эта часть его многовековой истории.

Прямо сказать, городок действительно был захудалый. Обогнав по дороге несколько разъездов конкурирующих сторон, обойдя, не

без помощи Оринкиной интуиции, пару профессиональных засад, мы примчались к его покосившимся стенам и поняли, что основательно вlipли. Несмотря на все уверения здешних аборигенов, что корабль в окружении пешей морской рати должен уже вот-вот прийти, — горизонт оставался девственno чист.

Наступила вынужденная пауза, сводившая на «нет» выигранную за счет скорости волшебных скакунов фору, и на «да» — шансы основных сил противника подойти вовремя. К тому же, не успев разобраться в обстановке, мы допустили немалую оплошность, сняв номера на местном постоялом дворе. Не говоря уже о том, что сами по себе эти убогие конуры были мало совместимы с жизнью человека разумного, десятки аборигенов спозаранку толпились в пивной зале, у конюшни и во дворе, желая своими глазами увидеть диковинных постояльцев и еще более диковинных скакунов. В конце концов, плюнув, мы перебрались на берег, не слишком потеряв в комфорте и безопасности, зато много выиграв в свежем воздухе и отсутствии чужих глаз.

Час за часом уходили брызгами в морской песок, не принося желанных новостей. Час за часом мне казалось, я слышу, как гудит земля в степи под копытами разбойничьего войска Кукуева сына и гридней продажного каана. В этих мрачных терзаниях я нервно гулял по кромке берега, и соленая вода меланхолично облизывала мои сапоги, пытаясь взобраться по голенищу до колен.

«А вдруг он вообще не придет?» — сверлила мозг предательская мысль.

В конце концов, законный государь, хоть и в окаменевшем состоянии, стоит истуканом на острове, а все остальные, что ни говори, — самозванцы. Вот не придет корабль — и все. Хана твоим расчетам, сыщик! Кому потом рассказывать, что его величество Барсиад II со свитой в каменном оцеплении вокруг вершины острова Алатырь расположились? А если государь не объявится — большая заваруха начаться может. Такая себе «война за субурбанскоe наследство». И виноваты будем частично мы, потому как недоработали, ситуацию под контролем не удержали.

«Да как же ее удержишь-то?! — возмущался критический разум. — Силы-то неравные! К чему себя винить? Мы сделали все, что могли. Время о собственной участии позаботиться, а то ведь не ровен час выйдут Кукуевич с Юшкой на берег крутой, а хоть бы даже и пологий — и для затравки перед боем отвернут многоуважаемой следственной группе головы, и все, что найдут возможность отвернуть.

Делли, понятное дело, спасется — ей не впервые. А вот смерть двух грузских бояр для короля Базилея может быть замечательным поводом к наведению здесь законного порядка всеми доступными ему средствами. Чертовски не хочется быть поводом! И умирать отчего-то тоже не климатит...»

— Парус! — Пронзительный вопль Оринки прервал отчаянный всплеск сомнений, точно удар бича, подхлестывая к новому действию. — Вдалеке парус!

— Он, как есть он! — глядя из-под руки на приближающееся сущенышко, вслед кудеснице заорало первое, оно же на сегодняшний день последнее лицо Уряда Нежданных Дел. — Сами гляньте — супротив ветра на раздутых парусах идет!

Зрение не подводило соратников. Прыгая с волны на волну, корабль действительно шел к берегу против ветра, так, словно его тащила за собой на буксире подводная лодка.

— А морпехи где? — оглядывая берег, разочарованно начал было Вадим, но долго огорчаться ему не пришлось.

Точно свет маяка, мелькнувший в ночи среди бурных волн, резко ударили по глазам отблеск солнечных лучей, отраженный от полированной стали доспеха. Затем, словно луковицы из-под земли, то здесь, то там, один за другим начали появляться островерхие купола шеломов. Пешая морская рать двигалась на берег широкой дугой, стремительно охватывая нас с флангов.

— По-моему, они нас в чем-то подозревают, — глядя на слаженные действия молчаливых витязей, все более появляющихся из пены морской, завороженно произнес я. — Только бы не начали рубить без разбору!

— Ни хрена, Клин! — Вадим уперто наклонил голову. — Нас тут в натуре четверо здоровых мужиков, плюс фея, плюс кудесница, и типа грифон!

— Вадик! — с напором зашептал я, прикидывая, что до берега закованным в броню исполинам остаются считанные шаги. — Не суетись. Лучше положи «мосберг» на землю, а еще лучше, достанька брательный крест.

— Да ну! — мрачно огрызнулся Ратников, но за его спиной требовательно и жестко прозвучал голос Делли:

— Достань и повороти!

Кольцо сомкнулось за считанные секунды. Без суеты и малейших лишних движений. Спина к спине — пятнадцать человек лицом

к нам, пятнадцать — в сторону побережья. У страха, конечно, глаза велики, но я бы сказал, что рост каждого из «морпехов» составлял никак не меньше полутора саженей. И в плечах — под стать росту.

— Кто такие? — рявкнул старший из мореходов, седобородый и в сравнении с подчиненными значительно более коренастый.

Впрочем, все относительно, и этот «коротышка» был на голову выше Вадима. Но как бы то ни было, резкий, словно первый удар барабана перед оглашением приговора, вопрос отзвучал, и солнечные зайчики бросились наутек, испуганные холодным блеском на-клоненных в нашу сторону копий.

— Видите ли, — начал я, и тут Вадим, справившись с застежками бронежилета, наконец добрался до брательного креста.

— Эге-гей! — Мощный клич, разнесшийся над берегом, не оставлял сомнения, что защитников земли груссской наш зов не застал врасплох. — Что тут за беда приключилась, побратим?! — Мощный рев возникшего ниоткуда Святозара Святогоровича не заставил морских ратников отступить хоть на пядь, но и в атаку, слава Богу, они тоже не бросились.

— Шо? Уже опять-таки шо-то?! — вторил кличу старшака баритон Лазаря Раввиновича. — Где уже враги?

— Схлестнемся! — горел отвагой мужественный глас Неждана Незвановича, предвкушающего знатную сечу.

— Дядя? Вот так встреча!..

Как порой многое необычайного можно узнать, изучая родственные связи друзей и знакомых. Какие только русалки не гнездятся на ветвях раскидистых генеалогических деревьев! Глядя на огромного, величественного Святозара Святогоровича, как-то не очень верилось, что этот матерый человечище когда-то истошно орал и дрыгал ногами в люльке. И уж вовсе поди догадайся, что родным его дядюшкой окажется грозный предводитель пешей морской рати.

— Знакомьтесь, други мои верные, — радостно-удивленно заговорил Буйтур, кажется, на глазах молодея лет на двадцать, — молодший брат отца моего — Черномор Родич!

— Здесь меня именуют Понт Эвксинский, — словно извиняясь, сконфуженно пробормотал седобородый ветеран. — Что ж, другие племяшь моему — и мне други.

Разговор шел по кругу, точно осел, вращающий мельничный жернов.

— ...Что и сказать, верно! — теребя ус, кивал Родич. — И запрос, и отзыв, все сходится. А только где ж обоз? Что нам прикажешь стеречь да в край дальний сопровождать?

— Нас!

— Не в моих это силах, — огорченно разводил лапищами Черномор, — не велено!

— Кем! Кем не велено? — негодовал я, с отчаянием вспоминая злополучный поход к Сфинксу за паролем. Гора в муках рожала мышь!

— Известно кем, — весомо ответствовал служака. — Хведоном. А за ним вслед и прочие короли сей указ подтверждали. Окромя груза заветного, ни туда, ни оттуда ничегошеньки везти нельзя!

— А если обоз в этом году вовсе не придет? Ведь я уже сказал вам, король в окаменевшем виде томится на острове Алатырь! Нет у него возможности слать что-либо куда-либо!

— Да-а-а-а! Незадача, — со вздохом соглашался морской дядька, — как же он, в самом-то деле?

— Послушайте, — змием-искусителем внушал я, — вы же умнейший человек, вы должны прекрасно понимать, что без короля ваш нынешний визит не имеет ни малейшего смысла.

— Ваша правда, — кивал убеленный сединами потомок Рода. — А только я-то что могу поделать?

— Я же вам уже объяснял! — вздыхал я, с тоскою глядя, как тысячи волн сливаются в гулкий прибой. — Поскольку король и вся его свита в окаменевшем состоянии находятся на острове, их нужно перевезти на большую землю и расколдовать. Тогда все пойдет своим чередом.

— Верно, — согласно кивал Понт Эвксинский. — Нешто я не понимаю?! Я ж, поди, не мальчишка какой, чтоб без дела туда-сюда по морям, по волнам паруса трепать!

— Вот и выходит, что мы должны забрать с острова каменные изваяния, а вы нас до места довезти!

— Да не получается по-вашему! Я уж сказывал, не в моей это власти.

— Тогда привезите каменных идолов сами!

— Не могу, — не скрывая огорчения, разводил руками воевода морской рати. — Как можно без приказа!

— Чьего приказа?!

— Известно чьего — королевского!

— Но он же на острове, в каменном виде! — Я сорвался на крик.

— И то верно...

Уж и не знаю, сколько могла продолжаться наша содержательная беседа, когда б не появление одного из поставленных в дозор исполинов. Он склонился к уху командира и что-то зашептал, искося поглядывая в мою сторону.

— Ну вот, а вы страшали! — выслушав подчиненного, расплылся в улыбке Черномор. — Прибыл обоз. С холма уж видать. И часу не пройдет, как здесь будет.

Глава 29

Сказ о том, где грифоны зимуют

Лицо Черномора выражало удовлетворение, высокое чело его племянника избороздили удивленные морщины, а наши физиономии выражали такую досаду, что могли загнать в тоску даже радостного менеджера преуспевающей оптовой компании.

— Послушайте! — торопливо начал я. — Здесь все не так просто. Этот обоз — чистой воды афера!

— Ишь ты! — кладя руку на чеканную крестовину меча-кладенца, сдвинул брови воевода. — А чем докажешь?

Я нервно сжал и разжал кулаки.

— Под орехами в сундуках могут оказаться вооруженные люди, — вымолвил я не слишком уверенно.

Да, положение наше выглядело неважно. Соловей-разбойник по сей день укрывался за границей. Немалая часть его банды, вероятно, полегла во время стычки на безымянной лесной просеке, поэтому скорее всего план налета на золотоносный остров был изменен. Да и к чему теперь было городить огород с нападением на полканов? Заветное слово, оброненное Сфинксом в его гнилой берлоге, вполне заменяло и численный перевес, и магические спецсредства. А мы, упустив монополию на пароль, лишились единственного преимущества.

— Коли чужаки сышутся, так мы их, известное дело, в труху порубаем! — кивнул головой суровый военачальник. — Ежели так, то за совет и упреждение благодарствуем. Ну а ежели нет — не обессудьте! Хоть вы сыну братца моего и дружки закадычные, а наказ у меня твердый: обоз сей принять, на корабль загрузить да куда след его доставить. А дальше — хоть птица не пой, хоть трава не расти!

Я бессильно огляделся вокруг. Побратимы Вадима, да и сам Злой Бодун, представляли собой грозную силу в ближнем бою. Да и нас с Финнэстом и Вавилой сбрасывать со счетов было бы неверно, и все же перспектива серьезной потасовки с непредсказуемым результатом отчего-то не радовала.

— Послушайте, уважаемый Понт Эвксинский! А если организатор преступления самолично признается в злом умысле и подготовке хищения в особо крупных размерах, вы сможете вернуться на остров порожняком и обговорить с вашим руководством условия нашего визита?

— Ну, ежели он и вправду тать злой... — с неуверенностью в голосе протянул Черномор. — Только как бы то доподлинно вызнать?

— Очень просто. Скоро обоз прибудет сюда. Вернее всего, и главный зачинщик подготовленного налета будет с ним. Он слишком жаден и слишком хорошо знает своих людей, чтобы кому-нибудь из них доверять. Если вы не станете вмешиваться, мы их захватим, а дальше — уж можете мне поверить, преступник сам во всем сознается. Если хотите, можете быть понятыми.

— Не дело это! — мотнул головой осанистый воин. — А коли облыжно вы на него напраслину возводите? Коли сами вы недобroe замыслили? И Светозара, кровинку мою родную, на то подбили?! Почем мне знать! Нет, не бывать тому! Коли в обозе никаких огрехов не сыщется, так, стало быть, нам его далее везти. А ежели так, то всякий, кто с ним пришел, под нашим щитом пребывает!

— Шеф, ну ты в натуре не рулишь! — пустился в объяснения исполняющий обязанности государя. — Сейчас, по раскладам, я — самый центровой, а они — конкретные отморозки! Ну че ты маешься? Мы ж тебе пароль сказали, какие чисто вопросы?

Тягостная задумчивость легла на обветренное и просоленное лицо морехода. За всю его многолетнюю службу подобного случая не было и быть не могло. Человек, знающий пароль, прибывал к побережью исключительно вместе с обозом.

— Не положено, — с трудом поборов собственные непрошеные мысли, чеканно проговорил матерый вояка. — Да и вообще, ступайте-ка отсель лучше подобру-поздорову, да Светозару в пояс кланяйтесь за то, что речи ваши слушали да на копья не подняли!

— И на том спасибо. — Я повернулся к соратникам, скрывая досадливую гримасу. — Это бесполезно. Хоть кол на голове теши — толку не будет!

— Ступайте, ступайте! — В голосе воеводы пешей морской рати больше не слышалось добродушной вальяжности. — И чтоб глаз мой вас не видел!

— Ладно, не поминайте лихом, — счел за лучшее откланяться я. — Одна маленькая просьба напоследок.

— Ну, ежели делу не в убыток да чести не в укор — отчего ж не исполнить!

— Просьба наша простая, никому не во вред. Окажите любезность, не надо никому рассказывать о нашей беседе. Да и о самой встрече тоже говорить не стоит.

— Что ж! — кивнул тяжелой головой Черномор Родич. — Токо ж и вы слово дайте, что озоровать не станете!

Вот это главный прапорщик местных военно-морских сил скандал! Вот это придумал! Как раз озоровать нам здесь было самое время и место.

Укрывшись за холмом, мы наблюдали в подзорные трубы неспешную погрузку сундуков, наполненных орехами, на борт загадочного судна. Оно бросило наконец якорь неподалеку от берега. И возницы на самобеглых лодках перевозили на борт бдительно проверяемые Понтом Эвксинским единицы груза.

Разбойников под орехами не оказалось. Увы и ах, моя слабая надежда, что движимый алчностью Кукуевич решит заграбастать островное золото по максимуму, ослабела окончательно и скончалась в муках. Гарцающий сейчас рядом с проверяемыми сундуками королевский наушник, должно быть, в душе расхваливал себя на все лады за мудрое решение ограничиться жирным уловом Хведеннова куша и не разевать пасть шире ушей. Мы в бессильной ярости следили, как могучий Понт Эвксинский раз за разом втыкает в орехи свой харлужный кладенец, и мрачная досада все больше и больше прорывается на его суровом лице.

— Блин горелый! Вот это мы попали! В такую гнилую дыру лезли, в натуре полоскали, чуть головы не поотваливались! И все зачем? Чтоб эта вша казематная на нашем хребте жировала?! — Вадим хлопком сложил подзорную трубу. — Клин, в натуре, что делать будем?

— Не знаю. — Я опустил голову, стараясь не показывать, как мне сейчас тошно. — Не знаю! Похоже, нас все же переиграли.

— Не вини себя, Виктор. — Делли положила свою тонкую изящную руку на плечо, и мне нестерпимо захотелось зареветь белугой,

чтобы добрая фея гладила по голове и утешала: «Ну не надо, миленький, все образуется».

— Нешто все? — добавляя соли в компот, обескураженно вздохнул урядник Нежданных Дел, глядя, как отплывает в сторону таинственного корабля последняя груженная орехами лодка.

— К чертям собачьим, все! — процедил я, не разжимая зубов. — Делли, нам срочно нужно добраться до острова. Помнится, у короля Базиля имелся десяток мурлюкских драконов? Один из них нам сейчас очень не помешал!

— Иметься-то они имеются! — вздохнула фея. — Да только с тех пор, как силы Девы Железной Воли на убыль пошли, летать на них мало кто отважится.

— Значит, нам нужен кто-либо из этих самых «мало кого», или живой дракон, или что-либо в этом роде. Посуди сама — Кукуевич орехи уже отгрузил! И что ж он теперь, по-твоему, немедля отправится в бухту Барахты дожидаться, пока ему заветный клад Черномор на блюдечке с голубой каемочкой, как обычно, доставит?

— А че, типа не доставит? — не понимая, к чему я клоню, высказался Злой Бодун.

— А то типа, что в море водятся негодные твари, именуемые пиратами, — начал я.

— Да ну, ты дал! — Вадюня постучал себя мощным указательным пальцем по лбу. — Какие пираты решатся на такую шоблу оторваться?!

— Те, которые плавают под золотым знаменем с синим хряком.

— Ты че? А пешая морская рать?

— А Сети Макрас? — напомнил я. — Я даю рупь за сто, что Кукуевич сейчас же отправится эскортировать груз. А Юшка, в свою очередь, постарается захватить драгоценности на обратном пути. Ибо оставаться в таком позорном проигрыше этому государственному мужу не с руки. Поскольку же о реальных планах конкурента он скопрее всего ничего не знает, то вряд ли отпустит Кукуева сына в море без присмотра. Если Фуцик до него добрался, а скорее всего это именно так, то он наверняка поведал новому хозяину о планах коварного налета на Алатырь. Так что теперь, даже если здравый смысл подскажет каану не соваться на остров, Макрас, контролирующий его сознание, заставит марионеточного вепря лезть в самое пекло. Ведь для него Юшка всего лишь ракета-носитель. Извини, Делли, не знаю, как это звучит на местном диалекте.

— И что теперь делать-то? — проговорил Несусветович, вновь обретая надежду.

— Делли! Нам срочно нужно попасть на остров. Мы должны определить обоих отчимов народа и переговорить с тамошним хозяином.

— Каким хозяином? О чем ты баешь? — удивленно взглянула на меня фея.

— Но кто-то же живет в белом доме, обнесенном изваяниями субурбанская элиты?! Вот с ним-то нам и необходимо переговорить.

— Послушайте, шо я скажу, только не обижайтесь! Ежели у него такой забор, то пусть он живет там за этим забором, а мы уж как-нибудь здесь. И шоб мы жили долго и счастливо, и даже если умрем в один день, то в сильно разные годы. И шоб он намного раньше. Зачем вам нужны такие переживания на ваши умные головы?! Или у вас не хватает седых волос? Так у вас их может не хватать вместе с головой! Давайте лучше вернемся в Торец Белокаменный, вы обо всем расскажете королю, он вышлет флот, и кто потом увидит те лайбы с теми живоглотами?! — вклинился в наши военные приготовления мудрый нарочитый муж Лазарь Раввинович.

— Нет, — хмуро отрезал я. — Во-первых, это вмешательство во внутренние дела суворенного государства. Во-вторых, пока мы доберемся до короля, пока его величество распорядится снарядить эскадру, пока корабли выйдут в море, — все уже давным-давно закончится. Нам срочно нужно что-либо летающее — дракон, аэроплан, да хоть ступа с помелом.

— А типа грифон не подойдет? А то вон Проглот без дела валяется.

Услышав свое имя, набегавшийся по пляжу домашний зверек приоткрыл глаза, и вдруг уши его поднялись над головой лохматыми шалашиками. Слух у грифонов отменный, но лично я ничего, стоящего внимания, не слышал. Однако Проглот, видимо, не разделял столь поверхностного мнения. Он вскочил на ноги и с той же скоростью, с которой носился за «ниссанами», помчал вдаль, оглушитель но вопя во все горло.

— Проглот, стой! — закричал я. — Стой! Вадим пошутил, никто на тебе летать не собирается!

Но грифон все мчал, не останавливаясь, а затем расправил широкие крылья и, оттолкнувшись, взмыл в синее, в пене белых облаков, небо.

— Н-да... День сегодня не задался. Сначала этот Черномор, упертый, как... — Я с опаской поглядел на хмурого племянника воеводы

пешей морской рати. — Как не знаю кто! Потом Кукуевич с приступом сообразительности. Теперь вот еще Проглот решил ноги, в смысле, крылья, сделать! Хоть бы попрощался по-человечески! — Я вспомнил игручего леогрифа, носящегося по пляжу и отскакивающего от набегающих волн, его шкодливую морду, высовывающуюся из зеленого венка чудодейственной волчьей плети... и у меня стало нестерпимо тошно на душе. Судя по мрачным взглядам Вадима и Оринки, не у меня одного.

— Грифоны, сказывают, за морем на острове зимуют, — желая, должно быть, разрядить обстановку, проговорил Вавила, демонстрируя познания в повадках диковинных тварей. — Там, на Алатыре, и детенышней выводят.

— Я знаю. — Моя угрюмая физиономия не располагала к обстоятельной беседе.

— Не тужите, други верные! — печально заговорила Оринка, стараясь утешить друзей. — Всему свой черед. Всякому делу свой срок отпущен.

Ратников мрачно выругался себе под нос и отошел в сторону.

— Я это к тому, — точно не замечая грубоści Злого Бодуна, продолжала кудесница, — что не о чем покуда слезы лить. Вернется Проглотушка! Да вот, поди, уже и ворочается.

Глаза девушки были обращены к нам, но говорила она с такой уверенностью, словно ушедший за облака грифон поддерживал с ней непрерывную радиосвязь, как пассажирский борт с центром управления полетами. Невольно покорившись уверенному тону ведуньи, мы, не сговариваясь, задрали головы и... Я в недоумении потер глаза, чтобы убедиться, не посетили ли меня, на почве утомления, зрительные галлюцинации.

К нам, быстро снижаясь, стремительно неслись леогрифы. Один из них, с гирляндой на шее, без сомнения, был наш домашний любимец. Грифонья стая на бреющем полете прошлась над головами оторопевших зрителей и вновь блистающими свечами взмыла к небу, оставив на прибрежном золотистом песке трех златошерстных представителей.

— Оба-на! — только и смог выдавить Вадим, и, надо сказать, остальные присутствующие витязи дружно поддержали его в изъявлении чувств.

— Вы же хотели, кажется, вернуть Проглota папе и маме? Вот, пожалуйста! Вероятно, это и есть, — фея наклонила голову, желая

лучше рассмотреть огромных тварей; — папа и мама! А может, дядя и тетя? Или брат и сестра? Родственники, одним словом.

— Очень приятно. — Я, не слишком понимая, что должно предпринимать, знакомясь со столь значительными персонами, прокашлялся, собирая разбежавшиеся мысли в единый поток. Лапы грифонов достигали мне примерно до плеча, головы же их с огромными клювами красовались значительно выше, так что говорить приходилось, глядя снизу вверх. — Рады знакомству.

Один из родственников Проглota наклонился, точно желая получше рассмотреть стоящую перед ним мелюзгу, затем, щелкнув клювом, пронзительно крикнул, должно быть, делясь своими наблюдениями с сородичами.

— Знать бы, что он говорит. — Я приложил руку к сердцу, пытаясь языком жестов выразить приятненное отношение.

— О чем сказывает, не ведаю, ибо слов людских они не знают, — вмешалась в нашу содержательную беседу кудесница. — А вот что мыслит, растолковать могу.

— Даже так? — Я обернулся к кудеснице: — Ты можешь читать их мысли?

Девушка загадочно покачала головой.

— Мысль их не в словесах, но в образах ясных представляется. А ежели на человечью речь их перевести, то вроде как благодарят они вас за то, что мальцу их жизнь сохранили и до сего дня растили и опекали.

Видимо, удовлетворенный уровнем перевода, наиболее крупный из троицы крылатых монстров довольно закурлыкал, что в наших краях могло восприниматься как звук разгона дизельного генератора.

— А это он типа че? — завороженно глядя, как грифоны с низким горловым курлыканьем когтям пологий склон холма, проговорил Вадюня.

— Говорят, что коли в чем нужна их подмога, так они всегда рады.

— Помощь? — Я задумчиво поглядел на крылатых исполинов.

— Виктор! — настороженно глядя на меня, нежно промолвила фея. — Скажи мне, что ты не собираешься лететь верхом на них к острову Алатырь?

— Именно, что собираюсь, — опроверг я безосновательные сомнения вечно юной соратницы.

— Но послушай, — принялась урезонивать меня Делли. — Лазарь Раввинович, по сути, прав. Хороший человек, или будь там кто, из окаменевших людей изгороди себе городить не будет. К чему, не зная броду, соваться в воду?! Заветное слово у нас есть. Корабль снарядим, да в большой силе к острову Буяну и пойдем.

— Если волшебные слова действуют, значит, нам особо ничего не угрожает, а если нет, то и великая сила не поможет. Отступать теперь некуда, иначе все придется начинать сначала. А все что было, псу под хвост?! Но через год лучше не станет, и тогда пробовать будет поздно! В общем, не будем задерживать грифонов, им еще договарять стаю.

Я решительно шагнул вперед, досадуя, что приходится объяснять простейшие вещи близким людям, даже если они феи.

— Но ведь на них ни седла, ни башен нет! Как лететь-то? — обеспокоенно проговорил Неждан Незваныч, и я невольно подивился первому, со времени нашего знакомства, проявлению заботы о ближнем со стороны буйного Ломоносова.

— Не беспокойся, какой-никакой опыт имеется! Такая длинная шерсть, есть за что схватиться. Даже при желании привязаться есть чем. Все! — Я подошел к улегшемуся наземь грифону-папаше. — Если что — не поминайте лихом!

— Я с тобой, — поспешил сообщил Ратников, делая шаг вперед. — Ты че, в натуре?! Я тебя не оставлю! А вдруг там, по жизни, какие уроды притаились?!

Он многозначительно погладил грозное древко «мосберга».

— Ох, нелегкая вас потянула! — Делли состроила досадливую гримасу. — Ладно уж, коли я вас сюда зазвала, то без подмоги оставлять негоже! Летим, оглашенные! Глядишь, еще и обойдется!

Вогнутая чашей морская ширь проплывала под крыльями грифонов, и тень их скользила по вспененной бирюзовой ряби, неровным пунктиром отмечая путь к укрытому за горизонтом острову. После нашего отлета импровизированный отряд ревнителей субурбанской державности временно распался. Светозар Святогорович с побратимами волшебными чарами возвратились в рубежи отечества. Оринка с урядником и Финнэстом остались ожидать нашего возвращения и стеречь оставшихся без хозяев чудодейных скакунов. Снаряженные зеркалами волшебной связи, наши спутники должны были держаться наготове, чтобы в случае необходимости двинуться в бух-

ту Барахты, или же бог весть куда, где, как мы все без исключения надеялись, должна будет ступить нога двух человек и одной феи.

— Клин! — заорал Вадим со спины грифонихи. — Влево глянь!

— Что? — Я повернул голову туда, куда указывал мой друг.

Широченные крылья могучих чудовищ неспешно вздымались и огромным опахалом опускались вниз. Длинные маховые перья заметно трепетали под натиском воздушного потока. Я невольно почувствовал, как подступает к горлу противная тошнота, и покрепче ухватился за обмотанные вокруг запястий пучки шерсти на спине грифонов, чтобы не потерять равновесие.

— Не туда! — видя мое состояние, во все горло завопил Вадюня. — Вниз и влево! — Он попытался головой указать правильное направление. Проследив за его взглядом, я увидел скользящий по среди волн быстроходный корабль, вокруг которого, строго по периметру, виднелось три десятка бурунов, точно корабль шел, окруженный множеством водоворотов. — Это Черномор! — точно сомневаясь в моей сообразительности, прокомментировал Злой Бодун, морщась и старательно отворачиваясь от ледяного потока встречного ветра. — Гадом буду!

— Не надо! — точно так же, проклиная лобовое сопротивление, гравитацию и прочую турбулентность, выкрикнул я.

— А там, дальше, еще мачты! — поведал о своих наблюдениях мой зоркий друг.

— Где?

— Левее и чуть сзади!

— Это, должно быть, Юшка! А может, Кукуевич! А может, оба! — прокомментировал я, пытаясь вывернуть шею в указанном направлении. Но тщетно.

В этот миг грифоны стремглав влетели в огромное пушистое облако, непроглядное, как тюк медицинской ваты, и сырое, точно свежевыстиранный пододеяльник, надутый ветром. Корабли моментально исчезли из виду, зато появилась уникальная возможность осуществить радужную мечту детства и потрогать облако руками, когда б решился я разжать сжимавшие грифонью шерсть кулаки и оторвать от нее окоченевшие пальцы. Но это уж дудки!

— В гробу я видел такие путешествия! — послышалось из белой непроглядной пелены. — Клин, в натуре это была фуфловая идея, лететь на незапряженных грифонах!

К сожалению, Вадим был прав, и цокот моих зубов служил недвусмысленным тому подтверждением.

Когда-то, в дни непримиримой борьбы с коварной Повелительницей Драконов, нам уже приходилось гарцевать по воздушным потокам на этих древних, не поддающихся мурлюкскому колдовству, чудовищах. Но тогда и полет был намного короче, и спины грифонов украшали миниатюрные башенки, рассчитанные на стрелка и погонщика. Теперь же ангина представлялась самым мелким следствием моего проклятого упрямства.

— Впереди остров! — послышался откуда-то снизу голос Делли, использующей, как обычно, для передвижения по воздуху собственные, как говорится, скрытые возможности.

Едва только отозвучали ее слова, как леогрифы начали спуск и, вынырнув из белой пелены, легли на крыло, паря и неспешно заходя на посадку. Остров уже виднелся и стремительно, точно в ускоренной съемке, приближался, все четче и явственнее вырисовываясь перед нами.

Высокая, белая, почти отвесная, точно указательный палец, грозящий небесам, гора вздымалась посреди острова, придавая ей диковинный вид огромной перевернутой чертежной кнопки. Но в отличие от последней это странное рельефное образование имело почти абсолютно белый цвет и от подножия едва ли не до самой вершины было густо объято пламенем. Непонятно, что на этой горе могло пылать так долго, не думая сгорать, и почему это странное топливо не давало и намека на дым. Да, виденный мной когда-то лесной пожар рядом с этой вакханалией огня казался безобидным пионерским костром.

— Так вот ты каков, бел-горюч камень! — материализуясь из воздуха, проговорила Делли, когда приземлившись у самой кромки неуемного пламени грифоны наконец смогли расстаться со своей окоченевшей поклажей. — Слыхать — много слыхивала, а вот и своими глазами увидеть довелось! Ну что ж, други мои верные, коли забрались сюда за тридевять земель — самое время и хозяину поклониться!

— С-с-сейчас! — не сговариваясь, выдохнули мы с Вадимом, старательно греха пророгшие тела у вполне, может быть, волшебного, но от того не менее жаркого пламени. — Сейчас.

Огромная, словно въезд в ангар, дыра у самой вершины хранила следы рук человеческих и, должно быть, являла собой вход в это необычное жилище. Как и обещало Оринкино видение, ограда из грубо серого камня кольцом окружала вершину и представляла собой весьма необычный скульптурный ансамбль. Весь цвет Субурбании

был собран здесь и поставлен плечом к плечу, без различия возраста, звания и принадлежности к Союзам Кланов. Мужчины и женщины, старые и молодые, в одежде и без, — все они теперь глядели пустыми глазами на волшебный остров, как и прежде, не ведая, что творится у них за спиной.

— Н-да, судя по отсутствию ворот, гостей здесь не ожидают. — Я оперся на лысину какого-то там сановного мздоимца, окаменевшего с несданной колодой игральных карт в руках, и перемахнул в двор.

— Эгей, хозяин ласковый! Покажись, коли тут! Дозволь слово молвить!

Рядом со мной на землю приземлился Вадим и могущественная сотрудница Волшебной Службы Охраны, судя по лицу, как и мы, чувствующая себя не в своей тарелке.

— Эге-гей! — еще раз крикнул я. Ответа не последовало. — Дьявольщина! Кажется, разговор не состоится! Похоже, хата брошена.

— А это типа кто? — Вадюня ткнул «мосбергом» в направлении пещеры. Я повернулся туда, куда показывал мой друг. Из темноты на нас глядела дюжина светящихся холодным огнем глаз. Они неспешно приближались, становясь все больше и отчетливее.

— Хотела бы ошибиться, — Делли рефлекторно сделала шаг назад и уперлась в каменный забор, — но кажется, это черные волки. Тыщу лет уж никто их не видал, а они ишь где уgnездились!

Огромные черные твари медленно выплывали из темноты, точно сама она, сгущаясь, порождала этих исчадий горячечного бреда. Во взгляде их не было ни жажды крови, ни жестокости, одно лишь холодное безразличие, с каким спешащий по своим делам человек давит подвернувшегося под каблук муравья.

— Надо отступить! — срывающимся голосом прошептал я. — Там у грифонов плеть.

— К ним нельзя оборачиваться спиной! — чуть слышно проговорила Делли. — Немедля прыгнут! Погоди, я сейчас пару статуй опрокину...

— Стоять, падлы! Порешу в натуре! — прорычал Вадим, поводя из стороны в сторону своей крупнокалиберной картечницей, но выстрелить ему не довелось. Золотистая молния с подсущенным венком на шее единственным махом перелетела через каменных стражей и, угрожающе расправив крылья, опустилась между нами и черной стаей.

Клокотание вырывалось из грифонаского горла, перья и шерсть стояли дыбом, хвост колотил из стороны в сторону, совсем как там-

там, собирающий на бой туземное племя. Черные твари, раза в полтора превосходившие габаритами юного Проглota, остановились, а затем попятались.

— Вот и не верь после этого в ботанические сказки! — прошептал я, глядя, как молчаливые привратники брезгливо дергают носами и медленно отступают.

— Давно не видал ничего забавнее! — послышался из глубины пещеры сильный насмешливый голос. — Грифеныш защищает людей и фею! Смешно!

— Че смешного? — пробубнил недовольно Вадим, не опуская «мосберга». — Мы б их и сами завалили!

— И отчего, спрашивается, у баухалов жизнь короткая? — вновь раздалось из тьмы. — Ну да пустое, заходите, раз уж пришли! Не бойтесь, эти демоны вас не тронут!

Глава 30

Сказ о том, что грифоны мышей ловят

Слова, прозвучавшие над вершиной, хоть и казались самыми что ни на есть обычновенными, произвели волшебное действие на окружающих. В смысле, на окружающих нас волков. Молчаливые черные твари, недобро глядя на юного грифона и уж совсем с отвращением — на его ботаническое колье, улеглись посреди двора, не слишком умело делая вид, что незваные гости их вовсе не интересуют.

— Входите! — раздался все тот же голос из глубины пещеры. — Не медлите!

— А вдруг это засада? — наклоняясь ко мне, прошептал Ратников. — Помнишь, типа в «Звездных войнах» мужики в такую дыру залетели, так она их чуть конкретно не схарчила?!

— Может, и засада, — со вздохом согласился я. — Но ждать, пока хозяин голоса сюда выйдет, — смысла не имеет. А обратно на континент оказия будет только весной. Боюсь, мы до нее не дотянем. Раз уж прибыли сюда, делать нечего, пойдем до конца. Надеюсь, хоть здесь пароль нам действительно пригодится.

Делли лишь молча пожала плечами и, еще раз окинув взглядом отдыхающих волчар, шагнула вслед за нами.

Небольшой бледный огонек затеплился под темными сводами. А за ним еще один, чуть дальше, в глубине пещеры. В зыбком неровном круге света виднелись классические страшилки, которые один человеческий мозг мог измыслить, чтобы напугать другой. Питоны, толщиной с водосточную трубу, выглядывающие из сырых расщелин; летучие мыши ничуть не вегетарианского вида, размером с графа Дракулу, подвешенного вниз головой; зубасто-шипасто-бородавчатые существа, названия которых мне неведомы. Их вид сам по себе впечатлял любого, кто не удосужился на заре туманной юности насмотреться голливудских ужастиков. Даже самые огоныки, вспыхивающие то здесь, то там и освещдающие дорогу в горные недра, казались неприкаянными душами, призраками давно отгоревших факелов.

Не знаю, задумал ли что-либо против нас хозяин столь необычного чертога, и задумывал ли он вообще что-нибудь, но увиденные нами в смутных бликах мертвенно-бледных огоныков твари вели себя вполне равнодушно, не выражая ни злобы, ни какой-либо озабоченности. Лишь однажды, когда Делли решила компенсировать недостаток света, запалив внутри пещеры чародейский огонь, здоровенный удав, приняв его, должно быть, за добычу, метнулся на яркую вспышку и, рухнув на пол, отчаянно извиваясь пополз от нас на прежнюю охотничью позицию. Несмотря на неудачу прожорливого змея, мы сочли за благо воздержаться от новых экспериментов и почти на ощупь двигались под сводом, все ниже и ниже придвигающим свою каменную толщу к нашим макушкам.

В конце концов сумрачный «зал аттракционов» закончился, и мы непременно уперлись бы в стену, когда б не разверзлась под ногами ненасытная глотка темной бездны... впрочем, имеющая довольно широкую винтовую лестницу.

— Не нравится мне все это! — глядя на затхлую дыру у самых ног, пробормотал Ратников.

— Будешь строить дачу, выберешь другой проект, — вяло пошутил я, но шутка, призванная разрядить обстановку, казалось, повисла в воздухе холодным облачком и опала на сырой камень мелкими слезинками.

И все же, несмотря на тоскливые предчувствия и мрачное состояние духа, мы, один за другим, ступили на выбитые в скальной породе гладкие уступы, ведущие, должно быть, в сердце бел-горюч камня. Даже Проглот, дотоле щелкавший клювом и шипевший на всякую новую тварь, увиденную здесь, безмолвно последовал за нами.

Насколько я мог утверждать, по результатам сегодняшнего дня нашего воспитанника смело можно было именовать первым спелеологом за всю историю грифоньего племени.

Не знаю уж, сколько мы спускались. Казалось, здесь, в каменной толще, время, и то замедляет свой ход. И все же это не был спуск в адскую бездну, как я уже начал втайне опасаться. В конце концов внизу, сначала слабо, затем все сильнее, забрезжил свет, и мы поневоле ускорили шаг, спеша приблизиться к этому, быть может, обманчивому ориентиру.

Но свет не обманул. Вернее, если в чем-то и опроверг наши ожидания, то лишь в масштабах увиденного. Беломраморный зал с четырьмя рядами витых колонн, украшенных затейливыми капителями, был залит невесть откуда взявшимся светом, точно располагался он не в глубоком подземелье, а на самой вершине горы. Реши хозяин столь экстравагантного бункера сдавать его под корпоративные вечеринки — и сотни две счастливчиков, не считая оркестра и обслуги, вполне могли плясать здесь, не слишком мешая друг другу. Но, похоже, любителей выкидывать хитроумные коленца и грациозные па в этих стенах отродясь не водилось. В конце залы, вдали от входа, был установлен беломраморный трон, на котором усталым сычом восседал некто, очень длинный и, судя по одежде, очень траурный.

— Что, небось этаким гуртом сражаться пришли? — тоскливо произнес он, оперев подбородок на подставленную ладонь.

— С чего бы это вдруг? — Я невольно оглянулся, чтобы посмотреть, не отразилось ли на лицах моих спутников непрощеное желание хорошенко порубиться перед обедом.

— А как же иначе? — без особого энтузиазма проговорил хозяин чертога. — Испокон веку так повелось! Как узнают, где Кошеч Бессмертный притаился, чтобы годы свои бессмертные коротать, так враз — рыцари, витязи, наемники, маги сползаются, точно медом им намазано, смертушки моей поискать.

— Прикинь! — завороженно выдохнул Злой Бодун, преданно глядя на истощенного временем исполина. — А вы че, в натуре, Кошеч Бессмертный?

— Да уж не серенький козлик! — скривился хозяин чертога. — А ты кого здесь ожидал увидеть?!

— Да так... — смущенно потупился Ратников.

— Раньше-то все поодиночке шли. Оно понятно — и славы больше, и ежели удача зубы ощерит, то золото-серебро мое ни с кем делить не придется. Сейчас, гляжу, народишко-то похужел. Хоробрости

поубавилось! Ишь, какой толпой пришли! И фею прихватили, и грифонца малого, — давно, знать, готовились! — Он вздохнул и, пощарив рукой за троном, вытащил на свет меч длиной примерно со шлагбаум. — Ну что, здесь драться желаете, или наверх, к солнышку пойдем? — Он поднялся с места во весь свой двухсаженный рост и крутился над головой орудием убийства.

— Послушайте! — вновь обретая дар речи, вмешался я. — Собственно говоря, мы вовсе не собирались вступать с вами в бой. Если только вы не расправляетесь с гостями из принципа, то, быть может, обойдемся без кровопролития?

— Ишь ты, хитрец! Без кровопролития! — с легким недоумением в голосе проговорил Кощей, вновь усаживаясь на беломраморный трон. — А чего ж вы, спрашивается, пришли сюда, коли драться не желаете?

— Да нам бы в натуре перечирикать, — напрягшийся было Вадюня опустил «мосберг». — Так, ля-ля тополя...

Бессмертный обитатель каменных недр оторопело поглядел на фею, затем на меня и, в конце концов, на разлегшегося посреди залы Проглота.

— Ну-у, чирикайте, коли невмоготу...

Боюсь, что за всю многовековую жизнь древнего исполнина ему не доводилось слышать ничего более дикого и нелепого.

— Прошу прощения, — прервал я затягивающуюся паузу ожидания. — Давайте это оставим на потом. Тут вот какое дело...

И я в подробностях изложил все те безрадостные причины, которые заставили нас вторгнуться на этот негостеприимный клочок суши и искать встречи с его хозяином. Естественно, не упоминая желания Вадима исполнить репертуар стайки воробьев.

— Охо-хо! — впадая в тосклившую меланхолию, выдохнул Кощей. — И неймется же им!

— Кому «им»? — повинуясь въевшейся оперативной привычке, сразу принялся уточнять я.

— Да всем им неймется! — отмахнулся помрачневший великан. — Уж веки-то веков минули, а все то ж! История давняя, да чтоб понять, откуда что взялось, без нее не обойтись. — Он, не глядя, сунул меч обратно за трон и подпер голову кулаком, готовясь к долгому рассказу.

— О начале напастей моих вы, должно быть, и прежде слыхивали. В незапамятные времена чародей в тутовых землях большой страх наводил. Одно слово — ваша порода! — Он кивнул на Делли. —

Могущество у него было от фей, в жилах — пламень драконий, а по природе — камень.

Кошеч похлопал ладонью по резному подлокотнику:

— Многих он, тварь негодная, в полоне держал, из всякого роду-племени! Я ж тогда в самой силе был и в воинском искусстве, и в чародействе. В народе моем, да и в иных землях равных мне хоть и искали, да не сыскалось. Вызвал я Тузла Многомерзкого на смертный бой, а только ничего из того не вышло. Заманил меня чародей в ловушку, так я в яме сырой без малого год и провел, света не видючи. Пошла искать суженого зазноба моя — Леда-лебедушка, да тоже в лапы Тузлу попала. Возжелал он ее своей наложницей сделать и вза-перти держал, да только любовь под замком не удержиши. Сыскалась тварь малая, грифоньего племени, в темнице моей она засовы клювом перебила, замки когтями вырвала, на волю выпустила, да на ухо мне и нашептала, где сила Тузлова упрятана.

Сошлись мы с чародеем злым в схватке не на жизнь, а на смерть. Две недели бились без роздыха, а таки одолел я его. Рубанул по косе долгомерной, и на одну лишь волосину не отсек. Малость, казалось бы, ан нет. В малости той вся беда-то и таилась.

Волос, об который меч мой изломался, не простой был, а каменный. А в конце его игла чудодейная. Упал Тузл посреди моря, да враз скалой оборотился. А игла на косе его, точно змея, в руку меня ужалила. А с уколом тем и часть силы чародеевой, и бессмертие его, и толика духа в меня влились, и, покуда цела та игла, мы с ним, почитай, одно. — Кошеч грустно посмотрел на нас, точно ста-раясь убедиться, расслышали ли мы, в чем скрыта его погибель. — Много я потом зла людям причинил, ой как много! Самого Тузла в камень оборотил, а лютость его безмерную в себе одолеть не мог. Леда от того тяжко страдала, слезами обливалась. И желал я всей душою прежним стать, а не мог! Месяц держался, два. Затем сно-ва — царям обиды да народам разор. Обернулась моя Ледушка бе-лым лебедем, да и улетела неведомо куда. Сыновья наши с тех пор слова не молвили, дочь любимая за море с олухом этим, Хведеноном, подалась.

— Простите, — ошарашенный новостью, вмешался я. — Вы хотите сказать, что Хведенон — предок субурбанских королей — ваш зять? Тогда, выходит, Хведенонов куш...

— Приданое, — усмехнулся Кошеч. — Хведенону и всему потом-ству его, до скончания времен. А затем и прочим субурбанским ко-ролям Хведенонова корня. Хоть и крови прежней в них, почитай, не

осталось, а чтобы сумятицу в умах не сеять, чтоб лишний раз носа сюда не совали, я себе так порешил — как шло, так пусть идет.

Этого самого Хведона с матерью его штормом сюда занесло. Корабль, видать, бурей разбило — так они в бочке спасались. Дочь моя их на берегу нашла. Она-то прежде кроме братьев да меня других мужчин не видывала, ну, стало быть, и влюбилась без памяти, дуреха! Я им тут и град выстроил, и народ развеселый населил, а все ей в родном дому тошно было, все за море рвалась. — Он печально опустил веки, должно быть, с болью вспоминая давний семейный разлад. — Пришлось, значит, отпустить. Ну, уж ясное дело, не с пустом. Придумал я, что Хведон этот — царя тюрбанского сынок, в малолетстве злыднями исхищенный, и что все богатства его от того ведутся, что погубил он на Алатыре злого чародея, меня то есть... С тем да с братцами Лебедушки моей к ближнему берегу их и отправил. Оттуда в Субурбании королевский род повелся.

— Стало быть, инсценировали самоубийство? — улыбнулся я, изумляясь трактовке знакомой с детства сказки. Как говорится, правда бывает удивительнее любого вымысла.

— Было дело, — со вздохом кивнул бессмертный исполин. — Кабы в первый раз! — Он помрачнел на глазах. — Оттого и туга-печаль, что не в первый.

— А че так? — не скрывая заинтересованности, сочувственно покачал головой Вадим.

— Да так вот, — вздохнул Кошеч. — Когда Леда моя пропала, такая злая тоска меня обуяла! Пошел я по белу свету ее искать, из края в край. А из государей многие враз смекнули, что хоть я людей сторонюсь и никому обид не чиню, а все равно с подданных своих на борьбу со мной али для откупа немалые груды золота собрать можно. А то еще красавиц, вроде как для меня, по городам и весям от матерей-отцов да любимых отымали, да себе в покой для сладострастных утех определяли. Ну, сами посудите! — Кошеч Бессмертный вновь поднялся во весь свой двухсаженный рост. — На что мне людские красавицы?! Мне вон и на Лебедушку пришлось чары наложить, чтобы она с Хведоном в росте сравнялась. А уж на что, казалось бы, по мерке людской, статный молодец был! Но речь-то об ином!

Злодейства, царями чинимые, провину на меня легли, и где бы ни укрылся, тотчас же всякого звания люди на меня охоту открывали. Кто за честь любимой постоять, а кто и сокровищами разжиться. Конец-то у всех един был — очень я не люблю, когда на меня оружие поднимают. Но это ж какова доля! Живи да всякую минуту жди, ког-

да очередному безголовому остолопу на ум взбредет силами тягаться. Уж сколько я их искрошил — и не сосчитать! Ах нет, все лезут и лезут!

И вот как-то утром приволокся некий юноша, до того молоденький да хорошенъкий, что жаль мне стало голову его рубить. Меч у него из рук я выбил, да и говорю: «Хочешь жизнь сохранить — возвращайся домой да объяви, что одолел меня в смертном бою». Злата, серебра ему отсыпал, камней самоцветных из своих сокровищ. Так он, прохвост, ко всему тому еще втихую и обломки меча похитил, которым я с Тузлом рубился. Потом, мошённик, всему свету раззвонил, будто бы этим самым мечом Кощяя прикончил.

Я потом сюда вернулся и долго никуда носа не казал, чтоб позабыли обо мне. Но малец тот что удумал! Детям и внукам своим втайне поведал, мол, не убил он меня, а только ранил. Меч, стало быть, подвел. Но вроде как смерть моя только этим клинком и достигается. Так из века в век и повелось: по всему миру одно, а в своем кругу — иное.

Я о том и знать не знал, и думать забыл, а надо же такому статься: в нынешние дни потомком того самого пройдохи мурлюкский Генеральный Майор оказался, лихоманка его побери! Я себе в ус не дул, по миру странствовал, — где под личиной, а где и так, когда вдруг объявляется этот упырь несытый. Все, говорит, меч священный мы заново перековали, так что смерть твоя пришла! Ну, меня, ясное дело, смех разобрал от такой угрозы, а он разобиделся и цедит: «Раз так — всем объявлю, что ты жив! Награду за твою голову назначу! Ни ночью тебе сна не будет, ни днем роздыху!» Я быстро смекнул, что Воош этот самый не шутит, и ежели действительно не смерти моей он по глупости ищет, то договориться по-всякому сподручнее. Тайна, она, знаете ли, дорогого стоит! — Кощей замолчал, и по его усталому, сумрачному лицу пробежала брезгливая гримаса, относившаяся то ли к предводителю мурлюков, то ли к собственной мотузянной жизни.

— Тошно жить бирюком в облоге, носу из логова не кажучи, — помолчав, добавил он.

— А за сохранение тайны, — осторожно начал я, стараясь не задеть чувства древнего великана, — Генеральный Майор потребовал ликвидировать правящую верхушку Субурбании?

— Верно, — беззаботно кивнул хозяин острова, не слишком, похоже, удрученный содеянным. — Видали небось? Стоят, голубчики! Смерти я им не желал, а так — вроде и живы, а вроде и камень! И мне забор, чтоб волки попусту не разбредались, и народу польза.

— Угу. — Я сжал пальцами переносицу. — Против пользы, конечно, не попрешь. Забор отменный! Да только отсидеться за ним не удастся.

— Это еще почему? — насторожился Кощей и вновь потянулся за мечом.

— Да потому, — стараясь говорить как можно убедительнее, начал я, — что Джи-Джи Воош не со своего голоса пел. Что ему велено было, то от него и слышали. А вот истинный его хозяин о Субурбании, верно, и не помышляет. И ему не злато-серебро нужно, не белка волшебная, а сила, которая у старого Тузла все еще в избытке. И вашей смерти он искать не будет. Ему бы лишь рядом с вами оказаться; а там вы и смекнуть ничего не успеете, как в сетях его окажетесь!

— А не лукавишь ли ты, гость нежданный? Все ж таки сила здесь собрана немалая! И сыны мои — витязи первейшие! И дядьку я им нанял, умением да хоробростью известного. А на острове — Полканья рать, да черные демоны, да аспиды, да всякой нечисти полон двор! Кто ж на силу такуювойной идти решится?!

— Войной, пожалуй, никто, — заверил я. — Но сила при уме хороша, а без него — хоть ты и в три раза сильнее будь, а толку чуть. Так вот, властитель нынешнего майора умеет ум у людей отбирать. Своими глазами видел, никому не приведи!

— Складно говоришь! — не спуская с меня холодного изучающего взгляда, медленно произнес Кощей. — Да только отчего ж мне верить-то тебе?

— А вы и не верьте! — пожал плечами я. — Кораблик ваш отсюда увидеть можно?

— Отчего нет. — Хозяин небрежно щелкнул пальцами, и одна из стен залы стала прозрачной, точно оконное стекло. — Вон он, бежит себе!

— Конечно, — согласился я. — Чего б ему не бежать?! А дальше, у самого горизонта, паруса видите?

— И что же? — насторожился Кощей.

— Да ничего. Просто, когда ваш, так сказать, сухогруз пристанет к берегу, и полканы станут переносить орехи к домику волшебной белки, а золото и изумруды — на борт, часть этих кораблей высадит десант, будто бы стараясь захватить остров.

Но даже сам Юшка-каан, который ведет эту армаду, не знает, кто управляет каждым его шагом и к чьей выгоде послужат его действия. Вторая часть кораблей тоже высадит десант, потому как ее

ведет разбойник, который несколько лет готовил ограбление острова, и теперь, когда дело уже на мази, ему кажется, что Юшка попросту хочет увести несметные сокровища у него из-под носа.

Истинный властитель Генерального Майора и каана все рассчитал верно. Сколько бы людей ни привели с собой эти разбойники — в сравнении с вашими силами они не будут представлять серьезной угрозы, и вы не станете обращать внимания на такие мелочи, как пиратская вылазка.

— Верно, — чуть помедлив, задумчиво подтвердил мои выводы Кощей. — С этой эскадрой и сыны мои, без полканов, в два счета управятся, а уж с полканами-то — и подавно!

— Вот как раз это Макрасу, а именно так именуют противостоящее нам чародейское порождение, и нужно! В момент схватки он соскользнет с Юшки, а может, и еще с кого, как тень. И зацепится за кого-нибудь из обитателей острова. Все равно — полканы, Черномора, или за кого-нибудь из ваших сыновей. И можете не сомневаться, в считанные часы он овладеет островом без шума и резни.

— Вот как?! — Мне показалось, что атмосфера вокруг Кощяя начала искриться, и между пальцев взметнулись зародыши рвущихся на волю молний. — Так, стало быть, ни один из этих кораблей не дойдет до берега!

— Нет! — Сохранившая молчание Делли резко шагнула вперед, и выражение на ее жестко очертившемся лице не предвещало ничего хорошего. — Этого не будет!

— Почему же вдруг? — недобро процедил Бессмертный, и его недавнее меланхолическое благодушие, казалось, смыло приливной волной.

— Соглашение между людьми и волшебниками, — едва ли не по слогам отчеканила Делли, — заключено, без малого, пятьсот лет назад. Здесь, на острове, притворяясь трупом, вы могли о нем и не знать. Оно запрещает людям и волшебникам даже пытаться убить друг друга. В случае если вы осмелитесь преступить этот договор — все волшебники и феи этого мира, а с ними и все государи, будут обязаны преследовать вас до уничтожения. И я в их списке буду первой! — Она замолчала, чтоб перевести дыхание, и вновь заговорила уже несколько мягче. — Если вы и впрямь не ведали об этом договоре, я довела его суть до вас при свидетелях. Если же, как я поняла из вашего рассказа, вы воистину устали от жизни, я прошу вас от себя и от всей нашей благородной корпорации — не ищите судьбы бесчестной, не пятнайте ни своего имени, ни имени своих детей!

Кошеч молча смерил взглядом донельзя суровую Делли, сейчас более чем когда-либо похожую на сотрудницу Волшебной Службы Охраны, и устало опустился на мраморный трон.

— Что же вы тогда хотите? — после минутной дуэли испепеляющих взглядов глухо проговорил он.

Признаться, этой минуты я ждал последние несколько дней, без надежды надеясь, что она все-таки настанет.

— Разрешите, я скажу!

Погрузка золота на самоходный морской сейф шла полным ходом. Странного вида существа, именуемые полканами, произведя обмен паролями, сутились у сходней, меняя годовой паек орехов для волшебной белки на драгоценные результаты ее прошлогодних трудов. Сыновья Кошеч стояли на берегу живым частоколом и в обычном своем молчании наблюдали за погружочно-разгрузочными работами. Рядом с их строем красовался «коротышка» Черномор и дорогие, хотя и нежданные, гости в нашем лице и одной клювастой морде.

— Уж не обессудьте! — толковал нам Черномор, разводя руками. — Сами ж должны разуметь — человек я военный, сизмальства к порядку и ранжиру приучен. В нашем деле без того не обойтись. А против вас я никакой злой мысли не имел!

— Да, конечно... — рассеянно кивал я, не спуская глаз с берега. — Сейчас начнется...

И вот началось! Две волны десанта ударили с разных сторон с интервалом в несколько минут. На одних красовались золотистые накидки с голубым хряком, эмблемой других служил раскидистый черный дуб. Обе толпы несусветно орали, то ли пытаясь испугать окружающих, то ли выталкивая криком наружу свой собственный страх. Звон доспехов и свист вращаемых клинков повисли над островом Алатырь, но впервые за всю историю неустрашимых полканов они отступили — отступили, не принимая боя.

— Разомкнуть ряды! — разнесся над берегом грозный рык Понта Эвксинского. — На фланге в две колонны перестроиться!

Едва смолкли четкие слова команды, кошечи в холодном молчании расступились, пропуская вперед то, что до этого мгновения было скрыто за их широкими спинами.

Дальнейшее требовало либо былинных сказов, либо милицейского протокола. Думаю, появление на Куликовом поле засадного полка во главе с Боброком Волынским не вызвало у ордынцев тако-

го шока, как явление перед верноподданными субурбанцами бригад Юшки-каана и Яна Кукуевича надежи-государя со всей его полуодетой свитой.

— Ага, изменщики коварные, попались! — возопил наскоро проинструктированный Барсиад II, возвращенный к жизни хозяином острова.

— Это не король! — истошно завопил Юшка-каан, быстро приходя в себя. — Это чародейство!

— Король-король! — наперебой затараторили радники и урядники.

— Все обман! — еще пуще ярился пленник Макраса.

Может, его бы и поддержал один из королевских урядников, но как раз он-то и продолжал стоять у горной вершины, свысока наблюдая происходящее.

— Я король! — вопил помазанник божий, уязвленный в самое сердце. — У меня и колпак вон королевский! — Он сорвал с макушки расшитый жемчугами вешидок и замахал им в воздухе.

— Эка дребедень! — поворачиваясь к разбойному войску, взревел королевский наушник, обращаясь к своему отряду. — Порешим улюдков — вот и вся недолга!

— Хорошо, не Хведенова рода королек! — под нос себе пробороматал Кощей, наблюдая разгорающийся скандал. Его беломраморный трон красовался тут же, но эпической картины в стиле неведомого ему Шекспира не получалось. В исполнении ожившей элиты и пиратствующей оппозиции судьбоносные политические дебаты больше походили на пьяную драку у пивного ларька. Хмурое лицо Кощея мрачнело, хотя казалось бы, далее и некуда. Должно быть, хотя и не напрямую, он все же числил Субурбанию чем-то вроде отдаленной вотчины.

— Слыши, шеф. — Подурядник левой руки, впервые воочию увидевший столь бурный приступ великодержавной лихорадки, дернул Кощея за рукав мантии. — В натуре, на хрена тебе эти гнилые разборки. Может, их типа обратно? Конкретно в забор?

— Можно. — Бессмертный хозяин острова покосился на летающую поверх боевых порядков Делли и заговорщически кивнул, переходя на шепот: — Сейчас сделаем!

И в тот самый момент, когда пальцы патриарха рода исполинов щелчком обращали в камень неистовствующие толпы захватчиков заодно с королевской камарильей, прозвучал над побережьем ликующий голос феи:

— Мыши!!! — И указательный ее палец тонким лучом высветлил улепетывающую от Юшки малюсенькую полевку. Даже самый тренированный охотник едва ли успел бы отреагировать на этот крик, но для Проглота его было более чем достаточно. Бросок — и в следующий миг он уже летел над морем, унося подальше от берега сжатую в когтях добычу.

— Когда вырастают, — задумчиво произнес Кошечка, глядя вслед Проглоту, — они уже не ловят мышей.

Эпилог

Сказ о грибных местах

Впервые за многовековую историю Хведонова куша, телеги, предназначенные для золота и изумрудов, везли в столный град Елдин не драгоценные сокровища, а каменные изваяния отцов субурбанского народа.

— Ну, что же ты наделал?! — выговаривал я Вадиму. — После драки остались бы сильнейшие. Среди них, глядишь, и новый король сыскался бы! А с этим скульптурным хламом что делать прикажешь? Музей мадам Тюссо открывать?

— А че, прикольно в натуре! — расплылся в добродушной улыбке Вадим, должно быть, ярко вообразив нарисованную картину. — Можно типа и вдоль дороги поставить — тоже не хило выйдет!

Не могу отрицать, мы возвращались из бухты Барахты с богатым уловом. Теперь окаменевшие тела следовало представить для опознания, а дальше шли такие тягомотные процедуры выяснения по понятиям международных отношений, что от одной мысли о них у меня начинали болеть зубы. Но, похоже, кроме меня и отчасти Делли, в нашем кортеже эти заботы не волновали больше никого. Финнэст с Оринкой были заняты друг другом, Вавила Несусветович разглядывал знакомые каменные лица и, качая головой, цокал языком, а Вадим, как ребенок, радовался своей забавной выходке. Судьба уже окончательно осиротевшего престола его, кажется, более не волновала. Слава Богу, мы уговарили Кощея продолжать выплачивать новому королю, когда таковой образуется, Хведонов куш...

— Я знаю! — Тихо говоривший с кудесницей Финнэст вдруг прервался на полуслове и обернулся к нам с Вадимом.

— Че ты, братан, знаешь? — Вопрос Злого Бодуна звучал довольно добродушно. Под хорошее настроение он был готов простить даже удачливого соперника.

— Когда наступит вчера!

— И когда же? — Я внимательно посмотрел на избранника Оринкиного сердца.

— Сегодня.

— Не, ну ты не въехал...

— Ой! Грибок! — не обращая внимания на буквально философскую суть разговора, хлопая в ладоши, закричала Оринка.

— Свет мой, сейчас я принесу его тебе! — забывая о «вчера» и «сегодня», пообещал Финнэст, соскакивая с коня. — Стой, стой!!! Эка нездача — гриб в бега подался! — Он опрометью бросился в лес за маячившей в траве бурой шапкой средних размеров боровика. — Эй, гляньте-ка! — донеслось из леса спустя минуту. — Здесь ключ какой-то и кольцо!

Вадим посмотрел на меня с чувством, которое испытывает ребенок, узнавший под маской Деда Мороза собственного папу:

— Клин! Это типа че? Конкретно не врубился! Вот так, по жизни, нас развели, как последних лохов! Ну, в натуре не может же такая шара этому кренделю от не фиг делать обломиться?! Может, это вообще все старый мошенник Пихто начудил, чтобы внучку свою пристроить?

— Вадик. — Я устало поглядел на Финнэста, возвращающегося из лесу с заветными реликвиями субурбанских королей, на ошарашенное лицо кудесницы и холодные лики нашего зачарованного груза. — Наверное, исполнилось предназначение. Могу тебе сказать только одно: моя, да и твоя миссия в этом мире благополучно завершена.

Содержание

Сыщик для феи	5
Когда наступит вчера	439

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **акт**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

**Свержин Владимир
Сыщик для феи
Когда наступит вчера**

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!
Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-029744-0

9 785170 297443